Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ осударственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ)
въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

(Напечат. въ Правит. Вѣстн. 1916 г. № 226)

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СѢМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невральгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, діабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэсѣ, послѣ родовъ, операцій, кровопотерь и проч.

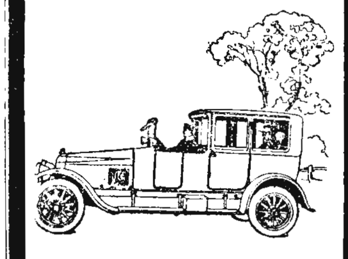
Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается безплатно.

Обширная литература по требованію безплатно.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ **4 руб.** пересылка—40 к., пересылка свыше 2-хъ флакон.—**безплатно.** 2%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. ❋ Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія **Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва,** Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр. **Москва, Калефлюидъ.**

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.



АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАН. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОКСХОЛЪ И ВИДОВЪ — КАКЪ ИХЪ СТРОЯТЪ.

ВОКСХОЛЪ

Петроградъ. Невскій, 21.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ **ЗАИКАНІЕМЪ.**

МОСКВА, Н. Басманная 14.

При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—Лѣчебница функціонируетъ круглый годъ.

„Ораторское Искусство"

(какъ сдѣлаться хорошимъ ораторомъ) съ приложеніемъ: „Какъ излѣчиться отъ застѣнчивости". Цѣна 85 коп., съ перес. 1 руб. Адресъ: Москва, Издательство „Новая Книга", Б. Полянка, 48. Книгопродавцамъ обычная уступка. Наложеннымъ платежомъ не высылается. 4676

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22

Бильдерлингъ, П. А. **БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.** Съ 18 рис. 102 стр. in 8°. Цѣна **40 коп., съ перес. 50 к.**

ХУДОБУ, страшное малокровіе безсиліе и ужасные недуги наборъ **майскихъ желудочныхъ травъ** удаляетъ навсегда. Тысячи благодарн.: 3 года жена моя А. Чижова, Балаханы, еле двигала ноги и въ мѣсяцъ выздоровѣла и пополнѣла. Гольдштейнъ въ Самарѣ, страдая 27 л., майскія травы дали мнѣ жизнен. энергію, полноту и новыя силы. Пишите: МОСКВА, изобрѣт. П. МЕНЗЕЛИНЦЕВУ, Мясницкая, 50. Ц. 1 короб. 5 р. 75 к., 2 кор. 10 р. 75 к., 3 кор. 15 р. 75 к. 8-8

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569 5-5

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ Коссодо. Дерибасовская, д. № 19.

Изучайте заочно **стенографію** изв. упрощ. сист. **Животовскаго.** При своб. сл. необх. всяк. пишущ. Подгот. стеногр. въ Учр. Собр. Проспекты высыл. безпл. Петроградъ, Шувалово, 22.

ГРАЖДАНИНУ НЕОБХОДИМО:

Англійская вѣчная ручка (настоящее золотое перо)

„The Fountain Pen"

съ чернилами, всегда готовое писать, цѣна Руб. **6.50** штука.

Немедленная отправка со склада по почтѣ, наложенн. платежомъ черезъ Англійскую контору. 4-3

Дугласъ Слусъ,

Петроградъ, Лиговская, № 44.

ЖЕТОНЫ въ знакъ свободы Россіи, бронзовые золоченые выс. нал. плат. не менѣе 100 шт. за 50 р. при задаткѣ 20%. Образецъ выс. по пол. 1 р. Треб. заблаговр. Пгр., Коломенская ул., 22. Е. П. Киселеву.

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА

сохраняйте и возстановляйте пластическимъ массажемъ, изучить Вы можете **ЗАОЧНО**, посредствомъ лекцій. Проспекты и подробныя свѣдѣнія высылаются за десятикопеечную марку. Москва, Петровскій бульваръ, № 9, **Маріи Николаевнѣ ДУРАСОВИЧЪ.** (з)

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

4460

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, преждевремен. **безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за **четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".**

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

4477 18-7

ШАХМАТЫ

под редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Всѣ задачи и этюдъ этого нумера — оригинальныя, печатаются впервые.

Этюдъ № 7.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр h6, С b6, e2, П f6.

Черные: Кр e6, Л a3, П e7, f7.

Выигрышъ

Задача № 26.

А. И. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр e8, Ф b5, С a3, К g3, П b3, d5, e7, g2, h4.

Черные: Кр e5, С h3, К a1, П b6, d2, d7, e3, g4, g6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 27.

Б. П. Палецкій (Херсонъ).

Бѣлые: Кр f1, Ф h7, Л b3, c5, С a7, e2, К c3, e5.

Черные: Кр e3, Л d8, С a4, d4, К a3, b4, П f4, g4.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 28.

Б. Г. Менцель (д. армія).

Бѣлые: Кр f8, С c2, К d3, f7, П f2, h3.

Черные: Кр f5, П d4, d5, f3, f6.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 29.

Н. Н. Карцовъ (Одесса).

Бѣлые: Кр h1, Ф g6, Л d2, С f2, g4.

Черные: Кр a1, Ф g8, С h4, П e3, f3, g7, h3.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 30. А. И. Кулічихинъ (Моршанскъ). ♔ g7 ♕ c8 ♘ d2, h3 ♙ f6, h4 ♚ e5 ♜ c1, c4 ♝ b8 ♟ b4, c2, c7, d3, d4, f5, g3.—Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

№ 1. М. Н. Башкатовъ. 1. Л f3 — f5.

№ 2. Н. Н. Карцовъ. 1. С c5—d4. Авторское рѣшеніе 1. Ф h8—b2 не рѣшаетъ при отступленіи С d3.

№ 3. А. И. Куличихинъ. 1. c2—c3, c4; 2. К e3; 1. . . . Кр : e5; 2. Ф c7+; 1. . . . Л, П : e5; 2. Ф e7+; 1. . . . ∾; 2. Л : e6+.

Второе рѣшеніе въ 2 хода: 2. Ф f7 — e7+.

№ 4. J. Scheel. 1. К e3 — d5, bc; 2. Ф h4+; 1. . . . Л : b5; 2. Ф e3+; 1. . . . dc; 2. Ф c3+; 1. . . . h4; 2. Ф g4+; 1. . . . С d6; 2. Ф : d3+.

№ 5. A. I. Fink. 1. К e4 — g3.

№ 6. Dr. E. Palkoska. 1. Ф b5—d3, Л 8e6; 2. Ф d5; 1. . . . Л 8e5; 2. К : e5; 1. Л 8e7; 2. К : e7+; 1. . . . К ∾ или b5; 2. Ф g3.

№ 7. G. Heathcote (съ ♟ на h7). 1. С a8—d5, ed; 2. Ф d7; 1. . . . ed; 2. К e1; 1. . . . С f2; 2. К 3 : f2+; 1. . . . Кр f6 или h6; 2. К e1; 1. . . . ∾; 2. С : e6+.

№ 8. P. G. L. F. 1. К b2 — d3, a5; 2. Ф e3; 1. . . . Кр e6; 2. Ф g5; 1. . . . К : d6; 2. К f4+; 1. . . . К ∾ или Кр e4; 2. К c5; 1. . . . К h2∾; 2. Ф f3+; 1. . . . cd; 2. С a2+.

№ 9. T. E. Vokes 1. К e6—c5, Кр d4; 2. К d7; 1. . . . Кр d6; 2. Л d7+; 1. . . . К f4; 2. gf+; 1. . . . К f2 ∾; 2. Ф e4+; 1. . . . ∾; 2. Ф f6+.

№ 10. I. Möller. 1. Ф h2 — b2, a1 К; 2. Ф : e5; 1. . . . С : b5; 2. К : e5+; 1. . . . ∾; 2. Ф : b3 (+).

№ 15. E. Holm. 1. f6 — f7, Л : f7 (b1 Ф+; 2. Кр : b1, Л : b6+; 3. Кр c2. Л f6; 4. f8 Ф+); 2. С e7, Л h7 (Л : e7 или Л g7; 3. К f5+); 3. b7, Л h8; 4. К f5+, Кр h5 (Кр g6; 5. С f8, Л : f8; 6. К e7+ и 7. К c8); 5. С d6 и выигрыв.

№ 1. К. А. Л. Куббель. 1. С d6 — e7+, Кр f5; 2. g4+, Кр e5; 3. С b4, Ф d8; 4. С e1, Кр d6 (Ф f8; 5. С c3+, Кр d6; 6. С b4+; 4. . . . Ф g5; 5. f4+); 5. С g3+, Кр e7 (Кр c5; 6. b4+); 6. С h4+ и выигрыв.

№ 2. К. А. Л. Куббель. 1. К d3 — f2+, Кр f5 (Кр h5; 2. К e4); 2. e4+, Кр e5; 3. К g4+, Кр d4; 4. С e3+, Кр d3 (Кр : e4; 5. К f6+, Кр : e3; 6. К : d7, Кр f4; 7. b4; 8. b5, затѣмъ К b8—c6 : a7 и выигрыв.); 5. С c5 и выигрыв.

Правильныя рѣшенія прислали: Д. Гойхманъ (Могильна) — №№ 1—5; А. И. Алексѣевъ (Сорочинское) — №№ 2, 3 (оба), 6; Д. Перельмитеръ (Летичевъ) — №№ 1, 2, 5; Б. С. Шехтеръ (Одесса) — №№ 1—3 (оба), 5, 6, 8, 2; З. Ш. Гринштейнъ (Турбовъ) — №№ 1, 2; Н. Кусковъ (Красноярскъ)—№№ 1—4; З. Вуль (Проскуровъ)—№ 2; Н. Барсовъ (Покровъ) — №№ 1—5, 1; Ѳ. З. Пѣтуховъ (Воткинскій заводъ) — №№ 1—5, 6, 9, 10, 1, 15; В. Бергманъ (Михайловское) — №№ 1, 2, 5; П. Ѳ. Поповъ (Новочеркасскъ)— №№ 1—3; В. П. Горскинъ (Кіевъ)— №№ 2, 3; К. А. Фельдманъ (Екатеринославъ)—№№ 1—5; А. Еромовъ (Москва)—№№ 1—4; Д. Френкинъ (Харьковъ)—№№ 1—3, 5, 6; Я. Безпалько (Маріуполь) — №№ 1—3 (оба), 4; Б. Г. Менцель (д. армія) — №№ 1—5, 8, 9, 1, 2; А. И. Эйкстремъ (Залисмюнде)— №№ 1—3 (оба), 5—10; Фельдшера перед. отр. 25 пѣх. див. (д. армія)— №№ 1—4, 5; С. И. Кусковъ (Канавино)—№№ 1—3, 5; В. И. Чунчинъ (Витебскъ)—№№ 1—5; А. А. Старковъ (Ярославль)—№№ 1—3, 5; Г. Г. Мѣщаниновъ (Лебединъ)— №№ 1, 2; Н. А. Э. (д. армія) — № 5; Б. А. Пакидовъ (Ярославль)— №№ 1—3, 5; Б. А. Ково (Витебскъ) — №№ 1, 3; А. Гиршфельдтъ (Юрьевъ) — №№ 1—5; Н. А. Зиновьевъ (Кронштадтъ)— №№ 1—3, 5, 6, 2; А. Гринкойтъ (Рашковъ) — №№ 1—5; Н. Л. Фишеръ и И. Сипитинеръ (Голта)— №№ 1—4, 6, 8; З. В. Суетинова (Тверь) — №№ 1—5; А. Вязниковецъ (Москва)—№№ 1—3; А. Кинесъ (Петроградъ) — №№ 1, 2; Н. И. Вагановъ (Тверь) — №№ 2—6, 8; О. А. Демина (Москва) — №№ 1, 2; А. Фельдманъ (Петроградъ)—№№ 1—4, 6, 8, 10, 2; Н. Н. Марковъ (Рыбинскъ)— №№ 1—3, 5; В. Равинскій (Петроградъ) — №№ 1—3, 5; Г. Винбергъ (Петроградъ) — №№ 1—5; Г. Корнблатъ (Тульчинъ)—№№ 1, 2; С. Вольфсонъ (Коропъ)—№№ 1, 2; Г. А. Британчукъ (Чудновъ) — №№ 1—3; И. Л. Липко (Плет. Ташлыкъ)—№№ 1—3; Д. І. Лурье (Кавк. д. армія) — №№ 1—6; Дорофановъ (Москва) — №№ 1, 2 (оба); А. Нахабинъ (Тростянецъ)— №№ 1—3, 5, 6; А. Г. Летбергъ (Петроградъ)—№№ 1—3, 5; А. П. Бурцевъ (Богородицкъ)—№№ 1—3, 5; З. Браиловскій (Баръ)—№№ 2, 3; Б. Э. Гальперинъ (Городница) — №№ 1—5; Л. А. Штернбергъ (Красиловъ)—№№ 1—6, 8; М. Невзнеръ (д. армія) — №№ 1—3, 5; А. Дыськинъ (Лубны) — № 2; Ю. Звѣревъ (д. армія)—№№ 1—3, 5, 1; Б. М. Бѣляцкій (д. армія)— №№ 1—3; В. А. Вдовинъ (Пермь)— №№ 1—10, 1, 2; А. А. Зайцевъ (Смѣла) — №№ 1—5; Нисенбаумъ (Бобруйскъ) — №№ 6—10; В. И. Шанскій (Иванковцы)—№№ 6—10, 2; П. И. Глоуберманъ (Столинъ)— №№ 1—3, 5, 6, 8, 9, 2; П. С. Колодный (Бѣлая Церковь) — №№ 1, 2; Г. Ройхель (Одесса) — №№ 1—5, 1, 2; З. Ш. Гринштейнъ (Турбовъ)—№ 3; М. Згера (Елисаветградъ) — №№ 1, 2; М. М. Марьясикъ (Воронежъ) — №№ 1, 2, 5; Е. Рихтеръ (Харьковъ)—№№ 1—5, 1; В. Г. (Москва)—№ 15; А. Толчинскій (Москва) — №№ 1—3, 6; А. и Т. Полякъ (Воронежъ) — №№ 1—6, 8—10, 2; Эристовъ (Озургеты) — №№ 1—3 (оба), 4, 5, 1; Н. В. Ярославскій (д. армія) — №№ 1, 3; А. Р. Шапиро (Царицынъ) — №№ 1—3; М. Бревина (Екатеринославъ) — №№ 1, 2, 5; Лысогорскій (Ростовъ) — №№ 6, 10; Ѳ. Левинъ (Петроградъ)—№№ 1, 3—6, 8—10, 1, 2; Л. Ф. Дубенкинъ (д. армія) — №№ 1, 2, 5; Г. А. Нога (Чечуйскъ)—№№ 1—3; А. М. Чинаевъ (Пермь) — №№ 1 — 6, 8 — 10, 2; А. Филаретовъ (Пушкино)—№№ 6, 8, 2; Н. Нумеровъ (Гжатскъ) — №№ 1 — 3, 5; А. П. Архангельская (Тифлисъ)—№ 1; П. А. Болмосовъ (Никольскъ) — №№ 1 — 8; С. И. Рѣзниковъ (Ходорковъ) — №№ 1, 2.

ШАШКИ

под редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 13.

С. и Б. Левманыхъ (въ Витебскѣ). Посвящ. В. И. Шошину.

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 14.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 15.

М. И. Билецкаго (ст. Милорадовка).

Черныя.

Бѣлыя

Запереть дамку и прост.

Задача № 16.

Я. Г. Тихонова (пос. Реутово).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и прост.

Задача № 17.

П. Я. Березнеговскаго (въ Тоймѣ).

Двойная—въ крѣпкія и поддавки

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

ПАРТІЯ № 7.

Играна въ 18-мъ турнирѣ по переспискѣ съ 28-го мая 1913 г. по 24-е мая 1914 г.

Ѳ. А. Королевъ (Стерлитамакъ). — В. Н. Руссо (Петроградъ).

	Бѣлыя.	Черныя.
1.	c3 — d4	f6 — g5
2.	g3 — f4	d6 — c5
3.	b2 — c3	g7 — f6
4.	c1 — b2	h8 — g7
5.	c3 — b4	g5 — h4
6.	b4 : d6	e7 : c5
7.	d2 — c3	f6 — e5
8.	c3 — b4	g7 - f6
9.	b4 : d6	c7 : c3
10.	b2 : d4	b6 — c5
11.	d4 : b6	a7 : c5
12.	a1 — b2	f8 — e7
13.	b2 — c3	e7 — d6
14.	h2 — g3	f6 — e5
15.	e3 — d4	c5 : e3
16.	f2 : f6	g5 : e3
17.	e1 — f2	

Если 17. . . . a3—b4, h4 : f2; 18. e1 : g3, то d8 — c7; 19. b4 — a5, d6 — c5; 20. c3 — d4 (если 20. . . . g3 — h4, то c7 — b6; 21. a5 : c7, b8 : d6 и если 22. h4 — g5, h6 : f4; 23. f6 — g7, то f4 — g3, затѣмъ 24. . . . g3 — h2 и ничья), c7—b6; 21. a5 : c7 (если 21. d4 : f2, то c5 — d4; 22. a5 : c7, b8 : d6 и ничья), b8 : d6; 22. d4 : b6, e3 — d2; 23. b6 — a7 (если иначе, то 23. . . . d2 — c1, затѣмъ 24. . . . c1 — b2 и ничья), d2 — c1; 24. g3 — h4 или g1 — f2, e1 — c3 и ничья.

17.	. . .	d6 — e5

Этотъ ходъ могъ повести къ проигрышу партіи. Слѣдовало играть 17. . . . h6—g5; 18. f2 : d4, g5 : e7 и если 19. g3 — h4, то e7 — f6; 20. c3 — b4 или g1 — f2 (если 20. f4 — g5, то d6 — e5; 21. g5 : e7, d8 : f6 и ничья), d6 — e5; 21. f4 : d6, d8 — c7 и игра свелась бы къ ничьей.

18.	f6 : d4	e3 : c5
19.	g3 — f4	b8 — c7

Если 19. . . . d8 — e7 или c7, то 20. c3 — b4, e7 — f6 (если 20. . . . e7 — d6, то 21. b4 — a5 и выигрыв.; если 20. . . . c5 — d4, то 21. f2 — g3; 22. g1 : c5 и выигр.); 21. b4—d6, f6 — e5; 22. f2 — e3, e5 : c7 (если 22. . . . e5 : g3, то 23. g1—h2 и выигр.); 23. e3—d4 и выигр.

20.	f4 — e5	c5 — d4

Если иначе, то 20. c3 — b4 и выигр.

21.	e5 — f6	d4 : b2
22.	a3 : c1	c7 — d6
23.	f2 — g3	h4 : f2
24.	g1 : e3	d8 — c7
25.	e3 — f4	c7 — b6
26.	c1 — b2	b6 — a5
27.	b2 — a3	d6 — c5
28.	f6 — e7	h6 — g5

Если 28. . . . c5 — d4, то 29. e7 — d8, d4 — c3; 30. d8 — f6 и выигр.

29.	f4 — h6	c5 — d4
30.	e7 — d8	d4 — e3
31.	d8 — h4	e3 — d2
32.	h4 — e1	d2 — c1
33.	h6 — g7	c1 — e3
34.	g7 — h8	e3 — g1
35.	h8 — a1	

Послѣ этого хода партія сводится къ одной изъ позицій М. К. Гоняева (⛁ a1, e1 ⛀ a3 ⛃ g1 ⛂ a5.—Выигрышъ), помѣщ. въ № 5 „Шахматн. Вѣстника“ за 1885 г. Въ рѣшеніи этой позиціи однако есть неточности, а именно послѣ ходовъ 1. e1 — d2, g1 — a7; 2. d2 — c3, a7 — b8; 3. c3 — d4, b8 — a7; 4. d4 — g1, a7 — b8; 5. g1 — a7, b8 — h2; 6. a7 — c5, h2 — b8; 7. a1 — d4, b8 — c7; 8. d4 — c3, c7 — b8; 9. c5 — a7, b8 — d6; 10. a7 — b8, d6 — e7;

11. b8 — e5, e7 — c5 — черныя, занявъ двойникъ, вынуждаютъ бѣлыхъ начать рѣшеніе сначала.

Какъ указалъ А. Н. Пель (Петроградъ), бѣлыя выигрываютъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: 35. h8 — a1, g1 — a7; 36. e1 — c3, a7 — b8 (если 36. . . . a7 — g1, то 37. a3 — b4, g1 — h2 [иначе 38. b4—c5 или c3—b2]; 38. b4—c5 и т. д.); 37. c3—d4, b8—a7 (если 37. . . . b8—c7, то 38. d4—f2, c7 — d8 [если 38. . . . c7 — h2, то 39. f2 — e3 и какъ въ гл. вар. послѣ 40 хода]; 39. a1 : e5, d8—g5; 40. f2—g1 и какъ въ гл. вар. послѣ 46 хода; если 37. . . . b8 — h2, то 38. d4 — e3 и какъ въ гл. вар. послѣ 40 хода; если 37. . . . b8—f4, то 38. d4—g1, f4 — b8; 39. g1 — a7, b8 — h2; 40. a7 — e3 и какъ въ главн. вар.); 38. d4 — g1, a7 — b8; 39. g1 — a7, b8 — h2; 40. a7 — e3, h2 — b8 (если 40. . . . h2 — g1, то 41. a1—d4, g1—h2; 42. e3—g1 и какъ въ гл. вар. послѣ 41 хода): 41. c3 — g1, b8 — h2; 42. a1 — d4. h2 — f4 (если 42. . . . h2 — c7, то 43. g1—h2, c7—d8; 44. h2—e5, d8 — g5; 45. d4 — g1, g5 — c1; 46. e5 — c3 и т. д.); 43. g1 — h2. f4 — h6 (если 43. . . . f4—c1, то 44. h2—e5, c1—g5; 45. d4—g1, g5 — c1; 46. e5 — c3 и т. д; если 43. . . . f4—5g, то 44. h2—e5, g5 — d8; 45. d4 — e3, d8 — h4: 46. e3—f2; 47. e5—c3 и выигр.): 44. h2 — e5, h6 — c1; 45. d4 — f2, c1 — g5; 46. f2 — g1, g5 — c1; 47. e5 — c3, c1 — f4; 48. g1 — e3; 49. a3 : c5 и выигрываютъ.

35.	. . .	g1 — a7
36.	e1 — c3	a7 — b8
37.	c3 — d4	b8 — h2
38.	a1 — c3	h2 — d6
39.	d4 — g7	d6 — f8
40.	g7 — h6	f8 — e7
41.	h6 — f8	

Просмотръ. Слѣдовало играть 41. h6 — e3 и бѣл. выигр. (См. прим. къ 35 ходу бѣлыхъ).

41.	. . .	a5 — b4!
42.	f8 : b4	

Если 42. a3 : c5, то e7 : e1, а если 42. c3 : a5, то e7 — f6 и ничья.

43.	. . .	b4 : d2

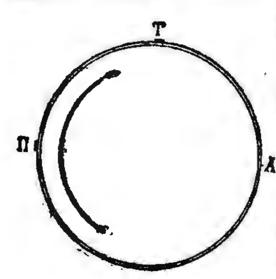
Ничья.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Рѣшеніе математической задачи № 7 (помѣщенной въ № 6 „Нивы" за тек. г.).

Обозначимъ черезъ C длину всей окружной дороги, черезъ T — время, въ которое пассажирскій



поѣздъ проходитъ полную окружность, а черезъ t — время (въ тѣхъ же единицахъ, какъ и T), черезъ которое должень произойти первый обгонъ товарнаго поѣзда пассажирскимъ. Согласно условію задачи время, въ которое товарный поѣздъ проходитъ полную окружность, должно выразиться черезъ $2T$, скорость пассажирскаго поѣзда — черезъ $\frac{C}{T}$, а скорость товарнаго — черезъ $\frac{C}{2T}$. До перваго обгона пассажирскій поѣздъ долженъ пройти $^3/_4\,C$ (разстояніе по направленію стрѣлки отъ пассажирской станціи до товарной) и затѣмъ разстояніе, которое товарный поѣздъ успѣетъ пройти въ t; т.-е. $\frac{Ct}{2T}$. Такимъ образомъ пассажирскій поѣздъ до перваго обгона товарнаго долженъ пройти разстояніе $^3/_4\,C+\frac{Ct}{2T}$. Зная, что скорость пассажирскаго поѣзда равна $\frac{C}{T}$, найдемъ, что $t = 1^1/_2\,T$. Это значитъ, что первый обгонъ произойдетъ въ тотъ моментъ, когда пассажирскій поѣздъ сдѣлаетъ путь, равный $1^1/_2\,C$, т.-е. достигнетъ противоположнаго конца діаметра, на которомъ находится пассажирская станція.

До второго обгона пассажирскому поѣзду необходимо пройти полную окружность и, сверхъ того, то разстояніе, которое товарный поѣздъ пройдетъ за время между первымъ и вторымъ обгонами. Обозначивъ это время черезъ t_1, имѣемъ

$$\frac{C+\frac{Ct_1}{2T}}{\frac{C}{T}} = t_1,$$

откуда $t_1 = 2T$. Изъ этого заключаемъ, что второй обгонъ произойдетъ послѣ того, какъ пассажирскій поѣздъ пройдетъ разстояніе $2C$, считая отъ пункта перваго обгона, т.-е. второй обгонъ, а также и послѣдующіе произойдутъ въ томъ же пунктѣ, гдѣ и первый, и будутъ повторяться черезъ промежутокъ времени въ $2T$. Путь въ двѣ колеи долженъ быть устроенъ въ пунктѣ A.

Рѣшеніе задачи буквъ № 8

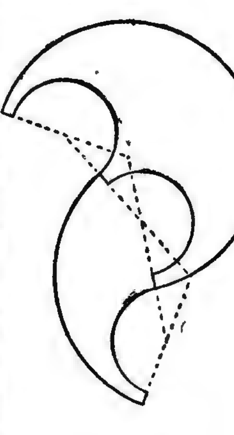
(помѣщенной тамъ же).

К	А	Н	И	Ф	О	Л	Ь
У	Н	А	М	А	К	И	К
Щ	И	Т	Ъ	С	А	Н	А
Ь	Л	И	Н	А	З	У	Л
Р	Ъ	К	Е	В	А	Т	У
И	П	А	Р	Ъ	Н	А	Г
Б	И	Т	О	Н	Ъ	Т	А
И	С	Ъ	С	И	Р	О	Б

Разстановка буквъ показана на прилагаемомъ чертежѣ; изъ этихъ буквъ, при чтеніи ихъ въ направленіи ломаной линіи (см. № 6 журнала) получаются слѣдующія слова: 1) ибисъ, 2) тапиръ, 3) керосинъ, 4) ваниль, 5) щитъ, 6) сазанъ, 7) рота, 8) туника, 9) Ману, 10) канифоль, 11) Калуга, 12) Борисъ, 13) Сибирь, 14) щука, 15) Нилъ, 16) питонъ, 17) тагань, 18) ракита, 19) Нимъ, 20) Нева, 21) Тулуза, 22) Сафо, 23) Кана и 24) киль.

Рѣшеніе головоломки № 9

(помѣщенной тамъ же)



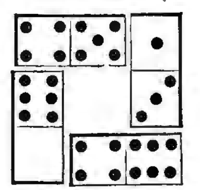
Верхняя часть фигуры рѣжется всего на двѣ части, какъ показано на рисункѣ; кругъ составляется такимъ образомъ всего изъ трехъ частей.

Геометрическая задача № 20.

А. Н. Сергѣева.

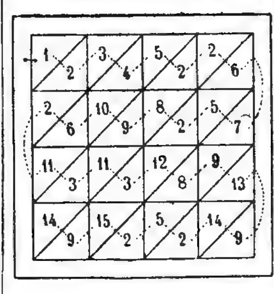
Предлагается отъ даннаго квадрата отрѣзать два подобныхъ между собою прямоугольника такъ, чтобы оставшаяся часть представляла собою также квадратъ. Какъ это сдѣлать и доказать?

Задача № 21.



Изображенный на рисункѣ квадратъ сложенъ изъ четырехъ камней домино; въ этомъ квадратѣ суммы очковъ на поляхъ камней по четыремъ направленіямъ (двумъ горизонтальнымъ и двумъ вертикальнымъ) одинаковы $(4+5+1=1+3+6=6+4+0=0+6+4)$. Предлагается изъ всѣхъ 28 камней домино построить 7 квадратовъ, обладающихъ указаннымъ свойствомъ. Какъ это сдѣлать?

Задача буквъ № 22.

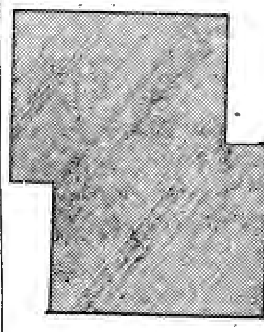


Предлагается замѣнить числа въ треугольникахъ данной фигуры (квадрата) буквами, проставляя вмѣсто одинаковыхъ чиселъ одинаковыя буквы, такъ, чтобы при чтеніи этихъ буквъ въ направленіи пунктирной линіи получились слова (буква ъ въ нихъ отброшена) со слѣдующими значеніями: 1) **титулъ**, 2) **рѣка въ Курляндіи**, 3) **рѣка во Франціи**, 4) **матеріалъ для скульптурныхъ работъ**, 5) **земельная мѣра**, 6) **геометрическія фигуры**, 7) **время года** и 8) **рыба**. Если затѣмъ разрѣзать фигуру на 16 равныхъ квадратовъ и расположить послѣдніе въ одну линію, то изъ буквъ должна составиться пословица.

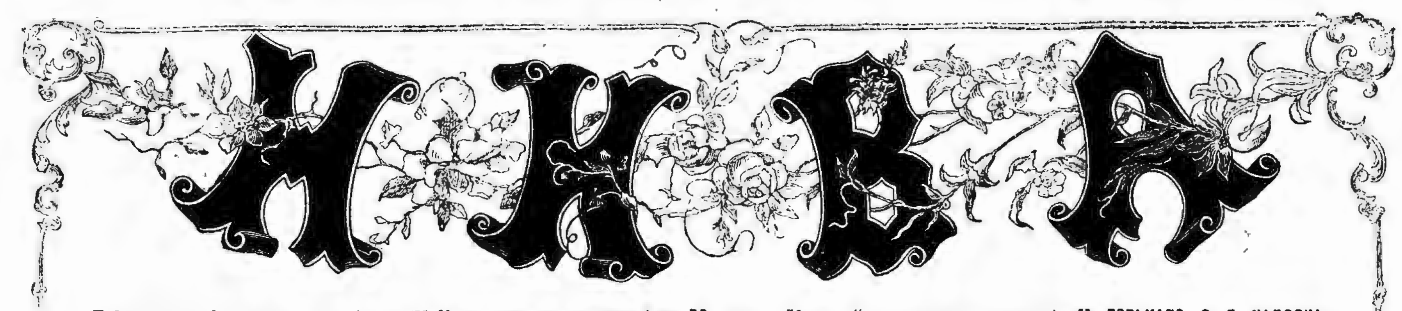
Указать, какія это восемь словъ и что это за пословица.

Головоломка № 23.

Ѳ. В. Кутузова (въ Пензѣ).



Данная фигура составлена изъ 36 равныхъ квадратовъ. Предлагается раздѣлить ее на возможно меньшее число частей и составить изъ отрѣзковъ равновеликій этой фигурѣ квадратъ. Какъ это сдѣлать?



№ 27. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложенiемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненiя **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенiя **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 8 iюля 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

... „Умремъ за свободу и революцiю! Пойдемъ добывать миръ для народовъ!"...
(Рѣчь А. Ф. Керенскаго къ войскамъ 18-го iюня).

И. Владимiровъ.

Въ подворьѣ.

Разсказъ Л. Знойко.

I.

— Отецъ Кирикъ, отецъ Кирикъ, нельзя ли меня въ другой номерокъ перевести?

— Батюшка, мнѣ бы вѣшалочку!

— Отче, нѣтъ ли мнѣ письмецa?

— Братъ Кирикъ, кровать, кровать перемѣнить обѣщали.

— А мнѣ, отче, разсчитаться пора.

— Хараше, хараше, можьно.

Длинный коридоръ, съ высокими бѣлыми стѣнами. Готическое окно въ концѣ коридора—единственный источникъ свѣта, и когда о. Кирикъ заслоняетъ его своей колеблющейся худощавой фигурой, кажется, что эта фигура прячетъ въ черныхъ полахъ и рукавахъ своей рясы этотъ скудный тоскующій свѣтъ.

Тогда и двери по обѣ стороны коридора теряются въ сумеречномъ свѣтѣ. Почти поражаетъ неожиданностью, когда одна изъ дверей откроется и оттуда вырвется слабый вздохъ дня, вмѣстѣ съ движеніемъ человѣческой фигуры, съ звукомъ голоса, гулко отзывающагося въ каменныхъ стѣнахъ.

Въ этомъ слабомъ свѣтѣ дня щуплая, легкая фигура о. Кирика опредѣлится на одно мгновеніе, блеснетъ рѣдкая рыженькая бородка и сухощавый профиль съ тонкимъ носомъ, впалой щекой.

Онъ проносится быстро по коридору, не останавливаясь на эти окрики, которые также какъ будто теряются подъ его полами... И пришепетывающій голосокъ покрываетъ и успокаиваетъ ихъ:

— Хараше, хараше, можьно.

— Наташа, слышишь, гостиникъ идетъ

— Выдумала.

— Нѣтъ, честное слово.

Обѣ курсистки прислушиваются. Зина, съ полотенцемъ въ рукахъ, пріотворяетъ дверь и по звуку шлепающихъ туфель угадываетъ монаха.

Сосѣдка, дама съ зализанными волосами, скрученными на затылкѣ въ жалкій узелокъ, сухими узловатыми пальцами удерживаетъ гостиника за рясу.

— Братъ Кирикъ, мнѣ масла въ лампадочку пожалуйте!

Зина мигаетъ подругѣ, и обѣ стремительно вылетаютъ за дверь.

— Батюшка, намъ свѣчекъ пожалуйте, намъ вѣдь надо заниматься.

Ряска выскользнула изъ сухихъ пальцевъ, и фигура монаха промелькнула мимо, кивая, съ блѣдной безхарактерной улыбкой на тонкихъ синеватыхъ губахъ.

— Батюшка, свѣчей! Какъ же мы будемъ введеніе въ философію учить!

— Хараше, хараше...—доносится замирающій голосъ.

— Видишь, Наташа, все ты. Копается и копается. Вотъ и не захватили его во-время.

— Ну, чего тамъ. Вѣдь онъ сказалъ—хараше,—передразнила монаха Наташа,—все равно онъ отъ насъ не уйдетъ. Скорѣе посылай Лодика за кипяткомъ, мы и такъ на лекцію опоздали. Лодикъ, сколько времени?

— Одна стрѣлка на восьми, другая на семи,—доносится дѣтскій голосокъ.

— Какая на какомъ?

Лодикъ, семилѣтній мальчикъ, обстриженный сестрою такъ, точно она старалась изобразить у него на головѣ географическую карту, съ лицомъ до такой степени покрытымъ веснушками, что онѣ напоминаютъ модную вуаль, останавливается съ эмалированнымъ чайникомъ и показываетъ мизинецъ и указательный палецъ.

— Маленькая на восьми, большая на семи.—И, выливая на ходу послѣднія оставшіяся тамъ капельки воды, припрыгивая, мчится по коридору.

Когда обѣ курсистки говорятъ сокурсницамъ свой адресъ:— Страннопріимный дворъ Аѳонскаго подворья,—тѣ смѣются, недоумѣваютъ, и сначала думали, что это мистификація.

А между тѣмъ обѣ подруги прочно утвердились здѣсь вмѣстѣ съ братикомъ Наташи, пріѣхавшимъ съ ней изъ деревни, гдѣ ея мать, вдова-помѣщица, не могла сладить съ ребенкомъ, такъ какъ, по ея словамъ, заниматься съ собственнымъ сыномъ можно только тогда, когда его не любишь, а гувернантку брать средствъ нѣтъ.

Пріѣхавъ въ городъ, онѣ не нашли ничего подходящаго—все было занято-перезанято. Кто-то посовѣтовалъ въ мужской монастырь.

Курсисткамъ это показалось дико и смѣшно, но именно потому онѣ моментально бросились въ мужской монастырь.

Гостиникъ посмотрѣлъ на ихъ молодыя, оживленныя лица, покачалъ головой и развелъ руками.

— Позвать на совѣтъ брата Іоакима, что ли?—нерѣшительно прошепелявилъ онъ.

— Непремѣнно брата Іоакима!—рѣшительно подхватили курсистки.

Братъ Іоакимъ, строгій монахъ, проживш десять лѣтъ на Аѳонѣ, куда не только женщины не допускаются, но даже курицы не увидишь, при видѣ дѣвушекъ смѣшался еще болѣе о. Кирика и, еле поднявъ на нихъ взглядъ, испуганно опустилъ рѣсницы на синеватыя впадины глазъ.

Въ подворьѣ, правда, жили дамы, но то были особы солидныя, богомольныя, съ постными, точно выпеченными изъ плохого тѣста лицами.

— Искушеніе,—пробормоталъ онъ,—искушеніе.

Курсистки взмолились:

— Батюшка, куда же намъ дѣваться? Мы совсѣмъ пропадемъ въ чужомъ городѣ.

Зина, какъ наиболѣе рѣшительная, не остановилась на этомъ и, неискусно поддѣлываясь подъ монашескій тонъ, съ укоромъ выговорила:

— На васъ падетъ грѣхъ, если дадите погибнуть христіанскимъ душамъ. А эта младенческая душа чего стоитъ!—сбилась она нѣсколько съ тона, указывая на Лодика.

— А кто онъ вамъ будетъ?—нерѣшительно спросилъ о. Іоакимъ.

— Какъ кто? Да братъ же мой, прости Господи!

Это послѣднее сообщеніе, очевидно, поколебало монаха, хотя имя Господа было помянуто, очевидно, всуе.

Монахи исподлобья переглянулись, съ опущенными головами.

— Ну, что жъ, не гонимъ. Никого не гонимъ,—пробормоталъ о. Іоакимъ, уже до самаго конца переговоровъ не поднимая своего длиннаго изможденнаго лица съ сухими чертами.—Оставайтесь... Братъ Кирикъ, отвести имъ номерокъ! Чай—сахаръ полагается. По благословенію обители трапеза три раза въ день. Только вѣдь у насъ все больше постное.

— Тѣмъ лучше, мы и то собирались быть вегетаріанками.

— Хараше, хараше,—отвѣтилъ уже о. Кирикъ, такъ какъ второй монахъ, незамѣтно отдѣляясь, безъ всякаго знака и привѣта, уже тушевался въ полусумракѣ коридора своей мягкой черной рясой, прямыя складки которой казались особенно строгими при высокомъ черномъ клобукѣ съ ниспадающимъ крепомъ.

Когда курсистки очутились въ небольшомъ неуютномъ номерѣ, онѣ взглянули другъ на друга и разразились молодымъ, веселымъ, звонкимъ смѣхомъ. Едва онѣ уставали смѣяться, достаточно было взглянуть другъ на друга, какъ смѣхъ снова взрывался неудержимо и буйно.

Лодикъ стоялъ, засунувъ палецъ въ ротъ, неодобрительно глядя то на одну, то на другую.

— Смѣются, какъ сороки, — серьезно произнесъ онъ наконецъ.

— Я тебѣ дамъ—сороки!—прикрикнула на него сестра. — Не мусоль палецъ! Вотъ ужо я займусь твоимъ воспитаніемъ!

Смѣхъ постепенно погасъ. Обѣ стали озираться. Голыя стѣны. Голыя окна. Три кровати. Монастырское бѣлье на постеляхъ, сѣрое, непривѣтливое.

— И я буду на такой большой постели спать? — съ испугомъ спросилъ Лодикъ.

— Скорѣе вырастешь. Зареви, зареви еще,—несчастье оттого, что постель большая.

Курсистки поспѣшили перевезти свои вещи съ вокзала, гдѣ ихъ корзины уже три дня лежали на храненіи, и произвели въ комнатѣ, какъ онѣ выражались, реформу: перемѣнили наволочки на подушкахъ, тугихъ и тяжелыхъ, какъ кули съ пескомъ.

У кровати повѣсили по коврику. Зина—тканный, Наташа—вышитый гарусомъ.

— Лодикъ, не тыкайся подъ ногами, налей лучше воды въ вазочку. Я вотъ займусь твоимъ воспитаніемъ.

— Песталоцца, уймись!

— Фребельша, не возражай!

Въ вазочкѣ очутились три пышныя бѣлыя хризантемы. Зина покрывала домашней скатертью столъ. Прежде чѣмъ постелить, она встряхнула ее.

— Это я монастырскій духъ прогоняю, а то ужъ очень здѣсь все постное.

Зина всегда поражала Наташу своими неожиданными сравненіями.

— А этой иконы такъ я прямо побаиваюсь — ой, какъ строга!

Большая старая икона Касперовской Божьей Матери въ закопченной ризѣ, съ изображеніемъ виноградной лозы висѣла въ углу.

Курсистки достали маленькіе образки и прикрѣпили ихъ у своихъ кроватей.

У Зины образокъ былъ на пунцовой ленточкѣ.

У Наташи на шнуркѣ.

У Лодика—на серебряной цѣпочкѣ.

— Имѣйте въ виду, что это я дѣлаю въ угоду матери и примѣняясь къ обстоятельствамъ,—заявила Наташа, подвѣсивъ свой образокъ.

— Песталоцца, я, кажется, займусь твоимъ воспитаніемъ, если ты будешь при гарсонѣ проповѣдывать якобинство.

Вошелъ гостиникъ.

Принесъ что-то бѣлое и молча сталъ прилаживать полотняныя занавѣси на карнизъ, суживая оборку вдоль него.

— Шехеразада!—прошептала Наташа.—Что, если бы сюда еще часы съ кукушкой!

Гостиникъ не могъ сдержать улыбки и, уходя, поперхнулся въ горсточку.

Немного погодя онъ вошелъ снова и налилъ лампадку масломъ.

Засвѣтился тихій огонекъ, и церковно запахло.

— Чайку не угодно ли? Кипятокъ всегда у буфетчика, отца Іоакима.

— Лодикъ,—сестра сдѣлала повелительный жестъ,—маршъ, но осторожно; не разбить носа ни себѣ ни чайнику.

— Нѣтъ, сейчасъ зачѣмъ же? Отецъ Іоакимъ принесетъ ужинъ, онъ и чайникъ нальетъ, — мягко остановилъ ее гостиникъ и, захвативъ чайникъ, съ поклономъ вышелъ.

Дѣвушки, отъ усталости послѣ уборки, отъ нежданно создавшагося уюта, запаха ладана, кипариса, деревяннаго масла и тающаго воска свѣчей, притихли.

II.

Зина, не вѣшай эту красавицу Грёза! Нехорошо; у нея вся грудь открыта. Монахъ вѣдь входитъ, гостиникъ-то.

— Ну такъ что! Я еще Венеру поставлю. Если я люблю красоту, такъ я, по-твоему, должна гостиника бояться?—Тоже еще. Наконецъ можно прятать Венеру, когда онъ входитъ. Тебѣ говорятъ, я красоту люблю.

— Что ты ломаешься?—„Красоту люблю". Не можешь одѣтую красоту любить, хотя бы въ монастырѣ? „Красоту люблю"... Это ты, чтобы Сарежѣ показаться умной... Думаешь, никто тебя не понимаетъ. Неразгаданная натура.

Сережа—студентъ 3-го курса, землякъ дѣвушекъ, поселился за компанію съ землячками тутъ же, въ третьемъ номерѣ.

Зина вспыхнула. Отвѣтила, собравъ все свое негодованіе, такъ гордо, что даже самому ненаблюдательному человѣку пришла бы въ голову мысль, что дыму безъ огня не бываетъ:

Бронированные автомобили на юго-западномъ фронтѣ въ наступленіи 18-го іюня. *П. Жилинъ.*

Обѣ сѣли на кровать.

Наташа притянула къ себѣ брата и погладила его фантастично остриженную рыжеватую голову.

Опять тихій стукъ въ дверь.

Вошелъ братъ Іоакимъ съ чайникомъ въ одной рукѣ и подносомъ въ другой.

Не глядя на нихъ, беззвучно шевеля губами, онъ сталъ переставлять на столъ чашки съ ухой, тарелку съ картофелемъ въ соусѣ и тарелочку съ чернымъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

— Святъ, святъ, святъ еси Господи...—услышали курсистки шопотъ у двери.

Двери затворились.

— Наташа, слышала, это онъ отъ насъ открещивался.

— Нѣтъ, это навѣрное у нихъ такъ заведено... Лодикъ, садись ѣсть душеспасительное!

Зина поежилась.

— Я чего-то боюсь, Наташа.

— И я боюсь, — держась за свои и безъ того оттопыренные уши, повторилъ мальчикъ.

— Брось уши!—прикрикнула на него сестра.—А ты моего гарсона не порть!

У мальчика покривились губы.

— Ну, разревись еще. Отправлю къ мамѣ гусей пасти.

Зина бросила на Наташу негодующій взглядъ.

— Нѣтъ, это ты не порть ребенка.

Но тотъ, проголодавшись, уже не обращалъ на нихъ вниманія и ѣлъ съ аппетитомъ.

— Ароматъ ума слишкомъ тонокъ для ноздрей обыденности

— Ой, не могу! Гдѣ ты это вычитала? Зиночка, ты великолѣпна.

Звонкій хохотъ раскатился по коридору. Хохотали обѣ. Сосѣдняя справа дверь пріотворилась.

Съ недоумѣніемъ высунулась голова контуженнаго офицера-сосѣда.

— Отецъ Кирикъ, что это?

— Барышни. Курсистки. Молоды еще. Смѣются.

— Курсистки?

Но о. Кирикъ уже скрылся. Офицеръ съ минуту прислушался, потомъ прикрылъ дверь, все съ тѣмъ же удивленнымъ выраженіемъ лица.

— Курсистки!

Стукъ въ дверь

— Можьно?

— Зина, прячь Венеру.

Зина бросается къ столу, а Наташа повѣсила кофточку на голову Грёза.

— Простите, во имя Господа. А только сосѣди удивляются. Смѣетесь много.

— Мы больше никогда не будемъ смѣяться, отецъ Кирикъ. Мы даже не улыбнемся. Простите.

— Господь проститъ.—Слабая полуулыбка тронула его черты. Дверь прикрылась.

— Видишь,—шипѣла Зина, сдѣлавъ выразительные глаза.—Садись заниматься.

Терпѣнія и усидчивости хватило на два часа.
Лодикъ врывается въ комнату.
— Зина, Наташа, пантофля уѣхалъ. Его номеръ больше!
— Какая пантофля?
— А тамъ на концѣ коридора жилъ старикъ. И все гостиницу говорилъ, что у него пантофля пропала.
— Ты говоришь, у него номеръ больше. Не переѣхать ли намъ?
- Да, да,—запрыгалъ Лодикъ.
— А комнату уже убрали?
— Да, отецъ Кирикъ уже и окна открылъ.
— Вправду, Зина. Переѣзжаемъ.
Курсистки и Лодикъ стали перетаскивать вещи.
Двери номеровъ открывались. Обитатели 3-го этажа гостиницы не привыкли къ шуму и разнообразію.
— Дозвольте, я вамъ помогу.
Изъ второго номера вышелъ дьяконъ со страшной, растрепанной космой волосъ. Онъ взялъ корзину изъ рукъ подругъ и легко вскинулъ ее себѣ на плечи.
Курсистки послѣдовали за нимъ.
— Настоящая кучма!—прошептала молдаванка-Зина.
— Что это—кучма?
— А шапка такая кудрявая, молдаванская. Къ нему это прелесть какъ подходитъ:—кучма.
Обѣ засмѣялись.
У постояльцевъ недоумѣніе смѣнялось улыбками: курсистки переѣзжаютъ.
— Безпокойныя какія!—услышали дѣвушки брюзжащій шопотъ старухи.
Номеръ 14-й ничѣмъ не отличается отъ прежняго. Но вещи уже перенесены.
— Надо было раньше посмотрѣть.
— Спасибо вамъ, — кокетливо играя глазами, благодарила дьякона Наташа.
— Помилуйте!—вспыхнулъ тотъ.
На порогѣ номера напротивъ стояла некрасивая, блѣдная сестра милосердія. Она улыбалась подругамъ, которыя, въ свою очередь, улыбнулись ей.
— Вы давно здѣсь, сестрица?
— Недѣли двѣ... Знаете, я теперь перейду въ вашъ номеръ. Я такъ рада.
— Отчего?
— Я жила до сихъ поръ съ монашенкой Агніей. Вы не видѣли ея?
— Это зеленая такая, худущая?
— Она, она. Я изъ-за нея по ночамъ не сплю. Я пугливая, а она, знаете, такъ запугивала меня, что я дрожала со страху.
— Чѣмъ же это она васъ запугивала?
— Она вездѣ чертей видитъ. Летитъ муха, а она: „муха—это бѣсъ, она отъ дурного человѣка на хорошаго садится. А въ дурномъ человѣкѣ грѣхъ. Вотъ она къ хорошему грѣхъ-то и перенесетъ. Смотришь—и хорошій дурнымъ станетъ“. И бьетъ мухъ съ такимъ лицомъ, что меня въ дрожь кидаетъ. И по ночамъ встаетъ бить мухъ. Вотъ она идетъ—прощайте!
По коридору прошла худая, плоская монашка. Зеленоватая блѣдность длиннаго лица. Оловяннаго цвѣта глаза недружелюбно вонзились въ глаза курсистокъ. Будто булавой укололи зрачки.

„Въ туманную даль улетѣли мечты“. *И. Творожниковъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

— Такая хоть кого запугаетъ.
— Вуазинажъ! Же ву фелиситъ!
— Да... Однако приберемся, Зиночка, и айда на курсы.
Черезъ полчаса комната была убрана.
— Лодикъ, мы идемъ на лекціи. Вотъ—тебѣ отъ обѣда осталась котлета рыбная. Сходишь за кипяткомъ, чай въ чайникѣ есть. Напейся. На дворъ не выбѣгай. Довольно набѣгался. Дѣлай уроки. Мы въ шесть часовъ будемъ дома.
— Да закрой дверь на задвижку и не пускай никого, — прибавила Наташа, пряча въ корзину Венеру.

III.

Лекція приходитъ къ концу. Звонокъ.
Господи, какъ хорошо вырваться на воздухъ послѣ душной аудиторіи!
Зина и Наташа вскакиваютъ въ трамвай. Общія тетрадки и книги мѣшаютъ достать деньги.
— Два „льготныхъ“ позвольте!
Весело въ электричкѣ. Толкотня. Вагонъ мчится съ закрытыми дверцами.
Но вотъ публика рѣдѣетъ. Вагонъ приближается къ окраинѣ города.
— Сходимъ!
— Православные христіане! Подайте несчастному! Подарите копеечку! Пожалѣйте убогаго! Господь васъ не оставитъ! — гундосыми голосами тянутъ нищіе, сидящіе у воротъ и передъ церковью.

Портретъ художника Е. С. Сварога. *И. Рѣпинъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

Старушки. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Афанасьевъ.*

Курсистки входятъ во дворъ монастыря: проходятъ во второй, который отдѣляется отъ перваго аркой, выбѣленной известью, на ней крупно написано: „Страннопріимный домъ“.

Узкая желѣзная лѣстница. Въ первомъ этажѣ—„общая“; нары, масса простого люда.

Второй этажъ чище. На площадкѣ скамейка. На стѣнѣ напротивъ—олеографіи: „Видъ Аѳона“, „Воинствующая церковь“,—въ голубыхъ небесахъ—облако, изъ него возвышается церковь, ее окружаютъ святые, „Видѣніе святого Андрея, Христа ради юродиваго“, „Кончина святой Ѳеодоры и хожденіе души ея по мытарствамъ“ и др.

Зина никогда не можетъ пройти мимо этихъ изображеній безъ того, чтобы въ душѣ ея не вздрогнуло что-то, не отозвалось глухимъ, смутнымъ призывомъ.

Курсистки подымаются выше. Дверь заперта. Стучатъ поочередно.

— Что это Лодикъ не отворяетъ?

Стучатъ сильнѣе.

— Лодикъ! Лодикъ! Лодикъ!—громко кричитъ обезпокоенная Наташа.

Появляется туго стянутая, напудренная досиня дама.

— Позвольте, что же это такое? Нельзя же такъ нарушать покой другихъ.

Двери номеровъ открываются.

— Въ чемъ дѣло? Что такое?

— Сударыня, нашъ братишка тамъ! Онъ не отворяетъ. Что-то съ нимъ?

— Да ничего особеннаго, дѣвицы!—баситъ „кучма“-дьяконъ.

— Въ чемъ дѣло, Наташа?—выбѣгаетъ студентъ Ареусъ.

— Монастырь—не курсы. Чего тутъ шумѣть!—недружелюбно выговариваетъ ехидная монашенка, которую Наташа называетъ „смертью мухамъ“.

— Да вы еще постучите...—совѣтуетъ офицеръ и самъ кричитъ, стараясь показать пріятность своего голоса.

— Володя!

И ему есть прозвище: „товаръ лицомъ“.

— Что за шумъ такой?

Появляются одинъ за другимъ обитатели номеровъ. Тутъ и намазанная дама, и ворчащая старуха, и отставной полковникъ, и старая дѣвица съ постнымъ лицомъ.

— Лодикъ! Лодикъ! Лодикъ!

Сильно стянутая дама, умильно улыбаясь въ сторону офицера, тоже стучитъ, позванивая браслетами.

Приближается о. Іоакимъ и съ нимъ гостиникъ.

— Святъ, святъ, святъ еси Господи!

— Батюшка, что съ нашимъ мальчуганомъ?

— Нужно въ окошечко на двери посмотрѣть, братъ Кирикъ.

Гостиникъ бѣжитъ за лѣстницей. Лѣстница приставляется къ двери. Дьяконъ и студентъ поддерживаютъ ее, а о. Кирикъ, потряхивая бороденкой, лѣзетъ наверхъ, придерживая лѣвой рукой рясу.

Глазамъ его представляется мирная картина: лампадка освѣщаетъ комнату, мальчикъ свернулся на кровати и крѣпко-накрѣпко спитъ. Онъ набѣгался за день, плотно поѣлъ и занялся уроками, но они нагнали на него этотъ глубокій сонъ.

О. Кирикъ спускается и несется отыскивать отвертку, чтобы вскрыть замокъ.

— Онъ навѣрно во снѣ голубей видитъ, — разсказываетъ собравшимся Наташа.—Голуби... это его страсть. А тѣхъ, что онъ особенно любитъ, можно узнать потому, что они перекормлены.

Слушатели улыбаются.

О. Кирикъ работаетъ въ потѣ лица. Замокъ взломанъ, но мальчикъ, помня наставленія сестры, заперся еще и на задвижку.

— Надсади, отецъ дьяконъ! — говоритъ гостиникъ.

Студентъ, дьяконъ и о. Кирикъ напираютъ на дверь. Она поддается.

Лодикъ начинаетъ просыпаться. Курсистки бросились къ нему.

О. Іоакимъ прибиваетъ дверь къ петлямъ; о. Кирикъ прилаживаетъ новую задвижку.

Жильцы расходятся. Въ коридорѣ снова тишина.

IV.

Курсистки живутъ въ монастырѣ уже мѣсяцъ. Къ нимъ привыкли. При встрѣчахъ съ ними раскланиваются всѣ жильцы третьяго этажа. Онѣ уже никого не боятся, кромѣ о. Іоакима.

Съ утра онѣ уходятъ на курсы, возвращаются къ обѣду; иногда идутъ и на вечернія лекціи. Вечеромъ зубрятъ философію, прибѣгая въ особо трудныхъ случаяхъ къ помощи студента, за которымъ экстренно мчится Лодикъ.

Вотъ и сейчасъ. На дворѣ ненастный ноябрьскій вѣтеръ и дождь, и оттого въ комнатѣ еще свѣтлѣе, теплѣе и уютнѣе.

Лодикъ спитъ. Курсистки допиваютъ чай. Книга оставлена.

Подруги молчатъ.

Потомъ Зина, уронивъ сложенныя руки на колѣни, задушевно произноситъ:

— А этой жизни здѣсь я не забуду!

— Эхъ, ты... не забуду! Есть что помнить. То ли еще будетъ. Жизнь такъ хороша!

— А есть люди, что отказываются отъ нея. Знаешь: здѣсь, въ монастырѣ—схимникъ. Онъ великій постригъ принялъ. Пони-

Рязанская дѣвушка. *Н. Холявинъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

маешь ли ты, что это? Человѣкъ, у котораго еще бьется сердце, ясное сознаніе, не ослабло зрѣніе, не утраченъ слухъ, уходитъ отъ жизни. Онъ больше не увидитъ солнца, цвѣтовъ, зелени, не услышитъ птицъ и никогда не улыбнется лицу живого человѣка. Уходитъ въ землю. И только потому, что на крошечномъ подоконникѣ оконца, выступающаго надъ землей, ставится жалкая, скудная пища, да что пища эта исчезаетъ, знаютъ, что онъ, ушедшій, но незримо присутствующій здѣсь, въ монастырѣ, живетъ. А однажды пища останется нетронутой. Послушникъ побѣжитъ сказать игумену. Братія подождетъ еще день и взломаетъ дверь. И найдетъ старца въ уготованномъ раньше гробу-кровати. Упокоился. Теперь онъ видитъ Господа.

А кому это нужно, Зиночка? Вѣдь онъ ушелъ отъ жизни — дара Божія. И это рядомъ съ той жизнью, которая кипитъ въ этомъ городѣ!

— Онъ не хочетъ жить. Онъ презрѣлъ жизнь. Но величіе духа его и преклоненіе предъ Господней волей, не гасящей его жизнь, мѣшаетъ ему отнять у себя эту жизнь самому. И онъ ждетъ. И молится за насъ всѣхъ, грѣшныхъ.

— Да кому это нужно?

— Нужно. Мнѣ нужно.

— Тебѣ? Тебѣ, у которой вся жизнь впереди? Смотри, какъ хорошо намъ жить. Какая веселая, умная жизнь на курсахъ. А здѣсь мракъ. И этотъ подвигъ — мракъ.

— А можетъ-быть, наша жизнь не нужна. А подвигъ... невидимо, непостижимо для насъ, разливается онъ вокругъ, и люди становятся отъ него лучше. Вѣдь всѣ богомольцы знаютъ, что здѣсь живетъ человѣкъ, нѣтъ, не человѣкъ—что человѣческаго осталось въ немъ?—духъ живетъ. Онъ близокъ къ Богу. И молится за нихъ. И искреннѣй ихъ молитва, и теплѣе на душѣ. И у меня теплѣе. Знаешь, и я молюсь за него. Мнѣ нужно...

Выѣздъ татарина Чели-бея на единоборство съ Пересвѣтомъ. *М. Авиловъ.*
Весенняя выставка въ Академіи Художествъ.

V.

Плотно закрыты желѣзныя ворота подворья.

Въ глубокой нишѣ сидитъ понурая черная фигура.

Обычно эта дворницкая обязанность возлагается на провинившагося монаха.

Моросить, и оттого лампада подъ темной аркой таинственнѣе свѣтитъ рубиновымъ строгимъ огнемъ передъ иконой.

Вѣтеръ хлопнулъ гдѣ-то не то жестяной вывѣской, не то калиткой.

Монахъ въ нишѣ поднялъ голову и съ угрюмымъ недовольствомъ покосился на стукъ.

Ночь безлунная, холодная.

Монастырь закрытъ со всѣхъ сторонъ, напоминаетъ тюрьму и какъ-то враждебно не идетъ къ этому веселому приморскому городу.

Во дворѣ тихо. Темныя окна застыли, омертвѣли.

Но едва раздался ударъ колокола, стекла задрожали, заныли.

Опять ударъ, и въ отвѣтъ на него что-то еще невидимо проснулось и ожило въ монастырѣ.

Въ теплой комнатѣ, занятой случайно очутившимися здѣсь дѣвушками, свѣтитъ розовая лампадка, и потускнѣвшія краски оживаютъ и теплѣютъ, и кажется, что лампадкѣ пріятно освѣщать и эти въ первый разъ попавшіе сюда бѣлые цвѣты и молодыя лица на бѣлыхъ подушкахъ.

Двѣ головы, одна черная, другая русая, тоже похожи на цвѣты, такъ же, какъ головка ребенка. Особенно похожа на кудрявую хризантему русая голова Наташи.

У Зины черная коса уползаетъ подъ одѣяло.

Слышно ровное дыханіе, иногда вздохъ во снѣ.

Бамъ-бамъ-ба-а-мъ...

Стекла гудятъ и ноютъ.

Зина снова вздыхаетъ, чуть-чуть поднимаетъ голову.

Ба-а-мъ-ба-а-мъ... — внушительно и важно гудитъ колоколъ, точно нѣмой гигантъ тоскуетъ за окномъ, и хочетъ сказать что-то и не можетъ.

Зина вытягиваетъ голову, прислушивается, и жуткое чувство, мимолетно посѣтившее ее раньше, теперь вырастаетъ въ еще болѣе непонятное и глубокое, и волнуетъ и подавляетъ ее.

— Наташа! — сдавленнымъ голосомъ вырывается у нея.

Та вздрагиваетъ и быстро переворачивается на другой бокъ. Но уже Зина не можетъ совладать съ собою.

— Наташа!—окликаетъ она снова.

Голова не поворачивается.

— Ну, чего тебѣ? — раздается досадливый сонный голосъ.

Зина сама не знаетъ, зачѣмъ она будитъ ее.

— Который часъ?

На базарѣ. *Е. Калачевъ.*
Весенняя выставка въ Академія Художествъ. Картина пріобрѣтена „Обществомъ имени Куинджи“.

Воскресный день въ русинской церкви въ Галиціи. *И. Дряпаченко.*
Весенняя выставка въ Академіи Художествъ.

— Что ты, съ ума сошла! Будитъ идіотскими вопросами. Смотри сама. И на что тебѣ знать часъ ночью? Что ты, пѣтухъ, что ли?

— Звонятъ къ обѣднѣ ранней.

— Такъ ты что, итти собираешься? Съ тебя станется.

Наташа съ досадой оборачиваетъ къ подругѣ свою кудрявую голову и круглое мальчишеское лицо.

— Разбудила, теперь не заснуть.

— Ну, прости,—кротко говоритъ Зина.—Мнѣ чего-то стало страшно. Этотъ звонъ такъ близко... Сознаніе, что мы въ монастырѣ, гдѣ живутъ совсѣмъ особенные люди, для которыхъ наша радость, наши удовольствія—грѣхъ, тревожитъ меня. Эти люди... Они отреклись...

Но тутъ Наташа, которая во время этой рѣчи медленно поднималась на постели, сѣла, оперла обнаженной рукой голову и, прищуривъ лѣвый глазъ, что у нея всегда служило верхомъ сдерживаемаго бѣшенства, язвительно-просительно перебила:

— Скажи на милость, это что же, ты здѣсь, въ монастырѣ, еженощно будешь мнѣ закатывать этакую заутреню?

Но Зина, уже набросивъ капотъ, стояла у окна.

Еще болѣе раздосадованная ея молчаніемъ, Наташа рѣзкимъ движеніемъ опрокинулась на спину, закинула за голову руки и злобно уставилась въ потолокъ.

— Иди сюда!

Наташа вскинулась.

— Иди сюда!

Въ голосѣ было что-то странное,—приказаніе, изумленіе, можетъ-быть, восторгъ.

До разсвѣта далеко.

Одинъ за другимъ падаютъ съ колокольни тяжелые удары колокола.

Наташа, въ одной рубашкѣ, голыми ногами бѣжитъ къ окну. Окно выходитъ во дворъ, обычно темный ночью, но сейчасъ загораются, погасаютъ окна монашескихъ келій, и вотъ уже огни свѣчей колеблются во дворѣ, отражаясь на мокромъ отъ дождя цементѣ.

Темныя фигуры монаховъ возникаютъ то тамъ, то здѣсь; точно тѣни ночи, выходятъ они на этотъ звонъ.

Впереди одинъ съ фонаремъ, и вокругъ фонаря дождь, какъ свѣтящаяся мошкара, трепещетъ золотистымъ кругомъ.

Фонарь качается, и длинная страшная тѣнь колеблется сбоку фигуры, какъ будто хочетъ отъ нея оторваться.

Наташа сразу утихла.

Правда, это было что-то новое и жуткое до того, что походило на сонъ.

Зина машинально прижалась къ подругѣ, и та, также машинально, обвила ея талію рукой.

Съ минуту обѣ молчали, но вотъ Зина заговорила тихимъ низкимъ голосомъ:

— Правда, Наташа, какъ странно все это!.. Этотъ звонъ, монахи... Вонъ, вотъ смотри, какъ они идутъ одинъ за другимъ. Смотри, тотъ, какъ согнулся, точно его что-то мучитъ. Вотъ, должно-быть, Іоаннъ Грозный такъ же шелъ, погадать у печки. Помнишь?

Наташа не хотѣла сдаваться:

— Это ты по Елпатьевскому, или сразу по Платонову?

Но Наташа пропустила мимо ушей ея насмѣшливое замѣчаніе.

— Грозный прикладываетъ ухо къ печи. Старуха-колдунья жарко растопила печь и присыпала зелья на угли. На дворѣ такая же погода, такой же дождь и вѣтеръ, и мѣхъ на царской шубѣ еще блеститъ капельками дождя. Лицо сухое, желчное, вотъ какъ у Іоакима. Вѣтеръ гудитъ въ трубѣ. Царь ждетъ, что скажетъ судьба. „Со святыми упокой душу усопшаго раба Твоего...“ Царь отшатнулся, схватился рукой за сердце. Опять приникъ. Глаза горятъ, какъ у испуганнаго звѣря. Опять гудитъ... „Вѣчная память!..“

Наташа поежилась, однако нашлась и здѣсь:

— Вашу зачетную книжку! „Весьма“.

— А потомъ на Слободѣ разгулъ свой, грѣхи замаливалъ. И буйныя головы опричниковъ скуфьей покрывалъ, и шли они вотъ такъ же ночью, подъ дождемъ и вѣтромъ.

— Да перестань ты! — не выдержала Наташа, а сама вся сжалась, когда послѣдній колокольный ударъ сталъ замирать на дребезжащихъ стеклахъ, какъ это мрачное воспоминаніе.—Уляжемся...

Но Зина стоитъ у окна и плачетъ.

Наташа задумалась.

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Продолженіе).

Когда Муссъ спустился въ новую соединительную траншею, которая вела къ передовой траншеѣ, онъ вдругъ совершенно ясно почувствовалъ, что больше уже не поднимется на поверх-

Въ маѣ. *И. Дроздовъ.*
Весенняя выставка въ Академіи Художествъ.

Подполковникъ Григоренко, *награжденный Георгіевскимъ оружіемъ и орденомъ св. Владиміра 4-й ст. (тяжело раненъ).*

Рис. нашего военнаго корресп. *А. Семенова.*

— Нѣтъ, но...

— Ну, ладно! Складывай!

Онъ повернулся на другой бокъ. Сложенную бумажку, которую ему протянулъ Муссъ, онъ положилъ подъ подкладку своего кепи, гдѣ у него уже хранился портретъ сына. Крестьянинъ, сидѣвшій по его другую сторону и набивавшій себѣ ротъ хлѣбомъ, тяжко вздохнулъ и промолвилъ:

— А вотъ меня что̀ волнуетъ и не даетъ мнѣ покоя, такъ это мой домъ.

Въ воздухѣ прожужжалъ „чемоданъ". На мгновеніе Гаспаръ поднялъ свой любознательный носъ вверхъ, потомъ спросилъ:

— Почему это такъ тебя безпокоитъ? Ужъ не родила ли твоя жена носорога?

— Нѣтъ, но она, какъ-никакъ, женщина... и значитъ, ничего не понимаетъ.

— То-есть какъ ничего не понимаетъ?

— Да ничего не умѣетъ дѣлать

— Чего именно?

— Да вотъ она пишетъ мнѣ, что отецъ Пласидъ взялъ сорокъ су за то, что она водила къ нему корову

— А зачѣмъ она ее водила?

— Какъ зачѣмъ? Да къ быку.

— Ну такъ что̀ же... Можетъ-быть, ты собираешься мнѣ отдать эти деньги?

— Какъ бы не такъ! Такъ я тебѣ ихъ и дал!.. Да вотъ еще безпокоятъ меня также и жеребята. Что̀ съ ними будетъ?

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, братецъ, что съ жеребятами надо обращаться осторожно и умѣючи... Жеребята—скотина деликатная.

— А мнѣ наплевать на нее!

— Наплевать!.. Тоже сказалъ! Сто су—это всегда сто су.

— А деревенщина—всегда деревенщина.

Гаспаръ повернулся опять къ Муссу и сказалъ:

— Ахъ, ужъ эти нормандцы! Какъ они жадны на „денежки"! Они такъ и готовы впиться въ нихъ зубами, какъ въ перезрѣлую грушу!

Съ минуту онъ молчалъ, созерцая свои ноги въ лужѣ и двиность земли. Его башмаки снова наполнились водой, холодной водой, отъ которой коченѣли ноги, леденѣло все тѣло. Онъ услыхалъ, какъ Гаспаръ опять произнесъ:

— Чортъ возьми!

Траншея, въ которой они наконецъ остановились, и надъ которой такъ и свистѣли пули, была ничуть не лучше защищена и ничуть не суше тѣхъ соединительныхъ траншей, по которымъ они только-что проходили; та же вязкая грязь подъ ногами, тѣ же липкія, ослизлыя стѣны. Впрочемъ, тутъ былъ брустверъ изъ наваленныхъ другъ на друга камней, а позади него небольшой выступъ изъ глины въ видѣ скамьи. Солдаты усѣлись на этой скамьѣ. Ноги ихъ были по щиколотку въ водѣ, но они ничего не говорили.

Гаспаръ сидѣлъ между Муссомъ и рослымъ крестьяниномъ, который все ухмылялся.

— Не боишься ли ты, что утонешь тутъ, братецъ?

— Тьфу... чортъ возьми!—отвѣтилъ Гаспаръ.

Двое солдатъ были поставлены на караулъ у бойницъ. Остальные въ молчаніи курили, зѣвали и усаживались поудобнѣе на скамьѣ, спиной къ непріятелю. Нѣкоторые вынимали изъ кармановъ вымазанными липкой грязью руками куски хлѣба и жевали его усталыми, но крѣпкими челюстями.

Совсѣмъ вблизи разорвался снарядъ, глухо и мягко, точно его сейчасъ же заглушила вязкая почва. Гаспаръ, подпиравшій голову обѣими руками, плюнулъ въ воду, въ которой были его ноги.

Муссъ принялся отчищать свои пальцы перочиннымъ ножомъ, потомъ онъ вынулъ изъ кармана шинели кусокъ бумаги и карандашъ и началъ быстро писать.

Гаспаръ посмотрѣлъ на него. Онъ сказалъ:

— Ты пишешь?

— Да,—отвѣтилъ Муссъ, —это для тебя.

— Для меня?

— Послушай... У меня такое чувство... что я тутъ останусь.

— Да что̀ ты...

— Въ случаѣ, если ты останешься живъ, доставь это въ Парижъ по обозначенному здѣсь адресу. Положи это въ карманъ и исполни мою просьбу не въ службу, а въ дружбу.

— Это твоей цыпочкѣ?

— Нѣтъ... одному другу

— А...

— Мнѣ надо выяснить одинъ вопросъ, касающійся литературы... Дѣло идетъ объ изданіи Софокла.

— Кого? — спросилъ Гаспаръ.

— Софокла. Не стоитъ тебѣ разсказывать это, это тебѣ неинтересно.

— Почему же? Кажется, я не дубина!

Старый румынъ (с. Стрижеско).

Рис. нашего военнаго корресп. *А. Семенова.*

гая ими, чтобы не дать имъ окончательно окоченѣть, потомъ онъ снова произнесъ свое вѣчное:

— Чортъ возьми!

Пули. „Чемоданы". Взрывы. И время ползло, одна четверть часа за другой, и песчинки сыпались въ песочныхъ часахъ, наводя отчаяніе, въ этой новой жизни, приводящей въ недоумѣніе и ужасной. И люди съ помутившимися мыслями, со страдающими тѣлами ожидали въ туманѣ, холодѣ и грязи, чтобы Рокъ наконецъ сжалился надъ ними. Въ своемъ воображеніи они видѣли знакомыя картины, переносившія ихъ къ домашнему очагу, но тѣла ихъ закоченѣли и отяжелѣли, и жесткія шинели не согрѣвали ихъ. И у нихъ возникали мрачныя мысли, и они недоумѣвали: зачѣмъ они тутъ мучатся, мерзнутъ, умираютъ изъ-за дисциплины, по привычкѣ, какъ всѣ...

Туманный зимній день самъ по себѣ наводитъ такую смертельную тоску, что, когда наступаетъ ночь, человѣкъ едва замѣчаетъ это. Гаспаръ съ головой завернулся въ свое сырое одѣяло, а Муссъ, дрожавшій отъ холода, плотно прижался къ нему. Ночью траншея жила, какъ и днемъ. Солдаты спали, храпѣли и зѣвали, дрожали отъ холода и старались держаться вмѣстѣ. Кто сидѣлъ, кто лежалъ, кто прижималъ колѣни къ подбородку, обхвативъ ихъ руками и какъ бы стараясь удержать теплоту тѣла, которая неизбѣжно улетучивалась. Солдаты прижимались другъ къ другу, и плечо одного какъ бы просило у сосѣда тѣлеснаго братства, самаго трогательнаго и самаго искренняго.

Разсвѣтъ послѣ промозглой, холодной ночи кажется болѣе мрачнымъ и наводящимъ уныніе, чѣмъ самые мрачные часы ночи. Въ такія минуты спокойно относишься къ смерти, кажется, что пелена ея уже слегка касается глазъ. Желудокъ пустъ, губы дрожатъ, раздается команда къ атакѣ, надо примкнуть штыкъ къ стволу. Лязгъ оружія пронизываетъ холодомъ до самыхъ костей. Въ блѣдномъ разсвѣтѣ штыки сверкаютъ какъ-то зловѣще. Если называешься Муссомъ, то молчишь, думаешь только, что, перепрыгнувъ черезъ траншею, дѣлаешь роковой скачокъ въ другой міръ. Но когда называешься Гаспаромъ, только вытираешь себѣ кулакомъ заиндивѣвшіе усы и повторяешь свое безконечное: „Чортъ возьми!"

Это припѣвъ.

Когда думаешь, что доживаешь послѣднія минуты, то очень трудно и тяжело вылѣзать изъ траншеи. Но потомъ удивляешься, что ты больше не въ могилѣ, кажешься себѣ гораздо выше и... судорожно сжавъ ружье въ закоченѣвшихъ пальцахъ, шагаешь впередъ медленно и степенно, ища глазами пули. Пули не заставляютъ себя ждать, онѣ наполняютъ весь воздухъ, нѣсколько солдатъ падаютъ тихо, безъ крика; но при паденіи тѣла ихъ наваливаются на ружье, выскользнувшее изъ рукъ и воткнувшееся въ землю, и мертвые солдаты застываютъ въ странной позѣ—онъ не то мертвый, не то живой, но зрѣлище это производитъ ужасное впечатлѣніе, какое производитъ и всякій мертвецъ, не лежащій въ спокойной позѣ.

Какъ только засвистѣли пули, Муссъ сказалъ Гаспару:

— Послушай... ты не забудешь моего письма?

Не успѣлъ онъ этого произнести, какъ вокругъ нихъ начали разрываться снаряды. Непріятель былъ въ трехстахъ метрахъ отъ нихъ, они видѣли, какъ онъ точно выросъ изъ-подъ земли отдѣльными группами, которыя потомъ соединились, составили стѣну и двинулись впередъ. Итакъ враги должны были сойтись грудь съ грудью, смѣшаться другъ съ другомъ... Несмотря на градъ пуль, французы сомкнули ряды.

Стѣна германцевъ становилась все чернѣе и приближалась. Время отъ времени непріятельскіе солдаты падали, и въ ихъ стѣнѣ появлялась брешь. Можно было уже различить германскія каски. Никто больше не стрѣлялъ, солдаты въ глубокомъ молчаніи наступали другъ на друга серьезно и величественно. И вдругъ... когда оба войска приблизились на разстояніе пятидесяти метровъ другъ къ другу, точно по знаку кого-то, командовавшаго сверху, обѣ стороны наклонились одновременно, одни вправо, другіе влѣво и на мгновеніе застыли такъ, точно имъ страшно было столкнуться, не осмотрѣвъ другъ друга. Казалось, будто они хотѣли ощупать другъ друга, какъ слѣдуетъ изучить глазами другъ друга, чтобы оттянуть минуту, чтобы проникнуться другъ къ другу ненавистью. Они напоминали собакъ, которыя обнюхиваютъ и ходятъ вокругъ своей жертвы, прежде чѣмъ схватить ее за горло.

Между тѣмъ среди этой трагической тишины на застывшіе въ неподвижныхъ позахъ ряды снова посыпались снаряды, которые разрывали человѣческія тѣла, калѣчили ихъ, бороздили поле и взрывали землю.

Въ Румыніи. Крестьянскій дворъ. Рис. нашего военнаго корресп. *А. Семенова.*

Одинъ изъ снарядовъ съ силой швырнулъ Гаспара и Мусса на землю.

Когда густой зловонный дымъ разсѣялся, Гаспаръ, ошеломленный и недоумѣвающій, попытался встать на ноги. Но онъ сейчасъ же повалился на землю:

— О!.. Моя нога!.. Чортъ возьми!

Его правая нога была раздроблена подъ самымъ колѣномъ, она висѣла безжизненно, штанина была сорвана и вся въ крови. Онъ смотрѣлъ, ничего не понимая, а товарищи быстро проходили мимо него, опустивъ голову, поднявъ плечи и не обращая на него вниманія.

Онъ крикнулъ надорваннымъ голосомъ.

— Муссъ... гдѣ ты?

Какой-то голосъ отвѣтилъ:

— Вонъ онъ тамъ, на землѣ... У него раскроенъ черепъ!..

Гаспаръ вдрогнулъ:

— Какъ... неужели ему конецъ?

Тотъ же голосъ отвѣтилъ ворчливо:

— Надо полагать, что онъ готовъ.

У Гаспара не было больше силъ произнести ни слова. Изъ него ручьемъ текла кровь, и онъ видѣлъ, какъ на землѣ понемногу образовалась темная лужа... Французы и боши убивали другъ друга... Слышались нечеловѣческіе крики. Упалъ новый снарядъ и разорвался невдалекѣ. Земля разверзлась, громадный пластъ приподнялся, словно валъ, и мягко обрушился на Мусса. Больше его не было видно. Германская пушка его убила, снарядъ похоронилъ его. Земля снова приняла его въ свои нѣдра, безъ помощи человѣческихъ рукъ. Война сразила его, но она же схоронила его тѣло. Покой—тотчасъ же вслѣдъ за смертью. Никто не ощупывалъ его тѣла, не рылся въ его карманахъ... не было ни слезъ, ни высокопарныхъ фразъ. Солдатъ Муссъ исчезъ... Гаспаръ сталъ стонать.

Къ нему подошли два санитара съ носилками и быстро подобрали его, одинъ за бедра, другой подъ мышки.

— Лежи спокойно... мы тебя снесемъ.

Санитары положили его на колесныя носилки и покатили его, не обращая вниманія на снаряды, разрывавшіеся вокругъ нихъ. Они привезли его на дорогу, гдѣ носилки взяли другіе санитары и доставили на перевязочный пунктъ. Перевязочный пунктъ былъ устроенъ среди развалинъ, въ большомъ подвалѣ полуразрушеннаго дома.

Тамъ положили Гаспара, который невыносимо страдалъ. Отъ боли онъ приподнялся на носилкахъ.

Къ нему подошли два доктора, оба тотчасъ же сказали.

— Ну, бѣдняга... придется тебѣ отнять ногу.

— Отнять?..—повторилъ машинально Гаспаръ.

— Да, придется отнять вотъ до сихъ поръ, — сказалъ первый докторъ.

— А мнѣ кажется, что лучше отнять до сихъ поръ, — возразилъ второй докторъ.

— Но почему? — спросилъ первый.

— А впрочемъ, какъ хотите, отнимайте до сихъ поръ...—согласился второй докторъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ безразлично. Отнимемъ до сихъ поръ... — сказалъ первый.

Гаспаръ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза, лицо его исказила гримаса, и онъ судорожно сжималъ кулаки. Потомъ онъ безсильно опустилъ голову и пробормоталъ еще разъ:

— А!.. Чортъ возьми!

Его зимняя кампанія продолжалась ровно двадцать два часа.

VIII.

Гаспаръ провелъ ужасную зиму. Весной ему стало легче.

Нарождающуюся и расцвѣтающую весну онъ встрѣтилъ въ обширномъ паркѣ маркиза де-Клэрпакекъ, замокъ котораго на окраинѣ городка М... высится далеко кругомъ надъ зеленой Нормандіей. Усадьба эта весенней порою представляетъ собою очаровательное сочетаніе трехъ цвѣтовъ — зеленаго, бѣлаго и розоваго, когда въ началѣ мая грушевыя деревья и яблони стоятъ въ цвѣту. М... — маленькій уѣздный городокъ, оригинальный и прелестный, съ группой домовъ, какъ-то смѣшно сваленныхъ въ кучу на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ далекими окрестностями. Здѣсь, на цвѣтущихъ лугахъ и черноземныхъ поляхъ, не проливалась человѣческая кровь со временъ гугенотскихъ войнъ. Неудивительно, что Гаспаръ, которому отняли ногу, нашелъ тотчасъ же, что жизнь въ Нормандіи съ одной ногой гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Аргоннахъ съ двумя.

Онъ возстанавливалъ свое здоровье у маркиза де-Клэрпакекъ, богатаго, мягкосердаго старичка, который отдалъ бильярдную залу, салонъ и веранду въ распоряженіе Краснаго Креста, сказавъ:

— Присылайте ко мнѣ выздоравливающихъ... чтобы они здѣсь поправлялись.

И. К. Айвазовскій. *По поводу 100-лѣтія со дня рожденія (17-го іюля). Портретъ работы К. Е. Маковскаго, написанный въ 1882 г. (Собственность Московскаго Литературно-Художественнаго Кружка); реставрированъ М. К. Юхневичемъ.*

У него были распомаженные волосы, маленькія, коротенькія баки, розовое лицо и тоненькій голосокъ. Весь онъ былъ необыкновенно чистенькій, все на немъ было вылощенное, и онъ производилъ комичное впечатлѣніе. Этому богатому, доброму маркизу доставляло удовольствіе хорошо кормить и баловать простыхъ солдатъ изъ народа, а ихъ непосредственное остроуміе и жаргонъ забавляли и смѣшили его.

Но часто самъ онъ еще больше смѣшилъ солдатъ. Когда онъ, посѣтивъ ихъ, уходилъ въ свои апартаменты, солдаты дѣлились впечатлѣніями:

— Ну, и потѣшный же этотъ старикашка, не правда ли, братцы?

Гаспаръ говорилъ:

— Что за акробатъ!

Живя въ М..., Гаспаръ слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ свое время.

Часы, необходимые для спанья и ѣды, онъ проводилъ у маркиза и возстановлялъ свое здоровье, и возстановлялъ онъ его очень добросовѣстно.

Остальное время онъ проводилъ въ городкѣ. Онъ съ необыкновенной легкостью и быстротой скакалъ на своей единственной ногѣ, при помощи двухъ костылей, и однимъ духомъ переходилъ весь городъ и являлся въ „Кафе Ласточекъ“ на углу Большой площади.

Тамъ онъ усаживался, какъ у себя дома, пилъ и болталъ; онъ распоряжался, давалъ совѣты, принималъ гостей. Парижанинъ Гаспаръ покорилъ этотъ провинціальный уголокъ.

Вначалѣ всѣ жалѣли бѣднаго калѣку, но Гаспаръ былъ такъ неподдѣльно веселъ, онъ такъ искренно забывалъ всѣ ужасы войны, говоря: „Вотъ если бы я потерялъ руку, это было бы непріятно, потому что руки—безъ нихъ не обойтись, онѣ необходимы, чтобы рыться повсюду... Ну, а нога! Экая важность!..“ — однимъ словомъ, онъ такъ легко переносилъ свое несчастье, что очень скоро никому больше и въ голову не приходило жалѣть его, и всѣ только забавлялись его веселой болтовней. Впрочемъ, въ этомъ веселомъ настроеніи Гаспара не было ничего удивительнаго, потому что человѣкъ—необыкновенно живучее существо. Онъ наполовину уже убитъ, но онъ не сдается и пользуется жизнью, пуская въ ходъ остатки своего тѣла. У него отняли

ногу, но развѣ это мѣшаетъ ему весело потирать себѣ руки? Прежде онъ ходилъ, теперь онъ ковыляетъ вприпрыжку. Онъ примиряется, приспособляется, онъ живетъ! Жить — вотъ это главное. А пока живешь, надо быть довольнымъ жизнью, любить солнце и смѣхъ.

Итакъ, Гаспаръ избралъ для своего мѣстопребыванія „Кафе Ласточекъ", потому что оно было самое веселое въ М... Это маленькое кафе было все въ окнахъ, на углу площади. Днемъ его освѣщала площадь, вечеромъ оно освѣщало площадь. Днемъ пріятно было сидѣть тамъ, а вечеромъ, стоило только выйти, какъ тебя неудержимо тянуло туда. А между тѣмъ кафе было самаго провинціальнаго типа, но зато оно обладало прелестью старины: колонны въ зеркалахъ, лѣпныя украшенія цвѣта „крэмъ", изображавшія амура, который выпускаетъ стрѣлы, старый бильярдъ, истрепанный и грязный справочникъ Боттэна и, наконецъ, двѣ черныя кошки, лѣнивыя, изнѣженныя и вѣчно мурлыкающія, невозмутимо взиравшія на все своими золотистыми зрачками, презиравшія и людей, и ихъ напитки, и ихъ разговоры, — все было проникнуто своеобразнымъ уютомъ и притягивало къ себѣ.

Гаспаръ оставался совершенно равнодушнымъ къ презрѣнію этихъ высшихъ животныхъ.

Онъ каждый день входилъ въ кафе, весело напѣвая:

Она сломала деревяжку-ножку,
Сломала ножку.
Взбираясь на подножку.
Сломала ножку..

Хозяинъ кафэ, человѣкъ ловкій въ своемъ дѣлѣ, хитрый нормандецъ, съ маленькими прищуренными глазками, выбѣгалъ къ нему навстрѣчу, весь сіяя и лебезя передъ нимъ:

— А, господинъ Гаспаръ! Какъ всегда, веселы, господинъ Гаспаръ? Какъ поживаете, господинъ Гаспаръ? Что позволите вамъ предложить, господинъ Гаспаръ?

— Вермутъ на черной смородинѣ, одинъ!.. И чтобы подала мадемуазель Аннеттъ!

Что касается мадемуазель Аннеттъ, то онъ отнюдь не скрывалъ, что она совершенно въ его вкусѣ. Это была молоденькая служанка при кафе, ей было не болѣе двадцати лѣтъ, она была бѣлокурая, глупенькая, но губы у нея были свѣжія, и она уморительно сѣменила ногами. Гаспаръ смотрѣлъ на нее, когда она прислуживала гостямъ, и вздыхалъ:

— Эхъ, кабы...

И. К. Айвазовскій. Скульптура-бронза. *И. Гинцбургъ.*
Весенняя выставка въ Академіи Художествъ.

А когда она подходила къ нему, онъ заговаривалъ съ ней, щекоталъ ее, хваталъ за руки, за плечи, за талію. И тогда хозяинъ смѣялся неестественнымъ смѣхомъ.

Само собою разумѣется, хозяинъ не страдалъ излишней стыдливостью, но зато онъ былъ очень остороженъ. Эту дѣвушку поручили ему, отдали на его отвѣтственность, и онъ не желалъ никакихъ исторій. Ночью онъ запиралъ ее крѣпко-накрѣпко. Днемъ онъ присматривалъ за ней и не любилъ, чтобы съ ней слишкомъ любезничали.

Гаспаръ же... Гаспаръ переживалъ весну.

За мѣсяцъ передъ тѣмъ, когда онъ еще лежалъ въ госпиталѣ, онъ видѣлся со своей женой, со своей Бибишъ. Она навѣстила его. И вотъ теперь онъ говорилъ о ней не въ очень-то любовныхъ выраженіяхъ:

— О, я ее, конечно, люблю, но она меня раздражаетъ!.. Надѣюсь, она не скоро появится здѣсь. Стоитъ ей на меня посмотрѣть, какъ она начинаетъ ревѣть: „Ахъ, ты, бѣдненькій", да „цыпленочекъ ты мой", да „какъ они тебя искалѣчили"... Нѣтъ, я ей сказалъ, чтобы она проваливала!.. Она только и дѣлаетъ, что разыскиваетъ мою ногу, которой нѣтъ больше. А я ей сказалъ: „Такъ смотри же на другую ногу, она тутъ, и цѣлехонька!" Она все свое: „Не надо мнѣ другой ноги! Ахъ, ты, бѣдняга! И-ии, и-нии!.. Что теперь съ нами будетъ? И-ии, и-ни!.. Твое дѣло, и-ии, и-ни, пропало, и-ии!" Вотъ глупая! Мнѣ наплевать на мое дѣло! Точно нѣтъ тысячи другихъ дѣлъ? Я не могу много ходить, такъ что же изъ этого? Я сдѣлаюсь министромъ, ихъ возятъ въ каретахъ.

Онъ крикнулъ: — Мамзель Аннеттъ! — потомъ продолжалъ: — Мамзель Аннеттъ, я хочу разводиться... Хочу на васъ жениться... Вотъ-то намъ будетъ весело вдвоемъ, мы будемъ смѣяться, не переставая!

И онъ запѣлъ:

Онъ говорилъ мнѣ про любовь,
Его слова волнуютъ кровь...
Ахъ... вдругъ меня онъ обоймстъ?
Ну, что тогда произойдетъ?..

Мадемуазель Аннеттъ смѣялась, прислуживая другимъ гостямъ. Тогда онъ принялся посылать ей страстные воздушные поцѣлуи, пока она снова не обернулась къ нему. Тутъ появился хозяинъ, который нашелъ, что пора перемѣнить разговоръ

— Такъ значитъ, господинъ Гаспаръ, нога васъ больше совсѣмъ не безпокоитъ?

— Моя нога? Не стоитъ приставать ко мнѣ съ моей ногой, она и такъ мнѣ до смерти надоѣла!

— Такъ она была очень попорчена?

— Лучше и не говорить объ этомъ! Мерзость! Зараза! Мнѣ самому было противно! Когда докторъ сказалъ мнѣ: „Соглашаетесь ли вы, чтобы ее отняли?", я отвѣтилъ: „Милый мой, если бы мой ножъ былъ хорошо отточенъ, я давно самъ отрѣзалъ бы ее безъ твоей помощи!" Ей-Богу, это была настоящая отрава... Я говорилъ себѣ: „Неужели же они такъ и оставятъ эту ногу при мнѣ на вѣки вѣчные?"

При этомъ воспоминаніи на его лицѣ появилось свирѣпое выраженіе. Потомъ онъ вдругъ весело расхохотался:

— Вотъ-то была потѣха! Разъ какъ-то докторъ подходитъ къ моей кровати съ такой виноватой рожей и говоритъ: „Скажите, молодой человѣкъ (ужъ они тамъ не знали, какъ меня и называть), скажите, вамъ не все равно, если вашу ногу приберегутъ, вмѣсто того, чтобы ее сжечь?" Приберечь такую гадость. Ей-Богу, я подумалъ, что онъ пьянъ! Но онъ мнѣ объяснилъ, что ужъ очень у меня хорошая нога, что на ней какая-то интересная опухоль. какъ ее... однимъ словомъ, ему хотѣлось бы заспиртовать ее. Тутъ я ему говорю: „Да вѣдь это прямо-таки грѣхъ тратить на это спиртъ!" А онъ былъ радъ-радешенекъ, точно ему не вѣсть что подарили. Ей-Богу, стоило посмотрѣть на него! Я и говорю ему: „Ну, что же, пусть будетъ по-вашему! А банку поставьте на буфетъ... Только нельзя сказать, чтобы... чтобы вы любили свѣжее мясо!"

И Гаспаръ опять захохоталъ. Тутъ онъ снова поймалъ служанку за фартукъ, обхватилъ ее, поцѣловалъ и запѣлъ:

Она сломала деревяжку-ножку,
Сломала ножку.
Взбираясь на подножку,
Сломала ножку.

Лицевая и оборотная сторона медали.

Германская медаль, выбитая въ память войны въ 1914 г. На медали надпись: „Nach Paris!“ („Въ Парижъ!“).

То же изображеніе на медали, измѣненное англичанами, соотвѣтственно ходу войны, въ 1917 г. На медали надпись: Nach Hause!“ („Домой!“).

Хозяинъ засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ и воскликнулъ:

— Этотъ господинъ Гаспаръ прямо великолѣпенъ!

А Гаспаръ всталъ и, прыгая на одной ногѣ черезъ все кафе, продолжалъ напѣвать:

Взбираясь на подножку,

Сломала ножку...

Онъ проковылялъ за служанкой на кухню и тамъ вдругъ объявилъ рѣшительно:

— Гм!.. Хочу поцѣловать васъ еще разъ!

Черныя кошки испугались и быстро шмыгнули въ разныя стороны мимо его единственной ноги.

Онъ вернулся къ своему столику и крикнулъ:

— Еще одинъ вермутъ на черной смородинѣ!

Немного спустя онъ началъ разсказывать судебному приставу и золотыхъ дѣлъ мастеру, какъ ему жилось во второмъ госпиталѣ, и тѣ съ наслажденіемъ слушали его, попивая кофе и глядя на него прищуренными отъ удовольствія глазами.

— Ну, и скажу я вамъ, это была не жизнь, а одно удовольствіе! Подношеній всякихъ столько, сколько... цифръ на циферблатѣ! Табакъ, пирожное, помада для усовъ... чего только не было! Я лежалъ въ кровати и надрывался отъ хохота. Когда я видѣлъ, какъ онѣ лѣзутъ изъ кожи, я говорилъ себѣ: „Великолѣпно! Еще прибыль!“ Я притворялся, будто сплю, а потомъ открывалъ глаза и тяжко вздыхалъ. Тутъ дамы не выдерживали, бросались ко мнѣ и говорили ласково: „Мой бѣдный другъ, не хотите ли вы чего-нибудь?“ Мнѣ стоило только намекнуть, какъ мнѣ преподносили все, чего бы я ни пожелалъ, точно на подносѣ. Ну, а ужъ про посѣщенія и говорить нечего! Цѣлой вереницей приходили! Дамы въ перчаткахъ, старички, увѣшенные орденами до самаго живота, генералы, епископы, префекты, журналисты... Ахъ, ужъ эти журналисты, до чего они меня смѣшили! Они кривлялись передо мной, словно святоши передъ святымъ Антоніемъ: „Какъ поживаете, monsieur? Вы очень страдаете, monsieur? Разскажите намъ, какъ все это произошло, monsieur?“... И стоило посмотрѣть, какъ скрипѣли ихъ перья подъ мою диктовку!.. А я-то думалъ, что для того, чтобы прославиться, надо устроить что-нибудь особенное... Чего тамъ, и такъ хорошо!

Онъ попробовалъ свой вермутъ, вытеръ усы и крикнулъ:

— Хозяинъ, въ этой штукѣ нѣтъ никакого вкуса! Что я, дѣвчонка, что ли, которую угощаютъ сахарной водицей!

Хозяинъ съ неопредѣленной гримасой на лицѣ отвѣтилъ:

— Сейчасъ... иду...

Гаспаръ пожалъ плечами: „Этакій разбойникъ!“ и продолжалъ:

— Послѣ „осто“ меня отправили на поправку въ зàмокъ. Тамъ еще лучше... Не жизнь, а масленица! Я сразу почувствовалъ себя милліонеромъ: кровать трехспальная, мыло, отъ котораго пахнетъ актрисой, а ѣда... ѣда такая, что хотѣлось бы быть жвачнымъ животнымъ, чтобы пережевывать ее!.. А маркизъ... ну, это старая калоша, только онъ добрый парень, настоящая просфора. По утрамъ онъ навѣщаетъ насъ. Онъ шамкаетъ и говоритъ: „Ну какъ?.. Ну какъ?“ А я высуну изъ-подъ одѣяла свой обрубокъ ноги и отвѣчаю: „Да такъ... да такъ... за ночь она не успѣла еще отрасти!“ И онъ покатывается со смѣха, какъ дурачокъ. Чудной!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Няня.

Картинка **В. Островскаго.**

На кухнѣ гости: служанки изъ сосѣднихъ домовъ. Звонкая трескотня. Молодость дышитъ здоровьемъ и весельемъ.

— Памфиловна! А Памфиловна!—пристаютъ дѣвушки,—разскажите, гдѣ бывали, что видали; баютъ, много интереснаго знаете.

Памфиловна киваетъ головой, какъ будто клюетъ, подбираетъ вокругъ беззубаго рта сморщенную кожу и, шамкая блѣдными губами, отвѣчаетъ:

— Да развѣ все упомнишь; много мѣстовъ извѣдала, у многихъ господъ служила.

— И все въ няняхъ?

— Да. Что ни есть, съ подростка. Какъ пошла служить къ одной барынѣ, такъ и служу доселѣ. Годковъ будетъ...—Памфиловна опускаетъ голову и, приложивъ палецъ къ углу сморщеннаго, напоминающаго стянутый мѣшочекъ, рта, напряженно вспоминаетъ.—Ужъ и счетъ потеряла. Какъ тифомъ болѣла, такъ и забыла. Не вспомню, голубки, не вспомню.

— Будетъ лѣтъ двадцать?

Ротъ у старушки весело растягивается, глаза уходятъ въ глубь орбитъ и тамъ вспыхиваютъ тусклыми огоньками.

— Э-хе-хе! Коли бы только двадцать, такъ мнѣ бы въ пору и замужъ выходить! Нѣтъ, милыя, стара я; мнѣ, почитай, лѣтъ шестьдесятъ наберется съ походомъ. Да, ежели считать, что начала служить на пятнадцатомъ, такъ наберется годковъ пятьдесятъ, какъ въ нянькахъ-то.

Дѣвушки въ одинъ голосъ вскрикиваютъ:

— Пятьдесятъ лѣтъ въ нянькахъ!

Глаза ихъ полны испуга.

— Сколько же дѣтей вы вынянчили?

— Да Богъ ихъ знаетъ; развѣ сочтешь.

— Цѣлый полкъ, видно.

У Памфиловны приподнимается лѣвая бровь. Глазъ подъ нею расширяется и округляется. Старушка пристально взглядываетъ на дѣвушекъ.

— Напомнили, голубки. А и вправду, у меня больше мальчики были. Сыночки мои, гдѣ вы? Знаю, нѣкоторые въ офицера пошли. Вотъ, помнится, Вася Краевъ, Митя купца Расторгуева, Сережа Шанинъ... Еще?.. Эхъ, трудно вспомнить. Лучше я карточки выну, по карточкамъ легче.

Памфиловна дрожащими руками разстегиваетъ ситцевую кофту. Обнажается темная впалая грудь. Вѣетъ отъ нея холодомъ: теплота давно ушла на согрѣваніе маленькихъ дѣтскихъ сердечекъ.

— Сейчасъ, дѣвоньки, только ключикъ достану; всё покажу...

Сняла съ груди нитку съ ключикомъ, открыла ветхій, какъ сама, сундучокъ и вынула завѣтный узелочекъ.

— Вотъ гдѣ они, мои сыночки. У многихъ карточки выпросила.

Памфиловна распутываетъ узелокъ, и карточки разсыпаются по столу. Дѣвушки приподнимаются, налегаютъ на столъ, перебираютъ, стрекочутъ:

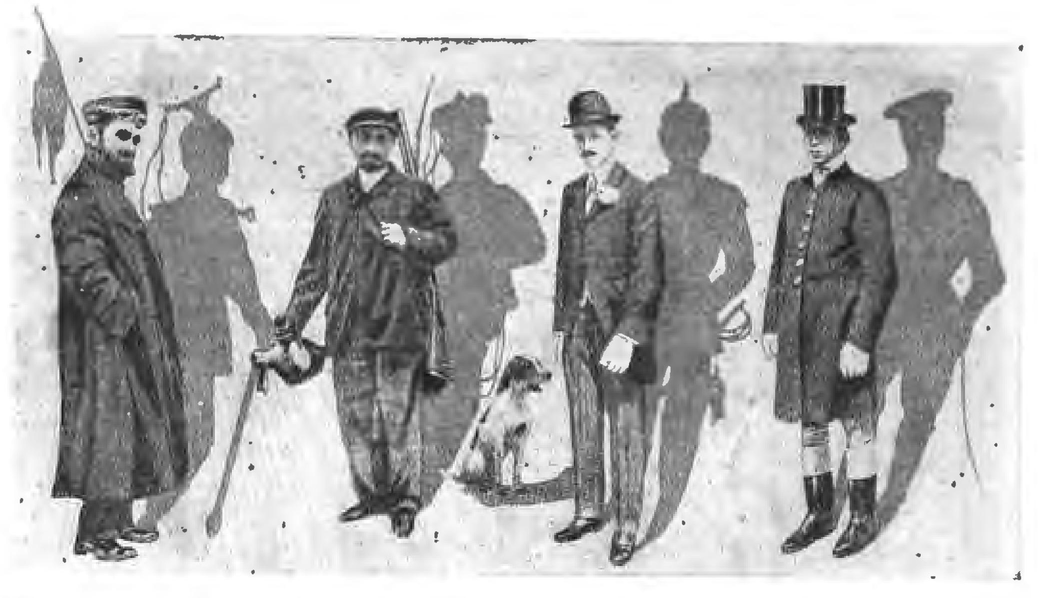
— Ахъ, какой смѣшной!

— Карапузикъ!

— Гляди, гляди: голенькій. А тѣльце-то, тѣльце какое!

Горятъ глаза у дѣвушекъ; глядитъ въ нихъ сама природа.

— Глазенки-то! Какіе глазенки! — восхищается рябая блондинка,—у-у!



Тѣни германскаго шпіонажа.

Она прижимаетъ къ губамъ выцвѣтшую карточку и громко чмокаетъ.

Памфиловна оживаетъ. Смѣются ея впалые глаза, смѣется зіяющій ротъ, смѣются морщины вокругъ рта и глазъ; кажется, что смѣется и одинокій, торчащій изо рта, зубъ.

— Ты вотъ цѣлуешь его, а онъ теперь уже съ усами. Ха-ха-ха! Ему годковъ двадцать пять будетъ. Офицеръ уже.

— Миленькая,—взвизгиваетъ блондинка,—это и лучше, что двадцать пять... какъ разъ, значитъ.

— Знаю,—улыбается Памфиловна, перебирая карточки,—вотъ вторая его карточка, здѣсь онъ уже женихъ настоящій.

Блондинка хватаетъ карточку съ молоденькимъ офицеромъ и звучно цѣлуетъ.

Всѣ весело смѣются.

— Вотъ этотъ тоже офицеръ,—продолжаетъ Памфиловна,—и этотъ... и этотъ тоже...

— Значитъ, всѣ они на войнѣ,—говоритъ молоденькая чернявка,—и, можетъ-быть, уже убиты...

У Памфиловны вдругъ приподнимаются обѣ брови. Въ глазахъ испугъ.

— Что̀ ты сказала? На войнѣ? Убиты?

— Ну да. Коли офицеры—значитъ на войнѣ, а коли на войнѣ, такъ... вѣдь все могло случиться.

— Правда твоя, — упавшимъ голосомъ шепчетъ Памфиловна; нервно перебираетъ карточки, всматривается въ лица; губы ея дрожатъ, пальцы деревянѣютъ.

— Дѣточки мои! Сыночки мои! Вѣдь и вправду, можетъ, кто изъ васъ убитъ. Господи! А я, старая, и въ умъ не взяла. И не вспомнила, и не молилась...

Изъ старческихъ глазъ выступаютъ слезы.

— Правду ты, дѣвонька, сказала, правду. Вѣдь я ихъ вынянчила здоровенькими, значитъ, какъ разъ въ герои... Дѣточки мои! Гдѣ вы? Живы ли? Кто изъ васъ за Русь...

Сморщилось лицо Памфиловны, какъ печеное яблоко. Изъ глазъ выступила вторая пара слезинокъ; повисли онѣ на рѣсницахъ и долго блестятъ на нихъ, какъ бы не рѣшаясь упасть на грязный полъ.

— Хоть узнать бы, живы ли...—шепчетъ Памфиловна,—помолилась бы...

— Знаешь что̀, Памфиловна?—приподнимая указательный палецъ, говоритъ смуглянка,—у моихъ господъ много разныхъ журналовъ, а въ нихъ—портреты этихъ самыхъ убитыхъ и раненыхъ, и подписано, какъ называются. Сама видѣла. Хочешь, принесу?

Памфиловна крякаетъ, вздыхаетъ.

— Журналы и у моихъ есть. А я и забыла. Они тамъ у барышни на этажеркѣ. Только нѣтъ ея. Ну, что̀ жъ, возьму сама, а потомъ опять на мѣсто положу.

Старушка уходитъ въ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ цѣлымъ ворохомъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Наклонившись надъ столомъ, дѣвушки съ напряженнымъ вниманіемъ разсматриваютъ портреты героевъ. Смуглянка перелистываетъ и читаетъ:

— Штабсъ-капитанъ Василій Ивановичъ Краевъ.

— Постой,—волнуется Памфиловна,—постой! Какъ прочитала? Повтори.

— Краевъ.

— А имя?

— Василій.

— Василій, Вася, значитъ, — лепечетъ старуха,—онъ... чувствую, онъ... Дай посмотрѣть. Господи! И узнать невозможно. А красавецъ какой сталъ! Читай: что̀ съ нимъ? Бѣдненькій! Раненъ, говоришь?

— Раненъ.

Памфиловна двигаетъ губами, будто что-то жуетъ; щеки вздрагиваютъ.

— Ну, а дальше кто?—спрашиваетъ Памфиловна, овладѣвъ собою.

Чернявка перелистываетъ и читаетъ подписи. Дѣвушки молчатъ: безпечное веселье спугнуто и исчезло. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ—второй „сыночекъ" Памфиловны, убитый офицеръ.

Старушка мгновеніе молчитъ: языкъ не повинуется, въ горлѣ сдавило. Она всматривается въ лицо убитаго, медленно переводитъ глаза на блондинку и говоритъ:

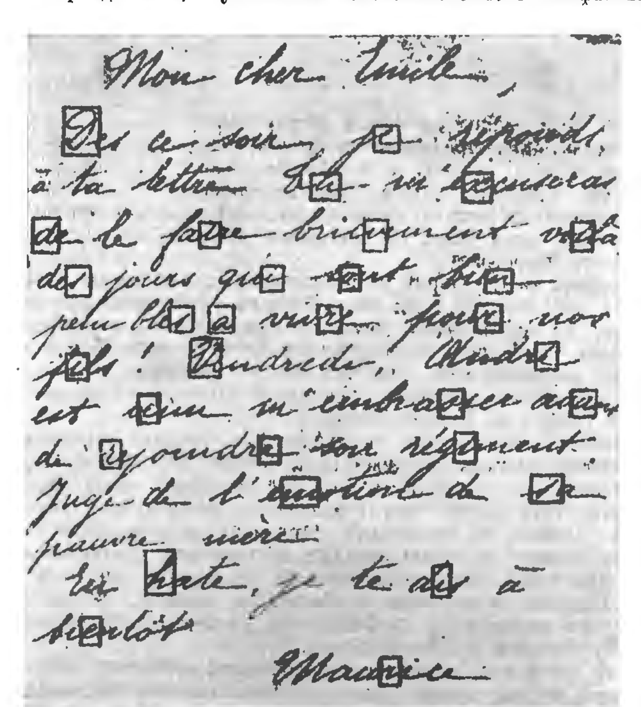
— Это тотъ самый, что̀ ты цѣловала. Гляди, какъ похожъ...

Дѣвушки тѣснѣе сбиваются у карточки. Глядятъ грустными глазами. Въ кухнѣ тихо. Шморгнула носомъ Памфиловна и еще ниже наклонилась. Понимаютъ гости, что старушка плачетъ, и молчатъ.

Дѣвушки ушли. Въ кухнѣ темно. Возвратившіеся изъ гостей хозяева давно уже спятъ. А Памфиловна лежитъ, не смыкая глазъ, и думаетъ.

Тяжелы старческія думы: безъ просвѣта, безъ луча надежды, безъ искры тепла.

— Сыночки мои милые! Упокой васъ, Господи! А коли кто живъ, сохрани... сохрани, Пречистая!..



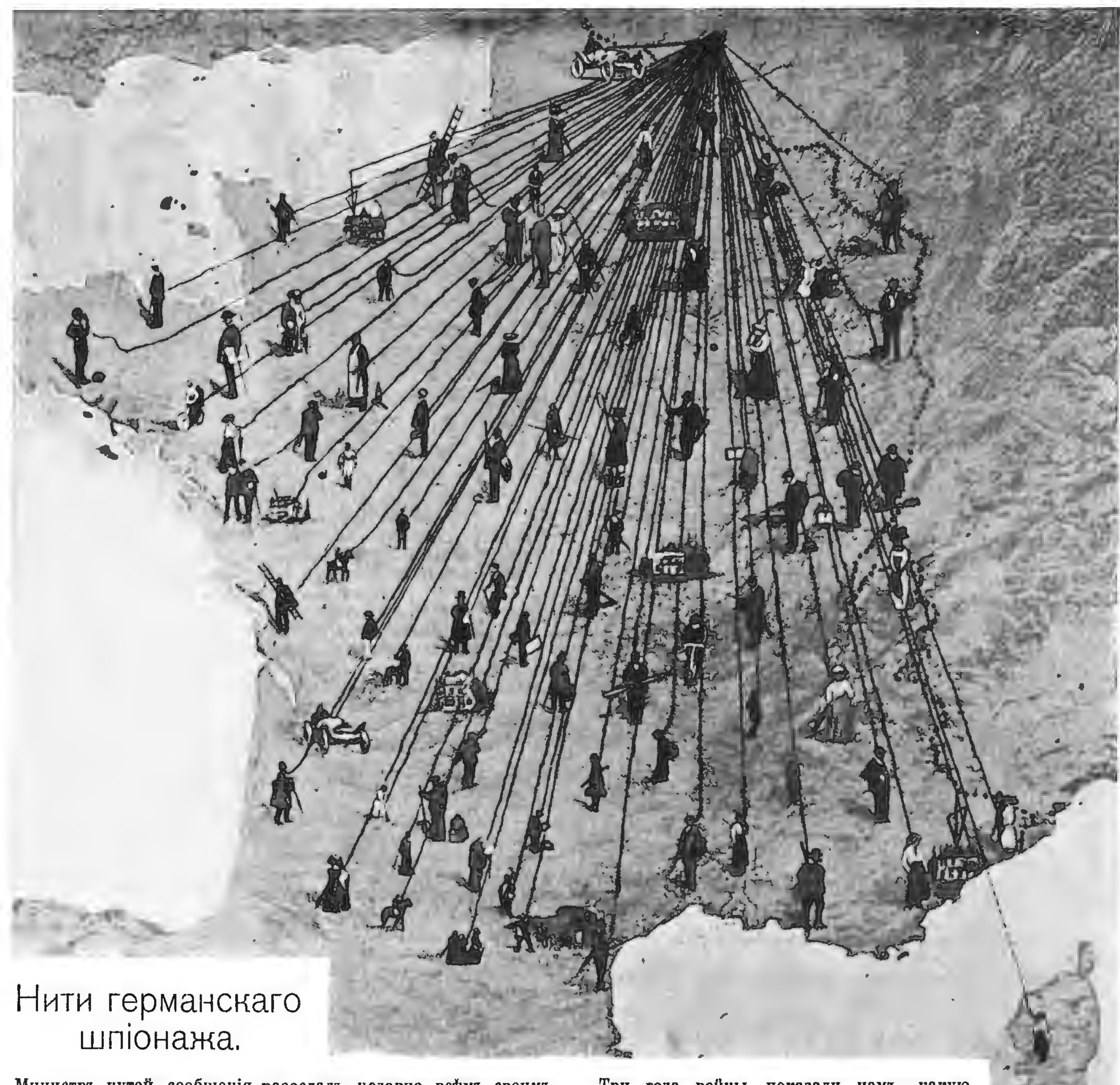
Mon cher Emile,

Dès ce soir je réponds à ta lettre. Elle m'excusera de le faire brièvement voilà des jours que [...] bien peu [...] à vrai pour nos fils! Vendredi, André est venu m'embrasser avant de rejoindre son régiment. Juge de l'émotion de sa pauvre mère.

En hâte, je te dis à bientôt.

Maurice

Шифрованное письмо шпіона. *Подъ видомъ безобиднаго дружескаго письма передается тайное сообщеніе. Дѣлается это при помощи листка бумаги съ квадратными вырѣзами въ видѣ рѣшетки. Квадратики вырѣзаны въ тѣхъ мѣстахъ, которыя соотвѣтствуютъ нужной буквѣ тайнаго текста. Стоитъ получателю письма наложить на него условленную „рѣшетку"—шифръ, и выступитъ весь передаваемый текстъ. Тайный текстъ этого письма слѣдующій: Deux divisions arrivées à Reims hier (двѣ дивизіи прибыли въ Реймсъ вчера).*



Нити германскаго шпіонажа.

Министръ путей сообщенія разослалъ недавно всѣмъ своимъ подчиненнымъ, а также чинамъ милиціи телеграмму о томъ, что нѣмцами разосланы агенты для покушенія на жизнь членовъ Временнаго Правительства съ цѣлью помѣшать работѣ демократіи.

Одновременно съ этимъ начальникъ Николаевской желѣзной дороги обратился къ начальствующимъ лицамъ дороги и чинамъ милиціи со слѣдующей телеграммой:

„Изъ Ставки сообщено, что нѣмцами разосланы агенты съ цѣлью произвести покушеніе на жизнь нѣкоторыхъ членовъ Временнаго Правительства и въ частности на военнаго министра.

Прошу служащихъ желѣзныхъ дорогъ и милиціонеровъ принять всѣ мѣры къ обнаруженію и задержанію вражескихъ агентовъ".

Эти предательскіе способы веденія нѣмцами „мирной" войны—прямое продолженіе ихъ непрерывной тайной работы во все время затѣянной ими войны и задолго до нея путемъ утонченнѣйшихъ способовъ шпіонажа и подкупа. Нити этой широкой сѣти германскаго шпіонажа, раскинутой по всей Европѣ, протянуты изъ Берлина во всѣ населенные центры и опутали людей съ шаткой совѣстью въ самыхъ разнообразныхъ классахъ населенія.

Мы помѣщаемъ здѣсь наглядное изображеніе этой системы нѣмецкаго шпіонажа. Разныя фигуры, къ которымъ протянуты эти нити, изображаютъ разнообразныя профессіи, которыми занимались нѣмецкіе шпіоны въ Западной Европѣ для цѣлей развѣдки въ городахъ и деревняхъ, среди военныхъ и рабочихъ, въ учрежденіяхъ и семьяхъ, въ видѣ комми-вояжеровъ, прислуги—кучеровъ и лакеевъ, учителей и боннъ, свѣтскихъ молодыхъ людей, подъ личиной прожигателей жизни и спортсменовъ, втиравшихся въ офицерскую среду и въ дипломатическія сферы...

Въ одной Франціи, по словамъ Поля Ленуара, издавшаго книгу „Германскій шпіонажъ во Франціи", „работало" до нынѣшней войны болѣе 35.000 шпіоновъ.

Три года войны показали намъ, какую широкую сѣть предательства и шпіонажа свили нѣмцы у насъ и у нашихъ союзниковъ. Свѣдѣнія изъ-за границы даютъ возможность убѣдиться, до какой наглости доходитъ германскій шпіонажъ даже тамъ, гдѣ шпіонамъ работать много труднѣе, чѣмъ въ Петроградѣ.

Недавно въ Нью-Іоркѣ полиція арестовала нѣсколько германскихъ шпіоновъ, въ томъ числѣ Гейнена, уполномоченнаго Вильгельма по его личнымъ коммерческимъ дѣламъ, и извѣстнаго ученаго, спеціалиста по радіографіи проф. Геннека. Между прочимъ, американскимъ властямъ удалось выяснить, что эти германскіе агенты составили обширный заговоръ съ цѣлью поджечь урожай въ Южной Дакотѣ.

Швеція, пограничная съ Финляндіей, кишитъ германскими шпіонами. Органъ шведской с.-д. партіи „Social-Demokraten" сообщилъ, что въ дѣлѣ съ бомбами замѣшанъ нѣкій Лассенъ, коммерческій агентъ при германскомъ генеральномъ консульствѣ. Недавно въ Стокгольмѣ германскіе шпіоны убили лейтенанта Смида, съ цѣлью овладѣть документами, составляющими военную тайну. Норвежская полиція установила широкую развѣтвленность германскаго бомбистскаго заговора. Вѣтви этого заговора простерлись въ Финляндію, въ портъ Александровскъ, на Мурманскую желѣзную дорогу.

Всѣ эти факты, являющіеся малой долей всего того, что обнаружено, но чего нельзя еще опубликовать въ цѣляхъ выясненія всей сѣти заговоровъ и предательствъ, требуютъ отъ насъ, гражданъ, дружнаго отпора подпольной работѣ враговъ, и каждый изъ насъ, завидя въ своемъ городѣ, деревнѣ, имѣніи, домѣ, семьѣ вражескаго шпіона или продавшагося ему русскаго, обязанъ обнаружить его, прослѣдить и передать военнымъ властямъ.

Все это нужно непрерывно изготовлять и посылать нашимъ войскамъ на фронтъ. Пусть каждый изъ насъ помнитъ, что купившій облигацію „Займа Свободы" въ 100 рублей даетъ арміи 4 ружья, 15 снарядовъ или 1000 патроновъ.

На дорогѣ.

Разсказъ **Ф. Буте.**

Солдатъ шелъ изъ города. Лѣтъ тридцати, высокій, очень смуглый. Густая борода совершенно мѣняла его лицо, такъ что люди, знавшіе его до войны, не узнавали его теперь. Низко надвинутая на лобъ фуражка скрывала его глаза.

Приближался вечеръ. Надъ деревьями нависли тяжелыя свинцовыя тучи.

Солдатъ шелъ быстрыми, твердыми шагами. Время отъ времени онъ окидывалъ грустнымъ взглядомъ знакомую мѣстность и тяжело вздыхалъ. Подойдя къ небольшому трактиру, который былъ расположенъ недалеко отъ поворота дороги, онъ замедлилъ шаги, точно колебался. На одну минуту онъ остановился, даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, но вскорѣ снова вернулся, посмотрѣлъ черезъ окно въ трактиръ, увидѣлъ, что тамъ никого нѣтъ, и вошелъ. Онъ сѣлъ за столикъ въ самомъ темномъ уголочкѣ комнаты и спросилъ кофе.

Дремавшій за стойкой толстякъ съ сѣдыми волосами, взъерошенными усами и кирпичнымъ цвѣтомъ лица лѣниво открылъ глаза.

Наливъ и подавъ солдату кофе, онъ подошелъ къ двери, широко распахнулъ ее и остановился у порога.

— Снова дождь!—воскликнулъ онъ.

Солдатъ не отвѣтилъ. Онъ пилъ кофе. Затѣмъ онъ опустилъ голову на руки и задумался.

— Послушайте, хозяинъ!—сказалъ онъ наконецъ.

Толстякъ закрылъ дверь и приблизился.

— Что угодно? Вамъ не нравится кофе?

— Не въ этомъ дѣло.

Солдатъ говорилъ сквозь зубы. Онъ скручивалъ папиросу. Когда онъ закуривалъ ее, было видно, что его пальцы дрожали.

— Скажите,—продолжалъ онъ,—вы Андрэ Кудеръ?

— Да, — отвѣтилъ трактирщикъ. — Развѣ вы меня знаете?

Онъ старался разглядѣть своего собесѣдника, но тотъ продолжалъ сидѣть съ низко опущенной головой. Къ тому же и сумерки сгустились.

— Мнѣ говорили о васъ.

— Кто?—спросилъ заинтригованный трактирщикъ.

Но солдатъ, казалось, не обратилъ вниманія на его вопросъ. Онъ продолжалъ курить, нервно барабаня длинными, загорѣлыми пальцами по столику.

Внезапно онъ рѣшился. Онъ поднялъ голову, взглянулъ прямо въ глаза трактирщику и спросилъ измѣнившимся отъ волненія голосомъ:

— Такъ ты не узнаешь меня?

— Господи! Да это Луи!

Съ широко раскрытымъ ртомъ, съ округлившимися отъ изумленія глазами, Андрэ Кудеръ сдѣлалъ шагъ назадъ и повторилъ:

— Ну, конечно! Ты Луи, мой племянникъ Луи!

— Да,—отвѣтилъ солдатъ.

— Вотъ такъ штука! У меня отъ неожиданности отнялись руки и ноги.

Пыхтя и отдуваясь, толстякъ сѣлъ съ другой стороны столика.

— Хочешь еще кофе?—спросилъ онъ вдругъ.—Нѣтъ? Ну, и не надо. Да, правда, до кофе ли теперь! Скажи, ради Бога, гдѣ же ты пропадалъ въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ?

— А вѣдь правда,—пробормоталъ Луи, точно говоря самъ съ собою,—пять лѣтъ прошло...

— Да, пять лѣтъ. Скажи, зачѣмъ ты сбѣжалъ, не сказавъ никому ни слова, и съ тѣхъ поръ не подавалъ признака жизни, точно умеръ?

Секунду старикъ колебался, затѣмъ докончилъ убѣжденнымъ тономъ:

— Ты нехорошо поступилъ, знаешь! Нельзя бросать такимъ образомъ жену и двухъ малышей, въ особенности, когда никто тебѣ ничего дурного не сдѣлалъ... Какая муха тебя укусила, зачѣмъ ты уѣхалъ? Мы всѣ думали, что ты очень счастливъ...

— Развѣ я знаю?.. Мнѣ было скучно, надоѣло все...—пробормоталъ солдатъ.

Трактирщикъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и пожалъ плечами.

— Положимъ, ты всегда былъ какой-то странный, не такой, какъ всѣ... но все-таки я не могу понять...

— Теперь я тоже не понимаю,—сознался Луи.

Онъ слегка покраснѣлъ и добавилъ:

— А Мари и дѣти здоровы? Ты навѣщаешь ихъ?

— Да. Всѣ здоровы.

Оба замолчали. Прошло нѣсколько минутъ. Солдатъ заговорилъ снова:

— Я ушелъ, потому что мнѣ стало скучно здѣсь, надоѣло все. Молодъ былъ очень, глупъ! Я думалъ, что, сдѣлавшись свободнымъ, буду хорошо зарабатывать. Я не хотѣлъ таскать за собой жену и ребятъ. Я хотѣлъ поѣхать въ Парижъ... путешествовать...

— Ты хотѣлъ поѣхать за твоей подруженькой! Мнѣ разсказывали...

— Неправда. Я уѣхалъ только потому, что не зналъ, куда дѣваться со скуки. Конечно, это было дико. Тамъ я еще больше скучалъ.

— Почему же ты не вернулся?

— Я не могъ вернуться, разъ я бросилъ ни съ того ни съ сего жену и дѣтей. Это было невозможно. Я много разъ думалъ объ этомъ, но не смѣлъ.

— Какъ же ты рѣшился вернуться теперь?

— Во-первыхъ, я пришелъ только навѣстить тебя, справиться объ ихъ здоровьѣ. И потомъ это не одно и то же... Я не былъ во Франціи, когда началась война. Но я немедленно вернулся и съ тѣхъ поръ все время въ дѣлѣ...

Онъ остановился. Дверь, которая вела въ жилыя комнаты, отворилась, и на порогѣ показалась женская фигура. Луи вздрогнулъ.

— Не говори ничего!—взволнованно шепнулъ онъ трактирщику и снова опустилъ голову на руки.

Въ комнату вошла молодая красивая женщина съ ласковымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Она зажгла керосиновую лампу, спускавшуюся на цѣпочкѣ надъ прилавкомъ, повѣсила на мѣсто валявшееся на табуреткѣ полотенце и ушла, плотно притворивъ за собой дверь.

Солдатъ поднялъ голову. Онъ былъ блѣденъ.

— Она здѣсь! Ты взялъ ее къ себѣ?—тихо спросилъ онъ.

— Конечно,—ворчливо отвѣтилъ старикъ.—Не могъ же я дать имъ умереть съ голоду, ей и крошкамъ. Малыши славные, просто прелесть! Старшій ходитъ въ школу. Твоя жена присматриваетъ за хозяйствомъ. Я вовсе не заставляю ее надрываться надъ работой... у насъ есть служанка.

— Благодарю тебя,—сказалъ Луи.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подавить охватившее его волненіе, и спросилъ:

— Она не говорила о разводѣ?

— Нѣтъ.

— А...—онъ остановился.—А обо мнѣ она никогда не вспоминаетъ?

— Никогда. Знаешь, послѣ того, что ты съ нею выкинулъ!

— Я хотѣлъ вернуться, я не смѣлъ. Теперь меня послали съ порученіемъ сюда, въ городъ. Я не вытерпѣлъ. Рѣшилъ зайти къ тебѣ. Тѣмъ болѣе, что завтра утромъ я долженъ быть на мѣстѣ... Куда ты?

Трактирщикъ всталъ.

— Я иду за твоей женой. Не бойся, я осторожно сообщу ей о тебѣ, подготовлю ее сначала.

— Нѣтъ, не надо. Я не могъ удержаться... Мнѣ хотѣлось разспросить тебя о ней, о дѣтяхъ, но если бы я зналъ, что она здѣсь, я бы, вѣроятно, не рѣшился прійти.

Онъ покачалъ головой и повторилъ:

— Нѣтъ, не зачѣмъ ей знать... Тѣмъ болѣе, что она и не узнала меня.

— Неудивительно! Во-первыхъ, ты опустилъ голову такъ, что лица почти не было видно, а во-вторыхъ, ты сталъ совсѣмъ другимъ съ этой бородой.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Луи.—Я тебѣ говорю, что она не должна знать. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше я нахожу, что такъ будетъ лучше. Я и безъ того доставилъ ей не мало горя. Правда? Теперь она забыла меня, увѣрена, что я никогда не вернусь, и живетъ спокойно. Если она повидаетъ меня, если она еще любитъ меня и узнаетъ, что я измѣнился, что я хочу вернуться къ ней послѣ войны, зажить, какъ слѣдуетъ, у нея не будетъ больше ни минуты спокойной. Вѣдь я ее хорошо знаю. А если меня убьютъ, она будетъ горевать. Я не имѣю права увеличивать ея горе. Довольно того, что было.

Секунду онъ помолчалъ, затѣмъ продолжалъ болѣе тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ:

— А если, что всего вѣроятнѣе, она разлюбила меня и оттолкнула бы отъ себя, мнѣ было бы слишкомъ тяжело... я бы потерялъ послѣднюю искорку надежды на то, что она проститъ меня послѣ... когда кончится война.

— Можетъ-быть, ты и правъ,—пробормоталъ трактирщикъ.

Солдатъ всталъ.

— Ну, мнѣ пора! Завтра утромъ я уже буду въ полку. Не говори ей ничего, хорошо? Ты теперь знаешь, гдѣ я... Иногда мнѣ напишешь о нихъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Кудеръ.—До свиданья, племянникъ! Мы еще увидимся?

— Надѣюсь.

Они обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ. Луи вышелъ. Дождь прекратился. Было почти совсѣмъ темно. Медленно, точно съ сожалѣніемъ, удалялась фигура солдата отъ трактира. У поворота онъ остановился и грустно взглянулъ на огонекъ, свѣтившійся въ окнахъ.

Въ это мгновенье изъ темноты вынырнула женская фигура, двѣ руки обвились вокругъ его шеи, и голосъ, котораго онъ не слыхалъ уже пять лѣтъ, прошепталъ сквозь слезы:

— До свиданья, Луи! Я буду ждать тебя... ты вернешься послѣ войны. Я не переставала любить тебя... До свиданья!

И, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ охватившаго его радостнаго изумленія и удержать ее, она пропала во тьмѣ.

Молодка.

Запрягать пошла буланаго,
Да припомнила... да въ плачъ,
Облила слезами заново
Рукава шитой кумачъ.
Долго, нѣтъ ли слезы капали,—
Горе—недругъ, дѣло—другъ,—
Покатилъ буланый на поле,
Заплясалъ въ телѣгѣ плугъ.

Вотъ и межи прошлогоднія...
Помолилась на востокъ...
Эхъ! На все Рука Господняя...
Славный выдался денекъ.
Свѣтитъ солнце, крошки маковой
Въ синемъ небѣ не сыскать.
Ну, буланый, выволакивай!
Заждалась землица-мать.

Твой хозяинъ,—коль воротится,—
Мой любимый муженекъ
До упаду намолотится,
Попригладитъ черный токъ.
Будетъ радости нечаянной!..
А убьютъ—судьба ужъ, знать...
Ну, пошелъ, пошелъ, немаянный.
Имъ—сражаться, намъ—пахать!

Алексѣй Липецкій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 47 и ежемѣс. иллюстрир. прилож. ДЛЯ ДѢТЕЙ № 7

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ д. № 29.

Выданъ 15-го іюля 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.: на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка", кн. 48.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ".

Вышли изъ печати:

Мережковскій, Д. С. Первенцы свободы. История возстанія 14-го Декабря 1825 г. Ц. 40 коп.
В — ій, В. А. Ф. Керенскій. Ц. 65 коп.
Бабушка Брешко-Брешковская о самой себѣ Ц. 20 коп.
Призывъ „бабушки" Е. К. Брешко-Брешковской. Ц. 3 коп.
Бакрыловъ, В. Что такое демократическая республика. Подъ редакц. Е. Брешко-Брешковской. Ц. 5 коп.
Савинковъ, Б. (В. Ропшинъ). Единеніе и оборона. Ц. 5 коп.
Устиновъ, В. Что нужно знать каждому гражданину. Государство и война. Ц. 5 коп.
Булановъ, Л. Что должно дать народу Учредительное Собраніе. Ц. 12 коп.
" Какъ у насъ пала царская власть. Ц. 5 коп.
Брешко-Брешковская, Е. К. Что дѣлать въ Учредительномъ Собраніи. Ц. 12 коп.
Стоговъ, Михаилъ. Кому нужны погромы? Ц. 25 коп.

Вскорѣ выйдутъ изъ печати:

Михалевъ, М. свящ. Царская власть есть зло, и выбирать царя не слѣдуетъ. Ц. 15 коп.
Михайловъ, М. Тяжба о землѣ.
Панкратовъ, В. Кому же мы протягиваемъ руку?
Митяшева, Л. В. Бабушка и внучки.
Старый учитель. О революціи, о войнѣ и о землѣ.
Брюлова-Шаокольская, М. Національный вопросъ въ Россіи.
Панкратовъ, В. Чего нельзя забывать городской демократіи.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданій при конторѣ изданій Т-ва А. Ф. Марксъ.
Петроградъ, ул. Гоголя, 22. 6644

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 3 р. 50 к. **МОСКВА, изд—ство. „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2.** (16) 4861

Необходимое руководство **ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ ОБОЕГО ПОЛА.**

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ", отд. 2. (2)

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ..." (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета" — все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ равноправіи нужно посиѣшить заняться саморазвитіемъ, вамъ, юныя, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 4630

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ"

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 6 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ". Цѣна за каждое изданіе въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ" 26 р., факультеты: Историко-филологическій (основной) 24 р., ознакомившіеся съ этимъ факультетомъ успѣшно читаютъ публичныя лекціи), Медицинскій 22 р., Юридическій 22 р., Біологическій 18 р. и Богословскій 15 р. Только по полученіи задатка 50 % книги высылаются наложенн. плат. Приславшіе впередъ всю сумму стоимости за пересылку не платятъ. Обращайтесь къ издателю **Ф. С. Комарскому**, Петроградъ, Пушкинская, 10. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается за 10-к. марку.

Изучайте заочно **стенографію** изв. упрощ. сист. **Животовскаго**. При своб. сл. необх. всяк. пишущ. Подгот. стеногр. въ Учр. Собр. Проспекты высыл. безпл. Петроградъ, Шувалово, 22.

СТРАДАЮЩИМЪ ревматич. мучительн. бол. по полученіи 60 к. марк. выс. немедл. совѣтъ — дивн. средство ПГР., Коломенская ул., 22, Е. Киселеву.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 урокахъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятикоп. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. каллиграф. Адольфъ **КОССОДО**, Дерибасовская, д. № 19.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. Цѣна 1 руб. **Москва**, изд—ство **„ЛУЧЪ"**, Печатниковъ пер., 18/2. (13 6366

ЧАРОДѢЙСТВО и народные ЗАГОВОРЫ.

Предсказанія человѣческой судьбы на всѣ задуманные вопросы. Толкованіе сновъ. Раскрытіе тайнъ халдейскихъ мудрецовъ, египетскихъ жрецовъ, индійскихъ факировъ. Кабалистика. Хиромантія. Бѣлая и черная магія. Отгадываніе именъ, кто кого любитъ. Талисманы къ продленію жизни и множество другихъ интересныхъ свѣдѣній содержитъ книга **„Чародѣй"**. Высыл. налож. плат. за 3 р. 60 к. Требованія адрес.: Москва, изд-ству **„Соколъ"**, отд. 2.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, прежде всего безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

И. Наживинъ. „Кикимора". Разсказы. Т. VIII. Цѣна 2 руб. 50 коп.

И. Наживинъ—одинъ изъ наиболѣе искреннихъ нашихъ писателей. Во всѣхъ его разсказахъ видна печать сердечной теплоты, согрѣвающей творческіе образы. Нигдѣ не видно въ разсказахъ писателя погони за художественными эффектами. Тихое, скрытое отъ глазъ толпы, страданіе особенно хорошо передается И. Наживинымъ.

Тонкими и нѣжными штрихами очерченъ образъ Вѣры въ разсказѣ „Панины". Дочь богача, выданная замужъ за человѣка, погубившаго ее, она даже въ своей ужасной болѣзни, полученной отъ мужа, остается нѣжнымъ, поэтическимъ существомъ. Тонкострунная душа ея не выноситъ грязи и пошлости жизни, и Вѣра гибнетъ, кончая самоубійствомъ.

Художественно правдивъ и полонъ искренности и образъ Кирюшки, младшаго брата Вѣры, ищущаго правды и тоскующаго въ атмосферѣ окружающаго его обмана и лжи.

Страданіе правдивыхъ и честныхъ натуръ, недостаточно сильныхъ для того, чтобы вступить въ открытый бой съ неправдою жизни,—любимая тема произведеній И. Наживина. Такъ безсильно страдаетъ и докторъ Урванцовъ въ поискахъ счастья всего человѣчества среди страданій и крови; страдаетъ и его братъ, Костя, физически слабый и жаждущій борьбы и дѣятельности.

Сплошь и рядомъ въ разсказахъ И. Наживина личность не можетъ справиться со средой и поддается ея растлѣвающему вліянію. Такъ, въ разсказѣ „Бѣлая женщина", Варя, полудикарка, лѣсная дѣвушка, попадаетъ въ городъ и беретъ отъ него вмѣстѣ съ верхами лакейской цивилизаціи и полную нравственную безпринципность. Она становится убійцей облагодѣтельствовавшей ее старушки. Нравственная обездоленность, суровое равнодушіе тупыхъ нравственно людей и подстрекательство другихъ — вотъ что толкаетъ на преступленіе такія натуры, какъ Варю.

Менѣе всего склоненъ И. Наживинъ дѣлать отвѣтственной за свои проступки единичную личность. Размышляющій и взвѣшивающій „за и противъ" мыслитель всегда сказывается въ произведеніяхъ И. Наживина. Но беллетристическія произведенія писателя, оживленныя жизненной правдой, несравненно интереснѣе и выше тѣхъ размышленій философскаго характера, которыми заканчиваетъ писатель свой сборникъ. Если, какъ беллетристъ, И. Наживинъ имѣетъ свою индивидуальность, то, какъ писатель-публицистъ или писатель-философъ, онъ даетъ повтореніе лишь въ иной формѣ много разъ говореннаго другими.

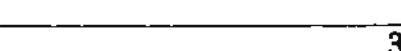
Г. И. Дунаевъ. Библіотека старорусскихъ повѣстей.

„Сказаніе о похожденіи и о храбрости отъ младости и до старости его бытія младого юноши и прекраснаго русскаго богатыря Еруслана Лазаревича". Цѣна 60 коп.

Того же издателя: **„Исторія о россійскомъ дворянине Фроле Скобееве".** Цѣна 75 коп.

Новыя созиданія требуютъ постоянной оглядки на старое, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ. Опираясь на старое, искусство можетъ черпать богатый художественно-техническій опытъ.

Въ старорусскихъ повѣстяхъ, многими основательно забытыхъ, есть перлы, мало замѣченные нашими художниками и крити-



Карты юго-западнаго фронта

съ указаніемъ раіоновъ расположенія нашихъ армій съ 18-го іюня по 12-е іюля с. г.—съ момента наступленія до періода отступленія нашихъ войскъ, за время командованія юго-западнымъ фронтомъ генерала Гутора и генерала Корнилова, нынѣ назначеннаго верховнымъ главнокомандующимъ

I.

II.

I. Раіонъ прорыва арміи генерала Л. Г. Корнилова.

Все, что заштриховано, завоевано было нашими доблестными войсками подъ командой генерала Корнилова, ринувшимися на врага по призыву верховнаго вождя революціонной арміи военнаго министра А. Ф. Керенскаго.

III.

II. Галиція и пограничныя Волынская и Подольская губерніи (во дни нашихъ побѣдъ).

На картѣ подробно указана та часть Галиціи, которая была ареной нашихъ недавнихъ славныхъ побѣдъ. Заштрихована вдоль фронта территорія, занятая „войсками 18-го іюня“.

III. Галиція и пограничныя Волынская и Подольская губерніи (во дни нашихъ пораженій).

На картѣ показаны результаты отступленій 7-й, 8-й и 11-й армій—заштрихована огромная территорія, почти безъ боя отданная врагу за время съ 25-го іюня по 12-е іюля с. г.

ками. Помимо мастерства разсказа, живости и занимательности его, цѣннымъ является духъ народный, которымъ они проникнуты. Каждая подробность, вниманіе къ той или другой детали, особенно частое варьированіе какого-либо мотива — все это уже штрихи въ сторону психологіи самого народа, его настроенія и думъ.

Коллективное творчество въ сказкѣ объ „Еруслане Лазаревичѣ" смѣняется субъективнымъ въ повѣсти XVIII в. о „Фролѣ Скобѣевѣ", но и здѣсь чувствуется все та же близость къ корнямъ народнымъ, къ живымъ источникамъ его духа.

Задуманный Г. И. Дунаевымъ рядъ изданій подобнаго рода, представляющихъ точное воспроизведеніе подлинныхъ памятниковъ древней литературы по рукописямъ и старопечатнымъ текстамъ, сопровождаемыхъ иллюстраціями того времени, — является цѣннымъ не только для изученія древней литературы, но и для знакомства съ древне-русскимъ художественнымъ искусствомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Особенно цѣнное значеніе будутъ имѣть изданія Г. И. Дунаева для курса древней литературы въ школѣ. Ихъ съ успѣхомъ можно рекомендовать въ гимназіяхъ взамѣнъ тяжеловѣсныхъ, неудобныхъ, отрывочныхъ хрестоматій.

С. Т. Семеновъ. „Въ міру". Разсказы. Цѣна 1 руб. 50 коп. Петроградъ. 1917.

Простые незатѣйливые разсказы изъ народной жизни С. Семенова симпатичны именно отсутствіемъ предвзятой идеи. Деревня, ея маленькія радости и горести, вокругъ которыхъ вращается весь міръ крестьянина,—все это въ книгѣ С. Семенова получаетъ свою прелесть, потому что передано съ любовью, съ душевной теплотой.

Живо нарисована въ разсказѣ „Въ міру" фигура самозваннаго учителя въ глухой деревушкѣ Ѳирсая съ его народной сметкой; кутящаго Звѣздова въ разсказѣ „Звѣздовъ", Степана въ—„Степановы яблоки".

Явно надуманъ и наименѣе удаченъ разсказъ „Не въ разъ", сюжетъ котораго взятъ изъ жизни духовенства. Это случайный рядъ курьезовъ. Лицо епископа, ревизующаго свою паству, безжизненно, характеры остальныхъ героевъ не выдержаны. Вообще у С. Семенова удачны тѣ типы и положенія, которые непосредственно взяты наблюдателемъ изъ народной жизни, но какъ только приходится создавать характеръ, онъ выходитъ у писателя блѣднымъ и натянутымъ. Исторіи характера героя и его логическаго обоснованія у С. Семенова нѣтъ; онъ сразу беретъ готовое, и потому малѣйшее уклоненіе отъ правды жизни портитъ разсказъ, лишая его наиболѣе цѣннаго въ писаніяхъ С. Семенова—искренности.

Сергѣй Городецкій. „Дальнія моляіи". Разсказы. Цѣна 2 рубля.

Разсказы С. М. Городецкаго всѣ посвящены войнѣ и связаннымъ съ нею различнымъ переживаніямъ. Сердце матери, невѣсты, жены, мужа, брата и друга дало откликъ на войну въ книгѣ С. Городецкаго. Исключеніе представляетъ лишь разсказъ „Четыре пищи", въ которомъ выведена типическая фигура купца старозавѣтной складки. Изъ военныхъ разсказовъ особенно хорошъ „Панъ Іезусъ", гдѣ религіозное чувство съ его солнечной теплотой смягчаетъ ужасъ дѣйствительности: даже въ поруганномъ нѣмцами костелѣ съ пригвожденной къ кресту обезчещенной и обезумѣвшей дѣвушкой нашла старая Казиміра прорывъ религіозному экстазу. Очень недурны разсказы: „Слѣпой"—полный живого ужаса военной дѣйствительности, „Скоропостижный", „Хромой Матвѣй", „Новая любовь". Въ общемъ С. Городецкій внесъ въ свои разсказы много теплоты и правды.

Богомоловъ, Б. Обрѣтенный Китежъ. Пгр. 1917.
Брусянинъ, В. Убійство Павла І. Ч. 3-я Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
Випперъ, Р., проф. Учебникъ новой исторіи. Изд. 5-е. М. 1917. Ц. 3 р.
Габо, В. С. Велосипедныя экскурсіи въ окрестности г. Харькова. Харьковъ. 1916.
Гервагенъ, Л. Л. Институтъ собственности, какъ основаніе системы гражданскихъ правъ о юридическомъ лицѣ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
Жиловъ, І, свящ. Православный катихизисъ въ звукахъ поэзіи. 2-я часть. Юрьевъ. 1917. Ц. 3 р.
Зубовскій, Ю. Гримасы революціи. Пгр. 1917. Ц. 35 к.
Колтоновскій, П. И. Добываніе изъ растеній лекарственныхъ веществъ. Могилевъ. 1917.
Макаренко, Ю. Въ гостяхъ у чеховъ. М. 1915. Ц. 20 к.
Малковъ Н. К. и Пономаревъ. П. Ф. О будущемъ государственномъ строѣ въ Россіи. Курганъ. 1917. Ц. 30 к.
Марксъ, К. и Энгельсъ. Ф. Манифестъ коммунистической партіи. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
Павловъ, В. Въ былые дни. Сборникъ. Пгр. 1916.
Pevich, W. Основы международнаго языка „Glot". Пгр. 1917.
Пинкевичъ, А. П. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія. Изд. 3-е. Пгр. 1917. Ц. 3 р. 50 к.
Пономаревъ, П. Ф. Объ Учредительномъ Собраніи и о выборахъ въ него. Курганъ. 1917. Ц. 10 к.
Поповъ, Вл. А. Бой-скауты. Сборникъ. М. 1917. Ц. 50 к.
Рюминъ В. В. Чудеса современной электротехники. 2-е изд. Николаевъ, Херс. г. 1917. Ц. 3 р.
Святогоръ, А. Пѣтухъ революціи. 2-е изд. М. 1917. Ц. 40 к.
Смоленская старина. Ч. II., вып. 3-й. Смоленскъ. 1916.
Снегиревъ, Владиміръ Ѳедоровичъ. М. 1917.
Трояновскій, И. И. Курсъ естественной исторіи. М. 1917. Ц. 2 р.
Уразовъ, И. Цвѣтныя стекла. Пгр. 1917. Ц. 65 к.
Хаустовичъ, К. Лирика. Рига. 1917. Ц. 30 к.
Черный, Б. Пятая тетрадь разсказовъ. М. 1917. Ц. 75 к.
Чудо въ пустынѣ. Сборникъ. Одесса. 1916. Ц. 2 р.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Правильныя рѣшенія задачъ по 10-е апрѣля с. г. доставили: **№№ 1, 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**—Ѳ. А. Губаржевскій, К. Г. Якобсонъ и В. Р. Яхимовичъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9**—М. Х. Юрьевъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**—В. Г. Бабина и Н. М. Шарановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**—А. А. Апрѣлевъ, Ф. И. Земанъ и В. Ивановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 8 и 9**—А. И. Смирновъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6 и 7**—Б. Акерманъ, П. И. Захарьинъ, А. А. Мазингъ и Н. В. Стояновъ; **№№ 2 (а), 4, 5, 6, 7 и 8**—Е. И. Машановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5 и 7**—С. Фирковичъ; **№№ 2 (а и б), 3, 5, 6 и 7**—Б. Шершевскій; **№№ 2 (а) 3, 5, 6 и 7**—С. Гуровичъ, И. Коппъ, А. М. Тутковскій и Г. І. Фрейманъ; **№№ 2 (а), 5, 6, 7 и 8**—И. П. Бишенковъ и В. В. Павковичъ; **№№ 3, 4, 5, 6 и 7**—Р. Андреевъ, А. Г. Антимоновъ, Л. И. Жукова и С. К. Поповъ; **№№ 3, 4, 5, 7 и 9**—К. А. Угрюмовъ; **№№ 1, 2 (а), 4 и 5**—Б. В. Коростелевъ; **№№ 1, 3, 4 и 5**—Л. В. Кривобокова; **№№ 2 (а и б), 3, 4 и 5**—Е. Л. Нотесъ; **№№ 2 (а), 3, 4 и 5**—А. А. Баскаковъ, Б. Ѳ. Добрынинъ, Н. А. Залѣсскій, В. П. Петропавловскій, А. А. Поповъ, Е. Н. Фридрихъ, Л. И. Чембаровъ, Н. Шулѣповъ и А. В. Ѳаворскій; **№№ 2 (а и б), 5, 7 и 8**—П. А. Болмосовъ; **№№ 2 (а), 5, 7 и 8**—Е. П. Всеволожская и С. П. Добровольскій; **№№ 3, 4, 5 и 6**—Н. М. Хайкинъ; **№№ 4, 6, 7 и 8**—А. Г. Конюковъ; **№№ 6, 7, 8 и 9**—А. А. Вейгертъ, Е. С. Зотовъ, Н. Н. Зыкѣевъ, В. В. Кутузовъ, А. Г. Левитская, А. Ф. Мерингъ, С. А Модестовъ, В. С. Мордвиновъ, А. В. Невскій, М. Прести нъ, Б. Н. Роде, К. К. Теуфель, Ф. З. Фокинъ и Л. Н. Церковницкій; **№№ 6, 7, 11 и 12**—Г. П. Лыковъ; **№№ 1, 2 (а), и 5**—Н. И. Строковъ; **№№ 1, 3 и 4**—П. И. Кальсбергъ; **№№ 1, 6 и 7**—К. К. Моренъ; **№№ 2 (а и б), 3 и 4**—Н. Е. Балихинъ; **№№ 2, (а), 3 и 5**—А. И. Мирeръ и А. Т. Щегловъ; **№№ 2 (а), 4 и 5**—М. О. Семеняко; **№№ 2 (а), 5 и 7**—Е. Г. Пупловская; **№№ 2 (а и б), 5 и 8**—О. Н. Каригина; **№№ 2 (а), 5 и 8**—Н. С. Посудевская; **№№ 2 (а и б), 6 и 7**—Э. Я. Фельде; **№№ 3, 4 и 5**—Е. К. Дитрихъ, А. А. Мецатуновъ и З. А. Никитскій; **№№ 3, 6 и 7**—Я. Гальперинъ и Х. Б. Фрайманъ; **№№ 5, 6 и 8**—И. Э. Бюстремъ и Д. Френкинъ; **№№, 6, 7 и 8**—Р. И. Адливанкина, К. Ф. Бѣлоглазовъ, Волочковъ, Е. І. Гаусманъ, Головнинъ, Л. Горѣловъ, И. А. Дегтяревъ, Н. А. Добровольскій, М. Е. Жемчужина, Ф. А. Калакинъ, А. Г. Карпенко, В. Г. Ковалевичъ, П. А. Копановъ, А. П. Крыловъ, М. В. Лапина, С. К. Лешкевичъ, И. М. Матвѣевъ, К. И. Меркульевъ, А. В. Прокоповичъ, Ф. З. Пѣтуховъ, Родовичъ, М. И. Словиковскій, С. Д. Смирновъ, А. Д. Черницкая, Ф. Э. Шелинъ, Г. Шильманъ и Н. И. Ширягинъ; **№№ 6, 7 и 9**—С. Н. Жудро, К. Ф. Клаусъ и А. А. Марковъ; **№№ 6. 7 и 10**—Н. Н. Зиновьевъ; **№№ 6, 8 и 9**—И. Егеверъ. А. Т. Кузьминъ и С. Л. Соколовъ; **№№ 6, 9 и 11**—В. Г. Серебряковъ; **№№ 9, 10 (2) и 11**—А. Рабиновичъ; **№№ 10 (4), 11 и 12** А. А. Вейгертъ; **№№ 2 (а) и 3**—В. С. Емелинъ; **№№ 2 (а) и 5**—А. Адріановъ, Аплегеевъ, А. Г. Бартошъ, В. И. Георгіевскій, Е. Н. Годыцкая-Цвирко, Г. А. Зотовъ, С. А. Масловъ, А. Покрывалова, Б. П. Русейкинъ, Н. Сивоконь и А. П. Шепелевъ; **№№ (2 а и б) и 6**—В. Г. Старинскій; **№№ 3 и 5**—Д. А. Введенскій и А. К. Островскій; **№№ 3 и 6**—Е. Н. Каллистова; **№№ 3 и 7**—Н. А. Елисѣевъ, П. А. Липштатъ и Ю. И. Фридляндъ; **№№ 4 и 7**—Н. В. Бѣлоноговъ: **№№ 5 и 6**—П. В. Драбкинъ и Н. И. Носова; **№№ 5 и 7**—С. С. Кричевскій, И. Рапопортъ и А. Раушенбахъ; **№№ 5 и 8**—Б. Н. Бяркинъ и Л. І. Волынскій; **№№ 6 и 7**—Н. А. Баскаковъ, Е. Н. Бѣлинская, З. Гуревичъ, И. Ѳ. Ельницкій, А. Г. Ермолаева, А. М. Каздобинъ, П. Г. Каминъ, В. Ф. Кербицкій, А. Х. Киселевъ, П. Г. Куликовскій, Ѳ. И. Кушнировъ, Т. М. Лиловъ, Лодочниковъ, К. И. Монастырецкій, Назаровъ, І. Ѳ. Огородниковъ, Л. П. Очеретная, М. Певзнеръ, Н. Н. Поповъ, И. Е. Роутенштейнъ. З. П. Селова, З. Б. Слуцкій, М. Сольницкій, Н. И. Сомовъ, К. И. Стенановъ, Н. А. Студитскій, И. А. Суринъ, И. Д. Фалько, Л. Г. Ханинъ и А. В. Яроцкій; **№№ 6 и 8**—Н. Витренко, Н. Н. Гребенникова, Л. Н. Новолѣтова, А. И. Пальминъ и С. Г. Смирновъ; **№№ 7 и 8**—Г. А. Вислоухъ, И. В. Егоровъ, А. И. Метлинъ, А. и Т. Никифоровы, М. Г. Четыркина и И. А. Шашеловъ; **№№ 2 (а и б)**—П. Р. Пырковъ; **№ 3**—Е. С. Бушковъ, М. Е. Исаакянцъ и С. Лейтесъ; **№ 4**—Е. Ф. Кирѣенко и Н. С. Шепелевъ; **№ 5**—Е. З. Бондарева, А. А. Добровольская, П. С. Жужневъ, А. С. Карельскій, В. Мальцевъ, Н. Ѳ. Норманъ, Г. Слезниковъ и В. Факторовичъ; **№ 6**—Е. М. Антсонъ, Б. Я. Варшаверъ, И. Г. Воскобойниковъ. А. Губыринъ, І. Г. Земляковъ, Х. Я. Машбицъ, П. Ѳ. Поповъ и Рахмановъ; **№ 7**—Н. Абубакировъ, Х. А. Агрестъ, Я. В. Артюховъ, Б. И. Беринскій, А. Бѣлецкій, А. С. Винецкій, Ф. Л. Геллеръ, А. А. Голубевъ, В. Грунауэръ, В. Н. Журавлевъ, В. С. Захаровъ, Іонкина, Н. Г. Казаковъ, Н. И. Каллевъ, А. Н. Квятковская, Е. Ключаревъ, Е. Лапшинъ, Е. И. Лобановъ, А. Я. Лужева, Н. С. Любановъ, М. И. Маркевичъ, Г. А. Мартыновъ, А. Мордоховичъ, И. В. Мысливецъ, А. П. Мясниковъ, Я. И. Нимельштейнъ, Ѳ. Ф. Папасюкъ, В. Н. Петрова, В. Д. Пирятинъ, О. Э. Рустицкая, А. П. Степановъ, А. Флинкъ, И. Фридманъ, Н. Г. Хитровъ, К. П. Чубуковъ и В. Шишовъ; **№ 8**—А. М. Грудзинская, С. Коробкинъ, С. Н. Холявинскій и братья Шейнины; **№ 9**—В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№ 11**—А. И. Лупановъ, А. В. Радецкій-Микуличъ и А Н. Сергѣевъ (3 очка).

Правильныя рѣшенія задачъ по 31-е мая с. г. доставили: **№№ 1, 2 (а и б), 3, 5, 6, 7 и 11**—В. В. Гершковичъ; **№№ 4, 5, 6, 7, 10 (8) и 11**—И. Г. Воскобойниковъ; **№№ 2 (а), 5, 6, 7 и 8**—Н. С. Шепелевъ; **№№ 2 (а), 3, 6 и 7**—И. В. Козыревъ; **№№ 6, 7, 8 и 9**—А. А. Поповъ; **№№ 10 (4), 11, 13 и 15**—А. А. Марковъ; **№№ 1, 2 (а и б) и 3**—Г. Н. Пинаевъ; **№№ 1, 3 и 5**—М. Г. Теплова; **№№ 6, 7 и 8**—Н. В. Блиновъ, В. Я. Васильевъ и Н. Шулѣповъ; **№№ 6, 7 и 9**—П. И. Кальсбергъ; **№№ 6, 8 и 9**—Д. А. Петровъ, Ю. Д. Тринитатова, Н. Е. Фридрихъ и А. В. Ѳаворскій; **№№ 9, 10 (5) и 11**—М. В. Лапина и М. И. Словиковскій; **№№ 9, 13 и 15**—Э. Томасевичъ (за № 13—3 очка); **№№ 10 (4), 11 и 12**—А. А. Вейгертъ и В. П. Поповъ; **№№ 10 (5), 11 и 12**—Л. Н. Церковницкій; **№№ 10 (2), 11 и 15**—С. А. Модестовъ. (за № 15—3 очка); **№№ 3 и 13**—Н. Ѳ. Ельницкій; **№№ 4 и 11**—М. И. Поповъ; **№№ 4 и 15**—А. В. Радецкій-Микуличъ; **№№ 6 и 7**—М. Гусачъ и М. Е. Исаакянцъ; **№№ 6 и 8**—С. И. Овчинниковъ, Ѳ. Покровскій и Г. Слезниковъ; **№№ 6 и 9** В. В. Соколовъ; **№№ 7 и 9**—А. К. Майстликъ; **№№ 9 и 11**—А. Г. Антимоновъ, Ф. И. Кушнировъ, О. А. Лебедева, М. И. Маркевичъ и А. В. Прокоповичъ; **№№ 10 (2) и 11**—Н. М. Хайкинъ; **№№ 10 (3) 11**—Н. С. Ивановъ и Я. Г. Тихоновъ; **№№ 10 (4) и 11**—В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№№ 10 (8) и 10**—К. И. Меркульевъ; **№№ 10 (3) и 12**—А. Н. Сергѣевъ; **№ 2 (а)**—В. И. Куликовъ: **№ 5**—Г. Д. Нога и А. Толчинскій; **№ 6**—Л. Гершоновичъ, П. Г. Куликовскій и С. Фирковичъ; **№ 7**—А. Д. Гинзбургъ и Е. М. Ивановичъ; **№ 8** Г. А. Зотовъ и Б. М. Соколовъ; **№ 9**—П. А. Болмосовъ, И. Горбенко, И. А. Дегтеревъ, А. Г. Карпенко, В. Ф. Кербицкій, В. С. Краюхинъ, И. И. Крутелевъ, Ф. П. Крючковъ, Н. С. Любановъ; А. И. Метлинъ, Н. Г. Симоновъ и Л. Н. Штейнъ; **№ 10 (1)**—Е. І. Гаусманъ, Н. В. Зиновьевъ и В. А. Радугинъ; **№ 10 (2)**—Л. Горѣловъ, П. В. Драбкинъ, М. Е. Жемчужина и К. К. Теуфель **№ 10 (3)**—Е. Н. Годыцкая-Цвирко; **№ 10 (4)**—М. Т. Шафранъ; **№ 11**—Волочковъ, Л. И. Жукова, Л. П. Очеретная и А. В. Яроцкій; **№ 12**—А. Кузьминъ; **№ 14**—І. С. Рудницкій (3 очка); **№ 15**—Я. К. Ажоткинъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

№ 28. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 15 іюля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14 р.**, на ½ года—**7 р.**, на ¼ года—**3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

Старѣйшій изъ мучениковъ русской революціи. Въ нынѣшнемъ году ему исполнилось 75 лѣтъ. Болѣе половины жизни маститый борецъ за свободу провелъ въ изгнаніи. Теперь, спустя сорокъ лѣтъ послѣ своего бѣгства изъ заключенія, П. А. Кропоткинъ вернулся на родину, чтобы стать въ ряды созидателей новой жизни Россіи.

П. А. Кропоткинъ.

Возвращеніе П. А. Кропоткина, этого старѣйшаго мученика русской революціи, на родину совпало нынѣ съ знаменитой годовщиной: 30-го іюня 1876 года, на зарѣ своей революціонной дѣятельности, князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ бѣжалъ изъ Николаевскаго военнаго госпиталя въ Петроградѣ, бѣжалъ при такой исключительной обстановкѣ, съ помощью такихъ ухищреній, что теперь новому уже поколѣнію Россіи интересно будетъ ознакомиться съ этой сказкой революціонной дѣйствительности. Мы приводимъ ее отчасти въ изложеніи самого П. А. Кропоткина (въ его „Запискахъ революціонера"), отчасти по разсказамъ участниковъ этого событія, опубликованнымъ въ „Быломъ" А. Иванчинымъ-Писаревымъ.

Самъ П. А. Кропоткинъ приводитъ планъ задуманнаго имъ побѣга:

„Къ воротамъ госпиталя подъѣзжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а экипажъ дожидается ея на улицѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я буду нѣкоторое время держать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы,—обращается П. А. къ своимъ друзьямъ,—должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: „улица свободна". Безъ этого я не двинусь. Сигналъ можно подать только звукомъ или свѣтомъ. Кучеръ можетъ дать его, направивъ своей лакированной шляпой свѣтового „зайчика" на стѣну главнаго больничнаго зданія: еще лучше, если кто-нибудь будетъ пѣть, покуда улица свободна,—развѣ если вамъ удастся нанять сѣренькую дачу, которую я вижу со двора, тогда можно подать сигналъ изъ окна. Часовой побѣжитъ за мной, какъ собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ"... „Было сдѣлано нѣсколько другихъ предложеній,—говоритъ П. А.,—но въ концѣ концовъ этотъ проектъ приняли. Нашъ кружокъ принялся за дѣло. Люди, которые никогда не знали меня, приняли участіе, какъ будто дѣло шло о дорогомъ имъ братѣ".

Въ центрѣ организаціи побѣга всталъ другъ П. А. Кропоткина, врачъ Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ. Онъ имѣлъ собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, что во многихъ отношеніяхъ представляло большія удобства.

Необходима была лошадь для побѣга, и непремѣнно своя, чтобы не прибѣгать къ услугамъ посторонняго—лихача-извозчика. При помощи родственныхъ связей М. П. Л., на средства революціоннаго кружка, близкаго Кропоткину, былъ купленъ рысакъ у барона Фитингофа. Этотъ рысакъ, по имени „Варваръ", еще не такъ давно бравшій первые призы на бѣгахъ въ Петербургѣ, въ годъ покупки былъ уже въ возрастѣ около 10 лѣтъ и потому обошелся, сравнительно, дешево—2.500 рублей. Одновременно была пріобрѣтена хорошая пролетка и соотвѣтствующая упряжь, и все это было предоставлено въ распоряженіе О. Э. Веймара, имѣвшаго при собственномъ домѣ конюшню и цѣлый штатъ преданныхъ ему дворниковъ.

Хорошо выѣзженный рысакъ требуетъ умѣлаго кучера, въ особенности, когда ему придется увозить бѣглеца. Управлять лошадью на этотъ случай взялся лихой наѣздникъ, вологодскій помѣщикъ Л. Но, помимо вполнѣ надежнаго кучера, нуженъ былъ и сѣдокъ, чтобы подхватить арестанта, когда онъ будетъ вскакивать въ экипажъ, и помочь ему переодѣться въ дорогѣ. Выполнить эту роль взялся О. Э. Веймаръ.

Рекогносцировка мѣстности, примыкающей къ Николаевскому госпиталю, убѣдила въ необходимости воспользоваться „сѣренькой дачей", указанной въ проектѣ П. А. Верхній этажъ этого сѣраго домика на углу Слоновой (теперешняго Суворовскаго проспекта) и Кавалергардской улицъ представлялъ квартиру съ очень удобнымъ расположеніемъ оконъ, выходившихъ на обѣ улицы. Квартира оказалась свободной и спѣшно была занята М. П. Л., якобы пріѣхавшей съ дачи найти помѣщеніе для больного мужа, принужденнаго на нѣкоторое время перебраться въ городъ. Въ виду такой цѣли естественно было, послѣ найма квартиры, какъ можно скорѣе обзавестись самой необходимой мебелью, и базарный ассортиментъ мебели, не превысившій расхода 11—13 рублей, не возбудилъ никакого подозрѣнія въ глазахъ хозяйки-нѣмки, тѣмъ болѣе, что М. П., въ совершенствѣ владѣя ея языкомъ, сама была принята за нѣмку.

Нанятая квартира оказалась прекраснымъ обсерваціоннымъ пунктомъ: изъ нея былъ виденъ дворъ, гдѣ гулялъ П. А., и всѣ улицы, расположенныя въ окрестностяхъ Николаевскаго госпиталя.

Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности показали, что при побѣгѣ Кропоткину можетъ помѣшать не только часовой, что „побѣжитъ за нимъ, какъ за зайцемъ, описывая кривую", но и другой, пожалуй, болѣе опасный, стоящій за воротами госпиталя на улицѣ: онъ можетъ ружьемъ преградить ему дорогу. Отвести этого часового, занять его разговоромъ взялся Юрій Николаевичъ Богдановичъ, артистически умѣвшій изображать пытливаго простого человѣка въ приподнятомъ настроеніи.

Немалую опасность внушалъ и городовой, дежурившій на Слоновой улицѣ, вблизи госпиталя. Снять съ поста полицейскаго выпало на долю бывшему студенту Технологическаго института, С. В. З. Находчивость этого молодого человѣка скоро подсказала ему, чѣмъ заинтересовать городового. Онъ узналъ, что въ квартирѣ его сдается комната, и въ назначенный для побѣга часъ завелъ съ нимъ переговоры объ этой комнатѣ.

— Съ поста-то вотъ сойти нельзя. А то бы показалъ,—говорилъ городовой.

— А какъ цѣна?

— Двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ... съ услугами,—видимо запросилъ полицейскій.

— Это мнѣ въ самый разъ.. Пойдемъ. Покажи. А то надоѣло шляться. Сразу и снялъ бы...

— Да вотъ уйти-то боюсь. Неровенъ часъ—приставъ али околоточный замѣтитъ... Ну, да идемъ, сбѣгаемъ скорѣй!

Полицейскій былъ снятъ.

Затѣмъ для сигнала: „улица свободна" необходимо было образовать наблюдательный постъ на перекресткѣ улицъ и оттуда подавать условные знаки, понятные слѣдившимъ за всѣмъ изъ оконъ квартиры. Занять этотъ отвѣтственный пунктъ взялся М. З., наполнившій свой картузъ вишнями и усѣвшійся на тумбочкѣ. Ему было видно все происходившее на улицахъ. Онъ бросалъ въ ротъ вишни, когда не замѣчалъ препятствій, и прекращалъ свои манипуляціи при появленіи малѣйшей угрозы.

Вначалѣ предполагалось подавать Кропоткину сигналы гуттаперчевымъ шаромъ, какими играютъ дѣти: поднимается шаръ изъ окна квартиры—значитъ, можно бѣжать; спускается внизъ—нельзя. Но этотъ пріемъ сигнализаціи оказался неудачнымъ, и пришлось остановиться на болѣе выразительномъ и надежномъ: въ обсерваціонной квартирѣ у окна помѣстился скрипачъ и, судя по знакамъ З., долженъ былъ играть на скрипкѣ или прекращать игру. Хорошимъ музыкантомъ оказался студентъ-медикъ В.

Въ ожиданіи всѣхъ этихъ приготовленій къ побѣгу, О. Э. Веймару пришлось раза два производить репетицію съ появленіемъ его на „Варварѣ" у воротъ Николаевскаго госпиталя. Чтобы внушить къ себѣ болѣе почтенія со стороны наружнаго часового и сдѣлать для него понятнымъ, почему лошадь останавливается вблизи воротъ, онъ пріѣзжалъ въ изящномъ штатскомъ костюмѣ, въ дворянской шапкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой, и въ сопровожденіи молодой дамы, похожей по внѣшности на слушательницу медицинскихъ курсовъ, пріютившихся въ Николаевскомъ госпиталѣ. Дама выходила изъ экипажа и скрывалась въ подъѣздѣ, а ея провожатый отъѣзжалъ на нѣкоторое разстояніе... очевидно, съ цѣлью дождаться ея возвращенія.

Веймаръ позаботился также и о томъ, чтобы П. А., когда будетъ въ пролеткѣ, могъ преобразиться въ джентльмена и чтобы самъ сѣдокъ могъ принять новый видъ, какъ только „Варваръ" завернетъ за уголъ Слоновой улицы. На этотъ случай въ экипажѣ имѣлись пальто и два складныхъ цилиндра (chapeaux-claques).

30-го іюня всѣ устроители побѣга были на своихъ мѣстахъ. М. П. Л. находилась въ квартирѣ вмѣстѣ съ В. Важный баринъ съ краснымъ околышемъ поджидалъ свою спутницу на ворономъ рысакѣ, нетерпѣливо царапавшемъ копытомъ землю; скромный по виду мѣщанинъ пріютился на тумбочкѣ и ѣлъ вишни, а пытливый прохожій въ простомъ одѣяніи занималъ солдата своими разспросами о микроскопѣ, видѣнномъ имъ на гуляньи въ Таврическомъ саду. Улицы были пусты. Чудные звуки мазурки Контскаго говорили Кропоткину, что все готово и условія благопріятны.

— Какъ разъ въ тотъ моментъ,—передавалъ Юрій Богдановичъ,—когда мой солдатъ, нѣсколько знакомый съ микроскопомъ, увлекся наглядным изображеніемъ предмета: разставилъ руки, держа въ одной ружье, и произнесъ: „во какая вошь подъ стекломъ!"—Кропоткинъ выбѣжалъ и вскочилъ въ пролетку.

Въ одно мгновеніе „Варваръ", управляемый искусной рукой Л., очутился за угломъ Слоновой улицы и стрѣлой пустился по Кавалергардской. На бѣгу Кропоткинъ облекся въ пальто и надѣлъ цилиндръ; Веймаръ замѣнилъ свою полувоенную фуражку тоже цилиндромъ, и преображенные такимъ образомъ сѣдоки уже могли ввести въ заблужденіе всякаго, кто ихъ видѣлъ въ первый моментъ побѣга.

— Офицеръ сидѣлъ въ пролеткѣ, къ нему вскочилъ арестантъ въ рубашкѣ и жилеткѣ, и скрылись за угломъ,—говорили случайные свидѣтели сцены, когда военная стража переполошилась.

— Проѣхали по Кавалергардской господа, да тѣ оба въ цилиндрахъ,—могли сказать очевидцы слѣдующаго момента.

Всякая опасность исчезла, когда „Варваръ" черезъ нѣсколько секундъ повернулъ на Тверскую.

Кучеръ окольными путями долженъ былъ доставить своихъ сѣдоковъ на Невскій проспектъ, къ дому № 107 Меншуткина. Этотъ громадный домъ имѣетъ проходной дворъ на Гончарную, гдѣ значится подъ № 22. „Варваръ" остановился у воротъ дома на Невскомъ, и Кропоткинъ съ Веймаромъ, выйдя изъ экипажа, направились проходнымъ дворомъ въ квартиру сестеръ К., имѣвшую парадный ходъ съ Гончарной. Съ этой стороны у подъѣзда стояла уже карета, готовая принять Кропоткина для его дальнѣйшаго исчезновенія изъ глазъ полиціи.

Л., благополучно доставивъ своихъ сѣдоковъ по назначенію, повернулъ „Варвара“ на Невскомъ и, уже шагомъ, направилъ его къ Николаевскому вокзалу, гдѣ, въ ожиданіи экипажа, расхаживали на подъѣздѣ двѣ изящно одѣтыя молодыя дѣвушки Л. Онѣ сѣли въ пролетку и по Невскому отправились на Острова: такимъ образомъ кучеръ, лошадь и экипажъ были еще разъ замаскированы новыми сѣдоками.

Радости участниковъ въ устройствѣ побѣга не было конца. Веймаръ цѣловалъ „Варвара“ на своей дачѣ, куда онъ былъ доставленъ послѣ блестящаго подвига. М. П. Л. была въ такомъ восторгѣ, что, впопыхахъ, покидая обсерваціонную квартиру, забыла въ брошенной юбкѣ кошелекъ съ деньгами и запиской, не мало смущавшей ее. Но успѣхъ располагаетъ къ риску. Взволнованная, она передала объ этомъ З., и этотъ смѣлый, энергичный юноша немедленно отправился въ пустую квартиру выручать забытую вещь. Хозяйка-нѣмка уже находилась подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о смѣломъ побѣгѣ и, можетъ-быть, благодаря именно этому обстоятельству, отнеслась совершенно равнодушно къ визиту молодого человѣка. Портмонэ было спасено.

Побѣгъ удался блестяще. Нѣсколько дней П. А. Кропоткинъ прожилъ въ деревнѣ въ окрестностяхъ Петербурга и затѣмъ, взявъ паспортъ одного изъ своихъ пріятелей, въ сопровожденіи товарища, направился черезъ Финляндію въ одинъ изъ отдаленныхъ портовъ Ботническаго залива, откуда переправился въ Швецію. Проѣхавъ прямымъ путемъ въ Христіанію, онъ дождался тамъ парохода, отвезшаго его къ гостепріимнымъ берегамъ Англіи. Высадившись въ Гуллѣ, онъ подъ фамиліей Левашева отправился въ Эдинбургъ, а оттуда чрезъ нѣсколько недѣль въ Лондонъ.

Долго наша сыскная и политическая полиція искали его по всему финскому и особенно германскому побережью, гдѣ мѣстныя прусскія власти съ ногъ сбились въ стараніи открыть бѣглеца, но всѣ усилія ихъ были тщетны.

Судьбѣ угодно было,—судьбѣ Кропоткина и судьбѣ Россіи одинаково,—чтобы спустя сорокъ лѣтъ тѣмъ же путемъ, какимъ тайно пробирался Кропоткинъ за границу, спасая свою голову, столько сдѣлавшую для торжества идеи свободы и мірового братства,—чтобы этимъ же маршрутомъ возвращался П. А. Кропоткинъ на родину, ждавшую его съ нетерпѣніемъ, какъ заложника своей свободы. На всемъ его обратномъ пути, въ Англіи, Норвегіи, Швеціи, Финляндіи, его шумно, сердечно привѣтствовали. какъ эмблему революціи, какъ символъ энергіи духа и безграничной жажды добра.

Послѣ тягостной боевой революціонной жизни вернулся въ Россію П. А. Кропоткинъ,—вернулся съ сознаніемъ выполненнаго долга предъ революціей, съ великимъ сознаніемъ непосредственнаго участничества въ добытой родному народу свободѣ.

Но какъ только коснулся онъ родной земли, онъ, какъ миѳическій Антей, почувствовалъ новыя силы—силы воительства противъ вражьяго насилія и захвата.

Сознавая все величіе побѣды революціи внутри, П. А. Кропоткинъ указалъ намъ на нашъ общій долгъ—достиженіе побѣды революціи во внѣ, на фронтѣ, откуда грозитъ Россіи врагъ крушеніемъ добытой народомъ свободы.

И со дня своего прибытія на родину П. А. Кропоткинъ выступилъ борцомъ за освобожденіе родины отъ врага, попирающаго ея землю, и голосъ его раздается всюду, гдѣ нуженъ призывъ нашихъ сыновъ и братьевъ на ея защиту. Въ этомъ отношеніи особенно ярка рѣчь маститаго революціонера, обращенная имъ 10-го іюня къ 80 офицерамъ-академикамъ генеральнаго штаба, отправлявшимся на фронтъ. Офицеры эти уже побывали въ бояхъ и годъ тому назадъ вернулись заканчивать академическое образованіе. Мы приводимъ здѣсь эту знаменательную рѣчь,—этотъ призывъ Россіи къ защитѣ свободы:

„Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, прожитыхъ нами за границей, мы постоянно ждали, изъ года въ годъ, когда Россія въ широкихъ своихъ кругахъ отзовется на призывъ революціонеровъ и свергнетъ иго самодержавія.

„Это совершилось наконецъ съ поразительнымъ единодушіемъ, и намъ сейчасъ разсказали, какъ вы, офицеры генеральнаго штаба, съ первыхъ же дней стали на сторону народа и примкнули къ революціи. Вы остались, стало-быть, вѣрными традиціи офицеровъ-декабристовъ,—первыхъ поднявшихъ знамя возстанія противъ самодержавія.

„За послѣдніе годы заслуги декабристовъ стараются умалить. А между тѣмъ эти ученики французской революціи первые вписали на своемъ знамени уничтоженіе въ Россіи крѣпостного права; и я часто вспоминаю въ моей жизни, какъ декабристъ Горбачевскій, въ 1863 г., въ Читѣ, разговаривая со мной, со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ, что вотъ онъ дожилъ наконецъ до уничтоженія крѣпостного права, и что ему, ссыльному, выпало на долю быть мировымъ посредникомъ между Александромъ II и его крѣпостными, кабинетскими заводскими крестьянами Забайкалья.

„Я могъ бы также напомнить о видной роли многихъ офицеровъ въ движеніи шестидесятыхъ годовъ и позже; но теперь все прошедшее уходитъ въ даль передъ великими событіями міровой войны.

„Какъ могло случиться, что въ Россіи стали призывать войска и народъ къ братанію съ германцами,—послѣ того, какъ Германія, подготовившись къ войнѣ въ продолженіе 30—40 лѣтъ и изучивъ всѣ слабости своихъ сосѣдей, бросилась на завоеванія этихъ сосѣдей съ ясною, опредѣленною цѣлью: создать громадную 150-милліонную германо-австрійскую имперію въ центрѣ Европы и, пользуясь своей подавляющей военной силой, налагать тогда по своей вольной волѣ разорительные коммерческіе трактаты на сосѣдей?

„Какъ можно было брататься съ германцами послѣ того, какъ Россія вступила въ союзъ съ главными демократіями современнаго міра, именно для того, чтобы воспротивиться такимъ захватамъ и завоеваніямъ Германіи! Вступая въ союзъ съ Франціей, провозгласившей „права человѣка“, т.-е. политическое равенство всѣхъ гражданъ, въ такую пору, когда вся Европа жила еще подъ гнетомъ монархій „Божіей милостью“, и съ англійской демократіей, сумѣвшей даже при королевской власти создать политическую свободу, какой Германіи не дождаться, можетъ-быть, еще черезъ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ, при чемъ англійская демократія сейчасъ уже вырабатываетъ рядъ учрежденій, несомнѣнно ведущихъ ее къ водворенію новыхъ, коммунистическихъ формъ жизни; вступая наконецъ въ союзъ съ великой американской демократіей, которая первая провозгласила полтораста лѣтъ тому назадъ „права человѣка“, нынѣ признанныя основою жизни всякаго свободнаго народа, въ томъ числѣ и обновленной Россіи,—не связали ли мы себя обѣщаніемъ борьбы именно противъ политической формы полусамодержавія, свойственной Германіи и Австріи?

„Какъ можемъ мы, союзники этихъ старшихъ нашихъ сестеръ на пути свободы, равенства и братства, брататься съ Германіей,—когда Германія въ союзѣ съ Австріей и русскими царями состоитъ съ 1815 года душою „Священнаго союза“, основаннаго для сохраненія въ цѣлости монархій „Божіей милостью“? А позднѣе, какъ вы знаете, Германія стала главнымъ членомъ союза трехъ императоровъ, основаннаго для борьбы противъ всякаго народоправства, противъ всякаго перехода власти въ руки народа.

„Многіе изъ васъ, вѣрно, помнятъ еще чудныя статьи Герцена противъ возобновленія союза трехъ императоровъ. Этотъ черносотенный союзъ жилъ, какъ вы знаете, и дѣйствовалъ по сіе время. Онъ рухнулъ только 27-го февраля нынѣшняго года, когда возставшій Петроградъ положилъ конецъ императорской власти въ Россіи.

„И вотъ, когда во Франціи, въ Бельгіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ и на Балканахъ уже пролиты рѣки крови для защиты именно правъ человѣка или для пріобрѣтенія ихъ *наперекоръ германско-австрійскимъ арміямъ*, разорявшимъ въ лоскъ цѣлыя страны и уводившимъ въ германское рабство десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и юношей,—въ Россіи нашлись, къ несчастію, фантазеры, возмечтавшіе, что имъ достаточно будетъ пригласить германцевъ положить оружіе, чтобы германскій народъ, воспитанный въ ненависти къ Франціи, Англіи и всего больше къ Россіи, открылъ имъ свои объятія. Они забыли, или знать не хотѣли, что за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ руководители общественной мысли Германіи усердно учили свой народъ, что матеріальное обогащеніе—главный, чуть не единственный двигатель прогресса; что развитіе капиталистическаго класса—прямой путь къ истинному прогрессу, и что германскій народъ, создавъ у себя, послѣ Англіи, Франціи и Бельгіи, обширную промышленность, долженъ стать владыкой менѣе развитыхъ сосѣдей, подобныхъ Россіи; что такова его миссія, его предназначеніе,—эксплуатировать трудъ отсталыхъ народовъ. Достаточно будетъ,—думали наши мечтатели,—раскрыть объятія нѣмцамъ, чтобы, забывъ все, чему ихъ учили столько лѣтъ, они бросились въ объятія русскаго солдата и прогнали своихъ владыкъ и учителей, которыхъ они чуть не боготворили до сихъ поръ.

„Не брататься съ нѣмцами должны мы, а употребить всѣ свои силы, чтобы заставить нѣмецкія войска очистить занятыя ими балтійскія губерніи, откуда они грозятъ Петрограду точно такъ же, какъ грозили въ 1871 г. Парижу изъ Меца; очистить Бельгію и Лотарингію, откуда они грозятъ Лондону и Парижу; очистить Сербію и Румынію, откуда они грозятъ Кіеву и Одессѣ, и очистить, наконецъ, Литву и Польшу и дать возможность возродиться свободной Польшѣ.

„Не увлекаться фантазіями намъ предстоитъ теперь, а скорѣе, я думаю, укрѣплять подходы къ Петрограду, какъ сдѣлали французы, срывъ городки на сѣверъ и востокъ отъ Парижа и настроивъ тамъ десятки Плевнъ, на 40 верстъ отъ своей столицы.

„Дойти до такихъ фантазій о братаніи съ завоевателями люди могли только потому, что наши массы держали въ темнотѣ за послѣднія десятилѣтія, а среди интеллигенціи у насъ совершенно пренебрегали изученіемъ политической исторіи XIX вѣка.

„Но вы, господа академисты, вы учились этому, вы хорошо знаете и исторіи войнъ, и вы, конечно, сможете объяснить этимъ малознающимъ, увлекающимся мечтателямъ, *какое преступленіе они совершаютъ противъ всего русскаго народа, противъ новой, нарождающейся, молодой Россіи и противъ всей современной цивилизаціи*, когда проповѣдуютъ братанье съ врагами латинской цивилизаціи, съ врагами презираемаго этими врагами русскаго народа.

„Вы, конечно, сдѣлаете все, чтобы вдохновить войска для великаго подвига на защиту нашей родины и нашей революціи. И если это нужно будетъ, то вы, конечно, сумѣете лечь костьми“.

Грозы и дѣти.

Разсказы **Ап. Васнецова** съ иллюстраціями автора.

I.

Супостатъ.

Странный былъ день. Съ утра небо заволокло бѣлой пеленой, и, ни на минуту не останавливаясь, едва повышая и понижая тонъ и то усиливаясь, то ослабѣвая, гудѣлъ отдаленный громъ. Гдѣ онъ гремѣлъ, въ какой сторонѣ горизонта — неизвѣстно. Гудьмя-гудѣло все бѣлое небо, какъ будто тамъ, въ невѣдомыхъ областяхъ, шла великая битва, и грохотъ канонады сливался въ одинъ сплошной гулъ. Этотъ монотонный неотвязчивый гулъ гнетуще дѣйствовалъ на впечатлительную душу пятилѣтняго Костеньки. Онъ не находилъ нигдѣ мѣста. Пойдетъ въ огородъ, попробуетъ выдернуть морковку, и морковка хорошая, больше пальца; въ другое время былъ бы радъ и съ удовольствіемъ съѣлъ бы, обтеревъ только землю о мягкую и густую траву; теперь же и морковь не радовала—откусилъ и бросилъ. Пошелъ въ садъ,—смородины много, но она еще зелена, хотя и начала уже дѣлаться коричневой; въ другое время напустился бы—не оттащишь. Не веселитъ и смородина. Братья не хотятъ съ нимъ играть, или, благодаря его кислому настроенію, онъ мѣшаетъ только въ игрѣ—прогнали. Попробовалъ взлѣзть на березу—еще того скучнѣе. Заглянулъ въ овечій хлѣвъ, гдѣ только-что родившаяся „масечка"-ягненочекъ вызвала бы въ другое время неописуемый восторгъ—теперь не тронула. Овца шарахнулась въ темный уголъ хлѣва; масечка нѣжно заблеяла и туда же—стало еще тоскливѣй. Такое нервное состояніе онъ выносить больше былъ не въ силахъ, и, уткнувшись головой въ колѣни что-то шившей на крыльцѣ матери, Костенька громко заплакалъ.

— Мама, скажи, что это такое все гремитъ?—сквозь слезы спрашивалъ онъ, не отрывая головы отъ колѣнъ.

Въ это время проносившая мимо изъ погреба большую корчагу *) съ чѣмъ-то кухарка Марша отвѣтила за мать, не глядя ни на кого:

— Супостатъ играетъ.

Услышавъ такой отвѣтъ, Костенька поднялъ голову и, раскрывъ ротъ, смотрѣлъ на Маршу. Въ этомъ страшномъ для него словѣ „супостатъ" слышался ему прямой отвѣтъ на мучительныя тоску и тревогу.

„Супостатъ... такъ вотъ оно что!"—размышлялъ онъ.

*) Большой черной глины горшокъ.

Къ разсказу **„Супостатъ"**. *„...Вонъ тамъ Боженька живетъ"...* *Ап. Васнецовъ.*

По крайней мѣрѣ, причина была открыта. Кто-то враждебный, тайный, подозрительный и настойчивый въ своей злой волѣ, играетъ, тѣшится страданіями людей. Причина найдена, и на душѣ стало легче; мучила неизвѣстность.

— Зачѣмъ ты вбиваешь ребенку въ голову разныя глупости?—возмутилась мать.

— А кто, какъ не супостатъ, играетъ? Всякій дуракъ про это знаетъ. Гремитъ не знамо кто, невѣдомо гдѣ — кто же кромѣ него? Ворогъ играетъ, шары катаетъ...

— Дура ты, Марша, набитая ты дура! Дѣлай свое дѣло, неси лучше, что несешь, — заключила мать, заглянувъ въ корчагу, на днѣ которой лежала солонина.—Вымой хорошенько—духъ стала давать; что останется — подсоли да опять закопай въ снѣгъ... А то—супостатъ... Голова-то твоя куделей набита.

Въ жизни Марши супостатъ, правда, игралъ не малую роль. Ея неуживчивый, сварливый нравъ отовсюду гналъ ее; нигдѣ она не уживалась и, въ видѣ исключенія, какимъ-то чудомъ сумѣла прожить два года на этомъ послѣднемъ мѣстѣ. Никто ея не любилъ, и лицо она имѣла злое и сѣрое...

— Какъ меня полыхнуло въ тѣ поры — свѣту не взвидѣла. Очнулась — лежу подъ березкой, а сучки прямо въ затылокъ мнѣ и воткнулись; на вотъ, смотри, вотъ они,—показывала она, нагнувъ голову и подымая на затылкѣ пряди жидкихъ волосъ цвѣта грязнаго льна.

Разсказъ этотъ она повторяла довольно часто и какъ будто выгораживала мужа, который, — за навѣрно передавали, — вызвалъ ее по грибы въ березнякъ да тамъ и пальнулъ въ нее изъ ружья дробью. Не любила она, когда ее спрашивали: — „Сладки ли грибки, Маршенька?..“ — плевалась и ругалась.

Когда Марша съ корчагой ушла съ крыльца, мать обратилась къ Костенькѣ со словами:

— Не слушай ты ея; не вѣсть что мелетъ. А вотъ лучше помолись Богу, чтобы онъ отвелъ градовую тучу. Туча эта градовая, гремитъ въ той сторонѣ,— указала она по направленію къ югу, — весь хлѣбъ выбьетъ. Храни Богъ, если къ намъ придетъ,— сколько горя, сколько слезъ: и рожь, и овесъ, и огороды всѣ смѣшаетъ съ землей; голодать народъ будетъ круглый годъ.

Сквозь бѣлую пелену на югѣ, правда, смутно рисовались кумулюсы бѣлыхъ, какъ снѣгъ, облачныхъ громадъ, прикрытыхъ сверху слоемъ такихъ же бѣлыхъ перистыхъ облаковъ. Костенька посмотрѣлъ на мать, медленно сползъ съ крыльца и послѣдовалъ ея совѣту. Ставъ на колѣни передъ крыльцомъ, онъ усердно началъ молиться, касаясь лбомъ пыльной земли.

— Боженька! — шепталъ онъ, — не давай, чтобы весь хлѣбъ у насъ выхлестало, дай, чтобы не побило морковь и рѣпу въ огородѣ, и чтобы у мужиковъ ни овесъ ни рожь не тронуло. Боженька, сдѣлай такъ, чтобы мнѣ не было тяжело, чтобы всѣ были здоровы. Пусть, чтобы ни папа, ни мама, ни братцы, никто не умирали. Добрый Боженька, не давай чертямъ мучить въ аду людей. Сдѣлай, Боженька, чтобы всѣ люди были добрыми, и чтобы Марша никогда не ругалась ни съ бабушкой, ни съ мамой, ни со мной...

Костенькѣ такъ понравилось молиться, когда онъ замѣтилъ убывающую въ немъ безотчетную тоску, что земные поклоны слѣдовали безъ счету одинъ за другимъ. Замѣтивъ, какъ няня прежде, чѣмъ поклониться въ землю, разстилала передъ собой фартукъ и, дѣлая земные поклоны, касалась къ нему лбомъ, Костенька такъ же вытягивалъ передъ собой рубашку и такъ же, какъ няня, нѣкоторое время лежалъ, не подымая головы. Взглянувъ искоса на мать и увидѣвъ, какъ она оставила работу, облокотилась и съ участливой улыбкой смотрѣла на него, онъ немного смутился и, поднявшись, сѣлъ рядомъ съ ней.

— Умный ты, мой мальчикъ, хорошій! — сказала она и, нагнувъ къ себѣ его голову, поцѣловала.

Къ обѣду громъ сталъ затихать; на небѣ показались сѣроватыя пятна, которыя можно было принять сначала за сѣрыя облачка, но, вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, становилось ясно, что это проглядываетъ голубое небо сквозь бѣлую, разрѣженную, облачную пелену. А часу въ седьмомъ вечера, за чаемъ, вдругъ выглянуло солнышко въ прогалину между облаками, изобразившись на печкѣ и стѣнѣ оранжево-золотистымъ переплетомъ окна. А вечеромъ, когда солнышко садилось за горизонтъ, на западѣ началась такая иллюминація, что Костенька, сидя у окна, опершись на локоть, думалъ: „вонъ тамъ Боженька живетъ“, — такъ тамъ было свѣтло и вѣчно радостно. Тамъ безчисленное множество длинныхъ и тонкихъ облачковъ наслаивались одно на другое; одни изъ нихъ были желты, какъ расплавленное золото, другія оранжевыя, то красныя, то зеленоватыя, розовыя и лиловыя. Тамъ какъ будто текли рѣки изъ чистаго солнечнаго свѣта, простирались золотыя долины и горы, открывались невѣдомые далекіе горизонты, и отъ нихъ шли оранжево-золотыя лѣсенки на небо... Все это яркой искоркой отражалось въ ясныхъ, голубыхъ глазахъ Костеньки, такъ рано, еще въ милую пору дѣтства, навѣки закрывшихся... Слишкомъ рано онъ ушелъ къ Боженькѣ по тѣмъ золотымъ лѣсенкамъ, быть-можетъ, предугадывая тѣ горечи, какія готовились ему на жизненномъ пути на печальной землѣ...

Командиръ Женскаго Батальона Смерти прапорщикъ М. Л. Бочкарева, *участвовавшая во главѣ Батальона въ бою и тяжело контуженная.* *П. Жилинъ.*

Стѣна.

Стѣна вѣтвей, зеленая стѣна,
Для грезы изумрудами свѣтила,—
Шуршаніемъ, какъ дремлющая сила,
Гудѣньемъ пчелъ, какъ пышная Весна,
Изваянной волной, какъ тишина,—
Но, спѣвши сонъ зеленый, измѣнила
И быстро цвѣтъ иной въ себя вронила.

Вонъ Осень тамъ у желтаго окна,
Оконце круглымъ свѣтится топазомъ,
И будетъ возрастать оно теперь,
Расширитъ кругъ. Въ листвѣ проломитъ дверь.
За каждымъ утромъ, съ каждымъ новымъ разом
Какъ встанетъ Солнце, будетъ день потерь,
И глянетъ все совинымъ желтымъ глазомъ.

К. Бальмонтъ

Двѣ смерти.

Разсказъ П. Н. Краснова.

I.

Позднимъ вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло, спотыкаясь о какіе-то сучки и корни, командиръ роты сторожевого участка прапорщикъ Стойкинъ прошелъ ходомъ сообщенія въ свою роту, занимавшую передовую заставу. Наступала душная іюньская ночь. Сильно пахло отхожими мѣстами и отбросами бойни, и въ этомъ узкомъ душномъ ходѣ какъ-то совершенно забывалось о томъ, что теперь стоитъ лѣто въ полной красѣ, что луга покрыты цвѣтами, что, наливаясь колосомъ, мѣрно, какъ море, колышется рожь, что поютъ свои пѣсни веселыя птицы. Тутъ было тихо. Песчаные бугры, по которымъ шли, извиваясь зигзагами, ходы сообщенія, лишь кое-гдѣ поросли чахлою травкою, и только мыши да большія черныя лягушки населяли эти узкія канавы.

Уже полгода здѣсь. Полгода—темный блиндажъ, сырой и холодный, вмѣсто квартиры, полгода обѣдъ съ солдатами изъ общаго котла, полгода, идущихъ однообразно-скучно въ трехстахъ шагахъ отъ противника.

Прапорщикъ Стойкинъ весьма озабоченъ. Сейчасъ его вызывали къ командиру полка. Пришла телеграмма отъ штаба арміи—во что бы то ни стало добыть плѣнныхъ. Во что бы то ни стало! Штабъ какими-то своими невидимыми щупальцами учуялъ, что противъ этого участка произошла смѣна частей. Необходима провѣрка. Безъ нея всѣ сообщенія штаба не будутъ обоснованы. Эта развѣдка поручена прапорщику Стойкину. Его ротѣ.

— Вызовите охотниковъ,—говорилъ ему усталымъ голосомъ командиръ полка.—Охотниковъ съ ножницами и ручными гранатами. И пошлите ихъ человѣкъ двадцать или тридцать нѣсколькими партіями. Знаете, тамъ у нихъ есть выступъ такой, противъ сухой яблони. Ну, такъ вотъ тамъ часовой есть. Его и сцапайте. Или во время смѣны подстерегите смѣняющихъ.

— Тамъ пулеметъ,—робко сказалъ Стойкинъ.

— Да, пулеметъ. Это вѣрно. Но вѣдь, дорогой мой, у него вездѣ пулеметъ. Знаю, что опасно. Людямъ посулите кресты, ну, тамъ и денежная награда обѣщана, кромѣ того, въ отпускъ внѣ очереди. Знаете, надо...

Онъ поднялъ глаза на Стойкина. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ. Мальчикъ-гимназистъ въ защитной рубахѣ съ сѣрыми погонами прапорщика. Безусое и безбородое лицо сильно загорѣло и было покрыто золотистымъ пухомъ. Большіе сѣрые глаза были утомлены, волосы спутаны и росли вихрами, не поддаваясь гребенкѣ. Онъ былъ такъ юнъ, что не вѣрилось, что онъ командиръ роты и начальникъ слишкомъ 200 человѣкъ и отвѣтственнаго участка—окопа № 23, прозваннаго солдатами фортомъ Мортоммъ.

На фортѣ Мортоммъ, за блиндажемъ, у колодца съ врытой въ землю бочкой, была небольшая площадка. Она почти не обстрѣливалась, т.-е. попасть въ нее можно было, только бросивъ по очень крутой траекторіи бомбу изъ бомбомета. Навѣснымъ огнемъ. Противникъ пробовалъ это дѣлать нѣсколько разъ, но это ему никогда не удавалось. Тамъ собирался ротный резервъ на бесѣды, тамъ читали газеты, горячо обсуждали событія, одни громили братанье, другіе доказывали, что только оно одно приведетъ къ миру, тамъ иногда нестройно, одичавшими и огрубѣвшими голосами, пѣли пѣсни, тамъ неискусный гармонистъ игралъ все одинъ и тотъ же надоѣдливый мотивъ, тамъ Стойкину задавали вопросы, мучительные вопросы тугой крестьянской думы, на которые онъ не зналъ, какъ и отвѣтить.

Вотъ на эту площадку онъ и вызвалъ свою роту. Ночь была блѣдная, свѣтлая, іюньская ночь. Заря все вспыхивала, не рѣшаясь догорѣть, и западъ былъ залитъ золотомъ невидимыхъ лучей. На востокѣ въ темныхъ тучахъ трепетно играла зарница.

Люди собрались неохотно. Это были пожилые, угрюмые, серьезные люди, не разъ видавшіе передъ лицомъ своимъ смерть, грязно одѣтые, кто въ лаптяхъ, кто въ сапогахъ, неумытые, вѣчно сонные и никогда не высыпавшіеся. Настоящіе жители окоповъ, безсмѣнные стражи земли русской.

Стойкинъ объяснилъ имъ задачу. Онъ вызвалъ охотниковъ. Никто не вышелъ.

— Товарищи! Вѣдь вы понимаете, что штабъ требуетъ. Ему нужно.

— А коли требуетъ, коли нужно, пусть самъ и пойдетъ,—мрачно сказали изъ рядовъ.

— Ахъ, товарищи! Неужели вы не понимаете?

— Какъ не понять,—раздался спокойный голосъ изъ толпы, и Стойкинъ узналъ своего любимца Антонова,—какъ не понять, господинъ прапорщикъ, только вѣдь мы же не дѣти, мы понимаемъ, чѣмъ это пахнетъ. Выступъ у сухой яблони занятъ его пулеметомъ. Это отлично даже видно. Часовой стоитъ, опутанный проволокой. Германъ не заснетъ ни за что, потому ему за это лейтенантъ всыплетъ по первое число. Вотъ и возьми тутъ плѣннаго.

— Такъ какъ же, товарищи? Кресты обѣщаны.

— Не надо! Ихъ теперь и не носятъ.

— Деньги. Награда въ сто рублей!

— Жизнь дороже стоитъ.

— Отпускъ...

Послѣдовало молчаніе

— Ну, я одинъ пойду.

Молчаніе. Кажется оно такимъ тяжелымъ, такимъ мучительнымъ. Безконечно долгимъ.

— Вы вотъ что, господинъ прапорщикъ,—говоритъ сзади фельд-

Въ Галиціи. Типы галичанъ.

фебель. — Вы назначьте сами. Ребята пойдутъ. А только охотою теперь нельзя. Потому примѣта такая нехорошая. Вы назначьте... Вы сами назначьте...

Стойкинъ сталъ выкликать изъ толпы тѣхъ, кого зналъ за смѣлыхъ и сильныхъ солдатъ. Всѣ вышли какъ будто даже охотно. Только одинъ изъ тридцати мрачно и застѣнчиво сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Недужится что-то сегодня. Лихорадка опять.

— Ослобонить, ослобонить Тарасенку! Вѣрно, онъ сегодня хворый и обѣда не поѣлъ, — загудѣли въ солдатской толпѣ.

Тарасенку замѣнили другимъ солдатомъ.

Люди разобрали гранаты, винтовки, патроны, иные снимали фуражки и крестились, другіе у колодца лихорадочно, жадными глотками пили холодную, грязную, пахнущую болотомъ воду. Стойкинъ взялъ винтовку, разсчиталъ партію, взялъ ручную гранату. Онъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ не думалъ о смерти, не думалъ объ опасности, не думалъ о томъ, что это подвигъ, что впереди его ожидаетъ слава или смерть. На минуту образъ матери и младшихъ братьевъ и сестеръ мелькнулъ передъ нимъ своими милыми, вѣчно голодными личиками. Мать, вдова чиновника, жила на маленькой пенсіи и прирабатывала штопкой и починкой бѣлья. Теперь Стойкинъ былъ опорой всей семьи, посылая имъ остатки своего прапорщичьяго жалованья.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. *Мѣстное населеніе—гуцулы*

„Какъ-то они безъ меня будутъ?"—на минутку мелькнуло у него въ головѣ.

„А почему безъ меня?"—задалъ онъ самъ себѣ вопросъ и не нашелъ отвѣта.

Люди были готовы. Надо было торопиться. Лѣтнія ночи такъ коротки. Черезъ два часа уже и свѣтло. Потихоньку, безъ шума, одинъ за другимъ вылѣзли изъ глубокихъ окоповъ, прошли черезъ узкій проходъ въ проволочномъ загражденіи и поползли къ непріятелю.

Всего триста шаговъ. А какъ далеко. Вотъ его проволока. Рѣжутъ. И все такъ же тихо, точно и нѣтъ непріятеля, точно онъ заснулъ. Ползутъ черезъ проволоку. Жутко. Тихо... И страшно... И вдругъ слѣва ликующій, молодой, веселый голосъ:

— Пымали! Господинъ прапорщикъ! Волокомъ пымали! Здо-оровый!..

И снова тишина. Но уже не та сонная тишина, полная лишь таинственныхъ звуковъ природы. Эта тишина вдругъ ожила, вдругъ закипѣла тихими неслышными шагами, шопотомъ пробудившихся людей. Вспыхнуло яркое пламя, и рѣзкій выстрѣлъ разбудилъ тишину... И застукалъ вдругъ проснувшійся пулеметъ, и засвѣтили синимъ свѣтомъ ракеты. Звенитъ разрываемая пулями проволока, свищутъ и щелкаютъ пули тутъ, здѣсь, тамъ.

Въ окопахъ кто-то хрипло спросонокъ ругался по-нѣмецки, а пули свищутъ и свищутъ.

Триста шаговъ всего, и дома. Триста шаговъ—и толстый безопасный блиндажъ, гдѣ уже согрѣтъ чай, гдѣ нетерпѣливо ждутъ героевъ поиска.

Триста шаговъ.

Вотъ и прошли... Спрыгнули внизъ. Ухнулъ бомбометъ. Только смѣются. Теперь стрѣляй—ничего! Не прошибешь...

— Что, привели?
— Поймали, вотъ онъ.
— Кто поймалъ-то?
— Семенчукъ и Андреяшенко.
— Здо-оровый.
— Мусью германъ? Инфантерія?
— А чисто одѣтъ.
— Товарищи, всѣ цѣлы?
— Надо-быть, всѣ.
— Надо на провѣрку, товарищи.
— А прапорщикъ гдѣ?
— Товарищи, ротнаго не видали?
— Надо искать.
— Не-е. Вона несутъ.
— Раненый?
— Убитый..

На другой день въ сообщеніи Ставки послѣ короткаго извѣщенія, что на западномъ и румынскомъ фронтѣ обычная перестрѣлка, значилось:

...„Въ раіонѣ С. наши молодцы-охотники одного изъ молодыхъ полковъ ночью, подъ командою прапорщика Стойкина, преодолѣвъ проволочныя загражденія противника, лихимъ налетомъ напали на полевой постъ противника. Часовой захваченъ въ плѣнъ. Прапорщикъ Стойкинъ смертью заплатилъ за свой геройскій подвигъ. Другихъ потерь не было".

. . . .

II.

„Пропускъ наконецъ получила. Выѣзжаю сегодня. Счастлива безконечно. Цѣлую. Нелька".

Поручикъ Семеновъ держитъ въ рукахъ этотъ телеграфный бланкъ, и мысли вихремъ бѣгутъ въ его головѣ. Тяжелыя мысли.

Нелька. Милая святая Нелька. Чистая, благородная, красивая. Онъ женился за годъ до войны. По любви. Любви съ дѣтскихъ лѣтъ. Послѣ долгой привязанности мальчика и дѣвочки, послѣ нѣжнаго обожанія юноши.

Это была не дѣвушка, а живая поэма нѣжной любви. Тонкая, стройная, изящная, умная... Такъ и встаетъ она сейчасъ передъ нимъ въ темно-синемъ платьѣ, съ опухшими красными вѣками глазъ, вся въ слезахъ. И креститъ и креститъ его маленькими крестами и вся—молитва и отчаяніе...

Съ крестомъ или на крестѣ...

Она—русская. Притомъ идеалистка. Сколько въ ея письмахъ любви къ нему, сколько восторженнаго обожанія родины!..

Онъ—не герой. Онъ самъ это сознаетъ. Онъ умный, хорошо образованный, но безхарактерный. Шелъ на войну съ маршевою ротою. Въ штабѣ, въ большомъ штабѣ, его замѣтили. Видный, красивый, разумный: комендантъ съ нимъ долго разговаривалъ, потомъ позвали къ начальнику штаба. Заставили чертить. „Вы архитекторъ?", спросили. — „Готовился быть таковымъ". И его судьба рѣшилась.

Оставили при штабѣ для письменныхъ и чертежныхъ работъ. И вотъ началась эта служба на войнѣ и не на войнѣ, размѣренная жизнь офицера-чиновника въ большомъ еврейскомъ мѣстечкѣ. Работа въ опредѣленные часы, обѣды и ужины въ громадной штабной столовой. Свободные вечера, проводимые у товарищей за картами или въ кинематографѣ. Такъ это все не походило на „дѣйствующую армію". Даже аэропланы не безпокоили и не мѣшали работѣ большого штаба.

А потомъ подоспѣла весна. Зацвѣла сирень, распускался каштанъ, готовилась цвѣсти пышная бѣлая акація. Улицы наполни-

Долина у Черемоша.

ніе, и поцѣлуи глушили стоны совѣсти.

Вѣдь такъ сладко рокотали свои пѣсни по вечерамъ соловьи, такимъ прянымъ ароматомъ вѣяло отъ садовъ, полныхъ цвѣтущей акаціи, такъ плавно-размѣренно шла тихая жизнь большого штаба, полная выжиданій чего-то крупнаго...

И вотъ Нелька ѣдетъ.

Ѣдетъ тихій и кроткій ангелъ, который и не пойметъ и не переживетъ этой драмы любви.

Съ крестомъ или на крестѣ...

Тамъ, гдѣ-то далеко, есть фронтъ. Тамъ есть тяжелая и легкая артиллерія, бомбометы и минометы, огнеметы и пулеметы, тамъ есть газы и страшные броневые автомобили, тамъ люди сходятся на штыкъ и въ кровавой ненависти другъ къ другу дерутся смертнымъ рукопашнымъ боемъ... Но это тамъ, далеко...

Здѣсь изъ растворенныхъ оконъ звенитъ піанино, и женскій голосъ мягко произноситъ:

Дышала ночь восторгомъ сладострастья,
Восторговъ, радости и трепета полна.
Я васъ ждала, съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна...

По деревяннымъ панелямъ стучатъ бойко сапожки на высокихъ каблучкахъ молоденькихъ евреекъ и паненокъ изъ окрестныхъ фольварковъ, ходятъ солдаты, звенятъ шпорами ординарцы въ желтыхъ погонахъ, бродятъ шоферы военныхъ автомобилей и полные неземного величія летчики; гортанная рѣчь жаргона перебивается веселыми и бодрыми возгласами: „товарищъ!“, и теплая ночь полна такихъ широкихъ возможностей.

Нелька ѣдетъ. Нелька увидитъ. Нелька узнаетъ. Рахиль ревнива. Столкновеніе двухъ женщинъ будетъ ужасно.

Убить!..

Въ этомъ воздухѣ, насыщенномъ войною, этотъ страшный глаголъ спрягался такъ легко и свободно. Вчера тамъ, на позиціи, убитъ во время развѣдки прапорщикъ Стойкинъ... Сегодня,—вотъ только-что передали телеграмму,—снарядомъ, попавшимъ въ окопъ, убито шесть солдатъ, третьяго-дня прапорщикъ этапной роты убилъ свою жену, заставъ ее въ объятіяхъ другого прапорщика, на станціи солдаты убили двухъ дезертировъ... Каждый день... Война, начавшая страшное дѣло истребленія людей, не могла остановиться даже и въ пору затишья. Убить такъ легко... Убить Рахиль...

Онъ думалъ объ этомъ тогда, когда она пришла къ нему веселая, бойкая, пришла, свѣжая отъ купанья, пахнущая молодостью и весною, и отдалась ему весело, шумно и беззастѣнчиво.

Теперь онъ сидѣлъ на стулѣ подлѣ смятой постели и смотрѣлъ на нее, устало уснувшую на подушкѣ.

Только теперь онъ замѣтилъ, что при прелестномъ личикѣ и

лись еврейскою молодежью, нарядно одѣтыми барышнями въ легкихъ, прозрачныхъ, бѣлыхъ блузкахъ, въ узкихъ коротенькихъ юбкахъ, въ бѣлыхъ чулочкахъ и черныхъ башмачкахъ, обутыхъ на безобразно большія ноги.

Вотъ тутъ и подвернулась Рахиль Финкельштейнъ. Была она очень красива или только казалась такою, Семеновъ не смогъ бы отвѣтить. Когда онъ увидѣлъ ее впервые майскимъ вечеромъ, онъ проникся такимъ обожаніемъ къ ея голымъ плечикамъ, такимъ бѣло-розовымъ, удивительнаго оттѣнка. Сквозь бѣлую блузку была пропущена широкая черная лента съ бантами, и это черное съ бѣлымъ такъ выгодно оттѣняло нѣжный колоритъ дѣвичьихъ плечъ и шеи.

Семеновъ заглядѣлся на плечи, и дѣвушка обернулась къ нему. Это была красивая дѣвушка съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и пышными алыми губами.

Отъ смѣлаго, бойкаго взгляда Семеновъ смутился.

— Что смотрите, товарищъ?—спросила его дѣвушка.

— Я... Ничего. Я хотѣлъ спросить, какъ васъ зовутъ. Я никогда васъ не видалъ.

— Рахиль, — коротко отвѣтила дѣвушка.—Вы меня не могли видѣть. Я только вчера пріѣхала изъ Петрограда. Я тамъ училась на курсахъ.

Разговорились. Пошли гулять. Рахиль оказалась очень умной, очень смѣлой и передовой дѣвушкой. По-русски говорила она чисто, и только слишкомъ частое употребленіе слова „товарищъ“— нужно это или не нужно,—обнаруживало ея происхожденіе. Ея отецъ имѣлъ на базарной площади аптекарскій магазинъ, въ которомъ онъ продавалъ солдатамъ одеколонъ по шести рублей за флаконъ.

Сирень распустилась во-всю. Въ большомъ саду у господскаго дома, надъ рѣкою, защелкали соловьи, и любовь молодого поручика вылилась въ слишкомъ реальныя, страшныя формы.

На окраинѣ мѣстечка, тамъ, гдѣ дома стоятъ рѣже, гдѣ гуще сады, нѣтъ раздражающей каменной мостовой, гдѣ не видно ни еврейской бѣдноты ни сѣдобородыхъ важныхъ евреевъ, въ накидкахъ изъ черныхъ съ бѣлымъ квадратовъ и полосъ, гдѣ такъ тихо и потому даже и во время военной суеты уютно, оказалась подходящая комната, и въ ней аистъ любви Рахили свилъ свое теплое гнѣздышко.

Иногда ночью, вглядываясь въ тихо спящую въ волнахъ черныхъ кудрей пышныхъ волосъ Рахиль, Семеновъ вдругъ вспоминалъ свою Нельку. Болью сжималось его сердце, глаза наполнялись слезами, и стыдъ заливалъ краской лицо. Мучительный стонъ вырывался изъ груди.

Рахиль просыпалась.

— Что съ тобою, товарищъ?— говорила она сквозь сонъ и обнимала его горячими обнаженными руками.

И любовь захватывала раская-

Въ Карпатахъ.

чудномъ бюстѣ у нея короткія, толстыя и кривыя ноги съ большими вывороченными ступнями. Только теперь, когда образъ ѣдущей Нельки сталъ передъ глазами, онъ понялъ всю грязь и пошлость своего увлеченія.

И слова оправданія не шли на умъ. „Всѣ“... Но у этихъ всѣхъ нѣтъ Нельки, для которой онъ все... Убить Рахиль?.. Обрызгать кровью свои руки, и неужели Нелька возьметъ эти окровавленныя руки и будетъ цѣловать, какъ цѣловала когда-то въ минуты нѣжности его загорѣлыя руки.

Да, выхода нѣтъ. Все кончено. Остается одно— встать на колѣни передъ Нелькой и просить ее простить. Простить и забыть. А потомъ?..

Семеновъ вышелъ, вернулся, написалъ письмо. Глупое, безумное, дикое письмо...

„Моей женѣ. Прости, Нелька. Я сталъ такимъ подлецомъ, что не могу больше жить. Я измѣнилъ тебѣ. Измѣнилъ глупо, пошло и подойти къ тебѣ не могу. Прости. Твой Шурикъ“.

Послалъ письмо съ вѣстовымъ товарищу. Такъ стало легче. Какъ будто часть вины снялъ съ себя.

Вышелъ на лѣстницу. Раздалось два выстрѣла... Потомъ пальцы закоченѣли, и револьверъ покатился внизъ . . . .

. . . .

„Старшему врачу „Земгора“. Примите мѣры противъ разложенія тѣла поручика Семенова. Вдова хочетъ непремѣнно везти съ собою на родину. За гробомъ послано. Пахнетъ ужасно. Комендантъ мѣстечка 1.389, капитанъ Колесниковъ“.

Въ Галиціи. *Погрузка винтовокъ, взятыхъ у австрійцевъ.*

— Какія же мѣры я приму при этакой жарѣ? Человѣкъ молодой, полный соковъ. Да и матеріала нигдѣ не достанешь, — говорилъ въ штабной столовой молодой докторъ.

— Да... Формалину тутъ ни за какія деньги не получите. Развѣ въ земскомъ складѣ попытаться, — отвѣчалъ ему другой, худой и желчный.

— Вотъ и поймите вы женщинъ. Ну за что этакого подлеца любить! Застрѣлился да еще и выложилъ въ письмѣ, изъ-за чего. Ахъ, молъ, какой я подлецъ. Нате, полюбуйтесь на меня.

— Да и встрѣтятся обѣ. Жидовочка эта и молодая вдова.

— А вы видали ее?

— Да. Восхитительна. Знаете, такой измѣнить, правда, подлость.

— Ну, и стрѣляться тоже,—вмѣшался въ разговоръ полный батюшка.—Церковь Божія осуждаетъ самоубійство, какъ самый тяжкій грѣхъ.

— Самоубійство на войнѣ... Да, ужасно.

— А все-таки, господа, что я коменданту отвѣчу? Вѣдь пахнетъ ужасно...

Гаспаръ.

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Окончаніе).

Благодаря своимъ живымъ и образнымъ разсказамъ, Гаспаръ сталъ знаменитостью въ М... Посѣтители „Кафе Ласточекъ“ стали чаще приходить въ кафе, и число ихъ увеличилось. Судебный приставъ привелъ мирового судью, золотыхъ дѣлъ мастеръ привелъ торговца зерномъ. Хозяинъ сіялъ и не такъ ужъ строго оберегалъ добродѣтель служанки...

Но случилось такъ, что однажды въ воскресенье Гаспаръ снялся вмѣстѣ съ ней. Фотографъ выставилъ въ витринѣ открытку, на которой они были изображены вмѣстѣ. Тутъ ужъ хозяинъ кафе забилъ тревогу. Что, если мать Аннетты, приходившая въ рыночные дни въ городъ продавать яйца, увидитъ свою дочь вмѣстѣ съ солдатомъ на фотографической карточкѣ!.. Онъ испугался за репутацію своего кафе.

Что дѣлать? Онъ подумалъ-подумалъ и нашелся. Онъ послалъ открытку женѣ Гаспара съ маленькой анонимной надписью: „Вѣрный воинъ“.

Результаты этой мѣры не заставили себя ждать. Бибишъ побѣжала въ мэрію и достала тамъ льготный билетъ, чтобы поѣхать навѣстить своего раненаго мужа. Она пріѣхала въ М..., не предупредивъ объ этомъ Гаспара.

У водопоя.

Она не только была огорчена, она была убита. Ей казалось, что вся ея жизнь кончена. По простотѣ своей она думала, что Гаспаръ уже женился на другой, и она пріѣхала, чтобы узнать все, какъ слѣдуетъ, и написать объ этомъ старухѣ, оставшейся съ ребенкомъ и обливавшейся слезами.

Первымъ дѣломъ Бибишъ явилась въ зàмокъ къ маркизу. Ее отослали въ кафе.

Она вошла въ кафе, смущенная и растерянная. Ея мужъ былъ тамъ, онъ стоялъ спиной къ дверямъ и разглагольствовалъ.

Маленькій, скверно сложенный человѣчекъ, поросшій щетиной, губастый, угрюмый, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ дымчатаго пенснэ, развалясь на клеенчатомъ диванѣ, сказалъ громко, засунувъ руки въ карманы:

— Вы знаете... слѣдуетъ быть поосторожнѣе... не правда ли? Въ германцахъ ошибаются... Это люди очень развитые... не правда ли?..

Онъ отвалился на спинку дивана, запрокинулъ голову и выпятилъ животъ, изображая всей своей особой высшую внѣпартійность.

На мгновеніе въ залѣ водворилось молчаніе. Никто не замѣтилъ Бибишъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ и торговецъ зерномъ были поражены. Сынъ золотыхъ дѣлъ мастера былъ убитъ въ Бельгіи. Услышавъ, что бошей хвалятъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ поблѣднѣлъ. Но онъ такъ растерялся, что не находилъ словъ, чтобы отвѣтить на это.

Гаспаръ подпрыгнулъ раза два на своей единственной ногѣ и приблизился на одинъ метръ къ говорившему. Казалось, онъ готовъ былъ накинуться на него. Тотъ, съ тѣмъ же педантическимъ выраженіемъ на физіономіи, продолжалъ:

— Чтò въ томъ, что это наши враги? Не надо быть слѣпыми, не правда ли?.. Мы имъ въ подметки не годимся... Они продавали прекрасные товары, не правда ли?..

Тутъ Гаспаръ наклонился къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза:

— Кто вы такой... что вы такъ говорите?

Тотъ выпрямился:

— Вы это ко мнѣ обращаетесь?

— А къ кому же еще?

— Такъ будьте же приличны... Я мировой судья!

— Наплевать мнѣ на то, что вы мировой судья! Я у васъ не то спрашиваю... Скажите, почему вы въ штатскомъ, несмотря на вашъ возрастъ? А? Ну и молчите! Вы и пальцемъ не шевелите, а другіе проливаютъ кровь...

— Ну, это ужъ слишкомъ... не правда ли?.. Я въ отставкѣ...

— Въ отставкѣ? И вы говорите, какъ вы сейчасъ говорили! Нѣтъ, гражданинъ, это разсужденія сытой бабы! Я изъ Центральнаго рынка и я знаю, чтò такое свинина!

— Перестанете вы на меня такъ смотрѣть?

— Я тебѣ покажу!.. И будь ты сто разъ мировымъ судьей, я тебѣ повторяю: нечего расхваливать товары бошей, разъ ты не знаешь ихъ. А я, я знаю, чтò это такое, братецъ: я этого отвѣдалъ... и я, конечно, понимаю, что вамъ, господинъ мировой судья, до этого нѣтъ никакого дѣла... но не смѣй говорить, что товары, кое-какъ сляпанные и сверху подмазанные, изъ Парижа... А не то... не то я пощупаю твое брюхо!

— Чтò ты дѣлаешь!.. Чтò ты дѣлаешь!—крикнула Бибишъ.

Гаспаръ повернулъ голову, пораженный знакомымъ голосомъ, и замеръ, бормоча:

— Ужъ не во снѣ ли это?.. Да какъ же это?.. Нѣтъ, чтò это?..

Бибишъ покраснѣла до корней волосъ. Она быстро заговорила:

— Да, это я... Да, я пріѣхала... Да, я очень безпокоилась...

Мировой судья воспользовался благопріятнымъ моментомъ и выскользнулъ въ дверь, крикнувъ хозяину:

— У васъ нельзя больше освѣжаться... право! Не разрѣшается говорить,—не правда ли?..—до тѣхъ поръ, пока Европа не разрѣшитъ инцидента, раздѣляющаго ее!

— Кого? Чтò? — зарычалъ Гаспаръ, — Инцидента? Нѣтъ, мнѣ придется-таки отбить ему печенку...

И онъ бросился за мировымъ судьей. Пришлось его удержать силой, успокоить, усадить и напоить.

Хозяинъ былъ недоволенъ, возмущенъ. Увидя жену Гаспара, онъ моментально заперъ Аннетту. Онъ испугался за свои зеркала, такъ какъ Гаспаръ имѣлъ свирѣпый видъ. Кромѣ того, онъ боялся, что его посѣтители перестанутъ ходить въ его кафе. Вытирая одинъ изъ столиковъ, онъ ворчалъ подъ носъ судебному приставу:

— Эта война не принесетъ намъ добра! Люди только и будутъ думать, какъ бы подраться!.. Ахъ, господинъ Мюло... вы человѣкъ пожилой и умѣете говорить... дали бы вы понять этому... что мнѣ было бы очень пріятно, если бы онъ пересталъ сюда приходить... За это я даромъ давалъ бы вамъ кофе въ теченіе цѣлаго мѣсяца!

— Даромъ! — воскликнулъ судебный приставъ. — Да вѣдь это настоящая афера!

— Устройте только, чтобы я не видалъ его больше!

— Этимъ стòитъ заняться.

Они перестали говорить шопотомъ, потому что Гаспаръ снова началъ буянить:

— А тутъ еще мнѣ на голову сваливается жена! Ну, развѣ это не несчастье? У нея есть квартира, ребенокъ, а она бросаетъ все и садится въ поѣздъ, и для чего? Чтобы ревѣть въ мою фланелевую жилетку!..

— Я и не думаю плакать,—проговорила сквозь слезы Бибишъ.

— Ладно! Знаю я тебя, ты опять начнешь хныкать, что я никуда не гожусь больше, что я не смогу зарабатывать деньги... вмѣсто того, чтобы понять, что я теперь наполовину съэкономлю въ расходахъ на педикюръ!

Вдругъ онъ вспомнилъ Аннетть и сказалъ со злобой:

— Готовъ пари держать, что ты пріѣхала подглядывать за мной... Готовъ пари держать, что тебѣ кто-нибудь насплетничалъ!.. Хорошо же, если это такъ... если это такъ... во-первыхъ, ты заплатишь за мой вермутъ, а потомъ, спокойной ночи... устраивайся, какъ хочешь, а я иду въ свой замокъ!

Съ этими словами онъ вышелъ и быстро-быстро заковылялъ на всѣхъ трехъ,—на ногѣ и двухъ костыляхъ.

Вся въ слезахъ, Бибишъ должна была вымолить у привратницы маркиза разрѣшенія переночевать у нея. Та уложила ее въ кровать сына, который былъ на фронтѣ.

Гаспаръ узналъ объ этомъ. На слѣдующій день онъ вышелъ черезъ дверь, которая выходила на огородъ, и отправился въ „Кафе Ласточекъ". Аннетть исчезла. Со слащавой улыбкой хозяинъ сказалъ ему, что Аннетть поступила уже на мѣсто къ его зятю въ А...

— Въ А?..—спросилъ Гаспаръ.— Отлично, и я туда отправлюсь.

И онъ дѣйствительно направился на станцію.

— Бѣги скорѣе, — сказалъ хозяинъ кафе своей женѣ, — бѣги скорѣе предупредить мадамъ Гаспаръ. Поѣздъ отходитъ только черезъ полчаса, пусть она поторопится, чтобы нагнать его.

Его жена побѣжала въ зàмокъ. Когда Бибишъ узнала о новой выходкѣ Гаспара, она расплакалась. Привратница и жена хозяина кафе такъ горячо уговаривали ее защищать себя и отомстить, что она поддалась наконецъ на ихъ доводы и бросилась на вокзалъ.

Она прибѣжала туда, едва переводя дыханіе. Гаспаръ стоялъ на перронѣ и болталъ съ машинистомъ. Машинистъ спросилъ его:

— Сколькихъ же ты убилъ?

Гаспаръ отвѣтилъ:

— Не знаю, не считалъ... Некогда было.

Бибишъ рѣшилась наконецъ подойти къ нему и дотронулась до его шинели:

— Мнѣ надо поговорить съ тобой.

Онъ сдѣлалъ видъ, будто удивился:

— Это еще чтò такое?.. Опять ты!

Тутъ она не выдержала больше. Глаза у нея расширились, она быстро и тяжело дышала и крикнула рѣзко:

— Ты ѣдешь къ ней? Такъ нѣтъ же, ты къ ней не поѣдешь! Я твоя жена и я тебя не пущу!.. Лгунъ! Обманщикъ! Monsieur... Вы не повѣрите, monsieur!..

И она начала разсказывать все машинисту. Къ нимъ подошелъ желѣзнодорожный служащій и сталъ слушать. Она начала разсказывать ему все сначала.

А Гаспаръ... Гаспаръ молча смотрѣлъ на нее. Эта неожиданная вспышка у женщины, обыкновенно такой безотвѣтной, поразила его. И вдругъ у него въ головѣ возникла демоническая мысль, и онъ сказалъ спокойнымъ тономъ:

— Видно, тебѣ просто пріятно затѣвать такія исторіи! И чего ты вопишь вмѣсто того, чтобы толкомъ объяснить мнѣ все?.. Вѣдь я пришелъ сюда вовсе не для того, чтобы садиться въ поѣздъ... Я пришелъ навѣстить тутъ друга.

— О,—сказала Бибишъ,—нечего притворяться... нечего притворяться!

Онъ отрывисто засмѣялся и пожалъ плечами. Потомъ, не сказавъ больше ни слова, спокойно и просто, безъ малѣйшаго смущенія, равнодушно посвистывая, онъ направился съ перрона.

Бибишъ послѣдовала за нимъ. Навстрѣчу имъ шли люди, отправлявшіеся съ поѣздомъ. Она нарочно продолжала кричать:

— У тебя только одна нога, но этого съ тебя достаточно, чтобы бѣгать къ любовницамъ!.. И въ твои-то годы! Ну, не позорно ли это?

Они очень быс-ро прошли всю улицу, потому что Гаспаръ передвигался съ необыкновенной легкостью на своихъ костыляхъ, а на этотъ разъ онъ задался цѣлью загнать ее. Но его молчаніе только распаляло злобу Бибишъ, и она громко повторяла, чтобы ее слышали лавочницы:

— Обманщикъ! Лгунъ! Волочиться за юбками, когда ты женатъ, когда у тебя ребенокъ!

Онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, и любезно здоровался съ лавочницами: „здравствуйте, здравствуйте!"

Они пришли наконецъ въ зàмокъ. Бибишъ упала въ кресло у привратницы.

— А, вы его поймали... Теперь онъ у васъ въ рукахъ?—спросила привратница.

До самаго вечера онѣ разсуждали о вѣроломствѣ мужчинъ, о злѣ, которое приноситъ война, и о необходимости для женщины защищать свой семейный очагъ во что бы то ни стало.

Подъ вечеръ выздоравливающій болтунъ-солдатъ, ходячая сплетня, принесъ такую поразительную новость, что все огорченіе Бибишъ сразу прошло.

— Знаете? Пріѣхалъ американецъ, чтобы повидать Гаспара! — объявилъ выздоравливающій.

— Американецъ?—спросила привратница.

Наступленіе. Перебѣжка.

Л. Сологубъ.

— Да, такой бритый, въ желтыхъ башмакахъ...

— Но онъ пріѣхалъ къ господину маркизу.

— Нѣтъ, къ Гаспару! Онъ сказалъ, что слышалъ отъ маркиза, что Гаспаръ парень изворотливый, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, и что, если онъ только хочетъ, и разъ у него не хватаетъ одной ноги, то онъ устроитъ его у себя въ дѣлѣ, а дѣло-то у него такое, что онъ торгуетъ искусственными ногами... Ну, что̀ тутъ было!.. Гаспаръ, котораго не такъ-то легко удивить, совсѣмъ ошалѣлъ отъ радости... потому что... вы знаете, сколько онъ будетъ получать? Нѣтъ, угадайте...

— Сколько? — спросила Бибишъ, у которой перехватило дыханіе.

— Триста франковъ въ мѣсяцъ!

— Да неужто?—воскликнула Бибишъ.

— Не можетъ быть!—сказала привратница.

— Говорю вамъ, что это такъ... да онъ и самъ вамъ это скажетъ... Ну, и радъ же онъ! Онъ говоритъ даже, что война—это великолѣпная штука... Да онъ и правъ, потому что ему теперь будетъ привольное житье!

Привольное житье! Бибишъ слушала съ сильно бьющимся сердцемъ. И она совсѣмъ больше не сердилась, она восхищалась Гаспаромъ... дрожала отъ радости. Въ головѣ у нея вертѣлась одна только мысль: забыть, выпросить прощеніе, покориться... Триста франковъ! Быть женой человѣка, который зарабатываетъ триста франковъ въ мѣсяцъ!

Она съ нетерпѣніемъ поджидала Гаспара. Онъ пришелъ, не сомнѣваясь въ томъ эффектѣ, который произведенъ. Но онъ дѣлалъ видъ, будто обращается только къ привратницѣ:

— Такъ вамъ уже разсказали?.. Недурно, не правда ли? Это можно принять, а?

Онъ прибавилъ, тыкая себя указательнымъ пальцемъ въ грудь:

— Теперь вотъ этотъ малютка можетъ не отказывать себѣ иногда въ рюмкѣ чего-нибудь и получше, разъ правительство запретило абсентъ.

Бибишъ, стыдившаяся своей выходки, пробормотала:

— О, ты всегда умѣешь вывернуться... Триста франковъ!

— И, кромѣ того, два процента съ каждой проданной ноги,— замѣтилъ Гаспаръ съ важнымъ видомъ. — Ахъ, что̀ за милый человѣкъ! Право, мнѣ хотѣлось поцѣловать его прямо въ губы!.. Онъ показалъ мнѣ одну такую ногу, онъ привезъ ее въ чемоданѣ... Ну, и хорошая же это штука! На колѣнкѣ придѣланъ рычажокъ, его нажимаешь, и нога сгибается... а въ ногѣ другой рычажокъ съ резиной... Нѣтъ, надо быть настоящей скотиной, чтобы жаловаться, имѣя такую ногу!

Бибишъ смотрѣла на него взглядомъ рабыни. А онъ все еще не замѣчалъ ея. Но онъ прибавилъ очень просто:

— Такъ вотъ, значитъ, съ моимъ выздоровленіемъ дѣло покончено! Этотъ американецъ уговорился съ маркизомъ. Завтра мы уѣзжаемъ въ Пантрюшъ... А послѣзавтра... ты можешь начать привольную жизнь!..

Тутъ онъ посмотрѣлъ на нее наконецъ. А у нея глаза наполнились слезами при мысли о томъ, что Гаспаръ увезетъ съ собою ее и никого другого, что о служанкѣ изъ кафе и помину больше нѣтъ, что все зло, причиненное войной, исправлено, и что они снова будутъ жить всѣ вмѣстѣ на улицѣ de la Gaîté, да еще будутъ имѣть возможность откладывать кое-что на черный день. И она подумала: „А старуха-то его, должно-быть, права... Есть Богъ...“

Въ улицѣ de la Gaîté Гаспара ждало письмо. Конвертъ былъ съ траурнымъ бордюромъ и очень изящный. Гаспаръ подумалъ: „Это письмо, должно-быть... отъ какого-нибудь милліонера!“

Онъ распечаталъ письмо, оно было отъ мадамъ Бюреттъ. Вотъ неожиданность! Писала вдова его перваго друга. У него никогда не хватало духу написать ей, чтобы сообщить... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что онъ не зналъ, что̀ именно ей сообщать. Бюреттъ такъ часто говорилъ ему о своей женѣ въ самыхъ теплыхъ, влюбленныхъ выраженіяхъ. И Гаспаръ, потрясенный ужасной обстановкой смерти друга и сраженіемъ, часто говорилъ себѣ потомъ: „Я не могу... у меня духу не хватитъ разсказать ей все это!“ Но теперь она сама молила его разсказать ей подробно о послѣднихъ минутахъ мужа. Она писала, что сержантъ извѣстилъ ее, что одинъ только Гаспаръ былъ до конца съ ея „милымъ мужемъ“. Когда, гдѣ она могла бы его повидать? Она благодаритъ его заранѣе и протягиваетъ ему обѣ свои руки.

О, до чего Гаспаръ былъ растроганъ этимъ простымъ письмомъ! Онъ перечитывалъ его десять разъ, восхищаясь прелестнымъ почеркомъ. Онъ сказалъ, передавая письмо матери и Бибишъ:

— Бѣдняжка... и она, должно-быть, премиленькая!.. Да и Бюреттъ говорилъ это каждый разъ, когда упоминалъ о ней... Теперь ужъ ничего не подѣлаешь, придется итти къ ней... Но какъ разсказать ей это?

И онъ такъ ясно представилъ себѣ, какъ онъ идетъ подъ адскимъ огнемъ и несетъ стонущаго и умирающаго друга... Какъ тотъ лежитъ на землѣ на перевязочномъ пунктѣ и корчится отъ страданій... съ помертвѣвшимъ лицомъ и съ предсмертнымъ холоднымъ потомъ на лбу...

— Да, тутъ ничего не подѣлаешь,—повторилъ онъ,—придется пойти къ ней!

Ему надо было еще повидать господина Фаринэ, профессора, которому онъ долженъ былъ передать письмо бѣднаго Мусса, написанное имъ цѣлыхъ три мѣсяца тому назадъ.

Однимъ словомъ, ему, благополучно возвратившемуся домой, предстояло исполнить послѣдній долгъ по отношенію къ памяти двоихъ своихъ товарищей по походу, о которыхъ онъ не могъ вспоминать безъ того, чтобы сердце его не наполнялось чувствомъ глубокой ненависти къ бошамъ.

Онъ воспользовался своимъ послѣднимъ свободнымъ днемъ.

Такъ какъ іюньскій день былъ мягкій и сіяющій, то онъ сказалъ матери, Бибишъ и мальчику:

— Нечего вамъ тутъ киснуть въ вашемъ углу. Погода великолѣпная, идите со мной. Въ то время, какъ я буду ходить по дѣламъ, вы можете посидѣть на бульварѣ на скамеечкѣ и подождать меня.

Обѣ женщины охотно согласились на это. Онѣ гордились тѣмъ, что будутъ сопровождать своего калѣку, когда онъ будетъ исполнять обѣщаніе, данное имъ своимъ „однокашникамъ“, и навѣщать ихъ близкихъ, чтобы разсказать имъ, какъ его товарищи умерли.

Сперва маленькій кортежъ направился въ улицу Николь возлѣ Обсерваторіи, гдѣ жилъ господинъ Фаринэ. Они поѣхали въ трамваѣ.

Остановясь передъ дверью господина Фаринэ, Гаспаръ позвонилъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Онъ посмотрѣлъ на адресъ на письмѣ Мусса: „Господину профессору словесности“... и подумалъ: „Должно-быть, это какой-нибудь диковинный старый бонза“. Дверь пріотворилась. Гаспаръ очутился передъ человѣчкомъ самой непригляднойвнѣшности: поросшимъ щетиной, съ маленькими недовѣрчивыми глазками, съ пенснэ, сидящимъ криво на носу, съ галстукомъ, съѣхавшимъ набокъ. Однимъ словомъ, вся его внѣшность вполнѣ соотвѣтствовала представленію о сухомъ педантѣ.

Гаспаръ протянулъ ему письмо и пояснилъ, отъ кого оно. Старикъ сказалъ неопредѣленно: „А?.. А! Благодарю васъ!“ И, продолжая стоять въ дверяхъ, онъ прочелъ письмо и сказалъ:

— Да... Хорошо... Отлично... Такъ онъ умеръ?

— Умеръ,—отвѣтилъ Гаспаръ печально.

— И... онъ ничего не говорилъ вамъ... относительно гомерическихъ формъ и глаголовъ средняго залога?

— Какъ? — спросилъ удивленный Гаспаръ.

— А, впрочемъ, ничего... ничего... Я повидаюсь съ издателемъ...

И старикъ боязливо косился по сторонамъ, стоя въ дверяхъ, точно боялся, какъ бы этотъ солдатъ не ворвался къ нему. Онъ сказалъ своимъ дребезжащимъ голосомъ:

— А вы... Вамъ отняли ногу?

Потомъ вдругъ спросилъ:

— Скажите, тамъ у васъ были вши?

— Ну, ужъ въ чемъ другомъ, а въ этомъ добрѣ недостатка не было...

— Мой братъ... онъ въ Академіи Наукъ... сдѣлалъ докладъ о вшахъ германскихъ... онѣ, оказывается, темнѣе другихъ.

— Темнѣе? — сказалъ Гаспаръ съ презрѣніемъ. — Фу! Вошь— всегда вошь, только и всего...

— Извините... Есть вошь обыкновенная и вошь...

— Вы хотите сказать, вошь, которая водится у высшихъ чиновъ? Такъ этой я не знаю,—сказалъ Гаспаръ.—А что̀ касается вшей у нашего брата, рядовыхъ, такъ я хорошо знаю, что̀ это такое!

— Да?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Да, да,—заговорилъ профессоръ.— Во всякомъ случаѣ, очень вамъ благодаренъ за письмо... и... до свиданія.

Дверь захлопнулась, прежде чѣмъ Гаспаръ успѣлъ отвѣтить. Онъ пошелъ къ матери и женѣ, которыя ждали его на бульварѣ Поръ-Руаяль, и воскликнулъ, пораженный и негодующій:

— Вотъ такъ птица! И какъ это Муссъ могъ знаться съ такимъ идіотомъ! Ей-Богу, стоитъ только вставить ему въ задъ павлинье перо, и готова диковинная птица!

Но ему оставалось еще навѣстить мадамъ Бюреттъ. Онъ догадывался, что она должна быть очаровательна, и онъ сказалъ съ облегченнымъ сердцемъ:

— Идемте! Влѣземъ опять въ трамвай!

Мадамъ Бюреттъ переѣхала на другую квартиру, ей тяжело было оставаться въ улицѣ du Maine. Она жила теперь со своей теткой въ маленькой улицѣ за Елисейскими полями.

Было жарко, а итти было далеко. Въ предмѣстьѣ Сентъ-Онорэ Гаспаръ свелъ всю свою семью въ погребокъ, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ солдатъ. Онъ освѣжился и потолковалъ съ ними о войнѣ. Потомъ онъ сказалъ матери и Бибишъ: „Останьтесь здѣсь, я вернусь черезъ четверть часа“. И онъ ушелъ. Онъ широко шагалъ на своихъ костыляхъ и напоминалъ качели между двумя столбами.

Онъ пришелъ къ мадамъ Бюреттъ подъ вечеръ, когда только-что начинаютъ спускаться сумерки, и когда хорошенькія женщины становятся еще болѣе очаровательными, когда ихъ красота становится трогательной. Глаза ихъ дѣлаются глубже, черты лица пріобрѣтаютъ мягкость полутоновъ.

Мадамъ Бюреттъ была высокая, стройная брюнетка... Трауръ

на брюнеткахъ кажется болѣе глубокимъ, чѣмъ на другихъ. У нея былъ матовый цвѣтъ лица, который такъ идетъ къ сдержанному горю, длинныя рѣсницы, какъ бы для того, чтобы удерживать слезы, и роскошные волосы, скрывавшіе уши и собранные въ большой узелъ на затылкѣ. Эти волосы придавали ей выраженіе усталости и глубокой скорби.

Выйдя къ Гаспару, она слегка поклонилась и съ сухими глазами, но надтреснутымъ голосомъ сказала:

— Господинъ Гаспаръ... это вы!.. Какъ я рада!.. Какъ вы добры!..

Онъ пробормоталъ въ отвѣтъ:

— О, мадамъ!.. Давно хотѣлъ васъ видѣть, мадамъ...

Конечно, онъ сейчасъ же нашелъ, что она молоденькая и очаровательная, и, сознавая, что онъ долженъ сказать ей нѣчто такое, отъ чего больно сожмется ея сердце, онъ вдругъ проникся къ ней глубокой нѣжностью, которая не объяснялась только тѣмъ, что она жена его умершаго друга.

Она сказала взволнованно:

— И вы также... Я вижу, что и вы также страдали...

— О, я... пустяки! — отвѣтилъ онъ.

— Садитесь же... Вамъ тамъ удобно?.. Сядьте лучше въ кресло...

А онъ повторялъ:

— Давно хотѣлъ васъ видѣть, мадамъ... Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... Не безпокойтесь, мнѣ здѣсь очень удобно, мадамъ...

Она сѣла противъ него. И она заговорила дрожащими губами:

— Итакъ, господинъ Гаспаръ... разскажите, какъ умеръ мой мужъ...

Гаспаръ вертѣлъ въ рукахъ свое кепи. Гдѣ-то позади чирикали птички въ клѣткѣ. У Гаспара въ послѣдній разъ пронеслось

На молитвѣ передъ отправленіемъ на фронтъ. *Англійскіе солдаты въ церкви св. Мартина въ Трафальгаръ-Скверѣ въ Лондонѣ.* Рис. С. Беггъ.

На молитву!

въ головѣ: „Какъ... какъ разсказать ей это?“ И онъ началъ почти машинально:

— Мадамъ, знайте, что я вовсе не хочу позолотить пилюлю или избавить васъ отъ лишнихъ слезъ... но вашъ мужъ, который былъ моимъ товарищемъ, моимъ лучшимъ товарищемъ... такъ вотъ, мадамъ, я скажу вамъ только, что онъ умеръ, какъ умираютъ храбрые люди, и при этомъ... не успѣлъ и глазомъ моргнуть!

Она удивилась:

— Вотъ какъ? — Она дышала прерывисто и нервно теребила въ рукахъ платокъ. — Скажите, monsieur, куда онъ былъ раненъ?

Вопросъ былъ очень опредѣленный. Нѣтъ возможности увильнуть какъ-нибудь... Но вдругъ сердце Гаспара подсказало ему то, что отказывался придумать мозгъ. Онъ отвѣтилъ невозмутимо:

— Вотъ сюда, мадамъ... вотъ въ самое это мѣсто...

Онъ приставилъ указательный палецъ ко лбу и приблизилъ къ ней свою голову, какъ бы для того, чтобы она лучше видѣла. Она, казалось, была очень удивлена:

— Въ лобъ? А сержантъ писалъ мнѣ, что онъ былъ раненъ въ животъ?

— Въ животъ! Нѣтъ, знаете, мадамъ, остается только удивляться, какъ люди могутъ выдумывать подобный вздоръ! Развѣ сержантъ знаетъ что-нибудь? Да вѣдь я одинъ только и видѣлъ его, мадамъ, я одинъ!

Она заговорила быстро:

— Да, да, онъ мнѣ писалъ это! Онъ прибавилъ даже: „Господинъ Гаспаръ былъ настоящимъ братомъ для вашего мужа“.

Сердце Гаспара сжалось.

— О, это такъ понятно!.. Дѣло въ томъ, что Бюреттъ былъ хорошимъ однокашникомъ: каждый разъ, когда раздавали чарку вина...

Она перебила его:

— Онъ очень страдалъ?

Гаспаръ пожалъ плечами:

— Страдалъ? Да ничего подобнаго! Онъ сразу упалъ, какъ подкошенный... знаете, вотъ какъ изображаютъ на открыткахъ... Герой—говорю я вамъ... Я былъ рядомъ съ нимъ, мадамъ... Онъ слегка пискнулъ, какъ мышка,—и конецъ...

Она промолвила: „Да?.. Да?..“ и глаза ея наполнились слезами, и въ то же время лицо ея прояснѣло. Потомъ она высморкалась и проговорила прерывистымъ голосомъ:

— Онъ не успѣлъ... поговорить съ вами обо мнѣ?

Гаспаръ отвѣтилъ горячо:

— Какъ же нѣтъ?.. Конечно... Еще бы!.. Но раньше... Онъ всегда говорилъ: „Если я здѣсь останусь, Гаспаръ, ты скажешь моей милой женѣ, что я всегда думалъ о ней“.

— Онъ такъ вамъ говорилъ?

— Да, и это правда, это не для краснаго словца... А потомъ вотъ еще что случилось, мадамъ... Сейчасъ же послѣ того, какъ онъ упалъ мертвый... вы понимаете, возлѣ него упалъ снарядъ и тутъ же разорвался...

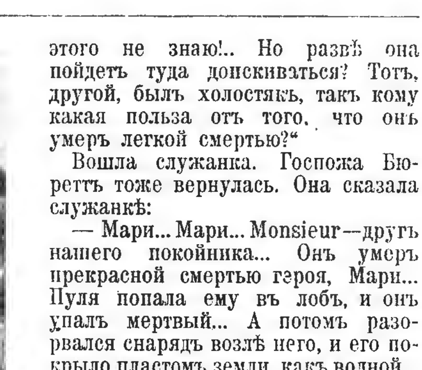
— Господи!.. Ну, и что же?

— Такъ вотъ взрывомъ приподняло цѣлую глыбу земли, и она обрушилась на него и тутъ же его похоронила... Это было удивительно... Никто не успѣлъ даже дотронуться до него... а ужъ его и слѣдъ простылъ! Онъ исчезъ, и такъ спокойно, со всѣмъ своимъ снаряженіемъ... ружьемъ, ранцемъ и всѣмъ тѣмъ, что вы, быть-можетъ, дали ему съ собой, мадамъ.

Она встала и протянула ему обѣ руки, какъ писала въ письмѣ.

— Господинъ Гаспаръ, я теперь понимаю, что мой мужъ писалъ о васъ, что у васъ золотое сердце!.. Я хочу дать вамъ его фотографію...

Она ушла въ сосѣднюю комнату. Гаспаръ всталъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Казалось, будто его отраженіе говоритъ ему: „Но... послушай, милый мой, вѣдь ты разсказалъ ей, какъ умеръ тотъ, другой?“ Настоящій Гаспаръ отвѣтилъ невозмутимо: „Точно я



этого не знаю!.. Но развѣ она пойдетъ туда доискиваться? Тотъ, другой, былъ холостякъ, такъ кому какая польза отъ того, что онъ умеръ легкой смертью?“

Вошла служанка. Госпожа Бюреттъ тоже вернулась. Она сказала служанкѣ:

— Мари... Мари... Monsieur—другъ нашего покойника... Онъ умеръ прекрасной смертью героя, Мари... Пуля попала ему въ лобъ, и онъ упалъ мертвый... А потомъ разорвался снарядъ возлѣ него, и его покрыло пластомъ земли, какъ волной...

Ея голосъ дрожалъ, но она держала себя съ достоинствомъ. Служанка покачала головой:

— Ахъ, вотъ какъ... Вотъ видите, мадамъ! Вотъ какъ!..

Наступило долгое молчаніе, во время котораго сильно бились сердца этихъ двухъ столь различныхъ людей,—этого торговца улитками, человѣка изъ народа, способнаго на такія великодушныя выдумки, и этой молодой женщины, гордившейся прекрасной смертью мужа.

Только птички, ничего не понимавшія ни въ славѣ ни въ несчастьяхъ человѣческихъ, весело чирикали въ клѣткѣ и какъ будто говорили: „Даже въ клѣткѣ, чирикъ-чирикъ, жизнь краше смерти, чирикъ-чирикъ, чирикъ-чирикъ“...

Глаза Гаспара блестѣли, когда онъ вышелъ отъ мадамъ Бюреттъ. Мать спросила его:

— Ну, какъ?.. У тебя хватило духу разсказать ей все?

Онъ отвѣтилъ:

— Я далъ ей проглотить это съ соусомъ собственнаго изготовленія.

Онъ повелъ свою семью прогуляться по Елисейскимъ полямъ, гдѣ царилъ мягкій полумракъ прекраснаго вечера. Все казалось позолоченнымъ—аллеи, деревья, гуляющіе. И въ этотъ тихій вечеръ Гаспара вдругъ охватило чувство удовлетворенія при мысли о томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ родинѣ и друзьямъ, и что онъ снова со своей матерью, своимъ мальчикомъ и своей женой. Бѣдная старушка! Она дала ему жизнь, она вырастила его, она терпѣла лишенія изъ-за него... и всегда она оставалась доброй и ласковой, трогалась изъ-за всякихъ пустяковъ... И Бибишъ тоже съ нимъ, Бибишъ, добрые глаза которой онъ такъ любилъ, а также ея бѣлокурые волосы, вившіеся за ушами... И все-таки къ его счастью примѣшивалось горькое чувство, когда онъ думалъ о томъ, что не все еще устроено, что война еще не окончена, и люди все еще убиваютъ другъ друга, повсюду, безъ конца...

Газетчикъ прокричалъ: „Intransigeant... Liberté!“

Гаспаръ сказалъ:

— Ничего новаго? Русскіе все отступаютъ?.. Ахъ, да когда же наконецъ... когда имъ зададутъ настоящаго перцу?

Бибишъ вздохнула. А мальчуганъ, не выше сапога отца, сталъ его передразнивать:

— Да когда же наконецъ... когда же?..

— Послушай ты, поросенокъ,—крикнулъ Гаспаръ,—брось-ка лучше передразнивать меня, не то я нарумяню тебѣ задъ!

— А! А! А чѣмъ?—засмѣялся мальчикъ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

Гаспаръ скорѣе зашагалъ на своихъ костыляхъ и хотѣлъ поймать сына, но малышъ побѣжалъ еще быстрѣе, засмѣялся и показалъ ему кукишъ.

Гаспаръ крикнулъ:

— Бибишъ, выдери его, да до крови

Бабушка замѣтила:

— Оставь его... оставь его...

— Бибишъ, выдери его!

Бибишъ отшлепала мальчишку, и тотъ заревѣлъ. Гаспаръ сказалъ, все еще вращая глазами отъ гнѣва:

— Паршивецъ! Его отъ земли не видно, а онъ уже щелкаетъ отца по носу! Мальчишка совсѣмъ испортился! Этакая дрянь! Только-что вылупился, у него еще скорлупа на носу, а важничаетъ!

— Ну ужъ и важничаетъ!..—сказала бабушка.

— Да, именно важничаетъ, потому что у него обѣ ноги, а я всего только три четверти человѣка!.. А онъ... онъ... что онъ такое? Какой-то слюнявый, прыщъ!.. Нѣтъ, вы посмотрите только, какъ онъ выступаетъ!

Мальчикъ пересталъ плакать. Онъ поднялъ голову, обозленный и дерзкій. Обѣ женщины молчали. Они свернули на Avenue Alexandre III.

Шагая на костыляхъ, Гаспаръ посмотрѣлъ на свою ногу, на свою единственную ногу, и проговорилъ вполголоса:

— Изъ насъ вытянутъ всѣ жилы, а эти мальчишки воспользуются нашими трудами, да еще сядутъ намъ на шею!..

Но между двумя дворцами онъ вдругъ глубоко вздохнулъ. На

этотъ разъ онъ громкимъ и мужественнымъ голосомъ промолвилъ:

— Только это ничего не значитъ. Они унаслѣдуютъ послѣ насъ, они разжирѣютъ, будутъ ѣсть только индюшку съ трюфелями, а вотъ боши... Нѣтъ, бошамъ придется плохо... конечно, мы будемъ дубить ихъ кожу!..

Онъ поднялъ голову вверхъ, и казалось, будто онъ гордо бесѣдуетъ съ величественнымъ куполомъ Дома Инвалидовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Наши вольныя побѣды и невольныя пораженія.

Іюнь и іюль на юго-западномъ фронтѣ. Взятіе Галича и Калуща. Тарнопольскій прорывъ.

Предпринятое въ іюнѣ наше наступленіе на Тарнополь-Брзежанскомъ направленіи въ Галиціи имѣло цѣлью привлечь сюда вниманіе противника, который началъ спѣшно стягивать къ сѣверу отъ Галича свои резервы и подкрѣпленія. Только нѣсколько дней спустя наши войска обнаружили истинный смыслъ столь блестяще удавшагося своего маневра и перешли въ наступленіе къ югу отъ Галичскаго укрѣпленнаго пункта.

27-го іюня въ 12 часовъ дня войсками восьмой нашей арміи, подъ командой генерала Корнилова, обходнымъ маневромъ былъ взятъ городъ Галичъ, расположенный на правомъ берегу Днѣстра, на границѣ между Галиційскимъ театромъ военныхъ дѣйствій и Карпатскими перевалами.

Исторія прошлогодняго Брусиловскаго наступленія въ Галиціи показываетъ, что наше движеніе въ обходъ Галича на Брзежано-Рогатинскомъ направленіи съ сѣверной стороны послѣдняго неизмѣнно встрѣчало крайне ожесточенное сопротивленіе противника, что и не давало намъ возможности продвинуться тогда западнѣе рѣки Нараювки.

Наши военныя дѣйствія 18-го и 19-го іюня позволили намъ снова убѣдиться въ томъ, что и въ настоящемъ году это направленіе находится подъ такой же бдительной и сильнѣйшей охраной противника, который, благодаря удобнымъ путямъ сообщенія, быстро перебрасывалъ сюда свои резервы и тѣмъ надежно обезпечивалъ извѣстную линію обороны и не подпускалъ насъ къ Галичу съ сѣверной стороны.

Учитывая это обстоятельство и продолжая отвлекать главныя силы арміи Бемъ-Ермоли къ линіи Зборова, Годова, Конюховъ, Бышекъ и Брзежанъ, т.-е. сѣвернѣе Галича, наши войска стремительно ринулись на ряды непріятеля южнѣе послѣдняго, т.-е. между Галичемъ и Богородчанами, на фронтѣ протяженіемъ около 30 верстъ на Долинскомъ направленіи, и прорвали здѣсь его фронтъ къ сѣверо-западу отъ города Станиславова.

Налетъ нашихъ войскъ былъ настолько неожиданнымъ для противника и тяжелымъ, что онъ въ первый же день Корниловскаго наступленія потерялъ громадное количество убитыхъ и раненыхъ, 7.000 плѣнныхъ и, кромѣ того, отдалъ въ наши руки 48 орудій (изъ коихъ 12 тяжелыхъ), много пулеметовъ и прочей военной добычи.

Наша конница, преслѣдуя быстро отступающаго противника, дошла не только до рѣки Ломницы, составляющей правый притокъ Днѣстра и впадающей въ него въ четырехъ верстахъ сѣвернѣе Галича, но и перешла ее въ четырехъ пунктахъ, занявъ деревни Блудники и Бабинъ и даже городъ Калущъ. Другая группа арміи генерала Корнилова съ фронта Старый Лисецъ — Богородчаны — Золотвина, протяженіемъ около 30 верстъ, повела наступленіе на городъ Долину съ юго-востока отъ послѣдняго, достигнувъ верхняго теченія рѣки Луквы по линіи деревень Гробувки, Лесовки,

Всероссійскій Съѣздъ увѣчныхъ воиновъ въ Петроградѣ.

Касмача и Кривичей, т.-е. выдвинулась на 10—12 верстъ впередъ отъ первоначальной линіи своего расположенія.

Наша восьмая армія, отбрасывая противника и преодолѣвая всѣ препятствія, продвигалась къ югу отъ Галича на Долинскомъ направленіи, предоставивъ сосѣднимъ корпусамъ наблюденіе за лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣстра и сѣвернымъ отъ Галича раіономъ. За это время ею пройдена сильно укрѣпленная позиція соединенныхъ непріятельскихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки Быстрицы Золотвинской, при чемъ передовыя наши части уже подошли къ рѣкѣ Луквѣ, составляющей притокъ Днѣстра и впадающей въ него съ правой стороны. Здѣсь австро-германцы пытались-было задержать наше наступленіе, желая использовать наиболѣе удобныя въ тактическомъ отношеніи для обороны свои позиціи. Но попытка эта противнику не удалась, и онъ былъ отброшенъ за рѣку Ломницу, лежащую въ пяти-шести верстахъ къ западу отъ рѣки Луквы.

Слѣдующей оборонительной позиціей противника долженъ былъ бы явиться лѣвый берегъ Ломницы въ раіонѣ города Калуща, но и здѣсь противникъ не смогъ выйти изъ-подъ ударовъ арміи генерала Корнилова: сильныя позиціи противника въ раіонѣ города Калуща, на лѣвомъ берегу рѣки Ломницы, остались за нашими войсками.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ продвиженія въ Южной Галиціи нашихъ войскъ впередъ, австро-германскія арміи теряли связь между отдѣльными частями своего фронта, и къ моменту захвата нами города Калуща южно-галиційская группа противника была разорвана на части арміей генерала Корнилова.

Противникъ никакъ не ожидалъ такого рѣзкаго оборота событій и сталъ спѣшно подвозить къ раіону Галича много резервовъ, стягивая ихъ съ нашего сѣвернаго и западнаго фронтовъ. Медлить было опасно, и потому фельдмаршалъ Гинденбургъ рѣшилъ отвлечь насъ своимъ ударомъ на Тарнопольскомъ направленіи.

Контръ-наступленіе, произведенное Гинденбургомъ на Тарнопольскомъ направленіи, привело, какъ уже извѣстно по боевымъ дѣйствіямъ, бывшимъ съ 5-го по 12-е іюля, къ прорыву нашего фронта въ южной Галиціи на протяженіи около 70 верстъ по фронту и до 40 верстъ въ глубину.

Такимъ образомъ наступленіе прорвавшихся австро-германскихъ частей арміи Бемъ-Ермоли на Тарнопольскомъ направленіи начало развиваться главнымъ образомъ потому, что противнику удалось въ теченіе 6-го и 7-го іюля занять фланговое положеніе въ отношеніи нашихъ позицій къ юго-западу отъ Тарнополя до лѣваго берега рѣки Днѣстра. Стремясь выиграть насколько возможно большее пространство, австро-германцы сильно атаковали наши части къ югу отъ линіи Тарнополь-Брзежаны, утвердившись на двухъ желѣзнодорожныхъ путяхъ, сходящихся у Тарнополя со стороны Злочева и Брзежанъ.

Самымъ городомъ Тарнополемъ, расположеннымъ на обоихъ берегахъ рѣки Серета, противнику къ этому времени овладѣть еще не удалось, такъ какъ обѣ стороны, занимая противоположные берега, были раздѣлены между собою этою преградою.

Благодаря тому, что на Серетѣ наступленіе австро-германцевъ задержалось, наши части по линіи Заложце—Тарнополь остаются неподвижными въ теченіе трехъ дней, въ то время, какъ къ югу наступленіе противника развивается со скоростью около 15—20 верстъ въ сутки. Послѣ 6-го іюля, когда австро-германскія войска достигли города Заложце, они перемѣнили направленіе своего движенія съ юго-восточнаго на южное и атакуютъ теперь не столько лобовыя части одиннадцатой арміи, сколько стремятся разрушить связь между этой послѣдней и сосѣдней съ ней седьмой арміей.

На этомъ пути событія развиваются довольно быстро. Въ теченіе четырехъ дней съ сѣвера на югъ по долинѣ рѣки Стрыпы, примѣрно, до мѣстечка Бенява и Семиковце, австро-германцами пройдено разстояніе около 50 верстъ, при чемъ фланги сдвинувшагося фронта противника и обращеннаго на югъ въ сторону Днѣстра упирались первоначально у Галича въ Нараювку близъ деревни Большовце и къ югу отъ Тарнополя въ рѣку Серетъ близъ мѣстечка Микулинце.

Благодаря этому фронтъ юго-западныхъ нашихъ армій получилъ рѣзкій изломъ между Галичемъ и Тарнополемъ, что поставило въ весьма тяжелое положеніе оперировавшую на сѣверномъ берегу Днѣстра нашу седьмую армію. Правое крыло ея очутилось подъ серьезнымъ ударомъ съ сѣвера, что вызвало необходимость отхода этой арміи на низовья рѣкъ Стрыпы и даже Серета.

Несмотря на то, что Корниловская армія отдѣлена была отъ раіона Тарнопольскаго прорыва значительнымъ разстояніемъ и рѣкой Днѣстромъ, все же ей пришлось отходить на востокъ, чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію.

Сравнивая первоначальный фронтъ наступавшихъ въ іюнѣ армій генерала Гутора съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, мы видимъ, что сильному измѣненію подверглись позиціи лишь въ южной части Галиціи между станціей Броды и Карпатами, и нисколько не перемѣнилось положеніе въ сѣверной части Галиціи и на Волынскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ близко примыкающемъ къ раіону опаснаго Тарнопольскаго прорыва.

Въ цѣляхъ широкаго противодѣйствія развитію катастрофы на юго-западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій наше верховное главнокомандованіе предприняло серьезную наступательную программу на нашемъ сѣверномъ и западномъ фронтахъ, гдѣ происходившей въ теченіе нѣсколькихъ дней подготовкой артиллерійскимъ огнемъ привлекало вниманіе противника къ Сморгонскимъ, Кревскимъ и Двинскимъ позиціямъ. При тяжелой обстановкѣ и здѣсь приходилось оперировать нашимъ начальникамъ, такъ какъ войска не вездѣ склонны были одинаково относиться къ исполненію боевыхъ приказовъ. Случай отказа частей отъ боя на Сморгонскомъ направленіи представляется въ этомъ отношеніи особенно показательнымъ и требующимъ крайняго напряженія для того, чтобы предупредить и здѣсь катастрофическія послѣдствія внезапнаго раскрытія фронта.

Возвращаясь снова къ Галиційскому фронту, мы видимъ, что, подойдя вплотную къ Серету отъ верховья до Трембовли, на протяженіи около 45 верстъ къ сѣверу и къ югу отъ Тарнополя, австро-германцы стремятся перекинуться на лѣвый берегъ рѣки и выйти въ тылъ седьмой арміи, окончательно разобщивъ послѣднюю съ войсками генерала Эрдели.

Продѣлавъ уже болѣе трехъ переходовъ съ боями, противникъ не имѣетъ возможности сосредоточить на этомъ участкѣ рѣки такихъ резервовъ, которые позволили бы ему достигнуть новыхъ крупныхъ цѣлей въ указанномъ направленіи, и, если со стороны нашихъ частей была бы проявлена хотя небольшая попытка использовать тактическія условія названной переправы, то результатъ для насъ получился бы вполнѣ благопріятный.

Однако, благодаря неустойчивости нѣкоторыхъ частей, занимающихся на позиціяхъ не столько тактикой, сколько политикой, сильный Серетскій водный рубежъ все же оказался противникомъ уже перейденнымъ. Въ раіонѣ мѣстечка Микулинце, между Трембовлей и Тарнополемъ, противникъ прорвался на противоположный берегъ и занялъ деревню Волю-Мазовецкую. Эта переправа поставила снова въ тяжелое положеніе наши войска, такъ какъ она, въ сущности, прервала серьезную линію обороны, на которой могли бы съ такимъ успѣхомъ обосноваться отходящія изъ юго-восточной Галиціи наши арміи.

По имѣющимся признакамъ, генералъ Бемъ-Ермоли, продолжая получать новыя подкрѣпленія, бросаетъ ихъ на Тарнопольское направленіе, гдѣ сосредоточиваетъ довольно значительный кулакъ.

По всей вѣроятности, ближайшая борьба за Серетскія переправы приметъ ожесточенный характеръ, и въ ней наши войска должны будутъ дать окончательный отвѣтъ въ подлинномъ своемъ настроеніи. Отбить дальнѣйшія попытки противника форсировать рѣку Серетъ—это значитъ оказать большую услугу нашему юго-западному фронту въ вопросѣ сохраненія болѣе или менѣе сноснаго стратегическаго положенія. Въ противномъ случаѣ, большой прорывъ противника за Серетъ знаменуетъ собою окончательную ликвидацію не только Галиційскаго, но и Буковинскаго театровъ военныхъ дѣйствій.

Если нашимъ войскамъ снова придется отходить на востокъ и разсчитывать на менѣе солидную преграду въ видѣ пограничной съ Австріей рѣки Збручъ, расположенной параллельно Серету въ полутора переходахъ къ востоку отъ послѣдняго, то бывшая армія генерала Корнилова можетъ оказаться отрѣзанной. Хотя послѣдняя и прикрыта рѣкою Днѣстромъ, но въ силу направленія его теченія на юго-востокъ надежды на это пока еще невелики.

Въ общей сложности, на борьбѣ за Серетскія переправы сосредоточенъ теперь весь интересъ военныхъ операцій на фронтѣ нашихъ юго-западныхъ армій, изъ которыхъ одиннадцатая пока замедлила свое движеніе, а двѣ южныя еще продолжаютъ маневрировать и отходить на востокъ и юго-востокъ.

Такимъ образомъ, за недѣлю съ 5-го іюля, какъ видно на схемѣ, мы потеряли громадную площадь въ Галиціи на протяженіи около 130 верстъ по фронту и до 60 верстъ въ глубину.

Но прорывъ нашего расположенія, видимо, еще далеко не ликвидированъ. Онъ можетъ перекинуться и на территорію Бессарабіи, угрожая и прочимъ нашимъ южнымъ губерніямъ.

Положеніе для насъ создалось тяжелое, однако отчаиваться не слѣдуетъ. При извѣстномъ напряженіи народной воли, наша армія должна же будетъ наконецъ опомниться и понять, что за ея спиной стоитъ молодая русская свобода.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 48.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1917 г. №№ 29 и 30

XLVIII г. изданія

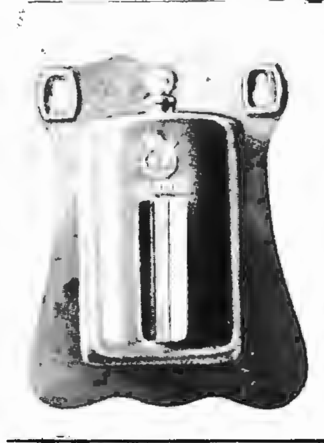
Выданы 29-го іюля 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сиб.“, кн. 49—50.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.



„Вѣчная Спичка“

впервые въ Россіи Англійская новинка — изящная **СТѢННАЯ ЗАЖИГАЛКА** незамѣнима въ городѣ и въ деревнѣ, въ каждомъ домѣ.

Снимаетъ съ хозяйки и съ курильщика заботу о спичкахъ, давая **ГРОМАДНУЮ ЭКОНОМІЮ**.

Высылается почтовыми посылками наложеннымъ платежомъ за **6 руб. 50 коп.**

Единственная продажа на всю Россію.

Адресъ: Магазинъ „ЭТРАНЖЕ“ — Москва, Тверская ул., № 37, кв. 10.

Я САМЪ — ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ“**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 3 р. 50 к. **МОСКВА, ИЗД-СТВО. „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.**

4863 (17)

●● Съ прибылями 2,000 — 8,000 рублей ●●

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ДОХОДНЫХЪ ДѢЛЪ.

Книга завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе... Изд. „Энциклоп.“ въ 2-хъ книг., 12-ти частяхъ. Указываетъ **многія** дѣла на 1—8.000 руб. дохода, любое изъ которыхъ можно начать **съ грошей**. А чтобы получить **вѣрную** прибыль — даны подробныя наставленія веденія и дешеваго устройства (съ 100 руб.) каждаго дѣла. Есть легкія сезонн. дѣла, что за 3 м-ца работы даютъ вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цѣна 2-мъ книг. „Энциклоп“ **3 р. 95 к.** съ перес. Масса благодарностей! Книжн. скл. **„Новая Жизнь и Наука“**, Москва, Средн. Переславская, 3-31.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы **ШАТЕЛЕНЪ** въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4569 5-5

Общество для распространенія коммерческихъ знаній.

Петроградъ, Невскій, 56, д. Гр. Гр. Елисѣева. Тел. 42- -.5.

Даютъ полное образованіе по счетоводству торгово-промышл. и финанс. учрежд.

Курсъ одногодичный.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ

Принимаются лица обоего пола. Занятія вечернія и дневныя. Начало занятій 2 сентября. Окончившіе рекоменд. на мѣста. Свѣд. и прогр. выдаются и высылаются безплатно.

ТОРГОВАЯ ШКОЛА для мальчиковъ. Плата за полугодіе 40 р. Пріемныя испытанія въ младш. и старш. приг. классы съ 22 августа.

Предсѣдатель Общества **Гр. Гр. Елисѣевъ.**

Необходимое руководство

ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ ОБОЕГО ПОЛА.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ“, отд. 2. (3)

ЧАРОДѢЙСТВО и народные ЗАГОВОРЫ.

Предсказанія человѣческой судьбы на всѣ задуманные вопросы. Толкованіе сновъ. Раскрытіе тайнъ халдейскихъ мудрецовъ, египетскихъ жрецовъ, индійскихъ факировъ. Кабалистика. Хиромантія. Бѣлая и черная магія. Отгадываніе именъ, кто кого любитъ. Талисманы къ продленію жизни и множество другихъ интересныхъ свѣдѣній содержитъ книга **„Чародѣй“**. Высыл. налож. плат. за 3 р. 60 к. Требованія адрес.: Москва, изд-ству **„Соколъ“**, отд. 2.

Я БРОСИЛЪ КУРИТЬ

легко и свободно примѣнивъ новый изобрѣтенный мною способъ. Мои друзья и знакомые сдѣлали то же и поражены, что такъ легко и безъ „мученій“ избавились отъ дурной и вредной привычки.

Москва, ком. ящ. 854. Высылаю налож. платеж. за **3 руб. 65 коп.**

АСТРОЛОГЪ, МАГЪ и ОККУЛЬТИСТЪ

ТАЙНЫХЪ НАУКЪ ИНДІИ.

Предсказываю по звѣздамъ, почерку и фот. карт. о всѣхъ интересующихъ событіяхъ человѣка: какъ достичь богатства, славы, любви и др. цѣлей и желаній, и даю совѣты по болѣзнямъ, (разстояніе не препятствуетъ). На отвѣтъ прилагать марки. Самара. Садовая, 280. Л. Г. Гринь.

4854 4-1

Два раза въ день
чистите зубы пастой „Прима“,
Два раза въ годъ
покажите Вашъ ротъ зубному врачу
и Вы сохраните прекрасные здоровые зубы до глубокой старости.

Зубная паста „Прима“ дастъ Вамъ бѣлые зубы, здоровыя десна и пріятное свѣжее дыханіе.

КАКЪ ДѢЙСТВУЕТЪ ПАСТА „ПРИМА“.

Послѣ каждаго пріема пищи между зубами застреваютъ частицы, хотя бы и мельчайшія, которыя во рту загниваютъ и образуютъ кислоты. Вотъ эти-то кислоты и являются злѣйшими врагами зубовъ. Онѣ вызываютъ дурной запахъ изо рта, разрушаютъ наружную твердѣйшую часть зуба — эмаль, проникаютъ во внутреннюю болѣе мягкую часть — дентинъ, собираютъ микробовъ, образуютъ зіяющія черныя отверстія и обнажаютъ зубные нервы, что причиняетъ иногда сильнѣйшія боли и окончательно разрушаетъ зубы.

Зубная паста „Прима“ прекращаетъ образованіе кислотъ, дѣлаетъ запахъ изо рта пріятнымъ и свѣжимъ, удаляетъ застрявшіе между зубами мельчайшіе остатки пищи, что способствуетъ сохраненію здоровыхъ зубовъ до глубокой старости.

Дѣти охотно чистятъ зубы пастой „Прима“ благодаря ея пріятному вкусу и ароматичности.

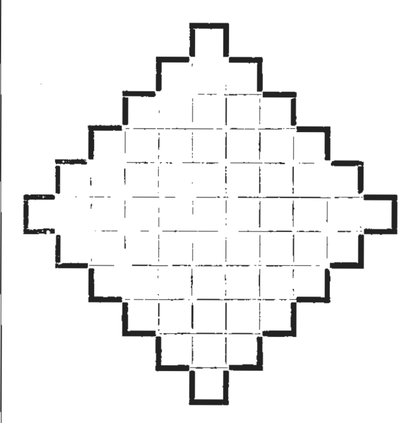
Требуйте пасту „Прима“ въ ближайшей аптекѣ, аптекарскомъ магазинѣ или изъ **Лабораторіи Химическихъ продуктовъ „Прима“, Петроградъ, Николаевская, № 16, отд. 4.** Остерегайтесь поддѣлокъ, обращайте вниманіе на оригинальную упаковку Лабораторіи „Прима“.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Головоломка № 20.

А. А. Вейгертъ.



Если рѣзать картонные кубы по ребрамъ такъ, чтобы ихъ можно было затѣмъ развернуть, т.-е. разогнуть и положить каждый всѣми шестью гранями (квадратами) на плоскости, то въ зависимости отъ того, по какимъ ребрамъ сдѣланы надрѣзы, самая форма фигуръ (развертокъ) различна.

Изображенная здѣсь фигура составлена изъ различныхъ, насколько возможно, развертокъ десяти одинаковыхъ кубовъ.

Предлагается показать на чертежѣ части, составляющія данную фигуру.

Геометрическая головоломка № 21.

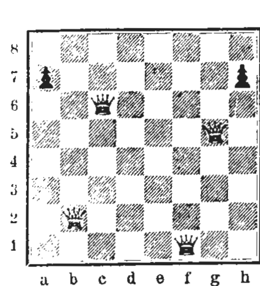
П. Г. Куликовскаго (въ Петроградѣ).

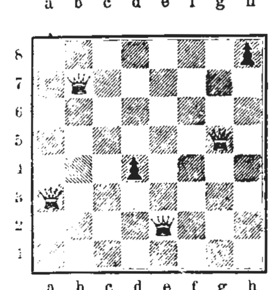
Даны три равныхъ квадрата. Предлагается два изъ нихъ прямыми линіями разрѣзать на одинаковое и притомъ минимальное число частей каждый и затѣмъ полученные отрѣзки сложить вмѣстѣ съ цѣлымъ третьимъ квадратомъ въ одинъ квадратъ.

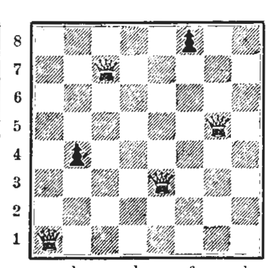
Показать и объяснить, какъ нужно разрѣзать квадраты, чтобы соотношеніе площадей отрѣзковъ каждаго квадрата было наименьшимъ, т.-е., чтобы эти части были, по возможности, крупными.

Рѣшеніе задачи № 10 (помѣщенной въ № 10 „Нивы“ за т. г.).

Наименьшее число клѣтокъ, не находящихся подъ ударами королевъ, — двѣ. Задача допускаетъ нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ здѣсь приводимъ слѣдующія (основныя):







4-е рѣшеніе: королевы a2, b6, e1, f5; пѣшки g7 и h8.

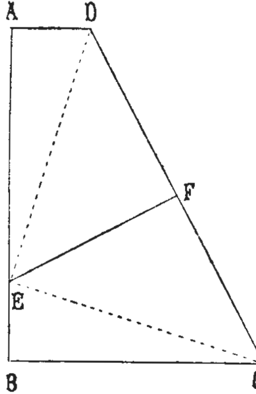
5-е рѣшеніе: королевы a3, c7, e1, g5; пѣшки d4 и h8.

6-е рѣшеніе: королевы a1, b8. e2, h5; пѣшки c6 и d7.

7-е рѣшеніе: королевы a1, d5, e6, f4; пѣшки c2 и h7.

8-е рѣшеніе; королевы a7, d3, e4, h8; пѣшки c1 и g5.

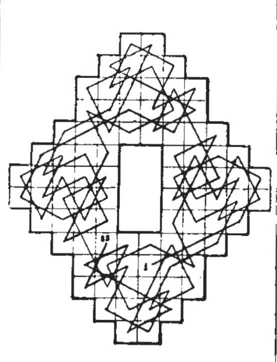
Рѣшеніе геометрической задачи № 11 (помѣщ. тамъ же).



Прямоугольную трапецію можно разрѣзать на двѣ равныя части только въ томъ случаѣ, если высота трапеціи равна суммѣ параллельныхъ ея сторонъ. Докажемъ это. Построимъ прямоугольную трапецію, параллельныя стороны которой относятся какъ 23 : 7, а сумма ихъ равна высотѣ. Для этого на произвольной прямой отложимъ отрѣзки AE и EB пропорціонально числамъ 23 и 7; въ точкахъ A и B возстановимъ перпендикуляры къ AB, отложимъ на нихъ $AD = EB$ и $BC = AE$ и соединимъ D съ C. Опустивъ изъ E перпендикуляръ EF на DC, обнаружимъ, что трапеція $ADCB$ окажется разрѣзанной на двѣ равныя части. Дѣйствительно, соединивъ E съ D и C, увидимъ, что $\triangle\triangle$ DAE и EBC равны (по построенію); слѣдов., $ED = EC$. Далѣе, $\angle DEC = 180^0 - \angle AED - \angle BEC$; но $\angle AED + \angle BEC = 90^0$, значитъ $\angle DEC = 180^0 - 90^0 = 90^0$, а потому $\triangle DEC$ — равнобедренный и прямоугольный, EF — его высота, $\triangle\triangle$ DFE и EFC — также равные равнобедренные прямоугольные треугольники и, слѣд., четыреугольники $ADFE$ и $BEFC$ равны. Опредѣлимъ теперь длины сторонъ. Положимъ $AD = BE = x$: тогда $BC = AE = \frac{23}{7}x$; $AB = \frac{30}{7}x$; площадь $ADCB = \frac{1}{2}(AD + BC)AB = \frac{1}{2}\left(\frac{30}{7}x\right)^2 = 27$ десят. $= 27 \times 2400$ кв. саж., откуда $x = 84$ саж. $= AD$, $BC = 276$ саж. и $AB = 360$ саж. Далѣе, обозначивъ $DF = FE = FC = y$, получимъ $DF^2 + FE^2 = ED^2 = AD^2 + AE^2 = 84^2 + 276^2$, или $2y^2 = 83232$, откуда $DC = 2y = 408$ саж.

Рѣшеніе задачи буквъ № 12 (помѣщенной тамъ же).

Изъ данныхъ отрѣзковъ составляется фигура слѣдующаго вида.



При чтеніи буквъ ходомъ коня получается цитата изъ произведенія А. С. Пушкина „Бородинская годовщина“:

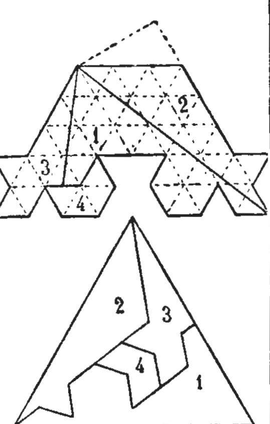
„Сильна-ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!“

Рѣшеніе алгебраической задачи № 13 (помѣщенной въ № 15 „Нивы за т. г.).

Обозначимъ черезъ x и y трехзначныя числа, образуемыя тремя первыми и тремя послѣдними цифрами искомаго шестизначнаго числа. По условію задачи $x + y = \sqrt{1000x + y}$. Возвысивъ это уравненіе въ квадратъ, получимъ $x^2 + (2y - 1000)x + y^2 - y = 0$, откуда $x = 500 - y \pm \sqrt{500^2 - 999y}$. По смыслу задачи подкоренное выраженіе $(500^2 - 999y)$ должно быть точнымъ квадратомъ нѣкотораго цѣлаго числа. Обозначимъ это число κ^2, т.-е. пусть $500^2 - 999y = \kappa^2$; тогда $y = \frac{500^2 - \kappa^2}{999} = \frac{(500 + \kappa)(500 - \kappa)}{999}$. Разъ y—трехзначное цѣлое число, то числитель дроби (въ данномъ случаѣ произведеніе) должно безъ остатка дѣлиться на 999. Но $999 = 999 \times 1 = 333 \times 3 = 111 \times 9 = 37 \times 27$. Остается теперь найти, какія же значенія должно имѣть κ, чтобы произведеніе $(500 + \kappa)$ $(500 - \kappa)$ дѣлилось нацѣло на 999 или на составляющіе его множители. Допустимъ, что 1) $500 + \kappa = 999t$ и $500 - \kappa = t_1$ или наоборотъ, 2) $500 + \kappa = 333t$ и $500 - \kappa = 3t_1$, 3) $500 + \kappa = 111t$ и $500 - \kappa = 9t_1$ и 4) $500 + \kappa = 37t$ и $500 - \kappa = 27t_1$, гдѣ t и t_1 — числа цѣлыя. Суммируя эти уравненія попарно, имѣемъ: 1) $999t + t_1 = 1000$; 2) $333t + 3t_1 = 1000$; 3) $111t + 9t_1 = 1000$ и 4) $37t + 27t_1 = 1000$. Изъ этихъ четырехъ неопредѣленныхъ уравненій рѣшаются въ цѣлыхъ числахъ только 1-е и 4-е; въ 1-мъ $t = 1$; $t_1 = 1$; $\kappa = \pm 449$; $y = 1$ и $x = 998$, въ 4-мъ же $t = 19$; $t_1 = 11$; $\kappa = \pm 203$; $y = 209$ и $x = 494$. Итакъ, чиселъ, удовлетворяющихъ условію задачи, всего два: 998001 и 494209.

Рѣшеніе геометрической головоломки № 14

(помѣщенной тамъ же).



Данная фигура, какъ видно изъ чертежа, состоитъ изъ 49 равныхъ правильныхъ треугольниковъ. Примемъ сторону такого треугольника за единицу измѣренія; тогда площадь данной фигуры, а слѣдовательно и площадь искомаго правильнаго треугольника выразится черезъ $\frac{49}{4}\sqrt{3}$. Но площадь искомаго правильнаго треугольника въ зависимости отъ стороны его x равна $\frac{x^2}{4}\sqrt{3}$. Изъ уравненія $\frac{49}{4}\sqrt{3} = \frac{x^2}{4}\sqrt{3}$ опредѣляемъ $x = 7$, т. е. сторона искомаго правильнаго треугольника равна сторонѣ одного изъ 49 треугольниковъ, составляющихъ фигуру, взятой 7 разъ. Данную фигуру можно было бы разрѣзать по сторонамъ составляющихъ ее треугольниковъ, но *minimum* частей, а именно 4, получится только тогда, если сторону искомаго правильнаго треугольника построить какъ гипотенузу прямоугольнаго треугольника, у котораго одинъ катетъ равенъ $6\frac{1}{2}$, а другой $\frac{3\sqrt{3}}{2}$, т.-е. утроенной высотѣ одного изъ составляющихъ фигуру треугольниковъ. Разрѣзъ (см. чертежъ) сдѣланъ по построенной сторонѣ и по линіи, составляющей съ нею уголъ въ 60^0.

Рѣшеніе ариѳметической задачи № 15 (помѣщенной тамъ же).

На пробѣгъ разстоянія между пристанью A и мѣстомъ встрѣчи съ первыми плотами пароходъ, идя противъ теченія, употребилъ 25 минутъ, плоты же, скорость движенія которыхъ равна скорости теченія рѣки,—6 час. 40 мин. (= 7 час. 5 мин. — 25 м.), т.-е. въ 16 разъ болѣе парохода. Слѣдовательно, если бы пароходъ шелъ тѣ же 25 мин. по неподвижной водѣ, онъ прошелъ бы $^{17}/_{16}$ того разстоянія, которое онъ прошелъ противъ теченія, а если бы онъ шелъ по теченію, то прошелъ бы $^{18}/_{16}$ того же разстоянія. Такимъ образомъ разстоянія, проходимыя пароходомъ въ единицу времени прот.въ теченія и по теченію, относятся между собою какъ 16 : 18 или 8 : 9. Дѣля въ этомъ отношеніи время, употребленное пароходомъ на пробѣгъ разстоянія между пристанями A и $Б$ и обратно (5 ч. 40 м.), находимъ, что обратный путь пароходъ сдѣлалъ въ 2 ч. 40 мин. Плоты по отношенію къ поверхности воды — предметъ неподвижный. Поэтому, сколько времени потратилъ пароходъ на пробѣгъ разстоянія отъ первыхъ плотовъ до вторыхъ, столько же времени онъ шелъ и отъ вторыхъ плотовъ до первыхъ или, что то же,—до пристани A, куда прибылъ вмѣстѣ съ первыми плотами. Значитъ, 9 верстъ по теченію пароходъ прошелъ въ 20 минутъ, а такъ какъ обратный путь отъ $Б$ до A былъ сдѣланъ пароходомъ въ 2 ч. 40 мин., то за это время онъ долженъ былъ пройти 72 версты. Это и есть искомое разстояніе между двумя пристанями.

Корреспонденція.

Т. С. Горжковскому, Я. И. Лейбензону, П. И. Мез—ну и *К. К. Теуфель.* Кое-что изъ присланнаго предполагается напечатать.

С. В. Быстрову, С. Глѣбову, В. В. Епанечникову, С. А. Крупченко, И. Петренко, П. П. Рѣпину и *М. Н. Хрусталеву.* Старо.

Н. Абубакирову, Я. К. Ажоткину, Александрову, А. П. Александрову, В. Антонову, Б. С. Батю, О. Ж. Бровермачу, С. Г. Бушканецъ, бр. Васильевымъ, С. В. Вильчинскому, Г. А. Вислоуху, В. В. Вольскому, Б. Э. Гальперину, Н. Е. Градищеву, В. І. Громову, И. А. Дегтяреву, Н. С. Иванову, Т. Н. Иванову, Я. Кириловскому, А. А. Левитскому, И. И. Матвѣеву, А. Г. Махлину, М. Мелеровичу, Л. П. Мирошниченкову, К. Морену, Г. А. Неумывакъ, А. М. Олейникову, Л. К. Пильцвейгъ, А. Л. Постригачъ, А. В. Прокоповичъ, С. М. Своехотовой, И. О. Сильману, З. Б. Слуцкому, Б. М. Соколову, М. Ф. Соловьевой, Л. Н. Терентьевой, И. Н. Тютчеву, С. Фридману, Ш. Б. Херсонскому, А. И. Цыбульскому, Н. Шейнину, З. Б. Шубертъ, А. А. Шустикову, Б. А. Яковлеву и *П. Я. Яковлеву.* Присланный матеріалъ не пригодился.

В. С. Мордвинову, Ф. З. Пѣтухову и *К. К. Теуфель.* Кое-что изъ присланнаго будетъ использовано.

П. З. Богданову, А. К. Б. Вишнепольскому, В. Грунауэру, В. С. Захарову, М. Е. Исаакянцу, Вальцеву, И. М. Матвѣеву, К. И. Монастырецкому, Е. С. Петропавловскому, К. П. Чубукову и *Н. С. Шепелеву.* Старо.

А. Х. Агресту, А. А. Апрѣлеву, Я. В. Артюхову, Б. С. Батю, Б. И. Беринскому, Я. П. Бутову, А. Ф. Гаазнеръ, Е. Н. Годыцкой-Цвирко, С. Гуровичу, Ѳ. А. Губаржевскому, И. А. Дегтяреву, Іонкиной, Е. Н. Каллистовой, П. Г. Камину, С. Коробкину, И. В. Костенкову, П. А. Липштатъ, С. К. Мамантову, Х. Я. Машбицъ, А. Мордоховичу, Я. И. Нимельштейну, Л. П. Очеретной, Ѳ. Ф. Панасюку, В. Н. Петровой, А. Розенцвайгу, М. Рывкину, А. М. Тутковскому, М. И. Файбишенко, Ж. Файнбергъ, И. Д. Фалько, Н. Г. Хитрову, М. Т. Шафрану и *Б. Шершевскому.* Присланное не пригодилось.

Е. Н. Годыцкой-Цвирко и *М. Г. Тепзовой.* Присланное при случаѣ предполагается напечатать. *А. В. Радецкому-Микуличу, В. А. Радучину* и *Ф. З. Фокину.* Старо.

Г. А. Варданянцу, И. Горбенко, М. Д. Гуревичу, С. Гуровичу, И. А. Дегтяреву, Н. Н. Зиновьеву, Г. А. Зотову, Г. И. Иванову, М. Е. Исаакянцу, Н. П. Майдановy, В. Мальцеву, К. И. Меркульеву, Б. М. Соколову, Н. А. Студитскому, К. К. Теуфель, С. П. Филаретову, Д. Френкину, М. Т. Шафрану, А. Юровицкому и *А. В. Яроцкому.* Задачи не пригодились.

№ 29. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Выданъ 22 іюля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7р., на ¼ года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Художникъ-интеллигентъ.

Н. А. Ярошенко.

Очеркъ **М. Невѣдомскаго.**

Если бы Ярошенко оставилъ потомству только тѣ два изображенія „курсистки" и „студента" (см. стр. 438), которыми владѣетъ теперь Третьяковская галлерея въ Москвѣ,—и то онъ по праву могъ бы быть названъ художественнымъ лѣтописцемъ своей эпохи. Ни у кого изъ передвижниковъ не отразились въ творчествѣ съ такой полнотой, какъ у него, всѣ интимнѣйшія, завиднѣйшія стороны того великаго, славнаго времени, тѣхъ десятилѣтій,—70-хъ и 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія,—когда русская интеллигенція была вся — горѣніе на благо народа, жажда подвига, чувство долга...

Ярошенко былъ убѣжденный демократъ-народникъ, онъ смотрѣлъ на свое искусство, лишь какъ на средство для служенія тѣмъ самымъ идеямъ, въ которыхъ его воспитали „учителя жизни" тѣхъ поколѣній — Чернышевскіе и Добролюбовы. Онъ былъ весь въ общественности, былъ реалистомъ и раціоналистомъ, совершенно чуждымъ всякой мистикѣ. Что можетъ быть болѣе противоположно ему, чѣмъ фигура нашего глубокаго мистика, примитивиста-символиста художника Нестерова? Но послѣдній надъ свѣжей могилой Ярошенко, вспоминая о немъ, какъ о человѣкѣ и художникѣ, далъ ему слѣдующую характеристику:

„Его высокое благородство, его прямодушіе, необычайная стойкость и вѣра въ то дѣло, которому онъ служилъ,—были, думаю, не для одного меня примѣромъ, и сознаніе, что такой правильный человѣкъ есть среди насъ, ободряло на правое дѣло. Человѣкъ своего времени, — времени 70-хъ годовъ, — съ увлеченіями и ошибками памятной эпохи, — онъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ и вдумчивыхъ выразителей ея идей... Взгляды его на жизнь и искусство были тожественны. Какъ человѣкъ, Н. А. Ярошенко былъ, быть-можетъ, для многихъ интереснѣе, разностороннѣе и ярче художника. То, что исповѣдывалъ онъ такъ пламенно, часто не поддавалось его кисти... Хотя мѣсто его въ исторіи родного искусства почетное: онъ записалъ на память будущимъ временамъ интересныя, хотя и тяжелыя страницы своей эпохи. Онъ описалъ радости, горе, надежды и печаль людей, жившихъ, какъ и онъ самъ, въ это возбужденное, переходное время"...

Н. А. Ярошенко родился въ Полтавѣ въ 1846 году въ семьѣ генерала. На девятомъ году онъ былъ отданъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ, а затѣмъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, — и почти всю жизнь провелъ на военной службѣ, въ артиллеріи: онъ вышелъ въ отставку только въ 1892 г. Учителя рисованія всегда выдѣляли его, какъ особенно одареннаго мальчика; но лишь по окончаніи корпуса онъ началъ серьезно обучаться живописи у художника А. М. Волкова (жанриста). У послѣдняго собирались передовые литераторы и художники, и подъ вліяніемъ ихъ сформировалось міросозерцаніе Ярошенко. Поступивъ въ 1867 г. въ Артиллерійскую Академію, онъ одновременно — въ теченіе 5 лѣтъ — посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя и Академію Художествъ, затѣмъ занимался въ вечернихъ академическихъ классахъ.

Еще въ эти студенческіе годы сталъ онъ своимъ человѣкомъ въ кружкѣ „Отечественныхъ Записокъ", близко сошелся съ Михайловскимъ, Успенскимъ, Щедринымъ, Шелгуновымъ. Тогда же познакомился онъ съ Кавелинымъ, Менделѣевымъ, Владиміромъ Соловьевымъ, присяжн. пов. Унковскимъ, дѣятелемъ по освобожденію крестьянъ. Идейная атмосфера, окружавшая молодого художника, была атмосферой идейной интеллигенціи того времени. То, чему служила литература блестяще редактируемаго лучшаго

Заключенный. Третьяковская галлерея въ Москвѣ. *Н. Ярошенко.*

журнала того времени „Отечественныхъ Записокъ", сдѣлалось содержаніемъ и его думъ и его творчества съ самыхъ первыхъ шаговъ его на художественномъ поприщѣ. А это настроеніе, равно какъ и личное знакомство съ главарями „передвижничества"—Крамскимъ, Шишкинымъ. Васнецовымъ, Куинджи,—сдѣлали его горячимъ приверженцемъ этого только-что народившагося теченія. Реалистическое, безъ всякихъ прикрасъ, воспроизведеніе жизненной правды; преданность роднымъ мотивамъ, родному быту; напряженное вниманіе къ вопросамъ народнаго блага—вотъ девизъ этого теченія въ первую, молодую его пору...

Но если большинство жанристовъ-передвижниковъ, какъ Максимовъ, Морозовъ, отчасти Перовъ и Рѣпинъ, искали свои сюжеты въ народной крестьянской жизни, то Ярошенко, можно сказать, спеціализировался по изображенію тѣхъ элементовъ общества, которые отдавались служенію на благо этой народной массы. Самъ типичный интеллигентъ, онъ писалъ почти исключительно интеллигенцію своего времени, какъ въ жанрахъ своихъ, такъ и въ цѣлой серіи портретовъ съ передовыхъ общественныхъ дѣятелей того времени. Онъ былъ подлиннымъ пѣвцомъ этой интеллигенціи. Онъ вошелъ въ „Товарищество Передвижниковъ" въ 1875 г. и оставался членомъ Товарищества до самой смерти, всегда горячо отстаивая задачи передвижничества. Это „Товарищество" было первой попыткой русской живописи стать на собственныя ноги, освободиться отъ казенной опеки. Съ нарожденіемъ этой школы совпадаетъ нарожденіе вполнѣ „партикулярной", свободной художественной дѣятельности, питающейся лишь сочувствіемъ общества, руководящейся лишь его вкусами и потребностями. И Ярошенко до конца, въ тѣ годы, когда прежній духъ Товарищества уже испарился, когда сліяніе съ Академіей соблазняло многихъ изъ его соратниковъ, оставался „непримиримымъ врагомъ офиціальныхъ поощреній", разошелся съ „товарищами", перешедшими въ реформированную Академію, со свойственной ему прямотой и даже суровостью тамъ, гдѣ дѣло шло объ его принципахъ, обрушивался на „измѣнниковъ".

„Будучи самъ безупречнымъ,—сказалъ про Ярошенко Нестеровъ,—онъ желалъ, настаивалъ, горячился, требовалъ, чтобы и тѣ люди, которые служатъ одному съ нимъ дѣлу, были на той же нравственной высотѣ, столь же неуклонно слѣдовали своему дѣлу, какъ онъ самъ... Дѣятельность Н. А., какъ члена „Товарищества Передвижныхъ Выставокъ", послѣ дѣятельности Крамского можно считать наиболѣе полезной и достойной уваженія. Лучшія качества души его здѣсь сказались во всей своей силѣ

Студентъ (70-е годы). *Н. Ярошенко.*

Курсистка (70-е годы). *Н. Ярошенко.*

и привлекательности. Онъ былъ стражемъ, охранителемъ лучшихъ традицій „Товарищества", былъ какъ бы совѣстью его"...

Отстаивая свою собственную самостоятельность, не желая подчиняться прихотямъ заказчиковъ или покупателей, онъ всю жизнь оставался на военной службѣ, хотя она не отвѣчала его наклонностямъ и отнимала много времени отъ служенія любимому искусству: эта служба давала ему возможность писать лишь то, что его занимало и вдохновляло... Такъ, среди многочисленныхъ портретовъ его работы нѣтъ ни одного, написаннаго для „заработка", нѣтъ ни одной безразличной фигуры: Ярошенко писалъ лишь тѣхъ, кого любилъ или цѣнилъ...

Та же черта характера проявлялась и въ такихъ эпизодахъ. Онъ не разъ отказывался отъ повышеній по службѣ, когда они могли отрывать его отъ живописи на болѣе продолжительное время. Отъ чина полковника онъ отказывался до пяти разъ и принялъ его лишь тогда, когда ему дали мѣсто полковника для особыхъ порученій при Патронномъ заводѣ, оставлявшее ему много свободнаго времени.

Однажды ему хотѣли дать важное секретное порученіе, но начальство заколебалось въ виду его „направленія", выразившагося въ такихъ картинахъ Ярошенко, какъ „Подлѣ Литовскаго замка", „Студентъ" и т. п.

— Зачѣмъ вы писали Перовскую и Засуличъ?—справлялось у него начальство.

— Ни той ни другой я не писалъ,—отвѣчалъ Ярошенко,—не писалъ потому, что не видалъ ихъ. А если бы былъ знакомъ, написалъ бы съ удовольствіемъ, такъ какъ это—личности, на которыхъ нельзя не обратить вниманья.

Начальство удовлетворилось этимъ отвѣтомъ, и порученіе ему было дано...

Въ отставку онъ вышелъ лишь за шесть лѣтъ до смерти, когда заработокъ уже давалъ ему извѣстную обезпеченность. При этомъ онъ отказался подать прошеніе объ отставкѣ по бо-

Всюду жизнь. *Н. Ярошенко.*

лѣзни, что давало ему право на пенсію, хотя фактически болѣзнь, сведшая его въ могилу, уже давала себя чувствовать. Умеръ онъ на своей дачѣ въ Кисловодскѣ, на 52 году, скоропостижно, отъ ожирѣнія сердца (котораго никто у него не подозрѣвалъ), 25-го іюня 1898 г., за работой въ мастерской. До конца сохранялъ онъ бодрость духа и ясность недюжиннаго ума.

Пишущему эти строки привелось встрѣчаться съ Ярошенко всего за годъ до его смерти: онъ былъ совершенно безъ голоса (доктора предполагали горловую чахотку), но живой и ироническій темпераментъ дѣлалъ его интереснѣйшимъ собесѣдникомъ, а въ компаніи близкихъ людей онъ ухитрялся шопотомъ вести бесѣду и являлся душою общества... Таковъ былъ этотъ служитель искусства и жизни, и такова, въ бѣглыхъ чертахъ, его біографія.

Чтобы охарактеризовать его творчество, я раздѣлю его произведенія по ихъ содержанію на три категоріи.

Къ первой относятся картины съ общими темами, проповѣдующія гуманность, любовь къ „униженнымъ и оскорбленнымъ", написанныя на мотивы, господствовавшіе въ литературѣ того времени. Именно къ этой категоріи относится и первая—дебютная картина Ярошенко, выставленная въ 1875 г. на IV Передвижной выставкѣ. Названіе ея — „Невскій проспектъ ночью" (она воспроизведена на стран. 441). Непогодная осенняя ночь. Словно изъ ведра льетъ дождь, и поблизости фонаря (тогда еще газоваго) нити его блестятъ на фонѣ темной улицы; тотъ же фонарь бросаетъ пятно свѣта на стѣну краснаго зданія да на группу прижавшихся къ этой стѣнѣ мокрыхъ и иззябшихъ женщинъ,—это злосчастныя проститутки укрываются отъ дождя подъ навѣсомъ крыши. Кругомъ пустота, тьма, сырость и холодъ. Вспомнимъ, что неоднократно обращался къ этой тяжелой темѣ современникъ Ярошенко беллетристъ Гаршинъ.

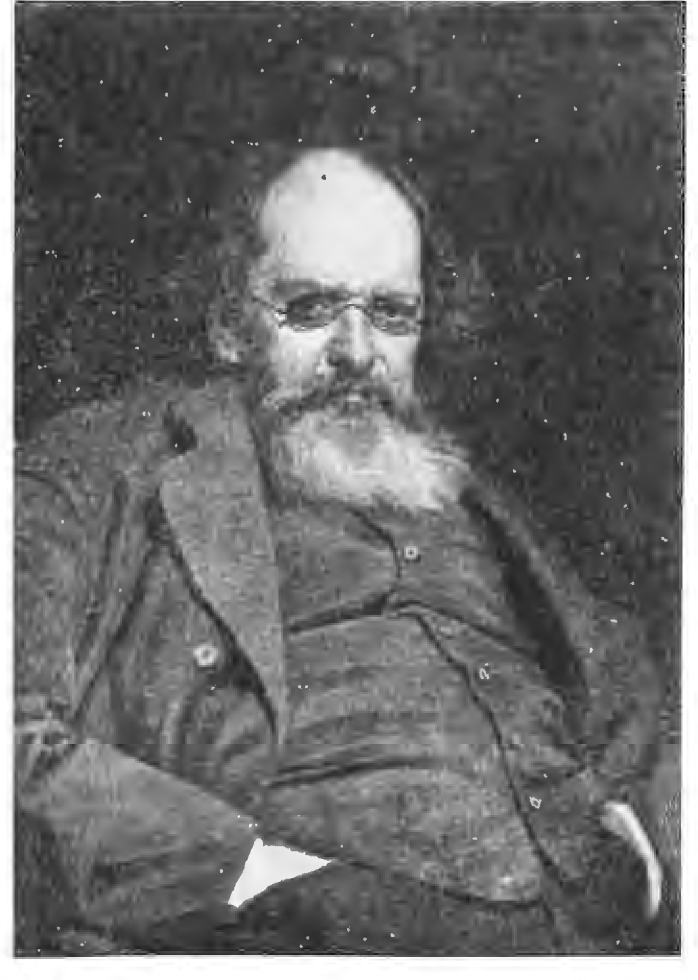
„Всюду жизнь" изображаетъ арестантскій вагонъ, остановившійся у станціи. Въ окнѣ вагона видны фигуры женщины съ ребенкомъ, старика и еще нѣсколькихъ арестантовъ въ тюремныхъ халатахъ, съ испитыми тюрьмою лицами; ребенокъ бросаетъ въ окно крошки хлѣба слетѣвшимся на платформу голубямъ, а взрослые съ добрыми и радостными улыбками наблюдаютъ кормленіе... Самое названіе картины подчеркиваетъ ея идею: ни рѣшетки желѣзныя, ни арестантскіе халаты съ тузами, ни бритыя головы, ни всѣ прочіе атрибуты „отверженности" не могутъ заглушить того простого милаго человѣческаго чувства, которымъ живутъ эти несчастные люди въ избранный художникомъ моментъ, которымъ живы люди и вообще... Картина производитъ сильное впечатлѣніе, и ни одна изъ другихъ картинъ Ярошенко не получила такого распространенія въ видѣ всевозможныхъ репродукцій, какъ „Всюду жизнь".

„Заключенный" (стр. 437) переноситъ зрителя въ „каменный мѣшокъ"—въ сырую и темную камеру. Заключенный забрался на табуретъ, примостился къ покатому подоконнику и застылъ въ напряженной позѣ: задравъ голову кверху, онъ мучительно любуется сквозь крошечное окошко на клочокъ неба, обрамленный саженной толщины стѣнами... Этотъ клочокъ неба—единственная связь съ міромъ человѣка, оторваннаго людьми отъ міра... Картина написана въ 1878 г., она имѣла огромный успѣхъ и пріобрѣтена Третьяковымъ для его галлереи.

Къ этой же категоріи надо отнести картины: „Въ теплыхъ краяхъ" (интеллигентная чахоточная дѣвушка, встрѣчающая свою послѣднюю весну среди зелени и цвѣтовъ благодатнаго юга; вся закутанная, она сидитъ въ креслѣ на террасѣ виллы въ Крыму) и „Проводилъ" (дряхлый сѣдовласый старикъ на дебаркадерѣ вокзала, совсѣмъ одинокій, а вдали въ облакахъ дыма и пара исчезаетъ паровозъ, увозящій его близкихъ — сына, дочь, уѣзжающихъ, быть-можетъ, не по своей волѣ).

Какъ видитъ читатель, первая категорія—это сплошь мотивы беллетристовъ и поэтовъ того времени: мотивы Некрасова, Мельшина-Якубовича, Гаршина, Осиповича-Новодворскаго, Короленко.

Ко второй категоріи произведеній Ярошенко я отношу тѣ, ко-



К. Д. Кавелинъ. Портретъ работы *Н. Ярошенко.*

торыя представляютъ наиболѣе цѣнный вкладъ его въ наше искусство; какъ я уже высказывалъ, это изображенія интеллигентовъ—типы и портреты. На первое мѣсто изъ всего имъ написаннаго нужно, думается, поставить картины: „Курсистка" и „Студентъ". Въ первой—она относится къ начальному періоду художника—Ярошенко запечатлѣлъ новый тогда образъ учащейся женщины и сумѣлъ схватить самыя привлекательныя черты этого образа. Я предоставлю здѣсь слово Глѣбу Успенскому, который посвятилъ этой картинѣ цѣлый очеркъ („По поводу одной картины", „Отеч. Зап." 1883 г.):

„Дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, гимназистка или юная студентка, бѣжитъ съ „книжкой подъ мышкой" на курсы или на уроки... Такихъ дѣвушекъ въ пледѣ и мужской круглой шапочкѣ всякій изъ насъ видалъ и видитъ ежедневно, и ужъ много лѣтъ подъ рядъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ. Одни изъ насъ, „изъ публики", просто опредѣляютъ это явленіе словами: „бѣгаютъ на курсы"; другіе черезъ пень колоду присоединяютъ разсужденія о „женскомъ вопросѣ"; иной почему-то произнесетъ слово „самостоятельность" и ехидно улыбнется... И вотъ художникъ, выбирая изъ всей толпы „бѣгающихъ съ книжками" одну самую ординарную, обыкновенную фигуру, обставленную самыми ординарными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженныхъ волосъ, тонко подмѣчаетъ и передаетъ намъ—„зрителю", „публикѣ" — самое главное, самое важное... Чистоженскія, дѣвичьи черты лица, проникнутыя на картинѣ, если можно такъ выразиться, присутствіемъ юношеской, свѣтлой мысли. Главное же, что особенно свѣтло ложится на душу, это нѣчто прибавившееся къ обыкновенному женскому типу — новая мужская черта, черта свѣтлой мысли вообще (результатъ всей этой бѣготни съ книжками), не приклеенная, а органическая... Вотъ это-то изящнѣйшее слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, осѣненной не женской и не мужской, а „человѣческой" мыслью, сразу освѣщало, осмысливало и шапочку, и пледъ, и книжку, и превращало картинку въ новый, народившійся, небывалый и свѣтлый образъ человѣческій... Всѣ (зрители) говорили: „Да-а-а-а! Отлично!.. Вотъ, что такъ—то такъ!.."

Прекрасный pendant къ тому „свѣтлому образу" представляетъ собою тотъ юный семидесятникъ-студентъ, которымъ мы можемъ любоваться въ московской галлереѣ. Онъ кутается въ пледъ, на головѣ—широкополый фетръ, а изъ-подъ него смотрятъ на зрителя отважно и пытливо и въ то же время по-дѣтски чисто два черныхъ глаза,—два глаза подлиннаго идеалиста, готоваго ринуться въ бой за тѣ огромныя, свѣтлыя идеи, которыми переполнены были юноши той эпохи... Надо было быть самому подлиннымъ интеллигентомъ-семидесятникомъ, надо было такъ чувствовать, такъ понимать свое время, такъ любить „своихъ", какъ любилъ и понималъ „художникъ-интеллигентъ", чтобы давать такія проникновенныя картинки-характеристики. Цѣлые трактаты можно написать о семидесятыхъ годахъ и семидесятникахъ, а двѣ маленькія картинки Ярошенко все же дадутъ умѣющему смотрѣть и видѣть гораздо больше матеріала для пониманія эпохи, чѣмъ эти трактаты! Это—подлинныя „достиженія", и вмѣстѣ съ такими созданіями передвижнической эпохи, какъ „Бурлаки" Рѣпина, какъ историческія картины Сурикова, какъ „Тайная Вечеря" Ге и нѣкоторые изъ портретовъ психолога Крамского, эти двѣ небольшія картинки Ярошенко останутся вѣчными памятниками нашего искусства полосы 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Кочегаръ. Третьяковская галлерея въ Москвѣ. *Н. Ярошенко.*

Отмѣчу, что „Студентъ" написанъ въ гораздо болѣе широкой и изящной манерѣ, чѣмъ „Курсистка". Менѣе яркіе и глубокіе, но все же очень удачные типы интеллигенціи даны Ярошенко и въ картинахъ: „Передъ экзаменомъ" (совсѣмъ юный студентъ, замечтавшійся надъ книжкой въ своей „кельѣ", досидѣвъ до разсвѣта), „Лѣтомъ" (дѣвушка у стога сѣна) и „Старое и молодое". Сюжетъ послѣдней — это сюжетъ „Отцовъ и дѣтей". Юноша, пріѣхавшій изъ столицы въ семью знакомыхъ или родныхъ, съ увлеченіемъ излагаетъ свой „символъ вѣры". Онъ горячится, готовъ „сломать столъ", на который оперся колѣномъ, стоя передъ противникомъ — „отцомъ". Правой рукой онъ комично тычетъ въ воздухѣ. А добродушный „отецъ", въ халатѣ, со снисходительной улыбкой выслушиваетъ юношу. Горячность юнца, вѣроятно, подогрѣвается присутствіемъ совсѣмъ юной дѣвицы, которая, сидя за спиной отца, прислонилась подбородкомъ къ спинкѣ его кресла, подалась всѣмъ корпусомъ впередъ и жадно ловитъ „новыя рѣчи". Картина полна любовнаго юмора и правды.

Что касается портретовъ интеллигенціи того времени, которые оставилъ намъ Ярошенко, то достаточно перечислить ихъ, чтобы читателю стало ясно, кого „любилъ и цѣнилъ", а потому и писалъ этотъ художникъ.

Помимо воспроизводимыхъ здѣсь портретовъ Влад. Соловьева и Кавелина, кисти Ярошенко принадлежатъ портреты литераторовъ: Л. Толстого, Салтыкова, Успенскаго, Михайловскаго, Плещеева, Короленко (оставшійся незаконченнымъ); общественныхъ дѣятелей: Унковскаго, Петрункевича, В. Варгунина, П. П. Семенова; химика Менделѣева, доктора Симановскаго и его жены; актрисы Стрепетовой; художниковъ: Ге и Крамского. Не всѣ портреты

Невскій проспектъ осеннею ночью (70-е годы). *Н. Ярошенко.*

одинаково удачны. Но портреты Стрепетовой, Крамского, Соловьева дѣйствительно представляютъ, по выраженію Нестерова, „тонкія и интересныя характеристики". Портреты „соусомъ" (чернымъ способомъ) лучше давались Ярошенко, чѣмъ портреты живописью; такъ, портретъ Кавелина — безусловно лучшее изъ имѣющихся у насъ изображеній этого мыслителя и общественнаго дѣятеля. О портретѣ Стрепетовой Крамской, выдѣлявшій эту работу изъ остальныхъ портретовъ Ярошенко, отзывался такъ: „Это въ живописи то же, что въ литературѣ портретъ, написанный Достоевскимъ. Хорошо это или дурно—я не знаю; дурно для современниковъ, но когда мы всѣ сойдемъ со сцены, то, я рѣшаюсь пророчествовать, портретъ Стрепетовой будетъ останавливать всякаго. Ему не будетъ возможности знать, вѣрно ли это, и такой ли ее знали живые, но всякій будетъ видѣть, какой глубокій трагизмъ выраженъ въ глазахъ, какое безысходное страданіе было въ жизни этого человѣка..." Несмотря на детали, могущество общаго характера всегда выступаетъ болѣе. Портреты, оставленные намъ Ярошенко, составляютъ цѣлую галлерею его выдающихся современниковъ — дѣятелей культуры и общественности.

Владиміръ Соловьевъ. Портретъ работы *Н. Ярошенко.*

Къ третьей категоріи произведеній Ярошенко относятся, такъ сказать, „спокойные" жанровые сюжеты и пейзажи. Это не было тѣмъ, что можно было бы назвать его emploi. Изъ „спокойныхъ" мотивовъ назову: „На качеляхъ" (солдатъ съ горничной вертятся на масленичныхъ качеляхъ и наслаждаются „сѣмечками"); „Хоръ" (малыши — ученики приходской школы старательно выводятъ свои ноты, подъ дирижерствомъ комичнаго дьячка съ косичкой (на стр. 442); „Подруги" („верченная" и „идейная", первая иронически читаетъ вслухъ только-что полученное любовное посланіе, а вторая и сочувствуетъ по дружбѣ, и жалѣетъ автора письма, и завидуетъ счастливой подругѣ, — все это очень удачно выражено); „Мечтатель" (ученый, заснувшій за работой въ своемъ кабинетѣ; къ нему съ улыбкой входитъ молодая жена).

Пейзажной живописью Ярошенко занимался главнымъ образомъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда болѣзнь заставила его путешествовать. Онъ ѣздилъ въ Палестину, въ Италію, писалъ и Мертвое море, и Везувій, и Крымъ, и Кавказъ. Все это преимущественно — этюды, и интересъ они представляютъ, главнымъ образомъ, какъ свидѣтельство неустанной работы художника надъ са-

мимъ собою. Его послѣдніе крымскіе этюды обнаруживаютъ уже болѣе интересную манеру, болѣе тонкую нюансовую впечатлительность. О томъ же говорятъ нѣсколько пленъэровъ (этюды мальчиковъ на солнцѣ), написанныхъ также въ послѣдніе годы.

Совершенно особнякомъ стоитъ въ творчествѣ Ярошенко его картина „Кочегаръ“ (на стр. 440). Она должна быть поставлена рядомъ съ тѣми образами „интеллигентовъ“, о которыхъ я говорилъ, какъ о лучшихъ достиженіяхъ Ярошенко, и, подобно имъ, не умретъ.

Эта небольшая по размѣрамъ вещь вызвала въ эпоху своего появленія не мало толковъ. Съ необычными для Ярошенко простотой и силой „живьемъ“ поставленъ передъ зрителемъ этотъ широкоплечій, коренастый, лѣтъ за сорокъ рабочій. Огонь изъ печи обдаетъ всю его фигуру снизу доверху красноватымъ свѣтомъ, сверкаетъ въ глазахъ, отбрасываетъ вверхъ черныя тѣни отъ каждой складки фартука, отъ мускуловъ рукъ, отъ каждой выпуклости лица. Въ ярко освѣщенныхъ рукахъ лопата для подкидыванія угля. На морщинистомъ, загрубѣломъ лицѣ изъ покрытыхъ тѣнью орбитъ блестятъ два измученныхъ огнемъ глаза и нѣсколько исподлобья въ упоръ глядятъ на зрителя... Впечатлѣніе сильное и тяжелое производитъ этотъ человѣкъ, превращенный въ „придатокъ“ къ машинѣ. Картина написана въ 1878 г., а въ слѣдующемъ появилась повѣсть Гаршина „Художники“, въ которой одинъ изъ героевъ ея, живописецъ Рябининъ, изображаетъ въ своей картинѣ „глухаря“ — рабочаго котельщика, и такъ мучится душой надъ этимъ образомъ, что заболѣваетъ психически.

Говорили, что этотъ эпизодъ повѣсти навѣянъ былъ Гаршину картиной Ярошенко... Можетъ-быть, это и не вѣрно. Можетъ-быть, здѣсь было простое совпаденіе. Но вѣдь тогда еще съ большей силой обнаруживается здѣсь та черта Ярошенко, которая такъ для него характерна: я разумѣю его духовную близость къ лучшимъ представителямъ его поколѣнія, интимное единеніе „художника-интеллигента“ съ передовыми дѣятелями общественности и культуры той эпохи, неустанно полвѣка питавшими тотъ огонь свободы, который вспыхнулъ въ сердцѣ народа краснымъ пламенемъ революціи въ наши дни.

„Забыто все, кромѣ чести“. *Н. Ярошенко.*
(Первая работа художника).

Хоръ. *Н. Ярошенко.*

Грозы и дѣти.

Разсказы **Ап. Васнецова** съ иллюстраціями автора.

II.

Планида.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Миръ дому сему, и да преисполнится чаша питій его до верху, и угобзятся закрома хлѣба его до краевъ, а потомство уподобится морскому песку; днемъ же его — нѣсть числа. Господи, помилуй и спаси! — произносилъ кто-то громко, взявшись за воротное кольцо и переступая подворотню обутой въ лапоть ногой.

Когда калитка отворилась, въ тѣнь двора вошелъ съ непокрытой головой лысый странникъ, весь увѣшанный кошелями, какими-то коробками и кузовками. Въ рукахъ онъ держалъ высокую палку съ мѣднымъ набалдачникомъ и длиннымъ желѣзнымъ заостреніемъ на концѣ; во всю длину посоха шли мѣдныя колечки. Сидѣвшіе на крыльцѣ обитатели усадьбы: моложавая хозяйка, ея сынишка Коля, мальчикъ лѣтъ восьми съ живыми голубыми глазами, одѣтый въ ситцевую розовую рубашку, и старушка-няня съ удивленіемъ смотрѣли на необыкновеннаго пришельца. Хозяйка оставила шитье, а няня, свивавшая къ клубокъ суровыя нитки съ мотка, который держалъ передъ ней на протянутыхъ рукахъ мальчикъ, опустила клубокъ на колѣни.

Автопортретъ (1875 г.). *Н. Ярошенко.*

— И побѣгохъ филистимляне испуганнымъ стадомъ, и каждый отстающій уязвленъ бысть копіемъ, аки лѣнивая овца... Нѣтъ ли, хозяюшка, кваску испить? — неожиданно обратился странникъ къ сидѣвшимъ, когда они приготовились-было слушать исторію про филистимлянъ.

— Огнь неугасимый, матушка, червь ненасытный и скрежетъ зубовный, а кругомъ тьма кромѣшная и стенанія — такъ-то уготовано мѣсто преступившимъ волю Божію. Господи, помилуй и спаси насъ грѣшныхъ! — проговорилъ онъ и, перекрестившись широкимъ старовѣрческимъ крестомъ, припалъ губами къ поданному берестяному бураку съ квасомъ.

— Ты, хозяюшка, не гляди, что старовѣрскимъ крестомъ знаменуюсь; а я по новой вѣрѣ, мирянинъ. Такъ крестились отцы и дѣды; не хочу ломать обычай родительскій, — проговорилъ онъ, на время оторвавшись отъ бурака и снова припадая къ нему, а когда дно бурака стало смотрѣть въ небо, отдалъ его.

— Добрый квасокъ. Соблаговоли-ка, матушка, еще бурачокъ. Жара стоитъ смертная... Такая жара, еле мощно переносить; жажда всю мнутренность изожгла.

Странникъ присѣлъ на обочину лѣстницы и досталъ изъ-за пазухи большой въ цвѣтахъ платокъ; отеръ имъ лысину, всю покрытую крупными каплями пота, при чемъ его рѣдкіе на вискахъ и за ушами волосы протянулись по черепу справа налѣво тонкими нитями — „ровно кто бороной проѣхалъ". Далѣе онъ, не торопясь, умѣлымъ движеніемъ перетянулъ сбоку напередъ привѣшенную на ремнѣ довольно внушительныхъ размѣровъ деревянную баклагу и, отткнувъ гвоздь, вылилъ изъ нея на землю какую-то мутную жидкость. Хозяйка послала кухарку въ погребъ за квасомъ.

— Уготовано тамъ, матушка, для всякаго свое: кому смола, кому угольки, а кому кипячій винный спиртъ. Кто грѣха не боится живучи — получитъ воздаяніе по заслугамъ. До конца праведенъ Богъ. Ежели повѣрилъ въ Него хоть на малую минуточку, такъ и держи эту минуточку, береги ее, какъ зеницу ока, и вѣрь Ему неустанно и денно и нощно. И съ этого самаго часа не говори живучи и въ тревогѣ воздыхаючи: „Господи, что-то будетъ? Охъ, кабы ладно!" Не убивайся, не печалься и не предавайся отчаянію, ибо до конца праведенъ Богъ. А разъ усомнился — значитъ потерялъ Его. Въ веселіи духовномъ живи, ибо благъ Господь и до конца устрояетъ благо. Счастливъ я, матушка, вездѣ мнѣ хорошо и ежечасно за это благодарю Бога.

— Откуда ты, странничекъ? — обратилась къ нему съ участіемъ няня.

— Какъ откуда? Иду, что ли?

— Ну, хоть идешь откуда.

— Да изъ села Мухина, недалече отселѣ.

— Ну, а въ Мухино откуда попалъ? По святымъ мѣстамъ, что ли, ходишь, или на построеніе церкви собираешь? — спросила хозяйка, отрываясь отъ работы и не менѣе заинтересованная пришельцемъ.

Надгробный памятникъ Н. А. Ярошенко на кладбищѣ въ Кисловодскѣ.

— Строится церковь Господня, вѣками строится, и нѣсть ей конца... Матушка! Лучше спроси: гдѣ я не былъ? Былъ я въ Іерусалимѣ, былъ на Синаѣ и у коптовъ черномазыхъ былъ; сало жгутъ въ храмахъ Божіихъ вмѣсто елея и воска... Скажешь: „Вотъ нехристи поганые!" А по-моему, жги хоть сало, хоть воскъ, да лишь душой будь чистъ и простъ. Всѣ равны во Господѣ. Положилъ я обѣтъ отъ рожденія всѣ вѣры христіанскія увидѣть, во всякихъ храмахъ помолиться и узнать, какая вѣра лучше. Всѣ вѣры едины, какимъ хочешь крестомъ крестись, съ любого плеча начинай, да лишь по правдѣ живи и Бога помни. Былъ на Аѳонѣ, былъ у болгаръ, въ Кіевѣ, у преподобнаго Сергія, а теперь пробираюсь въ Соловки прямой дорогой на Ношульскую пристань, а изъ Соловковъ моремъ-окіаномъ въ Римъ. Посулюсь на кораблѣ палубу мыть, всякую грязную черную работу работать, а все-таки доберусь куда надо. „Ищите и обрящете, толцыте, и отверзется вамъ". Правду ищу, матушка, Божью правду, а на палкѣ ли верхомъ, на конѣ ли въ сѣдлѣ — все едино. Э-хъ, матушка! Когда надо — и дорожная лутошка повезетъ, — весело заключилъ онъ, всполаскивая водой свою баклагу.

— Не врешь ли ты, прохожинькій? — усомнилась хозяйка. — Много такихъ ходитъ; наскажутъ съ три короба: и Синай, и Фаворъ, и еще что-нибудь приплетутъ...

— А велика ли мнѣ корысть врать? Стружекъ отъ Гроба Го-

сподня не продаю, песочкомъ іорданскимъ не торгую. Хочешь— вѣрь, хочешь—нѣтъ, мнѣ-то что!

Подошла кухарка съ холоднымъ квасомъ, покрытымъ сверху желтоватой пѣной.

— Вотъ за это спасибо, матушка! — Проговоривъ, бережно принялъ буракъ и, отдувъ отъ краевъ пушистую пѣну, немного отпилъ и крякнулъ:—Вотъ это, называется, квасъ—ажъ въ носъ шибануло!—Затѣмъ досталъ откуда-то жестяную лейку и приготовился наполнять баклагу, но, взглянувъ на Колю, внимательно слѣдившаго за всѣми его приготовленіями, остановился. — Что смотришь, малышъ? Со всѣмъ домомъ хожу. Учишься? Нѣтъ? Ну, выучишься — докторомъ будешь, — пошутилъ онъ и ласково засмѣялся.

Холодный квасъ, булькая, вливался въ баклагу темной струйкой, а странникъ тѣмъ временемъ продолжалъ:

— Кабы вралъ, разсказалъ бы я тебѣ, какъ въ Іерусалимъградѣ въ свѣтлую заутреню огонь съ неба сходитъ на свѣчи молящихся; а это монахи зажигательную нитку приспособили, ловкіе!.. Какъ ангелы Господни подъемлютъ за бѣлы рученьки купающихся въ Іордань-рѣкѣ и изъемлютъ оттуда на песочекъ прибережный... Да мало ли припасено для такихъ, кто уши развѣшиваетъ. А вотъ правду скажу: греки и наши монахи и католики у Гроба Господня Христа продаютъ, такъ и рвутъ, такъ и тянутъ изъ кармановъ, оскверняютъ мѣсто святое. Торгъ идетъ, какъ на базарѣ, на ярмаркѣ; за каждое „Господи помилуй" по гривеннику; другъ у друга отбить хотятъ, сквернословятъ, ругаются, за волосья таскаютъ другъ друга,—самъ видѣлъ,—въ пекло бы ихъ, въ смолу, проклятыхъ! За версту ихъ. Торгуй тамъ, чѣмъ кому надо, а у святыни—не смѣй. Пусть у Гроба Господня читаютъ только одно святое Евангеліе по очереди на всѣхъ языкахъ. Будь русскій, грекъ, французъ—всякій внемлетъ и поучается. А то завели... такая идетъ тара-бара да сутолока, да свара—многіе отъ жалости за мѣсто свято скорбятъ. Погоди, помяни мое слово, скоро придетъ Христосъ и выгонитъ торгующихъ изъ храма и повѣситъ вервіе надъ воротами его, чтобы всякій входящій помнилъ: нѣтъ здѣсь торговли... Матушка, соблаговоли-ка еще бурачокъ, миленькая. Жара-то стоитъ какая!..

Кухарка принесла второй буракъ, но не выдержала:

— У тебя, батюшка, не бездонная ли баклага?.. Какъ и не лопнешь...—проговорила она съ сердцемъ и отошла.

Странникъ пристально посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ.

Квасъ снова забулькалъ, ліясь темной струйкой въ „бездонную" баклагу, а странникъ, дѣлая паузы, продолжалъ:

— Гдѣ надо, торгуй, а гдѣ не надо, и потерпи. Гдѣ перстъ, а гдѣ небо — потеряли человѣцы. Премудро устроено у Бога. Другой томится, мучится, адскія муки претерпѣваетъ ужъ на землѣ, а за что, отчего? А оттого, что Бога у него нѣтъ въ душѣ: а раскрой Ему душу, впусти Его въ дверь, — и благо тебѣ и рай на землѣ. Такъ-то, матушка, — заключилъ онъ, когда опорожнилъ буракъ и поставилъ его на крыльцо.— Видѣлъ я битву велію; люди людей убивали, рвали на части человѣческое тѣло гранаты и бомбы; саблями, штыками кололи, рубили другъ друга. Далеко было это отсюда, въ чужой землѣ. И выходитъ къ нимъ изъ дремучаго лѣса ветхій деньми старецъ и говоритъ... Соблаговоли ужъ, матушка, и яичко принести да заодно и горсточку ячменной муки,—перемѣнивъ тонъ, неожиданно проговорилъ онъ, когда всѣ приготовились уже слушать разсказъ про битву и старца ветхаго деньми. Принесли то и другое, и странникъ опять ловко передвинулъ лукошко сзади наперёдъ и открылъ его. Въ немъ лежали ряды яицъ, пересыпанные мукой. Уложивъ бережно принесенное яйцо въ рядъ съ другими, онъ поднялся съ боковины лѣстницы и, взглянувъ на небо, указалъ на сѣверо-западъ:

— Вотъ знаменіе Божіе, планида Господня. Быть веліей бурѣ.

Всѣ повскакали со ступенекъ крыльца и обернулись въ ту сторону, куда указывалъ странникъ. Особенно былъ пораженъ Коля: онъ разинулъ ротъ и, придерживая свалившіеся при прыжкѣ съ крыльца штанишки, остолбенѣлъ отъ удивленія. Изъза крыши сѣней они увидѣли огромное изжелта-бѣлое облако, словно высѣченное изъ мрамора. И столь оно было необъятно, что деревья, дома въ сравненіи съ нимъ казались крохотными комочками. Оно находилось, повидимому, очень далеко, такъ какъ не замѣчалось въ немъ никакого движенія; ни одинъ округлый выступъ облака не измѣнялъ своего мѣста и формы; оно стояло подобно гигантской скалѣ, и верхній край его поднимался выше креста колокольни; летавшія вокругъ ея шпиля ласточки казались на фонѣ палеваго облака черными точками. Всѣмъ стало какъ-то жутко. Ничего подобнаго они никогда не видывали или, просто, не обращали вниманія на подобныя облака.

— Быть въ нощи веліей бурѣ,—многозначительно проговорилъ странникъ, смотря на облако.—Запирайте крѣпче окна и ставни, крѣпите засовы. Нехорошо, когда темной ночью ворвется въ жилище человѣка сокрушительный вихрь. Онъ выдуетъ счастье и благополучіе изъ дома того и развѣетъ чадъ его по всему свѣту.

Странникъ стоялъ, выпрямившись во весь свой сравнительно высокій ростъ и величественно держа лѣвую руку на мѣдномъ набалдачникѣ посоха.

Лицо пришельца приняло такое выраженіе, съ какимъ онъ вошелъ къ намъ,—торжественно спокойное, какъ будто онъ совершалъ богослуженіе.

— Настанетъ день, и минутъ времена, и судъ нежданно и скоро грядетъ. Не пройдетъ и малой минуточки послѣ смерти человѣка, какъ онъ возстанетъ передъ Вѣчнымъ Судіею, ибо у Бога тысяща лѣтъ, яко одинъ день. Вѣка пройдутъ, а возставшему покажется: не успѣлъ еще и плачъ родныхъ и друзей замолкнуть у его смертнаго одра, какъ вострубила архангельская труба. Праведенъ твой путь, Господи, и блажени живущіе, припадающіе чуткимъ ухомъ къ словесамъ Его. Осанна сущему, осанна грядущему изъ вѣка въ вѣкъ! Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся...

Осмотрѣвъ всѣхъ кругомъ, странникъ остановилъ свой пристальный взглядъ на Колѣ; онъ не на шутку струхнулъ и хотѣлъ было заблаговременно удрать въ огородъ да въ лопухи, но было ужъ поздно, взглядъ странника приковалъ его на мѣстѣ.

— Дѣтушки милыя! Чистыя сердцемъ предъ Господомъ! Блаженны ваши дни.—Проговоривъ, онъ досталъ изъ-за пазухи маленькую безъ переплета книжку и подалъ ему, произнеся обыкновеннымъ тономъ:—Когда научишься читать, малышъ, и когда вырастешь большой—вотъ этакій—прочти эту разумную книжечку и вспомни обо мнѣ, старикѣ. Спасибо, матушка, за угощеніе! Дай Богъ тебѣ всего хорошаго,—заключилъ онъ, отвѣсивъ низкій поклонъ и, не торопясь, направился къ воротамъ, высоко держась за посохъ и не покрывая лысой головы.

„Скрывшаго древле гонителя мучителя фараона",—снова запѣлъ онъ, выйдя за ворота. А оставшіеся молча стояли и смотрѣли вслѣдъ ушедшему, слушая его удалявшійся голосъ и не двигаясь съ мѣста. „Будто на насъ столбнякъ нашелъ",—говорила потомъ няня.

Данная имъ книжка затерялась, но отъ нея осталось въ памяти мальчика Коли заглавіе: „Будьте, братіе, равны во Христѣ".

Когда ушелъ странникъ и голосъ его смолкъ, всѣ опять обернулись къ „планидѣ", удивляясь и ужасаясь ея величинѣ. Но, охваченные заботами дня, скоро забыли и о страникѣ и о необычайной облачной громадѣ. Только къ вечеру, когда собирались ужинать и въ кухнѣ у печки на шесткѣ весело кипѣла на таганѣ похлебка изъ свѣжихъ маслятъ съ крупой, зеленымъ лукомъ и лавровымъ листомъ, отецъ Коли, опершись на подоконникъ и глядя на сѣверо-западъ, произнесъ:

— А вѣдь старикъ-то вашъ, пожалуй, что и правъ — быть ночью большой грозѣ.

Во время посѣщенія странника онъ находился въ полѣ, смотрѣлъ за работами; когда же ему разсказали о посѣщеніи странника, онъ укорилъ жену въ легковѣріи и потачкѣ проходимцамъ. Она сначала защищалась, но, видя справедливость обвиненія, умолкла. Одинъ изъ младшихъ братьевъ Коли, услыша слова отца, кинулся къ окну и сейчасъ же закричалъ:

— Земля горитъ, земля горитъ!—и стремглавъ пустился оповѣщать остальныхъ о замѣчательномъ открытіи.

На фонѣ заревого вечерняго неба рѣзко до боли глазъ вырисовывалась ставшая еще больше и страшнѣй, словно вылитая изъ чугуна, сине-черная громада; у горизонта подъ ней на всемъ ея протяженіи вспыхивало поминутно красное зарево.

— Земля горитъ! Свѣтопредставленіе!—воскликнулъ и старшій братишка, лишь только взглянулъ и увидалъ это явленіе, подъ впечатлѣніемъ рѣчей странника принявшее сверхъестественный смыслъ.

— Глупые!—произнесъ спокойно отецъ,—насказалъ вамъ съ три короба этотъ проходимецъ, навралъ, а вы и повѣрили... Только дѣтей напугалъ. Гнать бы его со двора, а они и уши развѣсили...

Когда ложились спать въ гостиной вповалку на полу на разостланныхъ перинахъ и войлокахъ, сквозь щели въ закрытыхъ ставняхъ начали уже поблескивать узкія полоски, и поминутно освѣщалась въ сосѣдней комнатѣ, въ чайной, бѣлая печь. Временами доносился глухой гулъ грома, словно кто слегка барабанилъ кулаками по закрытымъ ставнямъ, а когда среди глубокой ночи въ нихъ съ неудержимой силой загрохотали чугунные кулаки, Коля проснулся и вскочилъ съ постели. Въ домѣ творилось что-то недоброе. Встревоженная мать, шепча молитву, зажигала лампадку; гдѣ-то испуганно мяукала кошка, а на дворѣ происходило что-то невѣроятное. Въ ставни и стѣны стучалъ крупный дождь, деревья въ саду трещали, ударяя вѣтками о крышу и обшивку дома; свистъ, вой, грохотъ стояли тамъ оглушительные. Порой доносился съ колокольни нескладный перезвонъ малыхъ колоколовъ, встревоженныхъ сильнымъ вѣтромъ. Домъ какъ-то странно весь потрескивалъ, словно готовый сорваться съ фундамента подъ напоромъ урагана. Коля, весь не свой, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Отецъ въ потемкахъ поспѣшно одѣвался и собирался куда-то уходить.

— Неужели на бѣду пойдешь ты въ этакую страсть?—уговаривала мать.

— Въ чайной забылъ затворить ставни; храни Богъ, какъ сорвутся съ крючковъ—всѣ стекла выбьетъ...

И не успѣлъ отецъ это вымолвить, какъ, сопровождаемый ослѣпительной молніей и раскатами грома, раздался оглушительный ударъ въ окно чайной сорвавшейся ставни и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ—звонъ, лязгъ, трескъ разбитыхъ вдребезги стеколъ: все полетѣло, посыпалось... Крадучись, пробѣжалъ по темнымъ комнатамъ холодный вѣтеръ, задулъ лампадку, гдѣ-то съ неистовой силой хлопнулъ дверью, гдѣ-то что-то сорвалось, упало и разбилось... Кто-то громко произнесъ: „Господи помилуй!.." И среди раска-

товъ грома и при блескѣ молніи Коля ясно увидѣлъ въ чайной чью-то всю въ бѣломъ, въ неподвижной позѣ, какъ изваяніе, человѣческую, высокаго роста, величественную фигуру со щитомъ и копьемъ. При каждомъ взблескѣ молніи она мѣняла мѣсто: то покажется въ одномъ концѣ комнаты, то въ другомъ, а однажды стала во весь свой гигантскій ростъ въ самыхъ дверяхъ комнаты, гдѣ всѣ спали; Коля пронзительно взвизгнулъ, кинулся въ постель и зарылся головой въ подушку. И странно, не то отъ страха, не то въ обморочномъ состояніи, забылся и заснулъ; когда же утромъ проснулся, сразу вспомнилъ страшный сонъ: какъ нашла гроза и какъ въ чайной выбило окна. Но звукъ выметаемыхъ кѣмъ-то разбитыхъ стеколъ сразу вызвалъ въ памяти всю картину ночного нападенія грозы, а вскочивъ съ постели, онъ увидѣлъ мокрый полъ и сорванную со стѣнки старинную гравюру, изображавшую греческую статую, съ разбитымъ стекломъ и поломанной рамой; картина валялась тутъ же, прибитая дождемъ и вѣтромъ къ печкѣ. Одно глухое окно зіяло ранами разбитыхъ стеколъ, другое же, створчатое, было раскрыто, и въ него глядѣло безмятежно спокойное голубое небо, сулившее знойный день, и виднѣлись синія дали и лѣса, и стада, пасущіяся на зеленыхъ лугахъ. Ближе разстилалось поле съ молодой волнующейся нивой. Вспомнились слова отца, однажды сказанныя Колѣ: „Молодая нива никогда не поляжетъ отъ какого угодно вѣтра и непогоды: она молода и гибка. Также и человѣкъ въ цвѣтущей юности всегда легко перенесетъ удары судьбы и выпрямится вновь. Не такова старость“.

Молодая рожь, и правда, какъ ни въ чемъ не бывало, волновалась себѣ по вѣтру мягкими, эластичными изгибами. Ночная гроза неистовымъ разбойнымъ натискомъ, подобнымъ неожиданному набѣгу вражескихъ ордъ, натворила не мало бѣдъ: нѣсколько деревьевъ вырвала съ корнемъ, повалила заборы, раскрыла и разметала крыши. Но она еще не прошла, а продолжалась въ кухнѣ. Оттуда доносились громкіе голоса няни и кухарки Марши, необыкновенно вздорной и сварливой женщины, которой никто не любилъ, но зато работала она черную работу за десятерыхъ.

— Сама вытри у себя носъ, старая ворона, — услышалъ Коля, войдя въ кухню, обращенныя къ нянѣ слова Марши, мѣсившей квашню оголенной чуть не до плеча рукой.

— Сама такова, — подала реплику няня, ощипывая только-что обваренную кипяткомъ курицу.—Мѣситъ квашню, а у самой подъ носомъ не чисто.

— Нашлась, тоже, совѣтчица,—ворчала Марша.—Туда тоже. Планида, планида... Видали мы такихъ-то странниковъ.

— А какъ же такъ, говоритъ: „запирайте ставни и засовы: не ладно, когда вѣтеръ ночью ворвется въ хоромину—не къ добру“. Все такъ и вышло, какъ по-писаному: стекла-то выхлестало до единаго. Видно, матушка, по всему, что не простой былъ странникъ. По святымъ мѣстамъ ходилъ; праведной души человѣкъ. Не спроста у него посохъ-то...

— Хорошъ праведникъ!.. Два бурака квасу слопалъ. Да мучки, да яичко, — передразнивала она голосъ странника.—У-у, не глядѣла бы!— заключила Марша и съ сердцемъ повернула квашню на лавкѣ, налегая на другой ея бокъ съ тѣстомъ.

— Ожадовѣла... Чужого добра стало жалко; не твое, хозяйское. Отъ добраго сердца дадено.

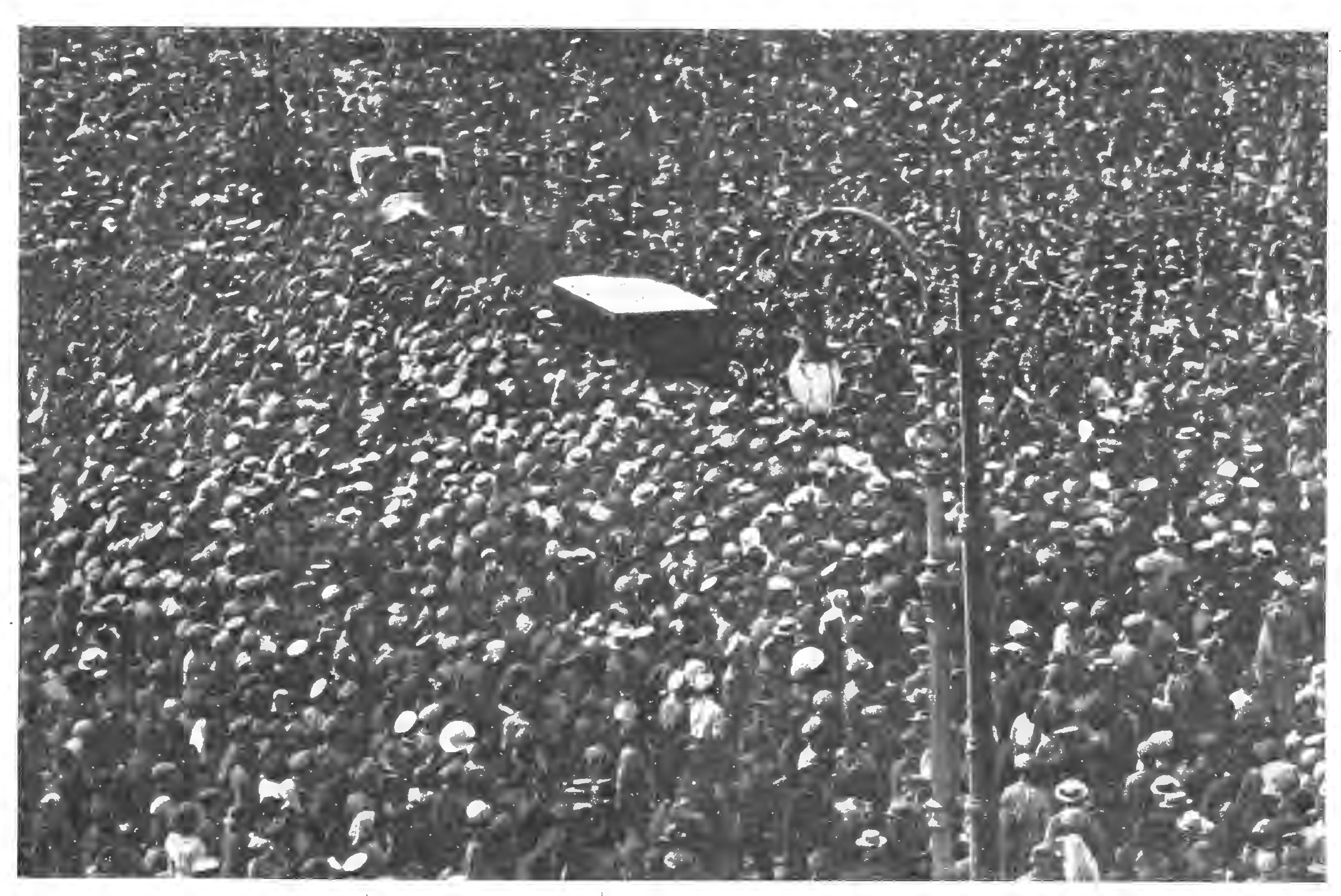
И пошли онѣ ссориться, и перекорялись вплоть до самаго обѣда, когда онѣ смолкли только потому, что были заняты ѣдой. Но зато смолкли ужъ на цѣлую недѣлю. Для пытливаго же мальчика Коли такъ и осталось загадкой: кто правъ? Права ли Марша со своимъ жестокимъ отрицаніемъ, или справедливы заключенія няни о странникѣ, какъ необыкновенномъ и праведномъ человѣкѣ? Онъ былъ на сторонѣ няни или, вѣрнѣе, хотѣлъ быть на ея сторонѣ.

„Лицо у него, какъ у угодника, какихъ пишутъ на иконахъ... Какъ хорошо разсказываетъ и книжку хорошую далъ; вотъ выросту большой—прочту. А почему онъ угадалъ, что придетъ страшная гроза и въ домѣ выбьетъ стекла? Отецъ говоритъ, что и не пророкъ предсказалъ бы, когда туча на горизонтѣ“.

И дѣлается на душѣ какъ-то пусто и грустно. Скучно жить человѣку безъ тайнъ.

Къ разсказу **„Планида“**. *„Вотъ знаменіе Божіе, планида Господня!“...* *Ап. Васнецовъ.*

15-го іюля въ Петроградѣ. *Торжественныя похороны семи казаковъ-донцовъ и одного солдата-венденца—жертвъ воинскаго долга, убитыхъ въ кровавые дни 3—5 іюля на улицахъ столицы. Траурная процессія, направляющаяся по Невскому проспекту въ Александро-Невскую лавру.* По фот. К. Булла.



15-го іюля въ Петроградѣ. *А. Ф. Керенскій въ автомобилѣ, привѣтствуемый народомъ во время торжественныхъ похоронъ казаковъ-донцовъ.*

15-го іюля въ Петроградѣ. *Торжественныя похороны казаковъ-донцовъ. За траурной колесницей съ гробомъ убитаго казака идутъ его родные и ведутъ его осиротѣлаго коня.*

Около спирта.

Разсказъ **П. Н. Краснова.**

Въ городѣ... не все ли равно въ какомъ городѣ, въ одномъ изъ многочисленныхъ маленькихъ городовъ, разсѣянныхъ по лицу земли Русской, въ городѣ съ Петроградской и Кіевской улицами, мощеными большими плоскими камнями, съ златоглавымъ кубическимъ монастыремъ, въ темныхъ стѣнахъ котораго прорѣзаны длинныя и узкія окна, съ бѣлымъ о пяти куполахъ съ синими маковками соборомъ и высокимъ костеломъ съ колокольней на горѣ, дружно прижавшимися къ собору, въ городѣ съ двумя синагогами, каменной и деревянной, въ городѣ, перерѣзанномъ глубокой вонючей сухой балкой, по крутымъ скатамъ которой ютятся маленькіе, бѣдные еврейскіе домишки съ пестрой бѣднотой красивыхъ большеглазыхъ оборванныхъ дѣтишекъ, вѣчно возящихся на кривыхъ крылечкахъ и верандахъ,—былъ казенный спиртоочистительный заводъ и складъ виннаго спирта и денатурата.

И вотъ, съ того самаго дня, какъ пришли въ этотъ городъ солдаты—всѣ достопримѣчательности города обратились въ ничто. Обломокъ стѣны храма временъ Гостомысла, курганъ, откуда по преданію, шопотомъ передаваемому евреями, выползла первая эеволюціонерка—змѣя, ужалившая Олега, монастырь съ его фресками, изображающими Крещеніе Господне и Воскресеніе, не такъ, какъ у Иванова или Васнецова, или какъ это дѣлали старинные итальянскіе мастера въ родѣ Микель-Анджело, но тоже очень хорошо—съ фіолетовой рѣкою Іорданомъ, съ коричневыми крестящимися людьми съ вывороченными пятками, поставленными параллельно одна другой, и съ Духомъ Святымъ величиною съ добрый аэропланъ, парящимъ въ ярко-желтомъ кругѣ во образѣ распластаннаго и приплюснутаго голубя,—все это, когда-то благоговѣйно показываемое и со вздохами сокрушенія разглядываемое, обратилось въ ничто.

Объектомъ всеобщаго наблюденія, мѣстомъ прогулокъ сталъ спиртовый заводъ и складъ. Спиртовый заводъ не работалъ, но складъ былъ полонъ. И это слово „полонъ" звучало, какъ набатный звонъ.

Заводъ помѣщался на большой и пыльной дорогѣ, гдѣ мощеной, гдѣ просто убитой, со столбиками, отдѣляющими пѣшеходныя дорожки отъ мостовой, и съ маленькими буржуазными дачками, отступившими въ глубь зеленѣющихъ садовъ съ круглыми клумбами, въ которыхъ уже выметывали изъ зеленыхъ сабельлистьевъ пучки бутоновъ лиловые большіе ирисы, и распласталъ свои темно-зеленые листья съ кроваво-красными стеблями Oleum ricini—касторовое масло.

И когда обыватели,—и евреи, и хохлы, и русскіе,—проходили съ товарищами-солдатами мимо склада, они говорили важно и таинственно:

— Это казенный спиртовый складъ.

— Онъ полонъ спиртомъ.

— Виннымъ спиртомъ и денатуратомъ.

— Полонъ?—спрашивали пріѣзжіе.

— Да. Тамъ есть цистерны, въ которыхъ на лодкѣ по спирту можно ѣздить. Ужасно много спирта.

— Къ чему это?—спрашивалъ пріѣзжій.—Теперь вѣдь спирта ни-ни-ни...

— Въ Петроградъ возятъ. На пороховой заводъ, каждую недѣлю.

— Пьютъ тамъ?—участливо спрашивало нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ обыватель,—порохъ готовятъ.

Солдаты были разные. Были старые, опаленные зноемъ, обожженные холодными вѣтрами, видавшіе бои жители окоповъ, безъ малаго три года не знавшіе, что такое кровъ и спокойствіе. Были дружинники, проведшіе около года на земляныхъ работахъ, съ черными, загрубѣлыми, мозолистыми руками—эти называли другъ друга больше „земляками" или „братцами" и съ трудомъ привыкали къ новому слову „товарищъ". Была молодежь, понаѣхавшая съ эшелонами „изъ Россіи", шустрая, бойкая, дерзкая, съ „я" да „мы" на каждомъ словѣ, стрѣляющая словами „товарищъ", „товарищи" каждую минуту, развязно любезная, вычурно дисциплинированная, безъ погонъ и поясовъ и часто безъ сапогъ.

По вечерамъ, по тѣмъ томнымъ весеннимъ вечерамъ, когда молокомъ обливаются яблони и кислицы, сирень окутывается нѣжною зеленью, а дубъ одинъ стоитъ среди нихъ черный и корявый и какъ будто, старчески кряхтя, говоритъ: „нѣтъ, я подожду, я подожду", по вечерамъ, когда соловьи начинаютъ свои трели, и лягушки на болотахъ и на разливѣ маленькой рѣчушки, обратившейся въ море, настраиваютъ свои контрабасы и віолончели—солдаты толпами гуляли мимо склада, останавливались, засматривали и таинственно сообщали другъ другу:

— А вѣдь спиртъ.

— Спиртъ и есть.

— И много!

— Стра-асть!

— Вотъ бы черепушечку.

— Или полъ-ведерка.

— Ведро на роту.

— Пустяки! Что для государства. Ничто! Какой убытокъ? Мы кровь проливали. А они спирта жалѣютъ, ироды!..

Подсылали купить. Сорокъ рублей за бутылку! Посылали съ записками: ротный требуетъ, господа офицерà просятъ, врачу для лѣкарства. Но стража была неподкупна. Ни за деньги, ни обманомъ.

А между тѣмъ спиртъ постепенно охватывалъ вниманіе, колдовалъ мозгъ, мутилъ сознаніе всей этой людской массы. Чѣмъ-то страшнымъ, таинственнымъ, волшебно прекраснымъ рисовался спиртъ. Вставали какія-то смутныя, неясныя и въ прошломъ дивно прекрасныя волшебныя грезы о сладкомъ забытьѣ, о чудной нирванѣ, о золотыхъ снахъ. Одни, когда-то давно, три года тому назадъ, до войны испытавшіе, теперь вспоминали, и прошлое рисовалось имъ въ особенныхъ блестящихъ краскахъ. Ясныя бутылки водки, стройные. алымъ сургучомъ залитые мерзавчики, закуска на столѣ, красныя лица, громкія пѣсни, душа нараспашку, наружу, радость безумная, счастье и гульба... Давно того не испытывали. И, можетъ-быть, потому такъ скучно теперь, такъ тошно вспоминать боевую страду, и холодомъ могилы вѣетъ отъ окоповъ.

Другіе, молодые, не испытавшіе сладости опьяненія, слушали эти грезы и мечтали и въ мечтахъ создавали себѣ картины какого-то особеннаго счастья — счастья неизвѣданнаго, таинственнаго и потому дивно прекраснаго.

Третьихъ манила нажива. Сорокъ рублей за бутылку!.. Припрятать, а потомъ торговать. Жадные глаза считали бутылки и мысленно мокрыми отъ волненія пальцами листали кипы свѣжихъ ассигнацій. Много денегъ у народа, и всѣ эти деньги можно забрать... за спиртъ.

И гдѣ бы ни были эти люди, что бы ни дѣлали, о чемъ бы ни говорили, мысли ихъ возвращались всегда къ одному—къ спирту.

Они слушали рѣчи объ отношеніи къ войнѣ, о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій, о недопустимости братаній съ непріятелемъ, а сами думали о спиртѣ. Имъ говорили объ Учредительномъ Собраніи, о твердыхъ цѣнахъ, о федеративной республикѣ, однопалатной, безъ президента, о буржуазіи и пролетаріатѣ, о капиталистахъ, ведущихъ кровавыя войны, и народѣ, умирающемъ на этихъ войнахъ, а они думали объ одномъ — о спиртѣ, о спиртѣ, о спиртѣ...

Установился обычай ходить къ заводу съ котелками, ведерками, бадейками. Ходили солдаты, евреи, обыватели изъ пригорода и сосѣднихъ деревень. Точно ждали чуда. Ждали, что вдругъ откроются охраняемые часовыми погреба, или изъ нихъ фонтаномъ забьетъ серебристо-прозрачный, хрусталемъ сверкающій чистый винный спиртъ.

— Ну, чего вы тутъ съ ведрами таскаетесь? — говорили имъ смотритель и надзиратель.

— Мы ничего. Такъ.

— То-то, что такъ! Вѣдь все одно ничего не очистится.

— Намъ ничего и не надо, товарищъ.

— Такъ для чего бадейки-то взяли?

— А для чуда. Може, чудо выйдетъ какое... Вдругъ

. . . .

И чудо вышло. Чудо случилось. Кристальной струей забилъ живительный фонтанъ, но принесъ съ собою не жизнь, а смерть многимъ людямъ.

Былъ томительно-жаркій полдень. Наверху, на горѣ, на базарной площади провожали эшелонъ. Шелъ шумный митингъ. Рѣяли надъ толпою красныя знамена съ гордыми надписями, красные флаги, говорились зажигательныя рѣчи, повторялись святыя слова, задорно и властно, какъ бы зовя на бой съ тысячами враговъ, звучала марсельеза и будила смѣлыя чувства, властныя, могучія требованія.

Ликующее „ура" гремѣло перекатами и пьянило сердца.

А въ это время внизу на пыльной дорогѣ стояли подводы, и грузили на нихъ тяжелыя бочки со спиртомъ. Желѣзныя двери погребовъ были открыты настежь, тянуло оттуда пьянящимъ запахомъ спирта, и часовые нервно похаживали вокругъ.

И вотъ въ эту-то мирную идиллію нагрузки спирта вдругъ сразу попала толпа возбужденныхъ, горячихъ, потныхъ людей. Только-что провожающіе протягивали мокрыя руки отъѣзжающимъ, только-что лобзались, только-что говорили святыя, братскія слова. И вотъ очутились, съ пылающими головами, съ звуками все играющейся и играющейся тамъ, на горѣ, марсельезы, у самыхъ бочекъ...

И, можетъ-быть, прошли бы мимо, если бы не пришло въ голову кому-то предложить остановиться и понюхать.

Только понюхать...

А потомъ зашумѣли. А потомъ толпа стала напирать. Кто-то выстрѣлилъ въ бочку—и вотъ такъ давно жданное чудо свершилось. Тонкой, въ три линіи, струйкой потекла прозрачная влага, и къ ней бросились...

— Товарищи! Что же это!?..—крикнулъ кто-то отчаянно.

— Товарищи! Ужли стрѣлять, какъ при старомъ режимѣ?

Но уже были пьяные. Были сумасшедшіе люди. Девяностотрехъ-градусный спиртъ выжигалъ внутренности страшнымъ ядомъ, люди въ безуміи и ужасѣ ворочали глазами и корчились въ предсмертныхъ мукахъ.

Ихъ корчи принимались за выраженія восторга, и бѣшено кидались уничтожать бочки, вскрывать цистерны.

Какъ изъ-подъ земли явились юркіе евреи съ ведрами, горшками и чайниками, а съ пригородныхъ деревень на телѣгахъ скакали крестьяне добывать золотую руду.

Сорокъ рублей за бутылку!..

15-го Іюля въ Петроградѣ. *Торжественныя похороны казаковъ-донцовъ и солдата-венденца, жертвъ воинскаго долга въ кровавые дни 3—5 іюля на улицахъ столицы. Въ первыхъ рядахъ траурной процессіи слѣдуютъ члены Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Государственной Думы.* По фот. К. Буллы.

А. Ф. Керенскій.

Пьянѣли сотнями, галдѣли, вырывали другъ у друга котелки, толпились и падали подъ ноги перепуганныхъ лошадей, били другъ друга, цѣловались другъ съ другомъ, орали пѣсни, отъ бѣшенаго восторга переходили къ озлобленію и тутъ же умирали съ кровавой пѣной на губахъ.

Въ погребахъ были цѣлые бассейны денатурата. И люди прильнули губами къ фіолетовой, жгучей, отвратительно пахнущей жидкости и тянули ее полными губами, полнымъ ртомъ.

Слышались стоны, пьяныя пѣсни, проклятія, и на маленькомъ кусочкѣ земли толклись тысячи обезумѣвшихъ людей.

Кто-то догадался поджечь спиртъ.

Толпа ахнула и заревѣла, когда громадное голубое пламя метнулось изъ погребовъ и загорѣлись переплеты оконъ, потолокъ и полъ...

Вой пламени сливался съ ревомъ, хохотомъ, дикими возгласами и улюлюканіемъ толпы. Стрѣляли на воздухъ, стрѣляли по городу, вопили и стенали, видя богатство, уничтожаемое огнемъ.

Это была страшная побѣда спирта надъ людьми. Болѣе ста труповъ, какъ послѣ какого-то сраженія, лежало вдоль желѣзнодорожнаго пути. Сто человѣкъ отдало свою молодую и кому-то такъ нужную, кѣмъ-то далеко любимую жизнь. За что?..

Два дня и двѣ ночи бушевало море огня, выжигая кругомъ всѣ постройки и тлѣя красными углями среди раскаленныхъ желѣзныхъ цистернъ и исковерканныхъ трубъ и змѣевиковъ. И два дня ходила, шаталась и неистовствовала пьяная толпа, наводя ужасъ на всѣхъ обывателей.

Пьяные люди врывались въ мирные дома, перерывали имущество, толкали женщинъ, били дѣтей, искали спирта.

Сынъ убитаго казака верхомъ на его осиротѣломъ конѣ провожаетъ прахъ отца къ мѣсту послѣдняго упокоенія.

15-го іюля въ Петроградѣ. Торжественныя похороны семи казаковъ-донцовъ и одного солдата-венденца—жертвъ воинскаго долга, убитыхъ въ кровавые дни 3—5 іюля на улицахъ столицы. Траурная процессія на Невскомъ проспектѣ. По фот. К. Булла.

У могилы въ Александро-Невской лаврѣ. *Никифоръ Синельниковъ* (×), *15-лѣтній сынъ убитаго казака, какъ старшій въ семьѣ, принятый въ 1-й казачій полкъ вмѣсто выбывшаго отца, принесъ цвѣты на могилу.* По фот. **А.** Поповскаго.

Нужно было опохмелиться, нужно было затуманить мозгъ, заставить себя позабыть всѣ ужасы пережитого...

Но далеко припрятали украденный спиртъ хищные обыватели, все еще надѣясь на сладкую поживу—сорокъ рублей за бутылку!

Но ушли эшелоны. Распустилась сирень, наладились и спѣлись лягушечьи оркестры, оставшіеся солдаты покупали въ деревняхъ спиртъ по полтиннику за ведро. Больше не давали, а не продать стало страшно.

Холодный ужасъ мутною тѣнью пронесся сладкою весною надъ маленькимъ городкомъ, пронесся и оставилъ рядъ страшныхъ могилъ, горькое ѣдкое разочарованіе въ сердцахъ и мучительный ужасъ у обывателя.

— А что, ежели это все повторится снова? Что тогда будетъ? Что будетъ?..

По дорогѣ къ станціи, прикрытыя зазеленѣвшими деревьями, стоятъ обгорѣлыя стѣны каменнаго зданія. Подлѣ у сарая сложены исковерканные огнемъ остатки металла. Трубы, цистерны, бидоны, желѣзныя ведра.

Двѣ женщины съ метлами и тряпками метутъ и прибираютъ дворъ. Лиловые ирисы цвѣтутъ у рѣшетки, бѣлые гуси идутъ мимо, озабоченно гогоча, а за ними бѣгутъ снизу желтые, сверху сѣро-коричневые, пушистые, забавные гусята. И никому нѣтъ дѣла, что еще такъ недавно — „сатана тамъ правилъ балъ!..“

У могилы въ Александро-Невской лаврѣ.

15-го іюля въ Петроградѣ. Торжественныя похороны семи казаковъ-донцовъ и одного солдата-венденца—жертвъ воинскаго долга, убитыхъ въ кровавые дни 3—5 іюля на улицахъ столицы. По фот. К. Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Взаимная связь въ союзническихъ и нашихъ операціяхъ.

На долю Волыно-Галиційскаго нашего театра военныхъ дѣйствій уже въ теченіе трехъ лѣтъ войны выпадаетъ въ общемъ наиболѣе крупная роль и задача. На этомъ фронтѣ происходили часто оживленныя и крупныя столкновенія, въ которыхъ русская армія не одинъ разъ ударомъ по австро-германскимъ позиціямъ отвлекала вниманіе противника отъ другихъ союзническихъ фронтовъ.

Такъ было въ августѣ 1914 года, когда наступленіе наше на Львовъ, Перемышль и Краковъ оттянуло германскія арміи отъ французскихъ позицій на рѣкѣ Марнѣ. Примѣрно, то же самое, но только въ меньшемъ масштабѣ, продѣлали мы въ декабрѣ 1915 года, когда, атакуя на берегахъ Стрыпы и верхняго Серета въ юго-восточной Галиціи и угрожая Венгріи, остановили натискъ армій Макензена на македоно-салоникскій фронтъ. Памятный и историческій ударъ, сокрушившій основную мощь австрійской арміи, нанесли лѣтомъ 1916 года арміи генерала Брусилова отъ Полѣсья до румынской границы и тѣмъ отвели отъ нашихъ союзниковъ-итальянцевъ занесенную противъ нихъ руку врага на трентинскомъ фронтѣ.

Такъ выручали мы три раза нашихъ союзниковъ, примѣняя испытанный въ удачахъ наступательный образъ дѣйствій. Въ четвертый разъ прибѣгли мы къ активнымъ операціямъ на томъ же фронтѣ уже для того, чтобы самимъ исправить изуродованное внутренней политикой положеніе нашихъ вещей на фронтѣ. Бурно начавшееся наступленіе Корниловской арміи на Долинскомъ направленіи въ предгорьяхъ Карпатъ протекало въ теченіе двухъ недѣль въ условіяхъ прежнихъ лихихъ налетовъ нашихъ войскъ въ предѣлы южной Галиціи. Однако, примѣняя для своихъ собственныхъ соображеній способъ молніеносныхъ ударовъ по непріятельскимъ позиціямъ, мы, къ сожалѣнію, въ общемъ не достигли намѣченныхъ цѣлей и даже привели обстановку на юго-западномъ фронтѣ къ худшему виду и не въ свою пользу.

Быстро послѣдовавшая за нашимъ временнымъ успѣхомъ неудача не только создала намъ цѣлый рядъ непріятностей, но даже лишила насъ ближайшаго боевого сотрудничества съ нашими союзниками, такъ какъ заставила насъ остановить наступленіе на сѣверномъ, западномъ и даже румынскомъ фронтахъ.

По сравненію съ другими нашими фронтами, юго-западный фронтъ, такимъ образомъ, выдѣлялся особымъ положеніемъ, которое создало ему какъ бы преимущественное значеніе во время всей настоящей міровой войны. Какія причины послужили этому привилегированному выдвиженію юго-западнаго фронта, догадаться, конечно, не трудно. Прежде всего, подвижности обѣихъ сторонъ содѣйствовало качественное отношеніе австро-венгерскихъ армій, защищавшихъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ вообще любыя германскія войска, важнѣйшія операціонныя направленія внутрь Галиціи на Львовъ и черезъ Карпатскіе перевалы. Это обстоятельство всегда побуждало наши арміи къ уловленію наиболѣе благопріятныхъ моментовъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ врагу.

Юго-западный фронтъ, благодаря отмѣченнымъ выше условіямъ, далъ цѣлую плеяду высшихъ русскихъ полководцевъ, которые въ той или другой степени показали при широкихъ маневренныхъ здѣсь операціяхъ свой стратегическій талантъ.

Отсюда вышли такія извѣстныя имена, какъ генераловъ: Рузскаго, Алексѣева, Лечицкаго, Каледина, Щербачева, Брусилова и, наконецъ, Корнилова и Черемисова, изъ числа коихъ уже трое, одинъ за другимъ, достигали поста верховнаго главнокомандующаго всѣми русскими арміями.

Отходъ нашихъ армій изъ Галиціи и Буковины на востокъ позволитъ на нѣкоторое время австро-венгерской арміи привести въ порядокъ истощенныя силы ея частей, однако настанетъ въ будущемъ новый моментъ, когда мы опять предпримемъ активную работу противъ боящейся нашего удара Австро-Венгріи и въ пятый разъ заставимъ ее трепетать за свою судьбу.

Юго-западному театру предстоитъ такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ еще бо́льшая роль, связь дѣйствій на фронтѣ котораго найдетъ истинный откликъ во Франціи и на бельгійской территоріи. Теперь, когда у насъ случилась здѣсь большая катастрофа, французы и англичане рѣшили отплатить намъ за всегдашнюю нашу выручку тѣмъ же способомъ и не теряютъ въ данномъ случаѣ ни одной минуты.

Послѣднее наступленіе ихъ въ Бельгіи и во Франціи, съ этой точки зрѣнія, на ряду съ вышеизложеннымъ, не можетъ пройти неотмѣченнымъ.

Въ то время какъ общественное вниманіе въ концѣ настоящаго іюня мѣсяца отвлечено было событіями на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, англо-французы перешли къ активнымъ дѣйствіямъ на приморскомъ участкѣ западно-европейскихъ позицій. Боевыя дѣйствія въ размѣрахъ, превышающихъ бывшія въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ столкновенія, развернулись на 50-верстномъ участкѣ англо-французскихъ позицій между Диксмюде и Армантьеромъ, сѣвернѣе Лилля, включая сюда раіонъ Ипра и прилегающихъ къ нему параллельныхъ фронту каналовъ.

Англійскія и французскія войска, сосредоточенныя на этомъ направленіи, предприняли наступательный маневръ, намѣтивъ ближайшей своей цѣлью форсированіе каналовъ Ипра, а также Изера. Несмотря на убійственный огонь германской артиллеріи, сосредоточенной здѣсь въ громадномъ числѣ, нашимъ союзникамъ все же удалось воздвигнуть большое количество легкихъ мостовъ для того, чтобы подготовить дальнѣйшую переправу черезъ названные каналы.

Наиболѣе удобнымъ моментомъ для начала наступательныхъ дѣйствій наши союзники избрали среднія числа іюля мѣсяца, когда германская главная квартира оказалась невольно сильно увлеченною неожиданнымъ успѣхомъ, выпавшимъ на ея долю въ Галиціи и Буковинѣ. Одновременно съ этимъ, на бельгійской территоріи нѣмцы производили нѣкоторую перегруппировку своихъ дивизій, чѣмъ еще больше способствовали удачѣ выбраннаго нашими союзниками времени.

Активныя дѣйствія нашихъ союзниковъ только начинаются и не пріобрѣли еще достаточно крупнаго характера, однако ближайшіе результаты, достигнутые ими въ теченіе первыхъ двухъ дней, показываютъ, что германская главная квартира, несмотря на заблаговременную освѣдомленность о наступленіи англо-французовъ, не сумѣла противопоставить имъ серьезнаго противодѣйствія. Потеря трехъ съ половиною тысячъ нѣмецкихъ плѣнныхъ во время позиціонной борьбы показываетъ, что германская пѣхота была захвачена настолько неожиданно, что не успѣла своевременно очистить занятыя ею глубоко врытыя въ землю позиціи.

На нѣкоторыхъ участкахъ отмѣченнаго выше фронта, какъ, напримѣръ, на Ипръ-Менинскомъ направленіи, въ раіонѣ близко расположеннаго отъ нѣмецкихъ позицій туннеля, наши союзники, ворвавшіеся въ нѣмецкіе окопы, почти не нашли въ нихъ непріятеля. Возможно, что противникъ заблаговременно очистилъ наиболѣе опасныя для себя мѣста, для того, чтобы уклониться отъ еще болѣе тяжелыхъ послѣдствій удара.

Какъ сообщаютъ за послѣднее время плѣнные нѣмецкіе солдаты, въ заблаговременномъ и преднамѣренномъ отходѣ нѣмцевъ съ нѣкоторыхъ позицій заключается будто извѣстная хитрость и система фельдмаршала Гинденбурга, который считаетъ, что прорывъ нѣмецкаго фронта войсками противника ему не страшенъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ уже якобы научился встрѣчать прорвавшіяся войска ударомъ сосредоточенныхъ въ глубинѣ расположенія нѣмецкихъ резервовъ.

Особенно удачно Гинденбургъ примѣнялъ этотъ способъ, по словамъ того же плѣннаго, на русскомъ фронтѣ, гдѣ нѣмцы не только не боятся прорыва фронта нашими войсками, но даже считаютъ, что, послѣ единичныхъ случаевъ такового, прежнее положеніе быстро возстанавливается и даже улучшается.

Насколько безошибочна теорія нѣмецкой стратегіи вообще, и будетъ ли она подтверждена и на западно-европейскомъ фронтѣ, покажутъ дальнѣйшія событія, въ которыхъ наши союзники постараются разубѣдить самоувѣренность германской главной квартиры въ начавшихся бояхъ на берегахъ Ипра и Изера.

Наступательныя дѣйствія на фронтѣ нашихъ союзниковъ наблюдаются не только на одномъ бельгійскомъ участкѣ въ раіонѣ къ сѣверу и къ югу отъ Ипра, но также и въ Шампани между Суассономъ и Реймсомъ, на высотахъ плоскогорья Шменъ-деДамъ, по направленію къ Лаону. Здѣсь нѣмцы контръ-атакуютъ съ крайнимъ ожесточеніемъ и стараются не позволить нашимъ союзникамъ продвинуться въ сѣверномъ направленіи.

Сопоставляя указанныя выше атаки нашихъ союзниковъ во Фландріи и въ Шампани, мы видимъ, что въ теченіе остающихся лѣтнихъ мѣсяцевъ положеніе на западномъ фронтѣ не сулитъ для германцевъ особаго спокойствія и противъ ихъ желанія можетъ заставить ихъ отказаться отъ широкой активной программы на русскомъ фронтѣ.

Содержаніе.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

№ 30. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 29 іюля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14** р., на 1/2 года—**7** р., на 1/4 года—**3** р. **50** к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Заемъ
Свободы

А. Семеновъ.

Голова китайца.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

Иллюстраціи **И. Горюшкина-Сорокопудова.**

I.

Въ день объявленія войны, когда по улицамъ Лондона безконечными толпами ходили манифестанты, профессоръ Заблоцкій отправилъ въ Россію, одну за другой, три телеграммы.

Содержаніе ихъ осталось тайной какъ для „миссъ Вэра", дочери уважаемаго профессора, такъ и для ближайшаго помощника его въ лабораторныхъ работахъ, студента-геолога Тэдди Картинга; но въ томъ, что оно было очень значительнымъ, не сомнѣвался никто: ужъ если такой уравновѣшенный человѣкъ, какъ „сэръ Николай Заблоцкій", не сумѣлъ скрыть волненія, ставшаго теперь постояннымъ въ часы полученія утренней корреспонденціи, то, стало-быть, имъ были сдѣланы очень отвѣтственные шаги; за это ручалось громкое имя крупнаго общественнаго дѣятеля; объ этомъ говорила серьезность момента, переживаемаго теперь его родиной: къ этому обязывали его высокія гражданскія чувства, о которыхъ давно уже были наслышаны близкіе профессору люди.

Все это создало вокругъ его имени атмосферу тревожнаго ожиданія; и, кромѣ „миссъ Вэра" и юнаго Тэдди Картинга, оказалось еще достаточное количество людей, заинтересованныхъ въ отвѣтѣ на посланныя телеграммы.

Первые шесть дней вслѣдъ за этимъ профессоръ не переставалъ посѣщать музеи и научныя общества; лекціи его шли въ обычномъ порядкѣ, а въ доклады свои онъ сумѣлъ внести горячую струю злободневности; но потомъ онъ рѣшительно объявилъ себя нездоровымъ и заперся въ кабинетѣ.

Тэдди Картингъ, надѣленный, помимо другихъ положительныхъ качествъ, еще мало свойственнымъ его возрасту чувствомъ такта, заходилъ теперь только въ утренніе часы и ограничивался короткими репликами:

— Доброе утро, миссъ Вэра!

— Здравствуйте, Тэдди!

— Какъ здоровье профессора?

Вѣра печально вздыхала и прикладывала палецъ къ губамъ.

Тэдди тоже вздыхалъ, глядя въ землю, потомъ энергично жалъ руку дочери своего учителя и, почтительно опустивъ голову, удалялся.

Только на тринадцатый день получился отвѣтъ.

Всего на одну лишь минуту задержался въ рукахъ у профессора сѣрый конвертъ съ толстой сургучной печатью: въ слѣдующій моментъ разорванное въ клочки письмо пылало въ каминѣ, а профессоръ вцѣпился костлявыми пальцами въ свою пышную шевелюру и съ рычаніемъ боли ушелъ въ кабинетъ.

До семи часовъ вечера оттуда слышны были сухіе, короткіе шаги; потомъ дверь отворилась, и Вѣра едва не вскрикнула.

Отца было трудно узнать.

Онъ похудѣлъ; постарѣлъ; спина опустилась подъ тяжестью свѣдѣній; ушедшіе въ орбиты глаза горѣли сухимъ, нездоровымъ огнемъ, а вся лѣвая сторона головы стала бѣлой.

— Что съ вами?—хотѣла-было спросить Вѣра, ощущая, какъ руки ея холодѣютъ отъ ужаса.

Но профессоръ уже поборолъ себя.

Онъ самъ подошелъ къ дочери и ласково потрепалъ ее по щекѣ влажной ладонью.

— Не безпокойся, Вѣрокъ! Если они думаютъ, что профессора Заблоцкаго можетъ остановить отсутствіе помощи съ ихъ стороны, то они глубоко заблуждаются. Будущее же покажетъ—кто правильнѣе оцѣнилъ нужды момента: я или эти ученые фарисеи.

Профессоръ опять поднялъ голову и уже совершенно спокойно сказалъ:

— Позвони Картингу! Если не занятъ, пусть немедленно прибудетъ ко мнѣ.

Черезъ сорокъ минутъ Тэдди Картингъ сидѣлъ въ кабинетѣ профессора и слушалъ.

— Вотъ что, мой молодой другъ!—говорилъ профессоръ.—Двѣ недѣли тому назадъ я телеграфировалъ въ Россію Обществу, занимающемуся геологическими изысканіями, о необходимости немедленно организовать экспедицію въ одну изъ отдаленнѣйшихъ частей Азіатской Россіи. Въ руководители я предлагалъ себя. Цѣль и значеніе этого предложенія настолько серьезны, что я не нашелъ возможнымъ открыть ихъ сейчасъ: Мнѣ казалось, что имя мое и мой нравственный авторитетъ убѣдятъ ученыхъ коллегъ въ необходимости и жизненности задуманнаго мною предпріятія. Къ сожалѣнію, вышло не такъ. Сегодня я получилъ пакетъ съ категорическимъ отказомъ Общества взять подъ свое покровительство мою экспедицію. „Сейчасъ, въ моментъ подготовки страны къ великой войнѣ, мы находимъ несвоевременными какія бы то ни было экспедиціи", — вотъ точная мотивировка отказа. Это печально! Это чрезвычайно печально! И печально не то вовсе, что мнѣ, человѣку съ европейскимъ именемъ, на трудахъ котораго воспитываются цѣлыя поколѣнія, отказали въ какой-то, достаточно дешевой, санкціи; а то, что цѣлое ученое Общество не оказалось на высотѣ пониманія государственныхъ задачъ въ серьезную и отвѣтственную передъ цѣлымъ народомъ минуту! Къ сожалѣнію, я и вамъ, молодой мой другъ, не имѣю возможности развить мои мысли болѣе опредѣленно. Да и не для этого я пригласилъ васъ къ себѣ. Дѣло въ томъ...

Профессоръ поднялся и опять возбужденно зашагалъ по комнатѣ.

— Дѣло въ томъ, чортъ возьми, что я никогда еще въ жизни не бросалъ своихъ словъ на вѣтеръ! И если я что-нибудь рѣшилъ...

Голосъ профессора сталъ звонкимъ и звучалъ, какъ труба, влекущая въ бой.

— Я пригласилъ васъ къ себѣ, чтобы заявить черезъ васъ студентамъ о моемъ рѣшеніи покинуть каѳедру!

Картингъ застылъ у стѣны.

— Коллегіи профессоровъ я сообщу о своемъ отказѣ самъ лично!

— Но...—попытался-было сказать что-то Картингъ.

— Никакихъ „но"!—оборвалъ его рѣзко учитель. — Если русское Общество находитъ мою экспедицію „несвоевременной", то я нахожу ее своевременной, чортъ ихъ побери, эти научныя общества! Завтра же я начинаю готовиться въ путь и передъ лицомъ всего ученаго міра фактами докажу всю нищету и убожество ихъ кабинетныхъ постановленій!

Вѣра смотрѣла теперь на отца съ жуткой радостью.

Половина его головы оставалась сѣдой, къ сожалѣнію. Но осанка опять стала гордой и энергичной, а въ глазахъ зажигались теперь не больные огни изсушающаго внутренняго пожара, а искры стальной рѣшимости, о которую стукнули острымъ кремнемъ противодѣйствія.

Картингъ стоялъ передъ нимъ блѣдный, подобранный.

Выслушавъ до конца, онъ подошелъ къ профессору.

— Если сэру нуженъ помощникъ,—выдавилъ онъ изъ себя неожиданно,—и если сэръ находитъ меня достойнымъ этого положенія, я съ завтрашняго утра въ полномъ распоряженіи сэра!

II.

О томъ, какія затрудненія пришлось преодолѣть профессору, осуществляя свое рѣшеніе, зналъ лучше другихъ Тэдди Картингъ.

Съ утра и до ночи онъ былъ на ногахъ: отправлялъ телеграммы, посѣщалъ всевозможныя общества, заключалъ условія съ частными лицами, дѣлалъ закупки, вывѣрялъ необходимые приборы и вмѣстѣ съ „миссъ Вэра" упаковывалъ сотни хрупкихъ и ломкихъ предметовъ.

Офиціальное разрѣшеніе, сверхъ ожиданія, пришло своевременно; но съ лордомъ Бродлей пришлось основательно поторговаться: этотъ старый чудакъ, обладающій лучшей въ Британіи геологической коллекціей, такъ прямо и заявилъ Тэдди Картингу:

— Какъ? Мнѣ, лорду Бродлей? Подобныя предложенія? Да вы въ своемъ ли умѣ, молодой человѣкъ?

— Осмѣлюсь спросить,—счелъ нужнымъ вмѣшаться Картингъ,—можетъ-быть, лордъ не до конца ознакомился съ условіями?

— До конца! Понимаете? До кон-ца!

— Но тогда я не вижу совсѣмъ поводовъ къ неудовольствію. Вѣдь сумму, въ которой профессоръ нуждается, онъ гарантируетъ вамъ собственнымъ имѣніемъ, расположеннымъ въ плодороднѣйшей части Россіи! Это значительно больше того, что онъ проситъ.

— А я попрошу васъ оставить мой домъ...—Лордъ Бродлей собралъ брови въ комокъ и, стукнувъ ладонью по крышкѣ стола, закончилъ въ негодованіи:—и не безпокоить меня до тѣхъ поръ, пока вы со своимъ нелѣпымъ профессоромъ не уясните себѣ, что лордъ Бродлей можетъ въ любую минуту выдать просимое и безъ какихъ-то дурацкихъ гарантій! Слышите? Имя профессора мнѣ говоритъ больше, чѣмъ всѣ ваши имѣнія въ плодороднѣйшей части Россіи!

Картингъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Я боялся, что выйдетъ именно такъ! — улыбался потомъ профессоръ, выслушавъ сообщеніе Картинга.—Этотъ старый чудакъ дѣйствительно относится ко мнѣ съ рѣдкой благожелательностью. Но у меня есть серьезныя основанія не ставить мою экспедицію въ экономическую зависимость отъ кого бы то ни было. Основанія слишкомъ серьезныя... Когда-нибудь послѣ я посвящу васъ, быть-можетъ, въ мои соображенія, Картингъ, а пока... вамъ придется еще побывать у лорда Бродлей. Смѣю надѣяться, что второе письмо заставитъ его принять мои условія. Въ противномъ случаѣ мнѣ придется искать помощи въ другомъ мѣстѣ, гдѣ родовыя традиціи не играютъ такой значительной роли, и гдѣ на экономическія сдѣлки смотрятъ болѣе здраво и просто.

Только послѣ второго письма лордъ Бродлей примирился съ необходимостью взять долговую расписку. Да и то пригрозилъ, что сожжетъ ее въ тотъ самый моментъ, когда сэръ Заблоцкій покинетъ Британію. Какъ бы то ни было, въ средствахъ теперь

не ощущалось стѣсненія, и подготовка пошла лихорадочнымъ темпомъ.

Лошади, люди, ослы были заказаны телеграммой прямо въ Амурскомъ раіонѣ.

Изъ Англіи слѣдовали только приборы; да Тэдди Картингъ выпросилъ разрѣшеніе у отца взять съ собою въ дорогу вѣрнаго слугу своего Боба, негра изъ штата Канзасъ.

О томъ, какъ быть съ Вѣрой, не поднималось и рѣчи: предполагалось само собой, что храбрая дѣвушка раздѣлитъ участь отца, какъ это бывало не разъ уже въ болѣе близкихъ командировкахъ.

Словомъ, профессоръ Заблоцкій настоялъ на своемъ, и въ одно свѣтлое лѣтнее утро жители Лондона узнали изъ свѣжаго нумера „Times“, что вчера „экспедиція знаменитаго русскаго геолога Заблоцкаго отбыла для слѣдованія въ сердце Сибири“.

О цѣляхъ опредѣленно не говорилось; да онѣ и не могли быть иными, кромѣ научныхъ.

Это было понятно всякому мыслящему англичанину.

„Провожали профессора представители многихъ научныхъ обществъ. Корреспонденту газеты удалось замѣтить въ числѣ провожающихъ нашего уважаемаго соотечественника, лорда Бродлей. Онъ долго еще оставался на пристани, размахивая котелкомъ въ направленіи отвалившаго парохода, и легкій нордъ-остъ развѣвалъ по вѣтру бѣлыя пряди его благородныхъ кудрей“.

Такъ кончалась замѣтка изъ „Times“'а.

III.

Пятаго сентября по старому стилю на перевалѣ водораздѣла между Буреей и Зеей медленно двигался берегомъ небольшой караванъ. Впереди шелъ туземецъ.

За нимъ на маленькомъ осликѣ, касаясь ногами земли, ѣхалъ профессоръ.

Глядя на этихъ людей, трудно было рѣшить, кто изъ нихъ безучастнѣе относится къ красотамъ величественнаго пути.

Напрасно гранитныя скалы громоздились одна на другую, взлетали размашистыми рельефами подъ самое небо и тамъ застывали надъ безднами въ неразгаданномъ каменномъ снѣ; напрасно тяжелые выходцы изъ царства Вулкана, со слѣдами огня и плавленія на причудливо отлитыхъ формахъ, давили собою другъ друга, подставляя рубцы и расщелины ранъ дыханію цѣлящаго вѣтра; напрасно хребты горной цѣпи, словно кряжистыя спины допотопныхъ драконовъ, сверкали своей чешуей, обросшей мѣстами тысячелѣтней щетиной.

Профессоръ сидѣлъ на ослѣ съ полузакрытыми сонными глазами, и равнодушнѣе его къ морщинамъ и складкамъ на сѣромъ и запыленномъ лицѣ старухи-земли могъ отнестись развѣ только туземецъ, нудно и вяло попирающій „вѣчную красоту“ непочтительными кривыми ногами.

Шагахъ въ десяти за профессоромъ, держа въ поводу низкорослыхъ сибирскихъ лошадокъ, шли рядомъ миссъ Вэра и Картингъ.

Дѣвушка одѣта была такъ же удобно и просто, какъ и студентъ, и на бронзовомъ лицѣ ея не замѣчалось и тѣни усталости.

О Тэдди не стóитъ и говорить. Онъ — настоящій спортсменъ, и всякія трудности только прочнѣй закаляютъ его молодую и здоровую натуру.

Переложивъ съ плеча на плечо легкій „винчестеръ“, онъ поглядывалъ въ сторону спутницы и горячо говорилъ:

— Я удивляюсь профессору. Если у васъ всѣ ученые обладаютъ такой страшной волей, вашей странѣ принадлежитъ завидное будущее. Вы знаете, я иногда, какъ дикарь, гляжу на него, и мною овладѣваетъ чувство почти суевѣрнаго ужаса передъ силой его проникновенія въ нѣдра земли. Мы вотъ съ вами идемъ сейчасъ по какой-то тропинкѣ въ дикихъ, невиданныхъ нами мѣстахъ и наслаждаемся воздухомъ, видомъ на маленькую рѣчушку, проложившую себѣ путь сквозь массивы гранита... Для насъ еще все окружающее, какъ и для нашего Боба, который дымитъ позади противнымъ своимъ табакомъ, просто — „скалы“, „расщелины“, „долины“ и „горы“. Мы еще не ушли изъ того состоянія, которое можно назвать младенческимъ періодомъ человѣчества. А вѣдь профессору все это представляется инымъ. Для него это — огромная древняя книга съ понятными, разгаданными письменами. Все это на его языкѣ носитъ опредѣленныя названія, имѣетъ свой возрастъ, исторію происхожденія... Со всѣмъ этимъ въ его представленіи связаны эпохи, періоды, стихійные перевороты, въ которыхъ онъ разбирается не хуже, чѣмъ Бобъ у меня въ чемоданѣ... И все это для него такъ знакомо, такъ близко, понятно и осязаемо, какъ будто бы и самъ онъ родился вотъ тутъ, вышелъ изъ этого камня и кристаллизовалъ у себя въ головѣ цѣлыя столѣтія подземной работы въ видѣ точныхъ, законченныхъ выводовъ. Вы обратите вниманіе, какъ онъ смотритъ на эти утесы, какъ доброжелательно и хозяйственно ощупываетъ пальцами обломки породы, какъ скучаетъ, когда подъ рукой нѣтъ ничего интереснаго... Словно это не тѣ знаменитыя мѣста, куда, по вашей пословицѣ, воронъ костей не заноситъ, а все тѣ же уютные коридоры Бродлеевскаго музея, которые мы съ вами видѣли въ Лондонѣ. Вотъ, когда онъ сведетъ лохматыя брови надъ переносицей и упретъ глаза въ землю, словно два перфоратора,— чудится мнѣ, что сверлитъ ими онъ „силурійскія“, „девонскія“ и прочія формаціи до самыхъ предѣльныхъ глубинъ. И тамъ, гдѣ тончайшая пленка въ одинъ миллиметръ дѣлаетъ насъ безпомощными и слѣпыми, вашъ отецъ проникаетъ на версты и, сквозь толщу временъ, испещренную „сдвигами“, „сбросами“, „полисинтетическими“ какими-то осложненіями — ощущаетъ тайную душу природы. Это страшно!

Картингъ умолкъ и потупился.

Было жарко и душно.

Солнце томило долину тяжелымъ и зыблящимся зноемъ. Отъ скалъ шла густая и вязкая испарина... А дальніе отроги, на той сторонѣ, были въ тѣни и казались совсѣмъ синими. И чудилось, что нѣсколько минутъ тому назадъ эти горы были значительно выше, но потомъ, подъ напоромъ лучей, словно груда свинца, сразу осѣли и пустили изъ-подъ себя слѣпящую, расплавленную струю, ползущую теперь внизу по долинѣ между обломковъ камней, тоже готовыхъ расплавиться. Вѣра оглянулась.

Ближе всѣхъ ѣхалъ Бобъ. Онъ сидѣлъ на ослѣ равнодушно и скучно: попыхивалъ время отъ времени коротенькой трубкой и отчетливо сплевывалъ на сторону.

Къ разсказу **„Голова китайца“**. *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*
Черезъ минуту тамъ гордо заръяло трехцвътное полотнище... (Гл. III).

Дальше виднѣлись мулы, нагруженные вагонами.

Оттуда неслись выкрики—крѣпкіе, хлесткіе, словно удары бича, а иногда доплывала тоскливая пѣсня, отъ которой внезапно тускнѣло въ долинѣ и становилось еще труднѣе дышать.

Неожиданно профессоръ остановился.

— Отдыхъ?—спросилъ Тэдди Картингъ, подъѣзжая вплотную.

— Нѣтъ!—улыбнулся профессоръ.

Забравъ въ руки маленькій чемеданчикъ, съ которымъ онъ не разставался въ дорогѣ, профессоръ окинулъ глазами отвѣсную кручу и по невидимой глазу тропинкѣ принялся карабкаться вверхъ.

Вѣра и Картингъ стояли на мѣстѣ.

Скоро фигура профессора пропала изъ виду, затерявшись въ безчисленныхъ складкахъ горной породы.

Потомъ она четко обрисовалась на самой вершинѣ скалы.

Черезъ минуту тамъ гордо зарѣяло трехцвѣтное полотнище русскаго флага.

— Конецъ!—крикнулъ Тэдди.

— Ура!—отвѣтила Вѣра и съ любопытствомъ окинула взоромъ то мѣсто, о которомъ она, вмѣстѣ съ Тэдди, столько мечтала въ дорогѣ.

— Идемте, поздравимъ профессора!—предложилъ Тэдди Картингъ.

Вѣра взяла его за руку, и они устремились къ скалѣ, гдѣ на сѣромъ обломкѣ гранита, запыленный и мокрый, стоялъ человѣкъ, подставивъ лучамъ слѣпящаго солнца Сибири посѣдѣвшую отъ тревогъ и заботъ крѣпкую голову.

IV.

— Итакъ, до начала дождей!—распорядился профессоръ.

Проводникъ молча кивнулъ головою, и караванъ тихо тронулся внизъ по рѣкѣ, оставляя участниковъ экспедиціи на пустынномъ откосѣ среди глыбъ вѣкового гранита.

Было раннее утро.

Подъ скалою лежала прохладная тѣнь; надъ водою клубился молочный парокъ, обѣщая погожій и радостный день; а гряда дальнихъ горъ утопала въ сіяніи, расплескавъ высоко надъ собой розоватое золото разсвѣта.

Вѣра стояла у влажной палатки, провожая глазами послѣднюю пару лошадокъ, уходившую въ плотный туманъ.

Еще слышались издали потускнѣвшіе голоса; еще чмокали крѣпкія копыта по мокрому камню; но уже чѣмъ-то нездѣшнимъ казались теперь эти звуки: словно отмѣтилась только-что въ сѣромъ туманѣ незримая грань, раздѣлившая сразу двѣ группы людей; одна торопилась на югъ—къ жилищамъ, къ покою, подъ охрану закона, созданнаго общежитіемъ, а другая обрекала себя испытаніямъ, полнымъ лишеній и темныхъ опасностей, полагаясь во всемъ на себя и на Высшую Силу.

И было грустно подумать, что ты остаешься, а другіе уходятъ.

Вѣра чутко прислушивалась къ странной тревогѣ, овладѣвшей душой въ этотъ утренній часъ. и не могла объяснить, почему такъ выходитъ.

Вспомнила недѣлю, которую вмѣстѣ съ отцомъ провела въ Кордильерахъ; потомъ цѣлый мѣсяцъ тяжелой работы среди льдовъ далекой Исландіи.

И тамъ это чувство оторванности, заброшенности возникало въ душѣ въ первые дни экспедицій; но тогда оно не было такъ глубоко и болѣзненно. А теперь безнадежно вошло оно въ грудь и породило дурныя предчувствія.

„Что со мной?—думала Вѣра, стараясь забрать себя въ руки.— Ну, Сибирь... Ну, пустынный и дикій край... Этого вовсе еще недостаточно, чтобы дѣлать печальныя предположенія. Просто, устала послѣ долгой дороги и еще не успѣла прійти въ себя“.

Вѣра упрямо тряхнула головой и оглядѣлась вокругъ.

Въ двухъ шагахъ отъ нея Бобъ возился у ящика, торопясь разыскать мѣшокъ съ кофе.

Дальше спали вповалку подъ сѣрымъ брезентомъ трое рабочихъ.

Остальные еще наканунѣ ушли вмѣстѣ съ Тэдди вверхъ по рѣкѣ и неизвѣстно когда возвратятся.

Мысль о Тэдди заставила дѣвушку улыбнуться.

Она поглядѣла на берегъ, гдѣ у самой воды сидѣлъ на обломкѣ гранита отецъ, и совсѣмъ успокоилась.

У профессора видъ былъ веселый и праздничный.

Онъ всегда чувствовалъ себя полнымъ здоровья и силъ передъ началомъ работы и сохранялъ до конца твердость духа.

Только страннымъ теперь показалось ей то, что отецъ, отпустивъ караванъ, не ушелъ съ головою тотчасъ же въ свои изысканія, а усѣлся у рѣчки и сидитъ съ такимъ видомъ, словно дѣлать ему здѣсь рѣшительно нечего.

„Да! И это не такъ!“—подумала Вѣра, приближаясь къ отцу.

Бобъ разыскивалъ мѣшокъ съ кофе и радостно скалилъ плоскіе желтые зубы.

— Развѣ папа сегодня не будетъ работать?—наклонилась къ отцу удивленная дѣвушка.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ профессоръ.

— Можетъ-быть, будемъ готовить приборы?

— Тоже нѣтъ.

Вѣра совсѣмъ растерялась.

— Значитъ, праздникъ сегодня?

— Не совсѣмъ! Будетъ точнѣе—нѣсколько часовъ вынужденнаго бездѣлья.

— Но почему не использовать ихъ на изученіе мѣстности?

Профессоръ улыбнулся чему-то.

Къ разсказу **„Голова китайца“**. *Вѣра быстро вскочила на камень.* (Гл. IV). *П. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

— Да! Тутъ много занятнаго! Очень много занятнаго! — сказалъ онъ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ.

Больше Вѣра не услыхала ни слова.

Онъ ушелъ въ свои мысли и сидѣлъ неподвижно, пока пришелъ Бобъ съ парой кружекъ, банкой консервовъ и горячимъ кофейникомъ.

Тогда старый ученый улыбнулся опять, покачалъ головой и еще разъ добавилъ:

— Да! Тутъ много занятнаго!

Бобъ поставилъ кофейникъ на камень и молча ушелъ.

— Ну, теперь уже скоро!—заявилъ вдругъ профессоръ, поглядывая на часы, и принялся вкусно прихлебывать горячій напитокъ.

Иногда онъ внимательно щурился вдаль, словно оттуда должно было что-то прійти; потомъ снова пилъ и снова приглядывался.

Вѣра тоже глядѣла тогда на рѣку и тоже искала чего-то глазами.

Къ разсказу **„Голова китайца"**. *Не раздумывая ни минуты, онъ взялъ ее на руки и въ нѣсколько легкихъ прыжковъ оказался на той сторонѣ.* (Гл. V). *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

Наконецъ отецъ всталъ, и глаза его радостно вспыхнули.

— Бобъ! Будите людей! — крикнулъ онъ и вытянулъ руку впередъ.

Вѣра быстро вскочила на камень.

Изъ-за крутого колѣна рѣки, колыхаясь и мокро поблескивая то той, то иной стороной, показалось большое бревно. За нимъ, чуть повыше, сверкнуло другое. Потомъ сразу нѣсколько—длинныхъ, тяжелыхъ, сбившихся въ темный сплошной островокъ.

— Что такое?—спросила изумленная дѣвушка.

— Лабораторія!—коротко крикнулъ профессоръ и съ веревкой въ рукѣ бросился къ отмели, гдѣ стояли уже рабочіе съ тонкими шестами.

Вѣра осталась въ недоумѣніи и продолжала стоять, наблюдая, какъ люди тянули бревно на откосъ съ плоской отмели.

Это былъ странный, лихорадочный день.

Безъ конца по рѣкѣ плыли бревна.

Цѣлый день ихъ ловили рабочіе и тащили на берегъ. Цѣлый день надъ рѣкой стоялъ крикъ, заглушаемый плескомъ воды и гуломъ глухихъ ударовъ. Цѣлый день отдавалъ приказанія старый профессоръ, суетясь у воды и вникая во всякую мелочь. И только когда стальная пила, впившись зубьями въ свѣжую мякоть, распластала бревно, превративъ его въ гладкія доски, Вѣрѣ стало понятно, что такое творилось вокругъ.

Къ ночи сдѣлали гать, заведя пару брусьевъ концами подъ камни.

И когда лагерь смолкъ, утомившись отъ жаркаго дня, Вѣра, лежа въ палаткѣ, долго слушала мокрые звуки, наводнившіе всю долину рѣки своеобразной и гулкой музыкой.

— Бумъ-бумъ! Бумъ-бумъ!—расплывается въ сонной прохладѣ.

— Бумъ-бумъ! Бумъ-бумъ!—отражаютъ сосѣднія скалы удары столкнувшихся бревенъ.

И чудится, что гдѣ-то внизу идетъ работа упорныхъ чудовищъ; кто-то закованъ; кому-то мѣшаютъ: кто-то сердито толкается, стремясь проложить себѣ путь.

И есть что-то сладкое, милое, въ этой музыкѣ сплава: что-то родное, волнующее.

„Это Тэдди работаетъ гдѣ-то со своими людьми,—думаетъ дѣвушка,—это онъ ушелъ далеко-далеко вверхъ по теченію, чтобы рубить тамъ столѣтнія сосны и сплавлять ихъ сюда для постройки лабораторіи.— Да! Это Тэдди,—повторяетъ еще разбуженная дѣвушка и засыпаетъ съ улыбкой подъ густую и сочную музыку сплава.

V.

Вѣра и Тэдди шли берегомъ узенькаго ручья, бросивъ русло рѣки больше часа назадъ.

Все тѣснѣе и круче вставали отвѣсныя скалы, все темнѣе и глуше становился ихъ путь, а голубая полоска высокаго неба пропадала порою совсѣмъ за нависшими глыбами.

Долго оба молчали, внимательно глядя подъ ноги и выбирая полегче дорогу.

Потомъ поглядѣли другъ другу въ лицо и остановились.

— Вамъ не кажется страннымъ,—спросилъ тихо Тэдди,—то, что съ нами сейчасъ происходитъ?

Вѣра потупилась, не совсѣмъ уяснивъ смыслъ вопроса.

— Я имѣю въ виду эту нашу прогулку,—пояснилъ ей студентъ.— Вы сказали вчера, что профессоръ не отходилъ ни на шагъ отъ стоянки съ самаго момента прибытія нашего въ эти мѣста?

— Да!—отвѣтила Вѣра.

— Тѣмъ не менѣе онъ намъ ясно сказалъ, что за первымъ колѣномъ въ рѣку впадаетъ ручей, по которому нужно итти прямо вверхъ до бассейна съ каскадомъ.

— Да! Онъ ясно сказалъ.

И, дѣйствительно, этотъ ручей существуетъ. Мало того, если внимательно вслушаться, можно уже различить шумъ дробящихся струй. Это и есть, вѣроятно, тотъ самый каскадъ, о которомъ сказалъ намъ профессоръ.

Вѣра внимательно слушала Тэдди, и глаза ея открывались все шире и шире.

„Да! Тутъ много занятнаго",—вспомнилась ей фраза отца, сказанная какимъ-то двусмысленнымъ тономъ на ея предложеніе немедленно приступить къ изысканіямъ.

— Да! Это странно!—согласилась теперь дѣвушка съ мыслью студента и невольно добавила: — Но я ручаюсь вамъ всѣмъ, чѣмъ угодно, что—сколько я помню себя — мой отецъ жилъ всегда за границей.

— Это вѣрно?

— Безусловно.

— Тогда это все еще болѣе странно. Неужели же онъ до такой степени изучилъ каждую складку поверхности, что, не сходя съ мѣста, можетъ руководить самыми детальными изысканіями?— Тэдди задалъ себѣ этотъ вопросъ и почувствовалъ холодокъ на спинѣ.—Нѣтъ! Это уже сверхъестественно!

Однако ручей былъ у ногъ, а шумъ водопада доносился уже совершенно отчетливо.

Тэдди и Вѣра прошли еще около километра по узкой расщелинѣ, и передъ глазами у нихъ оказался широкій спокойный бассейнъ, лежащій въ гранитныхъ устояхъ, словно въ искусственной раковинѣ.

Одинъ край бассейна былъ ниже другихъ, и черезъ него тяжелой струей перегибалась зеленая толща воды, дробясь объ уступы и глыбы съ густымъ, мощнымъ шумомъ.

Теперь говорить было трудно.

Тэдди взялъ Вѣру за руку и указалъ на ту сторону.

Тамъ темнѣло отверстіе грота.

— Онъ велѣлъ намъ туда!—объяснилъ Тэдди Вѣрѣ глазами.

Она поняла сразу, но не знала, какъ быть.

Край бассейна былъ скользокъ и узокъ, а въ вершинѣ всего водоема, гдѣ только и можно было попытаться пройти, лежали отдѣльные камни, по которымъ она не рискнула бы двинуться.

Тэдди прочелъ колебаніе въ опечаленныхъ глазахъ дѣвушки.

Не раздумывая ни минуты, онъ взялъ ее на руки и въ нѣсколько легкихъ прыжковъ оказался на той сторонѣ.

— Ухъ!—успѣла только сказать Вѣра.

— Ничего!—успокоилъ ее ловкій спутникъ, и они вошли въ гротъ.

Въ гротѣ тоже стоялъ густой гулъ, но за первымъ крутымъ поворотомъ сталъ значительно мягче.

Можно было уже не кричать.

Вѣра жадно глядѣла вокругъ и не могла наглядѣться.

Неизвѣстно какими путями попадалъ сюда свѣтъ—отраженный, разсѣянный, весь голубой и мерцающій; словно чѣмъ-то сгущали его на минуту и опять разжижали. Сквозь такое спокойное, ласковое мерцаніе зеленѣли огромныя грани кристалловъ, лѣпившихся по темнымъ отвѣсамъ; кое-гдѣ вспыхивали кровавые, жуткіе огоньки на изломахъ невидимыхъ реберъ; и игра затѣненнаго блеска сквозь голубую и влажную дымку вызывала въ душѣ чисто-сказочное настроеніе.

На минуту забылись совсѣмъ: гдѣ они и что съ ними.

Потомъ Тэдди тронулъ ее за плечо и ясно сказалъ:

— Будемъ дѣлать, зачѣмъ насъ прислали.

Онъ досталъ свой небольшой фонарикъ и при мгновенно измѣнившемся тонѣ поверхности грота опустился къ землѣ и принялся отдирать у подножья куски мокрой, но твердой породы.

Четверть часа спустя они вышли изъ грота и стали, какъ вкопанные.

Скалы стояли, насторожившись, повитыя голубоватою дымкой тумана. Въ складкахъ ихъ мрачно чернѣли угрюмыя тѣни; но вверху, сквозь случайный просвѣтъ, косо легъ и сломился золотой лучъ заката, обагривъ самый дальній уступъ. Тамъ горѣли росинки на колѣнчатыхъ, низкихъ кустарникахъ, и въ душистомъ туманѣ, напоенномъ ароматами горныхъ растеній, плавалъ шумъ водопада, овѣвая холодные камни, хмуро дремлющіе подъ ржавыми шапками мховъ.

Тэдди забылся опять.

А Вѣра мягко положила ему на плечо руку и, покоренная музыкой горъ, подняла затуманенные глаза къ вершинамъ, гдѣ тихо курились и плавились въ золотѣ жидкихъ лучей ѳиміамы ущелій.

— Пора!—оборвалъ наконецъ сладкій сонъ Тэдди Картингъ и, поднявъ снова дѣвушку на руки, перенесъ ее быстро черезъ бассейнъ вмѣстѣ съ кусками породы, собранной въ гротѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лунная музыка.

Какою музыкой проникнутъ небосводъ!
Луны восполненной колдующая сила,
Сердцами властвуя, въ нихъ кровь заговорила
И, строго-бѣлая, торжественно плыветъ.
Все въ мірѣ призрачномъ повинно знать чередъ.
Течетъ кажденіе изъ древняго кадила.
Луна осенняя намъ сердце остудила,
Безъ удивленія мы встрѣтимъ снѣгъ и ледъ.
Невозмутимая чета ракитъ прибрежныхъ
Въ успокоеніи не шелохнетъ листвой,
Признавъ у ногъ своихъ лежащій призракъ свой.
А въ зеркалѣ воды видѣнья бѣлоснѣжныхъ
Воздушныхъ savановъ, покровъ мечты живой,
И вотъ ужъ неживой, о дняхъ, какъ сказка, нѣжныхъ.

К. Бальмонтъ.

Покинутый домъ.

Домъ этотъ старый, знакомый мнѣ, сумрачно-древній,
Съ осени всѣми оставленъ, забытъ и заброшенъ;
Тихо стоитъ въ сторонѣ отъ сожженной деревни,
Яблони цвѣтомъ узорный карнизъ запорошенъ.

Хмурятся сонные оконъ разбитыхъ оскалы,
Мыши играютъ пугливо по комнатамъ въ прятки.
Гдѣ же весна та, что душу мою чаровала?
Гдѣ тѣ мгновенья, что были такъ веселы, призрачно-сладки?

Грубо затоптаны кѣмъ-то цвѣты у рояля.
Шепчутъ цвѣты, умирая, правдивые были:
«Близкому сердцу разскажемъ свои мы печали,
Въ домѣ чужіе здѣсь были»...

Михаилъ Андреевъ.

Грозы и дѣти.

Разсказы **Ап. Васнецова** съ иллюстраціями автора.

III.

Полуночный вихрь.

— И вижу во снѣ: иду, будто, безъ картуза по полю, и вѣтеръ играетъ моими волосами и свиститъ въ ушахъ; чувство какого-то приволья и успокоенія на душѣ. Но вотъ начинаю различать въ шумѣ вѣтра что-то тревожное, свистъ, вой—открываю глаза и вижу прямо передъ собой открытое полукруглое окно мезонина, идетъ туча съ запада, и блещутъ въ ней огни-молніи. Лежавшая на столѣ книга быстро перелистывается, словно кто живой въ потемкахъ торопливо перебрасываетъ ея страницы,—жутко. Никого нѣтъ, а листы мелькаютъ. Черезъ окно прямо въ лицо дуетъ сильный вѣтеръ. Шумятъ березы, и доносится иногда глухой гулъ грома — гроза близко. Быстро вскочивъ изъ-подъ теплаго одѣяла, я стараюсь затворить полукруглыя стекольчатыя двери большого во всю стѣну окна съ перилами изъ балясинъ въ нижней его части. Но не тутъ-то было! Створы дверей отказываются слушаться; ихъ съ огромной силой отбрасываетъ обратно. Проснулся и мой младшій братишка, спавшій рядомъ со мной на разостланномъ на полу войлокѣ, и мы вдвоемъ налегли на дверь; но отъ этого она не стала послушнѣе, и усилившійся вѣтеръ упорно откидывалъ насъ назадъ. Вдвинувъ коекакъ одинъ конецъ деревяннаго засова въ правую скобку, мы налегли на рычагъ и съ большимъ трудомъ отклонили правый створъ, а въ то же время другою рукою я старался привлечь вторую створку и придавить ее рычагомъ. Мы оба налегли на рычагъ всей тяжестью хрупкаго дѣтскаго тѣла и, упираясь босыми ногами въ мокрый полъ, всѣ усилія направили къ тому, чтобы вдвинуть другой конецъ засова въ лѣвую скобку. Взглянувъ въ сторону кладбища, я отъ испуга чуть не выпустилъ изъ рукъ засова; оттуда по дорогѣ неслось что-то огромное, бѣлое, выше деревьевъ, и прямо на насъ; это были облака пыли, поднятыя съ дороги,—стояла засуха,—а мнѣ показалось не вѣсть что. Въ довершеніе ужаса сами собой зазвонили на колокольнѣ маленькіе колокола, что бывало каждый разъ во время сильнаго вѣтра. Березы гнулись и трепались по вѣтру. Въ темномъ воздухѣ крутились листья, носились по всѣмъ направленіямъ какіе-то клочья, не то галки, не то лоскутья, и прямо на насъ изъ-за лѣса двигалась мутной пеленой стѣна дождя, порой вспыхивавшая сплошнымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Впереди ея низко и близко неслись обрывки темныхъ облаковъ, постоянно мѣнявшихъ форму; они то опускались къ землѣ, то подымались отъ нея. На наше разгоряченное отъ усилій тѣло начали ужъ падать холодныя и крупныя капли дождя; онѣ падали, мягко шлепая по тѣлу, и разлетались брызгами. Мы уже минутъ пять возились съ дверью, выбиваясь изъ силъ, то преодолѣвая силу вѣтра, то снова отбрасываемые напоромъ его; близки были къ отчаянію; мой младшій братишка, слышно, уже началъ всхлипывать; онъ готовъ былъ откровенно разревѣться и бросить засовъ. Но отступать было нельзя; весь ужасъ послѣдствій, если бы мы не затворили двери, былъ очевиденъ. Зальетъ дождемъ наши постели, все будетъ сорвано и опрокинуто ворвавшимся вихремъ, и, чего добраго, мнѣ казалось, влетитъ въ раскрытое окно „громовая стрѣлка" и убьетъ насъ. Стиснувъ зубы и скользя босыми ногами по мокрому полу, я напрягъ послѣднія усилія и наконецъ почувствовалъ, какъ засовъ слабо коснулся лѣвой скобки, зацѣпился, но вырвался опять. Мой голоногій помощникъ ужъ ревмя-ревѣлъ и только въ волненіи, шлепая босыми ногами по образовавшейся у окна лужѣ, топтался на мѣстѣ. Послѣдній напоръ мускуловъ, почти въ безсознательномъ состояніи — и, о радость! — засовъ крѣпко вдвинулся въ лѣвую скобку и прихлопнулъ двери. Но съ какой яростью, съ какой злобой и жалобой завылъ вѣтеръ на всѣ лады въ скважинахъ и щеляхъ сомкнутыхъ створовъ... Визгъ, злобный вой, скрежетъ, рыданія, укоры—все слилось въ этомъ неистовомъ голосѣ бури. Какъ будто „онъ" и яростно злился и

жаловался на то, что „ему“ не удалось отбросить, размозжить насъ, выбить всѣ стекла въ дверяхъ и превратить въ лужу весь полъ мезонина; не удалось—и вотъ „онъ“ жаловался и неистовствовалъ, какъ звѣрь глупый и злой. Во время отчаянной борьбы мы и не замѣтили, что гроза уже бушевала кругомъ во-всю: проливной дождь барабанилъ по крышѣ, сіяли ослѣпительныя молніи, и грохоталъ громъ; словно катались огромные камни по крышѣ. Закутавшись съ головой одѣяломъ и закрывшись вдобавокъ подушкой, я, весь мокрый отъ пота и дождя, пролежалъ, стараясь ничего не слышать и не видѣть, все время, къ счастію, не продолжительной грозы. Когда раскаты грома смолкли, я высунулъ потную голову и сталъ прислушиваться. Въ углу сквозь щель въ потолкѣ капала вода; дождь еще продолжался; замѣтно стало свѣтлѣе. Высунулъ голову и братишка.

— Ты видѣлъ?—спросилъ онъ тихо.

— Что?

— Я не знаю что. Большую бѣлую лошадь съ гривой.

— Нѣтъ не видѣлъ.

— А я видѣлъ; вонъ тамъ.

— О-о, да это бѣжала пыль по дорогѣ отъ кладбища.

— Какая пыль... Я видѣлъ и морду, и голову, и гриву.

— Неправда.

— А нѣтъ, правда: на что угодно поспорю и побожусь.

— Давай откроемъ окно.

— Давай.

Съ трудомъ мы отняли мокрый засовъ и отворили ставшіе отъ дождя тяжелыми оба створа окна.

О, какъ было упоительно хорошо! Начиналось утро. Какъ чистъ и сладостенъ дивный воздухъ, насыщенный запахомъ мокрыхъ березовыхъ листочковъ и мокрой земли! Было тихо, только слышалось, какъ капало съ березъ, и какая-то птичка-завирушка негромко выдѣлывала замысловатый узоръ звуковъ въ ихъ пахучей бездвижной листвѣ. Все ужъ было ясно видно. Изъ лѣса подымались клочья бѣлаго пара. Небо прояснилось, и по нему ползли легкіе, какъ кисея, остатки ушедшей на востокъ грозы; она ужъ потухла, не гремѣла, заглохнувъ въ предразсвѣтныхъ лучахъ утра. Еще виднѣлось сквозь туманъ нѣсколько крупныхъ звѣздъ на посвѣтлѣвшемъ небѣ, но тамъ, надъ этой рѣдкой кисеей, уже чувствовалась близость дня... Было такъ тихо на душѣ и тихо, глубоко въ природѣ!

Къ разсказу **„Полуночный вихрь“**. *Начиналось утро. Какъ чистъ и сладостенъ дивный воздухъ, насыщенный запахомъ мокрыхъ березовыхъ листочковъ!..* *Ап. Васнецовъ.*

Огонь, Жизнь Дающій.

Персидская легенда. **Владиміра Келера.**

I.

И умерла Диль-Халисе.

Затосковалъ старый шахъ и приказалъ на могилѣ любимой жены возвести мавзолей изъ бѣлаго мрамора, такого же чистаго, какой была душа отошедшей супруги.

Не успѣла луна народиться три раза, какъ мавзолей былъ готовъ, и кругомъ его раскинулся чудный садъ.

Росли и цвѣли въ немъ дивныя розы, печально склоняли головы кипарисы, и рощи душистыхъ акацій наполняли воздухъ нѣжнымъ благоуханіемъ.

Птицы весело пѣли въ саду, желая звонкими голосами прервать грустный шопотъ листвы, говорившей о тайнѣ покоя.

Каждое утро ходилъ шахъ на могилу, подолгу сидѣлъ тамъ и молился, глядя на небо.

Въ прихотливой игрѣ облаковъ, въ темной лазоревой глубинѣ, въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ онъ думалъ увидѣть ее, Диль-Халисе.

Но смѣялась надъ шахомъ душа синяго неба, жестокаго въ своей необъятности, смѣялась и тѣнь облаковъ надъ желаніемъ его узрѣть свѣтъ погасшей лампады.

Но шахъ не понималъ этого смѣха и съ жаромъ молилъ Божество, чтобъ осужденная на разлуку съ землей явилась къ нему и сказала въ утѣшенье хотя единое слово.

И Солнце его услышало.

Вернувшись однажды во дворецъ, онъ увидѣлъ въ яркихъ лучахъ Чистоту Сердца—Диль-Халисе. Онъ почувствовалъ, какъ любимая женщина коснулась его, и какъ въ немъ произошло что-то необъяснимое.

Воскресли старыя воспоминанія, вернулся ароматъ прежней жизни, пропавшій вмѣстѣ съ ушедшей.

— Скажи мнѣ, что дѣлать,—вскрикнулъ радостно шахъ,—чтобы снова быть такимъ же счастливымъ, какъ раньше? Одна душа моя безъ твоей—не душа.

И улыбнулась Диль-Халисе.

Сверкающій блескомъ небеснымъ, ласковый взглядъ ея, идущій изъ загадочной, безконечно далекой обители, пронизалъ сердце шаха и начерталъ въ немъ знаки призыва.

„Покинь эту землю“,—такъ понялъ шахъ слова нѣжно любимой и глубоко задумался.

И призвалъ онъ стараго визиря и своихъ трехъ сыновей.

— Дѣти мои! — сказалъ шахъ пришедшимъ,—я управлялъ одинъ моимъ царствомъ. Много разъ я грѣшилъ истиной предъ людьми, ибо одинъ умъ не можетъ управлять многими. Любимый визирь, душа котораго всегда тиха и спокойна, мнѣ помогалъ. Теперь я рѣшилъ раздѣлить владѣнія свои между вами и уйти, чтобъ искупить молитвой мои прегрѣшенія. Я постараюсь найти снова счастье, въ которомъ я пребывалъ съ вашей матерью—Диль-Халисе.

И сказалъ младшій сынъ шаха, Диванэ ханъ.

Онъ былъ еще очень молодъ, въ жизни видѣлъ лишь радость и никогда не занимался дѣлами.

— Повелитель народовъ! Я не могу еще управлять людьми и отъ дара твоего я отказываюсь. Раздѣли царство свое между братьями.

— Хорошо! — отвѣтилъ старый шахъ. — Ты, Серместъ ханъ, возьмешь землю вдоль по рѣкѣ, а ты, Кебиръ ханъ, возьмешь владѣнія мои среди горъ. Но съ кѣмъ будетъ жить старый другъ мой—визирь?

— Я для него очень молодъ,—замѣтилъ Диванэ ханъ.

— Я буду править народомъ самъ, — возразилъ Серместъ ханъ.

— Рухатуль Рухъ для царства необходимъ. Не говорить же мнѣ, хану, съ толпой,—отвѣтилъ Кебиръ ханъ и гордо закинулъ голову.

— Теперь я спокоенъ,—сказалъ старый шахъ.—Тебѣ, Диванэ ханъ, вмѣсто царства я оставлю шахскій дворецъ и священную гору, гдѣ вѣчно горитъ Жизнь Дающій Огонь, окруженный цвѣтами. Дамъ тебѣ и коня быстроногаго и сокровищницу, полную золота. Прощайте, дорогіе мои, правьте людьми, какъ вы найдете лучше, а ты, младшій сынъ мой, управляй самъ собою и помогай страждущимъ, къ тебѣ приходящимъ.

Сказалъ шахъ и ушелъ.

И воцарились на землѣ его дѣти.

Кебиръ ханъ, объѣхавъ полученное имъ наслѣдіе, наложилъ на людей великія подати и завелъ вездѣ строгій порядокъ. Для поддержанія его онъ приказалъ казнить смертью каждаго, кто дерзнетъ ослушаться его повелѣній. Исполнивъ то, что, по его разумѣнію, должно было быть исполнено, ханъ поселился на высокой горѣ.

Когда позднимъ вечеромъ видѣлъ онъ, что огонь, которому народъ поклонялся, разгорался возлѣ капищъ сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, ханъ съ поднятой для кары десницей, какъ гнѣвный духъ, выходилъ изъ дворца и озиралъ сверху разстилавшееся предъ нимъ царство.

Но безъ словъ молились колѣнопреклоненные люди, и въ мятежномъ, но беззвучномъ снѣ покоились его вѣрноподданные. Только, вспыхивая краснымъ пламенемъ, трещалъ грозно огонь, да падающія отъ повѣшенныхъ людей тѣни дрожали на землѣ. Онѣ движеніемъ своимъ говорили, что во владѣніяхъ хана водворенъ снова порядокъ, кѣмъ-то невольно нарушенный.

Лукаво кривилъ, глядя на тѣни, тонкія губы владыка и, презрительно улыбаясь, опускалъ руку и возвращался къ себѣ.

Не то было у Серместъ хана.

Раньше, чѣмъ что-либо предпринять, онъ долгое время присматривался. Но такъ какъ въ странѣ все было спокойно, и всѣ благоденствовали, то ханъ объявилъ народу, что очень доволенъ законами и предоставляетъ ему жить и управляться попрежнему.

Прошло нѣсколько лунъ, и жизнь текла, какъ рѣка по старому руслу.

Радовался новый властитель и возносилъ молитвы Огню и просилъ его свѣтомъ своимъ озарять, какъ и раньше, пути человѣческой жизни.

И Серместъ ханъ ушелъ отъ народа и сталъ проводить время съ друзьями и женами.

Другой образъ жизни велъ Диванэ ханъ.

Поселившись въ шахскомъ дворцѣ, онъ часто бродилъ по свѣтозарной горѣ.

А гора была зачарована, и цвѣты, растущіе вкругъ Огня, Жизнь Дающаго, были не только цвѣтами, но и пристанищемъ душъ всѣхъ людей, населявшихъ сосѣднія царства.

Счастье давали имъ серебристо-бѣлыя лиліи; злобу вливали удушливымъ запахомъ орхидеи; страданья и горе вносили цвѣты граната, а стремленье къ свѣту, какъ къ истинѣ, внушали вьюнки, скромные, малозамѣтные.

Но не зналъ еще этого ханъ, какъ не зналъ, что духъ его матери, Диль-Халисе, появлялся всегда у Огня, когда души слетались на гору для отдыха.

Горячимъ дыханьемъ любви направлялъ Жизнь Дающій уставшія души къ цвѣтамъ. Однѣ изъ нихъ вѣчно упивались счастьемъ на лиліяхъ, другія мучились на кровавомъ ложѣ цвѣтовъ граната. А почему было такъ—зналъ только Тотъ, Кто далъ землѣ свѣтъ, чтобъ среди безпроглядной тьмы найти путь къ Нему, Вѣчно Живущему.

Отдыхая однажды возлѣ Огня, ханъ Диванэ погрузился въ тайнозвучную дрему, и въ дремотѣ такой онъ увидѣлъ, какъ стремились потокомъ къ горѣ души людей.

Онъ узналъ души братьевъ своихъ и съ грустью замѣтилъ, что онѣ витали вкругъ Огня и не были въ силахъ спуститься къ цвѣтамъ, на которыхъ могли бы забыться.

Жизнь Дающій отклонялъ отъ цвѣтовъ эти души, а мать ихъ Диль-Халисе плакала слезами моленья. Какъ яхонты красные, горѣли страданьемъ слезы Чистоты Сердца и, падая наземь, разливались рѣкою стенаній.

„Что это значитъ? — подумалъ дремлющій сынъ Диль-Халисе. — Нѣтъ счастья, нѣтъ радости для властителей? — Нѣтъ даже горя?—Развѣ не люди владыки?“

Проснулся Диванэ ханъ и взглянулъ на цвѣты.

Радостнымъ блескомъ сіяли они, и яркимъ пурпуромъ горѣли гранаты.

„Не облегчить ли мнѣ существованье людямъ?!“—снова подумалъ ханъ и, еще не совсѣмъ очнувшись отъ дремы, уничтожилъ кусты граната.

И молчанье горы вдругъ застонало.

Огонь Жизни угасъ. На небѣ вечернемъ сгустились багряныя тучи, и смолкли веселыя пѣсни глубокой и ясной лазури.

II.

Черезъ нѣсколько дней братья свидѣлись. Серместъ и Кебиръ, старшіе ханы, пріѣхали къ младшему.

— У насъ во владѣніяхъ погасъ священный Огонь. Горитъ ли онъ еще у тебя?—спросили они, сильно взволнованные.

— Жизнь Дающій исчезъ, но люди будутъ счастливѣе,—отвѣтилъ Диванэ ханъ и разсказалъ тутъ же братьямъ, что видѣлъ въ дремотѣ и почему уничтожилъ гранаты.

— Что жъ будетъ съ народомъ, разъ нѣтъ Бога Огня? Мой визирь предвидитъ большія несчастья,—сказалъ Кебиръ ханъ.

— Появилась новая вѣра. Введите ее у себя, и всѣ будутъ довольны,—посовѣтовалъ Диванэ ханъ.—За таинственной завѣсой близкаго будущаго новая вѣра сулитъ чудную жизнь и полное счастье и всѣ наслажденья.

— Да будетъ такъ! — улыбнулся насмѣшливо жестокій владыка и, не прощаясь, покинулъ дворецъ Диванэ хана.

— Надо посовѣтоваться съ народомъ, — замѣтилъ задумчиво средній братъ и тоже уѣхалъ.

Старикъ Рухатуль Рухъ, получивъ отъ хана строгое повелѣніе, созвалъ всѣхъ жителей царства и приказалъ въ нѣсколько дней принять новую вѣру. Исполняя волю владыки, повѣсили для примѣра не мало народу, и обитатели горъ, вѣрноподданные хана Кебира, повѣрили въ скорую радость. Съ тѣхъ

поръ они получили отвращеніе къ Огню. Собираясь по вечерамъ у горѣвшихъ костровъ, они сообщали съ усмѣшкой прохожимъ, кому они раньше недостойно молились.

И на горахъ всѣ жили спокойно.

Серместъ ханъ собралъ лучшихъ людей отъ народа и вмѣстѣ съ ними хотѣлъ обсудить, какъ ввести въ царствѣ новую вѣру.

Говорили безъ умолку и скоро поссорились, и, поссорившись между собою, лучшіе люди изгнали владыку, который вздумалъ ихъ примирить.

Вернувшись обратно, они сказали народу, что жить будутъ безъ хана, и что можно обойтись безъ Огня.

И на землѣ, лежащей вдоль по рѣкѣ, пошло все попрежнему.

Узнавъ объ участи брата, Диванэ ханъ вскочилъ на коня и помчался въ царство изгнанника.

По дорогѣ ему встрѣтился неожиданно дервишъ.

— Куда, Диванэ ханъ, такъ стремишься?—спросилъ онъ, когда, увидѣвъ его, всадникъ остановился.—Ѣдешь ли ты къ Серместъ хану или къ жестокому хану Кебиру? Пріѣздомъ своимъ ты никому не поможешь.

Удивленный Диванэ ханъ упалъ дервишу въ ноги.

Онъ узналъ въ немъ отца.

Твои мысли отражаютъ теперь дыханье чистаго неба, отецъ! Ты—воплощенная Мудрость. Скажи мнѣ, за что изгнали хана Серместа, и почему души братьевъ моихъ не могли найти на горѣ цвѣтовъ для пристанища?

И отвѣтилъ ему старецъ скорбнымъ голосомъ:

— Мои сыновья застыли внѣ жизни народовъ, и души ихъ недостойны коснуться страданій.

— Хорошо, что ихъ больше не будетъ. Я вырубилъ всѣ гранаты!—вскрикнулъ радостно Диванэ ханъ.

Поникъ головой бывшій властитель и скрылся изъ глазъ огорченнаго сына.

Удрученный молчаливымъ упрекомъ отца, Диванэ ханъ вернулся въ свои владѣнія и пошелъ на свѣтозарную гору.

Печально во тьмѣ стояла она. Грустной нѣгой вѣяло отъ цвѣтовъ: потускнѣли бѣлыя лиліи; буйно рвущіеся къ свѣту вьюнки съ недоумѣніемъ склонились къ землѣ, а орхидеи дурманомъ зла поили воздухъ.

Ожесточенныя мысли безсилья ползли угрюмо по саду, за ними переливались волны кошмарныхъ сновъ, и надъ всей горой душевныхъ переживаній висѣла Судьба, опустивъ низко тяжелыя крылья.

И ужаснулся Диванэ ханъ.

Вдругъ вопль, дрожащій отчаяніемъ, пронзилъ великую тишину.

— О, вернись, Огонь Жизни, вернись!—застоналъ молодой ханъ.

И долгій откликъ нѣжнаго голоса прилетѣлъ утреннимъ вѣтромъ.

Смущеніе и радость наполнили душу хана—онъ оглянулся.

Роса на цвѣтахъ загорѣлась искрами желаній; вьюнки, поднявъ головы, начали пить красоту лучей свѣжаго разсвѣта, на лиліяхъ заиграла улыбка блаженства, и на небѣ засверкала заря невиданнаго свѣта.

Въ блескѣ сіянья его пробудилась гора, и пѣснь божественной любви пронеслась надъ землей.

Она пролетѣла и надъ царствомъ бывшаго хана Серместа.

Очарованный Диванэ ханъ успокоился.

Но съ появленіемъ свѣта въ царствѣ изгнанника жизнь обитателей скоро разстроилась.

Волненіе охватило всѣхъ жителей.

Надъ страной появилось дымное облако. Люди замѣтили, что среди смраднаго чада извивалось чудовище. То былъ духъ злобы, измѣны и зависти. Пасть хищника извергала кровавую пѣну, а смертоносный языкъ брызгалъ ядовитой слюной и заражалъ отравою землю. Терзаясь алчностью ненасытной, онъ хваталъ съ земли въ когти людей и, выпивъ часть мозга, бросалъ ихъ, ослѣпленныхъ, обратно.

Безуміе овладѣвало страдальцами и, какъ червь, точило ихъ тѣло.

Шахъ слушаетъ. *В. Суреньянцъ.*

Слова недужныхъ и ихъ крики безъ смысла летали по царству и гноили страну.

И возсталъ братъ на брата.

Толпы обезумѣвшихъ рыскали по городамъ и избивали всѣхъ, кто имъ попадался.

Услышавъ объ этомъ, Диванэ ханъ обратился къ несчастнымъ.

— Что съ вами случилось?—спросилъ онъ съ отчаяніемъ, становясь предъ убійцами.—Развѣ не видите вы озаренныхъ свѣтомъ вершинъ дальнихъ горъ? Развѣ не понимаете вы, что Огонь Правды, Добра и Радости Совершенной ужъ близокъ, и что все сольется въ одинъ неугасный пламень общаго счастья? Все горе сгинетъ въ немъ, и скоро на небѣ засіяетъ лучистое Солнце.

Но дикій смѣхъ мертвыхъ духомъ прервалъ его рѣчь.

И поскакалъ Диванэ ханъ къ грозному брату.

Пріѣзжаго встрѣтилъ Рухатуль Рухъ.

Узнавъ, что случилось въ царствѣ изгнанника, онъ посовѣтовалъ обратиться къ старому шаху.

— Шахъ укажетъ тебѣ, чѣмъ можно помочь больному народу. А владыкѣ я повѣдаю о безпорядкахъ въ странѣ, и повелитель рѣшитъ, что нужно намъ дѣлать.

Умчался Диванэ ханъ, а визирь, собравъ несмѣтныя полчища по приказанію жестокаго Кебиръ хана, повелъ ихъ на границу.

Узнавъ о нашествіи сосѣдей, обезумѣвшіе люди очнулись и двинулись войску навстрѣчу.

Они кричали ему, что не зачѣмъ биться, и что они врагамъ братья.

Но уничтожалъ ихъ нещадно Рухатуль Рухъ, а Кебиръ, злобный ханъ, еще издѣвался надъ ними.

Уныніе напало на бывшихъ подданныхъ Серместъ хана.

Они не знали, что предпринять и гдѣ можно найти спасенье.

И явился имъ старый шахъ въ образѣ дервиша.

— Новый свѣтъ разбудилъ васъ для радости, а вы, зараженные ядомъ чудовища, за смраднымъ облакомъ его не замѣтили. Видите, свѣтъ уже на горахъ!—сказалъ дервишъ толпѣ, собранной Диванэ ханомъ.—Какъ распаленныя злобой животныя, не видящія ничего предъ собою, вы сами себѣ готовите страшныя путы. Чудовище васъ запугало и ложью сковало свѣтлыя мысли... Диванэ ханъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ младшему сыну,—ты согрѣшилъ предъ народомъ, самовольно вмѣшавшись въ предопредѣленія судьбы. Желая людямъ помочь, ты уничтожилъ сразу страданья. Теперь надо спасти погибающихъ. Дай мнѣ лукъ твой и стрѣлы, я уничтожу ужасъ страны, хотя для этого довольно было бы и легкаго вѣтра.

Сказалъ шахъ и взялъ колчанъ изъ рукъ младшаго сына.

Взглянувъ затѣмъ надъ собою, въ смрадномъ облакѣ онъ увидѣлъ шипящаго гада.

Въ глазахъ ядовитаго хищника сверкалъ дикій страхъ, и его раздвоенный языкъ судорожно щелкалъ отъ ужаса.

Натянувъ тетиву, старый дервишъ метнулъ въ духа злобы стрѣлу.

— Да смететъ злобу добро!—сказалъ онъ, слѣдя за полетомъ вѣстника вѣщаго слова.

Пробила стрѣла чешую въ головѣ духа лукаваго, и покрылись глаза его пеленой тлѣна.

— Да замѣнитъ вѣрность измѣну!—продолжалъ шахъ, пуская вторую стрѣлу.

Какъ бичомъ, ударила она по тѣлу гада, и разверзлась утроба его.

Жабы и черви посыпались изъ нея и, разбиваясь у ногъ ослѣпленныхъ людей, гибли въ страданьяхъ несбывшихся вожделѣній.

— Да будетъ свѣтъ!—произнесъ неувѣренно дервишъ, взглянувъ на толпу, и въ третій разъ загудѣла въ рукахъ его тетива.

— Да сгинетъ тьма! — восторженно вскрикнули за шахомъ прозрѣвшіе.

И сгинуло мрачное облако.

Воспрялъ духомъ ожившій народъ и отогналъ полчища жестокаго Кебиръ хана.

Загорѣлись огнемъ вершины всѣхъ горъ, засверкали небесные своды, сіяніе животворнаго свѣта залило землю изгнанника, и народъ скоро постигъ, въ чемъ заключается счастье людское.

III.

И отошелъ въ царство несокрушимое мудрый шахъ, бывшій дервишемъ.

На могилѣ отца собрались его дѣти и предались скорби тяжелой.

Горько рыдалъ Диванэ ханъ.

Громко стоналъ изгнанникъ Серместъ.

Грозный же Кебиръ ханъ, лишившійся царства послѣ неудачной войны, утиралъ угрюмо горючія слезы.

Вокругъ страждущихъ братьевъ, сидѣвшихъ у мавзолея изъ бѣлаго мрамора, пышно раскинулись розы безсмертія. Поднявъ головы, на стражѣ покоя стояли стройные кипарисы, а рощи акацій шопотомъ листьевъ своихъ говорили, что шахъ снова счастливъ, и что духъ его въ царствѣ незримомъ слился съ душою Диль-Халисе.

Весело щебетали птицы, понявшія шелестъ листвы, а солнце, играя лучами, вселяло всѣмъ радость шаха, блаженнаго въ вѣчности міра.

И успокоились ханы.

Вдругъ предсталъ предъ ними Рухатуль Рухъ.

Рукою указывалъ онъ на лѣстницу, идущую отъ земли прямо на небо.

Взглянувъ на нее, ханы увидѣли, что среди облаковъ стояла мать ихъ Диль-Халисе, а рядомъ отецъ, старый шахъ,—Сердечная Чистота и Великая Мудрость.

Сіяли вокругъ нихъ жемчужныя облака и горѣли радостью просвѣтленья.

Слезы, какъ яхонты красные, пролитыя Диль-Халисе, когда молилась она о душахъ дѣтей, разстилались алымъ ковромъ по ступенямъ духовнаго очищенія, отъ земли и до самаго неба.

— Идите и вы къ намъ! — донесся къ дѣтямъ сладостный голосъ.

— Какъ мы пойдемъ, когда мы такъ грѣшны?—отвѣтили съ грустью они и, опустивъ смущенно глаза, припали къ землѣ.

Пронеслись въ воздухѣ звуки божественной пѣсни, раздался ликующій гласъ скрытыхъ трубъ, и великая вѣсть о прощеніи послышалась съ неба.

И умерли грѣшные ханы и тутъ же воскресли простыми людьми.

Частица Огня, Жизнь Дающаго, еще не сгорѣвшая въ душахъ ихъ, вспыхнула и сожгла все то зло, отъ котораго они прежде страдали.

Великая радость охватила воскресшихъ: дыханье матери, которымъ они раньше жили, наполнило ихъ чистотою; вѣчная же любовь къ нимъ Диль-Халисе зародила желанье служить обездоленнымъ.

И въ этомъ узрѣли они высшее наслажденіе и радость предѣльную каждаго человѣка.

Аббатъ.

Разсказъ **Поля Ружье.**

Переводъ **Л. Вилькиной.**

На самомъ краю горизонта, надъ скалой, къ которой, подобно орлиному гнѣзду, прилѣпилась деревня Т., выплыла декабрьская луна.

Какъ на освѣщенномъ экранѣ, высился на фонѣ эльзасскаго неба острый профиль колокольни, окруженной тѣнями хижинъ и сараевъ. Гордо подымалась она кверху и кружевомъ вырисовывалась на высотѣ трехсотъ футовъ надъ долиной.

Другая сторона ската была еще окутана мглою. Но вотъ луна медленно взошла, перешла хребетъ, разлилась свѣтомъ по темному косогору и зажглась трепетными огоньками на двухстахъ штыкахъ, тамъ, на днѣ дороги, которая змѣится у подножья косогора.

Тутъ притаился отрядъ капитана д'Орваля, ожидая возвращенія патруля, посланнаго на развѣдки въ пограничную хижину, возвышающуюся надъ ними.

Внезапно надъ головами посыпались камни.

— Американецъ даетъ о себѣ знать, — пробормоталъ сержантъ Гелле.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько минутъ спустя показался ловко крадущійся, изгибающійся прапорщикъ запаса Шамбрель, прозванный за неподвижность лица и бритыя губы „американцемъ“, въ сопровожденіи шести развѣдчиковъ въ синихъ беретахъ.

Онъ упросилъ капитана послать именно его съ патрулемъ не только изъ личной храбрости и любви къ приключеніямъ, но тоже изъ тайно влекущаго его любопытства, которое онъ испытывалъ послѣ всего, что наслушался о здѣшнемъ аббатѣ—старомъ эльзасцѣ, пережившемъ кампанію 1870 года.

Вернувшись, онъ доложилъ, что деревня эвакуирована, а жители, по всей вѣроятности, уведены нѣмцами въ качествѣ заложниковъ.

Все это онъ, впрочемъ, могъ заранѣе предугадать, судя по приказу, отданному капитаномъ д'Орвалемъ: „Произвести рекогносцировку деревни Т., значащейся эвакуированной занимавшимъ ее отрядомъ баварцевъ: устроить изъ нея опорный пунктъ и въ случаѣ возвращенія противника защищаться до послѣдняго человѣка“.

Раздался свистокъ, и маленькій отрядъ тронулся вдоль косогора. Отвердѣвшая отъ холода трава скрипѣла подъ подошвами, ласкаемые луной пулеметы на спинахъ муловъ переливались свѣтомъ.

Люди, подавленные ночной мглой, шли молча. Д'Орваль подвигался, углубленный въ свои думы, издали слѣдя за взбирающимся во главѣ колонны силуэтомъ Шамбреля—офицера, состоявшаго подъ его командой со вчерашняго дня. Отъ истребленнаго полка остался только одинъ этотъ загадочный колоссъ, примкну-

вшій къ ихъ отряду, который самъ потерялъ всѣхъ офицеровъ въ предыдущихъ бояхъ.

Шамбрелю было на видъ лѣтъ тридцать пять. Подъ шинелью прапорщика въ запасѣ, рядомъ съ военной медалью, былъ пришпиленъ къ груди военный крестъ, что означало недавнее повышеніе въ чинѣ, производство,—конечно, на полѣ битвы,—изъ сержанта въ офицеры. Дружески спрошенный о подвигахъ, за которые онъ могъ получить эти знаки отличія, Шамбрель, быть-можетъ, изъ скромности, уклонился отъ отвѣта. Д'Орваль отнесся съ уваженіемъ къ подобной сдержанности. Къ тому же, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Шамбрель очаровалъ всѣхъ солдатъ. Старый служака-сержантъ Гелле, вновь поступившій на службу, съ фамильярностью, которая во время войны является признакомъ безграничнаго довѣрія солдатъ къ своему начальнику, окрестилъ „американцемъ" этого спокойнаго гиганта, о которомъ никто ничего не зналъ, кромѣ того, что онъ храбръ и говоритъ мало.

Они достигли послѣдняго подъема, и передъ ними протянулась единственная улица деревни Т.,—нѣчто въ родѣ извилистаго окопа, которая вела къ церковной паперти и была покрыта обломками разрушенныхъ домовъ.

Уже съ перваго шага сердце сжималось отъ царившаго повсюду безмолвія смерти. Бываютъ дома, безмолвные потому, что люди въ нихъ спятъ, но остатки дыма надъ крышей, бодрствующій гдѣ-нибудь ночникъ за не вполнѣ притворенными ставнями говорятъ о томъ, что за камнями стѣнъ, подъ желѣзомъ крышъ дышатъ живые люди.

Здѣсь же какъ будто пронесся моръ, скосивъ все живое и опустошивъ жилища.

Открытыя двери говорили о безповоротномъ уходѣ обитателей. Одна единственная дверь, — въ мелочной лавкѣ, — была какъ будто притворена. Но и она поддалась первому напору солдата, пожелавшаго ее открыть. Хозяинъ, убѣгая, только захлопнулъ ее за собой. Лавка оказалась опустошенной.

Изъ предосторожности партіи въ три-четыре человѣка продолжали, съ оружіемъ въ рукахъ, осматривать каждое жилище, въ то время, какъ отрядъ подвигался впередъ. Вездѣ они натыкались на то же опустошеніе; повсюду тѣ же ужасные, неминуемые слѣды пребыванія нѣмецкой солдатчины: на столахъ опрокинутыя пустыя бутылки, у пороговъ стащенные съ постелей и продырявленные матрацы, означающіе, что, напившись виномъ, пропойцы тутъ же на полу заваливались спать. Разбитыя окна, растерзанные шкапы, снятыя съ болтовъ ставни говорили о томъ, какого рода развлеченія изобрѣтали опьянѣвшіе солдаты.

Вдругъ, пройдя половину улицы, у зданія школы прапорщикъ Шамбрель въ ужасѣ остановился: почти на порогѣ, у самой стѣны, два тѣла — старика и ребенка. Подошелъ и д'Орваль. Взрослый лежалъ лицомъ внизъ. Солдаты повернули его: все лицо было изрыто пулями. Трупъ ребенка застылъ въ сидячемъ положеніи, какъ будто соскользнулъ со стѣны, куда его прислонили. Голова съ обезкровленнымъ, окоченѣвшимъ лицомъ склонилась къ лѣвому плечу. Казалось, что онъ спитъ. Но изъ продырявленнаго горла струилась на рубашку кровь. Изъ рукъ ребенка капитанъ вынулъ деревянное ружье.

Люди молчали, невольно подавленные загадочностью этой мрачной драмы. Что могло навлечь гнѣвъ врага на эти два беззащитныхъ существа? Мужчина, по всей вѣроятности, школьный учитель, одинъ изъ тѣхъ, кто учитъ деревенскихъ дѣтей прекрасной исторіи Франціи. Но ребенокъ? Кто знаетъ? Быть-можетъ, школьникъ не хотѣлъ выпустить изъ своей маленькой руки руку наставника даже въ виду ружейныхъ дулъ...

Оба тѣла положили рядомъ на одинъ матрацъ. Потомъ солдаты вырыли могилу, гдѣ эти благородныя эльзасо-французскія сердца мирно почили.

Въ то же время передняя часть команды достигла крайней вершины хребта. Порывъ вѣтра холодомъ обвѣялъ лица людей, когда они вступили на площадь, съ возвышающейся посрединѣ церковью, вокругъ которой, какъ вокругъ единственно вѣрнаго убѣжища, ютилось кладбище. Злая ярость наступающаго врага не больше пощадила мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Скромный желѣзный крестъ, возвышавшійся надъ главнымъ входомъ кладбищенской ограды, былъ смятъ и пригнутъ къ землѣ. Не пощадили и могилъ: одна изъ плитъ послужила кормовымъ корытомъ для лошадей или муловъ: на ней остались еще зерна овса, а передъ могильной рѣшеткой, гдѣ привязывали скотину, виднѣлись слѣды подковъ.

Дойдя до паперти, капитанъ д'Орваль машинально поднялъ глаза къ колокольнѣ. Въ свѣтѣ на мигъ показавшейся между тучами луны онъ успѣлъ разсмотрѣть циферблатъ, весь продырявленный пулями. Вѣроятно, какой-нибудь веселый германскій офицеръ разрядилъ свой револьверъ на этой мишени съ мирными стрѣлками, которыя столько разъ показывали часы работы и отдыха, а теперь висѣли изувѣченныя и негодныя къ службѣ.

Съ минуту на минуту усиливающійся вѣтеръ вихремъ завывалъ въ пустотѣ главнаго входа. Переступивъ три ступени, д'Орваль заглянулъ внутрь церкви. Наступавшая ночь, еще болѣе черная отъ разыгрывающейся бури, наполняла внутренность храма.

Женскій Батальонъ Смерти. *Раненыя въ бою и находящіяся на излѣченіи въ Петроградѣ.*

Слѣва направо: *Е. К. Иванова, А. И. Ясиновская, М. Т. Арсеньева, Е. Г. Анисина, М. С. Голубева, А. Ф. Кононова и И. И. Плурина.*

Вдругъ, въ глубинѣ этого мрака, подъ сводами мелькнулъ дрожащій огонекъ, пошелъ по хорамъ и опустился у главнаго алтаря надъ неугасимой лампадкой. Второе красноватое пламя разрослось и разлилось, и, при свѣтѣ этой святой лампадки, д'Орваль успѣлъ разглядѣть сгорбленнаго, сломленнаго годами священнослужителя, съ головой, украшенной длинными сѣдыми волосами.

Весь отдавшись святому дѣлу, старикъ стоялъ спиной ко входу, не чувствуя приближенія маленькаго отряда. Не слышалъ онъ ихъ даже тогда, когда они дошли до середины церкви. Былъ ли онъ тугъ на ухо отъ преклонныхъ лѣтъ, или разразившаяся наконецъ гроза заглушала шаги? Только когда капитанъ сталъ рядомъ, онъ обернулся, и большой, поднятый сержантомъ Гелле фонарь освѣтилъ его побѣлѣвшее отъ испуга лицо.

Д'Орваль старался его успокоить:

— Не бойтесь, мы—французы!

Но волненіе наступило слишкомъ внезапно, и, потерявъ сознаніе, аббатъ зашатался и соскользнулъ наземь. По данному знаку солдаты отнесли его въ сосѣднюю ризницу и уложили на скамью, свернувъ подъ головой солдатскую шинель вмѣсто подушки. Потомъ, въ канделябрѣ, какъ будто приготовленномъ для какого-нибудь праздника, засвѣтили свѣчи.

При ихъ свѣтѣ оказалось, что голова старика въ крови: у лѣваго виска была царапина, слегка задѣвающая ухо. Къ счастью, послѣ промывки рана оказалась поверхностной. Аббатъ сталъ слабо дышать. Д'Орваль съ трудомъ заставилъ его проглотить

Женскій Батальонъ Смерти. *Раненыя въ бою и находящіяся на излѣченіи въ городскомъ 264 лазаретѣ въ Петроградѣ.* По фот. К. Булла.

отчаянію, д'Орваль спросилъ:

— Какимъ же чудомъ вы сами, господинъ аббатъ, спаслись и находитесь здѣсь?

На это аббатъ, проводя рукой по лбу, отвѣтилъ:

— Сказать по правдѣ, самъ не понимаю. Вчера раннимъ утромъ, должно-быть, отступая, они вошли въ деревню. Ихъ было около пятисотъ; кажется, все баварцы.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ д'Орваль, которому было извѣстно о количествѣ непріятеля изъ полученнаго приказа.

— Они переполнили весь церковный дворъ, а меня вытолкали вонъ. Вокругъ школы расположились ихъ офицеры. Всѣ они казались до того растерянными, что не трудно было понять, что отступленіе совершается подъ напоромъ очень значительныхъ

нѣсколько капель кофе. Наконецъ рѣсницы пошевелились, старикъ вздохнулъ и открылъ глаза.

— Ахъ! Французскій офицеръ! — произнесъ онъ, ища невѣрной рукой руку капитана. И съ выраженіемъ глубокаго ужаса въ глазахъ прибавилъ:—Если бы вы знали, что они сдѣлали съ моей деревней! Всѣхъ прихожанъ увели въ плѣнъ, и женщинъ и дѣтей!

Потомъ съ горечью прибавилъ:

— Хоть бы не проливали крови, а то разстрѣляли старика-учителя только за то, что нашли въ одной школьной тетради чистописанія слѣдующую фразу: „Нашъ Эльзасъ будетъ снова французскимъ". Это былъ мой братъ.

Д'Орваль, католикъ стараго закала изъ Бретани, растроганный, братски жалъ ему руки.

Старикъ продолжалъ:

— Они разстрѣляли и сына его Пьера. Пьеро! Мы его такъ звали. Ребенокъ семи лѣтъ! Когда повели отца, ребенокъ спалъ, склонившись щекой къ деревянному ружью. Довольно было имъ это увидѣть, чтобы взять ребенка и поставить рядомъ съ отцомъ къ стѣнѣ. Пьеро! Крестникъ мой бѣдный! Еще недавно я сталъ пріучать его помогать мнѣ во время службы...

Помолчавъ нѣсколько минутъ изъ уваженія къ превышающему человѣческія чувства

Женскій Батальонъ Смерти. *Раненыя въ бою и находящіяся на излѣченіи въ городскомъ 264 лазаретѣ въ Петроградѣ.* По фот. К. Булла.

Цванцигеръ, Бѣлокурова и Миненкова.

Свое боевое крещеніе Женскій Батальонъ Смерти получилъ въ бояхъ 8—10-го іюля у Сморгони и Крево, на западномъ фронтѣ. Донесеніе командира N пѣхотнаго полка, полковника Закржевскаго, въ подчиненіи которому находился Женскій Батальонъ Смерти, будетъ занесено на страницы исторіи:

„Отрядъ Бочкаревой велъ себя въ бою геройски, все время въ передовой линіи, неся службу наравнѣ съ солдатами. При атакѣ нѣмцевъ, по своему почину, бросился, какъ одинъ, въ контръ-атаку; подносили патроны, ходили въ секреты, а нѣкоторыя въ развѣдку; своей работой команда смерти подавала примѣръ храбрости, мужества и спокойствія, поднимала духъ солдатъ и доказала, что каждая изъ этихъ женщинъ-героевъ достойна званія воина русской революціонной арміи».

Къ этому донесенію нужно добавить: женщины-воины сражались не «наравнѣ съ солдатами», а много выше ихъ. Часть «боевыхъ товарищей» бросила ихъ во время штурма Новоспасскаго лѣса на разстрѣлъ тяжелой нѣмецкой артиллеріи и пулеметовъ. Женскій Батальонъ шелъ на уровнѣ сибирскихъ войскъ,—бросался навстрѣчу германскимъ цѣпямъ и отбивалъ ихъ и вмѣстѣ съ сибиряками отошелъ въ порядкѣ и вынесъ своихъ раненыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ и контуженная М. Л. Бочкарева, доставлены были въ Петроградъ. Состояніе ихъ здоровья улучшается, и, вѣрныя своему воинскому долгу, онѣ, во главѣ со своимъ командиромъ, рвутся снова на фронтъ.

силъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они приводили себя въ порядокъ и отдыхали. при чемъ вели себя, какъ бѣшеные, желая на насъ выместить свою ярость за отступленіе. Въ полдень мы всѣ были собраны у школы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ еще теплыхъ тѣлъ учителя и его сына. Подъ конвоемъ отвели сперва мужчинъ, потомъ въ противоположную сторону женщинъ, дѣтей и стариковъ, среди которыхъ былъ и я. Отъ голода, что ли,— я не ѣлъ со вчерашняго дня,— но я почувствовалъ вдругъ, что теряю равновѣсіе. Одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ концомъ сабли меня поддержать, но ударъ оглушилъ меня; и, потерявъ сознаніе, я упалъ. Клинокъ сабли ранилъ меня, и полилась кровь. Они же думали, что покончили со мной, и оставили умирать на дорогѣ. Вотъ какому чуду я обязанъ тѣмъ, что нахожусь среди васъ. Ночью, подъ острымъ ощущеніемъ холода, я пришелъ въ себя и дотащился до церкви. Первою мыслью было засвѣтить лампадку, принадлежавшую Господу, спасшему своего слугу. Въ эту минуту вы и вошли въ церковь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Четвертое министерство—Министерство Спасенія.

Сидятъ (слѣва): **П. П. Юреневъ** (мин. путей сообщенія), **Ф. Ф. Кокошкинъ** (госуд. контролеръ), **С. В. Пѣшехоновъ** (мин. продовольствія), **Н. В. Некрасовъ** (мин. финансовъ и замѣститель министра-председателя), **А. Ф. Керенскій** (министръ-предсѣдатель, военный и морской мин.), **Н. Д. Авксентьевъ** (мин. внутреннихъ дѣлъ), **В. Н. Черновъ** (мин. земледѣлія), **А. М. Никитинъ** (мин. почтъ и телеграфа).

Стоятъ (слѣва): **А. В. Карташевъ** (оберъ-прокуроръ Св. Синода), **С. Ф. Ольденбургъ** (мин. народнаго просвѣщенія), **А. С. Зарудный** (мин. юстиціи), **И. Н. Ефремовъ** (мин. государственнаго призрѣнія), **Б. В. Савинковъ** (управляющій военнымъ министерствомъ), **М. И. Скобелевъ** (мин. труда), **С. Н. Прокоповичъ** (мин. торговли и промышленности).

Въ группѣ новаго состава членовъ Временнаго Правительства отсутствуетъ министръ иностранныхъ дѣлъ **М. И. Терещенко** (см. портр. на стр. 157 въ № 10 „Нивы").

Политическое Обозрѣніе.

Четыре Правительства.

Когда изъ состава Временнаго Правительства ушли военный министръ А. И. Гучковъ и министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ, многіе утверждали, что такими частичными отставками министровъ подрывается въ корнѣ самая идея революціонной власти. Говорили, что, разъ революціонное движеніе поставило во главѣ Россіи опредѣленную группу лицъ, то эта группа должна, во что бы то ни стало, донести до Учредительнаго Собранія довѣренную ей полноту власти. Предсказывали, что, если это начало не будетъ соблюдено, то министерскіе кризисы будутъ у насъ слѣдовать за министерскими кризисами, и въ революціонной Россіи повторится та самая „министерская чехарда", которая ознаменовала собою послѣдніе годы стараго режима.

Къ сожалѣнію, этому предсказанію суждено было осуществиться. Съ начала революціи не прошло еще и пяти мѣсяцевъ, а у власти успѣло смѣниться четыре состава Временнаго Правительства, и ни у кого нѣтъ настоящей увѣренности, что больше перемѣнъ не будетъ, и что съ Временнымъ Правительствомъ четвертаго состава мы дѣйствительно доживемъ до Учредительнаго Собранія. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ революціонная власть оторвалась отъ своей первоосновы, и ей угрожаетъ величайшая опасность— повиснуть въ воздухѣ.

Первое Временное Правительство было, какъ всѣмъ памятно, назначено Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы по соглашенію съ Петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Въ немъ были представлены различныя думскія фракціи, начиная отъ трудовиковъ, въ лицѣ А. Ф. Керенскаго, и до группы центра, въ лицѣ В. Н. Львова. Второе Временное Правительство, названное „коалиціоннымъ", включило въ свои ряды офиціальныхъ делегатовъ партій с.-д. и с.-р. Образованіе его было подготовлено и одобрено тѣми же двумя революціонными установленіями — Временнымъ Комитетомъ Думы и Петроградскимъ Совѣтомъ. Третье Временное Правительство, торжественно признанное „Правительствомъ Спасенія Революціи", было наименѣе долговѣчно. Оно сформировалось путемъ нѣкотораго внутренняго переустройства и приглашенія на министерскіе посты представителей молодой и мало вліятельной радикально-демократической партіи. Временный Комитетъ Думы вовсе не участвовалъ въ его составленіи. Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ санкціонировалъ его, когда оно уже стало совершившимся фактомъ. Четвертое Временное Правительство фактически образовано лично А. Ф. Керенскимъ; министры, Думскій Комитетъ, Центральный Комитетъ Совѣтовъ и политическія партіи единодушно предоставили министру-предсѣдателю неограниченныя полномочія и полную свободу въ дѣлѣ обновленія власти.

Четвертое правительство революціонной Россіи есть правительство Керенскаго. Его называютъ также „Правительствомъ Спасенія Страны“. Это названіе характеризуетъ то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго составилось правительство Керенскаго, и тѣ чаянія, которыя связываетъ съ нимъ русское общественное мнѣніе. Господствующее у насъ сейчасъ настроеніе отмѣчено чертами разочарованія и усталости. Мы разочарованы развитіемъ, которое получила наша начавшаяся при такихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ революція, и мы устали отъ внутреннихъ нестроеній, отъ партійныхъ передрягъ, отъ безконечнаго потока внѣшне эффектныхъ, а по существу пустыхъ словъ. Усталость рождаетъ тоску по твердой власти, разочарованіе заставляетъ вспоминать о душевномъ подъемѣ первыхъ революціонныхъ дней.

Угрожающіе признаки паденія „вкуса“ и „энтузіазма“ къ революціи наблюдались уже давно. Но только теперь, послѣ ленинскаго бунта въ Петроградѣ и тяжелаго пораженія на фронтѣ, всѣ убѣдились, что такъ дальше жить нельзя, и что революціонная Россія подошла къ краю пропасти. Повторилась опять та же старая и вѣчно юная исторія. Общественные процессы совершаются медленно и постепенно въ толщѣ широкихъ круговъ населенія. Иные—болѣе трезвые и проницательные—подмѣчаютъ ихъ заблаговременно. Массы „прозрѣваютъ“ только тогда, когда общественный процессъ уже завершится и дастъ для всѣхъ видимые и ощутимые результаты. Ядъ ленинства разлагаетъ нашу національную политику и ея главную опору—нашу армію съ первыхъ дней революціи. Самого Ленина еще не было въ Россіи, а его идеи уже оказывали свое разрушительное дѣйствіе на нашу государственную и общественную жизнь, подтачивая власть и развращая матеріальную силу, на которую эта власть опирается. Ленинство въ арміи пошло у насъ отъ „приказа № 1“. Ленинство во внутренней политикѣ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ на почвѣ конкуренціи между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтами Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ установилось такъ называемое „двоевластіе“.

Защищая интернаціонализмъ и бунтарство, ленинство остается, какъ ученіе, цѣлостнымъ и законченнымъ. Во взглядахъ на международныя отношенія оно до сихъ поръ вѣрно лозунгу коммунистическаго манифеста: „у пролетарія нѣтъ отечества!“ Въ области внутренняго государственнаго порядка оно, пренебрегая мирной эволюціей, проповѣдуетъ „диктатуру“ и „захватъ власти“. Ленинцы у насъ отрицали войну и національную оборону и защищали идею „братанія“ русскихъ пролетаріевъ съ германскими. Такія понятія, какъ Россія, родина, отечество, были ими объявлены „буржуазными“ и взяты подъ формальный запретъ. Но, конечно, „братства народовъ“ проповѣдь ленинцевъ намъ не принесла, и единственнымъ ея результатомъ явилось пораженіе русской революціонной арміи и новое торжество германскаго милитаризма. Въ стремленіи къ „захвату власти“ или къ передачѣ ея Совѣтамъ, которые не хотѣли ея брать, ленинцы устраивали вооруженныя манифестаціи и бунты. Конечно, и здѣсь они потерпѣли неудачу. Но, не захвативъ власти, ленинцы успѣли разстроить ея механизмъ и помѣшать ея правильной работѣ. Справедливость однако требуетъ сказать, что, дѣлая то и другое, они, со своей точки зрѣнія, были совершенно послѣдовательны.

И вотъ теперь ленинство наконецъ, по крайней мѣрѣ на время, исчезло съ нашей политической сцены. Намъ нужно по возможности залѣчить раны, нанесенныя имъ Россіи, собрать и укрѣпить власть, поднять боеспособность арміи, возстановить порядокъ внутри страны. За эти задачи берется четвертое правительство, правительство Керенскаго, и если ему удастся ихъ осуществить, оно спасетъ Россію, а если оно спасетъ Россію, оно спасетъ и революцію. Но для этого правительство должно ясно видѣть и твердо помнить, въ чемъ была сила нашего революціоннаго движенія въ его началѣ, и откуда пошла его слабость. Наша революція была могущественна и прекрасна, пока она была революціей народной. Она выродилась и стала клониться къ упадку, когда размѣнялась на мелочные партійные и классовые счеты, когда величавый народный потокъ раздѣлился на множество мелкихъ и мутныхъ ручейковъ. Если мы хотимъ спасти революцію или то, что изъ ея завоеваній еще можетъ быть спасено, намъ нужно вернуться къ ея чистымъ національнымъ истокамъ.

Проф. К. Соколовъ.

Видѣніе воина Пелгусія.

(1240 г.).

День дневала
Нева,
Въ зноѣ дремала;
Насталъ вечеръ,
Зажглись терема.
На небѣ
Гуртъ овечій
О Золотомъ Баранѣ
Плачетъ:
— Ужъ какъ ты ли, баранъ, да не прячь
Рожки,
Ужъ какъ ты ли, ночь,
Барана не трожь—
Краснаго,
Золотого
Одного единственнаго у насъ,
Ласковаго такого.

Послѣдній лучъ
Погасъ.
Солнце
Пало за прясло.
Послѣдній лучъ.
Невская внучка,
Ижора-рѣчка,
Примостилась въ туманахъ лечь.
Рѣка Ижора,
А тамъ—болота кочки вздули,
А тамъ ужо
Море—Ладога,
Въ лѣсахъ по дупламъ ульи,
Звѣрья—какого надо,
Чаща-трущоба,
И опять и опять она,
Почитай, на тысячу верстъ,
Да съ лихвой еще,
Новгородская ушла пятина

Полегли рати
Въ росахъ наземь,
Ночь перемыкать.
Завтра умирать
Бокъ о бокъ съ княземъ
У князя Александра свѣтлый ликъ,
Мудрость въ очахъ отъ Софьи-матери,
А судьба человѣчья—тьма:
Что на завтра—никому невѣдомо:
Новгородъ—шведа,
Шведъ ли Новгородъ?
Хитрѣй сноровка
Чья боевая?
Кому смѣяться будетъ Нева?

„Будетъ Новгороду черный пиръ!“—
Думалъ шведскій воевода Биргеръ.
„Сбивай хоромины,
Доски
Теши,—
У Биргера острый мечъ.
Пчелы, собирайте желтый воскъ
На печальныя свѣчи,
За упокой души!..“

Сторожилъ въ ночь
Берегъ Невскій
Братъ молочный
Александра-князя—
Воинъ Пелгусій.
Слушалъ, какъ язь
Болтыхается въ тинѣ,
Да дикіе гуси
Гогочутъ въ заводи,—
Отъ судьбы не уйти,
Завтра—гроза!

У Пелгусія-воина
Жизнь достойная,
Тихій нравъ—
Богомольный, простой.
Палъ на травы:
— „Господи Боже!
Помыслы къ тебѣ рвутся,
А угодникъ-то я негожій,
А молитвы-то мои куцы;
Господи Боже,
Не осуди!
Не попъ я греческій,
Въ мольбѣ неловокъ,
Не знаю священныхъ словъ.
Сохрани вѣче,
Премудрую Софью,
Прими подъ покровъ
Рядъ гостиный,
Церкви святыя,
Разрухи не допусти,
Спаси отъ шведа,
Какъ спасъ отъ Батыя!..“

Надъ ширью Невской
Тьма—тишина,
И вдругъ
Въ яркомъ блескѣ
У берега
Чудесный,—
Видитъ Пелгусій,—
Качается стругъ,
И чьи-то рѣчи,
Какъ сладкія гусли,
До Пелгусія
Долетѣли вдругъ:
— Братъ Глѣбъ,
Да поможемъ князю-сроднику
Новгородскій беречь народъ,
Братъ Глѣбъ!..
И опять невскій берегъ во мглѣ...

Силу русскую врагъ
Отвѣдалъ.
Утромъ битва—пора!
Шведы
Подъ ударами
Пали ницъ,
Злыя бѣлыя птицы
Улетѣли
Тѣмъ же вечеромъ,
А рыцарь Биргеръ считалъ на тѣлѣ
Раны,
Клялъ Александровъ мечъ
И удѣлъ его бранный.
Въ смутный семнадцатый годъ
Святые угодники
Борисъ
И Глѣбъ,
Помолитесь
О Русской Землѣ!

Валентинъ Горянскій.

ідѣніе воина Пелгусія. Свв. Борисъ и Глѣбъ являются ночному стражу Александра Невскаго.

Н. Изжакевичъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Атаки противника на румынскомъ фронтѣ.

Трехнедѣльныя послѣдствія Тарнопольскаго прорыва, начавшагося 5-го іюля, свелись въ послѣднія числа іюля къ ликвидаціи почти всѣхъ нашихъ завоеваній въ Галиціи и Буковинѣ. Наши войска къ указанному моменту, въ раіонѣ къ югу отъ Гусятина и вплоть до Кимполунгскаго направленія, выстроились вдоль самой австро-русской и австро-румынской границы. Лишь только сѣвернѣе Гусятина, черезъ Збораж, Броды и на Берестечко, на узкой полосѣ шириною въ 15—25 верстъ, мы стоимъ пока еще на территоріи Галиціи и сохраняемъ свои линіи, несмотря на нѣкоторыя попытки противника атаковать нас на направленіи Броды—Дубно.

Въ результатѣ трехнедѣльной наступательной операціи, австро-германцамъ удалось „дезаннексировать" такимъ образомъ всю восточную часть Галиціи и Буковину. Наши противники, воспользовавшіеся политически-пассивнымъ настроеніемъ нашей арміи, стали вплотную передъ слѣдующимъ вопросомъ: аннексировать ли русскую Бессарабію и румынскую Молдавію одновременно или порознь, или, быть-можетъ, совершенно отказаться отъ того и отъ другого, въ цѣляхъ использованія военно-политическаго момента въ стремленіяхъ достигнуть столь желаннаго сепаратнаго съ Россіей мира.

Подъ знакомъ подобнаго колебательнаго настроенія проходятъ послѣдніе три-четыре дня въ германской главной квартирѣ, которая, повидимому, еще до сихъ поръ находится какъ бы въ „обалдѣломъ" состояніи отъ нежданно и негаданно выпавшей на ихъ долю счастливой и безкровной побѣды. Моментъ для центрально-европейскихъ державъ, стремящихся къ миру и не имѣющихъ надежды побѣдить Англію, Францію и Америку, въ отношеніи Россіи является чрезвычайно щекотливымъ и крайне заманчивымъ. Рѣшиться на дальнѣйшій походъ за предѣлами русской границы значитъ навсегда бросить непримиримый вызовъ россійской демократіи. Оставаться въ предѣлахъ достигнутыхъ результатовъ нѣмцамъ изъ чувства жадности и голода чрезвычайно трудно. А соблазнъ великъ: слишкомъ ужъ близко передъ концами нѣмецкихъ штыковъ располагаются богатѣйшія поля Молдавіи и Бессарабіи для того, чтобы фельдмаршалъ Гинденбургъ не рискнулъ еще одинъ разъ поднадавить на русско-румынскій фронтъ.

Прекрасный образецъ „голоднаго настроенія" австро-германскихъ армій рисуетъ одно изъ послѣднихъ сообщеній штаба верховнаго главнокомандующаго, въ которомъ говорится о томъ, что, по достиженіи долины пограничной рѣки Збруча, противникъ немедленно приступилъ къ сбору урожая въ занятой имъ полосѣ мѣстности западнѣе послѣдняго названнаго воднаго рубежа. Много ли запасовъ можетъ найти австро-германская армія въ 60-верстной полосѣ отвоеванной ею территоріи, говорить не будемъ, но зато легко себѣ можемъ представить, съ какимъ вожделѣніемъ она добралась бы до хорошаго нашего урожая по эту сторону Збруча.

Пока, такимъ образомъ, не опредѣлилось еще вполнѣ яркое оперативное настроеніе германской главной квартиры, мы не можемъ съ достаточной очевидностью сказать о томъ, каковы будутъ ближайшіе шаги фельдмаршала Гинденбурга. Однако нѣкоторыя боевыя дѣйствія послѣдняго времени пріоткрываютъ завѣсу надъ возможными очередными попытками австро-германцевъ.

Обращаетъ на себя вниманіе стремленіе противника развивать свои наступательныя дѣйствія съ обоихъ концовъ молдаво-румынскаго Серета, составляющаго собою лѣвый притокъ Дуная. Въ Буковинѣ противникъ уже подошелъ вплотную къ австро-румынской границѣ и, укрѣпившись у верховьевъ упомянутаго притока Дуная, стремится наступать съ сѣвера на югъ по его долинѣ и по долинѣ ближайшаго притока Серета, Сучавы. Одновременно съ этимъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ дней онъ атакуетъ русско-румынскія позиціи и на Фокшанскомъ направленіи въ 200 верстахъ къ югу отъ Радауца, стремясь форсировать нижнее теченіе Серета въ направленіи желѣзнодорожной линіи Текучи—Берладъ.

По отношенію къ этимъ двумъ атакующимъ группамъ противника, участокъ молдаво-румынскаго фронта къ западу отъ Серета, расположенный по пригpаничнымъ отрогамъ Карпатъ, находится подъ угрозой охвата съ двухъ фланговъ. Ближайшей задачей Гинденбурга намѣчается, повидимому, очищеніе западной румынской Молдавіи и овладѣніе всѣмъ теченіемъ Серета отъ Буковины до Фокшанъ и даже до Браилова.

Однако это наступленіе противника можетъ быть осуществимо лишь при пассивномъ настроеніи нашей арміи, каковое мало-помалу начинаетъ сглаживаться.

„Между кимполунгскимъ шоссе и горой Ла-Мутелу противникъ произвелъ рядъ атакъ, бо́льшая часть которыхъ отбита. Нѣкоторые изъ нашихъ доблестныхъ полковъ, разстрѣлявъ всѣ патроны, отбивались штыками и камнями, которые сбрасывали подъ гору".

Этотъ боевой эпизодъ, носящій сказочный и былинный характеръ, представляется наглядной иллюстраціей настроенія нашихъ войскъ, защищающихъ отвѣтственное Кимполунгское направленіе въ сѣверной части румынской территоріи. Удивительно, что на ряду съ ужасающей пассивностью, съ которой нѣкоторыя изъ войсковыхъ нашихъ частей относятся къ выполненію возложенныхъ на нихъ задачъ, встрѣчаются и такіе яркіе примѣры высокаго понятія о долгѣ.

Къ счастью, эти благопріятные для дѣла обороны симптомы совпадаютъ съ важнѣйшими, какъ въ данномъ случаѣ, участками позицій и операціонными направленіями. Въ тотъ моментъ, когда наши войска, очистившія Галицію и Буковину, подошли къ государственной границѣ, возникло крайнее опасеніе за судьбу румынской Молдавіи, такъ какъ малѣйшій серьезный успѣхъ противника въ послѣднемъ направленіи могъ лишить нашихъ союзниковъ ихъ родной территоріи.

Исключительное въ этомъ отношеніи значеніе принадлежитъ Кимполунгскимъ позиціямъ нашихъ и румынскихъ армій, прикрывающимъ собою Дорогой-Ботушанскій раіонъ сѣверной Румыніи.

Однако проникновеніе въ предѣлы Румыніи противника встрѣчаетъ довольно активное сопротивленіе со стороны нашихъ войскъ, дерущихся въ Буковинѣ.

Рядъ атакъ противника небольшого напряженія, какъ говоритъ сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго, отбивается нашими войсками.

Значительно большее вниманіе удѣляется за текущую недѣлю противникомъ боевымъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Карпатскихъ переваловъ на Сасрегенскомъ, Окненскомъ и Кезди-Возаргельскомъ направленіяхъ. По нѣскольку разъ въ день переходя въ наступленіе, австро-германцы атакуютъ наши и румынскія позиціи по долинамъ рѣкъ Случа, Дафтяна, Ойтоза и Касины, стремясь выйти въ нижнюю часть Молдавіи къ берегамъ оборонительнаго рубежа Серета. Послѣднія четыре долины горныхъ Карпатскихъ рѣчекъ сходятся въ раіонѣ города Окна, расположеннаго на Тротушѣ, составляющемъ правый притокъ Серета.

Концентрируя свои усилія въ сторону города Окна, противникъ стремится выйти наперерѣзъ желѣзнодорожной линіи Раманъ—Бакеу—Ажудъ—Фокшаны и тѣмъ парализовать оборонительную тактику нашихъ и румынскихъ армій, сдерживающихъ напоръ атакующихъ австро-германскихъ войскъ на Фокшанскомъ направленіи.

Въ общемъ активность противника въ долинахъ притоковъ рѣки Тротуша не имѣетъ серьезнаго успѣха и ликвидируется удачными контръ-атаками нашихъ и румынскихъ войскъ.

Не прекращающійся напоръ по обѣ стороны желѣзной дороги Фокшаны—Мерешесчи приводитъ къ упорной борьбѣ на переправахъ черезъ рѣки Тырла-де-Сусъ и Сушицу, протекающія параллельно боевому фронту расположенія обѣихъ сторонъ. По сравненію съ первоначальнымъ положеніемъ здѣсь нашихъ позицій, мы отодвинулись въ сѣверо-восточномъ направленіи на разстояніе 6-7 верстъ. Рубежомъ, разграничивающимъ на этомъ направленіи наши и австро-германскія позиціи, является рѣка Сушица, прикрывающая собою линію желѣзной дороги Мерешесчи—Текучи, связывающую двѣ главныя желѣзнодорожныя магистрали, отходящія на сѣверъ въ сторону Берлада и Рамана.

Со стороны нашихъ войскъ предпринимаются активныя усилія, чтобы не допустить дальнѣйшаго продвиженія противника въ сѣверномъ направленіи и форсированія центральнаго участка рѣки Серета.

На остальномъ участкѣ молдавскаго фронта вплоть до рѣки Дуная никакихъ измѣненій въ теченіе іюля обнаружено не было. Также тихо до сихъ поръ и на правомъ Добруджанскомъ берегу Дуная, гдѣ, повидимому, не имѣя солидныхъ резервовъ, противникъ и не пытается даже атаковать наше расположеніе, прикрытое широкими водными рубежами Серета и гирловъ нижняго Дуная.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 49 и 50.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

Товарищи и Граждане!

Передъ Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ стоятъ задачи исключительной важности

по укрѣпленію духа нашей арміи, поднятію ея боеспособности и по подготовкѣ широкихъ народныхъ массъ къ выборамъ въ Учредительное Собраніе.

Для выполненія этихъ задачъ нужны большія средства.

Жертвуйте, собирайте и отчисляйте средства въ распоряженіе Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Р. и С. Д.

Всѣ пожертвованія просятъ сдавать и направлять въ Финансовый Отдѣлъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Р. и С. Д. (Петроградъ, Смольный Институтъ, 2-й этажъ, комната 19). 2-2 4663

ШАХМАТЫ

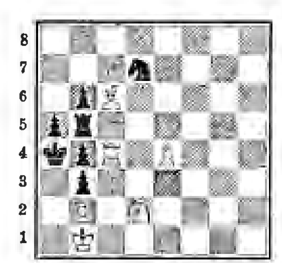
подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива" (по шахматному отдѣлу).

Всѣ пять задачъ этого нумера—оригинальныя, печатаются впервые.

Задача № 31.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).



Бѣлые: Кр b1, Л c4, С c6, К d2, П b2, e4.

Черные: Кр a4, Л b5, К d7, П a5, b3, b4, b6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 32.

А. И. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр d1, Ф b2, С h5, П b5, d4, d6, e5, g2, h2.

Черные: Кр e6, С h3, П a7, d7, g4, h4, h6.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 33.

Б. П. Палецкій (Херсонъ).

Бѣлые: Кр h6, С d7, e3, К c4, d4, П d3, e2, f6, g2, g4, h4.

Черные: Кр d5, Л a5, h2, С g3. К a7, П b4, c3, g5, h5, h3.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 34.

Н. Н. Карцовъ (Одесса).

Бѣлые: Кр e5, Ф d7, К b8, c8.

Черные: Кр a5, Л a8, c2, К c3, d5, П b3, b4, c5, d2.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 35.

А. И. Куличихинъ (Моршанскъ).

Бѣлые: Кр f1, Ф d5, К g3, h6, П g4.

Черные: Кр h4, С h2, П h3, h5.

Матъ въ 2 хода.

Этюдъ № 8. Л. Б. Залкиндъ („Шахм. Вѣстн."). ♔ e8 ♕ e7 ♙ b4, e2 ♚ g6 ♛ d5 ♞ b6.—Ничья.

№ 7. ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Изъ матча 1916 г.

Яновскій. Маршаллъ.

1. d2 — d4 d7 — d5
2. С c1 — f4 c7 — c5
3. e2 — e3 К b8 — c6
4. c2 — c3 e7 — e6
5. К b1 — d2 С f8 — d6
6. С f4 — g3 К g8 — f6
7. f2 — f4 . . .

Развитіе бѣлыхъ въ этой партіи напоминаетъ то, которое было примѣнено Яновскимъ же въ партіи № 5 и столь же плохо. Положеніе слона g3 довольно печальное.

7. . . . c5 : d4
8. e3 : d4 Ф d8 — c7
9. Ф d1 — f3 С c8 — d7
10. С f1 — d3 К c6 — a5

Маневръ черныхъ, начинающійся этимъ ходомъ, кажется намъ ошибочнымъ. Положеніе ихъ лучше, теперь же они начинаютъ ослаблять его. Нормальное развитіе было предпочтительно.

11. К g1 — h3 К a5 — c4
12. С d3 : c4 d5 : c4
13. Ф f3 — e2 b7 — b5
14. a2 — a4 . . .

Бѣлые прекрасно использовали слабость комбинацій противника и, не боясь открыть линію b, разстраиваютъ ему пѣшки ферзеваго фланга.

14. . . . 0 — 0
15. a4 : b5 С d7 : b5
16. 0 — 0 Л a8 — b8
17. К h3 — g5 С b5 — c6

И это нехорошо: у бѣлыхъ образуются двѣ связанныя проходныя пѣшки. Открытіе линіи b слѣдовало подготовить болѣе сложнымъ маневромъ.

18. К d2 : c4 С c6 — b5
19. b2 — b3 h7 — h6
20. К g5 — e4 . . .

20. К f3 отнялъ бы у ладьи поле, необходимое для защиты пѣшки c3.

20. . . . К f6 : e4
21. Ф e2 : e4 С b5 : c4
22. b3 : c4 Ф c7 : c4
23. Л f1 — f3 a7 — a6
24. f4 — f5 . . .

Этимъ бѣлые обезпечиваютъ свободный путь своимъ пѣшкамъ.

24. . . . e6 : f5
25. Ф e4 : f5 Л b8 — b5
26. Ф f5 — d3 Ф c4 : d3

Вѣроятно, надѣясь, что безъ ферзей легче будетъ добиваться ничьей.

27. Л f3 : d3 С d6 : g3
28. h2 : g3 . . .

Не желая уводить ладью съ ея превосходной позиціи.

28. . . . Л b5 — b3
29. Кр g1 — f2 Л f8 — c8
30. Л a1 — c1 a6 — a5
31. Кр f2 — e2 a5 — a4
32. c3 — c4 . . .

Теперь побѣда уже не составляетъ вопроса.

32. . . . Л c8 — e8+
33. Кр e2 — d2 Л b3 — b2+
34. Кр d2 — c3 . . .

Если 34. Л c1 — c2, то Л e8 — e2+; 35. Кр d2 : e2, Л b2 : c2+ : c4.

34. . . . Л b2 — b3+

Если Л b2 : g2, то пѣшки c и d проходятъ безъ задержки въ ферзи.

35. Кр c3 — c2 Л e8 — e2+
36. Л d3 — d2 Л e2 — e3

Точно также и теперь выигрышъ пѣшки g посредствомъ Л e2 : d2+; 37. Кр c2 : d2, Л b3 : g3, или Л b3 — b2+; 37. Кр c2 : b2, Л e2 : d2+; 38. Кр b2 — c3, Л d2 : g2 повело бы къ быстрому проигрышу.

37. c4 — c5 Кр g8 — f8
38. Кр c2 — d1 Кр f8 — e7
39. d4 — d5 Л b3 — c3
40. d5 — d6+ Кр e7 — d7
41. c5 — c6+ Кр d7 — d8

Или Л c3 : c6; 42. Л c1 : c6, Кр d7 : c6; 43. d6 — d7 и выигрываютъ.

42. c6 — c7+ Кр d8 — d7
43. Л c1 : c3 Л e3 : c3
44. Л d2 — c2 Л c3 : c2
45. Кр d1 : c2 Сдался.

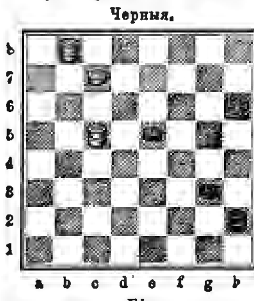
ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 15.

А. К. Мишина (въ Сергіевомъ посадѣ).

Черныя.



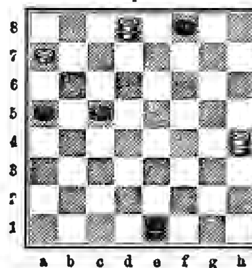
Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 16.

А. Ф. Врагова (въ Пензѣ).

Черныя.



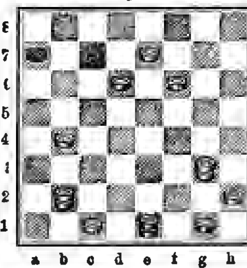
Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 18.

А. Н. Шмалько (въ Екатеринодарѣ).

Черныя.



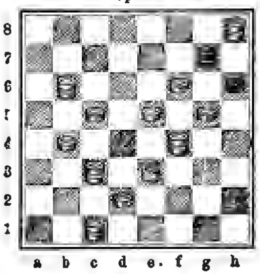
Бѣлыя

Запереть дамку.

Задача № 19.

А. И. Куличихина (въ Петроградѣ).

Черныя.



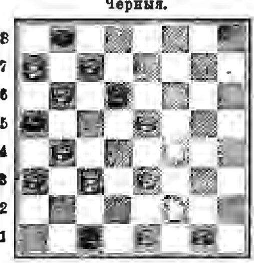
Бѣлыя.

Запереть дамку и прост.

Задача № 20.

С. С. Левмана (въ Витебскѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и прост.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

— № 5. Н. М. Родигина. 1. a3—c1, c7—d6 (если 1. . . . d2—e1, то 2. c5—d6; 3. d6 : h2 и выигр.; если 1. . . . h4—g3. то 2. c1 : h2 и выигр.); 2. c5 : e7, d2 — e1 (если 2. . . . h4 — g3, то 3. c1 : h2 и выигр.); 3. e7—d8; 4. c1—g5; 5. d8: e1 и выигрываютъ.

— № 6. А. Ф. Врагова. 1. c7—a5, c1—h4 (если 1. . . . e3 — d2, то 2. g7 — h6, d2 — c1 [2. . . . e1 — h4; 3. a5 : e1, h4 — f6; 4. h6 — g5; 5. d6 — g3 и выигр.]; 3. d6 — f4; 4. h6 : d2; 5. a5 : e1 и выигр.; если 1. . . . e3—f2, то 2. d6—g3; 3. g7—c3; 4. a5 : e1 и выигр.; если 1. . . . e1 — f2, то 2. a5 — e1, f2 — h4 [2. . . . f2 — g1; 3. d6 — a3; 4. a3 — c1 и выигр.]; 3. d6 — f4, 4. g7 — e5, g5 — f4; 5. e5 : g3 и выигр.); 2. d6 — c5, h4 — f2, 3. c5—a3, f2—h4 (если 3. . . . f2—g1, то 4. a5—e1 и выигр.; если 3. . . . f2—g3, то 4. g7—d4 и выигр.; если 3. . . . f2 — e1, то 4. g7—c3 и выигр.); 4. a5—d8, h4 — e1 (если 4. . . . h4 — g3, то 5. g7 — d4 и выигр.; если 4. . . . h4 — f2, то 5. a3 — c1 и выигр.; если 4. . . . e3 — d2 или f2, то 5. g7 — f6 и выигр.); 5. d8—b6, e1—f2 (если 5. . . . e3—d2, то 6. a3—c1 и выигр.); 6. a3—b2, f2—g1; 7. b6 : f2∞; 8. g7—h8 или b2—a1, смотря по ходу черныхъ, и выигрываютъ.

— № 7. Н. А. Кожевникова. 1. g1—h2, a3—b2(A); 2. d4—e3; 3. a1:g7; 4. e3—g5 и 5. h2—g3. A) 1. . . . h8 — g7; 2. e5 : g7; 3. d4—c5; 4. f2—e3; 5. h8—d4; 6. a1—c3; 7. h2—g3 и 8. d4—g1.

— № 8. Б. С. Левмана. 1. e3—d4; 2. e7—f8, g7—f6 (A); 3. f8—e7; 4. b6—c7; 5. d2—c3; 6. c5—b4; 7. d4—e5; 8. d6—e7; 9. e7—f8; 10. c1—g5; 11. f8—g7; 12. g1—f2; 13. f2—e3; 14. b4—f8; 15. e3 — d4; 16. f8 — b4 и т. д. A) 2. . . . g7 — h6; 3. d4 — e5; 4. e5—f6; 5. d2—e3; 6. f8—g7; 7. e3—d4; 8. c1—h6; 9. h6—g7; 10. d6—c7; 11. c7—b8; 12. b8—e5; 13. c5—b4; 14. b4—d2; 15. e5—f4 и т. д. Имѣетъ 3 побочныхъ рѣшенія съ заключеніемъ дамки на g1 (I. e3—f4, II. b2—c3 и III. a3—b4).

— № 9. А. И. Куличихина, 1. g5—f4, d8: h4 (A); 2. f4—h6; 3. f2—g1; 4. h6—g5; 5. h2—g3 и 6. a5 : e1. A) 1. . . . d8 : g5; 2. f4 : h6; 3. e3—g5; 4. g3—f4; 5. h2—g3; 6. c1—e3; 7. a5—c3 и 8. h6—c1.

— № 2. В. К. Лисенко. 1. c3—b4; 2. a7 : c5; 3. c1—b2; 4. e3 — d4; 5. d4 — e5; 6. h4 : e5 и выигр.

— № 7. А. Н. Шмалько. 1. h6 — g7! h8 : h4 (если 1. . . . e7 : h4, то 2. g7 : a1 и выигр.): 2. e1 — g3; 3. g1 : a1 и выигр.

— № 8. А. Ф. Врагова. 1. c7 — d8, d4 — e3 (если 1. . . . d4 — c3, то 2. d6 — e5, c3 — d2; 3. h4 — g3; 4. e5 — f6; 5. d8 : c1 и выигр.; если 1. . . . e1—a5, то 2. d6—f4, a5—c3 [если 2. . . . a5—e1, то 3. h4—g3; 4. f4—g5; 5. d8 : g5 и выигр.; если 2. . . . d4—e3, то 3. f4 : d2, 4. d8—a5 и выигр.; если же 2. . . . d4—c3, то 3. d8—f6 и выигр.]; 3. f4 — e3; 4. h4 : a5 и выигр.; (если 1. . . . e1—d2 или c3, то 2. d6—c5 и выигр.); 2. d6—e5, e3 — f2 (если 2. . . . e3 — d2, то 3. h4—g3; 4. e5—f6 и выигр.; если 2. . . . e1 — a5, то 3. d8 — g5, a5 — d2; 4. e5 — d4; 5. g5 : c1 и выигр.); 3. e5 — c3 и если e1 — a5, то 4. h4 : e1 и выигрыв

— № 10. Р. В. Серапіонова. 1. f2—e3; 2. g1—f2, g7—f6 (A, B); 3. h4—g5; 4. e3—d2; 5. f4—h6; 6. d2—a5; 7. c1—e3; 8. a5—c3 и 9. h6—c1. A) 1. . . . g7—h6; 2. h4—g5 и 3. g3—h2. B) 1. . . . h2 — g1; 2. g3 — h2, g7 — f6 (2. . . . g7 — h6; 3. h4 — g5); 3. h4 — g5 и 4. f4 — g3.

— № 11. Я. Г. Тихонова. 1. a3—c1, b4—a3 (A); 2. c1—b2; 3. e3—d4; 4. f8—e7; 5. d6—c7; 6. c3 : a5 и 7. h4—d8. A) 1. . . . a7 — b6; 2. c5 : a7; 3. c3 — b2; 4. d6 — c5; 5. h4 — g5; 6. a7 — b6; 7. g5 — h6; 8. b2 — c3; 9. c3 : a5; 10. f6 : e7; 11. e3—d6; 12. c1—b2; 13. a5 — c7; 14. f8 — c5 и т. д. Къ сожалѣнію, вар. А испорченъ побочнымъ рѣшеніемъ: 7. e3—d4; 8. b2—c3; 9. f8 : a3 и 10. c1—b2.

— № 12. М. И. Билецкаго. 1. e1—f2, d6 : b4 (A); 2. f2—e3; 3. f6—g7; 4. h6—g7; 5. h2—g3; 6. e3 : g1; 7. a5—b4; 8. c3—d2 и 9. g1 : e3. A) 1. . . . d6 : f8; 2. f2—g3; 3. d4—b6; 4. b6 : f2; 5. f6—g7; 6. a1—c3; 7. a5—d2; 8. d2—c1; 9. c1—b2 и т. д.

Рѣшили: Н. А. Кожевниковъ (Козловъ); М. И. Тумановъ (Сызрань), С. и Б. Левманы (Витебскъ), Г. Н. Родіоновъ (Москва), И. Б. Ритовъ (Рига), Г. И. Лапицкій (с. Сергѣевка), Я. Г. Тихоновъ (Реутово), М. П. Шаршуковъ (Москва), М. Н. Кадухинъ (Богородскъ), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), А. Ф. Враговъ (Пенза) и В. Г. Стоговъ (Самара)—всѣ; А. И. Эйкстремъ и А. Березинъ (Залисмюнде) — №№ 5—8; А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское) — №№ 5 — 7 и оконч. № 2; Х. Тиктинская (Могилевъ) — №№ 6 — 8; Θ. З. Пѣтуховъ (Воткинскій зав.)—№№ 4, 5 и этюдъ № 3; Н. А. Нумеровъ (Гжатскъ) и Б. Я. Варшаверъ (Харьковъ)—№№ 5 и 6; Л. А. Вайнтрубъ и Поля А. Штекельбергъ (Сквира)—№ 7 и оконч. № 2; И. Ф. Фроловъ (Петроградъ)—№ 5; Д. Френкинъ (Харьковъ)—№ 6; В. Булешовъ (Москва), І. И. Львовскій (Лозовая), Н. Линковъ (Сквира), Г. С. Рапопортъ и Я. Л. Шапиро (ст. Заводъ Углы) —№ 7.

Рѣшили: Я. Г. Тихоновъ (пос. Реутово), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), А. Ф. Враговъ (Пенза), С. и Б. Левманы (Витебскъ), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка), А. М. Чингевъ (д. армія) и В. Г. Стоговъ (Самара) — всѣ; Я. Рабиновичъ (Староконстантиновъ) — №№ 7, 8, 10 и 11; М. Кузнецовъ (Петроградъ) — №№ 7 и 10. Л. А. Вайнтрубъ и Поля А. Штекельбергъ (Сквира)—

Четвертое Министерство.

Министерство Керенскаго

Образовавъ новое коалиціонное министерство подъ своимъ предсѣдательствомъ, А. Ф. Керенскій обратился по всей Россіи съ воззваніемъ, которое мы приводимъ здѣсь рядомъ.

Въ № 30 „Нивы“ (стр. 465) группа новаго, четвертаго Министерства — Министерства Керенскаго — Министерства Спасенія Страны.

Министерство объединяетъ всѣ политическія партіи, стоящія за оборону страны.

Два имени стоятъ во главѣ офиціальнаго списка—имя Керенскаго, принадлежащаго не своей партіи, а всей Россіи, и имя Савинкова, управляющаго военнымъ министерствомъ, котораго узнала и оцѣнила вся Россія, какъ комиссара VII арміи, комиссара армій юго-западнаго фронта и верховнаго комиссара. Въ этихъ именахъ наглядно воплощаются главныя задачи правительства—оборона родины и оборона революціи, какъ одна слитная, нераздѣльная цѣль.

Кромѣ Керенскаго и Савинкова изъ партіи с.-р. въ министерство вошли еще Авксентьевъ, Черновъ и Лебедевъ (управляющій морскимъ министерствомъ). Такимъ образомъ с.-р. имѣютъ въ кабинетѣ 5 мѣстъ.

Соціалъ-демократія представлена тремя лицами—Скобелевымъ, Никитинымъ и Прокоповичемъ.

Народные соціалисты остались при прежнемъ представителѣ—Пѣшехоновѣ. Къ безпартійнымъ соціалистамъ относитъ себя Зарудный. Всего, значитъ, соціалистическую часть кабинета составляютъ 10 министровъ.

Въ отличіе отъ прежняго состава эта часть болѣе независима отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ который нѣкоторые изъ министровъ-соціалистовъ и не входятъ.

„Буржуазные“ министры образуютъ группу изъ восьми лицъ: четыре—Ольденбургъ, Кокошкинъ, Юреневъ и Карташевъ—принадлежатъ къ партіи народной свободы; три—Некрасовъ, Бернацкій (управляющій министерствомъ финансовъ) и Ефремовъ—къ радикально-демократической партіи и Терещенко — безпартійный.

Керенскій—Россіи.

„Въ тяжкую для родины годину преобразованное Временное Правительство будетъ нести бремя Верховной Власти.

Наступленіе врага на фронтѣ, при глубокомъ нестроеніи внутри государства, угрожаетъ самому существованію Россіи. Только небывалыми, героическими усиліями можетъ быть спасена родина. Только желѣзной властью въ суровыхъ условіяхъ военной необходимости и самоотверженнымъ порывомъ самого народа можетъ быть выкована грозная и созидающая государственная мощь, которая очиститъ родную землю отъ непріятеля и привлечетъ къ великой работѣ организованнаго строительства всѣ живыя силы страны на дѣло ея возрожденія.

Исполненное сознаніемъ священнаго долга передъ отечествомъ, Правительство не остановится ни передъ какими трудностями и препятствіями для достойнаго чести великаго народа завершенія борьбы, отъ исхода которой зависитъ будущее Россіи. Въ стремленіи использовать ради этой цѣли всѣ жизненные источники страны, оно будетъ выполнять необходимыя мѣры организаціи государства, слѣдуя неуклонно ранѣе возвѣщеннымъ имъ началамъ.

Приступая къ этой работѣ, Временное Правительство черпаетъ силы въ увѣренности, что оно встрѣтитъ помощь и поддержку въ разумѣ всѣхъ народовъ Россіи. Правительство вѣритъ, что непобѣдимая мощь революціи будетъ обращена на дѣло спасенія Россіи и возстановленія ея поруганной предательствомъ, малодушіемъ и презрѣнной трусостью чести. Правительство убѣждено, что въ историческій часъ, когда рѣшаются судьбы родины, русскіе граждане забудутъ передъ лицомъ непріятеля раздѣляющіе ихъ споры, объединятся въ великомъ жертвенномъ подвигѣ, встрѣтятъ грядущія испытанія съ мужественнымъ рѣшеніемъ преодолѣть ихъ.

Передъ такимъ единеніемъ не страшны будутъ ни внѣшній врагъ, ни внутренняя разруха. Свобода, спаянная національнымъ единствомъ и воодушевленіемъ, не можетъ быть побѣждена. Русскій народъ пронесетъ ее сквозь кровь и страданія къ свѣтлому будущему, создастъ на благо человѣчеству новую, свободную, великую Россію“.

Министръ-предсѣдатель, военный и морской министръ
А. Керенскій.

№ 31. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 5 августа 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Аббатъ.

Разсказъ **Поля Ружье.**

(Окончаніе).

Когда аббатъ сказалъ: „я не ѣлъ со вчерашняго дня", д'Орваль прервалъ его разсказъ, сдѣлавъ знакъ своему денщику. Тотчасъ былъ накрытъ небольшой столъ и уставленъ несложными холодными блюдами, которыми довольствуются офицеры въ походное время.

Прикатили найденное въ домѣ аббата кресло и усадили его между капитаномъ и Шамбрелемъ. Изъ уваженія къ нему капитанъ попросилъ благословить трапезу. На мгновеніе аббатъ призадумался, потомъ, облокотившись на ручки кресла, приподнялся и, шамкая, произнесъ нѣсколько словъ благословенія. Затѣмъ высоко поднялъ надъ столомъ правую руку, дрожавшую отъ безчисленныхъ благословеній въ продолженіе полувѣка.

Взглядъ Шамбреля машинально слѣдилъ за движеніемъ руки аббата. Она медленно начертала въ воздухѣ широкое знаменіе креста.

И вдругъ судорога передернула лицо Шамбреля.

Но судорога эта не была замѣчена ни капитаномъ ни самимъ аббатомъ, которые съ одинаково благочестивыми мыслями на мгновеніе склонили головы. Только сержантъ Гелле, слѣдившій съ другой стороны комнаты за этой трогательной сценой, замѣтилъ выраженіе лица офицера и, объяснивъ его по-своему, наклонился къ уху капитанскаго денщика и сказалъ:

— Американецъ-то, видно, въ моемъ вкусѣ; фокусы ихніе не долюбливаетъ. Только этотъ старикъ — истинный храбрецъ. Пусть аббатъ, сколько ему угодно, а свой братъ.

Сдержавъ минутное волненіе, Шамбрель старался скрыть свои чувства подъ маской почтенія и любезности, которую неподвижное, бритое лицо дѣлало еще непроницаемѣе.

Подкрѣпивъ силы, ослабленныя принудительнымъ постомъ, старикъ-аббатъ продолжалъ свой разсказъ значительно бодрѣе. Его патріотизмъ сказался въ заботѣ о томъ, насколько подвинулись французскія войска.

— Удача ваша,—говорилъ онъ,—что нѣмцы эвакуировали деревню. Ихъ было около пятисотъ, въ то время, какъ капитанъ, какъ мнѣ показалось, ведетъ не болѣе половины этого числа.

— Это-то правда,—подтвердилъ д'Орваль,—но двѣсти нашихъ синихъ дьяволовъ стоятъ пятисотъ баварцевъ; и мы выпроводили бы ихъ на французскій манеръ.

— Да, конечно,—сказалъ аббатъ.—И подумайте: во время ихъ пребыванія пулеметы стояли наготовѣ, чтобы обстрѣливать именно тотъ косогоръ, по которому вы подымались. Они привезли ихъ на мулахъ, и имъ пришла святотатственная мысль привязать животныхъ къ оградамъ могилъ, такъ какъ церковь загораживаетъ кладбище щитомъ, ибо вѣрна истина, что церковь — символъ убѣжища столь же моральнаго, какъ и матеріальнаго.

На французскомъ фронтѣ. *Все, что осталось отъ Монтабана. У подножія Пресвятой Дѣвы.*

И голосъ его усилился отъ волненія, когда онъ продолжалъ.

— Въ концѣ концовъ даже варвары, бомбардирующіе наши храмы, идутъ подъ защиту ихъ стѣнъ.

Затѣмъ послѣ краткаго молчанія онъ спросилъ.

— Слышали вы объ эльзасскомъ аббатѣ, предложившемъ нѣмцамъ свою колокольню для постановки пулеметовъ? Въ качествѣ аббата и француза я его поступкомъ глубоко огорченъ.

— Нечего огорчаться,—тихо прервалъ его Шамбрель.—Аббатъ этотъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, поселившійся въ Эльзасѣ нѣмецъ, и потому, помогая своей родинѣ, онъ былъ искрененъ. То же долженъ былъ бы сдѣлать каждый французскій аббатъ для арміи Франціи. И вы первый, господинъ аббатъ, развѣ не согласились бы предоставить вашу колокольню для нашихъ пулеметовъ, хотя бы она отъ этого и пострадала, была бы даже разрушена нѣмецкими снарядами, если бы вы знали, что участвуете такимъ образомъ въ возвращеніи Франціи захваченной у нея родной земли, на которой французы возвели бы вамъ новую колокольню въ одинъ изъ послѣдующихъ за побѣдой дней?

Эта неожиданная тирада со стороны офицера, извѣстнаго своей молчаливостью, поразила д'Орваля. Согласно своему воспитанію, онъ никогда не осмѣлился бы противорѣчить священнослужителю и потому знаками старался остановить Шамбреля. Но все было напрасно, и прапорщикъ, какъ бы желая вызвать возраженіе аббата, до конца высказалъ свою смѣлую мысль о патріотизмѣ эльзасскихъ аббатовъ.

Старикъ, сконфуженный, быть-можетъ, въ простотѣ своей удивленный тѣмъ, что французскій офицеръ защищаетъ нѣмецкаго аббата,—молчалъ.

Шамбрель продолжалъ спокойнѣе:

— Несомнѣнно, что колокольня—обыкновенно удобное мѣсто для наблюденія; но съ другой стороны она является слишкомъ видной цѣлью для вражескихъ снарядовъ. Къ счастью, въ деревнѣ, вызвышающейся надъ долиной, подобно вашей, по всей вѣроятности, найдутся болѣе безопасныя мѣста для наблюденія... Не правда ли?

Онъ небрежно бросилъ эти слова: „не правда ли?“, какъ будто на этотъ разъ отвѣта отъ своего собесѣдника не ждалъ. Но, несмотря на это, аббатъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на прапорщика. Одно мгновеніе онъ какъ будто взвѣшивалъ отвѣтъ. Потомъ онъ отважился:

— Въ самомъ дѣлѣ, подобное убѣжище существуетъ. Врагъ ни въ какомъ случаѣ не сможетъ его угадать. Великолѣпный постъ для наблюденія, къ тому же естественно защищенное мѣсто для орудій. Взгляните черезъ окно: церковный дворъ расположенъ на утесѣ надъ неприступнымъ обрывомъ.

Подойдя къ концу баллюстрады, д'Орваль нагнулся надъ пропастью и при свѣтѣ зарождающейся зари окинулъ взоромъ головокружительный обрывъ.

— Различаете ли вы на половинѣ пути линію карликовыхъ кустарниковъ, какъ бы цѣпляющихся за камни?

— Отлично вижу,—отвѣтилъ д'Орваль.

— Такъ вотъ они скрываютъ поперечную трещину, окружающую скалу въ видѣ галлереи. Вертикальный же изломъ скалы въ видѣ трубы начинается у подножья моего сада и проходитъ вплоть до этой трещины. Я его использовалъ. Вы знаете, сколько у насъ, деревенскихъ священнослужителей, досуга. Къ тому же всѣ мы немного плотники, подобно нашему Учителю. На досугѣ я изъ досокъ устроилъ лѣстницу. Благодаря ей, я могу спускаться въ эту трещину, названную мной „мѣстомъ отдохновенія“. Въ этомъ защищенномъ, скрытомъ проходѣ между небомъ и долиной я люблю читать свой молитвенникъ, шагая взадъ и впередъ, какъ часовой. Это, по моему мнѣнію, самый вѣрный наблюдательный пунктъ. Врагъ можетъ бомбардировать колокольню, церковный домъ, но никогда не придетъ ему нелѣпая мысль навести свои пушки на половинную высоту остроконечной скалы, противъ пучка жалкой зелени, какимъ-то чудомъ занесенной въ трещину. Ни одинъ человѣческій взоръ не заподозритъ эту растительность въ томъ, что она маскируетъ пещеру и серьезный наблюдательный пунктъ.

— Вѣрно,—возразилъ Шамбрель,—но кто поручится за то, что во время своего пребыванія здѣсь нѣмцы не открыли вашей лѣстницы и вашего мѣста отдохновенія? Въ такомъ случаѣ оно превратится въ ловушку. Если снаряды врага разнесутъ только нѣсколько ступеней вашей лѣстницы, то всякое отступленіе будетъ отрѣзано. Правда, это удобное мѣсто для наблюденія и даже для сопротивленія, но необходима увѣренность въ томъ, что нѣмцы не знаютъ объ его существованіи.

— Въ этомъ легко убѣдиться,—возразилъ аббатъ.—Маленькая дверь, продѣланная въ стѣнѣ моего сада, выходитъ прямо на лѣстницу. Ее маскируютъ нѣсколько сосенъ. При приближеніи врага я изъ осторожности вынулъ ключъ. Вотъ онъ. Если они замѣтили ее, то могли только взломать. Если же дверь не тронута, то, значитъ, они не догадались о существованіи трещины.

— Доводъ мнѣ кажется безспорнымъ,—поддержалъ его капитанъ.—Не хотите ли, Шамбрель, провѣрить его и, если дверь не тронута, осмотрѣть мѣсто и занять его людьми.

Прапорщикъ Шамбрель взялъ ключъ и вышелъ.

Оставшись наединѣ съ аббатомъ, д'Орваль горячо благодарилъ его за оказанную драгоцѣнную услугу. Довольный тѣмъ, что онъ нашелъ въ этомъ старцѣ трогательное воплощеніе привязанности Эльзаса къ матери-родинѣ, капитанъ откровенно разсказывалъ ему, что пришелъ въ эту деревню потому, что его полкъ долженъ служить точкой опоры для широкаго обходнаго движенія, предназначеннаго для обложенія непріятельскихъ войскъ съ юга.

— А подкрѣпленія подойдутъ?—спросилъ аббатъ.

Капитанъ отвѣтилъ, что нѣтъ, что они одни, и, въ случаѣ возвратнаго наступленія нѣмцевъ, незначительность отряда должна скрыть отъ врага стратегическую важность этого мѣста.

И онъ прибавилъ, что, несмотря на небольшое количество людей, ихъ все же достаточно, чтобы защищать занятую деревню.

— Ничего, господинъ аббатъ,—заключилъ, улыбаясь, д'Орваль свои объясненія,—потерпите немного, и мы вернемъ Франціи вашу деревушку. Ваши прихожане узнаютъ, что вы помогли намъ взять ее, и, въ благодарность, наименѣе вѣрующіе не пропустятъ ни одной вашей службы.

— Увы!—простоналъ аббатъ, и лицо его омрачилось.

Несомнѣнно, эти слова капитана возбудили въ немъ мысль о плѣнѣ его прихожанъ.

Въ эту минуту на порогѣ показался прапорщикъ Шамбрель. Потайная дверь оказалась запертой на ключъ. Согласно данному приказанію, онъ осмотрѣлъ мѣсто и поставилъ тамъ нѣсколько часовыхъ.

— Господинъ аббатъ былъ правъ,—сказалъ онъ и съ этими словами обернулся къ аббату и увидѣлъ, что тотъ плачетъ.

— Да, — сказалъ д'Орваль вполголоса, отвѣчая на вопросительный взглядъ Шамбреля,—онъ представляетъ себѣ крестный путь прихожанъ, взятыхъ заложниками.

Локоть аббата касался стола, а рука прижималась къ глазамъ.

— Бѣдныя, милыя дѣти мои!—рыдалъ онъ,—вотъ они на пути изгнанія! А я, который долженъ былъ бы вести ихъ, обрѣтаюсь въ благополучіи! Они страдаютъ отъ стужи, а я согрѣтъ! Я сытъ, когда они голодаютъ! Нѣтъ, нѣтъ, мое мѣсто среди нихъ.

Д'Орваль старался унять это отчаяніе. Но старики, какъ дѣти, вносятъ въ отчаяніе какое-то мягкое, но непоколебимое упрямство. Доводы капитана не трогали аббата. Мысль его была далеко, мчалась за плѣнниками, которыхъ столько разъ онъ называлъ своими братьями. Онъ долженъ нагнать ихъ, долженъ принести имъ предсмертное утѣшеніе. И упрямо онъ повторялъ одну и ту же фразу, какъ будто въ ней заключалось все, что только ему теперь оставалось дѣлать:

— Пастырь не долженъ покидать своей паствы.

Вдругъ какое-то рѣшеніе созрѣло въ его сердцѣ, и, внезапно рѣшившись, онъ обратился къ д'Орвалю:

— Капитанъ, мнѣ необходимо ихъ догнать. Какой-то голосъ говоритъ мнѣ, что долгъ аббата быть тамъ.

— Господинъ аббатъ,—возразилъ д'Орваль,—это было бы верхомъ безумія. Конечно, Господь, которому вы служите, велитъ приносить жертвы; но ваша была бы безполезной. Если даже предположить, что вы не рискуете жизнью, все же врагъ не допуститъ васъ къ военноплѣннымъ. Вы представите только лишняго заложника.

— Капитанъ,—сказалъ аббатъ,—сорокъ лѣтъ тому назадъ одинъ молодой французскій священнослужитель добился у кронпринца Фридриха-Карла разрѣшенія отправиться въ Кёнигсбергъ, въ лагерь плѣнныхъ, въ качествѣ военноплѣннаго для того, чтобы принести имъ душевную поддержку и помощь вѣры.—И болѣе тихимъ голосомъ онъ продолжалъ:—Почему не удалось бы мнѣ съ помощью Божіей то, что я сдѣлалъ въ 1870 году?

Охваченный удивленіемъ, капитанъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Такъ вотъ онъ, тотъ самый аббатъ Меркеръ, который геройски обрекъ себя на долгій плѣнъ въ нѣмецкихъ казематахъ, а когда война кончилась, безъ всякаго шума, просто, вернулся въ Вогезы и продолжалъ исполнять свой долгъ въ этой когда-то французской деревушкѣ—мѣстѣ своего рожденія! Только теперь въ одной изъ петлицъ рясы капитанъ замѣтилъ полинявшую отъ времени маленькую ленту Почетнаго Легіона.

— Господинъ аббатъ Меркеръ,—произнесъ онъ,—привѣтствую въ вашемъ лицѣ великаго француза! Да будетъ исполнена ваша воля! Вы идете навстрѣчу великому долгу. Я бы упрекалъ себя, если бы остановилъ васъ на полпути.

И, поклонившись старцу, д'Орваль вышелъ, чтобы самому отдать приказъ о пропускѣ аббата.

Не успѣлъ онъ перешагнуть черезъ порогъ церковнаго дома, какъ его догналъ Шамбрель.

— Капитанъ...—началъ онъ.

— Что, Шамбрель?—произнесъ д'Орваль.

— Капитанъ, на вашемъ мѣстѣ я не позволилъ бы аббату уйти. Я...

— Другъ мой,—прервалъ его д'Орваль,—вижу, къ чему вы клоните: вы находите, что я отпускаю его на гибель. Согласенъ! Таково и мое мнѣніе. Но сердца, подобныя его сердцу, рождены для жертвы во имя долга. Нѣтъ такого человѣческаго довода, который могъ бы отклонить ихъ отъ ихъ миссіи. Слушайте, Шамбрель, хотите знать, что я думаю? Такъ вотъ. Здѣсь кромѣ васъ да меня другихъ нѣтъ. Храбрые мы съ вами; послѣднія

Солдаты уходятъ изъ окоповъ, предавая родину врагу. М. Авиловъ.

двѣ недѣли жили въ огнѣ и не испытывали ни малѣйшаго страха. И вотъ подите же! Старикъ этотъ, такъ спокойно и просто исполняющій то, что онъ считаетъ своей миссіей... Шамбрель, у меня такое чувство, что мы со всѣми нашими медалями и крестами—дѣти, ученики передъ нимъ,—не больше!

— Но, капитанъ...—настаивалъ Шамбрель.

— Нѣтъ, умоляю васъ,—прервалъ его д'Орваль, раздосадованный наконецъ тѣмъ, что про себя называлъ нечуткостью своего подчиненнаго.—Аббатъ Меркеръ уйдетъ.

Оставшись одинъ посреди церковнаго двора, Шамбрель въ отчаяніи раздумывалъ, что дѣлать. Изъ раздумья вывелъ его сержантъ Гелле, который по приказу капитана шелъ за аббатомъ, чтобы провести его мимо часовыхъ.

— Подождите тутъ,—страннымъ голосомъ остановилъ его прапорщикъ,—сейчасъ я самъ пойду предупредить его.

Онъ вошелъ въ домъ. Черезъ мгновеніе оттуда раздался сухой звукъ выстрѣла и голосъ Шамбреля, звавшій:

— Гелле!

Сержантъ бросился въ комнату, но, пораженный, остановился на порогѣ. Между дверью и столомъ было распростерто тѣло аббата. Прапорщикъ положилъ револьверъ на столъ, облокотился на перегородку противъ входной двери и приказалъ:

— Подите, позовите капитана!

Но на звукъ выстрѣла д'Орваль самъ поспѣшно входилъ въ домъ.

— Что случилось?.. Шамбрель съ ума сошелъ!—Потомъ, увидя, что аббатъ пошевелился, онъ прибавилъ:—Онъ еще не умеръ. Можетъ-быть, мы успѣемъ его спасти. Вы, Гелле, приведите двухъ солдатъ, которые не теряли бы изъ виду прапорщика. Потомъ возвратитесь помочь мнѣ.

Ставъ на одно колѣно, д'Орваль склонился надъ умирающимъ. Немного крови на мѣстѣ праваго легкаго показывало, куда попала пуля. Д'Орваль спѣшилъ освободить грудь старика отъ платья, чтобы разсмотрѣть рану. Но застежка отъ рясы не поддавалась. Д'Орваль вынулъ изъ кармана ножъ, медленно просунулъ его между шеей аббата и воротникомъ и однимъ движеніемъ разрѣзалъ рясу сверху до пояса. Вдругъ подъ разорваннымъ сукномъ глазамъ его представился желѣзно-сѣраго цвѣта мундиръ германской арміи. Присутствующіе остолбенѣли. Въ одно мгновеніе ока ряса была сорвана, черныя священническія панталоны скинуты, и обнажились длинные кожаные ботфорты безъ шпоръ, снятыхъ для этого случая. Предъ ними лежалъ, испуская предсмертный хрипъ, германскій офицеръ-шпіонъ. На немъ былъ мундиръ прапорщика запаса 3-го баварскаго полка.

Сержантъ Гелле, простой умъ котораго быстро дѣлалъ обобщенія, наклонился къ денщику и шепнулъ:

— Теперь понимаю, почему американецъ не любитъ аббатовъ.

Между тѣмъ д'Орваль лихорадочно вынималъ изъ бумажника, найденнаго во внутреннемъ карманѣ рясы, билетъ прапорщика запаса, пробѣжалъ его глазами и прочелъ слѣдующее: „Германъ Посартъ, артистъ королевскаго народнаго театра въ Мюнхенѣ". Это объясняло все. Германъ Посартъ, король нѣмецкой сцены, Посартъ, принятый при дворѣ принца-регента баварскаго, предоставилъ свой талантъ, свое искусство на служеніе родинѣ—вплоть до поля битвы.

Какъ молнія, промелькнула передъ глазами д'Орваля эта драма шпіонажа, въ которой актеръ-офицеръ такъ блестяще сыгралъ первыя сцены.

Сговорившись съ начальствомъ, прапорщикъ-актеръ остался послѣ ухода войска въ деревнѣ. Копировалъ онъ по платью и внѣшнему виду аббата Меркера, священнослужителя деревни Т., уведеннаго нѣмцами въ плѣнъ. Подготовилъ трагическую обстановку, которая должна была внушить довѣріе французамъ. Легко укрылся отъ рекогносцировки патруля подъ командой Шамбреля, чему способствовала ночь. Подстерегъ прибытіе отряда, оставляя себѣ возможность показаться только тогда, когда придетъ время.

И какая геніальная по эффектности выдумка—его появленіе передъ французскими офицерами въ роли мѣстнаго священнослужителя, безпомощнаго, полуглухого, раненаго, чудомъ спасеннаго отъ жестокостей нѣмцевъ и найденнаго во мракѣ церкви собирающимся засвѣтить лампадку.

И онъ, д'Орваль, позволилъ одурачить себя этимъ святотатственнымъ эффектомъ. Повѣрилъ лживому разсказу старика. Рисковалъ жизнью своихъ солдатъ въ этой опасной ловушкѣ, гдѣ огонь врага превратилъ бы ихъ въ прахъ въ ту же минуту, какъ только ловко спасшійся шпіонъ вернулся бы въ ряды врага.

Смущенный, сердясь на самого себя, капитанъ продолжалъ стоять передъ умирающимъ, опустившись на одно колѣно, охваченный какимъ-то неяснымъ священнымъ ужасомъ передъ этимъ таинственнымъ рабомъ воинскаго долга.

Хрипѣніе становилось глуше, изъ горла выступала на губахъ кровавая пѣна.

Сержантъ Гелле, стоявшій также на колѣняхъ у изголовья, подумалъ:

„Хорошо разыгралъ аббата. Ишь и тонзуру для случая соорудилъ".

И рука его, отвѣчая мысли, сняла съ головы умирающаго парикъ изъ сѣдыхъ волосъ, ореоломъ окружавшихъ голову.

Все время Шамбрель, не двигаясь съ мѣста, безмолвно стоялъ между двумя сторожившими его солдатами и ждалъ... Привычка къ дисциплинѣ или просто нѣсколько холодная и гордая отчужденность мѣшали ему сдѣлать малѣйшее движеніе, сказать слово.

Наконецъ д'Орваль поднялся, повернулся къ нему и, дружески протянувъ руку, сказалъ:

— Шамбрель, вашъ начальникъ проситъ у васъ тысячу разъ прощенія. Не сердитесь! Тутъ самъ чортъ ничего бы не разобралъ. Ну, и здоровый же вы психологъ, да и рѣшительный при этомъ.

— Да, я сразу не повѣрилъ этому „аббату",—отвѣчалъ Шамбрель.—Исключительная ясность ума, память, запечатлѣвающая всѣ мелочи, показались мнѣ подозрительными у восьмидесятилѣтняго старца, на видъ разслабленнаго. И не только это. У меня было такое впечатлѣніе, что, сообщая намъ незначительныя подробности, онъ самъ старался разузнать у насъ очень важныя свѣдѣнія... И вдругъ я получилъ совершенно безспорное доказательство.

— Какое?

— При благословеніи онъ поколебался. Не зналъ, долженъ ли перекреститься самъ или перекрестить насъ. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ крестъ лицомъ къ публикѣ, какъ въ театрѣ. Кромѣ того, онъ прошепталъ: „Benedicite Dominum", вмѣсто „Benedicite Dominus".

— Этотъ Шамбрель прямо удивительный!—воскликнулъ капитанъ.—Оказывается, онъ знаетъ литургію. Я хоть и воспитывался у іезуитовъ, а убейте, никогда не замѣчалъ, въ какомъ направленіи наши святые отцы совершали крестное знаменіе... Да откуда вы все это знаете?

Широкая улыбка освѣтила бритое лицо прапорщика, и онъ отвѣтилъ:

— Очень просто, до войны я былъ аббатомъ.

Воронъ.

Тучи въ небѣ повисли, какъ черныя думы.
Западъ въ огненномъ морѣ заката пылаетъ.
Хрипло каркаетъ воронъ зловѣще-угрюмый,
Кровь съ измученныхъ крыльевъ своихъ отряхаетъ.

Много выпилъ онъ крови... Весь день до заката
Бились бѣшено люди—за свѣтлую волю,
За тяжелыя цѣпи неволи проклятой—
И разбросаны трупы по темному полю.

Много выпилъ онъ крови... И дремлетъ устало
Воронъ, черный старикъ, одиноко-угрюмый.
Но неволѣ и волѣ все мало, все мало...
Дремлетъ старый и думаетъ вѣщія думы.

Будетъ свѣтлая, тихая радость покоя,
Расцвѣтетъ поле битвы кровавой цвѣтами,
Будетъ радостно солнце сіять золотое,
Будетъ небо дышать облаками-мечтами.

И опять и опять за неволю, за волю
Звонъ мечей тишину голубую разбудитъ,—
Жаркой кровью зальется зеленое поле...
Хрипло каркаетъ старый—такъ было, такъ будетъ.

Л. Андрусонъ.

Германскія насилія надъ Бельгіей *Уводъ бельгійскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ.*

Ф. Матанья.

На станціи безпроволочнаго телеграфа.

Разсказъ С. Бѣльскаго.

I.

Мой дневникъ, изъ котораго я заимствую разсказъ о событіяхъ, происходившихъ на пустынномъ островѣ, затерянномъ среди полярнаго моря, содержитъ множество такихъ свѣдѣній о работѣ радіотелеграфной станціи, которыя не могутъ быть опубликованы до конца войны. Мнѣ пришлось исключить изъ разсказа всѣ техническія подробности, измѣнить географическія названія, сократить или совершенно выбросить радіотелеграммы, имѣющія тѣсную связь съ гибелью англійскаго парохода „Гулливеръ" и другими событіями, о которыхъ я далѣе упоминаю. Послѣ всѣхъ этихъ неизбѣжныхъ сокращеній, объемистая тетрадь въ четыреста страницъ превратилась въ тощую рукопись, которая начинается описаніемъ моего путешествія изъ Архангельска до той уединенной гряды скалъ, гдѣ находится станція.

Доставить меня на островъ должно было посыльное судно „Зимородокъ", которое отправлялось съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ къ сѣвернымъ берегамъ Норвегіи. Въ гостиницѣ одинъ старый морякъ сказалъ мнѣ, что нѣтъ ничего легче, какъ найти этотъ старый парусникъ, хорошо знакомый всѣмъ матросамъ и рыбакамъ.

— У него очень высокій рангоутъ, укороченный бугшпритъ и на носу деревянный зимородокъ съ поднятыми крыльями. По такимъ признакамъ вы сразу узнаете его среди цѣлаго флота.

Капитанъ говорилъ такъ увѣренно, что я ни о чемъ больше не сталъ его спрашивать, и, заглянувъ въ словарь, чтобы узнать значеніе непонятныхъ для меня морскихъ терминовъ, немедленно отправился въ портъ искать судно съ высокимъ рангоутомъ и укороченнымъ бугшпритомъ.

Мнѣ показалось, что я увидѣлъ „Зимородка" еще въ то время, когда спускался къ набережной. Онъ стоялъ рядомъ съ огромнымъ англійскимъ пароходомъ, окутаннымъ клубами чернаго дыма. Нанявъ лодку, я первый разъ въ жизни пустился въ плаваніе по морю и не скажу, чтобы эта поѣздка доставила мнѣ много удовольствія. Крѣпкій вѣтеръ развелъ порядочное волненіе и все время гналъ нашу лодку въ самыя опасныя мѣста. Сначала мы очутились между двумя баржами, которыя медленно ползли къ выходу изъ залива; потомъ насъ едва не зарѣзала какая-то стальная махина съ острымъ носомъ, и наконецъ волны прибили нашу лодку къ борту англійскаго купца, къ которому мы прилипли, какъ иголка къ магнитной горѣ. Лодочникъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отдѣлиться отъ этой нависшей надъ нами черной громады, но и волны соединили свои силы для того, чтобы не дать намъ сдвинуться съ мѣста. Сверху, съ высоты пяти или шести этажей, на насъ смотрѣло множество зрителей, видимо, забавлявшихся нашимъ затруднительнымъ положеніемъ. Это выводило меня изъ себя. Я уперся весломъ въ стѣну желѣзнаго гиганта, и вдругъ море подхватило нашу лодку и разомъ швырнуло ее подъ корму какого-то угольщика, саженъ на десять отъ парохода. Я остался живъ только благодаря лодочнику, который успѣлъ схватить меня за ногу въ тотъ моментъ, когда сверху раздался взрывъ хохота. Моя шляпа поплыла въ одну сторону, весло въ

Послѣ грозы. XLV Передвижная выставка 1917 г. *В. Зарубинъ.*

Коровы. XLV Передвижная выставка 1917 г. *И. Колесниковъ.*

Отдыхъ. XLV Передвижная выставка 1917 г. *С. Колесниковъ.*

а за нимъ, стуча огромными сапогами, вошелъ самъ капитанъ „Зимородка".

— Я хотѣлъ-было доложить, но съ ними невозможно!.. — лепеталъ лакей, размахивая, какъ флагомъ, грязной салфеткой передъ лицомъ капитана.

— Вонъ отсюда! Обо мнѣ нечего докладывать! Каждый человѣкъ, у котораго есть глаза, сразу увидитъ, кто я такой!

Съ этими словами капитанъ захлопнулъ дверь, поставилъ кресло на средину комнаты, такъ что у него затрещали ножки, и, окинувъ меня изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей сердитымъ взглядомъ, спросилъ:

— Вы и есть тотъ человѣкъ, котораго я долженъ отвезти на островъ?

другую, а перевозчикъ началъ кричать, чтобы я сидѣлъ смирно или убирался на берегъ, на дно и куда мнѣ угодно. Наконецъ мы подъѣхали съ навѣтренной стороны къ „Зимородку", который оказался совсѣмъ не „Зимородкомъ", а норвежской шкуной, острый носъ которой былъ украшенъ изображеніемъ какой-то фантастической птицы съ позолоченными крыльями. Мнѣ было стыдно передъ лодочникомъ, который съ любопытствомъ наблюдалъ за моими дѣйствіями, и поэтому, не желая сознаваться въ своей ошибкѣ, я попросилъ его объѣхать вокругъ шкуны, къ великому удивленію всего экипажа, молча наблюдавшаго за нашимъ медленнымъ плаваніемъ отъ носа до кормы и обратно.

— Ну, что же дальше?—спросилъ лодочникъ, видимо, не на шутку заинтересованный моимъ страннымъ поведеніемъ.

— Теперь мы вернемся на берегъ, — отвѣтилъ я.—А не знаете ли вы, гдѣ стоитъ „Зимородокъ"?

— Нѣтъ, не знаю! Но его найдетъ всякій дуракъ. У „Зимородка" очень высокій рангоутъ...

— Обрубленный бугшпритъ и на носу птица съ поднятыми крыльями,—закончилъ я.

— Если вы знаете все это такъ хорошо, то вамъ не зачѣмъ и спрашивать, какъ его отыскать,—сердито отвѣтилъ лодочникъ.

Пройдя сотню шаговъ по берегу, заваленному ящиками, бочками и мѣшками, засыпанному пылью и углемъ, я снова увидѣлъ судно, походившее по всѣмъ признакамъ на „Зимородка". Но на этотъ разъ я былъ благоразумнѣе и, прежде чѣмъ нанять лодку, спросилъ у какого-то господина, безъ всякаго дѣла стоявшаго на берегу и бросавшаго камешки въ воду, какъ называется судно, находившееся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ. Онъ окинулъ меня подозрительнымъ взглядомъ, потомъ посмотрѣлъ на море, опять на меня и наконецъ спросилъ:

— А вамъ зачѣмъ знать такія вещи?

— Не „такія вещи", а только названіе этой старой барки съ высокимъ рангоутомъ.

Неизвѣстный господинъ еще строже взглянулъ на меня и, засовывая руки въ карманы пиджака, пожелалъ узнать, для какой цѣли я собираю свѣдѣнія о судахъ, находящихся въ тщательно охраняемомъ военномъ портѣ.

— Вы хотите узнать военную тайну! Гражданскій долгъ обязываетъ меня задать вамъ нѣсколько вопросовъ...

— Но какая же это тайна, аршинными буквами написанная на борту океанскаго судна, которое паръ и вѣтеръ носитъ по всѣмъ морямъ?—спросилъ я, начиная понимать, что господинъ этотъ занимается еще кое-чѣмъ другимъ кромѣ бросанія камешковъ въ море, и, не дожидаясь дальнѣйшихъ вопросовъ, поспѣшилъ скрыться отъ него въ лабиринтѣ узкихъ извилистыхъ переулковъ.

Послѣ этого случая я уже ни у кого не рѣшался спрашивать о названіи судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, и въ самомъ скверномъ расположеніи духа вернулся къ себѣ въ гостиницу. Не снимая пальто и держа на колѣняхъ мокрую шляпу, я усѣлся въ кресло и началъ обдумывать такой планъ дѣйствій, который позволилъ бы мнѣ, безъ боязни быть заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ или въ чѣмъ-нибудь еще похуже, разыскать таинственное посыльное судно.

И вдругъ дверь распахнула буря, въ комнату, споткнувшись о коверъ, влетѣлъ лакей въ замасленномъ фракѣ,

— Да, я разыскивалъ васъ цѣлое утро.

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ! Мы сейчасъ отправляемся! Укладывайте ваши вещи. Скоро начнется отливъ, и намъ надо поспѣшить.

Я предполагалъ еще написать письма, пообѣдать, осмотрѣть городъ, но капитанъ говорилъ такимъ тономъ, что я и не подумалъ ему возражать, и ограничился только однимъ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, сколько времени понадобится „Зимородку", чтобы дойти до острова?

— Этого никто не знаетъ! Вы можете задавать такіе вопросы на какой-нибудь желѣзной коробкѣ, капитанъ которой щеголяетъ въ бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами, а „Зимородокъ"— старый китобой, который ходитъ, какъ ему вздумается. Избави

Купчихи. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Маковскій.*

меня Боже назначать въ океанѣ какіе-нибудь сроки: это всегда приноситъ несчастье. Я ни за что не рѣшусь сказать даже, что мы когда-нибудь попадемъ на этотъ островъ, вокругъ котораго между скалами все дно усѣяно обломками рыбачьихъ судовъ. Ну, собирайтесь! Живо!

Онъ самъ началъ запихивать мои вещи въ чемоданы и корзины, выдвинулъ всѣ ящики въ столахъ и комодѣ, уронилъ чернильницу, повалилъ пару стульевъ, перевернулъ все въ комнатѣ вверхъ дномъ и, распахнувъ дверь, вынесъ или, вѣрнѣе, вышвырнулъ мои вещи въ коридоръ, гдѣ ихъ подхватили матросы съ „Зимородка". Я испытывалъ такое чувство, какъ будто бурный отливъ уже уноситъ меня въ открытое море, и, отказавшись отъ обѣда и всѣхъ покупокъ, покорно пошелъ или, вѣрнѣе, побѣжалъ за своими спутниками до набережной, гдѣ насъ ожидала широкая тяжелая шлюпка.

„Зимородокъ" оказался старымъ красивымъ кораблемъ, который напомнилъ мнѣ путешествіе капитана Гаттераса и разсказъ Э. Поэ о чудесныхъ приключеніяхъ Артура Пима. Онъ былъ весь обмытъ волнами, пропитанъ солью и смолой. Обыкновенно это видавшее виды китобойное судно ходило подъ парусами, но у него была и новая машина въ 150 силъ, которая являлась какимъ-то злымъ геніемъ стараго корабля. Пока насъ уносилъ вѣтеръ, все шло прекрасно. Не чувствовалось ни малѣйшихъ толчковъ, океанъ ласково покачивалъ на своихъ широкихъ волнахъ корпусъ судна, на палубѣ не было слышно ни криковъ ни брани. Въ такіе счастливые часы я начиналъ вѣрить разсказамъ помощника капитана, что когда-то, лѣтъ двадцать тому назадъ, „Зимородокъ", идя подъ парусами, достигъ сѣвернаго полюса и цѣлый мѣсяцъ плавалъ въ свободномъ ото льда морѣ, въ которое до него не заходило ни одно судно. Но какъ только начинала работать машина, картина разомъ мѣнялась. Старый корабль дрожалъ отъ страха или злобы, которую вызывало въ немъ біеніе искусственнаго стального сердца, и переставалъ слушаться руля. Онъ разомъ утрачивалъ всѣ свои хорошіе навыки и привычки, пріобрѣтенные въ теченіе долгихъ лѣтъ плаванія за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, и велъ себя, какъ какая-нибудь неуклюжая барка, только-что спущенная на воду и отъ которой еще пахнетъ свѣжеоструганнымъ деревомъ. Когда „Зимородокъ" идетъ подъ парусами, очень рѣдко случается, чтобы гребень какой-нибудь шальной волны попалъ на палубу, но какъ только начинаетъ работать машина, океанъ хлещетъ черезъ оба борта, и потоки воды катятся въ трюмы и въ каюты. Судно теряетъ опору; какъ испуганная лошадь, оно безтолково мечется то въ одну, то въ другую сторону, тяжело дышитъ и съ трудомъ взбирается на зеленые валы, которые со всѣхъ сторонъ громоздитъ океанъ: часто случается, что винтъ несчастнаго судна съ бѣшеной быстротой кружится въ воздухѣ, въ то время когда деревянный „Зимородокъ", помѣщенный на носу, купается въ волнахъ. Въ такіе часы на палубѣ, въ трюмѣ и каютахъ творилось нѣчто невообразимое. Со звономъ летѣли стаканы и тарелки; весь грузъ сдвигался со своихъ мѣстъ; бочки и ящики пріобрѣтали необыкновенную подвижность и, грозя потопить судно, съ грохотомъ прыгали и катились отъ одного борта къ другому. Капитанъ терялъ голову и поминутно отдавалъ противорѣчивыя приказанія, которыя сбивали съ толку всю команду. Всѣ разомъ кричали, бранились и спорили, не слушая другъ друга, и весь этотъ шумъ заглушался жалобными стонами и вздохами „Зимородка". Въ этихъ стонахъ мнѣ,—о командѣ и говорить нечего,— слышалось что-то живое, какая-то боль и страхъ предъ неотвратимой надвигающейся опасностью. Я никогда не могъ понять, откуда шли эти странные звуки. На палубѣ казалось, что они рождаются гдѣ-то въ глубинѣ трюма, а въ трюмѣ мы всѣ слышали ихъ сверху, какъ будто жизнь корабля таилась въ его высокихъ стройныхъ мачтахъ, среди парусовъ и канатовъ. Прислушиваясь къ этимъ протяжнымъ стонамъ, которые иногда заглушали шумъ океана, матросы говорили, что когда-нибудь проклятая машина погубитъ ихъ судно. Всѣ они,—старые моряки, привыкшіе плавать подъ парусами, — соглашались, хотя и со множествомъ оговорокъ, въ нѣкоторыхъ преимуществахъ парового флота надъ парусниками, но, по ихъ мнѣнію, въ этихъ новыхъ желѣзныхъ коробкахъ не было души, собственной воли и разума, какими обладалъ, напримѣръ, „Зимородокъ". Если вы требовали доказательствъ этой странной теоріи, вамъ приводили сколько угодно случаевъ, когда старые корабли чувствовали приближающуюся опасность, предвидѣли за много дней и недѣль свою гибель, предостерегали капитана и матросовъ и проявляли въ борьбѣ со стихіями такую опытность и знаніе моря, какими не обладаетъ ни одинъ адмиралъ или капитанъ на стальныхъ гигантахъ. По вечерамъ, при свѣтѣ солнца, разливавшаго свои лучи изъ глубины моря, матросы вели на кормѣ нескончаемые разговоры объ этихъ одушевленныхъ корабляхъ, число которыхъ уменьшается съ каждымъ днемъ. Эти люди, изъ которыхъ самому младшему было за пятьдесятъ лѣтъ, одѣтые въ широкія просмоленныя куртки, въ круглыхъ мѣховыхъ шапкахъ, которыя они носили лѣтомъ и зимой, сами казались мнѣ героями легендъ, навсегда исчезнувшихъ въ морѣ, побѣжденномъ электричествомъ и паромъ. Новое время, прозаическое и трезвое, олицетворялъ судовой механикъ, — меланхолическій молодой человѣкъ съ безцвѣтными глазами, рѣдкими волосами, тщательно приглаженными на вискахъ, вѣчно занятый внимательнымъ разсматриваніемъ кончиковъ своихъ лакированныхъ сапогъ.

Балерина В. П. Фокина. *В. Беклемишевъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

Онъ не возражалъ, не спорилъ, а, выслушавъ какую-нибудь удивительную исторію о безсмертномъ кораблѣ или о призракахъ, бродившихъ среди льдовъ и тумановъ, съ убійственно равнодушнымъ видомъ повторялъ:

— Это не фактъ! Это не можетъ быть фактомъ!..

Но былъ одинъ фактъ, необъяснимый и почти чудесный, котораго не могъ отрицать и механикъ. „Зимородокъ" чувствовалъ упорное отвращеніе къ своей новенькой машинѣ и готовъ былъ скорѣе погибнуть, чѣмъ подчиниться силѣ пара.

Я не разъ спрашивалъ у капитана, что̀ заставило его запрятать въ трюмъ желѣзное чудовище, которое доставляетъ столько страданій и мученій всему экипажу и самому судну.

— Это, видите ли, придумали въ портовомъ управленіи, когда рѣшили превратить „Зимородокъ" въ посыльное судно. Я-то отлично понималъ, что все на „Зимородкѣ" пойдетъ шиворотъ на выворотъ, и мы попадемъ когда-нибудь къ чорту на рога. Но что̀ прикажете дѣлать съ людьми, которые воображаютъ, что птицу можно превратить въ волка или въ медвѣдя, если только перемѣнить у нея сердце? Этотъ долговязый механикъ аккуратно записываетъ, сколько часовъ мы шли подъ парами, и въ Архангельскѣ мнѣ не разъ уже давали понять, что я устарѣлъ для управленія судномъ. Это, конечно, ихъ дѣло, но я бы давно и самъ сошелъ на берегъ, если бы не жалѣлъ „Зимородка".

Однорукій боцманъ, бывшій въ томъ знаменитомъ плаваніи, когда „Зимородокъ" достигъ будто бы свободнаго моря около полюса, говорилъ, что нашъ капитанъ боится, какъ бы съ нимъ и съ его кораблемъ не повторилась исторія „Красной Звѣзды".

Онъ разсказалъ мнѣ эту исторію со множествомъ отступленій, и океанъ и бурный сѣверный вѣтеръ подтвердили каждое его слово. Коротко говоря, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. „Красная Звѣзда" была однимъ изъ самыхъ лучшихъ и быстроходныхъ парусныхъ судовъ на всемъ русскомъ и норвежскомъ берегу. Въ продолженіе тридцати лѣтъ съ ней не произошло ни одного несчастья, пока наконецъ на „Красной Звѣздѣ" ея новые владѣльцы не поставили, какъ и на „Зимородкѣ", паровой машины. Послѣ этого въ первое же плаваніе судно попало на камни, гдѣ-то у береговъ Новой Земли, и вся команда была до-

ставлена на шведскомъ пароходѣ въ Архангельскъ. Капитаномъ на „Красной Звѣздѣ“ былъ поморъ Зыбинъ, состарившійся вмѣстѣ со своимъ судномъ, на которомъ онъ плавалъ еще мальчикомъ. Онъ пожелалъ до конца видѣть гибель „Звѣзды“ и все время, пока океанъ билъ и трепалъ несчастное судно, оставался на маленькомъ песчаномъ мысѣ, вблизи котораго въ каменныхъ зубчатыхъ клешняхъ былъ зажатъ его корабль. Сначала старый морякъ по цѣлымъ часамъ стоялъ неподвижно или дѣлалъ нѣсколько шаговъ по узкой полоскѣ земли, охваченной прибоемъ; когда волны пробили широкую брешь въ корпусѣ судна и снесли мачту, капитанъ попросилъ, чтобы ему принесли парусъ, улегся на немъ и больше не вставалъ.

Корабль и человѣкъ умирали вмѣстѣ, раздѣленные полосою воды въ сотню саженъ. Когда волны начали перекатываться черезъ разрушенный корпусъ „Звѣзды“, капитанъ пересталъ говорить; лицо его покрылось мертвенной блѣдностью, глаза стали тусклыми и неподвижными. Сердце стараго моряка перестало биться въ тотъ моментъ, когда океанъ могучимъ усиліемъ вырвалъ остовъ погибшаго корабля изъ черныхъ клешней и съ размаху бросилъ его на отвѣсную скалу подъ берегомъ. Матросы собрали обломки и зарыли ихъ вмѣстѣ съ трупомъ капитана, поставивъ на могилѣ крестъ изъ разбитой мачты.

— Они не могли жить другъ безъ друга,— закончилъ боцманъ.— И если бы Зыбинъ находился въ Архангельскѣ или гдѣ угодно, онъ все равно умеръ бы въ тотъ самый часъ, когда море проглотило его корабль.

На третій день плаванія, которое можно было бы считать очень пріятнымъ, если бы море было спокойнѣе, произошло событіе, заставившее меня забыть о всѣхъ легендахъ и преданіяхъ, странствующихъ по океану вмѣстѣ со старыми кораблями.

Послѣ обѣда,—обѣдали мы очень рано, около двѣнадцати часовъ,—я сидѣлъ на палубѣ и читалъ переплетенную въ толстую кожу книгу, которую нашелъ въ каютѣ капитана: „Сказанія о чудищахъ морскихъ и прочихъ дивныхъ твореніяхъ, о коихъ надлежитъ знать прилежнымъ и мудрымъ судоходцамъ“.

„Зимородокъ“ шелъ подъ парусами; море немного успокоилось; я задремалъ, убаюканный мѣрными покачиваніями судна, и увидѣлъ среди волнъ тѣхъ самыхъ чудищъ, изображенія которыхъ находились на пожелтѣвшихъ страницахъ тяжелаго фоліанта, лежавшаго у меня на колѣняхъ. Они извивались и кружились вокругъ „Зимородка“, выставляя изъ воды отвратительныя длинныя морды съ острыми зубами, изогнутые хребты съ треугольными шипами и плавники такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что они поднимались выше бортовъ нашего корабля. Вдругъ я услышалъ громкій крикъ вахтеннаго матроса:

— Подводная лодка за правымъ бортомъ!!

Послышался топотъ ногъ, отрывочныя приказанія капитана и боцмана. Я открылъ глаза и, плохо еще понимая, что происходитъ, посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывали матросы. Тамъ ничего не было кромѣ длинныхъ волнъ, блестѣвшихъ стеклянным холоднымъ блескомъ.

— Мина!—крикнулъ кто-то, и сразу наступила мертвая тишина.

Я вдругъ съ необычайной ясностью увидѣлъ все, что меня окружало, и какъ-то, не смотря, зналъ все, что происходило на кораблѣ, отъ трюма до верхушки мачты. Море стало какъ будто прозрачнымъ, и мы повисли надъ бездной, изъ которой вѣяло ледянымъ холодомъ. Я живо ощущалъ этотъ холодъ: сердце у меня болѣзненно сжалось, и, боясь сдѣлать хоть одно движеніе, все еще держа въ рукахъ „Сказанія о морскихъ чудищахъ“, я неподвижно смотрѣлъ туда, гдѣ поперекъ волнъ бѣжала длинная и острая струя, похожая на зазубренное копье. „Зимородокъ“ не двигался; волны застыли, и я не знаю, сколько прошло времени, минута или цѣлая вѣчность, прежде чѣмъ боцманъ крикнулъ:

— Прошла подъ кормой!

Все вдругъ разомъ пришло въ движеніе. Потемнѣвшій океанъ и яростный вѣтеръ обрушились на судно, которое каждую минуту мѣняло курсъ; со скрипомъ гнулись мачты; бочка съ сухарями пронеслась по всей палубѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, и, подпрыгнувъ, исчезла за бортомъ.

Команду, отъ капитана до послѣдняго матроса, какимъ слѣдовало считать грязнаго и соннаго кашевара Терешку, охватило радостное волненіе. Говорили всѣ разомъ и разсказывали такія подробности, которыя не имѣли никакого отношенія къ подводной лодкѣ и выпущенной ею минѣ.

— Я, братцы, сижу и чищу картошку,—разсказывалъ въ толпѣ улыбающійся блѣдный Терешка,—и вдругъ вижу — крыса! Ахъ ты, думаю, шельма! Вотъ я сейчасъ тебя сапогомъ! Въ крысу ничѣмъ окромя сапога не попадешь. Только-что разулся,—кричатъ: лодка! Тутъ я еще ничего, а какъ услыхалъ: мина!—сердце у меня и ёкнуло. Выхватилъ изъ сундучка сорокъ цѣлковыхъ денегъ, хочу въ карманъ спрятать, а кармана нѣтъ, не найду! Такъ и выскочилъ: въ одной рукѣ сапогъ, а въ другой деньги. Умора!

Боцманъ ругался нехорошими, крѣпкими ругательствами. Машинистъ стоялъ со спасательнымъ кругомъ въ одной рукѣ и съ недопитымъ стаканомъ чаю въ другой.

— Пошли по мѣстамъ!—крикнулъ капитанъ.—Одна прошла, а другая, можетъ, и догонитъ...

Я подумалъ, что можетъ быть еще и вторая и третья, и тамъ въ этой мутной зеленой дали, куда мы идемъ, нѣтъ ли уже хищнаго глаза, слѣдящаго за нашимъ приближеніемъ. Я почувствовалъ такую слабость, что выронилъ книгу о чудищахъ и, добравшись до своей каюты, легъ на жесткій узкій диванъ. Въ эту минуту вся моя энергія исчезла, и я равнодушно прислушивался къ шуму волнъ и вѣтра и къ тревожнымъ голосамъ матросовъ, не имѣя силъ сдѣлать ни одного движенія.

II.

На слѣдующій день, часовъ въ десять утра, мы подошли къ острову, — правильнѣе было бы сказать, къ островамъ, такъ какъ этотъ клочокъ земли, затерянный среди Полярнаго моря, былъ окруженъ множествомъ скалъ и камней, между которыми волны перекатывались съ гуломъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы. Всѣ эти голые безплодные островки имѣли такой видъ, какъ будто они только-что поднялись изъ темной глубины сѣдого холоднаго океана и на свѣтлой поверхности моря все еще составляли часть дикаго и фантастическаго подводнаго пейзажа. Земля эта, если только ее можно было назвать землей, навсегда останется чуждой и непонятной человѣку, какъ поверхность какой-нибудь отдаленной планеты.

„Зимородокъ“ остановился на глубинѣ въ тридцать два фута, и, пока спускали шлюпку, которая должна была доставить меня на берегъ, капитанъ знакомилъ меня съ географіей этого маленькаго архипелага.

— Мы стоимъ у входа въ заливъ Привидѣній, справа высоко поднимается надъ водой скала Дѣвы, слѣва волны перекатываются черезъ камень Викинга, который имѣетъ сходство съ остовомъ разбитаго корабля. Между этими двумя утесами находится опасный водоворотъ „Волчья пасть“, гдѣ море, покрытое, какъ снѣгомъ, клочьями пѣны, уходитъ въ бездонную воронку. Прямо противъ насъ былъ длинный и узкій Безыменный мысъ, похожій на часовую стрѣлку. Постройки радіотелеграфной станціи находились на вершинѣ плоской горы. Въ сильный бинокль я могъ разсмотрѣть только красныя крыши и тонкія иглы двухъ мачтъ.

Крѣпко пожавъ руку капитану и простившись съ командой, которая хоромъ пожелала мнѣ скорѣе вернуться на „другой берегъ“, я спустился въ лодку и черезъ нѣсколько минутъ, благополучно проскользнувъ подъ нависшими складками платья Каменной Дѣвы, мы очутились въ полосѣ буруновъ, окружавшихъ Безыменный мысъ. Два человѣка бѣжали по берегу, на приличномъ

Артистъ В. Н. Давыдовъ. *В. Беклемишевъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

разстояніи отъ сердитаго моря, и что-то кричали, размахивая шляпами. Должно-быть, они давали намъ какіе-нибудь совѣты, но, прежде чѣмъ мы успѣли ими воспользоваться, волны подхватили шлюпку, накренили ее и швырнули на берегъ съ такой силой, что мы всѣ оказались лежащими на пескѣ, среди груды корзинъ и чемодановъ. Потирая ушибленное плечо, я поднялся на ноги и увидѣлъ обоихъ своихъ помощниковъ, телеграфиста и механика, занятыхъ борьбой съ океаномъ за мою картонку съ новой шляпой. Побѣда осталась на сторонѣ волнъ и вѣтра, которые подхватили бѣлую коробку и быстро и весело погнали ее въ сторону бездоннаго водоворота.

— Уплыла, — вмѣсто привѣтствія сказалъ телеграфистъ.— Тутъ такое проклятое море, что стоитъ сунуть въ него руку, какъ оно утащитъ всего человѣка.

— И совсѣмъ не море виновато, а вы сами,—сердито отвѣтилъ толстый механикъ, съ трудомъ переводя дыханіе. — Вы всегда ротъ разинете! Вещь новая, пожалуй, цѣлковыхъ двадцать стоитъ, да и гдѣ ее другую тутъ достанешь!..

Матросы собрали мои вещи, и мы медленно двинулись по крутому склону горы, усѣянному обломками гранита. Не было

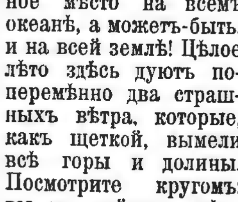
На пасѣкѣ. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Маковскій.*

никакого слѣда тропинки, и вся почва имѣла такой видъ, какъ будто по ней пронесся бѣшеный потокъ камней и скалъ, нагромоздившихся у берега и постепенно исчезавшихъ въ глубинѣ залива. Пока мы пробирались среди этого каменнаго хаоса, у меня было достаточно времени, чтобы внимательно разсмотрѣть обоихъ своихъ помощниковъ.

Механику, котораго звали Иванъ Семеновичъ Ливчакъ, было лѣтъ за сорокъ. Онъ походилъ на домовитаго степного помѣщика, немного отяжелѣвшаго отъ сытой и сонной жизни, и его какъ-то странно было видѣть среди этой голой полярной пустыни. Лицо у него было широкое, съ отвисшими щеками, массивнымъ гладко выбритымъ подбородкомъ и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто Ливчакъ только-что съѣлъ что-то очень вкусное и жирное, въ родѣ вареников въ сметанѣ или галушекъ, затолченныхъ саломъ, и отъ удовольствія прищурилъ свои хитрые и ласковые глаза. Носилъ онъ холщевую рубаху, вышитую въ крестикъ черными и красными узорами, синія шаровары, которыя постоянно поддергивалъ, и широкополую соломенную шляпу, съѣзжавшую ему на затылокъ. Пока мы поднимались на гору, Ливчакъ успѣлъ освѣдомиться, сколько стоили мой кожаный чемоданъ, корзина и пальто; почемъ я платилъ за аршинъ сукна, изъ котораго былъ сшитъ мой костюмъ, пощупалъ и похвалилъ подкладку. Въ то же время онъ собиралъ какую-то чахлую траву съ мелкими голубыми цвѣтами, увѣряя, что изъ нея можно сварить хорошій борщъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ поднялъ сѣрый камень, который годился для чистки ножей; въ другомъ собралъ пучокъ перьевъ, которыя, кажется, ни на что не годились. Если бы Ливчакъ попалъ на необитаемый островъ, изъ него вышелъ бы прекрасный Робинзонъ Крузо.

Телеграфистъ Полозовъ былъ значительно моложе своего товарища. Заложивъ руки въ карманы брюкъ, плотно обтягивавшихъ его необыкновенно длинныя ноги, похожія на ходули, онъ, сгорбившись, шагалъ черезъ камни и рытвины. Полозовъ былъ до такой степени близорукъ, что, по его словамъ, весь міръ казался ему скверно написанной декораціей, наполовину смытой дождемъ. Онъ принималъ камни за птицъ, скалы за корабли, подходившіе на всѣхъ парусахъ къ Т.   острову; на разстояніи какой-нибудь сотни шаговъ каждый изъ насъ превращался для Полозова въ одного и того же средняго человѣка, котораго онъ всячески избѣгалъ называть по имени.

На клочкѣ земли, окруженной туманами, плавающими льдами, вѣчно мѣняющими свои причудливыя очертанія, и скалами, надъ которыми, какъ скульпторъ, работало безпокойное море, онъ жилъ среди постоянныхъ неожиданныхъ и чудесныхъ метаморфозъ. Забавно было видѣть, какъ близорукій телеграфистъ, сломя голову, летѣлъ иногда отъ станціи къ морю, размахивая платкомъ въ знакъ привѣтствія гагарамъ, важно сидѣвшимъ на льдинѣ, подгоняемой вѣтромъ, которую онъ принималъ за лодку, наполненную пассажирами. Изо всѣхъ насъ онъ одинъ видѣлъ, или воображалъ, что видитъ, улыбающееся лицо Каменной Дѣвы, стоявшей среди залива. Разсказывая о чемъ-нибудь, онъ любилъ употреблять такія слова, какъ чудовищный, огромный, невѣроятный, ужасный... Въ его описаніяхъ все,—люди и событія,—принимало карикатурныя уродливыя очертанія.



Когда мы подходили къ станціи, телеграфистъ, воспользовавшись тѣмъ, что уставшій механикъ остался гдѣ-то сзади, началъ разсказывать мнѣ о жизни на островѣ.

— Это самое скверное мѣсто на всемъ океанѣ, а можетъ-быть, и на всей землѣ! Цѣлое лѣто здѣсь дуютъ попеременно два страшныхъ вѣтра, которые, какъ щеткой, вымели всѣ горы и долины. Посмотрите кругомъ: вы не найдете здѣсь ни одной соринки. Когда дуетъ сѣверная буря, льды по морю мчатся со скоростью курьерскаго поѣзда. Они сталкиваются съ ужаснымъ грохотомъ и разсыпаются на милліоны осколковъ. Южный вѣтеръ несетъ огромныя черныя тучи, которымъ не хватаетъ мѣста въ небѣ, и онѣ, тѣсня другъ друга, опускаются до самой воды, закрываютъ весь океанъ, и водоворотъ вмѣстѣ съ волнами втягиваетъ ихъ въ свою бездонную пропасть. А туманы? А мерзлая земля, отъ которой вѣетъ вѣчнымъ холодомъ? Ни одинъ человѣкъ съ самыми крѣпкими нервами не можетъ прожить здѣсь больше года: онъ превратится въ собственную тѣнь! Ну вотъ, мы и пришли! — закончилъ онъ, открывая низкую калитку и пропуская меня впередъ.

Я увидѣлъ обширный пустынный дворъ, усѣянный камнями, какъ и все окружающее его пространство, и обнесенный высокимъ заборомъ. Посрединѣ этого пустыря возвышались двѣ мачты радіотелеграфа, и рядомъ съ ними въ одну линію тянулось нѣсколько унылыхъ строеній, сложенныхъ изъ обломковъ гранита, скрѣпленныхъ цементомъ. Посмотрѣвъ назадъ, я увидѣлъ, какъ на ладони, весь заливъ Привидѣній съ иззубренными скалами, покрытые пѣной спиральные водовороты вокругъ „Волчьей пасти“ и, на границѣ залива, черный корпусъ „Зимородка“.

— Ничего, тутъ можно жить!—сказалъ Ливчакъ, угадывая мои мысли.—Пойдемте, я покажу вамъ самую чудесную вещь на всемъ островѣ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Голова китайца.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

Иллюстраціи **И. Горюшкина-Сорокопудова.**

(Продолженіе).

VI.

— Какъ барометръ сегодня?

— Такъ же, какъ и вчера, сэръ!

— Это очень пріятно, Картингъ! Если еще двѣ недѣли продержится такая погода, мы далеко уйдемъ въ нашихъ работахъ.

Профессоръ былъ очень доволенъ.

— Гдѣ послѣдніе образцы?

— Здѣсь, сэръ!

Картингъ поставилъ къ ногамъ профессора корзину съ обломками горной породы.

Профессоръ поднялъ ее безъ труда и торопливо унесъ къ себѣ.

Теперь онъ работалъ безъ устали.

Въ просторной и свѣтлой хижинѣ, довѣрчиво прижавшейся къ отвѣсной скалѣ, помѣщалась лабораторія.

Картингъ устроилъ великолѣпную муфельную печь: кокса было взято достаточное количество: и платиновые и фарфоровые тигли день и ночь творили свое упорное дѣло.

Аналитическіе вѣсы были давно уже собраны и красовались па прочной гранитной площадкѣ, вывѣренной по ватерпасу самимъ профессоромъ.

Вдоль стѣны протянулись широкія полки съ ретортами. колбами и множествомъ хрупкихъ пробирокъ.

Въ одномъ изъ угловъ стоялъ наготовѣ станокъ для работы съ паяльною трубкой; и цѣлые дни на столахъ кипѣли спиртовки, извергая пары всевозможныхъ кислотъ.

Сквозь окно можно было увидѣть цѣлыя горки кристалловъ, сверкающихъ всѣми своими огнями: тутъ были и фіолетовые съ золотистымъ оттѣнкомъ, и блѣдно-лимонные, и кровавые, словно рубины, и зеленые, совершенно лишенные блеска.

Все это сказочное богатство, всѣ эти обломки невѣдомо кѣмъ разбитой небесной радуги — распредѣлялись въ строгомъ и точномъ порядкѣ, и количество ихъ все росло и росло съ каждымъ днемъ.

Едва начинало свѣтать, въ лагерѣ все поднималось, чтобы обслуживать лабораторію.

Картингъ съ отрядомъ рабочихъ, вооруженныхъ кирками, ломами, поддирами и патронами динамита, уходилъ на развѣдку за новыми образцами породы. Словно муравьи, расползались упорные люди по откосамъ долинъ, проникали въ расщелины, въ трещины, въ гроты: щупали пальцами каждую складку поверхности; что-то обдумывали, что-то высчитывали: дѣлали взрывы; ранили землю киркой и ломами; и, захвативъ съ собой въ разныхъ мѣстахъ по глыбѣ породы, торопливо сползались опять у подножья скалы, гдѣ ихъ дневную добычу поглощала безъ устали прожорливая лабораторія неутомимаго профессора.

Лагерь жилъ трудовой, напряженной жизнью. Каждый зналъ свое мѣсто и, не входя въ разсужденія, подчинялся желѣзной рукѣ человѣка, руководившаго сложными изысканіями.

И часто лишь къ вечеру удавалось извлечь этого человѣка изъ міра кислотъ и кристалловъ и вязкихъ, удушливыхъ испареній на воздухъ, чтобы заставить его проглотить кусокъ дикой козы, мастерски приготовленной негромъ, и выпить глотокъ крѣпкаго кофе, собственноручно завареннаго Вѣрой.

И только съ послѣдними сумерками, когда выше горъ загорались по темному небу золотыя созвѣздія и густая, тяжелая тишина нарушалась лишь мокрыми всплесками струй неутомимо бѣгущей воды — подъ скалой зажигались костры. и наступалъ часъ всеобщаго отдыха.

Тогда начинались бесѣды, и профессоръ спокойно и медленно погружалъ своихъ слушателей въ бездну временъ, къ темнымъ истокамъ зачатія міра.

Подъ широкимъ навѣсомъ спали уставшіе за день рабочіе горы струили къ вершинамъ молитвенное дыханіе, возвращая дневное тепло воздушнымъ пространствамъ; гдѣ-то роились дрожащіе огоньки, щурясь таинственно на далекую землю.

А Вѣра и Картингъ сидѣли рядкомъ на порогѣ сосновой хижины и слушали голосъ профессора, раздвигавшій тепло и увѣренно грани великаго мірозданія.

Ну, на сегодня довольно! — поднимался профессоръ и уходилъ въ лабораторію.

Вѣра и Картингъ прощались и расходились.

Картингъ спалъ на дворѣ, завернувшись въ плотное кожаное одѣяло.

Онъ засыпалъ сразу и крѣпко.

Къ разсказу **„Голова китайца“.** *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

— Смѣю прервать, сэръ!—сказалъ тихо Картингъ, стараясь не выдать волненія.

— Въ чемъ дѣло, мой другъ? — освѣдомился профессоръ, не оборачиваясь. (Гл. VII).

А Вѣра изъ своей маленькой комнатки долго еще видѣла свѣтъ, исходящій отъ раскалившейся муфельной печи: и въ красноватомъ туманѣ чѣмъ-то нездѣшнимъ и странно-таинственнымъ казалась ей фигура отца, склоненная въ напряженномъ вниманіи надъ только-что вынутымъ тиглемъ.

Въ эти минуты ощущалось особенно ясно, что за всѣмъ доступнымъ и видимымъ въ непрерывныхъ, упорныхъ трудахъ отца скрывается что-то значительно большее, чѣмъ работы простого ученаго.

И она засыпала, призывая благословенія на мудрую голову отца своего, самоотверженно сжигающаго крѣпкую душу въ непрерывномъ огнѣ исканій.

VII.

Однажды вечеромъ, когда Тэдди Картингъ спустился къ рѣкѣ чтобы выкурить обычную трубку и подумать немного наединѣ передъ нимъ выросъ Бобъ.

— Масса Картингъ! А, масса Картингъ!

— Что тебѣ?—обернулся студентъ, вглядываясь въ озабоченное лицо негра.

— Нехорошо, масса Картингъ! — Негръ приложилъ руки къ груди и, выпятивъ красныя губы, прошепталъ еле слышно: — Нынче утромъ я видѣлъ китайца!

Тэдди пожалъ плечами и принялся раскуривать трубку

Онъ не понималъ, что такъ разстроило Боба.

Правда, мѣста были дикія, и присутствіе постороннихъ не обѣщало ничего хорошаго; но почему же и не забрести китайцу туда, куда могъ пройти русскій профессоръ съ цѣлымъ десяткомъ людей?

О томъ, что въ Сибири бродятъ повсюду „старатели“, среди

Къ разсказу **„Голова китайца"**. *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*
— Ну да! Смѣлѣе! Берите и осязайте! (Гл. VIII).

Тэдди Картингъ развелъ руками, постоялъ, покачалъ головою и вышелъ.

Утромъ Вѣра, студентъ и Бобъ внимательно обслѣдовали берегъ.

Было ясно, что люди бѣжали водой, сколотивъ предварительно плотъ.

Все имущество, за исключеніемъ двухъ топоровъ, котелка, пары ведеръ и еще кой-какихъ предметовъ домашняго обихода, оказалось нетронутымъ.

Увезены были ружья, кромѣ винчестера Картинга, почти всѣ консервы, и безнадежно исчезла цѣлая бочка спирта, на которую вчера еще съ такимъ вожделѣніемъ поглядывалъ Бобъ.

Теперь негръ впалъ въ черную меланхолію.

Онъ хватался руками за голову, катался по берегу, стоналъ, щелкая обломками желтыхъ зубовъ, и въ рѣдкія минуты просвѣтлѣнія со слезами на глазахъ жаловался своему господину:

— Ахъ, масса Картингъ! Я же вамъ говорилъ, что видѣлъ китайца!

которыхъ нерѣдко встрѣчаются сыны сосѣдней Небесной имперіи, Картингъ зналъ еще въ Лондонѣ изъ книгъ всевозможныхъ изслѣдователей; но, чтобы встрѣча съ китайцемъ служила нехорошимъ предзнаменованіемъ, Тэдди Картингъ что-то не слыхивалъ.

Теперь, глядя на стараго негра, ставшаго сѣрымъ отъ страха, Тэдди едва удержался отъ веселой улыбки.

Не желая обидѣть бѣднягу, онъ похлопалъ его по плечу и, насыпавъ ему полную пригоршню крѣпкаго трубочнаго табаку, успокоилъ:

— Ничего, Бобъ! Если этотъ китаецъ попадется еще на глаза, мы укажемъ ему дорогу, которая будетъ лежать далеко отъ нашего лагеря!

Бобъ усмѣхнулся и, вывернувъ ноги ступнями внутрь, сталъ подниматься по берегу.

Поздно ночью, когда Тэдди Картингъ отбылъ уже первый сонъ, чуткаго слуха его коснулись необычные звуки: словно что-то скреблось о подводные камни и терлось о берегъ безнадежно и тупо, наполняя нѣмую долину подозрительнымъ шорохомъ. Было слышно осторожное хлюпанье, а тихіе всплески воды то замирали, то снова усиливались, удаляясь отъ лагеря внизъ по рѣкѣ.

Тэдди всталъ и безшумно направился прямо къ навѣсу.

Сверкнулъ на минуту фонарь, опрокинувъ растянутый кругъ на то мѣсто, гдѣ спали обычно рабочіе. Сверкнулъ и погасъ.

Людей не было.

— Ого!—рѣшилъ Картингъ и быстро сбѣжалъ подъ откосъ.

Тѣ же самые звуки, что минуту назадъ приковали его вниманіе, повторились еще, но уже далеко и чуть слышно. Потомъ стало тихо. Звуки пропали.

Тогда Тэдди бросился вверхъ, добѣжалъ до подножья скалы и переступилъ порогъ хижины.

Въ лабораторіи было темно.

Только станокъ слабо вздрагивалъ голубоватымъ пятномъ водорода, и въ мутныхъ его отсвѣтахъ съ трудомъ можно было узнать темную голову профессора, застывшаго съ паяльною трубкою въ рукахъ.

— Смѣю прервать, сэръ!—сказалъ тихо Картингъ, стараясь не выдать волненія.

— Въ чемъ дѣло, мой другъ? — освѣдомился профессоръ, не оборачиваясь.

— Не все благополучно!

— Нѣтъ кокса? Приборы?

— Приборы всѣ цѣлы, и кокса достаточно.

— Тогда что же еще?

— Люди, сэръ!

— Заболѣли?

— Бѣжали!

— Ну, это не важно!—спокойно отвѣтилъ профессоръ и опять наклонился надъ пламенемъ, прогоняя сквозь трубку струю свѣжаго воздуха.

VIII.

— Мои дорогіе друзья, — началъ профессоръ, — до этого дня настоящая цѣль экспедиціи была для васъ тайной. Скажу больше: она была тайной для Общества нашихъ геологовъ, покровительства котораго я такъ неудачно искалъ. Не сказалъ я ни слова и лорду Бродлей. Я только отклонилъ любезное предложеніе лорда сорганизовать мое предпріятіе за его счетъ, безъ всякихъ обязательствъ съ моей стороны. Всѣ наши друзья въ Россіи и въ Англіи убѣждены до сихъ поръ, что цѣль экспедиціи—чисто-научная; на этомъ именно основаніи и зиждется отказъ Общества русскихъ геологовъ. Но, я думаю, вамъ не трудно будетъ представить себѣ слѣдующее: ужъ если такое учрежденіе, какъ вышеупомянутое Общество, уяснило себѣ съ достаточной ясностью, что всякія научныя путешествія теперь неумѣстны, то до этого дѣтскаго вывода, надо полагать, смогъ бы добраться и я. Не такъ ли?

Профессоръ ядовито повелъ губами, и въ глазахъ его забѣгали огоньки злой ироніи.

— Я—не ребенокъ! Кромѣ того, я—не ученый маньякъ, забравшійся въ стеклянный колпакъ и утратившій связь съ живымъ міромъ. Я, прежде всего, гражданинъ и, какъ таковой, ни на минуту не упускаю изъ виду, что у меня есть обязанности передъ страной, сыномъ которой я имѣю высокую честь состоять. Обязанность каждаго гражданина—глубже, полнѣе отдать свои силы странѣ въ тотъ моментъ, когда она этого потребуетъ. Обыкновенные, рядовые соотечественники наши, не располагающіе ничѣмъ, кромѣ пары здоровыхъ рукъ, теплой души и честнаго здраваго смысла, стали теперь подъ ружье и жертвуютъ тѣмъ, что имѣютъ—самимъ собой. Инженеры стоятъ у станковъ на заводахъ, и, я думаю, нечего объяснять, что они тамъ нужнѣе и умѣстнѣе, чѣмъ съ винтовкой въ окопѣ. Я, по роду занятій, геологъ. Мало того! Я—ученый геологъ, знающій свойства, строеніе и составъ нашей планеты не хуже, чѣмъ знаетъ анатомъ строеніе человѣческаго организма. Кромѣ всего этого, я—человѣкъ, знающій кое-что и въ другихъ областяхъ, не составляющихъ арены прямыхъ моихъ дѣйствій. Мнѣ вѣдомо, напримѣръ, что война, прежде всего, требуетъ денегъ, денегъ и денегъ. Вѣдомо мнѣ и то, что кредитъ государства находится въ непосредственной зависимости отъ наличности золота въ государственной кассѣ. Ясно ли вамъ, что я хочу сказать?

Профессоръ привсталъ и гордо откинулъ со лба прядь бѣлыхъ волосъ.

— Вѣдь, если я обладаю страшною силою знанія, которая можетъ удвоить золотую наличность Россіи, то какимъ же еще способомъ, какъ не тѣмъ, который я выбралъ, я могу разумнѣе и плодотворнѣе отдать свои силы странѣ, меня породившей? Мнѣ кажется, наши геологи должны были бы понять меня безъ лишнихъ словъ, опасныхъ по военному времени.

Увы, они предположили, что профессоръ Заблоцкій рѣшилъ развлекаться во время войны какими-то научными изысканіями, и самымъ рѣшительнымъ образомъ устранили себя отъ участія въ затѣянномъ мною предпріятіи. Теперь, друзья мои, смѣю надѣяться, вы уже поняли, что не научныя теоріи привели меня въ это дикое мѣсто,—съ научной стороны для меня здѣсь давно уже нѣтъ ничего новаго,—а вполнѣ реальное стремленіе использовать природныя богатства страны для борьбы за независимость всего культурнаго міра!

Профессоръ поднялъ голову и съ минуту глядѣлъ куда-то сквозь стѣны холодными, твердыми глазами.

— Съ вашей помощью, друзья мои, я близокъ къ рѣшенію поставленной мною задачи. Пройдите сюда!

Профессоръ прошелъ въ дальній уголъ и сдернулъ густой пологъ, прикрывающій полку.

Вѣра и Тэдди вздрогнули.

— Ну да! Смѣлѣе! Берите и осязайте!

Дѣвушка и студентъ потянулись за слитками золота, и руки ихъ опустились подъ неожиданной тяжестью.

— Это—источникъ здоровья страны! Это—красные шарики! До тѣхъ поръ, пока въ жилахъ страны будетъ достаточно этакихъ шариковъ, насъ не сломитъ никто! Отсюда, изъ нѣдръ дикой Азіи, мы впрыснемъ въ артеріи родины живой эликсиръ; и она гордо встанетъ предъ врагами народовъ во весь свой естественный ростъ!

Профессоръ стоялъ теперь прямо, указывая пальцемъ на множество слитковъ: и, среди колбъ и ретортъ, струящихъ таинственное цвѣтное дыханіе, онъ походилъ на страшнаго духа земли, выжавшаго силою знанія изъ ея тайниковъ самую кровь ея сердца,—тяжелое золото.

— Вамъ понятно теперь, Тэдди Картингъ, почему я такъ круто поступилъ съ милымъ лордомъ Бродлей? Теперь я со спокойной совѣстью могу сказать міру: „это мое!" И это „мое" я несу добровольно на пылающій жертвенникъ, къ ногамъ моей родины!

Тэдди Картингъ глядѣлъ на профессора и не могъ проронить ни слова. Онъ только перекладывалъ слитокъ изъ руки въ руку и крѣпко сжималъ тонкія губы.

— И такъ, друзья мои,—закончилъ профессоръ, задергивая пологъ надъ полками,—я смѣю надѣяться, что бѣгство десятка рабочихъ не остановитъ насъ на полупути къ нашей цѣли.

— Нѣтъ! — въ одинъ голосъ воскликнули дѣвушка и студентъ.

— Такъ вотъ! Чтобы выяснить окончательно процентное содержаніе золота въ рудѣ четырехъ жилъ, найденныхъ мною, мнѣ нужно продѣлать еще большой кругъ работъ. Послѣ этого я буду считать свою задачу законченной и передамъ мое дѣло въ руки правительства.

Вечеромъ, когда Вѣра и Тэдди сидѣли, по обыкновенію, у порога и слушали профессора, студентъ не удержался отъ искушенія.

— Осмѣлюсь спросить, сэръ! Путемъ какихъ выводовъ и логическихъ построеній вы пришли къ счастливому рѣшенію именно здѣсь искать золото?

— А что?—обернулся профессоръ.

— Меня поразила эта легкость и быстрота съ которою сэръ открылъ жилы.

— Ахъ, вотъ вы о чемъ!

Профессоръ помолчалъ, словно обдумывая, отвѣчать или нѣтъ.

Наконецъ онъ отвѣтилъ:

— Если сейчасъ, во время войны за освобожденіе міра, золото—жизненный эликсиръ, то въ мирное время оно, на мой взглядъ, чаще бываетъ мертвой водой.

— Что желаетъ сказать этимъ сэръ?

— То, что жилы эти были обнаружены мною четырнадцать лѣтъ назадъ, еще въ первую мою экспедицію въ эти мѣста.

— И вы ими... не удержался Картингъ.

— Не поль-зо-вал-ся!—раздѣльно произнесъ профессоръ.

IX.

Тэдди Картингъ обычною легкой походкой шелъ по горной тропинкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ рабочіе бросили лагерь, забравъ съ собой всѣ консервы, снабженіе пищей легло цѣликомъ на студента.

Съ утра онъ осматривалъ вѣрный винчестеръ и уходилъ на цѣлыя мили, чтобы убить козу или снять съ дерева неосторожнаго глухаря.

Работа профессора приближалась къ концу, и крѣпкихъ рукъ Боба при смѣтливой головѣ дѣвушки хватало съ избыткомъ для нуждъ лабораторіи.

Тэдди могъ смѣло распоряжаться собой: бродить, отдыхать, предаваться раздумью.

Въ послѣдніе дни онъ все чаще и чаще взбирался на гребни, поросшіе лѣсомъ, разыскивалъ укрытый со всѣхъ сторонъ уголокъ, садился на камень и, упершись рукой въ подбородокъ, часами сидѣлъ неподвижно.

Если бы кому-нибудь вздумалось вглядѣться въ черты его, ставшія сухими и жесткими, можно было бы прямо сказать, что случилась какая-то рѣзкая перемѣна въ скрытной и замкнутой натурѣ молодого британца.

Гордость мѣшала ему обнаружить заботу души при другихъ, но въ одиночествѣ онъ, не стыдясь, хмурилъ брови и безнадежно качалъ головой.

Сегодня студентъ былъ съ утра безпокоенъ.

Дулъ холодный, порывистый вѣтеръ, предвѣстникъ подкравшейся осени, и по сѣрому небу низко тянулись обрывки безрадостныхъ тучъ.

Каждую минуту можно было ждать начала дождей.

Но не это тревожило Картинга. Тэдди былъ слишкомъ здоровымъ человѣкомъ, чтобы ставить свое настроеніе въ зависимость отъ капризовъ природы. Причина лежала значительно глубже.

Какъ-то сложилось въ послѣдніе дни, что отношенія между Вѣрой и имъ неожиданно измѣнились.

Давно ли казалось простымъ и естественнымъ взять ее за руку и сбѣжать, оживленно болтая, къ водѣ, чтобы тамъ перепрыгивать съ камня на камень и собирать разноцвѣтныя гальки? Вѣдь недавно совсѣмъ ему выпало счастье переправить ее на рукахъ черезъ гулкій бассейнъ. А сколько разъ приходилось бывать наединѣ во время подбора образчиковъ горныхъ породъ!

Тэдди помнилъ прекрасно расщелину въ темной скалѣ, ведущую въ гротъ съ голубымъ освѣщеніемъ. Кругомъ было гулко и мокро: скалы стояли насторожившись, повитыя дымкой тумана; въ складкахъ лежали тяжелыя тѣни; воздухъ вверху, пронизанный золотомъ, затаилъ въ себѣ крѣпкія думы вѣковъ; мелкій кустарникъ жался на тѣсныхъ уступахъ, забрызганный перламутромъ росы; все, что лежало передъ глазами, было нарядным, омытымъ и чистымъ, словно готовились къ празднику; и среди пьянаго гула, напоеннаго ароматами горныхъ растеній, хрустальными голосами пѣла вода прозрачную горную сказку.

Тогда Тэдди Картингъ стоялъ у входа въ расщелину рядомъ съ „миссъ Вэра". Она положила ему на плечо загорѣлую руку, и оба они, покоренные музыкой горъ, молчали, поднявъ затуманенный взоръ къ вершинамъ, гдѣ курились и плавились въ зо-

Къ разсказу „**Голова китайца**". *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

„Китаецъ!"—мелькнуло въ мозгу, и Картингу стало не по себѣ. (Гл. IX).

Къ разсказу „Голова китайца". *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*
Профессоръ съ минуту еще глядѣлъ на стоявшаго въ трехъ шагахъ всадника, потомъ покачалъ головой и спокойно отвѣтилъ:
— Не припомню. Но, кажется, гдѣ-то встрѣчались. (Гл. X).

лотѣ красныхъ лучей ѳиміамы ущелій. Дивная это была минута—святая, торжественная.

А потомъ какъ-то вечеромъ, когда, подъ разсказы профессора, Вѣра и онъ сидѣли рядкомъ на порогѣ, Тэдди вдругъ ясно представилъ, что, не будь возлѣ него въ эту минуту дочери стараго учителя, вся красота неба—съ золотыми свѣтильниками, съ таинственной тишиной и сладкими горными ароматами—утеряла бы сразу свое содержаніе. Безъ Вѣры все это стало бы скучнымъ, пустымъ и даже враждебнымъ.

До самаго свѣта думалъ тогда Тэдди Картингъ о неожиданномъ выводѣ; а когда утромъ онъ и она встрѣтились у воды, Тэдди зналъ, что никогда не посмѣетъ уже коснуться рукой руки дѣвушки и никогда не сумѣетъ уже вести съ Вѣрой бесѣду въ пріятельскомъ тонѣ.

Дѣвушка сразу замѣтила въ немъ перемѣну: стала внимательной, требовательной къ себѣ; и ушли безвозвратно тѣ дни, когда можно было стоять на одномъ плоскомъ камнѣ среди потоковъ воды, ощущать у себя на плечѣ теплоту загорѣлой руки и глядѣть въ небеса ничѣмъ не встревоженными глазами.

Это и безпокоило Картинга, ставшаго строгимъ, сухимъ и подобраннымъ въ обществѣ дѣвушки и печальнымъ, тоскующимъ въ лѣсномъ одиночествѣ. Опустивъ низко голову, онъ перепрыгивалъ съ камня на камень, удаляясь все дальше и дальше отъ лагеря, и думалъ о томъ, что, можетъ-быть, ночью сегодня начнутся дожди; что, можетъ-быть, завтра придетъ караванъ; что экспедиція со дня на день должна будетъ кинуть насиженное мѣсто, что профессоръ, конечно, останется съ дочерью въ Россіи, на родинѣ; а ему, бѣдному студенту-геологу, придется уѣхать въ Британію и тамъ продолжать свое скромное дѣло, сохранивъ въ тайникахъ души только миражи прекрасныхъ возможностей: или, еще проще, стать въ ряды войскъ, ждущихъ отправки на континентъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда сердце его сжималось подъ леденящимъ дыханіемъ безнадежности, Тэдди вдругъ ощутилъ у себя на спинѣ чей-то взглядъ и круто обернулся.

Въ сѣрыхъ складкахъ породы у вершины гребня очертилась отчетливо голова: мертвыя плоскія щеки, тонкіе усы съ концами, висящими внизъ, и косые глаза—холодные, жуткіе.

„Китаецъ!"—мелькнуло въ мозгу, и Картингу стало не по себѣ.

Все же онъ принудилъ себя взобраться на гребень и тамъ оглядѣлъ каждую складку породы.

Все было пусто. Только глыбы гранита глядѣли уныло и голо въ хмурое, низкое небо.

Онъ вздохнулъ облегченно и двинулся дальше.

Когда онъ съ убитой козой возвращался знакомой тропинкой подъ первыми брызгами холоднаго хлесткаго дождя, гдѣ-то за перевалами горъ протяжно и гулко прокатились два тяжкихъ удара.

— Громъ!—рѣшилъ Тэдди и ускорилъ шаги.

X.

— Какъ нынче темно!—сказалъ профессоръ, записывая послѣднія выкладки.

— Тучи, — отвѣтила дѣвушка, — надвигается дождь.

— Теперь ничего! У меня все готово. Завтра утромъ приступимъ къ укладкѣ, а потомъ будемъ ждать каравана.

Профессоръ захлопнулъ журналъ и, напѣвая, прошелся изъ угла въ уголъ по хижинѣ; такъ онъ всегда напѣвалъ, заложивъ руки за спину, когда доводилъ до конца задуманныя работы. „Вотъ и хорошо! Поработалъ, какъ слѣдуетъ, теперь и отдохнуть не мѣшаетъ", — говорила безъ словъ вся осанка его; и чувствовалось въ ней что-то большое, простое и доброе, пришедшее на смѣну вчерашнему упорству и строгости.

— Прикажи, Вѣра, Бобу распечатать тотъ ящикъ, что стоитъ подъ футлярами нашихъ приборовъ. Тамъ найдется еще кое-что, чтобы справить счастливое окончаніе общей работы. Тэдди какъ разъ подойдетъ!

Вѣра открыла тяжелую дверь и застыла на мѣстѣ.

— Папа! Я вижу людей!

— Прекрасно! — оживился профессоръ. — Проводникъ изумительно точенъ.

— Нѣтъ! Это, папа, не то!

Гулкій топотъ наполнилъ долину, и нѣсколько всадниковъ взлетѣли на голый откосъ.

Профессоръ прищурилъ глаза и внимательно вглядывался, отходя шагъ за шагомъ отъ хижины навстрѣчу гостямъ.

Самый важный изъ нихъ, съ тройнымъ подбородкомъ и рыжими стриженными усами, коснулся слегка рукою полей мокрой шляпы и скрипучимъ, простуженнымъ голосомъ бросилъ съ коня:

— Узнаёте?

Профессоръ съ минуту еще глядѣлъ на стоявшаго въ трехъ шагахъ всадника, потомъ покачалъ головой и спокойно отвѣтилъ:

— Не припомню. Но, кажется, гдѣ-то встрѣчались.

— Ну, какъ ваши работы?—наклоняясь съ сѣдла, спросилъ незнакомецъ.

— А васъ это очень интересуетъ?—вопросомъ отвѣтилъ профессоръ.

— Еще бы! Изъ-за этого сдѣлана мною не одна тысяча верстъ.

— Вы, я вижу, шутникъ!

— Полноте, господинъ Заблоцкій! Неужели же вы считаете насъ за форменныхъ идіотовъ, повѣрившихъ въ сказку о научномъ характерѣ вашей теперешней экспедиціи?

Всадникъ вытащилъ ногу изъ стремени и грузно свалился съ коня.

— Мы васъ держимъ въ виду съ самой первой минуты отъѣзда.

— Какъ это понимать?

— Очень просто!—отрѣзалъ толстякъ и, обернувшись къ вооруженнымъ спутникамъ, коротко приказалъ: — Убрать вонъ ту тряпку!

Одинъ изъ людей передалъ свою лошадь товарищу и бросился вверхъ по тропинкѣ, къ тому мѣсту, гдѣ хлопало по вѣтру мокрое полотнище флага.

— Не смѣть!—грозно крикнулъ профессоръ.

— Ха-ха-ха-ха!—раскатился намѣренно звонкимъ и оскорбительнымъ хохотомъ незнакомецъ. — Будетъ, коллега, миндальничать! Слава Богу, мы съ вами мужчины!

— Негодяй!—хрипло бросилъ ему въ лицо профессоръ.

— Не совсѣмъ! — холодно отрубилъ незнакомецъ.—Вы—Заблоцкій, я—Габихъ! Фамиліи къ чему-нибудь обязываютъ, чортъ возьми! И не такое теперь время, чтобы шаркать ногами и мило улыбаться другъ другу.

— Габихъ!—вскрикнулъ профессоръ и отступилъ въ изумленіи.

— Ну да! Теперь вспомнили? Мы вѣдь считаемся съ вами почетными членами одного и того же научнаго Общества!

— Гм, стало-быть...

— Стало-быть, ваши труды я сумѣю продолжить съ неменьшимъ успѣхомъ!

— Ложь!—громко крикнулъ профессоръ.

— Поглядимъ!—Эй! За мною!

Габихъ сдѣлалъ рукою знакъ спутникамъ.

Тѣ посыпались съ сѣделъ и, держа лошадей въ поводу, подступили къ профессору.

- Прочь!—замахнулся профессоръ. Потомъ повернулся на мѣстѣ и стремительно бросился къ хижинѣ.

Рѣзкимъ ударомъ ноги распахнулъ онъ тяжелую дверь, схватилъ кругъ бикфордова шнура и спустилъ его въ темный уголъ, гдѣ хранился всегда динамитъ.

Задрожало на мигъ въ торопливыхъ рукахъ пламя горѣлки; потомъ зашипѣла струя золотого огня и фонтаномъ посыпалась на полъ.

— Ты—Габихъ, а я—Заблоцкій!—торжествующе крикнулъ профессоръ, появляясь въ дверяхъ и, взявъ Вѣру за руку, повлекъ ее быстро къ рѣкѣ.

— Держите!—едва успѣлъ крикнуть встревоженный Габихъ.

Но въ эту минуту земля раскололась внизу подъ скалой, и мутное пламя огня съ дикимъ гуломъ взметнулось подъ самое небо, унеся въ себѣ глыбы гранита и каменный градъ.

Сизымъ дымомъ застлало долину, потрясая ее отъ края до края раскатами грома, и къ подножью скалы вмѣстѣ съ флагомъ мокро хлопнулось чье-то разбитое тѣло.

Тучи гулко метнулись подъ огненнымъ вихремъ и косыми столбами воды обрушились въ сѣрую бездну...

Когда къ мѣсту взрыва пришелъ Тэдди Картингъ, подъ скалою кипѣла потоками мутной воды обожженная яма.

Всюду валялись обломки поверженныхъ глыбъ, почернѣвшія щепки и клочья.

Чей-то трупъ краснымъ мѣсивомъ плавалъ въ водѣ, и бурливыя струи, свергаясь съ овѣянныхъ гарью расколотыхъ кручъ, уносили въ рѣку обгорѣвшія доски.

Тэдди сталъ на колѣни и поникъ головою до самой земли.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Стокгольмская конференція.

Видное и властное положеніе, которое послѣ революціи заняли въ Россіи разныя соціалистическія партіи, очень подняло духъ западно-европейскихъ интернаціоналистовъ. Немедленно образовался комитетъ изъ соціалъ-демократовъ Голландіи и Скандинавскихъ странъ, который дѣятельно принялся за разработку проекта международной соціалистической конференціи. Люди, ставшіе во главѣ этого дѣла, отмежевались отъ чистыхъ „циммервальдовцевъ“, группировавшихся вокругъ Бернской комиссіи и опиравшихся на крайнее лѣвое крыло международной соціалъ-демократіи. Шведъ Брантингъ и голландецъ Трульстра съ самаго начала заявили, что они не желаютъ предаваться утопіямъ и фантазіямъ. Они поставили себѣ цѣлью дѣйствовать осторожно и практически. Сформированный ими комитетъ обосновался въ Стокгольмѣ, и здѣсь къ нему стали являться представители соціалистовъ отдѣльныхъ странъ, для предварительныхъ совѣщаній о желательныхъ условіяхъ будущаго мира; соціалисты, не имѣвшіе возможности или не захотѣвшіе прибыть въ Стокгольмъ, въ письменной формѣ отвѣчали на опросный листъ комитета. Расчетъ стокгольмскихъ дѣятелей заключался въ томъ, что, благодаря такому обмѣну мнѣній, произойдетъ извѣстное сближеніе между различными соціалистическими партіями, и тогда станетъ возможнымъ созывъ общей конференціи, которая и должна будетъ возсоздать рабочій „интернаціоналъ“ и расчистить почву для заключенія мира.

Инціатива голландско-скандинавскаго комитета встрѣтилась съ намѣреніями нашего Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Въ этомъ органѣ „революціонной демократіи“ руководящая роль всегда принадлежала интернаціоналистамъ, которые и увлекли Совѣтъ на путь „борьбы за миръ“ на основѣ соглашенія между „пролетаріями всѣхъ странъ“. Уже въ знаменитомъ воззваніи къ народамъ всего міра отъ 14-го марта Совѣтъ черезъ горы труповъ „братски“ протянулъ руку соціалистамъ воюющихъ съ нами государствъ. Въ дальнѣйшемъ руководители Совѣта отъ словъ перешли къ дѣлу и, въ свою очередь, взялись за подготовку международной соціалистической конференціи. Сначала получилась какъ будто даже конкуренція между Совѣтомъ и голландско-скандинавскимъ комитетомъ. Но потомъ эта конкуренція уступила мѣсто самому тѣсному сотрудничеству. Посланная Совѣтомъ за границу делегація объединилась съ комитетомъ, и съ тѣхъ поръ рѣчь пошла уже объ одной стокгольмской конференціи, созываемой нейтральными и русскими соціалистами. Въ сторонѣ отъ этого предпріятія остались только наши большевики. Они признали для себя непозволительнымъ общеніе съ „соціалъ-патріотами“ воюющихъ странъ и взяли стокгольмскую конференцію подъ формальный бойкотъ.

Политика русскихъ соціалистовъ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на соціалистовъ союзныхъ державъ. Національно и патріотически настроенные соціалисты Англіи и Франціи до русской революціи крайне враждебно относились къ мысли о встрѣчѣ съ германскими и австрійскими соціалъ-демократами, которыхъ они считали сообщниками и пособниками германскаго милитаризма. За исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, тяготѣвшаго къ идеямъ Циммервальда, англичане и французы оказывали проекту созыва до окончанія войны международной соціалистической конференціи самую упорную оппозицію. Выступленіе нашего Совѣта заставило ихъ призадуматься. Въ качествѣ реальныхъ политиковъ англичане и французы привыкли смотрѣть на вещи трезво. Совѣтъ,—разсуждали они,—держитъ въ рукахъ судьбы революціонной Россіи. Совѣтъ рѣшилъ во что бы то ни стало созвать международную конференцію. При такихъ условіяхъ, отказаться ѣхать въ Стокгольмъ значило бы обидѣть Совѣтъ и позволить германскимъ и австрійскимъ „хитрецамъ“ съ глазу на глазъ совѣщаться съ русскими „идеалистами“. То и другое было бы не въ интересахъ праваго дѣла союзниковъ, и потому англичане и французы стали склоняться къ мысли, что на извѣстныхъ условіяхъ имъ слѣдовало бы принять участіе въ конференціи. Условія эти въ общемъ свелись къ тремъ главнымъ пунктамъ. Англичане и французы потребовали, чтобы международной конференціи предшествовала конференція союзныхъ соціалистовъ, чтобы въ Стокгольмѣ былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ объ отвѣтственности за войну, и чтобы постановленія Стокгольмской конференціи имѣли только совѣщательный характеръ. Первоначально русскіе соціалисты отвергли эти условія, но въ результатѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ достигнутъ компромиссъ. Русскіе соціалисты согласились „присутствовать“ на союзной конференціи съ „освѣдомительными“ цѣлями. По вопросу объ отвѣтственности за войну было установлено, что онъ поглощается стоящимъ въ программѣ конференціи вопросомъ о возникновеніи войны. Относительно значенія резолюціи было условлено, что обязательную силу будутъ имѣть только резолюціи, единогласно принятыя. Несмотря на чисто-внѣшній, „словесный“ характеръ такого компромисса, союзники послѣ этого рѣшили ѣхать въ Стокгольмъ.

Но въ послѣдніе дни, когда наконецъ и англійская рабочая партія согласилась на конференцію, на сцену выступили правительства союзныхъ странъ. Русское Временное Правительство, включившее въ свой составъ соціалистовъ, сбязалось не чинить препятствій поѣздкѣ въ Стокгольмъ делегатовъ соціалистическихъ партій. Напротивъ, правительства Англіи, Франціи, Италіи и Соединенныхъ Штатовъ категорически заявили, что они не выдадутъ паспортовъ соціалистамъ, желающимъ совѣщаться въ Стокгольмѣ съ соціалистами вражескихъ державъ объ условіяхъ мира. Несомнѣнно, что, дѣйствуя такимъ образомъ, союзныя правительства пользуются неотъемлемо принадлежащимъ имъ правомъ. По существу же они опираются при этомъ на враждебное отношеніе къ Стокгольмской конференціи какъ массы „буржуазныхъ“ партій, такъ и внушительной группы соціалистовъ. Такая группа есть во Франціи, гдѣ, кромѣ циммервальдовскаго меньшинства, образовалось новое „правое“ меньшинство. Есть непримиримые противники конференціи до сихъ поръ и въ Англіи, Италіи и Соединенныхъ Штатахъ. Въ частности, особенно показательно поведеніе англійскихъ организованныхъ моряковъ. Ихъ союзъ однажды уже сдѣлалъ фактически невозможнымъ путешествіе интернаціоналиста-депутата Макдональда въ Россію, запретивъ своимъ членамъ везти этого политическаго дѣятеля черезъ Сѣверное море. Англійскіе моряки заявляютъ, что и къ делегатамъ, направляющимся въ Стокгольмъ, они примѣнятъ тотъ же способъ борьбы. Пусть даже правительство выдастъ делегатамъ паспорта. Они все равно не найдутъ парохода, который доставилъ бы ихъ къ берегамъ Скандинавіи, для совѣщанія съ подданными Вильгельма II.

Германскіе и австрійскіе соціалъ-демократы рвутся въ Стокгольмъ въ понятномъ стремленіи помочь скорѣйшему и наиболѣе для ихъ странъ выгодному окончанію войны. Русскіе соціалисты мечтаютъ о Стокгольмѣ, такъ какъ ждутъ тамъ тріумфа дорогого ихъ сердцу „Интернаціонала“. Англійскіе и французскіе соціалисты не прочь поѣхать въ Стокгольмъ, чтобы „вывести на чистую воду“ германскую „интригу“. Союзныя правительства считаютъ Стокгольмскую конференцію вредной для войны затѣей. Англійскіе моряки грозятъ силой помѣшать съѣзду соціалистовъ въ Стокгольмѣ. Кто же рѣшится сказать, состоится ли Стокгольмская конференція?

Проф. К. Соколовъ.

Содружество.

Въ саду стоитъ работавшая лейка.
Всѣ политы цвѣты. Имъ лучше такъ.
Жасминъ земной звѣзды являетъ знакъ.
Зеленаго вьюнка крутится змѣйка.
Цвѣтовъ и травъ царица-чародѣйка,
Лелѣетъ роза въ чашѣ теплый мракъ,
Съ ней споритъ въ аломъ распаленный макъ.

Въ лугахъ пастухъ. Стадамъ поетъ жалейка.
Тамъ дальше лѣсъ. А передъ нимъ рѣка,
Широкая, хрустальная, нѣмая.
Два берега, въ руслѣ ее сжимая,
Водѣ даютъ переплеснуть слегка,
И нѣжный цвѣтъ зеленаго жука
Горитъ, съ травы игру перенимая.

К. Бальмонтъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Бои въ Румыніи и оживленіе на прочихъ фронтахъ.

Противникъ вводитъ въ дѣйствіе новыя части, почти ежедневно прибывающія съ французскаго фронта. По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятель возвратилъ на румынскій фронтъ всѣ войска, взятыя имъ оттуда и переброшенныя во время англо-французскаго наступленія на западный театръ войны. По нѣкоторымъ даннымъ, на небольшомъ участкѣ Фокшанскаго направленія сосредоточено около четырехъ австро-германскихъ корпусовъ, среди которыхъ преобладаютъ нѣмецкія дивизіи.

Періодъ первоначальнаго сосредоточенія резервовъ противника въ южную часть румынской Молдавіи совпалъ съ задержкой развитія австро-германскаго наступленія въ Буковинѣ и въ Галиціи, изъ чего можно было вывести заключеніе, что германскій генеральный штабъ, перенося активныя операціи въ болѣе южномъ направленіи, имѣлъ въ виду отвлечь сюда вниманіе нашего верховнаго командованія и въ это же самое время подготовить слѣдующіе активные шаги въ раіонахъ іюльскаго своего наступленія.

Однако прошло уже достаточное количество времени съ того момента, какъ появились на Фокшанскомъ направленіи солидныя непріятельскія силы, а общій ходъ военныхъ операцій противника принимаетъ все болѣе и болѣе вялый и нерѣшительный характеръ. Повторныя атаки, производимыя имъ вдоль линіи желѣзной дороги на Ажудъ, и неудачи его на Окненскомъ направленіи какъ бы подтверждаютъ имѣющееся предположеніе о томъ, что противникъ надѣялся въ Румыніи встрѣтить со стороны нашихъ войскъ такую же пассивность и безразличіе, какія наблюдались въ началѣ мѣсяца подъ Тарнополемъ.

Первые же опыты боевыхъ столкновеній на берегахъ рѣкъ Путны, Сушицы, Касины, Ойтоза и Дафтяна должны были открыть противнику истинную обстановку и настроеніе русско-румынскихъ войскъ на румынскихъ позиціяхъ.

При такихъ условіяхъ германскій генеральный штабъ отнюдь не имѣлъ шансовъ надѣяться достигнуть здѣсь какого-либо крупнаго результата съ такимъ наличіемъ боевыхъ силъ, какое имѣлось у него здѣсь за послѣднее время.

До начала мартовскаго наступленія англо-французовъ во Фландріи и Шампани австро-германскія силы въ Румыніи находились именно въ томъ числѣ, въ какомъ онѣ распредѣлены въ настоящій моментъ на Фокшанскихъ позиціяхъ, однако пять-шесть мѣсяцевъ тому назадъ наличіе подобной группировки противника не давало никакихъ основаній для начала активныхъ его операцій въ долинахъ средняго Серета и Тротуша.

Такимъ образомъ, между обстановкою ранняго весенняго періода времени подъ Фокшанами и настоящимъ моментомъ, по существу основныхъ данныхъ, никакой разницы не заключается, и неизмѣнная активность нашихъ и румынскихъ войскъ служитъ порукою въ томъ, что положенію нашей южной союзницы не угрожаютъ никакія неожиданности.

Въ то время, какъ на Фокшанскомъ и Окненскомъ направленіяхъ въ южной части румынской Молдавіи противнику не удалось достигнуть еще серьезныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ, положеніе между Днѣстромъ и Прутомъ въ сѣверной Буковинѣ, а также на Двинскомъ, Виленскомъ и Барановичскомъ направленіяхъ начинаетъ пріобрѣтать оживленный характеръ.

На Окненскомъ направленіи, послѣ смѣлой контръ-атаки румынскихъ войскъ, противникъ не возобновлялъ своего наступленія, продолжая свои атаки на Фокшанскомъ направленіи къ западу отъ желѣзной дороги Мерешесчи—Ажудъ.

Лишь подъ давленіемъ соображеній чисто-стратегическаго характера, вслѣдствіе невыгоднаго положенія русско-румынскаго фронта между Окнами и Фокшанами, румынскія войска въ ночь на 1-е августа отведены были на 10—12 верстъ назадъ, съ линіи деревень Драгославо, Косъ, Калакуль на новыя позиціи на фронтѣ Совежъ—Монастыріаске—Велоскане. Въ этомъ случаѣ союзниками нашими очищенъ былъ раіонъ верхняго теченія рѣки Путны въ 50 верстахъ къ юго-западу отъ желѣзнодорожной станціи Ажудъ.

Между Окнами и Фокшанами позиціи нашихъ союзниковъ на рѣкѣ Путнѣ въ раіонѣ деревни Косъ наиболѣе всего выдвинуты были въ западномъ направленіи, вслѣдствіе чего, при настойчивыхъ атакахъ австро-германцевъ со стороны Фокшанъ въ сѣверномъ направленіи, получалась угроза тылового удара. Чтобы предупредить возможныя неожиданности въ этомъ послѣднемъ направленіи, румыны принуждены были очистить позиціи свои на верховьяхъ Путны на протяженіи около 15—20 верстъ по фронту. Однако этотъ преднамѣренный отходъ еще не вноситъ никакой существенной разницы въ стратегической обстановкѣ на русско-румынскихъ позиціяхъ, прикрывающихъ собою южные доступы въ румынскую Молдавію, и положеніе сторонъ на протяженіи 100-верстнаго фронта отъ Окны до Фокшанъ продолжаетъ пока оставаться устойчивымъ.

Оживившаяся за послѣднее время дѣятельность на перешейкѣ между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ, а также и на главнѣйшихъ операціонныхъ направленіяхъ сѣвернаго и западнаго нашихъ фронтовъ, выражающаяся въ энергичной развѣдкѣ и усиленномъ артиллерійскомъ огнѣ, свидѣтельствуетъ о нервномъ настроеніи противника на всемъ русско-румынскомъ фронтѣ.

Приведетъ ли это новое напряженіе къ наступательнымъ дѣйствіямъ противника на Хотинскомъ направленіи, у Барановичей, подъ Сморгонью и Двинскомъ, сказать еще затруднительно. Тѣмъ не менѣе однако интересно все же отмѣтить, что оживленіе это совпадаетъ съ нарастаніемъ активности нашихъ союзниковъ во Фландріи, Артуа, Шампани и у Вердена.

Офиціальныя сообщенія германской главной квартиры отъ первыхъ чиселъ августа мѣсяца съ большимъ вниманіемъ говорятъ о новыхъ сильныхъ атакахъ нашихъ союзниковъ, усматривая въ нихъ начало крупной лѣтней операціи. Особенно успѣшно завязываются, повидимому, наступательныя дѣйствія англійской арміи въ раіонѣ Ланса и Лаоса во Фландріи, гдѣ нашимъ союзникамъ уже удалось нанести германцамъ сильный ударъ и отнять у нихъ на большомъ участкѣ первую оборонительную линію окоповъ.

Нажимъ англо-французовъ захватываетъ въ данный моментъ болѣе широкое пространство, чѣмъ это было весною настоящаго года, что можно усмотрѣть изъ того, какъ усиленные бои развиваются сейчасъ даже на сѣверѣ Верденскаго раіона.

Обстановка на нашихъ румынскихъ позиціяхъ въ настоящій моментъ находится въ тѣсной связи съ развитіемъ новаго англо-французскаго наступленія.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ книга 7 и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 8.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ,** такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ болѣе 2 рублей, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, одинъ рубль.

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ) побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство А. Ф. Марксъ съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Ниву», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880,000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы»

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

Ревматизмъ, ломота, экзема, раны.

Есла Вы страдаете этими болѣзнями, если у Васъ лишаи, сыпь, прыщи или другія заболѣванія кожи и если Вамъ до сихъ поръ ничего не помогло, напишите мнѣ сегодня же ясно и отчетливо Вашъ подробный адресъ. Я уже помогала тысячамъ страждующихъ и избавила ихъ отъ этихъ тяжелыхъ мученій. Я получила почетные отзывы и медали на 3-хъ русскихъ выставкахъ, и это служить доказательствомъ, что мое предложеніе вполнѣ серьезно. Высылается налож. пл. за **5 р. 50 к.** и **8 р.** по получ. **3 р.** Г. Петрогр. прошу лично или присылать. Въ Москвѣ представит. М. Н. Козловъ, Мясницкая 13, кв. 51. Адресуйте: Петроградъ, Разъѣзжая ул., д. № 13. МАГИНОЙ. 4677

АСТРОЛОГЪ, МАГЪ и ОККУЛЬТИСТЪ ТАЙНЫХЪ НАУКЪ ИНДІИ.

Предсказываю по звѣздамъ, почерку и фот. карт. о всѣхъ интересующихъ событіяхъ человѣка: какъ достичь богатства, славы, любви и др. цѣлей и желаній, и даю совѣты по болѣзнямъ, (разстояніе не препятствуетъ). На отвѣтъ прилагать марки. Самара, Садовая, 280. Л. Г. Гринь. 4654 4-2

СПРАВКИ

о цѣнах, личныя **хлопоты** во всѣх частн. и каз. учр., **выписки по** всѣм **Библіотекам**—Публичн. и Акад. Наук и др. Им. много знаком. в портах и на нѣк. заводахъ. Служу среди спеціал. с высш. образ. всѣх отрасл. науки. **Совѣты** и отз. на всѣ дѣл. вопр. Могу б. **представителем** фирмы. Высыл. учебн. Легк. справки 3 р. Остальн. по согл. Пгр. Почтамт, влад. ящ. № 190. Деньги перевод.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавъ „Механическую пропись". Цѣна 1 р. 75 к. Москва, ред. журн. „Соколъ", отд. 2. 4678

Я БРОСИЛЪ КУРИТЬ

легко и свободно, примѣнивъ новый изобрѣтенный мною способъ. Мои друзья и знакомые сдѣлали то же и поражены, что такъ легко и безъ „мученій" избавились отъ дурной и вредной привычки.

Москва, ком. ящ. 854. Высылаю налож. платеж. за **3 руб. 65 коп.**

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ Коссодо. Дерибасовская, д. № 19.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. **3 р. 50 к.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористого шрифт. Цѣна **4 р.**

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна 5 руб. (7) 4605

Перес., упак. и нал. плат. по дѣйств. стоим.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ.

Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (13) Цѣна 1 р. **Москва,** ред. журн. **„Соколъ"**, Печатниковъ пер., 18/2.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

4-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; **Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено** въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ШАМПИНЬОНОВЪ,

составл. по новѣйшимъ научнымъ и практическимъ даннымъ **Г. Ределинъ.** Съ 25-ю рис. 102 стр. въ 16 д. листа. **Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.**

ШКОЛА ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РИСОВАНІЯ

для дѣтей отъ 8 до 12-лѣтняго возраста, въ штриховкѣ двумя цвѣтными карандашами. Въ 2-хъ выпускахъ.

Составилъ **Г. А. СЕРГѢЕВЪ,** преподаватель и содержатель приготовительныхъ учебныхъ заведеній въ Петроградѣ.

2 вып., цѣна за каждый **1 р. 75 к.**

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ..." (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ **„Семейнаго Университета"** — все равно. Онъ также можетъ достигнуть **блестящихъ результатовъ.** Теперь, при всеобщемъ **равноправіи** нужно поспѣшить заняться **саморазвитіемъ,** вамъ, юныя, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 4638

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ"

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія **каждымъ** соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 6 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ **законченное цѣлое,** а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ". Цѣна за каждое изданіе въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ" 26 р., факультеты: Историко-филологическій (основной) 24 р., ознакомившіеся съ этимъ факультетомъ успѣшно читаютъ публичныя лекціи), Медицинскій 22 р., Юридическій 22 р., Біологическій 18 р. и Богословскій 15 р. Только по полученіи задатка 50 % книги высылаются наложенн. плат. Приславшіе впередъ всю сумму стоимости за пересылку **не платятъ.** Обращайтесь къ издателю **Ф. С. Комарскому, Петроградъ, Пушкинская, 10.** Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается за 10-к. марку.

УЧЕБНИКИ

и всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, книжный складъ **А. И. Загряжскаго,** Петроградъ, Разъѣзжая 14, высылаетъ немедленно. Мелкія суммы присылать марками, на пересылку слѣдуетъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль. При заказахъ слѣдуетъ высылать задатокъ (прибл. 1/3 суммы), остальное наложеннымъ платежомъ. Поступили въ продажу: А. Н. НОВИКОВЪ, РУКОВОДСТВО КЪ СОСТАВЛЕНІЮ СОЧИНЕНІЙ, для самостоятельной подготовки и для самообразованія, книга КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ, цѣна **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** и книга Руководство по ПРАВОПИСАНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА и правила сокращенія словъ, употребленіе буквъ, разстановка знаковъ препинанія; со справочнымъ орѳографическимъ словаремъ 60.000 затруднительныхъ въ правописаніи словъ, для самостоятельной подготовки, для самообразованія и всѣмъ желающимъ НАУЧИТЬСЯ ГРАМОТНО ПИСАТЬ (книга содержитъ 350 страницъ) цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкой **3 р.** — За двѣ 10-коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ учебниковъ, рѣшеній, конспектовъ, подстрочниковъ-переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и друг. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4675

ОДЕССК. СРЕДН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, Учр. И. И. Хойна

Съ правами казенн. средн. учебн. завед. ОДЕССА, Троицкая, 25. Открытъ пріемъ въ первый и подготовительный классы.

Проспекты высыл. за 5 2-коп. марокъ.

Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.** 4576

Необходимое руководство ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ обоего пола.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ", отд. 2. (4)

Руководство для газетныхъ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ

Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. 4365 Цѣна 1 руб. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ"**, Печатниковъ пер., 18/2. (14)

БЕЗПЛАТНО высылаемъ каталогъ необходимыхъ каждому КНИГЪ.

Книгоизд. „Т-во ОМЕГА", Москва, ком. ящ. 545. 4676

УГРИ

прыщи, веснушки исчезаютъ, лицо чистое. По полученіи **1 руб.** (можно марками) высыл. сов., испыт. средств., г. Гатчина, почт. ящ. 614, отд. 13. „Цоника". 4668

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. **безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копеечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

4193 13 6

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.

Новѣйшія моды.

№ 1. Блузка изъ нинона или крепдешиня. Цѣльный передъ блузки заложенъ посрединѣ широкой круглой складкой, которая у ворота скрѣплена по краямъ двумя группами пуговокъ; плечи заложены плоскими складками; внизу, нѣсколько отступя отъ напуска, вшита кругомъ кружевная сквозная прошивка или вышитая по той же матеріи полоска. Такая же полоска заканчиваетъ свободный круглый вырѣзъ ворота и рукавную манжету.

№№ 2 — 5. Платье ленжери, капоты и дамское манто.

№ 2. Платье ленжери для молодой дѣвицы. Съ 8-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ, отъ Фиг. 1—8.

Фиг. 1. Половина переда блузки.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Половина обшивки къ переду.
„ 4. Половина обшивки къ спинкѣ.
„ 5. Половина воротника.
Фиг. 6. Рукавъ.
Фиг. 7. Половина переда юбки.
Фиг. 8. Половина зада юбки.

Платье изъ нинона, муслина или вуаля отдѣлано широкими тонкими кружевными прошивками, пересѣкающими юбку немного выше середины длины, нижнюю половину блузки и рукавъ выше локтя. Сборки прямого низкаго вырѣза ворота скрѣпляются на обшивочкѣ, подшитой снизу, — сзади кружевной стоячій отворотъ. Кушакъ изъ мягкаго шелка.

№ 3. Капотъ изъ вуаля или другой мягкой матеріи. Юбка собрана вверху двумя головками черезъ промежутокъ въ 4 — 5 сант., образуя какъ бы кушакъ; гладкая блузка съ прикроеннымъ полудлиннымъ рукавомъ, который пересѣкается, начиная отъ ворота, вышитымъ шелкомъ галуномъ, обрисовывающимъ нѣсколько волнистую линію и продолженнымъ вокругъ манжеты съ разрѣзомъ у локтя, гдѣ рукавъ схваченъ складкой, скрѣпленной кистью. Круглый свободный воротъ законченъ галуномъ, нашитымъ такъ же, въ видѣ законченной кистью патты, посрединѣ передка, — такія же, двѣ кисти прикрѣпляютъ передніе углы фунтикообразныхъ кармановъ на передникѣ юбки; верхній край кармановъ обшитъ галуномъ.

№ 4. Капотъ изъ шелковаго или бумажнаго крепа. Верхъ юбки собранъ широкой головкой, которая поддерживается толстымъ шелковымъ шнуркомъ; блузка кимоно заложена въ плечахъ складками; полудлинные рукава съ высокой косой манжетой изъ мушчатаго тюля съ бордюромъ изъ рюши; длинные, доходящіе до таліи концы воротника окружаютъ глубокій скошенный вырѣзъ ворота; сзади воротникъ имѣетъ матросскую форму.

№ 5. Дамское манто. Простое, но элегантное манто изъ шантунга, тюссора или тонкаго сукна. Фасонъ годе; застежка на три большія басонныя пуговицы съ шнурочными петлями. Прямой отогнутый воротникъ и обшлага изъ шелка съ крупнымъ узоромъ въ японскомъ вкусѣ; такая же подкладка.

№ 6. Дамская шляпа-цилиндръ и какъ ее дѣлать. Матеріаломъ для нашей модели служитъ тафта, легкое серебряное кружево и букетъ фіалокъ. Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать такую шляпу самимъ, чему могутъ помочь приложенные рисунки, на которыхъ показанъ весь послѣдовательный ходъ работы, обозначенный нумерами: № 1. Основаніе полей и способъ обшивки ихъ петельнымъ швомъ и соединенія съ основой головки. № 2. Обтяжка наружной стороны полей: на внутреннемъ краѣ, приходящемся къ головкѣ, дѣлаются правильные надрѣзы, матерія гладко натягивается и пришивается къ наружному краю къ самой проволокѣ. № 3. Обтяжка внутренней части полей. № 4. Обшивка наружнаго края полей ленточкой. По полямъ отмѣряется ровно столько, сколько нужно ленты, потомъ концы сшиваются вмѣстѣ, ленточка перегибается и сначала приметывается вокругъ проволоки, а потомъ прострачивается на швейной машинѣ шелкомъ. Проволока при этомъ не будетъ мѣшать, такъ какъ ножка обыкновенной швейной машины свободно можетъ пропустить проволоку и строчка не коснется самаго края полей. № 5. Основаніе головки; соединеніе концовъ цилиндра и обшивка верхняго края проволокой. № 6. Основаніе донышка, приколотое сначала булавками и потомъ пришитое къ головкѣ. № 7. Обтяжка головки; края матеріи подгибаются внутрь, одинъ конецъ прикрѣпляется къ основанію, матерія крѣпко натягивается и другой подогнутый конецъ накладывается на первый, и соединяется съ нимъ потайными стежками.

№ 1. Блузка изъ нинона.

№№ 2 — 5. Платье ленжери, модные капоты и дамское манто. Къ № 2 приложены 8 выкроекъ въ уменьшенныхъ чертежахъ съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Дамскія рукодѣлія.

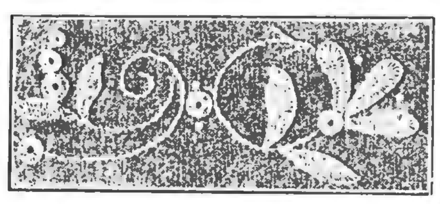
№ 7. Галунъ, вышитый новымъ швомъ.
№ 8. Мотивъ, вышитый новымъ швомъ.
№ 9. Узоръ квадрата новымъ швомъ.

№ 10. Способъ исполненія новаго шва къ квадрату № 9. Шовъ, которымъ исполнены всѣ данные здѣсь узоры, строго говоря, нельзя назвать „новымъ“. Ново только его примѣненіе, замѣняющее гладь и отчасти производящее ея эффектъ. Не очень опытныя рукодѣльницы не рѣшаются браться за вышивку гладью изъ опасенія, что работа не выйдетъ удачной. Это и справедливо, такъ какъ работа гладью требуетъ навыка. Новый способъ замѣны глади очень простъ и досту-

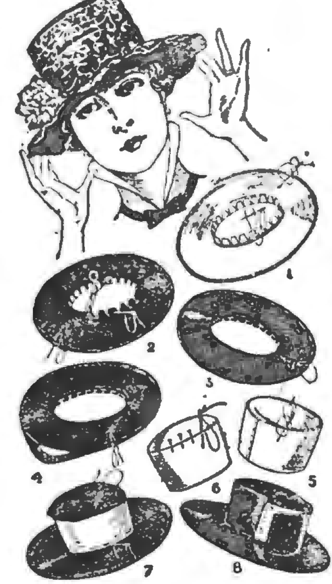
пенъ даже для мало опытныхъ работницъ. Онъ состоитъ въ томъ, что то пространство, которое должно покрыться гладью, заполняется обыкновеннымъ выметочнымъ швомъ, т.-е. такимъ, какимъ обыкновенно выметываются петли. Это одинъ изъ основныхъ швовъ многихъ родовъ вышивокъ; имъ исполняются, напримѣръ, роскошныя вышивки Ришелье, онъ входитъ въ число швовъ венеціанскаго и другихъ кружевъ и служитъ главнымъ основаніемъ кружевъ Рецителли и красивыхъ датскихъ вышивокъ Хедебо.

Способъ примѣненія выметочнаго шва взамѣнъ глади, представленный на нашихъ рисункахъ, извѣстенъ также подъ названіемъ „Валахскаго шитья“ Эта работа исполняется гораздо быстрѣе глади и не требуетъ большого искусства; главное, что необходимо для успѣха, это чтобы стежки были ровны и правильно обводили контуръ рисунка. Если покрываемая поверхность довольно велика, какъ, напримѣръ, въ листьяхъ, то выметка дѣлается въ два ряда, начиная отъ середины. Вообще, затяжка шва, образующая родъ шнурочка, всегда дѣлается по наружному краю фигуры, какую бы она ни имѣла форму, и стежки дѣлаются отъ лѣвой руки къ правой, какъ видно на рис. 1 въ группѣ, показывающей исполненіе описываемаго шва (№ 10). Работа начинается съ основанія листка (рис. 2); въ верхушкѣ листка, тамъ, гдѣ онъ закругляется, нѣсколько стежковъ начинаются изъ одной точки, дѣлая переходъ къ другой сторонѣ листка. Рис. 3 показываетъ исполненіе листка съ настилкой, которая дѣлается послѣ обметки контура тремя-четырьмя рядами длинныхъ стежковъ, скрѣпляемыхъ еще рѣдкими поперечными стежками болѣе тонкой ниткой. Такая настилка придаетъ большую рельефность вышивкѣ. Рис. 4—6 показываетъ исполненіе глазковъ; середина глазковъ прокалывается пенделемъ. На рис. 5 представленъ глазокъ, безъ настилки. Рис. 7 показываетъ прямые стежки безъ настилки для ободка въ мотивѣ рис. 8. Стебельки шьются стебельковымъ швомъ какъ видно на рис. 9.

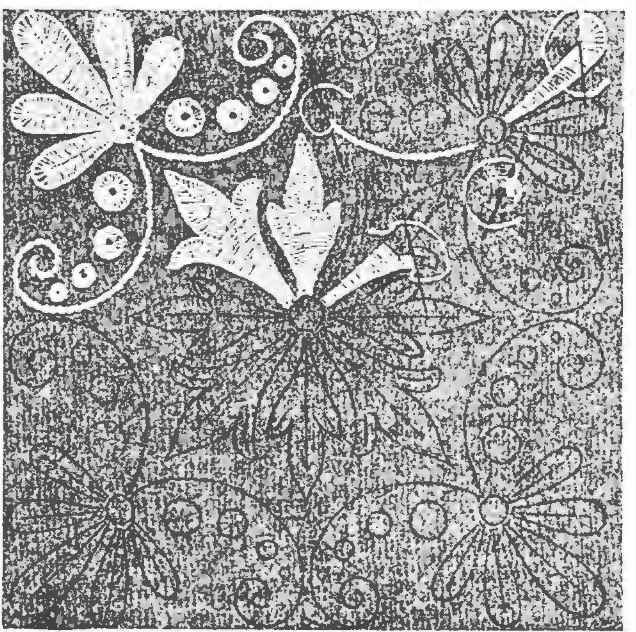
Вышивку эту можно исполнять по плотному шелку, по гладкой шерстяной или бумажной матеріи, по полотну и т. п. Къ стилю вышивки больше подходитъ плотная матерія. Стежки дѣлаются или близко одинъ къ другому, вплотную, или съ маленькимъ промежуткомъ, черезъ который, если вышивка исполняется бѣлымъ по цвѣтному фону, сквозитъ фонъ.



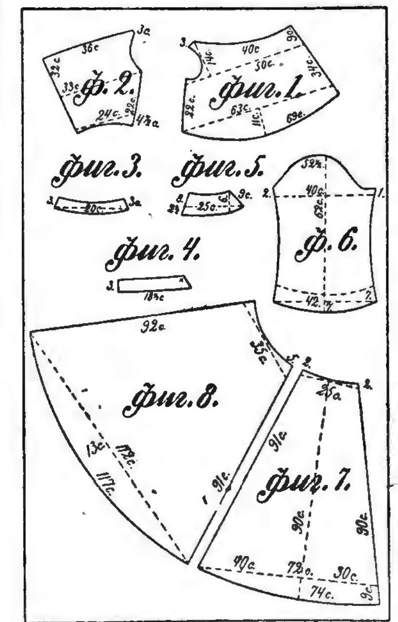
№ 1. Галунъ, вышитый новымъ швомъ.

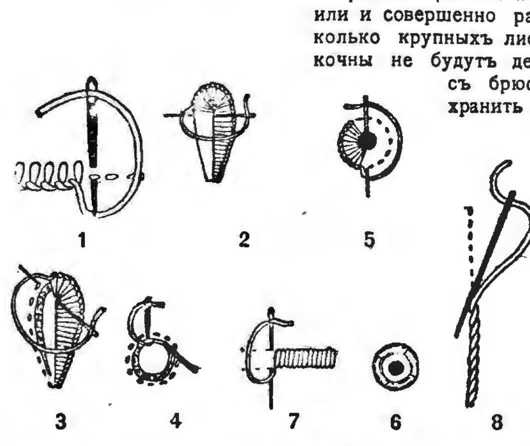


№ 6. Дамская шляпа-цилиндръ и какъ ее сдѣлать.



№ 9. Узоръ для квадрата новымъ швомъ.





№ 10. Способъ исполненія новаго шва къ квадрату № 9.

Хозяйственные совѣты.

Сбереженіе хорошихъ сортовъ картофеля. Берутъ ящикъ, не слишкомъ мелкій, вынимаютъ въ самомъ низу боковую доску, съ длинной стороны, и придѣлываютъ передъ отверстіемъ открытый сверху, ящичекъ съ квадратнымъ сѣченіемъ. Самыя нижнія изъ картофелинъ, насыпанныхъ въ ящикъ, проходятъ сквозь отверстіе и почти наполняютъ открытый ящичекъ; но чтобы картофелины могли катиться по дну впередъ, нужно наклонить большой ящикъ косо, подложивъ камни подъ край задней стѣнки. При надобности берется картофель всегда изъ нижняго ящика, такъ какъ подъ вліяніемъ давленія всей массы его, находящейся въ ящикѣ, самыя нижнія картофелины постоянно подвигаются наружу. Вслѣдствіе этого весь запасъ находится всегда во вращательномъ движеніи, отчего картофель держится очень хорошо и не пускаетъ весною ростковъ.

№ 8. Мотивъ, вышитый новымъ швомъ.

Сохраненіе на зиму укропа. Въ глиняный горшокъ накладываютъ слой укропа и сверхъ него довольно густой слой соли, опять слой укропа и слой соли, и такъ далѣе, пока не наполнится весь горшокъ. Все вмѣстѣ нажимаютъ и, покрывъ чистой полотняной тряпочкой, кладутъ еще сверху дощечку. Держать надо въ прохладномъ мѣстѣ.

Чтобы сохранить рѣдьку свѣжею на зиму, обрѣзаютъ у нея листья, сохраняя, все-таки, сердцевинные, и зарываютъ въ песокъ, — такимъ образомъ однако, чтобы эти сердцевинные листья были наверху. Особенно нужно обращать вниманіе на выборъ правильно сформированныхъ экземпляровъ, безъ бугровъ, побочныхъ корней, а также безъ бѣлыхъ или зеленыхъ пятенъ; равнымъ образомъ, они не должны быть съ червоточинами, твердыми или жесткими.

Лукъ ссыпаютъ въ не слишкомъ большіе мѣшки изъ сѣтки и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ.

Чтобы удалить плѣсень съ маринованныхъ огурцовъ всыпаютъ около 9 зол. горчицы въ мѣшочекъ и кладутъ его между маринованными огурцами.

Капусту подвѣшиваютъ на шнуркахъ такъ, чтобы кочаны не соприкасались другъ съ другомъ. Для сохраненія впрокъ берутъ поздніе сорта, которые лучше держатся.

Кадки съ кислою капустою нужно ставить на подставки, а не прямо на полъ, ибо иначе капуста портится. Если положить сверхъ капусты тряпку, смоченную въ винномъ спиртѣ, или мѣшочекъ съ сухою горчицею, то это предохранитъ капусту отъ броженія.

Храненіе цвѣтной и брюссельской капусты. Съ полураспустившейся или и совершенно распустившейся цвѣтной капусты удаляютъ нѣсколько крупныхъ листьевъ, оставляя остальные, потому что иначе кочны не будутъ держаться. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ брюссельской капустой. Цвѣтную капусту можно хранить въ погребѣ, а еще лучше въ парникахъ. Парникъ разрываютъ на ½ саж. въ глубину и сажаютъ кочны цвѣтной капусты до половины кочерыжки. Корни должны отстоять другъ отъ друга на ½ фута. Брюссельскую капусту разсаживаютъ по краю парника. Какъ только на капустѣ пожелтѣютъ листья, ихъ надо тотчасъ же оборвать, иначе капуста начнетъ гнить. Парники накрываютъ рамами и постоянно провѣтриваютъ съ обѣихъ сторонъ; только при 2° мороза рамы накрываютъ толстыми соломенными матами и кругомъ обкладываютъ парникъ теплымъ лошадинымъ навозомъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 32. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 12 августа 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1917 г.

Военное министерство Временнаго Правительства (четвертаго состава).

Полковникъ Барановскій (начальникъ кабинета министра). **Генералъ-маіоръ Якубовичъ** (товарищъ министра). **Б. В. Савинковъ** (управляющій министерствомъ). **А. Ф. Керенскій** (министръ). **Полковникъ кн. Тумановъ** (товарищъ министра).

По фот. К. Булла.

Голова китайца.

Разсказъ Владиміра Воинова.

Иллюстраціи И. Горюшкина-Сорокопудова.

(Окончаніе).

XI.

Наступила ужасная ночь.

Тьма густая и мокрая бѣсновалась вверху; вѣтеръ тискалъ и комкалъ косматыя тучи, выжимая изъ нихъ потоки воды: клокотали ущелья, вырываясь въ долину ураганами пѣны; скалы рушились и съ грохотомъ падали внизъ: а слѣпящія молніи рвали тяжелое небо, чертили его зигзагами, плавили серебряной вспышкой и упорными жуткими перекатами грома потрясали хребты черныхъ горъ.

Все сильнѣе вздувалась рѣка, скрежеща о пороги обломками влекомыхъ камней.

Что-то стонало вверху, завывало, металось, не находя себѣ мѣста, и грозило разрушить вѣками стоявшія твердыни.

И при вспышкахъ мятущейся молніи, какъ и часъ, какъ и два тому назадъ, все такъ же неподвижно и тупо рисовалась фигура человѣка, застывшаго въ каменномъ ужасѣ у края воронки, развороченной взрывомъ.

Это былъ Тэдди.

Онъ не видѣлъ, не зналъ, не чувствовалъ ничего.

Горе обрушилось камнемъ въ открытую душу, придавило ее, притиснуло до самой земли и лишило всего, чѣмъ живетъ человѣкъ.

Иногда онъ пытался поднять тяжелую голову, впивался глазами въ холодную жуть; потомъ голова поникала опять, не въ силахъ осмыслить всего происшедшаго.

Было ясно одно: никого изъ нихъ нѣтъ.

Значитъ, нѣтъ ни профессора, ни Боба, ни...

Дальше Тэдди не могъ уже думать, до того было страшно и жутко то, что должно было слѣдовать дальше.

И онъ продолжалъ оставаться на мѣстѣ—раздавленный, мокрый, безпомощный, маленькій.

Пробѣжала серпомъ огневая стрѣла, распорола по шву вышину и раскатистымъ круглымъ ударомъ шарахнулась въ бездну ущелья.

— Гремитъ!—отложилось въ душѣ, помимо сознанія.

И вдругъ Тэдди вспомнилъ:

— И тогда прогремѣло два раза! Передъ тѣмъ какъ онъ вышелъ сюда.

Тэдди вздрогнулъ и ощутилъ, какъ вливается снова сознаніе въ больную тяжелую голову:

— А передъ тѣми ударами что-то случилось еще. Но что?

Онъ уставился въ тьму, словно искалъ въ ней отвѣта.

Словно искра прожгла вдругъ сознаніе.

Онъ вскочилъ и потрясъ кулаками.

— Да! Онъ вспомнилъ! Онъ помнитъ теперь сѣрый камень, а выше—лицо; мертвое, желтое, съ широкими скулами, косыми прорѣзами глазъ и длинными, тонкими усами! Китаецъ!

Да! Тэдди помнитъ теперь! Точно такъ же, какъ передъ побѣгомъ рабочихъ, и теперь появилась эта ужасная голова.

— Нѣтъ! — крикнулъ Тэдди. — Здѣсь не несчастье! Здѣсь преступленіе!

Онъ сжалъ кулаки и съ проклятіемъ бросился въ тьму.

— Масса Картингъ!—услышалъ онъ вдругъ за спиной.—Масса Картингъ!

Чья-то рука опустилась ему на плечо и остановила на мѣстѣ.

Ослѣпительно сверкнула молнія.

Чья-то черная тѣнь приступила вплотную.

Тэдди взглянулъ и понялъ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ негръ.

Задыхаясь отъ бури нахлынувшихъ чувствъ, Тэдди впился руками въ костлявыя плечи Боба:

— Гдѣ они? Что случилось? Гдѣ миссъ Вэра? Учитель?

— Масса Картингъ, всѣ живы!

Тэдди разжалъ сразу руки, хотѣлъ обнять негра, но силы ему измѣнили, и онъ замертво грохнулся на берегъ.

XII.

— Сюда, масса Картингъ! За мной!—кричалъ въ темнотѣ старый Бобъ, продираясь сквозь мокрыя заросли.

Онъ усталъ отъ усилій и жуткой тревоги, ноги отказывались служить, передъ глазами мелькали цвѣтные круги: но Картингъ безжалостно гналъ его дальше — самъ пылающій весь горячечнымъ жаромъ, разбитый и еле справляющійся съ уступами кручъ, проросшихъ сплошными кустарниками.

Когда выбивались изъ силъ и Картингъ и негръ—оба садились на землю и долго молчали, задыхаясь въ густой темнотѣ, напоенной дурманомъ грозы.

Потомъ Тэдди снова разспрашивалъ негра:

— Ты помнишь дорогу?

— Да, помню! Это немного лѣвѣе. Тамъ ручей идетъ въ тѣсномъ ущельѣ и не вышелъ еще изъ глубокаго русла. Вдоль ручья есть тропинка, по которой легко можно ѣхать на лошади.

Этотъ толстый держалъ на сѣдлѣ нашу барышню, а профессора гнали пѣшкомъ на веревкѣ.

Тэдди судорожно сжималъ мокрый винчестеръ, и зубы его хищно скрипѣли.

— Впередъ, Бобъ! Только бери покороче дорогу!

Негръ покорно вставалъ и снова внѣдрялся въ шумящую мглу, хлещущую въ лицо мокрыми прутьями, обвивающую ноги корнями.

И такъ они рвались впередъ черезъ ручьи, черезъ выступы скалъ, живые одной только жаждой скорѣе приблизиться къ цѣли.

Тэдди пытался представить себѣ, что теперь съ Вѣрой. Вспоминалъ выраженіе глазъ ея, чистую складку на лбу между серьезныхъ и строгихъ бровей, темные локоны, звучный и радостный голосъ,—прозрачный, какъ струйка воды... Вспоминалъ шагъ за шагомъ всѣ встрѣчи, всѣ шутки и дѣтскія шалости... Вспомнилъ и весь свой послѣдній день, свои думы на камнѣ въ печальномъ своемъ одиночествѣ. Потомъ его мысль обрывалась внезапно, и передъ глазами одна за другой вставали картины, свидѣтелемъ коихъ былъ Бобъ: то выступало изъ тьмы кровавое пламя, взметнувшее къ небу обломки разрушенной хижины; то появлялась фигура профессора, взорвавшаго лагерь, чтобы не дать тайны изслѣдованій въ чужія преступныя руки.

„На арканѣ... за лошадью“...—вспоминались ему слова Боба.

Потомъ онъ срывался опять въ кровавую бездну, и передъ глазами стояли уже два лица. И одно было чистое, дѣтское, овѣянное ароматомъ капризныхъ кудрей, а другое — обрюзглое, потное, полное грязныхъ и злыхъ побужденій... Эти лица сближались, сходились... становились все ближе одно къ другому, и тогда вырастала изъ тьмы бѣшено фыркающая лошадь, уносящая въ черную даль и жертву и ея похитителя.

— Скорѣе! Прибавь шагу, Бобъ! Я боюсь опоздать!—кричалъ тогда Тэдди и, не зная дороги, вырывался впередъ, оставляя проводника далеко за собою.

Наконецъ перестало хлестать по лицу холодными вѣтками; подъ ногами шипѣло теперь что-то густое и скользкое, доходящее только до пояса, а земля стала ровной и хрупкой.

— Гдѣ мы, Бобъ?—спросилъ Картингъ.

— Мы пришли, масса Картингъ!

— Гдѣ же они?

— Впереди! Ихъ не видно теперь, но они очень близко. Нужно тише теперь!

Негръ стоялъ рядомъ съ Тэдди, дышалъ ему жарко въ затылокъ и крѣпко держалъ за рукавъ.

— Веди дальше!—шепнулъ ему Тэдди.

— Нельзя!

— Какъ нельзя?

— Ихъ двѣнадцать, а насъ только двое.

— Что же дѣлать?

— Будемъ ждать до утра, масса Картингъ, а тамъ будетъ видно!

Тэдди сразу почувствовалъ правду въ словахъ слуги-негра, но душа его рвалась впередъ.

— Я боюсь, будетъ поздно!

Бобъ съ минуту молчалъ, потомъ тихо отвѣтилъ:

— Все въ рукахъ Бога! Или поздно уже и сейчасъ, или не поздно и завтра.

Тэдди поникъ головой и застылъ подъ тяжестью словъ стараго негра.

— Если мой глазъ не обманываетъ меня, — продолжалъ шептать негръ,—имъ профессоръ нужнѣе, чѣмъ барышня. Толстый знаетъ, что барышню трогать нельзя, пока еще нуженъ профессоръ.

Тэдди крѣпко пожалъ руку негра и опустился на землю.

— Вѣрно, старый мой другъ,—прошепталъ онъ слугѣ.—Я совсѣмъ потерялъ голову!

Картингъ умолкъ, и надежда впервые за всю эту ночь тихо забрезжила въ жуткомъ туманѣ невѣдѣнія.

Буря притихла. Вѣтеръ уже не ревѣлъ. Небо стало спокойнѣе, глубже.

И на жаркія головы негра и Тэдди падалъ мелкій, разсѣянный дождь, обволакивая сознаніе мягкой пленкой дремоты.

„Все въ рукахъ Бога!“—мелькнула послѣдняя мысль, и Тэдди заснулъ, какъ убитый.

XIII.

Время тянулось мучительно медленно.

Утро стояло унылое, сѣрое; сквозь мокрую муть моросилъ мелкій дождь, обложившій все небо безнадежной завѣсой; за спиною шумѣли кустарники ниже темной, угрюмой опушки; выше — складки породы бороздили морщинами заплаканное лицо земли; а впереди покорно клонились въ одну сторону напоенныя влагой, отяжелѣвшія за ночь заросли гаоляна.

Уже не одинъ часъ Тэдди смотритъ впередъ,— туда, гдѣ среди буро-желтой щетины опустошеннаго поля, на узенькой плоской площадкѣ притаилась одинокая фанза, невѣдомо кѣмъ возведенная

въ пустынной долинѣ. Тамъ, въ этой фанзѣ, должны теперь быть и профессоръ и Вѣра. Старый Бобъ не ошибся въ дорогѣ. Онъ сумѣлъ прослѣдить похитителей до мѣста ихъ временной остановки; и теперь цѣлый косякъ верховыхъ лошадей, охраняемый однимъ дозорнымъ, служилъ подтвержденіемъ, что негръ привелъ ночью студента безошибочно къ цѣли.

Тэдди глядитъ на косякъ и считаетъ.

— Да! Двѣнадцать!—говоритъ онъ себѣ,—а насъ только двое, съ однимъ моимъ жалкимъ винчестеромъ. Что же дѣлать? Что дѣлать? Не сидѣть же вотъ такъ безъ конца!

Тэдди тяжко вздыхаетъ и смотритъ на негра.

Тотъ сидитъ совершенно спокойно и внимательно смотритъ впередъ.

Вдругъ онъ трогаетъ Тэдди рукою и шепчетъ:

— Масса Картингъ, наклонитесь къ землѣ!

Тэдди падаетъ внизъ, и сердце его замираетъ въ тоскливомъ предчувствіи.

— Нужно тихо ползти!—продолжаетъ шептать ему негръ.

И Тэдди ползетъ, не зная, зачѣмъ и куда.

Одна за другою проходятъ минуты—тревожныя, жуткія.

Наконецъ негръ беретъ его за рукавъ и задерживаетъ на мѣстѣ.

Тэдди пытается поднять голову и не можетъ: негръ не даетъ ему сдѣлать движенія.

— Не сейчасъ, масса Картингъ!—шипитъ онъ змѣей прямо въ ухо.—Сейчасъ они смотрятъ сюда! А теперь отвернулись! Смотрите! Смотрите!

Теперь Тэдди сразу уже поднялъ голову, и глаза его жадно расширились.

Фанза была въ двухъ десяткахъ шаговъ: гаолянъ почти кончился, и сквозь рѣдкіе стебли его, жидкой стѣнкой укрывшіе полосу чистой земли впереди, Тэдди ясно увидѣлъ группу людей, только-что вылившуюся изъ отверстія фанзы: впереди шелъ тотъ самый, съ тройнымъ подбородкомъ, о которомъ разсказывалъ негръ, называя его самымъ главнымъ: дальше двое другихъ вели на веревкѣ профессора; еще дальше трое съ винтовками замыкали унылое шествіе, разомкнувшись на пару шаговъ одинъ отъ другого.

Потомъ возлѣ фанзы мелькнуло еще что-то пестрое и цвѣтнымъ, перемѣнчивымъ клубомъ покатилось за остальными.

Тэдди вглядѣлся какъ слѣдуетъ въ этотъ безформенный комъ, и холодъ прошелъ у него по лопаткамъ: надъ пестрымъ халатомъ онъ ясно уже различилъ косые глаза, широкія скулы и тонкіе длинные усы.

— Китаецъ!—шепнулъ онъ застывшему негру.

— Да, масса Картингъ,—еле сумѣлъ выговорить Бобъ и вдругъ задрожалъ мелкой дрожью, ляская обломками желтыхъ зубовъ.

Между тѣмъ два конвойныхъ подвели на веревкѣ профессора къ столбу у самой границы площадки и остановились.

— Такъ вы не отвѣтите мнѣ на вопросы?—приблизился съ рѣшительнымъ видомъ толстякъ къ безпомощному профессору.

— Нѣтъ, Габихъ!—твердо отвѣтилъ профессоръ.

— Тогда я снимаю съ себя отвѣтственность за дальнѣйшее! Ка-Юнъ-Чи, приступай!

Китаецъ кошачьими мягкими шагами подошелъ вплотную къ столбу и проворнымъ движеніемъ рукъ притянулъ къ нему старое тѣло профессора.

Затѣмъ онъ опять отошелъ, снова приблизился, склонилъ свою голову къ колѣнямъ профессора, и жуткій выдавленный стонъ поплылъ надъ землей.

— Ну что? Не по вкусу пришлось, господинъ русскій изслѣдователь?—съ перекошеннымъ лицомъ спросилъ Габихъ.

Профессоръ ничего не отвѣтилъ.

— Еще, Ка-Юнъ-Чи!—приказалъ рѣзко Габихъ.—Все равно, до тѣхъ поръ, пока вы не укажете намъ выходы жилъ, мы не перестанемъ пытать васъ.

— Подлецъ! Звѣрь!—бросилъ въ отвѣтъ профессоръ поблѣднѣвшими, вздрагивающими губами.

— Не такъ строго!—ухмыльнулся насильственно Габихъ.—Я не звѣрь, и мнѣ не доставляетъ особеннаго наслажденія видъ вашихъ мученій. Но я сынъ своей родины и ставлю ея интересы выше личныхъ своихъ непріятностей. Продолжай, Ка-Юнъ-Чи! Продолжай до тѣхъ поръ, пока намъ почтенный ученый не укажетъ всѣ выходы золота.

Ка-Юнъ-Чи наклонился опять, и снова мучительный стонъ проплылъ по долинѣ.

— Я жду!—равнодушно напомнилъ Габихъ.

— Никогда!—запальчиво отвѣтилъ профессоръ и рѣзко тряхнулъ головой.—Никогда! Слышишь ты!

Профессоръ собралъ послѣднія силы и вдругъ звонко плюнулъ прямо въ лицо побагровѣвшему Габиху.

— Ага! Такъ вы вотъ какъ!—угрожающе прошипѣлъ тотъ.—Ну такъ мы съ вами нѣсколько иначе поступимъ. Развяжи, Ка-Юнъ-Чи!

Ка-Юнъ-Чи развязалъ, и дряблое тѣло профессора безпомощно упало къ подножью столба.

Габихъ склонился надъ нимъ и прошипѣлъ страшнымъ голосомъ:

Къ разсказу **„Голова китайца“**. *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ*

Китаецъ приблизился, склонилъ свою голову къ колѣнямъ профессора, и жуткій выдавленный стонъ поплылъ надъ землей. (Гл. XIII).

— Васъ мы оставимъ въ покоѣ. Но...

Габихъ остановился.

— Но,—продолжалъ онъ минуту спустя, упиваясь безпомощнымъ видомъ профессора,—если вы мнѣ въ теченіе сутокъ не отвѣтите на старый вопросъ, завтра, здѣсь же, у этого самаго столба, на вашихъ глазахъ мы будемъ пытать вашу дочь!

Габихъ тихо хихикнулъ и отошелъ.

— Я покажу тебѣ, какъ плевать!—ворчалъ онъ себѣ въ усы; потомъ повернулся и бросилъ назадъ:—Унести эту рухлядь обратно!

Ка-Юнъ-Чи перекинулъ безжизненное тѣло профессора черезъ плечо и унесъ его въ фанзу.

XIV.

Тэдди смотрѣлъ прямо передъ собою холодными, жесткими глазами, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

Онъ еще самъ не понималъ, что произошло съ нимъ за эти короткія минуты, но произошло что-то глубокое, важное.

Еще вчера вечеромъ, еще нынче утромъ онъ былъ чистымъ юношей, вѣрившимъ въ жизнь, вѣрившимъ въ людей, вѣрившимъ въ великое будущее всего человѣчества. И вотъ на его глазахъ свершилось явленіе, безжалостно разъ навсегда разбившее радужную оболочку міровоззрѣнія, изъ которой впервые взглянулъ на свѣтъ Божій не довѣрчивый юноша, а созрѣвшій и понявшій всю глубину человѣческаго паденія мужъ.

„Нѣтъ! Не то! Не то!—оглянулся назадъ новый Тэдди.—До тѣхъ поръ, пока на землѣ рядомъ съ нами, рядомъ съ профессоромъ—

честнымъ и мужественнымъ, рядомъ съ его чистой дочерью. бокъ-о-бокъ живутъ дикари. способные съ улыбкой удовлетворенія сдирать съ живыхъ людей кожу, до тѣхъ поръ, пока живетъ и благоденствуетъ раса, породившая такихъ представителей, — все наше личное, мелкое, частное должно быть забыто, отложено. Тутъ нужно быть твердымъ, какъ сталь, холоднымъ, какъ глыба гранита. Тутъ нужно что-то большое и смѣлое, иначе нѣтъ цѣли и смысла оставаться на этой землѣ! Нѣтъ, господа Габихи! Всѣ мы, любящіе и чтущіе высокое понятіе, заложенное самимъ Творцомъ въ слово „человѣкъ", обязаны стать на защиту того, во что вѣримъ, чѣмъ дышимъ, въ чемъ видимъ смыслъ и цѣль своего бытія на землѣ!"

Тэдди съ большимъ изумленіемъ отмѣтилъ въ себѣ огромное душевное спокойствіе и полную ясность ума.

„Старикъ! Русскій ученый! Вотъ примѣръ мнѣ на всю мою жизнь. И не жаль мнѣ его! Я самъ готовъ хоть сейчасъ принять самыя страшныя муки ради славы и благоденствія родины. Крылья растутъ за спиною отъ этакихъ мукъ!"

Тэдди твердо глядѣлъ прямо передъ собою, и ему было стыдно за вчерашній свой страхъ, за ночную растерянность, за утреннюю мальчишескую горячность.

„Нѣтъ! Тутъ нужно обдумать! Нужно строго и точно!" — повторялъ онъ себѣ и видѣлъ, что никогда еще въ жизни мысли его не текли такъ легко и послѣдовательно, какъ въ эти минуты послѣ ужаснаго зрѣлища пытки.

Потомъ онъ тряхнулъ слегка негра и повлекъ его снова къ опушкѣ.

Тамъ онъ легъ подъ обломокъ гранита и сказалъ:

— Вотъ что, Бобъ! Мнѣ нужно сейчасъ крѣпко и крѣпко подумать. Нужно будетъ рѣшить очень важный вопросъ. Ты не трогай меня и займись своими дѣлами. Когда будетъ нужно, я кликну тебя.

Такъ лежалъ онъ до самаго вечера.

А потомъ бодро всталъ, и по лицу его старый слуга уже видѣлъ, что масса Картингъ нашелъ то, что надо.

Чѣмъ-то новымъ казалось теперь Тэдди Картингу все окружающее.

Странно было глядѣть на деревья, на скалы, на маленькій костерокъ, возлѣ котораго старательный Бобъ возился съ кускомъ дикой козы, притащенной съ мѣста погибшаго лагеря; на самого Боба, такого простого и ласковаго. Будто мимо прошло до сихъ поръ очень многое изъ окружающаго, не оставивъ слѣда на душѣ, а теперь вдругъ коснулось ея и заговорило понятными, новыми голосами.

Тэдди вырвалъ листокъ изъ блокнота, сѣлъ на стволъ опрокинутаго кедра и коротко написалъ:

„Ни минуты не медля, откройте забравшимъ васъ людямъ выходы золотоносныхъ жилъ.

Преданный вамъ Тэдди Картингъ"

Поздно ночью, когда мокрая мгла придавила со всѣхъ сторонъ выступы горъ и долины, изъ гаоляна безшумно выскользнулъ негръ и, распластавшись змѣей по землѣ, поползъ прямо къ фанзѣ.

Тэдди остался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ передъ этимъ, и ждалъ.

Прошло полчаса. Еще и еще.

Было тихо и глухо въ черномъ туманѣ, пронизанномъ брызгами непрекращающагося дождя.

Наконецъ что-то вздрогнуло у ногъ Тэдди Картинга, и усталое дыханіе негра шевельнуло ближайшіе листья.

— Ну? — спросилъ Тэдди Картингъ.

— Все исполнено!

Тэдди молча нащупалъ дрожащую руку слуги и крѣпко пожалъ ее.

XV.

Утромъ Картингъ почувствовалъ приступы лихорадки, однакоже пересилилъ себя и продолжалъ наблюденіе изъ-за зарослей гаоляна.

Габихъ вышелъ изъ фанзы въ то же самое время, что и накануне. Теперь подъ конвоемъ одиннадцати человѣкъ шелъ не только профессоръ. Рядомъ съ нимъ была его дочь.

Тэдди внимательно вглядывался въ дорогое лицо. Оно поблѣднѣло, стало строже еще; брови тѣснѣе сходились надъ пылающими прекрасными глазами, а поступь у дѣвушки была безплотная, легкая, — такая, какой, вѣроятно, всходили когда-то на костеръ первыя мученицы за христіанскую вѣру.

Тэдди глядѣлъ, не отрываясь, въ эти глаза и силился осмыслить происходящее.

„Неужели записка не попала по назначенію? Но нѣтъ, Бобъ клянется, что просунулъ ее прямо въ щель угловой комнаты, гдѣ кромѣ профессора и дѣвушки не было никого. Бобъ даже слышалъ, какъ шлепнулся шарикъ бумаги и какъ чьи-то руки шуршали потомъ, разворачивая записку. Стало-быть, ея содержаніе извѣстно профессору. И все-таки его вмѣстѣ съ дочерью ведутъ теперь къ тому же столбу, гдѣ вчера Ка-Юнъ-Чи мучилъ стараго ученаго. Неужели же профессоръ, вопреки его совѣту, рѣшилъ обречь дочь на поруганіе? Но вѣдь это же безуміе! Вѣдь не мальчишка же я въ самомъ дѣлѣ! И если я говорю, что можно выдать тайну, то, значитъ, имѣю глубокій, продуманный планъ, какъ пресѣчь потомъ могущія произойти послѣдствія. Значитъ, старикъ не имѣетъ довѣрія ко мнѣ? Или какъ еще можно понять то, что сейчасъ происходитъ?"

Тэдди растерянно глядѣлъ то на Габиха, то на профессора, то на безжизненную фигуру китайца, готоваго сдѣлать все, что прикажутъ ему, то на мѣняющееся лицо дѣвушки, въ которомъ отражались теперь и тоска, и ужасъ, и вѣра, и надежда на чудо.

— Ну, что же? — сказалъ Габихъ. — Положенный срокъ миновалъ, я жду вашего послѣдняго отвѣта.

Ка-Юнъ-Чи хищнымъ шагомъ приблизился къ дѣвушкѣ.

Тэдди окинулъ глазами всю группу. Всѣ стояли лицомъ къ профессору и его дочери. Отсюда, изъ гаоляна, видны были спины.

Тэдди ощупалъ рукою винчестеръ и вдругъ поднялъ голову выше раздавшихся стеблей.

Глаза его жутко и остро скрестились съ глазами профессора.

— Да рѣшайтесь же! — чуть не крикнулъ забывшійся Тэдди, потрясая винчестеромъ.

Въ это время китаецъ обернулся лицомъ въ сторону Картинга, и Тэдди пропалъ въ гаолянѣ.

— Итакъ, Ка-Юнъ-Чи, раздѣвайте дѣвицу! — закашлявшись, вымолвилъ Габихъ.

Тэдди вскинулъ винчестеръ и приложился.

„Если коснется хоть пальцемъ, убью!" — рѣшилъ онъ безповоротно.

Китаецъ поднялъ-было руку.

Въ это время профессоръ, шатаясь, подался впередъ и черезъ силу сказалъ:

— Со-гла-сенъ!

Рука Ка-Юнъ-Чи опустилась. Тэдди крѣпко вздохнулъ и опустилъ ружье.

Черезъ минуту вся группа опять возвращалась подъ кровъ страшной фанзы, а часъ спустя Габихъ и десять наѣздниковъ промчались во весь опоръ въ десяткѣ шаговъ отъ негра.

„Это они рѣшили провѣрить профессора!" — сказалъ себѣ Тэдди и мысленно принялся высчитывать: — „до рѣки имъ всего полчаса, потомъ по рѣкѣ до ручья... Это тоже пустякъ... Но потомъ имъ придется итти ужъ пѣшкомъ къ тому водоему, гдѣ лежитъ голубой гротъ. Это уже потребуетъ времени. Особенно теперь, когда ручей вздулся и вышелъ изъ русла".

Быстро взвѣсивъ подробности, Тэдди тряхнулъ негра:

— Ни минуты не медля, къ рѣкѣ! Собери все, что осталось изъ бревенъ и досокъ! Свяжи! Сдѣлай плотъ! А я пока освобожу Вѣру и профессора.

Негръ молча сверкнулъ бѣлками и пропалъ на опушкѣ; а Тэдди окинулъ глазами притихшую фанзу, у которой бродилъ часовой, и приготовилъ винчестеръ.

Выждавъ моментъ, когда часовой достигъ крайняго пункта и повернулся спиной, Тэдди поднялся надъ гаоляномъ и наметаннымъ глазомъ поймалъ черезъ узкій прорѣзъ бритый затылокъ.

— Спасеніе близко! — сказалъ онъ себѣ и, затаивъ дыханіе, выстрѣлилъ.

XVI.

Рѣка клокотала.

Порѣдѣвшій одно время дождь неожиданно хлынулъ опять, словно собрался залить всѣ ущелья и наполнить долины водой до уровня горъ.

Вечеръ приблизился сразу — жуткій, холодный; тучи спустились до водной поверхности и мокрыми клочьями мрачно ощупывали каждую складку породы.

Утлый плотъ, сколоченный наскоро Бобомъ изъ обломковъ разрушенной хижины, бросало, какъ щепку, отъ берега къ берегу; въ двухъ шагахъ было трудно уже отличить сѣрый валъ отъ гребня подводнаго камня; нужно было собрать всю рѣшимость, всю отвагу и полное расчетливое вниманіе, чтобы вести почти ощупью, въ мокромъ туманѣ связку бревенъ въ руслѣ рѣки, не обрушивъ ее случайнымъ движеніемъ на утесъ, не разрѣзавъ ее о гранитные выступы, все еще прочно вздымающіе острыя груди свои въ бѣлой пѣнѣ бушующихъ водъ.

Громъ метался за тучами гулко и глухо, словно ища себѣ выходъ наружу, и, когда находилъ, раскаленными стрѣлами низвергалъ накипѣвшую ярость въ нѣмыя твердыни; и твердыни дрожали, испуганно встряхивались и роняли въ рѣку опаленныя глыбы.

Послѣ сверканія молніи было особенно трудно глядѣть въ темноту, и у Тэдди душа начинала томиться глубокой тревогой.

Онъ стоялъ на колѣняхъ, обхвативъ руками дрожащую доску, замѣнившую руль, и всей силой мышцъ удерживалъ плотъ въ его яростномъ бѣгѣ между двухъ темныхъ стѣнъ, угрожающихъ рухнуть.

Иногда плотъ подпрыгивалъ, будто сорванный страшнымъ порывомъ попутнаго вѣтра съ воды; потомъ начиналъ поворачиваться; и тогда Тэдди чувствовалъ, что, ослабь онъ сейчасъ свои руки, и бурлящій потокъ замотаетъ ихъ вмигъ въ неудержимомъ вращеніи; минутою позже — доска начинала вырываться изъ рукъ, отмѣчая порывистыми колебаніями вверхъ и внизъ ступени пороговъ; тогда обрывалась душа, и Тэдди съ покорною тупостью

ждалъ удара о доски, отъ котораго лопнутъ послѣднія связи, и люди найдутъ свой конецъ въ бѣснующейся волнѣ горной рѣки.

При кровавыхъ измѣнчивыхъ отблескахъ Тэдди видѣлъ порою силуэтъ бѣдной дѣвушки, тоже стоящей теперь на колѣняхъ между двумя неподвижными массами, охватившими ее съ двухъ сторонъ: это отецъ и негръ Бобъ крѣпко вцѣпились въ нее, боясь за ея безопасность.

Неожиданно мгла впереди покраснѣла, словно вспышка зажгла собой небо и оставила его висѣть алымъ бархатомъ выше черныхъ проваловъ.

— Что такое?—не могъ понять Тэдди.—Луна? Быть не можетъ!

А плотъ все летѣлъ и летѣлъ навстрѣчу тому, что глядѣло теперь изъ разорванной мглы розоватою жуткой улыбкой, и скоро до слуха изумленнаго Тэдди дошло восклицаніе негра:

— Пожаръ, масса Картингъ! Загорѣлись лѣса!

Тэдди понялъ и обмеръ отъ ужаса.

Съ двухъ сторонъ покраснѣвшей рѣки поднималось зловѣщее зарево, и сквозь дымку дождя и тумана уже различали глаза

— Но долженъ же, чортъ возьми, быть и конецъ всему этому!—грозно крикнулъ внезапно озлившійся Тэдди и съ удвоенной силой нажалъ на сухую, горячую доску.

Когда онъ минуту спустя поглядѣлъ на своихъ спутниковъ, ему стало больно.

Профессоръ и Вѣра не смогли уже вынести пытки задыхаясь, лежали, откинувъ безпомощно головы.

— Бобъ! Обрызгай водой!—приказалъ громко Тэдди.

Негръ нагнулся къ водѣ, и вдругъ рѣзкій крикъ покрылъ собою вой свистящаго пламени.

Тэдди глянулъ по направленію взгляда обезумѣвшаго отъ ужаса негра и выпустилъ доску изъ рукъ: за плотомъ, изъ-за послѣдняго бревна его, неподвижно и жутко сверкнули косые глаза.

Тѣло китайца оставалось все время въ водѣ, а мертвое, плоское лицо держалось на уровнѣ водной поверхности и ни на мигъ не спускало упорныхъ, змѣиныхъ глазъ своихъ съ фигуры студента.

— Проклятый!—вскричалъ гнѣвно Тэдди. — Такъ вотъ почему тебя не оказалось у фанзы!

Къ разсказу „Голова китайца". *П. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

— Итакъ, Ка-Юнъ-Чи, раздѣвайте дѣвицу!— закашлявшись, вымолвилъ Габихъ. (Гл. XV).

косые столбы высокаго пламени, бьющіе въ небо живыми снопами.

Становилось свѣтлѣй и свѣтлѣй.

Теперь уже ясно обозначились головы спутниковъ на бархатѣ пламени.

Одинъ поворотъ, и плотъ безнадежнымъ броскомъ влетѣлъ въ огневое пространство.

Стало душно и жарко.

Оба берега буйно пылали, разметавъ во всѣ стороны красные флаги. Пламя шипѣло, металось, кидалось подъ самое небо, лизало кровавыми языками края бурыхъ тучъ, и потоки дождя, не успѣвъ долетѣть до земли, обращались въ туманное облако пара и взлетали обратно, чтобы снова спуститься и снова упасть.

Многолѣтніе кедры, дубы, сосны, пихты и лиственницы, словно свѣчи, тянулись горящими вершинами къ безжалостному небу; опрокинутыя ели, расколотыя и размочаленныя ударами молніи, шипѣли смолою на буйномъ кострѣ; и въ вязкой испаринѣ горячаго пара, обжигающаго лицо, исторгающаго слезы боли изъ глазъ, все труднѣй и труднѣй становилось дышать.

Словно огромная струя расплавленнаго чугуна, ползла между лопающихся массивовъ алая лента рѣки. И въ серединѣ ея, озаренный чудовищнымъ блескомъ пожара, шелъ маленькій плотъ съ четырьмя онѣмѣвшими путниками, безсильными противопоставить свои человѣческія силы буйнымъ силамъ бушующей грозной стихіи.

— Тайга! — крикнулъ старый профессоръ, озираясь вокругъ безнадежными, сухими глазами.

Тэдди нагнулся, и въ рукѣ его жутко сверкнулъ винчестеръ.

Китаецъ повелъ на него косыми глазами и внезапно исчезъ.

Тэдди сначала на мигъ растерялся, но потомъ быстро вскинулъ винчестеръ и принялся ждать.

— Если ты человѣкъ, а не призракъ, то появишься вновь!—шепнулъ угрожающе Тэдди.

Въ эту минуту шагахъ въ сорока за плотомъ изъ воды показалось лицо: открыло косые глаза и вперило ихъ въ плотъ.

Грянулъ сухой, рѣзкій выстрѣлъ, и голова снова скрылась въ водѣ. Теперь навсегда уже.

Тэдди бросилъ винчестеръ и снова схватился за руль.

— Скорѣй, масса Картингъ! Скорѣй!—кричалъ негръ.

Тэдди глянулъ и понялъ.

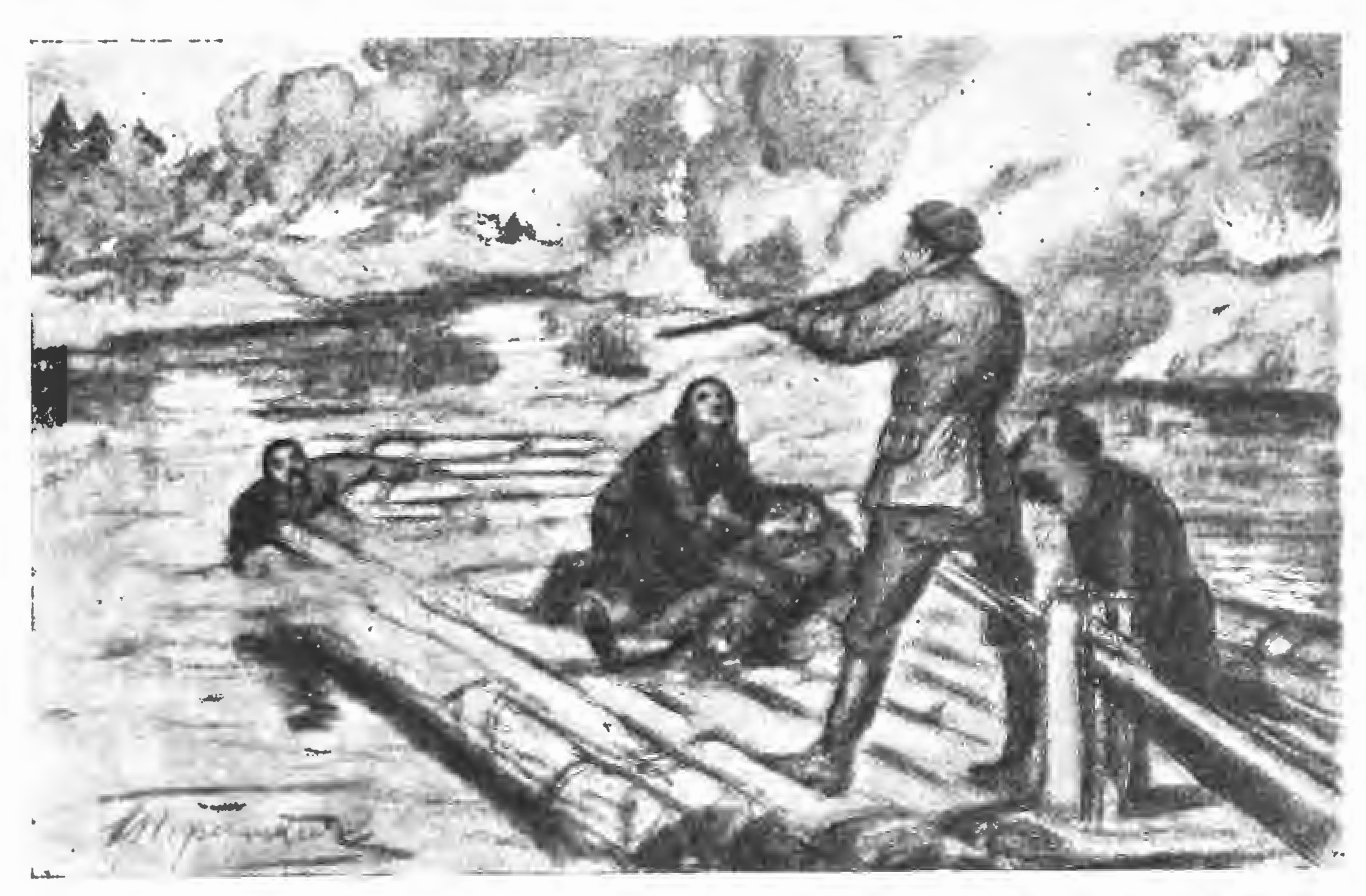
Плотъ пригнало почти уже къ самому берегу, и мѣхъ на кожаной курткѣ профессора, брошенной у края плота, начиналъ уже тлѣть.

— А н-ну!—крикнулъ Тэдди, налегая послѣднимъ усиліемъ на широкую доску, и смѣлымъ броскомъ вывелъ плотъ снова на самую середину рѣки.

XVII.

Въ пяти миляхъ на югъ отъ того мѣста, гдѣ остановился пожаръ, встрѣтивъ широкую водную преграду, Тэдди нашелъ караванъ, шедшій за экспедиціей вверхъ по рѣкѣ.

— Ну, теперь мы уже въ безопасности! — сказалъ Картингъ профессору, садившемуся на своего осла.



Къ разсказу **„Голова китайца"**. *П. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*
Грянулъ сухой, рѣзкій выстрѣлъ, и голова снова скрылась въ водѣ. (Гл. XVI).

— Да!—отвѣтилъ профессоръ, но по лицу его не было видно, чтобы слова Тэдди очень его обрадовали.

Онъ былъ печаленъ, задумчивъ, казался теперь постарѣвшимъ совсѣмъ, и глубокія складки на поникшемъ челѣ выражали глубокое внутреннее страданіе.

Выждавъ время, когда караванъ растянулся вдоль берега, Тэдди пустилъ Вѣру ѣхать впередъ, а самъ поровнялся съ профессоромъ и долго молчалъ, не рѣшаясь нарушить его размышленія.

Наконецъ онъ подъѣхалъ вплотную.

— Учитель,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—не будетъ ли дерзостью съ моей стороны вопросъ о причинѣ, положившей глубокія складки на ваше чело?

Профессоръ ничего не отвѣтилъ. Только еще больше потупилась его голова.

— Можетъ-быть, ужасъ перенесенныхъ страданій у фанзы нарушилъ душевное равновѣсіе учителя?—попытался еще разъ студентъ войти въ разговоръ съ профессоромъ.

Тотъ поднялъ медленно голову, поглядѣлъ жалкими глазами и тихо отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Нѣсколько дюймовъ старой кожи, содранной съ моихъ колѣнъ, не могутъ поколебать ясности духа. За дочь я, дѣйствительно, больше боялся. Но и это прошло уже, какъ проходитъ угрюмое облако по чистому небу, обронивъ только капли дождя. Но есть и такое, что никогда не проходитъ, что всю жизнь будетъ висѣть мертвымъ грузомъ на старой моей душѣ, пригнетая ее до самой земли, не давая мнѣ смѣло глядѣть въ глаза людямъ. Это—грѣхъ противъ совѣсти!

— О какомъ же грѣхѣ говоритъ учитель.

— О томъ, которому нѣтъ и не можетъ быть оправданія. О томъ, послѣ котораго я долженъ презирать себя весь остатокъ недолгой уже моей жизни.

Профессоръ тряхнулъ головой.

— Убоялся!—сказалъ онъ глухимъ, придавленнымъ голосомъ,—дочь предпочелъ родинѣ!

Онъ уронилъ опять голову, и слеза покатилась по рѣзкой морщинѣ.

Тэдди сразу вскипѣлъ.

— Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Развѣ же не мудрость должна руководить поступками людей? И неужели же мертвая буква до сихъ поръ стоитъ выше смысла и разума? Развѣ грѣхъ спасти дочь отъ позора, если слово, послужившее къ ея избавленію отъ поруганія и мукъ, не даетъ врагу въ руки ни одной самой малой возможности? Нѣтъ! Профессоръ, вы не правы! Не вашъ это грѣхъ! Это я на свою совѣсть принялъ смѣлость выдать выходы жилъ проклятому Габиху. Но если я рѣшился на это, то значитъ же я, чортъ возьми, имѣлъ въ виду, какъ парализовать послѣдствія даннаго поступка! Слушайте меня, отецъ! Мы бѣжали! Мы бѣжали безслѣдно! Если бы еще эта страшная голова, что слѣдила за нами съ самаго дня появленія нашего и до послѣдней минуты, если бы еще она уцѣлѣла, то тогда еще могли бы быть нѣкоторыя опасенія. Но теперь и для вашего Габиха и для всѣхъ остальныхъ мы погибли въ горящей тайгѣ! Иначе они и подумать не смогутъ. Стало-быть: выходы золота находятся въ ихъ полномъ распоряженіи, а живыхъ свидѣтелей ихъ преступленія уже нѣтъ! Что же, по-вашему, послѣдуетъ дальше? Несомнѣнно, въ самомъ непродолжительномъ времени они, подъ руководствомъ все того же знаменитаго Габиха, оборудуютъ рудники и начнутъ вести дѣло съ чисто-нѣмецкой настойчивостью. Не ясно ли, что позиція взявшаго подъ негласный надзоръ до это милое предпріятіе значительно выгоднѣе чѣмъ позиція ничего не подозрѣвающихъ хищниковъ?

— Что вы хотите сказать этимъ?

— А то, что, когда они будутъ у цѣли, мы...

Тутъ Тэдди Картингъ наклонился къ самому уху профессора и что-то шепнулъ ему.

Профессоръ откинулъ вдругъ голову, и все его старое лицо озарилось радостнымъ свѣтомъ.

— Геніально!—вскричалъ онъ такимъ буйнымъ голосомъ, что даже оселъ шарахнулся въ сторону и лягнулъ одновременно обоими задними копытами.—Такъ вы, стало-быть, это и имѣли въ виду, когда замахали тогда руками изъ гаоляна?

— Ну да! Это самое!

— А какъ это воплотить?

— Легче, чѣмъ то, къ чему мы вели сначала. У васъ, сами знаете, техника не такъ высока, какъ у нихъ, и они въ нѣсколько мѣсяцевъ достигнутъ такихъ результатовъ, какихъ не добиться вамъ за десять лѣтъ. Остальное оставимъ до Владивостока! Тамъ есть ваши власти, тамъ есть наше консульство. Пара крѣпкихъ, хорошихъ нитей, проведенныхъ отъ двухъ этихъ пунктовъ до мѣста стоянки нашей недавней экспедиціи, обезпечитъ успѣхъ дальнѣйшаго. Ясно?

— Безподобно!

Профессоръ толкнулъ ногами осла и радостно помчался впередъ, такъ гикая на ходу, словно собирался кого-то остановить.

— Вѣра!—кричалъ онъ еще издали.—Ты видѣла когда-нибудь голову этого молодого британца?

Вѣра не понимала еще ничего, но уже видѣла, что произошло что-то важное: отецъ былъ восторженно-возбужденъ, и глаз его искрились восхищеніемъ.

— Нѣтъ! Каковъ молодецъ! Ахъ, чортъ возьми! Не будь я Заблоцкій, если я не желалъ бы имѣть такого прекраснаго юношу въ качествѣ своего человѣка у себя въ домѣ! А? Что ты скажешь на это, плутовка?

Вѣра вся вспыхнула и опустила головку.

Въ это время приблизился Тэдди.

Онъ серьезно взглянулъ на профессора и мягко сказалъ:

— Милый учитель! Вы, кажется, занялись тѣмъ, чѣмъ надлежало бы мнѣ самому заняться!

Говоря такъ, онъ взялъ Вѣру за руку и, заглядывая ей въ глаза, спросилъ:

— Ну а вы, миссъ Вэра, какого на этотъ счетъ мнѣнія?

— Я... согласна!—отвѣтила Вѣра и въ слабомъ пожатіи вылила всѣ свои чувства, созрѣвшія и окрѣпшія въ послѣднихъ тяжелыхъ и злыхъ испытаніяхъ.

— Только...—Тэдди вдругъ сдѣлался строгимъ, и глаза его вспыхнули сталью.—Только считаю необходимымъ предупредить, что я далъ себѣ самому клятву немедленно по возвращеніи изъ экспедиціи вступить въ ряды войскъ. До тѣхъ поръ, пока передъ мирными очагами стоитъ черный кошмаръ, созданный Габихами, до тѣхъ поръ, пока милліоны людей живутъ бокъ о бокъ съ организованными и вооруженными бандами, посягающими на вѣковую культуру, на святыни людей, на самое имя „человѣкъ“,—ни одинъ честный гражданинъ не въ правѣ, въ угоду личному счастью, отказаться отъ исполненія высокаго долга! Это я ясно и глубоко понялъ тогда, въ гаолянѣ, когда „просвѣщенный“ Габихъ сдиралъ кожу со стараго русскаго ученаго!

Профессоръ крѣпко обнялъ юношу и расцѣловалъ его. А Вѣра дала ему руку, къ которой студентъ приникъ съ благоговѣніемъ, и глаза ея вспыхнули гордостью.

— Да, Тэдди! Прежде всего—туда! Сначала для всѣхъ, для милліоновъ, для родины! А послѣ ужъ—наше!

XVIII.

Одиннадцать мѣсяцевъ спустя въ газетахъ почти одновременно появились два краткихъ сообщенія.

Особеннаго въ нихъ ничего не заключалось, и они затерялись безслѣдно на фонѣ событій военнаго времени.

И только въ далекой траншеѣ, четыре дня тому назадъ отнятой англичанами у нѣмцевъ, молодой британскій офицеръ прочелъ ихъ со слезами удовлетворенія на ясныхъ глазахъ.

Первое гласило: „такого-то числа въ Петроградѣ, отъ неизвѣстной причины, скоропостижно скончался геологъ профессоръ Габихъ“.

А второе, днемъ раньше: „такого-то числа, между такимъ-то и такимъ-то градусами восточной долготы океанскій пароходъ, огибавшій Японію подъ португальскимъ флагомъ, остановленъ былъ неожиданно русскою подводною лодкою и по осмотрѣ отведенъ на буксирѣ въ портъ“.

Тэдди Картингу было извѣстно, чѣмъ былъ груженъ пароходъ, огибавшій Японію.

Дрожащей рукой вытянулъ онъ висѣвшій на груди золотой медальонъ, раскрылъ его, любовно взглянулъ на портретъ дѣвушки и благоговѣйно коснулся его губами.

На станціи безпроволочнаго телеграфа.

Разсказъ **С. Бѣльскаго.**

(Окончаніе).

Ливчакъ потащилъ меня въ дальній уголъ двора и остановился передъ низкой стѣной, сложенной изъ валуновъ. За этимъ массивнымъ загражденіемъ находилось маленькое четырехугольное пространство, на которомъ росли жалкіе кустики салата, картофель съ пожелтѣвшими листьями, убитый морозомъ, который таился въ почвѣ, и гордость Ливчака:—величайшее растеніе всего Архипелага,—чахлые подсолнечники, пересаженные изъ цвѣточныхъ горшковъ.

Я съ трудомъ удержался отъ улыбки при видѣ той торжественности, съ какой этотъ полтавскій хуторянинъ, забравшійся за сѣверный полярный кругъ, показывалъ мнѣ умирающую растительность, которую онъ долженъ былъ съ непостижимымъ упрямствомъ защищать отъ бурь, холода и тумановъ.

Вдругъ лицо Ливчака приняло растерянное и даже слегка испуганное выраженіе, онъ машинально дотронулся до пестраго шнурка, замѣнявшаго ему галстукъ, привычнымъ движеніемъ поддернулъ свои шаровары и, не смотря на меня, сказалъ вполголоса:

— Сюда идетъ вашъ старшій помощникъ, Викентій Ѳомичъ Калистратовъ. Онъ два мѣсяца завѣдывалъ станціей и, должно быть, наговоритъ обо мнѣ что-нибудь этакое непріятное. Онъ любитъ ни за что очернить человѣка. И на всѣ случаи у него правила... Онъ всѣ стѣны предписаніями увѣшалъ и даже на островѣ, въ необитаемыхъ мѣстахъ, столбы поставилъ съ различными запрещеніями: запрещается приставать къ берегу, запрещается ѣздить!.. Колючій человѣкъ!

Я обернулся и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ Калистратова, на которомъ былъ новенькій наглухо застегнутый мундиръ и форменная фуражка. Во всѣхъ движеніяхъ этого человѣка было что-то геометрически правильное и строго расчитанное, напоминающее великолѣпно сдѣланнаго автомата. Онъ шелъ размѣреннымъ твердымъ шагомъ и, слегка приподнявъ фуражку, отчетливо выговорилъ свое имя, чинъ и ученое званіе.

— Мы думали, что вы уже и не пріѣдете,— сказалъ Калистратовъ, пожимая мою руку.—Теперь на морѣ происходитъ столько несчастій, что благоразумнѣе всего пріучить себя къ мысли о неизбѣжной гибели всѣхъ, кто пускается въ путь. „Зимородокъ“—старое судно, и это, пожалуй, его послѣднее плаваніе!

Я невольно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ на блѣдномъ фонѣ моря отчетливо, словно нарисованный тонкимъ перомъ, чернѣлъ стройный силуэтъ „Зимородка“.

„Колючій человѣкъ“,—повторилъ я про себя слова Ливчака, и мнѣ въ свою очередь захотѣлось сказать Калистратову что-нибудь непріятное, но я удержался и холодно отвѣтилъ:

— Какъ видите, все обошлось благополучно. Вы, кажется, чрезмѣрно преувеличиваете опасность.

— Я никогда ничего не преувеличиваю и вижу всѣ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ! Для нѣкоторыхъ эта старая лодка можетъ казаться прекраснымъ кораблемъ, изображеніе котораго годилось бы для какого-нибудь фантастическаго романа, а для меня она—только гнилой остовъ никуда негоднаго судна, построеннаго много лѣтъ назадъ съ нарушеніемъ элементарныхъ правилъ техники.—Онъ выговорилъ все это отрывисто, сердито смотря то на меня, то на механика.

— А не пора ли позавтракать? — перебилъ его Ливчакъ.—Я сегодня, по случаю пріѣзда инженера, хочу угостить васъ свѣжимъ салатомъ.

Калистратовъ досталъ изъ жилетнаго кармана замшевый мѣшочекъ, въ которомъ лежалъ хронометръ, и, щелкнувъ золотой крышкой, отвѣтилъ:

— Три минуты двѣнадцатаго! Мы обыкновенно завтракаемъ на двадцать семь минутъ позднѣе, но сегодня можно сдѣлать исключеніе. Тѣмъ болѣе,—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и стараясь придать своему деревянному лицу любезное выраженіе,—что теперь здѣсь вы будете хозяиномъ, и отъ васъ зависитъ укрѣпить или разрушить созданный порядокъ.

Я ничего не отвѣтилъ, и мы молча дошли до того дома, въ которомъ помѣщались наши квартиры. Общая столовая оказалась унылой и мрачной комнатой, съ голыми гранитными стѣнами, на которыхъ вмѣсто картинъ были развѣшаны большіе куски картона съ крупными надписями, сдѣланными цвѣтными карандашами. Противъ моего мѣста оказалось краткое изреченіе: „Сначала ѣшь, потомъ говори!“ Между окнами помѣщалось не совсѣмъ понятное правило: „Хорошее пищевареніе облегчаетъ выполненіе нравственнаго долга“. Но самый странный афоризмъ я прочиталъ на дверяхъ. Онъ гласилъ: „Ѣда не есть удовольствіе, а отвѣтственный трудъ, возложенный на насъ природой для выполненія ея неизвѣстныхъ цѣлей“.

— У меня пропадетъ всякій аппетитъ, если я постоянно буду видѣть передъ собой эти плакаты,—сказалъ я, обращаясь къ Ливчаку съ такимъ видомъ, какъ будто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, кто былъ авторомъ всѣхъ этихъ изреченій.

Калистратовъ молча и съ достоинствомъ снялъ со стѣнъ всѣ надписи и, окончивъ эту работу, сухо замѣтилъ:

— Мнѣ казалось, что опытъ каждаго человѣка, заключенный въ краткія выразительныя формулы, можетъ принести пользу всѣмъ, кто научился думать, но теперь вижу, что ошибался...

Во время завтрака, состоявшаго изъ консервовъ, трехъ сортовъ вареной рыбы и салата, мы не обмѣнялись ни единымъ словомъ. Самымъ счастливымъ оказался Полозовъ, который дежурилъ на телеграфѣ и не могъ принять участія въ этомъ мрачномъ пиршествѣ. Нравоучительныхъ надписей, правда, больше не было, но почему-то онѣ не выходили у меня изъ головы, и я невольно искалъ ихъ глазами на стѣнахъ, мысленно повторяя спутавшіяся формулы Калистратова: „кто ѣстъ и молчитъ, тотъ выполняетъ нравственный долгъ. Ѣда представляетъ тяжелый трудъ, возложенный на насъ природой!..“ Наконецъ я съ облегченіемъ вздохнулъ, когда тарелки были очищены, и Калистратовъ, наполнивъ жидкимъ краснымъ виномъ чайные стаканы, провозгласилъ тостъ „за нашу дружную семью, объединенную чудесными открытіями электротехники“.

— Ну, давай Боже! — сказалъ разомъ повеселѣвшій Ливчакъ, залпомъ осушая свой стаканъ и почему-то переходя на малороссійскій языкъ.—Може, віно все ще якъ-нибудь перемелется!

III.

Дни стояли ясные, безвѣтренные и какіе-то торжественные. Солнце почти круглыя сутки свѣтило съ безоблачнаго неба, а когда оно опускалось въ застывшее море, наступали оранжевыя прозрачныя сумерки: зачарованная уснувшая гладь океана заплеталась золотистыми и красными водорослями, которыя прибой высоко разметывалъ по каменнымъ скаламъ. На раз-

свѣтѣ по морю плыли огромные блѣдно-розовые лепестки, и на востокѣ, надъ тонко очерченной линіей скалъ, разгоралось такое бурное пламя, какъ будто надъ океаномъ въ огненныхъ вихряхъ рождалось новое солнце.

Я каждый день наблюдалъ за этимъ угасаніемъ и рожденіемъ солнца, такъ какъ выбралъ для своего дежурства ночные часы, когда у насъ было особенно много работы.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ, я не могу назвать тѣхъ станцій, съ которыми мы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но, не рискуя нарушить военной тайны и сообщить какіе-либо строго охраняемые секреты о новыхъ усовершенствованіяхъ въ области безпроволочнаго телеграфированія, замѣчу, что мы получали извѣстія съ пароходовъ, плавающихъ по всѣмъ сѣвернымъ морямъ отъ береговъ Англіи до Новой Земли. Впрочемъ, при помощи нѣсколькихъ приспособленій и при особо благопріятныхъ условіяхъ, раіонъ этотъ значительно расширялся: мнѣ, напримѣръ, въ теченіе цѣлой недѣли удалось слѣдить за радіотелеграммами одной германской станціи, скрытой гдѣ-то въ Африкѣ, на берегу Атлантическаго океана. На Т   островѣ мнѣ въ первый разъ пришлось обнаружить существованіе въ нашей атмосферѣ постоянныхъ весьма слабыхъ электрическихъ волнъ, которыя какъ будто шли изъ неизмѣримой дали и напоминали легкую зыбь на поверхности моря, вызванную пронесшейся гдѣ-то бурей. Мы называли эти волны сигналами съ Марса, такъ какъ, если они не вызывались какими-нибудь космическими причинами, то ихъ посылала станція, имѣвшая свой особый весьма запутанный шифръ и не желавшая считаться ни съ какими условными обозначеніями.

Я обращаю на эти загадочныя волны эѳира вниманіе электротехниковъ, работающихъ на крайнемъ сѣверѣ: можетъ-быть, кому-нибудь изъ нихъ посчастливится найти объясненіе этого таинственнаго явленія, наблюдать которое лучше всего отъ трехъ до пяти часовъ утра.

Закончивъ работу, я ложился спать, а послѣ обѣда шелъ гулять на берегъ моря. Эти прогулки доставляли мнѣ много удовольствія и были лучшими часами моей жизни на островѣ. Каждый день я открывалъ новые уголки, дикая и величественная красота которыхъ заставляла меня забывать о зеленѣющей и цвѣтущей землѣ на далекомъ югѣ. Голые камни и скалы имѣютъ своеобразную красоту; въ ихъ очертаніяхъ привычный глазъ улавливаетъ тонкую гармонію линій, и мнѣ часто казалось, что я попалъ въ огромную заброшенную мастерскую невѣдомаго скульптора, который пытался воплотить въ обломкахъ гранита созданіе смѣлой, дерзкой фантазіи. Въ этихъ красноватыхъ и сѣрыхъ камняхъ была заключена какая-то мятежная воля: они словно въ бѣшенствѣ ринулись съ высокихъ горъ къ океану, взгромоздились другъ на друга и въ ужасѣ, загадочные и непонятные, повисли надъ ледяной пучиной.

Весь островъ имѣлъ не больше трехъ верстъ въ окружности и раздѣлялся почти посрединѣ высокимъ каменнымъ хребтомъ, въ расщелинахъ котораго до конца лѣта держался снѣгъ и ледъ. Холмистую равнину, находившуюся за этой возвышенностью, мы называли землей Унара, по имени единственнаго самоѣда, жившаго на островѣ и считавшаго себя древнимъ и законнымъ владѣльцемъ всего Архипелага, который, по мнѣнію этого дикаря, образовался изъ раскаленныхъ камней, упавшихъ съ поверхности солнца.

Море вокругъ острова было совершенно пустынно. Въ теченіе многихъ дней мы не видѣли ни одного парохода, ни одной парусной лодки, и только съ вершины горы можно было различить въ сильный бинокль длинныя полосы дыма, которыя, подобно кометнымъ хвостамъ, тянулись за военными и торговыми судами, уклонявшимися далеко къ сѣверу

Въ концѣ іюня погода начала портиться. Съ сѣвера неожиданно налетали сильные шквалы; небо разомъ темнѣло, море покрывалось волнами съ пѣнистыми гребнями, и по крышѣ и окнамъ станціи барабанилъ холодный дождь. Потомъ, черезъ часъ или два, опять свѣтило солнце, вѣтеръ стихалъ, и только взбудораженный океанъ продолжалъ разъяренно метаться по скаламъ, обдавая ихъ брызгами и пѣной.

Въ одну такую бурную безпокойную ночь я дежурилъ на станціи вмѣстѣ съ Калистратовымъ. Мы только-что приняли важную радіотелеграмму съ русскаго военнаго судна, какъ аппаратъ началъ выстукивать все одну и ту же фразу, передаваемую съ какой-то неизвѣстной станціи, повторявшей безъ перерыва: „гдѣ Астрея? гдѣ Астрея?!.“ Мнѣ начинало по временамъ казаться, что надъ бурнымъ моремъ носится какая-то зловѣщая птица и жалобно выкрикиваетъ: „Астрея! Астрея!..“ Черезъ нѣсколько минутъ германская станція сообщила о взятіи форта Дуомона.

— Ложь!—немедленно отвѣтилъ французскій радіотелеграфъ.— Вы постоянно лжете.

— Фортъ Дуомонъ взятъ сегодня въ пять часовъ дня,—подтверждали изъ Вильгельмсгафена.

— Подъ Верденомъ нѣмцы потерпѣли новое пораженіе. Мы взяли больше тысячи плѣнныхъ!

— Хвастуны!—отвѣтилъ нѣмецкій телеграфъ.

— Лжецы! Вамъ больше никто не вѣритъ!

Подобные споры возникали каждый день, и случалось, что въ нихъ принимали участіе десятки судовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ сѣвернымъ морямъ. Такъ было и на этотъ разъ. Какой-то капитанъ Гартонгъ, пароходъ „Марія“, заявилъ на весь свѣтъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію французскихъ телеграфистовъ.

— Нѣмцы кричатъ о своихъ побѣдахъ и тогда, когда ихъ бьютъ! Пусть они попробуютъ показаться со своимъ флотомъ!..

— Для капитана Гартонга приготовлена хорошая мина,—отвѣтило какое-то неизвѣстное судно.—Нѣмецкія лодки давно знаютъ, гдѣ пройдетъ его „Марія“.

— Пираты! Разбойники!—отвѣтилъ англичанинъ.—Я не боюсь вашихъ угрозъ. Попробуйте только подойти къ „Маріи“. У насъ есть чѣмъ васъ встрѣтить!..

Мы установили пріемные аппараты на другую длину волнъ и услышали, какъ два норвежскихъ судна разыскивали другъ друга. Какой-то таинственный угольщикъ сообщалъ запутаннымъ шифромъ о своемъ мѣстонахожденіи. Изъ Англіи сообщали о налетѣ цеппелиновъ и послѣдней рѣчи Ллойдъ Джорджа. Кто-то загадочно приказывалъ:

— U 23, U 25 должны ожидать М. К. R. Вышли вчера...

Казалось, вся атмосфера была наполнена голосами, перебивавшими другъ друга и терявшимися гдѣ-то въ ледяной пустынѣ, на границѣ которой находился нашъ островъ.

Я задремалъ, сидя на жесткомъ стулѣ, и мгновеніями мнѣ казалось, что шумъ дождя и отдаленный гулъ и вой водоворота совершенно стихаютъ, наступаетъ мертвая тишина, и въ мрачной комнатѣ съ голыми гранитными стѣнами звучитъ только одинъ голосъ, почальный, какъ мѣдный звонъ башенныхъ часовъ:

— Гдѣ Астрея?!.. Гдѣ Астрея?!..

И вдругъ я разомъ проснулся, точно отъ неожиданнаго толчка. Аппаратъ торопливо выстукивалъ что-то тревожное, и прежде, чѣмъ Калистратовъ успѣлъ прочитать мнѣ первыя слова радіотелеграммы, я уже по стуку разобралъ такъ часто повторяющійся теперь на морѣ призывъ о помощи.

— Пароходъ „Гулливеръ“ наткнулся на мину или взорванъ подводной лодкой,—съ трудно уловимой быстротой, обрывая слова, передавалъ какой-то безвѣстный герой, до послѣдней минуты оставшійся на своемъ посту.— Спѣшите! Мы продержимся еще десять минутъ. Находимся къ востоку отъ Черной отмели... На сѣверѣ виденъ какой-то островъ... Пароходъ горитъ...

И вдругъ разомъ заговорили десятки судовъ, отвѣчая на этотъ отчаянный призывъ. Въ воздухѣ точно пронеслась электрическая буря. Къ „Гулливеру“ со всѣхъ сторонъ направлялись: океанскій гигантъ „Эдвинъ“, норвежскій быстроходный пароходъ „Олафъ“, русскій пароходъ „Бѣломоръ“, два миноносца, сторожевой крейсеръ и тяжелый грузовикъ „Голіаѳъ“, который, впрочемъ, обѣщалъ добраться до мѣста крушенія только утромъ. Ближе всѣхъ къ „Гулливеру“ находился „Эдвинъ“, но, къ несчастью, у него при быстромъ поворотѣ испортился руль. Остальныя суда могли прибыть при самомъ быстромъ ходѣ черезъ два и три часа.

— Поздно! Слишкомъ поздно!—отвѣчали съ „Гулливера“.—Сильный кренъ... Нѣтъ никакой надежды. Три лодки перевернулись... Сильное волненіе.

На мгновеніе наступила тишина. Я невольно представилъ себѣ охваченную пламенемъ и клубами дыма палубу, на которой въ безумномъ ужасѣ, давя и сталкивая другъ друга за бортъ, мечутся сотни людей. Кто онъ, этотъ неизвѣстный герой-телеграфистъ? Какія сцены видитъ онъ за окномъ своей тѣсной каюты, которая черезъ нѣсколько минутъ станетъ его могилой? Удастся ему еще передать нѣсколько послѣднихъ словъ? Я со страхомъ ждалъ этихъ прощальныхъ словъ, не смѣя почти дышать и боясь отвести глаза отъ блестящаго мѣднаго молоточка.

Загоралась заря; въ окно я видѣлъ ураганъ пламени, вырывавшійся изъ глубины моря; черезъ нѣсколько минутъ должно было взойти солнце. Многіе ли увидятъ его на „Гулливерѣ“?

И вдругъ мы съ Калистратовымъ разомъ вздрогнули. Послышался сухой трескъ аппарата, и слабыя электрическія волны принесли послѣднюю телеграмму съ погибающаго судна. Мы разобрали ее съ большимъ трудомъ, такъ какъ она состояла изъ безсвязныхъ обрывковъ словъ.

— Капитанъ Кернъ... сообщаетъ... на пароходѣ находится важный преступникъ, Диксонъ... Въ лодкѣ ихъ четверо, не считая Диксона: матросъ, Ольсенъ, профессоръ и еще...

Радіотелеграмма внезапно оборвалась, и мы напрасно съ какимъ-то слѣпымъ упрямствомъ, не надѣясь получить отвѣта, въ теченіе цѣлаго часа вызывали „Гулливера“. Я прекрасно зналъ, что изуродованный, разломанный корпусъ погибшаго корабля лежитъ на днѣ океана, но въ сердцѣ каждаго человѣка кроется вѣра въ возможность чуда, вспыхивающая съ особенной силой въ такіе моменты, когда отчаяніе, страхъ и состраданіе заглушаютъ голосъ разсудка.

Наконецъ намъ отвѣтили съ „Эдвина“, успѣвшаго, повидимому, несмотря на поломку руля, прибыть на мѣсто несчастья:

— Англійскій пароходъ „Гулливеръ“ затонулъ отъ взрыва мины сегодня въ три часа сорокъ минутъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ острова Т   . Изъ экипажа и пассажировъ спасти никого не удалось.

— Гдѣ этотъ островъ Т   ?—спросилъ я у своего помощника.

— Никогда не слышалъ такого названія,—отвѣтилъ Калистратовъ, разворачивая морскую карту.

Я успѣлъ принять и передать двѣ радіотелеграммы съ русскихъ судовъ, а Калистратовъ все еще читалъ съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ названія еле замѣтныхъ черныхъ точекъ, разсѣянныхъ на синемъ фонѣ карты за полярнымъ кругомъ.

— Такого острова нѣтъ, — объявилъ онъ наконецъ рѣшительнымъ тономъ. — Капитанъ „Эдвина“ ошибается.

— А вамъ какой островъ нуженъ? — спросилъ Полозовъ, входя въ комнату. — Я слышалъ, — добавилъ онъ, зѣвая и протирая заспанные глаза, — что какое-то судно взорвалось на минѣ. Это чудовищно! Море мнѣ уже и теперь кажется безконечнымъ кладбищемъ. Я не могу смотрѣть на него безъ ужаса. Могилы въ двѣ версты глубиной! Брр!..

— Мы ищемъ островъ Т . — сказалъ Калистратовъ. — Можетъ-быть, вы слышали о немъ что-нибудь, такъ какъ давно работаете на сѣверѣ?

— Слышалъ ли я? Вотъ такъ штука! — искренно удивился телеграфистъ. — Вамъ не зачѣмъ разыскивать его на картахъ съ помощью лупы, а достаточно только взглянуть въ окно. Англичане и норвежцы называютъ островомъ Т ту самую землю, на которой мы находимся.

Теперь наступила наша очередь удивиться.

— Значитъ, „Гулливеръ“ погибъ гдѣ-нибудь близко отъ насъ! — воскликнулъ я. — Почему же мы не видѣли пожара?

— Можетъ-быть, вамъ помѣшала заря? — вопросительно отвѣтилъ Полозовъ. — Если бы здѣсь утромъ на востокѣ сгорѣлъ цѣлый флотъ, то и тогда бы, пожалуй, ничего не замѣтили.

— Обращаю ваше вниманіе на послѣднюю радіотелеграмму, — оффиціальнымъ тономъ сказалъ Калистратовъ. — Тамъ говорилось о какомъ-то преступникѣ. Надо полагать, что эта лодка идетъ сюда...

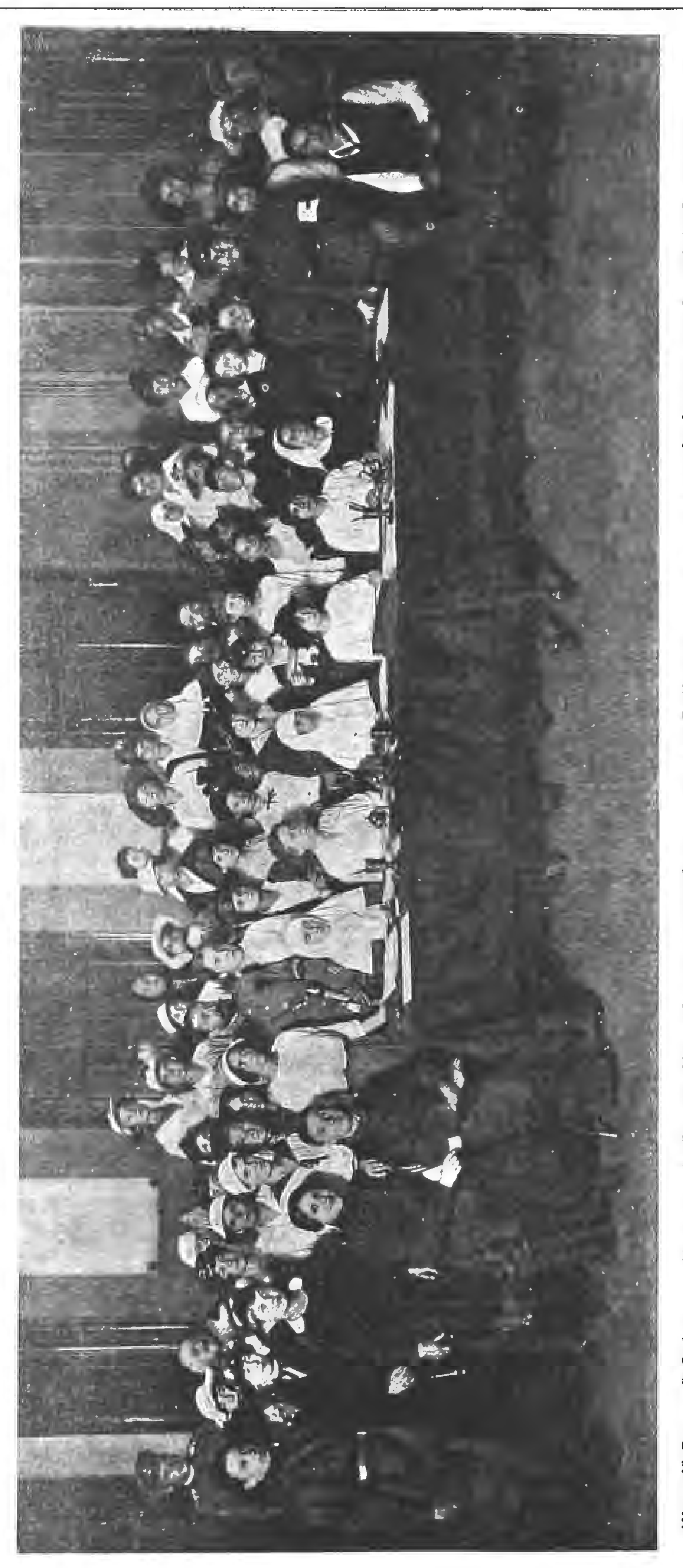
— А можетъ-быть, и другія лодки! — вскричалъ я съ живостью. — Идемте на берегъ! Соберите людей. Пусть они возьмутъ одѣяла, вина и провизію!..

Полозовъ остался на станціи, а я бѣгомъ пустился къ берегу, прыгая черезъ камни и рытвины. Мое волненіе было такъ велико, что я забылъ надѣть шляпу, и въ своемъ разстегнутомъ пиджакѣ, безъ пальто и въ туфляхъ, самъ имѣлъ видъ человѣка, спасавшагося послѣ какой-нибудь катастрофы.

На берегу я прежде всего увидѣлъ Унара, котораго мы называли „королемъ Архипелага“. „Король“, одѣтый въ свои вытертые мѣха, покрытый слоемъ грязи и жира, сидѣлъ на корточкахъ на плоскомъ камнѣ и прищуренными маленькими глазками смотрѣлъ куда-то вдаль.

— Что ты тамъ видишь? — спросилъ я.

— Развѣ голоса, которые вы постоянно слушаете, ничего не сказали вамъ о томъ, что сюда идетъ большая лодка? — съ хитрой улыбкой спросилъ самоѣдъ. — Въ лодкѣ четверо мужчинъ и одна женщина.



Женскій Военный Съѣздъ въ Петроградѣ. *Въ президіумѣ Съѣзда — предсѣдательница г-жа Е. И. Моллесонъ, товарищи предсѣдательницы: д-ръ М. Г. Ѳомина-Аргунева и капитанъ Л. Н. Ростовъ, секретари: В. Д. Михайлова и А. С. Лаврова.*

Этотъ первый въ мірѣ Женскій Военный Съѣздъ, созванный русской женщиной, поднявшей на свои плечи тяжелый воинскій долгъ, принялъ на себя организацію по всей Россіи женскаго военнаго дѣла, установленіе всеобщей женской трудовой повинности и на ряду съ этимъ продолженіе въ широкихъ размѣрахъ женской просвѣтительно-культурной работы. Съѣздъ призналъ необходимымъ обратиться къ русскому обществу за помощью по доставленію въ Петроградъ и увѣковѣченію памяти погибшихъ на полѣ битвы женщинъ-воиновъ; поручилъ разработать проектъ дома инвалидовъ женщинъ-добровольцъ и постановилъ исходатайствовать, чтобы семейства женщинъ-добровольцъ въ отношеніи обезпеченія пайкомъ и проч. были уравнены съ семьями мужчинъ-солдатъ по набору

Я забылъ свои очки на столѣ и поэтому ничего не видѣлъ, кромѣ зыбкаго хаоса широкихъ волнъ, не успѣвшихъ еще улечься послѣ недавняго шторма. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ лодка съ „Гулливера“ приблизилась настолько, что я могъ ясно разсмотрѣть ея очертанія.

Унаръ выхватилъ изъ рукъ одного изъ нашихъ рабочихъ красное одѣяло и принялся имъ размахивать надъ своей головой. Черезъ пять минутъ бѣлая лодка съ надписью вдоль борта „Гулливеръ“ входила въ маленькій спокойный заливъ, который мы ей указали. Она пристала въ сотнѣ шаговъ отъ насъ, и пока мы, перегоняя другъ друга, бѣжали вокругъ залива, пассажиры вышли на берегъ, и среди нихъ мнѣ прежде всего бросилась въ глаза фигура коротенькаго толстаго человѣка, который, снявъ круглую мягкую шляпу, поднялъ глаза къ небу и съ театральнымъ жестомъ сказалъ, обращаясь къ своимъ четыремъ спутникамъ, хотя мнѣ почему-то казалось, что онъ имѣетъ въ виду прежде всего постороннихъ зрителей этой сцены:

— Возблагодаримъ всеблагого Бога, проведшаго насъ черезъ врата смерти къ этой землѣ спасенія.

Они молились одну минуту, и потомъ десятокъ нашихъ запыхавшихся отъ быстраго бѣга молодцовъ подоспѣлъ къ нимъ на помощь съ такимъ запасомъ энергіи, какъ будто бы пассажировъ „Гулливера“ приходилось вновь спасать изъ власти разъяреннаго океана. Человѣкъ, говорившій о милости Провидѣнія, былъ мгновенно запеленатъ въ два одѣяла, и его, какъ и дѣвушку, несли на рукахъ до самой станціи. Остальные трое мужчинъ послѣ упорной борьбы отказались отъ посторонней поддержки и, выпивъ по глотку вина, пошли вмѣстѣ съ нами сзади процессіи, впереди которой шелъ Калистратовъ, за нимъ „король“ Унаръ и четверо рабочихъ, несшихъ подъ наблюденіемъ Ливчака наиболѣе слабыхъ пассажировъ несчастнаго „Гулливера“.

IV.

Въ теченіе пяти или шести часовъ, прошедшихъ со времени гибели англійскаго парохода, произошло столько неожиданныхъ событій, что я совершенно забылъ о послѣдней загадочной радіотелеграммѣ капитана „Гулливера“. О ней напомнилъ мнѣ мой помощникъ, когда мы со спасенными пассажирами подходили къ воротамъ станціи.

— Въ радіотелеграммѣ говорилось о важномъ преступникѣ Диксонѣ, который спасся въ шлюпкѣ вмѣстѣ съ матросомъ Ольсеномъ и еще тремя пассажирами. По-моему, это они и есть. Впрочемъ, это мы сейчасъ узнаемъ. Эй!—крикнулъ онъ высокому молодому норвежцу, который накинулъ на свои широкія плечи пальто одного изъ сторожей, не доходившее этому сѣверному великану и до колѣнъ.—Эй! Какъ тебя звать?

Матросъ на минуту остановился, повернувъ къ намъ свое улыбающееся добродушное лицо, и громко отвѣтилъ:

— Ольссенъ, Іонасъ Ольсенъ! Два года плавалъ на „Гулливерѣ“.

— Вотъ видите!—съ торжествомъ замѣтилъ Калистратовъ.—Если есть Ольсенъ, долженъ быть и Диксонъ. И если вы подумаете одну минугу, то сразу увидите, кто изъ нихъ тотъ опасный преступникъ, за которымъ такъ внимательно слѣдилъ капитанъ Кернъ.

Мнѣ во всю свою жизнь не приходилось имѣть дѣло ни съ однимъ преступникомъ. Я зналъ объ ихъ существованіи только изъ газетъ и романовъ, и теперь мнѣ казалось совершенной нелѣпостью, что среди маленькой кучки людей, выброшенныхъ моремъ въ заливъ Привидѣній, находится какой-то отверженный, отъ котораго предостерегаютъ даже въ такія минуты, когда, казалось бы, всѣ становятся равными передъ лицомъ смерти.

Впереди шелъ маленькій сѣдой старичокъ съ красными словно нарумяненными щеками и гладко выбритымъ подбородкомъ, похожій на захолустнаго актера-неудачника. Катастрофа застала его, должно-быть, въ постели, и поэтому онъ надѣлъ первое, что попалось ему подъ руку. На немъ были бѣлыя фланелевыя панталоны, синій суконный жилетъ и разорванный пиджакъ изъ какой-то дорогой матеріи.

Одинъ изъ рабочихъ отдалъ ему свои тяжелые сапоги, которые онъ съ видимымъ трудомъ передвигалъ по каменистой почвѣ. Вся эта одежда, которая нѣсколько часовъ тому назадъ была разложена въ строгомъ порядкѣ въ одной изъ роскошныхъ каютъ „Гулливера“, не успѣла еще высохнуть и была покрыта грязью. Въ общемъ этотъ человѣкъ производилъ впечатлѣніе жалкаго и несчастнаго существа, встрѣтивъ которое на улицахъ большого города, многіе поспѣшили бы достать кошелекъ, чтобы оказать ему посильную помощь.

— Его зовутъ Вильямъ Стифенъ,—сообщилъ мнѣ Калистратовъ, успѣвшій собрать всѣ свѣдѣнія о пассажирахъ „Гулливера“.—Спасенная дѣвушка—его единственная дочь. Онъ американецъ изъ Детройта, штата Мичиганъ. Вы слышали когда-нибудь объ автомобиляхъ „Гномъ“? Ну такъ вотъ, всѣ эти машины, сколько ихъ ни есть въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, вышли изъ завода этого старикашки, который съ такимъ унылымъ видомъ бредетъ впереди насъ.

— Онъ совсѣмъ не похожъ на преступника, — подтвердилъ я.

— Человѣкъ, у котораго сорокъ милліоновъ, что бы онъ ни сдѣлалъ, не можетъ быть преступникомъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ произнесъ мой помощникъ, и это, пожалуй, былъ самый вѣрный изъ всѣхъ его афоризмовъ.

— Если исключить еще матроса, то останутся только двое. Тотъ достойнѣйшій человѣкъ, который съ такой теплой вѣрой молился на берегу, и вотъ этотъ черноволосый дѣтина, съ краснымъ одѣяломъ на плечахъ. Первый выше всякихъ подозрѣній. Онъ профессоръ библейской археологіи, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, и ѣхалъ въ Россію съ цѣлью прочитать нѣсколько лекцій о теософіи и ясновидѣніи. Значитъ...

— Да, дѣло кажется яснымъ, — отвѣтилъ я,—но мнѣ почему-то кажется, что вы ошибаетесь.

Калистратовъ съ обиженнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Вы хотите возражать противъ очевидности. На вашемъ мѣстѣ я бы немедленно заперъ этого Диксона въ подвалъ.

— Подождемъ еще,—отвѣтилъ я нерѣшительно.—Не спорю, вы какъ будто правы, но въ такихъ случаяхъ всегда слѣдуетъ быть осторожнымъ. Да и потомъ этотъ островъ самъ по себѣ служитъ надежной тюрьмой.

— Послѣ этого я умываю руки,—съ нѣкоторой торжественностью произнесъ телеграфистъ.—Я запру ставни въ моей комнатѣ и повѣшу замки на всѣ шкапы.

Рѣшивъ обезопасить себя такимъ образомъ отъ покушенія ужаснаго Диксона, который вышелъ невредимымъ изъ огня и воды, Калистратовъ не проронилъ больше ни одного слова и всю остальную дорогу шелъ съ мрачнымъ видомъ человѣка, который каждую минуту ждетъ самыхъ ужасныхъ происшествій.

Подозрительный пассажиръ, какъ будто угадывая мое намѣреніе заговорить съ нимъ, первый подошелъ ко мнѣ. Его отчаянный видъ дѣйствительно не внушалъ ни малѣйшаго довѣрія. Сухимъ изъ воды вышелъ одинъ почтенный профессоръ археологіи, которому помогали, вѣроятно, добрые духи. Больше всѣхъ пострадалъ неизвѣстный, котораго мы принимали за Диксона. Пламя горѣвшаго парохода и океанъ такъ его обработали, что страшно было смотрѣть. Платье на немъ обгорѣло и висѣло безпорядочными лохмотьями. Борода и волосы на головѣ были опалены, ушибленная или сломанная рука туго перевязана носовымъ платкомъ, а на высокомъ морщинистомъ лбу была небольшая рана, кровь изъ которой, стекая тонкими струйками, запеклась около глаза и на щекѣ. Я посмотрѣлъ на его темные лихорадочно блестѣвшіе глаза и невольно подумалъ, что, пожалуй, Калистратовъ правъ. Если около кого-нибудь изъ насъ находился мрачный ангелъ зла, то, конечно, самое подходящее для него мѣсто было за спиной этого человѣка.

— Я Робертъ Мильреди,—сказалъ онъ по-французски, протягивая мнѣ лѣвую руку, такъ какъ правая была у него забинтована.—Простите, что я раньше не назвалъ вамъ своего имени, но все происходящее кажется мнѣ какимъ-то сномъ, дурнымъ сномъ, который я, впрочемъ, переживаю во второй разъ, такъ какъ былъ въ числѣ пассажировъ еще одного парохода, погибшаго при подобныхъ же обстоятельствахъ.

— Мнѣ помнится,—сказалъ я, стараясь говорить равнодушнымъ тономъ и незамѣтно наблюдая за своимъ собесѣдникомъ,—помнится, что въ своей послѣдней телеграммѣ капитанъ Кернъ упоминалъ о какомъ-то спасшемся профессорѣ.

— Онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду мистера Блекмора, ученѣйшаго археолога. Я художникъ, хотя у меня въ Лондонѣ есть мастерская, въ которой обучалось много молодежи, и меня часто называютъ профессоромъ, но это не совсѣмъ точно.

— А вы не знаете Диксона?—выпалилъ я, воображая, что сразу могу вывести его на чистую воду.

Но этотъ Мильреди либо былъ величайшимъ актеромъ, либо тѣмъ, за кого онъ себя выдавалъ.

— Диксонъ очень распространенная фамилія,—отвѣтилъ онъ спокойно,—у меня есть даже родственники съ этой фамиліей.

— А на пароходѣ не было ни одного Диксона?

— Право, не знаю! Я почти все время сидѣлъ въ своей каютѣ и спѣшилъ закончить картину для салона на „Гулливерѣ“, которую просилъ меня написать капитанъ. Но почему васъ такъ интересуетъ этотъ Диксонъ?

Я промолчалъ и подумалъ, что Диксонъ больше не существуетъ. Можетъ-быть, онъ и находился въ шлюпкѣ, въ числѣ ея пяти пассажировъ, но когда она пристала къ берегу, въ ней оказались только извѣстный художникъ, почтенный профессоръ, еще болѣе почтенный милліонеръ и юная дѣвушка. Преступникъ словно растворился въ этомъ избранномъ обществѣ, въ которомъ соединились талантъ, знаніе, золото и красота. Единственнымъ воспоминаніемъ о немъ осталась безсвязная радіотелеграмма, которую я пожелалъ бросить въ огонь, чтобы навсегда покончить съ мрачной тѣнью Диксона.

Черезъ часъ мы всѣ сидѣли за великолѣпнымъ завтракомъ, какого не было даже въ день моего пріѣзда. Ливчакъ проявилъ необыкновенную изобрѣтательность. Онъ уничтожилъ весь свой огородъ и даже изъ листьевъ подсолнечника приготовилъ какой-то необыкновенный салатъ, котораго, впрочемъ, никто не сталъ ѣсть. За столомъ я сидѣлъ между миссъ Стифенъ и ея отцомъ; напротивъ меня помѣщался повеселѣвшій и порозовѣвшій профессоръ Блекморъ, такой благодушный и спокойный, что, смотря на него, можно было подумать, что мы собрались на какое-нибудь семейное торжество. Мнѣ не нравились только его острые бѣлые зубы и та жадность, съ которой онъ ѣлъ и пилъ, въ особенности пилъ. Вино и даже разбавленный водою спиртъ изъ нашей аптеки не производили на него сначала никакого дѣйствія. По свойственной ему разсѣянности, онъ то и дѣло

опоражнивалъ рюмку своего сосѣда Мильреди и каждый разъ спѣшилъ наполнить ее вновь.

Оживленный разговоръ велся по-французски, но миссъ Стифенъ и художникъ довольно сносно объяснялись по-русски, а Блекморъ зналъ, кажется, всѣ языки на свѣтѣ. Молчаніе хранилъ одинъ бѣлокурый великанъ Ольсенъ, чувствовавшій себя, повидимому, очень неловко въ нашей компаніи, и его неловкость и застѣнчивость увеличивались еще болѣе отъ того, что всѣ пассажиры „Гулливера" наперерывъ старались оказывать матросу знаки самаго теплаго расположенія, вниманія и признательности.

Миссъ Стифенъ клала ему на тарелку самые лучшіе куски, ея отецъ заботливо слѣдилъ за его бокаломъ, и даже мрачный Мильреди нѣсколько разъ пожалъ руку норвежца.

— Онъ спасъ насъ всѣхъ,—разсказывалъ Стифенъ.—Вся эта исторія произошла слишкомъ быстро, и я не могу припомнить ея во всѣхъ подробностяхъ. Помню, что проснулся отъ сильнаго толчка, хотѣлъ взглянуть на свой хронометръ, и вдругъ весь пароходъ вздрогнулъ отъ носа до кормы, точно наскочилъ на подводную скалу. Къ счастью, электричество не погасло. Я бросился въ коридоръ, и не помню, какъ очутился вмѣстѣ съ дочерью на палубѣ. Кругомъ все валилось, рушилось и мгновенно исчезало въ волнахъ. Толпа прижала насъ къ стѣнѣ, которая обжигала мнѣ руки. Я видѣлъ красное пламя, густыя облака чернаго дыма, людей, исчезавшихъ вмѣстѣ съ обломками въ пѣнистыхъ водоворотахъ, но ничего не слышалъ. Мнѣ казалось, что все совершается среди мертвой тишины. Былъ ли страхъ? Нѣтъ! Я чувствовалъ только тяжесть дочери, повисшей у меня на плечѣ, боль отъ обжоговъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы раздвинуть хоть немного тѣснившую насъ толпу. И вдругъ появился Ольсенъ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ ему удалось дотащить насъ до борта. Въ лодку, которая прыгала и кружилась гдѣ-то далеко внизу, приходилось спускаться по канату; какая-то женщина съ окаменѣвшимъ лицомъ ни за что не хотѣла разстаться со своимъ ребенкомъ, начала спускаться вмѣстѣ съ нимъ, оборвалась и полетѣла въ толчею волнъ. У борта происходила такая давка, что меня оттѣснили отъ дочери; я не знаю, какъ она вмѣстѣ съ Ольсеномъ очутилась въ лодкѣ. Помощникъ капитана все время кричалъ:—„Назадъ! Дайте дорогу женщинамъ и дѣтямъ! Назадъ, я буду стрѣлять!" Онъ нѣсколько разъ поднималъ револьверъ, но выстрѣловъ я не слышалъ; можетъ-быть, ихъ и не было. Пока матросы старались протиснуть впередъ женщинъ и ребятъ, многія изъ которыхъ очутились подъ ногами, раздался оглушительный взрывъ, и я подумалъ, что всему наступилъ конецъ. Шлюпку отбросило далеко отъ парохода, и она нѣсколько мгновеній, какъ пущенный волчокъ, кружилась среди водоворотовъ. Я плаваю довольно хорошо, но меня удерживалъ страхъ быть подтянутымъ подъ гигантскій винтъ парохода. Я думаю, что такъ бы и не рѣшился на этотъ прыжокъ въ воду съ высоты двухъэтажнаго дома, если бы не примѣръ профессора Блекмора. Я удивляюсь и никогда не перестану удивляться вашему мужеству и той силѣ, которую вы обнаружили, догоняя лодку,—обратился Стифенъ къ профессору.—Для человѣка вашей профессіи такая ловкость и энергія кажутся прямо чудесными.

— Богъ помогаетъ слабымъ,—скромно замѣтилъ Блекморъ.—Я ничего не помню, что тогда происходило.

— А меня, папа, удивляетъ другое,—вмѣшалась миссъ Стифенъ, съ вызывающимъ видомъ смотря на Блекмора.—Профессоръ, очутившись въ лодкѣ, гдѣ кромѣ насъ никого не было, все время настаивалъ, чтобы Ольсенъ какъ можно скорѣе уходилъ отъ парохода. Нѣсколько минутъ они гребли въ разныя стороны и едва не потопили лодку.

— Вы неправильно поняли мои намѣренія,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Блекморъ.—Дѣйствуя даже безсознательно, я не могъ забыть о спасеніи погибающихъ.

Женскій Батальонъ. *Обученіе походной жизни.* По фот. К. Булла

— Ну, какъ бы тамъ ни было,—продолжалъ Стифенъ,—они вытащили меня изъ воды, а нѣсколько минутъ спустя выловили выбившагося изъ силъ художника и еще какого-то старика, который черезъ часъ умеръ у насъ въ лодкѣ, не приходя въ сознаніе. Вотъ и вся исторія о гибели „Гулливера", насколько она мнѣ извѣстна.

— Нѣтъ, не вся,—замѣтилъ Блекморъ, улыбаясь и показывая свои острые зубы.—Вы забыли упомянуть о томъ, что проявили тогда необыкновенную щедрость и обѣщали сто тысячъ фунтовъ тому, кто спасетъ васъ и вашу дочь. Вы успѣли даже въ ту минуту, когда стояли у разбитаго окна столовой, написать чекъ на эту сумму и потомъ предлагали этотъ драгоцѣнный клочокъ бумаги помощнику капитана за то, чтобы онъ отдалъ въ ваше исключительное пользованіе одну изъ лодокъ.

— Довольно!—съ сердцемъ отвѣтилъ милліонеръ.—Мало ли какіе дурные сны видятъ люди въ такія ужасныя ночи. Я вѣдь не допытываюсь о причинахъ, которыя заставили васъ отказаться отъ помощи женщинамъ и дѣтямъ, когда вы уже находились въ полной безопасности. Кто участвуетъ въ такихъ трагедіяхъ, тому всегда найдется, о чемъ слѣдуетъ промолчать! Кстати, Ольсенъ, у васъ еще этотъ клочокъ бумаги?—небрежнымъ тономъ обратился Стифенъ къ норвежцу, но въ тонѣ и взглядѣ милліонера я уловилъ замѣтное безпокойство.

Рядовой Женскаго Батальона — *казачка Богусл. станицы, Угольнаго поселка, Оренбургской губ. Пелагея Сайгина.*

Матросъ молча досталъ изъ кармана своихъ широкихъ панталонъ кисетъ съ табакомъ, складной ножъ и наконецъ клочокъ измятой бумаги, которую можно было обмѣнять въ банкѣ на милліонъ рублей.

— Дайте сюда эту бумажонку, — сказалъ мистеръ Стифенъ.— Она, по правдѣ говоря, не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ была выдана человѣкомъ, не сознающимъ своихъ поступковъ.

Съ этими словами мой сосѣдъ аккуратно разгладилъ чекъ, зажегъ спичку и поднесъ ее къ бумагѣ, сгорѣвшей въ одно мгновеніе. Мы молча наблюдали за этой сценой.

— Аминь!—сказалъ Блекморъ.—Такъ счастливо кончился еще одинъ дурной сонъ.

И мнѣ опять показалось, что въ этой фразѣ было скрыто слишкомъ много ироніи для наивнаго и благодушнаго профессора библейской археологіи.

— Но все же, Ольсенъ, вы получите награду, — продолжалъ Стифенъ.—Я вамъ дамъ тысячу долларовъ. Для васъ это большой капиталъ, и надѣюсь, что онъ васъ не испортитъ.

— Я думаю, что вы поступили неправильно,—суровымъ тономъ сказалъ Мильреди.—Этотъ человѣкъ десять разъ рисковалъ своей жизнью, чтобы спасти васъ и вашу дочь. Вы сами дали ему эту бумажку, ну, казалось бы, и дѣлу конецъ! И если посмотрѣть на вопросъ съ коммерческой точки зрѣнія, то теперь, когда вы сожгли чекъ, Ольсену остается только отправить васъ обратно туда, гдѣ погибъ „Гулливеръ", бросить въ море и предоставить вамъ самому выбираться на берегъ, какъ умѣете.

Эта оригинальная точка зрѣнія ни въ комъ не встрѣтила сочувствія, за исключеніемъ Блекмора. Подъ вліяніемъ вина почтенный теософъ и проповѣдникъ морали все чаще и чаще начиналъ высказывать весьма странныя для него мысли.

— Вотъ это мнѣ нравится, чортъ возьми! — воскликнулъ онъ, дружески хлопая по колѣну сидѣвшаго рядомъ съ нимъ художника.—Вы, Ольсенъ, просто оселъ.

Эта выходка сильно смутила все общество.

— Не подливайте ему больше вина,—шепнулъ Стифенъ Ливчаку, указывая глазами на Блекмора.—Бѣдный ученый, видимо, не привыкъ къ напиткамъ, которые онъ пьетъ, точно чай.

Разговоръ погасъ, какъ огонь, залитый холоднымъ ливнемъ. Нервный подъемъ у пассажировъ „Гулливера" смѣнился усталостью, и они одинъ за другимъ разошлись по отведеннымъ имъ комнатамъ. Послѣднимъ покинулъ столовую Блекморъ.

— Вы, конечно, уже послали радіотелеграмму о нашемъ прибытіи на островъ?—спросилъ онъ меня

Я утвердительно кивнулъ головой.

— И перечислили имена всѣхъ спасенныхъ пассажировъ?

— Это наша обязанность.

— Очень жаль,—съ досадой отвѣтилъ профессоръ, смотря въ окно.—Я желалъ бы пріѣхать въ Россію прежде, чѣмъ мое имя попадетъ въ газеты.

— Ну, что вы скажете о нашихъ гостяхъ? — спросилъ Калистратовъ, когда дверь закрылась за скромнымъ ученымъ.

— Скажу, что, пожалуй, изъ всѣхъ нихъ вмѣстѣ вышелъ бы одинъ опасный преступникъ, но каждый въ отдѣльности не годится для такой роли.

— Какъ, и Мильреди?!..

— Онъ меньше всѣхъ остальныхъ.

— За ними завтра или самое позднее черезъ два дня долженъ прійти пароходъ изъ Архангельска, и я бы очень желалъ разгадать радіотелеграмму капитана Керна, прежде чѣмъ они насъ навсегда покинутъ.

— Хотите знать мое мнѣніе?

— Заранѣе увѣренъ, что вы ошибетесь.

— И все-таки я вамъ скажу, что, если кто-нибудь изъ нихъ носитъ маску, такъ это достопочтенный докторъ теологіи, мистеръ Блекморъ!

— Что вы говорите?—съ негодованіемъ воскликнулъ Калистратовъ.—У этого чудака возвышенная душа, золотое сердце, и я совершенно не понимаю, съ чего бы это вамъ могла прійти въ голову такая дикая мысль.

— Ну, а вы что о нихъ думаете?—спросилъ я Ливчака

— Чужая душа потемки,—отвѣтилъ хохолъ, выливая въ свой стаканъ остатки вина,—но сдается мнѣ, что этотъ американецъ, который сжегъ чекъ на милліонъ, и есть наипервѣйшій жуликъ.

Я разсмѣялся и поспѣшилъ на станцію, чтобы смѣнить Полозова. Мой молодой помощникъ засыпалъ меня вопросами, касавшимися спасенныхъ пассажировъ. Если Калистратова интересовалъ только одинъ исчезнувшій Диксонъ, то все вниманіе Полозова сосредоточилось на дочери американскаго милліардера. Онъ видѣлъ миссъ Стифенъ только въ тотъ моментъ, когда ее несли изъ лодки, вѣрнѣе сказать, видѣлъ одѣяло, въ которое она была завернута, но воображеніе Полозова нарисовало уже законченный портретъ несчастной дѣвушки, который до такой степени прочно врѣзался въ памяти телеграфиста, что онъ впослѣдствіи всегда путалъ живую миссъ Стифенъ съ тѣмъ фантастическимъ образомъ, который онъ создалъ, сидя передъ аппаратомъ радіотелеграфа.

Въ этотъ день работы было немного. Я принялъ штормовыя предостереженія метеорологической станціи и потомъ долго слѣдилъ за германскими шифрованными телеграммами, которыя посылало какое-то неизвѣстное судно. Часа черезъ три ко мнѣ неожиданно заглянулъ американскій финансистъ. Онъ долго и внимательно наблюдалъ за моей работой, нервно постукивая по столу своими длинными костлявыми пальцами, и потомъ вкрадчиво сказалъ:

— Не можете ли вы оказать мнѣ одну важную услугу? Вы назовете цѣну, и мы обработаемъ хорошее дѣло.

— Весь вопросъ въ томъ, что вы отъ меня потребуете.

— О, сущіе пустяки! У меня есть опасный конкурентъ Клифордъ, который, какъ и я, выѣхалъ въ Россію для принятія очень крупныхъ заказовъ. Словомъ, я вамъ скажу, что дѣло идетъ о нѣсколькихъ милліонахъ. Я опередилъ этого Клифорда на нѣсколько дней и теперь хотѣлъ бы, чтобы въ числѣ погибшихъ пассажировъ „Гулливера" была названа его фамилія. Вы меня понимаете? Вѣдь въ такихъ случаяхъ легко спутать имена.

Я молчалъ, не зная, что отвѣтить на это странное предложеніе.

— Вы утопите его на нѣсколько дней—и какъ только пошлете телеграмму, я вамъ уплачу, не выходя изъ этой комнаты, пять тысячъ долларовъ.

Теперь я все понялъ, и первымъ моимъ побужденіемъ было вытолкать этого дѣльца за дверь, но я сдержался и по возможности спокойно отвѣтилъ, что не имѣю ни малѣйшаго желанія участвовать въ такого рода коммерческихъ дѣлахъ.

— Хорошо, пусть будетъ по-вашему,—отвѣтилъ американецъ,— но надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ другой услугѣ. Запросите, будьте любезны, каковъ былъ вчера на лондонской биржѣ курсъ акцій „Гномъ". Вамъ, должно-быть, извѣстно, что на многихъ большихъ пароходахъ издаются газеты, свѣдѣнія для которыхъ доставляетъ радіотелеграфъ, и въ такихъ изданіяхъ всегда много мѣста занимаетъ биржа.

Чтобы отвязаться отъ этого навязчиваго гражданина Детройта, который, повидимому, полагалъ, что весь свѣтъ долженъ быть занятъ его дѣлами, я послалъ радіотелеграмму, о которой онъ просилъ, и черезъ нѣсколько минутъ получилъ съ англійскаго парохода „Дугласъ" отвѣтъ, что акціи „Гнома" продавались въ Лондонѣ по 310 фунтовъ.

Я рѣшилъ быть совершенно откровеннымъ съ этимъ неутомимымъ дѣльцомъ и показалъ ему послѣднюю телеграмму капитана Керна, прося не говорить о ней ничего другимъ пассажирамъ „Гулливера".

— Диксонъ... Диксонъ... Позвольте, я теперь начинаю припоминать это имя!—сказалъ Стифенъ. — Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Лондона въ газетахъ много говорили объ искусномъ фальшивомъ монетчикѣ, носившемъ это имя. Пользуясь цвѣтной фотографіей, онъ поддѣлывалъ стофунтовые билеты и выпустилъ ихъ въ обращеніе на огромную сумму. Такого рода производство сильно всполошило власти, но Диксона арестовать не удалось, такъ какъ онъ очень хитро провелъ всѣхъ полицейскихъ ищеекъ. Впрочемъ, за нимъ были еще и другіе грѣхи поважнѣе поддѣлки банковыхъ билетовъ. Я увѣренъ, что именно

о немъ и говорится въ этой радіотелеграммѣ. Теперь я понимаю, почему помощникъ капитана, большой шутникъ, сказалъ мнѣ какъ-то, что я каждый день, самъ того не подозрѣвая, обѣдаю и завтракаю въ обществѣ человѣка, который дѣлаетъ деньги лучше, чѣмъ я. Вѣроятно, на пароходѣ была получена радіотелеграмма объ этомъ Диксонѣ, и его должны были задержать въ Архангельскѣ.

— Но куда же онъ дѣвался?

— Понятія не имѣю! Повѣрьте моей опытности, если бы такой человѣкъ находился въ теченіе цѣлаго дня въ моемъ обществѣ, то я бы сумѣлъ его разгадать! Капитанъ Кернъ ошибся! Диксонъ лежитъ на днѣ моря, и его призракъ не будетъ больше безпокоить ни одинъ банкъ, полицію и судей.

Я держался на этотъ счетъ другого мнѣнія, но не успѣлъ ничего возразить, такъ какъ въ этотъ моментъ получилъ приказаніе передать важное сообщеніе на одно русское судно, находившееся вблизи Шпицбергена.

смиренія, которыя, по мнѣнію моихъ товарищей, такъ украшали профессора библейской археологіи. Я долго смотрѣлъ на него, наконецъ онъ поднялъ голову и съ удивленіемъ замѣтилъ мое присутствіе.

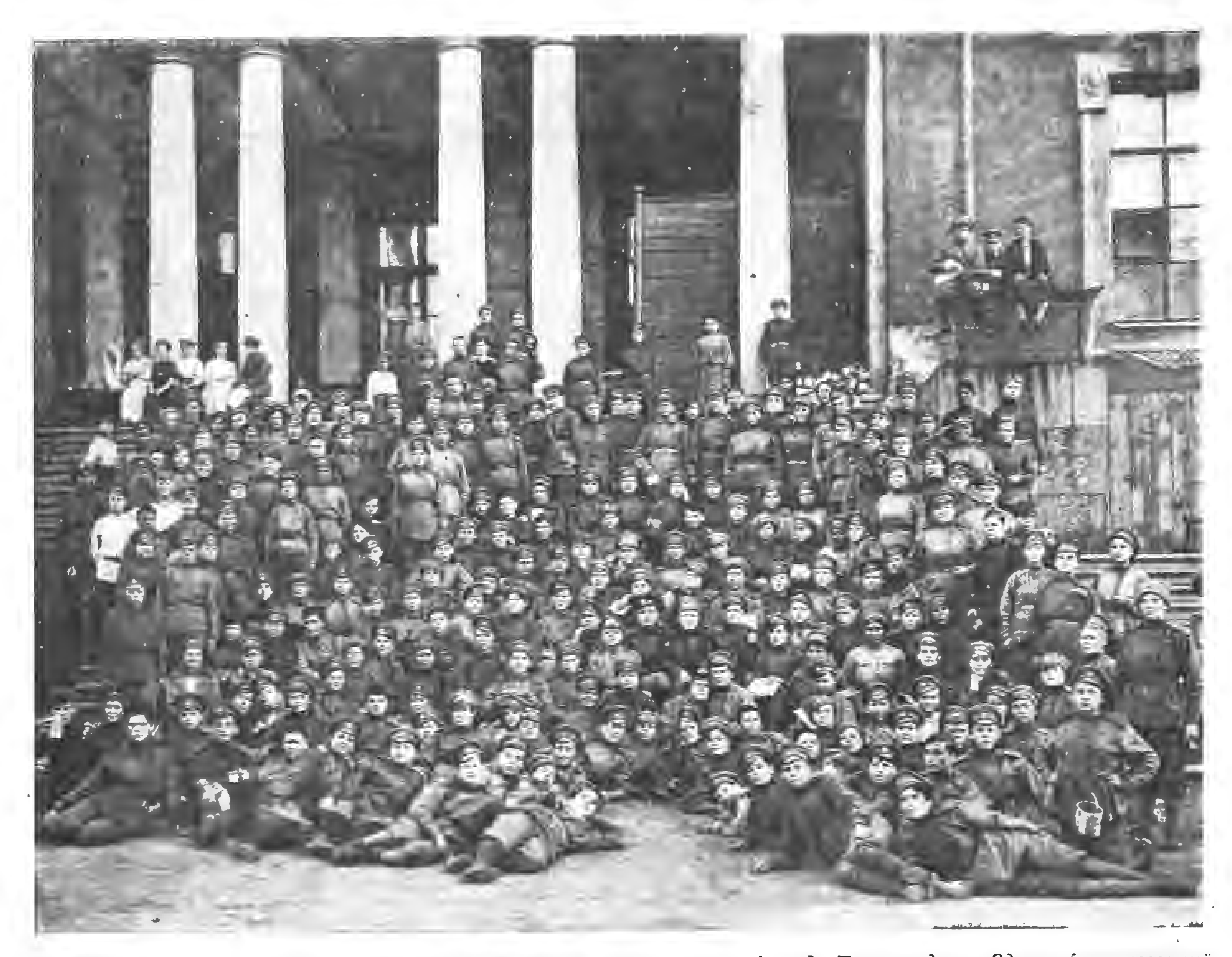
— Вы давно за мной наблюдаете?—спросилъ Блекморъ, не спуская съ меня глазъ.

— Я не подозрѣвалъ, что у васъ есть на берегу такія занятія, которыя вы желаете сохранить втайнѣ.

— Ничего подобнаго! Я стиралъ эту надпись потому только, что шлюпка остается здѣсь, и вамъ лучше дать ей какое-нибудь другое названіе, чтобы скорѣе забыть о трагедіи съ „Гулливеромъ“.

Я не вѣрилъ теперь ни одному его слову и отлично видѣлъ, что Блекморъ сейчасъ только придумалъ это натянутое объясненіе.

— Если бы это было въ моей власти, я бы уничтожилъ всѣ вещи, съ которыми связаны мрачныя воспоминанія,—продолжалъ



Женскій Батальонъ. *Группа женщинъ-воиновъ на мѣстѣ ихъ расположенія подъ Петроградомъ. Здѣсь сформированный батальонъ обучается строю и подготавливается къ походной обстановкѣ передъ отправленіемъ на фронтъ.* По фот. К. Булла

Послѣ захода солнца я отправился погулять на берегъ. Море казалось мрачнымъ и угрюмымъ, точно въ его глубинѣ таились всѣ тѣ бури и штормы, которые каждый день обрушивались на нашъ островъ. Но надъ нимъ простирался волшебный міръ, въ которомъ остались только призраки скалъ, утесовъ и горъ, блуждавшихъ въ оранжевыхъ сумеркахъ. Далекое стало близкимъ, близкое далекимъ: все сдвинулось со своихъ мѣстъ, зацвѣло небесными красками, утратило тяжелую, сухую ясность очертаній. Земля перестала существовать: она превратилась въ мечту, въ грезу, которая съ наступленіемъ слѣдующаго дня должна была умереть въ безформенныхъ массахъ гранита.

Среди этого волшебнаго міра я увидѣлъ на берегу залива Привидѣній черную маленькую фигуру Блекмора. Профессоръ былъ занятъ весьма страннымъ дѣломъ: стоя на колѣняхъ около шлюпки, онъ старательно счищалъ съ нея отчетливую надпись „Гулливеръ“. Блекморъ до такой степени увлекся этимъ занятіемъ, что не замѣтилъ, какъ я подошелъ къ нему и остановился въ пяти шагахъ отъ лодки. Кто бы ни былъ Блекморъ, въ немъ несомнѣнно находились два человѣка. Тотъ, котораго я видѣлъ сейчасъ, былъ очень ловкій, сильный мужчина съ увѣренными движеніями, безъ тѣни того сладкаго благодушія и

онъ, входя въ свою прежнюю роль. Вообразите, какой бы это былъ ужасъ, если бы все, что погребено въ глубинѣ моря, оставалось на его поверхности. Въ нашей душѣ должны быть такія бездны, гдѣ безъ слѣда исчезаетъ грузъ тяжелыхъ воспоминаній. Иначе нельзя было бы жить!

Я не желалъ болѣе участвовать въ той комедіи, которую заставлялъ меня противъ воли играть этотъ странный человѣкъ, и поэтому рѣзко отвѣтилъ:

— Такая теорія должна быть особенно удобна для людей съ преступнымъ прошлымъ.

Блекморъ внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Что вы хотите этимъ сказать? Неужели вы считаете меня преступникомъ?

Его хладнокровіе и дерзкая самоувѣренность вывели меня изъ терпѣнія, и я сказалъ неосторожную фразу:

— Въ наше время самые хитрые и ловкіе преступники не должны забывать о существованіи радіотелеграфа.

— Такъ,—отвѣтилъ Блекморъ, что-то обдумывая и разомъ мѣняя тонъ.—Ну хорошо, довольно играть въ прятки! Выкладывайте все, что вы знаете.

Онъ съ спокойнымъ видомъ усѣлся на корму лодки и приго-

Конные развѣдчики. *Рапортъ дежурнаго развѣдчика.*

Женскій Батальонъ Женскаго Военнаго Союза на ст. Левашево, въ имѣніи кн. Вяземской. Батальонъ въ 1.200 человѣкъ раздѣленъ на части: конные развѣдчики, саперы, команда связи, пулеметный отрядъ и нестроевая часть—обозъ.

товился внимательно слушать. Сзади него былъ безбрежный океанъ съ разсѣянными на немъ скалами, превратившимися въ сиреневыя облака, и клочьями тумана, изъ котораго, какъ изъ первобытнаго хаоса, возникали новые острова. Блекмору стоило только нѣсколько разъ взмахнуть веслами, чтобы навсегда исчезнуть въ этомъ просторѣ. Онъ, повидимому, это прекрасно понималъ и былъ совершенно спокоенъ, а я, стоя на песчаномъ берегу, воображалъ въ ту минуту, что всѣ преимущества на моей сторонѣ, и Диксону остается только добровольно отдаться въ мои руки.

— Ну говорите, я васъ слушаю!—повторилъ онъ

Подчиняясь его властному тону, я началъ-было разсказывать о послѣдней радіотелеграммѣ капитана Керна, какъ вдругъ сзади меня раздался голосъ Калистратова:

— Ради Бога идите скорѣй на станцію, мы васъ давно ищемъ! Мильреди оказался Диксономъ. Я таки-вывелъ его на чистую воду! Ну и была задача. Теперь онъ сидитъ въ подвалѣ, и вы должны его видѣть.

— Что вы надѣлали?—закричалъ я.—Вѣдь Диксонъ здѣсь, со мной! Блекморъ сознался.

— Я ни въ чемъ не сознавался,—съ достоинствомъ отвѣтилъ англичанинъ, выходя изъ лодки.—Вы начали разсказывать мнѣ какую-то запутанную исторію, я, зѣвая, слушалъ васъ, а теперь вы вдругъ говорите, что я въ чемъ-то сознался! При другихъ условіяхъ можно было бы подумать, что я попалъ въ домъ сумасшедшихъ.

Я съ ненавистью взглянулъ на него, но ничего не возразилъ, да и что я могъ бы сказать для подтвержденія своего обвиненія?

Мой помощникъ сейчасъ же безъ всякихъ колебаній принялъ сторону этого ловкаго мошенника, скрывшагося подъ маской наружнаго благочестія. Калистратовъ нашелъ даже необходимымъ попросить за меня извиненія у Блекмора.

— Я привыкъ переносить обиды,—отвѣтилъ этотъ проповѣдникъ морали.—Униженіе и оскорбленіе посылаются намъ для испытанія силы духа.

Въ знакъ примиренія и прощенія онъ протянулъ мнѣ руку, но я отвернулся и молча пошелъ къ станціи.

Калистратовъ подробно и со множествомъ отступленій, свидѣтельствующихъ объ его необыкновенной проницательности, разсказывалъ почтенному проповѣднику о томъ, какъ ему удалось изобличить несчастнаго Мильреди. До меня долетали только отдѣльныя фразы этого разсказа.

Я понялъ, что всему виной была цвѣтная фотографія, которой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался Мильреди. Для моего проницательнаго помощника этого было довольно. Если Мильреди получалъ цвѣтныя фотографіи съ картинъ въ музеяхъ, значитъ, онъ такимъ же способомъ могъ поддѣлывать и кредитные билеты.

И Блекморъ былъ совершенно согласенъ со своимъ новымъ другомъ.

— Но какъ низко долженъ пасть человѣкъ,—замѣтилъ онъ, когда мы дошли до воротъ станціи,—чтобы обратить науку и свой талантъ въ орудіе разрушенія общественныхъ устоевъ! Мы живемъ въ ужасное время. Ну и что же, сознался этотъ Мильреди?

— Ничего подобнаго! Когда я въ присутствіи мистера Стифена и всѣхъ нашихъ служащихъ торжественно объявилъ, что намъ извѣстны всѣ его преступленія, онъ впалъ въ такое неистовство, что я приказалъ связать ему руки и заперъ его въ погребъ.

— Вотъ это называется дѣйствовать рѣшительно, — съ восхищеніемъ замѣтилъ Блекморъ.

— Вы дѣйствовали, какъ оселъ!—отозвался я въ свою очередь и, быстро пройдя черезъ дворъ, постучалъ въ обитую желѣзомъ дверь, за которой находился Мильреди.

— Вы здѣсь?—крикнулъ я ему.

— Выпустите меня отсюда!—послышался голосъ художника.— Вы не имѣете никакого права держать меня взаперти. Эти сумасшедшіе принимаютъ меня за какого-то Диксона.

— Дайте ключъ!—сказалъ я своему помощнику.

— Но... Это невозможно!

— Дайте ключъ!—повторилъ я, возвышая голосъ.

Черезъ минуту дверь была отперта, и на порогѣ появился блѣдный Мильреди со связанными за спиною руками.

— Неужели вы оставите его на свободѣ?—спросилъ Калистратовъ.—Вѣдь на него стоитъ только взглянуть, чтобы сказать, что этотъ человѣкъ способенъ совершить какое-угодно преступленіе.

— Пойдемте, Мильреди! — сказалъ я, протягивая художнику руку.—Я ни на одну минуту не считалъ васъ преступникомъ, какъ, вѣроятно, и вашъ бывшій пріятель Блекморъ, которому лучше всѣхъ извѣстна исторія Диксона.

Оставивъ среди двора все общество обсуждать бурныя событія этого дня, я отвелъ художника въ свою комнату и пошелъ на станцію просмотрѣть полученныя вечеромъ радіотелеграммы.

Около телеграфа Полозовъ встрѣтилъ меня съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день вечеромъ къ Т острову подойдетъ пароходъ „Бѣломоръ“, чтобы забрать спасенныхъ пассажировъ съ „Гулливера“.

— Есть на „Бѣломорѣ“ радіотелеграфъ? — спросилъ я своего помощника.

— Да! Мы вели переговоры въ продолженіе цѣлаго часа. На „Бѣломорѣ“ находится помощникъ капитана съ погибшаго „Гулливера“, который, кажется, одинъ только и спасся изъ всего экипажа. Онъ задалъ мнѣ множество вопросовъ о Блекморѣ, который его, повидимому, интересуетъ больше всѣхъ пассажировъ, но почему-то просилъ ни слова не говорить объ этомъ самому профессору.

— Хорошо! Вызовите „Бѣломора“.

Черезъ пять минутъ съ парохода былъ данъ отвѣтный сигналъ, и я попросилъ задать помощнику капитана съ „Гулливера“ нѣсколько вопросовъ о таинственномъ Диксонѣ. Мнѣ пришлось ждать довольно долго, пока получилась отвѣтная радіотелеграмма, содержаніе которой вполнѣ оправдало всѣ мои ожиданія. Съ этой радіотелеграммой я пошелъ къ художнику, поджидавшему меня съ большимъ волненіемъ. Онъ нѣсколько разъ перечиталъ телеграмму, прежде чѣмъ понялъ ея содержаніе.

— Этого не можетъ быть!—воскликнулъ Мильреди, когда наконецъ у него не могло оставаться никакихъ сомнѣній. — Тутъ произошла какая-то ошибка! Кто бы могъ это подумать!.. Да я первый готовъ былъ бы защищать его, какъ самого себя!

Но когда я убѣдилъ его, что никакой ошибки не было, и что эта радіотелеграмма только подтвердила всѣ мои подозрѣнія, художникъ потребовалъ, чтобы я собралъ пассажировъ „Гулливера“ и своихъ служащихъ и немедленно изобличилъ подлаго лицемѣра, для котораго теперь у Мильреди не хватало бранныхъ словъ и оскорбительныхъ сравненій. Я наотрѣзъ отказался выполнить это требованіе и предложилъ ему другой планъ, который долженъ былъ совершенно успокоить Диксона и заставить

его отказаться отъ всякихъ попытокъ къ бѣгству до прихода „Бѣломора". Мильреди предстояло взять на себя въ этой игрѣ довольно тяжелую роль, но его ненависть къ Диксону выросла до такой степени, что онъ, не задумываясь, далъ свое согласіе, взявъ съ меня обѣщаніе, что я предварительно посвящу въ подробности всего дѣла моихъ помощниковъ.

Черезъ полчаса я вошелъ въ столовую, гдѣ пассажиры „Гулливера" пили чай, и съ нѣкоторой торжественностью объявилъ, что Мильреди наконецъ сознался и въ настоящее время находится подъ надежной охраной. Это извѣстіе произвело на слушателей весьма различныя дѣйствія. Стифенъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Онъ поступилъ, какъ оселъ. Судьба давала ему прекрасный случай навсегда похоронить свое прошлое.

Юная американская миссъ отвѣтила, что Мильреди, по ея мнѣнію, самый интересный человѣкъ, какого она когда-либо встрѣчала; и только одинъ Блекморъ казался сильно удивленнымъ моимъ неожиданнымъ сообщеніемъ.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ профессоръ, подозрительно смотря на меня и какъ будто еще чего-то ожидая.—Тутъ произошло какое-то недоразумѣніе! То-есть я хочу сказать,—поправился онъ,—что такіе закоренѣлые преступники, какъ этотъ Диксонъ, никогда не дѣлаютъ такихъ грубыхъ промаховъ.

— У меня въ карманѣ лежитъ подписанное имъ признаніе, что онъ Диксонъ, и этого, по-моему, совершенно достаточно, чтобы прекратить всякіе споры.

— Это какія-то чудеса!—воскликнулъ англичанинъ, слабо пожимая мою руку.—Но я, конечно, радъ, очень радъ, что все наконецъ разъяснилось.

Блекморъ оживился и быстро овладѣлъ общимъ вниманіемъ, развивая проекты различныхъ способовъ моральнаго воспитанія и исправленія людей, погрязшихъ въ порокахъ. Я зналъ, что онъ въ глубинѣ души потѣшается надъ нами, но Стифенъ и его дочь все принимали за чистую монету, и скоро между ними завязался горячій споръ. Полозовъ и его товарищи, посвященные въ нашу тайну, съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣли на Блекмора, точно послѣдній показывалъ какіе-то непонятные фокусы. Ливчакъ совсѣмъ некстати заливался добродушнымъ смѣхомъ и нѣсколько разъ толкнулъ меня подъ столомъ ногой, какъ будто боясь, что я пропущу хоть одно слово изъ рѣчи Блекмора. Разошлись мы послѣ обильнаго ужина въ два часа ночи, когда серебряное море начало плавиться подъ лучами ослѣпительнаго солнца.

Пассажиры „Гулливера" съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали парохода, что весь день не сводили глазъ съ моря, и когда наконецъ на краю горизонта появилось легкое облако дыма, всѣ они, за исключеніемъ Мильреди, поспѣшили на берегъ. „Бѣломоръ" бросилъ якорь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ „Зимородокъ". Море и воздухъ были такъ неподвижны, что казалось, будто мы находимся внутри хрустальнаго шара, центръ котораго занимали черныя скалы, отражавшіяся въ зеркальной поверхности залива Привидѣній. Чарующую прелесть этой картинѣ придавали округленныя розовыя облака, безпорядочно лежавшія надъ моремъ и готовыя исчезнуть при первомъ дуновеніи вѣтра.

Отъ „Бѣломора" отдѣлилась шестивесельная шлюпка и быстро направилась къ берегу. Блекморъ, наблюдавшій въ сильный бинокль за приближающейся лодкой съ вершины скалы, началъ обнаруживать вдругъ такое волненіе, что обратилъ на себя вниманіе своихъ спутниковъ.

— Что это васъ такъ испугало?—спросилъ Стифенъ, прикрывая глаза рукой отъ свѣта, чтобы лучше разсмотрѣть сидящихъ въ лодкѣ.—Мнѣ кажется, что я вижу рядомъ съ матросами какого-то офицера.

— Да, это старшій помощникъ капитана Керна! — измѣнившимся голосомъ отвѣтилъ Блекморъ.—Какимъ чудомъ онъ могъ очутиться въ этой шлюпкѣ съ русскаго парохода?!

— Въ этомъ нѣтъ никакого чуда, такъ же, какъ и въ вашемъ собственномъ спасеніи,—отвѣтилъ Стифенъ и въ знакъ привѣтствія замахалъ въ сторону лодки своей потерявшей всякую форму соломенной шляпой.

Блекморъ съ испуганнымъ видомъ оглянулся по сторонамъ и, убѣдившись, что за нимъ никто не наблюдаетъ, соскользнулъ со скалы и быстро направился въ глубь острова.

— Остановитесь!—крикнулъ я ему.—Вамъ все равно не удастся здѣсь никуда уйти.

Но Блекморъ вмѣсто того, чтобы подчиниться моему приказанію, пустился бѣжать и черезъ нѣсколько минутъ скрылся за грядой камней.

Мнѣ показалось, что я догадываюсь объ его намѣреніи, и въ ту минуту, когда шлюпка входила въ маленькій заливъ и къ ней протянулись десятки рукъ, я бросился вслѣдъ за исчезнувшимъ пассажиромъ „Гулливера".

Достигнувъ гребня каменной гряды, протянувшейся поперекъ всего острова, я увидѣлъ, что Блекморъ повернулъ обратно къ берегу, къ тому мѣсту въ заливѣ Привидѣній, гдѣ стояла лодка съ погибшаго парохода. Онъ бѣжалъ значительно быстрѣе меня и, повидимому, совершенно не зналъ усталости, но на моей сторонѣ было одно важное преимущество. Блекморъ не зналъ дороги въ этомъ лабиринтѣ скалъ и камней, нагроможденныхъ древними ледниками, и часто долженъ былъ сворачивать изъ стороны въ сторону или возвращаться назадъ, а мнѣ были хорошо извѣстны всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути къ берегу, и поэтому мы почти въ одно время очутились около лодки.

— Остановитесь, Диксонъ! — крикнулъ я еще разъ, задыхаясь отъ усталости.—Теперь вы проиграли!..

— Нѣтъ еще!—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ Диксонъ, отчаяннымъ усиліемъ сдвигая лодку въ море.—Какой чортъ заставляетъ васъ путаться въ мои дѣла! — добавилъ онъ, схватывая весла и вставляя ихъ въ уключины.

Чтобы удержать его, у меня оставалось нѣсколько секундъ, въ теченіе которыхъ я долженъ былъ спуститься по тремъ гигантскимъ ступенямъ гранитной лѣстницы.

Боясь упустить Диксона, я рѣшилъ спрыгнуть на берегъ, усѣянный мелкимъ гравіемъ, съ высоты въ двадцать футовъ, но плохо разсчиталъ прыжокъ и, почувствовавъ страшную боль въ рукѣ, упалъ на плоскій камень, гладко отполированный моремъ. Нѣсколько минутъ я лежалъ безъ сознанія, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лодка съ Диксономъ находится далеко отъ берега. Отъ сильной боли я не могъ пошевельнуться.

Диксонъ сильными ударами веселъ направлялъ свою лодку къ тому мѣсту, гдѣ между спиральными водоворотами Волчьей пасти и скалою Дѣвы оставался узкій проходъ, каждый день мѣнявшій свою ширину. Сегодня онъ былъ почти незамѣтенъ, по крайней мѣрѣ съ того уступа, гдѣ я находился, казалось, что круги пѣны вплотную подходятъ къ отвѣсному камню, и Блек-

Женскій Батальонъ Женскаго Военнаго Союза. *Конные развѣдчики.* По фот. А. Поповского.

мору — я мысленно называлъ его все еще этимъ именемъ — предстояла очень трудная задача, въ родѣ той, какъ если бы онъ долженъ былъ проскользнуть между лапами какого-нибудь разъяреннаго чудовища. Человѣкъ въ лодкѣ, повидимому, не замѣчалъ надвигавшейся опасности: онъ гребъ съ отчаянной рѣшимостью какъ можно скорѣе удалиться отъ берега. Вдругъ лодка какъ-то странно качнулась, точно въ ея бортъ вцѣпилась чья-то рука, протянувшаяся изъ глубины моря. Я видѣлъ, какъ Диксонъ приподнялся, осмотрѣлся кругомъ и потомъ съ удвоенной силой налегъ на весла. На минуту мнѣ показалось, что ему удалось вывести лодку за черту страшнаго круга, но вдругъ ее вновь подхватило бѣшеное теченіе и, какъ соломинку, повлекло по спиральной волнистой лентѣ, обѣгавшей много разъ ревущую воронку Волчьей пасти. Диксонъ не уступалъ. Онъ и тутъ еще не считалъ себя побѣжденнымъ, хотя, вѣроятно, уже видѣлъ темное жерло пучины, по сторонамъ которой подымались бугры пѣны.

Каждую минуту лодка дѣлала четверть круга, и всѣхъ круговъ было пять; ближе къ центру она должна была вращаться быстрѣе, и значитъ Диксону для его жизни и борьбы оставалось не больше четверти часа. На одномъ поворотѣ ему удалось поставить лодку почти поперекъ теченія, и ее едва не перевернуло. Въ слѣдующее мгновеніе у Блекмора сломалось одно весло. Теперь все было кончено! Оставалось еще два послѣднихъ круга, гдѣ долженъ быть невыносимъ захлебывающійся вой и стонъ водоворота, къ которому я часто прислушивался по ночамъ, лежа въ постели. Я закрылъ глаза, а когда снова взглянулъ на море, то увидѣлъ, что человѣкъ и лодка плывутъ отдѣльно, постепенно удаляясь другъ отъ друга. Блекморъ, какъ я слышалъ отъ Стифена, былъ необыкновенно сильный и ловкій человѣкъ; ему и на этотъ разъ удалось совершить почти чудо и вырвать у смерти цѣлую половину круга. Лодка исчезла въ пучинѣ, а человѣкъ все еще боролся съ водоворотомъ, вися на самомъ краю бездны. Потомъ онъ поднялъ обѣ руки, точно желая удержаться за что-то въ воздухѣ, и въ это мгновенье оборвался послѣдній кругъ въ жизни Блекмора.

Политическое обозрѣніе

Московское Совѣщаніе.

Мысль о созывѣ въ Москвѣ Государственнаго Совѣщанія возникла въ связи съ образованіемъ третьяго Временнаго Правительства послѣ іюльскаго мятежа. Третье Временное Правительство, несмотря на признанныя за нимъ неограниченныя полномочія и на присвоенный ему громкій титулъ „Правительства Спасенія Революціи“, было внутренно крайне слабо. Непосредственно передъ іюльскими событіями ушли въ отставку министры—представители вліятельнѣйшей изъ „буржуазныхъ“ партій—партіи народной свободы. Послѣ подавленія большевистскаго бунта оставилъ свою должность первый министръ-предсѣдатель революціонной Россіи, кн. Г. Е. Львовъ. Во имя принципа буржуазно-соціалистической коалиціи въ правительство были привлечены представители недавно народившейся и не имѣющей вліянія въ странѣ радикально-демократической партіи, но этимъ политическое равновѣсіе между обоими флангами революціонной власти не было возстановлено. Третье Временное Правительство вышло однобокимъ—одной своей частью оно опиралось на органы „революціонной демократіи“, другой—просто повисло въ воздухѣ. Въ то же время, въ силу сложившихся обстоятельствъ, оно оказывалось вынужденнымъ принимать рѣшительныя мѣры по ликвидаціи іюльскихъ событій и для предупрежденія возможнаго повторенія ихъ въ будущемъ.

Вотъ изъ этого-то кричащаго противорѣчія между внутренней слабостью „Правительства Спасенія Революціи“ и серьезностью стоявшихъ передъ нимъ задачъ и родилась идея Московскаго Совѣщанія. Идея эта, по существу, была правильна. Временное Правительство, повидимому, искренно стремилось расширить свою „общественную основу“ и съ партійной почвы перейти на національную. Оно получило санкцію Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, но оно не пользовалось поддержкой другихъ болѣе умѣренныхъ слоевъ населенія. Къ этимъ отодвинутымъ ходомъ революціи на второй планъ общественнымъ кругамъ оно и задумало обратиться за сочувствіемъ и помощью. Оно рѣшило „кликнуть кличъ“ и собрать въ „сердцѣ Россіи“, въ Москвѣ, Совѣщаніе, въ которомъ приняли бы участіе „лучшіе“ русскіе люди всѣхъ классовъ, партій и общественныхъ положеній. По мысли правительства это Совѣщаніе отнюдь не должно было явиться органомъ власти, который могъ бы узурпировать права Учредительнаго Собранія, вынести какія-либо окончательныя рѣшенія относительно государственнаго устройства Россіи, или заявить притязанія на властный контроль надъ правительствомъ. Временное Правительство имѣло твердое намѣреніе удержать за собой всю „силу власти“. За собраніемъ лучшихъ людей въ Москвѣ оно готово было признать только „силу мнѣнія“. Съ образованіемъ правительства четвертаго состава и возвращеніемъ къ власти партіи народной свободы непосредственная нужда въ созывѣ Московскаго Совѣщанія какъ будто отпала. Однако очень скоро обнаружилось, что и четвертое Временное Правительство, „Правительство Спасенія Страны“, не пріобрѣло все-таки того авторитета, котораго требовали отъ него быстро нараставшія затрудненія на фронтѣ и въ тылу. Забытый-было проектъ Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ въ августѣ опять былъ поставленъ на очередь.

Государству—неограниченное право дѣйствія и закона, землѣ—полное право мнѣнія и слова“. Такою формулой наши славянофилы опредѣляли отношеніе между властью и обществомъ, господствовавшее въ Москвѣ въ эпоху земскихъ соборовъ. Дѣйствительно, въ ту пору неограниченныя права власти формально принадлежали московскимъ царямъ. Но въ критическія минуты государственной жизни московскіе самодержцы видѣли себя вынужденными передъ принятіемъ важныхъ рѣшеній обращаться къ „землѣ“, чтобы выслушать ея „слово“ и въ „мнѣніи“ ея лучшихъ людей почерпнуть указанія для своей дальнѣйшей дѣятельности. Въ этихъ цѣляхъ московскіе цари и созывали отъ времени до времени земскіе соборы, выслушивали внимательно людей разныхъ чиновъ государства и потомъ уже выносили свое рѣшеніе. На земскихъ соборахъ бывала, по возможности, представлена „вся земля“. На нихъ участвовали: освященный соборъ, при чемъ высшее духовенство поголовно, а низшее въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей; боярская дума въ полномъ составѣ, низшіе разряды служилыхъ людей—черезъ представителей; наконецъ, выборные отъ разнаго рода тяглыхъ людей—торговыхъ гостей, посадскихъ крестьянъ. По большей части члены собора сидѣли по группамъ, и каждый чинъ подавалъ свой голосъ отдѣльно. Изъ этого нестройнаго хора „голосовъ земли“ власть и должна была составить себѣ представленіе о мнѣніи всего народа.

На Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ будетъ предсѣдательствовать глава Временнаго Правительства. 12-го августа правительство изложитъ передъ Совѣщаніемъ свою программу и освѣтитъ положеніе страны. 13-го будутъ групповыя засѣданія. 14-го отдѣльныя группы, на которыя разобьется Совѣщаніе, огласятъ вынесенныя ими резолюціи. Затѣмъ Совѣщаніе будетъ закрыто, и правительство само сдѣлаетъ изъ выслушаннаго имъ тѣ выводы, которые сочтетъ правильными. Не трудно убѣдиться, что такимъ образомъ Московскому Совѣщанію отводится та самая роль, которая принадлежала земскимъ соборамъ въ до-Петровской Руси. Разныхъ чиновъ русскіе люди призваны будутъ въ Москвѣ помочь Временному Правительству словомъ и совѣтомъ. Правда, чины на Московскомъ Совѣщаніи будутъ представлены невиданные и неслыханные въ эпоху земскихъ соборовъ. Государственная Дума четырехъ созывовъ, Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, университеты и другія высшія школы—все это установленія современнаго, европейскаго, „западническаго“ образца. Но самый принципъ представительства будетъ старый русскій московскій. Это будетъ представительство разныхъ общественныхъ организованныхъ силъ земли, и будетъ оно, какъ и на Москвѣ, громоздко, непропорціонально, нескладно и безформенно.

Такъ въ революціонной „новизнѣ“ Россіи XX столѣтія вдругъ слышится сѣдая „московская старина“. Это возрожденіе стараго глубоко поучительно и знаменательно. Мы только-что возомнили себя способными выпрыгнуть изъ всѣхъ историческихъ рамокъ и разбить всѣ историческіе масштабы, опередить всѣ народы міра и однимъ взмахомъ создать самое прогрессивное, самое демократическое государство. И вдругъ стихійный ходъ нашей политической жизни возвращаетъ насъ отъ модныхъ политическихъ лозунговъ новѣйшаго фасона къ старенькимъ скромненькимъ пріемамъ и порядкамъ провинціальной московской государственности. Здѣсь есть надъ чѣмъ призадуматься гордымъ и самоувѣреннымъ гражданамъ революціонной Россіи.

Проф. К. Соколовъ

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 5.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Нашимъ читателямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ „Нива“, за почти полвѣка, не было случая, чтобы запоздалъ выходъ нумера журнала. Теперь это случилось. Но вѣдь и съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ „Нива“, не было того, что̀ происходитъ теперь.

Приходится бороться съ непредвидѣнными, стихійными препятствіями. Поразившія насъ стихіи длятся и растутъ: міровая война вступила въ четвертое лихолѣтье; революціи уже исполнилось полгода.

Всѣ органы печати, въ особенности періодическіе, находятся въ тяжелыхъ условіяхъ существованія съ первыхъ дней войны и оказались въ критическомъ положеніи съ первыхъ дней революціи. Нѣкоторые журналы уже изнемогли и прекратились. Даже такой за десятки лѣтъ налаженный трудовой механизмъ, какъ „Нива“, испытывалъ за этотъ годъ пріостановки и перерывы въ работѣ, устраненіе которыхъ было внѣ нашихъ силъ. Это уже результатъ сдвига всѣхъ силъ страны, пріостановки всего государственнаго механизма.

Эти перерывы работы въ нашей типографіи и вызвали то, что нумера „Нивы“, выпускаемые еженедѣльно, все же выходятъ съ запозданіемъ на шесть недѣль.

Чтобы выполнить до конца все то, что̀ мы обѣщали еженедѣльно давать читателямъ „Нивы“, намъ нужно имѣть еще 18 недѣль, а въ нашемъ распоряженіи до Новаго года осталось лишь 12 недѣль. Приходится волей-неволей соединять нумера и приложенія къ нимъ.

Чтобы скорѣе выравнять запозданіе нумеровъ, мы рѣшили сразу разослать подписчикамъ четыре соединенныхъ нумера.

Печатая соединенные №№ 34—37 сплошного текста ротаціоннымъ способомъ, мы имѣемъ возможность одновременно, утилизируя дневную и ночную работу машинъ, печатать послѣдующіе иллюстрированные нумера „Нивы“, посвященные текущимъ событіямъ, смѣняющимся съ едва уловимой быстротой.

Четыре соединенныхъ №№ 34—37 будутъ представлять дѣйствительно единое цѣлое. Это будетъ собраніе **выдающихся произведеній извѣстнѣйшихъ писателей,** изъ которыхъ каждое само по себѣ имѣетъ громадную литературную цѣнность. Эти дорогія реликвіи нашихъ художниковъ слова, еще не видѣвшія свѣта, мы пріобрѣли у наслѣдниковъ авторовъ и благоговѣйно хранили въ портфелѣ редакціи, имѣя въ виду современемъ дать ихъ нашимъ читателямъ. Теперь, когда душа читателя устала отъ „злобъ дня“, когда мозгъ его напряженъ политикой, мы рѣшили дать ему на чемъ отвести душу, увлечь его умъ художественными образами.

ВЪ №№ 34—37 ВОЙДУТЪ:

1. Пять посмертныхъ стихотвореній **Я. П. Полонскаго**, найденныхъ въ черновыхъ тетрадяхъ поэта.

2. Впервые появляющаяся въ печати, **находившаяся подъ цензурнымъ запретомъ,** большая повѣсть **Н. С. Лѣскова—„Заячій ремизъ“.**

3. Посмертный очеркъ **Н. И. Костомарова—„Скотской бунтъ“** (Письмо малороссійскаго помѣщика къ своему петербургскому пріятелю) и

4. Найденная въ бумагахъ **Н. А. Некрасова, повѣсть великаго нашего поэта „Каменное Сердце“.**

Къ этой повѣсти, найденной въ отрывкахъ, понадобились большія объясненія, и въ ней удалось расшифровать цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ — выдающихся дѣятелей той литературной эпохи. Задачу эту взялъ на себя и съ большой пытливостью выполнилъ извѣстный критикъ **К. И. Чуковскій,** снабдивъ повѣсть обширнымъ предисловіемъ и послѣсловіемъ.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ**, такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ **болѣе 2 рублей**, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, **одинъ рубль.**

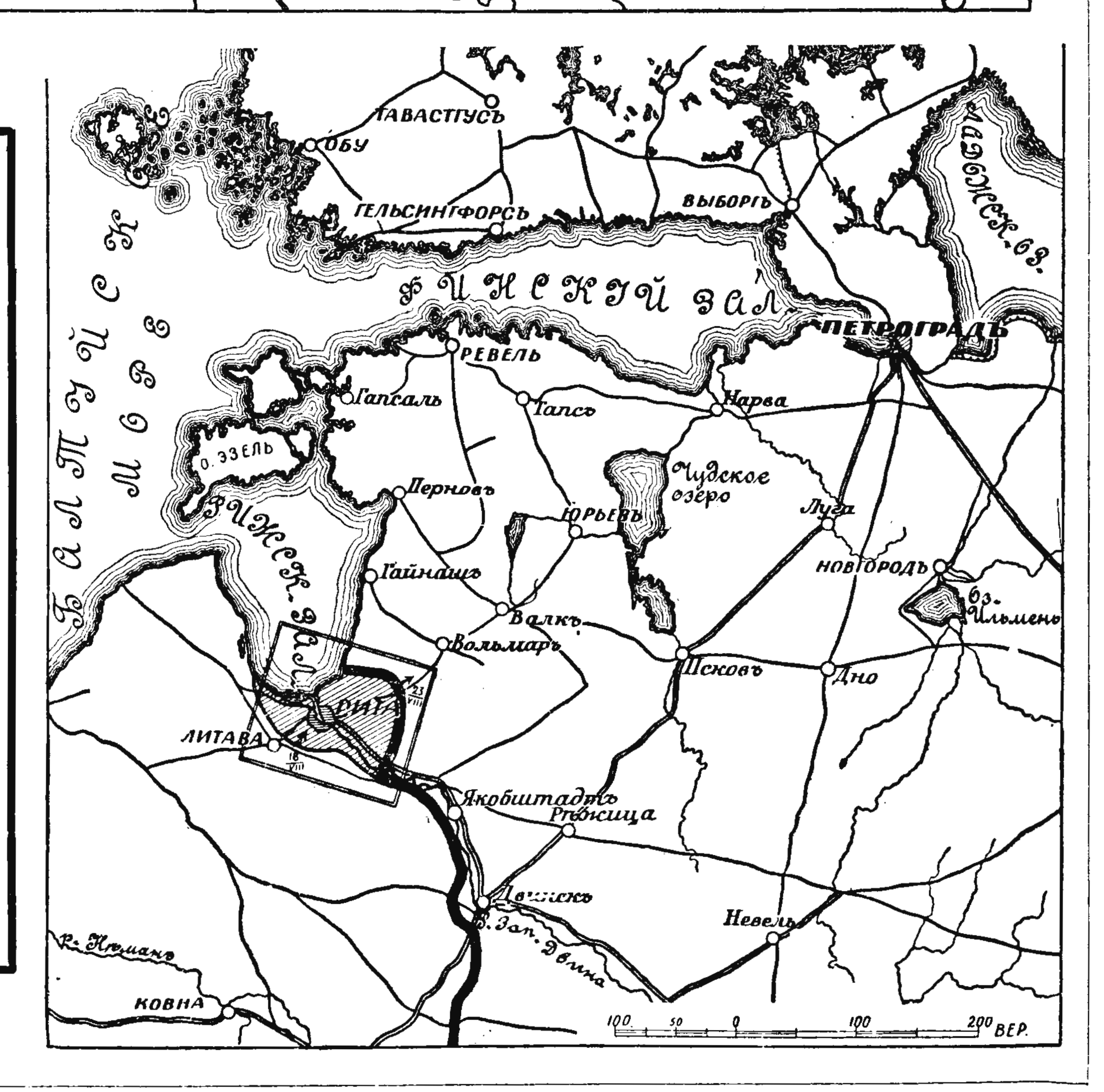
Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство «А. Ф. Марксъ» съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Ниву», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880,000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

РИЖСКІЙ ЗАЛ.
ВЕНДЕНЪ
Мельюпе
ЛИГАТЪ
ЗЕГЕВОЛЬДЪ
ХИНЦЕНБЕРГЪ
УСТЬ-ДВИНСКЪ
Оз. Кангеръ
РОДЕНПОЙСЪ
р. Кредее
Оз. Стинте
Оз. Егель
РОМАНЪ
ТУККУМЪ
РИГА
ВАЛЬДЕНРОДЕ
ШЛОКЪ
Оз. Бабитъ
БЕБЕРБЕКЪ
МЕДЕМЪ
КУРТЕНГОФЪ
ИКСКЮЛЬ
ОГЕРЪ
КАЛНЦЕМЪ
ОЛАЙ
ПЛАКАНЕНЪ
ВЕВЕРЪ
ШУБАРЭДЪ
р. Огеръ
РИНГМУНДСГОФЪ
Двина
ЛИНДЕНЪ
МИТАВА
р. Миссе
р. Экау
ГР. ЭКАУ
НЕЙГУТЪ
ФРИДРИХШТАДТЪ
СТ. ДАУДЗЕВАСЪ
Мариенбахъ
23/VIII 22/VIII 21/VIII 20/VIII 19/VIII 18/VIII
10 5 0 10 20 30 ВЕР.



Заявленіе.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за «Ниву» 1917 г. должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленною присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 38 нумера. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непремѣнно указать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 50 коп. и печатный адресъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 33. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 19 августа 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ПРОФЕССОРЪ ФУРХТЪ.

Разсказъ Георгія Павлова.

Сигналъ бѣдствія.

Эскадренный миноносецъ „Варвикъ" находился въ составѣ дивизіи, посланной въ юго-восточную часть Индійскаго океана съ опредѣленнымъ и весьма важнымъ порученіемъ. Дѣло шло о поимкѣ германскаго крейсера „Мовицъ", прославившагося своими нападеніями на коммерческія суда не только воюющихъ, но и нейтральныхъ державъ. До сихъ поръ этотъ пиратъ ускользалъ благополучно отъ своихъ преслѣдователей, несмотря на то, что охота за нимъ по океану продолжалась уже давно. Въ Германіи подвиги „Мовица" вызывали восторгъ среди патріотическихъ бюргеровъ и дѣвицъ, склонныхъ къ романтизму; но британское адмиралтейство взглянуло па дѣло иначе, — и адмиралъ Шельдонъ, командующій дивизіей, получилъ приказаніе во что бы то ни стало изловить крейсеръ, слѣды котораго, по послѣднимъ извѣстіямъ, были обнаружены на широтѣ Зондскихъ острововъ.

Миноносцемъ „Варвикъ" командовалъ старшій лейтенантъ лордъ Уингъюзъ, молодой, но выдающійся по своимъ способностямъ и энергіи офицеръ; каютъ-компанію составляли младшій лейтенантъ Дунглессъ, мичманы Робертсонъ и Хеглейфъ и докторъ Уэстлекъ, команду—пятьдесятъ пять морскихъ волковъ съ загорѣлыми обвѣтренными физіономіями и вѣчной жвачкой табаку за щекою: отборный народъ, прошедшій огонь и воду, какъ нельзя болѣе пригодный для той отвѣтственной и трудной задачи, которая была возложена на миноносецъ. Адмиралъ Шельдонъ зналъ это,—не даромъ „Варвикъ" былъ высланъ далеко впередъ и поставленъ внѣ всякой связи съ дивизіей, за исключеніемъ радіотелеграфной. Въ глубинѣ души старый адмиралъ былъ того мнѣнія, что, если Уингъюзъ съ его сорви-головами не изловитъ „Мовица", то значитъ этого не сумѣетъ сдѣлать никто.

Былъ знойный, коварно-тихій полдень. Океанъ сверкалъ на солнцѣ густою массою расплавленной бирюзы, и миноносецъ лѣниво нѣжился на волнахъ, едва касаясь ихъ своимъ форштевнемъ. Эта стальная сигара, способная развивать огромную скорость въ случаѣ надобности, казалось, берегла свои силы для встрѣчи съ врагомъ, появленія котораго можно было ожидать каждую минуту.

Мичманъ Хеглейфъ стоялъ на палубѣ, прислушиваясь къ методическому пощелкиванью радіотелеграфа, посредствомъ котораго миноносецъ переговаривался со своими невидимыми товарищами. Прошло уже двое почти сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ сигнальные огни дивизіи скрылись въ густомъ тяжеломъ мракѣ тропической ночи,—сорокъ томительныхъ часовъ, однообразіе которыхъ не нарушалось ничѣмъ. Депеши съ адмиральскаго судна указывали направленіе, задавали обычные служебные вопросы и констатировали отсутствіе всякихъ признаковъ непріятеля, встрѣчи съ которымъ такъ нетерпѣливо ожидали всѣ. Неуловимый „Мовицъ" исчезъ, точно поглощенный безпредѣльнымъ просторомъ океана.

Чарли Робертсонъ присоединился къ своему пріятелю. На миноносецъ насталъ часъ отдыха, матросы группировались подъ тентами, спасаясь отъ убійственныхъ лучей солнца.

— Будетъ штормъ,—сказалъ Робертсонъ.—Это спокойствіе обманчивое.

— Барометръ падаетъ?

— Да, за послѣдніе полчаса. Но я и раньше видѣлъ, къ чему клонится дѣло. Штормъ — это нехорошо. Трудно смотрѣть въ

оба, когда тебя заливаетъ водой выше головы. Если нѣмцамъ удастся благополучно проскользнуть у насъ подъ носомъ, то во всякомъ случаѣ не въ ясную погоду.

Мичманъ Хеглейфъ, любившій выказать себя старымъ морскимъ волкомъ и потому умѣрявшій свою словоохотливость 23-лѣтняго юноши, молча пожалъ плечами. Онъ былъ увѣренъ, что никакой штормъ не помѣшаетъ ему увидѣть четыре трубы „Мовица", и что эта минута будетъ послѣдней для разбойника-крейсера.

— Команда болтаетъ глупости, — продолжалъ Робертсонъ. — Морякъ всегда останется морякомъ; въ концѣ концовъ нашъ народъ не глупѣе другихъ, но послушай-ка, о чемъ толкуютъ эти взрослыя дѣти. Они выдумали какой-то оживленный циклонъ,— злой циклонъ,—по ихъ выраженію,—и, кромѣ того, связываютъ его появленіе съ проклятой нѣмецкой скорлупой, которую готовы считать чуть ли не „летучимъ голландцемъ"...

— На морѣ нельзя смѣяться надъ такими вещами,—важно отвѣчалъ Хеглейфъ.—Команда кое-что видѣла и знаетъ не меньше, чѣмъ мы съ тобой.

Робертсонъ засмѣялся. Этотъ краснощекій веселый малый съ вьющимися льняными волосами и яснымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, какъ будто только-что снявшій спортивную фуфайку, съ точки зрѣнія Хеглейфа, мало соотвѣтствовалъ идеальному образу морского офицера, воспѣтаго Марріетомъ или Куперомъ,— что не мѣшало, впрочемъ, обоимъ молодымъ мичманамъ питать другъ къ другу самую нѣжную дружбу.

— Да! Можетъ-быть,—сказалъ онъ.—Но тѣмъ не менѣе „летучаго голландца" не видѣлъ никто изъ нихъ. Кромѣ того, если „Мовицъ" дѣйствительно обратился въ корабль-призракъ,—значитъ, мы противъ него ничего не подѣлаемъ? Наша мина пробиваетъ броню любой толщины, но какими способами бороться съ привидѣніями,—этому насъ въ школѣ не обучали...

Онъ замолчалъ, обдергивая полы вестона: капитанъ Уингъюзъ приближался своей ровной эластичной походкой. Хеглейфъ вытянулся передъ нимъ въ струну, безсознательно утрируя въ своемъ рвеніи образцоваго служаки требованія военно-морского устава. Само по себѣ появленіе капитана не могло доставить собесѣдникамъ ничего, кромѣ удовольствія: лордъ Реджинальдъ Уингъюзъ, молодой, веселый и обаятельно-любезный аристократъ, былъ общимъ кумиромъ на суднѣ.

— Конецъ нашему отдыху, господа офицеры,—заявилъ онъ, слегка касаясь локтя Хеглейфа и тѣмъ самымъ вынуждая его принять болѣе свободную позу.—Если вы еще не знаете, что такое штормъ на широтѣ Суматры, то совѣтую вамъ поскорѣе переодѣться. Черезъ десять минутъ можетъ быть уже поздно.

Онъ окинулъ горизонтъ внимательнымъ взглядомъ. Облако на западѣ, едва видное въ подзорную трубу еще недавно, теперь разрослось настолько, что его легко можно было видѣть простымъ глазомъ. Штормы въ этой части Индійскаго океана отличаются не только своей силой, но и стремительностью; они налетаютъ внезапно, какъ будто рождаясь по какому-то сказочному мановенію изъ пустоты неба и моря. Вѣтеръ рыскалъ по палубѣ, покрывая ее мелкою сѣтью брызгъ: сонные бугры волнъ заострялись, вскипая на гребняхъ пѣной, и миноносецъ все глубже зарывался между ними.

Поднявшись на мостикъ, капитанъ взглянулъ на компасъ и наклонился надъ растворомъ слуховой трубы. Его голосъ отчетливо раздавался во всѣхъ углахъ „Варвика". Онъ приказалъ тщательно закрыть всѣ помѣщенія, доступныя для воды; стекла иллюминаторовъ были спущены, желѣзныя двери принайтовлены болтами. Герметически-закупоренный миноносецъ представлялъ собою настоящую пробку, для которой не было страшнымъ никакое волненіе.

Солнце исчезло за грязной, бурой пеленой тучъ, и море, точно ожидавшее этого знака, вдругъ загрохотало во всю силу своихъ чудовищныхъ легкихъ. Но сквозь ревъ волнъ и свистъ вѣтра на мостикѣ явственно послышалось щелканье радіотелеграфа: кто-то сигнализировалъ миноносцу, не обращая вниманія на непогоду. Пощелкиванье оборвалось такъ же внезапно; спустя минуту, телеграфистъ появился на мостикѣ, протягивая капитану депешу.

— Въ чемъ дѣло? Должно-быть, это какая-то сенсація...

Лейтенантъ Дунглессъ и Чарли Робертсонъ стояли подлѣ него; три пары глазъ встрѣтились на измятомъ бланкѣ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, нарушаемое только стономъ вѣтра.

„Умоляю о помощи... Безуміе и гибель... Во имя Господа... кровь... дьяволъ"...

И больше ничего. Таинственная телеграмма обрывалась въ пустоту на этихъ словахъ, казавшихся воплями отчаянія. Невольный трепетъ охватилъ троихъ моряковъ, готовыхъ по долгу присяги и личнаго мужества ко всякимъ опасностямъ. Точно само темное небо, низко нависшее надъ грохочущимъ моремъ, вопіяло о какомъ-то чудовищномъ преступленіи, о какой-то катастрофѣ, размѣры которой не укладывались въ человѣческомъ сознаніи. Эти зловѣщія слова не могли прозвучать на фонѣ болѣе гармоничнаго аккомпанемента, чѣмъ голоса приближающейся бури.

Лордъ Уингъюзъ первый нарушилъ тягостное молчаніе.

— На какомъ языкѣ передана депеша? — спросилъ онъ радіотелеграфиста.

— На нѣмецкомъ.

II.

Выброшенный моремъ.

Блѣдный лучъ луны пробился сквозь темноту и освѣтилъ море, бѣснующееся въ дикихъ корчахъ. По времени, скоро долженъ былъ наступить разсвѣтъ, — штормъ продолжался уже около восемнадцати часовъ.

Волны крутились, образуя гигантскія воронки, полныя пѣны: порою миноносецъ совершенно исчезалъ подъ этимъ призрачнымъ кружевомъ, бросавшимъ жуткій отсвѣтъ на черное небо. Казалось, не было никакой возможности противостоять бѣшеному натиску волнъ, стремившемуся смыть все живое съ палубы. Но маленькое судно мужественно продолжало свой путь, придерживаясь направленія, насколько это было возможно. Капитанъ Уингъюзъ, въ непромокаемомъ плащѣ, съ котораго вода стекала потоками, не покидалъ своего мостика; его распоряженія были хладнокровны, ясны и точны, какъ всегда, и напряженная работа на миноносцѣ шла съ тѣмъ же спокойствіемъ и правильностью тщательно вывѣреннаго механизма.

Подъ утро Чарли Робертсонъ свалился въ изнеможеніи на свою койку. Тяжелый сонъ сейчасъ же сковалъ его и мало-по малу перешелъ въ кошмаръ, безформенный и ужасный. Призывъ о помощи, на который „Варвикъ" не могъ отозваться, не выходилъ изъ головы молодого человѣка. Его воображеніе рисовало потрясающія сцены на канвѣ этой мрачной загадки; еще недавно смѣявшійся надъ суевѣріемъ команды, онъ готовъ былъ теперь повѣрить всему, даже самому невѣроятному. Громъ волнъ, проникавшій сквозь стѣны каюты, вызывалъ въ представленіи спящаго хороводъ дикихъ образовъ, сплетавшихся въ какой-то фантасмагоричной пляскѣ, — какъ тѣни адской охоты.

Онъ проснулся внезапно и вскочилъ такъ порывисто, словно его назвали громко по имени. Повинуясь этому зову, Чарли Робертсонъ бросился на палубу, самъ не зная зачѣмъ. Ловкій и гибкій, какъ всѣ игроки въ гольфъ, онъ цѣплялся за скользкія перила, пробираясь вдоль миноносца, размахи котораго все увеличивались. Палуба то уходила изъ-подъ ногъ, то вздымалась горой, какъ будто хотѣла улетѣть туда, въ грозное небо, соединяющееся съ бушующимъ моремъ рукавами крутящихся смерчей. Къ килевой качкѣ, какъ это всегда бываетъ во время шторма, примѣшивалась боковая: узкій корпусъ „Варвика" поминутно кувыркался съ боку на бокъ, опуская въ клокочущую воду перила то одного, то другого борта.

Внезапно Робертсонъ замеръ на мѣстѣ: чья-то рука вынырнула изъ пѣны и схватилась за желѣзный брусъ въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ молодого мичмана. Миноносецъ качнуло въ другую сторону; перила поднялись, увлекая за собою повисшее на нихъ тѣло, Робертсонъ подхватилъ его и, сдѣлавъ отчаянное усиліе, перебросилъ черезъ себя, — назадъ, на палубу.

Все это было дѣломъ одной минуты. Нѣсколько матросовъ, привлеченныхъ возней, столпились вокругъ неожиданнаго гостя, лежавшаго неподвижно среди лужи. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, въ матросскомъ платьѣ германскаго образца, опоясанный пробковымъ поясомъ. Глаза его были закрыты, губы подъ коротко подстриженными усами плотно сжаты, шрамъ отъ свѣжаго удара пересѣкалъ лицо, на которомъ смертельная блѣдность не могла изгладить слѣдовъ загара.

— Онъ мертвый, — заявилъ боцманъ Сэтонъ. — Морякъ, котораго вытащили изъ воды, словно дохлую рыбу, немногаго стоитъ.

Но нѣтъ, германецъ не былъ мертвъ. Сердце его билось, хотя и слабо. Мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя, но, повидимому, или не отдавалъ себѣ отчета въ окружающемъ, или не интересовался имъ совершенно. Вокругъ него слышалась англійская рѣчь, но этотъ человѣкъ, спасенный врагами отъ смерти и сдѣлавшійся ихъ плѣнникомъ, не обнаруживалъ ни замѣшательства, ни гнѣва, ни даже недоумѣнія.

Заставивъ германца проглотить полстакана горячаго грога, капитанъ Уингъюзъ приступилъ къ допросу.

— Съ какого судна?—спросилъ онъ по-нѣмецки.

— „Мовицъ",—произнесъ плѣнникъ, какъ автоматъ. Губы его почти не шевелились, и это имя, столько разъ повторявшееся на миноносцѣ, вылетѣло изъ нихъ, словно вздохъ. Лордъ Уингъюзъ не повелъ даже бровью.

— Вы потерпѣли крушеніе?

— Нѣтъ.

— Какъ же ты попалъ въ море?

Германецъ не отвѣчалъ. Вѣки его опустились, дыханіе было тяжелымъ и прерывистымъ. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы отвѣчать на дальнѣйшіе разспросы, и капитанъ оставилъ его въ покоѣ, разсчитывая, что отдыхъ и вино сдѣлаютъ плѣнника болѣе разговорчивымъ.

Но когда, часъ спустя, Уингъюзъ вернулся къ германцу, тотъ лежалъ съ открытыми глазами въ своей прежней позѣ. Повидимому, его прострація все еще продолжалась. Докторъ Уэстлекъ, осмотрѣвшій матроса, нашелъ, что все сводится, повидимому, къ простому нервному потрясенію.

— Что касается этой царапины, — сказалъ онъ, указывая на кровавый рубецъ, изуродовавшій лицо германца,—то для такого здороваго парня она ничего не значитъ.

— Но разговаривать онъ все-таки можетъ?

— Сколько угодно, лишь бы только захотѣлъ.

И докторъ удалился, оставивъ Уингъюза наединѣ съ плѣнникомъ.

— Послушай, пріятель,—снова заговорилъ капитанъ,—разомкни же наконецъ свои челюсти. Мы не сдѣлаемъ тебѣ ничего дурного. Ты попросился къ намъ и не раскаешься въ этомъ,—но только отвѣть мнѣ на самый простой вопросъ: какъ очутился ты за бортомъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ нѣмецъ, закрывая лицо рукою, точно отъ солнца.—Не помню.

— Вы сигнализировали о помощи?—продолжалъ Уингъюзъ. — Откуда у тебя это украшеніе на щекѣ?

Матросъ безпокойно задвигался, какъ будто усиливаясь подняться съ койки. Его глаза, мутные и апатичные, вдругъ зажглись какимъ-то страннымъ, тревожнымъ огнемъ.

— Я разскажу все, — пробормоталъ онъ.—Не сейчасъ... Дайте мнѣ вспомнить...

— Никто тебя не торопитъ, пріятель. Послѣ такой встряски мозги могли отсырѣть. Подумай, припомни и потомъ разскажи все.

Кивнувъ головой, онъ направился къ дверямъ, но въ это время койка позади насъ заскрипѣла, послышался звукъ прыжка. Капитанъ не успѣлъ обернуться: двѣ руки со страшной силой обхватили его за шею, и, потерявъ равновѣсіе, онъ опрокинулся навзничь, придавивъ своимъ тѣломъ матроса.

На цинковомъ полу каюты началась безмолвная борьба. Плѣнникъ, который еще минуту тому назадъ не могъ, казалось, сдѣлать ни одного жеста, обнаруживалъ теперь такую колоссальную силу, съ которой могло сравниться только его ожесточеніе. Но и лордъ Уингъюзъ былъ достаточно силенъ; притомъ, на его сторонѣ была ловкость спортсмена, которой не доставало германцу. Спустя минуту послѣдній очутился внизу. Уингъюзъ выпрямился и надавилъ его грудь колѣномъ, ища глазами веревки, чтобы скрутить руки германца. Но, взглянувъ мелькомъ въ его лицо, онъ сразу отнялъ колѣно и всталъ.

Матросъ лежалъ безъ сознанія. На полуоткрытыхъ губахъ его выступила пѣна, глаза закатились, грубая, но не отталкивающая сама по себѣ физіономія была искажена такой страшной гримасой, на которую нельзя было смотрѣть безъ содроганія. Это было что-то похожее на маску лицевыхъ мускуловъ, сведенныхъ пароксизмомъ падучей болѣзни, — но только несравненно болѣе ужасное.

На лѣстницѣ послышались торопливые шаги. Робертсонъ, задыхаясь, вбѣжалъ въ каюту и остановился на порогѣ, не въ силахъ будучи вымолвить ни слова.

— Пустое,—успокоилъ его Уингъюзъ.—Онъ бросился на меня: повидимому, это просто сумасшедшій. Надо уложить его и вызвать доктора Уэстлека...

Но Робертсонъ не смотрѣлъ на плѣнника. Его рука, поднятая къ козырьку фуражки, дрожала лихорадочной дрожью, и звонкій молодой голосъ срывался отъ волненія, повышенный почти до крика.

— Господинъ капитанъ, крейсеръ подъ нѣмецкимъ флагомъ съ бакборта! Это — „Мовицъ“!

III.

Лицомъ къ лицу.

Въ одно мгновеніе оба очутились на палубѣ.

Море кипѣло, освѣщенное первыми лучами разсвѣта, и на этой бѣлой, неистово мчавшейся пеленѣ можно было увидѣть на разстояніи нѣсколькихъ кабельтововъ большое военное судно. Боевая окраска почти сливала его массу съ волнами, ни одного огня не свѣтилось на мачтахъ, ни одной струи дыма не поднималось изъ четырехъ слегка наклонныхъ трубъ. Крейсеръ, повидимому, стоялъ неподвижно. Но германскій флагъ вызывающе развѣвался на короткой мачтѣ, и надъ иллюминаторами бронированнаго борта можно было разобрать въ бинокль страшное имя „Мовицъ“, которое столько обреченныхъ судовъ видѣли въ послѣднія минуты своей жизни.

— Всѣ по мѣстамъ!—послышалась команда Уингъюза.—Приготовиться маневрировать. Скорость прежняя. Ожидать сигнала къ атакѣ.

— Я не совсѣмъ понимаю, въ чемъ дѣло,—продолжалъ онъ пониженнымъ голосомъ, обращаясь къ Дунглессу. — Они видятъ насъ такъ же, какъ мы ихъ. Что имъ мѣшаетъ дать залпъ? Вѣдь черезъ полминуты будетъ уже поздно.

— Можно подумать, что тамъ никого нѣтъ,—подтвердилъ Дунглессъ.

— Мнѣ тоже такъ кажется, хотя это и нелѣпое предположеніе. Мину выпустить мы всегда успѣемъ, не такъ ли? Все-таки лучше подождать.

„Варвикъ“ далъ контръ-паръ и остановился. Небо свѣтлѣло все болѣе: теперь уже отчетливо можно было видѣть палубу крейсера. Орудія тускло сверкали въ броневыхъ куполахъ башенъ, шлюпки висѣли на таляхъ въ полной исправности. Не было видно никакихъ слѣдовъ аваріи, но ни одна человѣческая фигура попрежнему не показывалась у борта; крейсеръ безучастно отдавался ярости волнъ, молчаливый и покорный, какъ машина, которой некому было привести въ дѣйствіе.

— Странно,—повторилъ Уингъюзъ,—очень странно...

Онъ приказалъ дать сигналъ крейсеру: „немедленно спустить флагъ“. Команда занимала свои мѣста, молчаливая, хотя и взволнованная. Внизу, у минныхъ трубокъ, ждали только приказанія, чтобы бросить въ сердце врага восемьдесятъ килограммовъ пироксилина. Первый огонь залпа, блеснувшій на батареяхъ „Мовица“, былъ бы для него смертнымъ приговоромъ.

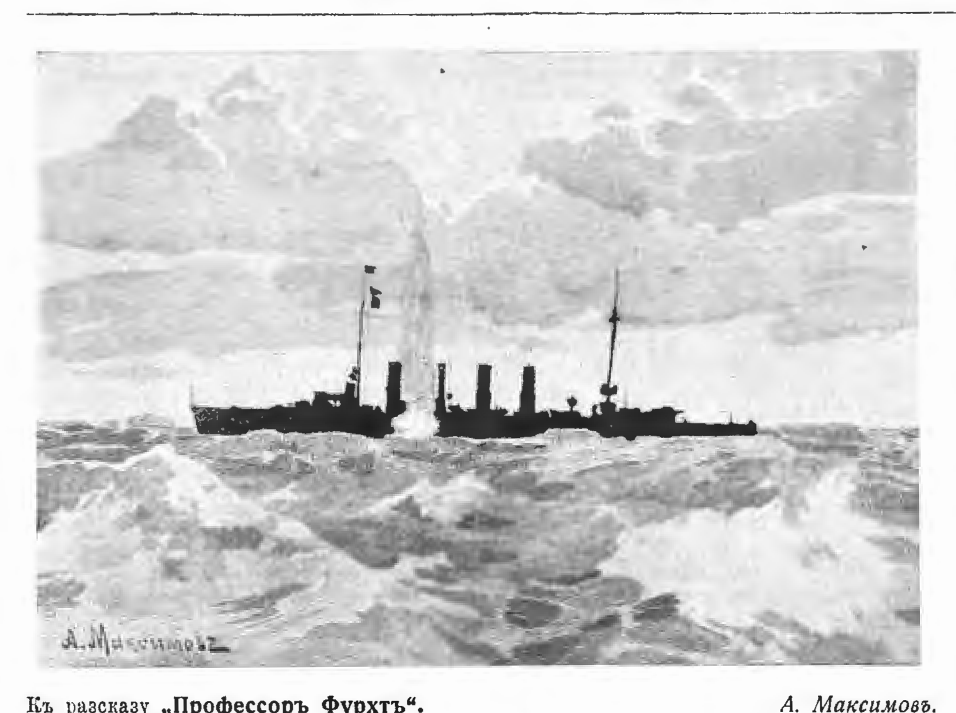
Прошла секунда, двѣ, три,—минута. Все оставалось попрежнему. Черно-желтый флагъ Гогенцоллерновъ трепался на вершинѣ мачты, какъ зловѣщая птица, готовая взвиться ввысь. Сигналъ „Варвика“ оставался безъ всякаго отвѣта.

— Капитанъ,—сказалъ Хеглейфъ, выступая впередъ,—разрѣшите мнѣ взять шлюпку. Если они ослѣпли, я заставлю ихъ протереть глаза.

Уингъюзъ молча посмотрѣлъ на него. Захватить, съ горсточкой команды миноносца, бронированный крейсеръ,—лордъ Реджинальдъ Уингъюзъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ часто мечталъ о лаврахъ Нельсона и Бронта, чтобы такая перспектива не могла соблазнить его. Но, съ другой стороны, силы были черезчуръ неравными. Экипажъ „Варвика“ составлялъ, включая командира и офицеровъ, всего шестьдесятъ человѣкъ,—на „Мовицѣ“ не могло быть менѣе семисотъ, не говоря о чудовищной разницѣ въ артиллеріи.

Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“.** *А. Максимовъ.*

Шлюпка отвалила отъ миноносца. (Гл. III).



Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“.** *А. Максимовъ.*
Короткій взрывъ примѣшался къ грохоту океана. Бѣлый водяной столбъ, точно призракъ, поднялся сбоку крейсера.

все равно были бы подтянуты подъ киль крейсера раньше, чѣмъ вторая шлюпка съ „Варвика“ успѣла бы сдѣлать половину разстоянія. Единственное, что она могла—это разбиться о бронированный бортъ точно такъ же. Безумная попытка не удалась, невозможное оставалось невозможнымъ.

Вдругъ Робертсонъ громко вскрикнулъ, указывая на крейсеръ. Бѣлая человѣческая фигура, крошечная, какъ кукла изъ папье-маше, ухватилась за свѣшивавшійся съ палубы канатъ и стала карабкаться вверхъ съ изумительной ловкостью, пока не достигла баллюстрады, за которой и скрылась.

То былъ мичманъ Дэвидъ Хеглейфъ.

IV.

„Всѣ мертвы—всѣ до одного“...

Прошло болѣе часа,—на „Мовицѣ“ ничто не подавало признаковъ жизни. Пушки такъ же смотрѣли изъ своихъ амбразуръ, точно хищные звѣри, которымъ надѣли намордникъ, германскій флагъ попрежнему развѣвался, осѣняя таинственное судно, и, глядя на него, Робертсонъ еще разъ вспомнилъ легенду о „летучемъ голландцѣ“, надъ которой иронизировалъ наканунѣ. Теперь ему пришло въ голову, что, если вѣчное правосудіе моря въ самомъ дѣлѣ казнитъ вѣчной жизнью грѣшные корабли, то ни одинъ изъ нихъ не заслуживалъ этой страшной участи болѣе, чѣмъ „Мовицъ“, на сѣрыхъ бортахъ котораго тяготѣло столько невинной крови. И, несмотря на палящіе лучи солнца, Чарли Робертсонъ почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣжала по его плечамъ при этой мысли...

— Они не отвѣчаютъ на сигналъ, — продолжалъ Хеглейфъ,— тамъ что-нибудь не ладно. Дайте мнѣ шлюпку съ пятью гребцами, и черезъ полчаса я подробно доложу вамъ, что происходитъ на крейсерѣ.

Въ нѣсколько секундъ Уингъюзъ рѣшился. Онъ принималъ этотъ шагъ на свою отвѣтственность,—онъ, капитанъ, не могъ быть менѣе смѣлымъ, чѣмъ его мичманъ.

— Кто хочетъ ѣхать на крейсеръ, чтобы сорвать эту тряпку и поднять вмѣсто нея флагъ старой Англіи?—сказалъ онъ своимъ громкимъ, смѣющимся голосомъ, когда вся команда была по его приказанію выстроена на палубѣ.—Вы молодцы на подборъ, я знаю, — но рискъ слишкомъ великъ. Мало шансовъ даже пристать къ борту; лодку можетъ подтянуть подъ киль или разбить о броневую обшивку. Желающіе рискнуть—выходите!

Вся команда, какъ одинъ человѣкъ, выступила впередъ. Уингъюзъ пожалъ плечами съ довольнымъ видомъ. Онъ этого и ожидалъ.

— Шлюпка вмѣщаетъ только пятерыхъ, братцы, — сказалъ онъ. — Кидайте жребій, но только скорѣе.

Такія вещи не требуютъ продолжительнаго времени. Нѣсколько минутъ спустя пять человѣкъ матросовъ, съ Хеглейфомъ во главѣ, стояли у спущеннаго трапа, готовые къ посадкѣ въ шлюпку. На прощанье лордъ Уингъюзъ крѣпко пожалъ руку молодого мичмана.

— Я отмѣчу въ корабельномъ журналѣ, Дэвидъ Хеглейфъ, что вы пустились въ путь по собственной инціативѣ; а остальные пошли добровольцами по жребію. Счастливаго пути,—и благополучнаго возвращенія!

Робертсонъ простился со своимъ другомъ молча. Онъ считалъ недостойнымъ моряка обнаруживать чувство, преобладавшее въ немъ въ эти минуты надъ всѣми другими—чувство зависти...

Шлюпка благополучно отвалила отъ миноносца. Вѣтеръ начиналъ утихать, но океанъ бѣсновался попрежнему. На мостикѣ „Варвика“ офицеры, вооруженные биноклями, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за крошечной скорлупкой, отважно перескакивавшей съ волны на волну, подвигаясь все ближе къ крейсеру. Никто не говорилъ ни слова, только сердца стучали громче обыкновеннаго. Эти люди, видѣвшіе столько рѣшительныхъ, тревожныхъ минутъ, не могли не сознавать, что передъ ними происходитъ нѣчто, далеко не обычное даже въ ихъ жизни, полной приключеній и опасностей.

— Если они сумѣютъ причалить къ борту,—заговорилъ Уингъюзъ, — дѣло будетъ сдѣлано наполовину. Сейчасъ это самое главное. Тѣмъ не менѣе долженъ сознаться, — я не понимаю поведенія джентльменовъ на крейсерѣ. Арги Дунглессъ, что вы скажете по этому поводу?

Лейтенантъ пожалъ плечами.

— Не знаю. Быть-можетъ, они готовятъ намъ западню? Я не могу повѣрить, чтобы...

Онъ не договорилъ. Заглушенный крикъ послышался позади; Уингъюзъ опустилъ бинокль и медленно, торжественнымъ движеніемъ снялъ фуражку. Слѣдуя его примѣру, вся команда обнажила головы.

У самой кормы „Мовица“ шлюпка завертѣлась волчкомъ, не слушаясь веселъ, и со страшной силой ударилась о бортъ. Въ одно мгновеніе волны разбросали людей и обломки въ разныя стороны. Нечего было и думать о спасеніи погибавшихъ: они

Въ это время капитанъ Уингъюзъ оставался на палубѣ, которую покинулъ только на нѣсколько минутъ, чтобы провѣдать плѣнника, предоставленнаго попеченіямъ доктора Уэстлека. Матросъ все еще лежалъ безъ чувствъ, съ гримасой, какъ будто застывшей на лицѣ. Докторъ никакъ не могъ привести его въ сознаніе: можно было подумать, что больной находится въ летаргіи, хотя пульсъ и сердце функціонировали вполнѣ правильно. Уэстлекъ рѣшилъ до поры до времени оставить своего паціента въ покоѣ.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ онъ,—у насъ нѣтъ здѣсь смирительной рубашки, а мнѣ не хотѣлось бы, чтобы этотъ молодчикъ перегрызъ горло кому-нибудь изъ насъ. Въ концѣ концовъ, отдыхъ для него теперь только полезенъ.

— Поступайте, какъ знаете, дорогой докторъ,—отвѣчалъ лордъ Реджинальдъ.—Этотъ молодчикъ, какъ вы его назвали, долженъ благодарить судьбу за то, что попалъ въ ваши руки.

Онъ вернулся на палубу и снова навелъ бинокль на „Мовицъ“. Бездѣйствіе и ожиданіе начинали томить его. Ему казалось, что событія, такъ быстро слѣдовавшія одно за другимъ еще недавно, вдругъ прекратили свое теченіе. Все было спокойно подъ убійственными лучами солнца, раскалявшими желѣзные листы палубы до того, что вода, попадая на нихъ, покрывалась пузырями и шипѣла. Вѣтеръ разогналъ съ неба послѣдніе обрывки тучъ, но океанъ продолжалъ ревѣть, катя свои трехсаженные волны на приступъ и разбивая ихъ тамъ, вдали, о бортъ неподвижнаго крейсера.

Но вотъ германскій флагъ „Мовица“ дрогнулъ и медленно пошелъ внизъ. На миноносцѣ все всколыхнулось; еще минута—и громовое „ура“ экипажа заглушило даже грохотъ волнъ. Красный символъ могущества Британіи величаво поднимался на мачту корабля, завоеваннаго энергіей и рѣшимостью одного человѣка, котораго еще часъ тому назадъ можно было назвать безумцемъ. Немного спустя одна изъ шлюпокъ на крейсерѣ пришла въ движеніе. Привычная рука управляла механизмомъ, легко справлявшимся съ громадной тяжестью, благодаря остроумной системѣ автоматическихъ рычаговъ; вельботъ плавно соскользнулъ на цѣпяхъ и легъ на воду подъ самымъ трапомъ, который опустился одновременно съ лодкой.

— Чортъ возьми!—закричалъ Робертсонъ внѣ себя отъ восторга.—Дэви распоряжается тамъ, словно въ своей спальнѣ! Пари держу, онъ привезетъ съ собою хорошія новости!

Вельботъ приближался. Хеглейфъ энергично работалъ веслами, лодка летѣла, какъ будто на десяти веслахъ. Чувствовалось, что гребецъ напрягаетъ послѣднія силы. Его появленіе на палубѣ миноносца было встрѣчено восторженными оваціями, но молодой человѣкъ не замѣчалъ ихъ. Онъ дышалъ тяжело, и по лицу потъ стекалъ крупными каплями. Пожимая руку капитана, онъ пошатнулся и долженъ былъ опереться на его плечо, чтобы не упасть.

— Пойдемте внизъ, — сказалъ лордъ Уингъюзъ. — Вамъ надо отдохнуть и подкрѣпиться. Вы сейчасъ выглядите, какъ побѣдитель на гребной гонкѣ.

Хеглейфъ посмотрѣлъ на него мутными глазами.

— Они всѣ мертвы, — сказалъ онъ. — Всѣ до одного.

Уингъюзъ невольно вздрогнулъ. Ему показалось, что молодой человѣкъ бредитъ.

— Не можетъ быть... Вся команда?!

Полотняный китель мичмана былъ перепачканъ кровью, такъ же, какъ и башмаки. Наступило молчаніе. Слова Хеглейфа подтверждали догадку, смутно бродившую въ головѣ каждаго на „Варвикѣ“, но эта догадка была такъ чудовищна, что никто не рѣшался ее высказать. Всѣ мертвы — всѣ до одного...

Не говоря ни слова, Хеглейфъ повернулся и пошелъ внизъ. Никто не остановилъ его; бѣлый китель, испещренный кровавыми пятнами, исчезъ въ люкѣ трапа. Прошла минута, и вдругъ характерный ударъ внизу, такъ хорошо знакомый послѣднему матросу на миноносцѣ, заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Полоса пѣны пересѣкла гребни волнъ почти одновременно въ двухъ или трехъ мѣстахъ, все удаляясь. Команда смотрѣла, затаивъ дыханіе. Короткій взрывъ примѣшался къ грохоту океана. Бѣлый водяной столбъ, точно призракъ, поднялся сбоку крейсера.

Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“.** *А. Максимовъ.*
Лордъ Уингъюзъ занялся у себя въ каютѣ составленіемъ рапорта. (Гл. V).

И все было кончено. „Мовицъ“ пересталъ существовать,— остались только море и небо.

Лордъ Уингъюзъ бросился внизъ, къ аппаратамъ. Хеглейфъ былъ тамъ. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, въ вялой позѣ безконечно-усталаго человѣка. Громкій голосъ капитана едва заставилъ его поднять глаза.

— Что вы сдѣлали, Дэви! Вы потопили судно подъ британскимъ флагомъ...

Молодой человѣкъ равнодушно посмотрѣлъ на него.

— Такъ было нужно,—сказалъ онъ.—Такъ было нужно, капитанъ. Вы не знаете...

Онъ говорилъ медленно, вяло и апатично,—почти такъ же, какъ матросъ съ „Мовица“. Лордъ Уингъюзъ провелъ его къ себѣ въ каюту и усадилъ въ удобное кожаное кресло передъ отворенннымъ окномъ, въ которое свободно вливался свѣжій воздухъ.

— Боюсь, что вы надѣлали намъ большихъ хлопотъ, Дэви,— сказалъ онъ.—Но теперь уже поздно разсуждать объ этомъ. Разскажите мнѣ, что вы видѣли на крейсерѣ?

Хеглейфъ отвѣтилъ не сразу. Онъ долго и внимательно разсматривалъ свои руки, покрытыя кровавыми ссадинами. Потомъ, не глядя на капитана, заговорилъ тѣмъ же усталымъ, апатичнымъ голосомъ:

— Если бъ я прожилъ еще тысячу лѣтъ, и тогда мнѣ не забыть этого. Они всѣ убиты, отъ капитана до послѣдняго повара въ камбузѣ. Радіотелеграфистъ погибъ въ своей будкѣ; ему пустили пулю въ затылокъ черезъ дверь. Машинное отдѣленіе работало дольше другихъ. Они прошли по инерціи нѣсколько миль и остановились,—некому было вести судно дальше.

— Но какая же причина? Самая жестокая эпидемія не могла бы, мнѣ кажется...

Хеглейфъ прервалъ его вялымъ жестомъ.

— Никакой эпидеміи. Просто рѣзня, рукопашная схватка.

— Стало-быть—мятежъ?

— Не знаю. Но они уничтожили другъ друга всѣ, до послѣдняго. Это должно было продолжаться много часовъ подъ рядъ, быть-можетъ, цѣлыя сутки. Всѣ коридоры были обращены въ траншеи, всѣ каюты—въ блокгаузы, все это завалено грудами труповъ. Дрались всюду, гдѣ только было мѣсто. Дрались ножами, стрѣляли изъ ружей, душили другъ друга, перегрызали горло. Внизу можно задохнуться отъ запаха крови. Мнѣ кажется, именно этотъ запахъ прикончилъ тѣхъ, кто былъ только раненъ и еще дышалъ. Даже на моихъ рукахъ... на моихъ рукахъ...

Онъ опять поднесъ ладони къ лицу, нюхая ихъ, какъ будто старался вспомнить знакомый раздражающій запахъ. Уингъюзъ налилъ стаканъ грога и протянулъ его мичману.

— Выпейте это, Дэви. Вамъ надо успокоиться, вы слишкомъ взволнованы. Выпейте, а потомъ лягте, отдохните.

Хеглейфъ послушно взялъ стаканъ и осушилъ его.

— Какъ бы то ни было, — продолжалъ лордъ Уингъюзъ, — наша миссія выполнена. „Мовицъ“ пересталъ существовать, хотя его смерть мнѣ не нравится и, вѣроятно, еще меньше понравится адмиралтейству. Но я думаю, что сумѣю найти для васъ смягчающія обстоятельства въ своемъ рапортѣ. Вотъ кстати Робертсонъ,—добро пожаловать, Чарли! Поручаю вамъ позаботиться, чтобы вашъ другъ отдохнулъ какъ слѣдуетъ. Вы оба свободны до самаго вечера.

V.

Что сдѣлалъ Хеглейфъ.

Миноносецъ двинулся дальше, по направленію къ сѣверо-востоку. Уингъюзъ не спѣшилъ телеграфировать адмиралу о своей встрѣчѣ съ „Мовицемъ“; передавъ командованіе Дунглессу, онъ занялся у себя въ каютѣ составленіемъ рапорта о событіяхъ послѣднихъ часовъ — дипломатическаго документа, въ которомъ задался цѣлью, не искажая фактовъ, оправдать въ то же время Хеглейфа. Онъ такъ углубился въ работу, что не замѣтилъ шума и восклицаній внизу; но нежданно въ дверь постучали, и этотъ рѣзкій, торопливый стукъ заставилъ его прійти въ себя.

— Войдите! — сказалъ онъ. — Дверь распахнулась, боцманъ Сэтонъ ворвался въ каюту, какъ буря.

— Осмѣлюсь доложить о несчастьѣ, сэръ: мичманъ Робертсонъ раненъ!

— Часъ отъ часу не легче. Раненъ? Кѣмъ?

— Мичманомъ Хеглейфомъ.

Перо выпало изъ рукъ лорда Уингъюза; оттолкнувъ боцмана, онъ бросился къ лѣстницѣ съ поспѣшностью, далеко необычной для этого уравновѣшеннаго человѣка. Онъ нашелъ Робертсона лежащимъ на койкѣ въ безсознательномъ состояніи. Докторъ Уэстлекъ перевязывалъ ему рану, нанесенную въ плечо кортикомъ.

— Чудеса продолжаются,—сказалъ Уэстлекъ при видѣ капитана.—Скоро у меня, повидимому, будетъ цѣлый лазаретъ на рукахъ. Что вы скажете о выходкѣ Дэви?

— Интереснѣе узнать, что онъ самъ говоритъ о ней?

— Онъ-то ничего не говоритъ. Онъ безъ сознанія, какъ и нашъ

гость съ „Мовица“. Но я узналъ всѣ подробности отъ очевидцевъ. Чарли велъ его по коридору, чтобы уложить спать. Вдругъ, безъ всякаго повода, Хеглейфъ выхватываетъ кортикъ, бросается на своего лучшаго друга и пропарываетъ ему рукавъ вестона плюсъ два сантиметра кожи. А самъ падаетъ съ пѣной у рта и до сихъ поръ лежитъ безъ памяти. Я практикую давно, но такихъ случаевъ что-то не запомню...

Робертсонъ тѣмъ временемъ пришелъ въ себя. Увидя капитана, онъ порывисто схватилъ его за руку.

— Ради Бога, сэръ,—что съ Дэвидомъ?

— Успокойтесь,—сказалъ докторъ.—Мы разберемъ эту темную исторію. Пока совѣтую вамъ не волноваться и лежать смирно.

— О, докторъ, я боюсь, что бѣдный Дэви очень, очень боленъ,—простоналъ раненый.—Подумайте, вѣдь я не сказалъ ему ни одного слова. Мы шли молча; у него были закрыты глаза,—мнѣ казалось даже, что онъ спитъ...

Хеглейфа докторъ и Уингъюзъ нашли попрежнему въ безсознательномъ состояніи. Онъ лежалъ, полуоткрывъ ротъ, съ той же зловѣщей гримасой на лицѣ, похожей на маску эпилептика.

Докторъ заперъ за собой дверь и обернулся къ капитану.

— Нелѣпая исторія,—сказалъ онъ.—Изъ шестерехъ, отправившихся на крейсеръ, пятеро утонуло, а шестой свихнулся. Команда будетъ трепать на всѣ лады это дурацкое совпаденіе, но дѣло не въ томъ. У меня есть одна гипотеза, которую покамѣстъ я хотѣлъ бы оставить при себѣ. Возможно, конечно, что мы имѣемъ дѣло съ простой случайностью, но, какъ хотите, патологическіе признаки у Дэвида и того матроса совпадаютъ довольно страннымъ образомъ.

— Да,—сказалъ Уингъюзъ,—если принять во вниманіе, что они оба были на бортѣ „Мовица“...

— Хотя бы даже одно это.

— И, кромѣ того, оба пили грогъ передъ своимъ припадкомъ.

Докторъ Уэстлекъ посмотрѣлъ на него поверхъ пенснэ.

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ чрезвычайно важная подробность, о которой я даже не зналъ. Предоставьте мнѣ заняться этимъ дѣломъ; я попробую примѣнить параллельные методы лѣченія и думаю, что въ концѣ концовъ абсолютно-неразрѣшимыхъ вопросовъ наука мнѣ поставить не можетъ.

Оставшись одинъ, лордъ Уингъюзъ впервые почувствовалъ, какъ онъ утомился за эти сутки. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много событій прошло передъ нимъ: трагическая радіотелеграмма, штормъ, человѣкъ, вытащенный изъ воды и бросившійся на него безъ всякаго повода— абордажъ крейсера, оказавшагося кровавой гекатомбой, и его потопленіе, по своей неожиданности и безцѣльности такъ похожее на ударъ, который Хеглейфъ предательски нанесъ своему товарищу, и который завершилъ цѣпь загадокъ этихъ кошмарныхъ двадцати четырехъ часовъ. Уингъюзъ сжалъ руками голову и поднялся наверхъ, чтобы освѣжиться немного.

Здѣсь уже ожидали его появленія. Команда была встревожена. Среди этихъ людей судьба „Мовица“ и связанныя съ нею событія успѣли уже породить рядъ вымысловъ, всегда находящихъ благопріятную почву въ воображеніи суевѣрныхъ дѣтей моря. И хотя вымыслы эти были безвредны сами по себѣ, Уингъюзъ не могъ допустить все же, чтобы они привели къ унынію или паникѣ.

— Пустое, старина!—какъ можно безпечнѣе отвѣчалъ онъ на молчаливый вопросительный взглядъ Сэтона.—Все дѣло въ томъ, что послѣ такой передряги стаканъ грога, оказывается, можетъ причинить немало вреда.

Трудно было придумать болѣе подходящее объясненіе. Лицо Сэтона, любившаго, какъ всѣ моряки, промочить горло добрымъ глоткомъ спиртного, сразу расплылось въ добродушную снисходительную улыбку.

— Вотъ оно что! — сказалъ онъ съ облегченіемъ. — А мы-то признаться, думали...

— Ну, ну, Сэтонъ, — прервалъ его Уингъюзъ. — Надѣюсь, что вы, какъ старшій среди матросовъ, не думали никакихъ глупостей и даже старались образумить другихъ. Посмотрите-ка лучше сюда: что это такое?

Слѣва на горизонтѣ, между линіей моря и небомъ, какъ будто висѣли въ воздухѣ какія-то неясныя очертанія, похожія на миражъ. Сэтонъ, знавшій эту часть океана, какъ свой собственный носовой платокъ, по его выраженію, изумленно пожалъ плечами. Твердой земли не могло быть здѣсь на разстояніи по крайней мѣрѣ пятидесяти миль—до самыхъ острововъ Малайскаго архипелага. Тѣмъ не менѣе блѣдно-лиловые контуры вдали прояснялись, становились все ближе и опредѣленнѣе. То была несомнѣнно земля. Команда столпилась на палубѣ, слышались оживленные разговоры,—исторія „Мовица“ на время была забыта. Невѣдомый островъ на горизонтѣ такъ же волновалъ сердца моряковъ на эскадренномъ миноносцѣ, какъ волновалъ, вѣроятно, экипажъ Христофора Колумба четыре вѣка тому назадъ.

— Честь имѣю поздравить васъ, сэръ, — сказалъ Сэтонъ торжественно.—Кажется, на географической картѣ появится новый клочокъ земли—съ именемъ капитана лорда Уингъюза.

VI.

„Торговый домъ Фехтнеръ и Цорнъ въ Берлинѣ“.

Полчаса спустя миноносецъ легъ въ дрейфъ въ виду берега. Океанъ успокоился совершенно. Тихо и ласково, точно раскаиваясь въ недавней вспышкѣ, покачивалъ онъ „Варвикъ“ на стеклянныхъ шарахъ своей зыби, и легкій вѣтерокъ разглаживалъ вымпела миноносца, принося съ собой пряный ароматъ тропическихъ цвѣтовъ, гніющаго дерева, ладана и мускуса.

На островъ отправлялся десантъ изъ восемнадцати человѣкъ, подъ командой лейтенанта Дунглесса. Для рекогносцировки этого было достаточно,—тѣмъ болѣе, что на берегу не было видно никого. Только вершины пальмъ темнѣли надъ бурунами, казавшимися издали длинною бѣлою лентой, огибавшей островъ. Высадка на незнакомомъ побережьѣ представляла большія трудности, но Сэтонъ какимъ-то чутьемъ угадалъ вѣрное направленіе, и обѣ лодки одна за другой проскользнули въ узкій проходъ между бурунами. Справа и слѣва, совсѣмъ близко, волны взметали на страшную высоту столбы пѣны, разбиваясь на заостренныхъ камняхъ: казалось, что весь островъ опоясанъ рядами автоматически-взрывающихся минъ. Но за этой сторожевой чертой море лежало спокойное, какъ зеленое тинистое озеро между берегами, круто обрывающимися къ водѣ.

Началась высадка на камняхъ. Четверо матросовъ, вооруженныхъ карабинами, были оставлены на стражѣ около лодокъ, другіе въ нѣсколько минутъ достигли, прыгая съ камня на камень, твердой песчаной полосы и исчезли въ густой чащѣ кустовъ, окаймлявшихъ обрывистые склоны острова.

Долгое время отрядъ шелъ въ молчаніи, — наудачу, безъ дороги, ломая вѣтви и путаясь въ густыхъ заросляхъ ліанъ. Съ возвышеннаго плато, поросшаго кустами мускатныхъ орѣховъ, открывался видъ на море, лежавшее далеко внизу. Центральная вершина острова, которую „Варвикъ“ впервые увидѣлъ на горизонтѣ, въ видѣ лиловаго облака, рисовалась теперь совсѣмъ близко со своими песчаными обрывами и чахлой, выжженной солнцемъ зеленью.

— Похоже, что здѣсь никого нѣтъ, кромѣ цвѣтовъ и птицъ,—сказалъ Сэтонъ, шедшій рядомъ съ лейтенантомъ. — Будь на островѣ люди, имъ нечего бы искать лучшаго мѣста для жилья, чѣмъ это.

— Правда,—отвѣчалъ Дунглессъ, — островъ кажется необитаемымъ. Поднимемся на ту вершину; оттуда все будетъ видно, какъ на картѣ.

Отрядъ двигался безостановочно, люди закусывали на ходу, чтобы не терять даромъ времени. Солнце склонялось ужъ къ западу, но, несмотря на это, воздухъ былъ жаркимъ и душнымъ. Болотныя растенія, которыми такъ богата флора Малайскаго архипелага, повидимому, преобладали на островѣ, и даже здѣсь, на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, голова кружилась отъ ихъ остраго, сладковатаго запаха.

Наконецъ отрядъ достигъ вершины возвышенности, съ которой можно было окинуть взглядомъ весь островъ. Маленькій клочокъ земли, площадью въ нѣсколько сотъ ярдовъ, лежалъ желтозеленымъ пятномъ среди безбрежной пелены океана. Только на востокѣ возвышенность спускалась къ морю цѣлымъ рядомъ террасъ, понижавшихся постепенно, точно ступени лѣстницы: здѣсь взоръ терялся среди купъ густой кудрявой зелени—и, быть-можетъ, въ силу контраста, море казалось болѣе темнымъ рядомъ съ ея вершинами, болѣе глубокимъ и спокойнымъ.

Лейтенантъ Дунглессъ долго изучалъ въ бинокль это мѣсто.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ Сэтону, — тамъ должна быть вторая бухта. Вообще, восточная сторона самая интересная,—и я думаю, что, если мы поспѣшимъ, то успѣемъ заглянуть туда до заката солнца. Въ нашемъ распоряженіи еще около трехъ часовъ времени.

Отрядъ углубился въ болотистую лощину, раздѣлявшую двѣ параллельныя возвышенности. Здѣсь ползучія растенія цѣплялись за ноги идущихъ, вѣтви деревьевъ сплетались причудливыми сводами надъ ихъ головами. Воздухъ становился все болѣе удушливымъ. Это болото, такое красивое въ своемъ пышномъ цвѣточномъ уборѣ, должно было представлять собою настоящій разсадникъ лихорадки.

Внезапно Сэтонъ, шедшій съ опущенной головой, остановился и припалъ къ землѣ, на которой какой-то предметъ, почти незамѣтный среди зелени, привлекъ его вниманіе.

— Что это? — спросилъ Дунглессъ. — Интересная находка? Да, несомнѣнно—это окурокъ папиросы.

Онъ взялъ крошечную бѣлую трубочку изъ бумаги, обожженную съ одного конца и примятую съ другого.

— Оказывается,—сказалъ онъ совершенно спокойно,—здѣшніе жители курятъ издѣлія берлинской фирмы „Фехтнеръ и Цорнъ“. Вотъ предпріятіе, въ которомъ комми-вояжерская часть поставлена выше всякихъ похвалъ!

— Чортъ возьми!—вскричалъ Сэтонъ.—Такъ вѣдь это значитъ, что...

— Что германцы побывали здѣсь раньше насъ, старина. Хорошо по крайней мѣрѣ, что мы теперь знаемъ это навѣрное.

Отрядъ остановился. Ружья были осмотрѣны еще разъ, приказанія отданы на всякій случай. Никто не боялся возможной встрѣчи съ врагами, но нужно было принять во вниманіе тѣ преимущества, которыя были на сторонѣ послѣднихъ въ случаѣ столкновенія. Нельзя было сказать даже приблизительно, сколько человѣкъ германцевъ скрывается въ густыхъ заросляхъ острова: но и помимо того, даже трое или четверо ихъ могли, пользуясь этими зарослями, какъ прикрытіемъ, перестрѣлять пятнадцать

человѣкъ англичанъ почти безъ всякаго риска для себя. Но отступать было настолько же опасно, какъ и двигаться впередъ; британскіе моряки, разумѣется, предпочли второе, при чемъ Сэтонъ характеризовалъ принятое рѣшеніе краткой и точной репликой:

— Пусть не хвастаютъ нѣмцы, что команда „Варвика“ отступила передъ папироснымъ окуркомъ!

Лѣсъ кончался. Между рѣдѣющими стволами пальмъ и низкорослыхъ хинныхъ деревьевъ синѣло море; еще нѣсколько шаговъ—и отрядъ остановился на краю возвышенности, обрывающейся къ океану съ большой высоты.

Предчувствія Дунглесса оправдались. Внизу песчаная коса огибала бухту, очень глубокую и спокойную — настоящую гавань, куда могли заходить самыя крупныя суда въ случаѣ непогоды. Бухта была пустынна, но на берегу зато разстилался цѣлый поселокъ: ряды хижинъ, наскоро выстроенныхъ изъ вѣтвей, склады топлива, оставшагося неиспользованнымъ, мастерскія и кузницы съ трубами изъ обожженной глины. Отъ берега двойные мостки вели къ пловучему парому на бочкахъ, замѣнявшему пристань для лодокъ, подлѣ котораго возвышался высокій шестъ—повидимому, флагштокъ.

Но ни одна человѣческая фигура не оживляла этой картины. Все было тихо и безлюдно кругомъ, все говорило о запустѣніи мѣста, давно покинутаго людьми. Матросы стояли надъ этимъ мертвымъ городомъ молча, серьезные и задумчивые, какъ будто тамъ внизу у ихъ ногъ разстилалось забытое кладбище.

— Что жъ, братцы,—сказалъ лейтенантъ Дунглессъ,—птичка улетѣла, но гнѣздо осталось у насъ въ рукахъ. Для перваго раза достаточно и этого.

Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“**. *А. Максимовъ.*
Между рѣдѣющими стволами пальмъ синѣло море. Отрядъ остановился на краю возвышенности. (Гл. VI).

VII.

Поиски доктора Уэстлека.

На миноносцѣ лордъ Уингъюзъ внимательно выслушалъ разсказъ Дунглесса, въ общемъ совпадавшій съ его предположеніями. Очевидно, этотъ необитаемый островъ былъ открытъ экипажемъ какого-то германскаго судна, скорѣе всего — „Мовица“. Здѣсь была база германцевъ, гдѣ они чинили свои поврежденія, укрывались отъ преслѣдователей и возобновляли запасы воды и топлива. Отсюда же, вѣроятно, они и двинулись въ свое послѣднее путешествіе, прервавшееся такъ трагически. Лордъ Уингъюзъ предполагалъ возобновить на слѣдующій день поиски на островѣ, прерванные наступленіемъ темноты.

— Не думаю, чтобы эти поиски разъяснили нашу тайну,—сказалъ Дунглессъ.—Ея разгадки слѣдуетъ все-таки искать въ словахъ плѣннаго матроса, если намъ удастся заставить его заговорить.

Оказалось однако, что этого было недостаточно. Германецъ, пришедшій въ себя и даже оказавшійся, противъ ожиданія, довольно словоохотливымъ, могъ констатировать только фактъ кровавой схватки на „Мовицѣ“, причины которой для него оставались, однако, совершенно непонятными. Въ разгарѣ этой схватки матросъ успѣлъ надѣть спасательный поясъ и броситься въ море; что было съ нимъ дальше, послѣ того, какъ онъ очутился на палубѣ „Варвика“, онъ не могъ вспомнить, несмотря ни на какія усилія.

Не лучше обстояло дѣло и со вторымъ паціентомъ доктора Уэстлека. Дэвидъ Хеглейфъ лежалъ, точно разбитый параличомъ, страдая отъ тошноты и тупой боли въ затылкѣ. Онъ съ удивленіемъ узналъ, какія обстоятельства привели его на эту койку, и просилъ доктора передать Робертсону, что раскаивается въ своемъ безумномъ поступкѣ, для котораго рѣшительно не можетъ найти ни оправданій ни объясненій.

— Первыя тутъ, пожалуй, не нужны, — прибавилъ отъ себя докторъ,—а что касается объясненій, то я увѣренъ, что мы найдемъ ихъ рано или поздно. Одно могу сказать почти навѣрное: бѣдняга такъ же мало виноватъ въ своей выходкѣ, какъ и въ томъ, что меня зовутъ Джимомъ Уэстлекомъ.

На утро онъ присоединился къ десанту, отправлявшемуся на островъ подъ командой самого капитана. Его не интересовала цѣль экскурсіи—изслѣдованіе бухты и покинутаго поселка; онъ считалъ, что въ этомъ направленіи поиски могутъ съ успѣхомъ продолжаться безъ него. Поэтому, сойдя на берегъ, онъ простился съ товарищами и спросилъ только, въ которомъ часу предполагается возвращеніе на миноносецъ.

— Будьте осторожны, докторъ, — полушутя, полусерьезно предупредилъ его Уингъюзъ.—Если съ вами что-нибудь случится, вашъ лазаретъ останется въ самомъ безвыходномъ положеніи.

— Нѣтъ!—возразилъ Уэстлекъ.—Опасности ни малѣйшей; я увѣренъ, что не встрѣчу здѣсь никого, кромѣ крабовъ.

Докторъ Уэстлекъ былъ типичный шотландецъ: мужественный, спокойный и положительный, любившій доводить до конца разъ начатое. Трудно было бы сказать опредѣленно, на чемъ основывалась его увѣренность добиться разгадки тайны: скорѣе всего, онъ считалъ, что необъяснимаго не существуетъ, разъ методъ изслѣдованія выбранъ правильно. У него была своя гипотеза, въ которой необитаемый островъ являлся, быть-можетъ, искомой величиной. Онъ связывалъ вмѣстѣ признаки, которые казались ему достойными вниманія, опуская всѣ другіе,—несущественные и ненужные для его построенія. Если онъ не претендовалъ на роль Шерлока Холмса, то Ватсономъ могъ бы быть во всякомъ случаѣ.

Онъ задумчиво шелъ по лѣсу, вглядываясь мысленно въ связь между фактами, ускользающую отъ взора, какъ причудливая игра тѣней и солнечныхъ бликовъ на мшистомъ коврѣ

по которому ступала его нога. Въ исторіи болѣзни матроса съ „Мовица“ и Хеглейфа внѣшніе симптомы совпадали, но причины предрасполагающія врядъ ли могли быть одинаковыми. Германецъ бросился въ море въ разгарѣ битвы, быть-можетъ, чудомъ избѣжавъ неминуемой смерти; Хеглейфъ же пробылъ на крейсерѣ всего одинъ часъ, не подвергаясь притомъ никакой дѣйствительной опасности. Правда, зрѣлище, которое поразило молодого человѣка, могло оказать извѣстное вліяніе на его психику; но было очевидной натяжкой приписывать этому вліянію ударъ кортикомъ, который онъ нанесъ безъ всякаго повода своему другу.

Докторъ остановился, чтобы вытереть потъ съ лица. Потянувъ носомъ воздухъ, онъ нахмурился и покачалъ головой. Въ раздражающемъ ароматѣ болотныхъ цвѣтовъ его привычное обоняніе уловило оттѣнки, которые не могли понравиться медику.

— Гнилая яма,—сказалъ онъ самъ себѣ вслухъ, отправляясь дальше.—Весь этотъ островъ надо бы запереть въ дезинфекціонную камеру. Да, да—это такъ. На того и другого воздѣйствовали одинаковые факторы, иначе не могло быть. Но только какіе? Не стаканъ же грога, въ самомъ дѣлѣ! Грогъ явился лишь реактивомъ, не болѣе. Какъ ни говори, остается предположить только одно...

Онъ замолчалъ, оглядываясь кругомъ. Лѣсное болото переходило въ низменный берегъ моря, поросшій густымъ кустарникомъ, и среди него бѣлый предметъ у самой воды привлекъ вниманіе доктора Уэстлека, который ускорилъ шаги, нащупывая рукоятку кортика за поясомъ.

То была небольшая лодка, повидимому, вытащенная на берегъ руками человѣка, а не выброшенная волнами, потому что она казалась совершенно цѣлой. Обойдя ее кругомъ, докторъ прочелъ на кормѣ надпись „Мовицъ“. Въ тѣни, отброшенной бортомъ, словно подъ навѣсомъ шалаша, лежалъ трупъ человѣка съ широко раскинутыми руками, старика, одѣтаго въ бѣлый полотняный костюмъ. Рѣдкіе сѣдые волосы обрамляли его высокій лобъ, открытые глаза были устремлены къ небесамъ, и страшная улыбка искривляла сухія безкровныя губы,—роковая улыбка пароксизма, который докторъ Уэстлекъ такъ хорошо зналъ. Рука судорожно сжимала револьверъ, на лѣвой сторонѣ груди темнѣло кровавое пятно.

Поправивъ пенснэ, докторъ наклонился надъ трупомъ,—спокойный и безстрастный, какъ изслѣдователь въ анатомическомъ театрѣ.

Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“.** *А. Максимовъ.*
То была лодка, вытащенная на берегъ.
Въ тѣни лежалъ трупъ человѣка съ широко раскинутыми руками. (Гл. VII).

VIII.

Туманъ разсѣивается.

Въ назначенный часъ Джимъ Уэстлекъ присоединился къ товарищамъ. Онъ былъ, повидимому, въ обычномъ ровномъ настроеніи; по его лицу нельзя было заключить, доволенъ ли онъ результатами своей экскурсіи; и только прерывистое дыханіе толстяка-доктора указывало, что онъ сдѣлалъ длинную и утомительную прогулку по острову.

— Итакъ, дорогой докторъ,—сказалъ Уингъюзъ,—я думаю, мы окончательно убѣдились въ томъ, что здѣсь намъ искать больше нечего.

— Мнѣ тоже такъ кажется,—отвѣчалъ докторъ, усаживаясь на кормѣ шлюпки.

— Мы нашли нѣсколько пустыхъ бутылокъ, жестянки изъ-подъ консервовъ и тому подобный хламъ. Въ настоящее время островъ необитаемъ, это несомнѣнно, и кромѣ того... Что это съ вами? Вамъ неудобно сидѣть?

Докторъ Уэстлекъ безпокойно двигался на мѣстѣ, всячески избѣгая прикосновеній къ своему сосѣду. Можно было подумать, что онъ боится запачкать Уингъюза своимъ платьемъ,—а между тѣмъ на бѣлой фланели его костюма не было видно ни одного пятна.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Видите ли, я захватилъ кое-что въ карманы. Профессіональное любопытство,—съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь... И теперь боюсь за свои рѣдкія находки. Такъ вы говорите, что островъ необитаемъ? Что касается сѣвернаго побережья, то я осмотрѣлъ его тщательно и не нашелъ никакихъ признаковъ стоянки или жилища.

— Зато восточная бухта чрезвычайно удобна. Вообще, это лучшая часть острова. Тамъ есть въ изобиліи ключевая вода, кокосовые орѣхи и множество дичи; я даже подумывалъ о томъ, не сдѣлать ли намъ маленькую остановку у острова—именно съ цѣлью пополненія свѣжей провизіей нашихъ кладовыхъ.

— Не совѣтую,—сказалъ Уэстлекъ.—Мнѣ давно не приходилось бывать въ мѣстности съ такимъ отвратительнымъ климатомъ; тутъ навѣрное получилось бы больше вреда, чѣмъ пользы. Кромѣ того, не забудьте, что мы и такъ потеряли много времени съ этой таинственной исторіей.

— Но такъ и не разъяснили ея, къ сожалѣнію.

— Полчаса терпѣнія,—сказалъ докторъ, поднимаясь по трапу на палубу „Варвика“.—Послѣ обѣда я сдѣлаю обстоятельный докладъ обо всемъ, что видѣлъ на островѣ; пока же мнѣ нужно переодѣться и разобрать мои находки.

Въ своей каютѣ, заперевъ дверь на ключъ, онъ переодѣлся въ операціонный халатъ и тщательно вымылъ руки растворомъ сулемы; потомъ, подумавъ немного, досталъ изъ шкапчика съ инструментами респираторъ и надѣлъ его. Принявъ такія чрезвычайныя мѣры предосторожности, Джимъ Уэстлекъ вынулъ бутылку, остававшуюся незамѣченной въ карманѣ его необъятно широкихъ панталонъ, — плотно закупоренную бутылку изъ-подъ шампанскаго, сохранившуюся почти въ полной неприкосновенности. Посредствомъ пинцета онъ вытащилъ изъ горлышка сложенную вчетверо записку, разгладилъ ее на столѣ и проложилъ листки протечной бумагой, чтобы удалить влагу, бутылку же выбросилъ въ иллюминаторъ. Долго сидѣлъ онъ надъ таинственной рукописью, временами откидываясь назадъ, какъ будто соображая что-то, потомъ опять сгибаясь надъ листками, исписанными мелкимъ неразборчивымъ почеркомъ. Когда онъ прочелъ наконецъ послѣднюю страницу, на его губахъ появилась самодовольная улыбка.

— Итакъ,—сказалъ онъ,—я былъ все-таки правъ.

Приколовъ рукопись къ открытому окну, такъ что вѣтеръ могъ свободно играть ея листами, докторъ Уэстлекъ снялъ

респираторъ. Сладковатый тошнотворный запахъ распространялся по каютѣ, но докторъ не обращалъ на него вниманія. Напѣвая вполголоса, что̀ служило у него признакомъ крайняго удовольствія, онъ занялся составленіемъ какой-то темно-бурой смѣси въ пузырькѣ, съ которой и поспѣшилъ къ Хеглейфу.

— Выпейте-ка ложечку, дружище, — сказалъ онъ.—Не бойтесь, это вамъ не повредитъ. Что̀, не вкусно? Нечего дѣлать. Сегодня и завтра мнѣ придется пичкать этой гадостью и васъ и вашего коллегу по несчастью съ „Мовица“.

Послѣ обѣда онъ задержалъ въ каютъ-компаніи Уингъюза и Дунглесса. Миноносецъ находился уже подъ парами, направляясь къ Суматрѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ дивизіей, согласно полученнымъ инструкціямъ,—докторъ заявилъ, что теперь какъ разъ подходящее время прочесть послѣднюю страницу эпопеи погибшаго нѣмецкаго крейсера. Положивъ передъ собою листки своей рукописи, онъ окинулъ взглядомъ поверхъ пенснэ внимательныя и серьезныя лица собесѣдниковъ и началъ говорить спокойнымъ голосомъ, словно излагая научную доктрину. И отъ этого ужасъ того, о чемъ онъ разсказывалъ, казался еще болѣе кошмарнымъ.

IX.

Тайна „Мовица“

— Милостивые государи,—началъ онъ,—рукопись, которую вы здѣсь видите, заключаетъ въ себѣ послѣднія главы мемуаровъ выдающагося ученаго химика, ганноверскаго профессора Фурхта, находившагося на „Мовицѣ“ и нынѣ покойнаго. Я видѣлъ его трупъ на островѣ сегодня утромъ и, въ интересахъ науки, позволилъ себѣ взять этотъ документъ, найденный мною около тѣла въ запечатанной бутылкѣ.

Онъ поднялъ листки рукописи, покоробившіеся отъ воздуха, и показалъ ихъ своимъ слушателямъ.

— Не буду затруднять васъ чтеніемъ мемуаровъ Фурхта въ подлинникѣ, хотя для спеціалиста они и полны интереса. Я ограничусь тѣмъ, что изложу въ короткихъ словахъ ихъ содержаніе, подтверждающее тѣ догадки, которыя у меня сложились по поводу недавнихъ событій. Дѣло въ томъ, что во время стоянки „Мовица“ у береговъ острова, профессоръ Фурхтъ нашелъ рѣдкій экземпляръ чрезвычайно ядовитаго растенія, донынѣ почти неизвѣстнаго ботаникамъ, и поставилъ себѣ задачей добыть изъ его алкалоида газъ, дѣйствіе котораго на человѣческій организмъ было бы такъ же разрушительно, какъ и самый алкалоидъ. И ему удалось выработать газъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ другіе, которые употребляются на поляхъ сраженій въ Европѣ—не болѣе, какъ запахъ валеріановыхъ капель. Отличительное свойство этого газа заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ на психику своихъ жертвъ, вызывая въ нихъ неутолимую жажду убійства. Если бъ открытіе Фурхта стало извѣстно тамъ,—война обратилась бы въ исполинское подобіе того, что̀ Дэвидъ видѣлъ на крейсерѣ. Вышній законъ, котораго мы не знаемъ, но который все-таки бодрствуетъ надъ нами, не допустилъ до этого.

Къ разсказу **„Профессоръ Фурхтъ“.** А. Максимовъ.
Въ своей каютѣ докторъ переодѣлся въ операціонный халатъ и надѣлъ респираторъ. (Гл. VIII).

Онъ помолчалъ немного. Слушатели не прерывали его, только стонъ моря доносился въ открытыя окна каюты,—вѣчная жалоба волнъ, которыя покрываютъ столько роковыхъ тайнъ холодною пеленою забвенія. И надъ этимъ протяжнымъ стономъ слова доктора зазвучали громко и внятно, какъ приговоръ судьи самому черному изъ всѣхъ преступленій.

— Профессоръ Фурхтъ, величайшій злодѣй нашего времени, сдѣлался жертвой собственнаго открытія. Онъ погибъ отъ меча, который хотѣлъ обнажить противъ цивилизаціи. Работая надъ своими газами, онъ вдругъ почувствовалъ, что самъ отравленъ ими. Въ немъ вспыхнула дикая жажда убійства; этотъ жрецъ науки, вся жизнь котораго протекла въ мирныхъ трудахъ изслѣдователя, обратился въ кровожаднаго каннибала. Сначала его умъ пробовалъ бороться съ заразой; онъ убѣждалъ себя, что въ немъ просто говорить любознательность ученаго, естественное желаніе провѣрить свою теорію на опытѣ, но потомъ онъ убѣдился, что это не такъ. Въ немъ произошло раздвоеніе личности. Ученый, желавшій повѣдать міру свое открытіе, боролся до послѣдней минуты съ маніакомъ, жаждавшимъ крови, — и маніакъ побѣдилъ. Вся команда крейсера была отравлена газами профессора Фурхта. Самъ онъ, очевидно, во время послѣдняго проблеска сознанія, бѣжалъ въ лодкѣ на островъ со своей рукописью, но отрава продолжала свое дѣйствіе, и свою ненасытимую жажду крови ему пришлось насытить собственною кровью, пустивъ себѣ пулю въ лобъ.

— А крейсеръ?—проговорилъ Уингъюзъ послѣ долгаго тягостнаго молчанія.

— Крейсеръ обратился въ пловучій адъ. Сколько времени продолжалась рѣзня,—сказать трудно; несомнѣнно только, что въ моментъ встрѣчи съ нами „Мовицъ“ былъ уже настоящимъ кораблемъ мертвыхъ. Единственный спасшійся съ него человѣкъ—нашъ плѣнникъ—принесъ съ собою заразу этого ужаснаго недуга; стаканъ грога, который такъ неосторожно предложилъ ему капитанъ, вызвалъ реакцію и повтореніе припадка.

— То же самое, очевидно, было съ Хеглейфомъ.

— Да, но въ очень слабой степени. Къ тому времени, когда Дэвидъ попалъ на крейсеръ, отравленная атмосфера въ нижнихъ помѣщеніяхъ еще держалась, но была уже значительно разрѣженной, такъ что Хеглейфъ захватилъ въ легкія самую ничтожную ея часть. Не знаю, конечно, насколько поможетъ въ данномъ случаѣ лѣкарство, которое я составилъ, руководствуясь предположительными данными,—но я возлагаю большія надежды на молодость Дэвида и надѣюсь, что его здоровый организмъ легко справится съ этимъ недугомъ. Пусть только онъ ничего не знаетъ до поры до времени,—въ такихъ случаяхъ игра воображенія отнюдь не приноситъ пользы.

— А этотъ ядъ?—спросилъ капитанъ.—Его названіе вамъ неизвѣстно?

— Нѣтъ. Заключительная часть мемуаровъ, попавшая ко мнѣ въ руки, называетъ его условнымъ знакомъ, который не можетъ объяснить ничего. Это тайна профессора Фурхта, и она осталась въ его бумагахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ крейсеромъ. Счастье для человѣчества, что оно никогда не узнаетъ этой тайны.

Политическое обозрѣніе.

I. Москва и Рига.

На Земскомъ Соборѣ революціонной Руси не создалось единаго настроенія. Въ Москвѣ были заявлены „разныя мнѣнія“ едва ли не по всѣмъ вопросамъ русской жизни. Государственное Совѣщаніе раздѣлилось на „лѣвую“ и на „правую“. Лѣвую образовали представители всевозможныхъ революціонныхъ совѣтовъ и комитетовъ. Правая составилась изъ „буржуазныхъ“ депутатовъ Государственной Думы всѣхъ четырехъ созывовъ, делегатовъ отъ торговли и промышленности, людей науки и т. д. Лѣвыя группы объединились вокругъ декларація, оглашенной отъ имени „революціонной демократіи“ Н. С. Чхеидзе. Группы праваго крыла выступали раздѣльно и самостоятельно, но господствовавшее въ ихъ средѣ настроеніе было всего полнѣе выражено въ заявленіяхъ и рѣчахъ ораторовъ думскаго большинства. Лѣвая требовала осуществленія широкой программы демократическихъ реформъ, неоднократно формулированной въ многочисленныхъ резолюціяхъ органовъ „революціонной демократіи“. Правая настаивала на необходимости прежде всего создать единую, независимую и сильную власть. Несмотря на взаимные призывы къ уступкамъ и компромиссамъ, это коренное разногласіе такъ и осталось до конца непримиреннымъ.

Но былъ одинъ вопросъ, на которомъ въ Москвѣ сошлись какъ будто всѣ безъ исключенія. Это вопросъ объ оборонѣ страны. Въ Москвѣ никто не рѣшался заговорить о мирѣ, и модные лозунги интернаціонализма, еще недавно сопровождавшіе всѣ декларація „революціонной демократіи“, не раздавались въ залѣ Большого театра. Споры насчетъ „цѣлей войны“ силою вещей были отодвинуты на второй планъ. Правые и лѣвые согласно признавали, что сепаратный миръ недопустимъ, и что революціонная Россія вынуждена продолжать войну совмѣстно съ союзниками. Къ сожалѣнію, однако и здѣсь единодушіе Государственнаго Совѣщанія ограничивалось только предѣлами вопроса о продолженіи войны. Относительно же средствъ и способовъ національной обороны лѣвая опять не соглашалась съ правой. Въ то время какъ правая добивалась поднятія авторитета офи-

Большой театръ въ Москвѣ.

И. Г. Церетелли (представитель революціонной демократіи).

А. А. Бубликовъ (представитель торгово-промышленной партіи).

А. Ф. Керенскій.

Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ 12—14 августа с. г. въ зрительной залѣ Большого театра. По фот. П. Оцупа.

Офицеры и солдаты—делегаты армейскихъ комитетовъ и другихъ воинскихъ организацій, прибывшіе въ Москву на Совѣщаніе.

церскаго корпуса, усиленія дисциплины и принятія энергичныхъ репрессивныхъ мѣръ на фронтѣ и въ тылу, лѣвая доказывала, что весь секретъ успѣшной обороны въ дальнѣйшей „демократизаціи" арміи. Эти разногласія проявились на Совѣщаніи въ нѣсколькихъ шумныхъ манифестаціяхъ. Справа бурно привѣтствовали верховнаго главнокомандующаго. Слѣва къ генералу Корнилову отнеслись съ нескрываемою враждебностью.

Неудача подъ Ригой произошла черезъ недѣлю послѣ Государственнаго Совѣщанія. Но въ Москвѣ уже говорили о Ригѣ. „Врагъ стучится въ ворота Риги, и если только неустойчивость нашей арміи не дастъ намъ возможности удержаться на побережьѣ Рижскаго залива, дорога къ Петрограду будетъ открыта". Это слова генерала Корнилова, который въ концѣ своего доклада, еще разъ упомянувъ о Ригѣ, сказалъ: „Если рѣшительныя мѣры для поднятія дисциплины на фронтѣ послѣдовали какъ результатъ тарнопольскаго разгрома и утраты Галиціи и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядокъ въ тылу былъ послѣдствіемъ потери нами Риги". Мрачныя предчувствія верховнаго главнокомандующаго сбылись. Рига сдана германцамъ, при чемъ „неустойчивость" отдѣльныхъ воинскихъ частей сыграла въ этой неудачѣ очень большую роль. Рига потеряна, и только подъ впечатлѣніемъ этого несчастья началось серьезное обсужденіе мѣръ по водворенію порядка въ тылу.

Роковымъ образомъ судьбы революціонной Россіи оказываются связанными съ ходомъ міровой войны. Наличность тѣсной связи между войной и революціей, конечно, никогда ни для кого не была тайной. Но связь эта понималась не всегда правильно. Въ первый періодъ революціи руководящіе дѣятели „революціон-

Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ 12—14 августа с. г. А. Ф. Керенскій и состоявшіе при немъ въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе министръ-предсѣдатель въ дни Совѣщанія. По фот. П. Оцупа.

Н. С. Чхеидзе.

ной демократіи“ понимали дѣло такъ, что, если старый порядокъ воевалъ, то призваніе революціи заключается въ борьбѣ за миръ. Относясь съ послѣдовательнымъ отвращеніемъ ко всякому „милитаризму“, они полагали, что миръ можетъ быть достигнутъ „штатскими“ пріемами международной пропаганды и агитаціи. На этомъ пути ихъ ждали многочисленныя и тяжкія разочарованія. Ихъ проповѣдь нигдѣ не встрѣтила сочувствія. Германскіе и австрійскіе пролетаріи не приняли протянутой имъ „черезъ горы труповъ“ руки и продолжали съ прежнимъ упорствомъ биться на всѣхъ фронтахъ во имя славы и величія Германіи. Союзные народы не пожелали въ угоду нѣсколькимъ русскимъ мечтателямъ отказаться отъ преслѣдованія тѣхъ общечеловѣческихъ и національныхъ задачъ, достиженію которыхъ они принесли за три года войны столько страшныхъ жертвъ. Мирныя стремленія „революціонной демократіи“ остались непонятыми и нераздѣленными и всей несоціалистической и внѣпартійной Россіей. Россія все равно должна и будетъ воевать и, чтобы, не потерять связи со страной, „революціонная демократія“ съ позиціи „борьбы за миръ“ переходитъ на позицію „обороны“. Въ будущемъ ей неизбѣжно предстоятъ дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Революція либо будетъ вести войну до побѣды, либо погибнетъ.

Стихійно и неудержимо русская революція „милитаризируется“. Наша революціонная власть опять находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Но, какъ бы это равновѣсіе ни разрѣшилось, отъ опредѣляющаго вліянія войны русская жизнь не уйдетъ. Если одержитъ верхъ правая московскаго Совѣщанія, война будетъ вестись съ удвоенной энергіей. Но то же самое будетъ дѣлаться и въ томъ случаѣ, если побѣда во внутренней политикѣ достанется лѣвой. Получивъ въ свое безраздѣльное распоряженіе всю полноту власти, „революціонная демократія“ увидитъ себя вынужденной „оправдать“ себя на войнѣ. Это опрокидываетъ многія привычныя представленія и милые сердцу предразсудки. Но это реальный фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Старый режимъ былъ подкошенъ военными неудачами и палъ потому, что велъ Россію къ позору пораженія. Взбаламученной народной стихіей овладѣетъ и создастъ, дѣйствительно, сильную и прочную власть только тотъ, кто поведетъ Россію къ побѣдѣ.

———

П. А. Кропоткинъ въ Москвѣ, на пути въ Государственное Совѣщаніе.
По фот. П. Оцупа.

Е. К. Брешко-Брешковская въ вагонѣ желѣзной дороги, въ пути на Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ.
По фот. П. Оцупа.

II. Корниловщина.

14-го августа генералъ Корниловъ выступалъ на Государственномъ Совѣщаніи въ качествѣ верховнаго главнокомандующаго. Бурно привѣтствуемый огромнымъ большинствомъ делегатовъ, онъ властно и твердо говорилъ о мѣрахъ, необходимыхъ для поднятія дисциплины на фронтѣ и водворенія порядка въ тылу.

Двѣ недѣли спустя, этотъ „первый солдатъ Временнаго Правительства“ фигурировалъ уже въ роли мятежнаго генерала, засылалъ ультиматумы министру-предсѣдателю и направлялъ войска противъ Петрограда. Теперь онъ—отрѣшенный отъ должности и находящійся подъ слѣдствіемъ военачальникъ, угрожаемый тѣми самыми суровыми карами, которыхъ онъ требовалъ для своихъ бывшихъ подчиненныхъ.

Въ революціонное время такіе причудливые изломы карьеры не рѣдкость. Вчерашнихъ арестантовъ революція дѣлаетъ сегодня министрами, сегодняшнихъ сановниковъ она на завтра кидаетъ въ тюрьму. Привыкши жить днями и даже часами, мы спѣшимъ вычеркивать изъ своего сознанія только-что воспринятыя впечатлѣнія. Генерала Корнилова мы помнимъ только съ 14-го августа, какъ онъ запечатлѣлся въ нашей памяти на сценѣ московскаго Большого театра. На судѣ защита несомнѣнно постарается воскресить образъ Корнилова—дивизіоннаго генерала, раненымъ попадающаго въ плѣнъ и спасающагося бѣгствомъ, перваго главнокомандующаго войсками революціоннаго Петрограда и героя наступленія 18-го іюня. Но всѣ эти подробности личной біографіи этого страннаго человѣка и неудачнаго кандидата въ диктаторы важны для его судьбы и интересны для исторіи и беллетристики. Для политики гораздо важнѣе личности Корнилова та общественная обстановка, въ которой разыгралась его эпопея. Если политика хочетъ извлечь правильные уроки изъ исторіи генерала Корнилова, она должна заниматься не Корниловымъ, а „корниловщиной“.

Едва ли кто-нибудь будетъ отрицать, что, какъ общественное явленіе, корниловщина есть порожденіе и симптомъ глубокаго болѣзненнаго процесса, совершающагося въ организмѣ революціонной Россіи.

Въ этомъ очень легко убѣдиться, задавшись вопросомъ: когда и отчего стала возможной корниловщина? Была ли возможна корниловщина 3—4 мѣсяца тому назадъ? Конечно, нѣтъ! Корниловщина стала возможной тогда, когда революція пошла на

убыль, когда единеніе уступило мѣсто разброду и вмѣсто революціоннаго порядка создалась анархія. Она стала возможной оттого, что распались однѣ общественныя связи и еще не образовались другія, и что въ атмосферѣ взаимной подозрительности и озлобленности единая нація раскололась на враждебные другъ другу классы, группы, касты. О томъ же свидѣтельствуютъ и ближайшія послѣдствія выступленія Корнилова. Временное Правительство, при поддержкѣ революціонныхъ организацій, въ два дня справилось съ мятежнымъ генераломъ.

Отъ первой же встрѣчи съ делегатами „Совѣтовъ“ въ корниловскихъ войскахъ, какъ гласило офиціальное сообщеніе, пошло „разложеніе“, и они подчинились безъ выстрѣла. Казалось бы, послѣ такой легкой и рѣшительной побѣды революціонная власть должна была бы выйти изъ выпавшаго на ея долю испытанія сплоченной и окрѣпшей. На дѣлѣ случилось иначе. Корниловское предпріятіе рухнуло, но вмѣстѣ съ нимъ рухнуло и Временное Правительство. Въ пятый разъ за шесть мѣсяцевъ революціи возникъ вопросъ о преобразованіи власти.

Проф. В. М. Бехтеревъ. Проф. Ю. М. Шокальскій. Н. А. Морозовъ (шлиссельбуржецъ).

На Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ. *Представители университетовъ, академій и другихъ ученыхъ учрежденій.*

Проф. П. Н. Милюковъ. А. И. Гучковъ.

На Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ. *Государственные, политическіе и общественные дѣятели.* По фот. П. Оцупа.

Знахарь и просвѣщенный врачъ неодинаково относятся къ задачамъ медицинскаго искусства. Знахарь загоняетъ болѣзнь внутрь: его дѣло сдѣлано, если на время устранены наружные, всѣмъ видимые признаки болѣзни. Врачъ стремится выгнать болѣзнь изъ организма. Онъ ищетъ причинъ заболѣванія и борется съ ними. Удовлетвориться судомъ надъ генераломъ Корниловымъ и его сообщниками и какимъ-нибудь частичнымъ „освѣженіемъ“ состава Временнаго Правительства—значило бы именно отнестись къ корниловщинѣ по-знахарски. Напротивъ, серьезное отношеніе къ ней влечетъ за собою рѣшимость мужественно приняться за „проблему власти“, которая вновь поставлена на очередь дня. Такъ и относятся къ дѣлу руководящіе органы нашей „революціонной демократіи“. Они принимаютъ вызовъ исторіи и готовятся дать Россіи пятое и, какъ они надѣются, послѣднее до Учредительнаго Собранія, Временное Правительство.

Съ присущей ихъ работѣ революціонной быстротой наши Совѣты создали инстанцію, которая призвана будетъ сыграть роль „источника“ этой новой власти. 14-го сентября въ Петроградѣ соберется новое совѣщаніе, въ отличіе отъ „государственнаго“ называемое „демократическимъ“.

Составъ этого совѣщанія намѣчается очень просто. Отъ московскаго совѣщанія отсѣкается вся правая „буржуазная“ часть, и оставляются только тѣ группы, делегаты которыхъ въ Москвѣ присоединились къ декларации, оглашенной членомъ Гос. Думы Н. С. Чхеидзе. Лѣвая московскаго совѣщанія—вотъ по суще-

ству — источникъ власти въ наступающемъ періодѣ революціи. Здѣсь есть совершенно закономѣрная послѣдовательность событій. Въ февралѣ Государственная Дума, оторвавшись отъ монархіи и бюрократіи, возглавила и оформила революцію. Но думскій періодъ революціи окончился, авторитетъ Государственной Думы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, отмеръ.

На московскомъ совѣщаніи обнаружилась невозможность сговора между Россіей „думской“ и Россіей „совѣтской“. Теперь „революціонная демократія“ ставитъ на мѣсто авторитета Государственной Думы авторитетъ Совѣтовъ. Открывается совѣтскій періодъ революціи.

Въ самомъ дѣлѣ. На демократическомъ совѣщаніи будутъ бороться три теченія. Лѣвое, большевистское, будетъ отстаивать свои привычные лозунги: вся власть Совѣтамъ, никакихъ компромиссовъ съ буржуазіей! Правое будетъ защищать сохраненіе существующей съ 5-го мая буржуазно-соціалистической коалиціи. Центральное будетъ искать компромисса въ видѣ образованія соціалистическаго въ своемъ подавляющемъ большинствѣ правительства, но съ привлеченіемъ въ его составъ нѣсколькихъ буржуазныхъ „фигурантовъ“. Судя по всѣмъ даннымъ, шансы на успѣхъ имѣютъ только два теченія: лѣвое и центральное. Но даже если бы—что совсѣмъ невѣроятно—побѣдило третье теченіе, это ничего не измѣнило бы въ главномъ и основномъ. Организація власти по указаніямъ демократическаго совѣщанія есть уже фактическое осуществленіе основного большевистскаго лозунга. Кого бы ни дало намъ въ министры демократическое совѣщаніе, съ 14-го сентября у насъ „вся власть“ будетъ принадлежать Совѣтамъ. Если совѣтскіе хозяева Россіи и возьмутъ себѣ нѣсколько буржуазныхъ „приказчиковъ“, на дѣлѣ отъ этого ничего не измѣнится.

Мы вступаемъ въ совѣтскій періодъ революціи. Это фактъ, который нужно предвидѣть и съ которымъ необходимо считаться. Буржуазія вынуждена отойти въ сторону и уступить дорогу рвущейся къ власти и къ дѣятельности „революціонной демократіи“. „Революціонная демократія“ съ полнымъ основаніемъ претендуетъ на большую долю участія въ дѣлѣ подавленія мятежа генерала Корнилова. Теперь она берется вылѣчить Россію отъ болѣзни, на почвѣ которой могла развиться корниловщина. Ей и книги въ руки.

Проф. К. Соколовъ.

Собственноручный приказъ генералъ-лейтенанта Крымова, написанный имъ въ штабѣ Царскосельскаго отряда 31-го августа с. г. въ 4½ ч. утра. Въ тотъ же день, прибывъ въ Петроградъ, генералъ Крымовъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Приводимъ текстъ приказа: „Начальнику Туземной дивизіи. Приказываю вамъ отойти въ раіонъ станціи Дно. Лично съ командиромъ бригады прибулу въ Петроградъ. Генералъ-лейтенантъ Крымовъ. 31/VIII“.
По фот. Я. Штейнберга.

Мусульманская делегація, ѣздившая для переговоровъ съ туземной дивизіей, шедшей на Петроградъ подъ командованіемъ ген.-лейт. Крымова. Группа снята въ мечети, въ Петроградѣ.

Члены делегаціи: 1) Предсѣд. Всеросс. Мусульм. Сов. Ахметъ Цаликовъ. 2) Предсѣд. Корпусн. Комитета полковн. Султанъ-Гирей. 3) Чл. Центр. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. Добровицкій. 4) Чл. Всеросс. Мусульм. Сов. З. Шамиль. 5) Тов. Предсѣд. Всеросс. Мусульм. Совѣта У. Тукумбетовъ

По фот. Я. Штейнберга.

Военный министръ
Генералъ-маіоръ А. И. Верховскій.

Провозглашеніе Россійской республики и образованіе Совѣта Пяти.

Отъ Временнаго Правительства.

Мятежъ генерала Корнилова подавленъ, но велика смута, внесенная имъ въ ряды арміи и въ страну, и снова велика опасность, угрожающая судьбѣ родины и ея свободѣ. Считая нужнымъ положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя, памятуя единодушное и восторженное признаніе республиканской идеи, которое сказалось на московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, Временное Правительство объявляетъ, что государственный порядокъ, которымъ управляется Россійское государство, есть порядокъ республиканскій, и провозглашаетъ Россійскую республику.

Срочная необходимость принятія немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія потрясеннаго государственнаго порядка побудила Временное Правительство передать полноту своей власти по управленію пяти лицамъ изъ его состава, во главѣ съ министромъ-предсѣдателемъ. Временное Правительство своею главною задачею считаетъ возстановленіе государственнаго порядка и боеспособности арміи. Убѣжденное, что только сосредоточеніе всѣхъ живыхъ силъ страны можетъ вывести родину изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ она находится, Временное Правительство будетъ стремиться къ расширенію своего состава путемъ привлеченія въ свои ряды представителей всѣхъ тѣхъ элементовъ, кто вѣчные и общіе интересы родины ставитъ выше временныхъ и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій или классовъ. Временное Правительство не сомнѣвается въ томъ, что эта задача будетъ имъ исполнена въ теченіе ближайшихъ дней.

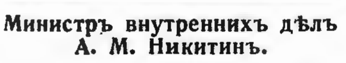
Министръ-предсѣдатель *А. Керенскій*, министръ юстиціи *А. Зарудный*.

1-го сентября 1917 года.

Морской министръ
Контръ-адмиралъ Вердеревскій.

Верховный главнокомандующій
министръ-предсѣдатель
А. Ф. Керенскій.

Министръ иностранныхъ дѣлъ
М. И. Терещенко.



Министръ внутреннихъ дѣлъ
А. М. Никитинъ.

„Совѣтъ Пяти" (Директорія). По фот. Антокольскаго и Булла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Рижскій фронтъ.

Нѣмецкія позиціи, передъ началомъ августовскаго наступленія подъ Ригою, располагались на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, приближаясь къ руслу послѣдней въ раіонѣ острова Далена, Икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія, Линдена и Фридрихштадта. Далѣе, у мѣстечка Олай и озера Бабитъ, онѣ были удалены отъ раіона Риги на разстояніе около 25—30 верстъ, что вполнѣ обезпечивало городъ отъ дальняго обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ.

Имѣя въ виду названную выше линію фронта, нѣмцы постоянно стремились къ форсированію рѣки Западной Двины путемъ выхода на лѣвый флангъ нашего расположенія въ направленіи черезъ Икскюльское предмостное укрѣпленіе. Ознакомившись съ расположеніемъ нашихъ частей и принявъ во вниманіе моральное настроеніе послѣднихъ, фельдмаршалъ Гинденбургъ приказалъ восьмой арміи генерала фонъ-Гутьера атаковать наши предмостныя Икскюльскія позиціи. Эта операція началась артиллерійской подготовкой германскихъ батарей, при чемъ уже на разсвѣтѣ 19-го августа Двина была перейдена противникомъ, и въ теченіе первыхъ часовъ боя имъ была захвачена деревня Купфергаммеръ, находящаяся по серединѣ между теченіемъ рѣкъ Западной Двины и Малаго Эгеля.

Переправившіяся германскія части были встрѣчены нашими атаками, не позволявшими имъ распространяться въ сѣверномъ направленіи.

Наши атакующія войска, направленныя со стороны Линденберга и Куртенгофа, стремились взять въ клещи правобережные германскіе полки, подходившіе въ это время къ среднему теченію Малаго Эгеля. Но продвиженіе противника въ сѣверномъ направленіи, а также влѣво и вправо, по линіи деревень Огеръ, Лаусинъ, Скрипте, Мельмугеръ и Куртенгофъ, продолжалось съ тою же энергіей, несмотря на всѣ усилія нашихъ частей. Раіонъ прорыва, достигшій передъ этимъ двухъ-трехъ верстъ по фронту и въ глубину, развернулся здѣсь болѣе чѣмъ на полперехода, захвативъ собою и среднее теченіе Малаго Эгеля.

Дѣйствующіе къ западу отъ города Риги наши лѣвобережные корпуса, подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и не желая быть отрѣзанными съ восточной стороны, начали свой отходъ отъ Шлока и Олая въ направленіи желѣзной дороги Рига—Венденъ и къ вечеру 20-го августа заняли положеніе: Бальфермансгофъ—Бебербекъ—Медемъ—островъ Даленъ. На правомъ берегу Двины положеніе нашихъ частей базировалось уже на нижнее и среднее теченіе рѣки Эгеля.

Такимъ образомъ, къ концу второго дня боя, линія боевого фронта, перекинутая черезъ островъ Даленъ по обоимъ берегамъ рѣки Западной Двины, получила сильно изогнутую форму.

Въ ночь на 21-е августа противнику снова удалось прорвать наше расположеніе на Маломъ Эгелѣ въ раіонѣ деревни Мельмугеръ и выдвинуться на половину разстоянія между Большимъ и Малымъ Эгелемъ. Этотъ прорывной ударъ окончательно рѣшилъ судьбу города Риги, оставленнаго нами 21-го августа, и эвакуацію всего прилегающаго къ нему раіона. Къ полудню того же числа линія боевого фронта противника достигла нижняго теченія Большого Эгеля и озеръ Эгель и Кишъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ сутокъ наступленія подъ Ригою, противникъ завладѣлъ обоими берегами рѣки Западной Двины, на протяженіи около 50 верстъ, отъ нижняго теченія рѣки Огера (деревня Шубарэдъ) до Рижскаго залива.

Наибольшій скачокъ, который удалось продѣлать противнику въ теченіе минувшихъ нѣсколькихъ дней операціи, приходится на 22-е августа, когда онъ, развивая свой успѣхъ на берегахъ рѣки Большого Эгеля, перекинулся съ линіи послѣдняго до желѣзнодорожной станціи Хинценбергъ.

Вслѣдъ засимъ движеніе противника въ сѣверо-восточномъ направленіи вдоль желѣзной дороги на Венденъ значительно задержалось, въ то время какъ крылья арміи Гутьера стали продвигаться впередъ, стремясь подравняться по вырвавшемуся къ сѣверо-востоку отъ Риги центру.

За счетъ этого движенія нѣмецкія войска распространились въ теченіе 23-го августа на правомъ берегу Двины отъ нижняго теченія праваго притока послѣдней, Огера, до Фридрихштадта и отъ низовьевъ рѣки Лифляндской Аа до раіона озера Дунъ и рѣчки Мелюпе, впадающей въ воды Рижскаго залива.

Общая глубина, на которую германцамъ удалось съ линіи Шлокскихъ и Олайскихъ нашихъ позицій проникнуть къ сѣверо-востоку отъ Риги, выражается, примѣрно, отъ 75 до 90 верстъ, что въ среднемъ за пять дней боя даетъ величину суточнаго перехода около 15—17 верстъ.

Пути къ ближайшему крупному центру Лифляндіи—къ городу Вендену — остались въ нашихъ рукахъ, и фланги наступающей германской арміи не выиграли при этомъ никакого пространства.

Очутившись въ раіонѣ къ востоку отъ города Риги, германцы немедленно принялись за возстановленіе разрушенныхъ нами мостовыхъ переправъ черезъ рѣку Западную Двину, а также за возведеніе новыхъ понтоновъ и переправъ на нижнемъ теченіи рѣки Лифляндской Аа.

Такъ какъ времени для укрѣпленія новыхъ нѣмецкихъ позицій подъ Ригой прошло еще не много, то легко себѣ представить, насколько встревожены были ряды противника, когда узнали, что армія генерала Парскаго начала проявлять неожиданную активность. Слабыя конныя части, поддержанныя небольшимъ количествомъ германской артиллеріи, начали сразу подаваться назадъ, какъ только наши передовыя части обнаружили свое движеніе. Въ общей сложности, въ теченіе трехъ-четырехъ дней первыхъ чиселъ сентября мы продвинулись между Рижскимъ заливомъ и среднимъ теченіемъ рѣки Западной Двины (примѣрно, въ раіонѣ нѣсколько восточнѣе города Фридрихштадта) на глубину около полуперехода и тѣмъ выиграли цѣлый рядъ болѣе или менѣе важныхъ тактическихъ пунктовъ, прикрывавшихъ собою съ южной и юго-западной стороны возвышенныя Зегевольдскія позиціи.

Вторая половина сентября далеко не благопріятствуетъ развитію германскаго наступленія въ лѣсисто-болотистой полосѣ нашего сѣвернаго фронта, однако, германскій генеральный штабъ не останавливается надъ послѣдовательнымъ развитіемъ очередныхъ задачъ по форсированію Западной Двины между Двинскомъ и Ригою. До настоящаго времени нѣмецкія войска овладѣли обоими берегами упомянутой рѣки между Фридрихштадтомъ и Ригою на протяженіи около ста верстъ. Отъ послѣдняго пункта до Царьграда (на полупути между Якобштадтомъ и Двинскомъ) германцамъ удалось уже вплотную подойти къ лѣвому берегу Западной Двины, тогда какъ на участкѣ двинскихъ укрѣпленныхъ позицій они находятся отъ поименованнаго воднаго рубежа еще на разстояніи въ среднемъ около полуперехода. Дѣйствуя подъ Якобштадтомъ и подготавливая ударъ подъ Двинскомъ, куда подтягиваются за послѣдніе дни по Поневѣжской желѣзной дорогѣ освободившіеся изъ-подъ Риги резервы, фельдмаршалъ Гинденбургъ, повидимому, задался цѣлью обезпечить германской арміи болѣе теплыя зимнія квартиры. Вмѣсто болотистыхъ долинъ лѣваго берега Западной Двины, гдѣ нѣмецкая пѣхота провела двѣ зимы въ промерзлыхъ окопахъ, онъ обѣщаетъ имъ теплыя квартиры въ Ригѣ, Фридрихштадтѣ, Якобштадтѣ и Двинскѣ. Эти четыре крупнѣйшихъ и къ тому же важнѣйшихъ въ стратегическомъ отношеніи пункта сѣвернаго фронта позволятъ противнику съ болѣе легкимъ сердцемъ провести новую русскую зиму, если до наступленія таковой не нагрянутъ условія, могущія внезапно прекратить войну.

Всѣ попытки германскаго флота прорваться въ Рижскій заливъ построены на основаніи указанныхъ нами соображеній. Устроиться въ водахъ Рижскаго залива до наступленія зимы нѣмцамъ такъ же необходимо, какъ и обезпечить себѣ теплыя квартиры на берегахъ Двины. Нѣтъ сомнѣнія, что никакихъ серьезныхъ намѣреній наступать къ сѣверной русской столицѣ настоящей осенью у противника нѣтъ, и если онъ готовится къ этой грандіозной операціи, то отнюдь только не теперь. Возможно, что эти мечты возлагаются на весну, если таковой вообще будетъ суждено видѣть еще воюющую Европу.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона книга 5.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основании Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

ВСѢ КНИГИ

и учебники, имѣющіяся въ продажѣ, книжный складъ **А. И. Загряжскаго,** Петроградъ. **Разъѣзжая, 14,** высылаетъ немедленно. Мелкія суммы присылать марками, на пересылку слѣдуетъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль. При заказахъ слѣдуетъ высылать задатокъ (прибл. ⅓ суммы), остальное наложеннымъ платежомъ. Поступили въ продажу: А. И. НОВИКОВЪ, РУКОВОДСТВО КЪ СОСТАВЛЕНІЮ СОЧИНЕНІЙ, для самостоятельной подготовки и для самообразованія, книга КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ. цѣна **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 45 к.** и книга РУКОВОДСТВО по ПРАВОПИСАНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА и правила сокращенія словъ, употребленіе буквъ, разстановка знаковъ препинанія; со справочнымъ ороографическимъ словаремъ 60.000 затруднительныхъ въ правописаніи словъ, для самостоятельной подготовки, для самообразованія и всѣмъ желающимъ НАУЧИТЬСЯ ГРАМОТНО ПИСАТЬ (книга содержитъ 350 страницъ) цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкой **3 р.** — За двѣ 20-коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ учебниковъ, рѣшеній, конспектовъ, подстрочниковъ-переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и друг. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4381

Важно всѣмъ, кто не въ Петроградѣ.

Справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО" ВЫПОЛНЯЕТЪ въ Петроградѣ всевозможнаго рода порученія частнаго характера. **Быстрое наведеніе справокъ** по всѣмъ вопросамъ во всѣхъ вѣдомствахъ, учрежденіяхъ, заведеніяхъ и управленіяхъ гор. Петрограда.
Пишите: **Петроградъ,** Владимирскій пр., д. № 18. **„Посредничество".**
4696 2-1

PRIMA

Чистите ежедневно зубы пастой «Прима» и вы получите

БѢЛЫЕ ЗУБЫ,
ЗДОРОВЫЯ ДЕСНА,
ПРІЯТНЫЙ, СВѢЖІЙ ЗАПАХЪ изо РТА.

Зубная паста «Прима» продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ и въ лабораторіи «Прима». Петроградъ, Николаевск. 16, отд. 4. Обращ. вниман. на оригин. упаковку Лабораторіи «Прима».
8-1 4703

СПРАВКИ О ПРОПАВШИХЪ БЕЗЪ ВѢСТИ

плѣнныхъ, бѣженцахъ, убитыхъ и раненыхъ быстро НАВОДИТЪ справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО", Пишите возможно подробнѣе по адресу: **Петроградъ,** Владимирскій пр., № 18, „Посредничество". Стоимость справки 3 р. 50 к. уплатите послѣ полученія справки.

Новыя правила правописанія, согласно посл. циркул. М. Н. Пр. Эта книжка необходима каждому грамотному человѣку. Цѣна книжки съ перес. 1 р. Налож. платеж. не высыл. 4-2 Деньги и треб. адресовать: **Издательство „НОВИНКИ", Кіевъ, Ольгинская, № 1.** 4687

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ..." (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ **„Семейнаго Университета"** — все равно. Онъ также можетъ достигнуть **блестящихъ результатовъ.** Теперь, при всеобщемъ равноправіи нужно поспѣшать заняться **саморазвитіемъ,** вамъ, юныя, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 4638

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ"

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія **каждымъ** соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 6 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ". **Цѣна за каждое изданіе въ 3 тома,** безъ пересылки: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ" 26 р., факультеты: Историко-филологическій (основной) 24 р., (ознакомившіеся съ этимъ факультетомъ успѣшно читаютъ публичныя лекціи), Медицинскій 22 р., Юридическій 22 р., Біологическій 18 р. и Богословскій 15 р. Только по полученіи задатка 50 % книги высылаются наложенн. плат. Приславшіе впередъ всю сумму стоимости за пересылку **не платятъ.** Обращайтесь къ издателю **Ф. С. Комарскому, Петроградъ, Пушкинская, 10.** Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается за 10-к. марку.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ Грушевскаго 6 отд. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. **4 руб.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Борисова Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ букв. Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористаго шрифт. Цѣна **5 руб.**

СТЕНОГРАФІЯ Мусинова (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна **6 руб.**
8) 4605

Перес. и упаков. по дѣйств. стоим. Приславшіе полн. стоим. впередъ за перес. не платятъ.

Адр.: Книгоизд. **„КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.**

КРУПНЫЙ

ЗАРАБОТОКЪ

КРУГЛЫЙ ГОДЪ

получается отъ вязанія

ЧУЛОКЪ и НОСКОВЪ,

какъ и друг. вязаныхъ издѣлій на нашей автоматическ. кругловязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ".

ОНА ВЯЖЕТЪ ВСЕ. Въ минуту больше 10.000 петель, Въ 15 минутъ одинъ чулокъ.

Легкая и простая работа для мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаній не требуется.
Спросъ на чулочный товаръ всегда большой, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.
Наша маш. „ВИКТОРІЯ" стоитъ теперь **400 р.,** со всѣми принадлежностями и полнымъ самоучителемъ, при помощи котораго всякій легко можетъ научиться работать, при этомъ машина самая лучшая и дешевая на свѣтѣ.
Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.
Постоянный складъ разной пряжи, иголокъ и запасныхъ частей.
Требуйте нашъ иллюстрированный проспектъ (на отвѣтъ 30 к. марками).

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ **ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.**
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 40, 42-11 в. 4089

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. **безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ** Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ сысылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина", интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья.
ПЕТРОГРАДЪ.

13-7 4470

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ,** такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ болѣе 2 рублей, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, одинъ рубль.

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство А. Ф. Марксъ съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Ниву», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880,000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

Алтаевъ, А. Л. Сдѣлайте сами! Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Блиновъ, Н. Письма въ деревню о современной жизни шестидесятника. Сарапулъ. 1917.

Бойзенъ, А. Страна соціальныхъ реформъ. Пгр. 1917. Ц. 50 к.

Вальковскій, В. В. Пропасть и мощь Россіи. Пгр. 1917. Ц. 15 к.

Вржосекъ, С. К. Основы государств. строя на Западѣ. 5-е изд. Пгр. 1917. Ц. 30 к.

Гедъ, Ж. и Лафаргъ, П. Программа рабочей партіи. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Гизетти, А. Отъ декабристовъ до нашихъ дней. Пгр. 1917. Ц. 50 к.

Горькій, М. Мать. Кн. 1 и 2-я. Пгр. 1917. Ц. по 3 р. книга.

Guillot, D. Superkultur. Roman. Paris. 1917. P. 3 fr. 50.

Изд. Кн-ва. **„Народная Власть“** Пгр. 1917. 1) **Бабушка Брешко-Брешковская о самой себѣ.** Ц. 20 к. 2) **Призывъ бабушки Е. К. Брешко-Брешковской.** Ц. 3 к. 3) **Брешко-Брешковская, Е. К. Что дѣлать въ Учред. Собр.** Ц. 12 к. 4) **Бакрыловъ В. Что такое демократ. республ.** Ц. 5 к. 5) **Булановъ, Л.** а) **Что должно дать народу Учред. Собр.** Ц. 12 к. б) **Какъ у насъ пала царская власть.** Ц. 5 к. 6) **Брюллова-Шаскольская, М. Національный вопросъ въ Россіи.** 7) **В-ій, В. А. Ф. Керенскій.** Ц. 65 к. 8) **Мережковскій Д. С. Первенцы свободы.** Исторія возстанія 14-го Дек. 1825 г. Ц. 40 к. 9) **Михаиловъ М. Тяжба о землѣ.** Ц. 25 к. 10) **Митяшева, Л. В. Бабушка и внуки** Ц. 15 к. 11) **Михалевъ, М.** свящ. **Царская власть есть зло, и выбирать царя не слѣдуетъ.** Ц. 15 к. 12) **Панкратовъ, В.** а) **Кому же мы протягиваемъ руку?** Ц. 25 к. б) **Чего нельзя забывать городской демократіи.** 13) **Савинковъ, Б. (В. Ропшинъ). Единеніе и оборона.** Ц. 5 к. 14) **Старый учитель. О революціи, о войнѣ и о землѣ.** Ц. 15) **Устиновъ, В. Что нужно знать каждому гражданину. Государство и война.** Ц. 5 к.

Изд. Кн-ва **„Жизнь и Знаніе“** Пгр. 1917. 1) **Величкина, В. Борецъ за свободу.** Ц. 25 к. 2) **Изгнанникъ. На рубежѣ свободы.** Ц. 25 к. 3) **Каутскій, Карлъ. Патріотизмъ, война и соціалъ-демократія.** Перев. В. Величкиной. Ц. 35 к. 4) **Программа и уставъ Росс. С-Д. Рабочей Партіи.** Ц. 10 к. 5) **Пѣсни революціи, съ нотами.** Ц. 25 к.

Изд. **„Свобода и Право“** М. 1917. 1) **Каблуковъ, Н. А. Кооперація и новый строй.** Ц. 20 к. 2) **Кауфманъ, А. А. Крестьяне и земля.** Изд. 2-е. Ц. 30 к. 3) **Подтягинъ, М. Е. Какъ земля обогатитъ народъ.** Ц. 30 к. 4) **Трубецкая Е.** кн. а) **Гроза съ Запада.** Ц. 10 к. б) **Анархія и контръ-революція.** Ц. 10 к. 5) **Улановъ, В. Я. Война или миръ.** Ц. 20. к. 6) **Франкъ, С. Демократія и республика.** Ц. 15 к.

Изд. **„Союза Солдатъ-республиканцевъ“** Пгр. 1917. 1) **Брюллова-Шаскольская, Н. В. Какъ жить между собою народамъ Россіи.** Ц. 15 к. 2) **Вороновъ Б. Н. Большевики.** Ц. 20 к. 3) **Вржосекъ, С. К. Почему нужна дисциплина Народной Арміи.** изд. 2-е. Ц. 6 к. 4) **Ельницкій, А. Солдатская памятка.** Ц. 5 к. 5) **Ивановичъ, Ст. Почему евреямъ дали равноправіе.** Ц. 15 к. 6) **Комитетъ соціалист. пропаганды Національной Обороны. Почему мы ненавидимъ и почему мы хотимъ уничтожить германск. милитаризмъ.** Перев. В. Лебедевой. Ц. 10 к. 7) **Кацъ, Е. С. Что такое политическая партія.** Ц. 12 к. 8) **Лебедевъ, В. И. Обвинителямъ нашихъ союзниковъ.** Ц. 5 к. 9) **Мейеръ, А. А. Что такое свобода?** Ц. 10 к. 10) **Народный словарь.** Ц. 35 к. 11) **Сиговъ, И. С.** а) **Народъ и земля.** Ц. 15 к. б) **Государств. устройст. и мѣстн.**

самоуправл. въ своб. странѣ. Ц. 15 к. 12) Соколовъ, Н. Н. Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 15 к.

Изд. Центральн. Комит. Трудовой Группы. Александръ Федоровичъ Керенскій. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 25 к.

Карцевъ, А. Д. Что дѣлать и какъ закрѣпить свободу, равенство и братство? Одесса. Ц. 10 к.

Леманъ, I. О бумажныхъ деньгахъ, дороговизнѣ и народномъ хозяйствѣ Россіи. М. 1917. Ц. 5 к.

Леонидовъ, О. 1) А. Ф. Керенскій. М. 1917. Ц. 35 к. 2) Честь мундира. Ц. 30 к.

Нонинъ, О. Серія полит. соціальн. брош. Пгр. 1917. 1) Гимнъ свободѣ. Пѣсни воли. Ц. 20 к 2) Сорокинъ, Питиримъ а) Что нужно народу. Ц. 25 к. б) Основы будущаго мира. Ц. 25 к.

Петроградск. пролетарск. юношеск. организація. Трудъ и Свѣтъ, кн. 2-я. Пгр. 1917. Ц. 30 к.

Понтовичъ, Э. Э. Учредительное собраніе. Пгр. 1917. Ц. 15 к.

Пругавинъ, А. С. Бунтъ противъ природы. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Роминскій, Н. 1) Нео-соціализмъ и проблемы воспитанія. Рига. 1917. 2) Нео-соціальное государство. 3) Преступность и нео-соціализмъ.

Рукавишниковъ, И. Тріолеты любви и вѣчности. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, Н. М. и Тумимъ, Г. П. Кабинетъ родного языка. Пгр. 1917 Ц. 3 р. 75 к.

Усовскій, Б. Н. 1) Автономія и федерація. Харьковъ. 1917. Ц. 25 к. 2) Избирательное право. Ц. 30 к. 3) Монархія или республика. Ц. 30 к.

Хитьковъ, Н. А. (Мыкола Надежный). Украинизація школы съ педагогической точки зрѣнія. Казатинъ. 1917. Ц. 30 к.

Шевлягина, Н. Дурная болѣзнь или сифились. Пгр. 1917. Ц. 30 к.

Эйзлеръ, М. Парусъ у залива. Харьковъ. 1917. Ц. 2 р.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Бильдерлингъ, П. А. БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 13 рис. 102 стр. in 8°. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя. 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22
Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 34-37. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**
Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.).—75 к., съ перес. 1 р.

Посмертныя стихотворенія Я. П. Полонскаго.

(Изъ тетрадей 1860—80-хъ годовъ).

СОНЕТЪ.

(Н. Л. Лорану).

Нахмурился бы ты, когда бъ, сойдясь, мы стали
Судить грядущее, иль хоть гадать о немъ;
Полвѣка на плечахъ снесли мы и устали...
Ужъ мимо насъ идутъ бороться съ новымъ зломъ
И пожинать все то, что̀ мы засѣевали,
Въ надеждѣ, что добро откликнется добромъ.
Но то, что̀ Божій перстъ напишетъ на скрижали
Судебъ грядущаго—того мы не прочтемъ.
Потомству нашему хотятъ предречь витіи
Борьбу на жизнь и смерть, иль спячку апатіи,
Войну изъ-за рубля, иль произволъ страстей...
Но гдѣ же идеалъ?! О, вѣчный Царь царей!
Отецъ нашъ! Ниспошли возлюбленной Россіи
Ты духа мудрости, дай хлѣба, дай людей!

ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ.

За все, за все Тебя благодарю я,
За нужды юности, исполненной надеждъ,
За бредъ безумія, за сладость поцѣлуя,
За ложь и ненависть завистливыхъ невѣждъ;
За то, что даръ Твой, какъ свѣчу съ огнемъ изъ храма,
Я въ ночь пасхальную, отъ вѣтра заслоня,
Пронесъ изъ области молитвъ и ѳиміама,
И сердцемъ ощутилъ свѣтъ славы Твоея;
За то, что вѣрилъ я друзьямъ моимъ до гроба,—
Зналъ къ правдѣ и добру стремящихся людей,—
И таяла не разъ напыщенная злоба
Въ теплѣ моихъ привѣтливыхъ рѣчей.
И родину мою, не сознавая долга,
Самоотверженно я могъ любить...
Но жизнь—страданье... и уже недолго
Осталось мнѣ Тебя благодарить.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Вставало солнышко сквозь мглу,
Край неба сталъ яснѣть, яснѣть,
И птичка ранняя къ теплу
Въ прохладѣ начинала пѣть...
Казалось, радость по водѣ
Скользитъ, колышется въ цвѣтахъ,
Растетъ у ласточки въ гнѣздѣ,
Шумитъ въ саду у пчелъ въ гостяхъ.
И сталъ веснѣ я напѣвать привѣтъ...
Такъ иногда поется въ двадцать лѣтъ.
Потомъ случайно встрѣтилъ я
За рощею на берегу
Такое милое дитя,
Что и сказать вамъ не могу.
И не влюбиться я не могъ:
Склонивъ головку надъ ручьемъ,
Она поникла, какъ цвѣтокъ,
Мечтая Богъ знаетъ о чемъ...
И я мечтамъ далъ волю, какъ поэтъ...
Такъ иногда мечтаютъ въ двадцать лѣтъ.
Потомъ я видѣлъ, какъ она,
Стройна, свѣжа и весела,
Откинувъ кудри, не одна—
Вдоль по тропинкѣ съ кѣмъ-то шла.
Онъ къ ней ласкался не шутя,
Она звала его своимъ,
Онъ съ ней былъ счастливъ, какъ дитя,
Она была счастлива съ нимъ.
И я тогда... я, глядя имъ вослѣдъ,
Заплакалъ такъ, какъ плачутъ въ двадцать лѣтъ.

ЦЫГАНСКІЙ ХОРЪ.

Скоро солнце взоидетъ,
Шевелися, народъ,
Шевелись! Мы пожитки увязываемъ,
Дѣти вольныхъ степей,
Мы куемъ лошадей,
У кибитокъ колеса подмазываемъ.
Мы не сѣемъ, не жнемъ,
А куда мы идемъ
Мы не сказываемъ...
На цѣпи для ребятъ
Мы ведемъ медвѣжатъ;
На веревкѣ—козу-барабанщицу;
А до панскихъ воротъ
Мы пошлемъ напередъ
Ворожить ворожейку-обманщицу.
Ворожейка бойка,
Воровская рука,
Да зато молода черноокая,
Молода, весела...
Гей, идемъ до села,
Черезъ поле дорога широкая!..
Дождикъ вымоетъ насъ,
Вѣтеръ высушитъ насъ,
И поклонится рожь намъ высокая!..

* * *

Помню, гдѣ-то въ ночь,
Проливнымъ дождемъ,
Я бродилъ и дрогъ
Подъ чужимъ окномъ.
За чужимъ окномъ
Было такъ тепло,
Такъ манилъ огонь,
Что я—стукъ въ окно.
Боже мой, какой
Поднялся содомъ,
Какъ встревожилъ я
Благородный домъ.
„Кто стучитъ?—кричатъ,—
Убирайся, воръ!
Аль не знаешь, гдѣ
Постоялый дворъ?“
Ваше сердце мнѣ
Тотъ же домъ чужой,
Хоть и свѣтитъ въ немъ
Огонекъ порой...

Заячій ремизъ *).

Наблюденія, опыты и приключенія Онопрія Перегуда изъ Перегудовъ.

Неизданная повѣсть **Н. С. Лѣскова.**

„Встань, если хотишь, на ровномъ мѣстѣ и вели поставить вокругъ себя сотню зеркалъ. Въ то время увидишь, что единъ твой тѣлесный болванъ владѣетъ сотнею видовъ, а какъ только зеркалы отнять, всѣ копіи сокрываются. Однако же тѣлесный нашъ болванъ и самъ есть едина токмо тѣнь истиннаго человѣка. Сія тварь, будто обезьяна, образуетъ лицевиднымъ дѣяніемъ невидимую и присносущную силу и божество того человѣка, коего всѣ наши болваны суть аки бы зерцаловидныя тѣни".

Григорій Сковорода.

Краткое предисловіе.

По одному грустному случаю я въ теченіе довольно долгаго времени посѣщалъ больницу для нервныхъ больныхъ, которая на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ называется „сумасшедшимъ домомъ", чѣмъ она и есть на самомъ дѣлѣ. За исключеніемъ небольшого числа лицъ испытуемыхъ, всѣ больные этого заведенія считаются „сумасшедшими" и „невмѣняемыми", т.-е. они не отвѣчаютъ за свои слова, ни за поступки.

Приходя сюда съ тѣмъ, чтобы видѣть одного изъ такихъ больныхъ, я незамѣтно перезнакомился и со многими другими, между которыми были люди интересные—въ томъ отношеніи, что помѣшательство ихъ было почти неуловимо, а между тѣмъ они несомнѣнно были помѣшаны. Между прочими таковъ былъ чрезвычайно трудолюбивый, а притомъ и очень веселый и разговорчивый старикъ въ бабьемъ повойникѣ, по имени Онопрій Опанасовичъ Перегудъ изъ Перегудовъ. Начальство заведенія, прислуга и всѣ больные звали его: „Чулочный фабрикантъ", потому что онъ во всякое время, когда только не ѣлъ и не спалъ, постоянно вязалъ чулки и дарилъ ихъ бѣднымъ. Кличкою „Чулочный фабрикантъ" онъ нимало не обижался, а даже былъ ею доволенъ и находилъ въ этомъ свое призваніе. Онъ былъ всеобщій другъ и фаворитъ, и его не обижалъ даже „Король Брындохлыстъ", сумасшедшій человѣкъ огромнаго роста и чудовищной силы, который ходилъ въ коронѣ изъ фольги и требовалъ ото всѣхъ знаковъ раболѣпнаго почтенія, а непокорнымъ ставилъ подножки и давалъ затрещины. Съ Перегудомъ онъ продѣлалъ это только одинъ разъ въ первый день его прибытія, а затѣмъ никогда этого не повторялъ и даже ограждалъ его, какъ своего „вѣрноподданнаго болвана" и „лейбъ-вязальщика". О причинѣ ихъ дружбы съ королемъ Брындохлыстомъ еще разъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ этой исторіи.

Отъ роду Перегуду было лѣтъ за шестьдесятъ; онъ былъ „очень здоровъ", крѣпкаго сложенія, „присадковатой фигуры" и „круглаго лица", „якъ добра каунка", т.-е. арбузъ. Онъ происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которыхъ въ Перегудахъ числилось большое изобиліе. По первоначалу онъ не приготовлялся для вязанья чулокъ, а даже „урвалъ себѣ самое необыкновенное образованіе" и „исполнялъ необыкновенный долгъ службы свыше всякаго воображенія". Во всемъ этомъ Перегудъ столько самого себя превзошелъ, что даже наконецъ „самъ для себя сталъ непонятенъ и удивителенъ". По убѣжденіямъ онъ былъ „частью честолюбъ, а частью консерваторъ", а въ жизни „любилъ тишноту", и чтобы „никто одинъ другому не смѣлъ позу рожи показывать". И при такихъ своихъ дарованіяхъ Онопрій Опанасовичъ Перегудъ „всеудивительно себя превознесъ посредствомъ „Чина явленія истины" и потомъ „самъ же себя жесточайше уменьчтожилъ". Произошло это удивительно и печально, но Перегудъ на то не роптал, ибо все это „походило отъ собственной его удивленной природы". А природа его была такова, что онъ еще въ дѣтствѣ своемъ бѣгалъ самъ за собою вокругъ бочки, настойчиво стараясь самъ себя догнать и выпередить. Естественно, что человѣку съ такимъ настроеніемъ въ концѣ концовъ не могло быть покойно, и дѣло дошло до того, что послѣ многихъ стараній Перегуду удалось сдѣлаться жильцомъ сумасшедшаго дома, гдѣ онъ и изложилъ въ общеинтересныхъ и занимательныхъ бесѣдахъ предлагаемую вслѣдъ засимъ повѣсть.

Но, прежде чѣмъ передавать повѣсть Перегуда, прошу позволенія сказать нѣчто о мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, а также объ его происхожденіи.

I.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній есть очень большое и красивое село Перегуды. По мнѣнію свѣдущихъ людей, это село давно бы надо уже переименовать въ мѣстечко, или даже можно было бы объявить его и городомъ; но только это нельзя сдѣлать, потому что „противъ сего есть заклятіе отъ стараго Перегуда". А кто такой былъ старый Перегудъ? Это надо помнить, потому что онъ былъ когда-то человѣкъ очень важный—„казацкая старшина" и лыцарь; онъ лихо командовалъ полкомъ, и звали его Опанасъ Опанасовичъ. Въ честь его и теперь всѣ его внуки и правнуки, которые носятъ фамилію Перегуды или Перегуденки, непремѣнно потрафляютъ такъ, чтобы ихъ дѣти мужескаго пола были или Опанасы или, по крайней мѣрѣ, хоть Опанасовичи.

Такая уже „поведенція", чтобы молодое дитя всегда звалось „у дідову честь", ибо „дідъ того стоилъ".

— Я вамъ про него отлично могу все разсказать,— говорилъ, сдвигая на затылокъ колпакъ, Онопрій Перегудъ и разсказывалъ длинную исторію, изъ которой я подамъ только любопытнѣйшія извлеченія.

Прошу меня не осудить за то, что здѣсь его и мои слова будутъ перемѣшаны вмѣстѣ. Я допустилъ это для того, чтобы не все распространять такъ пространно, какъ говорилъ на гулянкахъ Онопрій Перегудъ. Многое, по его мнѣнію, важное на самомъ дѣлѣ мнѣ казалось не важнымъ и опущено, какъ совершенно не идущее къ дѣлу, или же изложено кратче моими словами, при чемъ вся суть событій сохранена, а откинуты повторенія и другіе пріемы многословія мечтательнаго маньяка, черезъ которые разсказъ его былъ бы не свободенъ отъ длиннотъ и черезъ то непремѣнно утрачивалъ бы интересъ.

II.

Полковникъ Опанасъ Опанасовичъ или, какъ принято говорить: „старый Перегудъ", самъ и основалъ село Перегуды. Сначала здѣсь ничего не было, а потомъ стоялъ только млынъ или по-россійски „мельница". Знаете, пѣсенку по-малороссійски спиваютъ: „бувъ да нэма, да поіхавъ до млына", а кацапы поютъ: „было да нѣтути, и поѣхалъ на мельницу"... Преглупая кацапузія, а все непремѣнно норовитъ вездѣ на свой фасонъ сдѣлать! Ну да ладно! А потомъ еще позже около млына сталъ Перегудовъ хуторъ, а еще позже, какъ Божіимъ произволеніемъ люди понарожались и населеніе умножилось, то уже стало и село. Вотъ тогда дідъ Опанасъ закрутилъ себѣ чубъ и сталъ навыдумливать: нарылъ прудовъ, насажалъ рыбы съ Остра и за-

*) Въ рукописи повѣсть первоначально названа „Игра съ болваномъ", но затѣмъ рукою автора прежнее заглавіе перечеркнуто и надписано: „Заячій ремизъ".

велъ баштаны да огороды и какъ сталъ собирать жинокъ и дівчатъ на полотье, то за ихъ помочью,—пожалуйте,—еще больше людей намножилъ, и стало уже такъ много христіанъ, что, какъ хотишь, а довелось построить для нихъ и церковь и дать имъ просвѣщеннаго попа, чтобы они соблюли законъ христіанскій и знали, какой они породы и чѣмъ ихъ вѣра лучше всѣхъ иныхъ вѣръ на свѣтѣ. Иначе они не могли бы себя содержать въ особливости безъ различія съ литвою и ляхами, а наипаче съ лютерами и жидами Старый Перегудъ все и сдѣлалъ, что было надобно, и ничего за нимъ не стояло: онъ срубилъ и церковь съ колокольнею и привезъ откуда-то попа Прокопа всѣмъ на заглядѣніе, ибо это былъ человѣкъ самаго превосходнаго вида: рослый, пузатый и въ красныхъ чоботахъ, а лицо тоже красное, якъ у серафима, а притомъ голосъ такой обширный, что даже уши отъ него затыкали.

Старый панъ Опанасъ былъ ужъ такой человѣкъ, что, если онъ что-нибудь дѣлалъ, то всегда дѣлалъ на славу; а какъ онъ былъ огромный и вѣрный борецъ за „православную вѣру", то и терпѣть не могъ никакихъ „недовѣрковъ" — и добылъ въ Перегуды такого отца, который не потерпѣлъ бы ни лютерей, ни жидовъ, ни— Боже спаси—поляковъ. Если совсѣмъ правду сказать, то оба они не очень-то уважали и господъ москалей и даже постоянно не иначе ихъ называли, какъ „чортовы дѣти", но, чтобы не накликать этимъ къ себѣ „москаля на дворъ",—они въ открытую борьбу съ москалями не вступали, а только молилися тихо ко Господу, щобы ихъ „сила Божа побила".

Въ обхожденіи съ властными людьми дѣдушка Опанасъ былъ весьма благоискусенъ, особенно съ тѣми, которые этого стоили; но при этомъ оставаясь съ людьми одной своей „вѣрной природы". Перегудъ не скрывалъ, что онъ искренно поважалъ только одно доброе казачество и для того хранилъ до нихъ такую вѣрность и вѣжливость, что завладѣлъ всею перегудинскою казачиною и устроилъ такъ, что всѣ здѣшніе люди не могли ни расплыться по сторонамъ, ни перемѣшаться глупымъ обычаемъ съ кѣмъ попадя. Опанасъ Опанасовичъ закрѣпостилъ ихъ за собою и учинился надъ ними панъ, еще гдѣ до Катериныхъ временъ! Такъ это сдѣлалъ Перегудъ еще при той казацкой старшинѣ, про которую добрые люди груди провздыхали и очи проплакали. И сдѣлалъ онъ все это за помощію старшинъ такъ аккуратно, что всѣ перегудинскіе казаки и не замѣтили „чи якъ, чи зъ якаго повода" ихъ стали писать „крѣпаками", а которые не захотѣли итти для дідуси на панщину, то щобы они не сопротивлялися, ихъ,—пожалуйте,—на панскомъ дворѣ добре прострочили, нѣкоторыхъ россійскими батогами, а иныхъ родною пугою, но бысть въ тіхъ обоихъ средствахъ и ціна и вкусъ одинаковы. Но, а какъ это новымъ Перегудинскимъ крѣпакамъ однако все-таки еще нравилось, то, чтобы исправить въ нихъ поврежденныя понятія и освѣжить одеревянѣлый вкусъ, за дѣло взялся попъ Прокопъ, который служилъ въ красныхъ чоботахъ и всякую недѣлю читалъ людямъ за обѣднею то „Павлечтеніе", которое укрѣпляетъ въ людяхъ вѣру, что они „рабы", и что цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, что они должны „повиноваться своимъ господамъ". А чтобы это было крѣпко на вѣки вѣковъ, произошло то заклятіе, которое не дозволяетъ селу Перегудамъ переименоваться ни въ торговое мѣстечко ни въ городъ.

III.

Такъ какъ Перегудинскіе казаки не видали для себя удовольствія быть крѣпостными и, познакомясь съ батогами и пугою, поняли, что это одно другого стоитъ, и что имъ дома бунтовать невозможно, то они „удались до жида Хаима", чтобы занять у него „копу червонцевъ". Крѣпаки захотѣли посылать въ Питеръ справедливаго человѣка, который могъ бы доступить до Царицы и доказать ей или ея великимъ россійскимъ панамъ, что въ селѣ Перегудахъ было настоящее казацкое лыцарство, а не крѣпаки, которыхъ можно продавать и покупать, какъ крымскихъ невольниковъ или какъ „быдло". Но прежде чѣмъ казаки съ жидомъ насчетъ денегъ сговорилися, прознанъ о семъ панъ полковникъ и „перелупцовавъ" всѣхъ этихъ бывшихъ лыцарей, по-своему уже, „одностойне пугою"; а какъ онъ еще не любилъ кое-какъ кончать никакое дѣло, то у него еще достало ума, чтобы „предусмотрѣть и на будущее". Перегудъ сообразилъ, что можетъ случиться впередъ, если крѣпаки добудутъ разумъ и гроши, и положилъ предотвратить всякій возможный вредъ удаленіемъ соблазновъ. А какъ соблазны во всѣхъ дѣлахъ подневольнымъ людямъ всегда подаютъ люди вольные, то надо было позаботиться, чтобы невольные съ вольными близко не якшались. И вотъ для этого благой памяти старый полковникъ наскочилъ съ хлопьятами и разорилъ жидовскій домъ, а потомъ и самого жида выгналъ изъ Перегудъ и разметалъ его „бебёхи", чтобы „не было тутъ того подлаго и духу жидовскаго, бо выбачайте, всѣ жиды одинаково суть враги рода христіанскаго".

А когда послѣ этого все благополучно уставилось и протекло не малое время, въ теченіе котораго казаки перестали покушаться добывать себѣ назадъ лыцарство, милосердный Богъ судилъ Опанасу Опанасовичу „дождать лѣтъ своей жизни", то онъ увидалъ сыновъ и дщерей, и сыновъ сыновъ своихъ и дщерей, и обо всѣхъ о нихъ позаботился, какъ истинный христіанинъ, который знаетъ, что заповѣдано въ Божіемъ Писаніи, у святаго апостола Павла, къ Коринѳянамъ во второмъ посланіи, въ двѣнадцатой главѣ въ четырнадцатомъ стихѣ, гдѣ сказано, что „не должны бо суть чада родителемъ снискать имѣнія, но родители чадамъ". И Опанасъ Опанасовичъ соблюлъ это наставленіе, и когда его стараніями, а Божіимъ смотрѣніемъ стало много Перегудовъ и Перегуденковъ, то было уже для нихъ у стараго полковника припасено и много добра.

Когда же все земное было устроено и Перегудъ увидѣлъ, что житницы его полны, а вѣкъ его иждивается и „літа уже прошли якъ слідъ по закону", то ставъ взирать и ко вышняя, и когда занедужалъ одинъ разъ животомъ, и до того вредно, что мало чуть внутренности изъ него не выпали, то онъ тогда вспомянулъ о „часѣ воли Божіей" и начавъ воображать въ своей фантазіи: „що тоди буде, якъ его казацкая душа мало-по-малу да наконецъ совсѣмъ выскочитъ изъ тѣла? Ой, не миновать ей того, чтобы устрѣтить тѣхъ самыхъ повсемѣстно летающихъ страшныхъ и престрашныхъ воздушныхъ духовъ или, попросту сказать, бѣсовъ или чертякъ, которые намалеваны въ Лаврѣ на стѣнкѣ у Пещерной брамы на выходѣ!.. Гей, то съ ними тогда буде добра работа, и дешево не раздѣлаешься. А деньги-то всѣ на землѣ останутся"... Смѣлъ онъ былъ очень, но, знаете, однако такая безпокойная встрѣча если кому навяжется въ голову, да еще при болѣзни, то это мое почтенье! Пробовалъ Перегудъ хорошо испить „на потуху" и постараться уснуть покрѣпче, но все воздушныхъ бѣсовъ множество за нимъ гналося и во снѣ ему стало сниться. Перегудъ видѣлъ, какъ они, возшумѣвъ своими перепончатыми крылами хуже, якъ літучи мыши, схопятъ его за чубъ и поволокутъ въ адъ, а другіе будутъ подгонять сзади огненными прутьями...

— Сохрани и спаси отъ сего Мати Божа Печерская!

IV.

Панъ Опанасъ сейчасъ же проснулся и въ первую голову позвалъ попа въ красныхъ чоботахъ и подписалъ въ свое завѣщаніе еще сто дукатовъ на колоколъ,

и чтобы отлито было съ его очевидной „фигурою“, а потомъ сказалъ тому пузатому попу Прокопу на ухо, по секрету отъ всѣхъ, „яку-то заклятку“, и самъ тутъ при всѣхъ же рожу скривилъ да и умеръ. Такая-то была его кончина. А какъ принесли его въ церковь, то всѣ его хотѣли видѣть, бо онъ убранъ былъ въ аломъ жупанѣ и въ поясѣ съ золотыми цвѣтками, но попъ Прокопъ не далъ и смотрѣть на полковника, а, взлѣзши на амвонъ, махнулъ рукою на гробъ и сказалъ: „Закройте его шведче: иль вы не чуете, якъ засмердѣло!“ А когда крышку нахлопнули и алый жупанъ Перегуда скрылся, то тогда попъ Прокопъ во весь голосъ зачалъ воздавать славу Перегуду и такъ спросилъ:

— Братія! Всѣ вы его знали, а не всѣ вы теперь знаете, що отъ сей нашъ панъ Опанасъ завіщалъ, бо то была велыка его тайна, котору онъ мнѣ открывъ только въ саму послѣднюю минуту, съ тімъ, щобъ я вамъ про это сказалъ надъ его гробомъ, и щобы вы всі мнѣ повѣрили, бо я мужъ въ такомъ освященномъ санѣ, что присяги присягать я не могу, а всѣ должны мнѣ вѣрить по моей іерейской совѣсти, бо она освященна. И потому я пытаю васъ добре: чи вірыте вы мінѣ, чи не вірыте? Говорите просто!

И всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Віримо, панъ отецъ, віримо!

А отецъ Прокопъ покивалъ головою и прослезился и потомъ отеръ ладонями оба глаза и сказалъ томно:

— Спасибо вамъ, дітки мои духовныи! Ой, спасибо вамъ, що вы меня недостойнаго такъ богато утѣшили, хотя я и раньше по очахъ вашихъ видѣлъ, що вы имѣете до меня всяку вѣру, истинну же и не лицемѣрну, и не лицепріятну, и плодоносящу и добродѣющу. Такъ и знайте же зато, всѣ люди Божіи, що сей старый нашъ панъ и благодѣтель, его же погребаемъ, въ остатнемъ часѣ своего житія схилился ко мнѣ до уха, а потомъ на грудь такъ, что мнѣ отъ него ажъ пыломъ и смрадомъ смерти повѣяло, и онъ въ ту минуту сказалъ мнѣ... Слухайте жъ! Всі слухайте! Бо се слова вже все ровно якъ бы съ того світа... То вінъ сказалъ такъ:

„— Панъ отецъ! Скажи всѣмъ людямъ на моемъ погребеніи, что я имъ заклинаю и всѣхъ моихъ родичей и наслѣдниковъ, щобы на вічны віки щобъ никогда не було у насъ въ Перегудахъ ни жида ни католика! Отъ! И щобы не було у насъ ни католицкаго костела ни жидовской школы; а чтобы была у насъ навсегда одна наша истинная христіанская вѣра, въ которой всѣ должны исповѣдаться у тебя, Перегудинскаго попа, и тебѣ открывать все, кто что думаетъ. А кто сего святаго завѣта не исполнитъ и що-нибудь по тайности утаитъ, то „будетъ часть его со Іудою, который сидитъ у самаго главнаго чертяка въ аду съ кошелькомъ на колѣняхъ и жарится въ сѣрѣ“.

И тутъ попъ Прокопъ поднялъ руку и забожился, что онъ это не выдумалъ, а что такъ истинно говорилъ полковникъ.

Этому долго всѣ люди вѣрили, но потомъ стали появляться кое-какіе вольнодумцы, которые начали говорить, что отецъ Прокопъ не всегда будто говоритъ одну чистую правду, и иногда-таки,—прости его Господи,—и препорядочно „брешетъ“; и отъ сего-де будто можно немножко сомнѣваться: правда ли, что старый Перегудъ положилъ заклятіе, или, можетъ-быть, это отецъ Прокопъ,—поздравь ему Боже,—самъ отъ себя выдумалъ, чтобы быть ему одному за все село единственнымъ у Бога печальникомъ.

И какъ пошло это еретичество въ людяхъ, то естественно, что спасительный страхъ черезъ то былъ отведенъ въ сторону, и скоро „части съ Іудою“ уже почти совсѣмъ не боялися. И тогда начали лѣзть въ Перегуды жиды и католики съ тѣмъ, чтобы имъ тутъ купить мѣста и поставить себѣ домы на базарѣ; а потомъ, разумѣется, они ужъ начнутъ столы стругать, штаны шить да сапоги и шапки ладить, да печь бублики и играть въ шинкѣ на скрипицахъ и доведутъ Перегуды до того, что всѣ здѣшніе христіане чисто перепьются и перебьютъ трезвымъ жидамъ ихъ носатыя морды, а тогда за нихъ, пожалуй, потребуется отвѣтъ какъ будто и за заправскихъ людей. Однако, несмотря на всѣ эти хитрости, Перегуды все-таки очень легко могли сдѣлаться мѣстечкомъ, если бы всѣ перегудинскіе дворяне и между собою не перессорились. А какіе на свѣтѣ были перегудинскіе дворяне и сколько ихъ было числомъ, то это Оноприй Опанасовичъ сказывалъ сбивчиво, и думается, что всѣхъ ихъ и описать нельзя, а довольно сказать, что всѣ они ссорились и старались докучать и досаждать другъ другу. Въ отдѣльности же изъ нихъ надобно назвать только самаго важнаго—это былъ Опанасъ Опанасовичъ, который вывелъ свою фамилію въ свѣтъ тѣмъ, что покинулъ домосѣдство и служилъ гдѣ-то по комиссаріату первой или второй арміи. Сей увеличилъ свою житницу и, имѣя единственнаго сына Дмитрія, далъ ему столь превосходное воспитаніе въ московскомъ пансіонѣ Галушки, что этотъ молодецъ научился тамъ говорить по-французски о чемъ вамъ угодно. Послѣ этого его скоро опредѣлили по таможенной части, гдѣ онъ служилъ съ честію и, получивъ чинъ коллежскаго совѣтника, а также скопивъ состояніе, вышелъ въ отставку на пенсію. Еще состоя на службѣ, Дмитрій Аѳанасьевичъ Перегудовъ женился законнымъ бракомъ на начальственной родственницѣ Матильдѣ Опольдовнѣ, про которую, впрочемъ, говорили, будто она даже никому и не родственница, ну да это и не важно, потому что, какъ только Перегудовъ пріѣхалъ къ себѣ въ деревню, жена его не стерпѣла здѣшней жизни и скоро отъ него ушла жить въ Митаву. Дмитрію Аѳанасьевичу стало не съ кѣмъ говорить по-французски, но онъ скоро придумалъ, какъ пособить этому горю, и о дѣяніяхъ его впереди ожидаетъ насъ нѣкоторая мимолетная повѣсть.

Другой же видный перегудинскій дворянинъ, какъ хотите, былъ тотъ самый Оноприй Опанасовичъ Перегудъ, котораго я зазналъ въ сумасшедшемъ домѣ, и теперь дальше уже самъ онъ будетъ вамъ разсказывать свою жизнь, опыты и приключенія.

Оноприй Опанасовичъ совершенно другого воспитанія, чѣмъ Дмитрій Аѳанасьевичъ, ибо Оноприй не достигалъ московскаго пансіона Галушки, но зато онъ въ воспитаніи своемъ улучилъ нѣчто иное, и притомъ гораздо болѣе замѣчательное. Вотъ онъ теперь передъ вами: онъ сравнялъ на колѣняхъ свое вязанье и началъ говорить.

— Пожалуйте!

V.

Въ моей жизни было всего очень много, но особенно оригинальности и неожиданности. Начну съ того, что такъ учиться, какъ я обучался—я думаю, едва ли кому другому изъ образованныхъ людей трафилось. А и съ тѣмъ однако я все-таки еще въ люди вышелъ и, замѣтьте, должность какую сразу получилъ, и судилъ и допрашивалъ, и не малую пользу принесъ и жилъ бы до вѣка, если бы не романсъ: „И, можетъ-быть, мечты мои безумны“!.. Ахъ, слушайте: вѣдь я учился всѣмъ наукамъ въ архіерейскомъ хорѣ! Помилуйте-съ! А какъ я оттуда прямо на цивильную должность попалъ—это тоже замѣчательно, но только непремѣнно надо вамъ немножко знать, какъ у насъ лежитъ наше село Перегуды, ибо иначе вы никакъ не поймете того, что придетъ о моемъ отцѣ, о рыбѣ налимѣ и о благодѣтелѣ моемъ архіереѣ, и какъ я до него присталъ, а онъ меня устроилъ.

Оно, то-есть село наше, видите, совершенно какъ въ романахъ пишутъ, раскинуто въ прекрасно живописной мѣстности, гдѣ соединялись чи свивались двѣ рѣки, обѣ

недостойныя упоминанія по ихъ неспособности къ судоходству. И есть у насъ въ Перегудахъ все, что краситъ всѣми любимую страну Малороссію: есть сады, есть ставы, есть тополи, и бѣлыя хаты, и бравые паробки, и чернобрыви дівчата. И всего люду тамъ теперь наплодилось болѣе, чѣмъ три тысячи душъ, поразсѣянныхъ въ бѣленькихъ хаткахъ. Про нашу Малороссію все это уже много разъ описывали такіе великіе паны, какъ Гоголь, и Основьяненко, и Дзюбатый, послѣ которыхъ мнѣ уже нечего и соваться вамъ разсказывать. Особенности же, какія были у насъ въ Перегудахъ, состояли въ томъ, что у насъ въ одномъ селеніи да благодаря Бога было ажъ одиннадцать помѣщиковъ, и по нихъ одиннадцать панскихъ усадьбъ, и всѣ-то домики по большей части были зворочены окнами на большой прудъ, въ которомъ лѣтней порою перегудинскіе паны, дай имъ Боже здоровья, купались, и оттого и происходили совмѣстно удовольствія и непріятности, ибо окрытую полотномъ купальню учредилъ оный воспитанникъ пансіона Галушки, Дмитрій — якъ его долѣе звать—чи що Аѳанасьевичъ, потому что у нихъ послѣ отъѣзда въ Митаву ихъ законной жены были постоянно доброзрачныя экономки, а потому Дмитрій Аѳанасьевичъ, имѣя ревнивыя чувства, не желали, щобы иные люди на сихъ дамъ взирали. Господи мой! якъ бы то имъ что-либо отъ очей подіется! Ну, а всѣ прочіе перегудинскіе паны на такіе вытребенки не тратились, а купались себѣ прямо съ бережка, гдѣ сходить лучше, и не закрывались, ибо что въ томъ за секретъ, кто съ чѣмъ сотворенъ отъ Господа. Се же и есть въ томъ тайна Господня творенія, раздѣляюща мужскій полъ и женскій; а человѣку нечего надъ тѣмъ удивляться и умствовать, ибо не даромъ мудрѣйшій глаголетъ въ Еклезіастѣ: „не мудрися излише, да не когда изумишися“. И точно, были у насъ такіе паны и пани, что, бывало, какъ раздѣнутся и начнутъ входить въ воду, то лучше на нихъ не взирай, да не изумишися. Но наши того и не боялись, а иньшіи даже и нарочито другъ другу такое дѣлали, что, если одинъ съ гостями на балконъ выйде, то другій, который имъ недоволенъ, стоитъ напротивъ голый, а если на него не смотрятъ, то крикнетъ: „Кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку“.

Перегуды и Перегудовны—всі народъ терпкій, и исключеніе составлялъ одинъ я, ибо я, говорю вамъ, въ воспитаніи своемъ въ архіерейскомъ хорѣ получилъ особое пріуготовленіе.

Теперь, вотъ позвольте, сейчасъ будетъ вамъ сказъ о моемъ воспитаніи, про какое вы, навѣрно, никогда и не чуяли, а теперь вразъ все узнаете, какъ оно состоялось,—и главное, — совсѣмъ неожиданно и, замѣтьте, совсѣмъ съ неподходящаго повода—изъ-за налима.

VI.

Только вы извините, что я и это вамъ начну опять съ мирныхъ и премирныхъ временъ моего пресчастливѣйшаго дѣтства, когда я находился при моей матери и всюду ее сопровождалъ по хозяйству, ѣлъ сладкія пѣнки съ варенья, которое она наисмачнѣйше варила, и вязалъ подъ ея надзоромъ для себя чулки и перчатки, и тогда мнѣ казалось, что мнѣ больше ничего и не надо, никакого богатства, ни знатности и никакихъ постороннихъ благополучій и велелѣпій. Думалъ, что и просить у Бога чего-либо грѣхъ иначе какъ „исполняй еси Господи наше всяко животное благоволеніе“, о коемъ сказано въ молитвѣ по трапезѣ. И вправду,- пожалуйте,— кажется, если человѣкъ сытъ, и ему тепло, и онъ можетъ имѣть добрую компанію, ну, то чего ему еще и требовать! Разумѣется, есть неблагодарные и злонравные, коимъ все мало, ну такъ у насъ такихъ не было. Маменька моя, впрочемъ, была не изъ Перегудинскихъ, но а все-таки тоже хорошенькаго дворянскаго рода, а по бѣдности вела жизнь очень просто. Папеньку она очень любила, да и нельзя было его не любить, потому что папенька мой былъ очень молодецъ. Совсѣмъ былъ не такой, какъ я! Уг-гу! Гдѣ же таки: нэма що и сравнивать. Я какой-то коцубатый да присадковатый, а онъ былъ что высокая тополя. И чиномъ онъ тоже былъ маіоръ и вышелъ въ отставку за ранами съ пенсіей, которую ему и выдавали по семи рублей въ мѣсяцъ изъ казначейства. Безъ этого намъ бы, можетъ-быть, и очень бы туго было, какъ и другимъ Перегуденкамъ, но съ пенсіей мы жили добре, и мамаша всегда, бывало, мнѣ говорили:

— Эй, Онопрійку! Шануй своего отца, бо ты видишь, какъ мы за его кровь сколько получаемъ и можемъ чай пить, когда у другихъ и къ мятѣ сахару нѣтъ. Такъ мы и жили во всякой Богу благодарности, и какъ родители мои было набожные, то и я былъ отведенъ матерію моею въ семилѣтнемъ возрастѣ на духъ къ попу! А попъ у насъ тогда былъ Маркелъ Прокоповъ зять, — бо Прокопъ померъ, — и былъ той Маркелъ страшенный хозяинъ и превеликій хитрецъ, и онъ съ предъумысломъ спросилъ у меня:

— Чи не кравъ ли ты, хлопче, огуркіе обо кавуны на баштани?

А якъ мати учила меня отвѣчать по правдѣ, то я ему и отвѣтилъ:

— А то якъ же, батюшка!—кравъ.

Онъ кажетъ:

— Молодецъ!.. Богъ проститъ: се дило реоячье.—А потомъ вспомнилъ и то спросилъ:—А не кравъ ли ты часомъ тоже и на моей бакш..?

А я отвѣчаю:

— А то какъ же, батюшка: кравъ съ другими хлопцами и на вашей.

А онъ тогда взялъ меня сразу за чубъ и такъ натрясъ до самаго до полу, что я тімъ только и избавился, що ткнулъ его подъ эпитрахиль въ брюхо, и насилу отъ него вырвался и со слезьми жаловался на то своему отцу съ матерью. Отецъ хотѣлъ за это попа бить, но когда они сошлися, то замѣсто бою между ними настало самое „животное благоволеніе“. Поводъ къ сему былъ тотъ, что въ это самое время насталъ у насъ новый архіерей, который былъ отцу моему по школѣ товарищъ, и собирался онъ церкви объѣзжать. А отецъ взялъ да Маркелу попу тѣмъ и похвастался и сказалъ ему:

— Хоть и очень тебя изобью, то ничего не боюсь— тебѣ велѣно будетъ молчать противъ меня. А то и мѣста лишишься.

Вотъ попъ Маркелъ, какъ это почуялъ, такъ и говоритъ отцу:

— Вотъ чисто все, и видать, что напрасно мы ссоримся. Если такъ, то хотите бьете, а хотите милуете, но я ничего противнаго не хочу, а если вы съ нашимъ архіереемъ знакомы, то пусть отъ сего намъ обоимъ добро выйдетъ.

Отецъ ему отвѣчаетъ:

— Изъясни, что же такое! А архіерея я отлично знаю: мы съ нимъ въ бурсѣ рядомъ спали и вмѣстѣ ходили кавуны красть.

А попъ потянулъ рукою себя по бородѣ и отвѣчаетъ:

— Извольте же вамъ за это полученія: вотъ вамъ первое, что извольте получить,—это на чепанъ сукна и фунтъ грецкаго мыла супругѣ на смягченье кожи.

И подаетъ и сукно и мыло.

А отецъ ему отвѣчаетъ, что „что же это, ты подаешь, не объяснивъ, въ чемъ твое угожденіе, а думаешь уже какъ бы съ мыломъ подъ меня подплынуть! Такъ и всѣ вы, духовные, такіе хитрые; но я еще не забылъ, какъ твой тесть моего діда волю надъ его гробомъ съ амвони выкликалъ; а можетъ-быть, все это только его враки были, за то що онъ хотѣлъ выпхать изъ Перегудовъ жидовъ, а потомъ, когда уже жидовъ не стало, то онъ

началъ самъ давать гроши на проценты, а нынѣ и ты тому же послѣдовалъ".

Маркелъ говоритъ:

— Вотъ про сіе и рѣчь.

А отецъ говоритъ:

— Да що тамъ за річь! Нэма про що и казать срамъ! Жидъ бралъ только по одному проценту на мѣсяцъ, а вы берете дороже жидовскаго. Се, братку, не мыломъ пахнетъ!

— Ну, а если не мыломъ,—отвѣчалъ Маркелъ,—то я подарю вамъ еще большого глинистаго индюха. Що тогда буде?—вопросилъ попъ.

— И индюхъ не поможетъ.

— А если еще съ нимъ разомъ и двѣ индюшки?

— Я глинистаго пера птицы не отвергаю, потому что она мнѣ ко двору, какъ и теля свѣтлой шерсти тоже, но все же правда дороже, что ты разоритель.

— Ну хорошо! Пусть вамъ и буде правда всего дороже. Дѣлать нечего: я вамъ прибавлю еще и теля. Владѣйте, Богъ съ вами: изъ него скоро будетъ добра коровка!

— Ну это когда она еще вырастетъ!

— А нѣтъ... не говорите такъ: вырастетъ и будетъ очень добра коровка!

— Да когда? Сколько этого ждать! Да и какъ будетъ ея молоко пить, когда вспомянешь, что это не за одну правду, а и за дѣтскую кровь узялъ.

— Отъ далась-таки вамъ еще эта дѣтская кровь; да еще та самая, которой и не было!

— Ба! Якъ же то ея не было! Вы же трясли за чубъ моего сына! Это на духу и не полагается.

— Эко тамъ велико дѣло, що я подравъ на духу хлопца за чубъ за то, що онъ у меня кавуны кралъ: онъ съ того растетъ, а вамъ отъ коровки молоко пить будетъ.

Но отецъ сказалъ:

— Это нельзя.

— Почему нельзя?

— А вы развѣ не читали у Патріаршемъ Завѣтѣ, что по продажѣ Іосифа не всѣ его братья проѣли деньги, а купили себѣ да женамъ сапоги изъ свинячьей кожи, щобы не ѣсть цѣну крови, а попирать ее.

— Ну, да понимаю уже, понимаю. Еще и попирать что-то хотите. Ну, такъ будетъ вамъ и попирать—нехай будетъ по-вашему: я вамъ прибавлю еще подсвинка со всей его кожею, но только предупреждаю васъ, что отъ того, что вы меня не защитите отъ всенароднаго озлобленія, вамъ никакой пользы не прибудется; а какъ защитите, то все, что я вамъ пообѣщался,—все ваше будетъ.

Тогда отецъ сказалъ ему:

— Ну, иди и веди ко мнѣ и индюха, и теля, и подсвинка—Богъ дастъ, я за тебя постараюся. А всѣ расходы на твой счетъ.

Попъ повеселѣлъ. Что уже тамъ расходы! И сталъ онъ просить отца, чтобы только припомнилъ и разсказалъ ему: что такое архіерей особенно уважалъ въ прежней жизни?

А отецъ его попихнулъ рукою въ брюхо и говоритъ:

— Эге! Поди-ка ты шельма какой! Такъ я тебѣ это и скажу! Мало ли что мы тогда съ нимъ любили въ оные молодецкіе годы, такъ вѣдь въ теперешнемъ его званіи не все то и годится.

— Ну, а въ пищепитаніи?

— Въ пищепитаніи онъ, какъ и вообще духовные, выше всего обожалъ зажаренную поросячью шкурку, но и сей вкусъ, безъ сомнѣнія, онъ нынѣ былъ долженъ оставить. А ты не будь-ка лѣнивъ да слетай въ городъ и разузнай о нынѣшнемъ его расположеніи отъ костыльника.

Попъ Маркелъ живо слеталъ и, возвратясь, сказалъ: „нынѣ владыка всему предпочитаетъ уху изъ разгнѣваннаго налима". И для того сейчасъ же положили разыскать и пріобрѣсть налима и привезть его живого, и, повязавъ его дратвою за жабры, пустить его гулять въ прудъ, и такъ воспитывать, пока владыка пріѣдетъ, и тогда налима вытащить на сушу и принесть его въ корытѣ и огорчать его постепенно розгами; а когда онъ разсердится какъ нельзя болѣе и печень ему вспухнетъ, тогда убить его и изварить уху.

Архіерею же папаша написалъ письмо на большомъ листѣ, но съ небольшою вѣжливостью, потому что такой уже у него былъ военный характеръ. Прописано было въ короткомъ шутливомъ тонѣ привѣтствіе и приглашеніе, что, когда онъ пріѣдетъ къ намъ въ Перегуды, то чтобы не позабылъ, что тутъ живетъ его старый камрадъ, „съ которымъ ихъ въ одной степени въ бурсѣ палями бито и за виски драно". А въ законченіи письма стояла просьба: „не пренебречь нашимъ хлѣбомъ-солью и заѣзжать къ намъ кушать уху изъ печеней разгнѣваннаго налима".

Но, — пожалуйте, — какія же изъ этого послѣдовали послѣдствія!

VII.

Доставить отцово письмо въ домъ ко владыкѣ покусился самъ попъ Маркелъ, ибо въ тогдашнія времена по почтѣ писать къ особамъ считалось невѣжливо, а притомъ попъ желалъ разузнать еще что-либо полезное, и точно,—когда онъ вернулся, то привезъ премного назидательнаго. Удивительно, что онъ тамъ въ короткое время успѣлъ повидаться со многими лицами архіерейскаго штата, и многихъ изъ нихъ сумѣлъ угостить и, угощая, все разспрашивалъ объ архіереѣ и вывелъ, что онъ человѣкъ высокопросвѣщеннаго ума, но весьма оляповатый, что вполнѣ подтверждалось и его отвѣтомъ, который похожъ былъ на резолюцію и былъ надписанъ на собственномъ отцовомъ письмѣ, а все содержаніе надписи было такое: „Изрядно: готовься—пріѣду".

Тогда началась чудосія, ибо гордый своимъ маіорствомъ отецъ мой отнюдь не былъ доволенъ этою оляпкою и сейчасъ же пустилъ при всѣхъ на воздухъ казацкое слово и надписалъ на письмѣ: „Не буду готовиться—не ѣзди", и послалъ листъ назадъ, даже незапечатанный; но архіерей по добротѣ и благоразумію дѣйствительно былъ достоинъ своего великолѣпія, ибо онъ ни за что не разсердился, а въ свою очередь оборотилъ письмо съ новымъ надписаніемъ: „Не ожесточайся! Сказалъ, буду—и буду".

Тутъ папаша,—пожалуйте,—даже растрогался и, хлопнувъ письмомъ по столу, воскликнулъ:

— Сто чертей съ дьяволомъ! Ей-Богу, онъ еще славный малый!

И отецъ велѣлъ маменькѣ подать себѣ большой келихъ вина и, выпивъ, сказалъ: „се за добраго товарища!", и потомъ сказалъ матери пріуготовлять сливныя смоквы, а попу Маркелу наказалъ добывать налима. И все сіе во благовременіе было исполнено. Отецъ Маркелъ привезъ въ бочкѣ весьма превеликую рыбу, которую они только за помощью станового насилу отняли у жида, ожидавшаго къ себѣ благословеннаго цадика, и какъ только къ намъ оная рыба была доставлена, то сейчасъ же повелѣно было прислуживавшей у насъ бабѣ Сидоніи, щобы она спряла изъ овечьей волны крѣпкую шворку, и потомъ отецъ Маркелъ и мой родитель привязали ею налима подъ жабры и пустили его плавать въ чистый ставокъ; а другой конецъ шворки привязали къ надбережной вербѣ и сказали людямъ, чтобы сіей рыбы никто красть не осмѣливался, ибо она уже посвященная и „дожидается архіерея". И что бы вы еще къ тому вздумали: якъ всѣ на то отвѣчали?

А отвѣчали вотъ какъ:

— „О, Боже съ ней! Кто же ее станетъ красти!" А межъ тѣмъ взяли и украли... И когда еще украли-то?—

подъ самый тотъ день, когда архіерей предначерталъ вступить къ намъ въ Перегуды. Ой, да и что̀ же было переполоху-то! Ой, ой, мой Господи! И теперь, какъ объ этомъ вспомнишь, то будто мурашки по тілу забігають... Ей-Богу!

А вотъ вы же сейчасъ увидите, какъ при всемъ этомъ затрудненіи обошлись, и что̀ отъ того въ разсужденіи меня вышло.

VIII.

Преудивительная исторія съ покражей налима обнаружилась такъ, что хотѣли его вытягти, щобъ уже начать огорчать его розгами, ажъ вдругъ шворка, на которой онъ ходилъ, такъ пуста и телепнулась, бо она оказалась оборванною, и ни по чему нельзя было узнать, кто укралъ налима, потому что у насъ насчетъ этого были преловкіе хлопцы, которые въ разсужденіи съѣстного были воры превосходнѣйшіе и самого Бога мало боялись, а не только архіерея. Но поелику времени до приготовленія угощенія оставалось уже очень мало, то слѣдствіе и розыскъ о виновныхъ въ злодѣйскомъ похищеніи оной наисмачнѣйшей рыбы были оставлены, а сейчасъ же въ прудъ былъ закинутъ неводъ, и онымъ, по счастію, извлечена довольно великая щука, которую родителями моими и предположено было изготовить „по-жидовски" съ шафраномъ и изюмомъ,—ибо, по воспоминаніямъ отца моего, архіерей ранѣе любилъ тоже и это.

Но что̀ было неожиданностію, это то, что по осмотрѣ церкви архіереемъ его немедленно запросилъ до себя откушать другій нашъ помѣщикъ Финогей Ивановичъ, котораго отецъ мой весьма не любилъ за его наглости, и онъ тутъ вскочилъ въ церкви на солею, врагъ его вѣдаетъ, въ какомъ-то не присвоенномъ ему мундирѣ и, схопивъ владыку за благословенную десницу, возгласилъ какъ бы отъ Писанія: „Живъ Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя". И такъ смѣло держалъ и влекъ за собою архіерея, что тотъ ему сказалъ: „Да отойди ты прочь отъ меня!—чего причіпився!" и затѣмъ еще якось его пугнулъ, но однако поѣхалъ къ нему обѣдать, а нашъ обѣдъ, хотя и безъ налима, но хорошо изготовленный, оставался въ пренебреженіи, и отецъ за это страшно разсвирѣпѣлъ и послалъ въ домъ къ Финогею Ивановичу спросить архіерея: что̀ это значитъ? А архіерей отвѣтилъ: „пусть ожидаетъ".

И, пообѣдавъ у Финогея Ивановича, владыка вышелъ садиться, но поѣхалъ опять не до насъ, а до Алены Яковлевны, которая тожъ на него прихопилася, якъ банная листва, а когда отецъ и туда послалъ хлопца узнать, что̀ архіерей тамъ дѣлаетъ, то хлопецъ сказалъ, что онъ зновъ сѣлъ обѣдать, и тогда это показалось отцу за такое безчинство, что онъ крикнулъ хлопцамъ:

— Смотрите у меня: не смійте пущать его ко мнѣ въ домъ, если онъ подъѣдетъ!

А самъ, дабы прохладить свои чувства, велѣлъ одному хлопцу взять простыню и пошелъ на прудъ купаться. И нарочито сталъ раздѣваться прямо передъ домкомъ Алены Яковлевны, гдѣ тогда на балкончикѣ сидѣли архіерей и три дамы и уже кофей пили. И архіерей, какъ увидалъ моего рослаго отца, такъ и сказалъ:

— Какъ вы ни прикидайтеся, будто ничего не видите, но я сему не вѣрю: этого невозможно не видѣть. Нѣтъ, лучше азъ возстану и пойду, чтобы его пристыдить.—И сразу схопился, надѣлъ клобукъ и поѣхалъ къ намъ въ объѣздъ пруда. А съ балкона Алены Яковлевны показывая, дівчата кричали намъ: „Скорѣй одягайтесь, пане! До васъ хорхирей ѣдетъ!" А отецъ и усомъ не велъ и нимало не думалъ поспѣшать, а, будучи весь въ водѣ, даже какъ будто съ усмѣшкою глядѣлъ на архіерейскую карету. Архіерей же, проѣзжая мимо его, внезапно остановился и высѣлъ изъ кареты и прямо пошелъ къ отцу и превесело ему крикнулъ:

— Що ты это тѣлешомъ свѣтишь! Или къ тобѣ совсімъ сорому нэма? Старый безстыдникъ!

А отецъ отвѣчалъ:

— Хорошо, що въ тебѣ стыдъ есть! Гдѣ обѣдалъ?

Тогда архіерей еще проще спросилъ:

— Да чего ты, дурень, бунтуешься?

А отецъ отвѣтилъ:

— Отъ таковаго жъ слышу!

Тогда архіерей усмѣхнувся и сѣлъ на скамейку и сказалъ:

— Еще ли, грубіянъ, будешь злиться? Соблюди при невѣждахъ приличіе! — И съ сими словами рыгнулъ и, обративъ глаза на собиравшіяся вокругъ солнца красныя облака, произнесъ по-латыни:—Si circa occidentem rubescunt nubes, serenitatem futuri diei spondent. Это имѣетъ для меня значеніе, ибо я долженъ съѣсть, по обѣщанію, еще у тебя обѣдъ и поспѣшать на завтрашній день освѣщать кучу камней. Выходи уже на сушу и пошли, чтобы изготовляли скорѣе твоего налима, которымъ столь много хвалился.

Услыхавъ это язвительное слово о налимѣ, отецъ разсмѣялся и отвѣчалъ, что налима уже нѣтъ.

— Пока ты по-латыни собирался, добры люди Божьи по-русски его украли.

— Ну и на здоровье имъ,—отвѣчалъ архіерей!—я уже много чего ѣлъ, а они, можетъ-быть, еще и голодны. Мы съ тобой вспомнимъ старину и чѣмъ попало усовершимъ свое животное благоволеніе. Не то важно, что̀ съѣшь, а то—съ кѣмъ ѣшь!

Услыхавъ, что онъ хорошо говоритъ и что опять согласенъ еще разъ обѣдать, отецъ скоро изъ воды выскочилъ, и потекли оба съ прекраснѣйшимъ миромъ, который еще болѣе установился оттого, что архіерей все снова ѣлъ, что̀ передъ нимъ поставляли, и между прочимъ весело шутилъ съ отцомъ, вспоминая о разныхъ веселящихъ предметахъ, какъ-то о кіевскихъ пирогахъ въ Катковскомъ трактирѣ и о поросячьей шкуркѣ, а потомъ отецъ, можетъ-быть, чрезъ принятое въ нѣкоторомъ излишествѣ питье, спросилъ вопросъ щекотливаго свойства: „для чего, молъ, ты о невинныхъ удовольствіяхъ, въ міру бывшихъ, столь прямодушно вспоминаешь, а самъ міромъ пренебрегъ и сей черный ушатъ на голову надѣлъ?"

А той и на сіе не осердился и отвѣчалъ:

— Оставь уже это, миляга, и не сгадывай. Что̀ проку говорить о невозвратномъ, но и то скажу — о мірской жизни не сожалѣю, ибо она полна суеты и, все равно, какъ и наша — удалена отъ священной тишноты философіи; но зато въ нашемъ званіи по крайней мѣрѣ хоть звѣзды на перси легостнѣе ниспадаютъ.

— Это-то правда,—сказалъ отецъ,—но зато нѣтъ отъ васъ племени,—и затѣмъ пошелъ говорить, какъ онъ видалъ у грецкихъ монаховъ, гдѣ есть „геронтесы", и какъ онѣ, сіи геронтесы, иногда даже туфлей бьютъ...

Но тутъ слѣдившая за разговоромъ мать моя со смущеніемъ сказала:

— Ахъ, ваше преосвященство!.. Да разумѣется все такъ самое лучшее, какъ вы говорите!..—А потомъ обернулась къ отцу и ему сказала:—А вы, душко мое, свое нравоученье оставьте, ибо писано же, что „и имущіе жены пусть живутъ какъ неимущіе"... Кто же что-нибудь можетъ противъ того и сказать, что якъ звѣзды на перси вамъ ниспадаютъ, то это такъ имъ и слідъ ниспадать и по закону и по Писанію. А вы моего мужа не слухайте, а успокойте меня, въ чемъ я васъ духовно просить имѣю о Господѣ!

Отецъ сказалъ:

— И вѣрно это, душко моя, у васъ какая-нибудь глупость!

А мать отвѣчала:

— А напротивъ, душко мое, это не глупость, а совершенно то, что̀ для всѣхъ надо знать, ибо это

вездѣ можетъ случиться.—И сразу затѣмъ она разсказала архіерею, что у нея „есть въ сумленіи", а было это то, что когда передъ прошлою Пасхою обметали пыль съ потолковъ, а наипаче въ углахъ, то въ гостинечной комнаткѣ упалъ образъ Всемилостивѣйшаго Спаса, и вотъ это теперь лежитъ у нея на душѣ, и она всего боится и не знаетъ, какъ надлежитъ къ сему относиться.

Архіерей же выслушалъ ее терпѣливо и немножко подумалъ, а потомъ сказалъ „съ конца":

— На дискурсъ вашъ отвѣчу сначала съ конца, какъ объ этомъ есть предложенное нѣгдѣ въ книгахъ историческихъ: повѣрье объ упавшей иконѣ идетъ изъ Рима, со временъ язычества, и извѣстно съ того случая, какъ передъ погибелью Нерона лары упали во время жертвоприношенія. Это примѣчаніе языческое, и христіанамъ вѣрить сему недостойно. А что въ разсужденіи причины бывшаго у васъ паденія, то совѣтую вамъ каждаго года хотя однажды пересматривать матузочки или веревочки, на коихъ повѣшены висящіе предметы, да прислуга бы, обметая, чтобы не била ихъ сильно щеткою. И тогда падать не будутъ. Разскажите это каждому.

Матерь мою это еще больше смутило, ибо она была очень сильно вѣрующая и непремѣнно хотѣла, чтобы всѣ ея суевѣрія были отъ всѣхъ почитаемы за самосвятѣйшую истину. Такъ уже, знаете, звычайно на світі, що всѣ жинки во всякомъ званіи любятъ посчитывать за вѣру всѣ свои глупости. И архіерей понималъ, какъ неудобна съ ними трактація, и для того прямо изъ языческаго Рима вдругъ перенесся къ домашнему хозяйству и спросилъ: „умѣете ли вы заготовлять въ зиму пурмидоры?" А переговоривъ о семъ, перекинулся на меня, и вотъ это его ужаснѣйшее вниманіе возымѣло наиважнѣйшія слѣдствія для моей судьбы. Говорю такъ для того, что, если бы не было воспоминаемаго паденія иконы, то и разговора о ней не было бы, и не произошли бы наступающія неожиданныя послѣдствія.

IX.

Бывъ по натурѣ своей одновременно богословъ и реалистъ, архіерей созерцаній не обожалъ и не любилъ, чтобы прочіе люди заносились въ умственность, а всегда охотно зворочалъ съ философскаго спора на существенныя надобности. Такъ и тутъ: малые достатки отца моего не избѣжали, очевидно, его наблюдательнаго взора, и онъ сказалъ:

— А що, collega, ты, какъ мнѣ кажется, должно-быть, не забогатѣлъ?

А отецъ отвѣчаетъ:

— Гдѣ тамъ у чорта разбогатѣлъ! На трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь.

— То-то и есть, а пока до псалтыри тебѣ, я думаю, и дѣтей очень трудно воспитывать?

Отецъ же отвѣчалъ, что тѣмъ только и хорошо, что у него дѣтей не много, а всего одинъ сынъ.

— Ну и сего одного надо въ люди вывести. Учить его надо.

А когда услыхалъ, что я уже отучился у дьячка, то спросилъ меня: что было въ Скиніи свидѣнія? На что я отвѣтилъ, что тамъ были скрижи, жезлъ Аароновъ и чаша съ манной кашей. И архіерей смѣялся и сказалъ:

— Не робѣй: ты больше знаешь, какъ институтская директриса, — и притомъ разсказалъ еще, что, когда онъ въ институтѣ спросилъ у барышень: „какой членъ символа вѣры начинается съ „чаю", то ни одна не могла отвѣчать, а директриса сказала; „онѣ подъ рядъ знаютъ, а на куплеты дѣлить не могутъ".

И опять всѣ смѣялись, а маменька сказали: „и я не знаю, гдѣ тамъ о чаѣ". А когда архіерей узналъ, что я имѣю пріятный голосъ, велѣлъ мнѣ что-нибудь запѣть — какой-нибудь тропарь или пѣсню, а я запѣлъ ему очень глупый стихъ:

Сѣю-вѣю, сѣю-вѣю,
Пишу просьбу архирею!
Архирей мой, архирей,
Давай денегъ поскорѣй!

Родители мои очень сконфузились, что я именно это запѣлъ; а я, наоборотъ, потому запѣлъ, что я эту пѣсню занялъ пѣть отъ моего учителя — дьячка; но архіерей ничего того не дознавалъ, а только еще веселѣй разсмѣялся и, похваливъ мой голосъ, сказалъ:

— Оставьте укорять дитя. Мнѣ рѣшительно его поза рожи очень нравится, и я полюбилъ его за его невинность; а вы мнѣ скажите лучше: куда вы его думаете предъопредѣлить?

Отецъ отвѣчалъ:

— Э! куда спѣшить! Пусть онъ еще подрастетъ, а потомъ я покорюсь Дмитрію Аѳанасьевичу и попрошу у него письма, чтобы приняли хлопца въ порубежную стражу: тамъ нажить можно.

Но архіерей отвѣчалъ:

— Укрый тебя Господи! Еще что за удовольствіе опредѣлять сына въ ловитчики! Почитай-ка, что о нихъ въ книгѣ Еноха написано: „Се стражи адовные, стоящіе яко аспиды: очеса ихъ яко свѣщи потухлы и зубы ихъ обнаженны". Неужели ты хочешь дать сію славу племени своему! Нѣтъ, да не будетъ такъ. А дабы не напрасно было мое сожалѣніе, то опять повторю: мнѣ его поза рожи нравится и я предлагаю вамъ взять сего вашего сына къ себѣ для пополненія пѣвчаго хора. Чего вамъ еще лучше?

А при чемъ еще онъ обѣщалъ одѣвать меня и обувать, и содержать и обучить всѣмъ наукамъ на особый сокращенный манеръ, „какъ принца", ибо на такой же сокращенный манеръ тогда съ малолѣтними пѣвчими проходилъ особый инспекторъ. Маменька этого не поняли, но отецъ понялъ, и когда матери истолковалъ, то и ей понравилось, а главное къ тому еще ее прельстило, что архіерей пообѣщалъ посвятить меня въ стихари, послѣ чего я непремѣнно буду участвовать въ церемоніяхъ. Это уже столь весьма обольстительно сдѣлалось въ фантазіи маменьки, что онѣ даже заплакали отъ счастія видѣть меня въ облаченіи въ парчевомъ стихарѣ, навѣрно воображая меня уже малымъ чѣмъ умаленнаго отъ ангелъ и въ приближеніи къ наивысшему небу, откуда уже буду мочь кое-что и сродственникамъ своимъ скопнуть на землю. И потому, когда отецъ еще думалъ, мать первая уже согласилась отдать меня въ посвященіе, но отецъ и тогда еще колебался. И тогда архіерей сказалъ ему:

— Повѣрь мнѣ, что духовная часть всѣхъ лучше, и нѣтъ на свѣтѣ счастливѣйшихъ, какъ тѣ, что заняли духовныя должности, потому что, находятся ли люди въ горѣ или въ радости, духовные все себѣ отъ нихъ коечто собираютъ. Будь уменъ, не избѣгай сего для сына, ибо Россія еще такова, что долго изъ сего круговращенія не выступитъ.—Но отецъ все-таки и тутъ хотѣлъ на своемъ поставить и сказалъ:

— А гдѣ же возьмется поколѣніе стражей.

Архіерей отвѣчалъ:

— Тебѣ что за дѣло! И проговорилъ опять отъ Еноха: „Видѣхъ азъ стражи стоящіе яко аспиды, и очеса ихъ яко свѣщи потухлы, и зубы ихъ обнаженны". Сравни же теперь, то ли дѣло житіе духовное, гдѣ исполняется всякое животное благоволеніе... А я жъ твое дитя на то и поведу мирно отъ чести въ честь, и, какія хотишь, тѣ я ему и дамъ должности! Я его сдѣлаю и книгоносцемъ, сдѣлаю его и свѣщникомъ, и за посошника его поставлю, и будетъ онъ свѣтить на виду у всѣхъ особъ, среди храма, а не то что порубежный или пограничный сторожъ!.

Тутъ уже и отецъ не выдержалъ, а матушка вскинула вверхъ руки и воскликнула:

— Ой, Боже мій! Боже мій милій! И откуда мнѣ сіе, и доживу ль я до этого! Не говорите уже ничего больше, ваше преосвященство, бо я и такъ уже чувствую, какая

я изо всѣхъ матерей Богоизбранная и превознесенная. Берите моего сына: я желаю, щобы було такъ, какъ вы говорите,—щобы онъ передъ всѣми посередь дни свѣчою стоялъ и свѣтилъ! Да пусть подержитъ уже и ту книгу, которую вы читаете! Що вамъ!.. Вѣдь можно?

Архіерей улыбнулся и сказалъ:

— Можно!

А мати поддержала:

— Я знаю, говоритъ, что на семъ свѣтѣ все можно, и сейчасъ пойду и ему бѣлье соберу, чтобы онъ съ Богомъ разомъ съ вами ѣхалъ.—А потомъ погнулась до отца и чуба ему поправила и сказала:—А вы уже, душко мое, не спортеся.

Отецъ отвѣчалъ:

— Да ладно!

И съ тімъ она схопилась и побігла снаряжать меня, а отецъ вслѣдъ ей сказалъ:

— Ишь, яке въ жинкахъ огромное самолюбіе обрѣтается! Того она и не спытала, що, може бы, дитя схотѣло лучше итти въ судовые панычи, и Богъ дастъ, можетъ-быть, когда-нибудь еще вышло бъ на становаго.

Становаго же должность отцу моему нравилась, потому что, знаете, онъ и сѣчетъ и съ саблюкой ѣздитъ, и все у него какъ бы подобно до полковаго.

А архіерей отвѣчалъ:

— Что жъ такого: если твой сынъ захочетъ быть свѣтскимъ, то и это мнѣ не будетъ трудно: я попрошу вице-губернатора, и его запишутъ въ приказные, а потомъ онъ можетъ и на становаго выйти. Такъ онъ даже можетъ быть и стражемъ и далѣе можетъ самъ произвести поколѣніе стражей, а все не то, что пограничники, ибо становой злодіевъ и конокрадовъ преслѣдуетъ. Это необходимость.

Это помирило всѣ недоумѣнія моего отца, который все-таки не ожидалъ такого обширнаго доброжелательства со стороны владыки, и, не зная, что ему на это отвѣтить, вдругъ бросился ему на перси, а той простеръ свои богоучрежденныя руки, и они обнялись и смѣшали другъ съ другомъ свои радостныя слезы, а я же, злосчастный, о которомъ все условили, прокрался тихо изъ дверей и, изшедъ въ сѣни, спрятался въ темномъ углѣ и, обнявъ любимаго пса Горілку, ціловалъ его въ морду, а самъ плакался горько.

X.

Но, какъ говорится, Москва слезамъ не вѣритъ, то и я со своими слезами не помогъ себѣ, и по семъ вразъ же мнѣ повелѣно было принять благословеніе у родителей и ѣхать въ городъ вмѣстѣ съ самимъ владыкою или, наипаче сказать, не съ нимъ, а съ его посошникомъ, сидѣвшимъ въ подвѣсной будкѣ за архіерейской каретой.

Такъ-то налимъ отвязался и ушелъ, или былъ скраденъ злыми сосѣдями, а я вмѣсто него попался на шворку, и затѣмъ о преподобномъ попѣ Маркелѣ и о его процентныхъ операціяхъ никакого разговора, сдается мнѣ, у отца моего съ архіереемъ совсѣмъ не было, а для меня съ сей поры кончилось время счастливаго и беззаботнаго дѣтства, и началось новое житье при архіерейскомъ домѣ, гдѣ я получилъ воспитаніе и образованіе по сокращенному методу, на манеръ принца, и участвовалъ въ наипышнѣйшихъ священнодѣйствіяхъ, занимая самыя привлекающія вниманіе должности. И на семъ мѣстѣ обозначается естественный переломъ въ моемъ житіи, ибо до сей поры я созрѣвалъ въ домашнемъ своемъ положеніи, какое получилъ по рожденію своему въ моемъ семействѣ, а отсюда уже начинается умственное и нравственное мое развитіе, составляющее какъ бы вторую часть моей біографіи, впослѣдствіи еще подраздѣляемую и на третіе.

XI.

Архіерей, какъ вначалѣ показалъ себя очень простымъ и добрымъ человѣкомъ, такъ вообще и далѣе таковъ же оставался и очень не малой любви заслуживалъ. Правда, что иные находили въ немъ какъ бы не весьма много духовности, но зато онъ былъ превеликій любитель миролюбія и хозяйства и столько былъ въ это вникателенъ и опытенъ, что съ приходящими просителями всего охотнѣе говорилъ о произрастеніяхъ изъ полей и о скотоводствѣ, и многіе совѣты его были удивительны. Такъ, напримѣръ, жителямъ мѣстности, гдѣ воспитываютъ свиней, онъ подалъ совѣтъ: какъ можно въ точности узнавать толщу сала, покалывая живую свинку въ спину шиломъ, отчего она только мало визжать будетъ: а въ другой разъ разсказалъ всѣмъ страдавшимъ отъ покражи птицы: какое удивительно хитрое средство употребляютъ цыганы, ворующіе гусей такъ, чтобы птицы не кричали, и чего вообще отъ цыганъ остерегаться должно. Зналъ онъ также и многія другія вещи, о которыхъ невѣжды сочиняютъ суетная и ложная къ поддержанію языческихъ суевѣрій. Итакъ, когда купили для него корову, чтобы онъ могъ имѣть къ чаю свои сливки, и та корова почала громко рычать, то экономъ и иже съ нимъ бывшіе полагали, что надо корову перемѣнить, ибо она цвѣтомъ шерсти не ко двору; но владыка улыбнулся и сначала сказалъ полатыни:

— Tù deorum hominunque tyranne, Amore!, то-есть: О ты, Амуръ, тиранъ боговъ и людей!—А послѣ продолжилъ по-русски:—Не стыдно ли вамъ вѣрить въ такіе пустяки! Или вы, обязанные другимъ людямъ изъяснять темноты ихъ непониманія,—сами еще не разумѣете, что, когда рогатая скотина рычитъ, то вѣрнѣе всего для того, что мечтаетъ имѣть свиданіе съ быкомъ? И для удостовѣренія въ этомъ приказалъ послать корову къ дьякону, содержавшему у себя племеннаго быка, и какъ корова оттуда возвратилась вполнѣ жизнью довольная, то оказалось, что владыка былъ противъ всѣхъ суевѣровъ прозорливѣе. Но это иначе и быть не могло, потому что былъ это человѣкъ огромныхъ дарованій и престрашнѣй учености до того, что даже съ Сковородою во мнѣніяхъ сходился и, на всѣ замѣчанія о тѣхъ або иныхъ улучшеніяхъ по его части, говорилъ: „Верти не верти, а треба пролагать путь посреде высыпанныхъ кургановъ буйнаго невѣрія и подлыхъ болотъ рабострастнаго суевѣрія“, а сіе, если помните, изреченіе онаго вѣчнопамятнаго Григорія Варсовы Сковороды. И видѣлъ онъ это такъ світло, что сміялся тѣмъ, которые въ чужіе краи ѣздятъ да вновь съ тѣмъ же умомъ возвращаются, и „очами бочутъ, а устами гогочутъ, и красуются якъ обізьяны, а измѣняются якъ луна, а безпокоятся якъ сатана. Кто слѣпъ дома, тотъ и въ гостяхъ ничего не увидитъ“. А онъ и дома у себя въ монастырькѣ сидѣлъ да все понималъ и зналъ: и Платона, и Цицерона, и Тацита, и Плавта, и Сенеку, и Теренція, и иныхъ многихъ, да, Боже мой, и еще чего онъ только не зналъ и чего не читалъ, и многому, можетъ-быть, и меня хотѣлъ научить, но не могъ по всего совмѣстимости. Ей-Богу! Ей-Богу! Вы, небось, не повѣрите, а это, ей-Богу, настоящая правда—не могъ! Я такое счастье имѣлъ, что, какъ онъ сказалъ, что ему поза рожи моей нравится, то и дѣйствительно онъ меня, какъ отецъ, жалѣлъ и регенту бить меня камертономъ по головѣ не дозволялъ и содержалъ меня, какъ сына своего пріятеля, гораздо нѣжнѣйше отъ прочихъ, а какъ я очень былъ ласковъ и умильно пѣлъ, то кромѣ того сдѣлалось такъ, что я сталъ вхожъ въ вице-губернаторскій домъ, къ супругѣ и дочкѣ сего сановника, для совсѣмъ особливаго дѣла, о которомъ тоже узнаете. Но ученость у насъ въ хорѣ шла плохо и не могла быть лучшею, потому всѣмъ премудростямъ мы, пѣвчіе, должны были научиться въ кратчайшее время и спеціально отъ одного лица, который былъ нашимъ научителемъ, но именовался для чего-то „инспекторомъ“. Былъ это человѣкъ въ своемъ родѣ тоже достопримѣчательный, и именовался онъ ранѣе Евграфъ Семеновичъ Овечкинъ,

но впослѣдствіи онъ свою фамилію измѣнилъ для того, что на него пало подозрѣніе въ приспѣшеніи якобы смерти своей жены, послѣ чего ему даже и священнодѣйствіе было воспрещено, и онъ сложилъ санъ и вышелъ въ свѣтское званіе. Тогда же, пошивъ себѣ прегромадный жилетъ съ кожаными карманами, онъ насыпалъ въ эти карманы нюхательнаго табаку и нюхалъ его безъ табакерки, прямо зачерпывая изъ кармана и поднося къ носу всѣми пятью перстами, ибо такъ дѣлали будто дьяки, которымъ онъ желалъ подражать, заставляя, чтобы всѣ боялись его ябеды. И что владыка такого человѣка держалъ, то,—пожалуйте,—осуждать невозможно, ибо то былъ негодяй паче нежели Регулъ, а того еже въ Римѣ всѣ опасались за его набожность и склонность къ доносамъ. Онъ же и ранѣе все доносилъ, когда былъ въ училищѣ смотрителемъ, и тогда ожесточительно сѣкъ, какъ никто другой, но зналъ провосходно способъ успѣшнаго веденія приказныхъ дѣлъ, что̀ было очень потребно въ сношеньяхъ по письменной части, и для того владыка имъ дорожилъ и имѣлъ его за инспектора для образованія пѣвчихъ. „А дабы не поминались прежнія онаго лютости, то измѣнена была ему самая его фамилія, а именно, на мѣсто прежняго наименованія „Овечкинъ“ сталъ онъ называться „Вѣковѣчкинъ“. И такъ всѣ его грубыя дѣянія сокрылись черезъ отмѣну несоотвѣтственнаго этому волку овечьяго прозвища. Но надо же вамъ знать и то: чему онъ насъ обучалъ?.. Поистинѣ это прелюбопытнѣйше! Почитался онъ, какъ богословъ, вѣроятно, только за то, что зналъ наизусть всѣ рѣшительно праздники и каноны всѣмъ праздникамъ, и для обученія насъ имѣлъ тетради, изъ коихъ извлекалъ познанія, въ которыхъ бы, думаю, и самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ бы, пожалуй, не много утямивъ. Такъ, напримѣръ, „благослови Господи, благости Твоея Боже“,—въ самую первую голову для насажденія и неколебимости вѣры давалъ намъ заучать: „Не сумнися о вѣрѣ, человѣче! Не единъ бо есть, и не десять, и не сто свидѣтелей о вѣрѣ, но безчисленно народу“. Понимаете, нѣтъ тутъ ни какого-либо умственнаго разглагольствія о каковыхъ-либо сужденьяхъ или мнѣньяхъ, а, прямо сказать, все основано на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Да, а зато выведено было такъ, что попробуй-ка кто усумниться! „Первіе убо свидѣтели суть пророки,—сіи сами вѣроваша и намъ предаша“... Пожалуйте, кто имѣетъ отвагу возражать противъ сихъ свидѣтелей! А далѣе: „вторая свидѣтеліе: апостолы: сіи ядоша и пиша съ Создателемъ всяческихъ“... Тоже опровергните, пожалуйте! И такъ все далѣй и далѣй, гонитъ стезю ажъ вплотную до святыхъ вселенскихъ соборовъ и отцовъ, и аввы Дорофея, и исчисленія ихъ: „На одномъ точію 418 святыхъ было“... Не угодно ли! А сколько на всѣхъ было истинныхъ святыхъ? Вотъ, ручаюсь вамъ, изберите теперь любого изъ нынѣшнихъ академистовъ и спросите: „сколько було?“, такъ иной и самъ инспекторъ не отвѣтитъ, или возьметъ да сбрешетъ; а нашъ Вѣковѣчкинъ все это зналъ вразнобивку на память по мѣсяцамъ и намъ предалъ это такъ, что я о сію пору хоть патріарху могу отвѣтить, что „въ септябрѣ 1100 святыхъ, а въ октябрѣ 2543, а въ ноябрѣ ажъ 6500, а въ декабрѣ еще больше—14.400; а въ генварѣ ужъ даже 70.400; а въ февралѣ убываетъ,—всего 1072, а въ мартѣ даже 535, а въ іюнѣ всего 130, но въ общей-то сложности: представьте же, какая убѣжденность, или что̀ можно подумать противъ таковой области таковыхъ-то свидѣтелей! А потомъ, кромѣ сихъ на свидѣтельствѣ основанныхъ доказательствъ, начинаются наиточнѣйшія справки въ дняхъ и часахъ, когда что̀ случилося, и опять: „устыдися, человѣче, и убойся!“ Удивляются многіе Карамзину на то, что гдѣ онъ тамъ что̀ пооткопалъ и повыписывалъ; да еще и Богъ знаетъ, все ли то правда, или неправда, про что онъ разсказываетъ; а у нашего инспектора Вѣковѣчкина твердо было обозначено, что Пресвятая Богородица родилась въ лѣто 5486 года, а Благовѣщеніе бысть въ лѣто 5500, въ недѣлю, въ десятый часъ дня, въ двѣнадцать лѣтъ и въ семь мѣсяцевъ ея возраста. Родися Господь въ лѣто отъ созданія 5550-е, въ седьмый часъ нощи. И такъ все до малости, какъ начинаетъ приводить, то не токмо о сихъ, но и о меньшихъ все вспомнитъ: „вспомяни, душе моя, того и оваго: вспомяни Моисея онаго, иже прикова себя на цѣпь аки бы скотъ безсловесный: вспомяни Анастасія, ему же нозѣ его бяху, аки сухо древо до пояса; Дмитрія, иже ядяше едину воду, и Александра, иже ядохъ едину шерсть, или Семіона, отъ него же вси гади расползашася“... Всю-всюсеньку исторію, что̀ было на землѣ, зналъ и даже прозиралъ на воздушныя и могъ преподать, откуда кая страсть въ человѣкѣ, и кто ею борится: „противъ бо вѣры борятся маловѣріе и сомнѣніе, а держитъ ихъ бѣсъ сомнѣнный; противъ любви—гнѣвъ и злопомненіе, а держитъ ихъ бѣсъ гнѣвливый; противъ милосердія—бѣсъ жестокосердый; противъ дѣвства и чистоты—бѣсъ блудный“. И такъ далѣе, и „въ коемъ удѣ кій бѣсъ живетъ, гдѣ пребываетъ и какъ страсть воздвизаетъ, и „какъ оные духи входятъ овогда чувственне нѣкако, а овогда же входятъ и исходятъ чувственнѣе нѣкако“ и „како противу имъ человѣку подобаетъ нудится“... И всѣ эти науки мы превзошли и знанія получили; но кромѣ того владыка и самъ меня призывалъ и почасту училъ меня по-латыни, и я—право, такой понятный хлопецъ былъ, что мы не только какого-нибудь тамъ Корнелія Непота переводили, а еще, бывало, самъ онъ читалъ мнѣ свои переводы, которые дѣлалъ изъ Овидія!.. Э! Вотъ если бы вы это послушали, такъ вы и увидали бы, что это уже не Овечкѣчета, и ужаснулись бы, что̀ настоящая поэзія съ человѣкомъ дѣлаетъ! Особенно про стада: „Чѣмъ заслужили смерть мирныя стада, рожденныя для поддержанія жизни людей; вы, которые даете намъ сладкій нектаръ, одѣваете насъ своею шерстью и приносите жизнью больше пользы, нежели смертью? Чѣмъ виноватъ быкъ (Замѣчайте сіе про быка, сколь нѣжно!)... Чѣмъ виноватъ быкъ, животное, чуждое обмана и хитрости (о, пресвятая и великая правда!)—животное простое, рожденное покорно переносить труды? Поистинѣ неблагодаренъ и недостоинъ пожать плоды своего поля тотъ, кто, снявъ ярмо плуга со своего пахаря, рѣшился зарѣзать его... кто ножомъ поразилъ шею, потертую трудомъ, обновлявшимъ жестокую почву... (Не осуждайте, що плачу!) Откуда у человѣка желаніе къ сей запретной пищѣ? Какъ вы осмѣливаетесь питаться другомъ вашимъ быкомъ, смертные люди? Остановитесь, бѣгите кровавыхъ пиршествъ, за которыми вы пожираете своихъ кормильцевъ“...

Онопрій Опанасовичъ Перегудъ на этомъ кончилъ на память цитату изъ Овидія и минуты двѣ жалостно вздыхалъ о быкѣ, а потомъ прибавлялъ, что всякій разъ, когда онъ „молодшій былъ“ и архіерей ему, бывало, читалъ это изъ Овидія, то онъ нѣсколько дней совсѣмъ не могъ ѣсть ничего мясного, окромя какъ въ колбасахъ, гдѣ ничего не видно, но потомъ надъ этимъ язычествомъ смѣялись, и оно въ немъ „по-малу сходило“, и опять наставалъ обычный порядокъ ученія и жизни.

— Изъ этой стороны,—продолжалъ облегченный слезами разсказчикъ,—примѣчательнѣе всего было то, какъ я учился всему по облегченному способу у Вѣковѣчкина, то это дѣлалось по его тетрадкамъ, но отвѣты не спрашивались, потому что намъ уроки учить было некогда. О богословіи и церковной исторіи я вамъ уже представилъ, а по гражданской исторіи всему были выводы еще болѣе въ ужаснѣйшей кратости. Такъ, напримѣръ, послѣ я видалъ, что во многихъ весьма книжкахъ по нѣскольку даже страницъ упоминаютъ о французской революціи, а у насъ о ней все было изра-

жено семь строчекъ въ такой способъ, что я о сю пору весь артикулъ наизусть помню. „Сіе ужаснѣйшее и вѣчнаго проклятія достойное наипозорнѣйшее событіе вовсе недостойно вниманія, но, совершенное на основаніи безсмысленныхъ и разрушительныхъ требованій либертите и егалите, оно окончилось уничтоженіемъ заслугъ и смертью короля французскаго на эшафотѣ, послѣ чего Франція была объявлена республикою; а Парижъ былъ взятъ и возвращенъ французамъ только по великодушію побѣдителей. Съ той поры значеніе Франціи ничтожно“. А однако, хотя это и кратко изложено, но все-таки, знаете, зародило понятіе о томъ, что это было що-сь такое, якъ бы то „не по носу табакъ“, и когда я впослѣдствіи, бывши у вице-губернаторши, услыхалъ о представленіи казней согласно наставленью поэта Жуковскаго, то мнѣ уже прелюбопытно было слушать, какъ тѣ отчаянные французы чего наработали!

— Знаете, собрали все-таки шайку самыхъ головорѣзовъ и запѣли себѣ мартальезу, и вотъ тебѣ на!— пошли и подъ преужаснѣйшія слова „Алонъ анфанъ де ля патріё“ раскидали собственноручно свою собственную самоужаснѣйшую крѣпость Бастиль! Ну, подите же съ ними! Да еще и убивали вѣрнопреданныхъ слугъ королевскихъ, а злодѣевъ спустили съ тягчайшихъ цѣповъ, которые ихъ сдерживали, прямо на волю. Вѣковѣчкинъ французовъ иначе и не называлъ, какъ „проклятые“, но владыка смягчалъ это и въ согласіи съ Фонвизинымъ говорилъ, что довольно просто внушать, что, „по природѣ своей сей народъ весьма скотиноватъ и легко зазёвывается“. Ну-съ, а я такъ замѣчалъ, что я уже веду рѣчь не по порядку, ибо говорю о казни по наставленію Жуковскаго, для чего еще не настала очередь, и это придетъ въ своемъ мѣстѣ впослѣдствіи. Теперь же знову здорово повернемся къ порядку.

XII.

И полугода не прошло, какъ исторгли меня изъ объятій матери, а я зналъ уже всѣ самомельчайшіе порядки торжественныхъ службъ, и такъ хорошо все потрафлялъ, что даже вовсе не требовалъ, чтобы меня, какъ всѣхъ прочихъ, руководилъ протодьяконъ. А достигъ я этого единственно тѣмъ, что самъ изучилъ наизусть всѣ тридцать девять пунктовъ поклоненія передъ владыкою за литургіею и, какъ „Отче нашъ“, зналъ, когда надо поклониться за одинъ разъ по разу и когда по трижды. И меня тотчасъ посвятили въ стихарь и научили, какъ въ немъ ходить, тихо опустивъ очи разъ—оце, и руки смирно, а позу рожи горѣ.

И отсель я началъ свое духовное дѣланіе, о которомъ исчислю все по порядку: былъ я сначала исполатчикомъ, но скоро вышелъ такой случай, что я спалъ съ голоса и сталъ послушникомъ. Отчего я спалъ съ голоса — это восходитъ къ представленію казни по наставленію Жуковскаго, но объ этомъ скажу особо, о службѣ же посошникомъ изложу здѣсь. По этой должности долгъ мой былъ въ томъ, чтобы метать подъ ноги и отнимать изъ-подъ ногъ орлецы. Это, я вамъ скажу, докучательная, но тоже и осмотрительная комиссія, ибо, того и гляди, что очень можно попутаться и всю кадриль испортить. А потомъ я носилъ рипиды и былъ книгодержцемъ и свѣщеносцемъ, и въ этой должности опять никто лучше меня не умѣлъ уложить на подносъ священные предметы, какъ то необходимо впослѣдствіи, дабы вверхъ всего мантію, а на мантію рясу, а на рясу клобукъ, а на клобукѣ четки, а на другомъ блюдѣ митру, а по сторонамъ ея панагію и крестъ, а на верху митры ордена и звѣзды, а позади ихъ гребенку „на браду, браду его“... Какъ-же-съ! Въ такой младости, а я уже тогда позналъ всѣ ордена не хуже, какъ какой-нибудь врожденный принцъ, и все постигалъ, какое изъ нихъ у одного передъ другимъ преимущество чести, и потому какой орденъ послѣ котораго слѣдуетъ возлагать, и тотъ, который надѣвается ниже, я тотъ уже и полагалъ на блюдѣ сверху, а который надѣвается послѣ, тотъ ниже. Вамъ, можетъ-быть, кажется, что все это не есть наука, но я однако и это все изучилъ, и всегда имѣлъ при себѣ, — какъ въ руководственной книжкѣ показано,—какъ-то на всякій случай иголки и шелкъ, и нитки, и булавки, и ножницы, и шнурки, потому что все это при сложности облаченія вдругъ можетъ потребоваться. И архіерей видѣлъ всѣ эти мои аккуратности и нѣсколько разъ благостно меня уговаривалъ или принять ангельскій чинъ или жениться и итти въ бѣлое духовенство, но я,—вообразите,— не захотѣлъ ни того ни другого, и, не совсѣмъ пріятно сказать,—отъ какого престраннаго случая, въ которомъ очень даже стыдно и сознаться. Представьте себѣ, что я влюбился, да и въ кого еще? Во двухъ разомъ, изъ которыхъ одна была вице-губернаторская дочь! Совершенно какъ у Гоголя. А интересно же знать какъ я на это дерзнулъ и по какому случаю? Случай былъ тотъ, что вице-губернаторша была самонѣжнѣйшей институтской души и окончила съ шифромъ и говорила однажды съ Жуковскимъ, который ее обласкалъ и утѣшилъ по поводу бѣдственнаго окончанія судьбы ея брата, и она успокоилась и полюбила читать его сочиненіе о томъ, какъ надо казнить православныхъ христіанъ такъ, чтобы это выходило не грубо, а для всѣхъ поучительно, и имъ самимъ легко и душеполезно. Желалъ Жуковскій, чтобы казнь въ Россіи происходила не какъ у иностранцевъ, а безъ всякаго свирѣпства и обиды, а „какъ спасающій порядокъ, установленный самимъ Богомъ“. И, Боже мой милый, какъ это все хорошо у него расписано, чтобы дѣлать это „таинство“ при особой церкви, которую онъ велитъ выстроить на особый манеръ, за высокой стѣною, и тамъ казнить при самомъ умилительномъ пѣніи, и чтобы тутъ при казни были только одни самые избранники, а народъ бы весь стоялъ на колѣняхъ вокругъ за стѣною и слушалъ бы пѣніе, а какъ пѣніе утихнетъ, такъ чтобы и шелъ бы къ домамъ, понимая, что „таинство кончилось“. И вице-губернаторшѣ все хотѣлось, чтобы у насъ такую церковь поскорѣе выстроить, и пусть она стоитъ въ огражденіи стѣной, пока случай придетъ сдѣлать „таинство“, и она начала собирать на то деньги, а отъ нетерпѣнія дѣлала примѣры таинства у себя въ покояхъ, при чемъ ея четырнадцатилѣтняя дочь парила надъ осужденными въ видѣ ангела, а я, сокрытый ея хитономъ, пѣлъ сочиненныя Вѣковѣчкинымъ пѣснопѣнія. Думали, что въ семъ я и голосъ свой надорвалъ, но это вышло не отъ того; а было такъ, что я влюбился одновременно и въ ангела и въ осужденницу, которую представляла изъ себя по господскому приказанію очень молодая и красивая горничная — дѣвушка съ вьющимися волосами и глазами такими пылкими, якъ у дьявола... По правдѣ сказать, это она всѣхъ больше и была причиною тому, что я спалъ съ голоса, ибо я сначала научился ее обнимать и прижимать до сердца, а потомъ очень долго ходилъ дожидать ее подъ воротами, когда ее пошлютъ за сухарями... Все, знаете, глупая наша молодость, когда поешь гласомъ ангела, а въ чорта и влюбишься. Ну да далъ Богъ исполнилось такъ однако, что и это мнѣ не повредило, а вышло что-то доброе, ибо въ это же время, какъ мы разыгрывали таинство казни, отецъ мой умеръ, а маменька, вѣроятно, уже довольно насладилась тѣмъ, что видѣла меня въ торжественныхъ служеніяхъ, и вдругъ отъ неизвѣстной причины перемѣнила свое расположеніе и начала говорить: „Будетъ уже тебѣ дьячковать! Видѣла я уже все, это какъ ты ходишь оцѣ-разоцѣ, и позу рожи горѣ! Будетъ уже того, съ нашей доли для Господа Бога довольно, а теперь иди до дому и покой мою старость“.

Тогда архіерей, какъ ранѣе обѣщалъ, попросилъ обо

мнѣ вице-губернатора, который задумалъ стараться о разводѣ съ оной учредительницей казни, и онъ меня сейчасъ записалъ въ приказные, а черезъ нѣсколько дней позвалъ меня къ себѣ въ присутствіе и приказалъ итти и доложить владыкѣ, что я назначаюсь прямесенько къ намъ въ Перегуды за становаго. А какъ въ тѣ времена у насъ было превеличайшее конокрадство, то онъ еще добавилъ, что полагается на меня, что я всю эту пакость уничтожу и выведу, тогда какъ я, знаете, ничего ни въ якихъ познаніяхъ не тямлю и по своему особенному образованію могу только орлецы пометать.

Отъ этого, услыхавъ о такой милости и твердомъ на меня упованіи, я было-хотѣлъ отказаться отъ мѣста, но, зная удивительный въ практикѣ разумъ владыки, побѣжалъ къ нему и, павъ передъ нимъ въ ноги, все разсказалъ ему и сталъ просить у него совѣта. Онъ же, выслухавъ меня, добре сказалъ:

— Прежде всего встани съ колѣнъ, ибо ты теперь уже мнѣ неподвѣдомый, а потомъ вотъ тебѣ мой совѣтъ: никогда отъ хорошаго мѣста не отказывайся, а принимай всякое, ибо надлежитъ то знать, что и другіе также заступаютъ въ должность и не по знанію и не по способности. Даже вотъ и мы, архіереи,—откровенно скажу,—хотя мы и всенепремѣнно отказываемся, но это только обычай, ибо все же потомъ и „пріемлемъ и ничесо же вопреки глаголемъ". Въ этомъ покорность. А въ разсужденіи того, какъ править, для чего смущаться? Мы сейчасъ призовемъ Вѣковѣчкина: онъ такой миляга, что на все наставитъ

И когда Вѣковѣчкинъ пришелъ и, въ чемъ дѣло, выслушалъ, то сначала не хотѣлъ говорить, но потомъ, получивъ отъ архіерея серебряный рубль, зацѣпилъ изъ жилетнаго кармана цѣлую пятерню табаку и, вытянувъ ее въ свой престрашный носъ, заговорилъ такъ:

— Если ты будешь поступать съ злодѣями по законамъ гражданскимъ, то будешь дурень, ибо это не годится, потому что злодѣи не суть граждане, а враги гражданства, такъ какъ они воюютъ на общество!.. А ты держися противъ нихъ закона духовнаго.

Тогда владыка спросили:

— Понялъ ли ты это какъ слѣдуетъ?

— Нѣтъ, говорю, ваше преосвященство, даже и совсѣмъ никакъ не понялъ, ибо я, если по правдѣ вамъ доложить, то вѣдь я, обучаясь съ пѣвчими облегченнымъ способомъ, и совсѣмъ ничему не научился.

Вѣковѣчкинъ же мнѣ на это сказалъ:

— Да ну уже полно тебѣ, дурню, жалобиться! Не съ тобою съ однимъ такъ случилося, но ничего не значитъ: это всегда такъ и быть должно, ибо по облегченному способу ничему не научаются, но однако многіе на сей фасонъ просвѣщенные дѣйствуютъ въ жизни,— и ты по-облегченному учился и облегченно и суди. Нашъ народъ человѣческой справедливости не знаетъ, а свыше всего уважаетъ божественность, ты тѣмъ и руководись,—и, удалясь къ себѣ на малое время, принесъ мнѣ печатную тетрадь синодской печати подъ заглавіемъ: „Чинъ бываемый во явленіе истины между двома человѣкома тяжущимися" и сказалъ мнѣ:—вотъ тебѣ, тутъ знайдешь себѣ достаточно на вся богоучрежденная правила и симъ искоренишь, а меня помни по праздникамъ.

И вотъ я взялъ у Вѣковѣчкина тую тетрадь, а отъ владыки одновременно съ тетрадью благословеніе и утвердився духомъ владычнымъ и пошелъ до портного жида, заказалъ себѣ форму и шапку съ чирушкомъ на околку и поѣхалъ въ Перегуды, имѣя двойную заботу: явить истину и покоить мою драгоцѣнную матерь, но сія, впрочемъ, вскорѣ же послѣ моего наступленія на постъ приставскій, послѣдовала за моимъ родителемъ туда же, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а одна только жизнь безконечная, какая кому по его заслугамъ. А я, извольте себѣ думать, самъ себѣ одинъ остался сиротой на сей земной планетѣ, да еще въ борьбѣ со множайшими, престрашнѣйшими и преотважнѣйшими злодіями и конокрадами, которыхъ я долженъ былъ извести по „Чину явленія истины"!

Подумайте!

XIII.

Однако, какъ говорится въ Писаніи: „Господь былъ со мною", ибо хотя я вступилъ въ свою должность совсѣмъ къ оной воспитаніемъ непріуготовленный, но, желая предать себя на служеніе добрымъ людямъ, которыхъ обижаютъ злодіи, я скоро сталъ на своемъ мѣстѣ такъ не худшій отъ прочихъ, що, ей-Богу, просты люди меня обожали и мною даже хвалились. Ей-Богу! Съ самаго съ начала я, разумѣется, прежде всего сѣлъ съ свичечкой да добре просмаковалъ „Чинъ во явленіе истины", ибо, якъ вамъ уже извѣстно, я питалъ огромное довѣріе къ практицизму архіерея и непобѣдимѣйшей дерзости Вѣковѣчкина, да къ тому же я не имѣлъ и иного источника для юридическаго познанія, якъ сей „Чинъ". И узналъ я „Чинъ явленія" такъ добре, якъ зналъ первѣе порядокъ поклоненія и метанія орлецовъ. Просто все, знаете, не такъ, якъ у Цицерона, иль бо у иньшихъ римлянъ, да и куда намъ и для чего пыхтѣть до тыхъ римскихъ язычниковъ! А въ „Чину" мнѣ то показалось хорошо, что на всякое, „коей-либо вещи лишеніе" по сему духовному правилу указано „предлагать предъ очеса ужасный страхъ и устроить вину богоухищреннымъ образомъ". А именно: какъ тамъ все было просто и внятно сказано: надо привести деликвента и поставить его у притолоки двери,—а потомъ встать и воздохнуть о его злобѣ и нераскаянности и зачитать при немъ вслухъ молитвы,—сначала: „Царю небесный и Трисвятое", а потомъ „Отче нашъ" да „Помилуй мя Боже" и въ семъ псалмѣ на сильныхъ мѣстахъ нѣсколько разъ чувствительно повторить, въ родѣ: „научу беззаконныя путемъ, и нечестивіи обратятся". Или: „Боже, Боже спасенія моего!" Ухъ! якая это до сердца хапательная матерія! А еще якъ я до всего этого умѣлъ спущать интонацію, да, прочитывая чудныя словеса, бывало, воспущу иной глаголъ особливо отъ сердца, такъ, вѣрите или нѣтъ, а, ей-Богу, иной деликвентъ слухаетъ, миляга, слухаетъ да вдругъ заревѣтъ, или, аще крѣпкостоятеленъ, то и тогда видимо, какъ онъ начинаетъ изнуряться и, томленіемъ томимъ, уже не знаетъ, что ему дѣлать, и шепотитъ: „Ой, уже кончайте отъ разу!" А я это наблюду, да тогда начну еще въ высшій гласъ: „Глаголы моя внуши Господи, разумѣй званіе мое"... (А онъ разумѣетъ, будто это „званіе мое" сказано про то, що я называюся приставъ!) „яко Богъ не хотяй беззаконія ты еси... Погубиши вся глаголящіе лжу"... И тутъ опять на одномъ словеси трижды по трижды: „Погуби вся глаголющіе лжу, погуби! погуби! погуби!" „Гробъ отверстъ гортань ихъ"... „Суди имъ и изрини я"... „Къ тебѣ воззову да не премолчиши, и процвѣте плоть моя"... (Я смолоду былъ въ процвѣтеніи румяный и полный). И оборочусь до злодія, да погляну на него гордымъ окомъ, да еще скажу: „процвѣте моя плоть, а нечестивый погибнетъ!" И вотъ уже отъ такого обращенія человѣкъ, хоть онъ будь и какой злодѣй крѣпкостоятельный, а онъ испужается и ужасомъ сотрясется, и готовъ сказать: „виноватъ". А я тогда сажусь, беру въ руки гусиное перо и оное очищаю, а потомъ зачиниваю, а потомъ пробую его на раскепку, а самъ тихо рукою вывожу, а устами читаю:

— „Спробуемо пера и чорнила: що въ йому за сила: „перо пише, якъ муха дыше". А ты, рабъ Божій, имя рекъ, слухай: яко же божественное и священное Евангеліе учитъ и заповѣдуетъ намъ, признавайся: завладѣвъ ты чужимъ конемъ или воломъ, или увезъ сѣно столько и столько копенъ? Или отвѣчай: яко сіе на тебя клевещутъ, и забожись: „ни-ни еже есть не угнахъ

ни коня, ни вола, ни раба его". Ой только жъ памятуй, Божій рабе, и блюди себѣ во явленіи истины, а не бреши, бо здѣ при насъ есть и ангелы предстоящи невидимо, и они словеса твои записують, о нихъ же и истязани будете во второе и страшное пришествіе. И аще дерзнешь неправду показати, то да трясешися, яко крінъ на земли". Тутъ ужъ онъ, миляга, и затрясется; а я ему подбавляю: „да, да, да!" И земля пожретъ тебя, яко Дафона и Авирона, и да воспріемлеши проказу Гиезіеву и удавленіе Іудино". И ухъ, посмотрѣли бъ вы, какъ они боялись сего Іудина удавленія! Проказа Гіезіева, знаете, еще, бывало, ничего, бо они, дурни, по правдѣ сказать, и не знають, что̀ такое проказа; но удавленія — и провалиться сквозь землю—всѣ боятся! Страшно, знаете: что̀ тамъ подъ землей-то? Тамъ вѣдь всѣ черти! И какъ, бывало, до этого доклянешь, то ужъ развѣ какой отчаянный устоитъ, а то всякъ закричитъ: „Буде ужѐ вамъ таке страшѐнне читать! Я лучше въ чемъ хотите вамъ скаюсь, якъ таковы страхи слушать".

Вотъ это,—пожалуйте,—вамъ юристика! А вы ну-ка безъ этого спробуйте по цивильнымъ законамъ: вы можете достичь отъ человѣка дознать, що захочете! Отчаянному же, котораго и то не брало, еще дальше было такое, что: „пожретъ васъ земля, и часть ваша будетъ съ безбожными еретики. А жилище вамъ въ вѣчномъ огнѣ". А ужъ если и еще устоитъ и поупорствуетъ, то въ концѣ тетради была хороша главка во изъясненіе про крестное цолованіе. Сказано: „кто запрется и отцалуется на неправдѣ — бить его кнутомъ по три дня и потомъ посадить на годъ, а будетъ про то дѣло сыскати нечѣмъ, то разымати пыткою"...

На этомъ мѣстѣ я, моего читателя всепокорный слуга и авторъ, излагающій эту повѣсть, позволилъ себѣ перебить Онопрія Опанасовича Перегуда почтительнымъ замѣчаніемъ, что допрашиваемые люди могли ему не повѣрить, что онъ въ правѣ бить ихъ кнутомъ и пытать на пыткѣ, но онъ отвѣчалъ:

— А это—позвольте: почему же бы они мнѣ въ томъ не повѣрили? Это въ книжкѣ пропечатано?

— Книжка эта,—отвѣчалъ я, — безъ сомнѣнія, была издана много раньше, чѣмъ уничтожено рабство и пытка и кнутъ?

— Извините-съ! — отвѣчалъ бывшій становой и досталъ у себя изъ „шуфлятки" тетрадь, содержащую „Чинъ во явленіе истины", и показалъ „выходъ", изъ коего видно было, что „книга сія напечатася во святомъ градѣ Москвѣ въ 1864 году індикта 6 мѣсяца марта". И послѣ сего Онопрій Опанасовичъ сказалъ, что онъ имѣлъ полное право „предлагать предъ очеса людей ужасный страхъ благоухищреннымъ образомъ. И что это было очень хорошо, и никто этого порядка и не оспаривалъ, а, напротивъ того, поелику сіе на конокрадовъ превосходно дѣйствовало, то сельскіе люди очень сей законъ возлюбили и почитали „выше всѣхъ томовъ Собранія". А за то, что Перегудъ зналъ такой хорошій законъ, какого другіе не знали, добрые люди его „поважали, а злодіи трепетали", и отъ того ему пришли разомъ великая польза и превеличайшій вредъ, ибо онъ съ одной стороны надѣялся, что скоро послѣ сего могъ бы по симъ правиламъ всѣмъ руководить и править даже до вѣка, а съ другой его настигъ злой рокъ въ томъ, что, по выводѣ всѣхъ конокрадовъ, онъ впалъ въ искушеніе, и въ душѣ его зародилась ненасытная жажда славы и честолюбія. Тогда, обуреваемый этою страстію, Онопрій Перегудъ изъ Перегудовъ захотѣлъ лучше всѣхъ отличиться на большее и „погибъ, аки обре",—окончательно скрывшись затѣмъ въ зданіи сумасшедшаго дома, гдѣ и ведется теперь эта бесѣда.

За симъ же краткимъ отступленіемъ, пусть далѣе разсказываетъ свою исторію опять самъ Онопрій Опанасовичъ, своими словами.

XIV.

Не знаю я, какое вы имѣете уваженіе на того отца Прокопа, который въ оную давно прошедшую эпоху, по изверженіи изъ Перегудовъ жидовъ, самъ сталъ еще болѣе злымъ процентщикомъ, да передалъ то и сыну и зятю Маркелу, и шкода мнѣ, что я этого не знаю. Навѣрное многіе думаютъ: „вотъ это были самые худшіе", но извините,—это такъ не было. Можетъ-быть, конечно, надо иначе жить и ходить передъ Богомъ, а не такъ, якъ ходилъ въ своихъ красныхъ чоботахъ попъ Прокопій, но вѣдь всѣ люди живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ; а только когда и Маркелъ внезапно окончился скорописною смертію, якъ разъ надъ своею раскрытою кубышкою, гдѣ содерживалъ свои гроши, то вотъ тогда мы увидали еще худшее, ибо ко гробу высокопроцентнаго Маркела попа наіхали студенты не токмо изъ бурсы, а даже академисты, и стали на дочку его, на сиротиночку Домасю или на Домну Маркеловну, такія несытыя очи пущать и такія стрѣлы стрѣлять въ нее черезъ отцовскій гробъ, що даже посмущали всѣхъ своими холостыми зарядами. А все это единственно съ тѣмъ, чтобы тутъ же сейчасъ внушить ей къ себѣ вожделѣніе, а тогда съ нею вмѣстѣ получить себѣ въ обладаніе и оную преславную и прехвальную родительскую кубышку. Но за это осуждать нечего.

Деньги счастіе даютъ,
Въ деньгахъ правда, въ деньгахъ сила;
Все за деньги отдаютъ,
Все, что̀ нравится, что̀ мило.

Это мы пѣли въ пѣвчихъ, и кто можетъ и не полюбить такого могущества! А только изо всѣхъ изъ сихъ стукачей самый ловкій былъ одинъ Назарко, поэтъ и мечтатель, который въ самую послѣднюю минуту надъ гробомъ Маркела взъерошилъ себѣ на головѣ волосы и, закрутивъ косицы, вытянулъ впередъ руку и произнесъ рѣчь, да такую, шельма, отмахалъ наипрочувствованную рѣчь, съ хріями и тропами, и метафорами и синехдохами, что сразу со всѣмъ этимъ такъ онъ прямисенько и въѣхалъ въ пшеничное сердце Домаси. Такъ она, бідна сироточка, тутъ и влюбилась въ него, якъ кошка, и онъ скоро же послѣ сего учинился попъ и нарекся отецъ Назарій, и сѣлъ въ Перегудахъ. Вотъ это уже былъ не такой, какъ жены его дѣдъ и батько, бо то были простяки и блюли только свои хапаньцы; ну, а сей, какъ только получилъ Перегудинскій приходъ, такъ и началъ вмѣшиваться не въ свои дѣла, а главнѣйше всего сталъ заступать въ мою часть и съ самой преудивительнѣйшей еще стороны: напримѣръ, вдругъ онъ началъ у людей на духу разспрашивать, не то, что не думаетъ ли кто коней красти, а все про якіе-то другіе думки и пустяки, въ родѣ того, что „чи вы ото всѣхъ довольны живете, или чи не смущае васъ кто ожидати лучшаго, и якъ съ васъ становой добираетъ податки?" Помилуйте, къ чему это такое? А когда же пошла до него на духъ моя служителька Христина, которая, откровенно сказать, була себѣ такая... довольно прелѣповатенькая, такъ онъ ее принялъ хуже, чѣмъ по „Чину явленія истины", и такъ ее умаялъ своими разспросами, что та пришла и реветъ, ибо говоритъ: „Усѣ люди ей сміялись: „чего се ее піпъ одну такъ долго спрашивалъ". И пошла она добирать въ умѣ: „хто-сь то, каже, про мене всѣ таки пустяковины ему повыкладывалъ?" Я ей говорю: да ну уже оставь! Нехай онъ себѣ что̀ хочетъ то и думаетъ! Такъ нѣтъ! все бидолаха плачетъ да сумуется:

— Якъ таки такъ: отчего ему все звісно, будто какъ онъ съ нами тутъ жилъ вмѣстѣ!—И сейчасъ на меня причина:—Нѣтъ, каже я вже жъ теперь не хочу съ вами ни того и ни этого, и просто жить на селѣ не желаю, а пойду въ городъ и буду тамъ пока моей красы есть!

— Ну и провались ты совсѣмъ скризъ свiтъ, чортова баба, иди!—А все-таки, знаете, досадительно это вмѣшательство и нарушенiе свободы кавалерской жизни. Но дома у меня все это не долго продолжалось, потому что Христя была жинка ласковая и потому скоро соскучилась и сама пришла и извинялася: „що онъ тамъ, каже, ни говори, а я одна боюсь, бо мнѣ мертвы снятся,—нехай Богъ милуетъ,—лучше опять будемъ попрежнему". Но попъ Назарко, продолжая все дальше да больше, началъ уже испытывае людей до такой степени, що даже ужъ не только всѣ мимотекущiя прегрѣшенiя обслѣдуетъ, но и предбудущiя намѣренiя вопроситъ: „Чи не задумляешь ли чего прочаго..." Вотъ! Люди, знаете, всѣ испугалися и стали мнѣ говорить: „що се за нова поведенцiя, чого николи сего не було и въ законѣ Божомъ про то не сказано!" „Вы,—говорятъ мнѣ,—сами люди письменнiи: вы передъ самимъ архiереемъ съ свѣчой стояли — вамъ должно быть все свiтло: разсудите намъ: про что се новый пiнъ насъ надоумливаетъ, а не то мы въ другое село пойдемъ".

Бачите, яка уже колобродь пошла! Уже и приходъ бросить согласны! Готово уголовное преступленiе!

XV.

Знаете, я впалъ въ думу, ибо вижу, что это що-сь такое, противъ чего мнѣ надо въ самоскорѣйшемъ времени что-то сдѣлать! А что̀ именно сдѣлать, на то въ моемъ „Чинѣ явленiя истины" извѣствованiя нѣтъ! Думайте, пожалуйста, какъ никакая книга не можетъ объять всѣ разнообразныя событiя жизни! Два только, вижу, есть выбора: итти мнѣ и объясниться съ Назаромъ и уговорить его, чтобы онъ все это оставилъ, но думаю: нѣтъ, онъ меня не послухаетъ и еще спроситъ: „откуда вамъ это извѣстно?" и потомъ разведетъ свои хрiи и метафоры. Нѣтъ; не годится спрашивать. А другой выборъ былъ то, что написать на него доносъ, что онъ человѣкъ очень сомнительный. Но доноса я писать боялся и все пребывалъ въ нерѣшительности, какъ вдругъ я самъ былъ позванъ непосредственно къ самому губернатору, и тотъ меня спрашиваетъ наединѣ про такую поэзiю: знаю ли я пѣсню: „Колысь було на Украинi добре було жiтi?"

Я отвѣчаю:

— Прекрасно знаю, ваше превосходительство.

— А почему вы ее знаете?

— А потому, говорю, знаю, что у насъ ее люди спiваютъ.

— А вы же про это доносили когда-нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчаю, никогда не доносилъ.

— А для чего нѣтъ?

— Да що же тутъ доносить про такiе пустяки?

— А слова какiя: „добре було жити, якъ не знали наши дiды москалямъ служити?" Такъ это?

— Точно такъ,—отвѣчаю съ удивленiемъ и докладываю, что такихъ пiсенъ у насъ много еще, а бываетъ и то, що еще и теперь люди новыя пiсни слагаютъ.

Губернаторъ на мои слова согласно уклонилъ головою и сказалъ:

— Вы совершенно правы, и какъ вы это знаете, то впередъ вы должны знать и то, на что слѣдуетъ обращать все вниманiе.

Боже мой! А неужли же я до сей-то поры еще не зналъ, на что надо обращать вниманiе? Да и что̀ тутъ за премудрость! Разумѣется, на воровъ, тiхъ, що у людей коней крадутъ, а не на тiхъ пустограевъ, що пiсни поютъ! Что̀ же тутъ говорить о такой пустяковинѣ, и для чего мнѣ дается такая загвоздка? Если бы былъ живъ тотъ архiерей, который далъ мнѣ сокращенное образованiе, на манеръ принца, то я бы палъ къ его непорочнымъ ногамъ, и онъ, яко практикъ, можетъ-быть, разъяснилъ бы мнѣ како или нѣкако: но онъ уже въ то̀ время отъиде къ отцамъ или, просто сказать: „давъ дуба". Да, да, да, якъ онъ ни былъ благочестивъ, а и онъ померъ—и я забылъ вамъ это сказать, что онъ померъ безтрепетно со словами, изъ коихъ видно было, что онъ разумѣлъ себя за „олицетворенную идею", по волѣ Бога, который „Самъ насъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ и опять разбираетъ". Но все это онъ разумѣлъ, а преудивительно, что никому того же духа не предалъ, и хотя самъ добро отошелъ до вiчнаго придѣла, но по немъ самоевѣтлѣйшая голова въ губернiи остался оный многообожаемый миляга Вѣковѣчкинъ, и я поѣхалъ къ его страхоподобiю, надѣясь, что отъ разума его нѣтъ ничто утаено, и какъ прiѣхатъ, то положилъ предъ него двѣ бутылки мадеры и говорю ему: „послухайте меня, многообожаемый, и, во-первыхъ, примите отъ меня сiе нѣмецкое вино для поддержанiя здоровья вашего, а во-вторыхъ, обсудите: что̀ это, такъ и такъ, вотъ какiе мнѣ намеки да̀ютъ, и что̀ я въ такомъ положенiи имѣю дѣлать?" А онъ мнѣ не отвѣчалъ прямо, а сказалъ какъ бы притчею: — „Вино мадера хотя идетъ изъ нѣмецкаго города Риги, но оно само не нѣмецкое, а грецкое. А воры и разбойники всегда были между людьми и впредь всегда же уповательно будутъ. Такъ и было до потопа: Каинъ убилъ Авеля, брата своего, и Iосифъ тоже былъ проданъ своими братьями, и тѣ на цѣну его купили себѣ и женамъ сапоги. А вотъ нынѣ насташа инiи взыскатели, мужскiй полъ въ большихъ волосахъ и въ шляпахъ оной же земли греческой, гдѣ и мадера произрастаетъ; а жинки, охъ, стрижени и въ темныхъ окулярахъ, и глаголятся всѣ они сицилисты или, то же самое, потрясователи основъ, ибо они-то и есть тѣ, що троны шатаютъ! Такъ вотъ, аще хощешь отличенъ быти—ты хотя одного изъ сихъ и сцапай, и тогда будетъ къ тебѣ иное вниманiе!"

Но я говорю съ сожалѣнiемъ, что это возможно только гдѣ-нибудь въ странахъ просвѣщенныхъ, а у насъ въ Перегудахъ ни про какихъ потрясователей нѣтъ и слуху!

А оный многообожаемый миляга мнѣ на это отвѣчаетъ:

— Они нынѣ всюду проникаютъ, только смотрѣть надо. Ты конокрада брось. Конокрадовъ хоть и всѣхъ перелови—за нихъ чести не заслужишь, а поймай хоть одного въ шляпѣ земли греческой или стрижену жинку въ окулярахъ и отберешь награду лучше Назарiя.

А я спрашиваю:

— Какъ? Неужели Назарiй уже и къ наградѣ представленъ!

А многообожаемый мнѣ отвѣчаетъ, что онъ ее уже и получилъ.

— Когда?

— А вотъ, говоритъ, какъ на сей недѣлѣ снѣгъ выпадалъ, тогда Назарiю на перси и награда спала.

Господи! Христосъ, царь Небесный! Да гдѣ же послѣ этого на свѣтѣ справедливость! Я столько конокрадовъ изловилъ и коней мужикамъ возвратилъ, и мнѣ за это ничего еще не свалилося, а попъ Назарко що-сь такое понавралъ и уже награду сцапалъ!.. Напала на меня отъ этого разомъ тоска, и возросло вдругъ безмѣрнѣйшее честолюбiе. Не могу такъ служить — хочу награды. И зашелъ я въ соборъ и плакалъ у раки преподобнаго и—вотъ вамъ крестъ Господень,—поклялся тутъ у святыхъ мощей не остыть до того, пока открою хоть одного потрясователя, и получу орденъ, и въ этотъ способъ вотру Назарiю подъ самый его кирпатый носъ самую наиздоровеннѣйшую дулю, щобъ онъ ее и нюхалъ и смокталъ до вiку!

XVI.

И вотъ, знаете, какъ сказано въ Писанiи: „не клянитесь никако", такъ, повѣрьте, что это и должно быть справедливое, потому что сразу же послѣ того, якъ я заклялся, сдѣлался у меня оборотъ во всѣхъ мысляхъ

и во всей моей жизни: покинулъ я свой „Чинъ явленія истины“ и совсѣмъ не сталъ смотрѣть конокрадовъ, а только одного и убивался: какъ бы мнѣ гдѣ-нибудь въ своемъ стану повстрѣчать потрясователя основъ и его сцапать, а потомъ вздѣть на себя орденъ по крайней мѣрѣ не ниже того, какъ у отца Назарія, а быть-можетъ, и высшій.

И, Господь мой пренебесный, вотъ уже нынѣ или теперь, послѣ великаго моего паденія, когда я, оторванный отъ близкой славы, вспоминаю объ этихъ безумныхъ мечтахъ моихъ, то не повѣрите, а мнѣ дѣлается даже ужасно! Такъ я былъ озабоченъ, что по ночамъ совсѣмъ спать пересталъ, а если когда-нибудь и засну, то сейчасъ опять неспокойно пробуждаюсь и кричу: „Гдѣ они? Гдѣ? Хватай ихъ!“ И моя служебница, оная жинка Христина, що я говорилъ вамъ, у меня еще и ранѣе була за служительку, бывало, какъ услышитъ сей крикъ мой, то вся затрусится и говоритъ:

— Що се вы, Онопрій Опанасовичъ, совсімъ такъ ужасно здурілы, що ажъ съ вами въ домі буть страшно!

И дѣйствительно, знаете, я ее такъ напугалъ, що она, бывало, сядетъ на крайчикъ постели и боится уходить, а пристанетъ:

— Скажите мине, мій голубе сизый, — що се вамъ такое подіялось — чого это вы все жохаетесь да кричите?

Я ей отвѣчаю:

— Иди себѣ, Христя, се не твоего разума діло!

А она така-то была бабенка юрка, да кругленькая и очень ласковая, пойдетъ плечиками вертѣть и ни за что не отстанетъ!

— Се, каже, правда, миленькій, що я проста жинка и ничего не разумію; а якъ вы міни разскажете, то я тоди и уразумію.

Извольте себѣ вообразить ночною порою и наединѣ съ молодою женщиною претерпѣвать отъ нея такія хитрости! Ну, разумѣется, не сразу отъ нея избавишься. А она и знову приступаетъ:

— Ну вотъ все се добре: нехай Богъ помогае, а теперь скажите: кого же вы это, сердце мое, боитеся?

— Злодія боюсь.

А она и черезъ свою пухленьку губку только дунетъ и отвѣчаетъ:

— Ну гдѣ-жъ таки, щобъ вы, да такой храбрищій панъ, що никогда еще никакого злодія не боялись, а теперь вдругъ забоякались! Нѣтъ, это вы, сердце мое, що-сь-то брешете.

И то вѣдь совершенная ея правда была, какъ она мнѣ разсказывала, что я съ самыми жестокими ворами былъ пребезстрашный. Замѣтьте, что, бывало, призову арнштанта и сижу съ нимъ самъ на самъ и читаю ему по тетради молитвы и клятвы, и пугаю его то проваломъ земли, то частью его со Іудою, а самъ нарочито раскладаю по столу бритвы, а потомъ опущаю ихъ въ теплую воду, а потомъ капну изъ пузыречка оливкою на оселокъ, да правлю бритвы на сселочкѣ, а потомъ вожу ихъ по полотенечку, а потомъ зачинаю по-малу и бриться. А той, виноватый, все стоитъ да мается, и пить ему страшно хочется, и колѣна его подъ ногами ломятся, и Христя говоритъ: „я, было, только думаю, что онъ, дуракъ, самъ не возьметъ у васъ бритву, да горло вамъ, душечка, не перерѣжетъ. Нѣтъ; вы все безстрашной были, а теперь вы мнѣ, бѣдной сиротинкѣ, не хотите только правды сказать: кого это вы во снѣ хапаете, а сами всі труситесь. Я послѣ сего буду плакать!“

А я ей отвѣчаю: „Ну-ну-ну!“ Да все ей и разсказалъ: какіе объявились на свѣтѣ новые люди въ шляпахъ земли греческой.

А она, бісова жинка, вообразите себѣ, еще нимало сего не испугалась, а только спросила:

— Що жъ, они еще, муси-быть, молодые чи старые?

— Якіе жъ тамъ старые! — говорю, — нѣтъ! они еще совсѣмъ, муси-быть, въ свѣжихъ силахъ, и даже совсѣмъ молодцы.

— Отъ-то ще добре, що они молодцы. Отъ якъ бы они тутъ були, я бы на нихъ подывилась!

— Да, говорю, ты бы подивилась! И видать, що дура! А ты то бы подумала, что въ якомъ они въ страшномъ уборі!

— А вотъ тожъ! Чего я ихъ буду такъ страховатися? Якъ они молодые, то въ якомъ хочешь убраньи — все буде добре, якъ „разберуться.“

— Они въ шляпахъ земли греческой.

— А се яка жъ така шляпа земли греческой?

— А вотъ то и есть, что я еще и самъ не знаю, какая она такая, мохнатая.

— Ну такъ що жъ, що она мохнатая! Може, это еще и не страшно!

— Нѣтъ, это очень даже страшно, и какъ онъ на тебя наскочитъ, такъ ты испугаешься и упадешь.

— Ну-у, это еще ничего вамъ не звісно!

— Нѣтъ, мнѣ извѣстно, что они для того созданы, чтобъ колебать основы и шатать троны, а ужъ отъ тебя-то что и останется!

— Се, говоритъ, все въ Божой власти: може, Богъ такъ мени дастъ, що яка я есть сама, такесенька и зостанусь, и они ничего злаго мени не сдѣлаютъ.

Я разсердился:

— Ишь ты какая дрянь! — говорю. — Ну, если ты такъ хочешь, то и пусть онъ тебя забодаетъ своею шляпою!

А она отвѣчаетъ съ досадой:

— Да що вы меня все тою шляпой пужаете! Хиба жъ у него та шляпа до лоба гвоздемъ прибита? О тожъ Боже ласковый! Я думаю, они ее, когда надо, и снимать могутъ, а не бодаются.

Но мнѣ это показалось такъ нагло, что я вскричалъ:

— Да вѣдь они убійственники!

А она отвѣчаетъ, что, по ея мнѣнію, они могутъ только убивать мужчинъ, а „жинокъ“ соблюдать будутъ.

Тутъ я ее пихнулъ рукою и сказалъ:

— Иди изъ моей комнаты вонъ!

А она отвѣтила:

— И то уйду, и еще съ превеликой охотою, а тог въ шляпѣ греческой не боюсь, да, не боюсь и не боюсь.

XVII.

Прогналъ я дерзновенную Христю, но возмутился духомъ отъ ея наглости и вразъ тогда же почуялъ, что это за тяжкое бремя заботъ я возложилъ на себя изъ за какой-то, можно сказать, мечты. — „И можетъ-быть, еще, мечты мои безумны“ и „напрасны слезы и тоска“, а между тѣмъ я ужъ испыталъ томленіе, и впереди еще одинъ Богъ вѣсть, что меня ожидаетъ! Лестно, конечно, одинъ Богъ знаетъ, якъ лестно поймать и привезти въ городъ потрясователя, но вѣдь гдѣ же его тутъ взять! Боже мой милый!.. И къ тому еще, что это за бисованная жинка оказывается Христя! Извольте себѣ думать — она ихъ нимало не боится, а даже будто любопытна испробовать: „чи то у нихъ прибита шляпа земли греческой до лоба, чи она не прибита и скидается?“ Вотъ такъ чортова баба! Що, если и другія такъ будутъ?!

Ну да ужъ только бы попался мнѣ сей горестный потрясователь, а я ему уже не дамъ спуску. Лишь бы только онъ мнѣ попался! Ужъ я съ нимъ управлюсь, но гдѣ же это онъ? Можетъ-быть, надо ихъ подмануть? Конопельки имъ подсыпать — а? Но какъ же это учинить полагается? Въ какой способъ?

И сталъ я объ этомъ думать и до того себя изнурилъ, что у меня видъ въ лицѣ моемъ перемѣнился, якъ у пограничной стражи, и стали у меня, якъ у тыхъ,

очи якъ свѣщи потухлы, а зубы обнаженны... Тпфу, какое прэпоганьство! А до того еще Христя що ночь не спитъ, якъ собака, и все возится... А стану спрашивать—говоритъ, що ей все представляется, будто вездѣ коты мяукають да скребощутъ.

— Что за пустяки, говорю. Какое тебѣ до котовъ дѣло! Більше сего щобъ не було! Спи!

Пообѣщается спать, но знову не спитъ и въ окно смотритъ.

Говоритъ:

— Вы сами всему віноватые: зачѣмъ мнѣ Богъ знае чого насказали о тѣхъ, що скризь вездѣ трясутъ въ шляпахъ земли греческой, а ихъ и нема. Мнѣ теперь такъ и кажется, что се они гдѣ-то скробощутъ.

Я ей сказалъ что я то говорилъ не въ правду, что никого нѣтъ, и въ шляпахъ никто не ѣздитъ.

— Це, говорю, було де-сь давно, совсімъ у не нашемъ царстві, а може, ничого того совсѣмъ чисто и не было, а только такъ писарю показалось.

А ужъ она, замѣчайте, отказу не вѣритъ:

— Нѣтъ, говоритъ, они гдѣ-нибудь скробощутъ: это мое сердце чувствуетъ.

— Дура! Може, бачите, у нея „сердце чувствуетъ“ И такая она мнѣ вся сдѣлалась какая-то непріятная—вся даже жирная, и потомъ отъ нея отдаетъ остро, якъ отъ молодой козы.

Именно эти женщины ничего болѣе, какъ не введи меня Господи съ ними во искушеніе, но избавь меня отъ лукаваго.

Споткавши однаждвы отца Назарія, я спросилъ его, что не слыхалъ ли онъ чего-нибудь въ городѣ о потрясающихъ основы, коимъ я не вѣрю.

А Назарій отвѣчаетъ съ гордостію.

— Какое же вы имѣете право сему не вѣрить?

— А гдѣ же они?—говорю.—А для того, что ихъ нѣтъ, такъ я и не вѣрю.

— Какъ же вы это можете такъ говорить: развѣ начальство лжетъ?

Ось, якъ строго!

— Позвольте, позвольте,—отвѣчаю,—я начальство уважаю не меньше отъ васъ, а я потому говорю, что я потрясователей не видалъ.

— Такъ вы же и Китая, и Америки не видали?

— И дѣйствительно не видалъ.

— И Петербурга, пожалуй, не видали?

— И Петербурга тоже не видалъ, и Москвы не видалъ, да что же изъ того слѣдуетъ: какое сравненіе?

— А такое сравненіе, что вы же, я думаю, вѣруете и не сомнѣваетесь, что есть на свѣтѣ Китай и Америка, и Москва съ Петербургомъ.

— Позвольте-съ!—отвѣчаю,—это совсѣмъ пребольшущая разница: изъ Китая идетъ чай, и мы его пьемъ! Ось! А Америку открылъ Христофоръ Колумбъ, котораго неблагодарные соотечественники оклеветали и заковали въ цѣпи, и на это картины есть, и это на театрахъ играютъ; а въ Москвѣ былъ Іоаннъ Грозный, который и съ васъ, можетъ-быть, велѣлъ бы съ живыхъ кожу снять, а Петербургъ основалъ Петръ Великій, и тамъ есть рыба ряпушка, о которой безсмертный Гоголь упоминаетъ, а потрясователи это что! Я ихъ не вижу и даже значенія ихъ пришествія не ощущаю.

Отецъ Назарій такъ и вскинулся:

— Какъ это знаменія не ощущаете?

— Не ощущаю, ибо какое я здѣсь засталъ самополнѣйшее невѣжество при моемъ рожденіи,—то оно то же самое и теперь остается.

— А-а, говоритъ,—вотъ вы на что ублажаете!

— Да, я утверждаю, что здѣсь и еще все въ томъ же самомъ мракѣ многія предыдущія лѣта останется. А если сіе не такъ, то, прошу васъ, покажите же мнѣ знаменія оныхъ пришествія! А вотъ вы мнѣ сего не покажете!

Я думалъ, что вотъ я очень хорошо схитрилъ; а онъ тихо показалъ мнѣ перстомъ на свой орденъ и говоритъ:

— Иного знаменія не дастся вамъ!

Но я жъ его еще былъ хитрѣйшій, ибо вразъ же взялъ перекрестился и поцоловалъ его крестъ и говорю:

— А сему вотъ мое уваженіе и вѣра!

И вотъ тогда онъ, самолюбіемъ и молодостію опьяненный, не проникъ того, что я его испытую, а началъ разсказывать, что потрясователей не сряду увидишь.

— А якъ же?—говорю,—скажите мнѣ, пожалуйста, ибо я человѣкъ прелюбопытнѣйшій и все люблю знать.

Онъ же отвѣчаетъ:

— Появленію ихъ предшествуетъ молва!

— Позвольте!—я говорю,—какая молва; и что именно ею выражается?

— Выражается желательное намѣреніе критиковать дѣйствія и судить объ оныхъ соотношеніяхъ.

— Ну-съ! А за симъ?

— А за симъ наступитъ все вредное, и тогда уже приходятъ тѣ, враги рода человѣческаго и потрясователи основъ, — мужескій полъ въ шляпахъ земли греческой, а женская плоть — стрижены и въ темныхъ окулярахъ, якъ лягушки.

— Да все же, говорю, помилуйте, что же такимъ людямъ у насъ тутъ дѣлать? У насъ же вблизи никакихъ образованныхъ особъ нѣтъ, и нечего потрясовать!

А Назарій уже очень хотѣлъ меня просвѣщать и говоритъ:

— Не уповайте такъ, ибо они проникаютъ повсюду съ цѣлію внушать недовѣріе къ счастію и недовольство семейною жизнью, а похваляютъ безсребренность и безбрачіе, а потомъ вдругъ уменьчтожатъ величину всѣхъ тѣхъ, на комъ покоятся государственныя основы, и то все съ тѣмъ, что послѣ сами возсядутъ и будутъ погублять души.

— Да, вотъ то-то, говорю, у насъ вѣдь и нѣтъ тѣхъ, що представляютъ собою основы!

— А вы и я! — говоритъ мнѣ со строгостію отецъ Назарій,—развѣ мы не основы?

— Ну гдѣ жъ таки! Хиба такія бываютъ основы!

— А отчего же? Я основа вѣры, а вы... основа гражданскаго порядка.

— Ну, позвольте, говорю, что вы основа вѣры, это я готовъ согласиться, но я самая послѣдняя спица и дѣйствую только во исполненіе предписанія.

Но Назарій,—вообразите,—вдругъ обнаружилъ огромный талантъ и такъ, шельма, пошелъ мнѣ на перстахъ загибать, что, ей-Богу, я и самъ почелъ себя за основательную основу и сталъ бояться за сохраненіе своей жизни. И какъ иначе! Прежде, бывало, живешь, и ѣшь и пьешь, и въ банькѣ попаришься, и за конокрадомъ скачешь, такъ, что ажъ земля дрожитъ, а потомъ маешь его хорошенько по „Чину явленія истины“, и не о какой для себя опасности не думаешь; а тутъ вдругъ на всѣ мои мысли палъ якъ бы туманъ страха и сомнѣнія. И первое, на что я устремился — это щобы купить себѣ многоствольный револьверъ и держать его во всякое время возлѣ себя, съ зарядами, и въ ночи класть его подъ подушку и палить изъ него при первомъ чьемъ-нибудь появленіи.

Жидъ привезъ мнѣ изъ города потребный револьверъ, подъ названіемъ „барбосъ“, на шесть стволовъ, и я всѣ стволы, какъ должно, насыпалъ порохомъ и забилъ пулями, но только не наложилъ пистоны, потому что отъ нихъ можетъ выстрѣлить. Но позвольте же, хорошо, что это такъ только и случилось, а могъ выйти ужасъ, потому что въ той же нощи мнѣ привидѣлся сонъ, что потрясователи спрятались у меня подъ постелью и колеблютъ мою кроватку, и я, испугавшись, вскочилъ и нѣсколько разъ спустилъ свой револьверъ-барбосъ, и

сталъ призывать къ себѣ Христю и, кажется, могъ бы ее убить, потому что у нея уже кожа сдѣлалась какая-то худая и такъ и шуршала, якъ бы она исправда была козлиха, желающая итти съ козломъ за лыками.

Но вы обратите вниманіе на сказанный сонъ мой, ибо есть сны значенія ничтожнаго, происходящіе отъ наполненія желудка, а есть и не ничтожные, которые отъ ангеловъ. Вотъ эти удивительны!

XVIII.

Кажется, я вамъ говорилъ, что у насъ въ достаточномъ числѣ Перегудинскихъ пановъ обиталъ препочтенный и тоже многообожаемый миляга и мой въ нѣкоторомъ родѣ родичъ Дмитро Опанасовичъ. Вотъ, доложу вамъ, тожъ добрый гвоздь былъ. Это тотъ самый, о коемъ слегка раньше упоминалось, что онъ отобралъ себѣ отмѣнное образованіе въ московскомъ пансіонѣ Галушки, а потомъ набралъ хобаровъ въ пограничной кражѣ. Онъ былъ давно въ разъѣздѣ съ супругой и, какъ многострастный прелюбодѣй, скучалъ безъ женскаго общества, и въ виду того всегда имѣлъ въ порядкѣ женинъ бедуаръ и помѣщалъ въ немъ нарочитыхъ особъ женскаго пола для совмѣстнаго исправленія при немъ хозяйственныхъ и супружескихъ обязанностей, и для разговоровъ по-французски. Для того же, чтобы дать всему такому соединенію приличный видъ, онъ взялъ себѣ на воспитаніе золотушную племянницу шести годовъ и, какъ бы для ея образованія, подъ тѣмъ предлогомъ содержалъ соотвѣтствующихъ особъ, къ исполненію всѣхъ смѣшанныхъ женскихъ обязанностей въ домѣ. Но, главное, что онъ имѣлъ подлое обыкновеніе не всѣ ихъ должности объяснять имъ при договорѣ, а потому случалось, что съ нѣкоторыми изъ нихъ у него бывали неудовольствія, и иныя вскорости же покидали бедуаръ и отъ него бѣжали... Были и таковыя даже, что обращались ко мнѣ подъ защиту, какъ представителю власти, но я,—Богъ съ ними, — я ихъ всегда успокаивалъ и говорилъ: „Послушайте: вѣдь споромъ ничего не выйдетъ, а самое лучшее—мой вамъ совѣтъ,—что̀ можно въ вашемъ женскомъ положеніи исполнить, то и надо исполнить“. И иніи того послушали, а одна, прошу васъ покорно, и такая была, что мнѣ же за это да еще и въ лицо плюнула. Но, а все, душко мое, своей судьбы однакоже не избѣжала... И Дмитрій Аѳанасьевичъ, знаете, это очень цѣнилъ и за то въ иныхъ своихъ тайностяхъ отъ меня уже не укрывался. Привезетъ, бывало, новую воспитательницу и говоритъ мнѣ моими же словами: „спробуемъ пера и чорнила: що въ іому за сила?“, или скажетъ:

— Ну какъ-то эта Коломбина, потрафитъ угодить нашему Пьеро или нѣтъ?

А потомъ тоже прямо объявляетъ:

— Нѣтъ; эта Коломбина — бя! Она нашему Пьеро не потрафила! И сейчасъ же за то таковой была перемѣна. И было у него этихъ перемѣнъ до чорта! И на эту пору тоже какъ разъ была Коломбина „бя!“ и была ей такая спѣшная смѣна: потому что полька, которая у него жила, большеротая этакая, и вдругъ съ нимъ побунтовалася и ключи ему такъ въ морду бросила, что синякъ сталъ... Что̀ съ ними, съ жинками, подѣлаешь, якъ онѣ ни чина, ни званія не различаютъ! Ну-съ, а черезъ это украшеніе многоуважаемый Дмитрій Аѳанасьевичъ самъ не могъ ѣхать за новою особою, а выписалъ, миляга, таковую наугадъ по газетамъ и получилъ ужасно какую некрасивую, съ картофельнымъ носомъ, и коса ей урѣзана, и въ очкахъ, а научена на всѣ познанія въ Петербургской педагогіи.

Но сія некрасивая дѣвица плѣнила меня тѣмъ, что прибыла къ намъ въ описанномъ подозрительномъ видѣ, и я захотѣлъ ее испытать прежде, чѣмъ до нея приничетъ своимъ окомъ Дмитрій Аѳанасьевичъ, и говорю:

— Ну, не знаю какъ кому, а мнѣ сдается такъ, что сія Коломбина на вашего Пьеро не угодитъ?

А онъ вмѣсто того, чтобы по своему обычаю шутить моими словами: „спробуемъ перо и чорнила—що въ іому за сила!“, съ грустью мнѣ отвѣчаетъ:

— Да, братецъ, это и дѣйствительно: кажется, я на сей разъ такъ ввалился, какъ еще никогда и не было. Скажи, пожалуйста, даже совсѣмъ никакъ глазъ ея не видно за темными окулярами!

— Да, отвѣчаю, это не малое коварство.

— Не понимаю, какъ это цензура всѣмъ такимъ ужаснымъ валявкамъ и малявкамъ позволяетъ печатать о себѣ въ газетахъ объявленія. Если бъ я главный цензоръ былъ, никогда бы этого не вышло.

— Эге!—говорю,—а вотъ то-жъ-то оно и есть! Глаза человѣка это есть вывѣска души, а неужели она такъ и не скидаетъ очковъ?

— Вообрази,—не скидаетъ!

— Да вы бы отъ нея этого потребовали!

— Скажи же, съ какого повода?

— Ну такъ она же ихъ передо мною скинетъ.

— Сдѣлай твое одолженіе!

— Извольте!

И что̀ я только выдумалъ!—ей-Богу, даже и самъ не знаю, откуда у меня это взялося.

XIX.

Вздумалъ я съ этою загадочною личностью все дознать безотложно и непосредственно, и для того, чтобы съ нею ознакомиться, изобрѣлъ такой поводъ, что будто у меня начинаютъ очи притомляться, и будто я желаю купить себѣ темны окуляры, да не знаю, что̀ имъ за цѣна, и що въ ихъ за сила, и гдѣ они покупаются? Можете теперь догадаться, яка выдумка! Ну, а що насчетъ ея образованности, то я этого не боялся, потому что, бывавши у вице-губернаторши при примѣрныхъ казняхъ по совѣту Жуковскаго, я самъ значительно пріобыкъ къ свѣтскости и могъ загнуть такое двусмысліе, что мое почтеніе. И пошелъ я съ этимъ въ послѣобѣденное время въ домъ къ Дмитрію Аѳанасьевичу и подхожу потиху, съ надеждой: не увижу ли оную валявку или малявку женскаго пола съ картофельнымъ носомъ, и тогда ее спрошу: „гдѣ господинъ Дмитрій Аѳанасьевичъ?“ и тогда мы съ ней разговоримся.

Такъ было всегда съ прежнею съ полячкою: спросишь у нея, а она, бывало, отвѣчаетъ: „пожалуйте: вотъ онъ, сей подлецъ“. И всѣ онѣ его якъ-то скоро въ сей чинъ жаловали, а онъ, бывало, только головой мотаетъ и скажетъ: „начались уже дискурсы въ дамскомъ вкусѣ“. А этой, нынѣшней дамы, вообразите себѣ, совсѣмъ не видно, и я разыскалъ самъ Дмитрія Аѳанасьевича и говорю ему:

— Знаете ли вы, премногообожаемый Дитрій Аѳанасьевичъ, присловіе, що якъ все иде по модѣ, то тогда и морда до моды прѐтся.

Онъ отвѣчаетъ:

— Да; и что̀ жъ потому?

— А то жъ потому, що ось такъ и я хочу купить себѣ потемненные окуляры, щобъ удоблегчить глаза, но не знаю, що въ ихъ за сила, и сколько они стоятъ, и гдѣ ихъ набрать?

А онъ еще моихъ мыслей не втямилъ и отвѣчаетъ:

— Я, батюшка мой, слава Богу, не жидъ и очками не торгую.

— Да и не о томъ я говорю, чтобы вы торговали, а вотъ ваша новая дама такія темныя очки носитъ.

— Ну такъ что̀ же я съ этимъ сдѣлаю! Мнѣ это, конечно, противно.

— А разумѣется, говорю, вамъ это и должно быть непріятно! Какъ же, она къ вамъ вѣдь приближенная, а между тѣмъ вамъ невозможно даже ея позу рожи

видѣть. Я къ вамъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы все это ея очарованье разрушить.

— Сдѣлай, говоритъ, милость, но только чтобъ и я видѣлъ.

— Пожалуйста, спрячьтесь гдѣ-нибудь и смотрите.

— Ну хорошо, и такъ какъ она теперь въ залѣ при чайномъ столѣ за самоваромъ сидитъ, то ты входи къ ней и скажи, что я еще не скоро приду, а я спрячусь и буду въ это время изъ коридора сквозь щель смотрѣть.

— Очень превосходно,—скажите только скорѣе: какъ ее звать?

— Юлія Семеновна.

— А изъ какого она званія?

— Ничего необыкновеннаго, но только „изъ ученыхъ“. Можешь смѣло про все мотивировать.

Пошелъ я въ залу и вижу дѣйствительно, ахъ, куда какая не пышная!.. Извольте себѣ представить въ пребольшой бѣлой залѣ, за большимъ столомъ передъ самоваромъ сидитъ себѣ нѣкая женская плоть, но на всѣхъ другихъ здѣсь прежде ея бывшихъ при испытаніи ея обязанностей нимало не похожая. Такъ и видно, что это не собственный Дмитрія Опанасовича выборъ, а яке-съ заглазное дряныше. Платьице на ней надѣто, правда, очень чистое, но, знаете, препростое, и голова вся постриженная, какъ у судового панича, и причесана, и видать, что вся она болѣзненнаго сложенія, ибо губы у нея блѣдныя и носъ курнопековатый, ну, а очей, ужъ разумѣется, не видать: они закрыты въ темныхъ большихъ окулярахъ, съ тѣми пузатыми стеклами, що похожи какъ лягушечьи буркулы. Какъ вы хотите, а въ нихъ есть что-то подозрительное!

Ну-съ, я ее обозрѣлъ и вижу, что она сидитъ и что-то вяжетъ, но это не деликатное женское вязанье, а простые чулки, какіе теперь я вяжу; передъ нею книжка, и она и вяжетъ и въ книжкѣ читаетъ и разсказываетъ этой своей воспитанницѣ, Дмитрія Аѳанасьевича сироткѣ; но, должно-быть, презанимательнѣйшее разсказываетъ, ибо та дѣвчурка такъ къ ея колѣнямъ и прильнула и въ лицо ей наисчастливѣйше смотритъ!

Я даже подумалъ въ себѣ: неужли же они такіе лицемѣрные эти потрясователи, что могутъ колебать могущественныя имперіи, а межъ тѣмъ съ вида столь скромны!

И вразъ рекомендуюсь сей многообожаемой Юліи Семеновнѣ:

— Вотъ, молъ, я честь имѣю здѣшній становой,—но не думайте, что уже непремѣнно, какъ становой, то и собака! Я совсѣмъ простой преданнѣйшій человѣкъ и пришелъ къ вамъ прямо и чистосердечно просить вашей ласки.

Она смутилась и говоритъ:

— Я не понимаю, что̀ вы мнѣ говорите.

— Совершенно вѣрно, отвѣчаю, но я сейчасъ буду вамъ мотивировать: я поврежденный человѣкъ...

Она отодвигается отъ меня дальше.

— Дѣло въ томъ, говорю, что я повредилъ себѣ письменными занятіями остроту зрѣнія и теперь хочу себѣ пріобрѣсть притемненные окуляры или очки, да не знаю: гдѣ они покупаются. Да. И не знаю тоже и того: почемъ они платятся; да, а самое главное—я не знаю, що въ ихъ за сила?—сгодятся они мнѣ или совсѣмъ не сгодятся? А потому будьте вы милосерденьки, многообожаемая Юлія Семеновна, позвольте мнѣ посмотрѣть въ ваши окуляры!

Она отвѣчаетъ:

— Сдѣлайте милость!—и снимаетъ съ себя очки безъ всякой хитрости.

А я будто не умѣю съ ними обращаться и все ее разспрашиваю, какъ ихъ надѣть, а самъ гляжу ей въ открытые глаза и, представьте, вижу сѣрые глазки и весьма очень милые, и вся поза рожицы у ней самая пріятная. Только маленькая краснота въ глазкахъ.

Я помѣрилъ очки и сейчасъ же ихъ снялъ назадъ и говорю:

— Покорно васъ благодарю. Мнѣ въ нихъ келовко.

Она отвѣчаетъ, что къ этому надо привыкнуть.

— А позвольте узнать, вы же давно къ нимъ привыкли?

— Давно.

— А смѣю ли спросить, съ якого поводу?

Она помолчала, а потомъ говоритъ:

— Если это васъ интересуетъ,—я была больна.

— Такъ; а чѣмъ, на какую болѣзнь страдали, осмѣлюсь спросить?

— У меня былъ тифъ.

— О, тифъ, это препаитяжелѣйшая болѣзнь: всѣ волосья якъ разъ и выпадутъ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ обстоятельствахъ вы и остриглись?

Она улыбнулась и говоритъ:

— Да.

— Что̀ же, говорю, это гораздо разумнѣйше, нежели чѣмъ совсѣмъ плѣшкой остаться. Ужасно какъ некрасиво,—особенно на женщинѣ.

Она опять улыбнулась и читаетъ сиротинкѣ, а я перебилъ:

— А впрочемъ, говорю, для васъ, какъ для дѣвицы небогатаго званія, тоже нейдетъ и стрижка!

Она не теряется, но вдругъ надменно отвѣчаетъ:

— При чемъ же тутъ является званіе?

— А какъ же,—говорю,—тѣ, що богатаго сословія, то они що хотятъ, то и могутъ дѣлать, и могутъ всякія моды уставлять, а мы надъ собою не властны.

А она вдругъ отвѣчаетъ:

— Извините: я не имѣю чести васъ знать и не желаю отвѣчать на ваши сужденія.

— Развѣ они не кажутся вамъ справедливыми?

— Нѣтъ; и къ тому же они мнѣ совсѣмъ неинтересны.

Я спрашиваю:

— А какое это вы вязанье вяжете? Это что-то просто аляповатое, а не дамское.

— Это чулки.

— Да вижу, вижу: дѣйствительно чулки и еще грубые Кому же это?

— У кого ихъ нѣтъ.

— Ага!—для бѣднѣйшей братіи... Превосходное чувство это состраданіе. Но мы, знаете, вотъ по обязанности бываемъ должны участвовать въ сборѣ податей и продавать такъ называемые „крестьянскіе излишки“,—такъ, Господи Боже, что̀ только дѣлать приходится. Ужасть!

— Зачѣмъ же вы дѣлаете то, чему послѣ ужасаетесь?

„Ага!—думаю себѣ,—не стерпѣла, заговорило ретивое!“

И я къ ней сразу же пододвинулся и преглубоко вздохнулъ изъ души и сказалъ съ сожалительной грустью.

— Эхъ-эхъ, многообожаемая Юлія Семеновна; если бъ вы все то видѣли и знали, яки обиды и неправды діятся, то вы бы навѣрно кровавыми слезами плакали.

Она мнѣ ничего не отвѣтила и стала знову показывать ребенку, какъ чулокъ вязать.

Вижу,—дѣвка хитрѣйшая! Я опять помолчалъ, и опять сдѣлалъ къ ней умильныя очи и говорю:

— А позвольте мнѣ узнать: какое ваше понятіе о богатыхъ и бѣдныхъ?

Она же на это по началу какъ бы обидѣлась, но потомъ сейчасъ же себя притишила и говоритъ:

— Обольщеніе богатства заглушаетъ слово.

— Превосходно, говорю, превосходно! Многообожаемая, превосходно! Ахъ, если бы это всѣ такъ понимали!

— И это такъ и должно понимать, и говорить людямъ, чтобы они не считали за хорошее быть на мѣстѣ тѣхъ, которые презираютъ бѣдныхъ и притѣсняютъ ихъ и ведутъ въ суды и безславятъ ихъ имя.

— Ахъ, говорю, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо! Извините меня, что я себѣ это даже запишу, ибо я боюсь, что не сохраню сихъ словъ такъ просто и ясно въ своей памяти.

А она преспокойно, какъ куръ во щи, лѣзетъ:

— Пожалуйста,—говоритъ даже,—запишите.

А я уже вижу, что она такъ совершенно глупа и простодушна, и говорю:

— Только вотъ что-съ, я какъ будто кружовникомъ перстъ защепилъ, и мнѣ писать трудно: не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженія: не впишете ли эти слова своею ручкою въ мою книжечку?

А она отвѣчаетъ:

— Съ удовольствіемъ.

Да! да! Отвѣчаетъ: „съ удовольствіемъ" и въ ту же минуту беретъ изъ моихъ рукъ книжку и ничтоже сумняся крупнымъ и твердымъ почеркомъ, въ родѣ архіерейскаго, пишетъ, сначала въ одну строку: „Обольщеніе богатства заглушаетъ слово", а потомъ съ красной строки: „Богатые притѣсняютъ васъ и влекутъ васъ въ суды и безславятъ ваше доброе имя".

Все такъ и отляпала—своею рукою прописала такъ, что мнѣ ее даже очень жалко стало, и я сказалъ:

— Благодарю, наисердечнѣйше васъ благодарю, многообожаемая!—и хотѣлъ поцѣловать ручку, которая у нея префинтикультепная, но она руку скрыла, и я не добивался и выскочилъ къ Дмитрію Аѳанасьевичу и говорю ему:

— Видѣли?

Отвѣчаетъ:

— Видѣлъ.

— Ну и что же?

Онъ только гримасу скосилъ.

И я его поддержалъ: конечно, говорю, поза рожи ея еще ничего—къ ней привыкнуть можно, и ручка очень бѣлая и финтикультепная, но морали нравственности ея такія, что я ее долженъ сгубить, и она уже у меня въ карманѣ.

И Дмитрій Аѳанасьевичъ меня похвалилъ и сказалъ:

— Ты, братъ, однако хватъ!

— А вы же обо мнѣ, говорю, какъ думали?

— Я, говоритъ, не полагалъ, что ты съ дамами такой бѣдовый.

— О, я,—говорю,—бываю еще гораздо бѣдовѣйше, чѣмъ это! И такъ, знаете, разошелся, что дѣйствительно за чаемъ уже не сталъ этой барышнѣ ни въ чемъ покою давать, и прямо началъ казнить города и всю городскую учебу и жительство, що тамъ все дорого, и бісова тіснота, и ни простора ни тишноты нѣтъ.

Но она тихо замѣтила, что зато тамъ происходитъ движенье науки.

— Ну, я,—говорю,—этого за важное не почитаю, а вотъ что я тамъ наилучшаго замѣтилъ, это только то, что вмѣсто всѣхъ удовольствій по проминажѣ ходятъ вечеромъ натянутыя дамы, и за ними душистымъ горошкомъ пахнетъ.

А когда она сказала, что въ нашей степной мѣстности даже и лѣсовъ нѣтъ, то я отвѣчалъ:

— То и что жъ такое! Правда, что у насъ нѣтъ лѣсовъ, гдѣ гулять, но зато у насъ, у Дмитрія Аѳанасьевича, такой садъ, что не только гулять, но можно и блудить страшнѣй, чѣмъ въ лѣсу.

Дмитрій Аѳанасьевичъ предоволенъ былъ и надавилъ меня подъ столомъ ногой въ ногу, а она вдругъ подвысила на меня свои окуляры и спрашиваетъ:

— На какомъ вы это языкѣ говорите?

— На россійскомъ съ.

— Ну такъ вы ошибаетесь: это совсѣмъ языкъ не россійскій.

— А какой же-съ?

— Мнѣ кажется, это языкъ глупаго и невоспитаннаго человѣка.

И съ симъ встала и вышла.

— Какова-съ!

Дмитрій Аѳанасьевичъ, видя это, придрался и проситъ:

— Пожалуйста же, избавь меня отъ нея какъ можно скорѣе!

— Будьте, говорю, покойны!

И какъ только я пришелъ домой, такъ сейчасъ же,—благослови Господи,—написалъ по самому крупному прейскуранту самое секретнѣйшее доношеніе о появившейся странной дѣвицѣ и приложилъ листокъ съ выраженіемъ фразъ ея руки и послалъ ночью съ нарочнымъ, прося въ разрѣшеніе предписанія: что съ нею дѣлать?

Но вообразите: въ сей ночи я не одинъ не спалъ, ибо и она вдругъ схопилась, послала до жида за конями и объявила Дмитрію Аѳанасьевичу, что она сейчасъ уѣзжаетъ, а если ей не приведутъ коней, то пѣшкомъ пойдетъ и прямо къ предводителю дворянства.

А Дмитрій Аѳанасьевичъ какъ радъ былъ отъ нея избавиться, то сказалъ:

— Зачѣмъ же къ предводителю. Сдѣлайте милость хоть куда угодно.

Ибо Дмитрій Аѳанасьевичъ терпѣть не могъ предводителя, потому что предводителемъ тогда былъ графъ Мамура, котораго отецъ былъ масонъ и даже находился на высланьѣ и въ сына вселилъ идеи, по которымъ тотъ Дмитрія Аѳанасьевича не многообожалъ. Но о немъ пока остановимся на этомъ, а барышня уѣхала, и, вообразите, отъ возившаго ее жида дознаю, что она уѣхала къ тому предводителю! И вотъ, значится, отъ сихъ неизвѣстныхъ причинъ откроется ихъ гнѣздо, и честь открытія, знаете, принадлежать будетъ мнѣ!.. Но что же вышло?! Не даромъ, вѣрно, поется: „Мечты мои безумны", ибо вдругъ позвали меня въ городъ, и тотъ самъ, кто могъ меня представить къ поощренію орденомъ, по жалобѣ предводителя, началъ меня ужаснѣйше мотивировать: для чего я говорилъ дѣвицѣ непристойности, и потомъ пошелъ еще хуже мотивировать за доносъ, и на немъ доказалъ, будто глупѣйшаго отъ меня и человѣка нѣтъ! И самъ же показываетъ мнѣ рукопись фразъ той стриженой панночки или мамзели, и подъ ними красными чернилами обозначенія: подъ одной стоитъ: „Матѳея XIII, 22, а подъ другой: Іакова II, 3".

— Да-съ! Вообразите, что она все это взяла изъ Новаго Завѣта! Ну и скажите на милость: для чего ихъ этому всему понаучивали! Даже и самъ штабъ-офицеръ говоритъ:

— Хорошо еще, что у меня писарь узналъ, откуда эти слова, а то мы всѣ могли это пустить далѣе, и тогда когда-нибудь обо всѣхъ насъ подумали бы, что мы ничего не знали!

И опять пошелъ мотивировать, но за усердіе похвалилъ и объ орденѣ сказалъ, что это—желаніе благородное, и надо стараться и надѣяться.

XX.

Ось тобі и счастіе! Я былъ въ превеликомъ смущеніи и побѣжалъ до стараго своего помогателя Вѣковѣчкина и сталъ его просить объ уясненіи: какъ мнѣ себя направлять въ дальнѣйшей службѣ?

— Помогайте, говорю, многообожаемый, потому что я связался съ политическими людьми, а се, я вамъ скажу, не то що конокрады, съ которыми я управлялся по „Чину явленія истины". Какъ вы хотите, а политика,—бо дай, она исчезла,—превосходитъ мой разумъ. Помилуйте, какъ тутъ надо дѣлать, чтобы заслужить на одобреніе?

А онъ паки такъ тихо, якъ и тожде, говоритъ:

— Это нельзя указать на всякій случай отдѣльно, а вообще старайся, якъ можно больше угождай противъ новыхъ судовъ, а тамъ, може, и въ самомъ дѣлѣ Господь направитъ въ твои руки какого-нибудь потрясователя. Тогда цапай.

— О,—говорю:—только дай Господи, чтобъ онъ былъ!

И ѣду назадъ домой успокоенный и даже въ пріятной мечтѣ и пріѣхалъ домой съ животнымъ благоволеніемъ и положился спать, помолясь Богу, и даже просто вызывалъ потрясователя изъ отдаленной тьмы и шепоталъ ему:

— Приходи, друже! Не бойся, чего тобі себя долго томить! Вѣдь долго или коротко, все равно, душко мое, твоя доля пропаща; но чѣмъ ты сдашься кому-нибудь, человѣку нечувствительному или у котораго уже есть орденъ, то лучше сдайся мнѣ! Я тебя, душко, и покормлю хорошо, и наливки дамъ пить, и въ банѣ помыю, а по смерти, когда тебя задавятъ, я тебя помнить обѣщаюсь...—А онъ все не идетъ и опять меня томитъ забота: какъ бы его найти и поймать? И думаешь, и не спишь, и молишься, и даже все спутаешь вмѣстѣ, мечты и молитвы. Читаешь: „Господи! аще хощу, или аще не хощу спаси мя, и аще мечты мои безумны“... и тутъ вдругъ опомнишься и все бросишь и начинаешь соображать. Сказано, что хорошо стараться ни въ чемъ не уважать суду, да якъ же таки, помилуйте меня, я, малый полицейскій чинъ, который только съ пѣвчими курсъ кончилъ, и вдругъ я смѣю не уважать университанта, предсѣдателя того самаго велегласнаго судилища, которое привѣтствовано съ такой радостью! Возможно ли? Правда, что всенепобѣдимый Вѣковѣчкинъ изъяснилъ, что „привѣтствія ничего не значатъ!“ „И ты,—сказалъ онъ,—гдѣ сіе необходимо—привѣтствуй, а самъ все подстроивай ему въ пику, такъ, щобъ вездѣ выходили какія-нибудь глупости;—такъ ихъ и одолѣемъ, бо этому никакъ нельзя быть, чтобы всѣхъ людей одинаково судить, и хотя это все установлено, но знову должно отмѣниться“. Ну хорошо!

А потомъ припоминаю: що же онъ еще мнѣ указывалъ? Ага! щобъ проникать въ „настроеніе умовъ въ народѣ“. Но какія же, помилуйте, въ Перегудахъ настроенія умовъ? Но однако думаю себѣ: дай попробую! И вотъ я ѣду разъ въ ночи со своимъ кучеромъ Стецькомъ и пытаю его настроеніе!

— Чуешь ли, говорю, Стецько: чи звисно тобі, що у насъ за люди живутъ въ Перегудахъ?

— Що такое?!—переспросилъ Стецько и со удивленіемъ.

Я опять повторилъ, а онъ отвѣчаетъ:

— Ну, извѣстно.

— А що они себѣ думаютъ?

— Богъ зъ вами: що се вамъ сдалось такія глупости!

— Это, братецъ, не глупости, а это теперь надо по службѣ.

— Чужія думки знать?

— Да.

Стецько молчитъ.

— Ну что жъ ты молчишь? Скажи!

— А що говорить?

— Что ты думаешь?

— Ничего не думаю.

— Какъ же такъ ничего не думаешь! Вотъ я тебѣ що-сь говорю, ну, а ты що же о томъ думаешь?

— Я думаю, що вы брешете.

— Такъ! А я тебѣ скажу, что ты такъ думаешь для того, що ты дурень.

— Може, и такъ.

— А ты подумай: не знаешь ли, кто якъ по-другому думае?

— А вже жъ не знаю! Хиба это можно чужія думки знать!

— А якъ бы ты знавъ!

— Ну то що тогда?

— Сказалъ бы ты міні про это или нѣтъ?

— А вже жъ бы не сказалъ.

— А отчего же бы это ты, вражій сыне, не сказалъ бы?

— А на що я буду чужія думки говорить? Хиба я доказчикъ, або иная подлюга!

— Такъ вотъ тебя на это и будутъ бить.

— А за що меня бить будутъ?

— Не смѣй звать подлюгою!

— Ну, а то еще якъ подлюгу называть якъ не подлюгою, а бить теперь никого не узаконено.

— Ахъ, ты, шельма! Такъ это и ты вздумалъ на законъ опираться!

— Ну, а то жъ якъ!

— Якъ! Такъ вотъ погоди—ты увидишь, гдѣ тебѣ пропишутъ законъ!

А онъ головой мотнулъ и говоритъ:

— Се вы що-сь погано говорите!

Но я его оборотилъ за плечи и говорю:

— Впередъ больше такъ не смѣй говорить. Я тебѣ приказываю, щобъ ты вездѣ слухалъ, що гдѣ говорятъ, и все бы мнѣ послѣ разсказывалъ. Понимаешь?

Онъ говоритъ:

— Ну понимаю!

— А особенно насчетъ тѣхъ, кто чѣмъ-нибудь недоволенъ.

— Ну ужъ про это-то я ни за що не скажу.

— А почему же ты, вражій сыне, про это не скажешь?

— Не скажу потому, что я — оборони Боже — не шпегъ и не подлюга, щобъ людей обижать.

— Ага!.. Ишь ты какой.

— А повторительно потому, що меня тогда все равно люди битемуть.

— Ага! Ты боишься, что тебя мужики побьютъ, а я тебѣ говорю, что это еще ничего не значитъ.

— Это вы такъ говорите, потому що они васъ еще не били.

— Нѣтъ, не потому, а потому, что послѣ мужиковъ ты еще въ своемъ мѣстѣ жить останешься, а есть такіе люди, що пропорхне мимо тебя, якъ птица, а ты его если не остановишь сцапахопатательно и упустишь, то сейчасъ твое мѣсто въ Сибирь.

— Это за что же меня въ Сибирь?

— Бо они потрясователи основъ.

— Да що же мені до нихъ? Богъ съ ними.

— Вотъ дуракъ! Сейчасъ сразу и виденъ, что дуракъ!.. Потрясователь основъ, а онъ говоритъ: „Богъ съ ними!“ Какая скотина!

А онъ, Стецько, обидѣлся и начинаетъ ворчать:

— Що жъ вы всю дорогу ругаетесь?

— Я—отвѣчаю—для того тебя, дурака, ругаю, что, когда ты ѣдешь, то чтобы ты теперь не только коньми правилъ, но и повсемѣстно смотрѣлъ, чи не ѣдетъ ли гдѣ-нибудь потрясователь, и сейчасъ мы будемъ его ловить. Иначе тебѣ и мнѣ Сибирь!

Стецько выслушалъ это внимательно съ своею всему міру преизвѣстною малороссійскою флегмою и говоритъ:

— Ну, а послѣ еще що?

А я ему сталъ сочинять и разсказывать, что какъ впередъ надо жить, что надо уже намъ перестать дѣлать по-старому, а надо дѣлать иначе.

А онъ спрашиваетъ:

— Якъ?

А я говорю:

— А вотъ такъ: вотъ мы ѣдемъ у дышель, а надо закладать тройку, съ дугой да съ бубнами...

Онъ смѣется и говоритъ:

— А еще жъ що?

— Пісень своихъ про Украину да еще що не співать.

— А що жъ співать?

— А вотъ: „По мосту-мосту, по калинову мосту“.

— А се що жъ такое „калиновъ мостъ“?

— Веселая пѣсня такая: „Полы машутся, раздуваются“.

Онъ, глупый, уже совсѣмъ смѣется:
— Якъ „раздуваются“? Чего онѣ раздуваются?
— Не понимаешь?
— А, ей же да Богу, не разумію!
— Ну то будешь разумѣть!
— Да зъ якого жъ поводу?!
— Будешь разуміть!
— Да зъ якого поводу?!
— Побачишь!
— Що!
— Тоди побачишь!
А онъ вдругъ кажетъ:
— „Тпру!—“и, покинувъ вразъ всю оную свою превеликую малороссскую флегму, сразу остановилъ коней и слѣзъ и подастъ мнѣ вожжи.
— Это что?—говорю.
— Извольте-ся!—отвѣчаетъ.
— Что же это значитъ?
— Вожжи!
— Зачѣмъ?
— Бо я больше съ вами ѣхать не хочу!
— Да что же это такое значитъ?
— Значится, що я всей сей престрашенной мороки не желаю и больше съ вами не поіду. Погоняйте сами.
Положилъ мнѣ на колѣни вожжи и пошелъ въ сторону черезъ лѣсочекъ!..
Я его звалъ, звалъ и говорилъ ему и „душко мое“, и „миляга“, но назадъ не дозвался! Разъ только онъ па минуту обернулся, но и то только крикнулъ:
— Не турбуйтесь напрасно: не зовите меня, бо я не пойду. Погоняйте сами.
И такъ и ушелъ... Ну прошу васъ покорно удѣлать какую угодно политику ось съ такимъ-то народомъ!
— Зволтеся: погоняйте сами!
А кони у меня были превостренькіе, такъ какъ я, не обязанный еще узами брака, любилъ слегка пошиковать, а править-то я самъ былъ не мастеръ, да и скандалъ, знаете, безъ кучера домой возвращаться и четверкой править. И я насилу добрался до дому и такъ перетрусился, что сразу же заболѣлъ на слаботы желудка, а потомъ оказалось другое еще досажденіе, что этотъ дурень Стецько ничего не понялъ какъ слѣдуетъ, а началъ всѣмъ разсказывать, будто кто только до меня пойдетъ за кучера, то тому непремѣнно быть подлюгой, или итти въ Сибирь. И подумайте, никто изъ паробковъ не хочетъ итти до меня убирать кони и ѣздить, и у меня некому ни чистить коней, ни кормить ихъ, ни запрягать, и къ довершенію всего вдругъ въ одну прекрасную ночь, когда мы со Христиной сами имъ рѣшетами овса наложили и конюшни заперли—ихъ всѣхъ четверыхъ въ той ночи и украли!..
Замѣтьте себѣ, той самый, що всіхъ конокрадовъ изводилъ — вдругъ самъ сѣлъ пѣшки!

XXI.

Ужасная въ душѣ моей возникла обида и озлобленіе; Гдѣ жъ таки, помилуйте, у самого станового коней свели; Что еще можно вздумать въ мірѣ сего дерзновеннѣе! Послѣднія времена пришли! Кони—четверка—семьсотъ рублей стоили; да еще упряжка, а теперь дуй себѣ куда хочешь въ погоню за ворами на палочкѣ верхомъ.
Но и то бы еще ничего, якъ бы дѣло шло по-старому, и слѣдствіе бы могъ производить я самъ по „Чину явленія“, но теперь это правили уже особливые слѣдователи, и тотъ, которому это дѣло досталось, не хотѣлъ меня слушать, чтобы арестовать заразъ всѣхъ подозрительныхъ людей. Такъ что я многихъ залучалъ самъ и приводилъ ихъ въ видѣ дознанія къ „Чину явленія истины“, но одинъ изъ тѣхъ злодіевъ еще пожаловался, и меня самого потребовали въ судъ!.. Какъ это вамъ кажется? Меня же обворовали,—у меня, благороднаго человѣка, кони покрадены, да и я же еще долженъ спѣшить поѣхать и оправдываться противо простого конокрада! Все було на сей грішной земли, всякое беззаконіе, но сего уже, кажется, никогда еще не було! А тутъ еще и ѣхать не съ кѣмъ, и я, даже не отдохнувъ порядкомъ, помчался на вольнонаемныхъ жидовскихъ лошадяхъ балогулою, и собственно съ тімъ намѣреніемъ, щобы тамъ въ городѣ себѣ и пару коней купить.
Ну, а нервы мои, разумѣется, были въ страшнѣйшемъ разволненіи, и я весь этотъ новый судъ и слѣдствіе ненавидѣлъ!.. Да и для чего, до правды, эти новые суды сдѣланы? Все у насъ прежде было не такъ: судъ былъ письменный, и що тамъ, бывало, повытчики да секретари напишутъ, такъ то спокойно и исполняется: виновный осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ да благолѣпно выпятитъ спину, а другій рабъ Бога вышняго вкатитъ ему, сколько указано, и все шло преблагополучно, ну такъ нѣтъ же!—вдругъ это все для чего-то отмѣнили и сдѣлали такое егалите и братарните, что,—извольте вамъ,—всякій пройдисвітъ уже можетъ говорить и обижаться! Это жъ, ей-Богу, удивительно! Быть на судѣ и то совѣстно! То судья говоритъ, то злодій говоритъ, а то еще его заступщикъ. Гдѣ жъ тутъ мнѣ всѣхъ ихъ переговорить! Я пошелъ до стараго пріятеля Вѣковѣчкина и говорю:
— Научите меня, многообожаемый Евграфъ Семеновичъ, якъ я имѣю въ семъ представленіи суда говорить.
А онъ же, миляга,—дай Богъ ему долгаго віку,—хорошо посовѣтовалъ:
— Говори, сказалъ, какъ можно пышно, щобъ въ родѣ поэзіи—и не спущай суду форсу!
— Ну, такъ, молъ, и буду.
И вотъ, какъ меня спросили: „что вамъ извѣстно?“, я и началъ:
— Мнѣ, говорю, то извѣстно, що все было тихо, и былъ день, и солнце сіяло на небѣ высоко-превысоко во весь день, пока я не спалъ. И все было такъ, якъ я говорю, господа судьи. А какъ уже сталъ день приближаться къ вечеру, то и тогда еще солнце сіяло, но уже нѣсколько тише, а потомъ оно взяло да и пошло отпочить въ зори, и отъ того стало какъ будто еще лучше,—и на небѣ, и на земли, тихо-тихесенько по ночи.
Тутъ меня предсѣдатель перебилъ и говоритъ:
— Вы, кажется, отвлекаетесь!
А я ему отвѣчаю:
— Никакъ нѣтъ-съ!
— Вы о дѣлѣ говорите: какъ лошади украдены.
— Я о семъ и говорю.
— Ну, продолжайте.
— Я,—говорю,—покушалъ на ночь грибки въ сметанѣ и позанялся срочными дѣлами и потомъ прочелъ вечернія молитвы и началъ укладываться спать по ночи, ажъ вдругъ чувствую себѣ, что мнѣ такъ что-сь нехорошо, якъ бы отравленіе...
Какой-то членъ перебилъ меня вопросомъ:
— Вѣрно, у васъ животъ заболѣлъ отъ грибовъ?
— Не знаю, отчего, но вотъ это самое мѣсто на животѣ и холодъ во весь подвѣнечный столбъ, даже до хрящика... Я и схопился и спать не можу...
Въ залі всі захохотали.
— А какая была ночь: темная или свѣтлая?—вопросилъ членъ.
Отвѣчаю:
— Ночь була не темная и не свѣтлая, а такая млявая, вотъ въ какія русалки любятъ подниматься со дна гулять и шукать хлопцовъ по очеретамъ.
— Значитъ, мѣсяца не было?
— Нѣтъ, а впрочемъ—позвольте: сдается, что, можетъ-быть, мѣсяцъ и былъ,—но только онъ былъ какой-то такой, необстоятельный, а блудникъ, то выходилъ, а то зновъ упадалъ за прелестными тучками. Выскочитъ, по-

дивится на землю и знову спрячется въ облаки. И я якъ вернулся знову до себя въ постель, то легъ подъ одѣяло и вразъ же ощутилъ въ себѣ такое благоволеніе опочить, что уже думалъ, будто теперь даже всі ангелы Божіи легли спочивать на облачкахъ якъ на подушечкахъ, а притомленные сельскіе люди, наработавшись, по всему селу такъ храпятъ, що ажъ земля стогнетъ, и тутъ я самъ поклалъ голову на подушку и заплющилъ очи...

И я вижу, что всѣ слушатели слушаютъ меня очень съ большимъ удовольствіемъ, и кто-сь-то даже заплакалъ, но предсѣдатель знову до меня цѣпляется и перебиваетъ:

— Говорите о томъ: какъ были украдены лошади?

— Ну я же къ этому все и веду. Вдругъ спавшіе люди сквозь сонъ почуяли, гдѣ-сь-то что-то скребе. Вразъ одни подумали, що то скребутся коты... влюбленные коты, понимаете! А другіе думали, що то були не коты, а собаки; а то не были и не коты и не собаки, а были вотъ эти самые бабины сыны злодіи...—Но тутъ предсѣдатель на меня закричалъ:

— Прошу васъ не дозволять себѣ обидныхъ выраженій!

А я отвѣчаю:

— Помилуйте, да въ чемъ же тутъ обида: вѣдь и всѣ люди на світи суть бабины дѣти, какъ и я, и вы, ваше превосходительство.

Въ публикѣ прошелъ смѣхъ, а предсѣдатель говоритъ мнѣ:

— Довольно!

А я чую, что публика по мнѣ побораетъ, и говорю:

— Точно такъ-съ! Если бы я сказалъ, дѣвкины дѣти, то было бы яко-сь невовко, а бабины...

Но онъ меня опять перебиваетъ и говоритъ:

— Довольно-съ уже этихъ вашихъ разсужденій, довольно!

А замѣтно, ему и самому смішно и публикѣ тоже, и онъ говоритъ мнѣ:

— Продолжайте кратко и безъ лишняго, а то я лишу васъ слова.

Я говорю:

— Слушаю-съ, и теперь все мое слово только въ томъ, и осталось, що то были вотъ сіи,—якъ вы не позволяете ихъ называть бабины сыны, то лучше сказать злодіюки, которыхъ вы посадили вотъ тутъ на семъ диванѣ за жандармы, тогда якъ ихъ мѣсто прямо въ Сибиру!..

Но тутъ предсѣдатель ажъ підскочилъ и говоритъ:

— Вы не можете дѣлать указаній, кого куда надо сажать и ссылать!

А я говорю:

— Нѣтъ-съ, я это могу, ибо мои кони были превосходные, и сіи сучьи дѣти ихъ украли, и якъ вы ихъ сейчасъ въ Сибирь не засудите, то они еще больше красти станутъ... и можетъ-быть, дастъ Богъ, прямо у васъ же у перваго коней и украдутъ. Чего и дай Боже!

Тутъ въ публикѣ всѣ мнѣ захлопали, якъ бы я былъ самый Щепкинъ, а предсѣдатель велѣлъ публику выгонять, и меня вывели, и какъ я только всередъ людей вышелъ, то со всѣхъ сторонъ услыхалъ обо мнѣ очень разное: одни говорили: „Вотъ сей болванъ и подлецъ!" И въ тотъ же день я сталъ вдругъ на весь городъ извѣстный, и даже когда пришелъ на конный базаръ, то уже и тамъ меня знали и другъ дружкѣ сказывали: „вотъ сей подлецъ", а другіе въ гостиницѣ за столомъ меня поздравляли и желали за мое здоровье пить, и я такъ непристойно напился съ неизвѣстными людьми, що Богъ знае въ какое мѣсто попалъ и даже сталъ танцовать съ дівчатами. А когда утромъ проснулся, то думаю: „Господи! до чего я уронилъ свое званіе и якъ имѣю теперь отсюда выйти? „А въ головѣ у меня, вообразите, ясно голосъ отвѣчаетъ:

— Теперь уже порядокъ извѣстный: спѣши скорѣе съ банщиками первый паръ въ бани опаривать; а потомъ бѣги къ церкви, отстой и помолись за раннею, и потомъ наконецъ иди опять, куда хочешь.

А межъ тѣмъ тѣ мои незнакомцы все меня спрашиваютъ: видалъ ли я самъ когда-нибудь потрясователей?

Я разъясняю, что настоящихъ потрясователей я еще не видалъ и разъ даже ошибся на одной стрижкѣ, но что я надѣюсь оныхъ открыть и словить, ибо примѣты ихъ знаю до совершенства.

А тѣ еще меня вопрошаютъ:

— А есть ли тімъ подходящимъ людямъ что-нибудь у васъ въ Перегудахъ дѣлать?

А я отвѣчаю:

— Боже мой! Какъ же имъ не есть что у насъ дѣлать, когда у насъ хотя люди, съ одной стороны, и смирные, но съ другой, знаете, и они тоже порою, знаете, о чемъ-то молчать. Вотъ! и задумаются и молчать, и пойдутъ въ лѣсъ да и Зализняка или Гонту кличатъ— а инніи и пѣсню поютъ:

Колы-сь було на Вкраини
Добре було житы!

И дошли уже до такого сопротивленія власти, что ни одинъ человѣкъ не хочетъ ко мнѣ, какъ къ должностному лицу, въ кучера итти.

— Можетъ ли это быть?

— Увѣряю васъ!

— Отчего же это?

— Могу думать, что единственно оттого, что хотятъ лишить меня успѣха въ полученіи отличія за поимку потрясователя, но я, между прочимъ, съ тѣмъ сюда и ѣхалъ, чтобы принести отвѣтъ суду, кстати нанять себѣ здѣсь же и кучера изъ неизвѣстныхъ людей, да такого, у котораго бы не было знакомыхъ и притомъ самаго жесточайшаго русскаго, изъ Рѣзанской губерніи, чтобы на тройкѣ свисталъ и обожалъ бы все одно русское, а хохламъ бы не давалъ ни въ чемъ спуску.

Мнѣ отвѣчаютъ:

— Такъ и будетъ!

И тутъ ужъ я при сильномъ напряженіи силъ увидалъ, что это со мною разговариваетъ какой-то мой вчерашній угощатель, и онъ повелъ меня въ баню, а потомъ послалъ на раннюю, „а какъ ты,—говоритъ,—домой придешь, у тебя уже и кучеръ будетъ... Да еще какой! Настоящій орловскій Теренька. Многаго не запроситъ, а ужъ дѣла надѣлаетъ!"

И дѣйствительно, какъ я всхожу домой, а ко мнѣ навстрѣчу идетъ съ самоваромъ въ рукахъ отличнѣйшій парень съ серьгой въ ухѣ и говоритъ:

— Богу молясь и съ легкимъ паромъ васъ!

Я спрашиваю:

— А тебя какъ зовутъ?

— Теренька Налетовъ,—говоритъ,—по прозванью Дарвалдай, Орловской губерніи.

— Что же, говорю, я тебѣ очень радъ: я хотѣлъ изъ Рѣзанскихъ, но и въ Орловской губерніи тоже, извѣстно, народъ самый такой, что не дай Господи! Но мнѣ нужно, чтобы ты мнѣ помогалъ все знать и видѣть и людей ловить.

— Это намъ все равно, что плюнуть, стоитъ.

— Ну мнѣ такой и нуженъ.

Я его и нанялъ.

XXII.

Отлично у насъ дѣло пошло! Теренька ни съ кѣмъ изъ хохловъ компаніи не водилъ, а всѣхъ зналъ и не пошелъ въ избу, а одинъ, милягa, съ конями въ конюшнѣ жилъ. Кому зима,—студено, а ему ни почемъ: ѣдетъ и поетъ, какъ „мчится тройка удалая вдоль по дорожкѣ столбовой", даже, знаете, за сердце хапательно... Я не зналъ, какъ и радоваться, что такого человѣка досталъ. Теперь ужъ я былъ увѣренъ, что мы выищемъ потрясователя и не упустимъ его, но только, вообразите

себѣ, вдругъ пошли помимо меня доносы, что будто у насъ среди крестьянъ есть недовольные своею жизнью, и отъ меня требуютъ, чтобы я разузналъ: кто въ семъ виноватъ? Я самъ, знаете, больше всѣхъ думалъ на Дмитрія Аѳанасьевича, который очень трусился, какъ бы его паробки за дівчатъ не отлупцовали,—и вотъ я, въ дорогѣ ѣдучи, говорю своему Терецькѣ:

— Послушай, миляга, якъ ты себѣ думаешь, не онъ ли это разныя напасти пишетъ?

А Теренька прямо отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не онъ.

— Вонъ! Почему же ты этакъ знаешь?

А онъ, милага, тонкаго ума былъ и отвѣчаетъ:

— Потому, что гдѣ жъ ему съ его понятіемъ можно правду знать!

— А это же развѣ правда?

— Разумѣется, правда.

— Вотъ те и разъ! Такъ разсказывай!

Онъ и разсказываетъ мнѣ, что крестьяне въ самомъ дѣлѣ стали часто говорить, что всѣмъ жить стало худо, и это черезъ то именно, что всѣ люди живутъ будто не такъ, какъ надо,—не по-Божьему.

— Ишь ты, говорю, какія шельмы! И откуда они могутъ это знать, якъ жить по-Божьи?

— Ходятъ, говоритъ, такіе тасканцы и Евангеліе въ карманахъ носятъ и людямъ по овинамъ въ ямахъ читаютъ.

Видите, якія зловредныя твари берутся! И Теренька, миляга, это знаетъ, а я власть и ничего не знаю!

И Теренька говоритъ:

— Да это и не ваше дѣло: это часть попова, пусть онъ самъ за свою кубышку и обороняется.

„И правда, думаю, що мнѣ такое!“

Только у Христи спросилъ, что она, часомъ, не ходила ли съ сими тасканцами въ ямы читанье слухать, но она, дура, не поняла и разобидѣлась.

— Хиба-де я уже така поганка, что съ тасканцемъ въ яму піду!

— Провались ты!

— Сами валитесь и съ Богомъ.

— А що тебя піпъ про все пытае?

— А вже жъ пытае.

— А ты жъ ему неужли жъ такъ про все и каешься?

— Ну вотъ още що взгадали! Чи я дура!

— Отлично, говорю, отлично!

И другихъ многихъ такъ же спросилъ, и всѣ другіе такъ же отвѣтили, а я имъ всѣмъ паки тожде слово рекъ:

— Отлично!

Потому что: для чего же ему въ самомъ дѣлѣ все узнавать, когда онъ уже одинъ орденъ имѣетъ? Ажъ смотрю, на меня новое доношеніе, что я будто подаю въ разговорахъ съ простонародіемъ штундовые совѣты! Боже мой милостивый! Да что жъ значится штунда? Я же этого еще постичь не могу, а тутъ уже новая задача: чи я кого-то ловлю, чи меня кто-то ловитъ. И вотъ духъ мой упалъ, и очи потуклы и зубы обнаженны... А туча все сгущевается, и скоро же въ корчмѣ нашли,—представьте себѣ,—печатную грамотку, а въ ней самыя возмутительныя и неподобныя словеса, що мы живемъ-де глупо и безсовѣстно, и „всі кто въ Бога віруя и себя жалуе, научайтеся грамотѣ, да не слухайте того, що говорятъ вамъ попы толстопузые“. Такъ-таки и отляпано: „толстопузые!“... Господи!.. И всѣ грамотѣи это прочитали, и потомъ взяли да грамотку на цыгаркахъ спалили, а потомъ еще нашли иную грамотку и въ сей уже то и сё противъ дворянъ такихъ-сякихъ, неумѣхъ білоруких, а потомъ кстати и про „всеобиралощую полицію“ и разные совѣты, какъ жить, щобъ не подражать дворянамъ и не входить въ дочиненія съ полиціей, а все межъ собой ладить по-Божьему. Просто ужастъ! И кто жъ сію паскость къ намъ разводитъ и въ люди кидаетъ? Я говорю:

— Теренька! Вотъ ты, миляга, обѣщалъ мнѣ во всемъ помогать,—помогай же! Я если открою и орденъ получу, ей-Богу, тебѣ три рубля дамъ!

А онъ мнѣ опять отвѣчаетъ, что ему навѣрно ничего неизвѣстно, но что ему удивительно, какіе это пиликаны пріѣхали въ гости къ попу Назарію и все ночами на скрипкѣ пиликаютъ, а днемъ около крестьянъ ходятъ, а какъ ночь, они опять на скрипкахъ пиликаютъ, такъ что по всему селу и коты мяучатъ и собаки лаютъ.

Ажъ меня, знаете, всего ожгло это извѣстіе!

„Господи, Боже мой!—думаю,—да вѣдь это же, можетъ-быть, они и есть потрясователи!“

— Терентьюшка, милягa мой, ты ихъ наблюдай: это они!

— И я думаю,—говоритъ,—что они, но все-таки вы, ваша милость, встаньте сами о полуночи и услышите, какъ они пиликаютъ.

Я такъ и сдѣлалъ: завелъ будильную трещотку на самый полночный часъ и аккуратъ пробудился, и сейчасъ открылъ окно въ садъ и сразу почувствовалъ свѣжесть воздуха, и пиликанъ дѣйствительно что-то ужасно пиликаетъ, и отъ того или нѣтъ, но по всему селу коты кидаются и даже до того, что два кота прямо передъ моими окнами съ крыши сбросились и тутъ же другъ друга по мордѣ лущать

Ну что это!

Я утромъ сказалъ Назарію:

— Что это за пиликаны у васъ появились?

А онъ отвѣчаетъ:

— Какъ это пиликаны?—И захохоталъ.—Это виртуозы, они спѣвки народные на ноты укладаютъ и пошлютъ въ оперу! А то пиликаны! Ха-ха, „пиликаны“... Смѣху подобно, что вы понимаете... „Пиликаны“!

Ну, я стерпѣлъ.

XXIII.

А былъ въ той порѣ у насъ за пять верстъ конскій ярмарокъ, и я туда прибылъ и пошелъ межъ людей, чтобы посмотрѣть по обязанностямъ службы. И вижу, тамъ же ходятъ и сіи два пиликана или виртуозы и дѣйствительно оба съ тетрадками и что-то записуютъ. И я за ними все смотрѣлъ-смотрѣлъ, ажъ заморился и ничего не понялъ, а какъ подхожу назадъ до своей брички, чтобъ достать себѣ изъ погребчика выпить чарочку доброй горілки и закусить, чего Христина сунула, какъ вдругъ вижу, въ бричкѣ бѣлѣется грамотка... Понимаете, это въ моей собственной бричкѣ, въ начальственномъ экипажѣ! И уже, замѣтьте, печатано не простою рѣчью, а скрозь строки стишокъ,—и въ немъ все про то, якъ по дворахъ „подать сбираютъ съ утра“.

Я говорю:

— Теренька! Миляга! Кто тутъ до моей брички прикасался?

— Я, говоритъ, не видалъ: у меня сзади глазъ нѣтъ.

— Мнѣ бумажка положена. Кто тутъ былъ или мимо проходилъ?

— Проходили эти пиликаны, поповы гости, Спиря да Сёма,—я ихъ только однихъ и примѣтилъ.

— А тебѣ навѣрно извѣстно, какъ ихъ звать?

— Навѣрно знаю, что одинъ Спирюшка, тотъ все поспирваетъ, а другой, который Сёма, этотъ посёмываетъ.

— Это они!

— Да; надо будетъ,—говоритъ,—въ дружбѣ имъ прикинуться и угостить.

— Валяй, говорю: вотъ тебѣ полтина на угощеніе, а какъ только я орденъ получу—сейчасъ тебѣ три рубля, какъ обѣщано.

На другой день, вижу—Теренька дѣйствительно идетъ уже отъ попа, а въ рукахъ дощечку несетъ.

— Вотъ, говоритъ, стараюсь: ходилъ знакомство завесть.

— Ну, разсказывай же скорѣе, миляга: какъ это было?

— Да вотъ я взялъ эту дощечку съ собой и говорю: „это, должно-быть, святой образокъ, я его, глядите-ка, въ конюшнѣ нашелъ: да еще его и ласточкинымъ гнѣздомъ закрыло, прости Господи! А отъ того или нѣтъ, мнѣ вдругъ стали сны сниться такіе, что быть какому-то неожиданью, и вотъ въ грозу какъ разъ гнѣздо неожиданно упало, а этотъ образокъ и провѣщился, но только теперь на немъ уже никакого знаку нѣтъ, потому что весь видъ сошелъ. Я просилъ попа: нельзя ли святой водой поновить?"

— Это ты ловко! Ну, а что же дальше?

— Попъ меня похвалилъ: это, говоритъ, тебѣ честь, что ты отыскалъ священный предметъ, который становой до сей поры пренебрегалъ безъ вниманія.

— Неужели онъ такъ и сказалъ?

— Ей-Богу, такъ сказалъ. Мнѣ лгать нечего.

— Ну теперь,—говорю,—онъ про это непремѣнно на меня донесетъ, а я возьму, да еще прежде донесу на его Сёму и на Спирю.

И донесъ такъ, что явились какіе-то неизвѣстные пиликаны Спиря и Сёма, и нельзя разузнать, про что Спиря спиритъ, и про что Сёма сёмаетъ, а между тѣмъ теперь уже повсемѣстно подметаются грамотки... И потому я представляю это: какъ угодно попреблагоразсмотрительствующемуся начальству.

Но,—вообразите же,—все вѣдь это пошло на мою же голову, ибо въ обоихъ пиликанахъ по обыскѣ ихъ и арестѣ ничего попреблагоразсмотрительствующагося не оказалося, и пришлось ихъ опять выпустить. И учинился я аки кляузникъ и аки дуракъ для всѣхъ ненавистный, и въ довершеніе всего въ центрѣ всенесомнѣннѣйшаго и необычайнѣйшаго—наполненія грамотками всего воздуха!

Да! если я допекалъ, бывало, тіхъ злодіевъ, конокрадовъ, какъ вамъ сказывалъ, по „Чину явленія истины", и если и томилъ ихъ „благоухищренною виною", то куда же все это годится передъ тѣмъ, что я теперь терпѣвалъ самъ! А между тѣмъ теперь отыскать и поймать потрясователя сдѣлалось уже совершенно необходимо, потому что даже самъ исправникъ противъ меня вооружился и говоритъ:

— Ты всеобщій возмутитель и наипервый злодій: мы жили тихо, и никого у насъ кромѣ конокрадовъ не было; а ты самъ пошелъ твердить про потрясователей, и вотъ все у насъ замутилось. А теперь уже никто никому и вѣрить не хочетъ, что у насъ нѣтъ тѣхъ, що троны колеблятъ. Такъ подавай же ихъ! Даю тебѣ недѣлю сроку, и если не будетъ потрясователя—я тебя подамъ къ увольненію!..

Вотъ вамъ и адское житіе, какого я себѣ самъ заслужилъ за свою безпокойность!

И, охъ, какъ я послѣ этой бесѣды въ нощи одинокъ у себя плакалъ!.. Дождь льетъ и молнья сверкаетъ, а я то сижу, то хожу одинъ по покою, а потомъ падаю на колѣни и молюсь: „Господи! даруй же Ты мнѣ его и хоть единаго сего сына погибельнаго", и опять въ умѣ „мечты мои безумны"... И такъ много разъ это, просто какъ ударъ помѣшательства, и я, съ жаромъ повторивши, вдругъ упалъ лицомъ на полъ и потерялъ сознаніе, но вдругъ новымъ страшнымъ ударомъ грома меня опрокинуло, и я увидалъ въ окнѣ: весь въ адскомъ сіяніи скачетъ на парѣ коней самый настоящій и форменный потрясователь весь въ плащѣ и въ шляпѣ земли греческой, а поза рожи разбойничья!

Можете себѣ вообразить, что такое со мной въ этотъ моментъ сдѣлалось! Послѣ толикаго времени зависти, скорби и отчаянья, и вдругъ вотъ онъ!—онъ мнѣ дарованъ и посланъ по моей пламеннѣйшей молитвѣ и показанъ, при громѣ и молоньѣ и при потокахъ дождя въ ночи.

Но размышлять некогда: онъ сейчасъ долженъ быть изловленъ.

XXIV.

Я такъ и завопилъ:

— Христя! Христя!

Ажъ она, проклятая баба, спитъ и не откликается. Ринулся я, якъ звѣрь, до ея комнаты и знову кричу: „Христя!" и хочу, щобъ ее послать вразъ, щобъ Теренька сію минуту кони подалъ, и скакать въ погоню, но только, прошу васъ покорно, той Христины Ивановны и такъ уже въ ея постели нема,—и я вижу, що она и грому и дождя не боится, а потиху отъ Тереньки изъ конюшни безъ плахты идетъ, и всѣмъ весьма предовольная... Можете себѣ вообразить этакое непріятное открытіе въ своемъ домѣ, и въ какую минуту, что я даже притворился, будто и вниманія на это не обратилъ, а закричалъ ей:

— Вернись, откуда идешь, преподлѣйшая, и скажи ему, чтобъ сейчасъ, въ одну минуту, кони запрягъ!

Ажъ Христька отвѣчаетъ:

— Теренька не буде вамъ теперь коней закладать.

— Это еще що?.. Да якъ ты смiешь!

А она отвѣчаетъ:

— А вже жъ смію, бо що се вы себѣ выдумали, по ночи, когда всі христіяне сплятъ, вамъ щобъ въ самісенькій сонъ кони закладать... Ни, не буде сего...

— А-а!.. „Не буде!"... „Самісенькій сонъ"... „Все христіянство спочивае"... А ты же, подлая жинка, чего не спочивала, да по двору мандрювала!

— Я,—говоритъ,—знаю, зачѣмъ я ходила.

— И я это знаю.

— Я ходила слушать, якъ пиликанъ пиликае.

— А-га! Пиликанъ пиликае!.. Хиба въ такую грозу слышно, якъ пиликаютъ!..

— Оттуда, гдѣ я была, слышно.

— Слышно!.. Больше ничего, какъ ты — самая безсовістная жинка.

— Ну и мнѣ то все едино; а Теренька кони закладать не здужае.

— Я вамъ дамъ: „не здужае". Сейчасъ мнѣ коней!

— У него зубы болятъ...

Но тутъ ужъ я такъ закричалъ, что вдругъ передо мною взялись и кони и Теренька, но только Теренька исправда отъ зубной боли весь платкомъ обвязанъ, но я ему говорю:

— Ну, Теренька, теперь смотри! Бей кони во весь кнутъ, не уставай и скачи: потрясователь есть!—настигни только его, щобъ въ другій станъ не ушелъ, и прямо его сомни и затопчи... Що тамъ съ ними разговаривать!

Теренька говоритъ:

— Надо его на мосту черезъ Гнилушу настичь—тутъ я его сейчасъ въ рѣку сброшу, и сцапаемъ.

— Сдѣлай милость!

И какъ погналъ, погналъ-то такъ шибко, что вдругъ,—представьте,—впереди себя вижу,—опять пара коней и па всемъ на виду въ телѣжкѣ сидитъ самый настоящій, форменный врагъ имперіи!

Теренька говоритъ:

— Валить съ моста?

— Вали!

И какъ только потрясователь на мостъ въѣхалъ, Теренька свистнулъ, и мы его своею тройкою пихнули въ бокъ и всего со всѣми потрохами въ Гнилушу выкинули, а въ водѣ, разумѣется, сцапали... Знаете, молодой еще... этакъ средняго вѣку, но поза рожи самоужаснѣющая, и вразъ пускается на самую преотчаянную ложь:

— Вы,—говоритъ,—не знаете, кто я, и что вы дѣлаете!

А я его вяжу за руки да отвѣчаю:

— Не безпокойся, душечка, знаемъ!

— Я правительственный агентъ, я слѣжу дерзкаго преступника по слѣдамъ и могу его упустить!

— Ладно, голубчикъ, ладно! Я тебя посажу на заводѣ въ пустой чанъ: тебѣ тамъ будетъ хорошо; а потомъ насъ разберутъ.

Но онъ вошелъ въ страшный гнѣвъ и говорилъ про себя разныя разности, кто онъ такой,—все хотѣлъ меня запугать, что мнѣ за него достанется, но я говорю:

— Ничего, душко мое, ничего! Ты сначала меня повози, а послѣ я на тебѣ поѣзжу!—и посадилъ его въ чанъ, приставилъ караулъ и поскакалъ прямо въ городъ съ докладомъ:

— Пожалуйте, что̀ мнѣ слѣдуетъ: потрясователь есть.

XXV.

Но вѣдь представьте же, что я въ городъ не доѣхалъ, и навѣрно могу сказать, что, почему такъ случилось, вы не отгадаете. А случилося вотъ что̀: былъ, какъ я вамъ сказалъ, очень превеликій дождь, да и не переставалъ даже ради того случая, что я совершилъ свои завѣтныя мечты и изловилъ перваго настоящаго врага имперіи. И вотъ я себѣ ѣду подъ буркой весь мокрый и согрѣлся, мечтая, якъ оный Гоголевскій Дмухонецъ: що-то теперь изъ Петербурга, какую мнѣ кавалерію вышлютъ: чи голубую, чи синюю? И не замѣчаю, какъ, несмотря на все торжествованіе моей побѣды и одолѣнія, нападаетъ на меня ожесточенный сонъ, и повозка моя по грязи плыветъ, дождь сверху по кожѣ хлюпае, а я подъ буркою сплю, якъ правый богатырь, и вижу во снѣ свое торжество: вотъ онъ, потрясователь, сидитъ, и руки ему схвачены и ротъ завязанъ, но все меня хочетъ укусить и наконецъ укусилъ. И я на этомъ возбудился отъ сна: и вижу, что время уже стало по-ночи, и что мы находимся въ какомъ-то какъ будто незнакомомъ мнѣ дикомъ и темномъ лѣсѣ, и что мы для чего-то не ѣдемъ, а стоимъ, и Тереньки на козлахъ нѣтъ, а онъ что-то напередъ лошадей ворочается, или какъ-то лазитъ, и одного рѣзваго коня уже выпрягъ, а другого по копытамъ стучитъ, и этотъ конь отъ тѣхъ ударенiй дергаетъ и всю повозку сотрясаетъ.

Я ему закричалъ:

— Теренька! Что̀ это? Отчего кони такъ дергаютъ и сотрясаютъ?

А онъ отвѣчаетъ.

— Молчать!

— Какъ молчать? Гдѣ мы?

— Не знаю!

— Что̀ это за глупости! Какъ ты не знаешь?!

— Я хотѣлъ по ближней дорожкѣ черезъ лѣсъ проѣхать, да вотъ въ лѣсу и запутался.

— Ты, вѣрно, съ ума сошелъ и хочешь меня убить!..

— Не сто̀итъ рукъ пачкать.

— Кацапъ проклятый! Тебѣ все сто̀итъ: хоть копеечку за душу взять и то выгодно: сто душъ загубишь и сто копеекъ возьмешь! Вотъ тебѣ и рубль! Но я тебѣ лучше такъ всѣ деньги отдамъ, только ты меня, пожалуйста, не убивай.

А онъ на эти слова уже не отвѣчалъ, а вывелъ пристяжную въ сторону и сказалъ:

— Прощай, болванъ! Жди себѣ орденъ бѣшеной собаки!—и поскакалъ и скрылся.

Представьте себѣ вдругъ такое обращеніе, и, какъ я остался одинъ среди незнакомаго лѣса съ однимъ конемъ и не могу себѣ вообразить: гдѣ я, и что̀ со мною этотъ настоящій разбойникъ удѣлалъ?

А онъ такое удѣлалъ, что нельзя было и понять иначе, какъ то, что онъ досталъ мгновенное помѣшательство или имѣлъ глубокій умыселъ, ибо онъ, какъ уже сказано, ускакалъ на пристяжномъ, покинувъ тутъ и свой кучерской армякъ и Христинъ платокъ, которымъ былъ закутанъ—очевидно, отъ мнимой зубной боли, а другому коренному коню онъ, негодяй, подъ копыта два гвоздя забилъ! Ну, не варваръ ли это, кацапская рожа! Боже мій милый, что̀ за положеніе! А дождь такъ и хлыще, а конь больной ногой мотае и стукае, ажъ смотрѣть его жалостно... Думаю: посмотрю-ка я, чи нема у меня подъ сидѣньемъ клещей,—можетъ-быть, я ими хоть одного гвоздя у несчастнаго коняки вытащу. И съ тімъ, знаете, только що снялъ подушку съ сидѣнья, какъ вдругъ что̀ же тамъ вижу: полно мѣсто тіхъ самыхъ госпідскихъ листковъ, що и „мы не такъ живемъ и какъ надо“ и прочіе неподобные глаголы..

Я и упалъ на колѣни, а руки разставилъ, щобъ покрыть сію несподиванную подлость! И тутъ вдругъ мнѣ ясно въ очи ударило, что вѣдь это, очевидно, что потрясователь-то чуть ли не кто другой и былъ, какъ самъ мой Теренька, по прозванью Дарвалдай—лихой; и вотъ я, я самъ и служилъ ему для удобства развозить по всѣмъ мѣстамъ его проклятыя шпаргалки!.. И вотъ оно... вотъ тутъ же при мнѣ находится все самополнѣйшее на меня доказательство моей самой настоящей болванской неспособности и несмотрѣнья...

И подумалъ я себѣ: „А и що жъ то буде за акциденція, якъ я буду сидѣть надъ тѣми листками въ брычкѣ, да буду недоумѣвать да плакать? Дождь перейдетъ, и по дорогѣ непремѣнно кто-нибудь покажется, и я попадусь съ поличнымъ въ политическомъ дѣлѣ! Надо имѣть энергію и отвагу, щобъ это избавить... Надо все это упредить“.

XXVI.

И вотъ я вскочилъ и началъ хапать всѣ сіи проклятыя бумажки! Хотѣлъ, знаете, щобъ стащить ихъ всѣ чисто куда-нибудь въ ровъ или въ болото и тамъ ихъ чѣмъ-нибудь завалить или затоптать, щобы онѣ тамъ исчезли и не помянулись. Ажъ якъ все похваталъ и понесъ подъ симъ страшнѣйшимъ дождемъ и ужаснѣйшими въ мірѣ блистаніями огненной молоньи, то не бачилъ самъ, куда и иду, и попалъ въ семъ незнакомомъ лѣсу дѣйствительно на край глубоченнаго оврага и престрашнѣйшимъ манеромъ загремѣлъ внизъ вмѣстѣ съ цѣлою глыбою размокшей глины. И тутъ, при семъ ужасномъ паденіи, всѣ тѣ шпаргалки у меня изъ рукъ выбило и помчало ихъ неодолѣннымъ бурнымъ потокомъ, въ которомъ и самъ я, крутясь, заливался и уже погибалъ безвозвратно; но бытіе мое однако было сохранено, и я, вообразите, увидалъ себя въ пріятнѣйшемъ покоѣ, который сначала принялъ-было за жилище другого міра, и лежалъ я на мягкой чистѣйшей отъ серебра покрытою простынею постели, а близъ моего изголовья поставленъ былъ столикъ, а на немъ лѣкарства, а невдалекѣ еще навпротивъ меня другой столикъ, а на немъ тихо-тихесенько світитъ ласковымъ свѣтомъ превосходнѣйшая лампа, принакрытая сверху зеленой тафтицей... А далѣе смотрю и вижу, что въ самомъ мѣстѣ, гдѣ освѣщено лампой, что-то скоро-скоро мелькаетъ! Я подумалъ: что̀ это такое, точно какъ будто лапка сѣрой кошечки или еще что̀? Но никакъ не могу разобрать въявѣ: гдѣ жъ это я и по якому такому случаю? И такъ все лежу и що-сь такое думаю, но однако себѣ чувствую, что мнѣ очень прекрасно. Вѣрно, думаю, это, можетъ-быть, и есть „еда пріидеши во царствіе“. Ну да: такъ это и есть: былъ я человѣкъ и дѣлалъ разныя поганыя дѣла, и залился въ потокѣ воды и умеръ, и, должно-быть, по якой, мабуть, ошибкѣ я попалъ теперь въ рай. А може, мнѣ такъ и слѣдуетъ за то, що я находился въ нѣкое время при архіерейскомъ служеніи. А можетъ-быть, я и съ сіей заслугою рая все-таки еще недостоинъ, и это не рай, а что-нибудь изъ языческихъ Овидіевыхъ превращеній. И даже это скорѣй буде такъ для того, что въ раю всѣ сидятъ и співаютъ: „святъ, святъ, святъ“, а тутъ совсѣмъ пѣнія нѣтъ, а тишнота, и меня уже

какъ молонья въ памяти все прожигаетъ, что я былъ становой въ Перегудахъ, и хоть я возлюбилъ почести, отъ коихъ напали на меня безумныя мечты, и началъ я искать не сущихъ въ моемъ станѣ потрясователей основъ и началъ я за кѣмъ-то гоняться и чрезъ долгое время былъ въ страшнѣйшей тревогѣ, а потомъ внезапно во что-то обращенъ въ якое-съ тишайшее существо и помѣщенъ въ семъ очаровательномъ мѣстѣ, и что передъ глазами моими мигаетъ—то мнѣ непонятное—ибо это какія-то непонятныя мнѣ малыя существа, со стручокъ роста, въ родѣ тѣхъ карликовъ, которыхъ, бывало, въ дѣтствѣ во снѣ видишь, и вотъ они между собою какъ бы борются и трясутъ желѣзными кольями, отъ блыщанія коихъ меня замаячило, и я вновь потерялъ сознаніе, и потомъ опять себя вспомнилъ, когда кто-то откуда-то взошелъ и тихо прошепталъ:

— Какъ сегодня нашъ больной?

А другой голосъ также тихо отвѣчалъ:

— Ему лучше. Докторъ надѣется, что сегодня онъ придетъ въ сознаніе.

Первый голосъ мнѣ былъ совсѣмъ незнакомъ, а второй я какъ будто гдѣ-то слыхалъ. Только я опять не разбираю, что̀ они шепчутъ, и сѣрые карлики съ стальными копьями спрятались, и потомъ опять будто черезъ не якое неопредѣленное время знову вижу ту же пріятную комнату, но только уже теперь былъ день, и у того стола, гдѣ кошачьи лапки прыгали, сидитъ дама въ темныхъ очкахъ и чулокъ вяжетъ. Помышляю себѣ: „это прехитрый Овидій хощетъ кого-сь обратить той Юліей, которую я столь поганьски обидѣлъ при жизни моей на землѣ въ Перегудахъ, и которая принесла на меня жалобу дворянскому маршалу. Но, отецъ Овидій, симъ ли ты хочешь менѣ наказать, когда я именно радъ, что вижу ея подобіе и могу теперь просить ее простить мнѣ мое окаянство“. И, чтобы не откладывать сего, произнесъ: „Простите меня!“, но, произнеся эти слова, и самъ не узналъ своего голоса.

А она быстро встала и, тихо поднявъ пальчикъ, шепнула.

— Не говорите: это нельзя вамъ!—и поправила мнѣ что-то у моего лица, и вышла, а вмѣсто нея пришелъ: кто бы ты думали?.. А, ей-Богу, пришелъ самъ маршалокъ!

Ну тутъ я уже припомнилъ не одного Овидія, а и Лукіана и съ его встрѣчами и разговорами въ царствѣ мертвыхъ и, дивясь однимъ глазомъ на вошедшаго, подумалъ:

„Эге, другъ ученый! И ты тутъ! Не спасла, видно, и тебя твоя ученость!“

А онъ замѣтилъ, что у меня одинъ глазъ открытъ, и спросилъ:

— Можете ли вы открыть другой глазъ?

Я ему вмѣсто отвѣта открылъ мой другой глазъ, а самъ спросилъ:

— А вы, ваше сіятельство, когда же почили на землѣ и переселились сюда въ вѣчность?

Онъ меня отчего-то не понялъ, и я его лучше переспросилъ:

— Якъ давно вы изволили вмереть?—На сіе онъ уже улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ; мы съ вами пока еще находимся въ старомъ состояніи, въ кожаныхъ ризахъ. Да намъ и необходимо тутъ еще кое съ чѣмъ раздѣлаться.

Я не все понялъ, но съ этихъ поръ началъ приходить въ себя все чаще и на болѣе продолжительное время, и все видѣлъ около себя то самого предводителя князя Мамуру, то Юлію Семеновну, ибо это была она самая. Онъ и она вырвали меня, якъ поэты говорятъ, „изъ жадныхъ челюстей смерти“, и мало-по-малу Юлія Семеновна въ добрѣйшихъ разговорахъ открыла мнѣ, что я теперь нахожусь въ маршалковомъ домѣ и содерживаюсь тутъ уже болѣе якъ шесть недѣль, а привезенъ я сюда въ безчувственной горячкѣ, самимъ же имъ—маршалкомъ, который обрѣлъ меня въ безуміи моемъ бѣгавшаго подъ молоньями и дождемъ и ловящаго листки типографскіе, разносимые вдаль бѣшеными ручьями. Маршалокъ же тогда ѣхалъ съ какого-то служебнаго дѣла, и его сопровождали сосѣдній становой и еще кто-то, и всѣмъ имъ мое безуміе явлено ясно, и поличье распространенія революціонныхъ бумагъ они взяли, а меня маршалокъ всадилъ къ себѣ въ коляску и привезъ къ себѣ, какъ весьма больного.

Я же все это слушалъ и удивлялся и не воображалъ того, что это только одна капля изъ того всеудивленнаго моря, которое на меня хлынуло, а именно, что я совсѣмъ не въ гостяхъ, а почитаюсь живущимъ у князя подъ домашнимъ арестомъ, доколѣ можно меня при облегченіи недуга оттарабанить въ одно изъ мѣстъ заключенія, и что для караула меня на кухнѣ живутъ два человѣка.

Вотъ вамъ и поздоровъ Боже! Маршалокъ обязанъ былъ извѣстить, когда мнѣ полегчаетъ, и тогда меня увезутъ въ заключеніе и будутъ судить за мои преступленія. Преступленія же мои были самаго ужаснаго характера, ибо я напалъ на дорогѣ на самонскуснѣйшаго агента, который посланъ былъ выслѣдить и изловить самаго дерзновеннѣйшаго потрясователя, распространявшаго листки, и я собственноручно сего агента сцапалъ вмѣсто преступника и лишилъ его свободы и тѣмъ способствовалъ тому, что потрясователь сокрылся, притомъ на моей лошади, ибо злодѣй этотъ былъ именно мой Теренька!.. Пожалуйте!.. О, Боже мій милій! А кто же былъ я? Вотъ только это и есть неизвѣстно, ибо я самъ былъ взятъ на такомъ непонятномъ дѣяніи, которое выяснитъ только наистрожайшее слѣдствіе, то-есть: хотѣлъ ли я сокрыть слѣды онаго злѣйшаго пропагандиста, пометая его значки въ овраги, или же, наоборотъ, былъ съ нимъ въ сообществѣ и старался тѣ проклятства распустить на всю землю, посредствомъ сплава ихъ черезъ устремившіеся потоки.

XXVII.

Когда я это узналъ, то сказалъ предводителю:

— Однако, хоть обвиненъ я жестоко, но, пусть видитъ Богъ, все было не такъ.—И я попросилъ его позволенія разсказать, какъ было, и все, что̀ вы теперь знаете, я разсказалъ ему и вошедшей въ то время Юліи Семеновнѣ, и когда разсказъ мой былъ доведенъ до конца, то я впалъ въ изнеможеніе—очи мои заплющились, а лицо покрылось смертною блѣдностію, и маршалокъ это замѣтилъ и сказалъ Юліи Семеновнѣ:

— Вотъ наинесчастнѣйшій человѣкъ, который охотился за чужими „волосами“, а явился самъ остриженъ. Какое смѣшное и жалкое состояніе, и сколь подло то, что ихъ до этого доводятъ.

А потомъ они сразу стали говорить дальше по-французски, а я по-французски много словъ знаю, но только говорить не могу, потому что у меня носового произносу нѣтъ. И тутъ я услыхалъ, что всему, что̀ надѣлалось, я виноватъ, ибо я самъ взманилъ Тереньку своимъ пустословіемъ, что будто и у насъ есть „элементы“, тогда какъ у насъ, по словамъ маршалка, „есть только элементы для борща и запеканки“. А теперь тотъ Теренька утекъ, а великій скандалъ совершился, и всѣ въ волненіи, а мнѣ быть въ Сибиру! Я же такъ отъ всѣхъ сихъ впечатлѣній усталъ, что уже ничего не боялся и думалъ: „пусть такъ и будетъ, ибо я злое дѣлалъ и злого заслужилъ“.

Но маршалокъ говорилъ также Юліи Семеновнѣ, „что онъ всѣ свои силы употребитъ, чтобы меня защитить“.

И Юлія Семеновна ему тоже отвѣчала:

— Сдѣлайте это.

Добрыя души! И что̀ еще всего дороже: маршалокъ находилъ облегченіе моей гадости.

Онъ говорилъ:

— По совѣсти, я не вижу въ немъ такой вины, за которую наше общество могло бы его карать. Что̀ за ужасная среда, въ которой жилъ онъ: рожденъ въ деревнѣ и съ любовью къ простой жизни, а его пошли мыкать туда и сюда и подъ видомъ образованія освоивали съ такими вещами, которыхъ и знать не сто̀итъ. Тутъ и Овидій, и „оксіосъ", и метаніе орлецовъ, и припѣваніе при благочестивой казни во вкусѣ Жуковскаго, и свѣщи, и гребень „на браду", и знаніе всѣхъ орденовъ, и пытаніе тайностей по „Чину явленія истины"... Помилуйте, какая голова можетъ это выдержать и сохранить здравый умъ! Тутъ гораздо способнѣе сойти съ ума, чѣмъ сохранить оный,—онъ и сошелъ...

Юлія же Семеновна его спросила: „Неужто въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ, что я сумасшедшій?"

— Да,—отвѣчалъ предводитель,—и въ этомъ его счастье: иначе онъ погибъ. Когда его повезутъ, я представлю мои за нимъ наблюденія и буду настаивать, чтобы прежде суда его отдали на испытаніе.

— И знаете,—отозвалась Юлія Семеновна,—это будетъ справедливо; но только я боюсь, что васъ не послушаютъ.

А онъ говоритъ:

— Наоборотъ, я увѣренъ въ полномъ успѣхѣ... Что̀ имъ за радость разводить такую глупую исторію и спроваживать къ Макару злополучнаго болвана (это я-то болванъ!), котораго не выучили никакому полезному дѣлу. Безъ этого бетизы неизбѣжны.

Юлія Семеновна на это сразу не отвѣчала и размѣривала на колѣняхъ чулокъ, который вязала, а потомъ улыбнулась и говоритъ:

— Ахъ, бетизы! Это слово напоминаетъ мнѣ нашу бабушку, которая была когда-то красавица и очень свѣтская, а потомъ, проживши семьдесятъ лѣтъ, оглохла и все сидѣла у себя въ комнатѣ и чулки вязала. Къ гостямъ она не выходила, потому что тетя Оля, ея старшая дочь и сестра моей матери, находила ее неприличною. А неприличіе состояло въ томъ, что бабушка стала дѣлать разныя „бетизы", какъ-то цмокала губами, чавкала, и что̀ всего ужаснѣе—постоянно стремилась чистить пальцемъ носъ... Да, да, да! И сдѣлалась она этимъ намъ невыносима, а между тѣмъ въ особые семейные дни, когда собирались всѣ родные и пріѣзжали важные гости, бабушку вспоминали, о ней спрашивали, и потому ее выводили и сажали къ столу,—что̀ было и красиво, потому что она была кавалерственная дама, но тутъ отъ нея и начиналось „сокрушеніе", а именно, привыкши одна вязать чулокъ, она уже не могла сидѣть безъ дѣла, и пока она ѣла вилкой или ложкой, то все шло хорошо, но чуть только руки у нея освободятся, она сейчасъ же ихъ и потащитъ къ своему носу... А когда всѣ на нее вскинутся и закричатъ: „Перестаньте! Бабушка! Ne faites pas de bêtises!"—она смотритъ и съ удивленіемъ спрашиваетъ:

— Что̀ такое? Какую я сдѣлала bêtise?

И когда ей покажутъ на носъ, она говоритъ: „А ну васъ совсѣмъ. Дайте мнѣ чулокъ вязать, и bêtise не будетъ". И какъ только ей чулокъ дадутъ, она начинаетъ вязать и ни за что носа не тронетъ, а сидитъ премило. То же самое, можетъ-быть, такъ бы и всѣмъ людямъ...

— Именно!—поддержалъ, разсмѣявшись, предводитель,—ваша бабушка даетъ прекрасную иллюстрацію къ тому трактату, который очень бы хорошо заставить послушать многихъ охотниковъ совать руки, куда имъ не слѣдуетъ.

Но тогда и Юлія Семеновна въ насмѣшку надъ собою сказала:

— Вотъ я потому все и вяжу чулки.

— И что̀ же,—сказалъ князь,—вы по крайней мѣрѣ навѣрно никому не дѣлаете зла.

И, сказавъ это, онъ вышелъ, а я всю ночь чувствовалъ, что я нахожусь съ такими наипрекраснѣйшими людьми, какихъ еще до сей поры не зналъ, и думалъ, что мнѣ этого счастья уже довольно, и пора мнѣ ихъ освободить отъ себя и надо уже итти и пострадать за тѣ бетизы, которыя надѣлалъ.

Во мнѣ произошелъ переворотъ моихъ понятій.

XXVIII.

Съ возбужденіемъ сердечнѣйшаго чувства я всталъ рано утромъ и, якъ взглянулъ на себя, такъ даже испугался, якій сморщеноватый, и очи потухлы и зубы обнаженны, и все дѣло дрянь. Кончено мое кавалерство: я старикъ! Скоро я увидалъ Юлію Семеновну и сейчасъ же ей сказалъ:

— Позвольте мнѣ провязать одинъ разъ въ вашемъ вязаніи!

Она же подала и удивилась, что я умѣю, а я ей сказалъ:

— Вотъ я теперь и буду это дѣлать въ память препочтенной вашей бабушки и кавалерственной дамы.

Она спросила:

— А то для чего вамъ?

А я отвѣчалъ:

— Не хочу больше подражать ничьимъ бетизамъ, я теперь въ здѣшней жизни уже конченный.

Она улыбнулась и хотѣла взять въ шутку, но я говорю:

— Это не шутка! Да и довольно мнѣ вѣтры гонять.

И еще я сказалъ, что я сильно тронутъ всѣмъ, что̀ отъ нея добра видѣлъ, но не хочу болѣе отягощать собою великодушіе князя и прошу его предоставить меня моей участи.

Она на меня посмотрѣла и вмѣсто того, чтобы оспаривать меня, сказала: „ваше теперешнее настроеніе такъ хорошо, что ему не надо препятствовать", и взялась переговорить за меня съ княземъ, и тотъ подалъ мнѣ руку, а другою рукою обнялъ меня и сказалъ:

— У вашего философа Сковороды есть одно прелестное замѣчаніе: „цыпленокъ зачинается въ яйцѣ тогда, когда оно портится", вотъ и вы, я думаю, теперь не годитесь болѣе для прежняго своего занятія, а зато въ духѣ вашемъ поднимается лучшее.

Я отвѣчалъ:

— Можетъ-быть, можетъ-быть! — и больше съ нимъ избѣгалъ говорить, потому что былъ тронутъ.

И такъ меня отъ нихъ увезли и привезли прямо сюда въ сумасшедшій домъ на испытаніе, которое въ ту же минуту началось, ибо, чуть я переставилъ ногу черезъ порогъ, какъ ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ жестяной коронѣ и, подставивъ мнѣ ногу, ударилъ меня по затылку и закричалъ:

— Развѣ не видишь, кто я? Болванъ!

— Болванъ я,—отвѣчаю,—это вѣрно, но вашего сана не постигаю.

А онъ отвѣчаетъ:

— Я король Бриндахлыстъ.

— Привѣтъ мой, ваше королевское величество!

Онъ сейчасъ же сдобрился и по макушкѣ меня погладилъ.

— Это хорошо, говоритъ, я такъ люблю, — ты можешь считать себя въ числѣ моихъ вѣрноподданныхъ.

А я посмотрѣлъ, что у него туфли на босу ногу и ноги синія, и отвѣчаю:

— Благодарю покорно, а что̀ же это твои подданные плохо, вѣрно, о твоемъ величествѣ думаютъ: вонъ какъ у тебя ножки посинѣли?

— Да, говоритъ, братъ, посинѣли..

А потомъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Знаешь, это однако только тогда, когда бываетъ холодно,—тогда, братъ, что̀ дѣлать... тогда вѣдь и мнѣ бываетъ холодно. Да,—я не могу приказать, чтобы въ моемъ царствѣ было иначе.

— Совершенно, говорю, правда!

— А вотъ то-то и есть! Приказываю, а такъ не выходитъ.

— Ну, не робѣй, братъ: я тебѣ шерстяные чулки свяжу!

— Что ты!

— Вѣрь честному слову.

— Сдѣлай одолженіе! Вѣдь у меня особая обязанность: я долженъ отлетать на болота и высиживать тамъ цаплины яйца. Изъ нихъ выйдетъ жаръ-птица!

И когда я ему связалъ чулки, онъ ихъ надѣлъ и сказалъ:

— Ты насъ согрѣлъ, и поелику сіе намъ пріятно, мы жалуемъ тебя нашимъ лейбъ-вязальщикомъ и повелѣваемъ обвязывать всѣхъ моихъ босыхъ вѣрноподданныхъ.

И вотъ я уже много лѣтъ здѣсь живу и всѣми любимъ, потому что, должно-быть, я, знаете, дѣло дѣлаю.

XXIX.

Разъ я спросилъ у разсказчика: какъ же былъ рѣшенъ вопросъ объ его испытаніи?

Онъ отвѣчалъ, что все рѣшено правильно, и онъ признанъ сумасшедшимъ, потому что это такъ и есть, да это и всякому должно быть очевидно, потому что невозможно же, чтобы человѣкъ со здоровымъ умомъ пошелъ за шерстью, а воротился самъ остриженный.

Объ актѣ освидѣтельствованія его въ спеціальномъ присутствіи онъ говорилъ неохотно и не много. Противъ довольно общаго обыкновенія почитать это актомъ величайшей важности, онъ такъ не думалъ, и отъ него даже трудно было узнать поименно: кто именно присутствовалъ при томъ, когда его признали сумасшедшимъ. Онъ дѣлалъ кисловатую позу рожи и говорилъ:

— Были тамъ не якіе велыки паны... всіхъ ихъ ажъ до чорта, такъ что и помнить не можно, и всякій на тебя очи бôчитъ и устами гогочетъ и хочетъ разговаривать... Тпфу имъ,—совсімъ волненіе достать можно!..

— Ну, а вы же все-таки хорошо съ ними говорили?

— Да говорилъ же, говорилъ... Но, послушайте: чтобы я хорошо или нехорошо говорилъ,—за это я вамъ заручать за себя не могу, потому что, знаете, отъ этого ихъ приставанія со мною тоже случилось волненіе,—можетъ, больше черезъ то, что у меня отняли изъ рукъ чулокъ вязать и положили его на сводъ законовъ, на этажерку. Я говорилъ: „не отбирайте у меня,—я привыкъ чулокъ вязать и на все могу отвѣчать при вязаньи“, но прокуроръ, или то не прокуроръ, а полковникъ сказали, что это невозможно, ибо я долженъ сосредоточиваться, такъ какъ отъ этого многое зависитъ. И стали меня пытать: черезъ что я такъ вздумалъ опасоваться вездѣ потрясователей и искать ихъ въ шляпахъ земли греческой? И я все по всей святой правдѣ отвѣтилъ, что такая была повсемѣстно говôрка, и я желалъ отличиться и получить орденъ, въ чемъ мнѣ и господинъ полковникъ хотѣлъ оказать поддержку, но паны, мабуть, взяли это за лживое и переглянулись съ улыбкой, а меня спросили: „Зачѣмъ же вы не надлежащее лицо взяли?“ Я отвѣчалъ: „По ошибкѣ и прошу въ томъ помиловать, ибо онъ скакалъ въ греческой шляпѣ“. А тогда вдругъ и посыпали съ разнѣйшихъ сторонъ все спрашивать разное:

— Зачѣмъ вы измѣнили ваши виды и намѣренія?

— Не было никакихъ намѣреній!

— Отчего же вы такъ струсились?

— Помилуйте, какъ же его не струситься, когда онъ вдругъ подъ дождемъ среди темнаго лѣса меня завезъ и вдругъ выпрягаетъ одного коня, а другому бьетъ въ ногу гвоздь и говоритъ, что мнѣ дадутъ орденъ бѣшеной собаки!.. И послѣ того я вижу папирки и понимаю, что это и есть то самое, что мы учили о Франціи, которая содѣлалась республикой!.. И я сейчасъ же захотѣлъ это все скорѣй уменьчтожить, но далѣе... вотъ тутъ сказать господинъ князь, который тогда меня взялъ и кормилъ, и поилъ, и отъ темной ночи взиралъ... А меня спрашиваютъ: „что на васъ такъ повліяло, что вы у князя совсѣмъ перемѣнились?“ Какъ же это объяснить: чего я самъ не замѣтилъ, какъ сдѣлалось! Можетъ-быть, потому, что я боленъ былъ и вспоминалъ „смерть и судъ“ и я понялъ ничтожество. А можетъ-быть, отъ вліянія добрыхъ людей сталъ любить тишноту и ненавидѣть скоки и рычанія, и мартальезу. Пойте вотъ что хотите, а я никакихъ бетизовъ дѣлать не хочу, и кричу вамъ: „дайте мой чулокъ!“ И все неудержимо разъ отъ разу громче: „Дайте мнѣ чулокъ вязать!.. Дайте мнѣ чулокъ вязать!..“ А когда жъ они не хотѣли мнѣ дать, то что я виноватъ въ томъ, что меня волненіе охватило! О, Боже мой! Я и не помню, какъ я вскочилъ на столъ и зарыдалъ, и началъ топотаться ногами, и ругать всѣхъ наипозорнѣйшими словами, какими даже никогда и не ругался, и ужаснѣющимъ голосомъ вскрикивалъ: „Дайте мнѣ чулокъ вязать, гаспиды! Дайте чулокъ вязать, ибо я вамъ чортъ знае якія бетизы сейчасъ на столѣ надѣлаю!“ И потомъ уже ничего не помню, ажъ до того часу, какъ снова увидалъ себя здѣсь на койкѣ въ свивальникахъ. И тогда опять сказалъ: „Дайте чулокъ вязать!“ И когда мнѣ дали—я и утишился. А вотъ теперь знову вспомнилъ, якъ ті гаспиды хотѣли, щобъ я мартальезу заспівалъ и... ой, знову... дайте мнѣ скорѣе мой чулокъ вязать!.. а то я буду въ волненіи!

XXX.

Я потревожилъ Перегуда и другими вопросами: не тяжело ли ему его долговременное пребываніе въ сумасшедшемъ домѣ?

Онъ отвѣчалъ:

— И немалесенько! Да и що такое вы называете здѣсь „сумасшедшій домъ“! Полноте-съ! Здѣсь очень хорошо: я вяжу чулки и думаю, що хочу, а чулки дарю,—и меня за то люблятъ. Всѣ, батюшка мой, подарочки люблятъ! Да-съ, люблятъ и „благодару вамъ“ скажутъ. А впрочемъ, есть нѣкоторые и неблагодарные, какъ и на во всемъ світі... О, Господи! Одно только, что здѣсь немножко очень сильно шумятъ... Это, знаете, она... бездна безумія... О, страшная бездна! Но ночью, когда всѣ уснутъ, то и здѣсь иногда становится тихо, и тогда я беру крылья и улетаю.

— Мысленно улетаете?

— Нѣтъ совсѣмъ, зъ цѣлой истотою.

— Куда же вы летите?... Это можно спросить?

— Ахъ, можно, мій друже, можно! Про все спросить можно!—вздохнулъ онъ и добавилъ шопотомъ, что онъ улетаетъ отсюда „въ болото“ и тамъ высиживаетъ среди кочекъ цаплины яйца, изъ которыхъ непремѣнно должны выйти жаръ-птицы.

— Вамъ, я думаю, жутко тамъ ночью въ болотѣ?

— Нѣтъ; тамъ насъ много знакомыхъ, и всѣ стараются вывести жаръ-птицы, только пока еще не выходятъ потому, что въ насъ много гордости.

— А кто же тамъ изъ знакомыхъ: можетъ-быть, Юлія Семеновна?

— Сія давно сидитъ за самою первою кочкой.

— А князь или предводитель?

— Его нѣтъ. Онъ вѣритъ въ цивилизацію и—представьте—онъ старался меня убѣдить, что надо жить своимъ умомъ. Онъ противъ чулокъ и говоритъ, что будто „съ тѣхъ поръ, какъ я перестал подражать однимъ бетизамъ, я началъ подражать другимъ“. Да, да, да! Онъ говорилъ мнѣ про какого-то нѣмца, который выучилъ всю русскую грамматику, а когда къ нему пришелъ человѣкъ по имени Иванъ Ивановичъ Ивановъ, то онъ счелъ это за шутку и сказалъ: „Я спай: Иванъ—мôшна, Иванишъ—восмошна, а Иванофъ—не дольшна“. Я спросилъ, къ чему же мнѣ эта грамматика? А князь мнѣ отвѣчалъ: „Это къ тому, что не все сдѣланное съ успѣ-

хомъ однимъ человѣкомъ хорошо всѣмъ продѣлывать до обморока. Вспомните, говоритъ, хоть своего Сковороду: надо итти и тащить впередъ своего „тѣлеснаго болвана“.

Я сказалъ, что это и правда!

— Правда,—повторилъ тихо и Перегудъ и, вздохнувъ, опять повторилъ:—правда!—А потомъ взялъ въ руки свой чулокъ и зачиталъ:—„Вотъ грамматика, вотъ грамматика, вотъ какая грамматика: Я хожу по ковру и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врешь, и онъ ходитъ, пока вретъ, и мы ходимъ, пока времъ, и они ходятъ, пока врутъ... Пожалѣй всѣхъ, Господи, пожалѣй! Для чего всѣ очами ббчутъ, а устами гогочутъ, и мѣняются якъ луна и безпокоятся якъ сатана? Жаръ-птица не зачинается, когда всѣ сами хотятъ цаплины яйца съѣсть. Ой, затурмантовали бідолагу болвана, и весь умъ у него помутився. Нѣтъ, ну васъ!.. Прощайте!

Онъ вдругъ надулся, сдѣлалъ угрюмую позу рожи и ушелъ быстро, шевеля спицами своего вязанья.

Теперь это былъ настоящій сумасшедшій, словамъ котораго не всякій согласился бы вѣрить, но любитель правды и добра долженъ съ сожалѣніемъ смотрѣть, какъ отходитъ этотъ духъ, обремененный надѣтыми на него тѣлесными болванами. Онъ хочетъ осчастливить своимъ „животнымъ благоволеніемъ“ весь міръ, а сила вещей позволяетъ ему только вязать чулки для товарищей неволи.

Эпилогъ.

Онопрій Опанасовичъ Перегудъ почилъ великолѣпно и оставилъ по себѣ память въ сумасшедшемъ домѣ. Отшелъ онъ отсюда въ невѣдомый путь, исполненный лѣтъ и добраго желанія совершить „всякое животное благоволеніе“.

Послѣдніе дни своего пребыванія на землѣ Перегудъ испыталъ высокое счастіе вѣрить въ возможность лучшей жизни въ этой юдоли смерти. Самъ онъ ослабъ, какъ кузнечикъ, доживщій до осени, и давно былъ готовъ оторваться отъ стебля, какъ созрѣвшая ягода; онъ еще думалъ объ открытіяхъ, съ которыхъ должно начаться „обновленіе угасающаго ума“.

Неустанно вязавши чулки, Перегудъ додумался, что „надо изобрѣсть печатаніе мыслей“. Гутенбергово изобрѣтеніе печатанія на бумагѣ онъ признавалъ ничтожнымъ, ибо оно не можетъ бороться съ запрещеніями. Настоящее изобрѣтеніе будетъ то, которому ничто не можетъ помѣшать свѣтить на весь міръ. Печатать надо не на тряпкѣ, и не на папирусѣ, а также и не на телячьей и не на ослиной кожѣ... Убивать животныхъ не будутъ... Каждое утро, прежде чѣмъ заалѣетъ заря— въ этотъ часъ, когда точатъ убійственный ножъ, чтобы, „снявъ плуга ярмо, зарѣзать имъ пахаря“, Перегудъ видитъ, какъ несется на облакахъ тѣнь Овидія и запрещаетъ людямъ „пожирать своихъ кормильцевъ“, а люди не слышатъ и не видятъ. Перегудъ хочетъ, чтобы всѣ это видѣли и слышали это и многое другое, и чтобы всѣ ужаснулись того, чтò они дѣлаютъ, и поняли бы то, чтò имъ надо дѣлать. Тогда жить и умирать не будетъ такъ страшно, какъ нынче!.. Онъ все напечатаетъ прямо по небу!.. Это очень просто. Надо только узнать: отчего блистаетъ свѣтъ, и какъ огустѣваетъ тьма...

Перегудъ покидалъ чулокъ и рисовалъ и вырѣзывалъ изъ бумаги огромныя глаголицкія буквы: онъ будетъ ими отражать прямо на небо то, про что восшумитъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ: „Готовьте путь! Готовьте путь!“ Ужъ слышенъ росный духъ, и какъ только держащій составъ водъ отворитъ бездну, тогда сейчасъ твердый ледъ станетъ жидкой влагою и освѣжаетъ все естество и деревья дубравныя, и возгремитъ Божіе страшное великолѣпіе!

И вотъ разъ послѣ жаркаго дня, который, по обычаю, на разсвѣтѣ предварила Перегуду Овидіева тѣнь, стали сбираться тучи съ разныхъ сторонъ и столкнулись на одномъ мѣстѣ. Буря ударила, пыль понеслася, зарѣяли молоньи, и загремѣли одинъ за другимъ непрерывно громовые раскаты.

Пришло страшное явленіе юга—„воробьиная ночь“, когда вспышки огня въ небесахъ ни на минуту не гаснутъ, и, гдѣ они вспыхнутъ, тамъ освѣщаютъ удивительныя группы фигуръ на небѣ и сгущаютъ тьму на землѣ.

Въ сумасшедшемъ домѣ, какъ и вездѣ, гдѣ это было видно, царилъ ужасъ... кто стоналъ, кто трясся и плакалъ, нѣкоторые молились, а кто-то одинъ декламировалъ:

> Страшно въ могилѣ холодной и темной,
> Вѣтры тамъ воютъ—гробы трясутся,
> Бѣлыя кости стучатъ...

Но Перегудъ „побѣдилъ смерть“, онъ давно усталъ и самъ давно хотѣлъ уйти въ шатры Симовы. Тамъ можно спать лучше, чѣмъ подъ тяжестью пирамидъ, которыя фараоны нагромоздили себѣ руками рабовъ, истерзанныхъ голодомъ и плетью. Онъ отдохнетъ въ этихъ шатрахъ, куда не придетъ угнетатель, и узнаетъ себя снова тамъ, гдѣ угнетенный не ищетъ быть ничьимъ господиномъ... Онъ ощутилъ, что его время пришло! Перегудъ схватилъ изъ своихъ громаднѣйшихъ литеръ Глаголь и Добро, и вспрыгнулъ съ ними на окно, чтобы прислонить ихъ къ стекламъ... чтобы пошли отраженья овамо и семо.

„Страшное великолѣпіе“ освѣтило его буквы и въ самомъ дѣлѣ что-то отразило на стѣнѣ, но чтò это было, того никто не понялъ, а самъ Перегудъ упалъ и не поднимался, ибо онъ „ушелъ въ шатры Симовы“.

Многіе изъ сумасшедшихъ при погребеніи Перегуда имѣли на себѣ чулки его работы, и нѣкоторые при этомъ плакали, а еще болѣе чувствительные даже пали ницъ и при отпѣваніи брыкали обутыми ногами.

Скотской бунтъ.

(Письмо малороссійскаго помѣщика къ своему петербургскому пріятелю).

Посмертный очеркъ **Н. И. Костомарова** *).

У насъ происходили необыкновенныя событія, до того необыкновенныя, что, если бъ я не видалъ ихъ собственными глазами, то ни за что не повѣрилъ бы, услышавши объ нихъ отъ кого бы то ни было, или прочитавъ гдѣ-нибудь. События совершенно невѣроятныя. Бунтъ, возстаніе, революція!

Вы подумаете, что это какое-то неповиновеніе подчиненныхъ или подначальныхъ противъ своихъ властей. Точно такъ. Это бунтъ не то что подчиненныхъ, а подневольныхъ, только не людей, а скотовъ и домашнихъ животныхъ. Мы привыкли считать всѣхъ животныхъ существами безсловесными, а потому и неразумными. Подъ угломъ человѣческаго воззрѣнія оно кажется логичнымъ: не умѣютъ говорить, какъ мы говоримъ между собою, стало-быть, и не думаютъ и ничего не разумѣютъ!

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Мы не можемъ объясняться съ ними и оттого считаемъ ихъ неразумными и безсловесными, а на самомъ дѣлѣ выходитъ, какъ пообсудимъ хорошенько, что мы сами не разумѣемъ ихъ языка. Вѣдь ученые доказываютъ, что названіе „нѣмецъ" значитъ нѣмой, и эта кличка дана славянами народамъ тевтонскаго племени оттого, что славяне не понимали рѣчи этихъ народовъ. Точно то же произошло и здѣсь.

Въ послѣднее время наука начала открывать, что у животныхъ, которыхъ мы, по нашему легкомыслію, честимъ безсловесными и неразумными, есть свой способъ передавать впечатлѣнія—свой собственный языкъ, не похожій на нашъ, человѣческій. Объ этомъ уже писано было много. Мы, живучи въ хуторской глуши, не читаемъ такихъ сочиненій, слышимъ только, что есть они гдѣ-то въ Европѣ; зато у насъ найдутся такіе мудрецы, которые получше европейскихъ ученыхъ ознакомились со способами, какими скоты выражаютъ свои мысли.

И въ нашемъ хуторѣ есть такой мудрецъ. Зовутъ его Омелько. Удивительный, я вамъ скажу, человѣкъ! Никакихъ книгъ онъ не читалъ, да и грамотѣ не учился, а знаетъ въ совершенствѣ языки и нарѣчія всѣхъ домашнихъ животныхъ: и воловъ, и лошадей, и овецъ, и свиней, и даже куръ и гусей! И какъ онъ, подумаете, могъ этому всему научиться, когда ни у васъ ни у насъ да и нигдѣ нѣтъ ни грамматикъ ни словарей скотскихъ нарѣчій!

Все постигъ Омелько, благодаря своимъ необычнымъ способностямъ, безъ всякихъ руководствъ, вооружаясь единственно продолжительною, упорною наблюдательностью надъ скотскими нравами и бытомъ.

Омелько находится при скотахъ отъ младыхъ ногтей, уже болѣе сорока лѣтъ. Такихъ у нас въ Малороссіи не мало, но никто не достигъ и четверти тѣхъ познаній, какими обладаетъ Омелько. Онъ до того усвоилъ языкъ скотовъ, что стòитъ только волу замычать, овцѣ заблеять, свиньѣ захрюкать,—и Омелько сейчасъ вамъ скажетъ, что̀ животное хочетъ выразить. Этотъ единственный въ своемъ родѣ знатокъ скотской природы ни за что не соглашается съ тѣми, которые допускаютъ въ скотахъ присутствіе умственныхъ способностей только въ слабой степени въ сравненіи съ человѣческими. Омелько увѣряетъ, что скоты показываютъ ума не меньше, какъ и человѣкъ, а иногда даже и больше. Сколько разъ, бывало, замѣчалъ по этому поводу Омелько: „поѣдешь ночью, дорогу плохо знаешь и собьешься, ищешь-ищешь, не находишь; тогда коню своему дай волю, онъ самъ лучше найдетъ дорогу и привезетъ тебя, куда нужно".

И съ волами такое бываетъ: пасутъ мальчишки воловъ, да заиграютъ или заспятъ, а воловъ растеряютъ; плачутъ потомъ, бѣдные, а волы—сами безъ пастуховъ домой прибредутъ. Одинъ разъ понамарь, пріѣзжавшій изъ нашего прихода, что̀ за семь верстъ, сталъ разсказывать про Валаама и его ослицу, которую для удобопонятливости переименовалъ въ кобылу. Омелько, слушая, сказалъ: „нѣтъ ничего мудренаго: значитъ, лошадиный языкъ понималъ. Дѣло возможное. И мнѣ бы, можетъ-быть, кобыла такое сказала". Многое, очень многое, сообщалъ намъ Омелько изъ своихъ многолѣтнихъ опытовъ обращенія со скотами разныхъ породъ, объясняя странное событіе, о которомъ мы сейчасъ разскажемъ.

Еще съ весны 1879 года у меня въ имѣніи между скотами разныхъ наименованій начали показываться признаки сопротивленія и непокорства, возникъ духъ какого-то революціоннаго движенія, направленнаго противъ власти человѣческой, освѣщенной вѣками и преданіями.

По замѣчанію Омелька, первые симптомы такого направленія появились у бугаевъ, которые вездѣ съ незапамятныхъ временъ отличались склонностью къ своеволію, почему нерѣдко человѣкъ принужденъ былъ прибѣгать къ строгимъ, иногда жестокимъ, мѣрамъ для ихъ обузданія. У насъ въ имѣніи былъ такой бугай, что его боялись пускать со стадомъ въ поле, держали постоянно въ запертомъ загонѣ, а когда водили на водопой, то не иначе, какъ съ цѣпями на ногахъ и съ деревяннымъ зонтикомъ, устроеннымъ надъ глазами, для того, чтобы не дать ему ничего видѣть на пути передъ собою; иначе онъ былъ такъ свирѣпъ, что на каждаго встрѣчнаго бросится и подниметъ его на рога ни за что ни про что. Нѣсколько разъ думалъ-было я убить его, но каждый разъ спасалъ ему жизнь Омелько, увѣряя, что этотъ бугай обладаетъ такими великими достоинствами, присущими его бычачьей натурѣ, что потерю его не легко замѣнить будетъ другимъ бугаемъ.

По настоянію Омелька я рѣшилъ оставить его въ живыхъ, но съ тѣмъ, чтобы взяты были самыя строгія мѣры предосторожности, чтобъ этотъ буянъ не надѣлалъ кому-нибудь непоправимой бѣды. Бывало, когда ведутъ его, то деревенскіе мальчишки, заслышавши еще издали его страшный ревъ, разбѣгались въ разныя стороны, чтобъ не попасться навстрѣчу свирѣпому животному. Всѣ мы думали, что только скотская прыть и тоска отъ нескончаемой неволи дѣлали его такимъ свирѣпымъ, но Омелько, руководствуясь своимъ знаніемъ скотскихъ нарѣчій, подмѣтилъ, что ревъ нашего бугая выражалъ нѣчто поважнѣе: агитацію къ мятежу и неповиновенію.

У бугаевъ, по соображеніямъ Омелька, бываютъ такія качества, какія встрѣчаются у нѣкоторыхъ особей изъ нашего брата-человѣка: у нихъ какая-то постоянная неукротимая страсть волновать безъ всякой прямой цѣли, смута для смуты, мятежъ для мятежа, драка для драки; спокойствіе имъ пріѣдается, отъ порядка ихъ тошнитъ, имъ хочется, чтобъ вокругъ нихъ все бурлило, все шумѣло; при этомъ ихъ восхищаетъ сознаніе, что все это надѣлано не кѣмъ другими, а ими. Такихъ существъ можно найти, какъ мы сказали, между людьми; есть они и между скотами. Такимъ былъ и нашъ бугай, и отъ него-то, всескотнаго агитатора, пошло начало

*) Рукопись эта найдена при разборѣ бумагъ покойнаго Николая Ивановича Костомарова, и печатается съ разрѣшенія Литературнаго Фонда, которому принадлежитъ право собственности на всѣ сочиненія нашего знаменитаго историка.

ужаснаго возстанія, о которомъ идетъ рѣчь. Стоя постоянно въ своемъ загонѣ въ грустномъ одиночествѣ, нашъ бугай ревѣлъ безпрестанно и днемъ и ночью, и Омелько, великій знатокъ бычачьяго языка, услышалъ въ этомъ ревѣ такія проклятія всему роду человѣческому, какихъ не выдумалъ бы самъ Шекспиръ для своего Тимона Аѳинскаго; когда же сходились въ вечеру въ загонъ съ пастбищъ волы и коровы, бугай заводилъ вечернія бесѣды со своимъ рогатымъ братствомъ, и тутъ-то удалось ему посѣять между товарищами по породѣ первыя сѣмена преступнаго вольнодумства. Омелько за свою долголѣтнюю службу возведенъ былъ въ санъ главноуправляющаго всею скотскою областью, и въ его вѣдомствѣ были уже не только волы и коровы, но и овцы, и козы, и лошади, и свиньи. Само собою разумѣется, что, на высотѣ своего министерскаго достоинства, при многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, ему невозможно было быть часто близкимъ свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ бесѣдъ и потому тотчасъ принять первоначальныя предупредительныя мѣры,— то была обязанность низшихъ должностныхъ лицъ.

Но при глубокомъ знакомствѣ со скотскою рѣчью и со скотскими нравами Омельку было достаточно раза два-три зайти въ загонъ, гдѣ помѣщался рогатый скотъ, чтобы по нѣкоторымъ подмѣченнымъ чертамъ впослѣдствіи, когда произошелъ взрывъ мятежа, тотчасъ узнать, откуда истекалъ онъ въ самомъ началѣ. Къ сожалѣнію, замѣчу я, Омелько отличался чрезвычайною кротостью и мягкостью въ системѣ управленія и снисходительно относился къ тому, противъ чего бы, какъ показали послѣдствія, слѣдовало тогда еще прибѣгнуть къ самымъ крутымъ способамъ искорененія зла въ самомъ зародышѣ. Не одинъ разъ до ушей Омелька, входившаго на короткое время неожиданно въ загонъ, долетали возмутительныя выходки бугая, но Омелько смотрѣлъ на нихъ, какъ на заблужденія молодости и неопытности. Рѣчи же, произносимыя бугаемъ на такихъ митингахъ, были въ переводѣ на человѣческій языкъ такого смысла:

— Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чѣмъ та, которую вы несете по волѣ невѣдомой судьбы, отдавшей васъ въ рабство тирану-человѣку! Долго,—такъ долго, что не нашей скотской памяти прикинуть, какъ долго,—пьете вы ушатъ бѣдствій и допить его до дна не можете!

„Пользуясь превосходствомъ своего ума передъ нашимъ, коварный тиранъ поработилъ насъ, малоумныхъ, и довелъ до того, что мы потеряли достоинство живыхъ существъ и стали какъ бы немыслящими орудіями для удовлетворенія его прихотей. Доютъ люди нашихъ матерей и женъ, лишая молока нашихъ малютокъ-телятъ, и чего-то ни выдѣлываютъ они изъ нашего коровьяго молока! А вѣдь это молоко—наше достояніе, а не человѣческое! Пусть бы люди, вмѣсто нашихъ коровъ, своихъ бабъ доили, такъ нѣтъ: свое, видно, имъ не такъ хорошо, наше, коровье, вкуснѣе! Но это бы еще ничего. Мы, скоты, народъ добросердечный, дозволили бы себя доить, лишь бы чего хуже съ нами не дѣлали. Такъ нѣтъ же; посмотрите, куда дѣваются бѣдные телята. Положатъ бѣдняжекъ-малютокъ на возъ, свяжутъ имъ ножки и везутъ! А куда ихъ везутъ? На зарѣзъ везутъ бѣдненькихъ малютокъ, оторванныхъ отъ материныхъ сосцевъ! Алчному тирану понравилось ихъ мясо, да еще какъ! За лучшее себѣ кушанье онъ его считаетъ! А со взрослыми братьями нашими что̀ тиранъ выдѣлываетъ?

„Вонъ, братія наша, благородные волы, неся на выяхъ своихъ тяжелое ярмо, волочатъ плугъ и роютъ имъ землю: нашъ тиранъ бросаетъ въ изрытую воловьимъ трудомъ землю зерна, изъ тѣхъ зеренъ вырастаетъ трава, а изъ той травы умѣетъ нашъ тиранъ сдѣлать такую вотъ глыбу, словно бы земля, только бѣлѣе, и называетъ это нашъ тиранъ хлѣбомъ и пожираетъ его затѣмъ, что оно очень вкусно.

„А нашъ братъ-рогачъ пусть отважится забраться на ниву, вспаханную прежде его же собственнымъ трудомъ, чтобъ отвѣдать вкусной травки, сейчасъ гонятъ нашего брата оттуда бичомъ, а не то и дубиною. А вѣдь по правдѣ, такъ наше достояніе—трава, что̀ вырастаетъ на той нивѣ, а не человѣка: вѣдь наша братія тащила плугъ и землю взрывала; безъ того трава эта не выросла бы на нивѣ сама собою. Чья была работа—тотъ и пользуйся тѣмъ, что̀ вышло изъ той работы. Слѣдовало бы такъ: насъ въ плугъ запрягали, нашимъ трудомъ вспахали ниву, такъ намъ и отдай траву, что̀ на той нивѣ посѣяна, а коли такъ, что и ему, человѣку, нужно взять себѣ за то зерно, что̀ онъ бросалъ въ изрытую нашимъ трудомъ землю, такъ ужъ по крайности такъ: половину отдай намъ, а другую половину себѣ возьми. А онъ, жадный, все одинъ себѣ забираетъ, намъ же достаются отъ него одни побои. Но братъ нашъ скотъ такой добросердечный народъ, что и на то бы согласился. Такъ развѣ этимъ и кончается жестокость нашего тирана надъ взрослыми волами!

„Случалось ли вамъ, братцы, пасясь въ полѣ, видѣть, какъ по столбовой дорогѣ гонятъ стадо нашего брата рогатаго скота либо овецъ. Стадо такое жирное, веселое, играетъ! Подумаете: сжалился тиранъ, раскаялся въ своихъ злодѣяніяхъ надъ нашею породою. Откормилъ нашу братію и на волю пустилъ! Какъ бы не такъ! Глупое стадо играетъ и думаетъ, что его и впрямь отпустили на волю, въ широкую степь провожаютъ. Узнаетъ скоро оно, какая воля его ожидаетъ! Тиранъ точно кормилъ его; все лѣто нашъ братъ-скотъ гулялъ на степи въ полномъ довольствѣ, и работою его не томили, но зачѣмъ это дѣлалось? Отчего тиранъ сталъ къ скотамъ такъ милостивъ? А вотъ зачѣмъ; спросите, куда теперь это стадо гонятъ, и узнаете, что злодѣй-хозяинъ продалъ свое стадо другому злодѣю человѣческой породы, а тотъ гонитъ его въ большіе людскіе загоны, что̀ зовутся у нихъ городами. Какъ только пригонятъ туда стадо, такъ и поведутъ бѣдныхъ скотовъ на бойню, и тамъ старымъ воламъ будетъ такая же участь, какъ молодымъ телятамъ, да еще мучительнѣе. Знаете ли, братцы, что̀ такое эта бойня, куда ихъ пригонятъ? Холодъ пройдетъ по нашимъ скотскимъ жиламъ, какъ вообразишь, что̀ тамъ дѣлается, на этой бойнѣ, и не даромъ нашъ братъ-скотъ жалобно мычитъ, когда приближается къ городу, гдѣ находится бойня. Привяжутъ несчастнаго вола къ столбу, злодѣй подойдетъ къ нему съ топоромъ, да въ лобъ его промежъ роговъ какъ ударитъ,—волъ отъ страха и отъ боли заревѣтъ, поднимется на дыбы, а злодѣй его въ другой разъ ударитъ, да потомъ ножомъ по горлу; за первымъ воломъ второго, а тамъ третьяго; да такъ десятокъ, другой, цѣлую сотню воловъ повалитъ; кровь бычачья льется потоками; потомъ начинаютъ снимать съ убитыхъ шкуры, мясо рубятъ въ куски и продаютъ въ своихъ лавкахъ, а другіе волы, которыхъ также пригонятъ въ городъ на смерть, идутъ мимо тѣхъ лавокъ и видятъ: виситъ мясо ихъ товарищей, и чуетъ ихъ бычачье сердце, что скоро и съ ними самими то же станется! Изъ нашихъ шкуръ тиранъ приготовляетъ себѣ обувь, чтобъ ноги свои проклятыя охранять, дѣлаетъ изъ тѣхъ же нашихъ шкуръ разнаго вида мѣшки, куда вещей своихъ наложитъ и на возъ взвалитъ, а въ такой возъ нашу же рогатую братью запряжетъ, да еще изъ нашихъ же шкуръ вырѣзываетъ узкія полосы, бичи, и насъ же лупитъ тѣми бичами, нашею шкурою; а иногда и одинъ другого тѣми бичами изъ нашей шкуры они бьютъ! Тираны безсердечные! Не съ нами одними они поступаютъ такимъ образомъ; и промежъ себя не лучше они расправляются! Одинъ другого порабощаетъ, одинъ другого грызетъ, мучитъ... злая эта людская порода! Злѣе ея на свѣтѣ

нѣтъ: Всѣхъ звѣрей злѣе человѣкъ! И такому-то лютому, кровожадному звѣрю достались мы, скоты простодушные, въ тяжелую невыносимую неволю! Не горькая ли, послѣ этого, участь наша!

„Но въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ намъ выхода? Въ самомъ ли дѣлѣ мы такъ слабы, что никогда и никакъ не можемъ освободиться изъ неволи? Развѣ у насъ нѣтъ роговъ? Мало развѣ бывало случаевъ, когда наши братья-рогачи, въ порывѣ справедливаго негодованія, распарывали рогами животы нашимъ утѣснителямъ? Развѣ не случалось, что, какъ нашъ рогатый братъ заденетъ ногой человѣка, такъ сразу ему ногу или руку перешибетъ? Безсильны мы, что ли? Но вѣдь нашъ злодѣй запрягаетъ нашего рогатаго брата именно тогда, когда нужно бываетъ перевозить большую тяжесть, какой самому человѣку не поднять.

„Стало-быть, нашъ тиранъ самъ хорошо знаетъ, что у насъ много силы, побольше, чѣмъ у него самого. Угнетатель смѣлъ съ нами тогда только, когда не ждетъ отъ насъ сопротивленія, когда же увидитъ, что наши ему не поддаются, то зоветъ другихъ своихъ братій-людей, и эти прибѣгаютъ къ коварству надъ нами. Иногда все бычачье стадо не захочетъ повиноваться скотарю, онъ его гонитъ вправо, а оно хочетъ итти влѣво: тутъ скотарь покличетъ другихъ скотарей, и обступятъ нашихъ тѣ скотари съ одной стороны, а тѣ съ другой, а третьи спереди станутъ и пугаютъ нашего брата и такъ поворачиваютъ все стадо, куда хотятъ. Наши, по малоумію своему, того не смекнутъ, что, хоть и обступили ихъ кругомъ скотари, а все-таки ихъ менѣе, чѣмъ нашего брата въ стадѣ: не покорились бы да, рогами напирая на скотарей, пошли бы, такъ и не сладили бы скотари со стадомъ, а то вотъ не смекнутъ, что̀ имъ надобно дѣлать, и слушаются, и идутъ, куда ихъ гонятъ, а сами только вздыхаютъ, да и есть отчего вздыхать: нашему брату хотѣлось бы вкусной травки въ рощѣ покушать, да поиграть маленько по нашему нраву: рожками пободаться для забавы, объ дерево потереться, а насъ туда не пускаютъ и гонятъ въ такой выгонъ, гдѣ кромѣ низкаго спорышу нечего пощипать, либо же въ скучный загонъ загоняютъ жевать солому. Все это оттого, что мы человѣку послушны и боимся показать ему свое скотское достоинство. Перестанемъ повиноваться тирану, заявимъ ему не однимъ только мычаньемъ, но дружнымъ скаканіемъ и боданіемъ, что мы хотимъ, во что бы то ни стало, быть вольными скотами, а не трусливыми его рабами.

„О, братья-волы и сестры-коровы! Мы долго были юны, недозрѣлы! Но теперь иная пришла пора, иныя наступили времена! Мы уже достаточно созрѣли, развились, поумнѣли! Пришелъ часъ сбросить съ себя гнусное рабство и отомстить за всѣхъ предковъ нашихъ, замученныхъ работою, заморенныхъ голодомъ и дурнымъ кормомъ, павшихъ подъ ударами бичей и подъ тягостью извоза, умерщвленныхъ на бойняхъ и растерзанныхъ на куски нашими мучителями. Ополчимся дружно и единорожно!

„Не мы одни, рогатый скотъ, пойдемъ на человѣка: съ нами заодно грянутъ на него и лошади, и козы, и овцы, и свиньи... Вся тварь домашняя, которую человѣкъ поработилъ, возстанетъ за свою свободу противъ общаго тирана. Прекратимъ же всѣ наши междоусобія, всѣ несогласія, подающія къ междоусобіямъ поводы, и будемъ каждую минуту помнить, что у всѣхъ насъ одинъ общій врагъ и утѣснитель.

„Добьемся равенства, вольности и независимости, возвратимъ себѣ ниспроверженное и попранное достоинство живыхъ скотовъ, вернемъ тѣ счастливыя времена, когда скоты были еще свободны и не подпадали подъ жестокую власть человѣка. Пусть станетъ все такъ, какъ было въ иное блаженное, давнее время: снова всѣ поля, луга, пастбища, рощи и нивы—все будетъ наше, вездѣ будемъ имѣть право пастись, брыкать, бодаться, играть... Заживемъ въ полной свободѣ и въ совершенномъ довольствѣ. Да здравствуетъ скотство! Да погибнетъ человѣчество!“

Эта возмутительная рѣчь бугая возымѣла свое дѣйствіе. Послѣ того въ продолженіе цѣлаго лѣта рогатые скоты разносили революціонныя идеи по загонамъ, пастбищамъ, выгонамъ, начались подъясельныя, подзаборныя, поддубравныя совѣщанія, толковали все о томъ, какъ и съ чего открыть бунтъ противъ человѣка. Многіе были такого убѣжденія, что нѣтъ ничего проще, какъ дѣйствовать по одиночкѣ, колоть рогами то того, то другого скотаря, пока всѣхъ переведутъ, тѣ же, которые были поотважнѣе, представляли, что лучше сразу уничтожить того, кто всѣмъ скотарямъ даетъ приказанія,—самого господина заколоть. Но тѣ изъ воловъ, которые хаживали подъ чумацкими обозами по дорогамъ и имѣли возможность расширить горизонтъ своего міровоззрѣнія, подавали такую мысль: „что̀ изъ того, если мы заколемъ тирана? Его не станетъ, другой на его мѣсто отыщется. Если ужъ предпринимать великое дѣло освобожденія скотства, то надобно дѣлать прочно, совершить коренное преобразованіе скотскаго общества, выработать нашимъ скотскимъ умомъ такія основы, на которыхъ бы навсегда утвердилось его благосостояніе. Да и можемъ ли мы, рогатые скоты, одни все устраивать для всѣхъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Это дѣло не наше исключительное, но разомъ и другихъ скотскихъ породъ, находящихся у человѣка въ порабощеніи. И лошади, и козы, и овцы, и свиньи, и, пожалуй, еще вся домашняя птица, всѣ должны подняться на общаго тирана и, низвергнувши съ себя гнусное рабство, на общемъ всескотномъ собраніи устроить новый вольный союзъ“.

Такія бычачьи предначинанія перешли къ лошадямъ, которыя, составляя табунъ, паслись на одномъ полѣ съ рогатымъ скотомъ. И въ ихъ ржущее общество проникъ духъ мятежа. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Омелькомъ, лошадиный языкъ совершенно отличенъ отъ бычачьяго, но совмѣстное жительство установило точки сближенія двухъ породъ. Между лошадьми распространялось знаніе языка бычачьяго, а между волами—лошадинаго. Что̀ въ бычачьей породѣ значилъ бугай, то между лошадьми во всѣхъ отношеніяхъ значили жеребцы.

Жеребцы были народъ буйный, задорный, наклонный ко всякаго рода своевольствамъ, самою природою, можно сказать, предназначенный къ роли агитаторской. Въ моемъ имѣніи въ конскомъ табунѣ былъ рыжій жеребецъ, большой забіяка. Бывало, когда его ведутъ, то не иначе, какъ спутаютъ ему ноги, и двое табунщиковъ держатъ его за поводья. Попытались его одинъ разъ запрячь въ оглобли и погнать по дорогѣ съ телѣгою, но онъ тотчасъ самовольно свернулъ въ сторону, вскочилъ передними ногами на первую попавшуюся ему на глаза хату и заржалъ во всю глотку. Другой разъ пріѣхали ко мнѣ гости; я приказалъ привести его напоказъ вмѣстѣ съ другими красивѣйшими лошадьми; онъ двухъ мериновъ ни съ того ни съ сего покусалъ, третьяго копытами задѣлъ, а когда мерины стали давать ему сдачи, то поднялся такой кавардакъ, что я приказалъ поскорѣе разнять ихъ и угнать прочь.

Такой проказникъ! Но, какъ ни бивалъ онъ въ игрушкахъ свою братью, а между лошадьми пользовался большимъ уваженіемъ, и всѣ были готовы слушаться его во всемъ. Въ нравахъ лошадиной породы драчливость не считается порокомъ, напротивъ, даетъ право на уваженіе и вниманіе: ни дать ни взять, какъ бывало когда-то у варяговъ. Вотъ этотъ-то рыжій агитаторъ сталъ возмущать лошадей противъ человѣческаго господства:

— Довольно терпѣть отъ человѣческаго тиранства! — вопилъ онъ.—Двуногій злодѣй поработилъ насъ, отъ вѣка вольныхъ четвероногихъ тварей, и держитъ наши поколѣнія за поколѣніями въ ужаснѣйшей неволѣ! Чего ни

дѣлаетъ онъ съ нами! Какъ ни надругается надъ нами! Сѣдлаетъ насъ, ѣздитъ на нашихъ спинахъ верхомъ и предаетъ насъ на погибель своимъ врагамъ! Знаете ли, что называется у людей кавалеріей? Тѣ кони, что взяты были въ ихъ кавалерію, разсказываютъ ужасы о томъ, что тамъ творится съ нашимъ братомъ! Дыбомъ гривы становятся, когда слушаешь ихъ разсказы!

„Усядутся на нашего брата верхомъ люди и несутся одни на другихъ, хотятъ убивать другъ друга, да насъ убиваютъ. Не жалко насъ ихъ безпощадному, суровому сердцу! Сколько тутъ проливается благородной конской крови! Какія ужасающія зрѣлища открываются тогда! Иной несчастный конь, потерявши одну ногу, скачетъ вслѣдъ за другими на трехъ ногахъ, истекая кровью, пока не упадетъ безъ чувствъ; другой, потерявъ разомъ двѣ ноги, ползаетъ, напрасно силясь стать на остальныхъ двухъ; третій пробитъ въ грудь, валяется и желаетъ себѣ смерти, у четвертаго глаза выбиты, у пятаго голова разрублена... Грудами навалены конскіе трупы вмѣстѣ съ человѣчьими!

„И за что это? Мы, бѣдные, развѣ знаемъ, за что такъ они дерутся между собою? Ихъ это дѣло, а не наше. Коли не поладили между собою, ну и дрались бы, грызлись бы между собою, рѣзали бы другъ друга. Вѣдь, когда мы между собою поссоримся, сами грыземся, кусаемся, брыкаемся, а ихъ не зовемъ, не путаемъ въ наши ссоры! Зачѣмъ же они, перессорившись между собою, гонятъ насъ на лютую смерть?

„Не спрашиваютъ они коней: хотятъ ли они итти съ ними на войну, а осѣдлаютъ, посадятся на нихъ и ѣдутъ воевать; о томъ не подумаютъ, что, быть-можетъ, нашему брату вовсе нѣтъ никакой охоты умирать, н знаючи, за что умираютъ. Да и безъ войны, мало ли какъ утѣсняетъ насъ человѣкъ, какъ ругается надъ нами! Накладетъ въ свои повозки или въ сани всякой тяжести, запряжетъ нашего брата и заставляетъ тащить, а самъ, погоняя, лупитъ его немилосердно бичами и по спинѣ, и по головѣ, и по чему попало, безъ малѣйшей жалости, пока до смерти забьетъ: случается, бѣдная лошадь тутъ и духъ испуститъ; а иныя отъ непомѣрной тягости надорвутся, ноги себѣ изломаютъ, безсердечный тиранъ покинетъ ихъ издыхать, а самъ другихъ коней запряжетъ на ту же муку. Ахъ, братцы! Жестокъ человѣкъ, но и лукавъ: не обольщайтесь его коварствомъ. Прикидывается человѣкъ, будто любитъ насъ, расхваливаетъ насъ передъ другими людьми. Не вѣрьте ему. Не прельщайтесь и тѣмъ, что онъ будто заботится о приращеніи нашей породы, собираетъ табунъ кобылъ, припускаетъ къ нимъ жеребцовъ... Для себя онъ это дѣлаетъ, а не для насъ: хочетъ, чтобъ наша порода плодила и доставляла ему невольниковъ. Однихъ изъ насъ онъ оставляетъ для приплоду, зато другихъ, и въ гораздо большемъ числѣ, варварски уродуетъ, лишаетъ возможности оставлять потомство и осуждаетъ ихъ на вѣчный невольный трудъ и всякаго рода муки. Деспотъ развращаетъ нашу благородную породу, хочетъ, чтобъ и между нами былъ такой общественный строй, какъ между людьми, что одни блаженствуютъ, а другіе страдаютъ

„Однихъ изъ нашего брата онъ досыта кормитъ овсомъ и сѣномъ; ихъ работою не томятъ, если и запрягутъ или осѣдлаютъ, то на короткое время, жалѣютъ ихъ и на отдыхъ посылаютъ; стоятъ себѣ въ конюшняхъ да овесецъ кушаютъ вволю, а какъ выпустятъ ихъ погулять, то играютъ, скачутъ, веселятся, иные же и въ стойла не ставятся; гуляютъ себѣ въ полѣ съ кобылами на полной свободѣ въ раздольѣ, зато другіе, всегда впроголодь, изнемогаютъ отъ безпрестанной гоньбы и тягостной возки, никакой награды себѣ не ожидая за труды свои, кромѣ ударовъ бичами!

„Братцы! Развѣ у васъ нѣтъ копытъ и зубовъ? Развѣ не умѣете брыкать и кусаться? Или безсильны вы стали? Но посмотрите: какъ часто тиранъ больно платится за свою наглость, когда нападаетъ на такого ретиваго коня, который, въ порывѣ сознанія своего конскаго благородства, вырвется такъ, что четверо злодѣевъ не могутъ удержать его, а коли хвастливый и дерзкій деспотъ отважится вскочить ему на спину, онъ сброситъ его подъ себя, да еще иногда и ногами притопчетъ, такъ что наглецъ послѣ того нѣсколько дней лежитъ больнымъ!

„Деспотъ считаетъ насъ до того глупыми и рабски покорными, что не боится самъ давать нашему брату оружіе противъ себя. Вздумалъ же онъ вколачивать гвозди намъ въ копыта! Подкованныя лошади! Обратите на тирана его же данное вамъ оружіе: поражайте его подковами! А вы, неподкованныя, докажите ему, что и безъ подковъ копыта ваши настолько крѣпки и увѣсисты, что вы можете ими показать свое превосходство предъ человѣкомъ! И подкованныя и неподкованныя, дружно и единокопытно возстаньте на лютаго врага.

„Кромѣ копытъ, пустите въ дѣло и ваши зубы. Ими также можете причинить не мало вреда нашему поработителю! Идемте добывать себѣ свободы! Будетъ вамъ вѣчная слава отъ всѣхъ грядущихъ лошадиныхъ поколѣній на многіе вѣка. Да не только отъ лошадинаго рода, а и отъ прочихъ скотовъ будетъ вамъ слава: всѣ пойдутъ разомъ съ нами! Весь посѣянный человѣкомъ овесъ будетъ нашъ на корню, со всею травою. Никто не посмѣетъ насъ выгонять оттуда, какъ прежде дѣлалось. Не станутъ уже насъ болѣе ни запрягать, ни сѣдлать, ни подгонять бичами. Вольность! Вольность! Въ бой, братцы! За общую свободу всѣхъ скотовъ, за честь лошадинаго племени“.

Отъ такихъ рѣчей раздалось буйное ржаніе, мятежные взвизги, громоподобный топотъ, метаніе ногъ на воздухѣ и обычные звуки, сопровождающіе конскую удаль.

„На человѣка! На человѣка! На лютаго тирана! Лягать его! Бить его! Кусать его!“

Такіе возгласы слышались изъ табуна тому, кто былъ въ состояніи понимать конскій языкъ. Рогатый скотъ съ восторгомъ увидалъ, что возстаніе, вспыхнувшее сначала въ его средѣ, перешло уже къ лошадиной породѣ. Волы и коровы отважно забодали рогами и всѣ воинственно замычали. И рогатые и копытчатые двумя ополченіями двинулись по направленію къ усадьбѣ.

Вправо отъ табуна, на другомъ взгорьѣ, отдѣляемомъ оврагомъ отъ того, на которомъ паслись лошади, бродили козы и овцы. Увидя смятеніе въ стадѣ рогатаго скота и въ табунѣ, и тѣ заволновались, и всѣмъ своимъ стадомъ стали порываться къ воламъ и лошадямъ. Но имъ приходилось перепрыгивать черезъ оврагъ, который былъ не широкъ, или обходить его. Козлы считали себя какъ бы самою природою предназначенными ходить въ головѣ стада; замекекавши, бросились они къ оврагу и съ козлиною живостью перепрыгнули черезъ него, гордо поднявши головы и тряся бородами, ожидали какъ будто одобренія своему ухарству. За ними козы также легко перепрыгнули черезъ оврагъ. Но овцы оказались не такъ ловкими. Нѣкоторыя, правда, послѣдовавши за козами, очутились на другой сторонѣ оврага, но многія попадали въ оврагъ, ползали по дну его, карабкаясь другъ по дружкѣ, и жалобно блеяли. Это не удержало заднихъ послѣдовать ихъ примѣру. Онѣ бѣжали по направленію, указанному передними, и очутились также въ глубинѣ оврага. Перешедшія черезъ оврагъ сами не знали, что имъ теперь дѣлать, и толпились въ кучку, испуская какое-то глуподемократическое блеяніе.

Бараны метались изъ стороны въ сторону, наталкиваясь лбами одинъ на другого.

Такое смятеніе между скотами разныхъ породъ увидали свиньи, двигавшіяся съ противоположной стороны

по дорогѣ, ведущей изъ поля въ село. Сразу обуялъ ихъ революціонный духъ, вѣроятно, проникшій въ свинское общество заранѣе. Кабаны, вырывая землю клыками, забѣгали впередъ и повернули по дорогѣ, ведущей прямо къ господской усадьбѣ, а за кабанами все хрюкающее стадо побѣжало по той же дорогѣ и подняло такую пыль, что за нею нельзя было видѣть солнца.

Омелько, увидавши тревогу между скотами, бросился по дорогѣ, по которой бѣжали свиньи, и думалъ съ нихъ начать укрощеніе мятежниковъ. Разумѣя хрюкающую рѣчь, Омелько услыхалъ, что кабаны возбуждали прочихъ свиней не отставать отъ иныхъ скотовъ, возставшихъ противъ невыносимой власти человѣка.

До ушей Омелька доходили возбудительныя припоминанія о засмоленныхъ къ рождественскому празднику кабанахъ, о щетинахъ, вырванныхъ изъ спинъ живыхъ свиней, о заколотыхъ въ разныя времена поросятахъ. Толстая свинья хрюкала объ оскорбленіяхъ, которыя наноситъ человѣкъ свинской породѣ, обзывая свинствомъ то, что ему кажется противнымъ. Другая свинья, бѣжавшая съ нею рядомъ, отвѣчала: „это еще ничего, а хуже то, что человѣкъ, презирая свиней и ругаясь надъ ихъ свойствами, колетъ ихъ на сало, приготовляетъ изъ свиного мяса окорока и колбасы. Мясо и сало наше тиранамъ по вкусу приходится. Живую свинью они хуже всякой иной твари считаютъ, а зарѣзанной свиньѣ честь пуще, чѣмъ другимъ, воздаютъ, какъ будто въ поруганіе надъ нашимъ свинскимъ родомъ“.

Такъ, бѣгучи по дорогѣ къ господской усадьбѣ, хрюкали свиньи, возбуждая одна въ другой ненависть къ человѣку.

— Съ чего будемъ начинать?—спрашивали онѣ другъ друга, когда уже до господской усадьбы оставалось недалеко.

— Наше дѣло—землю рыть,—отвѣчали другія.—Повалимъ прямо въ господскій садъ; тамъ у господъ есть огородныя овощи. Всѣ грядки изроемъ. Потомъ ворвемся въ господскій цвѣтникъ, что господа устроили около хоромъ себѣ на утѣху: все тамъ кверху дномъ перевернемъ, по-свински! Пусть у людей надолго останется объ этомъ садѣ и цвѣтникѣ память, что тамъ свиньи побывали!

Омелько, нѣсколько минутъ бѣжавшій рядомъ со свиньями, все еще не теряя надежды удержать ихъ набѣгъ и завернуть свинское стадо назадъ, рѣшительно отказался отъ своего намѣренія послѣ того, какъ одинъ кабанъ грозилъ заколоть его клыками. Омелько самъ свернулъ съ дороги и побѣжалъ по прямому направленію къ усадьбѣ полемъ.

Какъ только Омелько явился въ господскомъ дворѣ и принесъ туда вѣсть о всеобщемъ поголовномъ возстаніи скотовъ, я съ двумя своими сыновьями отправился на вышку, построенную на зданіи господскаго дома, и смотрѣлъ въ зрительную трубу. Сначала взбунтовавшіеся скоты, устремлявшіеся къ усадьбѣ, мнѣ показались тучею, потомъ полчища ихъ стали обозначаться яснѣе. Въ мою зрительную трубу увидалъ я, какъ лошади, бѣгучи, по временамъ брыкали, а быки выпучивали впередъ свои рогатыя головы. И тѣ и другіе, какъ видно, тѣшились въ воображеніи, какъ они будутъ насъ лягать и бодать.

Уже тѣ и другіе были недалеко отъ усадьбы. Овцы съ козами стояли у оврага, какъ бы въ раздумьѣ, что имъ дѣлать, и только блеяли и мекекали. Сбѣжавши съ вышки въ домъ, я мимоходомъ глянулъ въ окно, выходившее въ садъ, и увидалъ, что свиньи уже вторгнулись туда черезъ то мѣсто, гдѣ деревянный заборъ, ограждавшій садъ, былъ разрушенъ и оставался неисправленнымъ. Однѣ съ неистовствомъ опустошали грядки съ картофелемъ, рѣпою, морковью и другими овощами, и жадно пожирали коренья, другія, опередивши остальныхъ, ворвались уже въ цвѣтникъ, расположенный подъ самою стѣною господскаго дома, гдѣ находились окна, черезъ которыя я смотрѣлъ: я видѣлъ, какъ нахальныя свиньи своими рылами вывертывали изъ земли розаны, лиліи и піоны.

Я побѣжалъ въ комнату, гдѣ у меня хранилось оружіе, взялъ для себя и для своихъ двухъ сыновей по ружью, кромѣ того, роздалъ по ружью каждому изъ прислуги и вышелъ на крыльцо, обращенное къ дворовымъ воротамъ. Я приказалъ запереть ворота и калитки, ведущія во дворъ съ наружной стороны. Самое слабое у насъ мѣсто было въ саду, куда уже прошли свиньи, и опасно казалось, чтобъ и прочіе скоты не устремились туда же, но намъ подавало послѣднюю надежду, что если бъ имъ удалось овладѣть садомъ, то въ нашемъ владѣніи оставался еще дворъ, куда изъ сада проникнуть непріятелю было невозможно иначе, какъ развѣ обратившн въ развалины зданіе господскаго дома, отдѣлявшее дворъ отъ сада.

Входя въ домъ за ружьями, я далъ приказаніе одному служителю съѣздить верхомъ за городъ, отстоявшій отъ нашего города на пятнадцать верстъ, и просить исправника распорядиться о присылкѣ воинской силы для укрощенія мятежа. Мѣра эта не удалась. Едва мой посыльный, взявши верхового коня, выѣхалъ за ворота, какъ этотъ конь сбросилъ съ себя своего сѣдока и убѣжалъ къ мятежнымъ лошадямъ.

У меня было не мало собакъ. Я иногда ѣзжалъ на охоту. Собаки, какъ и слѣдовало было ожидать, судя по составившейся объ ихъ породѣ репутаціи, не показывали ни малѣйшей наклонности пристать къ мятежу. На нихъ мы положились. Но ихъ надобно было раздѣлить на два отряда: одинъ отправить въ садъ, чтобы, если можно будетъ, выгнать оттуда свиней, другой—поставить стеречь входъ въ ворота двора и отбивать напоръ скотовъ, если бы тѣ стали овладѣвать этимъ входомъ. Ограда около двора была кирпичная, но не высокая.

Лошади, поднимаясь на дыбы, уже зацѣпляли передними ногами окраину ограды и показывали намъ черезъ нее свои злобныя морды, но не въ силахъ были перепрыгнуть черезъ ограду.

На крыльцо ко мнѣ прибѣжала женщина съ новымъ угрожающимъ извѣстіемъ. На птичномъ дворѣ вспыхнулъ бунтъ. Первые поднялись гуси. Кто знаетъ, какими путями проникъ къ нимъ на птичный дворъ мятежный духъ, уже охватившій четвероногихъ домашнихъ животныхъ, только гуси своимъ зміеподобнымъ шипѣніемъ обличили злой умыселъ—ущипнуть птичницу. Едва та успѣла шагнуть къ воротамъ птичнаго двора, какъ послышалось либеральничающее кахтанье утокъ, которыя при этомъ съ такимъ нахальнымъ видомъ переваливались съ боку на бокъ, какъ будто хотѣли сказать: „да намъ теперь и человѣкъ ни почемъ!“ За ними индюки, распустивши надменно хвосты свои, собирали вокругъ себя индѣекъ и разомъ съ ними загорланили такимъ дикимъ крикомъ, какъ будто хотѣли имъ кого-то испугать.

Большой пѣтухъ огненнаго цвѣта подалъ своимъ крикливымъ голосомъ возмутительный сигналъ, вслѣдъ за нимъ закукарекали другіе пѣтухи, закудахтали куры, и все курное общество начало подлетывать, то усаживаясь на жердяхъ хлѣва, то слетая оттуда на землю.

Омелько, заглянувши въ куриный хлѣвъ, услыхалъ, что куры, поднявъ крыло возстанія, грозятъ клевать людей въ отмщеніе за всѣхъ зарѣзанныхъ поваромъ куръ и цыплятъ, за всѣ отнятыя у насѣдокъ яйца.

Получивши такое извѣстіе, мы недолго оставались на крыльцѣ. Я замѣтилъ, что мы стали слишкомъ низко, и что намъ надлежало бы избрать другую, болѣе возвышенную позицію. Оглядывая кругомъ нашъ дворъ, я сообразилъ что на всемъ его пространствѣ нѣтъ выше

пункта, какъ деревянная башня, служившая голубятнею, и мы, сошедши съ домоваго крыльца, направили къ ней шаги свои, рѣшаясь взойти на ея высоты и тамъ отбиваться до тѣхъ поръ, пока насъ или не достанутъ оттуда и не растерзаютъ взбунтовавшiяся животныя, или пока насъ не избавитъ отъ гибели какой-нибудь непредвидѣнный случай. Но на пути къ голубятнѣ встрѣтило насъ неожиданное явленiе: четыре кота сидѣло вмѣстѣ на землѣ: двое изъ нихъ были изъ господскаго дома и одинъ, претолстый котище бѣлой масти съ большими черными пятнами на спинѣ и на брюхѣ, любимецъ женской прислуги, большой мышеядецъ, прiобрѣвшiй себѣ громкую славу во всемъ дворѣ побѣдами надъ огромными крысами.

Этотъ котъ, всегда ласковый, привѣтливый, всегда нѣжно около человѣка мурлычащiй и трущiйся, теперь, ни съ сего ни съ того, сидя посреди двора съ другими котами, устремилъ на насъ такiе зловѣщiе взоры, что, казалось, готовился броситься намъ въ лицо съ выпущенными когтями.

Собаки не внушали намъ подозрѣнiй въ измѣнѣ, но о кошачьей породѣ издавна сложились иныя мнѣнiя.

Такъ вотъ и казалось, что этотъ домашнiй нашъ котъ, въ критическую для насъ минуту опасности отъ враговъ, сыграетъ съ нами такую роль, какую когда-то сыгралъ Мазепа съ Петромъ Великимъ. Мы невольно остановились, увидя передъ собой кошачью группу, но мой меньшой сынъ, не думая долго, свистнулъ на собакъ и, указавши имъ на котовъ, крикнулъ: „ату ихъ!“ Собаки бросились на котовъ, а тѣ въ испугѣ пустились въ разныя стороны. Я видѣлъ, какъ толстый пестрый котъ полѣзъ по одному столбу изъ поддерживавшихъ крыльцо дома и, уцѣпившись когтями за стѣнку столба, оборачивалъ голову назадъ и глядѣлъ угрожающими глазами на собаку, хотѣвшую достать его, испуская вмѣстѣ съ тѣмъ звуки, свойственные кошачьей природѣ въ минуты гнѣва и раздраженiя.

Дошли мы до голубятни, стали всходить наверхъ по узкой лѣстницѣ; тутъ стали на насъ налетать голуби, какъ будто намѣреваясь насъ задѣть крыльями и клюнуть клювомъ. Мы стали отъ нихъ отмахиваться, подозрѣвая, что и эти птицы, кроткiя и нѣжныя, какими привыкли мы ихъ считать, также увлеклись мятежнымъ духомъ, овладѣвавшимъ все и четвероногое и двуногое царство подвластныхъ человѣку животныхъ; и они, казалось намъ, вспомнили тѣ горькiя для нихъ минуты, когда къ нимъ на голубятню появлялся поваръ съ своимъ убiйственнымъ ножомъ искать голубятъ на жаркое.

У васъ въ великороссiйскихъ губернiяхъ голубей не ѣдятъ, и если бы тамъ у васъ произошелъ такой бунтъ домашнихъ тварей противъ человѣка, то вы бы со стороны голубей были совершенно застрахованы отъ всякой опасности. Впрочемъ, и у насъ, въ описываемыя минуты, голуби не показали продолжительной вражды къ человѣку. Мой меньшой сынъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и голуби разлетѣлись.

Тогда мы безпрепятственно заняли высоты голубятни и смотрѣли оттуда на огромное полчище рогатаго скота и лошадей, облегавшее нашу усадьбу. Отъ рева, визга и ржанья во дворѣ невозможно было ни говорить ни слушать.

Омелько, выбѣжавши изъ птичнаго двора, метался по двору, какъ угорѣлый; видно было, что и онъ, какъ всѣ мы, потерялъ голову. Я позвалъ его на голубятню и сказалъ:

— Ты одинъ знаешь скотскiй языкъ и умѣешь съ ними объясняться. Конечно, за дворъ я тебя не пошлю, потому что, чуть только ты высунешь голову со двора, какъ тебя заколетъ какой-нибудь быкъ, или закусаетъ кобыла, а потомъ они ворвутся въ ворота, и всѣмъ намъ капутъ придетъ. А вотъ что: нельзя ли тебѣ взлѣзть на ограду и оттуда уговаривать бунтовщиковъ. Попытайся!

Омелько отправился исполнять порученiе. Мы съ напряженнымъ вниманiемъ слѣдили за его движенiями, видѣли, какъ, подставивши лѣстницу, онъ взобрался на ограду, но не могли разслышать, на какомъ языкѣ онъ обращался къ мятежникамъ. Мычалъ ли онъ, ржалъ ли, не знаемъ. Но услышали мы за оградою ужаснѣйшiй шумъ и увидали, какъ Омелько, соскочивши съ ограды, шелъ къ намъ и махалъ руками, какъ дѣлаютъ тогда, когда хотятъ показать, что задуманное не удается.

— Ничего, баринъ, не подѣлаемъ съ разбойниками! — сказалъ онъ, пришедши къ намъ на голубятню.—Я ихъ сталъ было усовѣщевать; я имъ говорилъ, что самъ Богъ сотворилъ ихъ на то, чтобъ служили человѣку, а человѣкъ былъ бы ихъ господиномъ! Но они всѣ заорали: „какой такой Богъ! Это у васъ, у людей, какой-то есть Богъ! Мы, скоты, никакого Бога не знаемъ! Вотъ мы васъ, тирановъ и злодѣевъ, рогами забодаемъ!“ — крикнули рогатые. „Копытами залягаемъ!“—произнесли лошади. „Зубами загрыземъ!“—закричали разомъ и тѣ и другiе.

— Что жъ намъ теперь дѣлать, Омелько?—спрашивалъ я въ невыразимой тревогѣ.

— Одно средство осталось, — сказалъ Омелько. — Сказать имъ, что отпускаемъ на волю всѣхъ: и воловъ, и коровъ, и лошадей! Идите, молъ, себѣ въ поле, паситесь, какъ знаете, можете съѣсть все, посѣянное на нивахъ. Васъ-де мы не станемъ прине854воливать ни къ какимъ работамъ, ступайте!

„Такъ они, обрадовавшись, разойдутся по полямъ, а съ овцами, свиньями и съ птицею мы какъ-нибудь сладимъ.

„Намъ бы только вотъ этихъ рогатыхъ да копытчатыхъ спровадить: они только намъ опасны, потому что сильны! А какъ пойдутъ въ поле, такъ не долго натѣшатся: сами же межъ собою передерутся, перегрызутся, а хоть и поля потолкутъ, такъ вѣдь не многiя, уже бо́льшая часть хлѣба убрана, остальное же хоть и пропадетъ, да зато мы всѣ останемся цѣлы и живы. Жалче всего только сѣна въ стогахъ. Они его, разбойники, все истребятъ!

„Сами же скоты не будутъ знать, что имъ съ собой дѣлать, и тогда можно будетъ найти способы, какъ ихъ подобрать снова подъ власть нашу. Самый долгiй срокъ ихъ волѣ будетъ, если будутъ бродить въ поляхъ до заморозовъ, а уже когда въ полѣ ничего расти не будетъ, тогда и сами къ намъ придутъ! А вѣдь до осени ужъ не такъ далеко!“

Я разрѣшилъ Омельку поступить такъ, какъ онъ замыслилъ. Онъ снова полѣзъ на ограду, и мы еще съ бо́льшимъ вниманiемъ, чѣмъ прежде, слѣдили за его движенiями. Спустя нѣсколько минутъ все осаждавшее дворъ полчище скотовъ стремглавъ бросилось съ ревомъ и ржанiемъ въ поле. Лошади и волы прыгали, видно было, что это дѣлается отъ радости.

Омелько слѣзъ съ ограды, пришелъ къ намъ и говорилъ:

— Избавились, слава Тебѣ, Господи! Удалось-таки спровадить лошадей и рогатый скотъ. Пустите всѣхъ собакъ въ садъ на свиней, а вся дворня пусть идетъ усмирять птицу, я же потомъ пойду усмирю козъ и овецъ.

— Какъ это ты спровадилъ рогачей и копытниковъ?—спрашивалъ я у Омелька.

— А вотъ какъ,—объяснялъ Омелько. — „Чего вамъ нужно,—спросилъ я ихъ,—скажите прямо. Можетъ-быть, мы вамъ все сдѣлаемъ, чего вы захотите“. — „Воли! Воли!“— закричали разомъ и рогатые и копытчатые. А я имъ сказалъ: „Ну что жъ? Идите на волю! Ступайте въ поле, потолките всѣ хлѣба, что остались еще на корню. Мы васъ уже не станемъ употреблять ни на какiя работы. Вольные будете себѣ!“ Они, какъ это отъ

меня услышали, такъ тотчасъ съ радости затопали, забрыкали, крикнули: „Мы вольные! Мы вольные! Мы себѣ воли добыли! Гулять на волѣ! Наша взяла! Воля, воля!“ И побѣжали.

— Молодецъ Омелько,—сказалъ я ему,—честь великая и хвала тебѣ! Ты насъ всѣхъ отъ бѣды избавилъ.

Мы сошли съ голубятни. Я приказалъ собрать всѣхъ собакъ, провести черезъ домъ въ садъ и присоединить къ тѣмъ, которыя туда были отряжены заранѣе расправляться со свиньями. До сихъ поръ дѣло ихъ не могло итти вполнѣ успѣшно, такъ какъ число высланныхъ въ садъ собакъ было не велико до прибытія къ нимъ на помощь тѣхъ, которыя оставались во дворѣ. Когда собаки проведены были въ садъ, я вошелъ въ домъ и сталъ у окна, уставивъ въ открытое окно заряженную винтовку. Я нацѣлился въ кабана, который въ цвѣтникѣ трудился надъ кустомъ сирени, стараясь выдернуть его съ корнемъ изъ земли. Пуля пробила хищника насквозь.

Свиньи, испуганныя выстрѣломъ, повалившимъ дерзновеннѣйшаго ихъ воителя, напираемыя отовсюду собаками, покинули цвѣтникъ и побѣжали къ тѣмъ своимъ товарищамъ, которые въ концѣ сада расправлялись съ огородными овощами. Собаки не давали имъ ни прохода ни отдыха: однѣ вцѣплялись свиньямъ въ ноги, другія забѣгали впередъ и хватали свиней за уши, и тащили подъ жалобные звуки свиного стенанія. Вслѣдъ за собаками побѣжало двое слугъ съ ружьями, дали два выстрѣла, ранили двухъ свиней и тѣмъ придали собакамъ ярости и задора.

Вскорѣ садъ былъ очищенъ отъ свиней, собаки гнались за ними по дорогѣ, по которой побѣжали свиньи, поднявшія такую тучу пыли, какъ и тогда, когда въ воинственномъ свиномъ задорѣ бѣжали по той же дорогѣ на приступъ къ саду.

Мы отправились на птичный дворъ. Тамъ царствовалъ безпорядокъ въ полномъ разгарѣ. Все летало, подлетывало, скакало, подскакивало, прыгало, металось, бѣгало и на всякіе голоса выкрикивало: и гоготало, и шипѣло, и свистало, и охало, и кудахтало, и кукарекало. Меньшой мой сынъ выстрѣлилъ изъ пистолета. Птичье общество сперва какъ будто еще сильнѣе заволновалось отъ этого выстрѣла, но тотчасъ же, оторопѣвъ, утишилось на мгновеніе. Омелько воспользовался такимъ мгновеніемъ и крикнулъ:

— Зачѣмъ безъ толку орете? Скажите намъ, чего хотите. Что вамъ нужно? Мы для васъ все сдѣлаемъ.

— Воли! Воли!—закричала птица своими различными языками.

— Воли! Воли!—произнесъ Омелько, видимо, передразнивая птицу.—Ну, хорошо. Мы вамъ дадимъ волю. Гуси и утки! Вонъ ваша дикая, вольная братія, какъ высоко летаетъ! Летите и вы къ нимъ. Мы вамъ позволяемъ. Мы васъ не держимъ! У васъ есть крылья: летите!

— Да какъ намъ летѣть, коли силъ на то нѣтъ!—прогоготали гуси.—Наши предки были такіе же вольные, какъ вонъ и тѣ, что теперь тамъ высоко летаютъ. А вы, тираны, взяли ихъ въ неволю, и отъ нихъ пошли наши дѣды и родители, и мы всѣ родились уже въ неволѣ, и черезъ эту самую неволю мы всѣ не умѣемъ уже летать, какъ летаютъ тѣ, что вольными остались

— Не наша въ томъ вина,—сказалъ Омелько.— Разсудите сами вашимъ гусинымъ и утинымъ умомъ. Развѣ мы васъ въ неволю съ воли забирали? Развѣ мы съ вами что-нибудь такое сдѣлали, что вы летать высоко не можете? Вы у насъ изъ яицъ вылупились и съ первыхъ дней вашихъ до сего часа летать не умѣли, да и ваши отцы и дѣды, что у насъ жили, тоже не летали такъ, какъ эти вольные дикіе летаютъ. Ваша порода стала въ подчиненіи у человѣка уже давно, такъ давно, что не только вы съ вашею гусиною памятью, да и мы съ нашею человѣчьею не можемъ сказать, какъ давно! Тѣхъ, что вашихъ предковъ взяли когда-то въ неволю, нѣтъ давно на свѣтѣ. Мы же, что теперь живемъ на свѣтѣ, чѣмъ тутъ виноваты, что вы летать высоко не умѣете? Мы васъ отпускаемъ на волю! Летите! А коли не умѣете, такъ насъ въ томъ не вините.

Гуси отвѣчали:

— Мы не въ силахъ летѣть и остаемся у васъ. Только вы насъ не рѣжьте. Намъ жить хочется.

Вслѣдъ за гусями въ такомъ же смыслѣ прокахкали и утки.

Омелько на это сказалъ:

— Вамъ жить хочется,—говорите вы.—Но вѣдь вамъ, я думаю, и ѣсть хочется. Какъ же вы хотите, чтобы мы васъ кормили, а отъ васъ за то не получали себѣ никакой пользы. Нѣтъ, нѣтъ. Этакъ нельзя. Летите себѣ, коли не хочется, чтобы васъ рѣзали. Летите себѣ на волю. Не держимъ васъ насильно. А коли хотите у насъ оставаться и кормъ отъ насъ получать, такъ и намъ что-нибудь доставляйте. Мы васъ кормимъ, за то, васъ и рѣжемъ. И отъ васъ хотимъ кормиться, за то что вамъ даемъ кормъ. Что за бѣда, если когда-нибудь поваръ вашего брата-гуся на жаркое зарѣжетъ! Не всѣхъ же васъ разомъ порѣжетъ! Хуже было бы, когда бы вы пошли на волю, да на васъ напалъ бы лютый звѣрь или злая птица. Всѣхъ бы васъ разомъ истребили. А у насъ когда—не когда случится, что поваръ двухъ-трехъ какихъ-нибудь гусей или утокъ зарѣжетъ. Зато вы всѣ поживаете у насъ въ добрѣ и холѣ. Сами собою вы никогда на волѣ не проживете, какъ у насъ. Попробуйте, полетите, поживите на волѣ!

— Куда намъ летѣть, когда силъ нѣтъ!—повторили гуси.

То же произнесли утки своимъ кахканьемъ.

— Такъ живите смирно и не бунтуйте!—сказалъ внушительно Омелько и обратился къ курамъ съ такою рѣчью:—А вы, куры-дуры! Тоже захотѣли воли! Летите и вы, скорѣй летите да поднимайтесь повыше, погуляйте по поднебесью, узнаете, какъ тамъ поживется безъ насъ, на полной волѣ. Да вы, дуры, сажня на два отъ земли не въ силахъ подлетѣть: васъ и хорьки, и кошки, и ласточки, и орлы заѣдятъ, и коршуны цыплятъ вашихъ расхватаютъ, и сороки и вороны яицъ вамъ высидѣть не дадутъ! Дуры, вы, дуры набитыя! Ужъ вы-то, паче всѣхъ другихъ птицъ на свѣтѣ, безъ нашего брата-человѣка жить не можете. Смиритесь же, глупыя, и покоряйтесь; такая, видно, наша съ вами судьба, что намъ надобно васъ стеречь и кормить, а за то васъ рѣзать и яйца ваши брать.

Куры закудахтали самыми покорными звуками. Пѣтухи весело закукарекали, а Омелько объяснилъ намъ, что это они признаютъ справедливость нашихъ наставленій и обѣщаютъ впередъ совершенную покорность.

Вся птица, казалось, успокоилась и осталась въ довольствѣ, только индѣйки, по своему обычаю, охали, жалуясь на свою горемычную, ничѣмъ непоправимую долю.

Омелько отправился къ овцамъ и козамъ. Тѣ овцы, которыя успѣли перебраться черезъ оврагъ, стояли, все еще сбившись въ кучку, и не двигались далѣе, поглядывая глупо на свою братью, попадавшую въ оврагъ. Бѣдныя барахтались въ глубинѣ оврага и не знали, какъ изъ него выкарабкаться по его крутымъ стѣнкамъ; хотя и была возможность выйти оттуда, проходя по прямой длинной рытвинѣ, но у овецъ не хватало настолько смекалки. Козлы, стоявшіе напереди, какъ только увидали идущаго противъ нихъ Омелька, затопали ногами и, выставляя передъ нимъ свое козлиное достоинство, поднимали кверху свои бородатыя головы и покручивали рогами, какъ будто хотѣли тѣмъ произнести: „не подходи! Заколемъ!“

Но Омелько, нашедши длинную хворостину, хватилъ одного-другого по бокамъ и отогналъ прочь, потомъ позвалъ пастуховъ и велѣлъ имъ вытягивать и выгонять

изъ глубины оврага попадавшихъ туда овецъ и всѣхъ ихъ гнать въ овчарню.

— Смотрите у меня!—кричалъ онъ вслѣдъ овцамъ.—Вздумаете бунтовать, будетъ вамъ бѣда! Велимъ зачинщиковъ на сало порѣзать! Вишь, дуры! Туда жъ и онѣ: захотѣли воли! Да васъ, глупыя, тотчасъ бы всѣхъ волки поѣли, если бы мы, люди, отпустили васъ отъ себя на волю! Благодарите насъ за то, что мы такіе милостивые, прощаемъ васъ за вашу глупость!

Овцы заблеяли голосомъ благодарности, какой требовалъ отъ нихъ Омелько.

Стадо рогатаго скота и конскій табунъ, получивши черезъ Омелька разрѣшеніе на полную свободу, сначала, побѣжавши въ поле, предавались тамъ неистовому восторгу, скакали, прыгали, бѣгали, мычали, фыркали, ржали и, въ знакъ взаимнаго удовольствія, становились задними ногами на дыбы и обнимались передними.

Оканчивался уже августъ. Поля были сжаты и скошены. Хлѣба были почти увезены и сложены въ скирды. Оставалось немного десятинъ неснятыхъ хлѣбовъ такихъ породъ, которыя позже всѣхъ убираются. Скоты напали на одну неснятую полосу гречихи и потоптали такъ, что не осталось ни одного цѣлаго стебелька. Отправились они далѣе искать себѣ еще какой-нибудь не убранной нивы, наткнулись еще на одну и тамъ произвели то же. Но тутъ рушилось согласіе между рогачами и копытниками,—согласіе, недавно установившееся по поводу ихъ взаимнаго домогательства свободы. Не знаю, собственно, за что у нихъ возникло несогласіе, но только рогачи стали бодать копытниковъ, а копытники—лягать рогачей: и тѣ и другіе разошлись въ разныя стороны. Послѣ того и въ стадѣ тѣхъ и другихъ произошло внутреннее раздвоеніе.

Поводомъ къ тому, вѣроятно, былъ споръ самцовъ за самокъ, подобно тому, какъ и въ нашемъ человѣческомъ обществѣ споръ за обладаніе прекраснымъ поломъ часто бываетъ источникомъ нарушенія согласія и дружбы и ведетъ къ печальнымъ событіямъ.

И рогатое стадо и конскій табунъ разбились на отдѣльныя группы, которыя, оторвавшись отъ цѣлой громады, уходили подальше отъ прежнихъ товарищей. Омелько превосходно изучилъ скотскіе нравы, заранѣе разсчиталъ на это свойство, когда отпускалъ скотовъ на волю: онъ потомъ сталъ слѣдить за отпущенными. Онъ встрѣтилъ бродившія отдѣльно толпы воловъ и лошадей и силою своего краснорѣчія убѣдилъ тѣхъ и другихъ воротиться въ село.

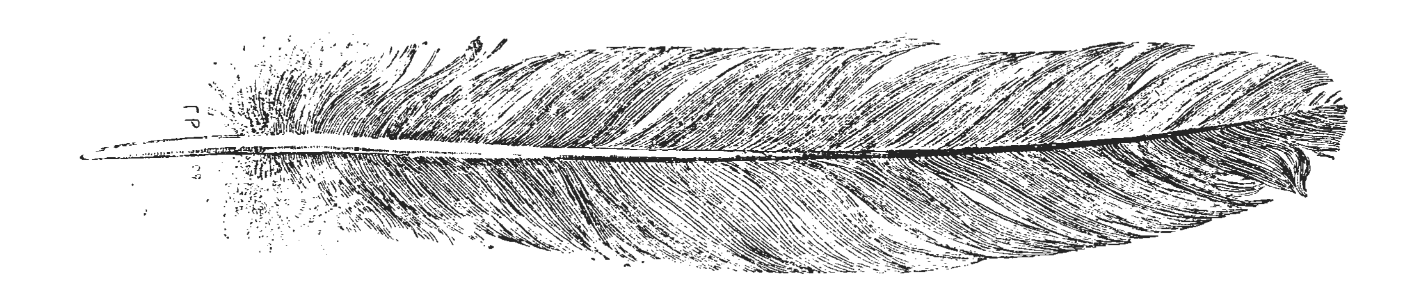
Омелько прельстилъ ихъ обѣщаніями дать имъ много сѣна, а лошадямъ еще и овса, другіе, оторвавшись отъ громады, забрели на чужія поля, попортили чужіе хлѣба, стянули сѣнца изъ стоговъ, стоявшихъ на полѣ, и сами попались въ неволю.

Омелько, узнавши о такой ихъ судьбѣ, выкупалъ ихъ у чужихъ хозяевъ, заплативши послѣднимъ за убытки, нанесенные скотами, а выкупленныхъ погналъ въ свое село.

Наконецъ, какъ предвидѣлъ Омелько, самые задорные и упрямые скоты бродили по полямъ до глубокой осени, когда уже на корню нигдѣ не оставалось ничего и сталъ выпадать снѣгъ. Въ предшествовавшую осень, какъ вамъ, я думаю, извѣстно, это произошло ранѣе, чѣмъ бываетъ. Скоты, видя, что уже имъ въ поляхъ недостаетъ пропитанія, отрезвились отъ обольщеній суетною надеждою вольности и добровольно стали возвращаться въ свои загоны. Тогда пришли съ покорными головами и главные возмутители: бугай, взволновавшій рогачей, и рыжій жеребецъ, поднявшій къ бунту копытниковъ.

И того и другого постигла жестокая кара: бугай, по приговору, составленному Омелькомъ и конфирмованному мною, былъ подвергнутъ смертной казни чрезъ убіеніе дубинами, а жеребецъ—потерѣ производительныхъ способностей и запряжкѣ въ хомутъ для возки тяжестей. Прочіе, по справедливому и нелицепріятному дознанію, произведенному Омелькомъ, понесли наказаніе, соразмѣрно степени ихъ виновности.

Такъ окончился скотской бунтъ у насъ, явленіе необыкновенное, своеобразное и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ и никогда неслыханное. Съ наступленіемъ зимняго времени все успокоилось, но что дальше будетъ—покажетъ весна. Нельзя поручиться, чтобы въ слѣдующее лѣто или когда-нибудь въ послѣдующіе годы не повторились видѣнныя нами чудеса, хотя благоразумный и бдительный Омелько принимаетъ самыя дѣятельныя мѣры, чтобъ они болѣе у насъ не повторялись.



Драгоцѣнная находка.

Неизданная повѣсть Н. А. Некрасова о Бѣлинскомъ, Достоевскомъ и Тургеневѣ.

Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ **К. И. Чуковскаго.**

Предисловіе.

I.

Тучный Павелъ Васильичъ шелъ медленно. Бѣлинскій увидѣлъ его изъ окна и закричалъ въ нетерпѣніи:

— Скорѣе, скорѣе! Огромная новость! Событіе!..

И показалъ чрезъ окошко какую-то большую тетрадь. Не успѣлъ Павелъ Васильичъ войти и раздѣться, какъ Бѣлинскій уже восклицалъ:

— Вотъ... вотъ... какая геніальная вещь... второй день не могу оторваться... Необыкновенная... Называется „Бѣдные люди"... Садитесь же скорѣе и слушайте... Автора зовутъ Достоевскій, кажется, чиновникъ... не знаю... я его еще не видалъ...

И съ величайшимъ подъемомъ, захлебываясь и дрожа отъ волненія, прерываемый припадками кашля, критикъ торопился порадовать гостя отрывками изъ этой ошеломительной повѣсти.

Вскорѣ явился Некрасовъ, молодой ярославецъ, альманашникъ, поэтъ. Бѣлинскій закричалъ ему съ первыхъ же словъ:

— Дайте мнѣ сюда Достоевскаго!

И съ чахоточными пятнами на сѣрыхъ щекахъ спѣшилъ объявить и Некрасову, что этотъ новичокъ — величайшій поэтъ, что онъ пойдетъ дальше Гоголя, что предъ нимъ всѣ остальные — ничто.

— Онъ открываетъ намъ тайны, какія до него и не снились... Это вѣдь первый въ Россіи соціальный романъ! И какіе характеры, образы... Скорѣе же, скорѣе — за нимъ!

Бѣлинскій восхищался до обморока, до полнаго истощенія всѣхъ силъ. И кто бы къ нему ни явился, онъ снова и снова прочитывалъ своимъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ страницы драгоцѣнной тетради. Онъ уже былъ влюбленъ въ Достоевскаго, хоть и не видѣлъ его; говорилъ о немъ съ материнскою нѣжностью, и къ вечеру весь Петербургъ уже зналъ о новоявленномъ геніи. По Невскому такъ и носился на всѣхъ парусахъ добрѣйшій и пустѣйшій Панаевъ (въ ослѣпительно-прекрасномъ жилетѣ — отъ самого Оливье!) и, чуть не хватая прохожихъ за фалды, трезвонилъ направо-налѣво:

— Новый талантъ, поразительный! Бѣлинскій говоритъ: выше Гоголя...

И несся дальше, въ такомъ же азартѣ, чувствуя себя именинникомъ. А съ нимъ его двойникъ Григоровичъ, вертлявый полуфранцузъ, вѣтрогонъ, обаятельный сплетникъ, перепархивалъ изъ ресторана въ кондитерскую и, блаженно улыбаясь, шепталъ:

— Новый Гоголь... величайшій талантъ! Я же его и открылъ... Фамилія его — Достоевскій... мой школьный товарищъ, чудакъ...

И разсказывалъ у Лерхе, у Дюссо, какъ онъ и его пріятель Некрасовъ, прочитавъ эту дивную повѣсть и вдоволь надъ нею наплакавшись, кинулись къ автору ночью, не могли потерпѣть до утра, стали его обнимать, цѣловать, и вотъ теперь эта самая повѣсть дошла наконецъ до Бѣлинскаго, который тоже потрясенъ отъ восторга.

— Вы увидите... вы скоро прочтете...

И вотъ наконецъ совершилось: къ Бѣлинскому привели Достоевскаго.

— Да вы понимаете ль сами-то, что это вы такое написали?! — накинулся на него въ трансѣ Бѣлинскій. — Не можетъ-быть, чтобъ вы, почти мальчикъ, понимали всю эту трагедію, весь ея ужасъ и паѳосъ!..

Критикъ не уставалъ изумляться безсознательной мудрости геніевъ. Волшебною силою творчества они постигаютъ такое, о чемъ мы только смутно догадываемся... Имъ часто и самимъ невдомекъ тѣ великія откровенія и истины, которыя они намъ возвѣщаютъ. Авторъ „Бѣдныхъ людей" — еще юноша, полуребенокъ, а между тѣмъ онъ первый, единственный, высказалъ и воплотилъ тѣ идеи, которыми волнуются величайшіе въ Россіи умы. Вотъ тайна художественности, вотъ служеніе художника истинѣ. Критики, публицисты, философы только разсуждаютъ безсильно, а художникъ одною чертой, однимъ образомъ выявитъ самую суть.

Достоевскій былъ опьяненъ своей неожиданной славой. Онъ потомъ, и черезъ тридцать лѣтъ, передъ смертью, вспоминалъ этотъ мигъ съ упоеніемъ. „Выйдя на улицу,—разсказываетъ онъ въ „Дневникѣ", — я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ (а я былъ тогда страшный мечтатель). „И неужели вправду я такъ великъ? — стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ.—О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди!"

— Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни, — свидѣтельствуетъ онъ на склонѣ лѣтъ. — Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ.

II.

Послѣ знакомства съ геніальнымъ писателемъ восторги критика возросли еще болѣе. Даже наружность его новаго идола казалась ему умилительной. Достоевскій былъ маленькій, худенькій; даже это восхищало Бѣлинскаго.

— Вы подумайте: онъ вѣдь крошечный, вотъ такой... вотъ такой... — умиленно сообщалъ онъ пріятелямъ, указывая чуть не на аршинъ отъ земли, и тѣ потомъ удивлялись не мало, встрѣтившись наконецъ съ Достоевскимъ и видя, что самъ-то Бѣлинскій нисколько не выше его. Но въ припадкѣ отеческой нѣжности къ новооткрытому генію, Бѣлинскій относился къ нему, какъ къ сыночку, такъ вотъ, кажется, и взялъ бы его на руки, покачалъ, пощекоталъ, приласкалъ.

— „Онъ видитъ во мнѣ доказательство передъ публикою и оправданіе мнѣній своихъ", — объяснялъ его любовь Достоевскій.

Это произошло въ маѣ, въ іюнѣ. Наступило лѣтнее затишье. Скоро столица опустѣла. Достоевскій уѣхалъ въ Ревель подѣлиться своей радостью съ братомъ, но къ осени вернулся обратно къ новымъ дифирамбамъ и хваламъ. Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій объявилъ его геніемъ, а восторги нисколько не угасли. Григоровичъ все такъ же носился по городу, до хрипоты прославляя его. „Je suis votre claqueur-chauffeur!", — похвалялся онъ самъ передъ нимъ.

— „Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь, — писалъ Достоевскій брату въ Ревель. — Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное... Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже открыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать... Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе... Откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ славой своей".

Конечно, онъ знакомится съ бездной народу: князь Вл. Ѳ. Одоевскій проситъ его осчастливить своимъ посѣщеніемъ; графъ В. А. Сологубъ разсыпается передъ нимъ въ комплиментахъ; пріѣхавшій изъ Парижа Тургеневъ, „красавецъ, аристократъ и богачъ" *), привязался къ нему всей душой. „Эти господа ужъ и не знаютъ, какъ любить меня: влюблены въ меня всѣ до одного".

Но неужели никто не почувствовалъ, что такіе хвалы и тріумфы для Достоевскаго—какъ удары кнута! Внезапная неслыханная слава, налетѣвъ на него ураганомъ, закружила и швырнула съ размаху о камни. Нужна будетъ сибирская каторга, всѣ ужасы Мертваго Дома, чтобы наконецъ исцѣлить его душу отъ тѣхъ язвъ и судорогъ, которыя принесла ему слава. Тріумфы не для подпольныхъ людей, лучше имъ пинки, оскорбленія. Они вѣдь обидчивы, мнительны, какъ горбуны или карлики. Угрюмые фантазеры, мечтатели, одинокіе до одичанія, замкнутые, бѣшено влюбленные въ себя яростной любовью, тираны своихъ душъ, — они самое счастье свое ощущаютъ, какъ огнепалимую пытку. Хорошо было Гончарову, что восторги Бѣлинскаго обрушились на него ужъ тогда, когда ему шелъ четвертый десятокъ: онъ былъ забронированъ тогда отъ всякихъ катастрофъ и чрезмѣрностей. Но Достоевскій, еще безусый, невзрослый, къ тому же больной, съ зачатками падучей болѣзни — не могъ же онъ нести свою славу весело, легко и посвистывая, какъ какой-нибудь пустопляс Жанъ Панаевъ! Вѣдь долженъ же онъ былъ ощущать и въ тѣ ранніе, первоначальные годы свой демонически-пророческій даръ, свою богоизбранность и единственность! Вѣдь носилъ же онъ въ душѣ эмбріоны, зародыши своихъ грядущихъ созданій, прообразы будущихъ образовъ, предчувствія будущихъ чувствъ, титаническихъ страстей и бореній. Вѣдь имѣлъ же онъ право взирать на себя съ какимъ-то преклоненіемъ; каждымъ нервомъ своимъ онъ вѣдь чувствовалъ, что онъ необыкновенный, отмѣченный.

Но разнымъ пустяковымъ душонкамъ было чрезвычайно смѣшно, что онъ такъ зазнался. Перемигиваясь, прыскали со смѣху, разсказывали о немъ анекдоты. „Эхъ, самолюбіе мое расхлесталось! — жаловался онъ самъ брату Мишѣ. — У меня есть ужасный порокъ: неограниченное самолюбіе и честолюбіе". Но совладать съ этимъ порокомъ не могъ. И на взглядъ пустяковыхъ людей, всѣ его тогдашнія письма—сплошное самохвальство:

— „Мой романъ произвелъ фуроръ!"

— „Я чрезвычайно доволенъ романомъ моимъ, не нарадуюсь".

— „Моя повѣсть выходитъ превосходно. Это будетъ мой шедевръ. Тебѣ она понравится лучше „Мертвыхъ душъ".

— „Гоголь не такъ глубокъ, какъ я".

— „Первенство за мной, и надѣюсь, что навсегда".

Хлестаковство небывалое,—но пустяковые люди не знали, что тотчасъ же, черезъ нѣсколько дней, Достоевскій о тѣхъ же своихъ сочиненіяхъ писалъ:

---

*) Въ этомъ Достоевскій ошибся: Тургеневъ о ту пору терпѣлъ большую нужду.

— „Скверность, грязь, изъ души воротитъ, читать не хочется!“

Они не замѣтили, что за этимъ взрывомъ чрезмѣрнаго самовосхищенія слѣдуетъ у него такой же чрезмѣрный припадокъ мучительнаго недовѣрія къ себѣ, что здѣсь для него—жизнь и смерть: что, не удайся ему его повѣсть, онъ въ отчаяніи убилъ бы себя:

— А не пристрою романа, такъ, можетъ-быть, и въ Неву! Что же дѣлать!.. Я ужъ думалъ объ этомъ. Я не переживу смерти моей idée fixe.

Этого не знали, а знали одно: Достоевскій зазнался, зарвался.

Панаевъ еще не истопталъ башмаковъ, въ которыхъ носился по Невскому, трубя объ его геніальности, а ужъ каждому торопится шепнуть:

— Вы слыхали?.. Вѣдь нашъ Достоевскій...

И разсказываетъ престранныя вещи: приходитъ, будто, Достоевскій къ издателю и требуетъ, чтобъ его новая повѣсть была непремѣнно напечатана въ рамкѣ: иначе онъ не согласенъ печататься. Обведите каждую его страницу чернымъ бордюромъ каймой—въ отличіе отъ другихъ повѣстей, чтобъ, не дай Богъ, его не смѣшали съ гр. Сологубомъ, съ Евг. Гребенкой! А Тургеневу онъ, будто бы, прямо сказалъ: дайте мнѣ время, я васъ въ грязь затопчу... и т. д., и т. д., и т. д...

Неужели не нашлось никого среди этихъ лучшихъ, умнѣйшихъ людей, какіе только были въ Россіи, кто бы его пожалѣлъ! Пусть ни одинъ изъ его недавнихъ хвалителей не могъ и отдаленно предчувствовать, какая великая въ немъ таится душа, пусть всѣ они видѣли въ немъ только больного маньяка, лунатика, но тѣмъ болѣе жестока ихъ травля. Пасквилемъ, сплетней, насмѣшкой, эпиграммой, карикатурой, хихиканьемъ они терзали его день изо дня. „Тогда было въ модѣ предательство“, — вспоминаетъ П. В. Анненковъ. Общественныхъ интересовъ вѣдь не было въ тѣ безпросвѣтные годы, и даже лучшіе люди страны жили дрязгами своего муравейника. Всякіе кляузы, пересуды, подвохи доходили до грандіозныхъ размѣровъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ. Рабское, развращенное общество заражало своими болѣзнями даже избраннѣйшихъ своихъ представителей.

Но вѣдь не смѣялся же никто надъ Бальзакомъ, когда тотъ называлъ себя Маршаломъ Французской Словесности и возвѣщалъ громогласно:

— Поздравьте меня, я уже близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться геніемъ!

И каждую свою строчку величалъ откровенно шедевромъ. Бальзакъ былъ здоровякъ и горланъ, а про Достоевскаго неужели никто не почувствовалъ, сколько въ его гордынѣ страданія!

— Я тщеславенъ такъ, будто съ меня кожу содрали, и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно,—плакался человѣкъ изъ подполья.

Весь онъ — обнаженная рана, а его — кнутикомъ, кулакомъ! „Здоровье мое ужасно разстроено; я боленъ нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической“,—жалуется онъ въ тогдашнемъ письмѣ, но его не щадятъ, его травятъ, мстятъ ему за свой недавній восторгъ. Рады изъ вчерашняго кумира создать анекдотъ и посмѣшище. Особенно жестокъ былъ Тургеневъ: онъ умѣлъ дразнить и трунить, какъ никто *).

„Тогда было въ модѣ нѣкотораго рода предательство, состоявшее въ томъ, что за глаза выставлялись карикатурныя изображенія привычекъ людей, что возбуждало смѣхъ... Тургеневъ былъ большой мастеръ на такого рода представленія. Онъ составлялъ весьма забавныя эпиграммы на выдающихся людей своего времени“.

Онъ разсказывалъ, напримѣръ, при Достоевскомъ о какомъ-то захолустномъ человѣчкѣ, ничтожномъ, который вообразилъ себя геніемъ и сдѣлался всеобщимъ шутомъ. Достоевскій трясся, блѣднѣлъ и въ ужасѣ убѣгалъ, не дослушавъ. Какъ, должно-быть, онъ корчился отъ боли и гнѣва, когда Григоровичъ со смѣхомъ читалъ ему злое посланіе Тургенева, написанное якобы Бѣлинскимъ:

Витязь горестной фигуры,
Достоевскій, юный пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.

Некрасовъ, тотъ самый, который прибѣжалъ къ нему ночью рыдая и тряся его за плечи, чтобы выразить накипѣвшій восторгъ, теперь шельмовалъ его яростно. Онъ сочинилъ о немъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ безпардонные лихіе стишки, гдѣ, вышучивая курносаго генія, звалъ его чухонской звѣздой; увѣрялъ, что самъ турецкій султанъ, прочтя его новую повѣсть, вышлетъ за нимъ визирей...

— Я разругалъ Некрасова въ пухъ,—сообщаетъ наконецъ Достоевскій.—Некрасовъ меня собирается ругать (въ „Современникѣ“)... Я имѣлъ непріятность окончательно поссориться съ „Современникомъ“ въ лицѣ Некрасова...

И жутко читать въ мемуарахъ Авдотьи Панаевой, какъ однажды авторъ „Бѣдныхъ людей“ выбѣжалъ изъ кабинета Некрасова, блѣдный, какъ снѣгъ, и такъ дрожалъ, что никакъ не могъ попасть въ рукавъ пальто, которое ему подалъ лакей. Наконецъ вырвалъ пальто и выскочилъ съ нимъ на лѣстницу, не надѣвъ.

*) См. „Воспоминанія Анненкова“, стр. 480.

— „Достоевскій просто сошелъ съ ума,—сказалъ Некрасовъ мнѣ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Явился ко мнѣ съ угрозами, чтобы я не смѣлъ печатать мой разборъ на его сочиненія въ слѣдующемъ нумерѣ. И кто ему навралъ, будто я всюду читаю сочиненный мною на него пасквиль въ стихахъ!.. До бѣшенства дошелъ“.

Не прошло еще года послѣ выхода „Бѣдныхъ людей“, а ужъ всѣ его хвалители-claqueur'ы были его лютые враги.

— Только съ Бѣлинскимъ сохранилъ я прежнія добрыя отношенія, онъ человѣкъ благородный, — писалъ Достоевскій, не зная, что въ это самое время Бѣлинскій, разочаровавшись въ его дарованіяхъ, сообщаетъ о немъ злые анекдоты, о какихъ-то его шинеляхъ, калошахъ, о томъ, какъ онъ кого-то „надулъ“, „подкузьмилъ“.

— Вотъ вамъ анекдотъ объ этомъ молодцѣ...—пишетъ Бѣлинскій въ ту пору пріятелямъ.

— Кстати, чуть-было не забылъ презабавный анекдотъ о Достоевскомъ...

Еще черезъ нѣсколько времени писалъ еще рѣзче:

— Повѣсть Достоевскаго пошла, глупа и бездарна...

— Повѣсть „Хозяйка“ ерунда страшная... Каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ.

Такъ и умеръ Бѣлинскій съ увѣренностью, что „этотъ молодецъ“ ихъ надулъ, что онъ жалкій, смѣшной и очень маленькій; никто не предвидѣлъ тогда, что „этому молодцу“ суждено стать величайшею славой Россіи. Для всей плеяды Бѣлинскаго онъ остался до конца жизни чужимъ: должны были исполниться какіе-то сроки, чтобы лишь внуки и правнуки тѣхъ, кого онъ такъ взбудоражилъ своею первою повѣстью, поняли, мимо какого высокаго трагика ихъ дѣды прошли, какъ слѣпые.

III.

Появленіе „Бѣдныхъ людей“ было такимъ чрезвычайнымъ событіемъ въ исторіи русской общественности, что воспоминаній о немъ сохранилось огромное множество.

То, что я сейчасъ разсказалъ, извѣстно намъ по прежнимъ мемуарамъ, уже всѣми прочитаннымъ,—мемуарамъ Тургенева, Григоровича, Анненкова, Панаева, его жены Eudoxie, да и самого Достоевскаго, по ихъ письмамъ, дневникамъ и т. д.

Но есть еще документъ, драгоцѣннѣйшій, доселѣ никому неизвѣстный, гдѣ рукою отличнаго мастера изображены,—хоть и не совсѣмъ безпристрастно,— всѣ детали рокового событія. Теперь этотъ документъ предо мною: выцвѣтшая, шершавая рукопись. Тороплюсь ее поскорѣй напечатать; довольно ей таиться подъ спудомъ; вѣдь ей пятьдесятъ уже лѣтъ! Авторъ ея—даже страшно сказать — самъ Некрасовъ! Какъ не взволноваться до дрожи, когда вдругъ, словно изъ могилы, услышишь голосъ такого свидѣтеля! Правда, въ рукописи нѣтъ ни конца ни начала, все какіе-то обрывки, клочки, но и эти клочки—драгоцѣнность: въ нихъ великій поэтъ повѣствуетъ подробнѣйше о замѣчательныхъ своихъ современникахъ, о Бѣлинскомъ, о Тургеневѣ, Боткинѣ и, главное, о молодомъ Достоевскомъ. Достоевскій—герой его повѣсти, а это именно цѣлая повѣсть, очень картинная, яркая, гдѣ подъ видомъ какихъ-то Мерцаловыхъ, Балаклеевыхъ, Рѣшетиловыхъ, Чудовыхъ движутся и дышатъ, и живутъ предъ читателемъ славнѣйшіе тогдашніе дѣятели.

Сначала я не догадался, въ чемъ дѣло: когда я разыскалъ эту повѣсть въ старыхъ бумагахъ Некрасова,—среди его неизданныхъ стиховъ, корректуръ, черновиковъ и писемъ, мнѣ показалось, что предо мной беллетристика, самая обыкновенная повѣсть о какомъ-то смѣшномъ Глажіевскомъ, авторѣ „Каменнаго сердца“; и я уже прочиталъ страницъ пять, когда меня вдругъ осѣнило: да вѣдь этотъ Глажіевскій—Достоевскій! Несомнѣнно, онъ! Весь, какъ вылитый! Какъ это я раньше не понялъ! Глажіевскаго зовутъ Осипъ Михайлычъ, а Достоевскаго— Ѳедоръ Михайлычъ,—только въ этомъ, пожалуй, и разница! Даже въ возрастѣ сходство полнѣйшее: Достоевскому, когда онъ писалъ свою повѣсть, было двадцать четыре года, и Глажіевскому—двадцать четыре! Даже обѣдаетъ онъ въ Hôtel de Paris, излюбленномъ ресторанчикѣ самого Достоевскаго, гдѣ, помните, также ужиналъ его „Человѣкъ изъ подполья“! Все, все передано, до послѣдней черты. Даже словечко, которое изобрѣлъ Достоевскій, вложено здѣсь въ уста Глажіевскому: это словечко—глаголъ „стушеваться“; о немъ, помните, Достоевскій писалъ въ „Дневникѣ“:

— Ввелъ и употребилъ это слово въ литературѣ въ первый разъ я.

А Некрасовъ въ своей повѣсти пишетъ:

— Слово „стушеваться“ изобрѣлъ Глажіевскій.

Вся мнительность автора „Бѣдныхъ людей“, все надрывное его самолюбіе переданы съ безпощадною яркостью. Даже то, какъ онъ въ тѣ ранніе годы стыдился лица своего, считалъ его какимъ-то обидно-уродливымъ и до судорогъ боялся насмѣшекъ надъ своею наружностью—зафиксировано въ некрасовской повѣсти.

Помните, „Человѣкъ изъ подполья“ страдалъ:

— Проклятая Олимпія! Она смѣялась надъ лицомъ моимъ!

И снова:

— Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ мѣшковатою фигурой.

И снова:

— Лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ... Я часто съ бѣшенымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзѣнія, ненавидѣлъ свое лицо...

И у Некрасова тоже: Глажіевскій боится показаться на глаза знаменитому критику, чтобы „своей физіономіей не разрушить эффектъ своего произведенія“.

„Подобный страхъ былъ довольно основательнымъ“,—язвительно замѣчаетъ Некрасовъ, который, какъ мы знаемъ, еще раньше въ стихахъ смѣялся надъ наружностью Ѳ. М. Достоевскаго, надъ его глазами и носомъ.

Такъ и видно, что смышленый, зоркій, по-молодому насмѣшливый, трезвый, задорный дѣлецъ-ярославецъ успѣлъ по своему, за эти два года, разгадать запутанную душу своего мрачнаго друга.

Это раздражаетъ Глажіевскаго. Въ повѣсти Некрасова онъ именно тѣмъ раздраженъ, что для Чудова въ его поведеніи нѣтъ ни загадокъ ни тайнъ. Точно также „Человѣкъ изъ подполья“:

— Онъ зналъ меня наизусть. Меня взбѣсило, что онъ зналъ меня наизусть.

Вообще это весьма знаменательно, что, желая изобразить Достоевскаго, Некрасовъ невольно изобразилъ героя его „Записокъ изъ подполья“, тогда еще не написанныхъ.

Тѣ страницы, гдѣ Некрасовъ приводитъ свои разговоры съ новоявленнымъ геніемъ, полны слишкомъ здороваго, ярославскаго, почти крестьянскаго юмора: такъ обыкновенно крестьяне разсказываютъ о нервическихъ капризахъ господъ.

Цѣнно сообщеніе объ обморокѣ, который былъ съ Достоевскимъ въ пору писанія „Бѣдныхъ людей“. До сихъ поръ мы объ этомъ не знали.

Въ повѣсти Глажіевскаго (какъ и въ повѣстяхъ Достоевскаго) Некрасову чудится „растянутость, многословіе, неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, облічающее нѣкоторую манерность“; все, что у Некрасова высказываетъ объ этой повѣсти критикъ Мерцаловъ, есть буквальное повтореніе того, что говорилъ о „Бѣдныхъ людяхъ“ Бѣлинскій.

Несовпаденіе только въ одномъ: Достоевскій для своей повѣсти не бралъ эпиграфа изъ сочиненій Бѣлинскаго, какъ увѣряетъ о Глажіевскомъ Некрасовъ. Это очень ехидный штришокъ: будто авторъ, чтобъ задобрить страшнаго критика, украсилъ свою повѣсть его изреченіемъ, далъ ему нѣкоторую моральную взятку.

Достоевскій этого, конечно, не сдѣлалъ: эпиграфъ къ „Бѣднымъ людямъ“ взятъ имъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Или, можетъ-быть, этимъ эпиграфомъ замѣненъ какой-нибудь другой?..

Тороплюсь предупредить читателя, чтобы онъ не слишкомъ полагался на изложенные въ этой повѣсти факты. Передъ нами не безпристрастная лѣтопись, а полемическая боевая сатира. Самыя событія, пожалуй, изложены въ повѣсти правильно, но освѣщеніе событій однобокое, нарочито-невѣрное. Авторъ не заботился объ исторической точности, у него были свои спеціальныя цѣли (о которыхъ мы скажемъ потомъ); въ угоду этимъ цѣлямъ онъ многое преувеличилъ и выпятилъ, о многомъ умолчалъ, многое довелъ до карикатуры и шаржа.

Но, какъ ни язвительна повѣсть Некрасова, какъ ни жестока она къ Достоевскому (и къ окружающимъ людямъ), она не достигаетъ той цѣли, къ которой, кажется, стремился ея авторъ. Читаешь ее, и не только не можешь смѣяться надъ этимъ смѣшнымъ Глажіевскимъ, но страдаешь отъ каждаго его хвастливаго или трусливаго слова: бѣдный, какъ ему трудно и больно! Въ этой повѣсти воочію видишь, что всѣ впечатлѣнія жизни, даже сладостныя, даже пріятныя, воспринимались Достоевскимъ съ такой страшной чрезмѣрностью, что неизбѣжно превращались въ страданія. Мудрено ли, что даже въ гуманномъ кружкѣ Бѣлинскаго онъ чувствовалъ себя, какъ въ застѣнкѣ? Тѣмъ болѣе, что, по разсказамъ Некрасова, въ этомъ кружкѣ было много жестокаго. Некрасовъ цѣлую главу своей повѣсти посвящаетъ той дружески-безпощадной облавѣ, которой подвергались порою нѣкоторые члены кружка. Онъ даже называетъ ихъ „жертвами“, „мучениками“.

Значитъ, не во всемъ же виноватъ Глажіевскій, и не такъ ужъ онъ былъ смѣшонъ, какъ описываютъ въ иныхъ мемуарахъ.

Вмѣсто сатиры на автора „Бѣдныхъ людей“, Некрасовъ (конечно, нечаянно!) далъ блестящую его апологію.

IV.

Но все же весь разсказъ—очень ѣдкій, язвительный; и только Бѣлинскій изображенъ въ ореолѣ.

Извѣстно, что Некрасовъ набожно чтилъ священную память Бѣлинскаго, писалъ о немъ оды, поэмы,—и вотъ даже въ повѣсти вывелъ единственнымъ идеальнымъ героемъ.

Повѣсть, пожалуй, затѣмъ и написана, чтобъ прославить великаго критика, хотя бы и подъ чужою личиной, тайкомъ отъ цензуры, которая даже самое имя его считала одно время крамольнымъ. Некрасова всегда удручало, что его учитель будетъ скоро забытъ; и въ стихахъ, посвященныхъ Бѣлинскому, онъ не разъ выражалъ эту скорбь:

...О тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя,
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

И черезъ нѣсколько лѣтъ въ поэмѣ „Бѣлинскій“—писалъ:

...Помянуть печатно
Его не смѣли, и о немъ
Слабѣетъ память съ каждымъ днемъ
И скоро сгибнетъ невозвратно.

И просилъ, умолялъ цензоровъ позволить ему, наконецъ, назвать это священное имя въ печати, спасти его отъ общаго забвенія:

— „Лучше запретите мою поэму „Княгиня“,—писалъ онъ цензору В. Н. Бекетову,—запретите десять моихъ стихотвореній кряду, даю честное слово: жаловаться не стану, даже про себя“,—только разрѣшите ему назвать имя Бѣлинскаго громко, на страницахъ журнала!

И вотъ онъ даетъ Бѣлинскому имя Мерцалова и выводитъ его, какъ лицо фантастическое, въ полубеллетристическомъ очеркѣ.

Очеркъ удался превосходно. Даже поэмы и оды Некрасова, посвященныя тому же Бѣлинскому, не такъ живо рисуютъ его, какъ этотъ прозаическій бѣглый набросокъ. Въ одахъ Некрасова—Бѣлинскій былъ слишкомъ монументальный, торжественный, хоть сейчасъ на пьедесталъ и на площадь, а въ повѣсти—онъ затрапезный, домашній, съ тѣми маленькими, милыми слабостями, за которыя къ нему льнешь еще больше.

Въ стихахъ Некрасовъ—передъ нимъ на колѣняхъ:

Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

А въ этой повѣсти—авторъ будто сидитъ на диванчикѣ, полуразлегся, и даже съ усмѣшечкой, даже чуть-чуть иронически, слушаетъ неистовыя вѣщанія учителя,—съ той ласковой иронiей, съ какой слушаютъ своихъ полувзрослыхъ, страстно любимыхъ дѣтей.

Очень тонко подмѣчено въ повѣсти, какъ восторженный и пылкій Бѣлинскій силился быть равнодушнымъ, напускать на себя хладнокровную трезвость и даже обуздывать энтузіазмъ другихъ,—хотя самъ дольше дня не выдерживалъ. Также не побоялся Некрасовъ отмѣтить, что часто въ основѣ глубокихъ и остроумныхъ умозрѣній Бѣлинскаго лежалъ какой-нибудь призракъ, миражъ, который разлетался, какъ дымъ, отъ перваго прикосновенія дѣйствительности. Именно за эту святую наивность онъ и чтилъ Бѣлинскаго больше всего. Съ тѣмъ же юморомъ указано въ повѣсти пристрастіе критика къ необузданнымъ, чрезмѣрнымъ словамъ: этотъ юморъ только оттѣняетъ сильнѣе его благоговѣніе предъ Бѣлинскимъ, которое нельзя не почувствовать въ каждой строкѣ его повѣсти.

Всѣ детали тогдашней жизни Бѣлинскаго переданы въ повѣсти съ точностью: ему дѣйствительно было тогда подъ сорокъ лѣтъ, и дѣйствительно онъ стоялъ тогда во главѣ журнала, который своимъ процвѣтаніемъ былъ обязанъ ему одному. Этотъ журналъ—„Отечественныя Записки“ Краевскаго.

Объ остальныхъ персонажахъ—потомъ. Теперь лишь укажемъ, что Чудовъ—это, конечно, Некрасовъ, а „добрый, но пустой Разбѣгаевъ“—конечно, Ив. Ив. Панаевъ, о которомъ и Бѣлинскій говорилъ: „вѣтрогонъ, инфузорій, но незлобенъ, подобно младенцу“.

Впрочемъ, не лучше ли здѣсь же заранѣе раскрыть псевдонимы всѣхъ героевъ этой исторической повѣсти? Такъ удобнѣе будетъ читать ее. Предупреждаемъ читателя, что установленіе этихъ именъ—есть исключительно наша догадка, которую онъ въ правѣ оспаривать.

Рѣшетиловъ, онъ же „Мальчишка“—И. С. Тургеневъ.
Глажіевскій—Ѳ. М. Достоевскій.
Чудовъ—Н. А. Некрасовъ.
Мерцаловъ—В. Г. Бѣлинскій.
Балаклеевъ—Д. В. Григоровичъ.
Разбѣгаевъ—Ив. Ив. Панаевъ.

Въ рукописи не всѣ имена установлены: Бѣлинскій иногда называется также Ветлугинымъ, Некрасовъ—Тросниковымъ. Мы не воспроизвели этой путаницы. Напомнимъ, что фамилія Рѣшетилова встрѣчается также въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Некрасова:

...Въѣзжая въ вотчину свою,
Такими мыслями случайно
Былъ Рѣшетиловъ осажденъ.

Въ третьей главѣ своей повѣсти Некрасовъ приводитъ пригласительную записку, которую Бѣлинскій будто бы послалъ Достоевскому. Такихъ записокъ было, должно-быть, немало, но до послѣдняго времени до насъ не дошло ни одной. И только два года назадъ въ ноябрьской книгѣ „Голоса Минувшаго“ (за 1915 г.) покойный В. Семевскій обнародовалъ слѣдующія карандашныя строки:

„Достоевскій, душа моя (безсмертная) жаждетъ видѣть васъ. Приходите, пожалуйста, къ намъ, васъ проводитъ человѣкъ, отъ котораго вы получите эту записку. Вы увидите всѣ нашихъ, а хозяина не дичитесь, онъ радъ васъ видѣть у себя.

В. Бѣлинскій“.

Заглавіе повѣсти дано нами; въ рукописи никакого заглавія нѣтъ.

V.

Павелъ Васильичъ былъ очень уменъ, и статьи писалъ толковыя, дѣльныя. Но всѣ его писанія давно забыты, а помнятъ про него только одно:

— Другъ Тургенева.

„Другъ Тургенева“—это его чинъ, его санъ, его званіе, его общественное положеніе, его право на память потомства.

Самъ Тургеневъ называлъ его дружески: „мой комиссіонеръ“— и дѣйствительно, Павелъ Васильичъ, побуждаемый безкорыстной пріязнью, готовъ былъ съ утра до ночи ѣздить по городу, выполняя всевозможныя комиссіи своего знаменитаго друга, жившаго почти всегда за границей. Письма Тургенева къ Павлу Васильичу переполнены порученій и просьбъ. Въ нихъ мы ежеминутно читаемъ:

— Узнайте...

— Освѣдомьтесь...

— Сообщите...

— Распорядитесь...

— Дайте мнѣ знать...

— Вышлите...

— Съѣздите...

— Сходите...

— Зайдите, отецъ родной, въ музыкальный магазинъ Іогансена и спросите...

— Увѣдомьте меня, что за человѣкъ Боборыкинъ...

— Будьте отцомъ и благодѣтелемъ: летите стремглавъ къ моему цензору и попросите его...

И Павелъ Васильичъ высылалъ, увѣдомлялъ, сообщалъ, разспрашивалъ, ѣздилъ, хлопоталъ. „Вы самый надежный комиссіонеръ“,—хвалилъ его благодарный Тургеневъ.—„О, мой спаситель, о, мой покровитель! За все, за все тебя благодарю я!“—и заваливалъ своего „покровителя“ новыми дѣлами и заботами. То Павелъ Васильичъ долженъ былъ съѣздить въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, то въ „Библіотеку для Чтенія“, то снестись съ „Эпохой“ Достоевскаго; онъ продавалъ процентныя бумаги Тургенева, платилъ его долги, искалъ для него управляющихъ...

Въ литературныхъ кругахъ надъ этимъ очень много смѣялись и вспоминали, что въ прежніе годы, еще до сближенія съ Тургеневымъ, Павелъ Васильичъ такимъ же манеромъ состоялъ на побѣгушкахъ у Гоголя. Гоголь ему прямо писалъ:

— Ивановъ сообщилъ мнѣ вашу готовность исполнять всякія порученія... Вотъ вамъ порученія...

И тоже наполнялъ иныя письма къ нему одними повелительными наклоненіями:

— Развѣдайте...

— Пришлите мнѣ...

— Извѣстите меня...

— Выпишите для меня мелкимъ почеркомъ всѣ критики на мои сочиненія...

И Павелъ Васильичъ былъ радъ, что можетъ услужить, пригодиться. Онъ нарочно поселился подъ одною кровлею съ Гоголемъ, чтобы тотъ диктовалъ ему „Мертвыя души“.

Такая у него была страсть: угождать знаменитымъ писателямъ. Вспомнимъ, какъ ухаживалъ онъ за Бѣлинскимъ, подавалъ ему лѣкарства, вѣдался съ его докторомъ, читалъ ему вслухъ, бѣгалъ на почту за его письмами, снабжалъ его деньгами, возилъ его изъ Зальцбрунна въ Дрезденъ, изъ Дрездена въ Кёльнъ, изъ Кёльна въ Брюссель, въ Парижъ, былъ его нянькой, сидѣлкой, и Бѣлинскій о немъ отзывался:

— Это безцѣнный человѣкъ... обожаемый другъ мой... я очень люблю этого милаго человѣка... *)

Въ литературныхъ кружкахъ Павла Васильича такъ и называли: „Нашъ Добрый“.

Много было трогательнаго въ этомъ беззавѣтномъ служеніи знаменитымъ великимъ писателямъ. Но почему же непремѣнно знаменитымъ? А если бы Бѣлинскій не былъ знаменитый писатель, а просто былъ бы несчастный чахоточный—ужели Павелъ Васильичъ не сталъ бы за нимъ такъ ухаживать? Не знаемъ, но по крайней мѣрѣ Панаевы — и мужъ и жена — называютъ его въ своихъ мемуарахъ скрягой, эгоистомъ, кулакомъ, а Некрасовъ даже эпиграмму на него написалъ, обличая именно его эгоизмъ и черствость. Вотъ эта эпиграмма, еще не вошедшая въ собраніе сочиненій Некрасова:

За то, что ходитъ онъ въ фуражкѣ
И крѣпко бьетъ себя по ляжкѣ,
Въ немъ нашъ Тургеневъ всѣ замашки
Соціалиста отыскалъ.

Но не хотѣлъ онъ вѣрить слуху,
Что демократъ сей черствъ по духу,
Что только къ собственному брюху
Онъ уваженіе питалъ **).

Ухаживая за знаменитостями, Павелъ Васильичъ былъ — по свидѣтельству многихъ — съ простыми смертными заносчивъ и сухъ, разговаривалъ съ ними свысока, по-начальнически, и даже Салтыкова обидѣлъ однажды своимъ высокомѣрнымъ обращеніемъ.

Щедрый для знаменитостей, онъ былъ для другихъ скуповатъ и очень любилъ угощаться чужими обѣдами, гдѣ такъ радушно потчевалъ всѣхъ остальныхъ приглашенныхъ, что получилъ прозвище „гостепріимнаго гостя“. Даже благосклонный Тургеневъ сочинилъ о немъ вирши:

Виляетъ острымъ животомъ,
Чужимъ наполненнымъ виномъ.

Вотъ этого-то Павла Васильича Некрасовъ и выводитъ въ своей сатирической повѣсти подъ мѣткимъ наименованіемъ: „Спутникъ“. Павелъ Васильичъ, какъ мы уже видѣли, былъ именно спутникомъ всѣхъ литературныхъ свѣтилъ, „получавшимъ свой свѣтъ отъ большихъ солнцъ литературы, около которыхъ неустанно вращался“. Одинъ современникъ разсказываетъ, что когда такими восходящими солнцами становились Добролюбовъ и Чернышевскій, Павелъ Васильичъ былъ очень не прочь совершить вращеніе вокругъ нихъ, поступить на всю жизнь къ нимъ въ „Спутники“, но былъ пренебрежительно ими отвергнутъ *).

Поразительно совпаденіе нѣкоторыхъ характерныхъ штриховъ, какими Некрасовъ изображаетъ этого Спутника, съ тѣми отзывами о Павлѣ Васильичѣ, которые появились въ литературѣ потомъ.

Некрасовъ, напримѣръ, говоритъ:

— Лишь разносилась молва о новой знаменитости, Спутникъ находился неотлучно при ней.

А Панаева-Головачева пишетъ о Павлѣ Васильичѣ:

— Чуть человѣкъ пріобрѣталъ извѣстность въ литературѣ, Павелъ Васильичъ тотчасъ же дѣлался его другомъ.

По словамъ Некрасова, отношенія Спутника къ знаменитымъ писателямъ напоминали „умилительныя отношенія скромнаго, расторопнаго и понятливаго подчиненнаго къ милостивому начальнику“.

А въ воспоминаніяхъ Панаевой о Павлѣ Васильичѣ сказано.

— Онъ увивается за Бѣлинскимъ, точно мелкій чиновникъ за своимъ непосредственнымъ начальникомъ.

Сомнѣваться въ тожествѣ Павла Васильича съ этимъ персонажемъ некрасовской повѣсти—невозможно. Въ повѣсти, напримѣръ, сообщается, что Спутникъ любилъ читать вслухъ произведенія своихъ знаменитыхъ друзей, когда тѣ, по слабости здоровья, сами не были на это способны. Кто же не знаетъ, что именно Павелъ Васильичъ два вечера подъ рядъ читалъ на квартирѣ Тургенева предъ Некрасовымъ, Дружининымъ и прочими—тургеневскій романъ „Дворянское гнѣздо“? Самъ авторъ тогда былъ простуженъ, и „чтеніе романа поручено было мнѣ“,—разсказываетъ Павелъ Васильичъ.

Въ благодарность за эту услугу (да и за всѣ предыдущія) Тургеневъ распорядился тогда же напечатать въ подзаголовкѣ романа:

— Посвящается Павлу Васильичу.

Но Некрасовъ, какъ редакторъ журнала, гдѣ печаталась повѣсть Тургенева, счелъ это посвященіе излишнимъ, къ великому огорченію „Спутника“ **).

Дальше Некрасовъ сообщаетъ о Спутникѣ, что тотъ дѣятельно поставлялъ знаменитостямъ всѣ новости, анекдоты и сплетни о петербургскихъ дѣлахъ и событіяхъ. Именно такова была роль услужливаго Павла Васильича. Тургеневъ то и дѣло писалъ ему:

— Не оставляйте меня извѣстіями о томъ, что кипитъ и гремитъ вокругъ!

— Давайте мнѣ свѣдѣній возможно больше!

— Какіе ходятъ теперь слухи въ нашей сѣверной столицѣ?

Нужно сказать, что Павелъ Васильичъ исполнялъ эту роль превосходно. Онъ отлично умѣлъ уловлять главный нервъ данной эпохи. Его характеристики разныхъ общественныхъ настроеній и вѣяній часто бывали широки и мѣтки. Съ птичьяго полета онъ умѣлъ смотрѣть на панораму общественной жизни, именно, какъ посторонній, чужой, самъ въ этой жизни не участвующій. „Получилъ я ваше письмо и, по обыкновенію, узналъ изъ него лучше всю суть современнаго положенія петербургскаго общества, чѣмъ изъ чтенія журнальныхъ корреспонденцій“, — хвалилъ его знаменитый пріятель.

Но жаль, что при такомъ хваткомъ чутьѣ, онъ былъ малодаровитъ, безъ темперамента, не горячъ и не холоденъ, отчего всѣ его письма, статейки немного тусклы, вяловаты, не выпуклы. Умъ расплывчатый и неоригинальный, онъ, какъ беллетристъ и какъ критикъ, оказался не выше посредственности, и словно спеціально былъ созданъ, чтобы отлично писать мемуары о своихъ прославленныхъ друзьяхъ, хотя и для этого ему не хватало энергичныхъ штриховъ, яркихъ красокъ. Главное же, ему не хватало—лица, потому-то онъ и былъ въ дружбѣ со всѣми: когда Гоголь оскорбилъ идеалы Бѣлинскаго, когда Бѣлинскій съ проклятіями отшатнулся отъ Гоголя — Павелъ Васильичъ остался пріятелемъ того и другого: не даромъ въ некрасовской повѣсти его личность называется „смутной“. Въ ней не было ничего рѣзко-выявленнаго; Гоголь звалъ ее „безформеннымъ воскомъ“, изъ котораго еще не вылито фигуры.

*) См. великолѣпное трехтомное собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго, изданное фирмой „Огни“ подъ редакціей Евг. Ляцкаго.

**) „Русскій Архивъ“ 1884 г., кн. 3, стр. 235.—См. также „Архивъ Стасюлевича“. подъ ред. М. К. Лемке. Т. III, стр. 383.

*) П. М. Ковалевскій. „Стихи и воспоминанія“. СПБ. 1912, стр. 281.

**) См. „Литературныя воспоминанія П. В. Анненкова“. СПБ. 1909, стр. 507.

Даже Тургеневъ не могъ не признать, что „въ немъ собственно таланта не много“, но, цѣня его вкусъ и чутье, сдѣлалъ его „своимъ собственнымъ критикомъ“, посылая ему каждую повѣсть для предварительной оцѣнки и критики, которая чаще всего выражалась, конечно, осанной.

Читатель давно догадался, что фамилія Павла Васильича—Анненковъ, тотъ самый Анненковъ, который извѣстенъ статьями:

— Письма Н. П. Огарева.

— Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ.

— Воспоминанія о Гоголѣ,—

то-есть извѣстенъ не самъ по себѣ, а именно какъ спутникъ другихъ, — спутникъ просвѣщенный и глубокомысленный, но все-таки спутникъ.

VI.

Конечно, въ этой сатирической повѣсти Некрасовъ къ Анненкову слишкомъ суровъ: передъ нами оказался не столько самъ Анненковъ, сколько карикатура на Анненкова.

Нельзя забывать, что у Павла Васильича есть изрядная заслуга предъ русской словесностью: онъ первый собралъ матеріалы для біографіи Пушкина, былъ первымъ посмертнымъ,—пусть и не слишкомъ хорошимъ,—издателемъ его сочиненій, и началъ собою плеяду ученыхъ пушкинистовъ-библіографовъ. Впрочемъ, въ тѣ годы, къ которымъ относится повѣсть Некрасова, онъ еще ничего не писалъ (или почти ничего) и терялся въ неблестящей толпѣ прочихъ „литературныхъ сочувствователей“.

Ужъ и тогда онъ былъ очень услужливъ; юный Катковъ, напримѣръ, получивъ отъ него вспоможеніе, именовалъ его: „мой благодѣтель, добрый геній моей жизни“, да и самъ Некрасовъ не разъ пользовался въ трудныя минуты его добротой и услужливостью. Но и тогда было что-то такое въ этой его добротѣ, что заставляло относиться къ ней подозрительно и съ недовѣріемъ. Въ ней видѣли какую-то корысть, заднюю мысль, расчетъ, какое-то себѣ на умѣ. Въ повѣсти очень забавно разсказывается, какъ ловко умѣлъ онъ использовать свою завидную близость къ Тургеневу: на этой близости онъ будто бы сдѣлалъ карьеру. Такое мнѣніе намъ кажется безусловно невѣрнымъ, и вообще отношенія Анненкова къ своему великому другу (да и къ другимъ великанамъ) были гораздо сложнѣе и тоньше, чѣмъ это изложено въ повѣсти. Повѣсть вообще чуть-чуть аляповата, и многія фигуры въ ней топорны. Тургеневъ былъ не такой человѣкъ, чтобы можно было заслужить его дружбу угодливостью, лестью, прислужничествомъ. Несомнѣнно, что Анненковъ былъ дорогъ Тургеневу своимъ рѣдкимъ эстетическимъ вкусомъ, европейской своей просвѣщенностью и той широтою симпатій, которая часто присуща именно дилетантамъ, натурамъ безличнымъ, нетворческимъ: въ то время, какъ Фетъ или Герценъ, представляя собой индивидуальности рѣзко-очерченныя, были близки къ Тургеневу только отчасти, только нѣкоторыми сторонами души, — Анненковъ, какъ личность аморфная, смутная (сказано же: восковой человѣкъ!), могъ примкнуть къ его душѣ вплотную, ибо въ немъ и не было тѣхъ нестираемыхъ, острыхъ угловъ, которые всегда дѣлаютъ невозможнымъ сліяніе двухъ выдающихся личностей: самая его безличность, безцвѣтность и была залогомъ его дружбы съ разнообразнѣйшими его современниками.

Это очень естественно, и здѣсь нѣтъ ничего зазорнаго, такого, что подлежитъ осмѣянію. Но Анненковъ, очевидно, не умѣлъ спокойно, солидно, съ достоинствомъ нести свое почетное званіе. Дружба съ Тургеневымъ была его орденомъ, но онъ слишкомъ выпячивалъ грудь, чтобы показать этотъ орденъ. Обычно флегматичный и чинный, онъ становился суетенъ и суетливъ, чуть дѣло касалось Тургенева. Онъ всюду являлся съ Тургеневымъ, всюду похвалялся Тургеневымъ, только и говорилъ о Тургеневѣ и даже угощалъ всѣхъ Тургеневымъ:

— Хотите, я приведу его къ вамъ?

— Непремѣнно, но когда?

— Да хоть завтра!..

Такія фразы были очень возможны. Въ однихъ мемуарахъ читаемъ:

„Анненкову не терпѣлось показать Тургенева поближе, и вотъ онъ привелъ его прямо вечеромъ, когда у насъ собирались запросто. Сидѣли Фетъ, Григоровичъ и Дружининъ. Вдругъ вбѣгаетъ Анненковъ, съ глазами, ужъ и въ спокойчомъ-то состояніи достаточно выпученными, но теперь просто выскакивавшими изъ головы, и, въ томъ возбужденіи, въ какомъ находится носитель чего-то необычайнаго, восклицаетъ:

— Кого я съ собою привелъ!.. Угадайте. Пари держу, не угадаете!

— Разумѣется, Тургеньева!—протянулъ мягкимъ своимъ произношеніемъ Дружининъ.

— Ивана Сергѣевича!! Да, дорогого гостя!—кричалъ радостно Анненковъ. — Онъ поднимается себѣ потихоньку, а я залпомъ взбѣжалъ на лѣстницу.

— Какъ оно и подобаетъ въ ваши молодые годы, — вставилъ Дружининъ.

Анненковъ былъ лѣтъ на десять старше Тургенева.

Онъ суетился, ему хотѣлось весь домъ поднять на ноги.

— Дорогой гость! Вотъ ужъ дорогой-то гость!—возбуждалъ онъ присутствующихъ. Наконецъ-таки не выдержалъ, — вбѣжалъ въ прихожую и оттуда съ торжествомъ ввелъ Тургенева“ *).

Не даромъ же его называли: „гостепріимный гость“. Этотъ отрывокъ изъ записокъ П. М. Ковалевскаго можно бы цѣликомъ инкрустировать въ повѣсть Некрасова: и тамъ и здѣсь говорится одно, почти даже одними словами. Вообще всѣ мемуары объ этой эпохѣ какъ будто затѣмъ и написаны, чтобы подтвердить до мельчайшихъ подробностей все изложенное въ новонайденной повѣсти.

Въ одномъ только ошибся Некрасовъ: Анненкову о ту пору было не двадцать семь лѣтъ, а уже тридцать три, тридцать четыре. Впрочемъ, онъ отличался моложавостью: женился, приближаясь къ шестому десятку.

Въ другихъ главахъ некрасовской повѣсти тотъ же Анненковъ выведенъ подъ именемъ „Благородная личность“. Благородная личность“ очерчена тѣми же штрихами, что и „Спутникъ“. Прибавлено лишь указаніе на тучность и апатичность Анненкова, и сдѣланъ ѣдкій, но неясный намекъ на какую-то другую „болѣе широкую сферу дѣятельности“, гдѣ Анненковъ будто бы лучше всего проявилъ свое безкорыстіе и благородство. Не была ли эта сфера — изданіе Пушкина, въ чемъ, по свидѣтельству Панаевой-Головачевой, Некрасовъ видѣлъ барышничество?

Едва ли. Во всякомъ случаѣ этотъ намекъ еще подлежитъ выясненію.

VII.

Когда мы говоримъ: „кружокъ Бѣлинскаго“, мы представляемъ себѣ Бакунина, Тургенева, Герцена. Но это были звѣзды кружка или, пожалуй, кометы, которыя вдругъ прилетали, на нѣсколько недѣль или дней, изъ Парижа, изъ Москвы, изъ Мадрида и внезапно озаряли все вокругъ. Тотъ фонъ, на которомъ сверкали эти быстролетныя свѣтила, состоялъ изъ второстепенныхъ людей и людишекъ, которые плотной стѣной окружали великаго критика. Бѣлинскій съ ними игралъ въ преферансъ, обѣдалъ у нихъ по воскресеньямъ, катался съ ними въ лодкѣ по Фонтанкѣ, складывалъ у нихъ свою мебель, когда уѣзжалъ изъ столицы, — и вообще столь близко ввелъ ихъ въ свою жизнь, что безъ нихъ его кружокъ былъ неполонъ. Хотя многіе изъ нихъ не написали ни строчки, но, кромѣ литературнаго круга, не знали никакого другого.

Ихъ-то и выводитъ Некрасовъ подъ именемъ „литературныхъ сочувствователей“.

Теперь они полузабыты, но, по различнымъ мемуарамъ и письмамъ, по множеству бѣглыхъ мимоходныхъ упоминаній о нихъ у Григоровича, у Фета, у Тучковой-Огаревой, я такъ близко познакомился съ ними, какъ будто видѣлъ ихъ только вчера, и если бы они вошли въ мою дверь, привѣтствовалъ бы ихъ, какъ давнихъ пріятелей.

Вотъ Языковъ, Михаилъ Александровичъ,—маленькій, хромой, кривоногій острякъ, каламбуристъ, экспромтистъ; вотъ Тютчевъ, Николай Николаевичъ.

Тютчевъ и Языковъ—поэты? Нѣтъ, однофамильцы поэтовъ: одинъ—мелкій чиновникъ департамента сборовъ и податей, другой служитъ на стеклянномъ заводѣ. Но если спросить у Языкова:

— Имѣю ли я честь говорить съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ?

Онъ отвѣтитъ, скромно потупляя глаза:

— Такъ точно.

— Не подарите ли вы насъ какимъ-нибудь новымъ произведеніемъ?

— Да, у меня есть много набросаннаго...

Смѣшливые его собутыльники могутъ выскочить изъ-за стола отъ смѣха, но онъ самъ невозмутимъ и спокоенъ. Его роль—потѣшать за столомъ. Стоитъ ему поднять бокалъ и сказать:

Хотя мы спичемъ
И не тычемъ,
Но чтобъ не быть разбиту параличемъ,

какъ всѣ почему-то хохочутъ. Начнетъ свой тостъ горячо, съ величайшимъ азартомъ:

— Разъ думалъ я, друзья...

А потомъ повторитъ уныло:

— Раздумалъ я, друзья... и сядетъ,—и этотъ тостъ производилъ такой эффектъ, что люди и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминали его и увѣковѣчивали въ своихъ мемуарахъ. Или на Средней Рогаткѣ, въ трактирѣ, провожая попойкой пріятеля, онъ въ томъ же литературномъ кругу скажетъ такое двустишіе:

Какой предались мы тоскѣ и унынію,
Узнавъ, что полковникъ нашъ ѣдетъ въ Волынію,—

и всѣхъ это смѣшитъ до упаду, и Некрасова, и Фета, и Тургенева. Вмѣсто „стремглавъ“ говорилъ онъ: „стремплѣшь“, и вообще былъ неистощимъ на нелѣпости. Фривольные стишки составляли его спеціальность. Съ Бѣлинскимъ онъ былъ на „ты“. Бѣлинскій вначалѣ отъ него былъ въ восторгѣ:

— Я недостоинъ разрѣшить ремня у сандалій его, — писалъ онъ въ какомъ-то письмѣ.

*) П. М. Ковалевскій „Стихи и воспоминанія“. СПБ. 1912, стр. 282—283. Рекомендуемъ читателямъ эту превосходную книгу: въ ней столько юмору, жизни и красокъ, а между тѣмъ она прошла незамѣченной.

„Добръ, какъ агнецъ: безжелченъ, какъ голубь, и развратенъ, какъ козелъ",—отзывался критикъ о своемъ новомъ пріятелѣ. Но вскорѣ ему стало казаться, что этотъ великолѣпный Языковъ—только и хорошъ за бутылкою, а чуть дѣло коснется „идей", онъ, какъ попугай, повторяетъ чужое. „Для друзей онъ готовъ увѣровать въ какое угодно ученіе и будетъ наполовину невпопадъ повторять ихъ слова", — пишетъ о Языковѣ Бѣлинскій. Но зато Языковъ услужливъ и преданъ: онъ выхлопоталъ Бѣлинскому къ свадьбѣ какой-то очень важный документъ, безъ коего нельзя было вѣнчаться; онъ послѣднее радъ отдать литераторамъ—и даже ночью не разъ угощалъ ихъ ватагу, налетавшую на него неожиданно. Въ воспоминаніяхъ А. А. Фета читаемъ:

Бывало, зимою, поздно засидѣвшись послѣ обѣда, кто-нибудь изъ собесѣдниковъ крикнетъ: „Господа! Поѣдемте ужинать къ Языкову!"—и вся ватага садилась на извозчиковъ и отправлялась на фарфоровый заводъ, къ несчастной женѣ Языкова, всегда съ особенной любезностью встрѣчавшей незваныхъ гостей. Не знаю, какъ она успѣвала накормить всѣхъ, но часа черезъ полтора или два являлись сытныя и превосходныя русскія блюда, начиная съ гречневой каши со сливками и кончая великолѣпнымъ поросенкомъ, сырниками. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночною экскурсіей".

Когда Тургеневу было нужно пристроить къ акцизному вѣдомству своего побочнаго брата, онъ обратился къ „любезнѣйшему Михаилу Александровичу", и братъ немедленно получилъ мѣсто.

Нельзя не указать, что Языковъ остался памятенъ въ литературныхъ анналахъ не однѣми лишь застольными остротами. Некрасовъ черезчуръ окарикатурилъ его (такъ же, какъ и Анненкова и Достоевскаго) и въ этомъ сатирическомъ романѣ не отмѣтилъ его главнаго свойства: обаятельной его задушевности, его великаго „таланта доброты". Не даромъ же къ Языкову тянулись такіе разнообразные люди, какъ Грановскій, Гончаровъ, Горбуновъ, Майковъ, Шелгуновъ, Кони, — въ его душѣ было гостепріимство для всѣхъ. Это именно была гостепріимная душа, уютная, какъ старый семейный диванъ. Добръ онъ былъ сверхъестественно. „Доброта его,—вспоминаетъ А. Ѳ. Кони,—была не тѣмъ апатическимъ недѣланіемъ зла и сентиментальничаньемъ, которымъ даютъ у насъ неправильно кличку доброты,—нѣтъ, это была любовь дѣятельная, тревожная, приходившая на помощь въ формѣ деликатной настойчивости, вездѣ, гдѣ только было возможно... Иной ужъ совсѣмъ ослабѣвалъ, рискуя на все махнуть рукой, но приходилъ колеблющейся походкой своихъ коротенькихъ ножекъ Языковъ, говорилъ растроганнымъ голосомъ, смотрѣлъ влажными, умными, добрыми глазами, и вмѣстѣ съ нимъ приходили помощь, обученіе, заработокъ, служба..." (А. Ѳ. Кони. „За послѣдніе годы". Спб. 1898, стр. 467).

По словамъ Некрасова выходитъ, будто ни Языковъ ни другіе второстепенные члены кружка Бѣлинскаго не были ни въ малѣйшей степени соучастниками духовной жизни великаго критика, будто это была случайная компанія пошловатыхъ и вульгарныхъ обывателей, ничего общаго съ Бѣлинскимъ не имѣющая, это невѣрно, и ниже мы увидимъ, для чего Некрасову понадобилось такое отклоненіе отъ истины. М. А. Языковъ до конца своихъ дней былъ носителемъ завѣтовъ Бѣлинскаго, на немъ всю жизнь неугасимо покоился благостный отблескъ того пышущаго, бурнаго пламени, которымъ пылалъ его другъ. Когда нагрянули 60-е годы, Языковъ не возсталъ противъ нихъ, не озлобился,—какъ многіе другіе его сверстники,—а напротивъ, почувствовалъ себя въ своей стихіи и энергично предался общественной работѣ. Судьба закинула его въ провинцію, въ Калугу,—онъ тамъ въ нѣсколько лѣтъ основалъ:

1. Общество сбереженія „Подспорье";
2. Общественную библіотеку;
3. Общество взаимнаго кредита,
4. Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ

и т. д., и т. д., вкладывая въ эти благія затѣи бездну безкорыстнаго труда. Очутившись на склонѣ лѣтъ въ Новгородѣ, онъ и тамъ,—цѣною героическихъ усилій, — основалъ первую общественную библіотеку,—на каждомъ шагу обнаруживая крѣпкую непорываемую связь со своимъ учителемъ-другомъ. (См. статью „Шелгуновъ въ Калугѣ", въ „Голосѣ Минувшаго". 1915, XI; примѣчаніе Б. Модзалевскаго къ статьѣ „Изъ переписки Гончарова", Временникъ Пушкинскаго Дома, 1914, стр. 97—98, 100—102; примѣчаніе Б. Модзалевскаго къ „Тремъ письмамъ Тургенева" въ „Невскомъ Альманахѣ", выпускъ второй, Петр. 1917, стр. 43—47).

Языковъ не льстилъ писателямъ: онъ былъ исполненъ самоуваженія и чинной солидности. Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній отмѣтилъ именно его сановитость и важность:

Языковъ самъ, столь важный, столь пріятный,
Меня почтитъ улыбкой благодатной.

Писатели любили его безкорыстно, а если эта любовь окрылялась его подарками, одолженіями, ужинами,—то здѣсь для него только честь: онъ служилъ литературѣ, какъ могъ.

А кумъ Бѣлинскаго, Иванъ Ильичъ Масловъ? Не даромъ Некрасовъ посвятилъ ему свое знаменитое стихотвореніе „Тройка". Масловъ стоилъ такого подарка! Этотъ „лѣнивѣйшій изъ хохловъ" какъ будто цѣлью своей жизни поставилъ отдать всего себя литераторамъ. Для Тургенева онъ нанималъ экипажи; покупалъ, по его порученію, акціи; стригъ для него купоны; ѣздилъ по его дѣламъ и на Пречистенку, и къ Каткову, и къ какой-то невѣдомой барынѣ; помогалъ ему въ продажѣ имѣнія,—словомъ, былъ для Тургенева чѣмъ-то въ родѣ московскаго Анненкова,—и въ теченіе двадцати лѣтъ предоставлялъ ему, при его наѣздахъ въ Москву, всю свою казенную квартиру. Тургеневъ ему писалъ, какъ въ отель:

— Предупреждаю тебя, что явлюсь къ тебѣ во вторникъ и пробуду на твоей великолѣпной и гостепріимной квартирѣ сутки.

И Масловъ готовилъ поистинѣ царскій пріемъ своему именитому гостю.

Для Некрасова въ удѣльныхъ имѣніяхъ онъ устраивалъ охоту на вальдшнеповъ, а когда больная жена Бѣлинскаго уѣзжала куда-то лѣчиться, ему поручили достать ей билеты, усадить ее на пароходъ, проводить... Не рѣдкость было для него бѣгать съ письмами отъ Бѣлинскаго или къ Бѣлинскому.

Словомъ, это буквально то самое, что разсказывается въ некрасовской повѣсти о „литературныхъ сочувствователяхъ". Благоговѣніе предъ писательскимъ кругомъ безмѣрное—и готовность на всевозможныя жертвы, лишь бы только какъ-нибудь сблизиться съ этой священной кастой!

Въ повѣсти, между прочимъ, говорится о какомъ-то жалкомъ „сочувствователѣ", который, чтобы привлечь литераторовъ, чтобы втереться въ ихъ общество, угощалъ ихъ прескверным винoмъ, „невѣроятно плохими обѣдами", за что и получалъ нагоняй. Несомнѣнно, здѣсь Некрасовъ имѣетъ въ виду Комарова, Александра Сергѣевича, того, о которомъ Бѣлинскій писалъ:

— Комаришка дуракъ положительно!

И говорилъ ему: „вы отравитель". Какъ этотъ Комаришка унижался, юлилъ, увивался, чтобъ Бѣлинскій удостоилъ его посѣщеніемъ! Бѣлинскій наконецъ удостоилъ, но, какъ сообщаетъ Панаевъ, „заявилъ наотрѣзъ, что никогда обѣдать у Комаришки не будетъ, потому что у него провизія не свѣжая и вино прекислое, что онъ человѣкъ больной, и желудокъ его не можетъ переносить такой скверной пищи..."

Комаровъ всякій разъ клялся, что въ слѣдующій вторникъ у него будетъ тончайшій обѣдъ и самое дорогое вино отъ Рауля, и всякій разъ былъ уличаемъ въ хвастовствѣ. Отъ обѣдовъ его Бѣлинскій рѣшительно отказался *).

Разсказъ Панаева совпадаетъ буквально съ тѣмъ, что говорится у Некрасова! Но дальше Некрасовъ разсказываетъ, какъ грубо, безпардонно, жестоко третировали разныхъ Комаришекъ ихъ литературные кумиры:

— Смотри, чтобъ шампанскаго было довольно! И жену свою выгони вонъ! Жены не надо и дѣтей не надо! Тогда мы, пожалуй, придемъ, удостоимъ.

Такое бурбонство Бѣлинскому было, конечно, несвойственно. Изо всей его плеяды одинъ Кетчеръ былъ такъ безцеремоненъ и грубъ. Да и кто же другой кромѣ Кетчера сталъ бы хлопотать о шампанскомъ! Кетчеръ былъ безъ Редерера немыслимъ:

— Ну пей же, братецъ, пей!—совалъ онъ каждому бокалъ и бутылку.

— Экія вы дряни: Сколько васъ тутъ, а и четырехъ бутылокъ не могутъ выпить!—таковъ былъ стиль его рѣчей и манеръ. Онъ не говорилъ, а командовалъ,—былъ хохотунъ и крикунъ, съ широчайшею пастью. „Ты, братецъ, дрянь",—говорилъ онъ вамъ съ перваго слова (онъ былъ со всѣми на „ты"), обрушивался на все, оглушалъ, и все же васъ тянуло къ нему. Правдивъ онъ былъ до неприличія, до дикости; неопрятенъ до отвращенія. Какъ, должно-быть, трепеталъ передъ нимъ Комаришка, когда онъ выплескивалъ ему въ тарелку его дрянное вино и говорилъ ему: дрянь. Бѣлинскій не разъ называлъ его циникомъ и порицалъ за „мужичество", но зналъ, что подъ этимъ мужичествомъ кроется святая душа.

— Кетчерушка! Уродина! Чудовище нелѣпости! Ты такъ добръ, что во всякомъ готовъ принять участіе!

„Если бы въ Россіи можно было дѣлать что-нибудь умное и благородное, Кетчеръ много бы надѣлалъ,—это человѣкъ!"—писалъ Бѣлинскій кому-то въ письмѣ. Я думаю, что въ повѣсти Некрасова Кетчеръ выведенъ подъ именемъ Парутина. Жаль, что тамъ удѣлено ему только нѣсколько бѣглыхъ строкъ, онъ заслуживалъ больше вниманія. Это былъ честный плебей, ярый труженикъ, и его личность далеко не исчерпывалась ни этимъ шампанскимъ, ни его раскатистымъ хохотомъ, ни его грубой повадкой. Онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира, какъ редакторъ посмертнаго изданія Бѣлинскаго,—и мы не хотѣли бы, чтобы его эпитафіей была эта злая эпиграмма Тургенева:

Вотъ еще свѣтило міра,—
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Перепёръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ!

Въ то время, когда Некрасовъ писалъ свою повѣсть, Кетчеръ уже былъ его врагомъ.

— Честью клянусь, никакіе эпитеты не въ состояніи передать той ненависти и злобы, которыя чувствуетъ къ тебѣ Кетчеръ,—

*) См. „Современникъ" 1861. XII, стр. 68—70.

сообщалъ Некрасову въ эту пору В. Боткинъ.—...Эта ненависть, эта желчная, ядовитая злоба съ пѣною у рта... я такого озлобленія не встрѣчалъ въ своей жизни... (См. „Голосъ Минувшаго“. 1916, IX, стр. 186—187).

VIII.

Но вернемся къ Комаришкѣ. Этотъ „инфузорій“, чтобы придать себѣ вѣсу, выписывалъ со всего свѣта журналы и книги и радъ былъ, если могъ доставить Бѣлинскому свѣжій нумеръ „Revue Indépendante“, новую брошюру, лексиконъ... Панаевъ забавно разсказываетъ, какъ Бѣлинскій, придя къ Комаришкѣ и не найдя никого изъ гостей, взялъ у хозяина новый журналъ легъ на диванъ, попросилъ не мѣшать, и погрузился въ чтеніе,—какъ дома. Когда пришли гости, Бѣлинскій встрѣтилъ ихъ радостно, но чуть хозяинъ попробовалъ вмѣшаться въ бесѣду, Бѣлинскій цыкнулъ на него: „замолчите!“

И, указывая на Комаришку, говорилъ про него:

— Помилуйте, онъ мнѣ такъ надоѣлъ!

Ужинать онъ не остался и громко сказалъ гостямъ при хозяинѣ:

— Мнѣ очень жаль васъ, что вы добровольно хотите отравлять себя.

Вотъ какой тонъ былъ тогда у писателей по отношенію къ „литературнымъ сочувствователямъ“, конечно, не ко всѣмъ, а къ такимъ, какъ Комаришка. Этотъ тонъ очень мѣтко уловленъ въ невонайденной некрасовской повѣсти. Ясно, что Комаришка и тотъ, кого въ повѣсти зовутъ „библіотекой“—есть одно и то же лицо.—„И чего вы пришли? Убирайтесь вонъ! Мнѣ нужны не вы, а ваша книга“,—такъ, по свидѣтельству повѣсти, обращался неистовый критикъ со своей ходячей „библіотекой“.

А въ мемуарахъ Панаева онъ то же самое говоритъ Комаришкѣ:

— Замолчите. Вы мнѣ надоѣли. Мнѣ нужны не вы, а ваша Revue Indépendante.

Нужно сказать, что дѣйствительно Комаришка былъ навязчивый болтунъ и хвастунъ. Его не нужно смѣшивать съ тѣмъ Комаровымъ, у котораго Бѣлинскій по воскресеньямъ обѣдалъ и котораго сердечно любилъ. То былъ благородный „литературный сочувствователь“.

Подъ именемъ „Воспріимчивой Всесторонней Натуры“ въ повѣсти, по-моему, выведенъ Василій Петровичъ Боткинъ, самый близкій изъ всѣхъ друзей Бѣлинскаго,—надѣюсь, настолько извѣстный читателямъ, что о немъ распространяться излишне. Его отношенія къ Некрасову освѣщены въ интереснѣйшихъ статьяхъ В. Евгеньева: „Н. А. Некрасовъ и люди 40-хъ г.г.“, напечатанныхъ въ „Голосѣ Минувшаго“ въ 1916 году. Въ этихъ статьяхъ авторитетный изслѣдователь демонстрируетъ съ неотразимой очевидностью внутреннюю неизбѣжность разрыва между Некрасовымъ и такими людьми, какъ Боткинъ, Дружининъ, Тургеневъ... Теперь, когда у читателя есть нѣкоторый ключъ къ этой повѣсти, есть путеводная нить, намъ остается лишь выяснить, въ какомъ приблизительно году была эта повѣсть написана. Такъ какъ въ ней тонъ обличительный, и всѣ дѣятели 40-хъ годовъ (за исключеніемъ Бѣлинскаго) изображены въ безпощадно-сатирическомъ духѣ, то можно думать, что она писалась въ то время, когда Некрасовъ, сойдясь съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, рѣзко порвалъ всѣ свои старыя кровныя связи съ представителями предыдущей эпохи—и по-новому, новыми глазами взглянулъ на своихъ прежнихъ соратниковъ: въ знаменитой распрѣ отцовъ и дѣтей онъ, единственный изъ всей плеяды Бѣлинскаго, перешелъ на сторону послѣднихъ, и вотъ хочетъ заклеймить и проклясть все то, за что онъ такъ возненавидѣлъ „отцовъ“. Въ такомъ случаѣ эта повѣсть никакъ не могла быть написана ранѣе 1861 года, когда опредѣлилось вполнѣ, что люди сороковыхъ годовъ—лютые враги новаго поколѣнія, когда наступилъ открытый разрывъ, и неизбѣжность борьбы стала явной для всѣхъ *). Можно себѣ представить, какъ эта обличительная повѣсть была бы кстати въ ту пору на страницахъ некрасовскаго „Современника“.

Некрасовъ былъ слишкомъ азартный, горячій, боевой человѣкъ, чтобы писать мемуары. Въ лѣтописцы онъ не годился нисколько. Его повѣсть не архивъ, а памфлетъ, не мемуары, а боевая атака. Этого не нужно забывать ни на мигъ. Въ разрывѣ Некрасова съ отживающимъ поколѣніемъ Бѣлинскаго сказался его геніальный общественный инстинктъ: вѣрнѣе всѣхъ учуялъ онъ волю исторіи—и въ своемъ „Свисткѣ“ и въ „Современникѣ“ открылъ яростный непрерывный огонь противъ прекраснодушныхъ либераловъ-отцовъ, которые сдѣлались такъ ненавистны демократическому поколѣнію дѣтей. Онъ понялъ, что во имя грядущей свободы нужно свергнуть былые кумиры, порожденные Дворянскими Гнѣздами, и, въ подмогу статьямъ Антоновича, Чернышевскаго, стишкамъ Лиліеншвагера и проч., выступилъ съ этой обличительной повѣстью, а такъ какъ у поколѣнія „отцовъ“ былъ одинъ амулетъ, одно магическое слово: „кружокъ Бѣлинскаго“, „плеяда Бѣлинскаго“,—Некрасовъ и повелъ всю атаку именно противъ этой плеяды.

Такова была его боевая задача, давно уже упраздненная временемъ, но тогда насущная, исторически-нужная. Теперь, издали, мы хорошо понимаемъ, какая это кособокая повѣсть, пристрастная, нарочито-сгущенная, и сколь многое въ ней подтасовано,—взять хотя бы характеристику Анненкова или Ив. Ив. Панаева. Но Некрасовъ и не гнался за безпристрастіемъ. Ему, для его полемическихъ цѣлей, нужно было во что бы то ни стало отнять у „отцовъ“ ихъ великое право гордиться своей прикосновенностью къ Бѣлинскому, погасить осѣняющій ихъ ореолъ эпохи Бѣлинскаго, и онъ съ обычной своей журналистской умѣлостью блистательно эту задачу выполнилъ. Эта повѣсть, развѣнчивающая всевозможныхъ Кирсановыхъ, должна была прійтись по вкусу Базаровымъ, для которыхъ она и писалась. Появись эта повѣсть въ печати, враги Некрасова увидѣли бы въ ней заискиваніе предъ молодымъ поколѣніемъ и пасквильную клевету на героическую интеллигенцію 40-хъ годовъ. Но въ основномъ Некрасовъ все же былъ правъ: та трудовая, разночинная, аскетически-настроенная среда, которую создали шестидесятые годы, была въ бытовомъ отношеніи недосягаемо-выше крѣпостнической—праздной и растлѣнной.

Кромѣ того, не нужно забывать, что, помимо побужденій общественно-политическаго характера, Некрасовымъ руководила и личная непріязнь къ многимъ членамъ кружка Бѣлинскаго. Ко времени писанія повѣсти Некрасовъ успѣлъ поссориться съ Герценомъ, Огаревымъ, Боткинымъ, Кетчеромъ, Тургеневымъ — со всѣми близкими къ Бѣлинскому людьми, и это не могло не отразиться на его полемической повѣсти.

К. Чуковскій.

*) Къ этой же датѣ приводитъ насъ глухое указаніе на Анненкова, читавшаго вслухъ неердъ друзьями какой-то новый тургеневскій романъ. Мы знаемъ, что этотъ романъ—„Дворянское гнѣздо“, и что чтеніе его могло состояться не ранѣе 1858 года.

Каменное Сердце.

Неизданная повѣсть Н. А. Некрасова.

. . . .

II *).

Въ тотъ же день часовъ въ одиннадцать утра Чудовъ, въ страшныхъ попыхахъ, побѣжалъ съ „Каменнымъ Сердцемъ“ къ своему пріятелю Мерцалову и съ увлеченіемъ сказалъ ему:

— Григорій Александровичъ! Прочтите, ради Бога прочтите эту рукопись поскорѣе! Если я не ошибаюсь, судьба посылаетъ нашей литературѣ новаго блестящаго дѣятеля! По моему мнѣнію, это превосходнѣйшая вещь!

Мерцаловъ былъ человѣкъ съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ, справедливо пользовавшійся репутаціей отличнаго критика. Онъ былъ главнымъ сотрудникомъ журнала, имѣвшаго тогда громкую и почетную извѣстность, которую, можно сказать безъ преувеличенія, доставилъ ему Мерцаловъ. Безпристрастіе, не преклонявшееся ни предъ какими отношеніями, ни предъ какими выгодами, рѣзкій раздражительный тонъ, иронія, если не всегда тонкая, то всегда злая и мѣткая,—доставили ему множество враговъ, которые распускали о немъ Богъ знаетъ какіе слухи: въ ихъ разсказахъ Мерцаловъ являлся какимъ-то бичомъ всего даровитаго и прекраснаго, какимъ-то литературнымъ бандитомъ, не дающимъ пощады ни встрѣчному ни поперечному, лишь бы потѣшить свою молодецкую удаль. Но, въ сущности, не было существа добрѣе, благороднѣе и деликатнѣе, и если онъ дѣйствительно иногда накидывался на нѣкоторыя недостойныя литературы явленія съ большимъ жаромъ и негодованіемъ, чѣмъ они заслуживали, то причиною этому была его горячая, страстная любовь къ литературѣ; какъ нѣжный отецъ въ любимомъ дѣтищѣ, онъ желалъ видѣть въ ней одни достоинства, и каждое бездарное, недобросовѣстное или почему-нибудь вопіющее явленіе приводило его въ отчаяніе, поднимало въ немъ всю желчь, которая и отражалась обыкновенно въ отзывахъ его о такихъ произведеніяхъ.

Зато никто съ такой любовью, съ такимъ ободри-

*) Первую главу этой повѣсти такъ и не удалось отыскать. *К. Ч.*

тельнымъ теплымъ участіемъ не встрѣчалъ новаго явленія, обнаруживающаго признаки таланта. Въ этомъ отношеніи увлеченіе его доходило до такой степени, что за одною хорошею стороною онъ не замѣчалъ десяти дурныхъ, и такимъ образомъ подавалъ врагамъ своимъ поводъ обвинять его не только въ преувеличенныхъ порицаніяхъ, которыя они называли ругательствами, но и въ преувеличенныхъ похвалахъ, которыя они называли кумовствомъ. Вообще крайности составляли главную черту его характера, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Середины у него не было—и человѣкъ или книга, еще сегодня милые ему, рисковали завтра возбудить его отвращеніе. Такіе переходы совершались въ немъ всегда рѣзко и круто, предшествуемые внутреннимъ мучительнымъ тяжкимъ процессомъ мысли, доводившей его до сознанія ошибки. Ни печатно, ни словесно онъ не стыдился сознаваться въ ошибкахъ, и если не былъ упорно постояненъ въ своемъ мнѣніи (что нѣкоторыми почитается необходимымъ признакомъ великаго ума),—то можно сказать положительно, что мнѣнія его истекали изъ глубокаго убѣжденія. Надо прибавить, что судьба не обнаруживала къ нему особеннаго расположенія, онъ былъ очень несчастливъ въ жизни. и это естественно усиливало его раздражительность.

Мерцаловъ выслушалъ восторженныя похвалы Чудова „Каменному Сердцу“ съ тою кроткою улыбкою недовѣрія, съ которой опытные критики выслушиваютъ обыкновенно людей, рѣшающихся произнести положительные приговоры въ дѣлѣ, подлежащемъ исключительно суду ихъ, опытныхъ критиковъ. Къ этому должно прибавить, что частыя увлеченія, за которыми слѣдовали горькія, обидныя самолюбію разочарованія, научили Мерцалова быть осторожнѣе,—и если онъ не могъ передѣлать своей натуры, то по крайней мѣрѣ старался показать, что теперь уже спокойнѣе и трезвѣе встрѣчаетъ каждое новое явленіе, наученный лѣтами и опытомъ не поддаваться увлеченію.

Мерцалову было подъ сорокъ лѣтъ, но—если сказать правду—онъ былъ моложе иного двадцатилѣтняго юноши, благодаря богатству, воспріимчивости своей натуры.

— Эхъ вы, молодежь, молодежь! — сказалъ онъ съ усмѣшкой.—Чуть прочтете что-нибудь, понравится, расшевелитъ сердчишко, уже сейчасъ и превосходная, пожалуй, даже—геніальная вещь!

— Прежде прочтите—сами то же скажете.

— Прочесть? Да смотрите: стòитъ ли читать? Я теперь очень занятъ.

— Стòитъ, увѣряю васъ, стòитъ. — съ жаромъ отвѣчалъ Чудовъ.—Вы только начните—не оторветесь.

— Будто? Вы по себѣ судите. Полноте! Я уже не вашихъ лѣтъ *). Для меня нѣтъ теперь книги, отъ которой я не могъ бы оторваться для чего угодно — хоть для пустого разговора.

— Я уже зайду,—сказалъ Чудовъ.

— Вечеромъ? Хорошо; заходите.

— И вы мнѣ скажете ваше мнѣніе.

— Уже? Вы думаете, что я вотъ такъ, все брошу и примусь читать.

— Но вѣдь отличная вещь. Прочтите сегодня...

— Сегодня никакъ не могу. Я началъ прекрасную книгу **), надобно кончить.

— Когда же вы прочтете?

— Да вотъ... прочту какъ-нибудь,—лѣниво отвѣчалъ Мерцаловъ.

Чудовъ ушелъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Мерцаловъ вовсе и не думалъ продолжать чтеніе, но тотчасъ же по уходѣ Чудова съ живостью ухватилъ рукопись „Каменнаго Сердца“. Онъ прочелъ заглавіе; пробѣжалъ эпиграфъ, который составляли нѣсколько строкъ, выписанныхъ изъ его собственной критической статьи, и сталъ читать. По прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, лицо его вспыхнуло, онъ оставилъ рукопись и заходилъ скорыми шагами по комнатѣ. Потомъ онъ кликнулъ человѣка, приказалъ ему никого не принимать и сталъ продолжать чтеніе.

Около осьми часовъ вечера Чудовъ, поджигаемый нетерпѣніемъ, побѣжалъ къ Мерцалову.

Мерцаловъ лежалъ на диванѣ, когда раздался звонокъ. Лицо его выражало сильное волненіе; въ рукахъ была рукопись „Каменнаго Сердца“. Услышавъ звонокъ, онъ быстро вскочилъ съ дивана и встрѣтилъ Чудова слѣдующими словами, въ которыхъ отражались и досада и нетерпѣніе:

— Гдѣ вы пропадали?

— Я? Обѣдалъ... Мы обѣдали съ Глажіевскимъ въ Hôtel de Paris.

— Я васъ жду, жду; думалъ ужъ послать къ вамъ... Что, онъ молодой человѣкъ?

Увидавъ въ рукахъ Мерцалова знакомую рукопись, Чудовъ догадался, о комъ идетъ рѣчь.

— Молодой,—отвѣчалъ онъ.

— А какъ?

— Ему, я думаю, лѣтъ двадцать пять или двадцать четыре.

— Слава Богу!—съ восторгомъ воскликнулъ Мерцаловъ и перевелъ духъ: какъ будто камень свалился съ его груди. — Этотъ вопросъ меня очень занималъ. Я просто измучился, дожидаясь васъ. Такъ ему только двадцать четыре года?

— Никакъ не болѣе двадцати пяти:—отвѣчалъ Чудовъ.

— Ну, такъ онъ геніальный человѣкъ!—съ эффектомъ произнесъ Мерцаловъ.

— Я вамъ говорилъ, — замѣтилъ обрадованный Чудовъ.

— Вы говорили? Что вы говорили! Можно ли такъ говорить о подобной вещи! Пришелъ, повернулся, оставилъ рукопись и пропалъ!.. Превосходная вещь,—мало ли что мы называемъ превосходною вещью. Это слово такъ же примѣняется и къ пустенькому водевилю, какъ и къ дѣльной вещи. Это художественное геніальное произведеніе!—съ одушевленіемъ продолжалъ Мерцаловъ.—Я вамъ скажу, Чудовъ,—заключилъ онъ, вспыхнувъ такъ, что лицо его покраснѣло, и сдѣлавъ рѣзкое движеніе рукой,—я не возьму за „Каменное Сердце“ всей русской литературы!

Потомъ пошли толки о достоинствахъ „Каменнаго Сердца“, о художественномъ его значеніи, о глубокомъ принципѣ, который лежитъ въ его основаніи, о необыкновенной концепціи его частей и замкнутости цѣлаго (тогда подобныя слова были въ большомъ употребленіи въ литературномъ языкѣ); далѣе говорилъ Мерцаловъ (и говорилъ чрезвычайно умно, съ большимъ одушевленіемъ) отдѣльно о каждомъ лицѣ романа и рѣшительно не находилъ достаточныхъ похвалъ искусству автора.

— Главное, что поражаетъ въ немъ, — сказалъ онъ между прочимъ,—это удивительное мастерство живьёмъ ставить лицо передъ глазами читателя, очеркнувъ его только двумя-тремя словами, но такими, что, если бъ иной писатель исписалъ десять страницъ, то и тогда лицо его не выступило бы такъ рѣзко и рельефно И потомъ какое глубокое, теплое сочувствіе къ нищетѣ къ страданію. Скажите, что, онъ, должно-быть, бѣдный человѣкъ—и самъ много страдалъ?

Тутъ пошли разспросы о личности Глажіевскаго; Чудовъ пересказалъ все, что успѣлъ узнать и замѣтить объ его характерѣ и образѣ жизни, Мерцаловъ интересовался даже знать его манеры и общій очеркъ физіономіи и дѣлалъ изо всего, что передавалъ ему Чудовъ, болѣе или менѣе удачныя примѣненія къ „Каменному Сердцу“, объясняя, какъ тогда любили выражаться, автора его произведеніемъ и наоборотъ: произведеніе—

*) Некрасову было тогда 24 года, а Бѣлинскому - 35. *К. Ч.*

**) Въ рукописи оставлено свободное мѣсто, чтобы впослѣдствіи вписать сюда заглавіе книги. *К. Ч.*

его авторомъ. Въ этихъ соображеніяхъ, если и не было, по бѣдности фактовъ, истины, то они отличались остроуміемъ и умными тонкостями, въ которыя вдаваться Мерцаловъ былъ большой мастеръ и охотникъ. Довольно было ему самаго незначительнаго факта, какъ уже воображеніе его создавало цѣлую личность человѣка или, если дѣло шло о событіи, оно тотчасъ давало ему недостающую стройность, — Мерцаловъ мастерски и совершенно логически объяснялъ его причины, уклоненія съ прямого пути и вѣроятный исходъ; любо было слушать, какъ отрывокъ факта, событія или не вполнѣ дошедшей еще до насъ далекой газетной новости—пріобрѣталъ въ его устахъ и форму и душу, превращаясь въ нѣчто стройное и цѣлое, подобно зерну, брошенному въ землю, которое постепенно превращается въ высокое и прекрасное дерево, съ крѣпкимъ стволомъ и широкими, красиво - раскидывающимися листьями. И забавно было видѣть потомъ (а подчасъ и досадно, потому что онъ развивалъ свои положенія такъ остроумно, что и самъ слушатель нерѣдко увлекался ими и вѣрилъ имъ),—забавно было видѣть, когда вторая половина факта въ свою очередь наконецъ также достигала до него и убивала совершенно первую, уничтожая въ то же время и зданіе, выстроенное имъ съ такою тщательностью и такою, повидимому, логичностью, — зданіе, которое онъ привыкъ уже почитать не пустымъ фантомомъ.

Онъ былъ большой мастеръ, что называется, логически проводить мысль, восходя до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій, но не всегда разборчиво бралъ точку отправленія своей мысли и оттого,—весьма, повидимому, логическимъ путемъ,—приходилъ иногда къ чрезвычайно страннымъ заключеніямъ. Вѣрность, съ которою онъ часто уловлялъ такимъ путемъ истину, и общее безпредѣльное поклоненіе пріятелей, слушавшихъ его, какъ оракула, не позволяли ему обуздывать врожденную живость своей фантазіи.

Мерцаловъ сказалъ Чудову, что, дожидаясь его въ мучительной агоніи (онъ любилъ выражаться сильно), составилъ-было уже нравственный и даже внѣшній портретъ автора „Каменнаго Сердца“, но признался, что портретъ его не совсѣмъ сходенъ съ подлинникомъ.

— Всего болѣе радуетъ, — говорилъ онъ, — что ему только двадцать пять лѣтъ. Если бъ онъ былъ уже человѣкъ зрѣлаго возраста, тогда, всего вѣроятнѣе, что изъ него ничего болѣе не вышло бы. Тогда на „Каменное Сердце“ можно было бы смотрѣть, какъ на результатъ цѣлой и лучшей половины жизни умнаго и наблюдательнаго человѣка, много пережившаго и перечувствовавшаго. Но написать такую вещь въ двадцать пять лѣтъ можетъ только геній, который силою постиженія въ одну минуту схватываетъ то, для чего обыкновенному человѣку потребенъ опытъ многихъ лѣтъ *)!

Мерцаловъ говорилъ и о недостаткахъ „Каменнаго Сердца“ (какъ тонкій критикъ, онъ не могъ не замѣтить ихъ, да и самое его званіе повелѣвало найти ихъ), но недостатки эти—растянутость, многословіе, неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, обличающее нѣкоторую манерность—отнесены были къ молодости и неопытности автора, конечно, нисколько не служащихъ обвиненіемъ ни ему самому ни его произведенію.

До глубокой ночи проговорили пріятели о „Каменномъ Сердцѣ“ и его авторѣ, и Чудовъ ушелъ, пообѣщавъ завтра же привести къ Мерцалову новаго геніальнаго человѣка. Какъ ни поздно было, однакожъ Чудовъ забѣжалъ къ Глажіевскому и откровенно, съ юношескимъ увлеченіемъ, пересказалъ ему мнѣніе Мерцалова о „Каменномъ Сердцѣ“. Въ продолженіе короткаго знакомства съ Глажіевскимъ Чудовъ имѣлъ много случаевъ наблюдать выраженіе радости въ лицѣ новаго писателя, которая тѣмъ разительнѣе отражалась въ немъ, что въ обыкновенномъ спокойномъ состояніи оно уподоблялось сѣроватой и мглистой осенней тучѣ, готовой ежеминутно разрѣшиться дождемъ, пополамъ со снѣгомъ и слякотью. Но ни разу еще не замѣтилъ Чудовъ въ лицѣ Глажіевскаго такого счастья, какимъ озарилось оно при разсказѣ о похвалахъ Мерцалова. Повторилось нѣчто въ родѣ обморока, приключившагося съ Глажіевскимъ ночью. Тѣмъ же дрожащимъ, разслабленнымъ, неровнымъ голосомъ переспрашивалъ онъ по нѣскольку разъ, что именно говорилъ Мерцаловъ, повторяя самъ его отзывы, какъ будто вникалъ въ нихъ и взвѣшивалъ значительность каждаго слова, поминутно усмѣхаясь своимъ дребезжащимъ нервнымъ смѣхомъ и тщетно усиливаясь сообщить солидность и спокойствіе своей физіономіи.

Чудовъ не безъ основанія подумалъ, что, не будь свидѣтелей, геніальный человѣкъ, вѣроятно, пустился бы въ присядку, какъ дѣлаютъ обыкновенные смертные въ минуты сильной радости. Въ то же время Чудовъ замѣтилъ, что его собственныя похвалы „Каменному Сердцу“ уже не такъ радостно выслушиваются Глажіевскимъ: ему какъ будто все казалось ихъ мало, и онъ спрашивалъ небрежно:

— Григорій Александрычъ, что ли, такъ говорилъ?— и при отвѣтѣ Чудова, что такъ онъ самъ думаетъ, но что, вѣроятно, и Мерцаловъ согласится съ его мнѣніемъ, выражалъ въ своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ презрѣнія: такъ по крайней мѣрѣ казалось Чудову.

— А вѣдь вотъ Разбѣгаевъ, — замѣтилъ, между прочимъ, Глаж[іевскій].—Вѣдь вотъ онъ пустой малый, а вкусъ у него есть; тактъ есть... И добрый онъ; безподобный малый: не завистливая душа! Я улыбнулся—да и вы, кажется, тоже? (тутъ онъ значительно, не безъ ироніи взглянулъ въ глаза Чудову),—когда Разбѣгаевъ назвалъ мое „Каменное Сердце“ геніальной вещью, а вотъ теперь Григорій Александрычъ говоритъ то же!

Въ этомъ замѣчаніи Чудовъ какъ бы слышалъ упрекъ себѣ въ томъ, что при первомъ знакомствѣ съ Глаж[іевскимъ] былъ остороженъ въ похвалахъ его произведенію и не только ни разу не назвалъ „Каменнаго Сердца“ геніальнымъ произведеніемъ, но даже не удостоилъ никакимъ замѣчаніемъ мнѣніе Разбѣгаева, какъ пустое и вздорное.

Это его нѣсколько удивило.

На другой день Чудовъ ждалъ Глажіевскаго, чтобъ отправиться вмѣстѣ къ Мерцалову.

Условное время уже прошло, а его не было; зная нетерпѣливый нравъ Мерцалова, Чудовъ побѣжалъ къ Глажіевскому.

Геніальный человѣкъ былъ не одѣтъ; лицо его носило признаки долгаго колебанія, борьбы съ самимъ собою и слабости.

— Что же вы?—съ упрекомъ сказалъ Чудовъ.

— Я не пойду къ Мерцалову, — отвѣчалъ Глажіевскій.

— Какъ? Что такое? Отчего?

— Да такъ... право... Не лучше ли будетъ не итти?— произнесъ онъ менѣе рѣшительно, потупивъ глаза въ полъ.

— Отчего же?

— Да я такъ думалъ... Я сегодня цѣлую ночь думалъ... Вѣдь вы говорите, онъ спрашивалъ обо мнѣ, о моемъ лицѣ даже... что, если... я боюсь... если...

Тутъ онъ вдругъ остановился, какъ будто осѣкся и потомъ съ рѣшительностію прибавилъ:—Нѣтъ, лучше не итти *)!

*) Тутъ на поляхъ рукописи написано: „Кто такъ начинаетъ“...

*) Здѣсь Некрасовымъ зачеркнуто интересное мѣсто:—„Что ему, какая нужда до меня, до моей физіономіи; онъ прочелъ произведеніе, сдѣлалъ свое заключеніе—ну и пусть пишетъ, пусть пишетъ, какъ говорилъ—хоть цѣлую книгу. А до автора какая нужда!..“ Чудовъ невольно улыбнулся, понявъ, въ чемъ дѣло: очевидно было, что Глажіевскій боялся своей физіономіей разрушить эффектъ своего произведенія, хотя подобный страхъ былъ довольно основательный“. *К. Ч.*

— Какое ребячество! — воскликнулъ съ жаромъ Чудовъ.—Неужели вы боитесь, что эффектъ вашего произведенія разрушится, когда Мерцаловъ увидитъ васъ!

— Съ чего вы взяли, что я такъ думаю? — рѣзко возразилъ геніальный человѣкъ, обидясь тѣмъ, что Чудовъ угадалъ причину его раздумья, которое онъ и высказывалъ и не высказывалъ.—Я просто не пойду, потому что разсудилъ, что мнѣ нечего тамъ дѣлать. Что̀ я ему? Какую роль буду играть я у него? Что̀ между нами общаго? Онъ ученый человѣкъ, извѣстный литераторъ, знаменитый критикъ, а я... что̀ я такое?

Осипъ Михайлычъ! Осипъ Михайлычъ!—съ кроткимъ упрекомъ замѣтилъ Чудовъ.—Какое смиреніе! И передъ кѣмъ? Развѣ я не читалъ „Каменнаго Сердца", развѣ Мерцаловъ не читалъ его?

— Такъ что̀ жъ такое?—сдерживая улыбку удовольствія, тихо и вкрадчиво произнесъ Глажіевскій.

— Какъ будто вы не знаете, какъ будто не говорили вамъ, что, если не ваши личныя достоинства, которыхъ Мерцаловъ еще не знаетъ, то ваше произведеніе...

Лицо геніальнаго человѣка процвѣло; каждая веснушка его налилась радостью, но, стараясь скрыть ее, онъ перебилъ Чудова съ притворной досадой и смиреніемъ:

— Полноте, полноте! Вы, можетъ-быть, такъ думаете. А онъ? Вотъ онъ вчера расхвалилъ... а теперь, можетъ-быть, поохладѣлъ... и ужъ совсѣмъ иначе думаетъ...

Тутъ опять тѣнь дѣйствительнаго сомнѣнія и страха показалась въ его лицѣ, которое имѣло обыкновеніе мѣняться тысячу разъ въ минуту, то изображая собою, какъ мы уже замѣтили, угрюмую тучу, готовую разрѣшиться дождемъ и слякотью,—то вдругъ мгновенно озаряясь яркимъ играющимъ свѣтомъ, какимъ блеститъ солнце по морозу.

— Мерцаловъ не такой человѣкъ, да и „Каменное Сердце" не такая вещь, чтобы такъ скоро разочароваться,—отвѣчалъ Чудовъ (при чемъ лицо геніальнаго человѣка опять измѣнилось—къ морозу).—Онъ привыкъ обдуманно произносить сужденія...

— И прекрасно, и прекрасно! — замѣтилъ Глажіевскій. — Чего же ему еще? Прочелъ романъ, сдѣлалъ свое заключеніе о немъ — ну и пусть пишетъ, пусть хоть цѣлую книгу, какъ говорилъ самъ вчера, пишетъ...

— Такъ вы не пойдете?

— Нѣтъ... развѣ въ другой разъ когда... послѣ... будетъ еще время...

— Ну, какъ хотите! — съ досадой отвѣчалъ Чудовъ, которому надоѣло упрашивать его. Онъ также не имѣлъ охоты вторично пускаться въ доказательства, почему Мерцалову интересно видѣть его,—къ чему Глажіевскій какъ бы вызывалъ его, прибавивъ:

— Да и что̀ ему интереснаго въ человѣкѣ, который... который...

— Прощайте!—вмѣсто отвѣта рѣзко сказалъ Чудовъ и ушелъ.

Едва сдѣлалъ онъ десять шаговъ по тротуару, какъ услышалъ за собой крикъ:

— Тихонъ Васильевичъ! Тихонъ Васильевичъ:

Онъ обернулся и увидѣлъ Терентія, бѣжавшаго за нимъ безъ шапки.

— Что̀?

— Баринъ васъ проситъ. Онъ приказалъ сказать, что идетъ; только сейчасъ одѣнется.

Чудовъ воротился.

— Я подумалъ,—сказалъ ему Глажіевскій,—ловко ли будетъ? Онъ, можетъ-быть, ждетъ... Все равно вѣдь бѣды большой нѣтъ, если и сходишь, вѣдь нѣтъ? — спрашивалъ онъ, какъ будто еще сомнѣваясь, дѣйствительно ли нѣтъ бѣды.

— Какая же бѣда, когда онъ самъ просилъ и ждетъ. Я ужъ вамъ сколько разъ повторялъ.

Глажіевскій одѣлся, и они пошли. Всю дорогу Глажіевскій разспрашивалъ о привычкахъ Мерцалова; говорилъ, что онъ человѣкъ не свѣтскій, не умѣетъ ни войти, ни поклониться, ни говорить съ незнакомыми людьми. Чудовъ отвѣчалъ ему, что съ Мерцаловымъ нужно вести себя просто и больше ничего!

Когда они взошли на лѣстницу и Чудовъ взялся за звонокъ *),—Погодите!—произнесъ Глажіевскій такимъ судорожнымъ, рѣзкимъ голосомъ, что Чудовъ испугался и невольно принялъ руку съ звонка.

— Что̀ съ вами?

— Нѣтъ, ей-Богу... нѣтъ... я рѣшительно сообразилъ, что мнѣ не должно итти. Я не пойду! Идите одни, — говорилъ Глажіевскій такимъ голосомъ, какъ будто Чудовъ былъ посланникомъ ада, пришедшимъ тащить его въ царство тьмы.

И онъ бросился съ лѣстницы.

— Какъ хотите!—отвѣчалъ взбѣшенный Чудовъ. — Мнѣ все равно; только смотрите: Мерцаловъ разсердится: онъ человѣкъ желчный, раздражительный...

— Разсердится?

Не успѣлъ Чудовъ договорить послѣдняго слова, какъ Глажіевскій стоялъ уже рядомъ съ нимъ и искалъ рукою звонокъ; ручка его была съ другой стороны двери, чего онъ не видалъ, хотя смотрѣлъ во всѣ глаза. Эти глаза и вообще вся физіономія Глажіевскаго походила на тучу, уже разрѣшившуюся всѣмъ тѣмъ, о чемъ было сказано выше; сѣрый осенній день былъ въ полномъ разгулѣ; вглядываясь въ нее, можно было даже слышать визгливое и жалобное завываніе вѣтра, сопровождающее осеннія непогоды...

Чудовъ только тогда понялъ долгую нерѣшительность Глажіевскаго, когда увидѣлъ, до какой изумительной степени авторъ „Каменнаго Сердца" оробѣлъ, представъ предъ грозныя очи критика. Въ минуты сильной робости онъ имѣлъ привычку съеживаться, уходить въ себя до такой степени, что обыкновенная застѣнчивость не могла подать о состояніи его ни малѣйшаго понятія. Оно могло быть только охарактеризовано имъ же самимъ изобрѣтеннымъ словомъ „стушеваться", которое и пришло теперь въ голову Чудову. Лицо его все вдругъ особывалось, глаза исчезали подъ вѣками, голова уходила въ плечи; голосъ, всегда удушливый, окончательно лишался ясности и свободы, звуча такъ, какъ будто геніальный человѣкъ находился въ пустой бочкѣ, недостаточно наполненной воздухомъ, и притомъ его жесты, отрывочныя слова, взгляды и безпрестанныя движенія губъ, выражающихъ подозрительность и опасеніе, имѣли что-то до такой степени трагическое, что смѣяться не было возможности.

Однакожъ простой и ласковый пріемъ Мерцалова, а особенно похвалы, которыми онъ не замедлилъ осыпать „Каменное Сердце", скоро возвратили Глажіевскому употребленіе способностей. Онъ даже перешелъ въ другую крайность: вздумалъ щегольнуть развязностью, промурлыкалъ какой-то стихъ изъ пѣсенки и разсказалъ анекдотъ о своемъ Терентіи, который, по незнанію грамоты, съѣлъ какой-то пластырь, прописанный ему для наружнаго употребленія. Анекдотъ не былъ забавенъ, а изложеніе его отличалось дѣланностью и двумя-тремя натянутыми сарказмами.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ вашимъ Терентьемъ,—замѣтилъ Мерцаловъ. — А вотъ скажите мнѣ, долго вы писали ваше „Каменное Сердце"?

Глажіевскій нѣсколько смѣшался.

— Я?.. Не долго...

— А какъ?

Глажіевскій не вдругъ отвѣчалъ:

— Да какъ? Началъ я его въ маѣ... а кончилъ, кончилъ... въ томъ же году.

*) Тутъ, по непонятной причинѣ, лицо, именуемое въ повѣсти Чудовымъ, внезапно получаетъ имя Тросникова. Этотъ Тросниковъ—герой нѣсколькихъ произведеній Некрасова, доселѣ необнародованныхъ. Мы, для избѣжанія путаницы, оставили за нимъ прежнее имя.

Чудову такой отвѣтъ показался нѣсколько страннымъ: еще недавно Глажіевскій сказалъ ему, что писалъ свой романъ четыре года и шестнадцать разъ переписывалъ.

„Неужели онъ,—подумалъ Чудовъ,—стыдится передъ Мерцаловымъ сказать правду?“

— Скоро!—замѣтилъ Мерцаловъ.—Впрочемъ, въ дѣлѣ творчества время ничего не значитъ. Пушкинъ писалъ нѣкоторыя свои произведенія необыкновенно скоро, другія, напротивъ, доставались ему, повидимому, съ огромнымъ трудомъ: мнѣ случалось видѣть рукопись нѣкоторыхъ главъ „Онѣгина“: исчеркано, перечеркнуто по десять разъ каждое слово, — а результатъ одинъ: и то, что̀ написалось скоро, и то, что̀ писано долго и съ напряженнымъ трудомъ, читается одинаково легко, съ одинаковымъ наслажденіемъ. И то и другое одинаково геніально! Байронъ вообще писалъ очень скоро. „Манфреда“ своего написалъ онъ въ двадцать два дня, а нѣкоторыя пѣсни „Донъ-Жуана“ стоили ему не болѣе одной ночи. Нашъ Гоголь пишетъ, говорятъ, трудно, по нѣскольку разъ переставляя одно слово,—его рукописи тарабарская грамота, а можно ли замѣтить, читая его плавную, текучую, картинную прозу, что она стоила автору такихъ усилій? Я имѣю автографы и цѣлыя рукописи многихъ замѣчательныхъ писателей. Хотите видѣть?

Мерцаловъ говорилъ добродушно, не думая о впечатлѣніи, которое производятъ его слова, но, если бъ онъ слѣдилъ за лицомъ Глажіевскаго, онъ увидѣлъ бы, что не столько его слова и автографы великихъ людей занимали слушателя, сколько то обстоятельство, что онъ, великій русскій критикъ, по поводу его, Глажіевскаго, заговорилъ о Пушкинѣ, Байронѣ и Гоголѣ,—лицо автора „Каменнаго Сердца“ всего краснорѣчивѣе выражало чувства, возбужденныя въ немъ такимъ лестнымъ сближеніемъ; по этому лицу Чудовъ, уже начинавшій понимать Глажіевскаго, тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло!

— Какой умный человѣкъ! — сказалъ онъ Чудову, когда Мерцаловъ ушелъ за автографами,—и какъ удивительно, какъ тонко понимаетъ изящное! Вотъ настоящій критикъ!

Мерцаловъ былъ дѣйствительно умный человѣкъ, но умъ его, конечно, проявлялся не въ такихъ сценахъ и обстоятельствахъ. Онъ очень скоро сбился съ роли, которую думалъ выдержать, принявъ твердое намѣреніе быть умѣреннымъ въ похвалахъ. Довольно было одной фразы Глажіевскаго, сказанной необыкновенно кроткимъ тономъ смиренія:

— Вы, кажется, преувеличиваете достоинства моего романа?

И добродушный Мерцаловъ, вспыхнувъ, принялся доказывать, почему считаетъ „Каменное Сердце“ художественнымъ, великимъ, геніальнымъ произведеніемъ. Глажіевскій время отъ времени бросалъ словечко (не безъ умыслу, какъ начало казаться Чудову), которое производило дѣйствіе масла, влитаго на огонь: Мерцаловъ горячился еще болѣе и забывалъ всякую умѣренность въ выраженіяхъ, повторяя снова и торжественно вчерашнюю фразу, что онъ за „Каменное Сердце“ не возьметъ всей русской литературы!

— Да вотъ увидите: я буду писать: тогда только раскроется все великое художественное значеніе „Каменнаго Сердца“. Это такой романъ, о которомъ можно написать цѣлую книгу вдвое толще его самого!

— Полноте, Григорій Александрычъ! Вы, право, такъ ко мнѣ добры—да что̀ жъ тутъ напишешь! Признаюсь, приведись на меня, я не нашелъ бы, чѣмъ наполнить и коротенькую рецензію. Похвала коротка,—а если растянуть ее, выйдетъ однообразно...

— Это только доказываетъ,—не безъ маленькой гордости отвѣчалъ Мерцаловъ,—что вы не критикъ и взялись бы не за свое дѣло. Разбирать подобное произведеніе значитъ выказать его сущность, значеніе, при чемъ легко можно обойтись и безъ похвалы: дѣло слишкомъ ясно и громко говоритъ само за себя; но сущность и значеніе подобнаго художественнаго созданія такъ глубоки и многозначительны, что въ рецензіи нельзя только намекнуть на нихъ.

— Ну, это ваше дѣло, ваше дѣло, — отвѣчалъ Глажіевскій, давая знать, что онъ совершенно убѣжденъ доводами критика.

Бесѣда въ этомъ родѣ продолжалась еще часа полтора. Прощаясь съ Глажіевскимъ, Мерцаловъ объявилъ, что надѣется очень скоро его увидѣть опять у себя.

— На-дняхъ я соберу у себя кой-кого изъ моихъ пріятелей, и мы введемъ васъ въ нашъ литературный кругъ. Люди все очень хорошіе,—я готовлю имъ хорошее наслажденіе: мы прочтемъ „Каменное Сердце“...

Черезъ три дня Глажіевскій дѣйствительно получилъ записку слѣдующаго содержанія:

„Любезный Осипъ Михайловичъ! У меня собралось сегодня нѣсколько хорошихъ пріятелей, они всѣ будутъ рады познакомиться съ авторомъ „Каменнаго Сердца“, которое вы будете такъ добры,—прочтете намъ и прочее и прочее.

Мерцаловъ“.

По прочтеніи записки, лицо Глажіевскаго вытянулось въ длинный вопросъ: итти или нѣтъ?

. . . .

. . . .

Вѣсть о новомъ геніальномъ романѣ, о новомъ литературномъ геніи съ необыкновенной быстротою разнеслась въ литературномъ кружкѣ, центромъ и свѣтиломъ котораго былъ Мерцаловъ.

Пріятели, приходившіе къ нему, не видали его иначе, какъ съ рукописью „Каменнаго Сердца“ въ рукахъ, изъ которой онъ тотчасъ начиналъ читать отрывки, восхищаясь ими и отдавая должную дань удивленія таланту автора.

Литературный кружокъ, составившійся около Мерцалова, заключалъ въ себѣ все, что̀ тогда въ литературѣ было молодого, талантливаго и благороднаго. Но, кромѣ литераторовъ, къ нему принадлежало нѣсколько лицъ, ничего никогда не писавшихъ, и которые, вѣроятно, никогда ничего не напишутъ. Тѣмъ не менѣе они однакожъ не имѣли другого круга, кромѣ литературнаго, въ которомъ и проводили все свое время, свободное отъ служебныхъ или другихъ занятій.

Ихъ терпѣли тамъ, да и попали они туда, благодаря покровительству Мерцалова или другого литератора, имѣвшаго авторитетъ; вступленіе ихъ въ литературный кругъ всегда оправдывалось какими-нибудь достоинствами, которыя открывали въ нихъ меценаты, а за ними и другіе. „Онъ хотя и не пишетъ стиховъ, но онъ **поэтъ въ душѣ**,—говорили про одного.—Посмотрите, какъ онъ понимаетъ прекрасное! Какъ умѣетъ подмѣтить каждую тончайшую черту въ поэтическомъ произведеніи!“ Другого именовали **„благородной личностью“**, удивляясь его широкой способности сочувствовать прекрасному, разсказывая о немъ все одинъ и тотъ же анекдотъ, въ доказательство его необыкновенной нравственной силы. Въ третьемъ признавали необыкновенный юморъ. Особенно много было такихъ, которые умѣли сочувствовать, почему ихъ и можно назвать „литературными сочувствователями“. Въ самомъ же дѣлѣ они были добрые малые, большей частью совершенно безразличные, умѣвшіе сдѣлаться необходимыми свѣтиламъ кружка, кто по своимъ связямъ, кто по богатству, а кто просто по особенной угодливости и умѣнью льстить.

Поэтъ въ душѣ былъ богатъ — и вся компанія разъ въ недѣлю у него ужинала съ шампанскимъ и трюфелями. Кромѣ того, въ важныхъ случаяхъ онъ давалъ деньги взаймы, чѣмъ литераторы съ кредитомъ нрав-

ственнымъ, но не существеннымъ, не упускали пользоваться.

Благородная Личность, отличавшаяся необыкновенной наклонностью ко сну, апатіи и тучности, умѣла сдѣлаться необходимою, благодаря своей ловкости и неутомимости въ исполненіи порученій. Нужно ли достать книгу, заказать въ долгъ платье, устроить дѣло съ книгопродавцемъ, заставить кого-нибудь задать обѣдъ и пригласить именно тѣхъ-то и тѣхъ-то, занять денегъ, — благородная личность бросала собственныя дѣла и съ жаромъ спѣшила выполнить желаніе поручателя, разумѣется, если онъ былъ человѣкъ съ вѣсомъ.

Если литераторъ уѣзжалъ куда-нибудь далеко и имѣлъ нужду въ корреспондентѣ, никто и никогда не могъ быть надежнѣе благородной личности. Съ непостижимымъ жаромъ бралась она извѣщать васъ обо всемъ, что̀ дѣлается въ литературѣ въ ваше отсутствіе; управлять вашими крестьянами, если они имѣются въ Петербургѣ, высылать вамъ ваши любимыя сигары, и дѣлала она все съ такою готовностью, любезностью, такъ безкорыстно, такъ исправно, что, слава благородной личности росла съ необыкновенной быстротою и, не довольствуясь литературнымъ кругомъ, начала проникать уже въ другіе круги.

Скоро она открыла ему дорогу въ болѣе широкую сферу дѣятельности, гдѣ благородная личность и не замедлила проявиться въ такомъ блескѣ, что описаніе подвиговъ благородной личности въ своемъ мѣстѣ нашихъ Записокъ составитъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ, а можетъ-быть, и цѣлый томъ.

Художественная Натура—отличалась почти тѣмъ же, чѣмъ и поэтъ въ душѣ; съ тою только разницею, что ужины, которые съ стѣсненнымъ сердцемъ давала она иногда, чтобъ поддержать свое достоинство, были невѣроятно плохи, а деньги ссужала она съ большимъ трудомъ, малыми суммами, и притомъ не иначе, какъ подъ вѣрные залоги, взимая изрядные проценты

Практическая Голова, принимавшая участіе въ одной аукціонерной (sic!) компаніи, разошедшейся „вслѣдствіе неблагопріятнаго оборота дѣлъ“ и приславшей своимъ акціонерамъ вмѣсто дивиденда счетъ, по которому приходилось приплатить порядочную сумму. Практическая голова брала тѣмъ, что помогала литераторамъ, какъ людямъ трудящимся и способнымъ пріобрѣтать, въ крайнихъ случаяхъ извертываться ихъ же собственными средствами и доставить денегъ, когда уже другимъ путемъ достать ихъ не было возможности. Она зналась съ книгопродавцами, хорошо знала моральный кредитъ каждаго литератора, и дѣйствительно между ними была самая практическая голова.

Элементъ Свѣтскости держался тѣмъ, что приносилъ собранныя, впрочемъ, изъ третьихъ рукъ новости и сплетни изъ свѣтскаго круга, до которыхъ всѣ вообще литераторы весьма падки.

Библіотека снабжала литераторовъ рѣдкими и дорогими изданіями и вообще всякими нужными книгами.

Газета дополняла Элементъ Свѣтскости: это былъ человѣкъ, съ утра до ночи шатавшійся по разнымъ петербургскимъ кругамъ, выслушивавшій и тотчасъ вписывавшій въ свою книжечку даже все, что̀ доводилось услышать на улицѣ.

Наконецъ **Всесторонняя** (она же и воспріимчивая) **Натура**, брала тѣмъ, что все знала, все видѣла, всему сочувствовала и всѣмъ наслаждалась, глубоко воспринимала въ свое широкое лоно каждое явленіе жизни, произведеніе пера, рѣзца и кисти, и, подобно пчелѣ, сбирая со всего сокъ наслажденій. Такъ о немъ говорили, замѣчая, что счастливая способность его всѣмъ наслаждаться, все понимать, всему сочувствовать, не отдаваясь ничему исключительно, достойна зависти. Въ самомъ же дѣлѣ онъ пріобрѣлъ вѣсъ тѣмъ, что три года пространствовалъ за границей, былъ въ Парижѣ и Лондонѣ, видѣлъ всѣ замѣчательныя картинныя галлереи и обладалъ необыкновеннымъ нахальствомъ говорить обо всемъ,—хоть о китайской грамматикѣ,—рѣзко, рѣшительно, съ ученымъ видомъ знатока

Таковы были разнородные элементы, составлявшіе ту часть кружка, которой мы дали названіе литературныхъ сочувствователей. Между ними были два-три человѣка ученыхъ (къ нимъ принадлежала всеобъемлющая натура), которые были бы у мѣста во всякомъ кругу; остальные были рѣшительно безразличны и, кромѣ исчисленныхъ средствъ, держались въ литературномъ кругу неистощимой и подобострастной лестью, раболѣпствомъ и угодливостью, доходившей до того, что многіе почитали счастьемъ, если литераторъ поручалъ имъ переписать свое сочиненіе, и увѣряли, что, исполняя работу, чувствовали восторженный трепетъ и проливали слезы умиленія; другіе подвергались добровольному униженію, выдерживая довольно непріятныя сцены, когда Мерцаловъ, раздражавшійся довольно скоро, находился въ моментѣ распаденія; въ такія минуты онъ не почиталъ неудобнымъ объявить некстати пришедшему литературному сочувствователю: „убирайтесь вонъ“, или встрѣтить другого такимъ образомъ:

— Куда вы къ чорту пропали? Мнѣ нуженъ былъ до зарѣзу Conversations Lexicon: я посылалъ къ вамъ три раза. Вѣчно васъ нѣтъ, когда нужно, а какъ не до васъ,—вы тотчасъ тутъ какъ тутъ! И чего вы пришли, я просилъ не васъ, а лексиконъ. Принесли?

— Нѣтъ, отданъ Лыкошину.

— Отданъ? Вотъ такъ! И кто васъ просилъ отдавать.

Бѣдный сочувствователь молчалъ, не осмѣливаясь напомнить даже, что библіотека принадлежитъ ему, и что онъ воленъ распоряжаться своими книгами.

Если ужинъ, данный сочувствователемъ, оказывался дуренъ, ему тотчасъ же дѣлался строжайшій выговоръ:

— Подошвы, батюшка, подошвы! — кричалъ одинъ, вздѣвъ на вилку котлету и поднося ее къ носу хозяина.

— Уксусъ!—говорилъ другой, пробуя сотернъ.

— Сандалъ! — говорилъ третій, выплескивая на тарелку красное вино.

И такъ далѣе *). Иногда кончалось тѣмъ, что хозяина приводили въ слезы. Но страсть къ литературному кругу скоро подавляла въ немъ претерпѣнное униженіе, и черезъ недѣлю онъ снова созывалъ пріятелей ужинать...

— Смотрите! — говорили ему въ одинъ голосъ приглашаемые.—Смотрите!

— Смотри! — возглашалъ басомъ Парутинъ, говорившій всякому безъ исключенія „ты“, выразительно грозя пальцемъ амфитріону.

Впрочемъ, страсть нѣкоторыхъ литературныхъ сочувствователей созывать литераторовъ, которые въ такихъ случаяхъ обыкновенно освѣдомлялись, будетъ ли ужинъ, доходила до такой степени, что они стоили такого обхожденія.

Человѣкъ ограниченный, рѣдко и неохотно допускаемый въ литературный кругъ (хотя въ горячихъ усиліяхъ добиться такого счастья онъ даже ѣздилъ за границу, при совершенномъ незнаніи французскаго языка), желая сблизиться съ литераторами, изъявляетъ желаніе дать имъ ужинъ. Онъ робко сообщаетъ свое требованіе Парутину.

— А ужинъ будетъ?—угрюмо спрашиваетъ Парутинъ.

— Будетъ, будетъ...

— Съ шампанскимъ?

— Какъ же!

— Смотри, чтобъ шампанскаго было довольно...

— Будетъ, повѣрьте, будетъ. Только позвольте васъ спросить: жена моя также желаетъ видѣть литерато-

*) За этими словами въ подлинникѣ слѣдуетъ недописанная фраза: „Въ заключеніе нѣкто Парутинъ, человѣкъ съ строгими и непреклонными правилами, щеголявшій правдивостью“...

ровъ... Ну, понимаете, ей интересно: она можетъ присутствовать?

— Жена?—восклицаетъ Парутинъ.—Жена! Никогда. Чтобъ духу ея не было!

— Но она потомъ уйдетъ; ей только посмотрѣть...

— Ни, ни, ни! — возражаетъ Парутинъ, грозно поводя чубукомъ, который у него въ зубахъ. — Жены не надо, слышишь?—И дѣтей не надо... Слышишь!

И робкій сочувствователь гонитъ со двора жену и дѣтей, чтобы только имѣть честь потчевать ужиномъ господъ литераторовъ. Юные сочувствователи, находящіеся еще подъ опекой папенекъ и маменекъ, иногда также поддаются желанію созвать литераторовъ, долго борются они съ искушеніемъ; наконецъ все, повидимому, устроено хорошо; комната ихъ, къ счастію, особо, въ третьемъ этажѣ, и притомъ родителей нѣтъ дома. Сочувствователь спѣшитъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и созываетъ компанію.

Пиръ въ полномъ разгарѣ; только-что поужинали, шампанское льется рѣкою, и подъ его живительнымъ вліяніемъ разговоръ все становится одушевленнѣе; наконецъ начинается горячій споръ, постепенно переходящій въ крикъ.

Вдругъ посреди всеобщаго одушевленія тихими шагами, въ туфляхъ, халатѣ и колпакѣ, входитъ старикъ, съ раздраженнымъ, пылающимъ лицомъ, съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ. Онъ падаетъ, какъ осколокъ бомбы, посреди веселой компаніи, и все въ минуту умолкаетъ, устремивъ вопрошающій и недовольный взоръ къ сочувствователю, какъ полотно, блѣдному и трепещущему; воцаряется глубокая тишина, посреди которой, подобно грому, раздается грозный, раздражительный голосъ старика:

— Мальчишка! Что̀ ты дѣлаешь, мальчишка? А вы, господа...

— Папенька! честь имѣю представить вамъ моихъ пріятелей: г. Рѣшетиловъ; авторъ „Каменнаго Сердца“; Мерцаловъ—нашъ знаменитый критикъ, Чудовъ — тоже критикъ; Лыкошинъ—переводчикъ Кальдерона и проч. *).

Несчастный! онъ думаетъ знаменитостью своихъ гостей смягчить гнѣвъ раздраженнаго родителя. Но родитель грозно прерываетъ его восклицаніемъ:

— Молчать! Убирайся спать, мальчишка! Прошу покорно: вино! лампы! канделябры!

Онъ подходитъ къ лампѣ, къ канделябрамъ и тушитъ ихъ. Комната остается въ полумракѣ, и только свѣча въ рукахъ старика тускло освѣщаетъ ее...

Гости хватаютъ шляпы и гурьбой уходятъ, сопровождаемые грознымъ ворчаніемъ старика, который не соблюдаетъ разборчивости въ выраженіяхъ ни касательно ихъ ни касательно своего сына, котораго онъ угрожаетъ просто посѣчь.

— Да и гостямъ твоимъ надо бы то же!—кричитъ онъ такъ громко, что уходящіе гости слышатъ.

Проклиная юнаго сочувствователя, гости расходятся съ хохотомъ.

Юный сочувствователь долго послѣ не показывается въ литературномъ кругу, пока наконецъ важная услуга Мерцалову или какая-нибудь чрезвычайная новость, ему одному извѣстная, снова не раскроетъ ему дверей туда.

V.

Такова была меньшая и не главная часть кружка литераторовъ... Но пусть не думаетъ читатель, что я намѣренъ теперь представить глазамъ его рядъ свѣтлыхъ, безукоризненныхъ портретовъ, въ примѣръ и назиданіе не пишущаго человѣчества. Человѣкъ всегда человѣкъ и будетъ всегда человѣкомъ, какъ сказано въ одной глубокомысленной рецензіи... Мелкія слабости, ничтожныя побужденія, низкія чувства такъ же причастны людямъ, пишущимъ хорошія книги, какъ и людямъ, читающимъ ихъ. Какъ и самые простые смертные, они—

Сплетничали и злословили.

Хвастали и завидовали.

И сплетни ихъ были тѣмъ непростительнѣе, что они прекрасно знали и здраво судили, до какой степени такое ремесло унизительно. И тѣмъ ужаснѣе, что подъ видомъ участія къ вамъ, во имя справедливости, во имя новыхъ и свѣтлыхъ идей, они почитали своимъ правомъ вмѣшиваться въ ваши дѣла; входить въ анализъ вашей домашней жизни; безъ спроса и позволенія давать вамъ совѣты, сначала косвенные, а если вы недогадливы, то и прямые, поражавшіе и оскорблявшіе васъ грубой, непрошенной откровенностью и безцеремоннымъ прикосновеніемъ къ такимъ сторонамъ вашей жизни, даже вашего сердца, которыя и самой деликатной рукой не могли быть тронуты безъ боли и оскорбленія. И Боже мой! Къ чему приходили слабые характеры, поддававшіеся ихъ вліянію! Чему подвергались люди, благоразумно заключавшіеся въ заколдованный кругъ, куда не допускается посторонній нескромный глазъ! Ужасна была участь послѣднихъ; ихъ называли тупоголовыми, отсталыми, чуть не раскольниками; не зная ничего вѣрнаго о нихъ, сплетничали вдвое болѣе, чѣмъ о тѣхъ простодушныхъ, которые сами подали оружіе и подставляли голову; въ безсильной злобѣ изобрѣтали небывалые факты, почти предрекали имъ разореніе, считали въ ихъ карманѣ каждую копейку; имъ писали колкіе намеки и даже выговоры отсутствующія свѣтила и, наконецъ, придирались къ маленькому лбу, неспособному вмѣщать обширнаго ума (sic), отрицали въ нихъ талантъ, не помня собственныхъ недавнихъ восхваленій, не справляясь съ общимъ мнѣніемъ.

Но положеніе первыхъ было поистинѣ еще ужаснѣе. Каждый фактъ, каждая мелочная черта ихъ жизни дѣлалась тотчасъ общимъ достояніемъ. Избави Богъ, если случалось что-нибудь съ ними особенное, не ежедневное. Люди не свѣтскіе, никуда не выѣзжающіе, рѣдко бывающіе даже въ театрѣ, они радовались, какъ празднику, такому событію и (добросовѣстно) считали своимъ долгомъ принять въ немъ участіе. Уже не одна непишущая часть кружка, но весь кружокъ до послѣдняго своего звена превращался въ самыхъ жаркихъ, безкорыстныхъ, великодушныхъ сочувствователей. Бѣдной жертвѣ сочувствія никуда невозможно было показаться. При появленіи его дамы съ грустью, чуть не со слезами, смотрѣли ему въ глаза и потомъ медленно опускали голову.

Сочувствователи поникали головой, вздыхали, грустно пожимали плечами и были въ разговорахъ съ нимъ уступчивѣе.

Какъ только онъ уходилъ, тотчасъ проносился общій вопль сожалѣнія, такого искренняго, такого теплаго, что, случись тутъ посторонній зритель,—онъ долженъ былъ неминуемо расплакаться. Потомъ начинались толки:

— Бѣдный, бѣдный Мерцаловъ, или Балаклеевъ, или Чудовъ.—Какое несчастье: такой прекрасный, умный, образованный человѣкъ—и жена его бьетъ!

— Бьетъ, бьетъ! Я самъ видѣлъ... я пришелъ къ нимъ, и онъ вышелъ ко мнѣ съ красными глазами...

— Можетъ-быть, онъ спалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какое спалъ! У него и щека одна немного припухла...

— Да чего тутъ много толковать! Я пришелъ къ нимъ; въ столовой никого нѣтъ; такъ какъ я вхожу безъ доклада, то я пошелъ дальше въ гостиную, въ дѣтскую, наконецъ вхожу въ спальню—и ужасная картина представилась моимъ глазамъ: онъ сидитъ на полу, прислонившись лицомъ къ кровати, а Наталья Карповна

*) Въ подлинникѣ Мерцаловъ (Бѣлинскій) названъ Ветлугинымъ, а Чудовъ (Некрасовъ)—Тросниковымъ. *К. Ч.*

страшно топаетъ ногами и кричитъ: „Такъ ты не хочешь, такъ ты не хочешь?“ Чего не хочешь, ужъ я не знаю, только волосы у нея были растрепаны, и лицо пылало, какъ у фуріи.

— Ахъ, несчастный!

Въ самомъ дѣлѣ участь несчастнаго, сдѣлавшагося жертвой сочувствія, съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣе. О немъ говорили: и „элементъ свѣтскости“, и „всеобъемлющая натура“, и „симпатическая натура“, и „поэтъ въ душѣ“; о немъ кричалъ даже „Мальчишка“ *), разсказывая, что самъ видѣлъ, какъ Лыкошинъ подрался при немъ со своей женой и не показывается теперь потому, что у него одинъ глазъ подбитъ. А „благородная личность“, отводя въ сторону пріятеля, съ грустью шептала, качая таинственно головой:

— Мы съ женой сегодня цѣлую ночь не могли уснуть.

— А что̀?

— Бѣдный, бѣдный Лыкошинъ! и проч.

И „симпатическая натура“, испугавшись урчанія въ желудкѣ и отказываясь пить шампанское, говорила:

— Не могу, другъ мой, не могу! Положеніе Лыкошина мучитъ меня.

— Положеніе Лыкошина, положеніе Лыкошина!—и начиналось безпокойство только о положеніи Лыкошина.

—Что̀ же, однакожъ?—замѣчалъ господинъ, любившій придавать всему таинственный громадный колоритъ,—отчего онъ молчитъ? Отчего онъ не хочетъ облегчить души своей, открывъ тайну своимъ друзьямъ? Надѣюсь, онъ знаетъ, что мы его друзья, что мы желаемъ ему добра и готовы сдѣлать все, что̀ только можно. Помочь совѣтомъ, даже самымъ дѣломъ. Я пойду, я непремѣнно вызову его: пусть выскажется: на что же мы и друзья его!..

И онъ шелъ къ нему и послѣ небольшой прелюдіи говорилъ ему:

— Послушай, Лыкошинъ: ты знаешь, какъ я люблю тебя...

Лицо бѣдной жертвы сочувствія покрывалось смертельной блѣдностью; она усиливалась молчать, но пытливый и неотвязчивый пріятель добивался-таки своей цѣли. Увѣренный, что сдѣлался теперь человѣкомъ интереснымъ, онъ, не справляясь со временемъ, смѣло шелъ теперь къ мудрецамъ первой величины и сочувствователямъ, и каждому пересказывалъ тайну Лыкошина, начиная такъ:

— Ну, я былъ у него. Сцена была тяжелая. Я плакалъ. Никогда еще я не выходилъ ниоткуда съ такимъ тяжелымъ, безотраднымъ впечатлѣніемъ.

Обнадеженные его успѣхомъ и другіе начинали заходить къ несчастному. Онъ крѣпился, упорно молчалъ. Но слѣдствіе становилось все смѣлѣе и настойчивѣе, сожалѣніе дѣлалось явнымъ, намеки становились уже вовсе не двусмысленными. Въ то же время летѣли письма къ отсутствующимъ мудрецамъ и сочувствователямъ съ подробнымъ описаніемъ бѣдственнаго положенія Лыкошина **).

И, спустя нѣсколько дней, несчастный начиналъ получать письма двусмысленнаго щекотливаго содержанія, въ которыхъ увѣряли, что его любятъ, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ, что никто къ нему не перемѣнился, и что, если онъ вздумаетъ пріѣхать, его ждетъ самый блестящій пріемъ, и все кончалось намеками далеко не двусмысленными, и которыхъ цѣлью было—утѣшить, успокоить его!

Наконецъ сплетня разрасталось до невѣроятныхъ размѣровъ; о ней чуть не говорили явно при самой жертвѣ сочувствія; она уже начинала дѣлаться достояніемъ лакеевъ и горничныхъ. Несчастный все видѣлъ, видѣлъ, что уже поздно скрываться, что все уже извѣстно, пріятели приставали все настойчивѣе, и подъ конецъ, въ заключеніе какого-нибудь обѣда или ужина, когда любопытство, разгоряченное шампанскимъ, становилось настойчивѣе, совершался послѣдній позорный актъ сочувствія. Несчастный, осажденный со всѣхъ сторонъ, во всеуслышаніе разсказывалъ свой позоръ.

Начинался другой періодъ,—періодъ явнаго сочувствія, совѣтовъ, безцеремоннаго вмѣшательства,—но не лучше ли мы сдѣлаемъ, если опустимъ завѣсу, которую чуть приподняли?..

VI.

Къ Мерцалову начали забѣгать каждое утро раздражаемые молвой о необыкновенномъ литературномъ явленіи. И онъ каждому охотно разсказывалъ подробности какъ о самомъ авторѣ, такъ и о произведеніи его, скрашивая свои свѣдѣнія отрывками изъ „Каменнаго Сердца“, которое, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлалось его настольною книгою. Въ самомъ дѣлѣ онъ не выпускалъ рукописи изъ рукъ и въ разговорахъ своихъ безпрестанно цитировалъ выраженія новаго писателя, что̀, впрочемъ, дѣлалъ каждый разъ по прочтеніи замѣчательной книги: такъ впечатлителенъ былъ его умъ. Въ подтвержденіе своихъ похвалъ онъ читалъ и перечитывалъ передъ сочувствователями мѣста изъ „Каменнаго Сердца“, и многократно-повторенное чтеніе наконецъ такъ притупило его вкусъ, что онъ сталъ находить превосходнымъ даже и то, что̀ сначала находилъ недостаткомъ въ „Каменномъ Сердцѣ“.

— Въ этомъ удивительномъ сочиненіи, — говорилъ онъ,—нѣтъ недостатковъ. Въ немъ все строго обдумано, соображено и выполнено такъ художественно, что то, что̀ съ перваго раза кажется какъ будто натянутымъ, не идущимъ къ дѣлу, — вглядитесь пристальнѣе, вы увидите, что недостатокъ не въ ослабленіи таланта автора, а въ вашей собственной неспособности и ограниченности обнять во всей полнотѣ и ширинѣ художественное произведеніе. Такова его глубина, что только по внимательномъ чтеніи открывается оно во всей глубинѣ и высотѣ широкаго своего содержанія... и вы видите, что тутъ не одинъ романъ, но пять, десять, двадцать романовъ; развейте любую страницу — и выйдетъ прекрасная вещь, которая могла бы составить славу писателю съ обыкновеннымъ талантомъ.

Такихъ отзывовъ было слишкомъ достаточно, чтобы взволновать не только сочувствователей, но и литераторовъ, которыхъ мнѣніе Мерцалова не могло не расположить въ пользу новаго автора.

— Слышали, слышали?—говорилъ встрѣчному и поперечному Балаклеевъ, пробѣгая съ своей обыкновенной торопливостію по Невскому. — Въ нашей литературѣ явился новый геній. Мы съ Чудовымъ первые открыли его; я его зналъ еще въ дѣтствѣ. Мы съ нимъ пріятели. Удивительная вещь! Мерцаловъ говоритъ, что онъ не читалъ ничего лучше въ жизни своей!

— Были у Мерцалова? — таинственно спрашивалъ тотъ, котораго именовали „благородною личностью“, встрѣчая другого сочувствователя или литератора.

— Былъ.

— Слышали?

— Слышалъ, какъ же. Интересно прочесть.

— Новая эпоха въ русской литературѣ; такого воспроизведенія дѣйствительности еще не бывало! Мерцаловъ говоритъ, что онъ не возьметъ всей русской литературы... Въ самомъ дѣлѣ необыкновенное явленіе. Вы его знаете?

— Нѣтъ. А что̀?

— Жена моя очень интересуется его видѣть. Мы не спали всю ночь.

*) Какъ извѣстно, прозвище „Мальчишки“ принадлежало въ кружкѣ Бѣлинскаго—Тургеневу. *К. Ч.*

**) Эта страница подлинника написана впопыхахъ, небрежно. Послѣдняя фраза полна описокъ: „съ подробнымъ описаніемъ драмъ бѣдственнаго положенія сочувствователя“. *К. Ч.*

— А что? Боленъ у васъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, слава Богу, здоровы. Мы всю ночь говорили о „Каменномъ Сердцѣ“. Мерцаловъ прочелъ мнѣ одну сцену. Я разсказалъ женѣ. У нея такая впечатлительная, симпатическая натура! Не могла уснуть.

И, нагнувшись таинственно къ уху сочувствователя, „благородная личность“ подъ величайшимъ секретомъ передавала сочувствователю то, что уже было извѣстно всему литературному кругу.

— Ахъ, ты не повѣришь, Лыкошинъ, что я скажу:— восклицалъ сладенькимъ, протяжнымъ голосомъ „элементъ свѣтскости“ своему пріятелю.

— Что такое?

— Мерцаловъ открылъ генія...

И проч.

И, встрѣчаясь между собою, сочувствователи и литераторы ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о „Каменномъ Сердцѣ“.

— Будете въ пятницу у Мерцалова?

— Буду. А вы?

— Какъ же! Еще бы! и проч.

Наконецъ наступила и пятница.

Литературныя чтенія выводятся въ Петербургѣ. Теперь въ модѣ показывать пренебреженіе къ литературѣ и бѣгать съ такихъ собраній, гдѣ пронесется шопотъ, что тотъ или другой господинъ прочтетъ свою повѣсть, и лучшій способъ разогнать гостей — пустить такой слухъ. Журналисты *) избѣгаютъ чтеній, отговариваясь недостаткомъ времени; литераторы разъединились и рѣдко сходятся; не то, что прежде, когда существовало нѣсколько такихъ домовъ, которые какъ будто и процвѣтали единственно съ тою цѣлью, чтобъ служить пріютомъ литераторамъ, и которые потому назывались литературными отелями: литераторъ могъ приходить туда, когда угодно, дѣлать, что угодно: если онъ хотѣлъ ѣсть, ему хоть въ полночь начинали варить и жарить; хотѣлъ спать—ему клали подъ голову мягкую подушку и ходили около него на цыпочкахъ, разговаривали не иначе, какъ шопотомъ; хотѣлъ говорить — его слушали съ подобострастіемъ, улыбались каждому его слову, и все семейство сбивалось съ ногъ, спѣша предложить ему кто варенья, кто любимыхъ крендельковъ и чаю, кто папиросъ.

Безъ голоса и безъ слуха ему иногда вспадала мысль пѣть итальянскія аріи, и семейство слушало его съ восхищеніемъ и клялось, что не пойдетъ уже въ оперу, и разсказывало потомъ знакомымъ, что вчера у нихъ дома была опера. Литературные сочувствователи сдѣлались рѣдки и тоже заняли у литераторовъ пренебреженіе къ чтенію. Только въ мелкихъ литературныхъ кружкахъ процвѣтаютъ еще чтенія; литераторы-дилетанты тоже до нихъ большіе охотники, не совсѣмъ, впрочемъ, безкорыстные: заманивъ литераторовъ извѣстіемъ, что у нихъ будетъ прочтено замѣчательное сочиненіе, они дѣйствительно уступаютъ сначала роль автору, интересующему литераторовъ, но потомъ, когда онъ кончитъ чтеніе (что случается иногда уже къ полуночи), дилетанты скромно увѣдомляютъ, что у нихъ тоже есть новинка, которую они желали бы прочесть, чтобъ воспользоваться совѣтами такихъ избранныхъ и опытныхъ судей. И подъ видомъ совѣтовъ, которымъ не слѣдуютъ, они начинаютъ мучить литераторовъ своимъ собственнымъ произведеніемъ иногда до трехъ и до пяти часовъ ночи.

Но въ ту эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, чтенія литературныя процвѣтали. Причиною тому было отчасти, что Мерцаловъ, дававшій направленіе вкусамъ кружка, дѣйствительно любилъ свое дѣло, и явленіе каждаго новаго таланта составляло для него праздникъ; онъ носился съ нимъ, какъ съ собственнымъ дѣтищемъ, и не только разъ, но десять разъ готовъ былъ его слушать, а отчасти потому, что массу кружка составляли люди очень молодые. Въ пятницу часовъ въ семь къ Мерцалову сбѣжалось все, что принадлежало къ кружку и имѣло какое-нибудь право присутствовать. Даже явилось нѣсколько такихъ лицъ, посѣщеніемъ которыхъ Мерцаловъ былъ вовсе недоволенъ.

Тутъ былъ, говоря слогомъ модныхъ нувелистовъ, и ты, литераторъ . . . . *).

*) Такъ называли тогда редакторовъ-издателей журналовъ. *К. Ч.*

VII.

Въ восемь часовъ явился Рѣшетиловъ, въ сопровожденіи маленькаго, благовиднаго господина лѣтъ двадцати семи, съ необыкновенно мягкими, плавными движеніями, обличавшими сразу тихій обязательный характеръ молодого человѣка.

Этотъ молодой человѣкъ, не литераторъ и не художникъ, представлялъ собою особенный типъ литературныхъ сочувствователей.

Роль его состояла въ сопровожденіи литературныхъ и другихъ знаменитостей, почему и называли его „Спутникомъ“. Богъ знаетъ, какъ случалось, но лишь разносилась молва о новой знаменитости,—онъ уже находился неотлучно при ней; былъ даже съ ней въ короткихъ отношеніяхъ, которыя, впрочемъ, имѣли странный, нѣсколько подозрительный характеръ: не дружескія и не пріятельскія, они скорѣе напоминали умилительныя отношенія скромнаго, расторопнаго и понятливаго подчиненнаго къ милостивому начальнику. И дѣйствительно, было почти такъ.

Геніальному человѣку, въ пылу торжествъ, славы и поклоненія, конечно, не могла льстить короткость съ неизвѣстнымъ маленькимъ человѣкомъ, но Спутникъ съ перваго визита умѣлъ сдѣлаться необходимымъ ему обязательною и многостороннею услужливостію.

Каждое утро являясь къ геніальному человѣку, онъ передавалъ ему,—разумѣется, не безъ прибавленія,—все, что слышалъ вчера лестнаго о немъ и нелестнаго о соперникахъ его, посвящалъ кстати геніальнаго человѣка въ сплетни и закулисныя тайны еще мало знакомаго ему литературнаго кружка.

Прибѣгалъ къ нему немедленно съ каждымъ нумеромъ журнала и листкомъ газеты, въ которыхъ говорилось о геніальномъ человѣкѣ.

Вытверживалъ наизусть и дѣлалъ общимъ достояніемъ остроты и достопримѣчательныя изреченія геніальнаго человѣка, произнесенныя въ кругу двухъ-трехъ пріятелей.

Былъ посредникомъ между геніальнымъ человѣкомъ и тѣми, которые желали съ нимъ познакомиться, дать ему обѣдъ, равно и тѣми, у которыхъ онъ желалъ занять, и въ подобныхъ случаяхъ.

Если геніальный человѣкъ желалъ пустить въ ходъ такую мысль о своемъ сочиненіи, которую ему самому неловко было высказать, онъ сообщалъ ее Спутнику. И догадливый Спутникъ понималъ, что съ ней дѣлать.

Смѣнялъ слабаго грудью геніальнаго человѣка во время торжественныхъ чтеній, придавая своему голосу въ поэтическихъ мѣстахъ творенія (читаемаго даже въ двадцатый разъ) дрожаніе—признакъ потрясеннаго чувства.

Если читалось сочиненіе новое, восклицалъ въ извѣстныхъ мѣстахъ: „тс, тс!.. сейчасъ начнется превосходная сцена!..“ И вниманіе слушателей удваивалось. И проч.

Какъ будто въ вознагражденіе столь безкорыстныхъ и многостороннихъ услугъ, косвенные лучи славы, осѣнявшей чело геніальнаго человѣка, падали на Спутника, доставляя ему своего рода выгоды

— Вы знаете, съ кѣмъ я сейчасъ шелъ? — спрашиваетъ онъ, встрѣтивъ литератора.

— Съ кѣмъ?

— Съ Рѣшетиловымъ!

*) Здѣсь, къ сожалѣнію, рукопись обрывается, и изо всѣхъ лицъ, посѣтившихъ Бѣлинскаго, въ дальнѣйшемъ описаны лишь Тургеневъ и Анненковъ; приводимъ этотъ любопытный отрывокъ. *К. Ч.*

— А, вы съ нимъ знакомы!

— Какъ же, мы пріятели. Хотите, я приведу его къ вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Непремѣнно. Когда же?

— Да хоть завтра.

И такимъ образомъ Спутникъ попадалъ наконецъ къ литератору, который зналъ его уже десять лѣтъ, но никогда не приглашалъ.

— Владиміръ Петровичъ! Владиміръ Петровичъ! — кричалъ Спутникъ журналисту, который, завидѣвъ его, опрометью бросался въ сторону.—Владиміръ Петровичъ!

— Что?—сердито спрашивалъ журналистъ, оборачиваясь, но не останавливаясь.

— Я вчера былъ у Рѣшетилова. Онъ пишетъ новую повѣсть...

Журналистъ останавливался.

— Я уговаривалъ его, чтобъ онъ отдалъ ее въ вашъ журналъ.

Журналистъ быстро подходилъ къ Спутнику и, любезно подавая ему руку, говорилъ:

— Здравствуйте! Что же онъ?

— Да не знаю еще. Хотите, я поговорю...

— Сдѣлайте одолженіе

— Съ удовольствіемъ; непремѣнно! Да я просто скажу ему: „если не отдашь повѣсти Толмачевскому, я больше не другъ твой!"

— Очень обяжете. Когда же я могу получить отвѣтъ?

— Да когда вамъ угодно; хоть завтра. Только гдѣ мы встрѣтимся?

Кончилось тѣмъ, что суровый и надменный журналистъ приглашалъ его обѣдать *).

Встрѣтивъ актера, пользующагося славою (до безславныхъ актеровъ, сочинителей, журналистовъ ему не было нужды; онъ отзывался о нихъ презрительно, съ кислой гримасой), онъ спрашивалъ:

— Скоро вашъ бенефисъ?

— Да не знаю еще! — небрежно отвѣчалъ актеръ, едва удостоивая его поклономъ.—А что?

— Знаете, Рѣшетиловъ...

И начиналась та же исторія *).

Словомъ, Спутникъ такъ мастерски пользовался знаменитостью своего друга, что оставалось жалѣть, почему онъ лишенъ собственной,—какъ иногда жалѣешь голоднаго бѣдняка, искусно трактующаго о размѣщеніи и употребленіи чужихъ капиталовъ. Фразы: „Мы съ Рѣшетиловымъ". — „Я вчера работалъ, вдругъ входитъ Рѣшетиловъ". — „Новость, важная новость: Рѣшетиловъ пишетъ новый романъ; я слышалъ двѣ главы: превосходно!" — „Знаете, что сказалъ Рѣшетиловъ о вашей повѣсти?"— „Какой странный характеръ у Рѣшетилова"—такія и подобныя фразы не сходили у него съ языка, доставляя ему улыбку, вниманіе, ласковый пріемъ у людей, которыхъ общества онъ добивался. А пообѣдать у журналиста или извѣстнаго литератора, пройтись съ нимъ по Невскому, или проѣхаться въ его коляскѣ, такія событія составляли свѣтлыя точки въ жизни Спутника, благоразумно сознавшаго, что ему не дано блистать собственнымъ свѣтомъ. Къ непріятнымъ и продолжительнѣйшимъ эпохамъ его жизни принадлежали тѣ, когда великій человѣкъ спивался и умиралъ, или надменно покидалъ своего преданнаго друга, или наконецъ нисходилъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ.

Въ такихъ горестныхъ случаяхъ Спутникъ мгновенно исчезалъ, оставляя въ литературномъ кругу одно воспоминаніе, столь же смутное, какъ и его личность.

Какъ случилось, что Спутникъ сблизился съ Рѣшетиловымъ, никто не зналъ; но, когда они явились вмѣстѣ, никто не удивился; всѣ какъ будто ждали такого событія и безусловно покорялись ему.

Н. Некрасовъ.

*) Подъ именемъ Толмачевскаго выведенъ, должно-быть, А. А. Краевскій, редакторъ-издатель «Отечественныхъ Записокъ». *К. Ч.*

*) Выше зачеркнуто: „Актеру онъ обѣщалъ, что посовѣтуетъ Рѣшетилову отдать драму ему въ „бенефисъ".

Послѣсловіе.

И вотъ среди этихъ людей очутился самовлюбленный подростокъ, страдальчески-мнительный, пугливо-обидчивый, и четыре года они травили его. То, что было лучшаго въ этомъ кружкѣ—идейное кипѣніе Бѣлинскаго, Кавелина, Герцена—было Достоевскому чуждо, и лишь худшей, лишь самой темной своей стороной обернулась къ нему эта плеяда. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ главахъ новонайденной Некрасовской повѣсти, которыя дошли до меня, объ этой травлѣ не говорится ни слова, — но достаточно и прочитанныхъ главъ, чтобъ понять, какъ была она жестока. Намъ показаны въ ярчайшемъ озареніи и жертва и ея палачи, и мы предчувствуемъ, какова будетъ казнь! Страшнѣе всего было то, что, какъ извѣстно изъ другихъ матеріаловъ, еще не попавшихъ въ печать, Достоевскій былъ въ ту пору влюбленъ въ жену Панаева, подругу Некрасова, пресловутую Авдотью Яковлевну, которая своимъ тяготѣніемъ къ сплетнѣ стоила десяти Комаришекъ съ Панаевымъ и Григоровичемъ вмѣстѣ. Она была очень эффектна. Ею впослѣдствіи увлекался Дюма; самъ графъ Сологубъ аттестуетъ ее въ своихъ мемуарахъ, какъ „красивѣйшую женщину во всемъ Петербургѣ", какъ „приманку для посѣтителей дома Панаевыхъ", самъ Фетъ вспоминаетъ о ней:

— Безукоризненно красивая кокетка, съ капризнымъ голоскомъ избалованнаго ребенка...

И вотъ именно передъ нею, передъ любимою женщиною, его мучили больше всего. Тамъ, въ ея салонѣ, былъ его главный застѣнокъ. Его тянуло туда, онъ не могъ не итти, но зналъ, что идетъ на позорище, къ новымъ униженіямъ и мукамъ. Удивительно, до чего этотъ жестокій романъ былъ въ стилѣ самого Достоевскаго! Такъ и кажется, что читаешь о немъ на страницахъ „Идіота", „Подростка"! Каждый понедѣльникъ Языковъ, Григоровичъ, Тургеневъ, сидя за чайнымъ столомъ у Панаевой, систематически трунили надъ влюбленнымъ, вызывая его на забавныя, бѣшено-дикія выходки, дѣлая его какимъ-то шутомъ въ глазахъ обожаемой женщины, и какъ томно вздыхали сочувствователи, сколько было шептаній по темнымъ угламъ оскорбительно-сострадательныхъ взглядовъ:

— Бѣдный, бѣдный Достоевскій... Вы знаете...

Тогда же, или нѣсколько раньше, случился другой эпизодъ, тоже доселѣ никому неизвѣстный.

Какая-то великосвѣтская бѣлокурая дѣва, плѣненная внезапною славою автора „Бѣдныхъ людей", позвала его въ свои золотые чертоги, озаренные свѣчами и карселями, провидя въ немъ литературнаго льва. Но когда этотъ застѣнчивый левъ очутился среди брильянтовыхъ дамъ и былъ наконецъ подведенъ къ ослѣпительно-прекрасной хозяйкѣ, встрѣтившей его какимъ-то комплиментомъ, онъ остолбенѣлъ, поблѣднѣлъ, зашатался, и съ нимъ сдѣлался не то обморокъ, не то—хуже!— припадокъ падучей! На раутѣ, на великосвѣтскомъ балу! Хозяйка, должно-быть, отпрянула въ ужасѣ, а его вынесли въ заднюю комнату, облили одеколономъ, откачали, — и, конечно, онъ уже не вернулся въ чертоги, а, какъ оплеванный, кинулся прочь, чувствуя, что онъ навѣки погибъ. Казалось бы, можно ли смѣяться надъ обморокомъ, однако даже великіе наши писатели не побрезгали надъ нимъ посмѣяться. Существуетъ обветшалый листокъ, написанный рукою Некрасова, съ поправками, сдѣланными рукою Тургенева, гдѣ, въ видѣ посланія къ „юному пыщу" Достоевскому, этотъ обморокъ изображается такъ:

... когда на раутъ свѣтскій,
Передъ сонмище князей,
Ставши миѳомъ и вопросомъ,
Палъ чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносымъ носомъ
Передъ русой красотой,—
Какъ трагически-недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ
И чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Уже то, что Некрасовъ и Тургеневъ могли эти стишки написать, свидѣтельствуетъ, какъ правъ былъ Некрасовъ, обличая, хоть и заднимъ числомъ, недобрые нравы тогдашней литературной среды.

Стишки эти были извѣстны въ печати и ранѣе, но оставались для всѣхъ непонятными **). Только теперь, черезъ 70 лѣтъ, мы

**) См.: Анненковъ. „Воспоминанія" т. III, 139; „Нов. Вр." 4 апр. 1880 г., 1473; „Письма Тургенева къ Герцену", изд. Драгоманова. Женева, 1892 г.; „Архивъ Стасюлевича", III, 384; „Нива", 1901, XI; „Литерат. Вѣстникъ", 1903, V.

можемъ расшифрировать ихъ и видѣть, что это насмѣшка надъ обморокомъ, злая издѣвка надъ тѣмъ, надъ чѣмъ еще не издѣвался никто. Къ этому осмѣянію больного вскорѣ примкнулъ и Панаевъ: видно, что приключеніе на раутѣ сдѣлалось литературнымъ скандаломъ. Панаевъ тогда же сочинилъ фельетонъ, пасквильный, полный какихъ-то намековъ, гдѣ съ непонятнымъ злорадствомъ подробно разсказываетъ весь этотъ печальный эпизодъ и для вящшей потѣхи выдумываетъ, будто великосвѣтская бѣлокурая дѣва стала являться въ мечтахъ къ Достоевскому и повторяла: „ты геній, ты мой, я твоя!“—и манила его въ полутьму будуара, къ какимъ-то роскошнымъ кушеткамъ, а потомъ исчезала, и бѣдный лунатикъ, пробудившись отъ грезъ, озираясь, снова видѣлъ себя на своемъ чердачкѣ, на жесткомъ облѣзломъ диванчикѣ и, закрывая руками лицо, рыдалъ и вопилъ отъ отчаянья *).

Каково было автору „Бѣдныхъ людей“ читать о себѣ такія безшабашныя строки, а между тѣмъ онѣ только отголосокъ, случайное, слабое эхо поднявшагося тогда улюлюканія.

Кончается эта милая кляуза такъ:

— „Кумирчикъ нашъ сталъ совсѣмъ заговариваться и вскорѣ былъ низвергнутъ нами съ пьедестала и совсѣмъ забытъ... Бѣдный! Мы погубили его!..“

О комъ это писано? О Достоевскомъ! „Достоевскій забытъ!“ И кто это пишетъ! Панаевъ, котораго такъ прочно забыли, словно его и не бывало на свѣтѣ. О, какъ бы изумился Панаевъ, если бы могъ хоть на мигъ воскреснуть изъ своей забытой могилы и увидѣть, что этотъ смѣшной Достоевскій, этотъ ходячій анекдотъ, этотъ „прыщъ“—есть величайшая святыня Россіи, что онъ приворожилъ къ намъ Европу, которая увидѣла въ немъ залогъ, обѣтованіе и знаменіе нашихъ сказочно-грандіозныхъ судебъ. Не Панаевъ былъ величайшимъ откровеніемъ для Ницше, не передъ Панаевымъ преклонился въ тюрьмѣ преображенный Уайльдъ, не о Панаевѣ говоритъ Робертъ Стивенсонъ, что это современный Шекспиръ!

Когда въ Европѣ говорятъ о Россіи, тамъ первое же слово: „Достоевскій“, и весело читать въ нечитаемой книгѣ, какъ какая-то комаришка жужжитъ:

— Я свергла его съ пьедестала. Я погубила его!

Читателю не слѣдуетъ думать, будто, порицая „комаришекъ“, мы тѣмъ самымъ хотимъ опорочить свѣтозарную „плеяду Бѣлинскаго“. Нѣтъ, мы знаемъ, что эта плеяда—единственный святой островокъ въ тогдашней безбрежно-холопской Россіи, единственный проблескъ въ ея крѣпостническомъ, подломъ быту. Потому-то въ нашихъ примѣчаніяхъ къ новонайденной Некрасовской повѣсти мы такъ часто указывали на пристрастность многихъ ея характеристикъ и отзывовъ, относящихся къ плеядѣ Бѣлинскаго, и, какъ могли, защищали многихъ дѣятелей этой плеяды отъ нападокъ и насмѣшекъ Некрасова.

Но нужно же признать вмѣстѣ съ нимъ, что этотъ гуманный кружокъ имѣлъ не мало отрицательныхъ чертъ, и что не одинъ Достоевскій виноватъ въ своемъ расхожденіи съ Тургеневымъ, Панаевымъ, Бѣлинскимъ...

Конечно, у Достоевскаго не было моральнаго права называть свои соприкосновенія съ плеядой Бѣлинскаго — „грязнѣйшими, смѣшнѣйшими и ужаснѣйшими днями своей жизни“. Конечно, безпримѣрнымъ кощунствомъ являются страшныя слова Достоевскаго, написанныя четверть вѣка спустя послѣ знакомства съ Бѣлинскимъ:

— „Бѣлинскій и вся эта св...... это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни“.

Для насъ эти слова чудовищны и дики, — но новонайденныя „Записки“ Некрасова если не оправдываютъ такое кощунство, то хоть отдаленно объясняютъ его!

К. Чуковскій.

*) Этотъ пасквиль напечатанъ теперь въ пятомъ томѣ сочиненій Панаева. Странно, что никто изъ историковъ нашей словесности не сопоставилъ его съ эпиграммой Тургенева-Некрасова, которая безъ него непонятна.

Факсимиле отрывка рукописи Н. А. Некрасова — повѣсти „Каменное Сердце“ (листъ 17-й).

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1917 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала — съ 38 нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **50 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книги 51 и 52.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Выданъ 23 сентября 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.: на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагаются соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ" кн. 8 и 9 и „Для дѣтей" № 9.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ,** такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ болѣе 2 рублей, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, одинъ рубль.

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000

Издательство А. Ф. Марксъ съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Ниву», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880,000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

САМОУЧИТЕЛИ ЯЗЫКОВЪ

по системѣ проф. Олендорфъ, Курсье и др., англійск., франц., нѣмецк., латинск., итальянск. и польск., каждый изъ нихъ содержитъ грамматику, усваиваемую практически на конкретныхъ примѣрахъ. Всякое правило вытекаетъ изъ упражненій. Прошедшій курсъ пріобрѣтаетъ возможность читать на изучаемомъ языкѣ книги, вести переписку, переводить, понимать и объясняться. Цѣна каждаго самоучителя 2 р., съ перес. 2 р. 40 к. **Словари**, русск.-франц., франц.-русск., русск.-англійск., англ.-русск., русск.-нѣмецк., нѣмецк.-русск. съ указаніемъ произношеній, цѣна кажд. 2 р. 50к., съ перес. 3 р. Поступили въ продажу книги: **Русскіе за границей**, во Франціи, Англіи, Германіи, Испаніи, Польшѣ, Швеціи, Норвегіи, Финляндіи; каждая изъ перечисленныхъ книгъ содержитъ разговоры, необходимые въ путешествіи и дома, бесѣды, обращенія и проч., можетъ служить дополненіемъ къ самоучителямъ; каждое иностранное слово, кромѣ обыкновеннаго, напечатано русскими буквами съ сохраненіемъ произношенія, каждый пользующійся этими книгами можетъ объясняться на иностранномъ языкѣ, не зная азбуки и грамматики языка. Цѣна каждой книги 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 45 к. Отпечатанъ и поступилъ въ продажу полный словарь политическихъ и иностранныхъ словъ, цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Требованія адресовать въ книжный складъ **А. И. ЗАГРЯЖСКАГО**. Петроградъ, Разъѣзжая, 14. Высылаются немедленно. Мелкія суммы присылать марками, за пересылку прилагать по 20 коп. на каждый руб. При заказахъ слѣдуетъ высылать задатокъ, приблизит. ¼ суммы, остальное наложеннымъ платежомъ. Поступили въ продажу **А. И. НОВИКОВЪ**, руководство къ составленію сочиненій. для самостоятельной подготовки и для самообразованія книга **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ**, цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 45 к. и книга руководство по **ПРАВОПИСАНІЮ** русскаго языка и правила: сокращеніе словъ, употребленіе буквъ, разстановка знаковъ препинанія, со справочнымъ орѳографическимъ словаремъ 60.000 затруднительныхъ въ правописаніи словъ, для самостоятельной подготовки и для самообразованія, всѣмъ желающимъ **НАУЧИТЬСЯ ГРАМОТНО ПИСАТЬ** (книга содержитъ 350 стран.), цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., за двѣ 20-ти коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій, указатель содержитъ перечисленіе конспектовъ, подстрочниковъ-переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

Для окрашиванія бѣлья, занавѣсей, шторъ

КРЕМОВУЮ КРАСКУ

въ листкахъ В. Вадовскаго. Цѣна 50 коп.

Главный складъ: Петроградъ, Бол. Зеленина ул., № 9, В. Вадовскій. Высыл. наложенн. платежомъ.

4706 2 1

ШОФФЕРОМЪ или МОТОЦИКЛИСТОМЪ

кто хочетъ сдѣлаться или кто хочетъ поступить въ автомобильную роту, тому необходимо подготовиться по нашему курсу. Цѣна полнаго курса съ многочисленными иллюстраціями и рисунками въ текстѣ 9 р. 90 к. съ пересылкой.

Къ курсу БЕЗПЛАТНО прилагаются два конспекта для лучшаго усвоенія и повторенія.

Адресъ: **Москва, Б. Гнѣздниковскій, 10, Издательству Д. М. Куманова.**

(8) Безъ задатка никому не высылается. 4683

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 3 р. 75 к. **МОСКВА, изд—ство. „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2.**

4698 (19)

Новыя правила правописанія, согласно посл. циркул. М. Н. Пр. Эта книжка необходима каждому грамотному человѣку. Цѣна книжки съ перес. 1 р. Налож. платеж. не высыл.

4-3 Деньги и треб. адресовать: **Издательство „НОВИНКИ", Кіевъ, Ольгинская, № 1.** 4687

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля", новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

4480

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА

охраняйте и возстановляйте пластическимъ массажемъ. **Изучивъ заочно, посредствомъ лекцій.** Проспектъ, опросный листъ и пробная лекція высылаются безплатно. На пересылку прилагать двѣ 15 коп. марки. Москва, Петровскій бульваръ, **Маріи Дурасовичъ**.

4705 14-1

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавъ **„Механическую пропись"**. Цѣна 1 р. 75 к. Москва, ред. журн. **„Соколъ"**, отд. 2. 4678

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ,

Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя. 22.

РУКОВОДСТВО

КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ШАМПИНЬОНОВЪ,

составл. по новѣйшимъ научнымъ и практическимъ даннымъ **Г. Ределинъ.** Съ **25-ю рис.** 102 стр. въ 16 д. листа. **Цѣна 50 к.,** съ перес. **60 к.**

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ

ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ

ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДѢ.

4-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библіот. ремесл. учебн. заведеній; **Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено** въ библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Бильдерлингъ, П. А.

БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 18 рис. 102 стр. in 8°. Цѣна **40 коп.,** съ перес. **50 к.**

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

получается отъ вязанія

ЧУЛОКЪ и НОСКОВЪ,

какъ и друг. вязаныхъ издѣлій на нашей автоматическ. кругловязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ".

ОНА ВЯЖЕТЪ ВСЕ. Въ минуту больше 10.000 петель,

Въ 15 минутъ одинъ чулокъ.

Легкая и простая работа для мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется.

Спросъ на чулочный товаръ всегда большой, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Наша маш. „ВИКТОРІЯ" стоитъ теперь **400 р.**, со всѣми принадлежностями и полнымъ самоучителемъ, при помощи котораго всякій легко можетъ научиться работать,—при этомъ машина самая лучшая и дешевая на свѣтѣ.

Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.

Постоянный складъ разной пряжи, иголокъ и запасныхъ частей.

Требуйте нашъ иллюстрированный проспектъ (на отвѣтъ 30 к. марками).

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ **ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.**

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40/42-11 в. 4704

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.— Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которые имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЬТОКО,**

МОСКВА. Отд. 1 К А

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

1) Устр. электр. освѣщ. безъ машинъ—1 р. 50 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—1 р. 20 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—90 к. 4) Устан. телефоновъ, звонковъ и сигнализаціи—1 р. 50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—1 р. 20 к. 6) Гальванопластика, никкел., волоч. и пр.—2 р. 80 к. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ—3 р. 50 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—1 р. 90 к. Пересылка до 1 р.—30 к., до 2 р.—35 к., до 3 р.—40 к. и т. д. За налож. плат. до 5 р. прибавляется 15 к. на всю посылку, сверхъ 5 р.—по 2 к. съ рубля.

Всѣ 8 руковод. высыл. за 15 р. 40 к.; съ налож. плат. 15 р. 75 к.

Проспекты и отзывы высылаются **безплатно.**

4646 Адр.: **Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—60.** 8 1

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ Грушевскаго 6 отд. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ. транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. **4 руб.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Борисова Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ букв. Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористаго шрифт. Цѣна **5 руб.**

СТЕНОГРАФІЯ Мусинова (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран.

(8) Цѣна **6 руб.** 4605

Перес. и упаков. по дѣйств. стоим. Приславшіе полн. стоим. впередъ за перес. не платятъ.

Адр.: **Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.**

Если желаете УЗНАТЬ свою СУДЬБУ и ХАРАКТЕРЪ

сообщите, когда Вы родились!!!

Мы вышлемъ Вамъ изданную на КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ брошюру

съ предсказаніями

Цѣна каждой брошюры 60 коп. съ перес. Всѣ 12 брошюръ—5 руб. съ перес.

6-3 Адресъ: **Петроградъ, ул. Жуковскаго, 24. Книжн. складъ „ДОБРОЕ ДѢЛО".** 4694

УГРИ

прыщи, веснушки исчезаютъ, лицо чистое. По полученіи 1 руб. (можно марками) высыл. совѣтъ, испыт. средств., г. Гатчина, почт. ящ. 614, отд. 12. „Цоника".

4668

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Задача № 36

A. M. Sparke.

I пр. въ конкурсѣ въ память Райса

Бѣлые: Кр g7, Ф h5, Л f3, h1, С g4, g5, К g2, П d5, f2, f6.

Черные: Кр e2, Ф a6, Л a1, c5, С b4, b5, К b1, П a3, d6, f7.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 37.

J. J. Rietveld.

II пр.

Бѣлые: Кр c1, Ф c2, Л d1, С c7, f1, К d4, П d7, f3.

Черные: Кр d5, Ф a8, Л a5, b8, С a2, a7, К g7, П a6, b4, h5.

Матъ въ 2 хода

Задача № 38.

A. Ellermann.

II пр. въ конк. „Good Comp. Ch. Cl.“.

Бѣлые: Кр c6, Ф d7, Л h4, С a8, b8, К f1, f7, П b6, c4, g3.

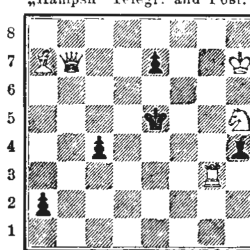
Черные: Кр e4, Ф f4, Л b1, С f5, g1, К d1, g2, П c3, c5, e6, f3, f6.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 39.

C. A. L. Bull.

„Hampsh Telegr. and Post.“.



Бѣлые: Кр h7, Ф b7, Л g3, С a7, К h5.

Черные: Кр e5, С h4, П a2, c4, e7.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 40.

А. И. Куличихинъ (Моршанскъ).

Оригинальная.

Бѣлые: Кр h1, С a4, f6, К f5, h5, П c5, e3, h4.

Черные: Кр e4, К d2, h8, П b4, d3, f7, f3, h6, h7.

Матъ въ 3 хода.

Этюдъ № 9. H. Rinck („Brit. Ch. Magaz.“). ♔ d5 ♙ a4, b3, g6 ♚ a5 ♝ e2 ♟ a6, g3.—Выигрышъ.

Этюдъ № 10. H. Rinck („Brit. Ch. Magaz.“). ♔ e1 ♗ a8 ♙ a7, f2 ♚ d3 ♜ b4 ♟ f4.—Выигрышъ.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

№ 11. К. А. Л. Куббель. 1. Л h7 — h4, f4; 2. e4; 1. . . . К b6; 2. Л : b6; 1. . . . ∾; 2. Л b2 или Л b1.

№ 12. Д. Ѳ. Павловъ. 1. С b1—a2, f4; 2. С c4, f3; 3. С f2, e1 Ф; 4. К : e1, Кр : f2; 5. К g2.

№ 13. С. Бандтке, 1. Л g5 — g6. Побочныя рѣшенія 1. Кр e7 и 1. К f5 — d6 +.

№ 14. М. Н. Башкатовъ. 1. Ф f2 — c5.

№ 15. Н. Н. Карцовъ. 1. Ф f3—c3.

№ 16. К. А. Л. Куббель 1. Л b5—b8, С b6 (С : b8); 2. К b7.

№ 17. А. И. Куббель. 1. С g8—f7. Кр : f6; 2. Ф g6 +; 1. . . . Кр : d6; 2. Ф e4; 1. . . . ∾; 2. Ф h2 +.

№ 18. Б. П. Палецкій. 1. К d8 — e6, К d6; 2. b8 К; 1. . . . Кр d7; 2. b8 К +; 1. . . . С : e7; 2. К c7 +; 1. . . . ∾; 2. К e c7 +.

№ 19. Б. Г. Менцель. 1. К c3—d5, Л : e4; 2. Л h5 +; 1. . . . Л g4; 2. К g3 +; 1. . . . Л h4; 2. Л : h4; 1. . . . Л ∾; 2. К : f6 +; 1. . . . ∾; 2. К : e3 +.

№ 20. М. Орѣховъ. 1. К d4—e6.

№ 3. Л. Б. Залкиндъ. 1. К e7 — d5 +, Кр f3 (Кр e5; 2. К b4 и 3. К d3; 1. . . . Кр f5; 2. К e3 + и 3. К c4; 1. . . . Кр g5 и Кр g3; 2. К e4 + и 3. К c3); 2. К e4, Кр : e4; 3. Кр b4, b2. 4. Кр e3, a1 Ф; 5. К c3 +, К : c3—пать.

№ 4. H. Rinck. Ф g1 — g4 +, Кр d6; 2. Ф d1 +, Кр c5; 3. Ф c2 +, Кр d6; 4. Ф d3 +. Кр c5; 5. Ф c3 +, Кр d6; 6, Ф d4 +; 7. Ф d5×.

№ 5. H. Rinck. 1. Ф g4—c8 +, Кр a7; 2. К c6 +, Кр b6; 3. Ф b8 +, Кр. a6; 4. Ф a7 +, Кр b5, 5. Ф b7 +, Кр a4, 6. Ф a6 +, Кр. b3; 7. К a5 +, Кр b4; 8. Ф b6 +, Кр a3 (Кр c3; 9. Ф f6 +); 9. К c4 +, Кр a4: 10. К : b2 + и выигрыв.

Правильныя рѣшенія задачъ прислали:

Л. Н. Фишеръ и И. Сипитинеръ (Голта)—№№ 11, 13—16, 19, 20. 4, 5; Е. Зенкевичъ (Александровъ)—№№ 13—15, 19, 20; Л. Ф. Дубенкинъ (д. армія) — №№ 13—15; Д. Френкинъ (Харьковъ)—№№ 11, 13 — 15; Я. Рабиновичъ (Староконстантиновъ) — №№ 16—20, 4, 5; А. Филаретовъ (Пушкино) — №№ 13 (всѣ три) — 15; Л. А. Штернберъ (Красиловъ) — №№ 11, 13—15, Н. В. Ярославскій (Петроградъ) — №№ 13—15; Н. Н. Зиновьевъ (Кронштадтъ)—№№ 13—15; В. Равинскій (Петроградъ)—№№ 13—15; Н. Синицынъ (Юрьевъ)—№№ 11, 13—15; А. Нахабинъ (Тростянецъ)—№№ 12, 13, 15; А. И. Эйкстремъ (Залисмюнде)—№№ 12—15; А. Вязниковецъ (Москва)—№№ 13—15; Полк. Воисовичъ (д. армія) — №№ 15; С. Шнейдеръ (Елисаветградъ)—№№ 11—15; В. И. Шанскій (Иванковцы)—№№ 11 — 16, 18—20, 4, 5; И. Фишманъ (Смѣла) — №№ 16—20; Л. Вевіоровскій (Петроградъ)—№№ 16—18, 20; В. Курлинъ (Шацкъ)—№№ 13—15, 17, 19, 20; Н. Нумеровъ (Гжатскъ) — №№ 14, 15, 20, 4, 5; А. И. Алексѣевъ (Сорочинское)—№№ 13—16, 20; В. Лысогорскій (Ростовъ) — №№ 11, 13—20, 3—5; П. Бохмосовъ (Николаевскъ)—№№ 11, 13—17, 19, 20; Г. Фельдманъ (Екатеринославъ)—№№ 11, 13—20; Д. Лурье (д. армія)—№№ 11, 13, 15—20; Ѳ. Левинъ (Петроградъ)—№№ 11—20, 3, 4; Ѳ. З. Пѣтуховъ (Воткинскій в.)—№№ 11, 13—20; П. Георгіевскій (Тамбовъ) — №№ 11, 13—20; Т. А. Соколенко (Душетъ)—№№ 16 — 20, 4, 5; А. Дыскинъ (Лубны), Рыльковъ (Карачевъ), А. И. Лупановъ (Петроградъ)—№ 20, В. Лапикъ (Морева)—№ 13; №№ (Воронежъ)—№№ 11—15, 3; С. И. Рѣзниковъ (Ходорковъ)—№ 16; М. Нисенбаумъ (Бобруйскъ)—№№ 11, 13—20.

Извѣстія.

Петроградъ. Въ закончившемся турнирѣ сильнѣйшихъ игроковъ Пгрд. шахм. собранія, побѣдителемъ оказался Романовскій.

Въ газетѣ „Армія и Флотъ Свободной Россіи“ (б. „Русск. Инвалидъ“) въ иллюстр. воскресныхъ приложеніяхъ появился шахматный отдѣлъ, который, въ виду предстоящаго расширенія приложенія, вѣроятно, будетъ увеличенъ.

Вѣна. Результатъ недавняго турнира при 3 участн. по 6 п.: Шлехтеръ $6^1/_2$, Видмаръ 6, Кауфманъ $5^1/_2$. Изъ всѣхъ 18 сыгранныхъ партій оказалось 13 ничьихъ.

Стокгольмъ. Въ мѣстномъ турнирѣ мастеровъ побѣдителемъ оказался Г. Нигольмъ $5^1/_2$ изъ 7.

Переписка.

М. Б. (Пихоновка). „Шахм. Вѣстн.“ (Москва, Гранатный пер., 2) открылъ подписку на 1917 г. по цѣнѣ 8 р. въ годъ съ перес.— Полк. В. (д. армія). Обратнымъ матомъ называется такой, при которомъ бѣлые вынуждаютъ черныхъ сдѣлать себѣ (т.-е. бѣлымъ) матъ въ опредѣленное число ходовъ. — М. К. (Юсковцы). Задачи не помѣщу. Старые журналы можно случайно лишь достать у букинистовъ. — Л. Ф. (Голта). Задачъ не напечатаю, т. к. онѣ не представляютъ никакого интереса. — Н. Н. (Гжатскъ). Руководство Дюфрена теперь достать нельзя. — А. Д. (Лубны). Пилльсбери † 1906 г. Ласкеръ выигралъ матчъ у Тарраша въ 1908 г. съ результатомъ + 8 — 3 = 5.—А. И. (Краснослободскъ). Выпишите „Самоучитель шахм. игры“ Шифферса, ц. 3 р., отъ Т-ва А. Ф. Марксъ (Петроградъ, ул. Гоголя, 22). — С. В. (Стародубъ). Думаю, что въ первомъ случаѣ бѣлые выигрываютъ, во второмъ или ничья или выигрышъ бѣлыхъ. — М. К. (Юсковицы), Ю. Р. (Липовецъ), С. Ф. (Ромоданово), П. Г. (Тамбовъ), А. Т. (Москва). Задачъ не помѣщу. — Ф. Т. (Рожново). Отвѣты на интересующіе васъ вопросы уже помѣщены за февраль и мартъ. — С. Н. (Петроградъ). Отвѣты были уже даны. Въ русскихъ газетахъ нѣтъ отдѣловъ.— С. В. (Стародубъ). Руководство А. Е. Ирика можно выписать (5 р. 50 к.) отъ автора, П-грдъ, Смольный пр., 9.—А. К. (Петроградъ). Адресъ Ю. О. Сосницкаго. Эртелевъ пер., 2.

А. С. Извѣковъ (платф. Красково Моск.-Каз. ж. д., до востреб.) желаетъ играть по перепискѣ на ставку 25—50 р.

Ф. Сикка (д. армія, 9 осадн. отд. артилл. дивизіонъ) желаетъ играть по перепискѣ съ опредѣленнаго положенія, о которомъ обратиться къ нему непосредственно.

Ф. Нурмбергъ (д. армія, 178 пѣх. зап. п.) желаетъ играть по перепискѣ.

Опечатка. Въ задачѣ № 18, А. Н. Шмалько, на h6 должна быть черная шашка.

ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 17.

А. Н. Шмалько (въ Жмеринкѣ).

Черныя.

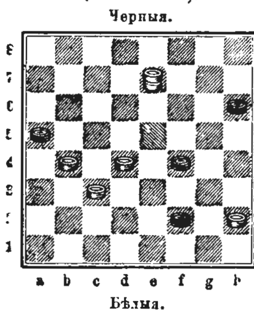
Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 18.

В. Г. Кульчицкаго (ст. Имяньпо).

Черныя.



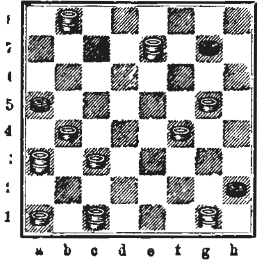
Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 21.

Б. Г. Шаца (с. Ильинско-Урусово). Посвящается Б. Кагану.

Черныя.



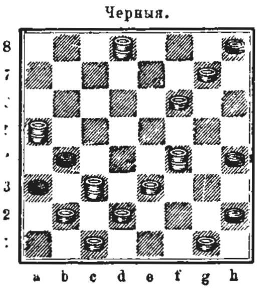
Бѣлыя

Запереть дамку и 2 прост.

Задача № 22.

С. и Б. Левманыхъ (въ Витебскѣ).

Черныя.



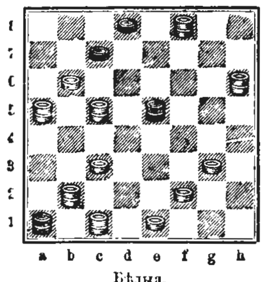
Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 прост.

Задача № 23.

А. И. Куличихина (въ Петроградѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть 2 дамки и 2 прост

Какъ намъ сообщаютъ, кіевскій любитель П. А. Слезкинъ будучи въ Москвѣ 12—21 іюля с. г., довольно успѣшно игралъ въ шашки съ сильнѣйшимъ московскимъ игрокомъ С. А. Воронцовымъ. Изъ 102 партій, сыгранныхъ въ разное время, Слезкинъ выигралъ 16, проигралъ 42 и окончилъ въ ничью 44.

ПАРТІЯ № 8.

Играна въ Москвѣ 14 іюля 1917 г С. А. Воронцовъ. П. А. Слезкинъ.

	Бѣлыя.	Черныя.
1.	c3 — d4	d6 — e5
2.	b2 — c3	e7 — d6
3.	e3 — f4	b6 — a5
4.	d2 — e3	c7 — b6
5.	c3 — b4	e5 : c3
6.	b4 : d2	f6 — g5
7.	g3 — h4	f8 — e7
8.	h4 : f6	e7 : g5
9.	d2 — c3	d6 — c5
10.	c1 — d2	c5 — b4
11.	a3 : c5	b6 : b2
12.	a1 : c3	a7 — b6
13.	c3 — b4	a5 : c3
14.	d2 : b4	b8 — c7
15.	b4 — c5	b6 : d4
16.	e3 : c5	g5 : e3
17.	f2 : d4	g7 — f6
18.	h2 — g3	h6 — g5

Въ другой партіи, игранной тогда же было такое продолженіе: 18. . . . c7 — d6? 19. c5 : g5. h6 : h2; 20. d4 — c5, b8 — c7; 21. e1 — d2, h8 — g7; 22. d2 — e3. e7 — f6; 23. e3 — f4 и Слезкинъ сдался.

19.	g3 — h4	g5 — f4
20.	e1 — d2	h8 — g7
21.	d2 — c3	b8 — a7
22.	c3 — b4	g7 — h6
23.	b4 — a5	h6 — g5
24.	g1 — h2	f6 — e5

Если 24. . . . f4 — e5; 25. d4 : f6, g5 — f4, то 26. f2 — g3, f4 — e3, 27. g3 — f4, e3 : g5; 28. h2 — g3 и выигр.

25.	h4 : f6	e5 : g7
26.	a5 — b6	c7 : a5
27.	c5 — d6	a5 — b4
28.	d6 — c7	b4 — a3
29.	c7 — b8	f4 — e3
30.	d4 : f2	a3 — b2
31.	b8 — e5	b2 — c1

Ничья.

Если 31. . . . b2 — a1, 32. e5 : h8 a7 — b6, то 33. f2 — e3, b6 — c5; 34 e3 — f4 и выигр.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ.

—№ 13. Я. Г. Тихонова. 1. b2—c1. d2 — e1 (A); 2. d6 — e7; 3 c1 — f4 и 4. h2 : c7. A) 1. . . . . d8 — e7; 2. c1 : g5; 3. c7 — b8; 4. b3 — c7 5. f6 — e7 и 6. h2 — g3.

— № 14. Р. В. Серапіонова. 1. e5 — d6, f8 : g1 (A ; 2. h4 — g ; 3. f4 — e5; 4. d2 — e3 и 5. a5 — e1, A) 1. . . . . f3 : a1: 2. h2 — g3; 3. c1 — e3; 4. a5 — c3 и 5. h6 — c1.

—№ 15. С. и Б. Левманыхъ. 1. h4 — g3, a7 — b6 (если 1. . . . f4 — e3, то 2. b4 — a3; 3. a3 : g1 и выигр.; если 1 . . . . h2 — g1, то 2. g3 : d6, g1 : b6; 3. b4 — a5 и выигр.); 2. c5 : a7, f4 — e3; 3. g3 — b8, h2 — g1 если 3. . . . e3—f2, то 4. b4—d6 и выигр.); 4. b4 — c3, g1 — f2 (если 4. . . . e3—d2; 5. c3 : e1, g1 — d4, то 6. e1 — f2; 7. b8 — d6 и выигр.; если 4. . . . e3 — f2, то 5. c3 — e1; 6. e1 : g3 и выигр.) 5. b8 — c7, f2 — h4 (если 5. . . . f2 — e1, то 6. c7 — a5 и выигр ;

если 5. . . . f2 — g1, то 6. c7 — b8 и если e3 — f2, то 7. c3 — e1, g1 — h2; 8. e1 : h4, h2 — e5 9. h4 — g3; 10. a7 — b8 и выигр.); 6. c7 — d8, h4 — g3 (если 6. . . . h4 — f2, то 7. d8 — g5 и выигр.; если 6. . . . . e3 — f2, то 7. e3 — f6 и выигр.); 7. a7 — b8 и выигрываютъ.

—№ 16. Н. А. Кукуева. 1, g7—h8, c3 — d2 (если 1. . . . c1 — b2, то 2. h6 — g7 и выигр.); 2. h8 — c3; 3. a7 — b8, c1 — a3 (если 3. . . . c1 — b2 то 4. b8 — g3 и выигр.; если 3. . . . b4 — c3 или c3, то 4. b8 — f4 и выигр.) 4. b8 — d6 и если b4 — c3, то 5. h6 — f8. а если 4. . . . a3 — c1, то 5. d6 : a3 и выигрываютъ.

—№ 17. А. Ф. Врагова. 1. c7—b8, g1—f2 (если 1. . . . d4 — c3, то 2. b8 — a7 и если c3 — b2 или d2, то 3. d6 — c5, а если 2. . . . g1 — h2, то 3. a7 — b8 и выигр. если 1. . . . h4 — e3, то 2. d6 — c5 e3 — f2 [если 2 . . . . g1 — f2, то 3. b8 — f4 и выигр.; если 2 . . . . e3—d2, то 3. b8 — a7 и выигр.]; 3. e7 — h4, f2 — e1. 4. b8 — a7; 5. a7 : f2 и выигр.); 2. e7 — h4. f2 — g1 (если 2. . . . f2 — e1, то 3. h4 — f2 и выигр.; если 2. . . . f2 — e3, то 3. h4 — f6 и выигр.) 3. h4 — f6, d4 — e3; 4. d6 — c5, e3 — f2. (если 4. . . . g1 — f2, то 5. b8 — f4; 6. c5 : g1 и выигр.; если 4. . . . e3 — d2, то 5. b8 — a7 и выигр.): 5. f6 — h4, f2 — e1; 6. b8 — a7; 7. a7 : f2 и выигрываютъ.

Рѣшили: Я. Г. Тихоновъ (Реутово), Н. А. Кожевниковъ (Козловъ). М. Н. Тумановъ (Сызрань). Н. В. Ярославскій (дѣйств. армія). С. и Б. Левманы (Витебскъ). А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), М. И. Билецкій (ст. Милорадовка) и А. Ф. Враговъ (Пенза) — №№ 13 — 17; Н. В. Конюховъ с. Дальне — Дубровское) — № 13, 14, 16, 17; М. Кузнецовъ (Петроградъ) и Н. Н. Петровъ (Москва)— №№ 13, 14; А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское) и М. Н. Кадухянъ (Богородскъ) — №№ 7, 8, 10, 11; О. З. Пѣтуховъ (Воткинскій зав.)— №№ 8, 9, 12: Н. А. Нумеровъ (Гжатскъ) — №№ 7, 8.

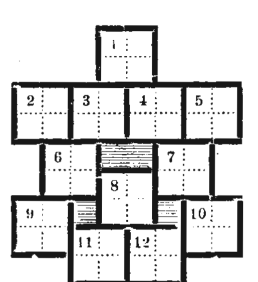
Желаютъ играть въ шашки по перепискѣ: 1) А. А. М—въ (13 Кавказскій вьючный транспортъ, писарю А. М—ву) въ крѣпкія безъ ставки; 2) Г. К—въ (Дѣйст. армія, 5 желѣзнодорожный батальонъ, для Эка) въ поддавки безъ ставки или со ставкой по желанію.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Домино-пасьянсъ № 26

Я. Г. Тихонова.



Данная фигура состоитъ изъ 14 квадратовъ, раздѣленныхъ каждый пунктиромъ на 4 квадратныхъ клѣтки. Число всѣхъ клѣтокъ (56) соотвѣтствуетъ числу квадратныхъ полей камней домино. Предлагается уложить всѣ 28 камней домино въ формѣ указанной фигуры, но такъ, чтобы каждый квадратъ ея состоялъ изъ четырехъ однородныхъ полей домино; кромѣ того, при дѣленіи этой фигуры пополамъ вертикальной линіей, сумма очковъ на поляхъ камней въ правой половинѣ должна относиться къ суммѣ очковъ въ лѣвой, какъ 5 : 9, при наложеніи же одной половины фигуры на другую сумма очковъ на каждыхъ двухъ сложенныхъ вмѣстѣ поляхъ должна быть одинаковой. Показать, какъ нужно расположить камни домино?

Головоломка № 27

Отдѣливъ на шахматной доскѣ квадратъ въ 5 × 5 клѣтокъ, предлагается разставить на этихъ клѣткахъ 5 ферзей (королевъ), 5 ладей, 10 коней и 4 слона при условіи, чтобы ни одна изъ фигуръ не могла взять другую, ей подобную, т. е. ферзь — ферзя, слонъ — слона и т. д. Показать на діаграммѣ, какъ нужно разставить всѣ эти 24 фигуры?

Примѣчаніе. Королева можетъ взять фигуру, когда послѣдняя стоитъ на одной съ нею линіи вертикальной или горизонтальной, или наклонной (діагональной); ладья—фигуру, стоящую на одной съ нею линіи вертикальной или горизонтальной; слонъ—фигуру, находящуюся на одной съ нимъ наклонной (діагональной) линіи, а конь — фигуру, стоящую отъ него черезъ клѣтку вбокъ.

Геометрическая задача № 28

В. С. Мордвинова (Чугуевъ).

Ромбъ, у котораго одна изъ діагоналей равна его сторонѣ, предлагается разрѣзать на возможно меньшее число частей и сложить изъ отрѣзковъ равновеликій этому ромбу равносторонній треугольникъ. Какъ это сдѣлать и доказать?

Алгебраическая задача № 29.

А. А. Пономарева.

Предлагается найти три такихъ числа, чтобы квадратъ одного изъ нихъ равнялся суммѣ квадратовъ двухъ другихъ чиселъ и чтобы сумма всѣхъ искомыхъ чиселъ составляла 1000. Какія это числа?

Алгебраическая задача № 30.

В. С. Мордвинова (Чугуевъ).

Нѣкто купилъ на базарѣ нѣсколько арбузовъ и дынь, заплативъ за каждый арбузъ столько копеекъ, сколько арбузовъ всего было куплено, а за каждую дыню на 28 коп. менѣе, чѣмъ за арбузъ. Всего же за купленные арбузы и дыни было заплачено столько цѣлыхъ рублей, сколько было куплено арбузовъ, и еще столько копеекъ, сколько было куплено дынь.

Предлагается опредѣлить, сколько было куплено арбузовъ и сколько дынь?

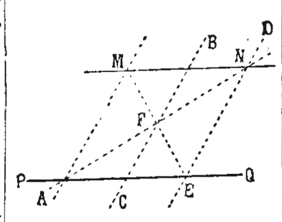
Рѣшеніе задачи буквъ № 16

(помѣщенной въ № 24 за текущій годъ).

С	У	М	А	Т	Р	А	В
А	С	П	А	Р	Т	А	Ы
Л	С	Ъ	А	К	У	С	Д
О	О	О	Л	О	Л	А	Р
К	Н	Д	О	Т	А	М	А
А	Ъ	А	П	И	Л	А	С
Т	Б	А	Р	К	А	Р	А
О	Н	Ъ	М	О	Л	О	Г

Данныя буквы должны быть разставлены, какъ показано на чертежѣ; при чтеніи ихъ по спирали получаются слѣдующія слова: 1) *Суматра*, 2) *выдра*, 3) *саго*, 4) *ломъ*, 5) *нота*. 6) *Кола*, 7) *Спарта*, 8) *Самара*, 9) *крабъ*, 10) *носъ*, 11) *акула*, 12) *липа* и 13) *долото*, при чтеніи тѣхъ же буквъ по пунктирной линіи (см. чертежъ въ № 24)—слова: 1, *сало*, 2) *Кантонъ*, 3) *Молога* 4) *Сарды*, 5) *Варта*, 6) *муссонъ*, 7) *барка*, 8) *Рама*, 9) *сатрапъ*, 10) *ода*, 11 *пила*, 12) *Лука* и 13) *лото*.

Рѣшеніе геометрической задачи № 17 (помѣщенной тамъ же).

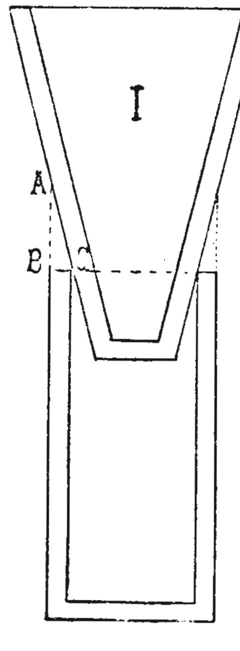


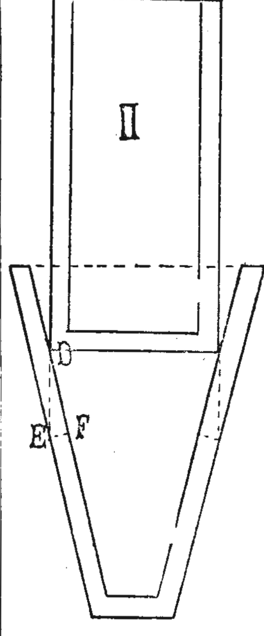
Построеніе. Прикладываемъ линейку къ данной точкѣ M въ произвольномъ положеніи и проводимъ двѣ параллельныя линіи MA и BC, пересѣкающія данную прямую PQ въ точкахъ A и C; прикладываемъ линейку къ прямой BC и проводимъ DE параллельно BC, которая пересѣчетъ PQ въ точкѣ E; соединяемъ точки M и E прямой, пересѣкающей BC въ F; черезъ точки A и F проводимъ прямую, пересѣкающую DE въ N и, наконецъ, проводимъ черезъ M и N прямую, которая и будетъ искомой.

Доказательство. По построенію разстояніе между параллельными линіями MA и BC равно разстоянію между параллелями BC и DE, а потому $MF = FE$ и $AF = FN$. т. е. четыреугольникъ $AMNE$ параллелограммъ и MN параллельна PQ.

Задача допускаетъ и другія рѣшенія.

Рѣшеніе геометрической задачи № 18 (помѣщенной тамъ же).





Обозначимъ черезъ h высоту стакановъ, черезъ H_1 высоту стакановъ, когда коническій вставленъ въ цилиндрическій и черезъ H_2 — высоту стакановъ, когда цилиндрическій помѣщенъ въ коническій. Какъ видно изъ чертежа I, $H_1 = \frac{3}{2} h + AB$, а $H_2 = \frac{3}{2} h + ED$ (черт. II). Прямоугольные треугольники ABC и DFE равны, потому что $BC = EF$ и $\angle BAC = \angle EDF$. Такъ какъ катетъ меньше гипотенузы, то $AB < ED$ и, слѣдовательно, $H_1 < H_2$.

Рѣшеніе задачи игры „Пустынникъ" № 19 (помѣщенной тамъ же).

Пятнадцать шариковъ возможно снять съ доски, самое меньшее, въ **семь** ходовъ: I. 10 : 8 (9): II 12 : 10 (11); III. 23 : 9 (16): IV. 6 : 4 : 16 : 14 (5, 9 и 15: V. 25 : 23 : 21 : 7 : 9 : 11 ; 25 (24. 22, 14, 8, 10 и 18); VI. 28 : 30 : 18 (29 и 25) и VII. 19 : 17 (18).

Въ скобкахъ при каждомъ ходѣ указаны нумера снимаемыхъ шариковъ.

Задача допускаетъ и другія рѣшенія.

Правильныя рѣшенія задачъ по **8-е агуста** с. г. доставили: **№№ 10** (3), **11, 12, 14, 15, 16, 17 и 18** — А. В. Радецкій Микуличъ; **№№ 4, 5, 6, 7 и 9**—Г. Н. Линаевъ; **№№ 13, 15, 16, 17 и 18** — А. Н. Сергѣевъ; **№№ 6, 7, 10** (1) **и 11**—Н. М. Голубчиковъ; **№№ 10** (2), **11, 12 и 13**—В. В. Кутузовъ; **№№ 13 15, 17 и 18**—М. Невзнеръ; **№№ 13, 16, 17 и 19**—К. Н. Меркульевъ; **№№ 9, 10** (1) **и 11**—Ѳ. Покровскій; **№№ 10** (7), **11 и 15**—Ф. И. Земанъ; **№№ 10** (4), **13 и 15**—В. Р. Якимовичъ; **№№ 13, 14 и 15**—М. В. Лапина, В. П. Поповъ и М. И. Словиковскій; **№№ 13, 15 и 16**—В. С. Мордвиновъ (за №16—3 очка); **№№ 17, 18 и 19**—С. Г. Вильчинскій; **№№ 6 и 13**—И Г. Воскобойниковъ; **№№ 9 и 11**—Ф. З. Пѣтуховъ; **№№ 9 и 15**—К. Г. Якобсонъ; **№№ 10** (1) **и 11**—В. Я. Васильевъ; **№№ 10** (2) **и 11**—Ф. К. Кетцлеръ **№№ 11 и 12**—А. А. Поповъ; **№№ 11 и 15**—К. А. Угрюмовъ; **№№ 13 и 15**—П. Волочковъ, А. Г. Карпенко, О. А. Лебедева, А. Рабиновичъ и Н. М. Хайкинъ; **№№ 13 и 18** — А. А. Вейгертъ (за № 18—3 очка); **№№ 14 и 15** В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№№ 15 и 16**—З. Б. Слуцкій; **№№ 16 и 17**—А. Г. Конюковъ; **№№ 16 и 18**—С. Н. Жудро; **№№ 16 и 22**—А. Ф. Дальштремъ; **№ 4** М. Н. Поповъ; **№ 7**—Н. А. Сизовъ; **№ 9**— Н. Н. Воробьевъ, А. А. Мецатуньянъ и Г. А. Неумывака; **№ 10** (1)—Г. А. Зотовъ и Ф. Э. Шегинъ; **№ 10** (3)—Н. С. Шепелевъ; **№ 11**—В. Ивановъ, С. І. Каркѣевъ, Д. Н. Киршинъ и М. Престинъ: **№ 13**—А. Г. Антимоновъ, Н. Е. Градищевъ, П. А. Копановъ, Я. Рабиновичъ и С. Г. Смирновъ; **№ 15**—И. И. Алимовъ, А. Апрѣлевъ, Бровцына, Ф. Вицкій, В. В. Епанечниковъ, А. Ермолаевъ, А. Н. Ильенковъ, Н. Г. Кутиковскій, Л. Н. Очеретная, К. Пойлишеръ, Полонскій, А. В. Прокоповичъ, И С. Рудановскій, Самозвановъ-Кушнисъ, В. Г. Серебряковъ, Н. В. Стояновъ и А. М. Сучкина; **№ 16**—В. Вайзбергъ, А. І. Розенцвайгъ и А. Д. Черницкая; **№ 17** А. Г. Берепштейнъ и А. А. Любимовъ.

Корреспонденція.

Е. И. Машанову, В. С. Мордвинову, В. П. Попову и А. В. Радецкому - Микуличу. Кое - что изъ присланнаго предполагается помѣстить.

В. В. Гершковичу. Ваше рѣшеніе задачи № 4 запоздало (получено 20 іюня) и потому не зачтено.

А. Г. Антимонову, Я. П. Бутову, С. В. Вильчинскому, Н. Т. Войлокову, Н М. Голубчикову, Н. Е. Градищеву, А И. Замятину, Г. А. Зотову, Н. Ф. Крючкову, Пальмцвейгу, Ф. З. Пѣтухову, А. І Розенцвайгу, Н. Сизову, Н. А. Студитскому, А. Т. (Ашево), *К. А. Угрюмову* и *Ф. З. Фокину.* Присланный матеріалъ не пригодился.

Поправка. Въ задачѣ № 20 (А. А. Вейгерта) фигура заключаетъ въ себѣ 60 квадратовъ; центральный ея квадратъ—пустой.

Опечатка. Въ №№ 29 — 30 въ отдѣлѣ „Задачи загадки и ребусы" очередные нумера задачъ слѣдуетъ читать вмѣсто 20 и 21 — 24 и 25.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22 Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 38. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 23 сентября 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Призывъ.

Кто говоритъ: „Долой войну!“,
Кто восклицаетъ: „Бросимъ мечъ!“,
Не любитъ онъ свою страну,
И рѣчь его—безумца рѣчь.
Вѣдь всѣ мы потомъ и трудомъ
Свой созидаемъ кровъ и домъ,
И тяжко каждому свою
Покинуть пашню и семью.

Но непреложно знаемъ мы,
Что только сильнымъ духомъ вѣсть
О мирѣ солнечномъ, средь тьмы,
Господь позволитъ произнесть!
Настанетъ день. И слово „миръ“
Звончѣе будетъ громкихъ лиръ,
Торжественнѣе пѣнья птицъ,
Пышнѣй побѣдныхъ колесницъ.

Тогда мы скажемъ: „вотъ конецъ,
Достойный чести и любви,
Вотъ искупительный вѣнецъ,
Омытый въ пролитой крови!“
И бросимъ мечъ. И мирный плугъ
Уже не выпустимъ изъ рукъ,
На всѣ четыре стороны
Развѣявъ черный прахъ войны!

Георгій Ивановъ.

На пути къ Ставкѣ. *А. Ф. Керенскій съ военнымъ и морскимъ министрами и состоящими при нихъ на прогулкѣ во время остановки поѣзда.* По фот. Петра Оцупа.

„Мы пойдемъ впереди съ красными флагами".

Разсказъ П. Краснова.

(Іюнь 1917 года на N—омъ фронтѣ).

I.

Въ домѣ генерала Наумова неспокойно. Старый генералъ ходитъ взадъ и впередъ большими твердыми шагами по обширному кабинету и „бурчитъ" недовольно подъ носъ. Генеральша, моложавая женщина съ серебристо-сѣдыми волосами, не покидаетъ своей кушетки, дочери Нелли и Долли, дѣвочки 12 и 14 лѣтъ, притихли. Сегодня Вовикъ заявилъ отцу, что онъ бросаетъ училище Правовѣдѣнія и идетъ вмѣстѣ съ шестью товарищами на ускоренные курсы Пажескаго корпуса.

Верховный главнокомандующій А. Ф. Керенскій и начальникъ штаба его генералъ-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ по прибытіи въ Ставку. По фот. Петра Оцупа.

Вовику всего 17 лѣтъ. Онъ еще не военнообязанный. Тамъ, можетъ-быть, пока онъ подросъ бы, кончилась бы и эта война. Тогда, куда угодно...

Въ душѣ Наумова разладъ. Любовь къ сыну, здоровый эгоизмъ отца борется съ чувствомъ патріотизма. Еще вчера, въ обществѣ другихъ генераловъ и сановниковъ, генералъ громилъ „оставшихся въ тылу", призывалъ къ патріотизму, говорилъ, что всѣ, всѣ до одного, должны взять винтовку и итти защищать родину. Самъ въ большой залѣ клуба вспоминалъ ружейные пріемы и кричалъ команды до тѣхъ поръ, пока удушье не захватило его и онъ не закашлялся. Да, то для другихъ... Пожалуй, онъ самъ бы пошелъ, если бы здоровье ему позволило, но Вовикъ!!..

Вовикъ, кросавецъ-юноша, стройный, пылкій, мужественный. Аполлонъ въ доспѣхахъ Гермеса. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, когда всѣ идутъ на войну.

— Ты понимаешь, папа, и ты, милая мама, поймешь, говорилъ онъ вчера, и его голосъ ломался, а на лицо безъ признака усовъ и бороды то набѣгалъ пурпуръ волненія, то сбѣгалъ,— идутъ всѣ русскіе люди. Князь Гагаринъ записался первымъ, потомъ Селивановъ, потомъ я...

— Эхъ, поторопился...

— Папа, но пойми же, родинѣ нужны офицеры. Мы молоды, сильны, хорошіе гимнасты, намъ легко дается военная наука, и мы принесемъ пользу родинѣ.

— Ты бы о матери подумалъ,—тихо шепчетъ генеральша, и слезы текутъ изъ ея глазъ.

И въ ней ужасный разладъ... Она такъ понимаетъ сына, такъ восхищается его порывомъ, такъ горячо любитъ и уважаетъ его за это... Да, уважаетъ маленькаго Вовика, того самаго Вовика, который такъ еще недавно совершенно безпомощный спалъ въ колыбелькѣ, котораго она крестила на ночь... И вотъ въ Вовикѣ проснулся рыцарь и герой.

— Ты, мама, сама не то думаешь, что говоришь...

И онъ цѣлуетъ мать.

— Вѣдь еще вчера ты, мама, говорила, что стыдно сидѣть въ тылу теперь, помнишь, вернувшись изъ театра, ты разсказывала, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на тебя масса мужской молодежи, переполнявшей театръ... Ты вѣдь, милая мама, горячая патріотка, я знаю, ты все готова отдать, чтобы только Россія побѣдила...

— Что же, -улыбаясь сквозь слезы, говоритъ мать,—ты хочешь, чтобы я и сына, единственнаго сына, отдала въ жертву войнѣ!

Молчаніе... Бубнитъ генералъ, ходя взадъ и впередъ по гостиной, и Нелли и Долли смотрятъ большими полными восторга и любви глазами на брата.

II.

Ахъ, что это было за время! Волшебное время любви, восхищенія, нѣжности, тонкаго ухаживанія другъ за другомъ!

Рубашка, подтянутая бѣлымъ ремнемъ, шаровары и высокіе сапоги, все это такъ шло къ Вовику. Онъ сталъ будто выше ростомъ, стройнѣе, мужественнѣе. А когда онъ уходилъ изъ отпуска и мать заботливо расправляла складки шинели у него на спинѣ и смотрѣла, чтобы все было по формѣ, она такъ любовалась и такъ гордилась имъ.

А въ душѣ!?.. Пресвятая Богородица проститъ ея прегрѣшеніе. Она, отдавшая Сына своего Іисуса Христа на крестныя муки, Она пойметъ ея молитвы и услышитъ ихъ. Въ душѣ она молилась, чтобы война окончилась раньше, чѣмъ Вовикъ будетъ офицеромъ...

Она, и Нелли и Долли ходили провожать ихъ пажескій батальонъ въ лагери, онѣ должны были тысячи разъ повторять, что ихъ рота, рота Вовика, была лучше всѣхъ, что они отлично маршировали, что они настоящіе русскіе солдаты.

Это лѣто 1916 года съ рѣдкими отпусками на дачу, съ тихими вечерами по субботамъ въ палисадникѣ у цвѣтущихъ и благоухающихъ клумбъ табаку и душистаго горошка, буйнымъ букетомъ бѣло-розовыхъ, темно-лиловыхъ, пунцово-красныхъ цвѣтовъ протянувшагося къ скамейкѣ и плетеному креслу, это лѣто было волшебное лѣто такой полной любви, такого восторженнаго поклоненія Вовику, что онъ чувствовалъ себя окрыленнымъ, сильнымъ и могучимъ.

И въ такомъ настроеніи онъ вышелъ въ офицеры.

Полки волновались и шумѣли. По вечерамъ въ казармахъ говорились рѣчи, и страшное слово „измѣна" змѣею шевелилось въ сердцахъ многихъ простыхъ людей.

Искали правды и не находили. Не вѣрили никому... Правда, что мы проданы нѣмцамъ? Правда, что кругомъ измѣнники, что хотятъ заключить теперь же миръ и отдать Россію на поруганіе? Правда ли, что нѣмецкіе принцы пріѣзжаютъ свободно въ Петроградъ и узнаютъ всѣ наши секреты?

Искали правды у этихъ молодыхъ безусыхъ прапорщиковъ. Неужели они — вся молодость, порывъ и благородство — они обманутъ?

И не вѣрили имъ...

По угламъ ходила темная молва. Приходили и уходили люди, и никто не зналъ, кто они и откуда?

Слово „товарищъ" звучало ласковымъ призывомъ и непонятною сердечною тревогою наполняло солдата. Не „братцы", не „молодцы", не „ребята", а товарищи, и казалось, что-то особенное творится, размягчается душа, и тѣло становится способнымъ на подвиги.

Не хотѣлось заниматься. Тянуло на улицу, на разговоры, слушать, что говорятъ, говорить самому, передавать чужія хорошія слова... „Мы сами!"

„Самъ народъ, черезъ своихъ избранниковъ долженъ править", „министерство, отвѣтственное передъ народомъ".

Въ ротахъ разбивались на партіи и боязливо молчали на тревожный вопросъ приходящихъ людей—„что же, товарищи, съ нами или противъ насъ?"

А дома, недовольный, бубнилъ генералъ. Онъ слушалъ восторженные разсказы Вовика, смотрѣлъ на его оживленное лицо, полное вѣры въ сознательность мысли, и говорилъ, ворча:

— А самоокапыванію вы учите?

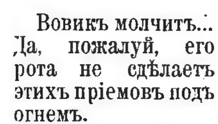
— Но, папа... Гдѣ же? Вѣдь мы занимаемся на Морской и Благовѣщенской, на площади Маріинскаго театра не окопаешься...

— Гм!.. гм!.. Многіе тамъ окопались и основательно окопались... Ну, а можетъ твоя рота или тамъ твой батальонъ дѣлать перебѣжки версты на четыре и не терять направленія и выравнивать цѣпи?..

— Но, папа... Мы не пробовали...

— Гм!.. гм!.. Да, вотъ мнѣ вспоминается,—и старикъ испытующими глазами смотритъ въ лицо своему сыну.—Въ турецкую войну это было.. Да... ну замялся одинъ батальонъ. Колонной шелъ, подъ огонь попалъ, ну гранаты тамъ стали рваться, шрапнель... Да... А Скобелевъ увидалъ... „Батальонъ, стой! На плечо! Шай на краулъ!“ И пошелъ пріемы дѣлать подъ огнемъ, да поправляетъ, кто не такъ сдѣлаетъ, кричитъ... А потомъ и повелъ... Такъ пошли, будто и огня турецкаго нѣтъ...

Генералъ-лейтенантъ Н. Н. Духонинъ, назначенный начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго, преемникъ генерала-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣева.



Помощникъ начальника штаба верховнаго главнокомандующаго по гражданской части Вырубовъ

Вовикъ молчитъ... Да, пожалуй, его рота не сдѣлаетъ этихъ пріемовъ подъ огнемъ.

— Вотъ, погоны сняли... Чести никому не отдаютъ, что же, хорошо это?

— Но, папа... Отданіе чести — это пережитокъ крѣпостного права. Это остатокъ того времени, когда офицеръ былъ бариномъ, а солдатъ слугою. Теперь всѣ равны, всѣ товарищи!

— То-то! Товарищи! А въ противогазахъ вы ходите, бѣгаете? Ручныя гранаты бросать практикуетесь?

— Милый мой папа, неисправимый ты фронтовикъ, Николаевскій служака—вѣдь у насъ не только противогазовъ нѣтъ, у насъ нѣтъ ни лопатъ, ни поля, гдѣ учиться, ружей не на всѣхъ хватаетъ...

— Нехорошо, Вовикъ... Нехорошо! Какъ же вы пойдете въ атаку? Какъ же пройдете вы сквозь стѣну заградительнаго огня?

— Но, папа! Если нужно, мы пойдемъ впереди съ красными флагами!

III.

Съ красными знаменами, съ большими плакатами съ надписями: „земля и воля“, „война до побѣднаго конца“, „война за свободу народовъ“ они пошли на войну.

Гремѣла впереди марсельеза, и народъ густою толпою съ криками „ура“ провожалъ ихъ.

„Товарищи, не забывайте насъ“, — колыхался большой красный плакатъ надъ сѣрою толпою солдатъ.

— Не сумлѣвайтесь, товарищи, не забудемъ!.. Заключайте, товарищи, скорѣича миръ, да и шабашъ, повоевали и довольно...— кричали изъ толпы.

Въ рядахъ маршевой роты шелъ смутный гомонъ, курились огоньками папиросы, летѣла шелуха подсолнуховъ, и въ этой толпѣ солдатъ, такъ же одѣтый, какъ и они, шелъ Вовикъ. Онъ старался отыскать въ толпѣ свою мать, Нелли и Долли, стараго генерала, еще и еще разъ обмѣняться съ ними взглядами, полными любви и ласки, и за толпою не находилъ ихъ.

А они шли рядомъ. Дѣвочки впереди, а за ними генералъ съ женой, и они искали въ солдатской толпѣ милое лицо своего обожаемаго сына.

Какой-то извозчикъ, стоя на козлахъ своей пролетки, посмотрѣлъ на генерала, потомъ на солдатъ, окруженныхъ толпою, и, захлебываясь отъ восторга, воскликнулъ:

— Вотъ этимъ во фронтъ становиться, а не генераламъ, чортъ ихъ дери совсѣмъ! Ахъ, ну и молодцы! Ей-Богу, правда! Эти побѣдятъ! Ну и молодцы! Ахъ, чортъ его возьми совсѣмъ, на гармоникѣ какъ жаритъ. Ну, право слово, народъ! Настоящіе ерои!.. И офицера съ собою въ ряды поставили. Иди, молъ! Небойсь! Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ... А офицеръ моло-оденькій...

И шумнымъ потокомъ мимо остановившихся трамваевъ шла по Загородному проспекту эта толпа, и изъ трамваевъ имъ махали платками и кричали „ура“!..

IV.

— Они не хотятъ учиться,—тихо, почти шопотомъ, сообщилъ Вовикъ своему товарищу Гагарину.

— Да, и у меня рота не вышла.

— Говорятъ, не зачѣмъ учиться. Вчера бѣгать заставилъ. Пришелъ комитетъ, сказалъ, что рота считаетъ это издѣвательствомъ надъ ними. Воевать будутъ, а учиться не станутъ.

— У меня, Вовикъ, хуже. Мнѣ прямо говорятъ, война кончена, и учиться не для чего. „Какъ же, говорю имъ, война кончена, кто вамъ это сказалъ?“—„Нѣмецкіе солдаты, говорятъ, намъ такъ сказали. Мы къ нимъ ходили, они и сказываютъ: вы положите ружья, и мы положимъ, вотъ тогда миръ и будетъ“.

— Ужасъ!..

Это слово они произнесли впервые. Въ темной землянкѣ, затерявшейся среди лабиринта окоповъ, они первый разъ сознали свою великую отвѣтственность передъ Россіей и передъ арміей.

Группа ударнаго полка „корниловцевъ" на фронтѣ, объединившихся во имя идеи „войны до побѣднаго конца".
По фот. Петра Оцупа.

Они говорили шопотомъ. Они знали, что за ними въ сто паръ глазъ слѣдятъ ихъ люди, подслушиваютъ, что̀ они говорятъ. Они знали, что имъ не довѣряютъ, что съ чьихъ-то нелѣпыхъ словъ ихъ подозрѣваютъ въ контръ-революціи!

— За что? За что?

Они слышали разъ, какъ одинъ не молодой уже парень, изъ людей никогда не служившихъ, говорилъ, поглаживая винтовку: „первая пуля, товарищи, офицеру. Въ нихъ вся загвоздка. Попановали, и довольно. Теперь мы сами себѣ офицеры..."

И никто не остановилъ его...

— Вовикъ, Вовикъ,— тихо говоритъ князь Гагаринъ.—Что̀ же это будетъ! Вѣдь, говорятъ, на-дняхъ мы переходимъ въ наступленіе. Какъ же мы пойдемъ?!

Долго молчитъ Вовикъ. По его молодому, уже загорѣвшему лицу бродятъ какія-то тѣни.

— Мы пойдемъ, Саша, впереди съ красными флагами, и они пойдутъ за нами!—наконецъ тихо говоритъ онъ.

V.

— Приказъ о наступленіи...

— Постойте, товарищъ, а кѣмъ отданъ приказъ?

— Главнокомандующимъ.

— А что̀ это, его бумаги?

— Нѣтъ, это приказъ полку.

— Товарищи, а можетъ-быть, это еще и обманъ? Намъ нужно, товарищи, комитетами обсудить, можемъ мы наступать, или нѣтъ. Потому, товарищи, можетъ, между нами есть люди несогласные. Россійская соціалъ-демократія провозгласила миръ безъ аннексій и контрибуцій. Какое же можетъ быть наступленіе? Кому оно нужно? Опять потоки крови... Довольно...

— Товарищи! Я полагаю, обсудить этотъ приказъ необходимо, потому, можетъ, какіе люди есть безъ сапогъ, или совсѣмъ голодные, что̀ же и имъ, къ примѣру, тоже наступать придется?

— Товарищи, почему должны наступать мы, а не тѣ, которые по городамъ въ тылу окопались? Мы свое отвоевали. Съ насъ довольно...

Въ толпѣ за составленными ружьями слышались возбужден-

Знаменщики ударнаго полка „корниловцевъ". По фот. Петра Оцупа.

Матросскій Университетъ, учрежденный 5-го августа с. г. въ аудиторіи Петроградскаго Университета по инціативѣ управлявшаго морскимъ министерствомъ В. Лебедева. *На торжествѣ открытія Университета присутствовали А. Ф. Керенскій, В. Лебедевъ, П. А. Кропоткинъ.* По фот. К. Булла.

ные голоса, крики, страшные споры. А въ сторонѣ вдоль длинной шеренги ружейныхъ козелъ взадъ и впередъ нервно, вздрагивающей походкой ходилъ молодой командиръ полка съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами. За деревней начинались ходы сообщенія, тамъ еще дальше были окопы, и въ нихъ кипѣлъ теперь жестокій бой.

Со страшнымъ трескомъ рвались снаряды, и гулъ выстрѣловъ сливался въ непрерывный грохотъ, подобный небесному грому.

У крайней хаты, бѣленькаго домика, покрытаго шапкой ржавой соломы, былъ поставленъ телефонный аппаратъ, и возлѣ него на корточкахъ сидѣли телефонисты.

Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ полковнику и доложилъ:

— Господинъ полковникъ, васъ начальникъ дивизіи къ телефону требуетъ.

Все насторожилось, и шумный митингъ стихъ. Каждый прислушивался, что говорилось.

Но вотъ полковникъ отошелъ отъ телефона. Онъ былъ блѣденъ. Нижняя челюсть его непроизвольно дрожала. Онъ снялъ фуражку и перекрестился.

— Ишь крестится! — раздался въ толпѣ насмѣшливый голосъ, но никто не поддержалъ насмѣшника.

— Въ ружье! — раздалась команда. И съ глухимъ ропотомъ солдаты разобрали ружья. Они знали свою задачу, имъ ее объясняли. Когда Энскій полкъ ворвется въ первую линію окоповъ, имъ нужно было итти сквозь него на вторую.

Артиллерійскій огонь стихъ у насъ, у противника сталъ безпорядоченъ. Гдѣ-то совсѣмъ недалеко вспыхнуло сначала тихое, потомъ грозное, несокрушимое „ура". И сейчасъ же раздалась команда командира перваго батальона:

— Батальонъ по-ротно въ двѣ линіи стройся!

Роты разобрались и пошли выдвигаться за деревню.

— Ну, вы, товарищи, идите, а я не желаю, — сказалъ одинъ и вышелъ изъ рядовъ.

За нимъ вышло еще человѣкъ шесть изъ роты, которую велъ Вовикъ.

— Трусы! Измѣнники! Предатели! — раздалось изъ роты, но они только смѣялись.

Выйдя за деревню, роты разсыпались цѣпями и пошли по полю, поросшему бурьяномъ и травою. Все чаще и чаще стали со свистомъ проноситься надъ ними снаряды непріятеля и съ грохотомъ разрываться въ небѣ, покрытомъ тяжелыми облаками.

Шли тяжело, неувѣренно, походкой горожанъ и мужиковъ, а не скорой походкой солдатъ. Но шли. Вовикъ нѣсколько разъ оглядывался и видѣлъ, что цѣпь за цѣпью подвигалась по полю пѣхота, и ближе и ближе становились сначала наши окопы, уже оставленные нами. Ихъ прошли, и рота нѣсколько потаяла въ нихъ.

— Товарищи! Такъ нельзя! Это измѣна! — кричали въ рядахъ, но увлекаемая великой силой наступленія рота шла, а съ нею шли и другія роты полка.

Когда прошли первую линію непріятельскихъ окоповъ, уже занятыхъ Энскимъ полкомъ, стали часто свистать и властно щелкать пули. Впереди котломъ кипѣли пулеметы и непрерывно трещали ружья, противникъ устроился прочно во второй линіи окоповъ.

Полкъ залегъ и не вставалъ. Напрасно раздавались крики: „въ атаку!" „впередъ!" — никто не вставалъ. Кое-кто взялся за лопату, но, не умѣя окапываться, положилъ ее на землю. Появились раненые, поползли назадъ сначала они, а потомъ и здоровые. Наступила критическая минута.

— Ничипорчукъ, — молодымъ, полнымъ задора голосомъ крикнулъ Вовикъ, — дайте флагъ!

Молодой солдатъ подползъ къ офицеру и далъ ему красный флачокъ.

И онъ вспыхнулъ, какъ пламя молодого задора, какъ яркій цвѣтокъ мака на зеленой нивѣ, и рядомъ вспыхнулъ другой, третій.

Офицеры исполнили свое слово. Они пошли впереди съ красными флагами. И нѣсколько мгновеній передъ изумленнымъ противникомъ жидкою цѣпью развѣвались алыя знамена, знамена русской революціи.

— За свободу, товарищи! Ура!..

Цѣпи встали и бросились за офицерами.

Все меньше и меньше становилось впереди красныхъ флаговъ. Они таяли подъ огнемъ непріятеля и падали, какъ падаетъ макъ подъ серпомъ косаря.

Упалъ, неловко споткнувшись, и Вовикъ и такъ и остался лежать, уткнувшись головою въ землю, съ откинутымъ въ сторону краснымъ флачкомъ.

Но полкъ уже ворвался въ окопы, онъ бралъ плѣнныхъ, онъ бѣжалъ на покинутыя прислугой непріятельскія батареи.

— За свободу! За землю и волю! — волна за волною стремились людскія волны, пробѣгая мимо тѣхъ, кто ихъ рванулъ впередъ и теперь остался лежать, успокоенный навѣки.

VI.

Тамъ, на генеральской дачѣ подъ Петроградомъ, какъ и въ прошломъ году, пышно разросся цвѣтущій душистый горошекъ, и высоко торчатъ тонкіе бокалы бѣлыхъ цвѣтовъ табака.

Въ соломенномъ креслѣ сидитъ моложавая генеральша, Нелли и Долли сидятъ рядомъ, и всѣ шьютъ.

Генералъ сидитъ тутъ же на скамейкѣ и читаетъ вечернія газеты.

— Мари! Наши-то перешли въ наступленіе. Впереди пошли офицеры съ красными флагами! А, какъ ты полагаешь, и Вовикъ пошелъ?

— Пошелъ, конечно, — съ тихимъ вздохомъ говоритъ генеральша, и глаза ея сверкаютъ слезами и материнской гордостью.

— Гдѣ-то теперь Вовикъ? — тихо говоритъ Нелли, и обѣ барышни перестаютъ шить и задумчиво смотрятъ на мать.

И тишина, страшная звенящая тишина, становится среди нихъ. Сильно пахнетъ табакъ, благоухаютъ душистый горошекъ и махровые пышные левкои, и никто не знаетъ, что то, что было Вовикомъ, уже зарыто въ землѣ, и никто не пойдетъ, никто не укажетъ, гдѣ лежитъ онъ, кумиръ и предметъ обожанія всей семьи.

Ихъ такъ много погибло въ этотъ славный побѣдный день, когда они шли впереди съ красными флагами.

Невольное.

Разсказъ **Антона Амнуэля.**

I.

Тринадцатаго мая девятьсотъ седьмого года неожиданно „провалилась конспиративная квартира у Липаши", — одна изъ самыхъ надежныхъ и спокойныхъ.

Липаша или Липочка была вдова-портниха, жила съ тремя дѣвочками-дочками и сдавала отъ себя комнату жильцамъ. Въ ту ночь у нея въ квартирѣ ночевали трое — „профессіоналы", только передъ вечеромъ пріѣхавшіе изъ уѣзда. Одинъ изъ товарищей, извѣстный въ партіи подъ чудной и нелѣпой кличкой „Максарэ", писался дворяниномъ Юхатовымъ, что совсѣмъ не соотвѣтствовало его кряжистой мужицкой фигурѣ и квадратному, скуластому лицу съ большимъ, нѣсколько расплюснутымъ на переносицѣ, носомъ. Въ тотъ моментъ, когда раздался рѣзкій, дребезжащій звонокъ, отъ котораго проснулась годовая Вѣрушка, Максарэ крѣпко спалъ, поднявъ кверху свою спутанную, окладистую бороду, и не проснулся до тѣхъ поръ, пока его не разбудилъ полицейскій.

Липочка и другой квартирантъ, „Малинникъ", отъ звонка проснулись одновременно. И Липочка не только потому, что звонокъ раздался въ два часа ночи, а какимъ-то особеннымъ чутьемъ, — и чисто-женскимъ и очень опытнаго, искушеннаго человѣка, — поняла, что за дверью есть нѣсколько человѣкъ, и догадалась, что пришла полиція. Ей казалось даже, что она слышитъ, какъ за дверью стучатъ грубые сапоги и тихонько переговариваются сиплые голоса. Она торопливо зажгла свѣчу, надѣла юбку и, закрывшись большой шалью, пошла отпирать.

Въ прихожей она остановилась и негромко спросила черезъ дверь, ведущую къ жильцамъ:

— Вы спите?

Ей отвѣтилъ голосъ Малинника:

— Что это, звонятъ?

— Это — полиція, — отвѣтила она очень спокойно. И сейчасъ же напомнила: — У васъ подъ подушкой лежатъ два браунинга. Дайте сюда, я спрячу. Подождете! — насмѣшливо бросила она въ сторону звонка, который опять настойчиво дернули.

Малинникъ, слегка пріоткрывъ дверь, подалъ ей два револьвера. Липочка неторопливо, безъ волненія, какъ и все, что она дѣлала, пошла въ кухню и бросила ихъ въ ведро.

Малинникъ съ лихорадочной торопливостью думалъ о томъ, что ему дѣлать: одѣться, или опять лечь. И, рѣшивъ, что послѣднее лучше, хотя это все равно только безполезная комедія, опять легъ въ постель и закрылъ глаза. У него было противное, нудное ощущеніе, точно передъ рвотой. И, прислушиваясь къ тому, какъ Липочка переговаривается съ пришедшими черезъ дверь, а потомъ отпираетъ ее, онъ почему-то вспомнилъ ту пыльную проселочную дорогу среди кустарниковъ, по которой онъ ѣхалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и съ чувствомъ обиды и досады на непоправимость думалъ о томъ, что больше онъ ея никогда не увидитъ, ибо сейчасъ будетъ арестованъ. Кромѣ того, онъ старался не забывать, что его зовутъ симбирскимъ мѣщаниномъ Степаномъ Ивановичемъ Авдюховымъ.

Онъ былъ невысокъ, худъ и большеголовъ. Голову его увеличивали еще очень длинные, темные и вьющіеся волосы. Малинникомъ же его звали за то, что, несмотря на большую голову и нѣкоторую нескладность, онъ производилъ впечатлѣніе красиваго, только слабаго, человѣка. Это впечатлѣніе создавали и его

А. Семеновъ.

Геройская смерть подполковника П. П. Глазова.

живописные волосы, и большіе темно-коричневые глаза, и продолговатое нервное лицо съ тонкимъ носомъ, ноздри котораго при волненіи по-женски вздрагивали.

Въ комнату вошли, стуча сапогами и шашками, высокій худой приставъ, субъектъ въ штатскомъ, два околоточныхъ, четыре городовыхъ и караульщикъ, старикъ въ большомъ лѣтнемъ азямѣ изъ грубаго коричневаго сукна. Изъ всей этой компаніи онъ, видимо, чувствовалъ себя всѣхъ хуже: стѣсняясь, смущенно всталъ у порога и временами вздыхалъ со скрытымъ сокрушеніемъ.

И еще прежде, чѣмъ они вошли, свѣтя взятой у Липочки свѣчой, въ комнатѣ запахло дегтярными сапогами, махоркой и тѣмъ специфическимъ мундирнымъ запахомъ, какой свойствененъ былъ только полиціи.

— Извините за безпокойство, — сказалъ приставъ. — Но есть тутъ у меня дѣльце одно... Вы будете дворяниномъ Юхатовымъ?

— Нѣтъ, не я,—отвѣтилъ Малинникъ, поднимаясь на подушкѣ и щуря глаза отъ свѣта.—А что такое? Въ чемъ дѣло?

— Такъ, значитъ, товарищъ вашъ...

Малинникъ не зналъ, нужно ли это подтвердить, и промолчалъ.

— Роговенко, разбуди господина Юхатова... — приказалъ приставъ.

Большерукій, крѣпкій городовой осторожно, точно боялся разбудить Максарэ, сталъ толкать его въ бокъ.

— А дѣльце такое, что предписаніе есть обыскъ... выемку небольшую произвести. Да-съ. Потрудитесь, господа, подняться!— неожиданно повышая голосъ, рѣзко закончилъ онъ.

— Ну, и нечего кричать. Давайте ордеръ—только и дѣловъ.— сердитымъ басомъ, поднимаясь на постели, сказалъ Максарэ.

— Ордеръ вамъ? Ордеръ? — тоже рѣзко и взвинченно закричалъ приставъ, точно этимъ ему нанесли громадную обиду,—они всегда обижались на такія требованія. — Очень вы опытны, господинъ Юхатовъ.

При свѣтѣ свѣчи, Максарэ заспанными, опухшими глазами недовольно покосился на листокъ бумаги, поданный ему приставомъ, и неторопливо сталъ одѣваться, бросивъ:

— Валяйте, шарьте.

Тотъ же городовой, который разбудилъ его, съ неуклюжей осторожностью снявъ толстыми пальцами стекло, зажегъ лампу. Предварительно, насупивъ брови и посапывая, счистилъ съ фитиля нагаръ. Начался обыскъ, — унизительное, оскорбляющее обшариванье угловъ, постелей, ящиковъ,—при видѣ котораго у Малинника отъ безсильнаго раздраженія поднялась мелкая нервная дрожь. Городовые роняли то щеточку, то кусокъ мыла. Нашли нѣсколько брошюръ и писемъ и пару прокламацій о первомъ маѣ, забытыхъ въ карманѣ, дурно отпечатанныхъ на шапирографѣ. Субъектъ въ штатскомъ вертѣлъ каждую книжечку въ рукахъ, точно принюхивался къ нимъ, и нѣкоторыя откладывалъ въ сторону.

— Все это, конечно, матеріалецъ, господинъ приставъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Однако, самаго важнѣйшаго нѣтъ. У нихъ пистолетики должны быть. Два-съ.

— Ну, и ищи ихъ...—посовѣтовалъ ему Максарэ.

— Дерзки вы, сударь,—замѣтилъ ему приставъ, собираясь уже что-то писать.

— Да и вамъ можно смѣло отказать въ любезности. Открой-ка окошечко, братецъ,—обратился онъ къ городовому, и тотъ было хотѣлъ уже послушаться. Его остановилъ приставъ.

— Не смѣй. Кто тебѣ приказалъ, болванъ?—закричалъ онъ такимъ голосомъ и съ такой почти плачущей злобой, что у Малинника появилось острое чувство гадливости.

— Ну, братъ, пока еще я тутъ хозяинъ,—рявкнулъ Максарэ своимъ низкимъ, рыкающимъ басомъ.—Я и самъ могу отворить.

И, поднявшись, онъ такъ широко взмахнулъ рукой, что сразу стало ясно его вполнѣ опредѣленное намѣреніе разбить окно.

— А... а...—совсѣмъ задыхался приставъ отъ негодованія. Онъ закашлялся и, протягивая впередъ руку, съ краснымъ, злымъ и страдающимъ лицомъ, прерывисто закричалъ: — Роговенко... чортъ... отвори, чортъ...

Когда изъ открытаго окна пахнуло свѣжимъ майскимъ воздухомъ, холодноватымъ запахомъ садовъ, мелко задрожала свѣча на столѣ, запрыгали двойныя ажурныя тѣни.

Субъектъ въ штатскомъ, сложивъ руки, всталъ передъ приставомъ и, съ видомъ великаго сокрушенія поднимая кверху одну руку, посовѣтовалъ:

— Ихнюю дерзость слѣдовало бы въ протоколъ записать, господинъ приставъ.

Приставъ, отхаркнувшись, продолжалъ писать. Максарэ спокойно набивалъ папиросы. Обыскъ кончился, и всѣ молчали. Только старикъ-караульщикъ вздыхалъ у дверей.

— Вотъ мерзкая комедія,—сказалъ наконецъ Малинникъ, порывисто поднимаясь съ мѣста.—Кончайте скорѣе, что ли. Вѣдь все равно арестуете.

— Это еще неизвѣстно,—загадочно отвѣтилъ приставъ, видимо, самъ наслаждаясь этой загадочностью.

Однако, черезъ пять минутъ онъ кончилъ, почему-то всталъ въ уголъ комнаты и торжественно произнесъ:

— Именующій себя дворяниномъ Юхатовымъ, именемъ закона я васъ арестую.

Максарэ увели. А въ комнатѣ остались безпорядокъ, разбросанныя вещи и скверный запахъ.

II.

Липашѣ было лѣтъ подъ тридцать. Несмотря на то, что у нея было трое малыхъ дѣтей, и ей приходилось много работать, она очень сохранилась и сохранила полноту плечъ, свѣжесть круглаго лица съ ясными сѣрыми глазами и тѣ душевныя мягкость и спокойствіе, какія живутъ у людей, знающихъ, что въ жизни есть нѣчто большее, чѣмъ то, что имъ приходится дѣлать, и въ немъ-то именно и заключено самое цѣнное, нужное и важное.

Всю свою жизнь она, даже не сознавая всей высокой красоты своихъ дѣлъ, жила не для себя, а для кого-нибудь другого и, не считаясь съ собой, постоянно помогала всѣмъ, кто нуждался въ ея помощи или кому она считала нужнымъ помочь. Постоянно она возилась съ какими-то больными, совершенно чужими ей людьми, или съ дѣтьми своего отравившагося брата, постоянно у нея кто-нибудь жилъ, или она уѣзжала куда-нибудь, туда, гдѣ, казалось ей, нужна была ея помощь.

Она знала, кто ея жильцы, знала, что, если они попадутся, то можетъ случиться, что попадется и она, но не боялась ни этого ни ихъ самихъ, а всѣми доступными ей средствами помогала имъ,—съ радостью и почти благоговѣніемъ, ибо почитала себя безконечно ниже ихъ. Она не разбирала и не хотѣла разбирать ни партій, ни направленій, ни „сѣдыхъ“, ни „сѣрыхъ“, а знала только одно, что это „партійные“, что дѣло ихъ—дѣло служенія забитому, задавленному, спаиваемому русскому народу, считала его высокимъ и святымъ и глубоко сочувствовала ему. Она была изъ разряда тѣхъ людей, которыхъ „партійная публика“ нѣсколько свысока звала „сочувствующими“. Такое отношеніе было потому, что сочувствующихъ партійные представляли себѣ или боящимися, или недостаточно подготовленными для того, чтобы вступить въ ряды партіи. И, однако, эти люди были тѣмъ фитилемъ, который подъ самымъ сильнымъ и злобнымъ вѣтромъ реакціи поддерживалъ то разгорающійся, то потухающій огонь революціоннаго движенія и донесъ его до нашихъ дней.

При обыскѣ Липочка не испугалась и не растерялась, а на другой день утромъ, проснувшись раньше Малинника, спокойно принялась за свои обычныя дѣла и, работая, думала уже о томъ, что надо будетъ какъ-нибудь наладить свиданія съ Максарэ въ тюрьмѣ и облегчить его жизнь тамъ.

Въ то время, когда Малинникъ всталъ и вышелъ въ кухню, она кипятила молоко на шумящемъ „Примусѣ“.

— Будете чай пить?—спросила она, но, что онъ отвѣтилъ, не разслышала за шумомъ „Примуса“.

Послѣ сна лицо у него было болѣзненно-блѣдное и помятое, и умыванье не разгладило на немъ красныхъ складокъ. Ей стало жалко Малинника, и она сказала:

— Ничего, какъ-нибудь устроится... А вы уѣзжайте

Онъ въ это время вытиралъ лицо полотенцемъ. А когда отнялъ его отъ лица, она догадалась, что онъ что-то говоритъ ей и отошла отъ „Примуса“.

— ...Только за этимъ, больше ни за чѣмъ,—повышенно-громкимъ и отъ этого какимъ-то чужимъ голосомъ говорилъ онъ.— Если бы и меня взяли, то у нихъ оборвалась бы нить. А по мнѣ они надѣются прослѣдить и поймать еще кого-нибудь.

— А я не такъ думаю,—возразила Липочка и засмѣялась, довольная своей догадкой.—По-моему, васъ оставили затѣмъ, чтобы вы подумали именно вотъ то, что вы сейчасъ сказали.

— Съ какой же цѣлью? Пустяки,—пренебрежительно бросилъ онъ и уже хотѣлъ уйти, но она пошла за нимъ и доказала свою мысль.

— Неужели вы, Малинникъ, не видите, что васъ провалили? Спокойнѣй и надежнѣй моей квартиры трудно найти. А разъ былъ обыскъ, значитъ, васъ кто-нибудь провалилъ. И если васъ оставили, то именно только затѣмъ, чтобы вы не догадались, что васъ провалили, а думали то, что сейчасъ думаете, и чтобы никого среди своихъ знакомыхъ не искали.

— У меня и нѣтъ такихъ...—сказалъ онъ, выходя изъ комнаты.

Липочка ничего не отвѣтила и стала приготовлять ему чай. А послѣ чая онъ ушелъ.

День былъ свѣтлый, солнечный и нѣсколько вѣтреный. На улицѣ, гдѣ взмахивали, какъ крылья, вихри пыли, шло обычное движеніе, но Малиннику казалось, что въ серебряномъ блескѣ дрожащаго свѣта вкраплены расплывчатыя темныя пятна. Онъ хотѣлъ сѣсть на трамвай, который останавливался на углу Полевой улицы, но потомъ раздумалъ и рѣшилъ обойти кругомъ квартала.

Онъ пошелъ неторопливо и временами оглядывался, съ чувствомъ омерзѣнія думая о томъ, что теперь онъ похожъ на волка, котораго травятъ. Народа на улицѣ было немного. Торопливо шлепалъ старый чиновникъ въ потертой фуражкѣ съ чернымъ бархатнымъ околышемъ. Согнувшись, шелъ судейскій разсыльный съ большой папкой подъ мышкой. Мороженщикъ, съ румянымъ свѣжимъ лицомъ и русой окладистой бородой, въ бѣломъ фартукѣ, бодро несъ на головѣ кадку и звонкимъ ярославскимъ теноркомъ выпѣвалъ:

— Сахарно мороженое... хо-ро-шо...

Малинникъ старался пропустить ихъ впередъ. Потомъ быстро вошелъ въ проходной дворъ, почти задыхаясь, пробѣжалъ его насквозь и сталъ дожидаться трамвая уже на другой улицѣ. Ему было почти холодно. Онъ слегка дрожалъ отъ нетерпѣнія, такъ хотѣлось ему, чтобы скорѣе подошелъ вагонъ. Въ вагонъ

вмѣстѣ съ нимъ вошли: пожилая дама въ старомодномъ костюмѣ, съ породистымъ лицомъ, обсыпаннымъ пудрой, и человѣкъ, одѣтый въ потертый сюртукъ и картузъ, который торчалъ у него на затылкѣ шишомъ. Щека у него была перевязана краснымъ платкомъ. Малинникъ съ ужасомъ и гадливостью смотрѣлъ на его безцвѣтные, смазанные масломъ, волосы, на рыжеватую бородку, точно перерѣзанную платкомъ, и думалъ:

„Это—онъ".

И хотѣлъ уже спрыгнуть съ вагона: субъектъ дважды сказалъ ему „извиняюсь" и посмотрѣлъ на него косымъ скользящимъ взглядомъ. Казалось Малиннику, что между ними устанавливается какая-то мучительная, невидимая связь—связь паука и мухи. Нервы его напрягались. Но человѣкъ съ подвязанной щекой сошелъ съ трамвая около городской безплатной лѣчебницы, а дама—у ломбарда.

нельзи. И когда она вспомнила о немъ, то сейчасъ же подумала, что виновникомъ провала и ареста Максарэ является именно онъ, и потомъ уже не могла и не хотѣла разубѣждать себя въ этомъ.

Передъ вечеромъ она собрала закуски, бѣлье и постель Максарэ и понесла все это въ полицейскій участокъ.

Въ участкѣ было накурено до темноты и наплевано и пахло черной карболкой и тѣмъ мундирнымъ и дегтярнымъ запахомъ, какой былъ сегодня ночью у нея въ квартирѣ. Въ передней толпились дворники съ домовыми книжками, изъ которыхъ торчали синіе листочки, а на каменномъ полу сидѣли какіе-то оборванные, грязные люди и, посмѣиваясь, переговаривались съ городовыми.

Среди городовыхъ Липочка узнала того, который разбудилъ Максарэ и зажигалъ лампу, и спросила его, можно ли передать арестованному вещи.

Митингъ на фронтѣ.

„Значитъ, не слѣдятъ,—подумалъ Малинникъ съ облегченіемъ. И тотчасъ же вспомнилъ Липочку:—Тогда, значитъ, неужели она права?"

III.

Липочка не поняла и не догадалась, что ея квартиру „провалили", а просто почувствовала это тѣмъ женскимъ инстинктомъ, который такъ часто выводитъ женщинъ на вѣрную дорогу. И потому, что она это не поняла, а почувствовала, потому, что исходной точкой ея разсужденій былъ не фактъ, а чутье—ея мысли потекли очень ровно и только подтверждали ея предположеніе, какъ и каждый случай, какой она вспоминала.

Она стала перебирать въ памяти всѣхъ знакомыхъ, которые бывали у ея квартирантовъ, и остановилась на одномъ, котораго звали Тюленемъ—на Алексѣѣ Поповѣ. Онъ былъ очень популярный, опытный работникъ и въ партіи пользовался широкимъ довѣріемъ. Но Липочка всегда не любила его и не вѣрила ему. Она не могла сказать про него ничего дурного, не знала ни одного факта, который могъ бы бросить на него тѣнь, но когда смотрѣла на его низко остриженную, большую голову, сплюснутую на затылкѣ острымъ страннымъ угломъ, на его широкое бритое лицо съ раздвоеннымъ подбородкомъ и толстыми губами, на его выпуклые, малоподвижные, сѣрые глаза, то думала, что есть въ немъ что-то невѣрное, скользящее, и довѣрять ему

— Это какому? Кой сегодня у ночь забранный?—спросилъ городовой.

— Да. Онъ тутъ еще?

— Тута. Скоро въ жандарское поведемъ, на допросъ.

— Онъ одинъ сидитъ?

— Какое одинъ. Нонче ночью народу-то понабралось—до чорта. Барышню одну взяли. Красивая, стерва, что твой пухъ. Нѣтъ, вашъ-то тоже не одинъ сидитъ—есть съ нимъ еще одинъ хахаль, такой изъ себя мордастый. Сильно здоровый человѣкъ.

— Поповъ?—почти вскрикнула Липочка.

— Поповъ, Поповъ,—очень охотно подтвердилъ городовой.—Именно онъ. А то, было, я и хвамилію-то его запамятовалъ. Домъ у ихъ собственный коло кладбища имѣется. Самостоятельный человѣкъ, а поди жъ вотъ ты на какія дѣла пустился,—добавилъ онъ съ удивленіемъ, обращаясь уже не только къ Липочкѣ, а и ко всѣмъ бывшимъ въ передней.

Липочка, попросивъ разрѣшенія у пристава, оставила вещи въ участкѣ и пошла домой. То, что она узнала отъ городового, не только не разсѣяло ея подозрѣній относительно Тюленя, а лишь укрѣпило ихъ. Она теперь была совершенно увѣрена, что провокаторомъ, провалившимъ ея квартиру, былъ именно онъ.

Дома она нашла Малинника. Онъ сидѣлъ около ея швейной машины, не снимая шляпы, и читалъ газету. Лицо у него по-

темнѣло. казалось сильно запыленнымъ, но глаза блестѣли, какъ у больного.

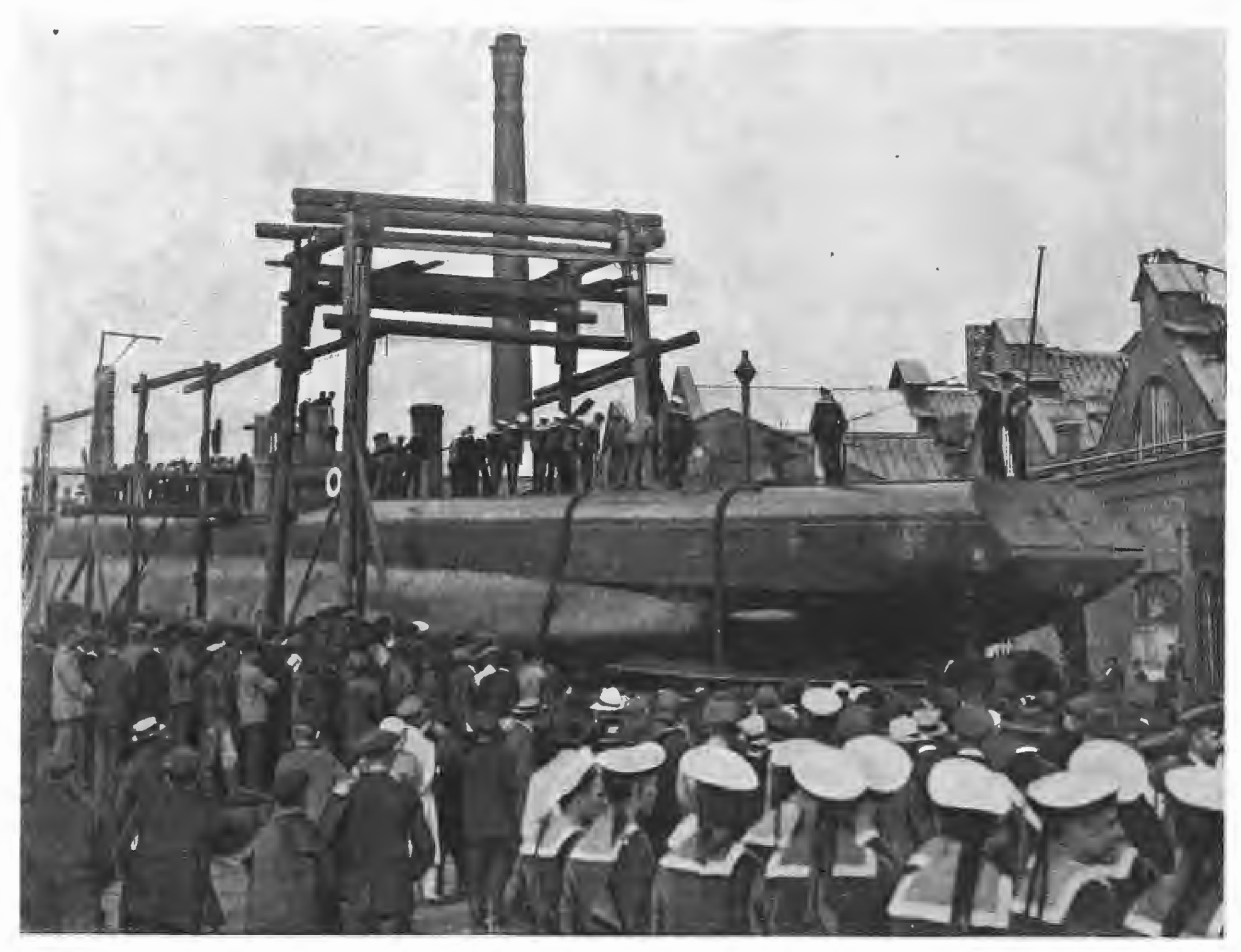
— Ну. что̀ новаго?—спросила она, на ходу снимая пальто.

Разгромъ! Форменный разгромъ. Двѣнадцать человѣкъ арестовано.

— И Поповъ арестованъ,—сказала она.

— Я знаю. А вы почему знаете?

Она разсказала. И пока она говорила, Малинникъ смотрѣлъ на нее немигающимъ воспаленнымъ взглядомъ, едва удерживаясь отъ желанія схватить ее за руку и стараясь отгадать въ ея словахъ что-то главное, недосказанное. По ея тону онъ понялъ, что, если она упомянула Попова, то не только потому, что случайно узнала объ его арестѣ. Видимо, она связывала съ нимъ сегодняшній обыскъ. Его укрѣпило въ этой мысли и то, что, окончивъ разсказъ, она, точно оправдываясь, сказала:



Спускъ подводной лодки „Ершъ" на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ въ Петроградѣ. *Передъ спускомъ подводной лодки А. Ф. Керенскій осматриваетъ ея внутреннее устройство.*

Только и всего.

Онъ вскочилъ съ мѣста и, сбросивъ шляпу, заходилъ по комнатѣ, ероша волосы.

Ну, все равно. Онъ или не онъ. но, кажется, вы правы: кто-то насъ провалилъ. Послѣ того, что̀ я сегодня узналъ, я въ этомъ вполнѣ убѣдился. Провокаторъ есть. Но, если не онъ, то кто же? На комъ остановиться? Это самое мучительное. Какъ теперь будешь жить, какъ будешь работать среди товарищей, когда ни къ одному изъ нихъ, ни ко мнѣ со стороны ихъ, не можетъ быть полнаго довѣрія. Всякій, и я, конечно, будетъ думать: не этотъ ли? Не онъ ли? Это какая-то гнусная болѣзнь вошла въ организацію и будетъ теперь медленно и непоправимо подтачивать ее. И подточитъ. И все погибнетъ. Ну. что̀ же дѣлать теперь, Липочка? Что̀ дѣлать?

Не знаю,—тихо сказала она, сѣла и, опустивъ глаза, стала разглаживать какую-то складку на своей блузкѣ.

Нѣкоторое время они молчали.

— Мнѣ теперь никакъ нельзя уѣхать изъ города, — сказалъ онъ наконецъ.—Но нельзя и жить на квартирѣ: ни у васъ, ни въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ предлагаютъ лечь въ больницу. За приходящими ко мнѣ въ больницѣ труднѣе услѣдить. И завтра я пойду и лягу.

Ну и отлично. Хворайте себѣ на здоровье, улыбнулась она. Я буду васъ провѣдывать.

На другой день утромъ онъ уѣхалъ въ больницу. Въ теченіе двухъ недѣль Липочка не пропускала ни одного пріемнаго дня и являлась къ нему съ угощеніемъ.

IV

У Малинника на лѣвомъ боку была застарѣлая и твердая опухоль величиной съ мѣдный пятакъ. Она и послужила офиціальной причиной помѣщенія его въ больницу. Тотъ врачъ, тоже „сочувствующій", который посовѣтовалъ ему лечь, признал̀ъ эту опухоль незлокачественной, но сказалъ. что можно сдѣлать операцію. Малинникъ ухватился за эту мысль съ удовольствіемъ и легъ въ больницу.

Тамъ онъ рано ложился, рано вставалъ, и больница съ ея размѣренной жизнью успокаивала его. Къ нему иногда приходили товарищи, нужные люди, онъ не терялъ связи съ дѣломъ, волновался и безпокоился. думая о немъ. но все это переносилось какъ-то легче, а основнымъ фономъ были спокойствіе и душевная ясность. И тотъ душный и пыльный день. когда онъ ѣхалъ на трамваѣ. неся въ душѣ ощущенія травимаго волка, казался отошедшимъ безконечно далеко.

Вмѣстѣ съ нимъ въ палатѣ лежали двое: быстроглазый мальчуганъ Гринько, поправлявшійся послѣ перелома ноги, и худой, молчаливый старикъ. по фамиліи Фитовъ, страдающій водянкой. Гринько, прихрамывая на костылѣ и поддерживая широкія больничныя штанишки, цѣлыми днями шатался по всей больницѣ и скоро выписался. Старикъ Фитовъ. какъ мертвый, подолгу лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами. или, посапывая, читалъ маленькое Евангеліе. отстраняя его далеко отъ глазъ, или вдругъ начиналъ тихо и надсадно стонать ровными, длинными звуками и стоналъ такъ долго, что становилось страшно. И по тому напряженному, застывшему выраженію лица, какое было у него въ такія минуты, было видно, что мучитъ его не только боль, а какое-то громадное душевное страданіе, и онъ нарочно не прогоняетъ его, а почти наслаждается имъ, какъ наслаждаются люди раскаяніемъ, бичуя себя имъ.

У него было худое, темное лицо, усыпанное какими-то черными точками и обросшее прямыми, жесткими волосами, сѣдыми, желтыми и сѣрыми, какіе растутъ у людей, которые всю жизнь бреются, а потомъ вдругъ надолго перестаютъ. Его фи-

А. Ф. Керенскій и администрація завода на подводной лодкѣ „Ершъ“.

А. Ф. Керенскій послѣ рѣчи привѣтствуетъ рабочихъ.

Спускъ подводной лодки „Ершъ“ на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ въ Петроградѣ въ присутствіи А. Ф. Керенскаго. По фот. К. Булла.

гура дѣйствовала на Малинника убійственно, и онъ отвертывался, когда Фитова переодѣвали. До пояса онъ былъ очень худъ, такъ что на его впалой, волосатой груди висѣли складки грязно-сѣрой кожи, а животъ и ноги раздувались, какъ несоразмѣрно громадные, мягкіе бурдюки мертваго, бѣло-желтаго цвѣта. Иногда Фитовъ поднималъ рубаху и надавливалъ на животъ кривымъ пальцемъ. Мягкая масса покорно подавалась, получалась глубокая бѣлая яма и долго не проходила.

Онъ рѣдко разговаривалъ съ Малинникомъ и не спросилъ его ни о лѣтахъ, ни о болѣзни, ни о профессіи, ни о чемъ томъ, о чемъ обыкновенно спрашиваютъ другъ у друга незнакомые люди въ вагонахъ и въ больницахъ. Точно онъ уже все зналъ, и Малинникъ это отмѣтилъ.

Но однажды ночью Фитовъ разбудилъ его своимъ пристальнымъ взглядомъ. Малинникъ проснулся и увидалъ напряженный, разглядывающій взглядъ зеленовато-бутылочныхъ съ нависшими вѣками глазъ старика, сидѣвшаго на сосѣдней кровати.

— Вы что?—спросилъ его Малинникъ.

— Во снѣ вы разговариваете... Что видали? Нервы у васъ испорчены. И надо вамъ спать въ комнатѣ одному, — сказалъ Фитовъ глуховатымъ, сиплымъ голосомъ.

— Почему одному?

— А мало ли что человѣкъ во снѣ сказать можетъ. Вѣдь у всякаго человѣка свои секреты есть, а у васъ, можетъ, особо...— Онъ тяжело подышалъ, точно послѣ подъема въ гору, а потомъ прибавилъ: — Только, сказано: нѣтъ ничего тайнаго, что бы не стало явнымъ. И много я знаю, господинъ Ершевскій, много знаю...

Опираясь худыми руками на край кровати, онъ тяжело поднялъ свое широкое тѣло, передвинулся и улыбнулся — страшной улыбкой человѣка, обезображеннаго болѣзнью. Она вывернула его сухія, темныя губы и непріятно открыла нечистоту крупныхъ, рѣдкихъ зубовъ темно-коричневаго гнилого цвѣта.

Малинникъ замеръ, услыхавъ, какъ назвалъ его Фитовъ. Ершевскій, — это была его настоящая фамилія. Онъ промолчалъ, но, чувствуя, что во рту у него появляется какой-то противный мѣдный вкусъ, полѣзъ подъ подушку, досталъ папироску и закурилъ, хотя въ палатѣ и воспрещалось это дѣлать. А когда опять поднялъ глаза на Фитова, то лицо старика показалось ему уже другимъ—остро-страдальческимъ, больнымъ.

— Сколько лѣтъ-то вамъ?

— Двадцать пять, — покорно, точно мальчикъ, отвѣтилъ Малинникъ.

— Двадцать пять, а нервы уже... и все такое... Вотъ она, ваша-то жизнь. А что же мнѣ дѣлать? Какіе у меня нервы должны быть, если уже жизнь прожита,—и какая жизнь!—Онъ глухо застоналъ и покачалъ головой. Отъ лежанья у него на затылкѣ поднялись волосы и торчали, точно гребень. — Что же, вы думаете, что я не вижу, какъ вы меня презираете? — спросилъ онъ неожиданно. — Отлично вижу и понимаю. И стоитъ, слѣдуетъ. Двадцать восемь лѣтъ ищейкой, собакой прожилъ, слѣдилъ, улавливалъ вотъ такихъ, какъ вы, молодыхъ да горячихъ.

— Да кто вы?—спросилъ Малинникъ и уставился на старика, поднявшись и опираясь на руку.

— Я?—помедлилъ Фитовъ.—Раньше—сыщикъ по уголовнымъ дѣламъ, а теперь, съ девятьсотъ перваго года, филеръ, гороховое пальто. Да-съ. Филеръ.

Онъ опять засмѣялся, непріятно оскаливая зубы, но тотчасъ же болѣзненно сморщился отъ боли и сталъ валиться на бокъ, дрожащими руками безсильно хватаясь за прутья койки и подтягивая къ подушкамъ свое громадное, неуклюжее тѣло.

Въ углу палаты горѣла подъ матовымъ стекломъ маленькая электрическая лампочка. И въ расплывчатомъ, точно подводномъ, свѣтѣ ея больной, распухшій старикъ походилъ на громадное, противное, мягкотѣлое животное.

Нѣсколько минутъ онъ гулко, хрипяще бурлилъ грудью и отдувался отъ усталости, а потомъ заговорилъ странно-тонкимъ, плачущимъ голосомъ, точно въ горлѣ у него что-то прорвалось и освободило звуки:

— Тоска меня забрала отъ всего этого. Тоска и озлобленіе. Двадцать восемь лѣтъ всѣми способами улавливалъ я людей, которые не могли жить по нашимъ указаніямъ... подличалъ, топилъ и предавалъ, какъ Іуда. А теперь издыхаю,—не столько отъ болѣзни, сколько отъ омерзѣнія, стыда и тоски... Не вѣрите? Имѣете право... А, сволочи!—застоналъ и заметался онъ опять.— Не нуженъ вамъ больше Фитовъ. Забыли? Но онъ васъ не забылъ.

Онъ метался и въ полубреду, со стонами и руганью, разсказалъ Малиннику исторію своей темной и омерзительной профессіи. Малинникъ слушалъ молча. И такъ много темнаго и мерзкаго передалъ ему этотъ человѣкъ, что уже не хотѣлось слушать. Стучало въ вискахъ, и было ощущеніе просто физической тошноты, точно послѣ долгаго и безпрерывнаго куренія.

Оба они уснули только утромъ. А проснувшись, Малинникъ написалъ Липочкѣ письмо, въ которомъ разсказалъ, кто его сосѣдъ, и когда она дня черезъ два пришла къ нему, отдалъ письмо ей.

Пришла она послѣ обѣда, когда въ окно палаты падали косые лучи солнца и въ нихъ плясала мелкая пыль. Липочка пришла, видимо чѣмъ-то очень возбужденная, но веселая. Подходя къ постели Малинника, слегка въ перевалочку, точно утка, она еще издали широко, весело и значительно улыбалась, видимо, торопясь разсказать что-то интересное. И потому, что она была такъ занята своимъ, на письмо обратила очень мало вниманія; разсѣянно посмотрѣла на него и, увидавъ, что оно адресовано ей, какъ-то вскользь удивилась и сунула его въ карманъ. Раздумывать надъ этимъ было некогда. И дѣйствительно: новость у нея оказалась очень интересная: сегодня утромъ ее посѣтилъ Алексѣй Поповъ, Тюлень, котораго она считала провокаторомъ.

V.

Алексѣй пришелъ къ ней утромъ въ тотъ день, когда она собиралась итти къ Малиннику. Липочка что-то шила, когда раздался его рѣзковатый, преувеличенно-увѣренный звонокъ. И, какъ тогда, когда явилась полиція, почувствовала, что сейчасъ войдетъ не заказчица, а кто-то и нужный и враждебный.

Старшая дѣвочка, Оля, пошла отпирать. А Липочка замерла, поднявъ иглу, и стала прислушиваться. Она услыхала, какъ кто-то вошелъ въ переднюю, и незнакомый голосъ сказалъ:

— Здравствуй, дѣточка, какъ поживаешь?

И Липочка невольно замѣтила, что сказалъ онъ это такъ, какъ говорятъ, когда начинаютъ говорить послѣ долгаго молчаливаго волненія: первое слово было сказано неясно и началось съ короткаго всхлипыванья, точно въ горлѣ у говорившаго лопнула какая-то мокрая пленка.

— Кто тамъ?—спросила Липочка и сейчасъ же догадалась, что это пришелъ Алексѣй.

— Это я, Олимпіада Захаровна. Здравствуйте. Ваши дома?

Липочка почувствовала, что густо краснѣетъ, и какъ-то безъ словъ подумала, что сейчасъ наступитъ тотъ моментъ, когда ея подозрѣнія или утвердятся, или пропадутъ.

Такъ оно и вышло. Правда, онъ не сказалъ ни одного слова, которое подтвердило бы ея подозрѣнія, но она нашла подтвержденіе въ томъ, о чемъ не говорится на судахъ, но что важнѣе всякихъ фактовъ,—въ невѣрной интонаціи его голоса, въ преувеличенномъ удивленіи его, въ томъ, что онъ отводилъ глаза, когда говорилъ съ ней.

— Это вы, Алексѣй? Проходите сюда. Здравствуйте,—сказала она, когда онъ нѣсколько неуклюже, выставляя впередъ свое круглое плечо, прошелъ къ ней въ комнату и подалъ черезъ машину руку съ обкусанной около ногтей кожицей.

Онъ былъ такъ громоздокъ и толстъ какой-то грубой, жесткой толщиной, что, когда сѣлъ, то его широкія, обтянутыя сѣрымъ пальто бедра оказались шире сидѣнья стула.

— Ну, что новаго?

— А вы развѣ не знаете нашихъ новостей?—тоже спросила она, откусывая отъ матеріи нитку и глядя на него исподлобья испытующимъ и слегка смѣющимся взглядомъ.

— Какихъ новостей?—Онъ посмотрѣлъ куда-то въ сторону, и Липочка тотчасъ же поняла, что онъ знаетъ.

— Да что Максарэ арестованъ.

— Да что вы!—воскликнулъ онъ съ такимъ искреннимъ удивленіемъ, что она внутренно засмѣялась.

— Тринадцатаго числа, ночью.

— А Малинникъ?

Онъ посмотрѣлъ на нее очень твердо, почти жестко, и она невольно сконфузилась, точно ее поймали на чемъ-то подозрительномъ. Она не могла догадаться, знаетъ ли онъ, гдѣ Малинникъ, и не знала, можно ли говорить объ этомъ, и, не отвѣтивъ, спросила сама:

— А что васъ не видать было?

— Да, вѣдь, со мной тоже оказія вышла,—тотчасъ же охотно сталъ онъ разсказывать, стараясь показать своимъ добродушно насмѣшливымъ тономъ, что онъ не придаетъ случившемуся съ нимъ никакого значенія.—Меня, вѣдь, тринадцатаго тоже сцапали. Но ничего не нашли. По 21-й статьѣ подержали двѣ недѣли и отпустили съ миромъ. Только чортъ ихъ знаетъ, надолго ли.

Липочка ждала, что онъ еще спроситъ о Малинникѣ, но онъ не спросилъ и сталъ совѣтовать ей лучше оставить эту квартиру и говорилъ, что и самъ больше не станетъ заглядывать сюда— такъ, пожалуй, будетъ лучше для него и для нея. Онъ проявилъ массу заботливости. Липочка знала, что онъ слегка влюбленъ въ нее: по крайней мѣрѣ, онъ всегда за ней ухаживалъ почти откровенно.

„Разсказывай!“ — внутренно посмѣиваясь надъ его заботливостью, думала она и уже представляла себѣ, какъ пойдетъ къ Малиннику и разскажетъ ему о Тюленѣ.

Но Малинникъ тоже былъ занятъ своимъ и прослушалъ ее какъ-то безучастно. Его занималъ теперь только Фитовъ.

Старикъ чувствовалъ себя все хуже. Цѣлыми днями онъ лежалъ на спинѣ, съ закрытыми глазами, и дышалъ такъ тяжело, что его громадный и мягкій, какъ подушка, животъ колыхался. А когда открывалъ глаза и замѣчалъ, что на него смотритъ Малинникъ, отводилъ отъ него недовольный страдальческій взглядъ. Малинникъ чувствовалъ, что охранникъ на него сердится за свою откровенность, что ненавидитъ его, какъ знающаго о какомъ-то постыдномъ и тайномъ порокѣ,—и это знаніе связываетъ ихъ и рождаетъ ненависть. Но, въ силу странной и мучительной работы души своей, въ непоборимомъ запоѣ самобичеванія, ста-

рикъ, точно противъ воли, старался до конца обнажить себя. И съ чувствомъ глубокаго отвращенія и къ себѣ, и къ Малиннику, и къ своей жаждѣ откровенности, продолжалъ разсказывать — выбрасывалъ изъ темнаго хранилища своей памяти страницы позора и мерзости.

Порой, безъ всякихъ предисловій, не справляясь, слушаетъ ли его Малинникъ, едва пріоткрывъ мутно-водянистые, матовые глаза, онъ начиналъ разсказывать слабымъ голосомъ и такъ, точно Малинникъ уже зналъ, о чемъ идетъ рѣчь:

— На Варваркѣ, противъ церкви жила она... Поставили меня наблюдать...

И, перебивая себя, что-то пропуская, онъ медленно передавалъ

Малинникъ никогда не предполагалъ, что у добродушной и уравновѣшенной Липочки можетъ быть такой острый, почти жестокій взглядъ. Она держала старика руками за оба плеча и наклонилась надъ нимъ очень низко, почти наваливалась на него.

— Ничего особеннаго. Не волнуйтесь, пожалуйста. Только скажите: вы—охранникъ? Шпикъ?

Старикъ хрипѣлъ, слабо шевеля плечами, и, видимо, старался освободиться отъ этого остраго взгляда и горячаго дыханія.

— Что тебѣ надо? Что ты?

— Ну, отвѣчай, отвѣчай. Да? Служишь въ охранкѣ?

Онъ перестал ворочаться и сразу затихъ, обмякъ.

— Служу, ну.

Малахитовый залъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ засѣдаетъ Временное Правительство. По фот. М. П. Антокольскаго.

какой-нибудь случай — долгой собачьей слѣжки за человѣкомъ, исторію тайнаго плетенія паутины гибели...

VI.

Записку Малинника о немъ Липочка прочитала въ коридорѣ, когда уже стала уходить, подумала надъ ней одну минутку и сейчасъ же быстро повернулась и пошла назадъ, въ палату.

Фитовъ дремалъ. Его тонкія вѣки съ темными прожилками вздрагивали. Липочка подошла къ нему мимо Малинника и осторожно и настойчиво потрясла его за худое, угластое плечо.

— Старичокъ, проснитесь...

— Липаша, что вы? — остановилъ ее Малинникъ, какъ будто чего-то испугавшись.

Но она только спокойно отвела его руку и опять наклонилась надъ Фитовымъ:

— Проснитесь-ка на минуточку, старичокъ...

Онъ открылъ глаза. Они округлились, и въ нихъ былъ испугъ.

— Что такое? Что нужно? — задыхаясь и порывисто хрипя, какъ это бываетъ послѣ сна у людей со слабымъ сердцемъ, спросилъ онъ.

— А служитъ съ тобой Поповъ Алексѣй? Знаешь такого? Говори. Тюлень его прозвище. Знаешь?

— Не знаю,—помедливъ, спокойно отвѣтилъ Фитовъ и закрылъ глаза. И лицо у него стало злое и презрительное.

— Неправда.

— Не знаю...—еще тише и упрямѣе повторилъ онъ.

Липочка оторвалась отъ его плечъ и выпрямилась. На минуту она растерялась, не знала, что дѣлать, и ея руки висѣли безсильно. А потомъ вдругъ опустилась на колѣни передъ кроватью Фитова, схватила его худую, корявую руку, по-старчески коричневую, съ толстыми фіолетовыми жилами, и заговорила, сама задыхаясь отъ торопливости, отъ жажды узнать.

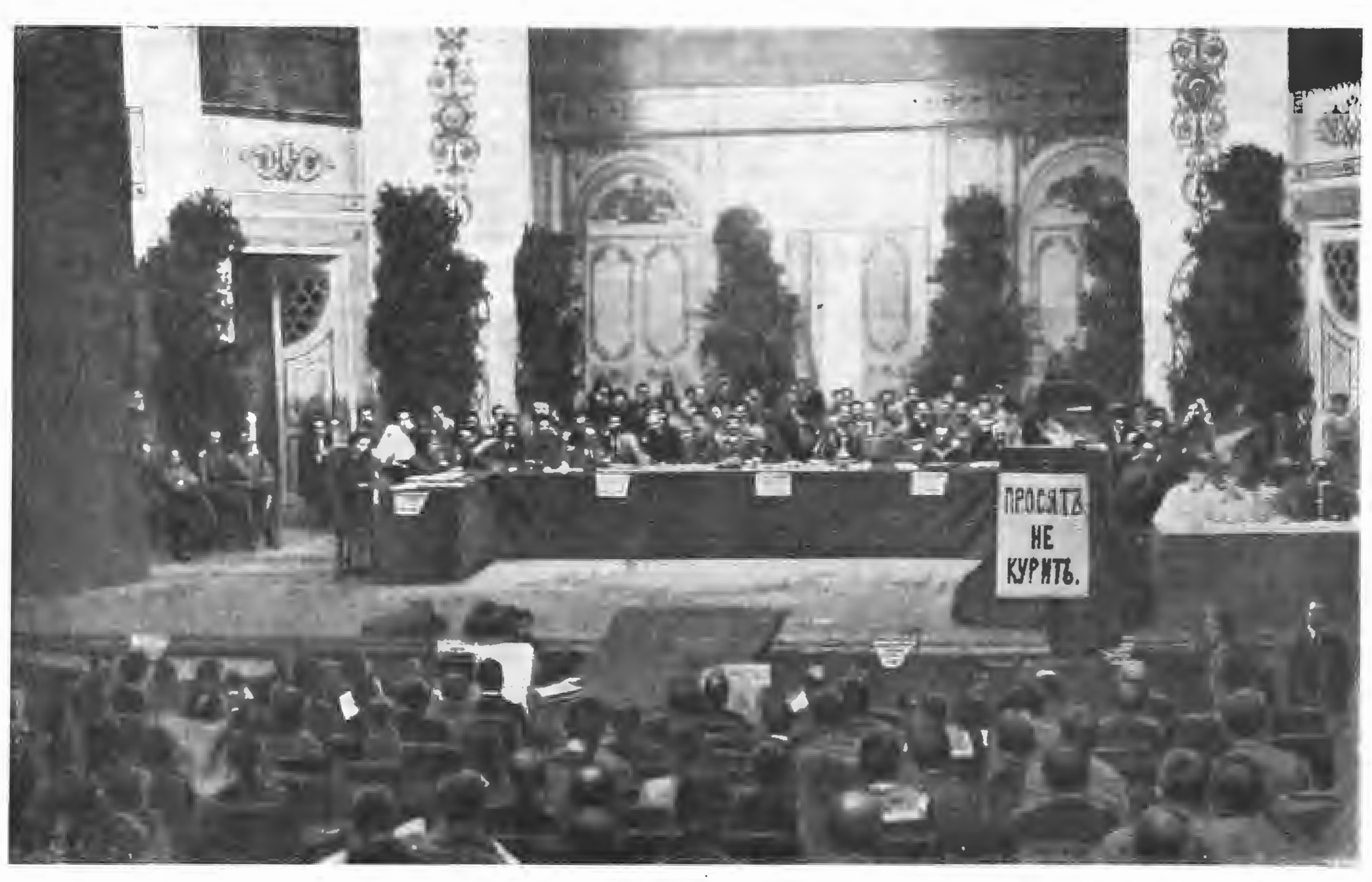
— Ну, скажи же, скажи, старикъ. Ты говоришь неправду. Слушай: если скажешь, мы тебя оживимъ. Мы отвеземъ тебя на югъ, ты опять будешь здоровымъ... мы дадимъ тебѣ денегъ, и будешь тамъ жить хорошо и спокойно.

— Не знаю же я...—тихо и упорно, съ какимъ-то страданіемъ выговорилъ онъ.

— Неправда, ты знаешь —почти крикнула она.

— Липочка!—опять остановилъ ее Малинникъ.

— Молчите!—рѣзко оборвала она его.—Слушай, старикъ, я



Демократическое Совѣщаніе, засѣдавшее въ Петроградѣ съ 14-го по 23-е сентября с. г. въ Александринскомъ театрѣ. *На сценѣ—Президіумъ.* По фот. Петра Оцупа.

говорю тебѣ серьезно. Если ты скажешь, ты сдѣлаешь хорошее дѣло. Ты, можетъ-быть, спасешь невинныхъ. Подумай, старикъ, какое это прекрасное дѣло. Иначе, слушай,—клянусь Богомъ, я вотъ сейчасъ собственными руками задушу тебя. Ну?

Стоя на колѣняхъ, она выпрямилась и отняла свою руку отъ его руки. Опять въ палатѣ наступила тишина. Какой-то больной шелъ по коридору, и звонко, съ эхомъ, щелкали его туфли. Темныя вѣки Фитова опять мелко задрожали, и неожиданно на рѣдкихъ рѣсницахъ его показались крупныя, мутныя слезы.

— Матушка, да развѣ я, старый, смерти боюсь...—почти ласково, какъ показалось Малиннику, съ какой-то доброй, какъ надъ дѣтьми, старческой насмѣшкой и всхлипывая, заговорилъ Фитовъ.—Смертью меня не напугаешь. А душой ты меня своей тронула. Душа у тебя горячая. Горячая и чистая... Какъ огнемъ, опалила ты меня.

Теперь Липочка какъ-то обмякла и смутилась. Она опять согнулась и положила локти на край его кровати.

— Ты думаешь, я не знаю тебя. Я знаю. Вѣдь не для себя ты тутъ мѣшаешься, для людей, чистая душа... Есть же люди на свѣтѣ...—Только не Тюленемъ зовутъ его у насъ,—неожиданно закончилъ онъ. — Не Тюленемъ, а Кучей. Большой онъ, Поповъ-то, какъ куча... Кучей и зовутъ, хе-хе-хе...

Онъ засмѣялся слабо и рѣзковато, какъ звенитъ стекло въ окнѣ, когда на улицѣ трещатъ колеса, и это было такъ неожиданно, что напряженіе Липочкино сразу прорвалось. Она быстро встала и, ничего не говоря, вышла изъ палаты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Политическое обозрѣніе.

Разговоры о мирѣ.

Преобладающее вліяніе, которое со времени революціи пріобрѣли въ Россіи различныя соціалистическія партіи, не замедлило сказаться и на международныхъ отношеніяхъ. При старомъ порядкѣ была извѣстная двусмысленность въ положеніи реакціонной Россіи, вынужденной ходомъ событій сражаться за возвышенныя начала свободы и права въ тѣсномъ союзѣ съ наиболѣе передовыми странами міра. Разсуждая логически, естественно было думать, что крушеніе царскаго самодержавія должно было бы уничтожить эту двусмысленность. Казалось очевиднымъ, что освобожденная Россія еще тѣснѣе объединится съ демократіями Англіи и Франціи, и что великая борьба державъ согласія противъ союза реакціонныхъ монархій центральной Европы пойдетъ съ удвоенной энергіей. Можно было надѣяться, что благодаря этому къ осени 1917 года почетный и прочный миръ будетъ обезпеченъ.

Но случилось иначе. Случилось такъ, что господствовавшія въ нашемъ соціализмѣ интернаціоналистическія настроенія стали сильнѣйшимъ образомъ давить на внѣшнюю политику революціонной Россіи, и что прежняя двусмысленность смѣнилась новою. До революціи царская Россія была чужой въ станѣ свободныхъ націй, возставшихъ противъ германскаго милитаризма. Послѣ революціи Россія, руководимая соціалистами-интернаціоналистами, опять оказалась чужой среди „буржуазныхъ“ демократій Европы и Америки. Вмѣсто объединенія получилось сугубое разобщеніе. Война не выиграла, а проиграла отъ русской революціи. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, пока Россіей управляло Временное Правительство буржуазнаго состава, а провѣдью интернаціонализма занимался Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, открытыхъ недоразумѣній между Россіей и союзниками не возникало. Но когда первое коалиціонное Правительство, подъ давленіемъ Совѣта, усвоило циммервальдовскую формулу мира „безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ“, эти недоразумѣнія вышли наружу и вскорѣ обострились до крайности.

Постепенно Россія вышла изъ международнаго оборота, какъ политическій факторъ и какъ военная сила. Мы „оторвались“ отъ союзниковъ обоими флангами нашего общественно-политическаго строя. Значительно ухудшились офиціальныя отношенія между Временнымъ Правительствомъ и правительствами союзныхъ державъ. Съ другой стороны, обнаружились серьезныя разногласія и между нашими соціалистическими партіями и союзными соціалистами. Въ то время, какъ наши соціалисты насквозь пропитаны духомъ интернаціонализма и больше всего озабочены возсозданіемъ „Интернаціонала“, соціалисты союзныхъ странъ твердо стоятъ на національной почвѣ и посвящаютъ всѣ свои силы дѣлу обороны отечества. Несмотря на неоднократныя попытки понять другъ друга и сговориться, это расхожденіе двухъ теченій соціалистической мысли и политики такъ и осталось неустраненнымъ. Упадокъ политическаго значенія революціонной Россіи сопровождался совершеннымъ разстройствомъ нашей арміи. Дезорганизованная и отравленная ядомъ большевистской пропаганды, русская армія почти утратила характеръ реальной боевой силы. Въ началѣ революціи вожди „революціонной демократіи“ гордо заявляли, что свобод-

ная Россія займетъ первое мѣсто среди народовъ міра. Вѣра въ это основывалась на убѣжденіи, что русская революція потрясетъ до основанія ветхій буржуазный правопорядокъ, и что всѣ народы признаютъ въ русскихъ революціонерахъ своихъ учителей и руководителей. Суровая дѣйствительность обманула эти ожиданія. „Буржуазный" міръ остался на мѣстѣ, а революціонная Россія оказалась отодвинутой въ самый задній и темный уголъ зданія международнаго общенія.

Германское правительство очень внимательно слѣдило за этими превратностями русской политики. Можно думать, что уже около года тому назадъ серьезные германскіе политическіе дѣятели поняли невозможность рѣшительной побѣды надъ всѣми союзниками и „цѣлокупнаго" осуществленія въ одинъ пріемъ имперіалистской программы-максимумъ. Съ тѣхъ поръ въ Германіи всесторонне обсуждаются и пользуются поочередно успѣхомъ двѣ мирныхъ программы: сепаратный миръ съ Россіей въ ущербъ нашимъ западнымъ союзникамъ и миръ съ Англіей и Франціей за счетъ Россіи. Въ первые мѣсяцы революціи Германія несомнѣнно склонялась къ идеѣ сепаратнаго мира съ Россіей. Она возлагала большія надежды на тактику нашихъ большевиковъ, на своихъ соціалъ-демократовъ и на формулу „безъ аннексій и контрибуцій" и даже пыталась одно время черезъ главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ войти въ переговоры съ нашими военными властями и организаціями.

Но у Россіи хватило проницательности, чтобы понять, что сепаратный миръ надолго отдалъ бы насъ въ германскую кабалу, и мужества, чтобы рѣшительно отвергнуть всѣ провокаціонныя предложенія. Тогда Германія перемѣнила фронтъ и начала „вентилировать" программу мира „за счетъ Россіи". Въ едва замаскированной, приличія ради, формѣ Германія говорила по адресу Англіи и Франціи:

„Вы видите, что на Россію вамъ больше разсчитывать нечего. Бросьте же этотъ баластъ, стѣсняющій ваши движенія. Давайте, договоримся другъ съ другомъ мы, сильныя, жизнеспособныя государства. Изъ дряблаго утратившаго волю къ самозащитѣ организма Россіи можно будетъ нарѣзать сколько угодно жирныхъ „компенсацій", которыхъ хватитъ на всѣхъ. Благо, выкинутые самими русскими фантастическіе лозунги позволяютъ произвести эту операцію съ соблюденіемъ всего „революціонно-демократическаго" этикета. Такой приблизительно смыслъ имѣла въ частности и августовская нота папы Бенедикта XV. Предлагая воюющимъ начать разговаривать о мирѣ, римскій первосвященникъ не упоминалъ о Россіи и русскихъ интересахъ. Онъ, видимо, мыслилъ Россію не „субъектомъ", а „объектомъ" мирныхъ переговоровъ.

Проекты мира за счетъ Россіи, откровенно поставленные на очередь германской дипломатіей, были безъ колебаній отвергнуты нашими союзниками. Здѣсь сыграли свою роль и свойственное культурнымъ націямъ уваженіе къ принципамъ нравственности и права въ международныхъ отношеніяхъ, и простѣйшія соображенія политической выгоды. Союзники не имѣютъ пока основаній признать себя побѣжденными хотя бы наполовину. А для нихъ совершенно ясно, что миръ, который усилилъ бы Германію на востокѣ, былъ бы равнозначащъ частичному ихъ пораженію. Поэтому они предпочитаютъ продолжать войну, тѣмъ болѣе, что къ веснѣ должна дать себя почувствовать могущественная помощь Америки.

Напротивъ, въ Россіи германскія интриги не вызвали опредѣленнаго къ себѣ отношенія. Поглощенные внутренними междоусобіями и партійными дрязгами, вожди революціонной Россіи обнаруживаютъ какое-то поразительное безразличіе къ международнымъ судьбамъ отечества. Про обывателя и говорить нечего. Сбитый съ толку революціонной словесностью, онъ давно уже „обѣими руками" отдалъ Германіи Ригу и Вильну и всецѣло озабоченъ продовольствіемъ. Въ этомъ широко у насъ распространенномъ настроеніи и кроется самая грозная для насъ опасность разговоровъ о мирѣ. Да, конечно, союзники мира за нашъ счетъ сознательно и планомѣрно не заключатъ. Но, когда мы окончательно выйдемъ изъ войны и перестанемъ быть союзниками нашихъ союзниковъ, миръ самъ собой заключится за нашъ счетъ. У насъ отрѣжутъ и Прибалтійскій край, и Бессарабію, и Литву и вторую половину Сахалина, и сдѣлаютъ это „безъ аннексій" на точномъ основаніи „самоопредѣленія народовъ"...

Проф. К. Соколовъ.

Президіумъ Демократическаго Совѣщанія.

Сидятъ: *Чхеидзе, Авксентьевъ, московскій городской голова Рудневъ, петроградскій городской голова Шрейдеръ*
Стоятъ: *Каменевъ, Нагинъ, Мдивани, Гоцъ, Беркенгеймъ, Милютинъ, Исаевъ, Филипповскій, Церетели, Сорокинъ, Григорьевъ, Войтинскій, Знаменскій, Кольцовъ.* По фот. Петра. Оцупа.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Способы дѣйствій Германіи при современномъ состояніи боевой обстановки.

Наступленіе осенняго періода войны заставляетъ обѣ стороны подводить итоги достигнутыхъ результатовъ и дѣлать оцѣнку общаго боевого положенія на различныхъ фронтахъ, въ зависимости отъ достигнутыхъ передъ этимъ успѣховъ или постигшихъ ихъ неудачъ.

Такъ случается и теперь, передъ началомъ четвертой осенней кампаніи, когда наша, союзная намъ, а также и германская пресса даютъ отчетъ на вышеуказанный вопросъ. Наибольшее вниманіе заинтересованныхъ сторонъ обращено, конечно, въ настоящее время на русскую армію, по боевому настроенію которой стараются разгадать будущія побѣды или пораженія.

Указывая на нѣкоторыя слѣдствія русской революціи, англійская печать тѣмъ не менѣе полагаетъ, что не наступило еще время „отчаиваться въ Россіи и русской арміи". Воинскій духъ Россіи еще силенъ. Онъ проявляется въ различныхъ мѣстахъ героическими подвигами. Непріятель даже и сейчасъ, по мнѣнію англичанъ, сознается въ этомъ, такъ какъ русская армія удерживаетъ на своемъ фронтѣ около 100 германскихъ дивизій, не считая австрійцевъ, болгаръ и турокъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на эту тревогу нашихъ союзниковъ, вселившую въ нѣкоторой части иностранной печати сомнѣнія въ возможность дальнѣйшаго выполненія нами союзныхъ обязательствъ, бюро печати при штабѣ верховнаго главнокомандующаго сочло необходимымъ выступить съ заявленіемъ о томъ, что наши арміи „могутъ и будутъ" продолжать борьбу. Попытки нѣмцевъ воспользоваться нашей временной слабостью, нашей болѣзнью, и дробить наши моральныя силы съ тѣмъ, чтобы внести полную дезорганизацію, не удались и не удадутся.

Уже прошло болѣе шести съ половиною мѣсяцевъ со дня начала революціи, а наша армія въ ея цѣломъ все также продолжаетъ,—говоритъ Ставка,—удерживать на нашемъ фронтѣ противника, какъ и раньше, при чемъ за это время силы его не только не уменьшились, а, наоборотъ, до сихъ поръ увеличивались. Преодолѣвая всѣ трудности и невзгоды, присущій нашимъ войскамъ духъ, а съ нимъ и упорство, какъ показали послѣдніе бои на сѣверномъ фронтѣ, уже повышаются, и это даетъ надежду нашему верховному командованію на возможное и окончательное выздоровленіе арміи въ недалекомъ будущемъ.

Гинденбургъ,—говорятъ англичане,—не довѣряетъ русскимъ. Онъ недоволенъ происходящими на русскомъ фронтѣ событіями, не позволяющими ему развить свой успѣхъ до рѣшительныхъ размѣровъ. Указывая на то, что въ распоряженіи Россіи имѣется еще вся зима для реорганизаціи арміи, англійская печать призываетъ союзниковъ оказать помощь послѣдней.

Оцѣнивая современную боевую обстановку на фронтѣ, отмѣченные выше источники, а также и германская печать сходятся, въ общемъ, на одномъ и томъ же предположеніи, что наступившее нѣкоторое затишье не даетъ основанія предполагать объ отказѣ фельдмаршала Гинденбурга отъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій на восточномъ фронтѣ.

„Послѣ Риги и Якобштадта будутъ предприняты дальнѣйшія частныя наступательныя операціи противъ русскихъ армій",—опредѣленно заявляютъ нѣкоторые органы нѣмецкой печати, когда они стараются разобраться, при настоящемъ положеніи вещей, въ томъ вопросѣ, что должна дѣлать въ дальнѣйшемъ Германія, послѣ того, какъ ей не удалось достигнуть конечныхъ результатовъ въ теченіе трехъ лѣтъ войны. Нѣмцы теперь уже поняли, что послѣ битвы на Марнѣ въ 1914 году имъ приходится теперь довольствоваться наступательными операціями, преслѣдующими лишь ограниченныя цѣли, и они согласились съ неизбѣжностью того факта, что болѣе широкая инициатива принадлежитъ сейчасъ не имъ, а ихъ противникамъ.

Считая, что тактика преслѣдованія ограниченныхъ цѣлей можетъ для Германіи еще дать рядъ обязательныхъ преимуществъ, фельдмаршалъ Гинденбургъ рѣшилъ примѣнить ее преимущественно противъ русскихъ.

Соглашается, повидимому, съ этой точкой зрѣнія и наша Ставка, которая, исходя изъ вышеуказанныхъ предположеній, говоритъ, что число германскихъ боевыхъ единицъ на нашемъ фронтѣ нѣсколько увеличилось. Это увеличеніе нѣмцы постараются использовать на томъ или иномъ участкѣ нашего фронта. Отмѣчая господство германскаго флота на всемъ Балтійскомъ морѣ, за исключеніемъ обороняемыхъ русскими моряками заливовъ Финляндскаго, Рижскаго и Ботническаго, наше верховное командованіе не исключаетъ возможности комбинированнаго способа дѣйствій нѣмецкихъ армій съ флотомъ.

Союзники относятся болѣе осторожно къ ближайшимъ перспективамъ на сѣверномъ русскомъ фронтѣ и, находя, что періодъ для наступательныхъ операцій уже кончается, думаютъ, что германцы не предпримутъ дальнѣйшаго наступленія, кромѣ, быть-можетъ, у Якобштадтъ-Двинскаго района. Союзники наши высказываютъ даже предположеніе, что Германія въ теченіе зимы можетъ перебросить 25 или 35 дивизій съ востока на западъ, такъ какъ на послѣднемъ фронтѣ потери нѣмцевъ страшно велики и за послѣдній годъ превышаютъ все то, что потеряли они съ самаго начала войны.

Несмотря на не вполнѣ благопріятные выводы относительно общаго положенія германской арміи, послѣдняя разжигается при каждомъ удобномъ случаѣ для дальнѣйшей активной борьбы. За примѣрами ходить далеко не приходится. Обратимся только къ тому, что происходитъ за послѣднее время внутри Германіи.

Германія переживаетъ сейчасъ юбилейные дни, празднуя 70-ю годовщину рожденія фельдмаршала Гинденбурга. По этому случаю по всей странѣ происходятъ патріотическія манифестаціи, связанныя „съ чествованіемъ имени одного изъ величайшихъ полководцевъ всемірной исторіи".

Подыгрываясь подъ общій тонъ политическаго настроенія и дѣлая кивокъ въ сторону Россіи, германская печать заявляетъ, что Гинденбургъ „дорогъ народу не какъ завоеватель, а какъ освободитель Восточной Пруссіи", и германскій народъ чтитъ въ немъ „символъ оборонительной, а не завоевательной войны".

Возвышенный тонъ хвалебныхъ гимновъ Гинденбургу, раздающихся на столбцахъ нѣмецкой печати, является характернымъ признакомъ для обрисовки воинственнаго пыла германскаго населенія, которое еще не остыло въ своемъ энтузіазмѣ, невзирая на четвертый годъ тяжелой войны.

Увѣренность германскаго народа въ конечной побѣдѣ надъ врагомъ сосредоточилась исключительно на единоличной фигурѣ Гинденбурга, затмившей въ данномъ случаѣ и императора Вильгельма.

„Отъ Сѣвернаго и Балтійскаго до Средиземнаго и Чернаго морей, отъ Фландріи и Вогезовъ до Двины и Дуная и отъ Палестинскихъ и Месопотамскихъ равнинъ до снѣжныхъ хребтовъ Кавказа,—торжественно заявляетъ одна изъ нѣмецкихъ газетъ,—всюду простирается руководство Гинденбурга и его непосредственное воздѣйствіе".

Прикрываясь „символами оборонительной войны", германская печать, увлекаясь въ изслѣдованіи своихъ успѣховъ подъ Якобштадтомъ, беззастѣнчиво говоритъ, что нѣмецкое наступленіе противъ этого важнѣйшаго предмостнаго укрѣпленія было столь мощно подготовлено и столь стремительно проведено, что русскіе должны были съ величайшей поспѣшностью очистить пространство въ 35 километровъ въ ширину и 12 въ глубину, оставивъ при этомъ 3.000 плѣнныхъ и много орудій. Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ нѣмецкая газета,—побѣда подъ Якобштадтомъ является новымъ успѣхомъ германскаго оружія, и русскимъ придется подумать о созданіи болѣе сильныхъ препятствій германскому натиску.

Кромѣ изложеннаго нѣмецкая пресса заявляетъ, что русскіе двѣ недѣли подозрѣвали, что въ районѣ Якобштадтскихъ позицій что-то готовится, но нѣмецкій ударъ послѣдовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ русскіе его менѣе всего ожидали.

По словамъ нѣмецкихъ источниковъ, атака на Якобштадтъ началась въ ночь на 9-е сентября, а утромъ прусскій полкъ вошелъ въ городъ. Такимъ образомъ еще разъ подтвердилась старая поговорка,—восклицаютъ поклонники *оборонительныхъ* символовъ: „кто рискуетъ, тотъ выигрываетъ!"

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ" книги 8-9. и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 9.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 39

XLVIII г. изданія

Выданъ 30 сентября 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 8 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. М. Горькаго.", кн. 6.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.

Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ Банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5^3/_4$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

Библіографія.

Б. Верхоустинскій. Разсказы. Книгоиздательство „Задруга“. Москва. 1917. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Война и участіе въ ней оживили перо Б. Верхоустинскаго новыми темами.

Небольшой сборникъ его разсказовъ даетъ яркія картины быта внѣ нормъ обыкновеннаго человѣческаго общежитія.

Особенный интересъ представляетъ разсказъ „Подземный корабль“; въ немъ прекрасно передано всезахватывающее чувство риска, заставляющее забывать опасности, которыя окружаютъ со всѣхъ сторонъ и нависаютъ надъ головой, какъ Дамокловъ мечъ. Слабъ разсказъ „Новгородщина“, въ которомъ писатель пытается принять несвойственный ему тонъ толстовскаго морализированія. Недуренъ, хотя и наивенъ, „Бунтъ“; въ немъ есть живые образы и художественныя картины, какъ, напримѣръ, картина бунта рабочихъ, требующихъ выпивки.

Художественно выдержанъ и чаруетъ мягкими тонами творчества разсказъ „Солдатъ“, гдѣ инвалидъ, возвращающійся домой, радостно встрѣченъ домашними, не чаявшими увидать его. Принесъ онъ гостинцы, которые принимаются только послѣ опроса: „А не съ мертваго?“ Принесъ ежа маленькой сестренкѣ, которая презрительно бросаетъ такой подарокъ: много ихъ водится, не новость. Принесъ и кольцо любимой дѣвушкѣ, о которой спрашиваетъ съ дрожаніемъ въ голосѣ. Но и дѣвица отшвырнула кольцо, а на слѣдующій день солдатъ говоритъ ужъ: „Уйду я. Больно тихо у васъ, силу подѣвать некуда“. Просьбы матери на него не дѣйствуютъ. Эта послѣдняя картина, какъ и въ самомъ началѣ разсказа вспыхнувшее у солдата чувство родины по мѣрѣ его приближенія къ ней, прямо-таки художественно переданы. Хороша и стилизація подъ старинныя повѣсти: „Молодикъ и Дикомыть“.

А. Грушецкій. «Обреченные» (Гутникъ). Повѣсть. Переводъ съ польскаго Е. и И. Леонтьевыхъ. Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ. 1917. Цѣна 2 рубля.

Повѣсть Грушецкаго изъ жизни гутниковъ — работниковъ цинкоплавильнаго завода—представляетъ интересъ, какъ картина быта малоизвѣстнаго, имѣющаго свои специфическія особенности. Среди этихъ людей, обреченныхъ на смерть самымъ характеромъ своей работы, писатель находитъ гордое сознаніе профессіональной чести. Столкновенія гутниковъ, какъ класса, съ рудокопами и крестьянами даютъ яркія страницы той разрозненности, которая непроходимой стѣной встаетъ между людьми и мѣшаетъ имъ понимать другъ друга. Трагедія семьи Урача въ значительной части своей обязана профессіональной отъединенности.

Марися, — старшая дочь Урача,—полюбившая крестьянина и бѣжавшая съ нимъ, гибнетъ и толкаетъ на гибель своего возлюбленнаго, выхватывая его изъ привычной ему среды, потому что стать крестьянкой она счи-

таетъ унизительнымъ для себя. Зося, — вторая дочь, — оставаясь въ своей средѣ, губитъ себя самымъ характеромъ работы, помимо любовной драмы, переживаемой ею. Уходъ старшаго сына изъ семьи и полный развалъ ея является лишь результатомъ той неприглядной атмосферы, въ которой, надрывая силы до конца, работали люди.

Повѣсть мѣстами растянута, есть неловкіе переходы, невыдержанные тона. Писатель то остается простымъ безстрастнымъ наблюдателемъ, то даетъ искусственно ускоренные скачки повѣствованію. Эти неровности портятъ впечатлѣніе въ отношеніи художественной стороны повѣсти; но въ этомъ повинны и переводчики, своею тщательностью слишкомъ выдвинувшіе слабыя стороны.

С. Юшкевичъ. „Комедія брака“. Книгоиздательство **„Жизнь и Знаніе“**. Петроградъ. 1917. Цѣна 3 рубля.

Знатокъ и тонкій психологъ еврейскаго быта и народно-еврейскихъ характеровъ, С. Юшкевичъ всегда вѣренъ себѣ. Въ его комедіяхъ и драмахъ нѣтъ крикливаго паѳоса, нѣтъ идеализаціи, здѣсь жизнь повторяетъ себя, быть-можетъ, даже со слишкомъ большой точностью, какъ и у всѣхъ писателей-натуралистовъ. Его „Комедія брака“, — первая пьеса въ сборникѣ, — полна жизни и движенія. Сомнѣнія и колебанія чуткаго юноши Миши, его духовное одиночество, трагедія души и самоубійство, какъ выходъ изъ запутавшагося идейнаго узла, переплетается въ пьесѣ С. Юшкевича съ настоящей комедіей нравовъ: мужъ и жена обманываютъ другъ друга и ничего не подозрѣваютъ. Ложь, хитрость, ханжество и нравственная распущенность прекрасно иллюстрируются въ сценѣ у доктора, гдѣ собрались сливки женской аристократіи. А дальше опять трагедія. Слѣпая любовь Ефима Розена къ женѣ, ему измѣняющей, гибель національнаго самосознанія, отравляющая все вокругъ. „Вы ихъ (евреевъ) не любите,—говоритъ Розенъ въ „Комедіи брака“ Гольдману,—я ихъ не люблю и всѣ мы себя не любимъ. Объ этомъ не надо громко говорить, но нечего себя обманывать“... и далѣе: „И если бы евреи какимъ-нибудь чудомъ однажды проснулись не евреями, то они цѣлое столѣтіе ликовали бы“... А вмѣстѣ съ этими глубоко трагическими нотами смѣшная и живая до смѣшного фигура Янкелевича, желающаго вездѣ „заработать свой кусокъ хлѣба“.

Такое сліяніе трагическихъ и комическихъ тоновъ едва ли возможно было бы въ изображеніи писателя другой націи. Эта особенность творчества С. Юшкевича тѣсно связана и съ характеромъ самой націи. Въ такомъ же духѣ написана и комедія „Семья“, гдѣ жажда популярности и широкаго размаха Рафаила Штекера сталкивается со страстью къ деньгамъ его жены, которая постепенно и прибираетъ ихъ къ своимъ рукамъ. „Деньги будутъ цѣлы, деньги будутъ расти. Мы ихъ въ цѣпи закуемъ, чтобы они не ушли отъ насъ. Мы и дѣтямъ не довѣримъ ихъ. Мы ихъ обезпечимъ такъ, чтобы они всегда росли, и весь родъ нашъ будетъ богатѣть“. Понятіе рода заполняетъ все у Полины,—жены Штекера,—и ее не трогаетъ ни отчаяніе обобраннаго мужа, котораго она взяла женской хитростью и кокетствомъ, ни даже угрозы застрѣлиться проигравшаго сына, хотя послѣднему она и вынуждена уступить въ концѣ-концовъ. Это опять-таки черта, свойственная еврейской женщинѣ больше, чѣмъ всякой другой. Обереганіе рода и забота о родѣ—не этимъ ли и жива вся еврейская нація, несмотря ни на что?

Живо и вѣрно изображенъ въ пьесѣ банкирскій еврейскій міръ, особенно во второмъ дѣйствіи, гдѣ всѣ банкиры собираются у Штекера, который во имя популярности даетъ идею союза. Хороша и фигура пустенькой Зиночки, дочки Полины, и примазавшагося къ Штекеру ея жениха, который и среди поцѣлуевъ не устаетъ дѣлать карьеру. Характерна и фигура юноши-кутилы сына Штекера—Миши. Въ общемъ, во всей пьесѣ, сильной идеей, есть и жизнь и движеніе, но порою чувствуется однообразіе тоновъ.

Хороша пьеса „Первый день творенія“, гдѣ комическіе тона выдержаны во всей своей чистотѣ. Слабѣе другихъ пьесъ — „Невѣсты“, — бѣдная содержаніемъ и не впадающая въ карикатуру.

Андрей Сиротининъ. „Съ родныхъ полей. Не свои стихи“. Петроградъ. Цѣна 1 руб. 85 коп.

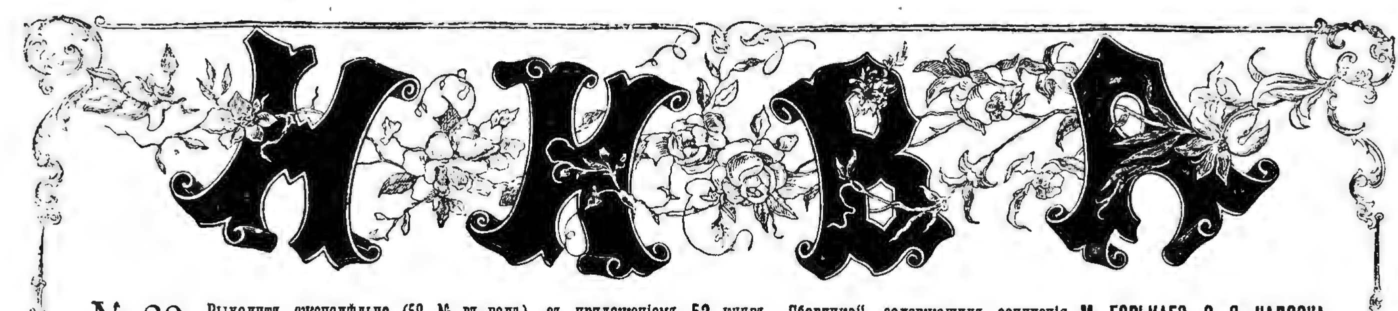
Нѣсколько сентиментальное предисловіе къ этой книгѣ говоритъ о томъ, что авторъ „не претендуетъ на высокое званіе поэта. Это—не свои стихи. Это—переводъ изъ родныхъ намъ славянскихъ писателей“. Претендовать на званіе поэта авторъ дѣйствительно не можетъ. Онъ просто добросовѣстный стихотворецъ, старающійся возможно ближе къ подлиннику передать стихами содержаніе поэтическихъ произведеній польскихъ, славянскихъ, чешскихъ и другихъ поэтовъ. Хорошее, культурное дѣло. Тѣмъ болѣе, что авторъ включилъ въ свою книжку переводы очень маленькихъ славянскихъ народовъ—лужичанъ и кашубовъ, можетъ-быть, совсѣмъ даже неизвѣстныхъ широкой публикѣ. А. Сиротининъ не исключаетъ изъ своей книги и болгарскихъ поэтовъ, такъ какъ онъ вѣритъ, что въ самой глубинѣ паденія души болгарскаго народа „эти стихи расцвѣтаютъ надеждой на возрожденіе“.

„Блаженъ, кто вѣруетъ...“

В. Фриче. Итальянская литература XIX вѣка. Часть первая. Литература эпохи объединенія Италіи (1796—1870 гг.). Съ портретами. Книгоиздательство „Задруга“. Москва. Цѣна 2 рубля.

Трудъ В. Фриче захватываетъ эпоху „національно-освободительнаго движенія, изъ горнила котораго родилась „единая“ и „независимая“ Италія—эпоху Risorgimento“. Эта эпоха характеризуется равнодушіемъ къ эстетикѣ и преобладаніемъ идейности. Передъ нами проходитъ рядъ писателей и поэтовъ Италіи, зажигающихъ творческимъ огнемъ души соотечественниковъ, влекущихъ къ воплощенію идеи въ жизнь, будящихъ самосознаніе. Со всею страстностью, свойственною итальянцамъ, отдаются они своей задачѣ, и слово ихъ—колоколъ, зовущій на сборъ всю страну.

Давая понять о литературномъ характерѣ каждаго изъ главнѣйшихъ писателей освобожденія, передавая вкратцѣ содержаніе наиболѣе замѣчательныхъ произведеній, В. Фриче оказываетъ цѣнную услугу русской литературѣ, обращая ея вниманіе на союзную страну въ моментъ настолько же великаго національнаго подъема. Великія эпохи въ жизни народа будятъ и великія чувства и являются залогомъ великихъ твореній духа. Мы переживаемъ по интенсивности сходную пору, и подобныя параллели, помимо знакомства съ дружественнымъ народомъ, даютъ и поучительный примѣръ. Книга В. Фриче издана съ любовью: хороши портреты, пріятное впечатлѣніе оставляетъ внѣшній видъ книги.



№ 39. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 30 сентября 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14** р., на ½ года—**7** р., на ¼ года—**3** р. **50** к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Невольное.

Разсказъ **Антона Амнуэля.**

(Окончаніе).

VII.

Изъ больницы Малинникъ пріѣхалъ вечеромъ.

Въ тотъ вечеръ на городъ изъ-за далекихъ заволжскихъ лѣсовъ шла гроза—медленно и тяжело двигалась оттуда темно-синяя туча. Казалось, накрывала она городъ глухимъ колпакомъ. Стало тише на улицахъ его, и отъ этого—жутко. Всѣ лица покрылись сѣрой вуалью, къ нимъ приникалъ душный воздухъ и покрывалъ ихъ липкимъ потомъ. Отъ тучи потемнѣли окна домовъ. И только бѣлыя высокія колокольни, точно врѣзанныя въ синеву тучи, казались еще бѣлѣе и выше. Отъ камня домовъ духота падала на улицы—точно невидимая густая вата наполняла ихъ. И создавалось у людей безпричинно раздражительное, тревожное и какое-то зудящее настроеніе.

Гдѣ-то тамъ, за Волгой, гроза уже разразилась, по сосновымъ старымъ лѣсамъ весело и звонко хлесталъ торопливый лѣтній дождь. И порой оттуда приносился вѣтеръ—быстрый, какъ взмахи крыльевъ, и тогда и суетливо, и тревожно, и радостно трепетали листья въ городскихъ запыленныхъ садахъ, и начинало тянуть прелестной влажной свѣжестью, запахомъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ и мокрой сосновой коры.

Та раздражающая тревога, какая была разлита въ воздухѣ, сейчасъ же передалась и нервному Малиннику. Его мысль работала особенно горячо и торопливо, но потому, что духота утомляла его, въ ней были какіе-то перерывы и темные провалы, и это только еще больше взвинчивало и раздражало его. Изъ больницы къ Липочкѣ онъ ѣхалъ на извозчикѣ. Пыль и ослизлый потъ покрывали его лицо. Болѣзненно хотѣлось свѣжести, онъ все думалъ умыться, но не смогъ, и, какъ это бываетъ у нервныхъ людей, это обстоятельство вліяло на характеръ мыслей: онѣ были какъ-то не свѣжи и злы.

Когда онъ пріѣхалъ домой, Липочка, какъ всегда, шила, сидя около открытаго окошка, на которомъ стояла резеда, теперь пахнувшая особенно сильно и остро.

— Ну, вы что, Малинникъ, совсѣмъ?—спросила она.

— Совсѣмъ. Э, чортъ подери, развѣ тамъ можно оставаться!

Старообрядцы у Успенскаго собора. XLV Передвижная выставка 1917 г. *К. Лебедевъ.*

Тамъ съ ума спятишь, — раздраженно отвѣтилъ онъ, сдергивая съ себя пальто и бросая его на кушетку.

— Хотите чаю?

— Какой тамъ къ чорту чай!—Но онъ тотчасъ же поправился:— Благодарю васъ. Не хочу. Вы знаете, старикъ этотъ, Фитовъ, умеръ.

Липочка, набожная и религіозная скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по убѣжденію, только потому, что, какъ и многіе, никогда не задумывалась надъ этимъ, спокойно перекрестилась:

— Царство ему небесное...

Малинникъ, ходившій по комнатѣ, пощипывая бородку, остановился и засмѣялся.

— Неужели Богъ приметъ въ царство небесное такихъ мерзавцевъ... Его и Алексѣя... Кучу...

— А ужъ не знаю...—серьезно отвѣтила Липочка. Прищуривъ глаза и поднявъ вровень съ ними иголку, она продѣвала въ нее нитку.

— Да, что я хотѣлъ сказать. Фу, чортъ...—старался вспомнить Малинникъ, опять принимаясь ходить по комнатѣ и морща брови. — Ахъ, да... провалъ. Форменный провалъ. Арестованы Шероцкій, докторъ Гриммъ, Мирра Гросманъ... и такъ далѣе и такъ далѣе... И, знаете, кажется, вы правы,—такая мерзость,—кажется, все это—работа Алексѣя. Мнѣ говорили еще кой-что о немъ.

Волнуясь и горячась и перебивая себя, онъ сталъ передавать ей то, что узналъ объ Алексѣѣ за послѣдніе дни. Да и Фитовъ не только не отрекся отъ того, что сказалъ Липочкѣ тогда, а, напротивъ, подтвердилъ это и очень спокойно и ясно разсказалъ разныя подробности и, съ помощью именъ, чиселъ и фактовъ, съ очевидной ясностью доказалъ принадлежность Алексѣя къ охранкѣ.

— Что же теперь дѣлать? Какъ быть? — спросилъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ ней.

Она подняла на него глаза, добросовѣстно подумала и отвѣтила опять:

— Не знаю, милый...

— Вотъ и я тоже не знаю,—сознался онъ.

Опять хлестнулъ вѣтеръ. Открытое окошко рванулось и стукнуло. Малинникъ вздрогнулъ.

— Но, вѣдь, надо же что-нибудь дѣлать, чортъ подери. Надо же... Революція лопнула, какъ мыльный пузырь, раздавлена. Теперь, когда у насъ дорогъ каждый часъ и на счету каждый человѣкъ, насъ ловятъ, какъ собакъ на улицѣ, сажаютъ въ тюрьмы, вѣшаютъ. И вдобавокъ — язва, какой-то гнилой рокъ точитъ нашу организацію изнутри, это — публика, въ родѣ Алексѣя. И это самое большое и злое зло.

Надъ потемнѣвшимъ сосѣднимъ садомъ черкнула голубоватая молнія, а потомъ, точно разорвали громадный кусокъ коленкора, рѣзко загремѣлъ громъ. А когда его раскаты затихли, Липочка догадалась, что она не слыхала начала фразы, сказанной Малинникомъ:

— ...вползаютъ къ намъ, и мы смотримъ имъ въ глаза и вѣримъ, какъ товарищамъ, а, въ сущности, не знаемъ, кто они: наши или враги-палачи. И что они дѣлаютъ: создаютъ дѣло, которое мы не можемъ бросить, склеиваютъ его части или раздѣляютъ. И что мы можемъ сдѣлать съ ними, чѣмъ воздать за тѣ веревки, которыя они уже надѣли на шею нашимъ товарищамъ? Тоже веревкой! Вотъ тебѣ и культура высшей марки!.. Ха-ха-ха...

Онъ такъ рѣзко засмѣялся, что Липочка опять посмотрѣла на него. Его глаза блестѣли, на щекахъ были красныя пятна, какъ у чахоточнаго.

„Онъ боленъ“...—подумала она.

Но Малинникъ сразу оборвалъ смѣхъ и сѣлъ на кушетку, на свое смятое, съ вывернутымъ рукавомъ, пальто. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, и лицо его было сосредоточенно и грустно.

Опять загремѣлъ раскатистый громъ, но это не произвело на него никакого впечатлѣнія, точно онъ и не слышалъ.

Въ комнату наливалась та сѣро-синевавая, дымная темнота, когда гроза идетъ передъ вечеромъ.

— Липочка...—тихимъ голосомъ, пугливо и какъ будто моляще позвалъ ее Малинникъ.—Вотъ вы посторонній человѣкъ, простой и хорошій... И вотъ вы скажите мнѣ, пожалуйста, Липочка, можно убивать? Я знаю, что вообще нельзя... Это нехорошо, безчеловѣчно, мое дѣло и партія воспрещаетъ мнѣ это, мой душевный складъ, интеллигентность, убѣжденія—тоже. Но,—помимо всего этого, можно или нѣтъ? Въ оборонѣ? Когда стоишь въ такомъ тупикѣ: или убей, или пропадетъ въ жизни все то высокое, чему ты служишь, и твои убѣжденія и твоя интеллигентность. Что тогда: можно?

Съ первыхъ словъ его Липочка слѣдила за сплетеніемъ его неясной, безсвязной и утомленной мысли съ большимъ вниманіемъ и все-таки не могла уловить въ ней ни твердости ни послѣдовательности. Она только угадывала внутреннюю послѣдовательность ея и чувствовала это. И лишь только тогда, когда онъ сказалъ о тупикѣ, все сразу быстро поняла, продумала и рѣшила.

Въ это время пошелъ дождь. Первыя капли его упали незамѣченными, а потомъ онъ хлынулъ широкошумно, со звономъ и съ такой силой, что брызги отъ него попали на подоконникъ. Пахнуло свѣжестью, стало легко и какъ будто даже чище.

— Слушайте, Малинникъ, — вдругъ рѣшительно сказала Липочка.—Завтра

Послѣ благополучнаго подряда. *А. Корзухинъ.*

Совѣщаніе съ боярыней. XLV Передвижная выставка 1917 г. *К. Лебедевъ.*

за Дѣвичьимъ монастыремъ ярмарка. Постарайтесь тамъ быть съ Алексѣемъ въ восемь часовъ. Завтра я вамъ все разскажу. А теперь ступайте спать. Подъ дождь хорошо спится.

VIII.

Липочка не могла передать Малиннику свой планъ. Сдѣлать это ей не позволяла какая-то внутренняя неловкость, стыдливость, какая бываетъ у людей, когда имъ предстоитъ дѣло, которое непремѣнно будетъ сдѣлано, но говорить о которомъ все-таки не принято. Ея планъ былъ очень простъ и страшенъ. И она чувствовала, что, если передастъ его Малиннику, то онъ будетъ возражать и не согласится. Но Липочка понимала, что онъ, этотъ планъ, является только послѣдствіемъ рѣчей Малинника и естественно вытекаетъ изъ нихъ, какъ единственный выводъ. Какъ только этотъ планъ пришелъ ей въ голову и она поняла, почему онъ пришелъ, Липочка твердо рѣшила осуществить его, чего бы это ей ни стоило. И молчала она еще потому, что знала: Малинникъ только будетъ мѣшать ей, и потому, что это должно непремѣнно случиться, ибо выхода изъ тупика, о которомъ онъ говорилъ ей вчера, нѣтъ.

Съ утра она, какъ всегда, спокойно и дѣловито, принялась за стряпню, за уборку комнатъ, за шитье, и все было обычно. Она почти не думала о томъ, что̀ должно случиться вечеромъ, и была спокойна. Но гдѣ-то въ груди временами она ощущала присутствіе чего-то противно-холодноватаго и нуднаго, точно тамъ лежалъ кусочекъ льда, и когда думала объ этомъ, то у нея поднималось ощущеніе физической тошноты. Но она сейчасъ же подавляла это чувство и продолжала работать.

Послѣ обѣда, около пяти, Малинникъ сталъ собираться. Когда изъ сосѣдней комнаты Липочка услыхала, что онъ снимаетъ цѣпочку съ двери, она вышла къ нему въ прихожую. Онъ сбоку увидалъ, что она подходитъ къ нему, но почему-то сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, наклонился надъ застрявшей въ петлѣ цѣпочкой и сталъ торопливо выдергивать ее. И у Липочки мелькнула мысль, что онъ убѣгаетъ отъ нея. Она нѣсколько секундъ внимательно смотрѣла на него, а потомъ подошла и спокойнымъ, увѣреннымъ движеніемъ хозяйки помогла ему. Даже пріотворила дверь и спросила:

— Уже уходите?

— Да, пора, знаете...—какъ-то неопредѣленно и смущенно отвѣтилъ онъ.

— Но придете?

— Куда?

— На ярмарку, съ Алексѣемъ?

— Слушайте, Липочка,—сказалъ онъ вдругъ такъ порывисто, точно рѣшиться говорить стоило ему большого труда.—Что̀ вы задумали? Что̀ вы хотите?

Она не отвѣтила.

— Я не могу... Вы Богъ знаетъ, что̀ придумали. Это недопустимо...

— Но надо.

— Что̀ надо?

— Ну, не надо,—снисходительно, точно ребенку, улыбнувшись, отвѣтила она.—Не надо, чтобы Алексѣй продолжалъ свои художества.

— Но при чемъ вы тутъ? Мы—обреченные. Мы отданы дѣлу. Но вы—посторонній человѣкъ, женщина, мать...

Она перебила его, положивъ ему руку на лопатку и мягко выпроваживая въ сѣни.

— Ну, ступайте, ступайте... Часа черезъ два приходите прямо на ярмарку, съ Алексѣемъ. Всего хорошаго!

И по тому, какъ онъ покорно вышелъ и ничего больше не сталъ говорить, она поняла, что онъ сдѣлаетъ такъ, какъ она хочетъ, и придетъ. Захлопнула дверь и отошла.

И тотъ часъ, который она провела послѣ его ухода, и особенно первыя минуты его были одними изъ самыхъ памятныхъ и страшныхъ въ ея жизни. Она была одна. Двѣ дѣвочки ея ушли, а старшая, Оля, худенькая и блѣдная до прозрачности, сидѣла около окошка, забравшись на стулъ съ ногами, и внимательно читала книжку, беззвучно шевеля губами. Въ квартирѣ было тихо,—та особенная тишина заполняла ее, какая царитъ въ пустой квартирѣ лѣтомъ, передъ вечеромъ, послѣ душнаго дня, когда всѣ вещи кажутся чужими, неизвѣстно для чего предназначенными, когда изъ открытаго окна пахнетъ уличной пылью, слышенъ дребезжащій стукъ пролетки, далекій гулъ трамвая, а въ верхнемъ стеклѣ съ мучительной назойливостью звенитъ громадная муха.

Теперь уже несдерживаемый, откровенный страхъ охватилъ

Поэтъ-футуристъ. *И. Рѣпинъ.*
XLV Передвижная выставка 1917 г.

Липочку. Ей трудно было дышать отъ гулкаго стука сердца, ощущеніе противнаго холода внутри стало яснѣе. Било въ виски, и когда она приложила къ нимъ пальцы, то почувствовала, какъ холодны, мертвы концы ихъ. Ей захотѣлось лечь и полежать спокойно. Но надо было итти. Она сцѣпила зубы.

— Мама, ты гдѣ?—крикнула Оля.—Здѣсь?

— Здѣсь, дѣвочка,—отвѣтила она изъ прихожей и замѣтила въ ласковости голоса своего хриплыя, невѣрныя нотки.—Хочешь, пойдемъ на ярмарку?

— Пойдемъ,—оживленно согласилась дѣвочка.

— Тогда одѣвайся, собирайся... Надѣнь голубенькое платьице.

Она слышала, какъ Оля слѣзла со стула, а сама вошла въ комнату Малинника. Въ ней не открывали оконъ, и было душно. И отъ духоты сильнѣе стало стучать сердце. Нудная, большая муха звенѣла, оказалось, именно тутъ. Малинникъ лежалъ передъ уходомъ, смялъ подушку, на сдвинутомъ одѣялѣ валялась развернутая новая книжка „Сборника Знанія". На столѣ бѣлѣли крошки хлѣба, стояла тарелка, измазанная красными пятнами съѣденныхъ ягодъ, а около лежала наполовину недокуренная папироса, отъ которой, казалось, на всю комнату пахло остывшей гарью табака. Эти вещи почти пугали Липочку, какъ живые свидѣтели. Отъ закрытыхъ оконъ тишина была глуше, тяжелѣе. Липочка пошла въ уголъ, гдѣ стоялъ чемоданъ, съ пугливой, сторожкой медлительностью, точно боялась нарушить ее.

— Мама!—опять крикнула Оля.—А можно бѣлое платьице надѣть?

— Можно, можно...—громко отвѣтила Липочка, вздрогнувъ, точно ее внезапно уличили, густо покраснѣла, и потомъ уже дѣлала все торопливо, безъ всякой предосторожности; ставъ передъ чемоданомъ на колѣни, открыла его, оцарапавъ палецъ металлической застежкой, быстро перебрала бѣлье, достала со дна тѣ два револьвера, которые при обыскѣ бросила въ ведро, и спрятала ихъ въ ридикюль, принесенный изъ прихожей. А когда опять вышла изъ комнаты, то почувствовала, что щеки у нея горятъ и подъ глазами вспухло, точно послѣ сна или слезъ.

IX.

Всѣ ея дальнѣйшія дѣйствія отмѣчены были печатью особой твердости и какой-то несвойственной ей жестокости.

Она одѣлась въ новый костюмъ, слегка напудрилась и подвела глаза, срывистыми движеніями поправила и одергала на дочкѣ платье, а потомъ, когда садилась въ трамвай, втащила ее за собой на площадку за руку, точно вещь. Ѣхала она молча и не отвѣчала на тѣ многочисленные, милые и нелѣпые вопросы, какіе обыкновенно задаютъ дѣти, когда ѣдутъ и все разсматриваютъ. Оля стояла на скамейкѣ вагона и смотрѣла въ окно.

Ярмарка была въ полѣ, за послѣдней остановкой вагона, за бѣлыми стѣнами стараго и тихаго Дѣвичьяго монастыря. Недалеко отъ овраговъ, прямо по сѣро-зеленому запыленному лугу были раскинуты палатки съ товаромъ,—со сластями, съ игрушками; въ другихъ продавали лимонадъ и жарили оладьи—и запахъ горѣлаго масла носился надъ ярмаркой. Дальше, окруженныя густой темной толпой, гудѣли карусели, и звонкоголосый зазывальщикъ метался на пестро раскрашенномъ балконѣ балагана. Уже уставшіе обыватели бродили между палатокъ, лѣниво разглядывая пестрый товаръ, чиновницы съ запыленными лицами, въ безвкусныхъ шляпкахъ, съѣжавшихъ набокъ, тащили за собой дѣтей,—а дѣти плакали, ѣли скверные пряники или пронзительно верещали свистульками.

Липочка вошла въ эту толпу такъ, точно врѣзалась въ нее, совершенно равнодушная, почти даже враждебная ей. Она шла прямо, не сторонилась и не обращала вниманія на то, что̀ говорила ей Оля, начинавшая уже капризничать. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что обыкновенно къ дѣтишкамъ своимъ Липочка относилась очень внимательно и любовно. Ея припудренное лицо, съ подведенными глазами и полными, алыми отъ краски губами, было неподвижно и черство, какъ у куклы.

— Кукленка въ ванночкѣ хочу...—уже плаксиво тянула около нея Олечка, кривя губы.—Купишь кукленка, мамочка?

— Нѣтъ...—отвѣтила Липочка такимъ тономъ, точно нарочно хотѣла раздразнить дѣвочку.

— Ну, такъ домой пойдемъ. Пойдемъ домой!

— Никуда мы не пойдемъ. Отстань.

И дѣвочка отвернулась отъ матери, лѣниво потащилась за ней, поднимая пыль башмачками.

Выраженіе застывшей жестокости пропало у нея только тогда, когда она увидала Алексѣя и Малинника. Они шли ей навстрѣчу. Она сдѣлала какое-то усиліе, что-то какъ будто хрупнуло и сломалось въ ея лицѣ, и оно стало привѣтливо и ласково. Выраженіе куклы пропало. Она улыбалась и кивала имъ головой. И тогда алыя губы и темные глаза подъ вуалеткой пріобрѣли особый смыслъ кокетливаго соблазнительнаго вызова.

Малинникъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но она, здороваясь, заговорила съ нимъ такъ, будто не замѣтила этого. Въ ея движеніяхъ была волнующая нервность женщины, которая чѣмъ-то возбуждена и опьянена этимъ своимъ возбужденіемъ и хочетъ передать его другимъ и плѣнить имъ.

— Оля капризничаетъ,—сказала она Малиннику.—Пожалуйста, отвезите ее домой.

— А вы?—спросилъ онъ, внимательно глядя на нее и стараясь угадать, что̀ съ ней происходитъ.

— А мнѣ хочется еще побыть здѣсь. Вы будете моимъ кавалеромъ?—шутливо спросила она Тюленя, и въ голосѣ ея зазвучали какія-то новыя, откровенно кокетливыя нотки.—Мнѣ хочется побродить съ вами.

— Можно,—согласился онъ съ той спокойной снисходительностью большого человѣка, съ какой онъ всегда старался держаться, чтобы оттѣнить свое незлобіе и добродушіе.

— Ну и великолѣпно. До свиданья. Мы придемъ черезъ часъ.

Малинникъ взялъ Олю за руку. Они разстались.

— Что̀ это у васъ за фантазія сегодня?—спросилъ Алексѣй, когда они отошли.

— А развѣ у меня не можетъ быть фантазій?—вмѣсто отвѣта тоже спросила она, заглядывая на него снизу загадочно-блестящимъ и смѣющимся взглядомъ темныхъ подъ вуалью глазъ.—Но я вамъ докажу, что это не фантазія, а очень, очень серьезно.

Было въ тонѣ ея что-то такое, что̀ вызвало въ его выпуклыхъ глазахъ сторожкій, внимательный огонекъ. Но она опять засмѣялась.

— Вы ужасно... недогадливы, Алексѣй. Вы—прямой тюлень. Но у меня сегодня, правда, особенное настроеніе. Мнѣ хочется побродить, побыть среди зелени... Мы пойдемъ съ вами туда, гдѣ, „шествуя, сыплетъ цвѣтами весна". А пока будемъ кутить. Давайте, я возьму васъ подъ руку.

Она быстрымъ и ловкимъ движеніемъ просунула ему подъ локоть свою лѣвую руку, а правой стала подбирать юбку. Въ ея движеніяхъ, въ ея походкѣ была теперь какая-то упругая, стремительная легкость. Она прижималась къ его плечу, и на его лицѣ появилось скрытое еще, размягчающее черты, специфически мужское выраженіе.

„Одинъ звѣрь засыпаетъ,—подумала Липочка,—а другой пробуждается".

X.

Около палатки, въ которой продавали квасъ, за столикомъ, обставленнымъ въ видѣ бесѣдки срубленными березками, отъ которыхъ пахло вѣникомъ и пылью, они долго пили какую-то мутноватую и кислую воду, непрерывно болтая, и вышли только тогда, когда ярмарка стала уже утихать.

Пыль, отяжелѣвшая къ вечеру, осѣдала и отъ заходящаго солнца розовѣла, какъ вата. Стало видно широкое, синее съ

мелкими облачками небо, такое, какимъ его пишутъ на иконахъ, а на немъ—студенисто-полупрозрачный полукругъ луны. Большой барабанъ, весь день гудѣвшій на карусели, сталъ звучать глуше, будто отдалился.

— Куда же мы пойдемъ?—спросилъ Алексѣй, догоняя Липочку, и уже смѣлымъ, увѣреннымъ движеніемъ взялъ ее подъ руку.

Пока онъ расплачивался, она отошла впередъ на нѣсколько шаговъ, и теперь онъ догонялъ ее.

— Куда? Пойдемъ туда, куда влечетъ меня невѣдомая сила,— улыбнулась она, слегка переступая, чтобы итти съ нимъ въ ногу.

Они вышли за черту ярмарки и по узкой дорожкѣ стали спускаться въ широкій оврагъ, поросшій молодымъ березнякомъ и какими-то кустами. Тутъ было тихо, прохладно, и свѣжо пахло зеленью. Тамъ они побродили между бѣлыхъ тонкихъ стволовъ и сѣли на траву, среди густой зелени. Голубовато-сѣрыя, какъ сигарный дымъ, сумерки наползали въ широкую лощину оврага, и уже раннія звѣзды блѣдными огоньками вспыхивали въ высотѣ небесной.

— Вы сегодня удивительны, Липочка,—заговорилъ Алексѣй и осторожно взялъ ее за руку.—Всегда вы—прелестны, а сегодня еще удивительны, необыкновенны. Мнѣ кажется, что мы съ вами давно близки, и поэтому я могу... чувствую смѣлость сказать то, о чемъ только давно думаю...

Онъ снялъ шляпу, наклонился надъ ней низко, и она видѣла его нескладную голову, потемнѣвшіе глаза и лобъ, покрытый мелкимъ потомъ, почти передъ самыми глазами. Его раздвоенный подбородокъ вздрагивалъ, и она, чувствуя его близость, едва преодолѣвала тошнотное отвращеніе.

— Тише, голубчикъ,—слабо улыбаясь, мягко остановила его она.—За мигъ свиданья мы терпимъ страданья.

— Хоть смерть, Липочка...—уже придушеннымъ шопотомъ согласился онъ.

Его тяжелая рука легла на ея талію. Онъ потянулся къ ней, противно оттопыривая свои толстыя, влажныя губы. Но она отводила голову, а онъ все больше наклонялся къ ней.

— Хоть смерть?

— Хоть смерть... хоть смерть...—безсмысленно, уже, видимо, ничего не понимая, повторялъ онъ, обнимая ее все крѣпче и склоняя на землю.

Но она внезапно со странной легкостью и быстротой высвободилась изъ его объятій, сунула ему въ руку револьверъ, гибко, какъ пружина, распрямившись, встала на ноги и засмѣялась:

— Ну вотъ вамъ—умирайте.

— Но вѣдь это потомъ. Смерть потомъ, Липочка...—бормоталъ онъ, еще не понимая, что въ ея настроеніи уже произошла какая-то перемѣна. Онъ стоялъ передъ ней на одномъ колѣнѣ, безъ шляпы, и протягивалъ къ ней руки, стараясь опять залучить ее. И въ одной рукѣ держалъ за дуло, точно какую-то безопасную вещь, темный тупой браунингъ.

— Нѣтъ, теперь, теперь...—настаивала она, и было въ ея тонѣ что-то такое, что поселило въ немъ смутную тревогу. Онъ не понималъ, шутитъ она или нѣтъ.

— Что такое? Что за фантазія, Липочка!

— Сядьте,—властно приказала она.

Онъ покорно сѣлъ прямо на землю, широко разставивъ ноги, и недоумѣвающе и глупо улыбнулся. И револьверъ все еще лежалъ въ его рукѣ.

— Ну, довольно комедій, Алексѣй. Теперь я буду говорить серьезно. Вы попались, Алексѣй: вы служите въ охранкѣ. Мнѣ это извѣстно. Надѣюсь, вы этого не станете отрицать. Молчите, не смѣйте меня перебивать. Я затащила васъ сюда за юбку—обманомъ, совершенно такимъ же способомъ, какимъ вы затаскивали другихъ въ тюрьму...

— Это неправда, Липочка... Что за ерунда!

— Не оправдывайтесь. Мнѣ теперь все извѣстно. И не судить тутъ я васъ буду, а... что-то другое.

— Ну, слушайте, Липочка, это же абсурдъ, чортъ знаетъ что. Мнѣ, право, смѣшно и странно... Вѣдь у меня въ партіи опредѣленная репутація.

— Ну, и постарайтесь, чтобы она съ вами осталась. Никто, кромѣ меня, не будетъ знать, что вы попались.

— Но это еще надо доказать. Не забудьте, что послѣдній съѣздъ, это—дѣло моихъ рукъ.—съ нѣкоторой горделивой снисходительностью напомнилъ онъ.

Липочка засмѣялась.

Да, да... Но что участниковъ его ловили на вокзалахъ, это— тоже дѣло вашихъ рукъ.

— А средства, которыя я давалъ на партію...

— А моя квартира?—напомнила она.—А Мирра Гросманъ? Мирра, она—тонкій, нѣжный цвѣтокъ, а вы загнали ее въ гнилую тюрьму, на вѣрную смерть. Стыдитесь толковать о средствахъ. Вѣдь вы ихъ получали изъ охраннаго отдѣленія... Вы думаете, я не знаю, что Мирра попала въ тюрьму больше потому, что не хотѣла отвѣчать на ваши ухаживанья... Ахъ, какой вы негодяй, Алексѣй!—скорѣе съ удивленіемъ. чѣмъ гнѣвно, проговорила она.

— Ее выпустятъ... Что жъ такого...—какъ-то неловко промямлилъ онъ.

— Не все ли равно. Да сидите же, не шевелитесь, я вамъ говорю!..

Онъ хотѣлъ подняться, но послѣ ея окрика опять сѣлъ и только медленно, точно больной, подтянулъ подъ себя ногу.

— Что же вы хотите?

— Я хочу... я хочу, чтобы васъ больше не было. И это должно быть такъ. За этимъ я и притащила васъ сюда. У васъ въ рукѣ револьверъ... Конечно, вы можете сейчасъ убить меня, но все равно не спасетесь. Васъ все равно уберутъ. Вы сами людей принудили къ этому... И долго не думайте. У меня есть другой револьверъ.

И изъ своего ридикюля она вытащила другой браунингъ, казавшійся такимъ большимъ и страннымъ въ ея маленькой полной рукѣ. Онъ улыбнулся кривой, блѣдной улыбкой и сталъ смотрѣть на нее, не закрывая рта.

— Пусть я погибну. Но я одна. А вы можете погубить тысячи и тысячи людей, какъ чума...

— А ваши дѣти?—напомнилъ онъ вдругъ, почти обрадованно.

— Бросьте говорить ерунду. Развѣ вы ихъ жалѣли? Ну—разъ, два...

Онъ вздрогнулъ отъ ея окрика и сталъ говорить о томъ, что онъ только заблуждался,—это допустимо,—что онъ имѣлъ въ виду только счастье своей страны и еще хорошенько не зналъ, какая сторона права. Онъ только метался изъ стороны въ сторону въ поискахъ истины.

— Тѣмъ хуже для васъ, что вы такъ долго не опредѣлились,— бросила Липочка.

У нея отъ волненья мелко дрожали колѣни, и клубокъ тошноты и омерзѣнія подкатывался къ самому горлу, душилъ ее, и она почти не слыхала, что онъ говоритъ. Но лицо ея было каменно-неподвижно. И тогда онъ вдругъ опять сталъ на колѣни и протянулъ къ ней руки. Онъ понялъ только теперь, что все это серьезно, что она рѣшилась твердо, и его дѣло проиграно. Ей стало страшно отъ его перекосившагося лица и громадныхъ, ясно бѣлѣющихъ въ темнотѣ, глазъ.

— Липочка, оставьте это...—захрипѣлъ онъ срывающимся голосомъ, томясь и ползя за ней по сырой травѣ.—Я буду честнѣйшимъ работникомъ. Я много помогу партіи... Я буду.. Только простите, оставьте... Вѣдь я же не могу... о... о...—застоналъ онъ вдругъ какъ-то дико, по-звѣриному.

И. Е. Рѣпинъ. (Бронза). *М. Блохъ.*

XLV Передвижная выставка 1917 г.

— Я стрѣлять буду... стрѣлять...—взвизгнула Липочка, уже теряя силы, и метнулась отъ него, какъ птица.

Онъ мягко, какъ большой мѣшокъ сѣлъ на ноги, тяжело дыша открытымъ ртомъ, задыхаясь. Это продолжалось одну секунду. Его глаза стали еще шире и бѣлѣе, и налились безсмысленнымъ, животнымъ ужасомъ. Потомъ Липочкѣ показалось, что по его громадному, неуклюжему тѣлу пробѣжалъ токъ. Онъ крѣпко, точно ожидая удара, зажмурилъ глаза, сморщилъ лицо, собирая его къ носу, и взмахнулъ рукой.

Липочка вскрикнула, уронила револьверъ и побѣжала въ сторону, путаясь въ юбкахъ.

Выстрѣлъ, который произвелъ въ себя Алексѣй, показалось ей, раздался только черезъ долгое время. Она бѣжала, ничего не соображая и не видя.

Не видѣла она и того, какъ, медленно и грузно клонясь на бокъ, легло на землю его громадное тѣло, уткнувшись лицомъ въ сырую отъ росы траву, и застыло, и какъ еще долго вздрагивала, сжимая браунингъ, его большая волосатая рука съ задравшимся рукавомъ.

Закатъ. XLV Передвижная выставка 1917 г. *Н. Дубовской*

Мартовское солнце.

Разсказъ **Александра Дроздова.**

I.

Портретъ Кеши въ широкой кипарисовой рамѣ виситъ на западной сторонѣ комнаты, между рояломъ и этажеркой съ книгами, и по утрамъ, когда изрѣдка показывается скупое наше петроградское солнце,—широкоскулое, заросшее бородою лицо брата кажется улыбающимся. Говорятъ, что у Кеши и взаправду такое вотъ ясное, свѣтлое лицо, но самъ я плохо помню брата, потому что въ ссылкѣ онъ уже шесть лѣтъ и четыре мѣсяца.

Еще такъ недавно, всего какой-нибудь мѣсяцъ назадъ, мама плакала, когда случайные гости спрашивали о студентѣ, изображенномъ на портретѣ. „Это мой сынъ,—отвѣчала мама, отыскивая карманъ въ складкахъ широкой своей старушечьей юбки,—это первый сынъ Кеша... онъ сосланъ въ тысяча девятьсотъ десятомъ году въ Сибирь“. При этомъ вѣки у нея краснѣли, лицо сжималось, и размыкавшійся ротъ открывалъ ея желтые зубы. Теперь мама не плачетъ, и папа не хандритъ и даже какъ будто меньше кашляетъ, и за столомъ не ругаетъ уже суетливыя наши столичныя газеты. Кеша ѣдетъ домой... Еще не пришло, но должно со дня на день быть письмо. У насъ въ столовой, поверхъ карты театра войны, виситъ пришпиленная кнопками карта Сибири. По ней папа вслухъ вымѣряетъ циркулемъ, сколько верстъ придется сдѣлать Кешѣ, чтобы доѣхать до Петрограда, и сколько времени отниметъ это путешествіе въ наше тревожное, чреватое всякими неожиданностями время. Все это высчиталъ папа, держа въ зубахъ карандашъ и барабаня пальцами по картѣ. Самое большее, Кеша вернется недѣли черезъ три. Ему отведутъ мою комнату, окнами на востокъ: Кеша иззябся въ Сибири, натерпѣлся нужды и лишеній. Слава Богу, все минуло, все прошло, какъ ночной нелѣпый кошмаръ. Вотъ пріѣдетъ Кеша, и все пойдетъ иначе, по-новому да по-хорошему наладится жизнь, а прошлое мало-по-малу забудется.

О Кешѣ я имѣю очень смутное представленіе, хотя тогда, шесть лѣтъ назадъ, мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ—но я очень болѣзненный, и память у меня нетвердая. Помню, какъ во снѣ, широкія плечи, стянутыя студенческой тужуркой, большія сильныя руки и широкое лицо. Еще глаза помню: голубые, кроткіе. Кеша участвовалъ въ заговорѣ противъ министра. Сначала мнѣ не вѣрилось, что человѣкъ съ такими глазами могъ пойти на убійство, хотя бы и политическое. Но вотъ уже восемнадцать лѣтъ мнѣ, цѣлыхъ восемнадцать, прожитыхъ скучно, болѣзненно, наединѣ съ собою; много передумано въ душныя ночи; и теперь Кеша въ глазахъ моихъ—подвижникъ стойкій, самоотверженный и непоколебимый, и я молюсь на него. Порою мнѣ даже страшно думать, какъ онъ, такой, войдетъ въ наши тихія, старомодныя, не петроградскія комнаты, которыхъ не обновила даже свобода, завоеванная на улицахъ, и какъ посмотритъ на маму, на постарѣвшаго за эти шесть лѣтъ ворчливаго папу, на меня — хилаго, худого, такого ненужнаго и лишняго въ нынѣшней новой и кипучей жизни. Я боюсь, что свѣтлые его глаза погаснутъ подъ

Рыбачокъ. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Маковскій.*

Осенью. *А. Афанасьевъ.*

нашимъ потолкомъ, и широкой груди его будетъ тяжело дышать въ нашихъ прѣсныхъ стѣнахъ.

Сегодня послѣ обѣда я гулялъ; мама не сразу отпустила меня, все уговаривала, чтобы я не долго ходилъ и не спѣшилъ и подольше посидѣлъ бы на лавочкѣ въ скверѣ. Былъ день солнечный, таялъ на мостовыхъ послѣдній снѣгъ, ставшій бурымъ, грязнымъ и мокрымъ. Какъ-то странно, весело на улицахъ. Вотъ пришла свобода; осязательно ея не видно—такіе же дома, такія же на панеляхъ толпы, и Нева за гранитными уступами все та же, но таинственно душа воспринимаетъ на улицахъ новое, необычное настроеніе. Это очень трудно выразить. У встрѣчныхъ ласковые взгляды. Я не знаю, можетъ-быть, все это мнѣ лишь кажется, вѣдь я больной...

У Николаевскаго моста я наткнулся на непріятную сцену. возчикъ хлесталъ сложенной ременной вожжой выбившуюся изъ силъ ломовую лошадь, при этомъ лицо у него было красное звѣрское, какъ у той черни, которая въ нашемъ участкѣ изби вала полумертваго городового. А у лошади спина была мокрая отъ нея шелъ паръ, и съ каждымъ ударомъ, тяжело падавшимъ ей на спину, она взматывала головой и скалила зубы.

Не утерпѣвъ, я крикнулъ:

— Дуракъ, что ты дѣлаешь!

Но возчикъ, ничего мнѣ не отвѣтивъ, сталъ хлестать лошадь съ еще большею силой и злобой.

— Тебя самого бы такъ! — прикрикнулъ кто-то за моей спиной.

Тогда возчикъ повернулъ къ намъ лицо—оно не было уже звѣрскимъ, какъ будто подобрѣло оно, и черты его, казавшіяся жесткими, расплылись и просвѣтлѣли. Отеревъ потный лобъ рукою, онъ сказалъ глуховато:

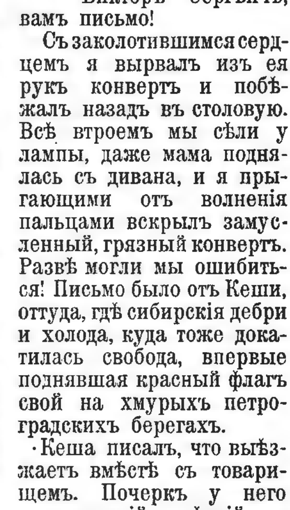
— Да што... И меня такъ вотъ крючили, до свободы...

И я понялъ, что онъ говоритъ о томъ темномъ, что навѣки унесло недавнее прошлое, что душило и мучило народъ, и еще понялъ я, что до 28-го февраля вся Россія была—безотвѣтно избиваемая лошадь. Старикъ, говорившій изъ-за моей спины, тоже это понялъ, выступилъ впередъ и сказалъ примирительнымъ тономъ:

— Всѣмъ, братецъ ты мой, горько жилось. А теперь радость всѣмъ: и тебѣ и скотинѣ.

Идя по улицамъ, думалъ я, какъ это хорошо сказалъ старикъ: „теперь радость всѣмъ—и тебѣ и скотинѣ“...

Остатокъ дня я находился подъ обаяніемъ этой случайно подобранной на улицѣ фразы. Къ вечеру мамѣ немного занедужилось: стали болѣть глаза. Съ мокрыми припарками изъ слитого чаю на глазахъ, лежала мама на узенькомъ диванчикѣ, а папа, въ обычномъ халатѣ своемъ, когда-то свѣтло-голубомъ, а теперь вылинявшемъ, сидѣлъ за столомъ, возлѣ приглохшаго самовара, и вслухъ читалъ послѣднюю газету. Мѣдный самоваръ тускло поблескивалъ въ наплывающихъ сумеркахъ, въ пузатыхъ бокахъ его смѣшно отражался газетный листъ и папинъ старческій профиль.



Такъ просидѣли мы до самыхъ сумерекъ, потомъ я всталъ и пошелъ къ себѣ, но въ прихожей столкнулся съ кухаркой, которая подала мнѣ таинственный знакъ и окликнула шопотомъ:

— Викторъ Сергѣичъ, вамъ письмо!

Съ заколотившимся сердцемъ я вырвалъ изъ ея рукъ конвертъ и побѣжалъ назадъ въ столовую. Всѣ втроемъ мы сѣли у лампы, даже мама поднялась съ дивана, и я прыгающими отъ волненія пальцами вскрылъ замусленный, грязный конвертъ. Развѣ могли мы ошибиться! Письмо было отъ Кеши, оттуда, гдѣ сибирскія дебри и холода, куда тоже докатилась свобода, впервые поднявшая красный флагъ свой на хмурыхъ петроградскихъ берегахъ.

Кеша писалъ, что выѣзжаетъ вмѣстѣ съ товарищемъ. Почеркъ у него энергическій, рѣзкій, и слова лаконичныя и скупыя. Поздравлялъ съ праздникомъ Свободы, писалъ, что теперь не страшно умереть. Онъ сильный, вѣрящій, стойкій, нашъ Кеша! Но послѣднія строки поразили насъ, и послѣ, когда я кончилъ читать, всѣ мы долго молчали и не подымали глазъ, при чемъ мнѣ было мучительно стыдно, что въ такой моментъ яркой и чаянной радости въ нашихъ сердцахъ нашло себѣ мѣсто мелкое, нехорошее чувство не то стыда, не то недовольства и ревности: мы узнали, что и помимо насъ есть человѣкъ, который такъ же нетерпѣливо ждетъ Кешу.

„...Теперь я не считаю себя въ правѣ скрывать отъ васъ, что въ Петроградѣ ждетъ меня женщина, съ которой до ссылки полтора года я жилъ, какъ съ женой. Насколько мнѣ извѣстно, она все еще помнитъ меня и любитъ, и ждетъ моего пріѣзда. Я прошу Виктора отыскать ее въ Петроградѣ по адресному столу: Зинаида Петрова, бѣлошвейка. Ее нужно разыскать и сказать ей, что я все забылъ, все простилъ, что, пріѣхавъ, я введу ее въ нашъ домъ, какъ церковную жену. Полюбите ее.

Иннокентій“.

II.

Мартовское солнце похоже на юную дѣвушку, не знающую ни горечи настоящей ни радости, на дѣвушку, которая улыбается наивно и довѣрчиво всѣмъ: какъ доброму, такъ и злому. И мартовскіе дни капризны и нѣжны въ холодной столицѣ нашей: то, раздернувъ свинцовыя, еще какъ будто полныя снѣга, тучи, кажутъ они лазурь неба такую чистую и ясную, что плакать хочется, то вдругъ запушатъ асфальты и крыши мокрымъ, раздражающимъ снѣгомъ.

День, когда я нашелъ Зинаиду Петрову, былъ на рѣдкость сухой и солнечный. Жила она въ окраинномъ кварталѣ, гдѣ-то на Обводномъ, у завода, который выбрасывалъ на улицы копоть и дымъ изъ высокихъ своихъ прокопченныхъ трубъ. Я долго ходилъ по двору, толкаясь отъ одной двери къ другой, пока не нашелъ дворника. Петрова жила въ четвертомъ этажѣ; лѣстница, по которой мнѣ пришлось подыматься, была темна и скользка.

На стукъ мнѣ открыла молодая женщина, почти дѣвушка, небольшого роста, но довольно плечистая, съ рыжеватыми волосами—это мнѣ прежде всего бросилось въ глаза. Увидѣвъ незнакомаго, она задомъ отошла въ глубь комнаты, потомъ торопливо окинула взглядомъ свое платье, руки, полъ и стѣны. Это и была Зинаида, Кешина незаконная жена. Здѣсь я увидѣлъ ея глаза, не крупные, но глубокіе, темно-оливковаго оттѣнка.

— Пожалуйте!—проговорила она, оправившись и, притворивъ дверь въ хозяйскія комнаты, провела меня въ свою свѣтелку.

Солнце било въ комнату сквозь единственное окно, сквозь грязныя стекла, на которыхъ осѣла копоть и грязь. Обстановка была бѣдная, но въ глаза бросалась заботливая женская аккуратность, видная во всемъ: въ свѣтлыхъ картинкахъ на стѣнахъ, въ вымытомъ полу, въ веселенькихъ примулахъ, что лиловѣли на окнѣ.

Не зная, какъ говорить съ женщинами,—я всегда росъ дичкомъ,—смотрѣлъ я на стоявшую передо мной слегка потерявшуюся дѣвушку, на ея слегка выпуклый чистый лобъ и кусалъ

губы. Она поправила волосы, одернула кофточку; руки у нея были удивительно нѣжныя, бѣлыя.

— Что вамъ угодно?

Я вспомнилъ, что со мною письмо Кеши, вынулъ его и подалъ ей. Она схватила письмо съ жадностью, и мнѣ было почти страшно наблюдать смѣну чувствъ, которую отразило ея подвижное и измѣнчивое лицо: я чувствовалъ себя святотатцемъ, вошедшимъ въ чужой храмъ. И все же я не могъ оторваться отъ ея лица и по его выраженію зналъ, какую именно строчку читаетъ сейчасъ Зинаида Ивановна.

Прочтя, она положила письмо на комодикъ и, не глядя на меня, подошла и сѣла къ столу. Тотчасъ же она отвернулась къ окошку. Плечи ея поднялись; она заплакала.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, тоскливо оглянулся и проговорилъ:

— Можетъ-быть, мнѣ лучше уйти?

— Какъ знаете, какъ вамъ будетъ угодно. Это такая радость, что пріѣдетъ Кеша...

Она смѣялась, и слезы скатывались съ ея подбородка на грудь, на простенькую кофточку, на нѣжныя руки. И тутъ понялъ я, какъ-то сразу охватилъ если не умомъ, то чувствомъ всю тоску и боль, съ которыми осталась эта женщина, совсѣмъ дѣвушка, въ шумной столицѣ, и душныя ночи, когда томилась она, произнося въ темноту имя Кеши, и тяжелое сознаніе вины, которую прощалъ теперь Кеша на порогѣ неожиданной предстоящей встрѣчи. Я не повѣрилъ даже въ ея вину: чѣмъ могли провиниться эти глаза, такіе же чистые, какъ лѣтнее небо въ Малороссіи, какъ лиловыя крымскія горы?

Она плакала и смѣялась, и долго не могла понять того, что я ей говорилъ. Вотъ вѣдь бѣда, и говорить-то я не умѣю. Но все-таки къ вечеру она къ намъ переѣхала.

III.

Эти дни стоитъ перемѣнчивая погода: то солнце, то сумеречные холодные дни; съ Невы тянетъ хмурымъ вѣтромъ, и въ квартирѣ у насъ холодно.

Зинуша живетъ съ нами уже четыре дня. Я смотрю на родителей своихъ, и мнѣ кажется порою, что въ домѣ у насъ непокойно, тяжело, чувствуется фальшь, неискренность въ разговорахъ, въ чрезмѣрной заботливости о Зинушѣ, въ воспоминаніяхъ о Кешѣ... Я понимаю стариковъ: они ревнуютъ.

Мнѣ же какъ-то легче стало житься. Можетъ-быть, это потому, что въ домѣ чужая женщина, и у меня есть теперь маленькая забота, чтобы ей было покойнѣй и лучше.

Вчера, ложась спать (я сплю теперь въ столовой, на диванѣ, а Зинушу помѣстили въ Кешиной комнатѣ), я слышалъ, какъ за стѣной папа переговаривался съ мамой. Нашъ домъ стоитъ глубоко во дворѣ, уличный шумъ до насъ не доходитъ, поэтому каждое слово я разобралъ отчетливо. Папа долго ходилъ по спальнѣ, потомъ сказалъ:

— Мнѣ трудно примириться съ мыслью, что у Кеши есть жена. Это неожиданно, какъ обухъ по головѣ. Простушка—сидитъ за столомъ и молчитъ. Богъ вѣсть, откуда она? Впрочемъ, это такъ похоже на Кешу: онъ всегда былъ у насъ своевольный и демократъ.

— Но она, кажется, хорошая дѣвушка,—отвѣтила мама.

Опять заскрипѣли тяжелые папины шаги, и я вполнѣ ясно представилъ себѣ его лицо съ насупленными бровями, строгое и страдающее.

———

Ночью много думается; лежишь, смотришь передъ собою, едва различая смутныя очертанія мебели, тонкіе узоры спущенныхъ гардинъ, и слышишь мысли свои. Онѣ разныя у меня приходятъ въ голову: громкія и шумливыя, отъ которыхъ больно, и нѣжныя, скромныя—словно старая нянька сидитъ въ изголовьѣ и нашептываетъ сухими своими губами русскія сказки. Такъ и вчерашнюю ночь я лежалъ безъ сна, все думалъ.

Я знаю, что я слабый, больной, не могу участвовать ни въ митингахъ, ни работать въ партіи. Это такъ горько. Всѣ работаютъ, забросили личную жизнь и живутъ мыслями о Россіи и народѣ. Одинъ я лишній и ненужный. Вотъ думаю о народѣ—и мнѣ представляется толпа огромная и кричащая, и почему-то мерещутся окровавленныя лица, и намъ нужно смыть съ лицъ страшную эту кровь. Кому намъ? Намъ, кто болѣе зорокъ, за кѣмъ пойдетъ освобожденный пахарь и рабочій. Вотъ какія все мысли приходятъ въ голову... Тогда я начинаю фантазировать. Вижу себя стойкимъ, пылающимъ, умѣющимъ прямо и вдохновенно говорить. И мнѣ не смѣшно такъ думать.

Потомъ я думалъ о Кешѣ, какъ онъ вернется въ столицу и какъ отдастся строительству новой жизни, самъ сильный и свободный. Опять я вижу его крѣпкія плечи и прямой взглядъ свѣтлыхъ его глазъ: такіе люди поведутъ съ собою народъ. Ахъ, мнѣ хочется молиться Кешѣ, какъ Христу,—онъ только ѣдетъ гдѣ-то тамъ по сибирскимъ неохватнымъ равнинамъ, а уже сердце мое становится сильнѣй и свободнѣй, и я вѣрю, что Кеша научитъ меня, какъ жить и что дѣлать, чтобы не томиться ничкемностью своей.

Ночь медленно шла за окнами, волоча за собою темный свой широкій шлейфъ, какъ грустная маскированная красавица. Вотъ такая же тихая ночь была въ февралѣ, когда на крышахъ стучали пулеметы... Подъ буфетомъ мышь долго катала кусокъ сахару, потомъ быстро пробѣжала подъ стульями и затихла въ углу; кухарка храпѣла въ кухнѣ, нѣсколько разъ за стѣной со вздохомъ перевернулся папа.

Изъ столовой двери у насъ ведутъ въ прихожую, изъ прихожей только дверь въ кухню, а направо—комната Кеши, гдѣ спала теперь Зинуша. Кажется, часу во второмъ я подмѣтилъ въ ея комнатѣ свѣтъ: золотистая полоска легла подъ дверью, освѣтивъ край клеенчатой дорожки. Я приподнялся на локтѣ, прислушиваясь, и скоро ясно различилъ шаги: несомнѣнно, Зинуша не спала, бродя по комнатѣ своей въ такой поздній часъ.

Не знаю, почему меня это такъ поразило—вѣроятно, потому, что я слишкомъ внимательно относился къ ней, стараясь отвести отъ нея всѣ заботы и тревоги. Сѣвъ въ постели, я слушалъ. Вѣроятно, Зинуша ходила вдоль комнаты, и по неровности ея шага, по тому, какъ часто она останавливалась, я догадался, что она очень разстроена. Потомъ загремѣлъ отодвинутый стулъ, и до слуха моего донесся сдержанный плачъ, тонкій, какъ у дѣвочки.

Повинуясь безотчетному порыву, сбросилъ я одѣяло и торопливо сталъ одѣваться; и потомъ уже, идя на цыпочкахъ къ двери ея комнаты, я ни разу не подумалъ, что могу напугать Зинушу, что дѣлаю, быть-можетъ, нетактичность. „Она плачетъ,—думалъ я въ тѣ минуты,—Зинуша плачетъ, Зинуша“...

Если плачетъ, значитъ, есть горе. Какое же, какое? Съ бьющимся сердцемъ подошелъ я къ двери и негромко постучалъ. Плачъ тотчасъ же стихъ.

Воцарилось молчаніе.

— Зинаида Ивановна,—позвалъ я шопотомъ,—вы... вы плачете?

Съ минуту Зинуша молчала, потомъ отодвинула стулъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вдругъ снова остановилась.

Я сказалъ:

— Къ вамъ можно, Зинаида Ивановна?

Подумавъ, она отвѣтила съ обычной своей манерой:

— Если вамъ будетъ угодно...

Стараясь не скрипѣть дверью, я вошелъ. Зинаида стояла ко мнѣ лицомъ съ напуганными округлившимися глазами, свѣтъ лампы сзади золотилъ ея волосы; кровать стояла нераскрытая—Зинуша не спала ни минуты.

— Простите,—началъ я, путаясь, будучи не въ силахъ оторвать глазъ отъ ея лица съ покраснѣвшими вѣками, со слѣдами слезъ на щекахъ. Она вытерла глаза платкомъ, высморкалась и, отойдя немного въ сторону, сказала тихо:

— Ничего...

Я присѣлъ на стулъ въ уголку. Мнѣ теперь немного странно вспоминать, почему я тогда не почувствовалъ неловкости говорить съ нею въ такой необычной обстановкѣ. Все же нѣсколько минутъ мы молчали. Зинуша стояла у стола и пальцемъ руки водила по узорамъ скатерти, не подымая на меня глазъ. Я подумалъ: „она чувствуетъ себя чужой въ этомъ домѣ, въ этихъ стѣнахъ, среди насъ, подозрѣвая во всѣхъ скрытыхъ недоброжелателей своихъ“...

— Вы плакали, Зинаида Ивановна,—началъ я, помолчавъ,—вы плакали, я услышалъ и вотъ пришелъ. Узнать. Скажите, вамъ неудобно, нехорошо у насъ?

Она отвѣтила быстро:

— Ахъ, нѣтъ, вы такіе добрые...

— Тогда зачѣмъ же плакать? Зачѣмъ?

Не отвѣчая, она отвернулась къ стѣнѣ. Я смотрѣлъ сзади на ея рыжеватые волосы, связанные сзади узломъ, на широкія и тугія плечи; она показалась мнѣ страшно несчастной въ ту минуту, страшно одинокой. И еще я подумалъ, что все-таки сильнѣе ея и поэтому долженъ помочь.

— Зинаида Ивановна,—промолвилъ я,—если вы довѣряете мнѣ, какъ брату Иннокентія, скажите мнѣ, что васъ мучитъ? Быть-можетъ, васъ мучитъ та вина, которую вы чувствуете за собой передъ Кешей? Но вѣдь онъ простилъ васъ, не нужно объ этомъ думать.

Зинаида Ивановна заплакала громко и не сдерживаясь. Я растерялся, хотѣлъ бѣжать за водой или разбудить маму, но Зинуша остановила меня жестомъ. Сдерживая прерывающійся голосъ, отвѣтила она едва слышно:

— У меня нѣтъ вины передъ Кешей, но я уже не увижу его...

— Почему?

— Не увижу, не увижу...

Я не могъ переносить ея слезъ. Она плакала безпомощно, какъ шестилѣтній ребенокъ, потерявшій игрушку, и я не зналъ, чѣмъ утѣшить ее, съ какими словами подойти.

Но, успокоившись, она сказала мнѣ, что видѣла нехорошій сонъ. Я засмѣялся, но она такъ на меня посмотрѣла, что смѣхъ замеръ на моихъ губахъ. Въ ту же тревожную ночь разсказала мнѣ Зинаида Ивановна объ отношеніяхъ своихъ къ Иннокентію, и уже подъ утро, простившись съ ней, ушелъ я къ себѣ въ столовую съ душой разстроенной и смятенной. Ничего необычнаго ни тѣмъ болѣе таинственнаго не было въ ея повѣсти, которую я попробую сейчасъ передать словами Зинаиды Ивановны, но, помню, просидѣлъ я на своемъ диванѣ безъ сна до холодной

Стенька Разинъ на пути въ Москву. Г. Горѣловъ.

Добровольцы—увѣчные воины. *Пулеметчики на занятіяхъ. Среди нихъ—16-лѣтній доброволецъ Ф. Т. Зоринъ, въ строю на фронтѣ съ 1914 г., 4 раза раненъ (14 ранъ), имѣетъ два Георгіевскихъ креста и двѣ Георгіевскихъ медали*

мартовской зари, пока круглое негорячее солнце, разодравъ ночныя облака, не зажгло оконъ въ петроградскихъ громоздкихъ домахъ.

IV

— Я дѣвушка была простая, и никакихъ особенныхъ мыслей у меня нѣтъ, а полюбилъ меня Иннокентій Сергѣичъ за то, что много во мнѣ прямоты, и за то, что, ужъ коли полюблю, такъ ужъ крѣпко—такъ крѣпко, чтобы до самой гробовой доски. Ну, о моей жизни вамъ нечего разсказывать, сами въ свое время узнаете. А только какъ стала я жить съ Иннокентіемъ Сергѣичемъ ровно какъ бы жена, то пришлось мнѣ отъ родителей уйти, по отдѣльному проживать паспорту. Ну вотъ, стала я въ модные магазины заказы брать, Иннокентій Сергѣичъ тоже помогалъ. Я въ него, какъ въ Бога, вѣрю, и вѣрила, что женится онъ, какъ только на дорогу выйдетъ. Оно къ тому и шло.

„Братецъ вашъ не такой, какъ вы: упорный, сильный, и душа у него, какъ желѣзная. Народъ нашъ любитъ, за это самое и пострадалъ. Въ ту пору я тоже очень въ ихнихъ соображеніяхъ разбиралась, въ комнатѣ у меня они всякія книжки хоронили, а случалось, что и оружіе. Народу тогда къ намъ ходило страсть сколько: которые рабочіе, которые студенты, всякіе; и всѣ въ меня крѣпко вѣрили, потому, значитъ, ужъ коли Иннокентій Сергѣичъ мѣсто указалъ, то значитъ надежное.

„Такъ вотъ и жили, таились все, а я особенно и не вникала, не зачѣмъ, да и не понять всего. Но такъ любила Иннокентія Сергѣича, что вотъ прикажи сулемы выпить, и выпью, глазомъ не сморгну.

„Ну вотъ, жили... И случилось у нихъ такъ, что порѣшили они одного важнаго министра убить. Потому, значитъ, что дѣлалъ онъ все наперекоръ народу, кровь народную пилъ. Иннокентій Сергѣичъ мнѣ въ этомъ ночью сознался. Какъ сейчасъ помню, осень была, дождикъ въ окно стучался, а легла я спозаранку. Слышу—стучитъ. Вошелъ встрепанный—глаза, какъ плошки, свѣтятся. Рѣшился, значитъ, человѣкъ.

„— Ну,—говоритъ,—Зинаида, назадъ мнѣ пути заказаны.

„Я такъ и обмерла. Разсказалъ онъ мнѣ все; ночевать у меня остался. Поздно ужъ было, къ утру время шло, а нѣтъ у меня сна, давитъ что-то на сердце, ворочаюсь. Какъ это человѣка они бомбой убить задумали. Слышу, и онъ не спитъ, только глаза закрылъ—отъ меня таится.

„— Кеша,—говорю ему,—какъ же это вы человѣка убить порѣшили? Грѣхъ вѣдь большой.

„— Молчи, не поймешь этого.

„Такъ всю ночь и промаялись.

„Къ утру ушелъ блѣдный, одни глаза на лицѣ остались.

„— Передъ этимъ,—говоритъ,—приду, попрощаюсь... Всякое можетъ случиться.

„И часы, что безъ него провела, показались мнѣ долгими годами. Такъ и просидѣла на кровати, дрожа и зубами ляская. Вотъ страшно мнѣ и страшно—и нѣтъ во мнѣ силы благословить ихъ на этакое дѣло, и ежели я повинна въ этомъ передъ Иннокентіемъ Сергѣичемъ, то суди меня Господь Богъ.

„Пришелъ онъ такъ къ полудню.

„— Слушай,—говоритъ,—Зинаида, для меня на все пойдешь?

„— На все,—отвѣчаю, а у самой колѣни свело.

„Показываетъ мнѣ свертокъ, мѣшочекъ этакій маленькій, въ карманъ можно спрятать.

„— Это бомба. Какъ поѣдетъ министръ, такъ я въ него и кину. Слушай теперь: насъ шпики почти выслѣдили, четверо уже сидятъ, медлить нечего. Нужна,—говоритъ,—ты мнѣ. Къ четыремъ часамъ у N—аго моста будь съ этимъ вотъ сверткомъ и жди меня у фонаря, второй отъ дороги слѣва. Только непремѣнно къ четыремъ будь, опоздаешь—все пропало. Я къ тебѣ подойду, и тамъ, какъ Богъ захочетъ. Министръ проѣзжаетъ четверть пятаго.

„Сказалъ все это Иннокентій Сергѣичъ, и вонъ изъ дому. И что я здѣсь пережила, Викторъ Сергѣичъ, про то сказывать не стану, да и не сумѣю. А какъ пошла къ N—ому мосту, ноги у меня заплетаются, чую—не могу на такое дѣло пойти, чтобы живого человѣка среди дня убить, да и погубить черезъ это Иннокентія Сергѣича. Ну вотъ, рука не подымается! Глаза туманомъ застлало. А въ ту пору я уже на набережной была. Сама не знаю, какъ, а подошла я къ мосту, вынула бомбу—да въ воду ее и кинула. Только круги пошли.

Доброволецъ—увѣчный воинъ. *Кавалеристъ, ординарецъ В. Р. Рахтманъ, георгіевскій кавалеръ, 3 раза раненъ, потерялъ въ бою правую руку. 9 мѣсяцевъ пробылъ на фронтѣ, теперь снова вернулся добровольцемъ.*

„Что жъ дальше разсказывать? Тутъ и Кеша прибѣжалъ.

„— Гдѣ бомба?—кричитъ.

„Не помню, что ему отвѣтила, только поблѣднѣлъ онъ вдругъ, губы его дернулись, и, размахнувшись, ударилъ онъ меня по лицу. Ни слова не сказалъ, махнулъ рукой и побѣжалъ въ переулокъ. Я сѣла здѣсь же, у фонаря, на панель и заплакала.

А Кеша тѣмъ временемъ въ министра изъ пистолета стрѣлялъ. Промахнулся, и схватили его, голубя моего. Ходила я къ нему послѣ, да къ свиданію не допустили, а послѣ и самъ видѣться со мной не захотѣлъ. И все, что я ни посылала ему, ворочалъ.

„Здѣсь-то и началась жизнь моя мученская.

„Писала я Иннокентію Сергѣичу много разъ, но отвѣта не получила. Такъ и маялась. И все вѣрила, что воротится Кеша, и Владычицу о томъ со слезами молила. Услышала Владычица, ѣдетъ Кеша мой ненаглядный. А скучно что-то, сны тяжелые, душные, страшные. Не смѣйтесь надъ темнотой моей, а только скажу я вамъ, Викторъ Сергѣичъ, голубчикъ, что сердце у меня вѣщее—не обманетъ"...

V

Мама сказала:

— Что-то ты, Зинуша, грустная какая? И глаза заплаканы. Смотри, бѣды не случилось бы какой.

Бѣда и случилась.

Помню, нянька наша старая говорила, что бѣду издали слыхать: она еще далеко, бѣда, а сердце рано ныть начинаетъ.

28-го марта пришла телеграмма. Мы сидѣли въ столовой за вечернимъ чаемъ, папа газету читалъ, Зинуша разливала, а мама, у комода, пересчитывала носовые платки для Кеши. Сидѣли мирно, и вдругъ эта телеграмма:

„Иннокентій скончался въ пути. Похороны Камышловъ. Карнотовскій“.

Отрядъ добровольцевъ—увѣчныхъ воиновъ. *Большая часть—съ искусственными ногами, руками и глазами. Почти всѣ—георгіевскіе кавалеры и по нѣсколько разъ ранены. Всѣхъ—около 350 человѣкъ.*

Въ центрѣ сидятъ: 1) Начальникъ отряда шт.-ротм. Стуканцевъ, раненъ, георгіевскій кавалеръ. 2) Помощникъ начальника прапорщикъ Л. А. Дрельникъ, раненъ 4 раза, георгіевскій кавалеръ, участникъ русско-японской войны, былъ взятъ въ плѣнъ при сдачѣ Портъ-Артура, пробылъ годъ въ плѣну. 3) М. В. Исаевъ, хорунжій „дикой“ дивизіи, былъ на фронтѣ отравленъ газами.

Кто онъ такой, Карнотовскій, никто не зналъ; вѣроятно, товарищъ, съ которымъ Кеша возвращался въ Россію. Все это произошло такъ неожиданно, такъ рѣзко и страшно, что мама не выдержала удара и слегла въ постель. Словно ночь глянула въ низкія окна наши. О томъ, чтобы ѣхать на похороны, и думать нельзя было; папа постарѣлъ за одинъ день, осунулся, отросшая его небритая борода затянула подбородокъ и щеки.

Рѣшили, что Зинуша поѣдетъ и привезетъ въ Петроградъ тѣло.

Солнечный былъ день, яркій и весенній, по улицамъ семеновцы шли съ манифестаціей къ Таврическому дворцу. Я поѣхалъ проводить Зинушу на вокзалъ. Она была молчалива и строга, простенькое ея личико словно надѣло маску. Сидя рядомъ съ нею на извозчикѣ, я думалъ о томъ, какъ это странно, нелѣпо, несправедливо: послѣ долгихъ лѣтъ одиночества и скитаній, гдѣ-то тамъ, въ пріуральскомъ городишкѣ отдалъ Кеша Богу крылатую, сильную свою душу. Странно, не было во мнѣ горечи. И когда я говорилъ себѣ: онъ не придетъ уже, нашъ любимый, славный Кеша, онъ не придетъ уже никогда,—въ душѣ не было стенящей жалобы, ни гнѣва, ни ропота, лишь примиренная грусть плакала въ ней тихо и безслезно.

Помогая Зинушѣ стащить съ пролетки маленькій саквояжъ, я наклонился къ самому ея уху и проговорилъ съ нѣжностью:

— Не горюйте, не отчаивайтесь. Видно, такъ хочетъ Богъ.

Она улыбнулась мнѣ, прямо глянувъ въ глаза, и ея взглядъ былъ полонъ ласки и благодарности.

Народу на вокзалѣ было много, особенно солдатъ, взбиравшихся на крыши вагоновъ, устанавливавшихъ на буферахъ громоздкіе свои сундуки.

— Прощайте! — сказала Зинуша, протянувъ руку. — Вашей маменькѣ и папенькѣ спасибо скажите за ласку. Когда вернусь, жить съ вами уже не стану.

Глядя ей въ лицо и чувствуя вдругъ гулко заколотившееся сердце, я отвѣтилъ

— Зинаида Ивановна, какъ можете вы такъ говорить? — И вдругъ съ силою сжалъ ея руку и добавилъ уже едва слышно:— А меня-то, меня какъ же вы бросите?

Уже не помню, что дальше говорили мы, какія слова выговаривали мои губы. Помню только послѣдній моментъ: грянулъ колоколъ, засвистѣлъ паровозъ, бросивъ подъ навѣсъ платформы клубы удушливаго дыма, и, дрогнувъ, стали уплывать вагоны. Зинуша стояла на площадкѣ, впереди чернобородаго какого-то солдата, и махала мнѣ платочкомъ. Здѣсь я понялъ неотвратимо, что она моя...

Я пошелъ домой пѣшкомъ. Какъ всегда, былъ многолюденъ и шумливъ Невскій, и широкая Знаменская площадь все такъ же гордо подымала надъ толпою тяжелаго своего коренастаго всадника. Солнце било въ стекла трамваевъ, въ оживленныя лица спорящихъ на углахъ, въ засоренные асфальты — милое солнце свободнаго, нѣжнаго марта. Милое, нѣжное солнце! Ахъ, не въ эти ли дни, когда, какъ свѣтлый праздникъ, сошла свобода къ русскому народу, не въ эти ли дни вдругъ ожило и забилось слабое мое сердце, обойденное жизнью, Богомъ и людьми?..

Запись въ отрядъ добровольцевъ—увѣчныхъ воиновъ.

Дѣдушка Прэво.

Очеркъ **Сергѣя Ромова.**

Дѣдушку Прэво всѣ знали въ кварталѣ площади Мобэръ. Маленькій, въ длиннополомъ сюртукѣ, на коротких дугообразныхъ ножкахъ, онъ цѣлый день бѣгалъ по улицамъ, суетился, собиралъ вокругъ себя уличную дѣтвору и съ пляскою и прибаутками продавалъ маленькихъ игрушечныхъ пѣтушковъ.

— Четыре су пара, веселые пѣтушки, забавные, четыре су пара, на выборъ!

И дѣдушка Прэво вертѣлъ межъ двухъ пальцевъ двѣ проволоки, къ которымъ были прикрѣплены маленькія чучела, изображавшія бой пѣтуховъ.

— Пѣтушки, пѣтушки! Четыре су!—выкрикивалъ онъ.

Къ торговлѣ среди бѣдной дѣтворы Мобэра самъ Прэво относился не серьезно, такъ какъ главный сбытъ своимъ пѣтушкамъ онъ находилъ лишь по вечерамъ на большихъ бульварахъ, въ ярко освѣщенныхъ бойкихъ ресторанахъ и на террасахъ кафе. Тамъ, улучивъ минуту, когда поблизости нѣтъ сержантовъ, Прэво снималъ шляпу, засучивалъ полы сюртука и, вертя на ладони своихъ пѣтушковъ, отплясывалъ танецъ подъ припѣвъ веселой пѣсенки собственнаго сочиненія. И тутъ ему не четыре су давали, а полуфранковики и франки и часто вовсе пѣтушковъ не брали.

Дневная продажа, какъ говорилъ самъ Прэво, ему только помогала „поставить себя на точку“, такъ какъ, стыдясь нѣсколько своего вечерняго промысла, онъ на бульвары выходилъ только подъ хмелькомъ или совсѣмъ ужъ пьяный.

— Да какъ же я въ трезвомъ видѣ могъ бы валять дурака и забавлять чортовыхъ мѣщанъ. Пью для шума и крика, чтобы разбудить въ себѣ обезьяну.

И Прэво пилъ много, готовясь къ своимъ вечернимъ походамъ съ самаго утра.

Свой первый стаканъ бѣлаго вина Прэво обычно выпивалъ у тетушки Люнэтъ, а потомъ ужъ гдѣ попало или гдѣ поближе. И не было въ кварталѣ такого кабака, въ которомъ онъ не побывалъ бы по нѣскольку разъ въ день.

Жизнерадостный и всегда немного выпившій, онъ всюду вносилъ съ собой много шуму и забавнаго уличнаго цинизма, которые такъ нравятся посѣтителямъ кабаковъ, и дѣдушку Прэво встрѣчали всѣ привѣтливо и дружелюбно и окружали пріятельскимъ, нѣсколько заискивающимъ уваженіемъ... А то, что онъ говорилъ подчасъ на какомъ-то иностранномъ языкѣ и въ минуты раздраженія очень длинно и непонятно на немъ ругался, особенно подымало его престижъ въ глазахъ мобэровцевъ.

Какъ и когда Прэво появился въ кварталѣ, никто не помнилъ, такъ же, какъ никто точно не зналъ, какого онъ происхожденія: одни принимали его за итальянца или цыгана, другіе—за русскаго. Но самъ Прэво очень гордился своимъ французскимъ происхожденіемъ, и когда его особенно донимали сомнѣніями, онъ съ гордостью вынималъ засаленную, грязную карточку выборщика, напяливалъ на носъ стальное заржавленное пенснэ и читалъ:

Добровольцъ — увѣчный воинъ.

Снаряженіе увѣчнаго воина-добровольца.
На стѣнѣ — портретъ Суворова — эмблема былой мощи русской арміи.

— „Французская республика. Мэрія пятаго арондисмана. Жанъ-Марсель-Баптистъ Прэво, коммерческій представитель № 7. Улица Сэнъ-Мэдаръ въ Парижѣ“.

— Я французскій гражданинъ и выборщикъ Парижа, а вы всѣ — голытьба и сволочь.

О себѣ Прэво говорилъ только, когда былъ очень пьянъ, и разсказывалъ о своемъ прошломъ въ путанныхъ и скомканныхъ выраженіяхъ, будто вспоминая давно забытую исторію.

Проведя почти половину своей жизни въ Россіи, онъ по-русски говорилъ совершенно свободно, хотя нѣкоторыя слова произносилъ съ чуть замѣтнымъ акцентомъ. Иногда же Прэво пользовался и французскими словами на русскій ладъ. Для большаго эффекта онъ старался придать языку произношеніе и характерныя черты разговорной рѣчи заводскихъ рабочихъ и пересыпалъ свою рѣчь пикантными и весьма недвусмысленными словечками. Вотъ почему онъ не любилъ разсказывать о себѣ французамъ и охотно дѣлился своими воспоминаніями съ русскими.

— Что имъ разсказывать?—французъ тебя не пойметъ. Разсказывай ему о русской водкѣ, о зимѣ, о тройкахъ,—не понять ему этого, не понять.

Люблю я Русь, ея мятели,
Снѣга и вьюги и морозъ,—
Я съ ними свыкся съ колыбели,
Они—мои, я съ ними росъ.

И, ударяя себя въ грудь, Прэво силился пустить слезу.

— Это я самъ сочинилъ,—продолжалъ онъ съ дѣланной дрожью въ голосѣ.—Тридцать лѣтъ, какъ я изъ Россіи, а никакъ не могу ея забыть. Бывало, закатимъ на Острова и гуляемъ тамъ цѣлую недѣлю: цыганки, музыка, тройки, — хоть тебѣ что. Водку пьемъ изъ самовара. Такъ намъ ее и подавали, въ самоварахъ. Жили мы въ ту пору на Невскомъ. Отецъ игралъ въ церкви, во французской, на органѣ, а я учился на фортепьянѣ, въ Академіи. И вотъ на Невскомъ-то ходила одна дѣвчонка, изъ пляшущихъ, значитъ, но такая красивая, что куда тебѣ нашимъ парижанкамъ. Сталъ я за ней присматривать и влюбился. Подлая она была и крутила мной, какъ знала, а я, дуракъ, за ней хвостомъ такъ и бѣгалъ. Потомъ сталъ для нея деньги у отца воровать. Долго это продолжалось, и все шло на кутежи да на тройки, а какъ запримѣтили, меня съ дому прогнали. Работалъ я еще на заводѣ, что за Невской заставой; — знаете вотъ тотъ, какъ его... Ну, вотъ ужъ я въ мастера выходилъ, какъ меня на рекрутскій наборъ потребовали сюда, значитъ, во Францію. Я и поѣхалъ. Съ тѣхъ поръ былъ я репрезантомъ отъ вина, ѣздилъ еще въ Россію, а какъ послѣдній разъ пріѣхалъ сюда, завертѣлся я, братъ, тутъ со всякой дрянью, и пошло, пошло...

На бульварѣ гасло электричество, дѣлалось темно. Только на мосту слѣпымъ краснымъ свѣтомъ горѣли фонари. Медленно тащились на рынокъ огромные возы съ свѣже-пахнущими овощами. Чуть синѣло вдали утро. Кружевной каймой выступали на горизонтѣ острые кон-

туры готическихъ шпилей. Тихо несла свои воды сонная Сена, и, какъ похоронныя свѣчи, чуть колыхались на поверхности ея длинныя отраженія фонарей. На прибрежной баржѣ вяло клубился дымокъ. Мѣрно отбивали часы на Нотръ-Дамъ, точно роняя свои удары въ сонную воду рѣки.

Люблю я Русь, ея мятели,
Снѣга и вьюги и морозъ...

Прэво прерывисто кашлялъ и засыпалъ на скамьѣ набережной.

На улицѣ Сэнъ-Северэнъ, въ маленькой лавчонкѣ съ выкрашеннымъ въ красный цвѣтъ фронтономъ и заманчивой надписью на окнѣ: „Бургонская домашняя кухня на выносъ", тетушка Люнэтъ содержала обжорку, „лучшую кухню Мобэра". И часовъ съ десяти утра ходили туда мобэровцы съ тарелками, жестяными кружками, коробками изъ-подъ консервовъ, газетной бумагой и получали за 6 — 8 су обильный, горячій обѣдъ.

Тетушка Люнэтъ, здоровая толстая старушка въ очкахъ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, каждому кліенту говорила соотвѣтствующую его положенію любезность, сообщала злободневную новость по его вкусу, но со всѣми сохраняла хозяйскую дѣловитость и строгій офиціальный тонъ. Кліентура обжорки была большею частью проходящей и состояла главнымъ образомъ изъ профессіональныхъ нищихъ, тряпичниковъ и чернорабочихъ парижскаго рынка, которыми такъ пестра Мобэровская площадь. Все это народъ безъ устойчивыхъ привычекъ: пришелъ, взялъ свою порцію и съѣлъ ее съ бутылкою вина въ сосѣднемъ кабачкѣ или на бульварной скамейкѣ. Но нѣсколько человѣкъ пользовалось у тетушки Люнэтъ особыми привилегіями и обѣдало въ самой обжоркѣ за мраморнымъ столомъ, стоящимъ между печкой и ящикомъ съ углемъ.

Обѣдалъ старый поэтъ, сотрудникъ ежемѣсячнаго „Журнала добрыхъ матерей", писавшій религіозные стихи на политическія темы, отставной алжирскій фельдфебель — маньякъ и роялистъ, старая торговка овощей, съѣдавшая полпорціи мяса за двумя литрами вина, шарманщикъ съ ампутированной рукой, пившій абсентъ безъ воды и говорившій о революціонныхъ переворотахъ, еще нѣсколько посѣтителей изъ привилегированныхъ и дѣдушка Прэво.

Первымъ приходилъ поэтъ. Галантно, какъ человѣкъ хорошаго тона, раскланявшись съ хозяйкой, онъ обѣими руками снималъ съ головы котелокъ, еле притрагиваясь къ нему кончиками пальцевъ, и клалъ его на сосѣдній стулъ,—доставалъ изъ задняго кармана сюртука салфетку, въ которую былъ завернутъ собственный приборъ, и, подтянувъ на колѣняхъ потертыя, но старательно вычищенныя брюки, усаживался у края стола, поближе къ печи. Вторымъ приходилъ роялистъ. Вмѣсто обычнаго „здравствуйте", онъ еще на порогѣ заказывалъ супъ, самъ доставалъ себѣ изъ шкапа вино и приходилъ въ человѣческое настроеніе только ко второму блюду. Потомъ приходила торговка и остальные столовники, а послѣднимъ—дѣдушка Прэво.

— Что жъ, тетушка, говорятъ, что вы сегодня своего стараго кота зажарили и вмѣсто кролика его намъ приподносите?

Эту шутку Прэво повторялъ каждый разъ, когда среди записанныхъ на грифельной доскѣ блюдъ значился жареный кроликъ. Къ этой шуткѣ всѣ привыкли, и никто на нее больше не обращалъ вниманія. Меньше всего обижалась на Прэво сама хозяйка, питая къ нему особое расположеніе за его широкій размахъ и умѣнье пить, которые сильно поддерживали ея торговлю. Своимъ весельемъ и прибаутками онъ привлекалъ въ обжорку большую кліентуру и способствовалъ славѣ тетушки Люнэтъ во всемъ кварталѣ. Кромѣ того Прэво былъ не только посѣтителемъ обжорки, но состоялъ и квартирантомъ у тетушки Люнэтъ. Во дворѣ, въ маленькой каморкѣ, гдѣ тетушка складывала свои припасы, она отдала ему внаемъ небольшой уголокъ, куда Прэво приходилъ ночевать, если только спьяна не засыпалъ гдѣ-нибудь подъ мостомъ или на уличной скамейкѣ. Это создало ему особое положеніе въ обжоркѣ, и онъ чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома. Онъ былъ центромъ всеобщаго вниманія и задавалъ тонъ всѣмъ разговорамъ и шуткамъ.

— Впрочемъ, ну васъ съ вашимъ котомъ и съ вашимъ кроликомъ. Вотъ, пойди, скоро всѣхъ насъ зажарятъ, и это будетъ посерьезнѣе стараго кота.

— А правда ли, что будетъ война?

— Да ужъ больно съ запада порохомъ запахло.

— Пусть только попробуютъ! — кричалъ алжирскій фельдфебель. — Мы съ ними быстро раздѣлаемся, съ этими подлыми бошами. Наши тюрко и не такіе виды видали.

— Что ужъ ты тамъ про своихъ тюрко ни разсказывай, а безъ нашей славной союзницы, Россіи, вамъ, братъ, съ бошами не такъ-то легко будетъ справиться. А вотъ какъ Россія пуститъ на Германію своихъ казаковъ и всю свою армію, то она этихъ подлецовъ, какъ прессомъ придавитъ, — однѣ только кости затрещатъ.

И дѣдушка Прэво при общемъ вниманіи слушателей долго разсказывалъ о донскихъ казакахъ, о доблестныхъ подвигахъ русскихъ солдатъ, о необычайномъ мужествѣ и храбрости русской арміи.

Доброволецъ—увѣчный воинъ, *кавалеристъ, потерявшій въ сраженіи правую ногу, собирается на практическія занятія (объѣздку лошади).*

Стояли знойные іюльскіе дни. Все упорнѣе и настойчивѣе повторялись слухи о неизбѣжности войны. Всеобщая мобилизація и послѣдующія событія развернулись съ такою стремительностью, что застали всѣхъ въ полной неподготовленности и паническомъ страхѣ. Все грознѣе надвигалась буря, и каждый день приносилъ съ собою новыя вѣсти о приближеніи прусскихъ войскъ и угрозѣ Парижу. За одинъ мѣсяцъ этотъ полный жизни и безудержнаго веселья городъ измѣнился, опустѣлъ и сталъ похожъ на огромное кладбище, въ которомъ только изрѣдка встрѣчались грустные, скорбные люди, будто заблудившіеся здѣсь послѣ похоронъ дорогого покойника. Опустѣла и обжорка тетушки Люнэтъ. Не стало въ ней прежняго веселья. Всѣ куда-то разбѣжались. Только гости мраморнаго столика остались на прежнихъ мѣстахъ и съ рѣшимостью людей, которые уже давно похоронили всѣ свои надежды, ждали завтрашняго дня. И этотъ завтрашній день имъ представлялся полнымъ ужаса, кровавыхъ преступленій, дикихъ невѣроятныхъ звѣрствъ. Вперемежку съ воспоминаніями о послѣдней нѣмецкой осадѣ Парижа, они говорили о дняхъ, полныхъ лишеній, которые ихъ ждутъ впереди. Они себѣ представляли прусскихъ улановъ въ Парижѣ, ихъ хозяйничанье въ домахъ, и имъ казалось, что насталъ конецъ Парижу и всѣмъ людямъ. Одинъ Прэво не падалъ духомъ и поддерживалъ надежды обжорки.

— Говорю я вамъ, что не видать бошамъ Парижа, не видать, какъ ушей своихъ. Говорятъ, что около 800 тысячъ русскихъ казаковъ высадилось въ Брестѣ, да и самъ я видѣлъ сегодня ночью цѣлый корпусъ русскихъ солдатъ, которые уходили на позиціи. Что жъ, мало вамъ этого? Вотъ погодите только, русскіе себя покажутъ!

Побѣда на Марнѣ и атака въ Сѣверной Пруссіи сразу всѣхъ пріободрили, и многіе невольно повѣрили въ выдуманныхъ дѣдушкой русскихъ солдатъ и въ ихъ участіе въ совершившемся чудѣ.

— Молодецъ, дѣдушка, ты не такъ ужъ глупъ, какъ это кажется. Сказалъ, что не быть нѣмцу въ Парижѣ, и сбылось. Выпьемъ, что ли?! Тетушка, подайте бутылку вина!

Престижъ дѣдушки Прэво все подымался. Каково бы ни было положеніе на западномъ фронтѣ, дѣдушка всѣхъ подбадривалъ, утверждая, что близокъ часъ, когда русская армія, какъ клещами, сдавитъ всю Германію, и та на колѣняхъ попроситъ мира. Взятіе Львова и Перемышля, занятіе всей Галиціи и наступленіе на Карпаты все больше укрѣпляли предсказанія Прэво... Въ обжоркѣ стало такое оживленіе, какого не знала тетушка Люнэтъ даже въ мирное время. Со всѣхъ концовъ приходили слушать пророческія рѣчи дѣдушки Прэво, и каждый считалъ своею обязанностью поставить дѣдушкѣ угощеніе и выпить за здравіе русской арміи. Прэво забросилъ свой промыселъ и сталъ жить на полномъ иждивеніи посѣтителей обжорки. Его окружали вниманіемъ, и сама тетушка Люнэтъ, въ видѣ особаго расположенія, то пришивала ему пуговицы къ сюртуку, то чинила ему старое бѣлье. Злые языки даже поговаривали, что между Прэво и тетушкой Люнэтъ установились „отношенія". Жизнь въ обжоркѣ стала сплошнымъ праздникомъ, и пьянству не было конца.

— Сегодня, дѣдушка, очередь за мною, выпьемъ?!

— Что же, гульнемъ. Это, братъ, никогда не мѣшаетъ

Съ начавшимся на русскомъ фронтѣ нѣмецкимъ наступленіемъ настроеніе обжорки рѣзко измѣнилось. Русскіе очистили Карпаты, австрійцы отбили Перемышль, и мобэровцы вновь упали духомъ.

— Что же это ты, дѣдушка, насъ морочилъ? Что же это твои солдатики маху-то дали?..

— Это ничего, братъ, не торопись, погоди! Всякое бываетъ. Я знаю русскій народъ, русскую армію и говорю вамъ, что это не страшно. Какъ тамъ ни верти, а наша возьметъ.

Военныя извѣстія съ восточнаго фронта все больше подрывали вѣру въ русскихъ солдатъ.

— Мразь вы, сволочь, ничего вы не понимаете. Все это казнокрады и измѣнники учинили. Русскій солдатъ здѣсь ни при чемъ. Не торопитесь галдѣть. Наши побѣдятъ, и тогда я всѣмъ вамъ носъ утру.

Нѣмцы уже отбили Львовъ, очистили Галицію и перебросили свое наступленіе на Польшу. Дѣдушка Прэво не находилъ больше словъ, и вмѣсто прежнихъ подбадривающихъ рѣчей онъ пустилъ въ ходъ кулачную расправу. Съ утра до вечера стояли скандалы и крики въ обжоркѣ. Прэво стали называть не иначе, какъ „грязный москаль", и дошло до того, что алжирскій фельдфебель прямо объявилъ его измѣнникомъ. Тутъ Прэво не выдержалъ и запустилъ въ него графиномъ. Всѣ посѣтители обжорки набросились на Прэво. Съ улицы сбѣжалась толпа, и его, избитаго, подъ общій крикъ мальчишекъ: „грязный бошъ! измѣнникъ!", повели въ участокъ.

Съ тѣхъ поръ дѣдушка Прэво въ обжоркѣ больше не появлялся. Изрѣдка только по ночамъ проходилъ пьяный Прэво по улицѣ Сэнъ-Северэнъ и, стуча кулаками въ закрытыя ставни обжорки, кричалъ:

— Измѣнники, шпіоны, казнокрады!

Но никто не видѣлъ его, никто не слышалъ. Только готическія химеры старой церкви Сэнъ-Северэнъ глядѣли въ темную пустоту улицы и провожали дѣдушку своимъ дикимъ чудовищнымъ взглядомъ.

Однажды утромъ тетушка Люнэтъ пошла, какъ обычно, въ свою каморку за припасами. Открывъ двери, она съ ужасомъ отшатнулась. Въ сумрачной темнотѣ каморки, чуть залитой синеватымъ отсвѣтомъ ранняго утра, выглянулъ висѣвшій трупъ дѣдушки Прэво. На немъ была его черная фетровая шляпа и черный длиннополый сюртукъ; безжизненныя маленькія ноги свисали оттуда, будто чужія. Весь онъ былъ черный, и только на лицѣ пестрѣлъ ярко-красный платокъ. Изъ темнаго фона каморки, на вытянувшемся черномъ трупѣ, это красное пятно зіяло огромной кровавой раной.

Когда на общій шумъ сбѣжавшихся сосѣдей пришла полиція и осмотрѣла трупъ, то на торчавшей изъ кармана коробкѣ она увидѣла слѣдующую надпись: „Матушка Люнэтъ, я нарочно обвязалъ себѣ ротъ платкомъ, чтобы вы при видѣ меня не подумали, что я выставляю вамъ языкъ".

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Румынскій, итальянскій и франко-британскій фронты.

Послѣдніе дни періода осенней кампаніи отравлены смутными слухами о всевозможныхъ комбинаціяхъ мирныхъ предложеній со стороны противника, могущихъ въ той или иной степени вредно отразиться на интересахъ Россіи. Въ связи съ этимъ центръ общаго вниманія сосредоточенъ сейчасъ на вопросѣ о ликвидаціи войны.

Закончится ли въ этомъ году настоящая кровавая война или не закончится, вопросъ этотъ зависитъ исключительно отъ той линіи, которую займетъ великая, милліонная армія Россійской республики. Со словъ новаго нашего военнаго министра мы уже имѣли случай убѣдиться въ томъ, что на четвертомъ году кровавой борьбы русская армія не только не нуждается въ новыхъ пополненіяхъ, но даже будетъ подвергнута въ ближайшее время серьезному сокращенію.

Эта исключительная и вполнѣ цѣлесообразная мѣра принимается нашимъ военнымъ вѣдомствомъ въ тотъ моментъ, когда германскій генеральный штабъ, вылѣзая, какъ говорится, изъ кожи, стремится компенсировать недостатокъ живой силы новымъ увеличеніемъ техническихъ средствъ борьбы.

Опытъ минувшихъ боевыхъ дѣйствій на сѣверномъ нашемъ фронтѣ, въ бояхъ подъ Ригою и Якобштадтомъ, показалъ, что противникъ спѣшитъ использовать превосходное число своихъ орудій и тѣмъ поддержать на своей сторонѣ принципъ активности и иниціативы. На самомъ же дѣлѣ положеніе истрепанной германской арміи продолжаетъ быстро ухудшаться, не обѣщая никакихъ серьезныхъ надеждъ на благополучное разрѣшеніе общей проблемы войны.

При такихъ условіяхъ всѣ взоры германскихъ имперіалистовъ съ фельдмаршаломъ Гинденбургомъ во главѣ обращены сейчасъ въ сторону русской республиканской арміи съ надеждой, что послѣдняя, отказавшись добровольно отъ борьбы, спасетъ выдыхающіяся силы Вильгельма.

Усматривая залогъ спасенія въ твердой дисциплинѣ, фельдмаршалъ Гинденбургъ держитъ нѣмецкія войска въ своихъ рукахъ и зорко оберегаетъ ихъ отъ малѣйшихъ признаковъ революціоннаго настроенія. Пока германскія войска будутъ сильны настоящимъ ихъ духомъ, успѣхъ нѣмецкаго оружія на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій не будетъ знать своего заката. Такъ думаетъ фельдмаршалъ Гинденбургъ, расправляясь смертной казнью съ ячейками революціонныхъ русскихъ организацій, случайно оставленныхъ нами въ Ригѣ. Такъ думаетъ германскій полководецъ, продвигаясь впередъ на берегахъ рѣки Западной Двины, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отпора отъ нашихъ сѣверныхъ армій.

Желая сохранить видимость активныхъ своихъ намѣреній и на противоположномъ флангѣ боевого фронта, противникъ продолжаетъ придерживаться прежней своей тактики въ предѣлахъ румынскаго театра военныхъ дѣйствій. Рядъ послѣднихъ сообщеній штаба верховнаго главнокомандующаго успѣлъ отмѣтить о томъ, какъ австро-германскія части вновь атаковали недавно наши позиціи у сѣверной румынской границы въ раіонѣ Серета. Атаки противника не имѣли никакого успѣха и были нами начисто отбиты.

За истекшее время боевыя дѣйствія на румынскомъ фронтѣ развернулись на Новоселицкомъ и Ажудскомъ направленіяхъ. Первое изъ нихъ совпадаетъ съ долиною рѣки Прута, гдѣ противникъ атаковалъ расположеніе нашихъ войскъ между деревней Ракитной и Бояномъ со стороны Черновицъ. Второе приходится какъ разъ по серединѣ между Фокшанскимъ и Окненскимъ направленіями въ южной части Молдавіи, на изломѣ румынскаго фронта, спускающагося съ предгорій Карпатъ въ долину слiянія рѣкъ Серета и Тротуша.

Послѣ ряда неувѣренныхъ дѣйствій, сводившихся къ послѣдовательному нанесенію ударовъ по румынскимъ позиціямъ, то на сѣверѣ и югѣ, то, наконецъ, въ центрѣ послѣднихъ, австрогерманцы вновь рѣшили атаковать раздѣленныя 200-верстнымъ пространствомъ фланговыя позиціи молдавскаго участка фронта на верхнемъ и среднемъ теченіи румынскаго Серета

Сдвинувшись съ линіи Боянъ—Ракитна (въ 15 верстахъ къ юго-востоку отъ Черновицъ), наши войска оставили послѣднюю опорную точку прошлогоднихъ Брусиловскихъ зимнихъ позицій, съ которыхъ они начинали, подъ командой генерала Лечицкаго, побѣдоносное свое вторженіе въ предѣлы Буковины.

Боевыя дѣйствія перекинулись затѣмъ къ востоку отъ деревни Лехучени, расположенной въ 7 верстахъ къ сѣверо-западу отъ города Новоселицы, гдѣ сходятся границы трехъ соприкасающихся государствъ (Россіи, Австріи и Румыніи). Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что наши войска въ Черновицкомъ раіонѣ осадили на 6—7 верстъ назадъ, очистивъ занятый нами въ 20-хъ числахъ іюля настоящаго года участокъ фронта на разстояніе около одного перехода.

Интересно отмѣтить, что, потерпѣвъ неудачу въ достиженіи своихъ цѣлей на прямыхъ операціонныхъ направленіяхъ вдоль лучшихъ дорогъ со стороны Фокшанъ и черезъ Окна, фельдмаршалъ Фалькенгайнъ, отыскивая наиболѣе слабый участокъ русско-румынскаго расположенія, передвигался отъ Фокшанъ все болѣе и болѣе къ сѣверу, пока не добился нѣкотораго ощутительнаго здѣсь результата. Онъ достигъ станціи Ажудъ, которая находится отъ него сейчасъ на разстояніи около 12 верстъ.

Боевыя дѣйствія на Новоселицкомъ и Ажудскомъ направле-

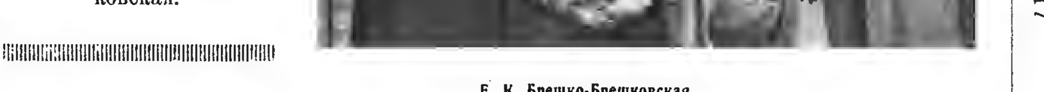
Миссъ Кристобелль Панкхёрстъ.

Джесси Кенни, секретарь Панкхёрстъ

Всероссійскій Съѣздъ сестеръ милосердія.

Почетныя гостьи Съѣзда— двѣ союзницы въ борьбѣ за права женщины — извѣстная англійская суфражистка миссъ Кристобелль Панкхёрстъ и „бабушка русской революціи“ Е. К. Брешко-Брешковская.

Е. К. Брешко-Брешковская.



Всероссійскій Съѣздъ сестеръ милосердія, засѣдавшій въ Петроградѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, съ 26-го августа по 4-е сентября с. г. По фот. Я. Штейнберга.

ніяхъ утверждаютъ такимъ образомъ насъ въ мысли о томъ, что отъ румынскаго похода Гинденбургъ пока еще не отказался и будетъ, повидимому, дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока наступленію его не помѣшаетъ оборотъ событій на другихъ европейскихъ фронтахъ.

А событія эти, видимо, уже назрѣваютъ на Изонцкихъ позиціяхъ восточнаго итальянскаго фронта.

Сраженіе на Карсо къ югу отъ Горицы, на лѣвомъ (восточномъ) берегу рѣки Изонцо, развивается съ крайнимъ ожесточеніемъ. На фронтѣ къ сѣверу отъ Горицы уже опредѣлился результатъ первой фазы наступленія: плоскогорье Банзица, превращенное австрійцами въ сильную крѣпость и такъ упорно защищавшееся ими, занято итальянскими войсками. Австрійскій фронтъ прорванъ на протяженіи 13 верстъ. Прорывъ образовался глубиною отъ 9 до 11 верстъ. Итальянцами занято свыше 220 кв. верстъ австрійской территоріи, на которой расположено до 40 отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ.

Къ югу отъ Горицы кипитъ ожесточенная борьба за обладаніе ближайшимъ опорнымъ пунктомъ плоскогорья Карсо подъ названіемъ высоты Гермады.

Своими операціями на плоскогорьѣ Банзица, такъ же, какъ и на Карсо—противъ Гермады, итальянское командованіе имѣетъ цѣлью преодолѣть два важнѣйшихъ опорныхъ пункта австрійскихъ оборонительныхъ линій на путяхъ къ Тріесту и Лайбаху.

Для спасенія создавшагося положенія на берегахъ Изонцо, австрійская главная квартира уже начала перебрасывать съ восточнаго русско-румынскаго фронта нѣкоторыя войсковыя части, которыя, по прибытіи на Карсо и плоскогорье Банзица, немедленно были брошены въ бой. Операціями руководитъ самъ начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба генералъ Конрадъ фонъ-Гецендорфъ.

Примѣняя для разрушенія непріятельскихъ траншей спеціальныя бомбы собственнаго изобрѣтенія, итальянцы наносятъ ужасающія потери австрійскимъ войскамъ, среди которыхъ многія части уже оказались почти совершенно негодными для дальнѣйшаго веденія боя.

Существенную помощь въ наступленіи итальянской арміи оказываетъ англійская тяжелая артиллерія и американскія авіаціонныя части, присланныя сюда заблаговременно.

Результатомъ дружнаго сотрудничества указанныхъ частей съ итальянской арміей въ руки послѣдней въ бояхъ на плоскогорьѣ Карсо и на высотахъ Банзица попало свыше десяти тысячъ плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ и нѣсколько десятковъ орудій.

Телеграммы изъ Рима, пересчитывая нумера австрійскихъ дивизій, выведенныхъ изъ строя, и остатки которыхъ убраны съ линіи огня, поименовываютъ около 11 отдѣльныхъ вышеуказанныхъ соединеній.

Принимая во вниманіе, что пятая армія Бороевича фонъ-Бойно, прикрывающая пути на Тріестъ и Лайбахъ, состояла раньше изъ 18-20 дивизій австро-венгерской пѣхоты, мы можемъ констатировать фактъ разгрома отъ 60 до 70 процентовъ ея состава.

Въ теченіе настоящаго года фельдмаршалъ Гинденбургъ не имѣлъ ни одного успѣха на франко-британскомъ фронтѣ, гдѣ ему приходилось лишь отступать для сокращенія своихъ позицій и выигрыша, такимъ образомъ, нѣкотораго количества свободныхъ резервовъ.

На французскомъ фронтѣ въ Шампани и подъ Верденомъ снова началось наступленіе французской арміи, которое въ большей степени измѣнило положеніе нѣмецкихъ позицій къ сѣверу отъ послѣдняго названнаго пункта, сравнительно съ тѣмъ, какъ это было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на берегахъ рѣки Энъ между Суассономъ и Реймсомъ. Короткимъ ударомъ французскія арміи захватили важныя нѣмецкія опорныя точки на обоихъ берегахъ Мааса. Высота „304" и Мортомъ, а также лѣсъ Авокуръ, расположенные въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Вердена, за обладаніе которымъ происходила ожесточенная борьба между нѣмцами и французами въ теченіе почти трехъ лѣтъ, остались въ рукахъ послѣднихъ, чѣмъ въ значительной степени закрѣплено положеніе лѣвобережныхъ Маасскихъ позицій французовъ, прикрывающихъ не только Верденскій раіонъ, но и сообщеніе послѣдняго съ Шампанью.

Параллельно развивающееся наступленіе французскихъ войскъ и на правомъ (восточномъ) берегу Мааса равняется по наступающимъ частямъ на противоположной сторонѣ рѣки. Занятіемъ деревень Реневиль и Самонье, а также укрѣпленіемъ праваго фланга французовъ у деревни Орнъ (12 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Вердена), достигнуто значительное выдвиженіе французскихъ позицій къ сѣверу, приближающихъ ихъ къ линіи, съ которой нѣмцы начали наступленіе на Верденъ въ 1916 году.

Такимъ образомъ боевыя дѣйствія подъ Верденомъ развернулись на фронтѣ около 25 верстъ отъ мѣстечка Орнъ до лѣса Авокуръ. Рѣка Маасъ служитъ какъ бы осью французскаго наступленія, которое обошлось противнику уже очень недешево. Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ германскихъ солдатъ попали въ руки французовъ, не считая числа убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ недавнихъ сравнительно незначительныхъ боевъ во Фландріи всѣ бельгійскія желѣзныя дороги были забиты вагонами съ ранеными нѣмецкими солдатами: каковы же теперь должны быть потери германцевъ, когда французы начали сбивать ихъ съ многолѣтнихъ Верденскихъ позицій?

Въ общей сложности первые дни итальянскаго и французскаго наступленій на берегахъ рѣки Изонцо и подъ Верденомъ вырвали изъ австро-германскихъ рядовъ свыше 21 тысячи плѣнныхъ бойцовъ и около 45 тысячъ убитыми и ранеными.

Нашимъ подписчикамъ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ,** такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ **болѣе 2 рублей,** а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, **одинъ рубль.**

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:— **дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи— 1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство «А. Ф. Марксъ» съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Нива», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880.000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго" книга 6.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1917 г. № 40

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVIII г. изданія

Выданъ 7 октября 1917 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сиб.“, кн. 53—54.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

УЧЕБНИКИ

и всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ, книжный складъ **А. И. Загряжскаго,** Петроградъ, Разъѣзжая, 14, высылаетъ немедленно. Мелкія суммы присылать марками, на пересылку слѣдуетъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль. При заказахъ слѣдуетъ высылать задатокъ (прибл. 1/3 суммы), остальное наложеннымъ платежомъ. Поступили въ продажу: А. И. НОВИКОВЪ, РУКОВОДСТВО КЪ СОСТАВЛЕНІЮ СОЧИНЕНІЙ, для самостоятельной подготовки и для самообразованія, книга КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ, цѣна **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 45 к.** и книга РУКОВОДСТВО по ПРАВОПИСАНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА и правила сокращенія словъ, употребленіе буквъ, разстановка знаковъ препинанія; со справочнымъ орѳографическимъ словаремъ 60.000 затруднительныхъ въ правописаніи словъ, для самостоятельной подготовки, для самообразованія и всѣмъ желающимъ НАУЧИТЬСЯ ГРАМОТНО ПИСАТЬ (книга содержитъ 350 страницъ) цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкой **3 р.** — За двѣ 20-коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ учебниковъ, рѣшеній, конспектовъ, подстрочниковъ-переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и друг. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ. 4717

УГАДЫВАЮ ЗАОЧНО

ВАШУ ЖИЗНЬ В НАСТОЯЩЕМ, ПРОШЕДШЕМ и БУДУЩЕМ. Как Доктор Индусск. наук, обладаю таинственн. египетск. знаніями и могущественн. силой разгадывать чужія мысли. Я скажу Вам за тысячи верст, не заблуждаетесь ли Вы пред каким-либо начинаніем. Вы узнаете от меня много важнаго и нужнаго как о себѣ, так и о Ваших родных и знакомых. Я разрѣшу вопрос, пользуетесь ли любовью интересующаго Вас лица. Не видя Вас самих, я точно опредѣлю Ваш характер и вѣрно предскажу Вашу судьбу. Если Вас интересует, напишите мнѣ, когда Вы родились, и Вы получите от меня отвѣт с подробным Вашим живнеописаніем и предсказаніем Вашей судьбы. Сообщаю за **1 руб.** Деньги присылайте переводом или в заказн. письмѣ. Налож. платежом **1 р. 45 к.** Пишите по адресу: Професс. К. **КАРА ХАН-БЕК. МОСКВА,** почт. ящик 2286-Г. БОЛѢЕ ПОДРОБНОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ С ПОЛНЫМЪ ГОРОСКОПОМ — **3 руб.** Высылаю по полученіи денегъ. 4718

Міръ таинственнаго.

Новая книга: МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВѢКА.

Практическая магія, по которой кажд. можетъ достигнуть **необычайн. власти надъ силами** человѣка, обладать могуществомъ и дѣйствовать чудесными. Съ прилож. сочин. **„ДЕРЕВЕНСКАЯ МАГІЯ“: чародѣйство, знахарство и народные заговоры** на **всѣ жизненн. случаи** (привлеченіе и чары любви; угадываніе чужихъ тайнъ, счастливые выигрыши; талисманы; живая вода; ключи Соломона: вызываніе духовъ; **цѣлебн.** растенія и пр.). Всѣ тайн. посвященія... 1-е въ Россіи науч. изд. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. **Кн-во „ОККУЛЬТИСТЪ“ МОСКВА, 4-я Мѣщанская, д. 1, кв. 29.**

5-3 4658

ШОФФЕРОМЪ или МОТОЦИКЛИСТОМЪ

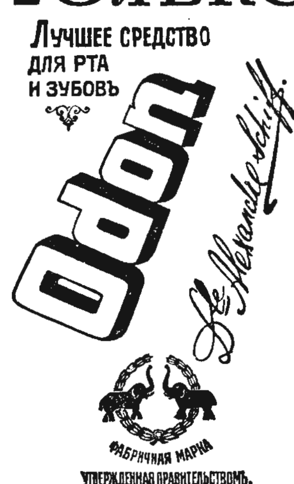
кто хочетъ сдѣлаться или кто хочетъ поступить въ автомобильную роту, тому необходимо подготовиться по нашему курсу. Цѣна полнаго курса съ многочисленными иллюстраціями и рисунками въ текстѣ **9 р. 90 к.** съ пересылкой.

Къ курсу БЕЗПЛАТНО прилагаются два конспекта для лучшаго усвоенія и повторенія.

Адресъ: Москва, Б. Гнѣздниковскій, 10, Издательству Д. М. Куманова.

(6) Безъ задатка никому не высылается.

ТОЛЬКО



Устраняетъ дурной запахъ изо рта.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ.

Главное депо Н. Г. Зиминъ: Москва, Софійка, д. 9.

4711 4 2

КАПИЛЯРЪ

единственное добросовѣстное средство для волосъ головы. Необходимо каждому, какъ лучшій способъ укрѣпленія волосъ и ухода за ними.

КАПИЛЯРЪ

радикально уничтожаетъ перхоть, возстанавливаетъ правильный ростъ волосъ, прекращаетъ выпаденіе, придаетъ волосамъ правильный ихъ цвѣтъ, лысымъ помогаетъ вернуть къ жизни замирающія волосяныя луковицы и т. д.

КАПИЛЯРЪ

цѣна флакона **7 р. 50 к.** безъ пересылки. Складъ „КАПИЛЯРЪ“ и „ЗЕФИРОНЪ“, Москва, Пятницкая ул., д. 37. Высылается по получ. 3 р. задатка.

4719 2-1

Необходимое руководство ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ обоего пола.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ“, отд. 2. (6)

Руководство для газетныхъ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ

Постоянн. крупн. побочн. заработокъ.

4365 Цѣна 1 руб. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ“,** Печатниковъ пер., 15/2. (16

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Издан. Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“.

НОВАЯ КНИГА:

ПОЛОЖЕНІЕ О ВЫБОРАХЪ ВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Состав. **А. И. Садыковъ.** 239 стр. Цѣна **3 руб.** Полный текстъ закона со всѣми дополнительными постановленіями Временнаго Правительства, обнародованными до 4-го Окт. 1917 г., постатейными разъясненіями и подробной объяснительной запиской, составленной по стенографич. отчетамъ и докладамъ Особаго Совѣщанія для изготовленія проекта положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе 4724

КРАСОТУ ВАШЕГО ЛИЦА

сохраняйте и возстановляйте гигіеническимъ массажемъ. **Изучивъ заочно, посредствомъ лекцій.** Проспектъ, опросный листъ и пробная лекція высылаются безплатно. На пересылку прилагать **двѣ 15-коп. марки.** Москва, Петровскій бульваръ, **Маріи Дурасевичъ.**

4705

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ Грушевскаго 6 отд. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ. транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. **4 руб.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Борисова Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ букв. Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористт. шрифт. Цѣна **5 руб.**

СТЕНОГРАФІЯ Мусинова (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна **6 руб.**

(8) 4605

Перес. и упаков. по дѣйств. стоим. Приславшіе полн. стоим. впередъ за перес. не платятъ.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ВСѢМЪ ОТЧАЯВШИМСЯ.

Новое радикальное средство отъ неврастеніи (безсилія)

WONDER CROWN ESSENCE

дѣйствующее при всѣхъ, даже безнадежныхъ, случаяхъ. Результатъ немедленный и длительный.

Высылается по полученіи полной стоимости **15 р. 50 к.** (съ упаковкой и пересылкой)

Т/Д. ГЮСТАВЪ ГОДЕФРУА.

4710 Петроградъ, Невскій пр., 82, лит. Н.

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

4460

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. **безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость** съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

4198 13-7

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРОГРАДЪ.

Новѣйшія моды.

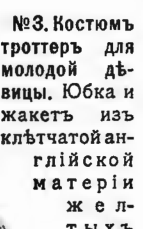
№ 1. Платье изъ шелковаго сукна съ суташевой отдѣлкой. Прямая юбка отдѣлана поверхъ высокаго рубца четырьмя рядами суташа въ тонъ матеріи; верхъ заложенъ плоскими складками, идущими въ разныя стороны отъ широкой круглой складки передника,—складки только слегка заглаживаются, падая свободно. Очень красиво расположена суташевая вышивка на лифѣ; она огибаетъ круглый вырѣзъ ворота, продолжаясь по плечамъ до проймы, и повторяется по краю маленькой эполетки и на обшивкѣ рукава, которая положена вкось, окаймляя манжету-митень. Внизу корсажа полукруглый суташевый мотивъ теряется подъ слегка драпированнымъ кушакомъ изъ мягкаго шелка. На спинкѣ вышивка продолжена только вокругъ ворота,—нижній мотивъ не повторяется. Сзади мягкій отложной батистовый воротникъ.

№ 2. Платье съ корсетикомъ. Съ 7-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ.

Фиг. 1. Передъ блузки.
„ 2. Половина спинки.
„ 3. Половина корсетика.
„ 4. Половина вставки къ корсетику.
Фиг. 5. Рукавъ.
„ 6. Половина обшивки къ рукаву.
Фиг. 7. Половина выкроеннаго волана къ рукаву.

Прямая сборчатая юбка изъ нинона на атласномъ чехлѣ, атласный корсетикъ съ глубоко вырѣзанной проймой, образующей въ плечахъ какъ бы бретели, спереди широко открытъ, открывая внизу вставку изъ широкаго тюлеваго вышитаго галуна. Если платье черное на бѣломъ или цвѣтномъ свѣтломъ чехлѣ, то вышивка можетъ быть яркихъ цвѣтовъ въ восточномъ вкусѣ, съ примѣсью серебра или золота; такой же вышитый узкій галунъ охватываетъ головку выкроеннаго рукавнаго волана. Свободный воротъ нижней нихоновой блузки низко вырѣзанъ спереди, сзади вырѣзъ обыкновенной вышины.

Корсетикъ кроится изъ одного куска, безъ шва въ плечахъ и соединяется спереду подъ вставкой.



№ 1. Платье изъ шелковаго сукна съ суташевой отдѣлкой.

№ 3. Костюмъ троттеръ для молодой дѣвицы. Юбка и жакетъ изъ клѣтчатой англійской матеріи желтыхъ тоновъ съ свѣтло-коричневымъ. Юбка заложена крупными плоскими складками съ круглой складкой въ передникѣ; свободный прямой жакетъ стянутъ въ таліи гладкимъ кушачкомъ изъ той же матеріи, застегнутымъ спереди въ видѣ патты на одну обтяжную пуговицу. На передкахъ баски два большихъ четыреугольныхъ кармана съ полукруглыми клапанами; отложной воротникъ съ длинными лацканами изъ той же матеріи.— Шляпа изъ бѣлой пуховой матеріи перетянута вокругъ головки узкой полоской коричневаго фетра.

№ 3. Костюмъ троттеръ для молодой дѣвицы.

№ 4. Домашнее платье для пожилой дамы. Платье изъ темно-синяго кашемира; юбка годе длиною до щиколки; гладкій лифъ, слегка перекрещиваясь внизу, открываетъ жилетъ изъ синяго или бежеваго шелка, затканнаго темными розами; на передкахъ, отъ середины плечевого шва, двѣ такія же длинныя остроконечныя вставки; на прикроенный къ жилету стоячій воротникъ ложится маленькій отложной батистовый воротникъ; узкіе локтевые рукава выкроены у кисти митенью и украшены вдоль локтевого шва, отъ манжеты до локтя, рядомъ пуговицъ-булекъ; узенькій кушакъ изъ тафты.

№№ 5—6. Модная прическа и способъ ея устройства. Эта простая и красивая прическа, не требующая никакой подкладки, легко можетъ быть исполнена безъ посторонней помощи. На нашихъ рисункахъ показаны всѣ нужные для ея исполненія пріемы, обозначенные нумерами, а именно:

Уменьшенный чертежъ выкройки къ костюму № 2, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сант. отъ Фиг. 1—7

№ 2. Платье съ корсетикомъ. Съ 7-ю выкройками въ уменьшенныхъ чертежахъ, съ обозначеніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ, фиг. 1 — 7

Фиг. 1. Раздѣлить волосы на макушкѣ поперечнымъ проборомъ отъ уха до уха, потомъ сдѣлать на передней части волосъ еще два долевыхъ пробора по бокамъ, раздѣливъ такимъ образомъ переднія волосы на три пряди — одну посерединѣ лба и двѣ по бокамъ.

Фиг. 2. Заднюю часть волосъ зачесать вверхъ и закрутить на затылкѣ слабымъ узломъ, который составитъ основу прически.

Фиг. 3. Здѣсь показана боковая прядь волосъ съ лѣваго бока, слабо приподнятая надъ ухомъ и основательно пришпиленная сбоку основного узла; конецъ пряди слегка закручивается и обводится вокругъ основанія, какъ показываетъ фиг. 4. Правая сторона устраивается такимъ же образомъ. Теперь остается еще средняя прядь, какъ видно на Фиг. 5.

Фиг. 6. Всю переднюю прядь зачесать назадъ, сдѣлавъ, при помощи гребня, напускъ на лѣвой сторонѣ лба, и покрыть ею основу и внизу ея крѣпко приколоть волосы закинутой пряди, потомъ раздѣлить ее посрединѣ пополамъ, а концы провести съ обѣихъ сторонъ къ боковымъ прядямъ, такъ, чтобы основы совсѣмъ не было видно, и приколоть концы гребешками или шпильками съ хорошенькими головками.

№ 4. Домашнее платье для пожилой дамы.

Фиг. 7. показываетъ законченную такимъ образомъ прическу сбоку.

№ 6. Описанная выше прическа въ готовомъ видѣ.

№ 7. Костюмъ для гулянья. Верхняя юбка изъ сукна, отдѣланная на подолѣ узенькимъ суташевымъ бордюромъ, заложена спереди тремя широкими круглыми складками и ложится на подшитый снизу высокій гладкій рубецъ изъ бархата самаго темнаго тона матеріи. Такой же суташевый бордюрчикъ на передкахъ лифа, открытаго на жилетѣ изъ бѣлаго вельветина, потомъ вокругъ проймы и манжеты. Кушакъ изъ того же сукна: съ праваго бока падаютъ, перекинутые черезъ кушакъ, два длинныхъ конца, украшенные на нижнемъ закругленіи суташевымъ мотивомъ.

Вмѣсто суташа вышивку можно сдѣлать шерстью,—такая шерстяная вышивка одна изъ послѣднихъ новостей моды.

№ 8. Костюмъ для гулянья и визитовъ. Платье изъ англійскаго вельвета; юбка годе; гладкій лифъ съ очень коротенькой баской, которая на передкахъ немного удлинена и разрѣзана на концахъ, образуя два зубца; передки, обрисованные суташевымъ галуномъ съ мотивами, въ таліи перекрещены, открывая вверху жилетъ изъ бѣлаго шелковаго сукна съ высокимъ отогнутымъ воротникомъ; застежка жилета на обтяжныя пуговицы сдѣлана вкось, слѣдуя контуру передковъ. Шарфъ и муфта балонъ составлены изъ полосъ котиковаго мѣха и шеншили.

№ 5. Модная прическа. Какъ причесываться.

№ 6. Модная прическа въ готовомъ видѣ.

№ 9. Домашнее платье изъ кашемира, саржи, габардина и т. п. Прямая юбка заложена плоскими складками. Цѣльный передокъ лифа имѣетъ видъ пластрона съ двумя рядами пуговицъ по краямъ, продолженныхъ на четыре пуговицы на юбкѣ по краямъ соотвѣтствующихъ складокъ; въ таліи пластронъ перетянутъ вышитымъ галуномъ, который теряется подъ приподнятыми на него въ видѣ паттъ концами кушака изъ матеріи платья, охватывающаго спинку. Края кушака и свободнаго низко вырѣзаннаго ворота украшены двойнымъ рядомъ крупныхъ стежковъ крученой блестящей бумагой, изумительно подражающей шелку, или шелкомъ кордоне; такіе же стежки повторяются на манжетѣ съ галунной вставкой. Задняя часть ворота гарнирована отложнымъ воротникомъ изъ галуна.

Полезные совѣты.

Что надо дѣлать, чтобы имѣть красивыя руки? Нѣтъ женщины, которая бы не желала имѣть хорошенькихъ ручекъ, и это вполнѣ понятно. У нѣкоторыхъ уже отъ природы кожа на рукахъ настолько нѣжна и эластична, что не требуетъ никакого ухода, кромѣ содержанія въ порядкѣ ногтей, но другія могутъ достигнуть красоты рукъ, только благодаря внимательному уходу за ними. Забота о рукѣ и правильный уходъ за нею не только сохраняютъ ея красивый видъ, но даже могутъ исправить поврежденія, нанесенныя ей временемъ, работой или вліяніемъ холода или рѣзкихъ переходовъ отъ холода къ жару и т. п.

Не слѣдуетъ часто мыть руки, а также подвергать ихъ дѣйствію воздуха. Отъ слишкомъ частаго мытья рукъ кожа на нихъ портится, особенно если мыло невысокаго качества. Вода для мытья рукъ должна быть всегда тепловатой, очень полезно прибавлять къ ней миндальныхъ отрубей или глицерину. При слишкомъ грубой и жесткой кожѣ надо прибавлять въ воду соду или буру — достаточно одной столовой ложки на кувшинъ средней величины. Всего лучше вмѣсто мыла употреблять для мытья рукъ миндальное тѣсто. Если приходится все-таки часто мыть руки, то лучше всего замѣнить мыло кусочкомъ лимона, или натирать ихъ вазелиномъ и смывать его въ теплой водѣ.

Послѣ хозяйственныхъ работъ въ домѣ или на воздухѣ, какъ, напримѣръ, лѣтомъ въ саду или огородѣ, когда руки страдаютъ отъ прикосновенія съ пылью и грязью, очень помогаетъ для смягченія кожи рукъ слѣдующее простое средство; вымывъ начисто руки очень хорошимъ мыломъ, совершенно чистыя руки снова чуть-чуть намыливаютъ съ возможно малымъ количествомъ воды, а мыльную пѣну на рукахъ растираютъ съ прибавкой нѣсколькихъ капель глицерина до степени нѣжнаго крема, который весь втираютъ въ руки, не вытирая послѣ этого полотенцемъ.

При всякой такъ называемой черной домашней работѣ надо, по возможности, надѣвать какія-нибудь старыя перчатки.

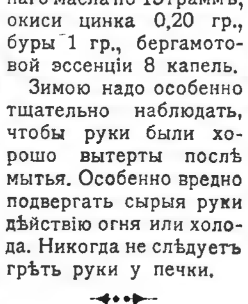
Никогда не выходить на воздухъ безъ перчатокъ, что предохраняетъ отъ пыли, а при холодной погодѣ отъ отмораживанія и трещинъ.

Но самая хорошенькая ручка при небрежномъ уходѣ за ногтями теряетъ свою прелесть. Красивые, розовые блестящіе ногти придаютъ много красоты рукамъ. Ногти слѣдуетъ чистить каждый день щеточкой, послѣ этого ихъ надо отполировать особеннымъ инструментомъ въ видѣ выгнутой подушечки изъ замши. Для полировки употребляютъ окись олова или порошокъ для ногтей. Стричь ногти достаточно разъ въ недѣлю, но подпиливать края напильникомъ надо ежедневно или по крайней мѣрѣ черезъ день, такъ какъ они не должны превышать длины пальцевъ. Рубчикъ у корня ногтей слѣдуетъ оттискивать книзу, чтобы бѣлая полулунка внизу ногтей была открыта; лишнюю кожицу надо удалять пензой или осторожно срѣзать острыми ножницами.

Кстати, сообщаемъ рецепты для смягченія кожи рукъ: **Миндальное тѣсто для рукъ:** горькаго и сладкаго миндаля въ порошкѣ 250 гр., лимоннаго соку 60 гр., молока 30 гр., миндальнаго масла 90 гр., разбавленной до 20° водки 180 гр.

Мягчительная мазь: какаоваго масла, миндальнаго масла по 15 граммъ, окиси цинка 0,20 гр., буры 1 гр., бергамотовой эссенціи 8 капель.

Зимою надо особенно тщательно наблюдать, чтобы руки были хорошо вытерты послѣ мытья. Особенно вредно подвергать сырыя руки дѣйствію огня или холода. Никогда не слѣдуетъ грѣть руки у печки.



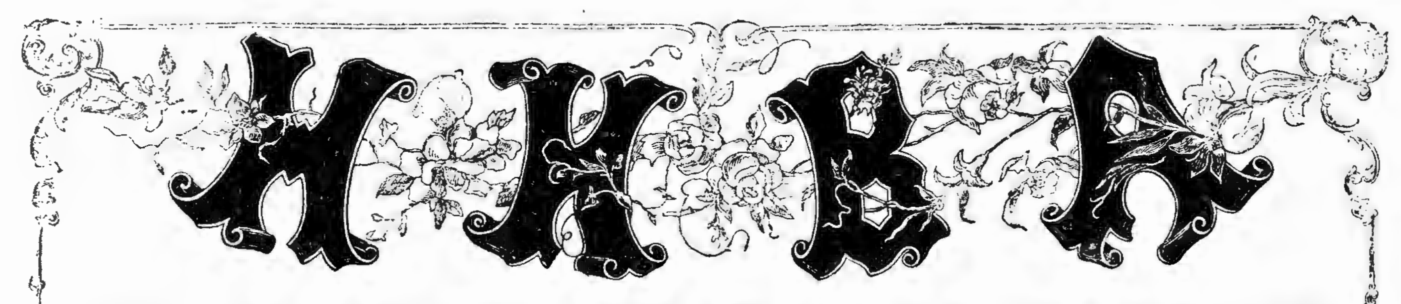
№ 7. Костюмъ для гулянья.

№ 8. Костюмъ для гулянья и визитовъ.

№ 9. Домашнее платье.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29



№ 40. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 7 октября 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Міръ.

С. Коровинъ

Власть войны.

Разсказъ В. В. Муйжеля.

I.

Ухмыловъ не былъ старъ, ему было, какъ онъ выражался, „сорокъ съ хвостикомъ", такъ чуть-чуточнымъ, „короче воробьинаго носа", но за послѣднія десять лѣтъ онъ какъ-то опустился, сталъ неопрятенъ въ одеждѣ, обросъ густой темной бородой, топорщившейся въ сторону отъ того, что Ухмыловъ много спалъ,—послѣ обѣда, ночью, иногда даже передъ чаемъ,—и приминалъ ее: тѣло его стало тяжелымъ и неповоротливымъ, а на сонномъ, оплывшемъ мягкими складками лицѣ появилось равнодушное, безразличное ко всему на свѣтѣ выраженіе.

Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ окончилъ Московскій университетъ и вступилъ въ жизнь молодымъ, жизнерадостнымъ и жаждавшимъ работы врачомъ. Три года бился онъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ кое-какой практикой, потомъ поступилъ земскимъ врачомъ и восемь лѣтъ воевалъ съ мужиками, съ земствомъ, съ предводителемъ дворянства, съ врачебнымъ отдѣломъ, со всѣмъ, что, по его мнѣнію, тормозило вопросъ народнаго здравія.

Мужики слушали его, поддакивая и глядя куда-то вбокъ, и съ большимъ удовольствіемъ ходили къ отставному николаевскому солдату, который лѣчилъ острой водкой и какимъ-то якорнымъ пенъ-экспеллеромъ. Предсѣдатель земской управы при каждомъ появленіи доктора морщился и безпомощно махалъ руками, сдавая доктора секретарю. Предводитель дворянства хмурился, говорилъ о докторѣ съ усмѣшкой и клалъ всѣ подаваемые ему докторомъ заявленія, отношенія и рапорты въ пропахшій сигарами ящикъ письменнаго стола, гдѣ они и находили себѣ вѣчное успокоеніе. А врачебный отдѣлъ время отъ времени посылалъ запросы въ земство и намекалъ на рѣзкій тонъ доктора.

Всѣ эти люди выслушивали доктора, когда онъ, кипятясь и волнуясь, кричалъ о невозможной постановкѣ земской медицины, объ отсутствіи медикаментовъ въ больницѣ, о невѣжествѣ фельдшеровъ и ужасныхъ санитарныхъ условіяхъ деревни. Всѣ соглашались съ нимъ, что при такихъ условіяхъ работа земскаго врача сводится къ нулю, но, соглашаясь, всѣ имѣли точно такой же видъ, какъ тѣ мужики, которымъ Ухмыловъ доказывалъ, что пускать въ глаза острую водку значитъ ослѣпнуть, а, принимая якорный пенъ-экспеллеръ, можно вызвать язвы въ пищеводѣ, слушали, соглашаясь, поддакивая и глядя куда-то въ уголъ. Похоже было, что всѣ они знаютъ что-то другое, большое и важное, чего не знаетъ молодой врачъ, и передъ чѣмъ всѣ его вопли, протесты и рѣзкія бумаги являются мелочью и пустяками.

Подъ конецъ своей службы Ухмыловъ сумѣлъ устроить такъ, что всѣ чуть не возненавидѣли его. Предсѣдатель уже не принималъ его, а просто высылалъ сказать, что онъ занятъ, черный, какъ жукъ, секретарь изводилъ, заставляя ожидать въ пріемной по три часа, а предводитель вызывалъ къ себѣ въ имѣнье за двадцать четыре версты по каждому пустяку. И когда это надоѣло Ухмылову, онъ однажды рѣзко отказался ѣхать, ссылаясь на тифъ, появившійся въ деревнѣ его раіона.

Послѣ этого онъ получилъ двухмѣсячный отпускъ, котораго совсѣмъ не просилъ, и долженъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ.

Послѣ земства, нервничанья, работы въ продолженіе восемнадцати часовъ въ сутки, послѣ всѣхъ интригъ, обидъ и оскорбленій, послѣ того, какъ лучшіе годы были потрачены напрасно на земскую службу, и у него не было ни имени ни практики, куда было итти усталому, разочарованному и желчному человѣку? Въ городѣ открылась вакансія по врачебно-санитарному надзору, мѣсто такъ называемаго полицейскаго врача. Ухмыловъ махнулъ на все рукой и поступилъ на это мѣсто.

И вотъ день за днемъ и годъ за годомъ потекла жизнь, призракъ жизни, смутный сонъ ея, съ несложными обязанностями, скучными отношеніями, какимъ-нибудь вскрытіемъ найденнаго въ канавѣ трупа „неизвѣстнаго происхожденія", какъ писали въ протоколахъ, съ обязательными осмотрами по четвергамъ и субботамъ цѣлой толпы несчастныхъ, жалкихъ и возбуждавшихъ брезгливое чувство женщинъ. Такъ тянулись года, цѣлые года, и сѣрый пепелъ прогорѣвшихъ молодыхъ чувствъ, далекихъ мечтаній, несбывшихся надеждъ ложился на душу доктора Ухмылова и гасилъ собою протестъ, мечту...

Онъ сталъ полнѣть, должно-быть, оттого, что каждый вечеръ ужиналъ въ клубѣ и много пилъ, сталъ ко всему относиться съ равнодушной насмѣшкой, и когда ему передавали какой-нибудь новый фактъ общественной жизни, онъ щурилъ начинающіе заплывать глаза и бросалъ, оттягивая нѣсколько волосъ бороды и глядя на нихъ:

— А вы знаете, что это именно такъ было? По-моему — просто Иванъ Иванычъ поссорился съ Петромъ Петровичемъ и рѣшилъ ему насолить, и все сіе отсюда... Ерунда, батюшка, сугубая ерунда и чепухистика!

Когда кто-нибудь говорилъ при немъ о молодости, о любви, объ увлеченіи, онъ также щурился, отворачивался и громко, не стѣсняясь, спрашивалъ:

— А что, нѣтъ тутъ пивца холодненькаго, мнѣ бы парочку?..— И, оборачиваясь къ говорившему, добавлялъ: — А насчетъ всѣхъ этихъ эфемеровъ, о которыхъ вы изволите такъ краснорѣчиво докладывать, можно сказать только одно: сугубая ерунда и чепухистика!.. Я вонъ въ недѣлю два раза этой самой любви осмотръ дѣлаю, и чего только ни вижу при этомъ... Эхъ, юность, юность!

Онъ жилъ вяло, скучно, ни съ кѣмъ не сходясь и ни къ кому не тяготѣя. Къ нему всѣ относились равнодушно и съ легкой ироніей, безразлично, былъ ли это страшный всему городу полицмейстеръ съ черными баками и выбритымъ подбородкомъ, или гимназистъ, пойманный вечеромъ на бульварѣ съ папиросой. И Ухмыловъ привыкъ къ этому и какъ будто нарочно сдѣлался еще неопрятнѣе, небрежнѣе въ одеждѣ и сталъ еще больше пить. И только позднимъ вечеромъ, возвращаясь изъ клуба въ свою угрюмую, неопрятную квартиру, гдѣ ему прислуживалъ еще болѣе угрюмый и грязный городовой, глядя въ темное ночное небо, не старый еще, но какъ будто весь выгорѣвшій за сорокъ лѣтъ жизни полицейскій врачъ Ухмыловъ чувствовалъ темную, глухую тоску обидной и тяжелой ненужности. Но и это мелькало по душѣ, не задѣвая затянувшейся тиной жизни глубины ея, и, спотыкаясь на дощатомъ провинціальномъ тротуарѣ, Ухмыловъ бранился и ворчалъ подъ носъ:

— Скверная икра въ клубѣ!.. Жульничаетъ буфетчикъ-каналья, даже подъ ложечкой сосетъ отъ нея... Ерунда и сугубая чепухистика!..

II.

Война не вывела Ухмылова изъ его обычнаго равнодушія.

— Что-о? Война противъ принципа, споръ двухъ расъ, бронированный кулакъ и правда-истина, правда-справедливость? Оставьте, пожалуйста, ерундистика чистой воды!.. Просто два дипломата слишкомъ плотно позавтракали и проспали послѣ завтрака слишкомъ долго, а секретарь въ это время бухнулъ ноту, или какъ тамъ оно еще называется... Знаю я этихъ секретарей, очень хорошо знаю!.. И никакого принципа, все чепуха, и милліоны одних лѣзутъ на милліоны другихъ просто потому, что съ жиру перебѣсились... Одни сентименты со всѣми этими соревнованіями и прочимъ...

Какъ штатному чиновнику, Ухмылову не угрожала необходимость итти на войну. Но тутъ опять случилось нѣчто: кому-то мѣсто полицейскаго врача понадобилось, чуть ли не губернаторскому племяннику, который иначе подлежалъ призыву, какъ врачъ военнаго времени; Ухмылову дали понять, что ему не худо бы помочь отечеству своимъ знаніемъ и трудомъ. Онъ поупирался-было, но суровый полицмейстеръ съ черными баками и выбритымъ подбородкомъ напомнилъ доктору что-то по санитарной части торговыхъ рядовъ, кое-что еще изъ совмѣстной службы, и Ухмыловъ вынужденъ былъ согласиться.

— Но послушайте, Емельянъ Лукичъ, я того... Насчетъ сраженія, обстрѣла и всей этой чепухистики я не то, чтобы очень!.. Дипломаты пускай пишутъ ноты, а если мнѣ внутренности вывернутъ, мнѣ это непріятно...

— Да бросьте вы, что вы будете еще тутъ! — отмахивался полицмейстеръ.— Вѣдь поймите, что загонятъ васъ куда-нибудь въ тыловой лазаретъ, будете получать тройной окладъ, чего вамъ еще?

— А какъ туда прикажутъ?..

— Не прикажутъ, не безпокойтесь... Въ крайнемъ случаѣ переходите куда-нибудь въ организацію, это можно теперь, много ихъ расплодилось, тамъ, какъ у Христа за пазухой будете... Какой-нибудь санитарный отрядъ, что ли... Будете чистить солдатскія казармы, или что они тамъ еще дѣлаютъ?!..

Ухмыловъ подумалъ и потянулъ нѣсколько волосъ бороды далеко отъ себя.

— Я ужъ тогда въ организацію!.. Все-таки, знаете... — проговорилъ онъ.

— Ну въ органицію... Я скажу его превосходительству, онъ, конечно, всякое содѣйствіе... И всѣмъ хорошо, все къ общему благополучію!.. А то, сами понимаете—тогда рыбный рядъ на рынкѣ, потомъ тотъ трупъ, знаете, у купца Ѳедосова въ огородѣ... Нехорошо можетъ выйти, сами понимаете!

Ухмыловъ понялъ и подалъ прошеніе въ одну изъ организацій, работающихъ на нужды войны.

Къ большому удивленію Ухмылова, отвѣтъ пришелъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и отвѣтъ этотъ приглашалъ его на службу, при чемъ пишущій прибавлялъ, что желателенъ пріѣздъ доктора въ возможно непродолжительномъ времени. Ухмыловъ повертѣлъ въ рукахъ листокъ съ приглашеніемъ, пожалъ плечами и усмѣхнулся. Ему показалось забавнымъ, что кто-то можетъ нуждаться въ немъ и съ нетерпѣніемъ ожидать его пріѣзда.

— Подождутъ, не умрутъ! — рѣшилъ онъ и, написавъ въ организацію о томъ, что ему нужны подъемныя деньги, экипировка и проч., сталъ ждать. И деньги пришли также неожиданно скоро, и въ этомъ чувствовалась дѣйствительная нужда во врачахъ; Ухмыловъ еще прождалъ нѣсколько дней, потомъ напи-

Былое. Продажа крѣпостныхъ. (Изъ серіи народныхъ картинъ изд. I. Кнебеля). *К. Лебедевъ.*

Прибытіе на Нижегородскую ярмарку партіи крѣпостныхъ на продажу. *К. Лебедевъ.*
(Изъ серіи народныхъ картинъ изд. І. Кнебеля).

салъ, что ѣдетъ—и сидѣлъ, продавая старьевщикамъ всякій хламъ, составлявшій обстановку его непріютной квартиры. Наконецъ ждать больше нельзя было, и онъ тронулся.

Боже мой, какъ давно онъ не выѣзжалъ изъ своего маленькаго, глухого и прокисшаго во всякихъ сплетняхъ, карточной игрѣ, пьянствѣ и клубныхъ сидѣніяхъ, городишки!.. Какъ странно и удивительно могли жить люди — и жить все время пребыванія его въ городкѣ! Они куда-то ѣздили, куда-то спѣшили, чѣмъ-то волновались, о чемъ-то безпокоились. Какой неспокойный, странный народъ!

— Ерунда и чепухистика... — бормоталъ онъ, укладываясь на диванъ въ вагонѣ послѣ двухдневнаго пути, — дѣятели, вояки!.. Знаемъ мы это, сами воевали, даже партійной борьбой въ земствѣ занимались... Ерундистика... Упрыгаетесь, ничего, упрыгаетесь!..

Подъ Москвой сѣлъ въ купэ его вагона какой-то священникъ. Лицо у него было темное, какъ на тѣхъ ликахъ, какіе любили изображать старинные иконописцы, — длинные волосы густо насѣдали на лобъ, а черные, какъ бы надъ чѣмъ-то навсегда неподвижно остановившіеся глаза смотрѣли печально, строго и величественно.

Священникъ молча и скромно устроился въ уголку переполненнаго купэ, гдѣ на верхней полкѣ лежалъ Ухмыловъ, и сидѣлъ, ни съ кѣмъ не вступая въ разговоръ, сложивъ руки на колѣняхъ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Только разъ, когда возникъ общій споръ о войнѣ, онъ повелъ глазами на молодого поручика съ черной повязкой на головѣ и опять отвернулся. Ухмыловъ въ это время разспрашивалъ офицера о томъ, бываютъ ли врачебные пункты той организаціи, въ которую онъ поступилъ, вблизи боя.

— А какъ же, они же обслуживаютъ раненыхъ,—отвѣчалъ офицеръ.—Я очень хорошо знаю эту организацію, бывалъ у нихъ на пунктахъ... Работаютъ хорошо, подъ обстрѣломъ часто!.. Слышалъ, что у нихъ были раненые и убитые даже... Изъ вашего врачебнаго персонала,—добавилъ онъ въ поясненіе.

Ухмыловъ смотрѣлъ сверху, и лоснящееся, бородатое лицо его свѣшивалось съ верхней полки любопытно и испуганно.

— О-о-о, даже такъ?—протянулъ онъ.—Зачѣмъ ихъ туда претъ? Ну, воевать—это дѣло военныхъ, а они чего лѣзутъ? Чепухистика какая-то...

— А кто же будетъ тогда оказывать помощь раненымъ?—усмѣхнулся офицеръ.—Вотъ я, напримѣръ... Я былъ раненъ, пролежалъ на полѣ три часа, и меня подобралъ вотъ такой отрядъ...

— Ну да, подбирать, это я понимаю, а зачѣмъ же подъ обстрѣлъ?—стоялъ на своемъ Ухмыловъ.—Вѣдь это не того... Я хочу лѣчить, приносить пользу, а умирать я совсѣмъ не хочу... Дурацкая организація, если такъ,—ворчалъ онъ, тяжело ворочаясь на своей скамейкѣ,—докторовъ не для того берутъ, чтобы ихъ подъ пули или бомбы посылать... Это надо поговорить, я совсѣмъ не хочу быть героемъ... Я за это не брался, это не мое дѣло!..

Онъ замолчалъ и тяжело засопѣлъ, недовольный полученными свѣдѣніями. И когда въ купэ стало совсѣмъ тихо, и присутствующіе уже почти позабыли, о чемъ говорили офицеръ и докторъ, печальный, похожій на древняго пустынника священникъ двинулся и негромко сказалъ:

— Святые люди... Вотъ вы,—онъ слегка повернулся къ раненому офицеру, — изволили видѣть ихъ работу въ передовой линіи и сами столкнулись съ ней... Совершенно правильно изволили замѣтить,—кому же еще? Всѣ должны помогать тѣмъ, кто кровь и жизнь свою кладетъ... Всѣ!.. Святое дѣло, и надо радоваться, что господинъ докторъ идетъ на него...

Ухмыловъ заерзалъ наверху и засопѣлъ сильнѣе.

— Ладно, батюшка, радоваться!.. Вотъ какъ поставилъ бы я васъ на это святое дѣло, да какая-нибудь шрапнель или „чемоданъ"—какъ тамъ они называются?—разворотила бы вамъ животикъ, тогда было бы святое дѣло!.. Это такъ вотъ, въ купэ вагона, хорошо говорить, а если я всю свою жизнь только лѣчить собирался, а умирать совсѣмъ намѣренія не имѣю? И вдругъ ляпнетъ? Чепухистика какая-то!.. Онъ вонъ - офицеръ, такъ онъ для того и жилъ и деньги получалъ, а я при чемъ? Нѣтъ, это говорить только хорошо — святое дѣло, святые люди, а попробуйте-ка, святой отецъ, сунътесь сами...

Онъ сердито фыркнулъ и такъ повернулся на поднятой скамейкѣ, что пружины зазвенѣли.

Священникъ долго молчалъ. Опять можно было подумать, что всѣ уже забыли, о чемъ говорили полчаса тому назадъ, какъ раздался его тихій, какъ будто слегка задыхающійся голосъ:

— Это невѣрно изволите говорить, господинъ докторъ,—проговорилъ онъ,—я самъ былъ тамъ... Я полковой священникъ N-скаго полка... Это въ томъ корпусѣ, знаете, въ Восточной Пруссіи? И я былъ дважды раненъ, только теперь оправился, вотъ и ѣду опять къ своему полку... Я знаю это!..

Онъ отвернулся, какъ бы законфузившись того, что сказалъ, и торопливо добавилъ:

— А впрочемъ, извините, если я что-нибудь не такъ сказалъ...—и замолчалъ, напряженно глядя въ окно.

III.

Въ городѣ, гдѣ сосредоточивалось управленіе той организаціи, куда поступилъ Ухмыловъ, онъ пробылъ всего три дня. Онъ не прочь бы былъ посидѣть и подольше, но завѣдующій медицинскимъ отдѣломъ усиленно настаивалъ на скорѣйшемъ выѣздѣ, такъ какъ на фронтѣ нуждались во врачахъ. Ухмыловъ привелъ этого завѣдывающаго въ нѣкоторое недоумѣніе своей манерой держаться. Онъ какъ будто не хотѣлъ замѣчать того, что старый почтенный профессоръ, имя котораго было извѣстно въ медицинской литературѣ, весь горѣлъ своимъ дѣломъ и думалъ только о немъ: все то, что онъ говорилъ новому врачу о работѣ, о дѣлѣ, о самоотверженности медицинскаго персонала—Ухмыловъ пропускалъ мимо ушей и настойчиво разспрашивалъ о суточныхъ, подъемныхъ, экипировочныхъ и проч. Профессоръ, завѣдывавшій медицинскимъ отдѣломъ, пробовалъ говорить о новыхъ пріемахъ хирургіи, о случаяхъ, встрѣчающихся въ практикѣ военнаго врача, а Ухмыловъ спокойно и лѣниво отмахивался отъ этого полной и не совсѣмъ чистой рукой съ давнимъ трауромъ подъ ногтями и равнодушно бросалъ:

— Знаемъ, слыхали!.. Ерундистика все это... А вотъ, коллега, скажите, какъ же тамъ насчетъ питанія? Кормить будутъ?

И когда профессоръ заговорилъ о томъ, гдѣ придется работать Ухмылову, онъ категорически запротестовалъ противъ передовой линіи:

— Нѣтъ, батюшка, это вы оставьте... Тыловой госпиталь, въ крайнемъ случаѣ, инфекціонный какой-нибудь, но насчетъ этой самой передовой линіи я не согласенъ!.. Лѣчить я берусь, рѣзать, сшивать и все прочее, но самъ подставлять собственное брюхо подъ какую-нибудь шрапнель не согласенъ... Вы не смотрите такъ—я человѣкъ немолодой и говорю совершенно откровенно, тѣ, молодежь, они всѣ рвутся, въ герои хотятъ, а мнѣ это ни къ чему!.. Мнѣ свой животъ дороже... Я, знаете ли, пережилъ уже этотъ возрастъ геройства, и получить въ животъ пулю тамъ или еще что мнѣ не улыбается... Я откровенно и говорю объ этомъ!

Онъ такъ часто и такъ много разъ говорилъ о своемъ животѣ, который онъ не хочетъ видѣть развороченнымъ какой-нибудь шрапнелью, что можно было подумать, будто въ его жизни самое главное мѣсто занимаетъ именно животъ.

Профессоръ, слегка обезкураженный такимъ откровеннымъ до цинизма заявленіемъ, пожалъ плечами и согласился. Онъ сразу почувствовалъ, что „матеріалъ“, какъ онъ говорилъ про поступающихъ докторовъ, не подходящій, но организація такъ нуждалась во врачахъ, такъ спѣшно и категорически просили ихъ на фронтъ, что разстаться съ новымъ докторомъ не рѣшался.

„Гдѣ-нибудь въ тылу, въ эпидемическомъ или санитарномъ отрядѣ, дѣйствительно...—думалъ онъ про страннаго, полнаго и какъ бы оплывшаго неопрятной, колыхающейся полнотой новаго врача,—несомнѣнно можетъ быть полезенъ!..“

Ухмылова отправили въ тыловой госпиталь, гдѣ находились выздоравливающіе отъ болѣзней.

Но онъ не успѣлъ доѣхать туда, какъ его догнала телеграмма того же завѣдующаго медицинскимъ отдѣломъ, въ которой Ухмылову предлагалось перемѣнить мѣсто назначенія и ѣхать на передовой участокъ фронта, гдѣ одинъ изъ врачей такъ называемой летучки,—маленькаго въ пять-шесть человѣкъ медицинскаго персонала отряда, выдвинутаго къ самымъ позиціямъ,—заболѣлъ отъ переутомленія, и его надо было замѣнить. Очевидно, организація дѣйствительно располагала малымъ количествомъ врачей, разъ профессоръ рѣшился послать Ухмылова, и онъ понялъ это, т.-е. не это,—это для него было не важно,—а то, что ему никакъ не отвертѣться отъ новаго назначенія безъ риска быть уволеннымъ.

Ворча и негодуя, чувствуя, что его нарочно обидѣли и посылаютъ въ то самое мѣсто, гдѣ шрапнель или „чемоданъ“ обязательно должны были попасть въ его животъ, Ухмыловъ пересѣлъ на другой поѣздъ и поѣхалъ.

И всю дорогу каждому встрѣчному жаловался, что его надули, воспользовались тѣмъ, что онъ связанъ по рукамъ и ногамъ взятыми деньгами, и посылаютъ на явную смерть.

— Помилуйте, я совсѣмъ не хочу умирать, это не мое дѣло!— возмущался онъ.—Умирать долженъ кто? Солдатъ, офицеръ, ну генералъ тамъ, вообще военная публика, она за это и деньги получаетъ, а при чемъ я во всей этой грязной исторіи? Я привыкъ лѣчить, ну тамъ операцію сдѣлать, хотя и то не моя спе-

Возвращеніе на родину солдата николаевскихъ временъ *И. Неврвъ.*
(Изъ галлереи И. Цвѣткова въ Москвѣ).

За свѣтомъ

Н. Богдановъ-Бѣльскій.

Возвращеніе со службы солдата александровскихъ временъ.

Н. Тихоміровъ.

Чаепитіе. (Изъ собранія Н. И. Трояновскаго). А. Рябушкинъ.

ціальность, а выматывать свои кишки отъ какой-нибудь бомбы я совсѣмъ не согласенъ... Это чортъ знаетъ что такое, это насиліе наконецъ!

Слушатели его смущались, отворачивались въ сторону, заговаривали о другомъ, или просто отодвигались отъ него, но онъ какъ будто не замѣчалъ этого и опять начиналъ жаловаться.

Найти на передовой линіи тотъ или иной пунктъ или учрежденіе не такъ-то легко. Ухмыловъ получилъ телеграмму въ дорогѣ и сталъ искать собственными средствами. Дня два онъ вертѣлся по желѣзной дорогѣ, потомъ попалъ въ какой-то маленькій городокъ, грязный, пыльный, какъ будто забытый самой судьбою, и остановился въ крохотномъ номеркѣ еврейской гостиницы. Городокъ былъ переполненъ военными. обозами, лазаретами и пунктами. Ухмыловъ проходилъ полдня, прежде чѣмъ нашелъ свою организацію и узналъ, куда ему надо ѣхать. Онъ былъ хмуръ и угрюмъ и съ уполномоченнымъ, жившимъ въ городкѣ, почти не разговаривалъ. Онъ узналъ только, куда надо ѣхать, условился о времени, когда за нимъ пріѣдетъ автомобиль, и ушелъ бродить по городу.

Ужасно много было здѣсь солдатъ, съ винтовками и безъ нихъ, въ рубахахъ, безъ пояса, обозныхъ, интендантскихъ и всякихъ. Всѣ они что-то дѣлали, куда-то бѣгали, о чемъ-то волновались, иногда смѣялись, иногда ругались, и было странно видѣть всю эту массу людей, занятыхъ, очевидно, спѣшнымъ и важнымъ дѣломъ. То и дѣло по улицамъ разносился ревъ автомобильной сирены, и, треща, распространяя запахъ бензина, проходили грузовики, огромные, какъ слоны, нагруженные чѣмъ-то, закрытымъ брезентомъ. Какъ умныя, одушевленныя существа, они останавливались, пропускали проходящую роту, потомъ осторожно отодвигались опять, поворачивали, и это казалось страннымъ оттого, что спрятавшійся въ брезентовой будкѣ, защищенной стекломъ, шоферъ не былъ виденъ.

Казаки, кавалеристы въ потныхъ рубахахъ съ огромными сумками сновали всюду, разспрашивали у солдатъ что-то, опять трогались, перекидываясь замѣчаніями съ другими солдатами, возившимися съ какимъ-то обозомъ на перекресткѣ двухъ улицъ. Щеголеватый штабной офицеръ пробирался въ этой человѣческой гущѣ и шут-

ливо бросилъ что-то солдатамъ, а въ отвѣтъ ему послышались веселые, какъ будто радостные голоса:

— Такъ точно, ваше высокородь!..—и здоровый, крѣпкій смѣхъ...

Другой офицеръ, съ золотымъ Георгіемъ на почернѣвшей отъ пота на плечахъ защитной рубахѣ, съ погонами, до того заносившимися, что на нихъ ничего нельзя было разобрать, сидѣвшій на маленькой сибирской лошадкѣ, размахивалъ нагайкой, крѣпко задергивалъ своего сердитаго, бойкаго маштачка и кричалъ хриплымъ голосомъ солдатамъ, суетившимся у запутавшейся въ постромкахъ уносной большого тяжелаго орудія. Фейерверкеръ и старшій возились тутъ же, и ядреная русская брань перелетала въ воздухѣ, всѣмъ понятная, привычная и какъ будто здѣсь необходимая.

Ухмыловъ прошелъ дальше—и на улицѣ, переполненной обозами, грузовыми автомобилями, лошадьми, привязанными къ деревьямъ бульвара, и опять солдатами, шнырявшими во всѣхъ направленіяхъ,—увидѣлъ зданіе почты. Здѣсь творилось что-то невообразимое. Густая толпа, переливаясь, какъ ртуть, кипѣла у входа; то и дѣло подъѣзжали ординарцы и вѣстовые, брички съ полковыми казначеями, казаки съ огромными сумками. Нѣсколько солдатъ, пристроившись на каменномъ карнизѣ фундамента, ежеминутно мусля огрызокъ карандаша во рту, писали открытки и, глядя передъ собою невидящими ничего глазами, вдругъ останавливались, вѣроятно, забывъ, кому надо еще послать традиціонный поклонъ. Тутъ же проходили офицеры, отстраняли рукою столпившихся солдатъ, и тѣ услужливо и какъ будто радостно подавались, и опять веселое замѣчаніе вдругъ будило здоровый, крѣпкій смѣхъ...

Ухмыловъ долго стоялъ у почты, глядя на всю эту толпу. Для него была нова эта обстановка военнаго города, гдѣ человѣкъ не въ форменномъ платьѣ казался неожиданнымъ и ненужнымъ, и, какъ будто самъ чувствуя это, пробирался стороною, словно не хотѣлъ быть замѣтнымъ. Пишущіе солдаты заинте-

А. Рябушкинъ.

Ожиданіе новобрачныхъ отъ вѣнца (въ Новгородской губ.). (Изъ собранія Н. Ф. Тюменева).

„Не смѣй обгонять начальство“. Шаржъ *В. Шварца.*
(Изъ галлереи И. Цвѣткова въ Москвѣ).

ресовали его, и онъ долго слѣдилъ, какъ какой-то молодой парень, должно-быть, изъ послѣднихъ призывныхъ, старательно выводилъ каракули на желтомъ листкѣ открытки и хмурилъ брови, какъ ребенокъ, помогая при этомъ себѣ уже чисто по-дѣтски языкомъ.

Что и кому можетъ писать этотъ полуграмотный парень? О чемъ? О войнѣ, о первыхъ впечатлѣніяхъ ея? Какую-нибудь чепуху пишетъ навѣрное!.. А пишетъ такъ, словно дѣйствительно важное что-то сообщаетъ, необходимо нужное...

Ухмыловъ смотрѣлъ—и вдругъ съ неожиданной, изумленной печалью почувствовалъ преимущество солдата передъ собой. Онъ пишетъ,—глупости, конечно, чепухистику какую-нибудь,—но кому-то пишетъ, а ему, Ухмылову, даже написать открытки некому!.. И почему-то въ этомъ солнечномъ днѣ, когда масса людей была занята важными спѣшными дѣлами, а онъ одинъ шатался по улицамъ, не зная, куда дѣть время,—то, что ему некому даже написать открытки, показалось ему необычайно грустнымъ...

Солдатъ, писавшій открытку, кончилъ писать, аккуратно запряталъ карандашъ въ бездонный карманъ шароваръ и, поправивъ шапку, сталъ протискиваться къ почтовому ящику. Ухмыловъ прослѣдилъ, какъ онъ опустилъ письмо, какъ перекинулся съ кѣмъ-то шутливымъ замѣчаніемъ, и оба засмѣялись,—и отвернулся.

Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ номеръ, спросилъ чаю, но пить не сталъ, а легъ на кровать и пролежалъ такъ до вечера.

Уже тьма окутала крохотный номерокъ, окно стало сѣрымъ и глухимъ, а онъ все лежалъ, и вставать было лѣнь. Смутныя, неясныя и какія-то новыя мысли приходили въ голову, и это было необычайно.

Зачѣмъ, къ чему волнуется и кипятится какой-нибудь офицеръ съ золотымъ Георгіемъ на пропотѣвшей рубахѣ? Почему радостно перекидывается шутливымъ замѣчаніемъ другой офицеръ? Чему смѣются солдаты, когда всѣхъ, всѣхъ ждетъ, можетъ-быть, скорая и—самое страшное—мучительная смерть? И какъ, какъ они могутъ смѣяться, волноваться, что-то дѣлать, когда завтра или послѣзавтра прилетитъ какой-нибудь аэропланъ, надвинется непріятельская артиллерія, и все это будетъ сметено въ прахъ?.. И потомъ: какое дѣло какому-нибудь Семену Неѣлову, въ родѣ того, писавшаго открытку, изъ деревни Нежралова или Пропилова, до міровой войны? Развѣ онъ понимаетъ ея цѣль, значеніе, смыслъ? Такъ, идетъ, какъ лошадь, корова, не думая, не чувствуя, а между тѣмъ умираетъ!.. На кой чортъ? Какая ерунда и чепухистика!.. Похоже, какъ будто они всѣ—и солдаты, возившіеся съ обозами, и офицеръ, ругавшійся крѣпкимъ словомъ на заступившую постромку лошадь, и фейерверкеръ, и тѣ, что писали, пристроившись на каменномъ карнизѣ,—всѣ знаютъ что-то такое, чего не знаетъ онъ, Ухмыловъ... И это странно и безпокоитъ какимъ-то внутреннимъ нудымъ безпокойствомъ.

Было горько во рту, голова отъ долгаго лежанія стала тяжелой, какъ будто налитой свинцомъ, все тѣло ныло. И, выкуривая папиросу за папиросой, Ухмыловъ все думалъ объ „ерундѣ“ и не могъ успокоиться.

IV.

Летучка, выдѣленная изъ отряда, выдѣлилась потому, что дивизіонный врачъ, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ командиромъ, обсудивъ обстоятельства развивающагося на занятомъ дивизіей участкѣ фронта боя, рѣшили обратиться за поддержкой въ медицинской помощи къ общественной организаціи.

Уполномоченный, серьезный и усталый за всю войну человѣкъ, выдѣлилъ изъ отряда врача, студента-фельдшера, двухъ сестеръ милосердія и трехъ санитаровъ. Этотъ маленькій отрядикъ ушелъ въ передовую линію и сразу попалъ въ самую живую, напряженную работу. Бои, сначала артиллерійскіе, потомъ пѣхотные, развивались все шире и шире; большая, трудная задача прорыва на большомъ участкѣ выполнялась, какъ выполняется всякое большое серьезное дѣло,—трудно, напряженно, серьезно и неуклонно. Дивизія, къ которой была придана выдѣленная летучка, то собиралась въ комокъ, пробивая, какъ тараномъ, стѣну укрѣпленія противника, то разворачивалась вогнутой дугой, грозя фланговыми охватами, и неуклонно, шагъ за шагомъ, подвигалась впередъ.

Это было то, что газеты называли наступленіемъ, въ штабѣ фронта—операціей, въ корпусѣ—маневромъ, о чемъ офицеры говорили съ облегченнымъ вздохомъ: „бой начался“; солдаты, подкидывая плечомъ вещевую сумку, выступая иногда съ тѣмъ, чтобы больше уже никогда не выступать, опредѣляли словомъ „битва“, при чемъ удареніе падало почему-то на послѣдній слогъ, „битва̀“, а медицинскій персоналъ обо всемъ этомъ говорилъ, какъ о „работѣ“...

И вотъ послѣ полутора недѣль странной, не похожей на правду, жизни, когда ухо привыкало къ орудійнымъ выстрѣламъ, треску винтовокъ и расчетливо-торопливой строчкѣ пулемета до того, что уже почти не замѣчало всего этого, когда смерть, разорванное человѣческое тѣло, страданіе и кровь стали такимъ же обыденнымъ явленіемъ, какъ ежедневный обѣдъ, сонъ ночью,—врачъ, работавшій въ летучкѣ, неожиданно заболѣлъ. Должно-быть, онъ переутомился, проводя ночи безъ сна и работая по восемнадцати часовъ въ сутки, къ тому же мѣстность, въ которой приходилось работать, была болотистая, нездоровая, угрожающая маляріей непривычному человѣку.

Докторъ выбылъ, и недѣлю летучка напрягалась безъ него. Раненыхъ съ каждымъ днемъ было все больше и больше, студентъ третьяго курса, работавшій въ качествѣ фельдшера, готовъ былъ схватить голову руками и убѣжать, куда глаза глядятъ, дивизіонный врачъ каждый день телеграфировалъ уполномоченному, тотъ въ управленіе организаціи, и всѣ требовали врача. И наконецъ поздней ночью, когда къ помѣщенію летучки только-что подошелъ транспортъ съ ранеными и началась страшная и мучительная работа выгрузки искалѣченныхъ людей,—бородатый, черный, какъ цыганъ, казакъ-уралецъ привезъ смятую бумажку телеграммы, извѣщающей, что докторъ выѣхалъ. И всѣмъ сразу почему-то стало легче; санитары заработали веселѣе, сестра-хозяйка, вѣдавшая питаніемъ, сухая и суроваго вида пожилая женщина, облегченно вздохнула, студентъ махнулъ рукой и сталъ дѣлать такія сложныя перевязки, о которыхъ онъ съ ужасомъ думалъ нѣсколько дней тому назадъ, а другая сестра, молоденькая дѣвушка съ блѣднымъ утомленнымъ лицомъ, на которомъ остались, кажется, одни огромные, страдающіе и тоскующіе глаза, радостно улыбнулась и, наклоняясь къ раненымъ, какъ великій и радостный секретъ, шептала:

— Ничего, ничего, теперь докторъ скоро пріѣдетъ, сегодня телеграмму привезли, пріѣдетъ докторъ—онъ сразу поможетъ!..

И сами раненые, истомленные страданіями, изнервничавшіеся въ послѣднее передъ раненіемъ время, то неестественно оживленные, то какъ бы угасшіе и оравнодушѣвшіе уже ко всему послѣ того, что пережили они, благодарно и ласково кивали головами и соглашались:

— Да, ежели докторъ, то поможетъ... Ясное дѣло—докторъ!

Ухмыловъ пріѣхалъ раннимъ утромъ—сердитый, усталый, болѣе чѣмъ когда-либо чувствовавшій, что онъ попалъ въ тотъ самый переплетъ, о которомъ возмущенно и негодующе говорилъ все время. Его встрѣтили съ той почтительной и свѣтлой радостью, съ которой привыкли думать и говорить о немъ. Онъ хмуро

оглянулся, поздоровался съ персоналомъ и засопѣлъ. Студентъ-фельдшеръ, общительный и радостный тѣмъ, что теперь будетъ человѣкъ, который возьметъ на себя всю отвѣтственность въ страшномъ дѣлѣ жизни и смерти, обрадовался ему, какъ ребенокъ, и, тряся пухлую мягкую руку доктора и заглядывая ему въ глаза растроганныхъ влажнымъ взглядомъ, говорилъ:

— Ахъ, докторъ, если бы вы знали!.. Такая масса работы... Раненыхъ все несутъ, несутъ... Если бы вы знали!.. Какіе случаи... То и дѣло требуется немедленная операція, нельзя даже эвакуировать... И какъ мы васъ ждали—если бы вы знали, какая масса раненыхъ! У насъ тутъ перевязочная, но мы приспособили, какъ операціонную, все-таки можно работать, и вы не можете себѣ представить, что васъ ждетъ тутъ...

Ухмыловъ угрюмо повелъ на него глазами, высвободилъ свою руку и пробурчалъ:

Обрадовалъ, нечего сказать... Раненыхъ несутъ!.. Ждетъ!.. Чортъ его знаетъ, что тутъ ждетъ...

Онъ пробурчалъ еще что-то, прошелъ въ комнату маленькаго флигелька фольварка, гдѣ стоялъ отрядъ, и остановился у длиннаго стола, служившаго обѣденнымъ. Сестра-хозяйка, немолодая и суровая женщина, выжидательно остановилась возлѣ него.

— Гм... да—а!..—протянулъ докторъ, хмуро оглядываясь кругомъ.—А обстрѣлъ тутъ у васъ бываетъ?

— А какъ же, какъ же,—любезно и весело улыбаясь, словно сообщая большую радость, выдвинулся изъ-за его плеча студентъ-фельдшеръ,—аэропланы нѣмецкіе налетаютъ, и вчера еще четыре бомбы сбросили, солдата одного ранили, другого контузили—оба у насъ теперь лежатъ!.. Какъ же, почти каждый день бросаютъ, а то разъ и тяжелый прилетѣлъ—весь уголъ въ домѣ разворотилъ, гдѣ штабъ полка стоялъ!..

Ухмыловъ молча посмотрѣлъ на жизнерадостнаго студента. И подъ его тяжелымъ, тусклымъ взглядомъ студентъ слегка сконфузился и подался назадъ. „Чучело какое-то!..“—растерянно подумалъ онъ, чувствуя, какъ оживленная, хорошая радость тухнетъ въ немъ отъ одного вида новаго доктора.

„Щенокъ желторотый, чему радуется!—ворчливо думалъ докторъ, отворачиваясь отъ него.—Все герои... Герой съ дырой!“

Онъ посмотрѣлъ на сестру-хозяйку и вопросительно наклонилъ голову.

— Наша сестра-хозяйка... Завѣдывающая питаніемъ раненыхъ и нашимъ...—уже несмѣло отрекомендовалъ студентъ.

— Ага, очень пріятно!.. По хозяйственной части, стало-быть?—нѣсколько оживился докторъ.—Такъ, такъ... А вотъ что, сестра, можетъ, можно тутъ у васъ достать кусочекъ мяса, а? Я, признаться, ужасно давно не ѣлъ, а? И усталъ... Гдѣ бы тутъ, поѣвши, привалиться бы немного?.. Вы это оборудуете?

Сестра, опустивъ глаза, какъ монахиня, быстро и слегка запинаясь, сказала, что можно приготовить ужинъ. Конечно, провизію доставать трудно, но все-таки... Она сейчасъ распорядится.

— Ну вотъ и отлично, и прекрасно... Такъ кусочекъ мяса, чуть-чуть поджарить его и съ картофелькой... А картофельку порѣзать—ломтиками такими, и посуше, посуше, сестрица, а?

Студентъ не зналъ, уходить ему или оставаться. Даже самое присутствіе въ комнатѣ этого полнаго, какъ будто навсегда и безнадежно опустившагося доктора стѣсняло. Онъ слегка откашлялся, приложилъ руку къ воротнику рубашки и, щупая у себя на горлѣ, сказалъ:

— Можетъ-быть, господинъ докторъ, захотите пойти посмотрѣть помѣщеніе для раненыхъ?.. Сегодня у насъ немного—человѣкъ двадцать, кажется... Но можно ждать, что ночью подвезутъ еще... Тутъ одно село есть, такъ изъ-за него идетъ бой и все время атака... Раненые тутъ черезъ переднюю—зальца такая, тюфяковъ у насъ нѣтъ, такъ мы такъ, на соломѣ ихъ... Можетъ-быть, пожелаете взглянуть?

Докторъ опять уставился на него неподвижнымъ взглядомъ. Похоже было, что онъ сейчасъ скажетъ: „А убирайтесь вы, милостивый государь, къ чорту вмѣстѣ со своими ранеными, чего вы пристали?“—но онъ только посопѣлъ носомъ, оттянулъ нѣсколько волосъ бороды и устало сказалъ:

— Нѣтъ ужъ, это потомъ!.. Сейчасъ я усталъ, какіе ужъ раненые теперь!..

Онъ отвернулся, а студентъ тихонько вышелъ. Доктору принесли его кусочекъ мяса, онъ поѣлъ, выкурилъ папиросу и, узнавъ, гдѣ ему приготовлена постель, отправился спать. Студентъ потолкался нѣкоторое время по чуланчику, замѣнявшему аптеку, потомъ прошелъ къ сестрѣ-хозяйкѣ и, кивая головой въ ту сторону, гдѣ спалъ докторъ, сказалъ:

— Что-то не того, а? Чучело...

Сестра посмотрѣла на него и тихо отвѣтила.

— Ну, что жъ такого? Усталъ человѣкъ, не привыкъ еще къ нашей работѣ... Не надо осуждать никогда!

— Да я не осуждаю, а только все-таки...

Раненые, которымъ санитары сообщили о пріѣздѣ доктора, тоже долго ждали его. Но уже давно разнесли ужинъ, убрали на ночь зальцу, служившую палатой, другая сестра уже кончила перевязки и, присѣвъ въ углу на табуретѣ, задремала,—она не спала вторую ночь и не хотѣла ложиться, потому что ночью опять ожидались раненые,—а докторъ не заходилъ. И всѣ, кому казалось, что докторъ долженъ принести имъ облегченіе, прислушивались и лежали тихо, сдерживая стоны.

Наконецъ немолодой запасный, у котораго была разрывной пулей раздроблена нога до колѣна, тяжело и хрипло перевелъ воздухъ и, обобщая то, что думали всѣ, сказалъ:

— Тоже, чать, человѣкъ... Сколько ѣхалъ!.. Отдыхъ и ему требуется.. Пущай поспитъ, когда такъ!..

Всѣ молча согласились съ нимъ. Человѣкъ усталъ, пріѣхалъ ночью—ему надо отдохнуть. Дѣло понятное—всякому надо отдохнуть, а они подождутъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наборъ. *Л. Поповъ.*

Въ крѣпостной Руси. Дѣвичья. XLV Передвижная выставка 1917 г. *К. Лебедевъ.*

Въ свободной Россіи. *Курсы грамотности для взрослыхъ женщинъ, организованные „Россійской лигой равноправія женщинъ".*
По фот. Я. Штейнберга.

Митингъ.

Разсказъ **Андрея Ростовцева.**

Ранняя осень. Вздрагиваютъ листья гиганта-каштана. Тихій шопотъ вѣтра теряется въ густой листвѣ, которая тронута первымъ багрянцемъ осени. Бѣлыя наивныя березки обильно осыпаны червоннымъ золотомъ.

Хмурый и мрачный барскій домъ. Бѣлыя колонны временъ Екатерины.

Зелеными вензелями вьется дикій виноградъ. Заглохли цвѣтныя клумбы. Запущены. Давно уже нѣтъ цвѣтовъ. Вымираетъ старое дворянское гнѣздо. Только въ маленькомъ флигелѣ теплится жизнь. Половина барскаго дома превращена въ амбаръ. Навалены мѣшки съ мукой. Разсыпанъ золотой овесъ. На дворѣ старая молотилка швыряетъ снопы. Золотой волной потекло зерно. Пахнетъ черноземомъ, крестьянскимъ потомъ и махоркой.

Шумятъ деревья аллеи. Желтый листъ залетаетъ въ огромныя риги, гдѣ сложено деревенское добро.

Въ ригѣ—галдежъ. Кричатъ и ругаются рабочіе-крестьяне.

Суетится маленькій старичокъ-управляющій, бритый, со сморщеннымъ лицомъ, похожій на стараго наѣздника.

Управляющій долго споритъ съ членами продовольственной управы, пріѣхавшими принять зерно для арміи.

Вокругъ старой барской усадьбы вспахана земля. Взлохмаченные комья тяжелаго чернозема, послѣ первыхъ осеннихъ дождей, липки, похожи на грузное тѣсто, изъ котораго выпекаютъ черный крестьянскій хлѣбъ.

Мужики крѣпки, кряжисты. Имъ никакая работа не въ тягость. Это большей частью „старики". Молодежь вся на войнѣ.

Но старики куда здоровѣе любого молодца. Старый закалъ. Выдержавшіе не одну непогоду жизни крѣпкіе дубы.

Шутя перебрасываютъ черезъ плечо многопудовые мѣшки. Не прочь щегольнуть своей черноземной силой, которую они „выдавили" изъ грубой, но чудной родной земли.

Не скоро изсякаетъ крестьянская сила. Сила, поборовшая и голодъ и нудный деревенскій трудъ.

Лица обвѣтренныя, суровыя. Корявыя руки цѣпки, какъ клещи.

Бронзовыя фигуры пропитаны здоровымъ запахомъ поля.

Въ глазахъ—огни. Огни съ яркими искрами. Не то, что у измученныхъ деревенскихъ бабъ, у которыхъ глаза, какъ тихія лампады.

Управляющій споритъ до хрипоты. Споритъ съ работниками, доказывая имъ, что сейчасъ, когда Россія въ опасности, когда арміи нужно зерно, безбожно требовать высокой заработной платы.

Крестьяне угрюмо молчатъ. Пронизывающими иглами смотрятъ глаза, спрятанные за густыми сѣдыми бровями.

Взглядъ этихъ глазъ говоритъ: „шалишь, братъ!.. Чего намъ цѣну-то сбивать!.. Оно-то правильно, что армія нуждается!.. Ну, и давай зерно!.. Нечего кочевряжиться!.. Грошей хватитъ! Буде! Наработались за малую плату!"

Высокій, худой мужикъ, фигура котораго напоминаетъ Сусанина, говоритъ медленно, но рѣшительно, возражая управляющему:

— Эхъ, Ѳадей Францычъ... Сичасъ вамъ мужикъ — не мокрая курица!.. Оно-то правильно: армія-то—наша. Тамъ у насъ два сына... Поди-ка-сь, душа у меня болитъ. А всетаки правильная пора пришла: отдай мужику, что слѣдуетъ! Вѣкъ свой трудились. Конецъ теперь собачьей жизни. Я—за правильность. Уравненія требую. Требовается знать—кому што! Помѣщики и арендатели, чего грѣха таить, пожили всласть. Мы—крестьянскій народъ, такъ што, на вѣрную дорогу вышли! Не то штобъ безобразіе чинить и все прочее. Земля, молъ, ничья, Божья. Никакъ невозможно такое разсужденіе имѣть. Чтобы правило было. Такъ, молъ, и такъ. Что кому положено. Земли всѣмъ хватитъ. Сперва-наперво землицы крестьянскому народу, потому хрестьянинъ русскій дюже любитъ родную землю... Она ему — близкая, родная, вотъ, какъ этотъ крестъ святой...— Старикъ любовно потрогалъ болтающійся на его волосатой груди мѣдный крестъ. — Опять... работа. Вишь, въ городахъ какую деньгу зашибаютъ, примѣрно, скажемъ, извощикъ, али мастеръ... А намъ говорятъ: „должонъ ты, такой-сякой, родину пожалѣть!.. За работу много берешь!" Неправильно этта, Ѳадей Францычъ. Лишку не беремъ! А што положено,—подавай намъ, потому работа чижолая, и хрестьянская спина чувствуетъ тяжесть!..

— Знаю, знаю, Игнатъ. Ты — правильный мужикъ. Ты съ понятіемъ. А вотъ бабы чего галдятъ! Имъ все мало да мало!.. — съ мольбой говоритъ управляющій.

— Бабы што!.. Чего намъ бабовъ-то слушать!.. Вертихвостки! Особливо, которыя молодыя. Мужья на войнѣ. А онѣ-то нешто мужнины жены? Заработали лишній рублишко — на станцію. Футы, ну-ты, съ кавалерами канители завели. Норовятъ туды, гдѣ гармонь голосистѣе... Ну, и все прочее!.. Тьфу! Кабы моя власть — по шеямъ ихъ вытянуть всѣхъ, всѣхъ, до

Женщины-матросы.

Женщины-матросы. *Евдокія Меркурьевна Скворцова, старшій ротный делегатъ команды.*

Новая отрасль женской трудовой повинности. Первая морская женская команда, отправляющаяся на Мурманъ для несенія службы въ тылу. По фот. Я. Штейнберга.

одной. Мужикомъ земля держится, мужику и почетъ и уваженіе. Мужикъ на землѣ хозяинъ. Ему и дѣлами править!..

Окончена пріемка зерна. Члены продовольственнаго комитета,—георгіевскій кавалеръ, высокій, худой, съ желтымъ лицомъ, писарь съ кругленькимъ брюшкомъ, учитель, нервный, подвижной, и бывшій старшина, величественный мужикъ съ лицомъ аскета,—уходятъ. Идутъ за управляющимъ.

Управляющій занимаетъ во флигелѣ небольшую комнатку.

Мебель краснаго дерева. Большой книжный шкапъ. Громоздкій письменный столъ. Кушетка. Огромная деревянная кровать, та самая кровать, на которой родился владѣлецъ имѣнія, родились его отецъ, его дѣдъ.

На потолкѣ—громадная, художественной работы люстра, засиженная мухами, потемнѣвшая. Паркетный полъ покрытъ громаднымъ ковромъ.

Управляющій идетъ ровными, маленькими шажками и нервно крутитъ свой сѣдой усъ. Живой старичокъ—единственный „ветеранъ“, не пожелавшій оставить старое дворянское гнѣздо, когда весной нерѣшительно вспыхнули безпорядки.

— Умру здѣсь, какъ старая собака, но не оставлю своего поста... Я—одинокъ. У меня никого нѣтъ. Я не боюсь крестьянина, съ которымъ я вмѣстѣ проливалъ свой потъ надъ той землей, которая меня кормитъ полвѣка,—сказалъ онъ рѣшительно владѣльцу-прапорщику, призванному на войну.

Женщины-матросы за работой. *Мытье половъ въ казармѣ.*

И энергичный старикъ остался. И поладилъ съ крестьянами.

Въ комнатѣ управляющаго — гость, военный чиновникъ, пріѣхавшій съ фронта за зерномъ. Это типичный „товарищъ“, въ цвѣтной косовороткѣ съ погонами. Любитъ поговорить съ крестьянами. Онъ угрюмъ и желченъ, и его всего передергиваетъ, когда рѣчь заходитъ о помѣщикахъ.

Онъ ярый соціалистъ. Слѣпо вѣритъ въ соціализмъ. Во время споровъ доходитъ до бѣлаго каленія.

Передъ чаемъ идутъ какіе-то скучные, сложные расчеты. Подводятся итоги реквизированному зерну. Пишутся расписки.

Старинные часы бьютъ медленнымъ, бархатнымъ боемъ.

Наконецъ расчеты окончены, и управляющій прячетъ расписки.

За окномъ встаетъ тихій вечеръ. Тихо шелестятъ старыя липы. На дворѣ поютъ бабы. Въ комнатѣ воцаряется гулкая тишина. Покаркиваетъ самоваръ.. За столомъ сидятъ колоритныя, крѣпкія мужицкія фигуры.

Сидятъ непринужденно. И кажется, совершилось нежданное чудо: все человѣчество превратилось въ мужиковъ, въ крѣпкихъ работниковъ. Наступила какая-то просвѣтленная жизнь, и нѣтъ больше мѣста сословнымъ преградамъ. Люди какъ будто не похожи на прежнихъ людей.

Нѣтъ бѣлой и черной кости. Есть только одна единая, крѣпко спаянная Русь.

— Вотъ я, товарищи,—глухимъ голосомъ начинаетъ военный чиновникъ,—настоящій крестьянскій сынъ. Тулякъ. Рано вышелъ въ жизнь. Кое-чему учился. На мѣдные гроши. Никого не обременялъ. Самъ зарабатывалъ, самъ и тратилъ. Гимназію окончилъ. Былъ въ университетѣ. По тюрьмамъ меня таскали. Потомъ какъ будто присмирѣлъ. Семьей обзавелся. „Тишайшимъ“ сталъ. Но бурлила во мнѣ кровь. Сверлилъ буравчикомъ во мнѣ какой-то тайный голосъ: „чего расположился на покой?.. Слышишь, такъ жить нельзя!“ Опять втянулся. Опять меня хватали. Ну вотъ, война. Она избавила мою семью отъ излишнихъ треволненій. Дома у меня перестали бояться появленія околоточнаго или городового. Призвали меня по мобилизаціи. Для строя оказался негоднымъ. Пошелъ въ нестроевые. Не хотѣлось сидѣть дома, когда вся Русь объята пламенемъ единаго порыва... Неожиданно вспыхнула новая жизнь. Нежданно пришла свобода. Ушла, упала куда-то въ пропасть старая, маленькая жизнь, та жизнь, гдѣ царили только ничтожные, но наглые и хитрые. Проснулся народъ... Эхъ, Русь многострадальная!..

Чиновникъ беретъ дрожащими руками стаканъ и залпомъ выпиваетъ теплый, застоявшійся чай

Лихорадочно горятъ его глаза.

— Жизнь такъ широка... такъ заманчива, что грѣхъ великій—не быть самимъ собой,—продолжаетъ онъ уже тихимъ, усталымъ госососомъ.

Ѳаддей Францовичъ куритъ папиросу за папиросой и вдругъ срывается съ мѣста.

Пискливо звучитъ его тонкій, бьющій по нервамъ голосъ.

Рѣзко выдѣляется польскій акцентъ.

— Натурально,—это такъ! И я привѣтствую свободу. Она коснулась и нашего многострадальнаго польскаго народа. Воскресла Польша.

„Та Польша, у которой, это доскональнo извѣстно всякому, за спиной—тысячелѣтняя культура. Прошло то время, когда поляки ненавидѣли русскихъ. И было за что ненавидѣть. Насъ тѣснили. Насъ загоняли подъ шапку Мономаха. Но не объ этомъ я хочу говорить.

„Я, конечно, за свободу. Но свободу надо беречь. Ее надо разумно понимать. Я — старый человѣкъ, но, можетъ-быть, я—первый соціалистъ.

„А, вотъ, по дѣлу разговариваю съ крестьянами, ругаться приходится. Меня, можетъ-быть, „старорежимщикомъ“ считаютъ. А на самомъ дѣлѣ это не такъ. Я только противъ того, чтобы такую громадную ломку, какъ переходъ отъ самодержавія къ республикѣ, производили необдуманно. Соціализмъ, прежде всего,—наука. Это не то, что... вышелъ на митингъ, погуторилъ малость, и уже счастье... близко и возможно.

„У насъ стремленіе наобѣщать деревнѣ, то-есть подавляющему большинству, трудовому крестьянству, какъ можно больше. Ну и впадаютъ въ авантюризмъ и демагогію. Говорятъ авторитетнымъ тономъ люди, путающіе „соціализмъ“ и „соціализацію“. Слова эти отъ одного корня, но значеніе ихъ—различно.

„Соціализмъ — планомѣрная организація всего производства обществомъ и для общества. Соціализація же земли рѣшаетъ лишь вопросъ о формѣ собственности на поверхность и нѣдра земли.

„Соціализація земли въ деревнѣ и соціализація фабрикъ въ городѣ, это не одно и то же. Соціализація фабрикъ значитъ,—перешли производства въ общественное завѣдываніе. Замѣнены въ управленіи фабрикой личный интересъ, личная воля хозяина—волей общества. Устранена товарная анархія, и производство приспособлено къ общественнымъ интересамъ. Соціализація же земли означаетъ: передано въ общественное распоряженіе только одно изъ необходимыхъ условій производства. Отмѣнена одна изъ тягостныхъ частныхъ монополій...

„Земля, положимъ, такъ же, какъ и фабричное строеніе, паровой двигатель и проч., является однимъ изъ средствъ производства, но она имѣетъ важныя отличія отъ другихъ орудій производства.

„Орудія производятся трудомъ человѣка. Земля—невоспроизводима.

„Земля дается въ опредѣленномъ количествѣ, которое не можетъ быть увеличено произвольно. Земля есть не только главное условіе производства для земледѣльца. Она — условіе всякаго производства.

„Земля есть условіе всякой жизни. Не можетъ же фабрика висѣть на воздухѣ...“

Чиновникъ внимательно слушаетъ. Медленно, маленькими глотками онъ пьетъ остывшій чай. Онъ волнуется и наконецъ прерываетъ управляющаго, протягиваетъ ему руку.

Женщины-матросы за обѣдомъ.

нашъ русскій человѣкъ до настоящей свободы. Но разъ нѣтъ такого жонглированія, что ли, мыслями, а налицо — искренность, я сдаюсь! Капитулирую!

Крестьяне ухмыляются.

— Конечно, такъ што, Ѳадей Францычъ — человѣкъ образованный, справедливый. Мы съ нимъ всегда столкуемся. Такихъ намъ бы побольше. Онъ за правду, и мы за правду. Доведетъ же Господь Богъ насъ до такого конца, что обойдется безъ всякой обиды.

— Молодчина, панъ Ѳаддей... Да изъ васъ бы вышелъ отличный лекторъ. Согласенъ съ вами! Подписываюсь! Каюсь, я ошибался относительно васъ. Думалъ, что панъ управляющій—лютый врагъ соціализма. Теперь я понимаю васъ. Позвольте мнѣ провести аналогію. Вы хотите сказать:—нужна планомѣрная работа. Нельзя вчерашняго хлѣбороба, нашего скромнаго россійскаго крестьянина, превратить сразу въ сознательнаго соціалиста. Нельзя сразу смѣнить армякъ въ заплатахъ на щегольской фракъ. Нельзя отъ тучнаго крестьянскаго хлѣба, добытаго мужицкимъ же потомъ, сразу перейти... на бисквитъ, что ли... Это такъ. Но помните, что это обычная уловка реакціи: не доросъ, молъ,

Ходятъ бродячія тѣни вечера. На дворѣ, возлѣ старыхъ липъ — груженые возы. Это зерно отправляютъ на станцію.

Тамъ уже бѣгутъ поѣзда. Рельсы дрожатъ, гнутся подъ тяжестью груза.

Длинной вереницей стоятъ крестьянскіе возы. Лошади жуютъ сѣно. Вѣсовщикъ съ ногъ сбился. Сегодня большая отправка.

Все для арміи... все для народнаго войска!

Платформа запружена мужиками. Коричневые. Въ заплатанныхъ армякахъ.

Крестьянская Русь шлетъ свой гостинецъ братьямъ, туда, на далекія позиціи, гдѣ куется молодая русская свобода

Станція работаетъ днемъ и ночью. Безъ отдыха.

Мелькаетъ зеленый глазъ семафора. Гудитъ телеграфная проволока.

О, Русь!.. Вѣрь въ надежды свои!.. Вѣрь, что во тьмѣ грядущаго тебя ждетъ свѣтлая дорога...

Политическое обозрѣніе.

Предпарламентаризмъ.

Поистинѣ злой рокъ тяготѣетъ надъ русской революціей. Сначала она развивалась удивительно стройно и планомѣрно по самымъ совершеннымъ образцамъ и на основаніи самыхъ лучшихъ книжекъ. Возглавленная Государственной Думой, поддержанная могучими демократическими организаціями и безъ колебаній признанная всей страной, революція нуждалась только въ оформленіи, въ узаконеніи ея Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ опять-таки на началахъ самаго демократическаго избирательнаго права. Путь, который нужно было пройти обширнѣйшему въ мірѣ государству отъ военнаго мятежа въ столицѣ до торжественнаго установленія республиканской конституціи, казался въ первые мѣсяцы революціи такимъ легкимъ и короткимъ. Восторженные и мало искушенные въ государственныхъ дѣлахъ вожди революціи серьезно вѣрили, что, несмотря на войну, на привлеченіе къ выборамъ арміи, на женское избирательное право, Учредительное Собраніе можно созвать къ лѣту. Скептики, рисковавшіе говорить объ августѣ или сентябрѣ, считались мрачными пессимистами; сказать, что Учредительное Собраніе возможно не ранѣе декабря, значило прослыть контръ-революціонеромъ. Но время шло, затрудненія, связанныя съ созывомъ Учредительнаго Собранія, становились все болѣе и болѣе очевидными. Подчиняясь давленію демократическихъ элементовъ и вопреки заключенію особаго совѣщанія, вырабатывавшаго избирательный законъ, Временное Правительство уже было-назначило выборы на 17-е сентября и открытіе Учредительнаго Собранія на 30-е сентября. Но невыполнимость этихъ сроковъ была ясна всѣмъ и каждому, и, дѣйствительно, вскорѣ пришлось ихъ отдалить, и выборы отложить до 12-го ноября, а открытіе Учредительнаго Собранія до 28-го ноября. Благодаря медленному образованію органовъ мѣстнаго самоуправленія, на которыхъ падаетъ главная тяжесть работы по составленію избирательныхъ списковъ, все-таки нѣтъ настоящей увѣренности, чтобы хоть въ этотъ срокъ удалось созвать правильно избранное и авторитетное въ глазахъ населенія Учредительное Собраніе.

Между тѣмъ, пока моментъ окончательнаго утвержденія въ Россіи демократическо-республиканскаго строя отодвигается все дальше и дальше, механика нашего временнаго государственнаго порядка постепенно разстраивается. 5-го мая окончился періодъ

Женщины-матросы на строевыхъ занятіяхъ.

правленія буржуазнаго правительства, поддерживаемаго „постольку—поскольку“ органами „революціонной демократіи“. Открылась эра буржуазно-соціалистической „коалиціи“. Но то, что называется у насъ этимъ словомъ, очень мало похоже на коалиціи, свойственныя европейскимъ парламентскимъ странамъ. Тамъ коалиціонное правительство всегда опирается на коалицію партіи въ правильно избранномъ парламентѣ. У насъ коалицію заключили представители такъ называемой „буржуазіи“, ведшіе свой политическій авторитетъ отъ Государственной Думы, и представители соціалистическихъ группъ, за которыми стояли безчисленные Совѣты. Но демократія понемногу дискредитировала Государственную Думу и свела ее на нѣтъ, а вліяніе Совѣтовъ, напротивъ, чрезвычайно разрослось и въ ширь и въ глубь. Естественнымъ выводомъ изъ такого положенія должна была бы явиться замѣна коалиціоннаго правительства однороднымъ, соціалистическимъ или совѣтскимъ. Однако передъ этимъ выводомъ совѣтская демократія останавливалась въ нерѣшительности, и, въ то время, какъ ея крайній большевистскій флангъ все громче требовалъ „всей власти Совѣтамъ“, центральное умѣренное ядро Совѣтовъ продолжало отстаивать идею коалиціи. Это упорное пристрастіе къ коалиціи объяснялось очень просто. Въ данный моментъ „соотношеніе силъ“ въ странѣ несомнѣнно благопріятствовало революціонной демократіи, но болѣе проницательные изъ соціалистовъ отлично понимали его условность и непрочность. Для нихъ было ясно, что настоящаго большинства за ними въ странѣ нѣтъ, что подъ взбаламученной поверхностью революціоннаго моря въ глубинахъ народныхъ таятся еще какія-то другія силы, невѣдомыя и грозныя. Именно поэтому они такъ цѣплялись за коалицію съ „буржуазіей“, именно поэтому, всячески понося крупнѣйшую изъ буржуазныхъ партій, партію народной свободы, они упорно влекли ее въ правительство, и когда ея представители бывали у власти, уличали ихъ въ „саботажѣ“, а когда к.-д. уходили въ отставку, предавали ихъ анаѳемѣ за „дезертирство“. Именно поэтому они, вышедшіе изъ нѣдръ Совѣтовъ и долгое время только въ Совѣтахъ видѣвшіе проявленіе организованной народной воли, въ концѣ концовъ пришли къ идеѣ коалиціоннаго „предпарламента“.

Идея образованія при Временномъ Правительствѣ особаго, тоже временнаго Государственнаго Совѣщанія, носилась въ воздухѣ уже давно. Въ маѣ проектъ созданія такого совѣщательнаго учрежденія серьезно обсуждался въ московскихъ общественныхъ кругахъ. О немъ начали говорить тогда, когда обнаружилась невозможность скораго созыва Учредительнаго Собранія. Но весною о Государственномъ Совѣщаніи—тогда еще не было пущено въ оборотъ слово „предпарламентъ“—мечтали главнымъ образомъ „буржуазные“ элементы. Революціонная демократія не хотѣла признавать никакого авторитета, кромѣ авторитета всеобщаго избирательнаго права, съ высокомѣріемъ отвергала всякіе „суррогаты“ народнаго представительства и до созыва Учредительнаго Собранія допускала только существованіе Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Однако удержаться на этой позиціи ей не удалось. Понемногу на мѣстахъ начали возникать органы земскаго и городского самоуправленій, избранные всеобщимъ голосованіемъ, то-есть при участіи и рабочихъ и солдатъ и крестьянъ. Съ этими органами совѣтской демократіи пришлось серьезно считаться. На Демократическомъ Совѣщаніи, созванномъ въ Петроградѣ 14-го сентября, ряды демократіи оказались расширенными и пополненными новыми дотолѣ невиданными въ Совѣтахъ людьми—земцами, городскими гласными, кооператорами. А когда снова зашла рѣчь о необходимости создать при Временномъ Правительствѣ представительное учрежденіе съ совѣщательнымъ голосомъ, само собою вышло такъ, что, кромѣ представителей Совѣтовъ, въ него было рѣшено включить и делегатовъ отъ органовъ самоуправленія и — хотя и въ искусственно сокращенномъ числѣ — „цензовую буржуазію“. Въ сторонѣ отъ этого коалиціоннаго „Временнаго Совѣта Россійской Республики“ остались только большевики, представители совѣтской доктрины въ ея первобытномъ видѣ. Ихъ боевой лозунгъ попрежнему — „вся власть Совѣтамъ“; „полномочный органъ“ революціонной Россіи для нихъ попрежнему — „Всероссійскій Съѣздъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ“.

Но дѣло большевиковъ еще впереди, ихъ съѣздъ Совѣтовъ соберется еще только 20-го октября. А пока что у насъ будетъ нашъ „Временный Совѣтъ“, нашъ „Предпарламентъ“. Предпарламентъ—это живой символъ нашей политической нищеты, это яркое воплощеніе нашихъ революціонныхъ блужданій и разочарованій. Изъ всѣхъ формъ представительства мы получаемъ худшую, потому что члены предпарламента будутъ формально назначены Временнымъ Правительствомъ изъ числа предложенныхъ ему кандидатовъ. Какъ показываетъ исторія представительныхъ учрежденій, представительство съ совѣщательнымъ голосомъ есть безнадежная нелѣпость, а нашъ предпарламентъ долженъ быть только „совѣщаніемъ“ при правительствѣ. За мѣсяцъ до выборовъ въ Учредительное Собраніе мы вступаемъ въ полосу „предпарламентаризма“ и тѣмъ самымъ показываемъ, что подлинной вѣры въ настоящій парламентаризмъ у насъ нѣтъ. Вмѣсто чистѣйшихъ продуктовъ совершеннѣйшаго политическаго творчества мы питаемся скверными суррогатами, да и все наше революціонное существованіе есть какое-то унылое и бездарное предсуществованіе.

Проф. К. Соколовъ.

Нашимъ подписчикамъ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ**, такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ **болѣе 2 рублей**, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, **одинъ рубль.**

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство «А. Ф. Марксъ» съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Нива», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880.000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью уже истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только теперь, истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу осуществить его желаніе исполнить начертанную имъ литературную программу и тѣмъ выполнить его полувѣковую работу просвѣщенія массъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина Сибиряка“ книги 53 и 54.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Выдана 28 октября 1917 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—60 к., съ перес. 75 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (¼ ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. С. Я. Надсона“, кн. 6—7.
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Отзывы печати о вышедшихъ №№ 34—37 „Нивы“ с. г.

Газета **«Рѣчь»** отъ 22-го октября с. г.

ПШЕНИЧНЫЙ ХЛѢБЪ.

... Прежде мы хвастали передъ Европой великой русской литературой и... самоварами. Самовары остались. Передъ ними преклоняются попрежнему. А литература — исчезла...

... И вотъ въ эти абсолютно нелитературныя времена... загробный голосъ Лѣскова прозвучалъ со страницъ «Нивы», какъ призывной колоколъ: Vivos voco!

Повѣсть его называется "Заячій ремизъ". Вѣроятно, она своевременно не увидала свѣта по цензурнымъ соображеніямъ.

Кому дорога русская литература и русскій языкъ — пусть ее прочтетъ. Она не очень длинная. Но читалъ я ее недѣлю, раздѣливъ на порціи. Чтобы протянуть наслажденіе.

Наслушавшись рѣчей... съ «лозунгами», «контактами», походивъ изъ «подрайона» въ «районъ», изъ «района» въ «комиссаріатъ», изломавъ себѣ языкъ объ «румчеродъ» и «верхкомъ» — прямо лѣчишься на здоровомъ, сочномъ языкѣ Лѣскова.

Странная вещь. Когда пріѣхавшій изъ-за границы Троцкій, не нюхавшій въ Россіи ничего другого, кромѣ городской пыли, говоритъ отъ имени крестьянства,—мы должны вѣрить... А вотъ, когда говоритъ Лѣсковъ,—ему вѣрить не полагается. Интеллигенція русская никогда не читала Лѣскова. Онъ былъ подъ подозрѣніемъ. И можетъ-быть, именно потому, что мы брезгали такими «достовѣрными свидѣтелями», какъ Лѣсковъ, мы и допрыгались до... Деконскихъ, царицынскихъ республикъ и козловскихъ разгромовъ. Я не помню, что говоритъ властитель думъ И.-Разумникъ о Лѣсковѣ... Но навѣрное что-нибудь «уничтожающее». Лѣсковъ для такого сверхъ-человѣка .. долженъ быть кѣмъ-то въ родѣ мѣщанина и черносотенника. Но нѣтъ сомнѣнія, что... Лѣсковъ останется. Такъ же, какъ останется «великая русская литература»... Останется и русскій языкъ. Онъ быстро переваритъ всѣ инородческія новшества эпохи «егалите и братарните», какъ выражается герой лѣсковской повѣсти.

А потому не будемъ бояться. «Еще Польска не сгинела» — поютъ поляки. Такую же пѣснь скоро сложатъ великоруссы, не имѣвшіе представителя на «съѣздѣ народовъ» въ Кіевѣ. Конечно, досадно, что о существованіи «великой русской литературы» и русскаго языка намъ напомнятъ не сверху, не на «демократическомъ совѣщаніи», а снизу, въ провинціальныхъ нѣдрахъ «Нивы». Но къ чему «якобинскій» методъ въ такихъ дѣлахъ?

«Нива» расходится въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, она распространена среди «презрѣнныхъ» обывателей.

И радостно, что эти забитые и всѣми забытые обыватели, вся жизнь которыхъ свелась къ «хвостамъ» и ожиданью погромовъ, получили бѣлоснѣжный, пшеничный хлѣбъ русской литературы и русскаго языка.

Д. Философовъ.

Газета **„Петроградскій Листокъ“** отъ 8-го октября с. г.

Какъ нѣкій скупой рыцарь, «Нива» раскрыла свои заповѣдные сундуки и бросила горсточку золота. Въ нумерѣ, который завтра выйдетъ, вы найдете Некрасова, Полонскаго, Костомарова. Но лучше всѣхъ—Лѣсковъ съ цѣлой неизвѣстной повѣстью «Заячій ремизъ».

Воистину у книгъ своя судьба! Въ антилитературнѣйшіе наши дни, когда «Ганнибалъ у воротъ», а внутри страны—сплошное охамѣніе, и товарищескій сапогъ наступилъ на Шекспира, и всякій, кому свойственно элементарное чувствованіе красоты разумѣнія, красоты долга, красоты искусства, влачитъ свои дни, какъ св. Себастіанъ, съ вѣчною стрѣлою въ сердцѣ,—въ такіе дни какая нечаянная радость! Вдругъ повѣяло такою умиротворяющею тишиною стараго дѣдовскаго быта, теплаго, уютнаго,—словно въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится, Богъ на шапку послалъ замытаренному нынѣшнему «гражданину»!..

«Заячій ремизъ»—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ старика Лѣскова. Написалъ онъ его любовно, съ огромнымъ захватомъ, съ великолѣпною своею сочностью, и понесъ туда и сюда, и вездѣ встрѣтилъ отказъ. Невозможной казалась повѣсть по тогдашнимъ временамъ. Десятокъ близкихъ его дому людей прочиталъ ее при его жизни. Нѣсколько лѣтъ назадъ я пережилъ огромное наслажденіе чтенія этой чудесной вещи въ числѣ тѣхъ рукописей, что перешли въ «Ниву» изъ богатаго лѣсковскаго архива.

Тамъ было письмо Стасюлевича, тоже убоявшагося печатать рукопись: «Съ вашимъ ремизомъ можно очень самому обремизиться». И осторожный старикъ кивнулъ «на сосѣда въ началѣ Галерной»,—на Побѣдоносцева, сидящаго въ синодѣ. Глазами, вылѣзающими изъ орбитъ, читалъ гнѣвный Лѣсковъ вотъ эту желтѣющую страничку письма и задыхался отъ злобы и астмы,—той, что получилъ, какъ онъ говорилъ, на лѣстницѣ у Суворина, когда узналъ, что его шестой томъ безповоротно приговоренъ къ сожженію...

Какимъ чудеснымъ ароматомъ старины вѣетъ отъ этихъ страницъ могучаго старика! Точно пьешь старое ароматное вино, огустѣвшее отъ времени, и какая это радость въ тѣ дни, когда направо и налѣво изъ устъ сосѣда слышишь лишь смрадное дыханіе денатурата, подлиннаго или метафорическаго!..

Нѣкоторыя страницы возвышаются,—не боюсь это сказать,—положительно до гоголевской лѣпки. Архіерей его живетъ,—старый великолѣпный бурсакъ, умница, немножко циникъ, такъ геніально-просто увѣровавшій въ свое величіе, что его даже не беретъ никакая дерзость.

Съ несходящей съ устъ улыбкой читаете вы, какъ онъ перекоряется со своимъ старымъ школьнымъ товарищемъ,—тоже кремнемъ!—и какъ потомъ беззлобно пріѣзжаетъ къ нему скушать третій обѣдъ въ одинъ день. Историческій типъ этотъ надо было сохранить и сохранить такъ колоритно и ласково, какъ это сдѣлалъ Лѣсковъ,—въ этихъ по крайней мѣрѣ главахъ возсоздавая чистую атмосферу «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» или «Пана Халявскаго».

Идиллическіе тона и—рядомъ сколько выстраданной злобы Лѣскова на ложное знаніе, которое никому не нужно, на старый подлѣйшій режимъ, когда готовы были упечь учительницу въ каталажку за цитату изъ Евангелія, на добровольныхъ и присяжныхъ сыщиковъ, готовыхъ продать міръ за орденокъ, падающій на перси!

Во всякое время повѣсть Лѣскова—кстати сказать, совершенно законченная и до послѣдней запятой обработанная—была бы крупнымъ литературнымъ явленіемъ. Какой богатѣйшій талантъ, какой разнообразный талантъ! Теперь, кажется, не время для художественныхъ впечатлѣній. Но если вы хотите на минуту отдохнуть отъ циммервальдійской проповѣди, отъ газетнаго кошмара, отъ страховъ и сплетенъ, отъ хвостовъ и разговоровъ о продовольствіи,—подарите себѣ одинъ вечеръ чтенія «Заячьяго ремиза».

А. Измайловъ.

(См. на оборотѣ).

Газета «Русская Воля» отъ 21-го октября с. г.

Соединенные въ одинъ выпускъ №№ 34 — 37 журнала «Нивы» вышли необычайными...

Изъ посмертныхъ стихотвореній Я. П. Полонскаго помѣщено въ выпускѣ пять пьесъ. Въ первомъ сонетѣ имѣются и такія строки, отвѣчающія современности.

Потомству нашему хотятъ предречь витіи
Борьбу за жизнь и смерть, иль спячку апатіи,
Войну изъ-за рубля, иль произволъ страстей...
Но гдѣ же идеалъ?! О, вѣчный Царь царей!
Отецъ нашъ! Ниспошли возлюбленной Россіи
Ты духа мудрости, дай хлѣба, дай людей!..

Кто изъ нашихъ современниковъ не подпишется подъ этими пророческими словами?

Извлеченная изъ посмертнаго архива Н. С. Лѣскова, повѣсть «Заячій Ремизъ», или «наблюденія, опыты и приключенія Онопрія Перегуда изъ Перегудовъ», — изумительное произведеніе по своей художественной цѣнности. Въ этомъ произведеніи Н. С. Лѣсковъ, виртуозъ русской прозаической рѣчи, что называется, превзошелъ себя. На этотъ разъ авторъ переплетаетъ великорусскую рѣчь съ малорусской по-гоголевски, съ юморомъ зарисовываетъ фигуры персонажей и заставляетъ ихъ говорить образнымъ и живымъ языкомъ. Въ повѣсти имѣются сцены, напоминающія Гоголя, какъ будто авторъ рѣшился на литературный фокусъ и имитировалъ автора «Мертвыхъ душъ», но имитировалъ по-своему, по-лѣсковски, ярко выразивъ въ повѣсти и свое литературное лицо.

Повѣсть Н. С. Лѣскова слѣдуетъ признать за лучшую работу по беллетристикѣ, появившейся за послѣдніе годы.

Оригиналенъ и посмертный очеркъ Н. И. Костомарова «Скотской бунтъ». Это дѣйствительное описаніе скотскаго бунта, попытка проникнуть въ смыслъ языка животныхъ, у которыхъ, какъ оказывается, есть своя бунтарская коллективная воля, есть и потребность въ скотскихъ митингахъ, есть и свои вожди-бунтари. Въ аспектѣ парадокса очеркъ читается какъ бытовое художественное произведеніе.

Отрывокъ изъ неизданной повѣсти Н. А. Некрасова «Каменное сердце» переноситъ читателя къ красивѣйшей романтической исторіи съ повѣстью Достоевскаго «Бѣдные люди». Читатели, конечно, знаютъ объ этомъ. единственномъ эпизодѣ въ исторіи русской литературы, когда Некрасовъ, Бѣлинскій и Григоровичъ первыми оцѣнили нашего великаго Достоевскаго. Въ предисловіи и послѣсловіи къ повѣсти Некрасова К. Чуковскій удачно воспроизводитъ весь этотъ эпизодъ въ своихъ комментаріяхъ и разъясненіяхъ.

Послѣдній выпускъ «Нивы» — достойный подарокъ читателю нашихъ дней, уставшему въ войнѣ и революціи.

Газета «Вольность» отъ 9-го октября с. г.

По богатству литературныхъ сюрпризовъ послѣдняя (№№ 34—37) тетрадь «Нивы» представляется воистину роскошнымъ подаркомъ. Безъ всякаго преувеличенія, это какое-то литературное пиршество, собраніе драгоцѣнныхъ камней, нисколько не постарѣвшихъ во времени, не утерявшихъ ни своего самостоятельнаго значенія и интереса, ни самоцвѣтнаго блеска, несмотря на протекшіе годы, на измѣнчивость вкусовъ, разницу эпохъ, на новые навыки письма. А стихи Я. П. Полонскаго, впервые здѣсь воспроизведенные, и неизданная до сихъ поръ повѣсть Н. С. Лѣскова кажутся и сейчасъ такими свѣжими и молодыми, будто только вчера написаны.

«Заячій ремизъ» исполненъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, законченный и яркій почти ослѣпительно. Это—настоящая розсыпь великолѣпнаго и неповторимаго въ своей причудливости русскаго черноземнаго слова, смѣлыя построенія фразъ и главъ, и всей повѣсти...

... Повсюду авторъ разбросалъ свои искрометныя опредѣленія, отдѣльныя разительно-яркія словечки,—и о томъ, что герой его былъ «присадковатой фигуры», а по убѣжденіямъ, «частью честолюбъ, а частью консерваторъ», «любилъ тишноту», и чтобы «никто одинъ другому не смѣлъ позу рожи показывать».

Повѣсть прекрасна. Ее читаешь, боясь оторваться. Вся она—умная и злая насмѣшка надъ глупостью рабства и рабствомъ глупости...

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

П. В. Быковъ. „Мои питомцы и друзья". Изъ воспоминаній стараго естественника. Изд. т-ва „Новое Время". Цѣна 5 рублей.

Для юнаго читателя книга П. В. Быкова—настоящій кладъ. Написанные въ формѣ разсказовъ и воспоминаній очерки изъ міра животныхъ прочтутся съ захватывающимъ интересомъ. Каждая страница книги проникнута любовью ко всѣмъ живымъ существамъ, будь то лѣсная пѣвунья-пташка, или полевой мышенокъ, или даже червякъ или паукъ. Всѣ эти существа—дѣти одной матери-природы, и глубоко справедливо утвержденіе автора, что онъ научился любить ее горячо, видѣть въ ней Бога. Отчетливыя иллюстраціи дополняютъ эту богатую содержаніемъ книгу. Маститый писатель—критикъ и библіографъ, всю жизнь посвятившій книгѣ, сумѣлъ много яркаго прочесть въ книгѣ природы и живо передалъ эти явныя тайны окружающей насъ жизни живымъ, простымъ языкомъ. Этимъ листкамъ наблюденій „русскаго Фабра"—почетное мѣсто на учебномъ столѣ каждаго подростка, въ каждой школьной библіотекѣ.

А. Серафимовичъ. „Затерянные огни". Разсказы. Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ", т. VII. Цѣна 1 руб. 65 коп. **„Клубокъ".** Разсказы, т. IX. Цѣна 1 руб. 50 коп.

А. Серафимовичъ—писатель съ давно сложившейся индивидуальностью. Хороши народные типы въ разсказахъ А. Серафимовича. Бытъ, психологія простого человѣка схватываются авторомъ безъ преувеличеній и сентиментальности, свойственныхъ писателю-интеллигенту, приступающему къ изображенію народа. Герой А. Серафимовича—простой, средній человѣкъ. Есть въ немъ и благіе порывы, давятъ его сѣрыя будни жизни, есть юморъ и страданія — словомъ все, чѣмъ жизнь изо дня въ день питаетъ людей, давая имъ то тотъ, то другой обликъ въ зависимости отъ индивидуальности.

Простъ и безыскусственъ сюжетъ разсказа „Астрономія". Слышится въ немъ душевная теплота и мягкость, свойственная глубокой человѣчности, юморъ переплетается здѣсь съ трагедіей, и въ этомъ глубокая правда жизни, ея вѣчнаго кипучаго движенія, мѣняющаго образы и положенія. Прекрасенъ озаглавливающій сборникъ разсказъ „Затерянные огни". Типъ сильнаго человѣка Никиты, сдерживающаго до времени страсть и вдругъ обрывающагося въ положенный срокъ,—типъ національный: національно въ немъ и отсутствіе мѣры, сказавшееся въ томъ, что и сдерживать порывы онъ не сумѣлъ въ мѣру. Прозѣвалъ изъ-за своей упрямой мысли молодость, силы и опомнился тогда, когда уже нѣтъ возврата. „Кругомъ померкли краски, потеряли обаяніе женщины, не зажигало кровь вино, пусто и холодно смотрѣла старость, запоздалая осень".

Манера письма у А. Серафимовича старая—реалистически-описательная, есть въ ней краски, хороши тона.

Отдалъ дань А. Серафимовичъ въ своихъ сборникахъ и современности. Таковъ простой и трогательный разсказъ его „На побывкѣ", гдѣ солдатъ, пріѣхавшій на побывку домой, жадно хватается за хозяйственное дѣло, словно наверстывая утерянное, и такъ незамѣтно проходитъ все время отпуска.

Жизнененъ и мелкій чиновничій міръ въ „Преступленіи" А. Серафимовича, гдѣ страхъ чинушъ передъ начальствомъ ведетъ къ подлости противъ товарища.

Слѣды давно минувшаго мы видимъ въ разсказѣ „Какъ было". Бурная пора народнаго увлеченія, въ которой такъ много оказалось трагическаго, нашла свое отраженіе въ разсказѣ матери, выслушивающей немудреное повѣствованіе земляка—городового о смертной казни ея невинно-осужденнаго сына. Разсказъ этотъ, по силѣ вложеннаго въ простую форму трагизма, — лучшій изъ всѣхъ въ этомъ томѣ.

Въ другомъ томѣ выдѣляются разсказы „Клубокъ" и „Скитанія". Жизненна фигура Маріи Васильевны — типъ хозяекъ меблированныхъ комнатъ. Правдива и мѣтко выхвачена изъ круга авторскихъ наблюденій и фигура Федора Гаврилова — съ его босяцкой психологіей („Скитанія") и исторіей ея развитія. Но особенно хорошъ съ психологической стороны разсказъ „Двое", гдѣ человѣкъ, потерявъ любимую, мститъ страшнымъ образомъ. Онъ говоритъ сопернику, что убьетъ его, но не сейчасъ, а когда захочетъ. Вѣчный страхъ преслѣдуетъ Ферзенко и доводитъ его до полунормальнаго состоянія. Помимо художественныхъ достоинствъ, подкупающихъ простотой, и здѣсь мягкость и задушевность—отличительныя черты таланта А. Серафимовича.

Берлинъ, П. А. Апостолы анархіи. Пгр. 1917. Ц. 40 к.

Богдановичъ, Т. А. 1) Первый революціонный кружокъ Николаевской эпохи. Пгр. 1917. Ц. 55 к. **2) Революціонныя попытки шестидесятыхъ годовъ.** Ц. 65 к. **3) Хожденіе въ народъ.** Ц. 75.

Боймъ, Э. Луны электрическія. 2-е изд. Пгр. 1917. Ц. 85 к.

Бѣлоруссовъ. Кооперація національныхъ силъ. М. 1917. Ц. 30 к.

Водовозовъ, В. В. Какъ будутъ произведены выборы въ Учредительное Собраніе. Пгр. 1917. Ц. 30 к.

Вороновъ, Б. Н. Большевики. Пгр. 1917. Ц. 20 к.

Громовъ, А. М. Убійство Павла I. Пгр. 1917. Ц. 30 к.

Ивановичъ, Ст. Почему евреямъ дали равноправіе. Пгр. 1917. Ц. 15 к.

Ирецкій, В. Я. 1) Охранка. Пгр. 1917. Ц. 35 к. **2) Романовы.** Очеркъ. Ц. 30 к.

Карышевъ, Н. Экономическія бесѣды. М. 1917. Ц. 80 к.

Кирьяковъ, В. Дѣдушка и бабушка русской революціи. Пгр. 1917. Ц. 40 к.

Миртовъ, А. В. Стихи и проза. Слободской. 1917.

Невѣжинъ, П. М. Елисавета Шахова. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

Португаловъ, В. Идейные вожди соціалъ-демократіи. Пгр. 1917. Ц. 40 к.

Рѣчь генерала М. В. Алексѣева. М. 1917. Ц. 20 к.

Соколовская, Ю. Полевые цвѣты. 2-е изд. Харьковъ. 1917. Ц. 1 р.

С. С. Сказки жизни. Иркутскъ. 1917.

Стефановичъ, I. М. Современникамъ письма съ того свѣта. Кіевъ. 1917. Ц. 24 к.

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

„Альбомъ Украинской Старины". Роскошное изданіе in folio. 21 таблица съ акварелями **С. И. Васильковскаго** и съ рис. **Н. С. Самокиша**, съ прилож. объяснит. статей проф. **Д. И. Эварницкаго**, на русск. и франц. языкахъ. Цѣна альбома, въ изящной папкѣ **15 руб.**, съ перес. 18 руб.

Вагнеръ, Н. П. „КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ". Съ 300 иллюстраціями извѣстныхъ художниковъ. Большая книга въ 4-ю д. л., болѣе 800 столбцовъ текста. **Цѣна книги въ изящной папкѣ съ акварелью Н. Н. Каразина 10 руб.**, съ перес. **11 р. 50 к.**

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Эверсъ, Г. НЕОБЫЧАЙНЫЯ ИСТОРІИ въ двухъ книгахъ: 1) **„УЖАСЫ"**. Ц. 3 руб., съ перес. **3 р. 50 к.** 2) **„ОДЕРЖИМЫЕ"**. Ц. **2 р. 50 к.**, съ перес. **3 руб.**

„Отрокъ-мученикъ". Угличское преданіе. Повѣсть **В. М. Михеева**. Съ 30-ю рисунками **Нестерова, Сурикова и Бемъ**. Цѣна **5 руб.**, съ перес. **6 руб.**

ШОФФЕРОМЪ или МОТОЦИКЛИСТОМЪ

кто хочетъ сдѣлаться или кто хочетъ поступить въ автомобильную роту, тому необходимо подготовиться по нашему курсу. Цѣна полнаго курса съ многочисленными иллюстраціями и рисунками въ текстѣ **9 р. 90 к.** съ пересылкой.

Къ курсу БЕЗПЛАТНО прилагаются два конспекта для лучшаго усвоенія и повторенія.

Адресъ: Москва, Б. Гнѣздниковскій, 10, Издательству Д. М. Куманова.

(6) Безъ задатка никому не высылается. 4693

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ Грушевскаго 6 отд. Рондо-готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ. транспарант. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. **4 руб.**

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Борисова Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ букв. ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. убористаго шрифт. Цѣна **5 руб.**

СТЕНОГРАФІЯ Мусипова (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна **6 руб.**

(8) 4605

Перес. и упаков. по дѣйств. стоим. Приславшіе полн. стоим. впередъ за перес. не платятъ.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ *МОСКВА, Н. Басманная 14.*

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ

ЗАИКАНІЕМЪ.

При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—Лѣчебница функціонируетъ круглый годъ.

УЧЕБНЫЯ ПРОГРАММЫ

Новѣйшія для поступленія во всѣ высшія, среднія, низшія, мужскія, женскія гимназіи, городскія, реальныя и ремесленныя училища, для подготовки къ экзаменамъ во всѣ классы, на всѣ званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптекар. учен., высш. начальн., домашн. учит., механика, техника, землемѣра и мн. др., высылаетъ немедленно книжн. складъ **А. И. Загряжскаго**, Петроградъ, Разъѣзжая, 14. Цѣна каждой отдѣльной программы 1 руб., съ пересылкой 1 р. 20 к. Мелкія суммы присылать марками, на пересылку слѣдуетъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль. При заказахъ слѣдуетъ высылать задатокъ (приблиз. 1/3 суммы), остальное наложеннымъ платежомъ. Поступили въ продажу **А. И. Новиковъ** руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельной подготовки, для самообразованія, книга: **Какъ писать сочиненія**, цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 45 коп. и книга **Руководство по правописанію русскаго языка** и правила: сокращеніе словъ, употребленіе буквъ, разстановка знаковъ преписанія; со справочнымъ ороографическимъ словаремъ, 60 000 затруднительныхъ въ правописаніи словъ, для самостоятельной подготовки, для самообразованія и всѣмъ желающимъ **научиться грамотно писать** (книга содерж. 350 стран.), цѣна 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

За двѣ 20-ти коп. марки высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ учебниковъ, рѣшеній, конспектовъ, подстрочниковъ-переводовъ, повторительныхъ курсовъ, самоучителей, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣнъ.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

Для окрашиванія бѣлья, занавѣсей, шторъ

КРЕМОВУЮ КРАСКУ

въ листкахъ В. Вадовскаго. Цѣна 50 коп.

Главный складъ: Петроградъ, Бол. Зеленина ул., № 9, В. Вадовскій. Высыл. наложенн. платежомъ.

4706 2-2

Я вышлю Вамъ даромъ

небольшое количество удивительнаго средства, которое убѣдитъ Васъ, что можно быстро и навсегда вылечить

РЕВМАТИЗМЪ.

Множество разныхъ средствъ противъ ревматизма, подагры и родственныхъ имъ болѣзней предлагалось всѣмъ тѣмъ, у кого въ крови имѣется самый пагубный ядъ, извѣстный въ наукѣ подъ названіемъ „мочевой кислоты"

Тысячи людей пишутъ мнѣ, что они испробовали тоническія средства, якобы очищающія кровь, всевозможныя наружныя втиранія, но не получили отъ нихъ какой-либо существенной пользы. И я не удивляюсь постоянной неудачѣ въ леченіи этой самой упорнѣйшей болѣзни, потому что большинство лицъ, рекламирующихъ свои препараты, не знаетъ даже причины возникновенія этой болѣзни. Какъ же они могутъ лечить ее?

МОЕ ЛЕЧЕНІЕ НЕ СЛОЖНО

и я могу доказать это каждому страдающему ревматизмомъ СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО. Напишите мнѣ открытое письмо сегодня!

Позвольте мнѣ убѣдить Васъ, что Ваша болѣзнь вполнѣ излечима. Я охотно вышлю Вамъ небольшое количество моего средства съ подробными наставленіями и неопровержимыми доказательствами, что мое средство возвратило здоровье сотнямъ людей, потерявшимъ всякую надежду избавиться отъ этой ужасной болѣзни.

Сообщите мнѣ только Ваше имя и адресъ и напишите въ открытомъ письмѣ: **„Пришлите мнѣ безплатно пакетъ Вашего средства противъ ревматизма"** и съ обратной почтой я вышлю Вамъ его **СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.**

Если хотите, то разскажите о моемъ предложеніи Вашимъ друзьямъ. Не медлите, напишите сейчасъ. Адресуйте:

В. Г. ВОЛЛАНСТОНЪ, Петроградъ,
Невскій 18, кв. 48. Отд. 61.

4715

АСПИРИНЪ „ПРИМА"

БЫСТРО прекращаетъ **ГОЛОВНУЮ БОЛЬ МИГРЕНЬ НЕВРАЛЬГІЮ**

САМОЕ надежное средство противъ **ИНФЛУЭНЦЫ ПРОСТУДЫ** Повышенной температ.

ИЗЛЕЧИВАЕТЪ РЕВМАТИЗМЪ, ПОДАГРУ, ИШІАСЪ, БОЛИ въ ПОЯСНИЦѢ, НОГАХЪ и РУКАХЪ.

ДѢЙСТВУЕТЪ ЛУЧШЕ ВСѢХЪ другихъ средствъ.

Требуйте въ ближайшей аптекѣ или магаз., оригин. трубку таблетокъ **ЛАБОРАТОРІИ „ПРИМА"**, ПЕТРОГРАДЪ, М. Конюшен. 16.

ТОЛЬКО

Лучшее средство для рта и зубовъ

Устраняетъ дурной запахъ изо рта.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ.

Главное депо Н. Г. Зиминъ: Москва, Софійка, д. 9.

4711 4-8

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

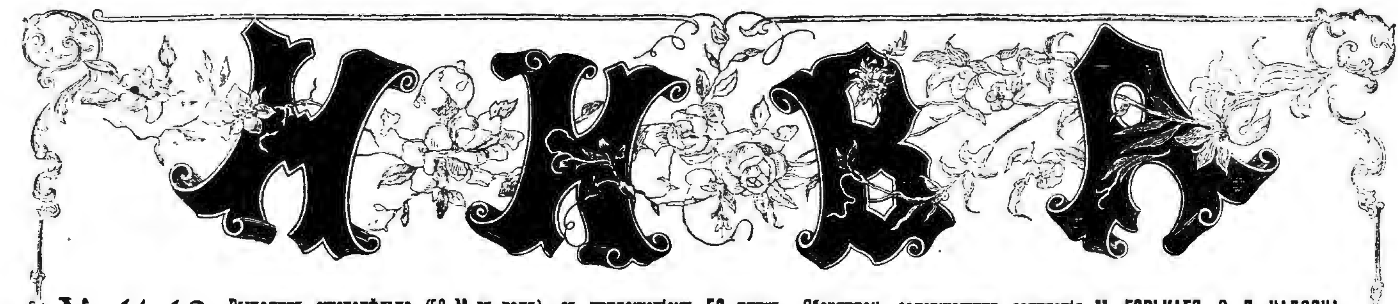
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья
ПЕТРОГРАДЪ.

4481 13 10



№ 41-43. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 28 октября 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—60 к., съ перес. 75 к.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала „НИВА" достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ „НИВЫ") **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ**, такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ **болѣе 2 рублей**, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, **одинъ рубль.**

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы дадимъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ „НИВЫ" 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе „НИВЫ", вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ **еще 6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи — 1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г. — 250.000.

Мужикъ.

Безъ тебя вся Русь бурьяномъ
Заросла бы, что пустырь,
Крѣпокъ ты въ усердствѣ рьяномъ,
Горемычный богатырь.

Древней скованная дремой,
Что ни дума—цѣлина.
Лапти заткнуты соломой,
И овчина продрана.

А мозоли—словно воску
Понакапаны бугры,
И желѣзную бъ расческу
Расчесать твои вихры'

Градобой положитъ поле,
Солнце ль выжжетъ,—такъ и знай,—
Ты одинъ въ горючей долѣ,
Не осилишь—помирай!

Хворь замаетъ—лѣзь на печку
Разомнись да покряхти,
А не станетъ мочи—свѣчку
Съ Іордани засвѣти.

То война къ тебѣ въ ворота,
То царь-голодъ на порогъ,
И такого нѣтъ болота,
Гдѣ бъ ужиться ты не могъ.

Не согнутъ, коль не согнули
Вѣрной силы злы деньки,
И—какъ знать?—не потому ли
Такъ смиренны васильки.—

Эти звѣзды-синеглазки
Въ морѣ зыбко-золотомъ,
Гдѣ все шопоты и сказки
О великомъ и простомъ?

Александръ Рославлевъ.

Хозяинъ. Этюдъ. (Галлерея И. Цвѣткова въ Москвѣ). *В. М. Васнецовъ.*

Награда лучшихъ.

Повѣсть **Марка Криницкаго**

Послѣ вчерашняго угарнаго веселья Катя съ трудомъ высидѣла урокъ во второмъ классѣ. Осталось ощущеніе легкомысленнаго стыда. Выпили немного всѣ. Сергѣй Сергѣевичъ старался быть милымъ и сдерживалъ себя изо всѣхъ силъ. Но, выпивъ, онъ не обошелся безъ двусмысленностей. Присутствіемъ Кати онъ былъ польщенъ и каждый разъ, сказавъ нескромность, испуганно взглядывалъ въ ея сторону и говорилъ:

— Тсс...

Въ знакъ особаго соизволенія онъ обѣщалъ, что внесетъ въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ ученицамъ сто рублей.

— Хотя сочувствуя больше профессіональному образованію и состоя попечителемъ ремесленнаго училища, но, такъ сказать, только для Катерины Васильевны.

За это пришлось пригубить ему рюмку коньяку. Коньякъ этотъ досталъ откуда-то Володя. И Катѣ и мамѣ было это очень непріятно. Сергѣй Сергѣевичъ звалъ Володю Страдиваріусомъ. Володя звенѣлъ связкой его ключей и распоряжался на кухнѣ и у буфета. Все время онъ на ходу жевалъ и, нахально поднявъ носъ, покрикивалъ на прислугу. Онъ тоже выпилъ лишнее.

Въ концѣ обѣда Володя вдругъ на цѣлый часъ исчезъ. Сергѣю Сергѣевичу зачѣмъ-то понадобились ключи, и онъ его за это все время бранилъ. Володя вернулся весь красный и заявилъ, что онъ можетъ достать ликеръ. Это стоило восемнадцать рублей. Гости запротестовали, но Сергѣй Сергѣевичъ обидѣлся и, вынувъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько помятыхъ кредитныхъ билетовъ, сказалъ:

— Слушай, Страдиваріусъ, чтобы одна нога здѣсь, а другая тамъ.

Ликера уже никому не хотѣлось пить. Катя выпила изъ вѣжливости рюмку, и отъ этого у нея, собственно, и трещала сегодня голова. Кромѣ того, на новую кофточку она истратила восемь рублей. Правда, кофточка всегда пригодилась бы, но ее вчера облили соусомъ. Придется бросить.

Катѣ было стыдно сидѣвшихъ передъ нею ученицъ, которыя смотрѣли на нее попрежнему съ серьезностью и обожаніемъ. Она оправдывала себя тѣмъ, что Сергѣй Сергѣевичъ внесетъ сто рублей въ Общество. Не это была отговорка. Просто захотѣлось немного повеселиться, на минуту забыть тяжелую и сѣрую атмосферу войны. Теперь давала себѣ слово впередъ не поддаваться искушенію.

Она обрадовалась, когда наконецъ прозвенѣлъ звонокъ. Въ сосѣднемъ (пятомъ) классѣ на полтактѣ оборвались усыпляющія рулады фортепіано. Катя приказала дежурной собрать у дѣвочекъ тетради. Угловатыя тоненькія фигурки вставали и потягивались. У нихъ затекли руки отъ долгаго письменнаго упражненія, и онѣ смѣшно растопыривали пальцы, изъ которыхъ средній на концѣ сбоку былъ въ чернилахъ. Мусолили пятнышко язычкомъ, смѣшливо взглядывая другъ на друга.

Какъ всегда по утрамъ, было знобно, и, когда отворили дверь, разомъ потянуло дурнымъ воздухомъ изъ отдаленнаго угла коридора. Въ учительскую прошелъ батюшка, придерживая одною рукою широкіе и завернутые рукава вишневой рясы.

Въ коридорѣ Катю остановилъ преподаватель математики Дзюбинскій, котораго прозвали „трудовикомъ" за одинаковую фамилію съ депутатомъ Думы. Дзюбинскій, какъ всегда, стѣснительно съежился и заторопился поздороваться неудобно согнутою въ локтѣ рукою, издавъ при этомъ свой шипящій звукъ: „Чи-чи-чижъ", что означало у него сокращенное привѣтствіе. Крупные зубы его блеснули сквозь раздвинувшіяся половинки густыхъ, темныхъ, всегда старательно расчесанныхъ усовъ. Онъ уже было-заторопился пройти дальше, но вдругъ помѣшкалъ и подозрительно обернулся. Его глаза особенно внимательно остановились на Катѣ, и, сама же понимая отчего, Катя вдругъ вздрогнула отъ этого настойчиваго и одновременно наглаго и точно спрашивающаго взгляда.

— Вы, конечно, знаете о Петрѣ Сергѣевичѣ?—спросилъ онъ, выжидая, но черезчуръ отчетливо, и вокругъ его словъ Катя сейчасъ же почувствовала особенную многозначительно-жуткую тишину.

Темно-каріе глаза Дзюбинскаго сузились, и по худой, обтянутой кожѣ на вискахъ прошли морщинки. Усы оставались раздвинутыми, и зубы продолжали блестѣть, хотя онъ не улыбался. Въ рукахъ у Кати отяжелѣли тетради. Впослѣдствіи она припомнила, что поняла все сейчасъ же. Но помнила также, что въ этотъ короткій мигъ успѣла сначала подумать:

„Вотъ сейчасъ я еще пока не знаю ничего. Только-что кончился первый урокъ, и я иду по коридору въ учительскую. Еще все, рѣшительно все по-старому. Господи, какъ я не умѣю цѣнить своего счастія. Если бы все оставалось такимъ всегда, всегда".

— Значитъ, вы не знаете?—сказалъ съ внезапной жестокостью Дзюбинскій.—Петръ Сергѣевичъ скончался отъ ранъ въ Б. Вчера было получено письмо о томъ, что его эвакуируютъ въ лазаретъ, а сейчасъ пришла телеграмма отъ товарища по полку.

Катя хотѣла подхватить тетради, но онѣ сыпались, какъ водопадъ. Она увидѣла неловко и поспѣшно нагнувшуюся темносинюю спину Дзюбинскаго.

Голосъ воспитанницы восьмого класса Банкиной прокричалъ, точна морская сирена, заглушая остальные звуки:

— Господа, кто хочетъ мѣнять книги, пожалуйста, за большой перемѣной!

Дзюбинскій съ неловкимъ поклономъ подалъ тетради. Катя прижала ихъ къ груди и сказала тихо и медленно, какъ всегда:

— Благодарю. Да, я слышу объ этомъ въ первый разъ.

Глаза его еще болѣе сузились, и морщинки на вискахъ протянулись еще дальше. Въ учительской знали, что Петръ Сергѣевичъ немножко ухаживалъ за нею. Извиняясь, онъ сказалъ:

— Какъ-то такъ, знаете, неожиданно... То-есть, конечно, разъ человѣкъ пошелъ на войну... но непріятно дѣйствуетъ на нервы. Жилъ человѣкъ и...

Онъ стоялъ передъ ней близко, такъ что она вдыхала запахъ его сукна, пропахшаго табачнымъ дымомъ. Какъ всегда, онъ подергивалъ шеей. Въ усахъ рѣзко выдѣлялась бѣлая нить. Было въ немъ знакомое до тошноты. И хотѣлось оторваться отъ него, какъ отъ кошмара, и отойти прочь. Но Катя надѣялась, что онъ скажетъ что-нибудь еще. Онъ замолчалъ, и только подергивалась его голова, и блестѣли зубы между усовъ. Катя сдѣлала усиліе, оторвалась и пошла.

Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Салазкинъ.

Министръ финансовъ М. В. Бернацкій.

Министръ юстиціи П. Н. Малянтовичъ.

Министръ путей сообщенія А. В. Ливеровскій.

Новые министры пятаго Временнаго Правительства. По фот. М. П. Антокольскаго.

И опять тотъ же коридоръ. Въ растворенную дверь учительской виднѣлась свѣтлая полоска, синѣющая отъ табачнаго дыма.

„Вотъ и все кончилось“.

И даже казалось, что это случилось когда-то очень давно. И что даже, вообще, ничего никогда не было. Она шла по коридору здоровая и, какъ всегда, полная силъ, и ея сердце пульсировало напряженно и ровно. Какъ всегда. Только, можетъ-быть, чуть дрожали руки, но и это пройдетъ. Все пройдетъ, ахъ...

Она усмѣхнулась сама надъ собой и надо всѣмъ. Въ учительской всѣ ужъ были на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Каждую перемѣну здѣсь бываютъ отдѣльныя темы для разговора. Сейчасъ, конечно, говорили о Петрѣ Сергѣевичѣ. Катя усмѣхнулась опять.

Временный замѣститель Петра Сергѣевича, преподаватель физики женскаго епархіальнаго училища, съ рыженькими усиками и въ черномъ штатскомъ сюртукѣ, говорилъ громче другихъ. Теперь, вѣроятно, онъ будетъ уже утвержденъ штатнымъ учителемъ. Онъ разсказывалъ:

— Онъ былъ раненъ пулею въ палецъ, но остался въ строю. Говорятъ, у него былъ жаръ. Конечно, зараженіе крови. Можетъ-быть, если бы отнять палецъ во-время...

Вошла начальница Зинаида Өедоровна. Она сказала офиціально-озабоченно:

— Господа, правда, что Петръ Сергѣевичъ убитъ?

Министръ торговли и промышленности и замѣститель министра-предсѣдателя А. И. Коноваловъ.

вчера классную даму Иванову въ бѣлой шляпѣ и свѣтломъ манто въ то время, когда она входила съ какимъ-то незнакомымъ студентомъ въ подъѣздъ кинематографа. Студентъ что-то спокойно разсказывалъ. Иванова же заразительно смѣялась и оглядывалась по сторонамъ, точно ища сочувствія. И, вспомнивъ это, Катя усмѣхнулась опять. Иванова будетъ смѣяться и завтра и послѣзавтра, а на пятомъ урокѣ будетъ панихида. Въ высокой актовой залѣ съ двойнымъ свѣтомъ. Будетъ пахнуть ладаномъ, и потомъ будетъ продолжаться прежняя жизнь. О Петрѣ Сергѣевичѣ поговорятъ и забудутъ, потому что безплодно помнить.

Вѣроятно, это очень дурно, но и въ своемъ сердцѣ Катя не находила того, что называется жалостью. Или она, вообще, такая безжалостная? И даже не было ужаса. Просто не было ничего. Она смотрѣла черезъ верхнюю, незабѣленную часть окна на училищный дворъ, убитый темнымъ, размокшимъ отъ дождей кирпичомъ, на надворныя постройки, за ними отчетливыя, уже оголившіяся верхушки гимназическаго сада, гдѣ теперь мокрыя скамейки, солома и померзшіе отъ утренниковъ георгины. Скорѣе, у нея было чувство раздраженія и даже какъ будто стыда: она поймала себя на этомъ, еще когда на нее глядѣлъ въ коридорѣ Дзюбинскій, сузивъ свои противные глаза. Это, конечно, ничтожно, но ей показалось стыднымъ и какъ бы неловкимъ со стороны Петра Сергѣевича, что вотъ онъ началъ ухаживать за нею, а потомъ

Министръ труда К. А. Гвоздевъ.

Предсѣдатель Экономическаго Комитета С. Н. Третьяковъ.

Государственный контролеръ С. С. Смирновъ.

Министръ государственнаго призрѣнія Н. М. Кишкинъ.

Новые министры пятаго Временнаго Правительства. По фот. М. П. Антокольскаго.

— Да, то-есть умеръ отъ раны, — сказалъ учитель русскаго языка Горшковъ тонкимъ, носовымъ, надтреснутымъ отъ постояннаго громкаго говоренія голосомъ.

Онъ любилъ поправлять допускаемыя другими неточности въ разговорѣ. Начальница перекрестилась и сказала:

— Господи!

Лицо ея изобразило мгновенный ужасъ. Потомъ она прибавила прежнимъ озабоченнымъ тономъ:

— Значитъ, надо будетъ отслужить панихиду. Послѣ котораго урока, батюшка?

Батюшка откашлялся. Теперь онъ держалъ руки назади, за спиной. Широкій наперсный крестъ выпиралъ на груди.

— Я думаю, благовременно будетъ послѣ четвертаго урока.

— Медамъ, — обратилась начальница къ двумъ класснымъ дамамъ, Өедоровой и Ивановой, дежурившимъ у отворенной двери въ ожиданіи распоряженій. — Панихида будетъ на пятомъ урокѣ. Мы, господа, разойдемся по классамъ, и каждый можетъ задать урокъ. Только я прошу, чтобы ученицы непремѣнно выходили попарно.

Она кивнула сухонькой старой головой съ сѣдой высокой прической и проворно вышла. Сяній трэнъ ея новаго форменнаго платья съ оборкой крупными фестончиками мелькнулъ въ дверяхъ. Катя вспомнила, что она встрѣтила

Министръ земледѣлія С. Л. Масловъ.

вдругъ оказался убитъ, и она, такъ сказать, ни при чемъ: вдова не вдова, а такъ... Глупое положеніе. И всѣ точно смотрятъ и думаютъ то же. Конечно, Петромъ Сергѣевичемъ не было сказано ничего серьезнаго. Всего нѣсколько полуслучайныхъ встрѣчъ, какой-то невзначай подаренный букетъ цвѣтовъ, посидѣли tête-à-tête на гимназическомъ вечерѣ въ полутемной гостиной, гдѣ свѣтила единственная лампа, глубоко покрытая желтымъ бумажнымъ абажуромъ. Вотъ и все. Но въ двадцать восемь лѣтъ придаешь этому значеніе.

Механически прозвенѣлъ у полураскрытой двери звонокъ. Это означаетъ: господа преподаватели и преподавательницы, ученицы давно васъ ждутъ, и въ классахъ шумъ. Батюшка наставительно посмотрѣлъ въ сторону двери и сказалъ:

— Каково? А? Жизнь совершаетъ свой коловоротъ.

Онъ покачалъ головой.

II.

Дома все еще пахло этой ѣдкой гарью, запахъ которой она почувствовала въ первый разъ вчера вечеромъ, когда вернулась отъ Сергѣя Сергѣевича.

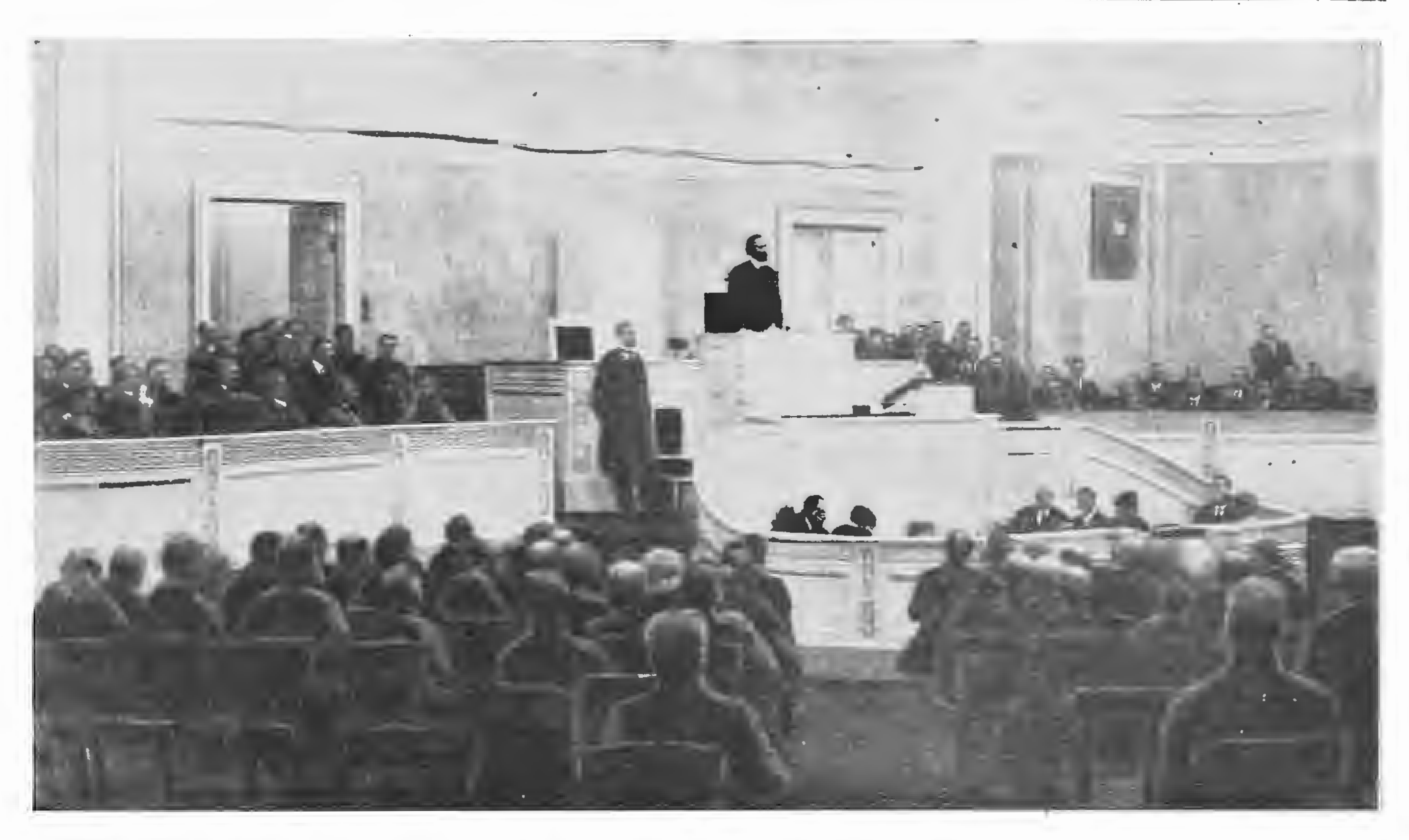
Снявъ пальто, она раздраженно спросила Марью:

— Что это за отвратительный запахъ?

— Вчера Володя баловались, топили въ желѣзной ложкѣ свинецъ.

Сидятъ: *Ф. И. Родичевъ, Н. Н. Кутлеръ, М. Е. Березинъ, Н. В. Чайковскій, М. М. Винаверъ, Н. Д. Авксентьевъ, М. В. Вишнякъ, М. А. Натансонъ, И. Н. Сахаровъ, Б. О. Богдановъ, С. А. Вайштейнъ.*
Стоятъ: *В. С. Сизиковъ, Р. А. Абрамовичъ, Б. Д. Самсоновъ, В. Б. Чефрановъ, М. Е. Ферри и Е. Е. Горовой.*

Къ открытію засѣданій Временнаго Совѣта Россійской Республики (Предпарламента). Группа старѣйшинъ. По фот. Петра Оцупа



Избранный предсѣдателемъ Временнаго Совѣта Россійской Республики (Предпарламента) Н. Д. Авксентьевъ произноситъ вступительное слово.

Группа земцевъ — членовъ Предпарламента.

Открытіе засѣданій Временнаго Совѣта Россійской Республики (Предпарламента) въ Маріинскомъ дворцѣ, 7-го октября с..г. По фот. Петра Оцупа.

Всероссійскій Съѣздъ губернскихъ комиссаровъ. *Въ центрѣ группы Н. Д. Авксентьевъ, избранный 7-го октября въ предсѣдатели Временнаго Совѣта Россійской Республики (Предпарламента)*

— Когда? Вѣдь онъ былъ на именинахъ Сергѣя Сергѣевича.

— А они съ именинъ прибѣгали.

— Зачѣмъ? Странно.

— Топили свинецъ. Я не могу знать. Меня вытолкнули изъ кухни и обложили дурой.

— Откуда же ты знаешь, что свинецъ?

— А на ложкѣ осталось, да запахъ.

Катя пожала раздраженно плечами.

— Ничего не понимаю.

Ей вспомнилось красное лицо Володи, когда онъ прибѣжалъ и сообщилъ, что можетъ достать ликеръ. Вспомнилась почему-то унизительная сцена, когда весною къ нимъ въ квартиру явились инспекторъ и классный наставникъ изъ реальнаго училища, прошли въ столовую къ отцу, гдѣ и затворились зачѣмъ-то, а потомъ, поговоривъ съ нимъ, вытребовали туда и Володю. Онъ долго не сознавался, что похитилъ изъ чертежнаго класса двѣ готовальни, одну ученика Покровскаго, другую — казенную. Отецъ самъ устроилъ обыскъ въ его комнатѣ, и одну готовальню нашли подъ матрацомъ. Съ тѣхъ поръ Володя не ходилъ въ училище. Отецъ про него говорилъ:

— Если повторится еще разъ, изъ собственныхъ рукъ убью.

Глаза его непріятно стеклянѣли, и виски начинали страшно биться. Катя въ такія мгновенія пугалась за отца. О Володѣ въ глубинѣ души, пряча эту мысль даже отъ самой себя, она думала:

„Хоть бы онъ умеръ, что ли“.

Володя велъ себя скрытно. У него постоянно были разныя таинственныя дѣла. Несчастье нисколько его не придавило: наоборотъ, онъ только сдѣлался нахальнѣе.

Онъ спалъ иногда, не раздѣваясь, умывался небрежно, такъ что уши и шея оставались постоянно сѣрыя. Щеки и подбородокъ у него были въ противныхъ черныхъ точкахъ. Онъ потихоньку курилъ, неизвѣстно откуда добывая табакъ. Вообще онъ огрубѣлъ и опустился, и, вдобавокъ, выросъ изъ своего сѣраго костюма. Правда, это была уже не его вина. Отецъ не хотѣлъ на него тратиться, объявивъ, что Володя, все равно, „золотая рота“.

При встрѣчѣ съ Катей Володя смотрѣлъ на нее въ особенности нагло. Онъ боялся задирать ее открыто, потому что зналъ, что она „нажалуется“, но зато выражалъ свое презрѣніе въ независимыхъ и иногда, явно, намѣренно грубыхъ позахъ и жестахъ. Онъ радовался, если чѣмъ-нибудь могъ ее стѣснить, или какимъ-либо способомъ оскорбить въ ней чувство изящнаго. Онъ нарочно появлялся при ней разстегнутымъ, не одѣтымъ, оралъ во все горло на прислугу, швырялъ сапоги для чистки прямо изъ своей комнаты въ кухню, производя безпокойство и грохотъ. Въ комнатѣ его были вѣчная пыль, грязь, бумажный соръ, и изъ нея несло застоявшимся воздухомъ. Этотъ же запахъ, специфическій и тошнотворный, который въ ея представленіи жилъ именно, какъ его запахъ, онъ имѣлъ свойство приносить съ собою всюду, съ циничной откровенностью объясняя, что невиноватъ, если такимъ образомъ у него пахнутъ ноги. Катѣ онъ бросалъ:

— Ничего, принюхаешься.

Бѣлье и въ особенности чулки на немъ положительно тлѣли. Но все это только радовало его. Онъ намѣренно старался казаться неудобнымъ, отвратительнымъ, опустившимся и грубымъ

Входя въ домъ, Катя начинала тотчасъ же ощущать это ненавистное ей

присутствіе брата. Сейчасъ запахъ отвратительной гари, стоявшей всюду въ комнатахъ, возмутилъ ее въ особенности. Она показалась себѣ несчастной. Нужно же, чтобы такъ сложилась жизнь. Ничего свѣтлаго, бодрящаго, манящаго впереди. Бросила въ своей комнатѣ тетради и такъ сидѣла, охвативъ голову руками.

Мама нѣсколько разъ позвала ее обѣдать, но она не шевелилась. Она представляла себѣ прѣлый картофельный супъ, сготовленный Марьей, клеенчатую, протершуюся по угламъ скатерть на столѣ, свернутыя трубочкой сѣрыя отъ употребленія салфетки, отца, въ синей кубовой рубахѣ, съ больнымъ раздраженнымъ взглядомъ, Викентія Викентьевича съ ревматическими ногами въ вѣчныхъ валенкахъ, и ей хотѣлось не жить.

Наконецъ мама сама заглянула къ ней въ дверь.

— А я думала, что ты уже умерла,—сказала она.—Простынетъ супъ.

Въ рукахъ она держала хрѣнъ съ уксусомъ и отвратительные сѣрые куски вареной говядины на пожелтѣвшей фаянсовой тарелкѣ. Въ безцвѣтныхъ (когда-то, вѣроятно, голубыхъ) глазахъ была робкая и суетливая покорность минутѣ. Руки у нея были худыя, желтыя, сморщенныя и лицо маленькое, точно это была не взрослая женщина, а неестественно состарившаяся небольшая дѣвочка.

— Ужасно отвратительный запахъ!—сказала Катя съ тоской и дрожью.—Огчего это?

Мама молчала, потому что всегда покрывала Володю.

— Я ничего не могу ѣсть. Хоть бы отворить форточки. Вы знаете, что Петра Сергѣевича Гулевича убили?

Она сказала и сама удивилась сказанному. Ее разсмѣшило, что мама хотѣла перекреститься, но въ правой рукѣ у нея былъ хрѣнъ. Она сказала, какъ и начальница:

— Господи!

Потомъ поставила хрѣнъ на комодъ и все-таки перекрестилась.

— Крестомъ не поможешь, — сказала Катя и усмѣхнулась.

Мама внимательно посмотрѣла на нее, потомъ недовольный взглядъ ея смягчился. Можетъ-быть, она догадалась о чемъ-нибудь.

— Все-таки выйди къ столу, а то папа будетъ недоволенъ. Форточки можно отворить, вотъ только развѣ Викентій Викентьевичъ...

— Пожалуйста,—сказала Катя съ ироніей и вышла.

„Я веду себя пошло, глупо, нахально,—подумала она.—Чѣмъ виноваты они всѣ? Ахъ, какая тоска!“

Въ тѣсной неуютной столовой было сумрачно отъ маленькихъ оконъ съ нецѣлымъ, склееннымъ замазкой стекломъ, и густыхъ гирляндъ повители, которыя прожорливо клубились и ползли изъ сѣрыхъ цвѣточныхъ горшковъ. Пахло паромъ отъ мясного супа. Отецъ сидѣлъ, какъ всегда, на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

Всероссійскій Съѣздъ представителей рабочихъ кооперативовъ. *Группа делегатовъ во главѣ съ предсѣдателемъ Егоровымъ и товарищемъ предсѣдателя Волковымъ.* По фот. Я. Штейнберга.

Распространеніе Займа Свободы въ г. Несвижѣ. *Рѣчь къ населенію ген.-маіора Веселовскаго.*

Онъ высасывалъ изъ мозговой кости мозгъ. Руки его тоже, какъ всегда, отъ перенесеннаго имъ три года назадъ тифа, дрожали. Онъ уставалъ отъ хлопотливой работы на складѣ и былъ за обѣдомъ неразговорчивъ. Викентій Викентьевичъ въ суровомъ парусиновомъ пиджакѣ, красный, потому что пришелъ изъ сада, гдѣ пилилъ на холодѣ сучья для топки, тоже молчалъ, потому что никогда не говорилъ. Онъ всегда чувствовалъ себя за столомъ лишнимъ, радуясь, когда мама поручала ему какую нибудь работу. Она всегда говорила мягко:

— Вотъ самоварчикъ кто бы развѣ развелъ, а то Марья стираетъ.—И просительно взглядывала въ его сторону.

Онъ молча шелъ и ставилъ. Сейчасъ онъ сидѣлъ и дожидался, когда мама раздѣлитъ всѣмъ по куску варенаго мяса, и покраснѣлъ еще больше, когда ему положили его кусокъ. Онъ былъ дальній родственникъ, поселившійся у нихъ послѣ того, какъ заболѣлъ на заводѣ ногами. Сначала это было временно, потомъ онъ сдѣлался необходимъ. Зимою онъ разгребалъ снѣгъ и кололъ на дворѣ ломомъ ледъ. Когда испортился колодецъ, долго возился около него и починилъ. Весною онъ дѣлалъ гряды, лѣтомъ ихъ полодъ, а сейчасъ заготовлялъ на зиму топливо. Ходилъ онъ, хромая. Про него разсказывали, что онъ раньше сильно пилъ и вогналъ въ гробъ поочередно обѣихъ своихъ женъ. И сейчасъ у него была въ слободѣ какая-то „Кузиха". Глаза у него были голубые, застѣнчивые, что не гармонировало ни съ густо повисшими рыжими бровями ни съ разсказами объ его прошломъ.

— Вы слышали?—сказала мама, присаживаясь къ столу не потому, чтобы тамъ у нея стоялъ приборъ (обѣдала она послѣ на кухнѣ), а потому, что у нея были слабы ноги.—Петра-то Сергѣевича Гулевича изъ женской гимназіи на войнѣ убили.

Катя сидѣла, кутаясь въ платокъ. Ее охватывала дрожь. Она попробовала старой и темной аллюминіевой ложкой супа и почувствовала, что страшно голодна. Даже защемило въ челюстяхъ. Стыдясь, она проглотила нѣсколько ложекъ. Ея тѣло, котораго она привыкла стѣсняться, умѣло жить независимо отъ ея головы и сердца.

— L'appetit vient en mangeant,—сказалъ Володя, остановивъ на ней свой дерзкій бѣлесоватый взглядъ

Она покраснѣла.

— Володя!—простонала мама.

Но онъ уже дѣлалъ невинное лицо.

— Что, мамочка?

Свой супъ и свою говядину онъ уже, по обыкновенію, съѣлъ и теперь сидѣлъ, протянувъ руки по столу. И за этими руками приходилось слѣдить, чтобы онѣ не взяли лишняго куска.

Такъ какъ мама не поняла сказанной французской фразы, то сказала:

— Убери руки со стола. Сидишь, точно мастеровщина.

Слѣдуйте этому примѣру. *Распространеніе Займа Свободы въ г. Несвижѣ.*

Одинъ изъ полковыхъ комитетовъ, расположенныхъ въ г. Несвижѣ (Минской губ., Слуцкаго уѣзда), организовалъ оригинальную лотерею. Было выпущено 10.000 рублевыхъ билетовъ, и на эти деньги были куплены облигаціи Займа Свободы. Облигаціи были раздѣлены на 100 выигрышей (въ 500, 200, 100 и 50 рублей) и разыграны.

Отъ курсовой разницы получился остатокъ, который внесенъ въ женскую гимназію въ видѣ вѣчной стипендіи имени арміи.

На снимкахъ (стр. 626 и 627) изображены бойкая продажа билетовъ на базарѣ и публичный розыгрышъ лотереи.

— Что жъ, можно, — сказалъ онъ и, взявъ кусокъ хлѣба, набилъ имъ одну изъ щекъ, а руки принялъ.—Вы удивляетесь, мамуня, продолжалъ онъ, жуя хлѣбъ,—что Гулевича убили на войнѣ. Спрашивается: а кто его просилъ соваться? Полѣзъ въ герои и получай.

Онъ говорилъ, косясь на отца, чтобы смолкнуть въ любую минуту. Но отецъ молчалъ и, кажется, не слушалъ. Катя не выдержала. Она почувствовала, какъ кровь горячими струйками побѣжала по плечамъ къ головѣ. Сердце сжалось, и дыханіе остановилось въ груди.

— Ты не смѣешь такъ говорить, — сказала она. — Это хамство. Мы должны уважать такихъ лицъ, а не позволять себѣ... Это гнусно.

Она взглянула на Викентія Викентьевича, но тотъ молча ѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку. Его старческія скулы дробно и быстро жевали. Мама не нашлась, что сказать. Володя сдѣлалъ подлоогорченную мину.

— Сказать все можно, — замѣтилъ онъ, катая хлѣбные шарики. — Я знаю, что ты умѣешь ругаться, да я тебѣ прощаю.

— Конечно, хамство, возмутительно! — крикнула еще

разъ Катя. — Люди жертвуютъ жизнью съ то время, какъ мы здѣсь...

— А что̀ такое мы здѣсь? Это еще вопросъ, гдѣ хуже.

— Катенька, не кричи,—попросила мама.

Катѣ было гадко самой на себя, но было отвратительно подлое Володино смиренство. Катя почувствовала себя покинутою. Ей не возражали, какъ ей казалось, только изъ неловкости возражать. И сама она стыдилась фальши своего негодованія. Но не хотѣлось уступить Володѣ, потому что онъ явно притворялся, учтя выгоду своего положенія.

— Лучше псу живому, чѣмъ льву мертвому,—сказалъ онъ.— Даже и въ писаніи сказано.

И захохоталъ. Онъ прекрасно понималъ, что она тоже неискренна.

— Хамство,—еще разъ сказала Катя.

ленный. Впрочемъ, и большинство пожилыхъ мужчинъ, служившихъ на Бурнаковскихъ заводахъ въ конторщикахъ, табельщикахъ, мастерахъ, было таково же. Въ концѣ концовъ, это была одинаково темная среда, какъ и нижній рабочій слой. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ей. Больше всего они любили мудреныя слова.

Володя не выдержалъ. Губы его покривились въ злую усмѣшку. Онъ сдѣлалъ „идіотскіе“ глаза и спросилъ:

— Вы это серьезно?

Викентій Викентьевичъ проводилъ за воротомъ пальцемъ, глядя на всѣхъ вопросительно и жалко

Мама сказала примирительно:

— И что̀ только какіе стоятъ холода. Каково теперь солдатикамъ въ окопахъ.

Но отецъ уже откинулся на спинку стула и тяжело дышалъ.

Распространеніе Займа Свободы въ г. Несвижѣ (Минской губ.). *Продажа билетовъ лотереи съ выигрышами—облигаціями Займа Свободы.*

— А что̀ такое „хамство“?

Онъ злобно уставился на нее бѣлесоватыми глазами.

„Лицо дегенерата“,—подумала она.

Отстающія уши, челюсти рыльцемъ и низкій, весь въ преждевременныхъ морщинахъ лобъ. Стриженная сѣрая щетина волосъ у него двигалась обычно надъ лбомъ, точно парикъ въ циркѣ у Рыжаго.

— „Хамство“ отъ слова Хамъ. А, по-моему, Хамъ былъ совсѣмъ не плохъ. Во всякомъ случаѣ, лучше Сима и Іафета. Что онъ посмѣялся надъ Ноемъ, такъ и по-дѣломъ: проповѣдывалъ противъ вина, а самъ надрызгался, какъ сапожникъ. Что̀ жъ, они на него нафискалили, что онъ посмѣялся надъ Ноемъ, а Хамъ, можетъ-быть, былъ даже порядочный человѣкъ.

Вдругъ отецъ стукнулъ кулакомъ по столу. Онъ былъ блѣденъ, и виски его пульсировали.

— Молчать!—крикнулъ онъ коротко.

Володя пригнулся. Водворилась полная тишина. Всѣ ѣли, только Катя положила ложку. Даже Володя поспѣшно жевалъ хлѣбъ. Прошло довольно много времени, и Катя уже думала, что все успокоилось, но вдругъ пошевелился Викентій Викеньтевичъ.

— Володя,—сказалъ онъ, какъ всегда, напирая по-нижегородски на букву о.—Есть серьезность...

Сказавъ, онъ смутился. Глаза его замигали. Отецъ оставался неподвижнымъ. Володя пожалъ плечами. Катѣ хотѣлось засмѣяться: такъ это вышло неожиданно. Она до сихъ поръ не знала, глупъ Викентій Викентьевичъ или нѣтъ, читалъ онъ что-нибудь въ своей жизни, гдѣ учился. Онъ былъ весь какой-то неопредѣ-

— Я тебѣ сказалъ: молчать! — Лицо его сразу налилось кровью.—Воръ!

Всѣ сидѣли, не шевелясь отъ неожиданности. Отецъ продолжалъ съ тяжелыми паузами:

— И языкъ у него воровской. Убирайся вонъ! Самъ ты хамъ и Хама выдумалъ защищать.

Володя, неестественно заплакавъ и закрывъ лицо ладонями, всталъ изъ-за стола. Онъ не плакалъ, а по-звѣриному вылъ. Крупная нижняя часть его туловища выставилась изъ-за задравшейся куртки. Дрожа и мучась отъ противной жалости, Катя въ то же время ненавидѣла его.

Онъ медленно вышелъ, но въ коридорѣ пошелъ быстрѣе и нарочно громко хлопнулъ дверью въ свою комнату.

— Вотъ мерзавецъ!—сказалъ отецъ.

Аппетитъ сразу пропалъ. Досидѣли обѣдъ до конца только изъ приличія. Мама отнесла Володѣ кусокъ студня въ его комнату.

Послѣ обѣда Катя осталась набить отцу папиросъ. Черезъ часъ ему нужно было итти на вечернія занятія. Онъ прилегъ тутъ же въ столовой на ситцевомъ диванѣ, но ему не спалось.

— Господи,—вздыхалъ онъ,—какой наглецъ мальчишка!

Катя знала, что онъ мучится за Володю, и ей было болѣзненно жаль отца. Ему ни въ чемъ не везло. Пятерыхъ дѣтей онъ схоронилъ. На Володю онъ возлагалъ столько надеждъ, какъ на единственнаго сына. За что столько несчастій падаетъ на голову одного человѣка? И вѣдь онъ честный, разсудительный, трудолюбивый. Онъ мечталъ, что изъ Володи выйдетъ инженеръ.

— Хоть бы онъ сдохъ, что ли,—сказалъ отецъ.

Набивъ папиросы, Катя пошла къ себѣ, и въ коридорѣ натолкнулась на Володю и Викентія Викентьевича. Викентій Викентьевичъ слушалъ, терпѣливо заложивъ руки за спину. Онъ всегда былъ способенъ все и подолгу выслушивать. Володя шопотомъ оправдывался:

— Съ какой стати я поѣду умирать?

„Не пойду, а именно: поѣду", — подумала Катя. — Володя, что касается его особы, любилъ комфортъ.

— Во-первыхъ, умирать больно. И съ какой стати я буду умирать, а „они" будутъ жить?

При словѣ „они" онъ злобно посмотрѣлъ на проходившую Катю.

„А пускай,—подумала она.—И, въ сущности, все это даже вѣрно. Никто не вѣритъ въ это пресловутое геройство. И я тоже. И Петра Сергѣевича я осудила первая же".

Ей вспомнилась ихъ прощальная встрѣча на бульварѣ при его отправленіи на войну. Онъ уже пріѣхалъ изъ военнаго училища, и у него были погоны съ одной звѣздочкой.

— Зачѣмъ вы идете добровольцемъ? — сказала она.—Тамъ и безъ васъ довольно.

Она сказала это съ раздраженіемъ. Онъ былъ ей непріятенъ въ военной формѣ и съ новой и не шедшей къ нему военной выправкой. Но лицо у него было прежнее, ласково-предупредительное. И это сердило ее еще больше.

— Такъ-то такъ,—сказалъ онъ.—Что-то за Сербію заступиться хочется. Больно ужъ того... свинство.

Они неожиданно столкнулись на углу и простились какъ-то такъ же мгновенно. Ей казалось, что онъ торопится и сталъ вдругъ чужой. Хотѣлось плакать, но она превозмогла слезы. Что за сентиментальности. И съ тѣхъ поръ все время безсознательно ждала его назадъ. Она знала, что на войнѣ, тѣмъ болѣе этой, свирѣпой, убиваютъ людей массами, но все надѣялась, что убьютъ другихъ, а не Петра Сергѣевича, какихъ-то тамъ, ей неизвѣстныхъ. И пусть кто-то тамъ по нихъ плачетъ и носитъ трауръ. Какое ей дѣло? Значитъ, и она не лучше Володи. И, во всякомъ случаѣ, Володя чище и честнѣе ея.

Катя улеглась на постель и покрыла голову подушкой. Никогда еще она не была себѣ такъ противна. Ей гадко было пошевелить руками. Она казалась себѣ пошлой, ничтожной и лишней.

Кто-то дотронулся ей до плеча. Она сняла подушку. Это была мама.

Мама присѣла къ ней на кровать. Въ глазахъ ея были тоже озлобленность, разстройство и недоумѣніе.

— Что ужъ только творится на свѣтѣ!—сказала она.—Вы хоть ученые, а я такъ и вовсе ничего не понимаю.

III.

Ночью, сквозь сонъ, Катя услышала ходьбу. Спала она всегда крѣпко, просыпалась тяжело. Ей показалось, что въ ея комнату отворили дверь и назвали ее по имени. Она силилась проснуться и не могла. Наконецъ увидѣла свѣтъ лампы и маму, стоящую посрединѣ комнаты, безъ кофточки, съ голой шеей и руками и въ одной короткой темной юбкѣ.

— Съ отцомъ удушье,—услышала Катя.—Ужъ и не знаю что... Не хочетъ онъ за докторомъ.

— Удушье?—переспросила Катя.

Ей хотѣлось спать. Было чего-то стыдно, и больше всего хотѣлось, чтобы ее оставили въ покоѣ. Потомъ поняла, что не оставятъ все равно. Медленно стала одѣваться, стараясь сохранить про себя остатки сонныхъ грезъ. Если бы можно было спать всегда, вѣчно. Челюсти и плечи охватило ночною дрожью. Отвратительно мигалъ красноватый огонь закоптѣлой кухонной жестяной лампочки. Вдругъ показалось, что отецъ умретъ. Встала, пошатываясь, съ тяжелою головою.

— Ну, что такое? Что съ нимъ?

Зѣвнула и зажала рукою ротъ. Но не было жаль ни отца и никого.

На знакомой съ дѣтства, неопрятной двуспальной крашеной деревянной кровати лежалъ отецъ. Все тѣло его было неподвижно, воротъ на груди разстегнутъ. Онъ непріятно-озлобленно стоналъ, и глаза его темнѣли безъ всякаго выраженія.

— Не надо доктора,—сказалъ онъ беззвучно, нутромъ.—Пусть.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый оторванный жестъ рукою. Викентій Викентьевичъ стоялъ надъ нимъ, склонившись, со стаканомъ и пузырькомъ въ рукахъ.

— Не надо,—простоналъ онъ, еще разъ махнувъ рукою.

Лицо его исказилось незнакомой гримасой.

„Онъ умираетъ",—подумала Катя, и ей сдѣлалось страшно.

Она почувствовала, что дрожитъ. Но ей не было жаль отца. Хотѣлось выбѣжать изъ комнаты, броситься куда-то, засунуться въ какую-нибудь дыру и тамъ сидѣть, притаившись, и дрожать.

Кто-то взялъ ее за руки. Мама.

— Пойдемъ, пойдемъ,—сказала она и потащила ее изъ комнаты.—Ты посиди на всякій случай, не спи. Володя сейчасъ побѣжалъ за докторомъ.

Катя продолжала дрожать. Рыданія подходили къ горлу, и она глотала ихъ. Черныя окна пугали.

— Мамочка, мамочка,—шептала она.—Что это будетъ?

Но и это была ложь. И было отвратительно, что говоритъ не то. И вдругъ стала плакать, визгливо и подло, зная, что плачетъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ думала мама.

— Тише, тише,—говорила мама.

Но ей хотѣлось рыдать все громче, чтобы услышали всѣ. Хотѣлось плакать, злобно и не жалѣя никого, чтобы всѣ ее возненавидѣли. Она билась на сундукахъ, въ углу коридора.

Отворилась дверь. Въ ея темномъ пространствѣ выставилась незнакомая фигура. На пальто и котелкѣ липкія и крупныя звѣздочки снѣга. Вынырнулъ Володя въ своей шинели безъ металлическихъ желтыхъ пуговицъ. Онъ бросилъ картузъ прямо на столъ и началъ вырывать руки изъ рукавовъ. Шинель ткнулъ на вѣшалку, не вѣшая. Она тутъ же непріятною грудою упала на полъ. Онъ былъ серьезенъ и возбужденъ, и она увидѣла, что онъ жалѣетъ отца. Она поняла, что это и есть докторъ. Онъ раздѣвался тихо, противно и важно. На нее даже не взглянулъ и прошелъ, громко и скрипуче ступая, къ отцу.

Катя вырвалась изъ рукъ матери и выбѣжала въ наружную дверь въ сѣнцы, а оттуда на дворъ. Крутилась ранняя снѣжная предутренняя вьюга. Тотчасъ мокрые хлопья прилипили къ губамъ, къ лицу. Надъ побѣлѣвшими крышами раздалось заглушенное пѣніе пѣтуха, тотчасъ подхваченное и отнесенное вѣтромъ. И вдругъ не повѣрилось, что въ жизни все такъ просто. Сердце стучало и напрягалось. Напрягалась и мысль. Все хотѣлось найти какой-то выходъ.

Темная фигура шагнула въ сѣнцы вслѣдъ за нею.

— Простудиться хотите? — сказалъ вѣжливо-нерѣшительный голосъ Викентія Викентьевича.—И погодка! Пойдемъ, что ли, пойдемъ.

Онъ неожиданно и довольно крѣпко взялъ ее за талію. Катя хотѣла высвободиться, но онъ велъ ее въ комнаты, не выпуская. Отъ него пахло махоркой и чѣмъ-то прокисшимъ. Его прислала мама.

— Ахъ, оставьте же, — попросила она.

Но онъ ея не выпускалъ. Слезъ больше не было, и было стыдно за всю комедію.

„Я должна что-то сдѣлать",—думала Катя, и ей были противны всѣ, даже отецъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Володя былъ инженеромъ, и въ этомъ была вся цѣль его жизни. Онъ и ее любилъ только потому, что она — учительница гимназіи. Для чего онъ жилъ? Все это одинаково ничтожно и мелко.

Опять на родинѣ. Весенняя выставка 1917 г. О. Сычковъ

И ей не было попрежнему жалко, что онъ умретъ.

— Оставьте же меня!—крикнула она еще разъ на Викентія Викентьевича.

Но онъ ввелъ ее насильно въ свою каморку. На столѣ оплывалъ огарокъ. Пахло свѣжимъ деревомъ. На стѣнѣ, на гвоздикахъ, висѣли разныя пилки, къ маленькому столику былъ привинченъ деревянный станокъ для выпилки по дереву. Викентій Викентьевичъ заботливо оправилъ постель и усадилъ на нее Катю, а самъ усѣлся на единственную табуретку напротивъ. Онъ ничего не говорилъ только виновато смотрѣлъ голубыми странными глазами изъ-подъ нависшихъ бровей и сочувственно трясъ головою. Катѣ показалось, что онъ почему-то понимаетъ ее.

— Тоска,—сказала она и приложила, отвернувшись, руку ко лбу.

Она поняла, что еще долго должна итти въ жизни по извилистымъ путямъ и тащить за собою свой собственный грузъ. Въ ней бунтовала потребность личнаго счастья наперекоръ всему. Что она могла подѣлать съ этимъ? Мысль о смерти вообще, своей или чужой, ставила ее только втупикъ, пугала и раздражала. И оттого безсмыслицей казалась жизнь.

Сатана. Пѣснь о золотомъ тельцѣ. *В. Бѣляшинъ*
Весенняя выставка 1917 г.

„Лучше псу живому, чѣмъ льву мертвому",—вспомнились ей слова Володи, и вдругъ руки налились чѣмъ-то горячимъ, лицо запылало.

— Я подлая!—сказала она вслухъ.

Викентій Викентьевичъ съ сочувственной улыбкой качалъ головою.

— Я никого не люблю. Я думаю только о себѣ. (Ей было пріятно говорить, закинувъ голову назадъ и крѣпко зажавъ уши ладонями.) И я плачу совсѣмъ не о томъ. Ахъ, если бы всѣ знали, о чемъ я плачу. Я—гадкая.

Викентій Викентьевичъ быстрѣе и быстрѣе трясъ головою. Казалось, онъ все это зналъ и понималъ. И опять она не могла себѣ уяснить, глупъ онъ, чутокъ, или все это ничтожно, тупо и пошло. Но ей было пріятно каяться передъ нимъ вслухъ. Все-таки на нее смотрѣли чьи-то глаза, внимательные и сочувственные.

— Я плачу потому, что я—эгоистка,—говорила Катя, глядя въ стѣну передъ собой, на которой вырисовывалась огромная и безобразная тѣнь головы Викентія Викентьевича.—Вотъ сейчасъ умираетъ папа, а мнѣ его ничуть не жаль. Мнѣ только страшно. Я не знаю чего. Я готова была бы убѣжать на край свѣта. И мнѣ не жаль никого и ничего. И не жаль мамы и никого изъ людей. Жаль только себя. Володю я ненавижу, а онъ, я знаю, лучше меня. Я самая подлая и низкая.

Въ коридорѣ послышались шаги и бѣготня. Донесся легкій стонъ. Катя вскочила. Снова охватилъ этотъ черный страхъ. Она схватилась за Викентія Викентьевича и зашептала:

— Не хочу, не хочу.

Крики, помимо ея воли, вырывались у нея изъ груди. Отворилась дверь, и выглянуло серьезное лицо доктора. Блеснули стекла очковъ.

— Не надо, не надо,—билась она, упавъ ничкомъ въ кровать.

— Поди, отецъ тебя зоветъ,—сказалъ голосъ мамы.

Рука успокоительно и мягко коснулась плеча. Она рѣзко приподнялась и встала. Ей не хотѣлось итти къ отцу. Но все равно теперь это было необходимо. Онъ навѣрное безпокоится о ней Сдерживая раздраженіе, она пошла. Лежа самъ, быть-можетъ, при смерти, онъ заботится о ней, но ей этого вовсе не было надо. Она бы хотѣла, чтобы ее оставили всѣ, всѣ. Да, она не заслужила ничьей любви, но и сама тоже не любитъ никого. Она—злое, эгоистическое существо. И пусть. Она не видитъ никакого смысла въ этой жизни. Пусть все рушится, валится, идетъ своимъ чередомъ. Она не пожалѣетъ никого и ничего.

Прикусивъ зубами платокъ, она вошла въ комнату отца. Онъ сдѣлалъ ей ласковое движеніе рукою, точно она была попрежнему маленькая, и онъ хотѣлъ пощелкать ей пальцами, чтобы позабавить ее.

— Не надо разговаривать,—сказалъ изъ-за спины голосъ доктора.—Ну, видите, она жива и здорова.

Катя со страхомъ, удерживая непріязнь, смотрѣла въ лицо этого большого и пожилого человѣка въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, который гладѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она для него была самое дорогое на землѣ. Чтобы скрыть свои чувства, она опустилась передъ кроватью на колѣни и уткнулась лбомъ въ шершавую простыню, отъ которой противно пахло потомъ и табакомъ. Она старалась задерживать дыханіе, а онъ положилъ сверху свою тяжелую и жесткую руку и перебиралъ, лаская, ея волосы. Не выдержавъ, она сняла эту руку, сухо поцѣловала ее и положила къ нему на грудь, а сама поспѣшно встала. Онъ ласково покивалъ ей головою, что означало, что она можетъ итти.

Проходя, она видѣла, что мать растроганно вытираетъ слезы. Въ дверяхъ она столкнулась съ упорнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ Володи.

„Ну и лгунья же и притворщица!"—сказалъ ей этотъ враждебный и презирающій взглядъ. Она ушла въ свою комнату и, стукнувъ, захлопнула за собою дверь.

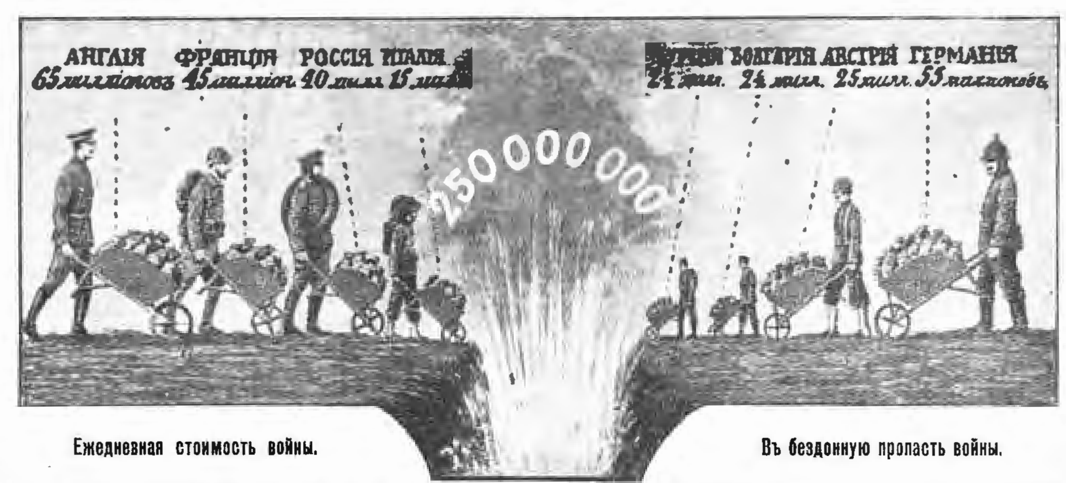
(Продолженіе слѣдуетъ).

Во что обошлись Европѣ три года войны?

Всѣ воюющія державы, въ разной степени, воздерживаются отъ опубликованія данныхъ о понесенныхъ потеряхъ въ людяхъ, въ деньгахъ и имуществахъ. Всякая частная попытка къ установленію размѣровъ, этихъ потерь можетъ дать лишь приблизительныя цифры. Приводимыя нами данныя представляются болѣе или менѣе соотвѣтствующими дѣйствительности, и тѣ ошибки, какія въ нихъ могутъ встрѣтиться,—скорѣе въ сторону преуменьшенія, чѣмъ въ сторону преувеличенія.

Прежде всего, надо принять во вниманіе непосредственную убыль убитыми. Ни одна страна не публикуетъ итоговъ убитыхъ, а нѣкоторыя изъ воюющихъ странъ вовсе не печатаютъ списковъ потерь. Численность потерь британскихъ и колоніальныхъ войскъ за первые 18 мѣсяцевъ войны,—убитыми и умершими,—равняется 128.000 человѣкъ. Къ этой цифрѣ должны быть прибавлены потери цвѣтныхъ войскъ и значительное число изъ рубрики „пропавшихъ безъ вѣсти"; такимъ образомъ, общая цифра по рубрикѣ „убитыхъ и умершихъ" повысится по крайней мѣрѣ до 170.000 человѣкъ. Такъ какъ за вторые 18 мѣсяцевъ (январь 1916—іюль 1917 г.) средняя численность состава британской арміи, непосредственно участвующей въ боевыхъ дѣйствіяхъ, возросла по сравненію съ первыми 18 мѣсяцами, общій итогъ за 36 мѣсяцевъ, вѣроятно, достигнетъ 400.000 человѣкъ. Если мы примемъ въ расчетъ потери въ морскихъ сраженіяхъ и потери на морѣ вообще, то цифра 400.000 ни въ коемъ случаѣ не представится преувеличенною. Французскія потери убитыми и умершими исчисляются въ 1.300.000 человѣкъ; русскія потери, вѣроятно, не ниже 2.500.000 человѣкъ. Едва ли ниже этого (2.500.000 человѣкъ) потери германцевъ; австрійскія — не менѣе 1.750.000 человѣкъ; турецкія—по крайней мѣрѣ 750.000 человѣкъ; итальянскія — не ниже 200 тысячъ человѣкъ; болгарскія, бельгійскія, сербскія, румынскія и португальскія, всѣ вмѣстѣ—не менѣе 600.000 человѣкъ. Это, для всѣхъ воюющихъ державъ.

составитъ общій итогъ въ 9.750.000 человѣкъ убитыми и умершими. Если же еще принять въ расчетъ вызванное войною пониженіе числа рожденій, то общая міровая убыль населенія вслѣдствіе войны, за истекшіе три года, опредѣлится въ $14^1/_4$ милліоновъ человѣкъ.



Ежедневная стоимость войны. Въ бездонную пропасть войны.

250 милліоновъ рублей.

Число раненыхъ, въ $2^1/_2$ раза превышающее число убитыхъ, исчисляется въ $23^1/_2$ милліона человѣкъ. Изъ нихъ не менѣе половины, т.-е. 12 милліоновъ, навсегда стали неспособными къ труду и нормальной мирной жизни.

По самымъ скромнымъ подсчетамъ число военноплѣнныхъ по всѣмъ странамъ—4 милліона; на плѣнныхъ гражданскихъ надлежитъ прибавить 250.000. Такимъ образомъ оказывается, что около $4^1/_4$ милліоновъ людей, вслѣдствіе войны, изнывали болѣе или менѣе продолжительное время въ чужихъ странахъ. Но, конечно, въ число жертвъ войны нужно включить не только убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто отъ мирной жизни былъ оторванъ къ трудной, опасной и утомительной жизни въ арміи. Приблизительная численность призванныхъ подъ знамена отдѣльными воюющими державами, въ армію и флотъ, такова:

Россія — 15 милліоновъ; Британская имперія—7 милліоновъ; Франція—6 милліоновъ; Бельгія, Сербія и Португалія—750 тысячъ; Италія — $2^1/_2$ милліона; Германія — 9 милліоновъ; Австро-Венгрія—7 милліоновъ; Болгарія—500 тысячъ; Турція—2 милліона. Всего—$49^1/_2$ милліоновъ человѣкъ.

Иными словами, помимо всего прочаго, война оторвала $49^1/_2$ милліоновъ людей отъ ихъ обычнаго состоянія мирныхъ гражданъ и совершенно разстроила ихъ жизнь.

Приведенныя данныя мало касаются опустошеній, вызванныхъ болѣзнями. Нѣкоторыя страны включаютъ въ свои списки военныхъ потерь умершихъ отъ болѣзней, а другія этого не дѣлаютъ. Впрочемъ, въ настоящую войну обычныя эпидемическія заболѣванія были ниже нормы, за исключеніемъ венерическихъ болѣзней, обостренныхъ количественно и качественно. Послѣдствія ихъ дадутъ себя чувствовать въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Подходя къ вопросу о возможномъ учетѣ уменьшенія богатства въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, мы должны принять въ соображеніе три разряда: 1) непосредственныя издержки на войну со стороны правительствъ, мѣстныхъ и муниципальныхъ организацій и частныхъ предпріятій; 2) истощеніе существующихъ оборудованій и матеріаловъ; 3) уничтоженіе имущества въ связи съ сухопутными и морскими операціями, включая опустошеніе мѣстностей, потопленіе судовъ, уничтоженіе грузовъ.

До 31-го марта 1917 года британское правительство израсходовало около 55 милліардовъ рублей. Изъ этой суммы мы можемъ исключить шесть милліардовъ, какъ расходъ мирнаго времени; такимъ образомъ, непосредственно война обошлась британскому правительству почти въ 50 милліардовъ. Если къ этой цифрѣ прибавить военные расходы за-океанскихъ владѣній индійскаго и другихъ правительствъ имперіи, мѣстные расходы и расходы за счетъ частной благотворительности, то для всей Британской имперіи составится итогъ не менѣе, какъ въ 55 милліардовъ рублей; британскія военныя издержки представляютъ одну треть всего накопленнаго богатства Британскихъ Острововъ.

Россія издержала около 35 милліардовъ. Французскія военныя издержки за то же время превысили 30 милліардовъ рублей. Издержки Германской имперіи достигли 50 милліардовъ. Военныя издержки Австро-Венгріи за этотъ срокъ—не менѣе 25 милліардовъ. Италія израсходовала около 10 милліардовъ. Издержки остальныхъ воюющихъ державъ мы можемъ принять въ размѣрѣ около 10 милліардовъ. Это даетъ итогъ въ 215 милліардовъ. Общій запасъ богатства всѣхъ странъ, участвующихъ въ войнѣ, можетъ быть исчисленъ въ 1.000 милліардовъ, т.-е. въ одинъ билліонъ, изъ коихъ уже свыше $^1/_5$ части израсходовано. Къ этому надлежитъ добавить дѣйствительное уничтоженіе цѣнности имущества. Общественныя предпріятія, въ особенности рельсовые пути и дороги, пришли въ упадокъ; напримѣръ, русское желѣзнодорожное хозяйство пришло въ серьезное разстройство. Общій итогъ по этой статьѣ, конечно, не ниже 2 милліардовъ. Къ этому надлежитъ прибавить опустошеніе обширныхъ областей. Если мы оцѣнимъ разрушенія, произведенныя во Франціи, Бельгіи, Россіи, Сербіи и на другихъ театрахъ войны, въ 10 милліардовъ, то это все, конечно, окажется ниже дѣйствительности.

Потеря въ тоннажѣ можетъ, по многимъ причинамъ, быть разсматриваема особо. За исключеніемъ гибели судовъ и грузовъ, принадлежащихъ правительству или находящихся въ его распоряженіи, она оказалась бы внѣ предѣловъ приведенныхъ уже цифръ издержекъ и потерь; безпощадное уничтоженіе судовъ является однимъ изъ самыхъ тяжкихъ проявленій ожесточенности настоящей войны. Такъ какъ потери военныхъ судовъ съ точки зрѣнія финансовой приняты въ расчетъ въ предыдущихъ данныхъ о военныхъ издержкахъ, мы здѣсь можемъ ограничиться вопросомъ о потеряхъ торговаго судоходства вслѣдствіе потопленія минами и подводными лодками. Союзники не издавали по этому поводу какихъ-либо офиціальныхъ данныхъ, но германцы утверждаютъ, что 5 милліоновъ тоннъ союзнаго и нейтральнаго тоннажа потоплено и захвачено до открытія неограниченной подводной кампаніи, а съ открытія ея уничтожено $4^1/_2$ милліона тоннъ. Эти цифры преувеличены и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую пропорцію тоннажа, захваченнаго въ плѣнъ: и, главное, онѣ не включаютъ потерь центральныхъ державъ. Такимъ образомъ обѣ неточности взаимно уравновѣшиваются, и представляется возможнымъ принять общую цифру уничтоженнаго тоннажа въ $9^1/_2$ милліоновъ. Въ большинствѣ случаевъ гибель судна сопровождалась гибелью цѣннаго груза. Мы не будемъ изощряться въ догадкахъ относительно того, на сколько милліоновъ такимъ образомъ потоплено имущества, но несомнѣнно, что агенты морского страхованія могли бы по этому вопросу дать довольно точныя свѣдѣнія. Къ общимъ убыткамъ, вызваннымъ морскою войною, слѣдуетъ прибавить бездоходность капитала, вложеннаго въ тѣ милліоны тоннажа, которые оказались обреченными на принудительное выстаиваніе въ непріятельскихъ и нейтральныхъ портахъ. Представляется вѣроятнымъ, что $3^1/_2$ милліона тоннъ простояли втуне въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ лѣтъ.

Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ. Призвано подъ знамена—$49^1/_2$ милліоновъ человѣкъ; убито—$9^3/_4$ милліона; общая міровая потеря населенія—$14^1/_4$ милліоновъ; число раненыхъ—$23^1/_2$ милліона (въ этой цифрѣ могутъ оказаться въ нѣкоторой степени повторенія); число людей, навсегда искалѣченныхъ,—12 милліоновъ; число плѣнныхъ — $4^1/_4$ милліона; непосредственныя военныя издержки—215 милліардовъ; разрушеніе и опустошеніе—12.000.000.000; уничтоженный тоннажъ—$9^1/_2$ милліоновъ; тоннажъ, вынужденный бездѣйствовать,—$3^1/_2$ милліона.

Эти данныя неизбѣжно представляются нѣсколько умозрительными и несомнѣнно неточными въ подробностяхъ, но въ общемъ они достовѣрны. Слѣдуетъ замѣтить, что они не касаются Соединенныхъ Штатовъ, хотя вмѣшательство этой страны будетъ имѣть величайшее значеніе въ несеніи общаго бремени страданія и жертвъ. Необходимо обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ: потери людьми и матеріальными средствами на четвертый годъ войны будутъ непропорціонально выше средней цифры за первые три года. Какъ ни ужасны отчетныя данныя за истекшіе годы, худшее еще впереди.

Ежедневная стоимость войны—четыре дредноута, нагруженныхъ золотомъ.

Соперница.

Разсказъ В. Бѣлова.

I.

Ночь дождливая, пасмурная и холодная, окутала землю траурнымъ своимъ флеромъ поспѣшно и тщательно.

И безграничныя поля, изрѣзанныя наскоро проложенными дорогами, и лѣса, суровые, молчаливые, еще не простившіе обиды русскимъ снарядамъ, расщепавшимъ столѣтнія ели, сбившимъ гордыя вершины и разметавшимъ по краямъ огромныхъ воронокъ мохъ и сучья, и тихіе ручьи, журчащіе въ высокой травѣ,—все погрузилось въ сумракъ осенней ночи, утонуло въ быстро спустившейся темнотѣ.

Только гдѣ-то вдали на линіи горизонта, гдѣ черное небо сходилось съ черной землей, вспыхивали мгновенно и ярко желто-красные огни орудійныхъ выстрѣловъ и метались по небу, скрещиваясь и исчезая, чтобы тотчасъ же снова протянуть къ облакамъ свои блѣдныя руки,—серебряные мечи лучей прожекторовъ.

Но отдѣльныхъ выстрѣловъ не было слышно,—доносился лишь отдаленный не то гулъ, не то стонъ, словно гдѣ-то подъ землей дрожала туго натянутая исполинская струна, и звукъ, грозный и въ то же время скорбный, колебался, то повышаясь, то понижаясь по полутонамъ.

Отъ этого гула дрожали жалобно и неустанно стекла въ окнахъ желѣзнодорожнаго барака, приспособленнаго подъ эвакуаціонный лазаретъ.

Сюда свозили съ перевязочныхъ пунктовъ раненыхъ, и здѣсь ожидали они поѣздовъ для отправки дальше.

По глубокимъ неровнымъ колеямъ медленно ползли вереницы повозокъ.

Были тутъ и двуколки съ красными крестами на бокахъ, были и линейки, высокія и неуклюжія, покачивающіяся на выбоинахъ дороги, какъ корабли на волнахъ, были и простыя крестьянскія фуры, и всѣ онѣ везли одинъ драгоцѣнный грузъ—раненыхъ, наскоро перевязанныхъ, дремлющихъ въ забытьѣ на горахъ подостланной соломы.

Весь этотъ караванъ, медленно и осторожно двигаясь въ темнотѣ, поминутно озаряемой зловѣщими вспышками далекихъ выстрѣловъ, подползалъ къ бараку, недавно опустѣвшему и готовому снова принять раненыхъ.

Открылась какая-то дверь, вырвался снопъ яркаго свѣта, промелькнули какіе-то силуэты, не то мужчины, не то женщины, и чей-то голосъ окликнулъ:

— Эй, санитары... вылѣзай раненыхъ принимать... Матвѣевъ, Федюшко... Крѣпко спите, черти...

Въ темнотѣ послышались шорохи, вздохи и тихіе голоса:

— Чего?.. Раненые?.. Какіе?..

— Много, что ли?.. А?

— Обожди минутку...

Въ февралѣ. *В. Федоровичъ.*
Передвижная выставка 1917 года. Пріобрѣтена Обществомъ имени А. И. Куинджи.

— Федюшко, растопляй печку... Чайку бы напиться...

За окномъ блеснулъ огонекъ, и при свѣтѣ зажженной свѣчи было видно, какъ съ наръ поднимались санитары, потягиваясь и разминая ноги, и какъ Федюшко возился съ растопками около маленькой печки.

— Сестеръ-то будилъ, что ли?—окликнулъ опять тотъ же голосъ.

— Давно уже встали... Спятъ да чуютъ, не то, что мы...

Нѣсколько фигуръ появилось передъ баракомъ.

Темныя повозки, низенькія двуколки и покачивающіяся, какъ корабли на волнахъ, линейки уже подплывали къ крыльцу съ краснокрестнымъ флагомъ надъ нимъ.

Началась медленная, сложная и трудная работа выгрузки раненыхъ.

Около двухъ ближайшихъ фуръ копошилось нѣсколько человѣкъ санитаровъ, бѣлѣли платки сестеръ, и слышались тихіе голоса:

— Куда раненъ-то?.. Говори...

— За руку можно?

— Берите... за лѣвую...

— Стой, стой... Ой, батюшки... Легче, ребята...

— Вылѣзай, молодцы... Станція „Вылѣзайка", кому надо, вылѣзай-ка...

Кто могъ, сползалъ самъ съ повозокъ и ковылялъ къ дверямъ, другихъ снимали, а третьи лежали неподвижно и покорно ожидали носилокъ.

— Эй, молодцы...—окликнулъ кто-то,—нѣтъ ли новгородскихъ? Признавайся!..

— Есть... — отозвался раненый.—Какого уѣзда?

— Боровичскіе...

— Ну, а мы Старорусскіе... проходи...—не то разочарованно, не то съ пренебреженьемъ бросилъ солдатъ.

У носилокъ толпились неясныя тѣни людей...

У больной подруги. XXV выставка Общества Петроградскихъ Художниковъ. *М. Игнатьевъ.*

— Поднимай... Ровнѣе... Ну... съ Богомъ!..

Качаясь, уплыли первыя...

Въ просторной обширной комнатѣ все наскоро приспособлено для пріема раненыхъ.

Входившіе самостоятельно толпились у входа застѣнчиво и нерѣшительно, ошеломленные сразу яркимъ свѣтомъ лампъ и видомъ чисто прибранной и уютной даже комнаты, тѣхъ же, которыхъ вносили на носилкахъ, укладывали тутъ же на кровати.

Баракъ сразу наполнился шумомъ, топотомъ тяжелыхъ сапогъ и сдержанными, но оживленными голосами раненыхъ и санитаровъ.

Сестра Изборская стояла у дверей и говорила дежурному фельдшеру что-то относительно запаса марлевыхъ бинтовъ и новыхъ шприцовъ, вчера только привезенныхъ, когда въ баракъ внесли носилки съ раненымъ, закрытымъ съ головой сѣрой мятой шинелью.

— Сестрица... — окликнулъ санитаръ, — куда класть-то? Мѣстовъ нѣтъ...

Изборская поспѣшила къ носилкамъ.

— Какъ нѣтъ,—уже раздавался ея голосъ,— а въ маленькой комнатѣ?.. Сюда, сюда... Ну вотъ... Тутъ еще пять человѣкъ положить можно...

Дѣйствующая армія. *Сапоги шьютъ.*

Солдаты поставили носилки и сдернули шинель съ лежавшаго на нихъ человѣка.

Дѣйствующая армія. *Полевая прачечная. У бѣльевого катка.*

У раненаго было тонкое, красивое, женственное лицо... Еще совсѣмъ свѣжее, юное, и только скорбныя складки у угловъ рта говорили, что эти опушенные длинными рѣсницами глаза видѣли смерть такъ близко, такъ ужасно близко...

— Ну что же вы стоите...—окликнула санитаровъ Изборская,—поднимайте и кладите на постель... Матвѣевъ, помоги мнѣ раздѣть его... Вы можете итти...

Носилки вынесли, и сестра обернулась къ кровати.

Она хотѣла уже наклониться, чтобы помочь санитару стаскивать грязный неуклюжій сапогъ, какъ вдругъ замерла, изумленная и недоумѣвающая.

Ея взглядъ остановился на лицѣ солдата, такомъ тонкомъ, прекрасномъ и знакомомъ ей... Въ туманѣ прошлаго промелькнула вереница какихъ-то видѣній, какихъ-то картинъ, полузабытыхъ, но внезапно воскресшихъ въ памяти съ поразительной, болѣзненной ясностью... Непонимающимъ взоромъ уставилась она въ лицо лежавшаго передъ ней раненаго, уходя мыслью въ прошлое, тревожа полузабытые образы и чувствуя съ каждой минутой, какъ все ярче и ярче встаетъ въ памяти то, о чемъ, казалось, она уже забыла и что она такъ тщательно старалась обходить мыслью.

И вдругъ ясно вспомнила и поняла... Вздрогнула и невольно сдѣлала шагъ назадъ.

Но тотчасъ же справилась съ собой и приказала санитару:

— Ступай, Матвѣевъ, я сама его раздѣну...

Вѣроятно, отъ звука ея голоса, прозвучавшаго твердо и непривычно рѣзко, раненый пріоткрылъ глаза. Повелъ ими не то удивленно, не то вопросительно и остановился на лицѣ стоявшей около кровати сестры.

Грудь вздохнула глубже, губы пріоткрылись, и вылетѣлъ тихій вопросъ:

— Вѣра Михайловна... вы?.. Неужели?..

Изборская промолчала, отведя глаза... Въ сердцѣ проснулась буря.

— Вѣра Михайловна, вы меня не узнаете?.. Вѣдь я—Марія Барсова, Маріоль... Помните?.. Ну еще бы... Вы мнѣ не простили еще... Но теперь, теперь вы должны простить насъ... Подите сюда поближе...

И когда Изборская наклонилась къ подушкѣ, тихо докончила:

— Вы насъ должны простить... Вѣдь онъ вчера убитъ, а я умираю...

II.

Какъ ни неожиданна и ни волнующа была встрѣча Изборской съ Маріоль въ баракѣ эвакуаціоннаго лазарета, какъ ни ужасна вѣсть, принесенная послѣдней, о смерти мужа Изборской,—все же усталость трудового дня взяла верхъ, и Вѣра Михайловна уснула въ своей тѣсной комнаткѣ на жесткой походной кровати.

Сонъ былъ тяжелый и тревожный.

Сперва нахлынули какіе-то неясные смутные образы, обрывки какихъ-то мыслей, безсистемныхъ и сбивчивыхъ, слышался непрерывный гулъ артиллеріи, о чемъ-то пѣли скрипки, стучалъ ногами Федюшко, дымила печка, а раненый съ прелестнымъ женственнымъ лицомъ говорилъ, почти не раскрывая рта и о чемъ-то умоляя глазами. „Вы насъ должны простить... Вѣдь онъ вчера убитъ, а я умираю...“

Дѣйствующая армія. *Парное молоко.*

Но потомъ тяжелый туманъ кошмара расплылся и разсѣялся, а хаосъ мыслей, словъ и картинъ выкристаллизовался наконецъ въ ясные образы, знакомыя картины и осмысленныя слова.

Это было тогда, когда не было ни бѣлой косынки на головѣ Изборской, не было ни барака съ сотней стонущихъ, изувѣченныхъ и умирающихъ людей, не было неумолчнаго гула далекой артиллеріи, и не метались по небу серебряные мечи лучей прожекторовъ.

Не было тогда тоскливой мысли о невозвратномъ прошломъ и безплодномъ будущемъ... Было счастье, была любовь, была вѣра... А теперь, теперь нѣтъ ничего этого...

Увидѣла Вѣра Михайловна, какъ наяву, театральное фойе, наполненное нарядной, оживленной и шумной толпой.

Первый актъ только-что кончился, и они съ мужемъ вышли изъ партера.

Онъ былъ высокій, широкоплечій, но съ удивительной, открытой, почти дѣтской улыбкой, и эту улыбку обожала Изборская... Впрочемъ, обожала она каждое его движенье, каждое его слово, восхищалась всѣмъ, что исходило отъ него, и всегда говорила:

— Ты, Миша, — свѣтлая и ясная голова... Тебѣ не мѣсто въ строю... Ты долженъ выйти на широкую дорогу... Ты долженъ... Понимаешь?..

И Миша, хотя понимая все, что говорила ему жена, хотя отлично сознавая необходимость поступить въ академію, чтобы пробиться къ настоящей жизни, выйти на настоящую широкую дорогу, — все же плохо поддавался воздѣйствію Вѣры Михайловны.

И только когда она серьезно принялась „опредѣлять его“, хлопотала, настаивала, сердилась, просила, ласкала, плакала, — Миша сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, поборолъ лѣнь, переломилъ весь привычный укладъ жизни и вышелъ на новый путь.

Въ этотъ вечеръ какъ разъ они справляли окончаніе академіи.

Кажется, Миша гордился своимъ аксельбантомъ, но еще больше гордилась Вѣра Михайловна... Вѣдь она вполнѣ справедливо приписывала себѣ большую часть его успѣха.

Они шли по фойе, счастливые, окрыленные успѣхомъ, ослѣпленные пламенемъ занимающейся для нихъ зари, и казалось Вѣрѣ Михайловнѣ, что всѣ даже незнакомые люди, наполнявшіе залу, смотрятъ на нихъ съ удивленіемъ и почтительнымъ восхищеніемъ: „Смотрите, какая славная пара... И какой онъ молодой, а уже генеральнаго штаба“...

И вдругъ Изборская скорѣе почувствовала, чѣмъ увидѣла, что мужъ на кого-то пристально смотритъ... Она подняла на него глаза, но въ эту минуту капитанъ поспѣшно, ласково и немного неловко кому-то поклонился и торопливо отвернулся.

Но жена уже успѣла прослѣдить его взглядъ, она замѣтила, кому поклонился Миша, и почувствовала, какъ впервые за четыре года ихъ совмѣстной жизни что-то кольнуло въ сердце. Это была не ревность, а скорѣе недоброе предчувствіе.

У двери стояла невысокая дама, худощавая, съ тонкими чертами лица, красивымъ изгибомъ бровей и немного большимъ ртомъ, что придавало лицу ея выраженье хищное и порочное.

Дама въ эту минуту повернулась къ Изборскимъ спиной, и Вѣра Михайловна увидѣла ея слишкомъ глубокій вырѣзъ корсажа и красивый узелъ черныхъ волосъ.

— Кто это, Миша?.. Кому ты поклонился?..

Капитанъ смутился.

— Такъ... одна знакомая...—хотѣлъ онъ замять разговоръ, но Вѣра Михайловна настаивала:

— Но разъ ты кланяешься, ты, вѣроятно, знаешь, кто она?..

— Ну да, конечно, знаю... Это Марія Барсова...

— Маріоль?..—переспросила Изборская съ тревогой. Она читала это имя на какой-то афишѣ.

— Ну да...

— Она изъ шантана?..

— Изъ шантана... Что же тутъ ужаснаго?.. удивительно у васъ всѣхъ странные взгляды на вещи... Если женщина танцуетъ на шантанной эстрадѣ—она уже не человѣкъ... Такъ, что ли, по-вашему?..

— Я ничего такого не сказала, Миша...—уже почти виновато прошептала Вѣра Михайловна. На этомъ разговоръ и кончился, но вечеръ для Изборской былъ испорченъ.

Во второмъ антрактѣ она слѣдила ревниво за Маріоль и опять съ тоской и страхомъ поймала быстрый взглядъ танцовщицы въ сторону ея мужа.

Съ этого дня въ душѣ поселился страхъ, животный страхъ передъ возможностью каждую минуту лишиться любимаго человѣка, для котораго она столько сдѣлала, на котораго возлагала такія надежды, и который только-что, благодаря ей, вышелъ на широкую дорогу... А вмѣстѣ съ тѣмъ умерла вѣра въ него, въ его любовь, умерло то, безъ чего невозможно было счастье и немыслимъ былъ духовный покой...

И потянулись мучительные тяжелые дни тайныхъ подозрѣній, оскорбительныхъ предположеній, недоговоренныхъ вопросовъ и одинокихъ слезъ.

Теперь служба требовала все больше и больше времени... Уходилъ капитанъ съ утра и часто возвращался поздно вечеромъ, при чемъ Вѣра Михайловна ревнивымъ взглядомъ замѣчала, что онъ былъ особенно нервенъ, разсѣянъ и невнимателенъ къ ней.

Въ лазаретѣ. Интересная статья. XLV Передвижная выставка. *А. Исуповъ.*

— Ты меня не любишь больше, Миша?..—спрашивала она съ тоской, кладя голову на его плечо, но капитанъ только улыбался и добродушно отвѣчалъ:

— Какой вздоръ, Вѣруша... Ты сама не знаешь, что говоришь... Ступай-ка спать,—ужъ поздно...

Судьбѣ угодно было, чтобы Вѣра Михайловна наконецъ получила очевидное подтвержденье своихъ опасеній и подозрѣній.

Шелъ крупный мокрый снѣгъ... На заборахъ, фонаряхъ, извозчичьихъ саняхъ бѣлѣли уже горы... Солнце не выходило сегодня.

Навстрѣчу Вѣрѣ Михайловнѣ, не спѣша, трусилъ извозчикъ.

Глубоко засунувъ руки въ карманы, сидѣлъ въ саняхъ Изборскій, а рядомъ съ нимъ молодая дама, закутанная въ мѣха.

Вѣра Михайловна сердцемъ узнала Маріоль. Въ первую минуту она не испугалась, не разсердилась, не удивилась, она только съ ужасомъ подумала, что мужъ можетъ ее увидѣть, и что тогда будетъ.

Онъ пришелъ домой и въ этотъ вечеръ, какъ всегда, разсѣянный и нервный.

Вѣра промолчала, и онъ тоже.

И вотъ въ памяти сестры Изборской съ поразительной ясностью стала послѣдняя сцена, послѣдній ея шагъ въ старой жизни, шагъ, которымъ она переступила какую-то огромную важную грань, порвала все съ прошлымъ, милымъ сердцу, но теперь навсегда и безвозвратно забытымъ.

Она вспомнила его лицо, сосредоточенное, выражающее скорѣе страданье, чѣмъ гнѣвъ или растерянность, вспомнила его голосъ, печальный и утомленный.

— Ну хорошо,—говорилъ онъ въ отвѣтъ на всѣ ея упреки,—хорошо... пусть я виноватъ, но ради Бога не надо сценъ, слезъ

На персидскомъ фронтѣ. *Командующій отрядомъ генералъ Баратовъ.*

— Это у насъ женщина-доброволецъ?
— Да, здѣсь...
— Въ чемъ дѣло?..
Изборская отдернула край простыни, и обнажилась уродливая, похожая на муфту, масса бинтовъ, покрывавшая ногу отъ колѣна до щиколотки... А изъ нея выглядывала мертвая бѣлая ступня, уже покрывшаяся синеватыми гангренозными пятнами.
Докторъ даже не сталъ разбинтовывать раны.
— Ампутація...—коротко и дѣловито произнесъ онъ и отошелъ къ слѣдующей постели.
А обѣ женщины вздрогнули: одна отъ ужаса, а другая отъ внезапно охватившаго ее сквернаго злораднаго чувства... Но тотчасъ же Изборская устыдилась своей радости, отвернулась, чтобы не видѣть лица Маріоль, и поспѣшно вышла вслѣдъ за докторомъ.
Черезъ часъ добровольцу Маріи Барсовой сдѣлали ампутацію, и Вѣра Михайловна увидѣла ее снова на той же койкѣ, съ блѣднымъ безкровнымъ лицомъ, со странной пустотой подъ одѣяломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ часъ тому назадъ была забинтованная и распухшая нога.

и всякихъ ужасовъ... Если я скрывалъ отъ тебя свое увлеченье, то только потому, что не хотѣлъ придавать ему слишкомъ серьезнаго значенья, зная, что оно не можетъ длиться долго... Но случай сдѣлалъ такъ, что все открылось... Ну что же, судите меня обѣ... И вы, Маріоль, тоже...
И опустилъ руки, словно ожидая рѣшенья.
Тогда Вѣра Михайловна даже не взглянула въ сторону Маріоль, стоявшей тутъ же, но ей показалось, что та насмѣшливо улыбалась.
И это больше всего взорвало Изборскую. Этого она не могла простить мужу...
Она собрала всѣ силы, чтобы не разрыдаться, и громко, гордо и отчетливо произнесла:
— Я не желаю васъ судить и предоставляю это право вашей возлюбленной. Я ненавижу васъ... Поняли?.. Я думала, что, создавая счастье вамъ, создаю его и для себя... Однако вышло не такъ... Вы ищете чего-то другого... Ну что же,—желаю успѣха.. Прощайте...
И вышла.
Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, и эти пять лѣтъ стали какъ черная, глухая и безпросвѣтная стѣна между ней и ея мужемъ.
Онъ жилъ гдѣ-то, дѣлая что-то, любилъ кого-то, но не все ли ей было равно теперь, когда изъ сердца своего она его вычеркнула окончательно.
Когда началась война—она вспомнила о немъ... Пойдетъ онъ или не пойдетъ?.. И тотчасъ же фальшиво усмѣхнулась: „не все ли ей равно?“.
Что будетъ съ нимъ?.. Какое ей дѣло... Онъ сошелъ съ ея пути, выбралъ себѣ иной — пусть же онъ идетъ имъ, — она тоже не оглянется...
И Вѣра Михайловна погрузилась въ огромную работу, требовавшую такъ много сердца и силъ, дававшую такъ много нравственнаго удовлетворенья, что не было ни времени ни желанья думать и скорбѣть о прошломъ въ этомъ одинокомъ баракѣ среди поля, изрѣзаннаго колеями и избитаго гранатами.

III.

Утромъ, когда врачъ обходилъ баракъ, сестра Изборская встрѣтила его около дверей своей палаты съ лицомъ истомленнымъ и усталымъ отъ тревожной, дурно проведенной ночи.

Вечеромъ Маріоль подозвала ее глазами.
— Присядьте ко мнѣ, если вамъ не противно... Мнѣ теперь такъ хорошо... Ничего не болитъ... Только вотъ голова немного, но вѣдь это, вѣроятно, отъ хлороформа... Правда?..
— Конечно, отъ хлороформа...—подтвердила тихо Изборская, садясь на стулъ близъ постели и чувствуя, какъ сердце начинаетъ биться сильно и четко.
Нѣсколько минутъ обѣ молчали. Маріоль лежала, закрывъ глаза, словно обдумывая что-то.
— Вы меня даже не спросили, какъ умеръ Миша...—тихо и раздѣльно начала она.—Развѣ вы совсѣмъ вычеркнули его изъ своего сердца?
— Совершенно... — холодно, но неискренно отвѣтила Изборская.
— Какъ это смѣшно и странно... Вотъ всѣ вы, такъ называемыя семейныя женщины, одинаковы... Изъ факта, которому мы, даже любя горячо, не придали бы почти никакого значенія, вы дѣлаете цѣлую драму... Вѣдь онъ не любилъ меня такъ, какъ васъ, неужели вы этого не понимали? Вѣдь если вы были его женой, то я была для него игрушкой, которую онъ поломалъ и выбросилъ... Вы помните, онъ говорилъ вамъ тогда, что его увлеченіе не можетъ быть долговѣчнымъ, говорилъ это въ моемъ присут-

Партизаны персидскаго фронта.

ствіи. потому что никогда не обманывалъ меня, не клялся мнѣ въ вѣчной любви, не намекалъ даже о возможности для меня занять ваше мѣсто... А вы не повѣрили, оттолкнули его и ушли... Чего же вы достигли этимъ? Не знаете? Ну такъ я вамъ сейчасъ скажу...

Маріоль помолчала съ минуту, собираясь съ мыслями, и затѣмъ продолжала:

— Онъ былъ сперва въ отчаяніи, оттолкнулъ меня, былъ грубъ и непріятенъ нѣсколько дней... Но я все снесла, все претерпѣла, потому что любила, а вы знаете, любящая женщина это самое терпѣливое существо на свѣтѣ... Вотъ... Такъ прошло нѣсколько дней... Онъ писалъ вамъ письма, которыя вы возвращали нераспечатанными... И вы совершенно напрасно не потрудились прочесть ихъ, вы многое бы узнали изъ нихъ, и на многое бы открыли они вамъ глаза. Онъ говорилъ въ нихъ о своемъ увлеченіи мною, увлеченіи чисто-физическомъ, въ которомъ не было роли для сердца, говорилъ, что этотъ угаръ давно прошелъ, и только прирожденная деликатность заставляла его тянуть со мной... Ахъ, какъ мало вы знаете мужчинъ, Вѣра Михайловна, да и не только вы, а вообще всѣ „семейныя женщины“... Вы были его другомъ, товарищемъ, совѣтчикомъ, часто даже учителемъ, но вы совсѣмъ не понимали того, что ему, молодому, сильному, умному и рвущемуся къ жизни, нужна была подруга... Именно подруга, а не жена, хорошо знакомая, привычная и не столько любящая, сколько привязанная... Понимаете?.. Нужна была въ семейной жизни мимолетная подруга, легкомысленное приключеніе, какихъ у него не было въ молодости, какъ за работой иногда нуженъ стаканъ крѣпкаго, горячаго и сладкаго чаю... Выпьешь и опять работаешь съ прежнимъ усердіемъ. И когда Миша увидѣлъ, что всѣ его попытки убѣдить васъ не привели ни къ чему, онъ рѣшилъ забыться... Мы провели безумный мѣсяцъ, истратили кучу денегъ, объѣздили всѣ театры, рестораны, шантаны, кабарэ и вообще всѣ мѣста, гдѣ можно искать веселья и забвенья.

На кавказско-персидскомъ фронтѣ.

Генералъ Шахназаровъ. Французскій военный агентъ генералъ де-Лягишъ. Генералъ Баратовъ.

Маріоль провела рукой по лицу. Она волновалась, и на щекахъ выступилъ слабый румянецъ.

— Но это не помогло, Вѣра Михайловна, не помогли ни рестораны ни театры, все было напрасно, потому что въ сердцѣ всетаки жили вы... Тогда онъ бросилъ меня, погрузился весь въ занятія, и наступилъ мой чередъ писать ему письма, которыя я получала обратно тоже нераспечатанными. Какъ видите, я была только игрушкой, выброшенной и поломанной, а поломанной потому, что вѣдь я его любила, Вѣра Михайловна, и любила навѣрное не меньше васъ, если только не больше...

Изборская страдала, слушая нервную и горячую рѣчь раненой. И не проснувшееся старое чувство мучило ее—не раскаяніе, не горечь одиночества, вставшаго теперь передъ ней во весь свой ростъ, нѣтъ, смутили душу ея откровенія, услышанныя отъ этой женщины, которую она считала неспособной чувствовать, любить и понимать движенія души.

Маріоль продолжала:

— Да, Вѣра Михайловна, я смѣло говорю, что любила Мишу больше, чѣмъ вы... Не дѣлайте большихъ глазъ... Вѣдь я не бросила его, когда онъ при мнѣ сказалъ вамъ, что его увлеченіе мною не можетъ быть долговѣчнымъ, вѣдь я не разлюбила его, когда онъ выбросилъ меня, какъ ненужную вещь, наскучившую и выполнившую свое назначеніе... А вы, что вы сдѣлали съ его любовью?..

Она закрыла лицо руками.

— Мнѣ больно вспомнить, какъ онъ страдалъ, ожидая отъ васъ отвѣта на свои письма... Но вы не простили ему, потому что въ немъ вы любили себя, свое благополучіе, свое семейное счастье наконецъ... Вы заставили его поступить въ академію и кончить ее не потому, что вы его любили, а потому, что любили себя, и вамъ надоѣла сѣренькая жизнь жены рядового офицера, и захотѣлось большаго и лучшаго.

Генералъ Баратовъ на совѣщаніи съ вождями курдскихъ племенъ по установленію добрыхъ отношеній съ ними.

На персидскомъ фронтѣ. *Часовой.*

и всѣ вы, семейныя женщины, таковы... Всѣ вы любите вашихъ мужей и дорожите ими только потому, что они связаны съ вами очень прочно, и что ихъ удачи, ихъ покой, ихъ счастье, наконецъ, неизмѣнно отразятся на вашей жизни, вашемъ покоѣ и вашемъ благополучіи. А я?.. Ну да что объ этомъ говорить, Вѣра Михайловна... Вы сами, я думаю, понимаете, что я любила его не ради себя, а ради него самого, любила не какъ мужа, не какъ офицера генеральнаго штаба, не какъ дѣлателя блестящей карьеры, тащащаго меня на своемъ хвостѣ, а просто какъ человѣка, вошедшаго въ мою жизнь и взявшаго мое сердце, просто и безвозвратно.

Лицо Маріоль пылало. Она приподнялась на подушкѣ.

— Слушайте, Вѣра Михайловна... Когда началась война, я написала ему письмо, умоляя о свиданіи... Я боялась, что онъ уѣдетъ, и мы никогда не увидимся больше... Миша не отвѣтилъ мнѣ... Тогда я принялась его разыскивать, но опоздала, онъ уже уѣхалъ въ армію... Какъ бы вы поступили въ моемъ положеніи?.. А?.. Впрочемъ, все равно... Слушайте, что сдѣлала я... Я уѣхала въ его полкъ и явилась въ качествѣ добровольца... Я не могла быть вдали отъ него теперь, когда ему угрожала опасность... Но если бы вы видѣли, какъ онъ меня принялъ, Вѣра Михайловна...

„— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?.. спросилъ онъ строго.

„Я взяла подъ козырекъ.

„— Прошу разрѣшенія поступить добровольцемъ, господинъ полковникъ.

„Онъ отвернулся и нѣсколько секундъ размышлялъ.

„Потомъ подошелъ ближе и тихо промолвилъ:

„— Маріоль, бросьте эти глупости и уѣзжайте сейчасъ же обратно...

„— Я не уѣду... сказала я твердо.

„— Что же вамъ нужно?

„— Я хочу остаться въ полку.

„Онъ усмѣхнулся и позвалъ адъютанта.

„— Поручикъ, этотъ доброволецъ желаетъ остаться въ полку... Отправьте его въ четвертую роту и передайте ротному командиру, что я прошу дать молодцу возможность отличиться... — И даже не кивнулъ мнѣ на прощанье.

„Но я была счастлива, Вѣра Михайловна, счастлива уже потому, что видѣла его хоть разъ въ недѣлю, когда онъ обходилъ окопы и проходилъ мимо меня сосредоточенный и суровый. За шесть мѣсяцевъ онъ не сказалъ мнѣ ни слова.

„И вотъ вчера стряслась бѣда... Два батальона зашли намъ въ тылъ... Съ трехъ сторонъ уже стучали пулеметы, вы понимаете, съ трехъ сторонъ... Мы бы не вышли изъ этого мѣшка, если бы не онъ, не Миша...“

— Ну и что, что?.. Говорите, — заволновалась и Вѣра Михайловна.

Онъ выдѣлилъ одинъ батальонъ въ тылъ, чтобы помѣшать окруженію, и самъ сталъ во главѣ его... Я была тамъ, я видѣла все, и я никогда не забуду этого ада и его лица... Они засыпали насъ сталью... Они превратили землю въ пашню, окопы въ труху, а людей въ клочья мяса и костей... Имъ очень хотѣлось заполучить весь полкъ со штабомъ и командиромъ во главѣ...

„Пока можно было, мы ютились въ окопахъ, но скоро окопы исчезли, смѣшалось все,—бревна блиндажей, земля, трупы людей, зелень поваленныхъ деревьевъ... Мы отошли на сто шаговъ и залегли снова...

„Онъ былъ все время съ нами, до послѣдней минуты, когда намъ на выручку ударилъ на нѣмцевъ во флангъ сосѣдній полкъ и открыла огонь выѣхавшая на позицію батарея... Тогда и мы двинулись впередъ... Что это была за атака!.. Мы прошли, правда, оставивъ много жертвъ, но зато прошли по горамъ ихъ труповъ“.

Глаза Маріоль горѣли, и лицо стало злобнымъ.

— Мнѣ не жаль моей ноги... Пусть я буду калѣкой, все равно. Вѣдь послѣ того, что я пережила за эти шесть мѣсяцевъ, послѣ того, что видѣли мои глаза, что испытало мое сердце, развѣ могу я вернуться къ прежней жизни, гдѣ такъ нужна была моя красота... Но Миша, Миша... Его ни вы ни я уже больше никогда не увидимъ... Его убило осколкомъ какъ разъ въ ту минуту, когда полки опять установили связь и все дѣло было поправлено... Онъ не успѣлъ даже крикнуть. Я кинулась къ нему, забывъ, что я — солдатъ, припала къ его груди, и онъ въ первый и послѣдній разъ взглянулъ на меня мутнымъ угасающимъ взглядомъ, коснулся моей руки холодными пальцами и хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Только губами пошевелилъ...

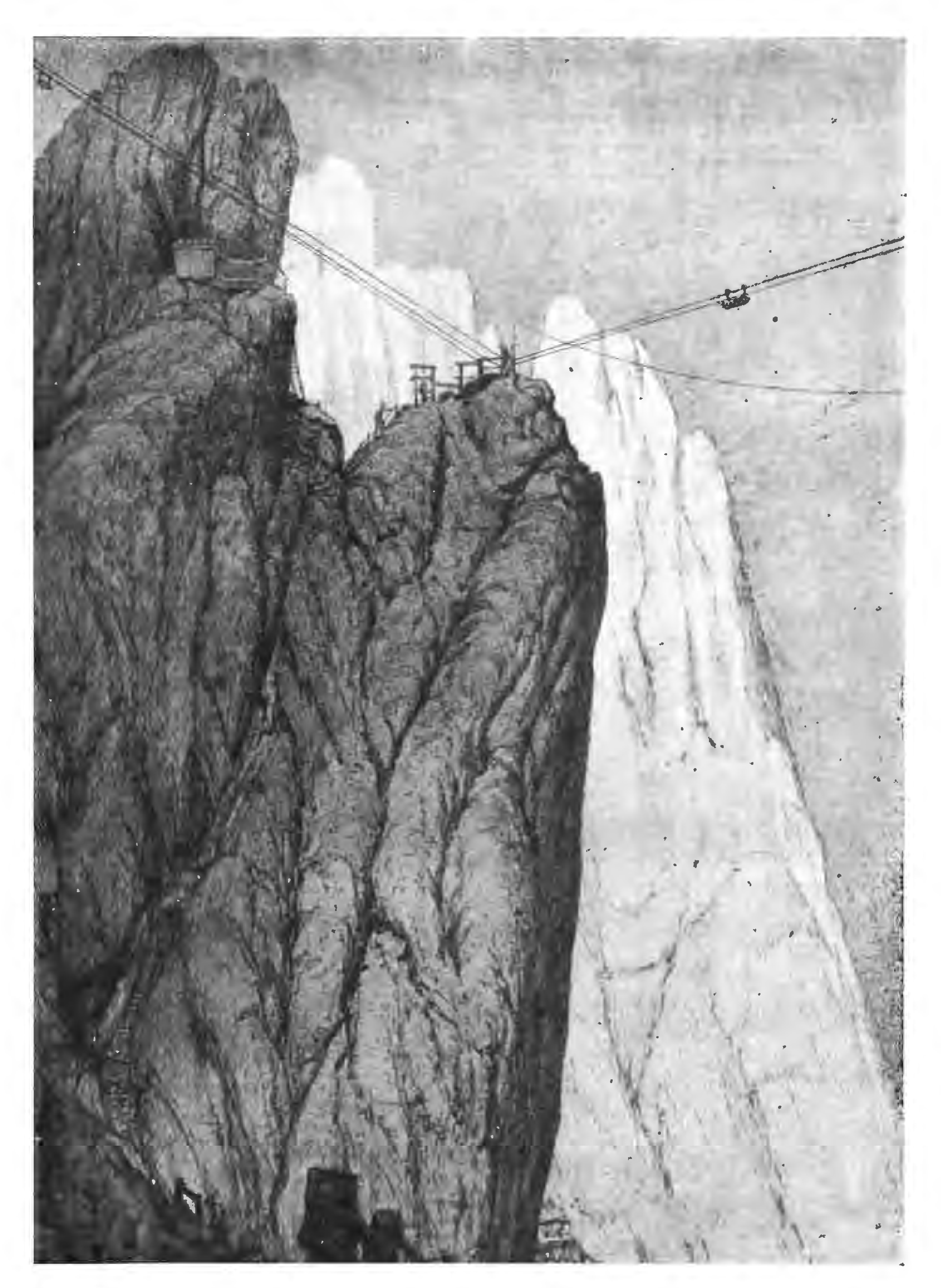
Вѣра Михайловна плакала. Маріоль безсильно опустилась на подушку.

Дребезжали окна отъ непрерывнаго рева орудій, тихо стоналъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ, и свистѣлъ гдѣ-то далеко паровозъ.

И, поддаваясь порыву мощному и благородному, Вѣра Михайловна наклонилась къ лицу этой женщины, когда-то такой легкомысленной, нарядной и пустой, а теперь прошедшей огромное поле жизни, принесшей великую жертву любви.

— Маріоль, я поцѣлую васъ... Можно?..

На персидскомъ фронтѣ. *На вершинахъ горъ.*



На итальянскомъ фронтѣ. *Воздушная дорога на вершинахъ Альпъ (въ Доломитахъ), обслуживающая горныя укрѣпленія.*
Рис. съ натуры *Джорджа Скотта.*

Гримасы войны.

Ханочка и Янкелевичъ.

Разсказъ **А. Ростовцева.**

... Сѣрыя поля. Темныя пятна кустарниковъ, къ которымъ налипла неотвязчивая осенняя мгла. Вѣтеръ осеннiй озлобленно рветъ, кромсаетъ желтый листъ придорожныхъ березокъ.

Стонутъ поля. Всюду сѣрые и желтые тона. Свинцовый воздухъ. Далекiй, молчаливый горизонтъ. Все вокругъ молчитъ.

На французскомъ фронтѣ. *Въ маскахъ сквозь газовую завѣсу. Снарядный транспортъ.*

Только стрекочетъ въ лѣсу какая-то птица, назойливо и зло. Будто-кто то тянетъ отходную. Хмурятся небеса.

Идетъ длинная-длинная дорога, пустая, мертвая. Мѣсто глухое. Здѣсь гиблыя болота, на которыя вѣтеръ бросаетъ багровый, дрожащiй листъ осины.

Ѣдемъ давно. Кажется, конца не будетъ дорогѣ. Вечерѣетъ. Ползетъ хмурая мгла. Въ этой черной вечерней тишинѣ что-то жуткое, безотрадное.

Лошадь моя потряхиваетъ головой. Гдѣ-то, совсѣмъ ужъ близко, слышенъ сердитый лай собаки. Въ воздухѣ сыро. Какъ будто въ сизой предвечерней мглѣ повисли невыплаканныя слезы.

Испытываешь какое-то спокойное, равнодушное отчаянье.

Хлябкiй звукъ лошадиныхъ подковъ по разбитой дорогѣ среди непролазнаго лѣса, среди топкой болотной трясины...

Хочется видѣть людей, видѣть какое-нибудь живое существо.

Мы третiй день „уходимъ" отъ нѣмца. Измучились. Намъ кажется, что гонится за нами жадный звѣрь. Горько и обидно за наши неудачи.

Насъ... „гонитъ" непрiятель. Онъ упоенъ военнымъ счастьемъ. Его желѣзная нога съ гуломъ ходитъ по нашимъ тихимъ полямъ. Стонетъ отъ тяжкихъ ранъ дремучiй русскiй боръ.

Хочется забыть тревогу дня. Въ долгiя сумерки золотой осени вспыхиваютъ тихiе огни воспоминанiй.

На нашихъ путяхъ лежитъ темнымъ пятномъ будущее. Мы пробираемся куда-то, сами не знаемъ, куда, медленно, неугомонно.

Жуткое малодушiе мало-по-малу исчезаетъ. Осеннiй вѣтеръ, отрывистый и гулкiй, словно отбиваетъ какой-то веселый походный маршъ.

Близко человѣческое жилье. Изъ-за липкихъ кустовъ вынырнулъ шестъ съ торчащей тряпкой. Тамъ какъ будто есть люди какъ будто храпятъ мужицкiя лошадки.

Гудѣнiе лѣса. Сизыя полупотемки. Кажется, конца-краю не будетъ дорогѣ.

Ползетъ усталое время. Съ тихихъ березокъ капаютъ капельки слезъ.

Дорога идетъ подъ уклонъ. Изъ мглы выползаютъ очертанiя дома.

Брошенная корчма. Кто-то пригвоздилъ къ землѣ унылое, полуразрушенное зданiе. Вѣтеръ дергаетъ ставни оконъ. Ни единой живой души.

Вхожу. Въ пустыхъ, гулкихъ комнатахъ какъ будто носится еще запахъ жилья, запахъ людей. Здѣсь, видимо, еще недавно толпились лохматые мужики. Въ стѣны въѣлся запахъ сивухи и табачный дымъ.

Плутоватый корчмарь устроилъ свою резиденцiю именно здѣсь, среди топкаго болота. Здѣсь, около унылой лѣсной дороги, онъ утвердился, какъ паукъ, ловилъ простаковъ-мужиковъ, которыхъ притягивалъ запахъ плохой водки.

Тамъ, за лѣсомъ, видно, притаились тихiя деревеньки съ крикливыми бабами и голодными ребятами, тамъ — тихiя церковки съ яркими луковками куполовъ, помѣщичьи усадьбы, возлѣ которыхъ шумятъ нѣжныя березки.

Изъ этого дома, видно, выбирались торопливо. Брошена разная рухлядь. Испуганные жители спѣшно удирали отъ непрiятеля.

Въ комнатахъ разбросаны книги. Смотрю: русскiе учебники, много еврейскихъ книгъ. Большой атласъ. Опрокинута чернильница.

На одномъ изъ оконъ уцѣлѣла тонкая занавѣска. Окно выходитъ въ садъ.

Шумитъ вѣтеръ въ старыхъ липахъ.

Комнатка небольшая. Пузатый комодъ. Сломанная кровать. Здѣсь, видно, была „чистая половина" корчмы. Здѣсь останавливался панъ-исправникъ. Была чистая постель, и плутоватый корчмарь гордился этимъ сравнительно чистенькимъ уголкомъ старой корчмы.

Здѣсь была женщина, молодая. Быть-можетъ, хрупкая, нѣжная и мечтательная.

На полу валяются принадлежности женскаго туалета... роговая шпилька, сломанная пудреница, пустой флаконъ духовъ, пуховка.

Открываю ящикъ пузатаго комода. Тамъ тоже — брошенный, ненужный, но милый женскiй хламъ. Ленточки перчатки... Нащупываю пачку писемъ... Перевязаны алой ленточкой. Развертываю. Много писемъ на еврейскомъ языкѣ. Ровныя, непонятныя мнѣ буквы тянутся стройными рядами. Вотъ письмо на русскомъ языкѣ... Только отрывокъ, часть листика почтовой бумаги. Читаю:

... „Я прошу моего отца, чтобы онъ меня послалъ въ далекую страну... Онъ говоритъ: „пускай они говорятъ, я тебя нигдѣ не отдамъ, я младшихъ отдамъ". Я все равно не буду въ дому. Очень надоѣла моя жизнь... Отдай привѣтъ Гершелю, поцѣлуй его. Такъ скажи: „Хана прислала поцѣлуй съ привѣтомъ въ бумагѣ". А для Мойсея только воздушный поцѣлуй... но хотя, чтобы ты не устала, я тебѣ очень много работы прислала въ бумагѣ"...

Другое письмо:

„Я хочу приступить къ тебѣ съ прозьбой исполнить обѣщанное, а что именно, это вамъ извѣстно, другимъ неинтересно знать, что этотъ бѣлинькiй листочекъ стихами думалъ написать...

„Славный товарищъ, я не знаю, какъ иначе васъ назвать, не знаю по поводу того, что мы вели бѣседу относительно того, что когда-нибудь оно можетъ причинить сердечныя боли при воспоминанiе. Въ этомъ хотя я и сомнѣваюсь, со стороны моей, но, впрочемъ, я надѣюсь, что это васъ не преградитъ, т.-е. не остановитъ, наоборотъ, даже очень прiятно становится при воспоминанiе... о томъ, что сдружились мы какъ голуби пара и вдругъ разлетѣлись какъ чорная хмара...

„Славный товарищъ и прiятель и вмѣстѣ съ тѣмъ учитель, прошу васъ не осмѣевать мое письмецо женскимъ неправильный почеркъ"...

(Продолженiе письма на еврейскомъ языкѣ).

Новыя строки на русскомъ языкѣ:

... „Когда-нибудь погрущу это пусть васъ не безпокоетъ. Вы достойны, чтобы за вами тосковала болѣе интереснѣйшая особа, не касаюсь красоты, касаюсь во всемъ окружающемъ... А я-то

намѣрена всегда писать вамъ и хотя издали совѣтоваться съ вами во всемъ, что только намѣрена буду совершить... Вы же геній, вы поэтъ. Кто еще такъ могъ понять васъ, какъ я... Вы вѣдь можете занять мѣсто и друга, и подруги, и мѣсто брата... все, все... всѣ посты вы можете занять. Вы — умница, если бы я васъ могла встрѣтить на пути жизни вторично то я бы была щастлива (это безъ точекъ и запятой). Вы — чистая душа. Я еще не одно слово лицемѣрія въ васъ не нашла. Охъ, сколько лѣтъ я искала такихъ типовъ, но въ концѣ нашла, но такъ больно и жалко, что при концѣ. Почему я васъ не встрѣтила хотя раньше на два года? Я сейчасъ веду ожесточенную борьбу съ собою. Но не пугайтесь! Не придайте значенія всему моему переживанію... Я-то безусловно могу грустить и даже сейчасъ грущу о томъ, что судьба столкнула меня съ такимъ (честнымъ) т.-е. чистымъ человѣкомъ на такое короткое время. Да. Печально то очень, но я какъ причисляюсь въ число извѣстной героини Герды, то сумѣю все побороть въ себѣ, стоитъ лишь только отдать отчетъ во всемъ этомъ, и вотъ оно пройдетъ гладко, но вспоминанія останутся, не потому что я глупа... Я такъ очарована вами. Вѣдь вы доказали мнѣ на дѣлѣ, что вы избѣгаете грязи, хотя это совсѣмъ не грязь. Но вамъ казалось, и вы готовы были ужъ перейти на сухой тротуаръ. Вотъ и доказана была цѣль...

„Быть-можетъ, волны свѣта
Умчатъ васъ въ далекій путь...
То это письмо напомнитъ вамъ что-нибудь..."

А вотъ отвѣтъ Янкелевича.

Это—тонкій лирикъ.

Онъ озаглавилъ свое литературное произведеніе такъ:

„Лирическія переживанія".
Ты помнишь бесѣду подъ синагогой на тротуарѣ...
Коснулись вопроса о людскомъ правѣ...
И мы сошлись характерной парой,—
Прошу не презирать это...
Вѣдь природа толкаетъ свѣтъ. —
Мы не виновны въ этомъ...
Что природа насъ случайно толкнула подъ луннымъ свѣтомъ,
Всему этому свидѣтелемъ было увѣсистое дерево...
И листья подъ напоромъ благоуханія шуршали это —
Если все неправда, то по религіозной торѣ —
Будетъ кара.

Сочинилъ поэтъ Янкелевичъ.

Какой нѣжный романъ!

Мнѣ сейчасъ рисуется Ханочка, нѣжная, со вздрагивающимъ тѣльцемъ. Въ этихъ безграмотныхъ, но нѣжныхъ строкахъ кроется жуткая драма. Ханочка — другому отдана Она поздно встрѣтила поэта Янкелевича. Она долго и напрасно искала „такихъ типовъ", какъ нѣжный Янкелевичъ...

Она очарована тѣмъ, кто избѣгаетъ всякую грязь и всегда готовъ „перейти на чистый тротуаръ".

Въ ея глазахъ Янкелевичъ, описывающій свои лирическія переживанія, — геній. Онъ для нея — и братъ, и сестра... и тотъ суженый, который рисуется ея дѣвичьему воображенію...

Ханочка, гдѣ ты? Нѣжный Янкелевичъ — въ какой ротѣ россійскаго воинства маршируешь ты теперь по размытымъ топкимъ болотамъ былой „черты"?

Я смотрю въ запыленное окно съ забытой нѣжной занавѣсочкой...

Здѣсь мечтала нѣжная Ханочка. Здѣсь снились ей ясные сны.

Здѣсь же, быть-можетъ, она выслушала грозный приговоръ отца, плутоватаго корчмаря: „не уѣдешь ты въ далекую страну... я тебя нигдѣ не отдамъ... я младшихъ отдамъ".

Грозный ликъ войны заглянулъ и въ эту лѣсную глушь. Разогналъ вмѣстѣ съ лохматыми мужиками и жаднымъ корчмаремъ и нѣжную Ханочку...

Стонутъ ночныя поля. Гудитъ вѣтеръ.

Солдаты устроились на ночлегъ. Шумно вздыхаютъ. Крестятся.

— Господи Іисусе! — шепчетъ кто-то.

Шумятъ липы въ саду. Маячатъ мглистыя пятна липкихъ осеннихъ кустовъ. Вѣтеръ треплетъ темныя шапки сосенъ въ лѣсу.

Бѣдная Ханочка! Дѣтская радость ушла изъ твоего сердца.

Гулъ войны докатился до этого тихаго уголка, гдѣ душу волновала возможность счастья.

Нѣжный романъ Ханочки встревожилъ мою душу. Встревожили душу мечты теплаго полудѣтскаго сердца далекой, загадочной для меня еврейской дѣвушки, — „причисляющейся въ число героини Герды".

Мнѣ рисуется милое, милое личико Ханочки, я вижу гордаго „символиста" Янкелевича. Я вижу Ханочку — грустной, грустной. И хочется мнѣ ей крикнуть:

— Милая дѣвушка! Расцвѣтали сны твоей молодости и погасли, крѣпись!

За окномъ ползетъ холодный туманъ. Шумятъ старыя липы въ саду. Жалобно кричитъ ночная птица.

Одолѣваетъ сонъ. Мысли мои оборвались.

Въ унылой трущобѣ — корчмѣ спятъ усталые люди.

На французскомъ фронтѣ. *Самая большая „воронка" въ эту войну: 30 метровъ (около 14 саженъ) глубины и 50 метровъ (около 23 саженъ) въ діаметрѣ.*

Ода Смерти.

Тебѣ безначальной, незримо живущей
Во всѣхъ отдаленьяхъ— небесныхъ, земныхъ,
Тебѣ богоравной, Тебѣ вездѣсущей,
Тебѣ посвящаю мой стихъ.

Ты въ царственной силѣ не знаешь предѣла,
Все въ мірѣ трепещетъ предъ властью Твоей;
Что создано жизнью—все рушишь Ты смѣло,—
Ты жизни сильнѣй!..

Ты всѣ покорила земныя стихіи
И грозы небесъ подчинила Себѣ,—
Вулканы—подземныя силы глухія—
Покорны, какъ Богу, Тебѣ.

Ты дышишь—и вѣтры несутъ ураганы
И смерчъ къ облакамъ подымаютъ въ моряхъ:
И гибнутъ въ пустыняхъ, въ пескахъ, караваны
И судна-титаны въ морскихъ глубинахъ...

Ты взглянешь—и молніи въ тучахъ сверкаютъ,
На землю спадая разящей стрѣлой;
И въ полночь кровавыя зори пылаютъ,
И гулы набата дрожатъ надъ землей...

Дохнешь Ты и чумно-тлетворные смрады
На землю плывутъ, пожирая людей...
Ты знаешь болѣзней безчисленныхъ яды,
Что пушекъ сильнѣе, сильнѣе мечей!..

Ты топнешь ногою—и гулъ подъ землею
Пройдетъ ураганомъ... смететъ города...
Ты въ звѣздное небо укажешь рукою—
И съ неба летитъ, умирая, звѣзда...

Тебѣ безначальной, незримо живущей
Во всѣхъ отдаленьяхъ—небесныхъ, земныхъ,
Тебѣ богоравной, Тебѣ вездѣсущей,
Тебѣ посвящаю мой стихъ!..

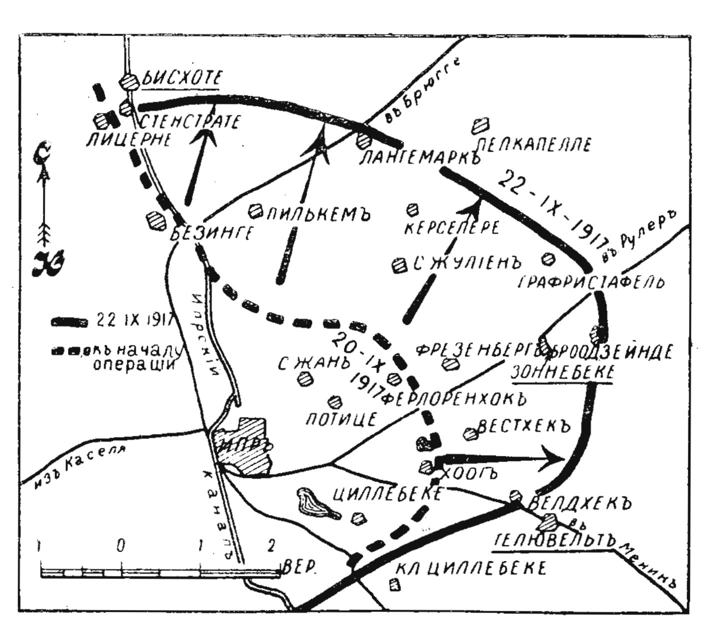
Филаретъ Черновъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клерже.

Блокадное кольцо и новый удэръ союзниковъ подъ Ипромъ.

Къ убѣжденію, что война затягивается, приходятъ въ настоящее время въ Берлинѣ подъ впечатлѣніемъ все болѣе и болѣе сжимающагося желѣзнаго кольца державъ Согласія, въ составъ котораго входятъ все новые и новые союзники.



Англо-французскій фронтъ. Ипрскій раіонъ.

Въ Аѳинахъ объявлена общая мобилизація греческой арміи. Америка рѣшила отказать въ поставкѣ угля судамъ нейтральныхъ странъ граничащихъ съ Германіей, для того, чтобы преградить доступъ южно-американскихъ товаровъ въ Германію и сомкнуть желѣзное кольцо, сковывающее послѣднюю.

До сихъ поръ Южная Америка поставляла припасы для центральныхъ державъ; такъ, напримѣръ, Аргентина экспортируетъ въ Германію и Австрію свой богатый урожай хлѣбовъ, а также скотъ и жиры, несмотря на полуразрывъ между Аргентиной и Германіей. Во избѣжаніе этого, экспортный департаментъ Соединенныхъ Штатовъ, не имѣя возможности воспретить торговлю нейтральныхъ странъ между собою, рѣшилъ прибѣгнуть къ вышеупомянутой мѣрѣ, парализуя этимъ возможность вывоза изъ Аргентины и другихъ южно-американскихъ республикъ въ центральныя державы.

Кромѣ того, правительство Уругвая уже офиціально опубликовало о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Германіей, конгрессъ въ Лимѣ (Перу) почти единогласно рѣшилъ также прервать дипломатическія сношенія съ Германіей: объявила войну Германіи и Бразилія.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ серьезное намѣреніе принять участіе въ окончательной борьбѣ Союза центральныхъ державъ съ Согласіемъ, ассигновывая для таковой цѣли свыше двадцати милліардовъ долларовъ, одна треть которыхъ предназначается спеціально для ссуды намъ и нашимъ союзникамъ. Главнокомандующій американскихъ силъ, уже прибывшихъ во Францію, генералъ Першегъ высказалъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе о томъ, что спѣшащая на помощь союзникамъ милліонная американская армія рѣшительно повернетъ вѣсы военнаго счастья въ сторону Согласія и однимъ своимъ появленіемъ покончитъ съ неопредѣленностью того положенія, которое наблюдается на боевыхъ фронтахъ.

Такимъ образомъ, несмотря на внезапный поворотъ событій на русскомъ фронтѣ, наши союзники усердно продолжаютъ замыкать блокадное кольцо вокругъ Германіи и ея союзниковъ и стремятся принудить ихъ къ отказу отъ дальнѣйшей борьбы. Возможно, что къ рѣшительному моменту развязки будутъ привлечены и японскія силы, блестящее состояніе которыхъ еще не имѣло боевого примѣненія въ этой войнѣ.

По мѣрѣ того, какъ всевозможныя мѣры по блокированію Германіи со всѣхъ сторонъ приводятся въ исполненіе, боевыя дѣйствія на различныхъ фронтахъ не затихаютъ. Большое вниманіе въ этомъ отношеніи привлекаетъ на себя англо-французскій фронтъ, гдѣ Ипрскому раіону принадлежитъ важная роль.

Ипрскій выступъ позицій на четвертомъ году войны снова сдѣлался ареной серьезныхъ столкновеній англо-французскихъ войскъ съ германцами. За обладаніе важнѣйшимъ узломъ путей въ западной части бельгійской территоріи, находящейся еще въ рукахъ нашихъ союзниковъ, осенью 1914 года въ теченіе трехъ недѣль кипѣла упорнѣйшая борьба. Въ этой борьбѣ, рѣшавшей участь приморскихъ подступовъ къ берегамъ Англіи, французы и англичане проявили крайнюю энергію и тѣмъ прославили свои боевыя знамена.

Взаимно выручая другъ друга и дѣйствуя сравнительно небольшими силами, англо-французы осенью 1914 года остановили напоръ германцевъ противъ Франціи, позволивъ сформировать послѣдней новыя арміи для дальнѣйшаго закрѣпленія за собой новой оборонительной линіи.

Боями на рѣкѣ Марнѣ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1914 года наши союзники спасли центръ и южныя области Франціи, не позволивъ германцамъ занять Парижъ и богатѣйшія французскія провинціи. Битвой подъ Ипромъ спасена была связь между союзными государствами и прикрытъ былъ подступъ къ Англіи. Вотъ почему Ипрской битвѣ, несмотря на то, что она разыгралась на мѣсяцъ позднѣе Марненской и на фронтѣ значительно меньшемъ, чѣмъ эта послѣдняя, принадлежитъ такое важное мѣсто въ современной войнѣ, и вотъ почему Ипру и въ настоящее время удѣляется германцами и англичанами такое большое вниманіе.

Какъ въ 1914 году союзники отбили сильный натискъ германцевъ въ направленіи береговъ Ла-Манша, такъ и нынѣшней поздней осенью англичане, начавъ атаку лишь на одинъ часъ раньше, чѣмъ германцы, предупредили новую ихъ попытку достигнуть давно намѣченной серьезной цѣли.

Отсюда ясно, почему въ новѣйшихъ своихъ донесеніяхъ англійская главная квартира боевыя дѣйствія къ востоку отъ Ипра приравниваетъ къ знаменитой Марненской битвѣ. Не важно, что продвиженіе англичанъ въ глубь расположенія противника не превысило сейчасъ двухъ-трехъ верстъ и не распространилось шире по фронту, чѣмъ на полперехода, такъ какъ въ данномъ случаѣ играетъ роль не масштабъ удара, а внутренній его смыслъ. Основной успѣхъ союзниковъ — противодѣйствіе опасной попыткѣ противника снова нарушить единеніе между англійскимъ и французскимъ фронтами.

Историческія поля битвъ въ раіонѣ Бисхоте, Зоннебеке, Гелювельта и другихъ, расположенныхъ полукругомъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ Ипра, нынѣ снова были свидѣтелями

самыхъ серьезныхъ столкновеній, въ которыхъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла принимать боя, стоя на мѣстѣ. Ударъ былъ встрѣчный и крайне упорный.

Успѣхъ склонился къ англичанамъ, на сторонѣ которыхъ была наибольшая иниціатива и превосходство въ артиллеріи.

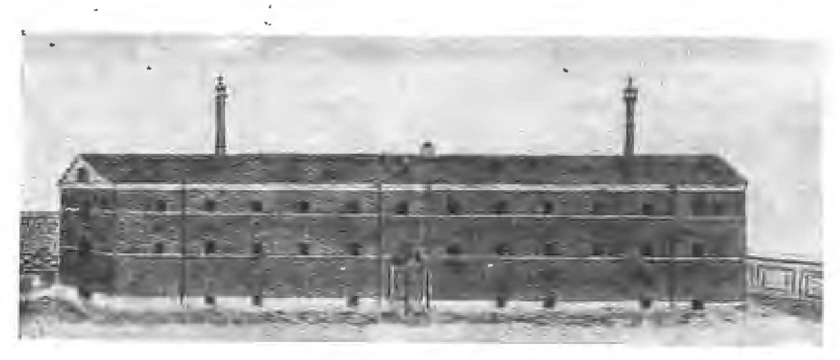
Англійская армія снова имѣла случай достигнуть крупной побѣды надъ значительнымъ числомъ германскихъ дивизій, сосредоточенныхъ на небольшомъ клочкѣ Ипрскихъ позицій.

Какъ можно видѣть изъ донесеній англійской главной квартиры, наступленіе во Фландріи вполнѣ оправдало возлагавшіяся на него надежды нашихъ союзниковъ, и есть основаніе ожидать новаго и еще болѣе серьезнаго развитія наступленія нашихъ союзниковъ на томъ же направленіи.

Благодаря достигнутымъ успѣхамъ и несмотря на крайне дождливую и туманную погоду на западѣ, англичане уже приблизились къ возвышенному гребню мѣстности, гдѣ расположены оборонительныя линіи германцевъ, прикрывающія собою долину Мененъ-Рулеръ, по которой пролегаетъ желѣзная дорога. Въ случаѣ дальнѣйшаго продвиженія отъ Ипра на востокъ, южному Лилльскому участку германскихъ позицій можетъ угрожать серьезный обходъ съ сѣвера, вслѣдствіе чего и самая задача овладѣнія большимъ рудоноснымъ раіономъ сѣверо-восточной Франціи будетъ значительно облегчена.

Арміямъ противника приходится нести тягчайшія потери, восполненіе которыхъ затрудняется огнемъ многочисленной англійской артиллеріи.

Шлиссельбургская крѣпость. *Старая тюрьма.* По рисунку *П. В. Карповича, долголѣтняго узника крѣпости, много лѣтъ проведшаго въ политическомъ изгнаніи во Франціи и погибшаго въ Сѣверномъ морѣ при взрывѣ мины германской подводной лодки, на возвратномъ пути на родину.*


Шлиссельбургская крѣпость. *Новая тюрьма.* По рисунку *П. В. Карповича.*

Политическое обозрѣніе.

Проблема власти.

Профессора К. Н. Соколова.

Основной вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго судорожно и безплодно бьется революціонная Россія, есть вопросъ о созданіи твердой и сильной власти. Проблема власти—это проблема политическаго авторитета. Паденію власти царскаго самодержавія предшествовало разложеніе ея авторитета. Когда признаніе власти смѣнилось ея отрицаніемъ, а уваженіе къ ней уступило мѣсто презрѣнію и отвращенію, грозная по формѣ организація власти рухнула въ прахъ. Въ первые дни послѣ революціи Временное Правительство, назначенное Государственной Думой и санкціонированное Петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, явилось носителемъ новаго политическаго авторитета и обладателемъ всей полноты государственной власти. Съ тѣхъ поръ неоднократно мѣнявшееся въ своемъ личномъ составѣ, но неизмѣнное, какъ учрежденіе, Временное Правительство понемногу растратило свой капиталъ политическаго авторитета. Поэтому-то и власть его, не умаленная съ формальной точки зрѣнія, утратила свойства твердости и силы. Многочисленныя личныя перемѣны въ правительствѣ и всевозможныя попытки такъ или иначе наладить его отношенія къ существующимъ въ странѣ общественнымъ организаціямъ и преслѣдуютъ цѣль подвести прочный фундаментъ политическаго авторитета подъ зданіе революціонной власти. Отъ успѣшнаго разрѣшенія этой задачи зависитъ судьба новаго государственнаго порядка въ Россіи.

Роль Государственной Думы въ исторіи февральской революціи была такъ велика именно потому, что въ ней революціонная Россія нашла готовый источникъ политическаго авторитета. За время послѣдней рѣшительной борьбы со старымъ режимомъ Государственная Дума сосредоточила на себѣ всѣ народныя симпатіи и надежды. Ореолъ Думы въ глазахъ страны былъ необыкновенно великъ, популярность руководящихъ думскихъ дѣятелей возросла чрезвычайно. По каждому крупному вопросу государственной жизни всѣ ждали слова Думы. Всѣ были убѣждены, что въ моментъ катастрофы Дума станетъ исходнымъ и опорнымъ пунктомъ новой организаціи государства. Такъ оно на дѣлѣ и случилось. Государственная Дума „возглавила" революцію и обезпечила почти безболѣзненный переходъ отъ старой государственности къ новой. Но вскорѣ обнаружилось, что, выполнивъ эту историческую свою миссію, Государственная Дума исчерпала самое себя. Представительное собраніе, составлявшее органическую часть стараго государственнаго порядка и избранное на началахъ очень ограниченнаго избирательнаго права, пережило свою среду и свою законную основу. Но это переживаніе длилось недолго,—нѣсколько краткихъ недѣль. А потомъ, когда революціонное движеніе развернулось во всю ширь, вызванныя къ жизни революціей демократическія силы отвергли авторитетъ Думы 3-го іюня,—Думы помѣщиковъ и капиталистовъ. Временное Правительство только въ октябрѣ собралось распустить Государственную Думу. Но эта хирургическая операція была произведена надъ политически-мертвымъ тѣломъ. Государственная Дума умерла гораздо раньше. Когда? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно, потому что длительные общественные процессы не

Шлиссельбургская крѣпость. *Берегъ Ладожскаго озера съ крѣпостной стѣны.*

Шлиссельбургская крѣпость. Иллюстраціи къ очерку „И. П. Каляевъ" Б. В. Савинкова. (См. стр. 643—653).

подаются измѣренію календарными датами. Но 27-го апрѣля, въ день открытія первой Государственной Думы, было устроено въ Гаврическомъ дворцѣ соединенное засѣданіе членовъ Думы всѣхъ четырехъ созывовъ. Это засѣданіе не встрѣтило никакого отклика въ странѣ. Государственная Дума, не только Дума четвертаго созыва, а Дума вообще, Дума, какъ учрежденіе, уже тогда окончила свои дни.

Если Государственная Дума явилась своего рода соединительнымъ звеномъ между Россіей царской и Россіей революціонной, то Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ всецѣло связаны съ революціей. Знаменитый историкъ французской революціи Тэнъ указываетъ, что въ революціонное время толпа, собравшаяся на улицѣ столицы, часто присваиваетъ себѣ право говорить и дѣйствовать отъ имени народа. Дѣйствительно такъ обыкновенно возникаютъ „самочинныя“ революціонныя организаціи, занимающіяся „революціоннымъ творчествомъ“. Успѣхъ такихъ организацій опредѣляется тѣмъ, въ какой степени имъ удается угадать настроеніе народа, и въ какой степени ихъ дѣятельность отвѣчаетъ его желаніямъ. Организація явно „самочинная“, Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, конечно, не былъ никѣмъ уполномоченъ на созданіе всероссійской правительственной власти. Это не помѣшало Петроградскому Совѣту принять видное участіе въ образованіи Временнаго Правительства и въ составленіи его программы. Въ дальнѣйшемъ Петроградскій Совѣтъ, чрезъ посредство своего Исполнительнаго Комитета, осуществлялъ самый бдительный надзоръ за дѣятельностью власти, а при возникновеніи перваго коалиціоннаго правительства делегировалъ въ его составъ своихъ отвѣтственныхъ министровъ. Мало-по-малу авторитетъ Петроградскаго Совѣта сталъ перевѣшивать и, наконецъ, совершенно поборолъ авторитетъ Государственной Думы. Но въ то же время у Петроградскаго Совѣта появились сосѣди и конкуренты. Солдатскія и рабочія массы на всемъ пространствѣ Россіи создали сѣть своихъ „полномочныхъ органовъ“, и вскорѣ надъ всѣми Совѣтами Депутатовъ возникла новая надстройка — Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ, Петроградскій Совѣтъ отошелъ на второй планъ, какъ учрежденіе мѣстнаго характера. Наступилъ періодъ, когда Временное Правительство опиралось на Центральный Исполнительный Комитетъ и отъ него почерпало свой политическій авторитетъ.

Но перемѣщеніе политическаго авторитета на этомъ не завершилось. Съ повсемѣстнымъ образованіемъ новыхъ демократическихъ органовъ самоуправленія, Совѣтамъ Депутатовъ пришлось раздѣлить съ ними свое вліяніе на широкія массы населенія. На сентябрьскомъ Демократическомъ Совѣщаніи представители мѣстныхъ самоуправленій впервые заняли мѣсто рядомъ съ делегатами Совѣтовъ. Изъ Демократическаго Совѣщанія тѣ и другіе проникли наконецъ и во Временный Совѣтъ Россійской Республики, въ который кромѣ нихъ оказались включенными и такъ называемые „буржуазные“ элементы, раньше неполно и неправильно представленные въ Государственной Думѣ. Передъ Временнымъ Совѣтомъ Россійской Республики, естественно, померкнетъ и авторитетъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ. До Учредительнаго Собранія единственнымъ возможнымъ источникомъ политическаго авторитета для Временнаго Правительства является отнынѣ Совѣтъ Республики.

Совѣтъ Республики вмѣстѣ съ коалиціоннымъ правительствомъ стоятъ въ центрѣ революціонной русской государственности, на линіи равнодѣйствующей ея движущихъ силъ. Но есть теченія, которыя обозначились уже или только обозначаются въ сторонѣ отъ этой центральной линіи, налѣво и направо отъ нея. Налѣво идетъ линія большевиковъ, которые силятся гальванизировать Совѣты Депутатовъ, вызвать ихъ къ новой жизни и подъ ихъ фирмой захватить въ свои руки власть. Направо едва лишь намѣчается линія контръ-революціонеровъ разныхъ оттѣнковъ, которые ждутъ банкротства революціи, чтобы тогда на развалинахъ революціонныхъ организацій основать свой политическій авторитетъ. Государственное развитіе Россіи въ ближайшее время пойдетъ однимъ изъ этихъ путей: путемъ созданія сильной власти при поддержкѣ Совѣта Республики, или путемъ захвата власти большевиками подъ фирмой Совѣтовъ, или же путемъ организаціи правой контръ-революціи. Только въ одной изъ этихъ трехъ формъ можетъ быть у насъ разрѣшена проблема власти.

———

Шлиссельбургская крѣпость. *Дворикъ, на которомъ производились казни*

И. П Каляевъ *(въ юности).*

И. П. Каляевъ *(фотографія снята на другой день послѣ взрыва въ Москвѣ).*

Шлиссельбургская крѣпость. Иллюстраціи къ очерку „И. П. Каляевъ“ Б. В. Савинкова. (См. стр. 643—653).

И. П. Каляевъ.

Очеркъ **Б. В. Савинкова-Ропшина**

«Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради, сей спасетъ ю».

Ев. отъ Луки, гл. 9. 24.

Дѣтство Ивана Платоновича Каляева освѣщалось двумя родами воспоминаній. Отецъ его, Платонъ Антоновичъ Каляевъ, когда-то проданный по купчей крѣпости дворовый человѣкъ помѣщицы Муратовой, впослѣдствіи унтеръ-офицеръ Кіевскаго полка и еще позже—околоточный надзиратель варшавской полиціи, происходилъ изъ крестьянъ Ряжскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Онъ принесъ съ собой въ семью старый закалъ дореформеннаго строя, мужицкую неискоренимую ненависть къ баремъ-помѣщикамъ и глубокую вѣру въ Царя,—въ Царя-Защитника и Царя-Освободителя. Мать, Софія Ѳоминична, рожденная Піотровская, происходила, наоборотъ, изъ помѣщичьей, хотя и разорившейся, но шляхетской семьи. Выйдя замужъ за русскаго, она не отреклась отъ своего родного народа. И въ то время, какъ отецъ Ивана Платоновича именемъ русскаго Царя отвозилъ арестованныхъ поляковъ въ цитадель, мать пѣла надъ колыбелью сына о прежнемъ величіи Польши. Она пѣла о мученикахъ свободы, о тѣхъ, что пали, „какъ падаютъ листья съ березъ", и о тѣхъ, что придутъ къ нимъ на смѣну „весною, когда сирень расцвѣтаетъ".

Въ этой бѣдной, почти нищей, семьѣ столкнулись два міра. Рядомъ съ портретомъ Александра II висѣлъ портретъ Костюшко. Рядомъ съ разсказами о службѣ въ полку и объ усмиреніи польскаго мятежа шопотомъ передавались легенды о таинственномъ Народовомъ Ржондѣ, о Муравьевѣ-Вѣшателѣ, о Посполитомъ Рушеньи. И вѣра въ Царя разбивалась о кровавыя преданія прошлаго, а крестьянская ненависть къ продававшимъ людей панамъ оживала въ тайной надеждѣ на грядущее избавленіе, въ робкомъ чаяніи невѣдомаго Мессіи.

Родился Иванъ Платоновичъ въ Варшавѣ 24-го іюня 1877 г. Дѣтство его промелькнуло безъ радостей, безъ яркихъ событій. Отецъ не бралъ взятокъ, гордился этимъ, и жизнь протекала въ неустанныхъ тревогахъ, въ ежедневной упорной борьбѣ за кусокъ хлѣба. Семья ютилась въ предмѣстьѣ. Мать, не разгибая спины, цѣлый день стряпала, чистила, прибирала. Дѣти — ихъ было семеро, бѣдные богаты дѣтьми—жили на улицѣ, въ грязи, въ толпѣ такихъ же нищихъ, оборванныхъ и голодныхъ дѣтей. И такъ шли дни за днями, годы за годами... Когда маленькій Янекъ подросъ, отецъ сталъ учить его грамотѣ и, видя его постоянно надъ книгой, иногда говорилъ матери:

— Вотъ увидишь, изъ Ваньки выйдетъ соціалистъ...

Ничего другого и не могло выйти. Сынъ отца, проданнаго по купчей крѣпости, и матери, съ колыбели передавшей ему любовь къ родному народу, онъ не могъ не стать революціонеромъ. Онъ былъ „обреченъ съ малыхъ лѣтъ".

Въ 1888 г. онъ, по ироніи судьбы, поступилъ въ первую Варшавскую, архіблагонамѣренную, Апухтинскую гимназію. Началась еще болѣе суровая школа жизни. Въ стѣнахъ гимназіи его встрѣтили безчисленныя преслѣдованія и притѣсненія. Гимназическая система имѣла только одну, зато неуклонную цѣль,— воспитать въ ученикахъ истинно-русскія чувства, сдѣлать изъ нихъ впослѣдствіи чиновниковъ-обрусителей, неизмѣнно послушныхъ начальству. На такъ называемыя науки едва обращалось вниманіе. Знаній не требовалось никакихъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ. Зато чуть не съ перваго класса настойчиво внушалось ученикамъ, что міръ стоитъ на трехъ китахъ: на православіи, самодержавіи и русской народности. Соотвѣтственно съ этимъ строго слѣдили за посѣщеніемъ всенощной и обѣдни, за образомъ мыслей, за разговоромъ по-польски. Въ младшихъ классахъ иногда даже сѣкли, въ старшихъ—безжалостно увольняли. Учительскій персоналъ состоялъ въ большинствѣ изъ истинно-русскихъ людей, насаждавшихъ культуру въ „Привислянскомъ краѣ", людей невѣжественныхъ, тупыхъ и злобныхъ. Даже много лѣтъ спустя Иванъ Платоновичъ не могъ безъ негодованія вспоминать о гимназіи, и единственный человѣкъ, память о которомъ не вызывала въ немъ гнѣва, былъ учитель русскаго языка и исторіи К. Ю. Заустинскій. Онъ не имѣлъ вліянія на развитіе Ивана Платоновича, но онъ не преслѣдовалъ его. И это уже было не мало.

Общій суровый режимъ для Ивана Платоновича въ огромной степени ухудшался еще однимъ обстоятельствомъ. Онъ былъ „кухаркинъ сынъ", а по циркуляру „кухаркины дѣти" не должны были портить своимъ присутствіемъ заведеніе, предназначенное для дѣтей русскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Началось съ того, что мать Ивана Платоновича на его глазахъ обнимала колѣни директора, прося принять ея сына. Продолжалось упорной, постоянной травлей. Травлей за происхожденіе, за „либеральный душокъ", за то наконецъ, что мать католичка. И такъ все долгія девять лѣтъ. Девять лѣтъ подъ угрозой увольненія и подъ ежедневными, ежечасными издѣвками и пинками...

Такъ было по внѣшности. Нищета дома и непрерывная борьба въ гимназіи. Борьба за право учиться.

Слабый, болѣзненный, впечатлительный, онъ уже въ дѣтствѣ былъ отмѣченъ особенной тонкостью своихъ воспріятій. Въ немъ, выросшемъ на пыльной варшавской мостовой, рано проснулось дарованіе поэта, дарованіе, заглохшее потомъ въ круговоротѣ революціи. Въ младшихъ классахъ гимназіи онъ уже писалъ стихи, помѣщая ихъ въ рукописномъ, тайномъ „Листкѣ Гимназиста". Въ старшихъ симпатіи его сложились опредѣленно. Онъ увлекался Бѣлинскимъ, зналъ наизусть Пушкина, Тютчева, Фета, Мицкевича, съ любовью изучалъ исторію Россіи и Польши и стихами переводилъ Горація и Овидія, даже Лукреція и Софокла. Въ немъ уже тогда сказался стилистъ, будущій „поэтъ" Боевой Организаціи. Въ его юной душѣ рождалась тяжелая драма. Драма между словомъ и дѣломъ. Онъ намекалъ о ней много позже, передъ смертью, въ тюрьмѣ:

...Въ предразсвѣтной мглѣ безсиленъ словомъ я.
И самый мой призывъ звучитъ, какъ стонъ, несмѣло.
Вотъ почему средь бурь зовётъ душа моя
Товарища-бойца величьемъ грознымъ дѣла...

Рядомъ съ литературнымъ развитіемъ шло развитіе другого порядка. Старшій братъ Ивана Платоновича, Антонъ, работалъ на металлическомъ заводѣ Гантке, какъ токарь по металлу. Черезъ него завелись знакомства кое съ кѣмъ изъ рабочихъ. Не Иванъ Платоновичъ вліялъ на нихъ. Они учили его. Они давали ему первые уроки соціализма, и изъ ихъ мозолистыхъ рукъ получалъ онъ лондонскія брошюры, изданія польской соціалистической партіи, нумера Przedświta и Robotnika. Съ какой горделивой любовью берегъ онъ эти рѣдкія тогда книжки... Съ какой страстью перечитывалъ катехизисъ соціалиста, находя въ немъ отвѣты на больные вопросы, поставленные ему самой жизнью. Плоть отъ плоти и кровь отъ крови народа, онъ не могъ не скорбѣть его скорбью и не радоваться его надеждамъ. И подъ гимназической курткой апухтинскаго ученика уже скрывался соціалистъ и непримиримый революціонеръ. Оставалось рѣшить послѣдній, самый тревожный вопросъ: куда итти, какъ бороться? На университетской скамьѣ онъ сталъ искать на него отвѣта.

Въ 1897 году умеръ отецъ Ивана Платоновича, уже снявшій полицейскій мундиръ и служившій послѣдніе годы въ конторѣ завода Гантке. Передъ смертью онъ едва успѣлъ отправить сына въ Москву, въ университетъ. Послѣ душной гимназіи университетъ показался Ивану Платоновичу прекраснымъ и свѣтлымъ непорочнымъ храмомъ науки. Тѣмъ болѣе университетъ Московскій,—родина Грановскаго. Жаль только было разставаться съ

*) Всѣ цитируемыя стихотворенія принадлежатъ И. П. Каляеву.

родной Варшавой. Въ ней каждый домъ напоминалъ о „безумствѣ храбрыхъ“, и каждый камень, казалось, хранилъ еще слѣды пролитой за свободу крови.

Поступилъ Иванъ Платоновичъ на историко-филологическій факультетъ. Надежды его, конечно, не оправдались. Традиціи Грановскаго давно разсѣялись и завяли. Въ казенномъ университетѣ онъ нашелъ и казенныхъ профессоровъ,—чиновниковъ, одинаково равнодушныхъ и къ университету, и къ студентамъ, и даже къ самой наукѣ. И опять на него пахнуло гнилью,—мертвымъ духомъ покинутой имъ недавно гимназіи. Жилъ онъ въ Ляпинкѣ, голодною жизнью, въ компаніи шумныхъ, случайно встрѣтившихся ему людей. Онъ былъ одинокъ среди нихъ, но уйти было некуда, ибо нечего было ѣсть.

Въ такихъ условіяхъ трудно было работать. Но онъ настойчиво хотѣлъ учиться. Въ философіи, въ исторіи всеобщей, въ исторіи Россіи и Польши онъ думалъ найти ключъ къ своимъ колебаніямъ. Соціалистъ, онъ твердо вѣрилъ въ грядущее царство справедливости на землѣ. Революціонеръ, онъ еще не зналъ къ нему дороги. И онъ просиживалъ ночи надъ книгой, въ тишинѣ, когда ляпинцы засыпали. Наука не много дала ему. Она лишь подтвердила старую евангельскую истину: отъ неимущаго отнимется и имущему дастся. Но какъ измѣнить этотъ желѣзный законъ,—наука не говорила. И опять вставалъ нерѣшенный и грозный въ своей простотѣ вопросъ: куда итти и какъ жить?

Въ 1898 году кончилась наконецъ его голодная московская жизнь, и онъ простился съ Ляпинкой. Братъ его Антонъ получилъ работу въ Петербургѣ, на заводѣ Сименса и Гальске. Иванъ Платоновичъ перевелся въ Петербургскій университетъ, и братья поселились вдвоемъ, въ маленькой комнатѣ, на едва застроенной тогда Звѣринской улицѣ. Теперь Ивану Платоновичу уже не грозила нищета, и онъ съ новой страстью отдался своимъ исканіямъ. Попрежнему нужно было рѣшить, какъ выплатить народу свой неоплатный долгъ, какъ добиться того золотого вѣка, „когда сирень расцвѣтаетъ“. Передъ этой задачей меркло все остальное. Тянуло къ искусству, къ литературѣ, къ любимымъ классикамъ, къ вопросамъ эстетики и слова. Но онъ, не останавливаясь, шелъ все дальше и дальше,—на помощь къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, къ своимъ братьямъ по духу и крови.

Онъ перемѣнилъ факультетъ и теперь, уже юристъ, занялся исключительно соціологіей, статистикой и политической экономіей. Это было предразсвѣтное время марксизма. Въ университетѣ Исаевъ, въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ Струве и Туганъ-Барановскій непреложно доказывали, что панацея всѣхъ золъ въ городскомъ пролетаріатѣ и только въ немъ. Ученіе Маркса раскрывало, казалось, необъятные горизонты и желѣзной логикой жизни приводило къ неизбѣжности соціалистическаго строя. На интеллигенцію былъ открытъ безпощадный походъ. Михайловскій какъ будто сошелъ со сцены. Духъ и программа „Народной Воли“ какъ будто умерли и не могли уже воскреснуть. Достойныхъ преемниковъ народовольцамъ не было. Зато петербургскій „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ на глазахъ у всѣхъ быстро окрѣпъ и выросъ. Иванъ Платоновичъ былъ увлеченъ общей струей. Да и трудно ему было не увлечься. Черезъ полтора года исканій и напряженія всѣхъ силъ, онъ какъ будто обрѣлъ, наконецъ, такъ долго жданную истину. Теорія Маркса давала ясныя, простыя, почти математически точныя формулы, и соціалъ-демократія бралась провести эти формулы въ жизнь. Можно ли было ждать большаго? И, далекій еще отъ участія въ революціонной борьбѣ, онъ къ началу 1899 года уже исповѣдывалъ новую религію марксизма. Онъ почти не зналъ ея и уже вѣрилъ ей. Ему такъ страстно хотѣлось вѣрить.

Но уже студенческіе безпорядки весною того же года поколебали въ немъ его вѣру. На одной чашкѣ вѣсовъ лежала необходимость любою цѣною отстоять свое достоинство человѣка. На другой — теорія Маркса въ интерпретаціи его петербургскихъ учениковъ. Студенческое движеніе было объявлено лишеннымъ жизни и смысла, фантастическимъ и заранѣе обреченнымъ на гибель выступленіемъ „бѣлыхъ воронъ“. Неблагодарную роль обличителя взяла на себя „касса взаимопомощи СПБ. университета“. Иванъ Платоновичъ сразу понялъ ея ошибку и рѣшительно сталъ на сторону Организаціоннаго Комитета, признанаго руководителя движенія.

Эти безпорядки были гранью въ жизни Ивана Платоновича. Онъ впервые вступилъ тогда на дорогу революціонной борьбы и впервые на себѣ испыталъ тяжелую руку русскаго деспотизма. Начались безпорядки съ избіенія 8-го февраля студентовъ полиціей. Въ первый періодъ движенія Иванъ Платоновичъ оставался въ тѣни. Онъ посѣщалъ сходки, аплодировалъ страстнымъ рѣчамъ впослѣдствіи предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, Хрусталева-Носаря, голосовалъ за крайнія резолюціи, но открыто еще не выступалъ, выжидая дальнѣйшаго хода событій. Его энергія проснулась вполнѣ лишь послѣ назначенія комиссіи Ванновскаго. Движеніе пошло на убыль. Политически невоспитанное студенчество само не отдавало себѣ отчета въ революціонномъ значеніи своей забастовки. Оно уже готово было итти на уступки. Цѣльная, не знавшая сдѣлокъ натура Ивана Платоновича не могла примириться съ такимъ исходомъ. Онъ не вѣрилъ, конечно, что студенты могутъ добиться гарантій личной неприкосновенности или даже автономіи университета. Но онъ зналъ, что изъ длинной цѣпи протестовъ рождается революція, и не могъ, разъ поднято знамя, не защищать его до конца. Вотъ почему въ его глазахъ отступленіе было измѣной и переговоры предательствомъ. Вторая забастовка стала для него вопросомъ его революціонной чести, и когда Организаціонный Комитетъ сложилъ съ себя полномочія, онъ 3-го марта выступилъ въ общестуденческой сходкѣ съ предложеніемъ бастовать во что бы то ни стало, хотя бы цѣной массовыхъ увольненій. У него не было того, что называется ораторскимъ дарованіемъ. Онъ не поражалъ красотой своей рѣчи, богатствомъ образовъ, архитектурой построенія. Но въ немъ было что-то искреннее и властное. Была страсть, пылающая огнемъ, и вѣра, двигающая горами. И онъ подчинялъ себѣ аудиторію безраздѣльно.

Во второй періодъ движенія онъ уже цѣликомъ отдался ему. Онъ образовалъ отдѣльную непримиримую группу, самъ писалъ и самъ печаталъ прокламаціи, не зная отдыха, агитировалъ въ студенческой столовой, говорилъ рѣчи на сходкахъ и наконецъ вошелъ въ образовавшійся въ концѣ марта 3-й Организаціонный Комитетъ. Движеніе было уже разбито. Сотни студентовъ были высланы и брошены въ тюрьмы. Оставалась лишь горсть. Въ ея числѣ былъ и онъ. Онъ звалъ на улицу на демонстрацію, къ красному знамени, къ единенію съ пролетаріатомъ... Кончилось это арестомъ въ апрѣлѣ 1899 года. И, послѣ трехмѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ, онъ былъ высланъ на два года подъ гласный надзоръ полиціи, и уѣхалъ въ Екатеринославъ.

Вновь встала предъ нимъ нищета. Послѣ долгихъ хлопотъ ему удалось, наконецъ, устроиться на Екатеринославскомъ заводѣ все того же Гантке. Здѣсь, какъ сказано въ данномъ ему удостовѣреніи, онъ служилъ въ главной конторѣ въ качествѣ корреспондента и счетовода съ 1-го ноября 1899 года по 1-е іюня 1900 года и уволился „въ видахъ улучшенія своего матеріальнаго положенія“. Это „улучшеніе“ звучало насмѣшкой. Онъ поступилъ конторщикомъ на Екатерининскую жел. дор. съ окладомъ сперва въ 40 и затѣмъ въ 50 рублей въ мѣсяцъ. Въ этой должности онъ и оставался до своего отъѣзда изъ Екатеринослава.

Конечно, въ такихъ условіяхъ волей-неволей приходилось оставаться при томъ, что дурно ли, хорошо ли, но уже было найдено и, если не итти впередъ, то по крайней мѣрѣ не подвигаться назадъ. Противорѣчія соціалъ-демократической тактики, такъ ярко сказавшіяся во время студенческаго движенія, онъ отнесъ не къ выводамъ изъ ученія Маркса, а къ ошибкамъ такъ называемаго „экономизма“. Плехановское „политическое“ направленіе было нѣсколько шире, нѣсколько болѣе примѣнялось къ требованіямъ русской жизни, и Иванъ Платоновичъ еще привѣтствовалъ отъ души появленіе соціалъ-демократической газеты „Южный Рабочій“. Болѣе того, — онъ примкнулъ къ мѣстной Екатеринославской организаціи и два мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ по соціалъ-демократическому дѣлу.

Онъ вспомнилъ объ этомъ времени въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, о времени своихъ юныхъ надеждъ.

...Часто мы, невзгоды дѣти,
Вдали отъ лжи, разврата,
Мечтали о борьбѣ при свѣтѣ
Вечерняго заката.

Замученныхъ героевъ тѣни
Тогда шептались съ нами,
А на небѣ пылало мщеньемъ
Кровавое ихъ знамя.

Спускалась ночь надъ ихъ могилой,
Забытой, неизвѣстной,
Но намъ, объятымъ новой силой,
Былъ ясенъ сводъ небесный.

Свидѣтель тайныхъ думъ, мечтаній
И помысловъ мятежныхъ,
Онъ книгу намъ раскрылъ дѣяній
Грядущихъ, неизбѣжныхъ.

Мерцали звѣзды сиротливо
Огни вдали мерцали,
А мы страницы молчаливо
Судьбы своей читали...

Онъ уже тогда „читалъ страницы своей судьбы". И это было почти предчувствіе еще далекаго и уже неизбѣжнаго креста.

Въ ноябрѣ 1902 года окончился срокъ опредѣленнаго ему гласнаго надзора. Снова забрезжила надежда и ступить въ университетъ, окончить такъ грубо прерванное образованіе. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и лично явился къ министру народнаго просвѣщенія Ванновскому, съ просьбой зачислить его въ студенты любого изъ русскихъ университетовъ. Ванновскій чутьемъ угадалъ въ немъ „кухаркина сына". Въ просьбѣ было отказано, и отказомъ этимъ закрывались двери всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Выбора не стало. Оставалось или отказаться совсѣмъ отъ научныхъ занятій или попробовать кончить курсъ за границей. Иванъ Платоновичъ рѣшилъ ѣхать во Львовъ.

Пробывъ краткое время въ Варшавѣ, онъ въ январѣ 1902 года выѣхалъ за границу. Во Львовѣ онъ снова поступилъ на историко-филологическій факультетъ и, поселившись въ убогой комнатѣ на Лычаковской улицѣ, весь ушелъ въ книги. Это было для него время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, безпощадной критики былого міровоззрѣнія. Трудный періодъ, когда мысль выростаетъ. Скоро отъ великолѣпнаго когда-то зданія соціалъ-демократической программы остались одни обломки. Но новое еще не было найдено, и слово еще не было произнесено. Онъ опять стоялъ на распутьи.

Его колебанія были замѣтны даже не близкимъ, чуждымъ и чужимъ ему людямъ. Вотъ что пишетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ его львовскихъ знакомыхъ: „Невысокаго роста, худой блондинъ съ молодой, едва замѣтной бородкой, меланхолическими глазами, утомленнымъ лицомъ и тихимъ, несмѣлымъ голосомъ, Каляевъ сразу возбуждалъ къ себѣ симпатію и довѣріе. Его убѣжденія или, вѣрнѣе, политическія мнѣнія казались мнѣ еще не вполнѣ зрѣлыми. Этимъ я и объяснялъ себѣ, что въ разговорѣ со мной онъ никогда не причислялъ себя къ убѣжденнымъ сторонникамъ той или иной революціонной партіи. Онъ всегда стоялъ на общественной точкѣ зрѣнія, высказывая свои сужденія смѣло, но едва ли связывая ихъ въ одно цѣльное политическое міровоззрѣніе... Говорилъ онъ по-польски съ типичнымъ акцентомъ поляка, долгое время жившаго въ предѣлахъ Россіи". („Slowo Polskie" 8/IV 1905).

Въ это время уже выходила „Искра". Какъ будто въ соціалъ-демократіи повѣяло новымъ, оживляющимъ духомъ. Иванъ Платоновичъ рѣшилъ сдѣлать еще попытку, — лично познакомиться съ новымъ теченіемъ. Но по дорогѣ изъ Львова въ Берлинъ, въ пограничномъ городѣ Мысловицахъ, онъ былъ арестованъ прусскими властями. Причина такъ и осталась не разъясненной, но при обыскѣ у него нашли нѣсколько брошюръ и нумеровъ „Искры". Этого было довольно, чтобы послѣ трехнедѣльнаго ареста, выдать его Россіи и запереть на три мѣсяца въ Варшавскую цитадель. Дѣло было, конечно, ничтожное. Даже жандармскія власти не могли усмотрѣть преступленія въ храненіи на прусской территоріи нѣсколькихъ брошюръ, запрещенныхъ въ Россіи. И однако онъ былъ высланъ подъ особый надзоръ полиціи въ Ярославль и затѣмъ былъ приговоренъ еще къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Въ Ярославлѣ съ особенной силой вспыхнуло то, что тлѣло такъ долго, — съ ранняго дѣтства. Проснулась никогда не умиравшая любовь къ искусству.

О если бъ голосъ мой могъ пробуждать сердца!..

Въ тишинѣ морозныхъ ночей, подъ стоны снѣжныхъ метелей, развертывалась въ глубинѣ его души скрытая драма: служитель слова опять спорилъ съ служителемъ дѣла, революціонеръ съ поэтомъ. Было ли сомнѣніе, на чьей сторонѣ будетъ побѣда?

Въ искусствѣ онъ тоже былъ на крайней лѣвой, на сторонѣ революціи. Новыя теченія въ литературѣ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Гамсунъ, Пшибышевскій, Бѣлый, Брюсовъ, Бальмонтъ были ему дороги и близки. Въ ихъ мятежныхъ порывахъ онъ угадывалъ первыя зори новаго искусства. И онъ со страстью самъ писалъ и переводилъ стихами и прозой.

„Выйдя изъ тюрьмы, — пишетъ знавшая его по Ярославлю А. В. Тыркова, — Каляевъ еще съ большимъ жаромъ отдался своимъ эстетическимъ и метафизическимъ исканіямъ. Онъ говорилъ своимъ тихимъ и низкимъ, съ польскимъ акцентомъ, голосомъ:

„— Люди устали отъ старыхъ словъ. Старыми словами не выскажешь сложной души современнаго человѣка.

„Худой и стройный, несмотря на бѣдность своей одежды, изящный и гордый, онъ, горбясь немного, пристально смотрѣлъ на меня своими голубыми глазами, и ихъ нервный блескъ говорилъ о сложности его внутренней жизни.

„И когда онъ молчаливо, почти печально, слушалъ наши споры о партіяхъ, о программѣ, о тактикѣ, казалось, что этотъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами знаетъ что-то большое и важное. И это ставило его выше узкихъ кружковъ, мелкихъ споровъ, еще робкой тогда, оппозиціи.

„Онъ уважалъ личность другого и замыкался въ самого себя, и жилъ въ строгомъ уединеніи. И въ его тихихъ и мятежныхъ, утонченныхъ мечтаніяхъ, въ его влюбленности въ красоту и въ его стремленіи къ мистическому и безконечному было что-то чарующее и обаятельное". („L'européen" 29/IV 1905).

Въ связи и не въ противорѣчіи съ этимъ, въ „душѣ, обреченной съ дѣтства", шла другая сложная и многогранная работа. Гдѣ-то глубоко зрѣла рѣшимость, твердая готовность борьбы на жизнь и смерть. Увлеченіе догмой марксизма исчезло безслѣдно. Впереди виднѣлись уже „дѣянія грядущія, неизбѣжныя", уже „ясенъ былъ сводъ небесный", уже „душа пылала страстью бурной": выстрѣлъ Карповича и казнь Балмашова указали дорогу.

Жилъ Иванъ Платоновичъ работой въ газетѣ „Сѣверный Край". Часто наѣзжалъ въ Вологду, гдѣ былъ кружокъ народовольцевъ, его близкихъ друзей. Зима прошла въ окончательной переработкѣ міровоззрѣнія. Въ основу его легло своеобразное пониманіе Ницше и „стремленіе къ мистическому и безконечному". И эта новая философія тѣсно переплелась и сочеталась со „старыми словами", съ „нетлѣннымъ наслѣдіемъ народовольцевъ". Къ веснѣ 1903 года Иванъ Платоновичъ былъ уже вполнѣ убѣжденный и фанатически преданный дѣлу террора революціонеръ. Не доставало толчка. Такимъ толчкомъ было свиданіе съ Е. К. Брешко-Брешковской.

Сохранилась рукопись, характеризующая этотъ періодъ его жизни.

„Для всякаго, начинающаго сознавать свой долгъ передъ родиной интеллигента,—пишетъ Иванъ Платоновичъ,—кто бы онъ ни былъ,—крестьянинъ ли, Желябовъ или князь Кропоткинъ,— всегда былъ и будетъ наиболѣе мучительнымъ вопросъ: „куда итти?". Этотъ вопросъ стоялъ и передъ нами. Марксизмъ торжествовалъ тогда побѣду, но посмотрите, сколько въ ней было призрачности. Чѣмъ побѣдилъ марксизмъ народничество? Онъ перенесъ всю умѣренность культурной работы изъ деревни въ городъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были первые шаги нашихъ экономистовъ съ ихъ кружками для развитія рабочихъ, съ ихъ пропагандой на почвѣ нуждъ фабричныхъ. Стачки 1896 года открываютъ новую эру,—болѣе широкой пропаганды и агитаціи, а столкновенія съ полиціей ставятъ вопросъ политическій. Какъ же отозвалось это на нашей молодежи? Если вѣрно, съ одной стороны, что пробудившееся рабочее движеніе революціонировало студенческую молодежь, то съ другой стороны болѣе несомнѣнно, что и студенчество оказало свое вліяніе на дальнѣйшее направленіе рабочаго движенія въ Россіи. Въ этомъ отношеніи демонстрація по поводу Ходынки въ Москвѣ и въ еще большей степени демонстраціи въ Петербургѣ и въ Кіевѣ въ память Вѣт-

ровой, въ которыхъ впервые послѣ долголѣтняго перерыва сошлись студенты съ рабочими, имѣютъ безспорное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Кстати замѣчу, что демонстраціи эти не были устроены соціалъ-демократами, для которыхъ самое слово „демонстрація" казалось чѣмъ-то чудовищно страшнымъ.

„1899 годъ въ еще большей степени революціонизировалъ оппозиціонные элементы какъ такъ называемаго общества, такъ и рабочаго класса. Это былъ тотъ годъ, когда борьба между политическимъ и экономическимъ направленіями впервые разгорѣлась съ такой страстностью. Молодежь, хоть однимъ краешкомъ имѣвшая касательство къ рабочему движенію, страстно подняла знамя борьбы съ самодержавнымъ строемъ, и многимъ изъ насъ было тѣсно въ душныхъ углахъ соціалъ-демократической постепеновщины. Мы рвались на улицу и увлекали за собой рабочихъ. Даже наши соціалъ-демократы пріободрились. Курсъ „Рабочей Мысли" упалъ. „Рабочее Дѣло" должно было уступить значительную часть своего вліянія возродившейся группѣ „Освобожденіе Труда".

„1900 годъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ волненій среди рабочихъ, перешедшихъ изъ выжидательной въ наступательную позицію.

„Палъ Боголѣповъ, разразилось 4-е марта 1901 года, оживилась и литература. Съ удвоенной энергіей принялись за работу соціалъ-демократы, появились „Рабочее Знамя", „Южный Рабочій",—все съ ярко политическимъ направленіемъ.

„Наконецъ за границей начала выходить въ свѣтъ „Искра". Теперь отрадно хоть вспомнить, сколько воодушевленія вселяла „Искра" своими первыми нумерами въ революціонную молодежь. Создавалась иллюзія, что вотъ, наконецъ, наши заграничные домосѣды стряхнутъ съ себя гнетъ безвременья, чтобы пойти въ унисонъ съ нами и, идя впередъ, вернуться къ лучшимъ традиціямъ славнаго прошлаго. Но это была только иллюзія... хотя еще долго мы продолжали вѣрить, что изъ „Искры" возгорится пламя. Наши заграничные марксисты слишкомъ одряхлѣли за 15 лѣтъ безвременья, чтобы пойти въ унисонъ съ нами,—болѣе революціонными элементами изъ молодежи. Статья Вѣры Засуличъ поразила насъ своимъ безвѣріемъ и благонамѣренностью. Иллюзія все болѣе и болѣе разсѣивалась. „Искра" стала получать протесты, но тѣмъ не менѣе продолжала свое. Книжный духъ легальныхъ марксистовъ слишкомъ рано заразилъ ее своимъ чадомъ. И нужно ли удивляться, что мы встрѣтили съ нескрываемой симпатіей группу „Свобода" и съ еще большимъ восторгомъ „Революціонную Россію"?

„Мучительные вопросы революціонной тактики, расширенія революціонной работы и на деревню волновали насъ теперь еще больше, чѣмъ въ серединѣ 90-хъ годовъ вопросъ „куда итти?". Началась полемика „Искры" по дѣлу „В. О.", въ то самое время, какъ дѣйствительность опровергала ее. Становилось очевиднымъ, что даже наиболѣе яркое политическое направленіе соціалъ-демократіи не соотвѣтствуетъ жизни. „Искра" не сумѣла сдѣлаться совѣстью революціоннаго движенія, и въ то самое время, какъ волна революціоннаго движенія подымалась все выше и выше, „Искра" падала все ниже и ниже. Получился разладъ, невиданный доселѣ въ исторіи,—разладъ между боевой арміей и ея руководителями. „Искра" забилась въ тупой уголъ ортодоксіи, увлекая за собой всю соціалъ-демократію. Апоѳеозомъ этого торжества на собственной могилѣ былъ II-й съѣздъ.

„Невольно тутъ на умъ напрашивается такая параллель. Если 20 лѣтъ назадъ Плехановъ могъ возвѣщать передъ начинавшимся безвременьемъ наступленіе соціалъ-демократическаго періода, то теперь мы, пережившіе всѣ муки родовъ новаго революціоннаго теченія, съ полнымъ правомъ можемъ сказать: „соціалъ-демократическій періодъ кончился, наступилъ періодъ соціально-революціонный".

Таковъ въ главныхъ чертахъ взглядъ Ивана Платоновича на ходъ развитія русской революціи въ десятилѣтіе, непосредственно предшествовавшее 1905 году. Таково и развитіе его революціонныхъ мнѣній. Онъ пережилъ всю „муку родовъ" новаго движенія, и когда-то ортодоксальный соціалъ-демократъ сталъ, въ концѣ концовъ, въ политикѣ убѣжденнымъ народовольцемъ.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь всѣ тревоги его изстрадавшейся въ безплодныхъ поискахъ души слились въ одно непобѣдимое и побѣдное желаніе:

...Видѣть лишь свободы блескъ пурпурный,
Разсѣять мракъ насилья вѣковой,
И, маску лжи сорвавъ съ лица злодѣя,
Вдругъ обнажить его смертельный страхъ
И бросить всѣмъ тиранамъ, не робѣя,
Стальной руки неотразимый взмахъ...

Кто же онъ былъ, когда шелъ въ бой, когда брался за кровавое дѣло террора? Какіе пути привели его къ крови? „Ему вслѣдъ за Пшибышевскимъ казалось,—пишетъ неизвѣстный авторъ посвященной Ивану Платоновичу рукописи,—что точность и ясность, конечно, необходимыя человѣческому мышленію, до извѣстной степени обѣдняютъ его, сушатъ, отвлекаютъ отъ другихъ столь же продуктивныхъ формъ мышленія. Пшибышевскій назвалъ ихъ „дорогой души", въ противоположность дорогѣ мозга. Идя по прямой и спокойной дорогѣ мозга, человѣкъ доходитъ до своего твердаго и непоколебимаго: дважды два—четыре. Но извилистой, протянувшейся надъ пропастью, дорогой души онъ идетъ къ другимъ открытіямъ. Эти открытія,—открытія чувства, символа, трепетнаго, неяснаго, но манящаго за собой осложненные умы, новыя комбинаціи мысли".

Ницше, индивидуалистъ-аристократъ, Ницше, презиравшій „слишкомъ многихъ", толпу, этихъ viel zu vielen, нивелирующихъ личность, а съ нею все, что „блеститъ золотомъ", т.-е. власть, могущество, жестокую гордость,—вотъ Ницше, бросающійся въ глаза. Но для такихъ людей, какъ Каляевъ, подходившихъ къ Ницше черезъ болѣе вдумчивое пониманіе его ученія, для Пшибышевскаго и другихъ „новыхъ писателей", безконечно важнѣе были въ ницшеанствѣ не эти колючіе парадоксы философа. Каляева манилъ, имъ владѣлъ Ницше—моралистъ, указавшій на высшую мораль „любви къ дальнему" за счетъ низшей любви къ „ближнему", Ницше, съ давно небывалой страстностью превозносившій стремленіе къ „вещамъ и признакамъ", Ницше психологъ, лучше и глубже другихъ проникшій въ психологію борьбы, въ психологію служенія прогрессу, по его терминологіи, въ „творчество будущаго". Каляевъ считалъ ученіе Ницше глубоко революціоннымъ именно своимъ презрѣніемъ къ страданію, презрѣніемъ къ настоящему ради созданія будущаго. И ищущій и ненасытный умъ Каляева сплеталъ рафинированное ницшеанство съ воинствующимъ соціализмомъ. И при цѣльности его натуры это совпаденіе было, конечно, не случайно. („Литературно-философскіе взгляды Каляева").

Да, оно было не случайно. Но имъ не исчерпывалась вся сложность его душевныхъ переживаній. Было еще что-то, расцвѣтшее уже много позже, передъ смертью. Была молитва, была несказанная и имъ непонятая, робкая и тайная вѣра:

Христосъ, Христосъ! Тяжелъ нашъ крестъ земной,
Который мы несемъ всѣ отъ рожденья,
Не вѣдая, въ чемъ наши преступленья,
За что мы такъ наказаны судьбой.
Христосъ, Христосъ! Тернисты всѣ пути,
Идущіе на мрачную Голгоѳу,
Нашъ стонъ не слышенъ Богу-Саваоѳу.
Ахъ, сколько жертвъ еще намъ принести?..
Христосъ, Христосъ! Нѣтъ правды на землѣ,
Хотя она вся кровью пропиталась,
И эта кровь не разъ воспламенялась.
Попрежнему коснѣетъ міръ во злѣ.
Христосъ, Христосъ! Слѣпитъ насъ жизни мгла.
Ты намъ открылъ все небо, ночь разсѣявъ,
Но храмъ опять во власти фарисеевъ.
Мессіи нѣтъ,—Іудамъ нѣтъ числа...
Мы жить хотимъ! Надъ нами ночь виситъ.
О, неужель вновь нужно искупленье,
И только крестъ намъ возвѣститъ спасенье?..
Христосъ, Христосъ!.. Но все кругомъ молчитъ.

Все молчало кругомъ. Часъ искупленія приближался.

Осенью 1903 года Иванъ Платоновичъ прибылъ въ Женеву. Онъ былъ спокоенъ. Тревоги его миновали, и онъ уже твердо зналъ, „куда итти" и „какъ жить". Только на самомъ днѣ сердца была еще мука. Сердечная мука убійства и крови. Съ нею прожилъ онъ свою жизнь и съ нею же умеръ:

Благословенъ, кто въ бой ушелъ
Съ тоской и радостью пророка,

Вѣнецъ онъ счастья въ нихъ обрѣлъ,
И не умретъ онъ одиноко.
Благословенъ, кто въ бой унесъ
Въ живой душѣ живого Бога,
Въ предсмертный часъ печатью слезъ
Не омрачитъ его тревога.
Но трижды тотъ благословенъ,
Кто въ бой ушелъ съ сердечной мукой...

Періодъ исканія кончился. Развертывалась послѣдняя страница его жизни. Онъ сталъ членомъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Это было во время Плеве. Организованный терроръ, начатый еще при Г. А. Гершуни, вступалъ во второй фазисъ своего развитія. Впервые, послѣ „Народной Воли", во главу угла былъ положенъ динамитъ. Сообразно съ этимъ конструировалась заново организація и измѣнялись старые, испытанные еще Балмашовымъ, методы борьбы. „Б. О." приняла характеръ замкнутой, строго изолированной, автономной и подчиненной своимъ собственнымъ законамъ организаціи. Законы эти были обязательны для каждаго члена. Они, конечно, были обязательны и для Ивана Платоновича. И онъ признавалъ ихъ. Онъ смотрѣлъ на терроръ, какъ на подвигъ, и требовалъ отъ себя полнаго отрѣшенія отъ жизни, своего рода монашеской схимы. Онъ долго и молча готовился къ ней и принялъ ее радостно и смиренно, какъ легкое бремя и какъ желанную жертву. На этой жертвѣ онъ строилъ все зданіе террора. Безъ драконовой дисциплины не могло быть организаціи, безъ организаціи не могло быть успѣха. А вѣдь онъ, по его же словамъ, брался за динамитъ „не для висѣлицы, а для побѣды". Онъ умѣлъ желать и желалъ побѣды непрерывно, страстно и напряженно. И въ напряженіи желанія былъ уже залогъ его исполненія.

Но быть членомъ „Б. О." не значило для него подчиняться безпрекословно. Онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и совѣсти, не считаясь ни съ авторитетами ни съ условной формой. Въ Женевѣ одинъ изъ членовъ Центральнаго Комитета предложилъ ему взять на себя устраненіе одного лица, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ полиціей. Иванъ Платоновичъ не принималъ участія въ разслѣдованіи этого дѣла, онъ не имѣлъ возможности лично убѣдиться въ справедливости обвиненія, и наотрѣзъ отказался. Могъ ли онъ „убивать на вѣру"?

8-го января 1904 года онъ выѣхалъ нелегально въ Россію и первое время оставался въ резервѣ. Конецъ января и февраль прошли для него въ постоянныхъ разъѣздахъ по мелкимъ порученіямъ организаціи: за паспортами, за деньгами и проч. Даже въ сношеніяхъ съ центральными людьми партіи онъ упорно хранилъ молчаніе. Отъ него нельзя было добиться ни слова ни о составѣ, ни о планахъ, ни о положеніи дѣлъ „Б. О." Только строгая тайна обезпечивала успѣхъ, и онъ ревниво оберегалъ ее. Малѣйшій намекъ на внутреннія дѣла организаціи онъ принималъ, какъ нескромное, почти преступное любопытство. Весь міръ дѣлился для него на двѣ неравныя части: въ предѣлахъ и за предѣлами „Б. О.". Все, что прямо или косвенно относилось къ организаціи, что хоть въ отдаленной степени могло способствовать возрожденію террора, было для него дорого и цѣнно. Все остальное покрылось дымкой тумана, какъ незначительное и безполезное, почти ненужное. Онъ былъ прежде всего террористъ и затѣмъ уже членъ партіи, признающій ея программу и подчиненный верховному органу—Центральному Комитету.

„Мы слишкомъ связаны и нуждаемся въ большей самостоятельности,—писалъ онъ впослѣдствіи.—Таковъ мой взглядъ, который я теперь буду защищать безъ уступокъ „до конца".

Въ организованномъ террорѣ онъ видѣлъ залогъ террора стихійнаго и въ террорѣ стихійномъ переходную ступень къ возстанію народа, къ вѣнцу революціи.

И онъ не могъ примириться со служебной ролью „Б. О.".

Въ мартѣ онъ впервые познакомился со Швейцеромъ, Сазоновымъ, Покотиловымъ. Онъ нѣжно, всѣмъ сердцемъ привязался къ нимъ. Онъ видѣлъ въ нихъ не только товарищей, не только кровныхъ дѣтей „Народной Воли". Онъ воплощалъ въ нихъ организацію. Въ ихъ лицѣ онъ любилъ ея далекое прошлое и ея неизвѣстное будущее, тѣхъ, что были, и тѣхъ, что будутъ. Въ ихъ же лицѣ онъ видѣлъ символъ высшаго служенія народу, того беззавѣтнаго и самоотреченнаго служенія, которое, по его мнѣнію, составляло глубочайшую сущность „Б. О.". Онъ былъ всегда и вездѣ „всѣмъ сердцемъ" съ ними, съ „милыми, дорогими, незабвенными", онъ поистинѣ всегда раздѣлялъ „всѣ ихъ радости и тревоги". И въ то же время онъ былъ поэтомъ „Б. О.". Онъ вносилъ вдохновеніе въ работу, почти религіозный экстазъ, экстазъ своего „безудержнаго гнѣва".

Я въ битву шелъ, какъ духомъ гордый левъ,
Мой спутникъ былъ—завѣтъ отцовъ нетлѣнный...

Тревогъ было больше, гораздо больше, чѣмъ радостей,—тревогъ дѣловыхъ, ежедневныхъ и мелкихъ. И онъ не жилъ личной жизнью и забывалъ о себѣ и „страдалъ страданьемъ другихъ".

18-го марта было первое покушеніе на Плеве. Оно было дерзко. Метальщики собрались на Фонтанкѣ, у самаго зданія Департамента Полиціи, и цѣпью растянулись къ Невѣ. По диспозиціи Ивану Платоновичу не досталось снаряда. Онъ былъ несказанно опечаленъ этимъ. Не вооруженный, онъ стоялъ на Цѣпномъ мосту въ качествѣ сигналиста, и въ полѣ его зрѣнія была вся Пантелеймоновская улица. Онъ долженъ былъ дать знакъ Покотилову, если бы Плеве поѣхалъ по ней. Кругомъ, на мосту, на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада сновали агенты. Ихъ были десятки, и они тоже ждали выѣзда Плеве. Въ этомъ полицейскомъ гнѣздѣ Иванъ Платоновичъ стоялъ неподвижно, словно онъ приросъ къ камнямъ мостовой, забывъ про рискъ и презирая опасность. Покушеніе не удалось, и Плеве проѣхалъ къ Царю благополучно. А онъ все еще стоялъ на своемъ опасномъ посту, какъ будто на что-то надѣясь, чего-то еще ожидая. И ушелъ послѣднимъ, когда метальщики давно разошлись.

Эта неудача была первымъ несчастьемъ. За нимъ послѣдовало второе, еще болѣе неожиданное и тяжкое. Въ ночь на первое апрѣля, наканунѣ новаго покушенія, въ Сѣверной гостиницѣ погибъ отъ случайнаго взрыва А. Д. Покотиловъ. Его смерть предостерегала. Грозила Плеве, но грозила и организаціи. Иванъ Платоновичъ былъ потрясенъ ею. Онъ еще больше замкнулся въ работу, еще тщательнѣе сталъ слѣдить за собой, еще строже сталъ относиться къ террору. „Сынъ народнаго горя и крови", онъ нашелъ въ себѣ силы пережить эти первыя неудачи и, обновленный, уже какъ сталь закаленный, опять вѣрилъ и звалъ къ побѣдѣ:

Довольно слезъ! Пусть грянетъ бой побѣдный!
Народъ зоветъ,—преступно, стыдно ждать...
Рази врага, мой честный мечъ наслѣдный,—
Я твой, весь твой, о, родина, о, мать!..

10-го мая наблюденіе за Плеве было расширено и дополнено. Иванъ Платоновичъ подъ именемъ и по подложному паспорту крестьянина Подольской губерніи, Ушицкаго уѣзда, Іосифа Коваля, получилъ „патентъ на продажу табачныхъ издѣлій". Онъ поселился въ грязномъ углу, въ дальнемъ концѣ Фонтанки и цѣлый день проводилъ на улицѣ, продавая папиросы и наблюдая за Плеве. Онъ жилъ голодной жизнью разносчика, полу-босяка и полу-рабочаго. Спалъ, не раздѣваясь, въ биткомъ набитомъ людьми коридорѣ и до поздней ночи бродилъ около дачи министра, не зная отдыха, не зная усталости, преслѣдуемый полиціей и такими же, какъ и онъ, „разносчиками—его конкурентами". „Не смѣйтесь,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ немногочисленныхъ писемъ, — бывало хуже, чѣмъ объ этомъ можно разсказать, душѣ и тѣлу; холодно, непривѣтливо и безнадежно за себя и за другихъ, за всѣхъ насъ, дальнихъ и близкихъ". И въ то время, какъ Осипъ Коваль откупался пятаками отъ городовыхъ, угощалъ водкой старшаго дворника и униженно ломалъ шапку передъ его благородіемъ господиномъ приставомъ,—Иванъ Каляевъ замѣчалъ каждый выѣздъ неуловимаго Плеве, зналъ въ лицо всѣхъ агентовъ охраны и могъ безошибочно указать, гдѣ и когда можно встрѣтить карету министра. Да, было „холодно, непривѣтливо и безнадежно". Онъ жилъ одиноко, почти не встрѣчаясь съ товарищами, избѣгая лишнихъ свиданій, считая ихъ роскошью, едва ли не преступленіемъ, отверженный отъ себя самого, затерянный среди милліоннаго города, и все-таки „достойный своихъ цѣпей" и все-таки „неподкупный въ своей идеѣ".

Къ концу іюня наблюденіе было закончено. Рядъ провѣренныхъ указаній намѣчалъ наиболѣе удобный планъ покушенія. Иванъ Платоновичъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ свое

непосредственное участіе въ немъ. Участіе съ бомбой въ рукахъ. Онъ спорилъ съ Сазоновымъ о чести перваго нападенія на Плеве и былъ опечаленъ глубоко, что „уступилъ и не былъ настойчивъ“. Онъ былъ болѣе, чѣмъ „настойчивъ“. Онъ сохранилъ за собой второе, быть-можетъ, еще болѣе опасное и болѣе отвѣтственное мѣсто.

Но судьба словно испытывала его. Его вѣру, его выносливость, его преданность дѣлу. Она готовила еще одну неудачу. Послѣднюю. Могъ ли онъ знать, что она будетъ послѣдней?

На 8-е іюля было опять назначено покушеніе. На этотъ разъ, казалось, все было тщательно предусмотрѣно, всѣ случайности взвѣшены, всѣ возможности учтены. По диспозиціи Иванъ Платоновичъ долженъ былъ бросить снарядъ лишь въ случаѣ, если бомба не взорвется или взорвется неудачно. Онъ не имѣлъ права дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ товарищей. Онъ былъ только звеномъ,—неизбѣжнымъ,—въ той цѣпи, которая тѣснымъ кольцомъ должна была окружить Плеве. Но Сазоновъ опоздалъ на нѣсколько минутъ на свиданіе, и Швейцеръ не успѣлъ передать ему бомбу. Вышла задержка. Она отразилась на всѣхъ: изъ остальныхъ метальщиковъ только Иванъ Платоновичъ во-время получилъ снарядъ. Съ этимъ снарядомъ въ рукахъ онъ вышелъ на Измайловскій проспектъ и лицомъ къ лицу встрѣтился съ Плеве. Онъ спокойно пропустилъ его мимо себя. Спокойно вернулъ бомбу Швейцеру и спокойно разсказалъ о своей непредвидѣнной встрѣчѣ. Онъ даже не подумалъ бросить въ карету снарядъ. Почему?.. Онъ не имѣлъ права. Онъ бы нарушилъ законы „Б. О.“, онъ бы поставилъ на карту самую возможность террора.

15-го іюля, въ четвергъ, въ восемь часовъ утра онъ пріѣхалъ съ варшавскимъ поѣздомъ въ Петербургъ и черезъ часъ былъ уже на мѣстѣ свиданія—въ скверѣ у церкви Покрова на Садовой. Тамъ собрались всѣ непосредственные участники покушенія. Планъ оставался все тотъ же: взорвать карету министра, въ пути ея слѣдованія отъ дачи министра, на Аптекарскомъ островѣ, къ Балтійскому вокзалу, гдѣ Плеве ожидалъ поѣздъ для ежедневнаго доклада Царю. Мѣстомъ покушенія былъ избранъ Измайловскій проспектъ отъ Первой роты до Обводнаго канала и часть канала между Балтійскимъ и Варшавскимъ вокзалами. Другого мѣста и нельзя было выбрать. Плеве тщательно мѣнялъ свой маршрутъ и неизмѣнно проѣзжалъ только по этой дорогѣ. Время было точно извѣстно. Курьерскій поѣздъ отходилъ въ 10 часовъ, и Плеве никогда не опаздывалъ. Четверо метальщиковъ двинулись гуськомъ, на разстояніи 40 шаговъ другъ отъ друга, съ Покровской площади, по Петергофскому проспекту и налѣво, перейдя мостъ, по Обводному каналу. Прямо навстрѣчу каретѣ министра. Первый метальщикъ долженъ былъ пропустить ее мимо себя и бросить снарядъ лишь въ томъ случаѣ, если Плеве, послѣ возможной всегда неудачи, повернетъ обратно домой. Вторымъ шелъ Сазоновъ, въ формѣ желѣзнодорожнаго служащаго. Ему принадлежалъ первый ударъ. Третьимъ—Иванъ Платоновичъ въ фуражкѣ швейцара. Онъ, какъ и раньше, былъ въ помощь Сазонову. Если бы бомба не разорвалась, если бы Сазоновъ случайно уронилъ снарядъ, Иванъ Платоновичъ долженъ былъ выступить на сцену. Послѣднимъ, четвертымъ, въ далекомъ резервѣ шелъ Сикорскій.

Уже выйдя на Обводный каналъ, Иванъ Платоновичъ замѣтилъ, что Плеве долженъ сейчасъ проѣхать. Улица приняла необычный видъ. Появились усиленные наряды полиціи, агенты охраны расположились на всѣхъ углахъ, на мостахъ, у воротъ, у вокзаловъ, а пристава не покидали своихъ постовъ и напряженно слѣдили за публикой. Подходя къ Варшавскому вокзалу, Иванъ Платоновичъ увидѣлъ, какъ Сазоновъ вдругъ поднялъ голову и сразу ускорилъ шагъ, и, держась все той же дистанціи, вышелъ на мостъ. Здѣсь, съ моста, онъ увидѣлъ, какъ отъ земли поднялся вдругъ громадный, воронкообразный, желтый, по краямъ черно-сѣрый столбъ пыли и дыма, на высотѣ пятаго этажа покрывшій всю улицу. Увидѣлъ обломки кареты въ дыму. Услышалъ взрывъ. Пошатнулся отъ налетѣвшаго вихря. Мимо промчались, хрипя, окровавленныя лошади, волоча остатки колесъ. Побѣжали толпы народа... Предстояло рѣшить, бросить ли также свой снарядъ или, согласно плана, въ случаѣ полной удачи, отойти въ условленное заранѣе мѣсто свиданія. Онъ колебался мгновеніе. Потомъ стало ясно, что Плеве убитъ. Онъ медленно повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Сикорскому. Сикорскаго уже не было. Какъ оказалось потомъ, онъ былъ арестованъ на Невѣ, въ лодкѣ, когда хотѣлъ утопить свою бомбу.

15-е іюля было побѣдой. Той побѣдой, которой Иванъ Платоновичъ такъ страстно желалъ. Минуты горя, дни одиночества и тоски, и тяжелой работы, холодъ, голодъ, напряженье всѣхъ силъ и ложь нелегальной жизни не прошли даромъ, не пропали безслѣдно. Случилось событіе, громадное по послѣдствіямъ, неожиданное по результатамъ. Словно плотину прорвало. Словно вся страна, тяжко вздыхая, ожидала лишь смерти временщика, чтобы проснуться и ожить:

Замеръ въ нѣмомъ смятеньи гранитъ,
Волны все мчатся, волна волну гонитъ.
Скоро девятый валъ набѣжитъ,
Крѣпость насилья въ волнахъ похоронитъ...

Онъ уѣхалъ опять за границу. Былъ ли онъ счастливъ?.. Что дали ему эти мѣсяцы, эти долгіе дни, когда онъ жилъ убійствомъ и смертью? „Чувствую себя однимъ и крѣплюсь,—писалъ онъ изъ Брюсселя,—однимъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ, однимъ, но нераздѣльно съ вами“. Въ счастье побѣды вплелась острая мука крови—крови не только Сазонова, но и Плеве. И онъ былъ, какъ и всегда и вездѣ, одинокъ.

За границей онъ полюбилъ Михаила Гоца. Онъ угадалъ въ этомъ прикованномъ къ креслу тѣлѣ неумирающую силу Духа Святого. Онъ нашелъ въ Гоцѣ учителя, брата и друга. И все-таки онъ былъ одинокъ. Послѣ убійства Плеве, послѣ долгихъ мѣсяцевъ борьбы, опять загорѣлись въ немъ яркія звѣзды того огня, который согрѣвалъ ему сердце. Онъ не любилъ православной церкви, онъ неохотно принялъ икону изъ рукъ великой княгини Елизаветы и передъ смертью отказался отъ утѣшенія священника. „Въ моемъ выраженіи „молиться“, — пишетъ онъ много позже, уже изъ тюрьмы, въ письмѣ къ той же великой княгинѣ, — нѣтъ ничего такого, что могло бы подать поводъ къ обольщенію насчетъ твердости моихъ убѣжденій. Да, я дѣйствительно молился за успѣхъ моей партіи, какъ представительницы народа въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Я отдалъ всего себя дѣлу борьбы за свободу рабочаго народа, и всѣ мои страданія и надежды облеклись въ ненависть къ самодержавію. Въ этомъ смыслѣ дѣло Боевой Организаціи 4-го февраля было и моимъ личнымъ дѣломъ, и я исполнилъ его съ истинно религіозной преданностью. Въ этомъ смыслѣ я „религіозный“ человѣкъ, но моя религія—соціализмъ и свобода, а не мракъ и насиліе“. Его религіей, именно религіей, были соціализмъ и свобода. Ихъ завѣщалъ Христосъ, Христосъ-Искупитель, великомученикъ всего человѣчества. И по завѣтамъ Его „больше той любви никто не имать, да кто за други своя положитъ душу свою“. Не только жизнь, но и душу. Кто во имя любви приметъ крестную муку, тягчайшее изъ страданій. И онъ молитвенно любилъ Христа и уже постигалъ великую тайну любви:

Есть думы,—думы безъ конца,
Есть чувства,—чувства безъ причины,
То думы Бога и Творца,
То чувства духа-исполина.
Благоговѣйно внемлетъ міръ
Паренью думы безпредѣльной,
Ей вторитъ духовъ стройный клиръ
Во славу Силы, вѣчно цѣльной.
Въ ней жизнь, борьба и торжество,
Въ ней красота, и медъ, и млеко,
И кто въ ней видѣлъ Божество,
Тотъ видѣлъ славу человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ, въ предсмертномъ письмѣ къ товарищамъ, онъ пишетъ: „Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто бы то, что случилось со мной, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и зрѣло въ тайникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ“.

Эта ненависть, эта месть были рождены чистой, всепобѣждающей, Христовой любовью. Онъ не былъ со Христомъ, но Христосъ былъ съ нимъ, ибо „Азъ есмь путь, и истина, и животъ“.

Въ началѣ ноября 1904 года онъ опять нелегально выѣхалъ въ Россію, на этотъ разъ въ Москву, на великаго князя Сергѣя. Снова потянулись хмурые дни наблюденія. Онъ купилъ лошадь и

сани и превратился въ московскаго „ваньку", въ извозчика, мерзнущаго по ночамъ на Тверской. Великій князь ждалъ покушенія. Онъ въ страхѣ метался и мѣнялъ дворцы, спасаясь отъ смерти, уже неизбѣжной, уже подкрадывавшейся къ нему. Изъ дома генералъ-губернатора онъ ночью, въ декабрѣ, переѣхалъ въ Нескучное и черезъ нѣсколько дней опять перемѣнилъ мѣсто жительства. Теперь онъ скрывался въ Кремлевскомъ дворцѣ, за тройной оградой, подъ охраной солдатскихъ штыковъ. Это сильно мѣшало наблюденію. Но Иванъ Платоновичъ былъ неутомимъ. Онъ едва держался отъ усталости на ногахъ, едва справлялся съ закладкой, едва находилъ въ себѣ силы дни и ночи просиживать на козлахъ, и все-таки, какъ тѣнь, скользилъ за великимъ княземъ, невидимый и неотвратимый. Къ концу января онъ уже изучилъ всѣ привычки великаго князя. Указанія были провѣрены, были дополнены всѣмъ составомъ наблюдающей организаціи, и на 2-е февраля было назначено покушеніе. Иванъ Платоновичъ сталъ готовиться къ смерти.

„Вокругъ меня, со мной и во мнѣ сегодня ласковое, сіяющее солнце,—писалъ онъ 22-го января 1905 года.—Точно я оттаялъ отъ снѣга и льда, холоднаго унынія, униженія, тоски по несовершенномъ и горечи отъ совершающагося. Сегодня мнѣ хочется только тихо сверкающаго неба, немножко тепла и безотчетной, хотя бы, радости изголодавшейся душѣ. И я радуюсь, самъ не зная, чему, безпредметно и легко, хожу по улицамъ, смотрю на солнце, на людей и самъ удивляюсь, какъ это я могу такъ легко уходить отъ впечатлѣній зимней тревоги къ самымъ увѣреннымъ предвкушеніямъ весны... Я хочу быть сегодня беззаботно сіяющимъ, безтревожно радостнымъ, веселымъ, какъ это солнце, которое манитъ меня на улицу подъ лазоревый шатеръ нѣжно-ласковаго неба. Здравствуйте же, всѣ друзья, строгіе и привѣтливые, бранящіе насъ и болѣющіе съ нами. Здравствуйте, добрые мои дорогіе дѣтскіе глазки, улыбающіеся мнѣ такъ же наивно, какъ эти бѣлые лучи солнца на тающемъ снѣгу"...

Онъ шелъ на смерть, какъ на праздникъ. Его душа измучилась и „изголодалась". Наступалъ часъ послѣдней скорби.

Я счастье высшее обрѣлъ
Въ преддверьѣ сумрачной могилы:
Такъ въ бурю крѣпнутъ въ дубѣ силы,
Когда его ужъ цвѣтъ отцвѣлъ...

Вечеромъ, въ среду 2-го февраля, великій князь долженъ былъ посѣтить въ Большомъ театрѣ спектакль, устроенный въ пользу склада великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Мѣстомъ покушенія была выбрана Воскресенская площадь. Двое метальщиковъ ожидали съ восьми часовъ вечера кареты великаго князя. Иванъ Платоновичъ ждалъ около Думы. Иниціатива нападенія принадлежала ему. Не могло быть сомнѣнія въ успѣхѣ. И все-таки Сергѣй Александровичъ не былъ убитъ. Произошло событіе рѣдкое по своему значенію, быть-можетъ, единственное въ исторіи русской революціи.

Въ началѣ 8-го часа карета великаго князя, блестя своими яркими и бѣлыми огнями, поровнялась съ Иваномъ Платоновичемъ. Одѣтый по-простонародному, въ поддевку, онъ подбѣжалъ къ ней, поднялъ руку и тотчасъ же опустилъ ее. Въ каретѣ, кромѣ Сергѣя Александровича, сидѣла еще женщина и дѣти, какъ оказалось впослѣдствіи, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна и дѣти великаго князя Павла,—Дмитрій и Марія Павловна... Опуская руку, онъ рисковалъ не только собой. Онъ рисковалъ тѣмъ, что было ему безконечно дороже жизни,— организаціей, дѣломъ, товарищами, наконецъ самой возможностью успѣха. Но могъ ли онъ убить женщину? Могъ ли забыть „дѣтскіе дорогіе глазки"?.. „Лишенье васъ жизни,—писалъ онъ изъ тюрьмы великой княгинѣ,—не входило въ планъ дѣйствія Боевой Организаціи, и ваша смерть была бы ненужной случайностью, противъ которой организація шла обдуманно. Съ этой точки зрѣнія интересовъ организаціи я, тая въ себѣ ненависть ко всему царствующему дому, думалъ о васъ, молился за васъ. Да, я молитвенно не желалъ вашей гибели, въ той же степени сознанія, въ какой я сдѣлалъ все отъ меня зависящее для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ нападенія на великаго князя. То обстоятельство, что вы остались въ живыхъ, это также моя побѣда, которой, послѣ убійства великаго князя, я былъ радъ вдвойнѣ".

Онъ молился за великую княгиню, „молитвенно не желалъ ея гибели", думалъ о ней. О ней, а не о собственной жизни, не о своемъ спасеніи. Онъ вѣдь зналъ, что вечеромъ, на пустынной площади, около Думы, онъ могъ бы легко скрыться, и онъ пренебрегъ этимъ. Пренебрегъ ради тѣхъ, противъ кого онъ „таилъ въ себѣ ненависть". А впослѣдствіи его судили, какъ убійцу.

Поздно вечеромъ пришелъ онъ на свиданіе въ Александровскій садъ и разсказалъ о томъ, что было. Вѣрный долгу „Б. О.", онъ даже и на этотъ разъ счелъ нужнымъ подавить свое личное чувство. Сталъ вопросъ: возможно ли покушеніе на обратномъ пути, послѣ спектакля. Онъ настойчиво просилъ не считаться съ его состояніемъ и имѣть въ виду лишь интересы организаціи. Онъ предлагалъ бросить бомбу въ карету, даже если въ ней опять будутъ великая княгиня и дѣти. „Будь вы въ каретѣ, вы также погибли бы",—говоритъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ... Онъ былъ готовъ положить жизнь, не только жизнь, но и душу. И въ этомъ была его послѣдняя жертва.

Было рѣшено подождать окончанія спектакля. До глубокой ночи бродилъ онъ по площади съ бомбой въ замерзшихъ рукахъ. Было вѣтрено, морозно и снѣжно... Великій князь вернулся во дворецъ опять не одинъ, опять съ княгиней и дѣтьми. Иванъ Платоновичъ отдалъ свой снарядъ Дорѣ Бриллiантъ и ушелъ ночевать. Въ это позднее время онъ не могъ итти уже ни на постоялый дворъ, ни въ гостиницу. Онъ провелъ ночь на улицахъ безлюдной Москвы, грѣясь у костровъ и заходя въ открытыя ночью чайныя.

Въ пятницу, черезъ день, 4-го февраля, великій князь долженъ былъ, по обыкновенію, прибыть днемъ въ свою канцелярію, въ домъ генералъ-губернатора, на Тверской. Съ 2-хъ часовъ Иванъ Платоновичъ со снарядомъ, завернутымъ въ бумажный платокъ, находился уже въ Кремлѣ, у памятника Александру II. Отсюда онъ ясно видѣлъ крыльцо великокняжескаго дворца и не могъ не замѣтить кареты. Въ началѣ третьяго часа ко дворцу были поданы лошади. Онъ узналъ кучера Рудинкина и понялъ, что выѣзжаетъ именно князь, а не княгиня. Тогда онъ медленно пересѣкъ площадь, обогнулъ дворецъ и мимо зданія суда прошелъ черезъ Никольскія ворота къ Историческому музею и Иверской. Тамъ постоялъ онъ минуту и такъ же медленно повернулъ обратно. На обратномъ пути, у зданія суда онъ встрѣтилъ великаго князя. „Противъ всѣхъ моихъ заботъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ товарищамъ,—я остался 4-го февраля живъ. Я бросалъ на разстояніи 4-хъ шаговъ, не болѣе, съ разбѣга въ упоръ, я былъ захваченъ вихремъ взрыва, видѣлъ, какъ разрывается карета... Послѣ того, какъ облако разсѣялось, я оказался у остатковъ заднихъ колесъ. Помню, на меня пахнуло дымомъ и щепками прямо въ лицо, сорвало шапку. Я не упалъ, а только отвернулъ лицо. Потомъ увидѣлъ шагахъ въ пяти отъ себя, ближе къ воротамъ, комья великокняжеской одежды и обнаженное тѣло... Въ шагахъ десяти, за каретой, лежала моя шапка, я подошелъ, поднялъ ее и надѣлъ. Я оглядѣлся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висѣли клочья, и вся она обгорѣла. Съ лица обильно лилась кровь, и я понялъ, что мнѣ не уйти, хотя было нѣсколько долгихъ мгновеній, когда никого не было вокругъ. Я пошелъ... Въ это время послышалось сзади: „держи, держи!"—и на меня чуть не наѣхали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладѣли мной. Я не сопротивлялся. Вокругъ меня засуетились городовой, околоточный и сыщикъ, противный... „Смотрите, нѣтъ ли револьвера? Ахъ, слава Богу, и какъ это меня не убило, вѣдь мы были тутъ же",—проговорилъ, дрожа, этотъ охранникъ. Я пожалѣлъ, что не могу пустить пулю въ этого доблестнаго труса. „Чего вы держите, не убѣгу, я свое дѣло сдѣлалъ",—сказалъ я... (я понялъ тутъ, что оглушенъ). „Давайте извозчика... Давайте карету". Мы поѣхали черезъ Кремль на извозчикѣ, и я задумалъ кричать: „Долой проклятаго Царя, да здравствуетъ свобода, долой проклятое правительство, да здравствуетъ партія соціалистовъ-революціонеровъ!" Меня привезли въ городской участокъ. Я вошелъ твердыми шагами. Было страшно противно среди этихъ жалкихъ трусишекъ... И я былъ дерзокъ, издѣвался надъ ними... Меня привезли въ Якиманскую часть, въ арестный домъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ"...

Свершилось...

Мигъ одинъ,—и жизнь уходитъ,
Точно скорбный, скучный сонъ,
Таетъ, тѣнью дальней бродитъ,
Какъ вечерній тихій звонъ.
Только сбросилъ съ глазъ повязки
Первыхъ юношескихъ лѣтъ,—
Мигъ,—и нѣтъ волшебной сказки,
Облеченной въ яркій цвѣтъ.
Лишь за гранью сновидѣнья
Воскресаетъ все на мигъ:
Жизни прожитой мученья
И мечты далекой ликъ.
Мы, ограбленные съ дѣтства,
Жизни пасынки слѣпой:
Что досталось намъ въ наслѣдство?
Месть и скорбь, да стыдъ нѣмой...
Мигъ одинъ,—и жизнь уходитъ...

На порогѣ жизни ему досталось наслѣдство—„скорбь и месть, да стыдъ нѣмой“. Что же оставилъ онъ намъ, умирая? „Революція дала мнѣ счастье,—писалъ онъ изъ тюрьмы товарищамъ,—которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть—это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть послѣднимъ протестомъ противъ міра крови и слезъ и могу только сожалѣть, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, какъ вызовъ самодержавію“.

Онъ посвятилъ свою смерть революціи и свою жизнь — тяжкому дѣлу террора. Почему избралъ онъ этотъ путь? Въ чемъ видѣлъ онъ „природу и цѣли“ террористическихъ актовъ? „Терроръ—только одно изъ орудій, одна изъ формъ борьбы, признаваемыхъ партіей,—говорилъ онъ на судѣ.—Лишь въ неразрывной, органической связи со всѣми прочими видами и средствами борьбы, терроръ служитъ въ послѣднемъ счетѣ цѣли ниспроверженія существующаго режима. Стачки, какъ форма непосредственнаго экономическаго столкновенія эксплуатируемыхъ рабочихъ съ ихъ прямыми угнетателями, какъ исходная точка для логическаго развитія событій и столкновенія рабочихъ со всѣмъ существующимъ строемъ. Демонстраціи, какъ открытое заявленіе своихъ политическихъ убѣжденій и требованій. Аграрныя волненія, какъ попытки осуществленія правъ рабочаго земледѣльческаго населенія, попираемыхъ вѣками. Вооруженное сопротивленіе насиліямъ и репрессіямъ правительства, стремящагося подавить, растоптать, запугать подымающіяся противъ него силы. Терроръ, какъ отпоръ и какъ нападеніе, дезорганизующее правительство и облегчающее задачу натиска на него всѣми другими средствами. Наконецъ вооруженное народное возстаніе, какъ увѣнчаніе всей этой системы борьбы,—такова многосложная, разносторонняя и идущая прямо къ цѣли боевая тактика партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

На ряду съ терроромъ, хотя и подчеркивая его первенствующее значеніе, онъ признавалъ агитацію и пропаганду, стачки, демонстраціи и аграрныя волненія. Почему же онъ не пошелъ мирной дорогой? Почему поднялъ мечъ? Почему „ликуя, ждалъ терноваго вѣнца“?

Онъ любилъ жизнь. Любилъ даже тогда, когда она потеряла для него цѣнность. Онъ былъ „нѣжный другъ человѣку“, всѣмъ людямъ,—„близкимъ и дальнимъ“. На краю гроба, прощаясь съ матерью, онъ писалъ: „Вотъ сейчасъ развертывается передо мной картина варшавской жизни, шумныхъ улицъ и сіяющаго надъ ними солнца. Кланяйтесь же отъ меня Варшавѣ. Прощайте“. И все-таки въ ожиданіи смерти онъ оставался „беззаботно сіяющимъ, безтревожно радостнымъ“, и все-таки „ликовалъ“, умирая... Гдѣ же ключъ къ этой загадкѣ?

Благодарю тебя, Всевышній,
За то, что я не даромъ жилъ
И, какъ скиталецъ, въ мірѣ лишній,
На бездорожьѣ не почилъ.
Мнѣ жизнь была земная въ тягость,
И крестъ мой несъ я въ міръ, скорбя,
Я славословилъ неба благость,
Но и роптал я на Тебя.
Зачѣмъ Ты бросилъ въ міръ наживы
Меня, рожденнаго для грезъ,
И далъ мнѣ духъ, какъ вихрь, бурливый,
И сердце,—кладезь жгучихъ слезъ?
Ты зналъ,—не могъ спокойно видѣть
Я чуткой совѣстью моей
Насилья зло и гнетъ цѣпей,
И не любить, не ненавидѣть...

Въ его сердцѣ былъ „кладезь жгучихъ слезъ“, и онъ не могъ „не любить и не ненавидѣть“. Во имя любви шелъ онъ на смерть. Во имя рожденной ею ненависти убивалъ. Въ террорѣ, въ открытомъ и честномъ, не знающемъ пощады единоборствѣ видѣлъ онъ высшій подвигъ и высшую жертву. Жизнь за жизнь и смерть за смерть.

Изъ Якиманской части Ивана Платоновича перевели въ Бутырскую тюрьму—въ Пугачевскую башню. Черезъ нѣсколько дней его посѣтила жена убитаго имъ Сергѣя Александровича, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна.

„Мое свиданье съ великой княгиней,—писалъ онъ передъ смертью товарищамъ,—произошло вечеромъ 7-го февраля въ канцеляріи арестнаго дома Пятницкой части, куда меня привели нарочно. Я не былъ предупрежденъ о свиданіи, я не звалъ великую княгиню къ себѣ. Когда она вошла ко мнѣ, вся въ черномъ, медленной походкой разбитаго горемъ человѣка, со слезами на глазахъ, я не узналъ ея и первоначально предположилъ, что это кто-нибудь изъ арестованныхъ для опознанія.

„— Жена я его,—прошептала великая княгиня, приблизившись ко мнѣ.

„Я не всталъ передъ нею, и она безпомощно опустилась на сосѣдній стулъ и продолжала плакать, опустивъ голову на мои руки.

„— Княгиня,—сказалъ я,—не плачьте. Это должно было случиться... Почему со мной говорятъ только послѣ того, какъ я совершилъ убійство?—сказалъ я въ раздумьѣ.

„— Вы, должно-быть, много страдали, что вы рѣшились,—заговорила она, но тутъ я прервалъ ее, вскочилъ и, въ большомъ возбужденіи отъ ея слезъ, громко произнесъ:

„— Что изъ того, страдалъ я или нѣтъ. Да, я страдалъ, но мои страданія я слилъ со страданіями милліоновъ людей. Слишкомъ много вокругъ насъ льется крови, и у насъ нѣтъ другого средства противъ этой ужасной войны... Но почему со мной разговариваютъ только послѣ того, какъ я совершилъ убійство?—повторилъ я, прервавъ свое размышленіе.—Знаете, великая княгиня, когда-то, еще мальчикомъ, я часто думалъ о томъ, что такъ много слезъ на свѣтѣ, что столько неправды творится кругомъ, и мнѣ иногда казалось, что вотъ, стоитъ пойти, выплакать свои слезы за всѣхъ — и зло будетъ уничтожено. Но...—тутъ я махнулъ рукой. Я продолжалъ свою мысль, желая испытать княгиню.—Вѣдь если бы я пришелъ и теперь къ великому князю и указалъ ему на всѣ его дѣйствія, вредныя народу, вѣдь меня посадили бы въ сумасшедшій домъ или,—что вѣрнѣе,—бросили бы въ тюрьму, какъ бросаютъ тысячи людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Почему народу не даютъ говорить?

„— Да, очень жалко, что вы къ намъ не пришли, и что мы не знали васъ раньше.

„Великая княгиня произнесла эти слова, я думаю, безъ задней мысли, и, повидимому, она искренно пожалѣла, что у насъ убиваютъ только потому, что народу сковали уста.

„— Но вѣдь вы знаете, что сдѣлали съ рабочими 9-го января, когда они шли къ Царю? Неужели вы думали, что это можетъ пройти безнаказанно? Эта ужасная война, которая ведется съ такой ненавистью къ народу... Вы объявили войну народу, мы приняли вызовъ. Я отдалъ бы тысячу жизней, а не одну. Россія должна быть свободной.

„— Но честь, честь родины?—замѣтила она.

„Я былъ, повторяю, въ большомъ возбужденіи, такъ что не далъ ей говорить по-настоящему.

„— Честь родины!..—отвѣтилъ я съ сарказмомъ.

„— Развѣ вы думаете, что и мы не страдаемъ? Развѣ вы думаете, что и мы не желаемъ добра народу?

„— Да, вы теперь страдаете...—замѣтилъ я,—а добро... оставимъ въ покоѣ добро. Тѣ, кто, какъ вы говорите, творятъ его одной рукой, а въ другой держатъ за спиной ножъ

„Мы оба замолчали, и я сѣлъ. Великая княгиня также успокоилась немного и начала причитывать о великомъ князѣ: что-де онъ ждалъ смерти, что изъ-за этого онъ покинулъ постъ генералъ-губернатора, что онъ былъ такой хорошій человѣкъ. Тутъ я опять прервалъ великую княгиню и, щадя ея чувства, заявилъ:

„— Не будемъ говорить о великомъ князѣ. Я не хочу съ вами говорить о немъ, я скажу все на судѣ. Вы знаете, что я совер-

шилъ это вполнѣ сознательно. Великій князь былъ опредѣленный политическій дѣятель. Онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ.

„— Да, я не могу вести съ вами политическихъ разговоровъ... Я хотѣла бы только, чтобы вы знали, что великій князь простилъ вамъ, что я буду молиться за васъ...

„Мы смотрѣли другъ на друга, не скрою, съ нѣкоторымъ мистическимъ чувствомъ, какъ двое смертныхъ, которые остались въ живыхъ. Я—случайно, она—по волѣ организаціи, по волѣ моей, такъ какъ организація и я обдуманно стремились избѣжать излишняго кровопролитія. И я, глядя на великую княгиню, не могъ не видѣть на ея лицѣ благодарности, если не мнѣ, то во всякомъ случаѣ судьбѣ за то, что она не погибла.

„— Я прошу васъ, возьмите отъ меня на память иконку. Я буду молиться за васъ.

„И я взялъ иконку. Это было для меня символомъ признанія съ ея стороны моей побѣды, символомъ ея благодарности судьбѣ за сохраненіе ея жизни и покаянія ея совѣсти за преступленія великаго князя.

„— Моя совѣсть чиста, — повторилъ я, — мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я дѣйствовалъ сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдалъ бы всю тысячу, не только одну.

„Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также всталъ.

„— Прощайте!—сказалъ я.—Повторяю, мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я исполнилъ свой долгъ и я его исполню до конца и вынесу все, что мнѣ предстоитъ. Прощайте, потому что мы съ вами больше не увидимся“.

Этотъ единственный въ своемъ родѣ разговоръ члена Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ членомъ царствовавшей фамиліи послужилъ впослѣдствіи для Ивана Платоновича источникомъ ненужныхъ и тяжкихъ мученій. Въ печати появилось извѣстіе о принятіи имъ отъ великой княгини иконки въ тенденціозно-оскорбительномъ для него освѣщеніи. Правительство дѣлало худшую изъ попытокъ,—оно пыталось набросить тѣнь на его революціонную честь. Онъ не могъ не отвѣтить и отвѣчалъ письмомъ на имя великой княгини.

„...Я былъ къ вамъ сострадателенъ,—пишетъ онъ въ этомъ историческомъ письмѣ,—какъ виновникъ вашего человѣческаго страданія, я былъ снисходителенъ къ вашему религіозному суевѣрію, какъ побѣдитель на вершинѣ счастья. Да, я жалѣлъ васъ, я не желалъ растравлять вашу рану признаніями о вашемъ извергѣ-мужѣ, я щадилъ васъ именно, какъ побѣдитель.

„Оставьте пока въ сторонѣ вопросъ, какъ это случилось, какіе интриганы, несомнѣнно изъ-за какихъ-то расчетовъ, опубликовали свѣдѣнія о нашемъ свиданіи, какъ о какомъ-то торжествѣ православія, и, скрывъ самое существенное, открыли просторъ самымъ вольнымъ толкованіямъ о характерѣ нашего свиданія. Подъ личиною безобиднаго извѣщенія о „фактѣ“ они бросили въ публику сѣмя клеветы и тревоги за честь революціонера... Спрашивается: могло ли произойти и то и другое помимо вашего участія, хотя бы пассивнаго, въ формѣ непротивленія, обратное дѣйствіе которому было обязанностью вашей чести? Отвѣтъ данъ самимъ вопросомъ, и я рѣшительно протестую противъ приложенія политической мѣрки къ доброму чувству моего снисхожденія къ вашему горю. Мои убѣжденія и мое отношеніе къ царствующему дому остаются неизмѣнными, и я ничего общаго не имѣю какой-либо стороной моего „я“ съ религіознымъ суевѣріемъ рабовъ и лицемѣрныхъ владыкъ.

„Я вполнѣ сознаю свою ошибку: мнѣ слѣдовало отнестись къ вамъ безучастно и не вступать въ разговоръ. Но я поступилъ съ вами мягче, на время свиданія затаивъ ту ненависть, съ какой естественно я отношусь къ вамъ. Вы знаете теперь, какія побужденія руководили мною. Но вы оказались недостойной моего великодушія. Вѣдь для меня несомнѣнно, что вы—источникъ всѣхъ сообщеній обо мнѣ, ибо кто же бы осмѣлился передавать содержаніе нашего разговора съ вами, не спросивъ у васъ на то позволенія (въ газетной передачѣ оно исковеркано: я не объявлялъ себя вѣрующимъ, я не выражалъ какого-либо раскаянья)?

„Въ результатѣ я получилъ незаслуженное оскорбленіе, но пусть моя жизнь, мое дѣло и мое поведеніе на судѣ и слѣдствіи свидѣтельствуютъ о моей честности“.

На краю гроба онъ нашелъ силы, „затаивъ въ себѣ ненависть“, жалѣть великую княгиню, щадить ее, быть къ ней человѣчески-сострадательнымъ и любяще-снисходительнымъ. И въ этой любви онъ видѣлъ свой грѣхъ. Грѣхъ передъ товарищами, передъ организаціей, передъ партіей. И мучился имъ и каялся въ немъ:

„Я хотѣлъ бы только, чтобы никто не подумалъ обо мнѣ дурно, чтобы вѣрили въ искренность моихъ чувствъ и твердость моихъ убѣжденій до конца. Помилованіе я бы считалъ позоромъ. Простите, если въ моемъ поведеніи внѣ партійныхъ интересовъ были какія-либо неровности. Я перенесъ довольно острой муки по поводу нелѣпыхъ слуховъ о свиданіи съ великой княгиней, которыми меня растравляли въ тюрьмѣ. Я думаю, что я опозоренъ...“ (Второе письмо къ товарищамъ).

„Теперь,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, въ частномъ письмѣ изъ тюрьмы къ одному изъ ближайшихъ товарищей,—когда я стою у могилы, все кажется мнѣ сходящимся для меня въ одномъ,—въ моей чести, какъ революціонера, ибо въ ней моя связь съ „Б. О.“ за гробомъ. Въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы трудно оріентироваться въ важномъ и не важномъ. Минутами мнѣ кажется, что кто-нибудь злой оскорбитъ мой прахъ пасквилемъ... Тогда я хотѣлъ бы жить для того, чтобы мстить за свою идею. Но ты знаешь,—я кончилъ всѣ земные счеты“.

У него „не было ни одной минуты желанія какъ-нибудь сохранить жизнь“, съ его стороны не могло быть „и намека на какую-нибудь уступку самодержавію“, и онъ имѣлъ право сказать:

...Капризъ судьбы вернулъ мнѣ жизни даръ,
Но снова я, цѣпей своихъ достойный,
Врагу нанесъ еще одинъ ударъ:
Я жизнь отвергъ съ рѣшимостью спокойной.
И въ третій разъ я вызываю въ бой
Врага моей идеи неподкупной...
Мой врагъ дрожитъ передъ своей судьбой,
Я казни жду, какъ плѣнникъ неприступный...

Въ этомъ мракѣ съ нимъ была его мать. Материнской любовью озаряла она часы его смерти, тѣ часы, когда онъ ждалъ казни:

Любовь, какъ лучъ, блеснувшій въ облакахъ,
Цвѣтами радуги на черномъ фонѣ бури,
Стыдливый сердца взоръ склоняла лишь въ мечтахъ
Предъ сердцемъ, рвавшимся отъ мукъ земныхъ къ лазури.
Я не любилъ, какъ любятъ въ дни надеждъ,
И ласки женскія меня не искушали
Ни блескомъ женскихъ глазъ, ни роскошью одеждъ,
Но я тоску любилъ и женскія печали...
И былъ ли въ нихъ источникъ слезъ земныхъ,
Не изсякающій въ жестокости пустыни,
Иль кладезь радостей, безвѣстныхъ и родныхъ,
Онѣ мнѣ сердце жгли, какъ пламя жертвъ святыни.
Приливомъ силъ и жаждой грозныхъ битвъ
За идеалъ любви,—онѣ лѣчили раны
Души отзывчивой, и скорбью ихъ молитвъ
Сверкалъ мой юный гнѣвъ, пронзая зла туманы.
Богиней грезъ, безгрѣшной, какъ цвѣты,
Любовь мнѣ чудилась, и былъ я, жизни воинъ,
Казалось мнѣ, средь бурь и грѣшной суеты
Коснуться устъ ея небесныхъ недостоинъ.
И вдругъ... Теперь, въ провидѣньи креста,
Кончая жизнь мою тоской многострадальной,
Любовь мнѣ женскою жжетъ ласкою уста
Сквозь слезы радости съ улыбкою прощальной...
О, мать моя!..

„О, моя дорогая мать,—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 21-го апрѣля,—незабвенная радость моихъ послѣднихъ дней. Ты одна понимаешь сердце твоего сына, ты одна согрѣваешь его своимъ всепобѣждающимъ мужествомъ.

„Если любовь человѣческая есть жертва, то ты—эта жертвенная любовь, ты красота и радость моя... Я не зналъ, что женская любовь, которой я не испыталъ въ жизни, улыбнется мнѣ такой нечеловѣческой лаской передъ смертью. Всѣмъ сердцемъ благодарю за эту ласку, дорогая моя“.

За эту единственную въ его жизни ласку.

Дѣло о немъ слушалось въ Особомъ Присутствіи Сената 5-го апрѣля 1905 года. Предсѣдательствовалъ Дрейеръ, присутствовали сенаторы: Бобринскій, Варваринъ, Ширинскій-Шихматовъ, Зволянскій и Куровскій; сословные представители: губернскій предводитель дворянства Гудовичъ, московскій голова Голицынъ и ямбургскій волостной старшина. Защищали его прис. пов. Жда-

вовъ и Мандельштамъ. Обвинялъ Щегловитовъ впослѣдствіи министръ юстиціи. Засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ. Публику составляли нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, чиновъ магистратуры, лицъ прокурорскаго надзора и его мать.

На судѣ онъ былъ все тотъ же, вѣрный себѣ, неизмѣнный своему долгу, не подсудимый, а „плѣнникъ" самодержавія. Онъ не защищался, онъ обвинялъ. „Я убилъ великаго князя, — говорилъ онъ на судѣ, — члена императорской фамиліи, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членовъ царствующаго дома, какъ открытаго врага династіи. Это было бы грубо и для XX вѣка дико, но это было бы, по крайней мѣрѣ, откровенно. Но гдѣ же тотъ Пилатъ, который, еще не умывъ рукъ своихъ отъ крови народной, послалъ васъ сюда строить висѣлицу? Или, можетъ-быть, въ сознаніи предоставленной вамъ власти вы овладѣли его тщедушной совѣстью настолько, что сами присвоили себѣ право судить именемъ лицемѣрнаго закона въ его пользу? Такъ знайте же, я не признаю ни васъ ни вашего закона. Я не признаю централизованныхъ государственныхъ учрежденій, въ которыхъ политическое лицемѣріе прикрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти, ради торжества насилія... Но гдѣ же ваша совѣсть? Гдѣ кончается ваша продажная исполнительность, и гдѣ начинается безсеребренность вашего убѣжденія, хотя бы враждебнаго моему? Вѣдь вы не только судите мой поступокъ, вы посягаете на его нравственную цѣнность. Дѣло 4-го февраля вы не называете прямо убійствомъ, вы именуете его преступленіемъ, злодѣяніемъ. Вы дерзаете не только судить, но и осуждать. Что же вамъ даетъ это право? Не правда ли, благочестивые сановники, вы никого не убили и опираетесь не только на штыки и законъ, но и на аргументы нравственности? Подобно одному ученому профессору временъ Наполеона III, вы готовы признать, что существуютъ двѣ нравственности. Одна для обыкновенныхъ смертныхъ, которая гласитъ: „не убій", „не укради", а другая нравственность для правителей, которая имъ все разрѣшаетъ. И вы дѣйствительно увѣрены, что вамъ все дозволено, и что нѣтъ суда надъ вами"...

„Благочестивые сановники" судили его... Процессъ начался обычнымъ вопросомъ:

— Подсудимый Иванъ Каляевъ, получили вы обвинительный актъ?

— Прежде всего фактическая поправка: я не подсудимый, я вашъ плѣнникъ. Мы—двѣ воюющія стороны. Вы—наемные слуги капитала и императорскаго правительства, я—народный мститель, соціалистъ-революціонеръ...

Онъ говоритъ медленно, но спокойно. Будто не о себѣ.

— Я вамъ запрещаю продолжать. Секретарь, прочтите списокъ свидѣтелей,—прерываетъ его предсѣдатель.

Послѣ прочтенія списка, Иванъ Платоновичъ заявляетъ, что имѣетъ со своей стороны предъявить одно требованіе. Предсѣдатель не даетъ ему слова. Онъ настаиваетъ въ совершенно спокойной и законной формѣ. Предсѣдатель распоряжается его вывести. Вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и защита: прис. пов. Мандельштамъ и Ждановъ. „Процессъ" продолжается въ отсутствіи подсудимаго и защиты.

Черезъ нѣсколько минутъ сенаторъ Дрейеръ распоряжается вновь ввести его. По окончаніи чтенія обвинительнаго акта, онъ опять предъявляетъ свое требованіе, на этотъ разъ безъ препятствій. Оказывается, что онъ избралъ своимъ защитникомъ II. В. Тесленко, который, только въ виду его отсутствія изъ Москвы, былъ замѣненъ другими. Иванъ Платоновичъ проситъ допустить его къ защитѣ. Дрейеръ отказываетъ.

— Довольно и этихъ двухъ... Признаете ли вы себя виновнымъ?

— Признаю, что смерть великаго князя Сергѣя произошла отъ моей руки, но виновнымъ себя въ этомъ не признаю по мотивамъ нравственнаго содержанія.

— Не можете ли вы намъ это выяснить? — спрашиваетъ Дрейеръ.

„Судьи и особенно предсѣдатель — дѣйствительно мерзавцы,—писалъ Иванъ Платоновичъ изъ тюрьмы,—и мнѣ было просто противно открывать что-нибудь изъ моей души, кромѣ ненависти"...—Онъ и открылъ только ненависть.

— Великій князь былъ однимъ изъ видныхъ представителей и руководителей реакціонной партіи, господствующей въ Россіи. Партія эта мечтаетъ о возвращеніи къ мрачнѣйшимъ временамъ Александра III, культъ имени котораго она исповѣдуетъ. Дѣятельность, вліяніе великаго князя Сергѣя тѣсно связано со всѣмъ царствованіемъ Николая II, отъ самаго начала его. Ужасная Ходынская катастрофа и роль въ ней Сергѣя была вступленіемъ въ это злосчастное царствованіе. Разслѣдовавшій еще тогда причины этой катастрофы графъ Паленъ сказалъ, въ видѣ заключенія, что нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственные посты. И вотъ Боевая Организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ должна была безотвѣтственнаго передъ закономъ великаго князя сдѣлать отвѣтственнымъ передъ народомъ.

„Конечно, чтобы подпасть подъ революціонную кару, великій князь Сергѣй долженъ былъ накопить и накопилъ безчисленное количество преступленій передъ народомъ. Дѣятельность его проявлялась на трехъ различныхъ поприщахъ. Какъ московскій генералъ-губернаторъ, онъ оставилъ по себѣ такую память, которая заставляетъ блѣднѣть даже воспоминаніе о пресловутомъ Закревскомъ. Полное пренебреженіе къ закону и безотвѣтственность великаго князя сдѣлали изъ Москвы, поистинѣ, какое-то особое великокняжество. Преслѣдованіе всѣхъ культурныхъ начинаній, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ, гоненія на бѣдняковъ-евреевъ, опытъ политическаго развращенія рабочихъ, преслѣдованіе всѣхъ протестующихъ противъ современнаго строя,—вотъ въ какого рода дѣяніяхъ выражалась роль убитаго, какъ маленькаго самодержца Москвы. Во-вторыхъ, какъ лицо, занимающее видное мѣсто въ правительственномъ механизмѣ, онъ былъ главой реакціонной партіи, вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ попытокъ, покровителемъ всѣхъ, наиболѣе яркихъ и видныхъ дѣятелей политики насильственнаго подавленія всѣхъ народныхъ и общественныхъ движеній. Еще Плеве заѣзжалъ къ великому князю Сергѣю за совѣтами передъ своей знаменитой поѣздкой въ Троицкую лавру, за которой послѣдовала поѣздка на усмиреніе полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ. Его другомъ былъ Синягинъ, его ставленникомъ былъ Боголѣповъ, затѣмъ Звѣревъ. Все политическое направленіе правительства отмѣчено его вліяніемъ. Онъ боролся противъ слабой попытки смягченія желѣзнаго режима Святополкомъ-Мирскимъ, объявляя, что „это—начало конца". Онъ провелъ на мѣсто Святополка своихъ ставленниковъ, Булыгина и Трепова, роль котораго въ кровавыхъ январскихъ событіяхъ слишкомъ извѣстна. Наконецъ третье поприще его дѣятельности, гдѣ роль его была наиболѣе значительной, хотя и наименѣе извѣстной: это личное вліяніе на Царя. „Дядя и другъ Государевъ" выступаетъ здѣсь, какъ наиболѣе безпощадный и неуклонный представитель интересовъ династіи.

„Противъ такой политики борются всѣ революціонныя организаціи, она и ея представители возбудили глубокую ненависть широкихъ народныхъ массъ. Близокъ послѣдній расчетъ съ ними.

„Смерть трехъ этихъ ставленниковъ,—Боголѣпова, Синягина и Плеве, — является предостереженьемъ самодержавію, исходящимъ отъ главнѣйшихъ дѣятелей революціи. Убійствомъ великаго князя Сергѣя увѣнчивается зданіе этихъ роковыхъ предостереженій.."

— Такъ значитъ,—прерываетъ его предсѣдатель,—вы себя также считаете однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей своей партіи?

— Въ этомъ дѣлѣ,—отвѣчаетъ Иванъ Платоновичъ,—моя личность не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого значенія.

— А скажите,—задаетъ новый вопросъ предсѣдатель,—если бы вамъ удалось ускользнуть отъ преслѣдованія, вы продолжали бы вашу дѣятельность?

Иванъ Платоновичъ отвѣчаетъ медленно и раздѣльно:

— Я исполнилъ 4-го февраля свой долгъ и думаю, что и впредь исполнилъ бы его. Отвѣчая такимъ образомъ, я думаю, что снова исполняю свой долгъ.

Послѣ пренія сторонъ и послѣдняго слова подсудимаго, судъ удалился для совѣщанія. Въ 3 часа былъ вынесенъ приговоръ. Иванъ Платоновичъ былъ признанъ виновнымъ: 1) „въ принадлежности къ тайному сообществу, стремящемуся путемъ убійствъ ниспровергнуть установленный основными законами образъ пра-

зленія“; за эту вину, „въ виду отсутствія и тѣни раскаянія“, онъ подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, то-есть 8 годамъ каторжныхъ работъ, 2) „въ умышленномъ лишеніи жизни дяди царствующаго императора великаго князя Сергѣя Александровича, въ видахъ осуществленія цѣли сообщества“; за эту вину онъ подлежитъ, согласно закона, лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, и 3) „въ томъ, что хотя и безъ прямого умысла лишить жизни кучера А. Рудинкина, и зная и предвидя, что отъ разрыва метательнаго снаряда должна подвергнуться опасности и его жизнь, онъ, тѣмъ не менѣе, бросилъ снарядъ, причинившій Рудинкину тяжкія тѣлесныя поврежденія, отъ коихъ послѣдній умеръ“; за это Каляевъ подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, т.-е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ. По совокупности рѣшеніе гласило: подвергнуть Ивана Каляева, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, смертной казни черезъ повѣшеніе.

„Умереть за убѣжденія—значитъ звать на борьбу“. Онъ боролся всю свою жизнь, онъ „до конца былъ вѣренъ борьбѣ“ и выслушалъ свой приговоръ спокойно и гордо. Болѣе спокойно, чѣмъ судьи произносили его.

— Я счастливъ вашимъ приговоромъ,—сказалъ онъ имъ,—надѣюсь, что вы рѣшитесь исполнить его надо мной такъ же открыто и всенародно, какъ я исполнилъ приговоръ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Учитесь смотрѣть прямо въ глаза надвигающейся революціи.

Онъ подалъ кассаціонную жалобу. Онъ и здѣсь, и въ послѣдніе часы жизни, былъ на стражѣ интересовъ организаціи, забывъ о себѣ и помня только о тѣхъ, кто былъ съ нимъ и кто съ нимъ когда-нибудь будетъ. „Въ кассаціонной жалобѣ,—писалъ онъ изъ Бутырской тюрьмы, — я старался провести строго-партійный взглядъ и думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своими заявленіями на судѣ. Я заявилъ, что убійство великаго князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго дома. Поэтому въ приговорѣ вставлено „дядя Е. В“. Я писалъ въ кассаціонной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ великаго князя мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ личности Царя, какъ племянника, и потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ“...

Его протестъ не былъ, конечно, уваженъ, и до 10-го мая онъ былъ между жизнью и смертью. Что пережилъ онъ тогда?

Забудь, мое сердце, тревоги и бури,
Забудь въ безмятежности тихой тоски,
Любуйся въ окно синевою лазури,
Плыви въ безконечность съ волною рѣки.
Что страсти твоей неизжитыя муки,
Что гнѣва и слезъ безпокойная рѣчь,
И радость свиданья, и горечь разлуки,
Когда ужъ покоенъ карающій мечъ?
Ты жизнь всю ему безотчетно ввѣряло,
Ты счастья вѣнецъ получило въ отвѣтъ.
Чего еще хочешь? Иль счастія мало
Тебѣ и въ побѣдѣ?.. Умри же, поэтъ.

„Вы знаете мои убѣжденія, — писалъ онъ товарищамъ, — и силу моихъ чувствъ, и пусть никто не скорбитъ о моей смерти“.

Онъ отдавалъ свою жизнь свободно и счастливо, какъ безцѣнный даръ, революціи. Только ли жизнь, и развѣ не душу?..

Въ понедѣльникъ, въ Николинъ день 9-го мая, его привезли на полицейскомъ пароходѣ въ Шлиссельбургъ. Помѣстили подъ надзоромъ двухъ тюремныхъ жандармовъ въ такъ называемой „мастерской“. Въ 12 часовъ дали обѣдать. Пообѣдавъ, онъ легъ на кровать и закрылся одѣяломъ. День былъ свѣжій, его знобило.

— Не думайте, что я дрожу отъ страха, мнѣ просто холодно, — сказалъ онъ жандармамъ, — и я бы попросилъ дать мнѣ второе одѣяло.

Затѣмъ онъ писалъ. Перечеркивалъ и снова писалъ. Незачеркнутымъ, въ концѣ концовъ, осталось только нѣсколько словъ, — слова Петра передъ Полтавской битвой: „А о Петрѣ вѣдайте, не дорога ему жизнь, была бы счастлива Россія“...

Въ 9 часовъ вечера прокуроръ, въ сопровожденіи смотрителя шлиссельбургской тюрьмы, вошелъ къ нему въ камеру. Объявилъ, что въ эту ночь казнь. Иванъ Платоновичъ выслушалъ его спокойно. Спросилъ, пріѣхалъ ли его защитникъ Ждановъ. Ждановъ пріѣхалъ, но его не пустили въ Шлиссельбургъ.

Около 10 часовъ осужденнаго посѣтилъ священникъ, о. Флоринскій. Иванъ Платоновичъ сказалъ ему, что хотя онъ и вѣрующій, но обрядовъ не признаетъ и самъ давно приготовилъ себя къ смерти. На прощанье поцѣловалъ священника. Затѣмъ написалъ матери письмо:

„Дорогая, незабвенная моя мать!

„Итакъ, я умираю. Я счастливъ за себя, что съ полнымъ самообладаніемъ могу отнестись къ моему концу. Пусть же ваше горе, дорогіе мои, — вы всѣ, мать, братья и сестры, — потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

„Прощайте. Привѣтъ всѣмъ, кто меня зналъ и помнитъ. Завѣщаю вамъ: храните въ чистотѣ имя нашего отца. Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ вами.

„Вашъ И. Каляевъ“.

Наконецъ, во второмъ часу ночи, когда уже свѣтало, пришелъ къ нему палачъ, весь въ красномъ, въ кумачевой рубахѣ и колпакѣ, съ нагайкой и веревкой. Онъ связалъ Ивану Платоновичу руки и вывелъ его на дворъ, гдѣ уже чернѣла готовая висѣлица.

На дворѣ находились представители сословій, администрація крѣпости, команда солдатъ и всѣ свободные отъ службы тюремные унтеръ-офицеры. Иванъ Платоновичъ взошелъ на эшафотъ. Онъ былъ весь въ черномъ, безъ пальто, въ фетровой шляпѣ.

Стоя неподвижно на помостѣ, онъ выслушалъ приговоръ. Къ нему опять подошелъ священникъ съ крестомъ. Онъ не поцѣловалъ креста.

— Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно покончилъ съ жизнью и приготовился къ смерти...

Священникъ ушелъ.

Его мѣсто занялъ палачъ. Накинулъ саванъ. Помогъ подняться на табуретъ. Набросилъ петлю и оттолкнулъ ногою скамейку.

Ивана Платоновича не стало.

Тѣло положили въ деревянный ящикъ. Закопали за крѣпостной стѣной, между валомъ, окаймляющимъ крѣпость со стороны озера, и Королевскою башней *).

Его не стало... „Жизни воинъ“, онъ вынесъ до конца все. Все, что „зрѣло въ тайникахъ его сердца“. И за кѣмъ осталась побѣда?

Если дубъ весной расцвѣтной
Подрубить — онъ упадетъ,
Но своимъ могучимъ тѣломъ
Дровосѣка онъ убьетъ...

Его не стало. Его ужъ нѣтъ. Самая могила его поросла пыльной травой. И все-таки онъ живъ. И не умретъ. На его могильной плитѣ незримо горитъ завѣтъ великой любви: „Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради, сей спасетъ ю“.

*) Объ Ив. Пл. Каляевѣ см.: „Иванъ Платоновичъ Каляевъ“, 1905 г., тип. П. С.-Р.; „Былое“, май 1906; „L'européen“, 29/IV—1905; „Slowo Polskie“, 8/IV—1905 и 10/IV—1905; „Le courrier Européen“, 29/IV—1905.

Власть войны.

Разсказъ **В. В. Муйжеля.**

(Продолженіе).

V

Ночью. верстахъ въ двухъ-трехъ отъ фольварка. гдѣ стояла летучка. особенно сильно затрещали винтовки. Потомъ, прорѣзывая всѣ звуки. остро и холодно вмѣшался съ безпощадной правильностью пулеметъ, потомъ опять нарастающая трескотня винтовокъ, потомъ вдругъ дикій. казавшійся особенно страшнымъ, ревъ десятковъ людей взметнулся къ черному небу и понесся по притихшимъ полямъ.

Ухмыловъ вскочилъ и въ первый моментъ не могъ сообразить. что его разбудило. Потомъ сразу вспомнилъ все, что произошло съ нимъ. и трясущимися руками, въ потемкахъ. не догадываясь зажечь свѣчи, сталъ одѣваться.

Вдругъ, какъ никогда, такъ ярко и непосредственно въ этомъ дикомъ. почти нечеловѣческомъ воѣ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ одного звука „а-а-а-аа-а..." — почувствовалъ онъ страшную и неотразимую близость той колеблющейся. никогда опредѣленно не сознаваемой линіи, которую провела война между двумя странами.

Гдѣ-то тутъ же, за три или пять верстъ, протягивается эта линія. за движеніе которой въ ту или другую сторону умираютъ люди. Двѣ страны въ огромномъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ,— отъ естественныхъ богатствъ страны до человѣческихъ жизней,—столкнулись на этой линіи. И то, что называется судьбой людей и народовъ, странъ и городовъ. земли и временъ— стоитъ въ ожиданіи надъ этой линіей. отмѣчая смерти. раны, потери. побѣды...

Все то, что называется войной и что до сихъ поръ рисовалось чѣмъ-то далекимъ, отвлеченнымъ, происходящимъ гдѣ-то и съ кѣмъ-то, и по существу не имѣющимъ отношенія къ пожилому. усталому и оравнодушѣвшему ко всему на свѣтѣ человѣку, торопливо и безтолково одѣвавшемуся въ темной комнатѣ. теперь странно приблизилось, стало гдѣ-то тутъ же и кричитъ въ уши дикимъ. нечеловѣческимъ крикомъ экстаза, негодованія. горечи. страха, боли. злобы. крикомъ всей сложности человѣческихъ чувствъ. качающихся на вѣсахъ жизни и смерти.

— Это война, это война...—бормоталъ Ухмыловъ. нѣсколько успокаиваясь. Вотъ это и есть война!..

Онъ перестаіъ одѣваться и прислушался. Крикъ какъ будто замеръ, опять трещали выстрѣлы. въ разбродъ, неувѣренно, потомъ вдругъ все стихло, и тишина стояла много времени. И вдругъ, нарушая ее. гдѣ-то очень далеко. тяжело и какъ будто устало, какъ работникъ. не успѣвшій отдохнуть и снова принимающійся за надоѣвшую работу, ударило орудіе. Потомъ еще и еще—и бѣлыя, быстрыя и любопытныя зарницы вспыхнули на небѣ и тотчасъ же опять потухли...

Ухмыловъ ничего не зналъ о войнѣ, никогда не интересовался. какъ она „дѣлается". никого не разспрашивалъ. но теперь ему казалось, что онъ все понимаетъ, словно онъ все время былъ занятъ ею.

— Это была,—разсуждалъ онъ. сидя въ однѣхъ панталонахъ и носкахъ на диванѣ, служившемъ ему постелью,—сначала ружейная перестрѣлка: или цѣпи, или какъ тамъ онѣ называются. . Потомъ атака или контръ-атака. какъ тамъ у нихъ бываетъ... И „ура"— въ штыки, что ли... Наши заняли, должно-быть, что тамъ нужно было занять, а тѣ уходили, отстрѣливаясь... А потомъ артиллеріей начали громить по нашимъ. занявшимъ ихъ окопы, траншею, позиціи. у нихъ тамъ все это имѣетъ свои названія...

Онъ представлялъ все это себѣ такъ, какъ будто видѣлъ самъ своими глазами. И чувствовалъ, что, должно-быть, онъ не далекъ отъ того, что тамъ. за двѣ-три версты, происходило на самомъ дѣлѣ.

Онъ сидѣлъ. все еще прислушиваясь. но теперь только привычнымъ и утомительнымъ гуломъ била артиллерія. Такъ, прислушиваясь къ ней, онъ задремалъ и. склонившись на подушку, не раздѣваясь и еще не одѣвшись вполнѣ, проспалъ неизвѣстно сколько времени.

Въ ту ночь дѣйствительно, какъ и предполагалъ докторъ Ухмыловъ, была атака. Значительныя части были введены въ бой. и атака на большомъ протяженіи длилась часа два. Въ ту ночь раненыхъ было особенно много—и много штыковыхъ. въ рукопашномъ бою, когда русскіе брали передовую линію окоповъ.

Начальникъ транспорта. молодой человѣкъ, вконецъ измотавшійся на подборѣ и эвакуаціи раненыхъ, не слѣзавшій съ сѣдла уже сутки. надорвавшій голосъ и говорившій какимъ-то сиплымъ свистомъ, привелъ тридцать двуколокъ, набитыхъ ранеными до того, что лошади едва вытаскивали ихъ на взгоркахъ.

Шесть верстъ— переходъ небольшой. но когда въ двуколкѣ лежитъ не два. а три. а то и четыре человѣка. когда этимъ лежащимъ санитаръ наскоро не перевязалъ. и кое-какъ перемоталъ раны, потому что санитаровъ было мало. а раненыхъ очень много, когда эти раненые, передъ тѣмъ какъ ихъ подобрали. пролежали на полѣ подъ обстрѣломъ по пяти-восьми часовъ въ непрерывныхъ страданіяхъ, и когда они потеряли уже много крови. и холодъ послѣдняго отчаянія всталъ у нихъ въ душѣ послѣ страшнаго нервнаго напряженія боя,—тогда шесть верстъ даже самой хорошей дороги тянутся безконечно.

Начальникъ транспорта, проѣзжавшій рысью отъ одного конца растянувшихся по дорогѣ двуколокъ до другого, подгонялъ кучеровъ. звалъ фельдшера съ перевязочнымъ матеріаломъ туда. гдѣ это было необходимо, и, сжавъ зубы отъ состраданія, боли и особенной тоски, при которой чужое страданіе больнѣе своего. слушалъ стоны. доносящіеся изъ закрытыхъ брезентовыми верхами двуколокъ. Раненые, заслышавъ его приближеніе. звали его. стонали и просили остановиться хоть на минутку, хоть на четверть часа. чтобы вздохнуть отъ боли, но остановиться было нельзя и потому. что тамъ, откуда они ѣхали, ждали новые десятки и сотни раненыхъ, и потому. что, если останавливаться по каждой просьбѣ страдающаго человѣка. эти шесть верстъ нельзя было бы проѣхать и въ десять часовъ!..

Онъ бросалъ торопливо успокоительное слово. щелкалъ нагайкой и, поднявъ лошадь на рысь, проѣзжалъ въ голову транспорта. и весь поѣздъ страданія. длинный. извивающійся по темной дорогѣ поѣздъ маленькихъ качающихся фонариковъ съ краснымъ крестомъ на стеклѣ. тяжело двигался дальше. И въ самомъ медлительномъ движеніи этомъ, въ усталомъ и тяжеломъ шагѣ склонившихъ внизъ головы лошадей было нѣчто, что заставляло встрѣчныхъ отодвигаться къ сторонѣ. давать дорогу и провожать длинный поѣздъ долгимъ и серьезнымъ взглядомъ. какъ будто по разбитой пыльной дорогѣ усталыя. казавшіяся всѣ черными лошади везли самое тяжелое. что могла дать война...

Глухой ночью. когда дальнія вспышки орудій безсонными зарницами мелькали на горизонтѣ: когда вышедшія изъ боя части дремали въ окопахъ. сжимая обросѣвшую сталь винтовки и въ неясномъ полуснѣ переживая тревожныя видѣнія только-что бывшаго: когда обозы съ провіантомъ, снарядами, грузовые автомобили. безконечныя цѣпи фуръ останавливались на ночлегъ. и солдаты возлѣ разведеннаго костра спали. завернувшись въ шинели, и дневальные. поставленные на охрану. медленно и сонно прохаживались вдоль лагеря: когда въ штабахъ напряженно и непрерывно выстукивали телеграфные аппараты приказанія. донесенія, распоряженія. и готовили то, что будетъ завтра. и люди въ защитныхъ гимнастеркахъ, щурясь на свѣтъ лампы. внезапно задумывались о чемъ-то. чтобъ тотчасъ же встрепенуться и приняться опять за безконечныя ленты, говорящія сухимъ, краткимъ языкомъ неровныхъ черточекъ о величайшихъ трагедіяхъ и глубокихъ радостяхъ: когда сѣдой генералъ въ распахнутой на груди тужуркѣ. надѣтой на ночную сорочку, въ туфляхъ, томимый безсонницей. всталъ съ постели и сѣлъ за столъ, заваленный картами. планами. синими бумажками телеграммъ, донесеніями. сводками и всѣмъ тѣмъ, что по существу своему есть война, и старчески суровое, желтое и холодное лицо его освѣтилось свѣтлымъ и скорбнымъ отблескомъ великой заботы; когда два солдата. посланныхъ въ секретъ, неподвижно лежали въ черныхъ повитыхъ росою кустахъ и чутко ловили малѣйшій шорохъ: когда въ низкой комнатѣ тѣснаго флигеля, превращеннаго въ палату для раненыхъ. съ хрипомъ и стонами сквозь сонъ, ворочаясь и вздыхая отъ безсонницы, терпѣливо ждалъ облегченія тотъ „отработанный паръ войны", который называется ранеными, и молодая дѣвушка въ сѣромъ платьѣ съ краснымъ крестомъ на груди, прислонясь спиной къ стѣнѣ, забылась легкой дремотой,—въ это время черныя усталыя лошади, медленно шагая и помахивая склоненными головами за каждымъ шагомъ, подвезли къ пункту длинную цѣпь красныхъ фонариковъ. наполненную тѣмъ, что казалось самымъ тяжелымъ, порожденнымъ войною...

Первымъ услышалъ прибытіе транспорта солдатъ-санитаръ, спавшій въ передней флигеля. Онъ вскочилъ и, еще качаясь отъ крѣпкаго сна. босой и въ рубахѣ, выпущенной поверхъ бѣлыхъ панталонъ. вышелъ на крыльцо. Онъ самъ былъ изъ выздоравливающей команды. самъ пережилъ всю тоску раненія, долгаго лежанія на полѣ. пока его подобрали. потомъ тягостный путь до перевязочнаго пункта, и когда его взяли въ качествѣ санитара въ летучку. онъ забывалъ дневную усталость. дающую еще себя знать боль въ раненомъ плечѣ и вскакивалъ первымъ для уборки раненыхъ.

— Транспортъ? Чей? Какого отряда? — [illegible] спросилъ онъ. ничего не видя въ темнотѣ. кромѣ [illegible] фонариковъ, неподвижно остановившихся у крыльца, [illegible] уходившихъ за ворота.

— Свои, свои, принимай, Семеновъ...—отвѣтилъ ему изъ темноты голосъ начальника транспорта. Говорятъ, къ вамъ докторъ пріѣхалъ?.. Мнѣ передалъ казакъ изъ связи...

— Такъ точно, ваше высокородь, вчерчеру и пріѣхалъ! Только не знаю какъ...—Онъ остановился. Начальникъ транспорта тяжело соскочилъ съ сѣдла и, передавъ лошадь солдату, пошелъ къ крыльцу.

— Чего не знаешь? Будить надо... Есть такіе, которыхъ сразу въ операціонную... Тамъ еще докторъ говорилъ...—говорилъ онъ, разминая затекшія отъ долгаго сидѣнія въ сѣдлѣ ноги.—Студента вашего, доктора, всѣхъ будить надо...

Санитаръ ничего не отвѣтилъ. Шаркая босыми ногами, онъ ушелъ назадъ въ домъ, но навстрѣчу ему уже шелъ студентъ—тоже босой и въ ночной рубашкѣ безъ тужурки.

— Много привезли?—на ходу спросилъ онъ.

— Много, ваше благородь, двуколокъ страсть...

— Угм!

Показалась сестра-хозяйка, и тотчасъ же солдаты-повара стали возиться у походной кухни въ углу двора. Для освѣщенія ея зажигали обычно высокій яркій факелъ, и теперь онъ горѣлъ ровнымъ пылающимъ свѣтомъ, и черныя тѣни двигались по широкому двору, а неподвижно стоявшія лошади въ двуколкахъ казались отлитыми изъ чернаго чугуна.

На крыльцѣ подъ фонаремъ съ краснымъ крестомъ и старымъ, видавшимъ всякія непогоды, флагомъ сестра-хозяйка, студентъ и начальникъ транспорта, привезшій раненыхъ, негромко совѣщались.

— Не можетъ быть, что за ересь!—сипло гудѣлъ начальникъ транспорта.—На кой же чортъ тогда онъ нуженъ, если его будить нельзя?.. Это не земская больница, а война... Будить безъ всякихъ разговоровъ, и все тутъ...

— Попробуй, иди побуди,—отозвался студентъ-фельдшеръ,—я вчера предложилъ раненыхъ посмотрѣть, такъ онъ такъ взглянулъ на меня... „Я, говоритъ, усталъ, голоденъ, а вы...“

Сестра-хозяйка крѣпче сжала губы и, опустивъ глаза, тоже замѣтила:

— Могутъ непріятности выйти... Онъ сказалъ, что усталъ, не спалъ, а тутъ будить... Нѣтъ, нельзя будить!

Они спорили, начальникъ транспорта горячился и, если бы у него былъ голосъ, то, вѣроятно, кричалъ бы.

— Да чего вы въ самомъ дѣлѣ, ну давайте я самъ пойду, пусть онъ попробуетъ не встать, тогда я...—сипѣлъ онъ, размахивая рукой, въ которой еще была зажата нагайка.

Но ему итти не пришлось. На крыльцо вышла дежурная сестра—единственная, находившаяся въ летучкѣ и дежурившая безсмѣнно

— Въ чемъ дѣло? Что вы шумите? Здравствуйте, Яковъ Павловичъ. Раненыхъ опять привезли? Куда мы ихъ класть будемъ только, Боже мой!.. Надо столовую очистить... Семеновъ, соломы въ столовую, раненыхъ класть некуда...—заговорила она, останавливаясь на ступенькѣ крыльца.—А я задремала и вдругъ слышу шумъ... Опять раненые... Боже мой, сколько ихъ!.. Семеновъ, возьмите Красаву, вамъ одному не принести солому... Много у васъ, Яковъ Павловичъ?

— Да что, много-много!—сердито зашипѣлъ начальникъ транспорта.—Тутъ вонъ какая исторія выходитъ, вы не знаете, видно... Какое вамъ чучело прислали, что его даже будить боятся, когда раненыхъ полный транспортъ, а?

— Кого будить боятся? Ахъ, это докторъ... Да, да, мнѣ вчера Красава говорилъ, что докторъ новый пріѣхалъ, я думала, онъ зайдетъ къ намъ въ палату, а сама занята была—тутъ одинъ все безпокоился... Такъ почему же боятся?

— А вотъ спросите—вѣрно, докторъ такой!..—сердито отмахнулся нагайкой начальникъ транспорта.

— Какіе пустяки... Вѣдь раненые же... Я сейчасъ пойду разбужу его... А вы начинайте разгрузку, туда, въ залу еще человѣкъ пятнадцать положить можно, тамъ есть солома... А тѣмъ временемъ здѣсь постелятъ... Ну, столовую гдѣ-нибудь устроимъ... Я пойду!

Она повернулась и, слегка оправивъ сбившуюся косынку, сразу отбрасывая впечатлѣнія прерваннаго сна и стараясь въ дѣятельности и движеніи скорѣе сбросить паутину давней усталости, пошла къ комнатѣ доктора.

VI.

Ухмыловъ спалъ самымъ крѣпкимъ предутреннимъ сномъ, когда въ дверь къ нему постучались. Онъ слышалъ это во снѣ, даже понялъ, что стучатъ къ нему, но такъ трудно было оторваться отъ сна, такъ не хотѣлось говорить, отвѣчать, кого-нибудь видѣть, что онъ увѣрилъ себя, что ничего не слышалъ. Но въ дверь опять постучали, теперь уже сильнѣе, потомъ опять. Онъ поднялъ голову съ подушки, сморщился, какъ отъ физической боли, и сердито, грубо крикнулъ:

— Ну, кто тамъ еще? Чего надо? Видите, я сплю, чего без покоите?

— Докторъ, привезли транспортъ раненыхъ, надо принять!..—отозвалась сестра.

Раненыхъ, раненыхъ!.. Нельзя въ ночь-полночь вскакивать для каждаго раненаго...—заворчалъ-было Ухмыловъ, но было что-то въ негромкомъ и спокойномъ голосѣ говорившей такое, отъ чего онъ сталъ натягивать старую, мятую и замасленную тужурку.

— Да кто тамъ, какіе раненые?—уже ворчливо спросилъ онъ.—Кто тамъ, войдите!..

Онъ зажегъ свѣчу и хмуро, морщась и отъ того, что его разбудили, и отъ свѣта, взглянулъ на стоявшую въ дверяхъ сестру. Нѣсколько мгновеній онъ смотрѣлъ такъ, потомъ вдругъ вспомнилъ, что онъ не чесанъ, волосы у него всклочились и стояли дыбомъ, и онъ самъ сидитъ на диванѣ въ распахнутой тужуркѣ и въ однихъ носкахъ.

— Гм!.. Простите, сестра!.. Я спалъ вотъ тутъ...—забормоталъ онъ.—Я думалъ, кто-нибудь другой...

Онъ запахнулся, поднявъ воротникъ тужурки, и спряталъ ноги подъ диванъ. Онъ мало видѣлъ въ своей жизни женщинъ, почти не говорилъ съ ними и всѣхъ ихъ приравнивалъ къ тѣмъ, кого онъ долженъ былъ осматривать, какъ полицейскій врачъ, два раза въ недѣлю. Все то, что есть хорошаго въ женщинѣ, онъ навсегда и прочно откинулъ, и когда ему говорили о стыдливости, о нѣжности, о женственности, онъ только усмѣхался и махалъ рукой.

— Знаемъ, батюшка, знаемъ всю эту романтику, сентименты и ерундистику!—бубнилъ онъ, оттягивая нѣсколько волосъ бороды,—очень даже хорошо знаемъ, каждую недѣлю два раза имѣемъ удовольствіе проникать въ эту самую стыдливость, женственность и нѣжность!.. Чего ужъ тамъ, бросьте, батенька, эту чепухистику и иллюзіи...

Теперь онъ внезапно сконфузился и почувствовалъ, что волосы у него стоятъ дыбомъ, что носки грязны, а лицо смято отъ сна и обрюзгло.

— Гм! Раненые... Я сейчасъ тогда, сейчасъ...—забормоталъ онъ, желая только одного—чтобъ сестра скорѣй ушла,—вы идите, сестра, размѣщайте тамъ ихъ, я сейчасъ... Одѣнусь вотъ только!..

Она молча повернулась, приперла дверь и исчезла. Ухмыловъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, склонивъ голову набокъ и оттянувъ клокъ бороды, потомъ крякнулъ и, сердясь на себя, сталъ натягивать сапоги.

— Чортъ знаетъ—какъ мальчишка!.. Надо бы проперегь ко всѣмъ чертямъ, а растерялся, прямо растерялся... И потомъ эти носки... Чортъ его знаетъ—вѣдь въ чемоданѣ есть чистые, кажется, и волосы... Пригладиться хоть, что ли. Тоже—войну выдумали... Безпокойство одно—по ночамъ спать не даютъ, человѣкъ съ дороги, усталъ, только-что заснулъ—на тебѣ—ра-не-ные...

Онъ хотѣлъ сердиться, ворчать, но это какъ-то не выходило. Совершенно для него необычно вспоминалось, что онъ давно носитъ одну и ту же тужурку, что грудь у нея залоснилась и залита чѣмъ-то, что моется онъ только разъ въ день, и то кое-какъ, и лицо у него стало жирнымъ и неопрятнымъ. Онъ посмотрѣлъ на свои руки и ухмыльнулся.

— Если такими руками, съ этими черными ногтями, съ черными полосками грязи въ складкахъ кожи, залѣзть въ рану—зараженіе можно считать обезпеченнымъ...

„Надо бы того...—думалъ онъ, возясь съ подтяжками,—ужъ больно я сталъ... Какъ будто и не того... Все-таки, какъ никакъ война!.. Это все служба тамъ—возишься чортъ знаетъ съ какой дрянью, ну и самъ...

Онъ одѣлся, пригладилъ волосы и направился къ двери. Но передъ самой дверью остановился, какъ гимназистъ, не рѣшающійся войти въ экзаменаціонную залу, потомъ тряхнулъ головой и вышелъ.

Раненыхъ уже стали переносить въ очищенную и заваленную соломой столовую. Санитары, студентъ-фельдшеръ и та сестра, что заходила къ нему, возились при свѣтѣ спускающейся съ потолка лампы, куда-то ходили, опять возвращались, переговаривались негромкими голосами, и видно было, что они споро, толково и не спѣша дѣлаютъ привычное, знакомое дѣло...

Докторъ сдѣлалъ сердитое лицо (ему казалось, что такъ лучше можно замаскировать свое смущеніе) и тихонько протискался вдоль стѣны въ коридоръ.

Здѣсь ему попался солдатъ, который вечеромъ снималъ съ него сапоги. Онъ остановилъ этого солдата и тихо, какъ будто съ оттѣнкомъ робости, спросилъ:

— А скажи-ка, любезный, гдѣ тутъ у васъ операціонная?

— Перевязочная, ваше высокородіе? Сюда пожалуйте, тутъ вотъ, кабинетъ прежде бывши, такъ тутъ вотъ, пожалуйте... Я позову сестру, ваше высокородіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я самъ!.. Потомъ позову самъ,—забезпокоился Ухмыловъ и прошелъ въ перевязочную.

Знакомая по старымъ воспоминаніямъ еще земской работы обстановка произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Какъ будто всѣ эти ванночки съ сулемовымъ растворомъ, всѣ кривые ножи, ножницы, пинцеты и ланцеты, прикрытые стерилизованной марлей, банки съ клоками ваты, инструменты въ стеклянномъ ящичкѣ, все это говорило внятнымъ и полузабытымъ языкомъ давно минувшей, такъ давно, словно она была не у него, а кого-то другого, кого онъ близко и хорошо зналъ—молодости!..

Онъ оглядѣлъ все это съ любопытствомъ человѣка, долго отсутствовавшаго изъ родного дома и неожиданно попавшаго въ него, потомъ нашелъ умывальникъ и сталъ тщательно мыть руки. Онъ вымылъ разъ, потомъ второй, потомъ третій, усердно рас-

тирая загрубѣвшую кожу щеткой, потомъ нашелъ склянку съ сулемой и вымылъ ею руки, потомъ поискалъ халата. Халатъ висѣлъ тутъ же на стѣнкѣ, закрытой бѣлой клеенкой, и тоже говорилъ что-то полузабытое и милое, какъ увлеченіе молодости, своей безукоризненной бѣлизной и прямыми заглаженными складками.

— Гм! Нарядимся!..—пробормоталъ докторъ, неловко влѣзая въ халатъ.—Хочешь не хочешь, придется опять тряхнуть стариной.

Въ халатѣ отъ долгой отвычки ему было неловко. На моментъ встала знакомая мысль, не послать ли все это къ чорту, и не пойти ли опять спать, а ужъ утромъ осмотрѣть всѣхъ этихъ раненыхъ, но вспомнилась сестра съ утомленнымъ, щурившимся на свѣтъ зажженной имъ свѣчки лицомъ, странный, въ чемъ-то непоколебимо и опредѣленно увѣренный человѣкъ, передъ которымъ онъ сидѣлъ чучеломъ на диванѣ, и стало опять неловко.

— Ладно ужъ, сегодня посмотрю!.. Но если они думають, что я буду кишки надрывать надъ ихними ранеными,—это они пусть оставятъ!.. Это извините, ищите другихъ дураковъ-съ, да!

Онъ какъ будто подбодрилъ себя этими мыслями и вышелъ въ столовую, куда клали раненыхъ, съ суровымъ, нахмуреннымъ лицомъ.

„Только осмотрю... Дѣлать ничего не буду, только отдѣлю...— думалъ онъ, подходя къ сестрѣ, завѣдывавшей расположеніемъ раненыхъ,—это ужъ извините...“

Первые разгруженные раненые были въ залѣ. Его провели туда, и онъ сталъ осматривать. Онъ хотѣлъ только сейчасъ раздѣлить тяжелыхъ отъ болѣе легкихъ, требующихъ операціи отъ перевязочныхъ только и т. д.—но случилось какъ-то такъ, что вторымъ, къ которому онъ подошелъ, оказался солдатъ съ раздробленнымъ бедромъ. Онъ, должно-быть, пролежалъ въ какой-нибудь лужѣ долгое время, поэтому рана была воспалена, въ ней несомнѣнно были осколки кости, грязь и, можетъ-быть, осколки ранившаго солдата снаряда, и ему надо было тотчасъ же сдѣлать вскрытіе, вычистить рану, а можетъ-быть, сразу же и приступить къ операціи.

— Гм!.. Такъ, такъ... этого на очередь!.. Въ перевязочную...— бросалъ Ухмыловъ неотступно слѣдовавшему за нимъ фельдшеру-студенту.—Надо приготовить его... Вы, конечно, знаете?

И по одному короткому взгляду на студента онъ понялъ, что тотъ знаетъ и умѣетъ.

— Такъ, ну, теперь ты... Куда, въ бокъ? Вы всѣ въ бокъ, кого ни спроси... Рѣжь ему шинель...—бросалъ онъ санитару,—такъ... Тоже, туда же... Этотъ... Гм!..—Ну этотъ подождетъ... Такъ, рука... Плохо—отнять придется, а?

Онъ взглянулъ на раненаго и встрѣтилъ покорный, молчаливый, чѣмъ-то неуловимо напоминавшій кроткое и терпѣливое животное взглядъ.

— Слышишь, а?—спросилъ онъ раненаго,—отнять руку-то придется, выше локтя!.. Кисть у тебя совсѣмъ прочь и дальше кость раздроблена.

— Какъ прикажете, ваше высокородіе,—хрипло отозвался раненый.

— Я, братъ, приказывать не могу, я говорю только, въ чемъ дѣло у тебя.

Онъ переходилъ отъ раненаго къ раненому, выщупывалъ, осматривалъ, и когда раненый вскрикивалъ, спокойно и не торопясь, говорилъ ему:

— Ну, ну, вояка, на смерть лѣзъ, не кричалъ, а тутъ вздумалъ. Брось, починимъ, нечего кричать, лучше, какъ новый, будешь!..

Откуда-то,—для него самого было непонятно это, вспомнилъ ли онъ пору своего увлеченія земской службой, или просто сама обстановка обязывала къ этому,—откуда-то у него явился спокойный, вѣрный пріемъ, смѣлый и серьезный языкъ въ разговорѣ съ ранеными, и похоже было, что онъ уже много лѣтъ работаетъ надъ этимъ. Возлѣ одного, раненаго въ животъ, все время мучившагося желчной рвотой, онъ на минуту пріостановился, бѣгло изслѣдовалъ его и коротко бросилъ:

— Морфій... Инъекціями по цѣлому шприцу... Все время!..

— Въ перевязочную на очередь?—наклонился надъ нимъ студентъ.

— Ну ужъ, чего ужъ... Какая ужъ тутъ перевязочная...—отворачиваясь, отвѣтилъ докторъ и пошелъ къ слѣдующему.

Студентъ переглянулся съ сестрой, и глаза у обоихъ стали особенно серьезными, какъ будто холодными и замкнутыми. А докторъ, переходя все дальше и дальше, бурчалъ что-то подъ носъ и съ изумленіемъ замѣчалъ, что окна въ палатѣ уже стали свѣтлыми, что лица раненыхъ въ этомъ утреннемъ неожиданномъ свѣтѣ приняли новое, еще болѣе покорное, печальное и выжидательное выраженіе, какое онъ видѣлъ когда-то, работая въ клиникѣ послѣ университета, у обезьянъ, которымъ былъ привитъ туберкулезъ, и этотъ обезьяній безмолвный взглядъ какъ будто связывалъ его, налагалъ обязательство и не позволялъ уйти...

Когда послѣ осмотра всѣхъ онъ выпрямился и съ наслажденіемъ потянулся, сбоку выдвинулась сестра, приходившая его будить, и сказала:

— Тамъ въ перевязочной уже все приготовлено, и тотъ съ ногой уже принесенъ.

„Такъ, начинается!..—мысленно отвѣтилъ ей Ухмыловъ, не замѣчая, что это началось уже давно,—теперь оплачивай выданные векселя!.. Тутъ бы чайку горячаго, да въ постель, а вмѣсто этого... Выдалъ самъ векселя, не сумѣлъ сразу поставить, вотъ и иди теперь!..“

Онъ стоялъ передъ сестрой, глядя на нее, какъ бы забывъ о ней, и думалъ. Потомъ двинулся, обернулся и вдругъ замѣтилъ эту сестру.

У нея было блѣдное отъ безсонницы продолговатое лицо, закрытое, какъ рамой, бѣлой косынкой, и все, что онъ замѣтилъ на немъ, это были глаза: они были совсѣмъ сѣрые, огромные, казавшіеся еще больше отъ темныхъ тѣней подъ ними, и смотрѣли они просто, даже какъ будто наивно и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренно, словно эта дѣвушка была убѣждена, что всѣ должны думать такъ же, какъ она. И эта наивная увѣренность парализовала Ухмылова, и теперь ему уже совсѣмъ невозможно было итти спать, а не въ перевязочную.

Онъ отвернулся, наклонилъ голову и пріостановился.

— Вотъ что, сестра,—проговорилъ онъ угрюмымъ голосомъ, не глядя на нее,—тамъ мнѣ студентъ этотъ поможетъ... Какъ его, ну фельдшеръ, однимъ словомъ, а вы бы... Вамъ, я жалую, отдохнуть надо... Вы вѣдь одна здѣсь? И все время на дежурствѣ? Чортъ знаетъ что такое!.. Тамъ въ тылу болтаются, на автомобиляхъ разъѣзжаютъ, а тутъ... Такъ вотъ вы бы пошли... А мы справимся!..

Она глядѣла на него все такъ же просто, наивно и увѣренно. Но къ этому выраженію въ большихъ сѣрыхъ глазахъ прибавилось еще нѣчто, какой-то далекій и свѣтлый оттѣнокъ неожиданной радости. Докторъ подмѣтилъ его, нахмурился еще больше и тяжело, какъ медвѣдь сквозь густую поросль, пошелъ въ перевязочную. И когда шелъ, то уже совершенно неожиданно для себя думалъ:

„Я имъ задамъ, чертямъ собачьимъ, оставлять отрядъ съ одной сестрой... То доктора Богъ знаетъ сколько времени нѣтъ, то сестры... Что это за порядки?.. А раненыхъ какъ изъ мѣшка валитъ... Я имъ напишу завтра же... Они у меня узнаютъ, какъ ставить отряды надо!..“

VII.

„... вслѣдствіе этого имѣю честь предупредить васъ, милостивый государь, что работа при такихъ условіяхъ не можетъ быть продуктивной. Одна сестра, занятая все время дежурствомъ, не въ состояніи справиться съ такимъ количествомъ раненыхъ, какое приходится летучкѣ принимать ежедневно. Сестра устала, она спитъ урывками, по часу, по два въ день, и со дня на день можно ожидать, что она просто-напросто свалится съ ногъ. Здѣсь совершенно необходимы по меньшей мѣрѣ двѣ сестры, что, конечно, позволитъ справляться съ работой съ бо́льшимъ успѣхомъ. Въ случаѣ несогласія вашего, милостивый государь, съ высказаннымъ въ данномъ письмѣ мнѣніемъ моимъ, я буду вынужденъ ходатайствовать передъ главнымъ управленіемъ организаціи о томъ же, поставляя на видъ, что такое отношеніе къ интересамъ раненыхъ есть игнорированіе прямой ея, организаціи, задачи“.

Ухмыловъ передвинулъ очки на лобъ, отеръ потъ съ лица какимъ-то полотенцемъ, почему-то оказавшимся у него въ карманѣ, и опять перечиталъ все письмо.

— Пусть-ка теперь выкушаютъ!—пробормоталъ онъ, качая въ воздухѣ листкомъ бумаги, такъ какъ клякса-папира нигдѣ поблизости не находилось.—Это же дѣйствительно свинство...

Онъ писалъ въ перевязочной, такъ какъ это было единственное мѣсто, куда можно было уединиться. На третій день послѣ поступленія Ухмылова врачомъ въ летучку, вышло какъ-то такъ, что онъ лишился своей комнатки съ продавленнымъ старымъ диваномъ. Съ позицій привезли трехъ офицеровъ—подполковника, переутомившагося до того, что онъ оравнодушѣлъ ко всему, и если ему не дать ѣсть, онъ не спросилъ бы себѣ въ теченіе двухъ сутокъ, штабсъ-капитана, раненаго въ область праваго легкаго, и прапорщика, которому нужно было тотчасъ же дѣлать ампутацію ноги. Персоналъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ присматривавшійся къ новому доктору, не рѣшался намекнуть ему объ очищеніи занимаемой имъ комнатки, но сестра Марія просто пошла къ нему въ операціонную, гдѣ докторъ возился съ наложеніемъ гипсовой повязки, сказала ему, что новыхъ раненыхъ помѣстить некуда, и посмотрѣла на него своимъ ожидающимъ только согласія, увѣреннымъ взглядомъ. Ухмылову некогда было объясняться, къ тому же раненый солдатъ сильно волновался, и какъ разъ въ то время, когда ему надо было лежать какъ можно спокойнѣе,—и онъ только какимъ-то старымъ, полузабытымъ почти чувствомъ запротестовалъ.

— Ну да, конечно, а докторъ, какъ собака!.. Не жравши, не спавши—все работай, работай... Я знаю, знаю это!.. Вотъ брошу всю эту чепухистику, пошлю къ чорту... А, да не вертись ты, земляк, лежи спокойно, а то все снова надо дѣлать.

Онъ поднялъ голову, на которой торчали вихры сбившихся во снѣ волосъ, которые никакъ нельзя было причесать какъ слѣдуетъ, сердито взглянулъ въ широко открытые ожидающіе глаза сестры и отвернулся:

— А берите вы комнату, чего тамъ еще!.. Скажите этому, какъ его—все забываю—Красивому или какъ тамъ—Красавѣ и велите вынести куда-нибудь чемоданъ... А ты лежи, лежи же, тебѣ говорятъ, сейчасъ кончу и лучше, какъ новый, будешь!..

Вечеромъ того же дня докторъ, усталый, сонный, въ одномъ

жилетѣ,—онъ забылъ надѣть тужурку послѣ того какъ снялъ халатъ,—конфузливо бродилъ по дому, отыскивая свой чемоданъ и мѣсто, гдѣ бы онъ могъ пристроиться на ночь.

— Чертъ знаетъ—работаешь-работаешь, и, какъ собака!.. Хоть бы уголъ какой-нибудь дали, а то иди на крыльцо ночевать... Чортъ ее возьми, всю эту дурацкую работу... Какой-то тамъ дипломатъ не сумѣлъ написать ноту, а другой не сумѣлъ отвѣтить, а я тутъ...

Но онъ не успѣлъ додумать о дипломатахъ, такъ какъ къ нему подошла сестра-хозяйка.

— Докторъ, ваши вещи въ той комнатѣ, гдѣ мы съ сестрой Маріей были... Пожалуйте туда... Тамъ тѣсно, правда, но все-таки...

Она опустила глаза, какъ монахиня, и сжала плотно губы.

— А вы гдѣ же?—хмуро спросилъ докторъ.

— А мы устроились, вы не безпокойтесь, мы съ сестрой Маріей устроились...

— Я спрашиваю, гдѣ устроились?—угрюмо повторилъ докторъ.

Сестра слегка отодвинулась и негромко сказала:

— Тутъ въ коридорѣ... Тутъ, знаете, очень много мѣста, мы тамъ вотъ... Мы очень хорошо устроились, докторъ!

Докторъ молча прошелъ въ коридоръ, постоялъ надъ двумя койками, составленными головами вмѣстѣ, чтобъ оставался проходъ въ коридорѣ, и потянулъ концы бороды въ ротъ.

— Гм!.. Конечно!.. Иначе развѣ можетъ быть? Бабы, конечно... — ворчалъ онъ и чуть не добавилъ „дуры“, но во-время спохватился.

Потомъ повернулся, вышелъ на крыльцо и, увидѣвъ чинившаго носилки солдата-санитара, закричалъ:

— Ты, какъ тебя—красавецъ или какъ тамъ еще—никакъ не могу запомнить! Возьмешь сейчасъ вещи сестеръ и перенесешь въ ихъ комнату изъ коридора, а мнѣ раскинешь въ коридорѣ койку... Понялъ? И чемоданъ туда.. Живо, смотри у меня... Чучело этакое!.. Я васъ пришколю, будете помнить...

Солдатъ бросилъ носилки и, вытирая на ходу руки, побѣжалъ исполнять приказаніе. Сестра-хозяйка попыталась-было возразить что-то, но Ухмыловъ только посмотрѣлъ на нее и отвернулся.

Съ тѣхъ поръ, когда ему надо было подсчитать, сколько нужно выписать перевязочнаго матеріала, или сдѣлать смѣту на жалованье персоналу и санитарамъ, или написать какую-нибудь записку, докторъ удалялся въ перевязочную.

Сюда часто входили, сосредоточиться было трудно, студентъ-фельдшеръ все время возился тутъ со всѣми банками, склянками, бутылками и пастами, сестра Марія приходила привести въ порядокъ инструменты, но другого мѣста не было. И часто докторъ, теребя себя за бороду и выписывая требованіе, неожиданно говорилъ вслухъ, ни къ кому не обращаясь:

— Пятью пять—двадцать пять? А трижды восемь—двадцать четыре? Значитъ, двадцать пять большихъ и двадцать четыре малыхъ пакета—это будетъ... Девять и четыре—сорокъ девять, такъ?

Ни студентъ ни сестра не отвѣчали, думая, что онъ обращается къ самому себѣ, отчасти и нѣсколько стѣсняясь непонятнаго человѣка. Тогда онъ, не оборачиваясь, кричалъ громче:

— Сорокъ девять, я спрашиваю? А?

— Сорокъ девять!..—съ легкой улыбкой отвѣчалъ студентъ.

— Ну вотъ, такъ бы и сказали...—успокаивался докторъ и опять бормоталъ про себя:

— Триста сорокъ восемь на двадцать одинъ... Гм!.. Единожды одинъ—одинъ...

Сестра и студентъ переглядывались и чуть-чуть улыбались. Студенту докторъ послѣ своего страннаго появленія, воркотни и неожиданной работы и даже забвенія своихъ интересовъ казался смѣшнымъ чудакомъ, которому хочется играть роль суроваго человѣка. Сестра не думала объ этомъ, она просто знала своимъ внутреннимъ чувствомъ то, чего не могли знать другіе. И въ отвѣтъ на взглядъ студента она успокоительно кивала головой, какъ киваетъ головой нянька, когда ребенокъ начинаетъ капризничать...

Въ сестрѣ Маріи была какая-то странная и никому ясно непонятная сила. Ухмыловъ, работая съ ней бокъ о бокъ, никакъ не могъ понять, въ чемъ именно заключается эта сила, но ощущалъ ее непрестанно. Иногда, когда онъ поздней ночью, пробираясь изъ своего коридорчика, видѣлъ ее, задремавшую на табуретѣ, откинувшись спиной къ стѣнѣ и закинувъ голову назадъ—ему казалось, что эту молчаливую, какъ-то по-особенному увѣренную и спокойную дѣвушку окружаетъ какой-то смутный ореолъ. Онъ не могъ понять, почему такое впечатлѣніе рождалось у него, но впослѣдствіи ему стало казаться, что она всегда окружена этимъ ореоломъ въ родѣ какой-то дрожащей дымки, облака, и отъ этого такъ странно широко открыты ея глаза, отъ этого въ нихъ непонятное, смѣшанное выраженіе увѣренности, дѣтской простоты и большой тяжести... И, кажется, отъ этого, оставшись съ ней наединѣ какъ-то въ перевязочной, онъ испыталъ тяжелое, давящее ощущеніе, какое бываетъ у докторовъ передъ безнадежнымъ больнымъ, которому помочь уже нечѣмъ, отъ этого говорить съ ней было трудно и неловко—надо было прятаться въ суровость, призывать на помощь старый, знакомый всю жизнь цинизмъ...

Передъ сестрой Маріей онъ робѣлъ, конфузился и вдругъ начиналъ до боли ярко чувствовать свою нелѣпую прическу, оплывшее мягкими складками лицо, грязныя руки, нечистое тѣло. Онъ отворачивался, ворчалъ подъ носъ о бабахъ, объ ерундистикѣ, о томъ, что онъ давно изучилъ все это, пропуская черезъ руки сотни женщинъ, и знаетъ, въ чемъ вся штука, но это удавалось плохо, и онъ сжимался, какъ щенокъ, надъ которымъ занесутъ хлыстъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ни передъ кѣмъ ему не было бы стыдно послать къ чорту санитара, звавшаго его къ раненому, у котораго повысилась температура, проспать пріемъ новаго транспорта, оставить всѣ перевязки на студента,—но передъ сестрой Маріей онъ этого сдѣлать не могъ. И даже, замѣтивъ, что она интересуется какимъ-нибудь раненымъ больше, пишетъ ему письмо или сидитъ во время бреда и успокаиваетъ его, онъ ночью, внезапно проснувшись, тихонько вставалъ и босой, въ однѣхъ брюкахъ, смѣшной отъ вылѣзающей изъ нихъ неопрятно застегнутой рубашки, всклоченный, сопящій, шелъ къ этому раненому, ставилъ самъ ему термометръ или, никого не безпокоя, шелъ въ перевязочную и приносилъ жаропонижающее...

„...есть игнорированіе прямой ея, организаціи, задачи...“—перечиталъ еще разъ Ухмыловъ и, довольный такимъ офиціальнымъ и строгимъ тономъ письма, заклеилъ конвертъ, проведя по его краю языкомъ, и поставилъ печать организаціи.

Студентъ-фельдшеръ вошелъ въ перевязочную, покопался съ банками, и, смѣшавъ что-то въ пузырекъ, сталъ смотрѣть на свѣтъ его. Ухмыловъ, оттянувъ нѣсколько волосковъ бороды, смотрѣлъ на него съ усмѣшкой на своемъ жирномъ, отекшемъ лицѣ.

— А я сейчасъ нашему завѣдывающему медицинскимъ отдѣломъ дипломатическій ультиматумъ послалъ,—проговорилъ онъ,—серьезную штуку ему загнулъ!

— А на какой предметъ?—освѣдомился студентъ.

— А вотъ на тотъ, что все никуда не годится, и кромѣ чепухистики мы дѣлать ничего не можемъ... Все это ерунда, и занимаемся мы самолюбованіемъ: „ахъ, какіе герои, ахъ, какіе добрые, отзывчивые люди... Пошли на войну, когда ихъ никто не звалъ, и работаютъ на пользу несчастной, милой, идеальной сѣрой скотинки...“

Студентъ поставилъ бутылочку на столъ и уставился на доктора.

— Вы чего на меня смотрите? Не слыхали еще такого? Э-э-э, батюшка, вы многаго не слыхали... Это все равно какъ въ земствѣ... Не изволили работать? Называется народная медицина, чортъ возьми, не какъ-нибудь!.. А я работалъ тамъ, дрался, воевалъ... Участокъ семьдесятъ верстъ изъ конца въ конецъ, живетъ на немъ душъ тысячъ шестьдесятъ—и замѣтьте—это малонаселенный раіонъ былъ, а у меня больница на десять кроватей, три фельдшерскихъ пункта, и средствъ, примѣрно, такъ комплектовъ сто-полтораста... А съ матеріаломъ и того хуже... Вотъ и обвиняйте мужика, что онъ идетъ къ бабкѣ-повитухѣ, когда у него разсыпной пупъ или иная какая-нибудь таинственная болѣзнь, а не къ доктору, а доктора, что онъ не можетъ обслужить своего раіона!.. Ерунда и чепухистика... И тутъ то же самое!..

— Вы все время въ земствѣ работали?—спросилъ студентъ.

— Н-нѣтъ, не все... Потомъ такъ, служилъ... Ну, это дѣло стороннее—гдѣ и какъ, а только что видѣлъ я это въ своей жизни и теперь вижу!.. Вотъ въ чемъ штука... Да и вся наша медицина, въ сущности, ерундистика порядочная... Еще хирургія туда, сюда—и то слѣпымъ котенкомъ бродитъ, а остальное... Когда мы чего-нибудь не понимаемъ, мы говоримъ—„это нервное“... Когда не можемъ установить діагноза—болтаемъ, что болѣзнь не приняла опредѣленнаго теченія, что надо подождать: и бѣжимъ домой, подчитываемъ старый учебникъ, выпущенный лѣтъ двадцать тому назадъ... Эхъ, коллега, коллега!..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но на дворѣ вдругъ закричали, кто-то пробѣжалъ мимо, и гдѣ-то, казалось, совсѣмъ недалеко, чуть не на этомъ же самомъ дворѣ, плотно и коротко ударилъ орудійный выстрѣлъ.

— Э-то... Это что же такое?—приподымаясь и чувствуя, что онъ блѣднѣетъ, спросилъ докторъ. Эт-то въ какихъ же смыслахъ?..

Студентъ выглянулъ въ окно, поставилъ баночку на полку и, вытирая руки, пошелъ къ двери.

— Аэропланъ, должно-быть, на ходу отвѣтилъ онъ,—пойдемте смотрѣть—вѣрно, надъ нами: потому что батарея наша отозвалась... Тутъ недалеко стоитъ, пойдемте...

Докторъ двинулся-было, но тотчасъ же сѣлъ.

— Вотъ оно, вотъ оно!..—забормоталъ онъ, оставшись одинъ.— Еще этого не доставало, что же это такое... Ударитъ, вынесетъ всѣ кишки вонъ, вотъ и будетъ тогда...

Опять плотно и коротко, такъ что стекла жалобно звякнули въ окнѣ, ударило орудіе, и печальный, жалобный и странный вой улетающаго снаряда прорѣзалъ воздухъ. И какъ бы въ отвѣтъ ему, гдѣ-то уже совсѣмъ близко, едва ли не надъ головой, страшнымъ потрясающимъ грохотомъ рванулось что-то, и весь домъ содрогнулся и заколыхался, какъ будто сама земля разсѣлась подъ этимъ ударомъ.

— Батюшки, матушки... батюшки!..—залепеталъ докторъ и, сорвавшись съ табурета, выскочилъ въ коридоръ. — Батюшки, матушки...

Кто-то бѣгалъ на дворѣ, громко отбивая тяжелыми сапогами

по твердой землѣ. потомъ громко и какъ будто весело крикнулъ:

— Бомба!

И опять вперемѣшку съ выстрѣлами недалекой батареи грохотъ разрыва расколол воздухъ бѣшенымъ вихремъ.

Не соображая, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, докторъ вылетѣлъ на крыльцо. Санитаръ Красава вмѣстѣ съ другими солдатами стояли на дворѣ и, закинувъ вверхъ головы, смотрѣли въ лазурное, такое спокойное и прекрасное небо.

— Вонъ, вонъ,—указывалъ кому-то Красава, — вонъ какъ повернулъ!.. А теперь ниже сталъ... Наша-то ошибетъ, пожалуй — пристрѣлявши теперь!..

Стукнулъ новый выстрѣлъ, и одновременно бѣлый неподвижный комочекъ дыма повисъ въ голубомъ небѣ. И чуть-чуть правѣе его докторъ вдругъ увидѣлъ то, что посылало сюда смерть и разрушеніе.

Это было совсѣмъ не страшно — такъ, въ родѣ маленькой стрекозы, странно хрупкой и легкой, медленными кругами плавало въ яркой голубизнѣ неба, и было въ немъ что-то дѣтское, наивное, удивительно миніатюрное, такое, что мысль никакъ не хотѣла связать съ ужаснымъ грохотомъ, отъ котораго трясся старый флигелишко...

Бѣлые дымки вспыхивали и надолго замирали возлѣ него, и это похоже было на какую-то игру, когда хрупкая стрекозинка окружается этими дымками. Но съ нея отвѣчали — и внезапно докторъ увидѣлъ у угла сарая, гдѣ стояли лошади летучки и спали санитары, неизвѣстно откуда родившійся огромный черный столбъ дыма, какъ вѣнкомъ, окруженный кусками вырванной земли, камнями, какими-то палками, быстрый зеленовато-красный и чуждый въ дневномъ свѣтѣ огонь—и черезъ секунду грохотъ, и воздушный вихрь упруго толкнулъ его, и въ ушахъ у него зазвенѣло.

Санитары разсыпались, кто куда, и докторъ, еще не понимая, что именно случилось, растерянно оглядывался вокругъ. Опять ударила бомба, уже посреди широкаго двора, и докторъ упалъ. Онъ думалъ, что онъ уже раненъ, убитъ, что его нѣтъ, но инстинктъ былъ сильнѣе всякой мысли, и, тотчасъ же вскочивъ, онъ вдругъ ринулся въ домъ. И уже не мыслью, а чѣмъ-то другимъ, внѣ всякой мысли, понялъ, что кто-то на дворѣ жалобно и громко застоналъ мучительнымъ, долгимъ стономъ.

— Да расточатся врази его!..—бормоталъ трясущимися губами докторъ, суясь въ темномъ коридорѣ на какую-то кровать, которой какъ будто прежде не было, и кружась на одномъ мѣстѣ, словно онъ заблудился,- и всякая супостаты...

Слѣпой, безмѣрный ужасъ живого существа передъ уничтоженіемъ охватилъ его. Онъ готовъ былъ залѣзть подъ кровать, въ которой онъ уже не узнавалъ своей кровати, зарыться куда-нибудь за чемоданъ и выть отъ этого животнаго чувства страха, какъ вдругъ дверь изъ комнатъ рѣзко отпахнулась, стукнула объ стѣнку, и въ коридоръ вбѣжала сестра Марія.

— Вы видѣли, видѣли?—захлебываясь, бросилась она къ доктору. — Вы въ перевязочную, за матеріаломъ? Я взяла, у меня есть... Ахъ, бѣдный Красава, вѣдь это ужасъ... Не надо, не надо, у меня есть тутъ... И другихъ—Семенова съ носилками... Пойдемте же, у меня взяты бинты, бѣжимъ!..

Она схватила доктора за руку, и онъ съ непонятнымъ чувствомъ, близкимъ къ ужасу и отчаянію, почувствовалъ, какъ его трясущуюся полную руку крѣпко схватила маленькая крѣпкая рука дѣвушки и повлекла куда-то.

Онъ былъ въ томъ состояніи, когда малѣйшій внѣшній толчокъ является исходнымъ. Онъ не думалъ, куда она его тащитъ, зачѣмъ они сбѣгаютъ съ крыльца и мчатся на середину двора, гдѣ, ново и чуждо густой зеленой травѣ, вдругъ развернулась глубокая свѣжая яма сырой земли, и какой-то исковерканный, раздавленный червякъ въ защитной рубахѣ съ черными пятнами крови на ней ползаетъ и кричитъ жалобнымъ крикомъ.

Въ томъ же состояніи онъ подбѣжалъ къ этому искалѣченному существу, наклонился надъ нимъ рядомъ съ сестрой Маріей и что-то дѣлалъ, рвалъ какую-то матерію и даже сердился на то, что она такая плотная и не поддается его пальцамъ, потомъ поверхностно ощупалъ и, суетливо, уже не глядя наверхъ, откуда каждую секунду могъ принестись опять этотъ ударъ, распоряжался, какъ надо взять раненаго и класть его на носилки...

Трескъ выстрѣловъ невидимой и близкой батареи билъ по головѣ частыми ударами. Бѣлыя облачка вспыхивали все ближе и ближе отъ вертѣвшагося въ бездонной синевѣ мирнаго, наивнаго неба самолета, но докторъ уже не видѣлъ, какъ легкая, хрупкая стрекозинка выпрямила путь, какъ быстро пошла въ сторону, и какъ раза два она ковыльнулась въ воздухѣ, падая все ниже и ниже...

Когда это случилось, онъ былъ уже въ перевязочной и, наклонившись надъ столомъ, закрытымъ бѣлой мягкой клеенкой и залитымъ черной горячей кровью, осторожно и ловко выбиралъ осколки раздробленныхъ ногъ, рѣзалъ и зондировалъ и коротко-рѣзко, словно сердясь на подававшую ему инструменты, шелкъ и перевязочный матеріалъ сестру Марію, бросалъ громкимъ голосомъ:

— Марлю... Ваты... Еще ваты!.. Теперь томпонъ приготовьте... Ахъ, не такъ — сколько разъ вамъ говорить? Еще стерилизованной марли... Іодъ давайте... Да не тамъ — сзади васъ на столѣ, ну такъ, томпоны есть?

И когда перевязка была кончена и веселый, здоровый, жизнерадостный санитаръ Красава, беззвучно шевеля посинѣвшими губами на внезапно осунувшемся, посѣрѣвшемъ и похудѣвшемъ лицѣ, взглянулъ на него знакомымъ, покорнымъ и печальнымъ, молчаливымъ и исполненнымъ терпѣнія обезьяньимъ взглядомъ, докторъ отвернулся и пробормоталъ:

— Какая чепухистика... съ неба, по красному кресту!.. Ошалѣли они, что ли?

Онъ пошелъ мыть руки, но долго не могъ взять мыла, потому что руки дрожали. Потомъ, вытирая ихъ, онъ не удержалъ полотенца и раза два ронялъ его. А когда раненаго унесли и онъ остался одинъ въ перевязочной, онъ оглянулся растерянно, словно увидѣвъ въ первый разъ знакомую обстановку, присѣлъ на табуретку и, сжавъ голову руками, заплакалъ неожиданными, теплыми слезами, какъ обиженный ребенокъ. И сквозь катившіяся по лицу слезы, сверкавшія на бородѣ, какъ алмазики, сквозь сжимавшія горло рыданія онъ бормоталъ:

— Какая чепуха... Какая ерундистика и чепуха все это — и смерть, и бомбы, и кровь, и ужасъ... Какая чепухистика... И развѣ это, это главное, батюшки мои?!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

Россія.

Россія, жертвенной печали
Доколѣ ты обречена?
Твоихъ ли думъ не омрачали
Мятежъ и лютая война?

Опустошенная разоромъ,
Обильно кровью пропотѣвъ,
Въ забвеньи бѣдъ благомъ и скоромъ
Ты начинала Божій сѣвъ.

Желѣза тайныя носила,
Копила мудрыя слова,
Но не щадила злая сила
Нерукотворнаго жнитва.

И, вновь терзаема безъ мѣры,
Могилы роя безъ числа,
Полуистлѣвшій уголь вѣры
Ты все же бережно несла.

Межъ царствъ земныхъ тебя едину
Избралъ пособницей Господь,
И въ эту страдную годину
Твоя покорно стерпитъ плоть

Не осквернятъ бразды лихія
Твоей духовной цѣлины,
Но скоро ль сбудутся, Россія,
Тобою пытанные сны?

Александръ Рославлевъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона" книги 6 и 7.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Выданъ 4 ноября 1917 г.
Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.
Къ этому № прилагаются „Полн. собр. соч. Мамина-Сиб.“ кн. 55—56 и „Для дѣтей“ № 10.
Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СѢДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.— Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 К С

КРУПНЫЙ

ЗАРАБОТОКЪ

КРУГЛЫЙ ГОДЪ

получается отъ вязанія

ЧУЛОКЪ и НОСКОВЪ,

какъ и друг. вязаныхъ издѣлій на нашей автоматическ. кругловязальной машинѣ „ВИКТОРІЯ“.

ОНА ВЯЖЕТЪ ВСЕ. Въ минуту больше 10.000 петель,

Въ 15 минутъ одинъ чулокъ.

Легкая и простая работа для мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется.

Спросъ на чулочный товаръ всегда большой, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Наша маш. „ВИКТОРІЯ“ стоитъ теперь 400 р., со всѣми принадлежностями и полнымъ самоучителемъ, при помощи котораго всякій легко можетъ научиться работать,—при этомъ машина самая лучшая и дешевая на свѣтѣ.

Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.

Постоянный складъ разной пряжи, иголокъ и запасныхъ частей.

Требуйте нашъ иллюстрированный проспектъ (на отвѣтъ 30 к. марками).

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ **ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°.**

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40/42—11 в. 4781

!ГРАЖДАНЕ!

Въ виду дороговизны на платье, бѣлье и обувь, дамъ Вамъ совѣтъ и приспособленіе носить платье безъ спосу, въ которомъ Вы будете приличны и элегантны. Платья мужскія и женскія, если примѣните совѣтъ и приспособленія, будутъ, какъ новы. Совѣтъ 3 руб., приспособленія на всю жизнь 20 руб. г. Арзамасъ (Нижег. губ.) Большая ул., д. № 16, П. Бенедиктовичу.

4732 4-2

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

УЗНАВАЙТЕ СУДЬБУ.

Сообщ. мѣсяцъ рожд. и Вы получите Подробное Предсказаніе Своей Судьбы. Выс. нал. пл. за 3 руб. Москва, К. Я. № 2283—Р.

ФОТОГРАФЫ

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ, покупая пластинки, бумаги, открытки, матеріалы и продукты у

Т-ва ЛЮМО в Москвѣ.

Мясницкая, 14, отд. 29.

(8) Расцѣнок по требованію. 4682

ПРОКТОЛЪ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктолъ-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья

ПЕТРОГРАДЪ

ПОКУПАЮ

старыя и новыя картины русскихъ и иностранн. художниковъ, фарфоръ, бронзу и т. д.

Москва. 9-е почтовое отдѣленіе. Ящикъ 21—28.

4734

ОТКРЫТКИ отъ **8 р.** до **20 р.** за 100 загр. видов. и др. высыл. торгов. по получ. 1/3 задат. **Ф. Нитче.** Китаевское, Моск. губ.

4709 8-8

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ.

4365 Цѣна 1 руб. **Москва,** изд—ство **„ЛУЧЪ“**, Печатниковъ пер., 18/2. (17)

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавъ **„Механическую пропись“.** Цѣна 1 р. 75 к. Москва, ред. журн. „Соколъ“, отд. 2. 4678

Красоту лица

сохраняйте пластическимъ массажемъ, изучивъ его заочно. Проспектъ, опросный листъ и пробная лекція высыл. за двѣ 15-коп. марки. Москва, Петровскій бульв., **Марія Дурасовичъ.**

4727 10-1

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

для снѣжной бѣлизны бѣлья

ИДЕАЛЬНУЮ СИНЬКУ въ листкахъ

В. Вадовскаго. Цѣна пакета 35 и 60 коп.

Цѣна мал. пак. 35, больш.—60 коп.

Высылается наложн. платеж. Гл. скл. Петроградъ, Б. Зеленина, 9, В. Вадовскій.

8-3 4684

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

(Народная библіотечка изъ 40 выпусковъ).

Цѣль энциклопедіи въ рядѣ очерковъ познакомить читателя со всѣми важнѣйшими вопросами современности. Каждый выпускъ энциклопедіи составляетъ самостоятельное цѣлое. Въ вышедшихъ уже 22 выпускахъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: Ист. русской революціи, исторія царствованія Николая II. біографіи дѣятелей 1-го марта 1881 г., о соціализмѣ, рабочая жизнь въ Австраліи, ученіе Кропоткина, Бакунина объ анархизмѣ, статьи Каутскаго, Бебеля, Гуго и Штегмана, о соціалъ-демократіи, о Марксѣ, о капитализмѣ и проституціи и рядъ др. Печатаются выпуски объ Украйнѣ, Италіи, Америкѣ, о декабристахъ, объ интимной и политической дѣятельности Екатерины и Павла и др. Въ энциклопедію вошли (отпечатаны и разсылаются всѣмъ подписчикамъ: НОВЫЕ ЗАКОНЫ о волости. земствѣ, сельскомъ управленіи, подох. налогѣ, о земельныхъ комитетахъ, губ. и уѣздномъ земствѣ и др.

Цѣна за 40 выпусковъ—12 руб. съ перес. Можно получить наложеннымъ платежомъ, при условіи присылки задатка 5 руб. Адресъ: МОСКВА. Б. ГНѢЗДНИКОВСКІЙ пер., 10, изд—ству Д. М. КУМАНОВА. 2-1

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

4193 13 8 Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.

ШАХМАТЫ

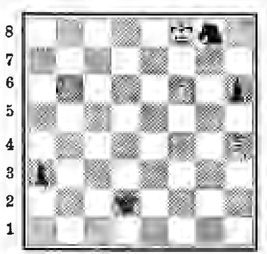
подъ редакціей Евг. А. Зноско-Боровскаго.

Письма адресуются въ редакцію журнала „Нива“ (по шахматному отдѣлу).

Этюдъ и четыре задачи этого отдѣла, отпечатанные на діаграммахъ,—оригинальные, печатаются впервые.

Этюдъ № 11.

К. А. Л. Куббель (Петроградъ).



Бѣлые: Кр f8, С h4, П f6.

Черные: Кр d2, Kg 8, П a3, h6.

Выигрышъ.

Задача № 41.

А. И. Куббель (Петроградъ).

Бѣлые: Кр e8, Ф c1, К d8, П a2, c5, f4, f7, h2, h3, h6.

Черные: Кр d5, П a4, c7, c6, f5.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 42.

Н. Н. Карцовъ (Одесса).

Бѣлые: Кр a1, Ф a5, С f7, К e6, П c3, f3, g5, g6.

Черные: Кр h5, С g7, К b8, d7, П e7, e5, h4, h3.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 43.

Ѳ. Фишеръ (Голта).

Бѣлые: Кр a7, Л a6, С g2, К c6, e3, П a2.

Черные: Кр b5, С g8, К a3, b1, П c3, c5, d2, d5.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 44.

А. И. Куличихинъ (Моршанскъ)

Бѣлые: Кр e3, Ф g7, Л c5, К a6.

Черные: Кр d6, Л d4, К a8, П b5, d3, e4, e7.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 45.

R. G. Thompson (I пр. въ конк. „L'Eco degli Scacchi“). ♔ b8 ♛ a6 ♖ f7, f8 ♗ b7 ♘ e8, f6 ♙ f4 ♚ e6 ♛ b6 ♞ a3, c8 ♟ a7, d3, d4, e7, f5.—Матъ въ 2 хода.

№ 8. Окончаніе партіи.

Въ партіи, игранной въ апрѣлѣ с. г. въ Петроградѣ, въ которой черные давали впередъ ладью a8, получилось слѣдующее положеніе (ходъ за черными):

Евг. А. Зноско-Боровскій—черные.

NN—бѣлые.

Продолженіе было:

1.	. . .	g4 — g3
2.	С b1 — e4	С a3 — b2

Если a5—a4, то 3. f5—f6, Кр f4—g5; 4. c4—c5 и выигр. Также и на С a3—f8 послѣдовало бы 3. f5—f6. Этотъ же ходъ выигралъ бы и при Кр f4—g5 (но хуже 3. c4—c5, С a3 : c5; 4. Кр d5 : c5, a5—a4; 5. Кр c5—b4, g3—g2; 6. С e4 : g2, Кр g5 : f5), и g3—g2 послѣ 3. С e4 : g2, Кр f4 : f5; 4. С g2—h8+ проиграло бы. Надо было, значитъ, избѣжать проигрыша и въ то же время найти настолько сложные варіанты, чтобы еще надѣяться выиграть. Это и давалъ сдѣланный ходъ. Въ отвѣтъ на него бѣлые должны были играть: 3. f5—f6, С b2 : e5; 4. f6—f7, С e5—g7; 5. c4 — c5, a5 — a4; 6. c5 — c6, a4 — a3; 7. c6 — c7, a3 — a2; 8. c7—c8Ф, a2—a1Ф; 9. f7—f8Ф, С g7 : f8; 10. Ф c8 : f8+ и т. д.: даже и 3. c4—c5 давало ничью: С b2 : e5; 4. c5 — c6, g3 — g2; 5. С e4 : g2, Кр f4 : f5. Вмѣсто этого они сдѣлали естественный на первый взглядъ ходъ—

3.	e5 — e6	

—и такъ проиграли:

3.	. . .	С b2 — f6
4.	c4 — c5	a5 — a4
5.	c5 — c6	a4 — a3
6.	c6 — c7	a3 — a2
7.	c7 — c8Ф	a2 — a1Ф

Бѣлые видѣли, что они дѣлаютъ ферзя раньше, и на этомъ строили свои расчеты. Они не оцѣнили только угрозы черныхъ — выиграть слона и провести пѣшку g3 въ ферзи.

8.	Ф c8 — b8+	С f6 — e5
9.	Ф b8 — b1	Ф a1 : b1

Ибо на Ф a1 — d4+: 10. Кр d5—c6, Ф d4 : e4+; 11. Ф b1 : e4+, Кр f4 : e4, бѣлые проводятъ пѣшку e6.

10.	С e4 : b1	g3 — g2
11.	e6 — e7	g2 — g1Ф

Теперь черные первые сдѣлали ферзя, и это выигрываетъ.

12.	e7 — e8Ф	Ф g1 — d4+
13.	Кр d5 — e6	. . .

Если 13. Кр d5—c6, то Ф d4—a4+.

13.	. . .	Ф d4 — d6+
14.	Кр e6 — f7	Ф d6 — f6+
15.	Кр f7 — g8	Ф f6 — g7×

Переписка.

В. З. (Екатеринославъ). Ничего не могу имѣть противъ вашего предложенія; кстати, я самъ посылаю въ „E. d. S.“ оттиски своихъ отдѣловъ.—Н. К. (Новочеркасскъ). Партій не помѣщу. Сборника партій Чигорина не существуетъ. — Л. Ф. и И. С. (Голта). Двѣ 2-ходовки помѣщу, остальныя — нѣтъ. — Л. П. (Подосиновецъ). Шахматъ не высылаемъ. — Я. Р. (Староконстантиновъ), В. Л. (Рыбинскъ), П. Г. (Тамбовъ), А. Т. (Москва), Ѳ. Ч. (Москва), М. М. (Асхабадъ). Задачъ не помѣщу.—Н. З. (Кронштадтъ). Ни партіи, ни задачи, за неинтересностью ихъ, помѣстить не могу.

Желаютъ играть по перепискѣ прап. М. А. Шмыревъ (д. армія, 65 п. Московскій п., 1 пулем. команда), С. Сыромятниковъ (Москва, Расторгуевскій пер., 4, кв. 5), А. Толчинскій (Москва, Б. Грузинская, 5, 14).—Д. Френкинъ (Харьковъ, Столярный пер., 2) устраиваетъ два турнира по перепискѣ по 4 пар., взносъ 5 р.

ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Этюдъ № 19.

Д. И. Саргина (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Этюдъ № 20.

А. Н. Шмалько (въ Жмеринкѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Выигрышъ.

Задача № 24.

Н. А. Кожевникова (въ Козловѣ). Посвящается Лидѣ Ч.

Черныя.

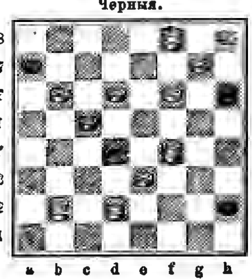
Бѣлыя

Запереть простую.

Задача № 25.

А. И. Куличихина (въ Петроградѣ).

Черныя.



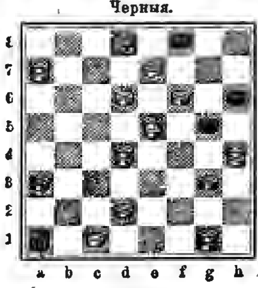
Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Задача № 26.

М. И. Билецкаго (ст. Милорадовка).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и 2 прост.

ПАРТІЯ № 9.

Играна въ 16-мъ турнирѣ по перепискѣ съ 9 февраля по 2 мая 1912 г.

С. П. Ивановъ (Петроградъ). Бѣлыя.		А. А. Оводовъ (Епифань). Черныя.
1.	c3 — b4	f6 — e5
2.	e3 — f4	g7 — f6
3.	d2 — e3	b6 — a5
4.	b2 — c3	c7 — b6
5.	c3 — d4	e5 : c3
6.	b4 : d2	b6 — c5
7.	g3 — h4	f6 — g5
8.	h4 : f6	e7 : g5
9.	h2 — g3	g5 — h4
10.	g1 — h2	h8 — g7
11.	c1 — b2	f8 — e7
12.	f4 — e5	d6 : f4
13.	g3 : e5	e7 — f6
14.	b2 — c3	

Можно было также 14. d2 — c3. f6 : d4; 15. c3 : e5 и если h6 — g5, то 16. b2 — c3.

14.	. . .	f6 : b2
15.	a1 : c3	h6 — g5

Сильнѣе было 15. . . . d8 — c7, но и тогда бѣлыя при правильной игрѣ достигали ничьей.

Напримѣръ: 16. c3—b4 (единст. ходъ), a5 : c3; 17. d2 : d6, c7 : e5; 18. e3 — f4, e5 : g3; 19. h2 : f4, b8 — c7 (если 19. . . . g7 — f6, то 20. a3 — b4, a7 — b6 [если 20. . . . b8 — c7, то 21. b4 — c5 и какъ въ глав. вар.]; 21. b4—c5, b6 — d4; 22. f4 — g5, h6 : f4; 23. f2 : e3; 24. e1 : g7 и ничья); 20. a3 — b4, g7 — f6 (если 20. . . . a7 — b6, то 21. f2 — e3 и если c7 — d6, то 22. b4 — a5, b6 — c5; 23. e1 — d2 и ничья, а если 21. . . . g7—f6, то 22. e3—d4 и тоже ничья; если же 20. . . . c7 — d6, то 21. f2 — e3, затѣмъ 22. e3—d4 и ничья); 21. b4—c5, c7 — b6; 22. c5 — d6, f6 — e5; 23. d6 — e7, e5 : g3; 24. e7 — d8, b6 — a5 (если 24. . . . g3 — h2: 25. d8 : a5, h2 — g1, то 26. f2 — g3, h4 : f2, 27. e1 : g3 и ничья): 25. d8 — c7, g3 — h2; 26. f2 — g3 и, какъ бы черныя ни взяли,—ничья.

16.	c3 — b4	a5 : c3
17.	d2 : d6	d8 — c7
18.	e1 — d2	

Если 18. d6 — e7, то g5 — f4: 19. e3 : g5, h4 : d8 и выигр.

18.	. . .	c7 : e5
19.	e3 — d4	e5 : g3
20.	h2 : f8	

Ничья.

Рѣшенія задачъ и этюдовъ

— № 13. С. и Б. Левманыхъ. 1. e7—d8, b4—e1 (если 1. . . . b4 — a5, то 2. f8 — g7, d4 — e3 [если 2. . . . a5 — c3, то 3. h2—g3; 4. g7—e5 и выигр.]; 3. h2 — g1, a5 — e1; 4. g1 : b6 и выигр); 2. f8 — g7, d4 — e3; 3. d8 — a5, e3 — d2 (если 3. . . . e3 — f2, то 4. h2 — g1, h4 — g3; 5. g1 : a7 и выигр.); 4. g7 — h6, d2 — c1; 5. h2 — f4; 6. h6 : d2; 7. a5 : e1 и выигр. Имѣетъ побочное рѣшеніе, указанное В. Г. Кульчицкимъ: 1. e7 — d8, b4 — e1; 2. d8 — f6, d4 — e3; 3. f8 — h6, e3 — f2; 4. h2 — g1, h4 — g3; 5. g1 : a7, g3 — h2; 6. f6 — h4, e1 — a5 (если 6. . . . h2 — g1, то 7. h6 — e3; 8. a7 : f2 и выигр.); 7. a7—g1 и выигр.

— № 14. А. Ф. Врагова. 1. g3 — e1, d2—c1 (если 1. . . . d2 — c3, то 2. e5 : a1 и выигр.: если 1. . . . d2 — b4, то 2. e5 — g7; 3. c7 — b6; 4. e1 : c1 и выигр.; если 1. . . . e5 — d2. то 2. e1 : h4 и выигр.); 2. e1—d2. c1—b2 (если 2. . . . e3 — f2, то 3. c7—b8; 4. b8 : e1 и выигр.; если 2. . . . c1 — a3, то 3. d2 : g5 и выигр.); 3. d2 : h6, b2 : f6; 4. c7—d8, f6—h4 (если 4. . . . f6 — a1, то 5. d8 — f6 и выигр.); 5. h6 — g5, h4 : f6; 6. d8 : g5, a5 — b4 (если 6. . . . h8 — g7. то 7. g5—d2 и выигр.); 7. g5—d2. b4 — a3, 8. d2 — c3 и выигр.

— № 15. М. И. Билецкаго. 1. b4 — a5, a3 : f8 (A); 2. a7 : c5; 3. g3 — h2, 4. d4 — e3; 5. h8 : e5; 6. g1 — f2 и 7. a5 : e1. A). . . . a3 : d6 или e7; 2. a7 : h6; 3. d2 — c3; 4. c3 — b4; 5. g1 — h2; 6. h6 — f4; 7. h8 — g7 и т. д.

— № 16. Я. Г. Тихонова. 1. a1 — b2, h2 — g1 (A); 2. h4 — f2; 3. a3 — b4; 4. c3 — b2; 5. f6 — g5; 6. d4—e3; 7. c5 — b6 и 8. e1 : a5. A) 1. . . . c7 — b6; 2. d6 — e7; 3. e1—g3; 4. f6—g5; 5. d4 — h8; 6. c3 : g7; 7. h8 — e5; 8. a7 — e3 и 9. h4 — e1.

— № 17. П. Я. Березнеговскаго. Въ крѣпкія: 1. f8 — a3, b8 — c7 (A); 2. d8—e7; 3. e7—c5, a5—b4 (B); 4. a3 — b2; 5. f6 — e7; 6. f4 — g5; 7. b2 : g7; 8. h2 — g3 и т. д. B) 3. . . . h4 — g3; 4. f6 — g7; 5. h2 : c7; 6. g7 — h8; 7. h8—c3; 8. a7—b6 и 9. a3—b4. A) 1. . . . h4 — g3 2. h2 — g1; 3. a3—b2, b8—c7 (3. . . . g7—f6; 4. b2 : h8 и т. д., какъ указано ниже; если же 3. . . . g7 — h6, то 4. b2 — c1, h6 — g5 [4. . . . b8 — c7; 5; d8 — h4 или g1 — f2]; 5. c1 : h6; 6. d8 — h4 и т. д.): 4. b2 : h8; 5. d8 — h4; 6. g1 — c5 и т. д.—Въ поддавки: 1. d8 — c7; 2. f8 : c5; 3. a7 — b8; 4. c5 — d6, g7 — f6 (если 4. . . . g7 — h6. то 5. b6—a7; 6. d6—f4; 7. b8—c7 и т. д.); 5. d6 — e5; 6. b6 — a7 ∞; 7. b8—c7; 8. h2—g1 и т. д. Къ сожалѣнію, задача въ крѣпкія допускаетъ, какъ указываютъ В. Г. Кульчицкій и М. И. Билецкій, 3 побочныхъ рѣшенія. (I. f8—h6. II f8—g7. и III. h2—g1).

Рѣшили: М. И. Билецкій (ст. Милорадовка,) Н. А. Кожевниковъ (Козловъ), Я. Г. Тихоновъ (Реутово), В. Г. Кульчицкій (ст. Имяньпо), А. К. Мишинъ (Сергіевъ посадъ), С. и Б. Левманы (Витебскъ), А. Ф. Враговъ (Пенза) и Н. В. Ярославскій (дѣйст. армія)—№№ 13—17; М. Кузнецовъ (Петроградъ) — №№ 13, 15, 16: В. Ивановъ (Кинешма)—№№ 13, 15; М. Н. Кадухинъ (Богородскъ)—зад. №№ 13, 14 и эт. №№ 9—10; Б. Я. Варшаверъ (Харьковъ) и Н. А. Нумеровъ (Гжатскъ)—этюды №№ 9 — 11; А. И. Алексѣевъ (с. Сорочинское)—зад. №№ 13, 14 и эт. № 9.

Корреспонденція.

В. И. С-ву (Нордовка). Правила игры въ шашки напечатаны, между прочимъ, въ журналѣ „Шашечный Листокъ“ за 1903 г. Выписать его можно за 4 руб. отъ В. И. Шошина (Петроградъ, Караванная, 26).

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей **Н. В. Панкова.**

РѢШЕНІЯ.

Правильныя рѣшенія задачъ по **30-е сентября** доставили: **№№ 16—23** В. В. Кутузовъ (за № 23 3 очка) и С. А. Модестовъ; **№№ 10 (5), 12, 20, 21, 22, 23 и 25**—А. В. Радецкій-Микуличъ; **№№ 15, 16, 17, 19, 22, 23 и 24**—А. А. Вейгертъ (за № 24—3 очка); **№№ 16, 17, 18, 19, 20, 22 и 23**—Я. Г. Тихоновъ; **№№ 16, 17, 18, 20, 21, 22, 24 и 25**—П. Г. Куликовскій (за № 25— 3 очка); **№№ 16, 17, 18, 20, 21 и 22**—В. Андреевъ, А. Г. Антимоновъ, Л. Я. Горѣловъ, А. Г. Карпенко, А. А. Марковъ и Г. Н. Пинаевъ; **№№ 16, 17, 19, 20, 21 и 22**—М. В. Лапина; **№№ 16, 17, 18, 20, 21, 22 и 23**—В. М. Кононова, И. И. Лобковскій, В. П. Поповъ и Л. Н. Церковницкій; **№№ 16, 18, 20, 21, 22 и 23**—К. А. Угрюмовъ; **№№ 17—22** Э. Я. Фельде; **№№ 17, 18, 20, 21, 22 и 23**—Т. С. Горжковскій и В. С. Мордвиновъ; **№№ 10 (8), 11, 12, 13 и 14**—М. Х. Юрьевъ; **№№ 14, 15, 16, 21 и 22**—А. А. Поповъ; **№№ 16, 17, 18, 20 и 22** Ф. К. Кетцлеръ; **№№ 16, 17, 18, 21 и 22**—А. Н. Мёглинъ; **№№ 16, 17, 18, 22 и 23**—И. А. Дегтеревъ и Н. С. Любановъ; **№№ 16, 18, 20, 21 и 22**—Р. Андреевъ и С. Фирковичъ; **№№ 16, 18, 20, 22 и 23**—Н. В. Блиновъ; **№№ 20, 21, 22, 23 и 25**—А. Н. Сергѣевъ (за № 20 3 очка); **№№ 10 (1), 16, 21 и 22**—Ф. А. Калакинъ; **№№ 16, 17, 21 и 22** В. Г. Бабина и Т. Н. Фокинъ; **№№ 16, 18, 20 и 22**—А. Рабиновичъ; **№№ 16, 18, 21 и 22**—А. Фатальчукъ и Т. М. Щеголева; **№№ 16, 19, 22, и 23**—Н. С. Ивановъ; **№№ 16, 21, 22 и 23**—Е. I. Гаусманъ и Е. И. Машановъ; **№№ 18, 20, 21 и 22**—Э. Э. Томасевичъ; **№№ 20—23** С. Н. Жудро и К. И. Меркульевъ; **№№ 10 (2), 21 и 22**—Н. Г. Симоновъ; **№№ 16, 17 и 18**—А. В. Прокоповичъ и К. Г. Якобсонъ; **№№ 16, 18 и 22**—И. П. Бишенковъ; **№№ 16, 19 и 22**—Н. Н. Зиновьевъ: **№№ 16, 22 и 23**—А. В. Ѳаворскій; **№№ 16, 21 и 22**—В. А. Барутъ, Е. Ѳ. Булыгина, В. А. Бѣлорусовъ, И. Э. Бюстремъ и Ф. Э. Шелинъ; **№№ 17, 18 и 22**—Я. К. Ажоткинъ; **№№ 17, 20 и 22**—Е. И. Волковичъ; **№№ 18, 21 и 22**—В. В. Епанечниковъ; **№№ 20, 21 и 22**—В. Вайзбергъ; **№№ 20, 22 и 23**—А. Г. Левитская, М. Престинъ, В. А. Холлеръ и В. А. Шилова; **№№ 21, 22 и 23**—З. Б. Слуцкій; **№№ 16 и 17**—Н. М. Хайкинъ; **№№ 16 и 18**—П. Волочковъ, В. Р. Яхимовичъ; **№№ 16 и 19**—Ф. З. Фокинъ; **№№ 16 и 22** — А. М. Грудзинская, С. С. Кричевскій и В. В. Соколовъ; **№№ 17 и 18**—Д. Френкинъ; **№№ 20 и 22**— А. Ермолаевъ, Н. В. Стояновъ и А. М. Сучкина; **№№ 21 и 22**—Г. Блохъ, Г. I. Бурштейнъ, Е. М. Бѣлкинъ, П. В. Драбкинъ, А. Л. Дробязко, П. И. Захарьинъ, В. С. Краюхинъ, А. А. Любимовъ, Л. К. Пальмцвейгъ, А. I. Розенцвайгъ, К. К. Теуфель, И. Фридманъ и А. Д. Черницкая; **№ 16**—С. А. Бѣлинкій, Н. Е. Градищевъ, Г. Е. Зотовъ и П. А. Нейбергъ; **№ 17**—А. Х. Киселевъ; **№ 20**—А. Марьенко; **№ 21**— Б. Я. Варшаверъ, Н. Т. Войловъ, Л. Гройсъ и И. С. Розенкранцъ; **№ 22**—П. Г. Автуховъ, Н. И. Барто, А. П. Бурцевъ, К. Васильева, И. А. Давыденко. Н. Каляевъ, Д. Г. Кириченко, Х. Климовицкая, А. Г. Конюковъ, М. С. Либерцева, П. А. Липштатъ, М. Лосевъ, А. П. Мясниковъ, Н. К. Обновленская, А. В. Орловъ, В. Осановъ, Г. Павловскій, П. Н. Скуридинъ, С. Л. Соколовъ, М. Тихановъ, А. Толчинскій и Ф. Е. Шляковъ.

Корреспонденція.

П. Г. Куликовскому и А. В. Гадецкому-Микуличу. Присланнымъ матеріаломъ при случаѣ воспользуюсь.

В. В. Иванову. Старо.

Г. Вихлевщуку. Задачи были уже напечатаны.

И. Ф. Антимонову, Н. Т. Войлокову, Т. С. Горжковскому, Н. Е. Градищеву, В. С. Краюхину, Ф. П. Крючкову, Л. Ломбергу, Г. Н. Пинаеву, И. С. Розенкранцу, А. I. Розенцвайгу, М. Словиковскому, В. М. Стрѣльникову, М. Тиханову, Т. Н. Фокину, В. А. Шиловой и К. Г. Якобсону. Присланное не пригодилось.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 44. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 4 ноября 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к

Іоаннъ Грозный. *Этюдъ къ картинѣ.* *В. М. Васнецовъ.*

Власть войны.

Разсказъ В. В. Муйжеля.

(Окончаніе).

VIII.

Случилось такъ: послѣдній транспортъ раненыхъ отправили наканунѣ вечеромъ. Остались только тѣ, которыхъ нельзя было отправить,—лежащіе, такъ называемые носилочные, съ тяжелыми пораненіями. Ихъ было сравнительно немного—шесть человѣкъ. Днемъ дежурство возлѣ нихъ несъ студентъ-фельдшеръ.

Докторъ потолкался по дому, заглянулъ въ перевязочную, потомъ въ залу, гдѣ лежали раненые. Студентъ поднялся при его приближеніи, но Ухмыловъ махнулъ рукой и вышелъ. Горячій, пропитанный солнцемъ воздухъ неподвижно висѣлъ надъ притихшей землей, и дальніе выстрѣлы орудій казались вѣстниками отдаленной грозы: какъ будто гдѣ-то за синѣющей полосой соснового перелѣска, гдѣ такъ пряно и одуряюще пахнетъ разогрѣтой сосновой смолой, можжевельникомъ и болотнымъ багуномъ, за полемъ, за рѣчкой, изъ-за которой умерло уже такъ много людей, ворчитъ и перекатывается тяжелый громъ.

Въ такую жару докторъ предпочелъ бы лежать гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ, но съ тѣхъ поръ какъ онъ отдалъ свою комнату сестрамъ, оставшись самъ въ коридорѣ, такого уголка у него не было.

Онъ прошелъ по двору, постоялъ передъ сараемъ и свернулъ въ садъ. Садъ былъ небольшой, испорченный нѣсколькими стоянками солдатъ и обстрѣломъ, многія деревья были вырваны съ корнемъ, яблони и вишни поломаны и лежали на землѣ, еще не потерявъ жизненной силы, все еще въ листьяхъ, и странно было видѣть эти поврежденныя деревья, упорно желающія жить, несмотря на разрушительную силу войны...

Въ концѣ сада была площадка со скамейками, обсаженная елями. Исли пострадали отъ обстрѣла — двойного, потому что изъ-за фольварка два раза дрались и два раза его брали сначала нѣмцы, потомъ русскіе, но суровыя, погребальныя деревья стояли въ замкнутомъ молчаніи и какъ будто никому не хотѣли жаловаться на то, что пронеслось надъ ними.

— Если прилечь тамъ на скамеечкѣ, можно подремать въ тишинѣ...—разсуждалъ докторъ, пробираясь по заросшей и испорченной какими-то ямами дорожкѣ, — можно полежать!..

Онъ вышелъ на середину сада и остановился. Нѣсколько крестовъ возвышалось здѣсь, сверкая свѣжимъ деревомъ. На всѣхъ или почти на всѣхъ были надписи синимъ химическимъ карандашомъ, частью расплывшіяся отъ дождей, частью выцвѣтшія. Нѣкоторыя уже нельзя было разобрать, но большинство отчетливо и кратко говорило кривыми, но вполнѣ умѣлыми буквами о несложныхъ трагедіяхъ, нашедшихъ послѣдній актъ свой подъ этими крестами.

„На семъ мѣстѣ погребенъ ефрейторъ пѣхотнаго стрѣлковаго полка, третьей роты, Анисимъ Елисѣевъ, скончавшійся отъ ранъ, полученныхъ въ штыковой атакѣ села Гумина...“

„Тутъ похороненъ рядовой третьяго взвода Ѳеодоръ Никандровъ пѣхотнаго полка второй роты, прощай, товарищъ...“

„Подъ симъ крестомъ погребено тѣло Георгіевскаго кавалера младшаго унтеръ-офицера Семена Висновскаго, скончавшаго отъ ранъ житіе свое. Всѣ тамъ будемъ...“

„Погребенъ рядовой неизвѣстной части, неизвѣстнаго имени, скончавшійся отъ раненій, не приходя въ сознаніе...“

Ухмыловъ долго смотрѣлъ на послѣднюю надпись. Ея буквы расплылись и уже потеряли свое очертаніе; самый почеркъ, которымъ онѣ были сдѣланы, былъ тороплив, словно писавшему некогда было, и онъ спѣшилъ скорѣй копать другую могилу; для слѣдующаго какого-нибудь неизвѣстнаго. Крестъ изъ легкихъ досочекъ еще не потемнѣлъ, но уже наклонился и долженъ былъ несомнѣнно скоро упасть. Пройдетъ мѣсяцъ, два—дожди и вѣтры повалятъ его, и отъ рядового неизвѣстной части, неизвѣстнаго имени не останется ничего. Гдѣ-нибудь какая-нибудь старуха съ морщеннымъ припеченнымъ загаромъ лицомъ и выбившимися изъ-подъ повойника сѣдыми волосами будетъ класть поклоны передъ черными образами деревенской избы „о здравіи раба Божія такого-то“ и добавлять съ суровой покорностью всесильной судьбѣ: „а ежели положилъ животъ свой на бранномъ полѣ, то за упокой душеньки его“... И будетъ ждать дни, мѣсяцы, годы, разспрашивать вернувшихся земляковъ, соваться въ канцеляріи, изъ которыхъ ее будутъ гонять усатые курьеры, надоѣдать воинскимъ начальникамъ, просиживать часами на крыльцѣ какого-нибудь „присутствія“ и всѣми этими хожденіями, медлительной суетой поддерживать въ себѣ слабую искру едва теплящейся надежды... И никогда, никогда она не узнаетъ, что ея сынъ погребенъ подъ развалившимся, наскоро сколоченнымъ крестомъ, и отъ его могилы не осталось даже холмика...

В. В. Муйжель, авторъ разсказа „Власть войны“, на фронтѣ.

И если такъ подумать, попробовать охватить всю войну во всемъ ея объемѣ, если представить себѣ всѣхъ этихъ „неизвѣстной части и неизвѣстнаго имени“, какая странная, скорбная и великая картина откроется вдругъ!.. Писатель, если онъ напишетъ произведеніе, подписываетъ имя; художникъ отмѣчаетъ свою картину своимъ именемъ; администраторъ сознаетъ, что имя его будетъ упоминаться при выполненіи реформы; даже преступникъ, скрывающій свое имя, вѣроятно, порою думаетъ съ удовлетвореніемъ и особой гордостью о томъ, какъ одно упоминаніе его имени наводитъ страхъ... А здѣсь тысячи отмѣчаются покосившимся крестомъ съ расплывшейся колеблющейся надписью, а между тѣмъ каждый изъ нихъ пережилъ огромную трагедію, равной которой не знаетъ земля, и каждый изъ нихъ видѣлъ то, чего никогда не увидимъ мы, живущіе... Какъ странно, какъ печально и какъ велико это!..

Когда-то, когда докторъ Ухмыловъ былъ наивнымъ студентомъ, вѣрилъ въ жизнь, любилъ ее и думалъ, что онъ борется со зломъ, онъ думалъ, что жизнь человѣческая есть величайшее изъ всѣхъ искусствъ... Это вдохновеніе, экстазъ, порывъ, скорбь и радость — наиболѣе подлинное, чѣмъ въ какомъ бы то ни было произведеніи искусства, и вотъ это искусство безыменнаго автора разсѣяно на политыхъ кровью поляхъ войны...

Какъ странно, какъ удивительно странно все это!..

Докторъ повернулся и, потягивая нѣсколько волосъ бороды, пошелъ по дорожкѣ. Странныя и какъ будто никогда прежде не являвшіяся мысли плыли въ головѣ, какъ крупныя бѣлыя облака лѣтнимъ полднемъ... Онѣ были неторопливы, величественны и таили въ себѣ дальнюю грозу.

Война только теперь отозвалась въ немъ, не какъ далекое, чуждое ему событіе, а нѣчто неизбѣжно понятное, близкое, такое, съ чѣмъ онъ связанъ тяжелой и свѣтлой цѣпью. Куда бы ни уйти отъ нея, какъ бы ни относиться къ ея дѣлу—всегда и вездѣ будетъ она, и нѣтъ такого мѣста на землѣ, гдѣ можно было бы не думать того, что онъ думаетъ, не видѣть ея, не слышать ея подчасъ незамѣтныхъ, неслышныхъ, но внятныхъ и требующихъ голосовъ.

— Что нужно дѣлать, что?—спрашивалъ онъ себя, оттягивая до боли нѣсколько волосковъ бороды.—Что долженъ дѣлать я, изжившійся, во всемъ разочаровавшійся, трусливый и жалкій человѣкъ? Мнѣ осталось жить десять-пятнадцать лѣтъ, я знаю, что у меня склерозъ, что печень ни къ чорту не годится, что сердечный клапанъ изношенъ, а въ душѣ у меня уже нѣтъ ничего, кромѣ животнаго страха смерти,—что долженъ, что могу, что хочу дѣлать я здѣсь?..

Гдѣ-то въ растворенномъ, такомъ тепломъ, такомъ напряженномъ воздухѣ, въ дальнихъ раскатахъ артиллерійской перестрѣлки, а главное, въ томъ, оставшемся позади, безыменномъ крестѣ, а можетъ-быть, въ порожденныхъ имъ свѣтлыхъ и неожиданныхъ мысляхъ, плывущихъ въ сознаніи, какъ бѣлые паруса въ синемъ просторѣ моря, былъ отвѣтъ. Ухмыловъ на секунду сосредоточился, закрылъ глаза и, какъ слѣпой, подставилъ ихъ солнцу. И ему показалось, что еще одинъ моментъ, и онъ пойметъ и почувствуетъ этотъ отвѣтъ, что надо сдѣлать еще одно усиліе—и все станетъ ясно: и его раздвоенность, заставлявшая его трястись отъ ужаса и чуть не лѣзть подъ кровать и одновременно помогать на дворѣ раненому солдату, и воркотня на войну, и ужасъ передъ развороченнымъ собственнымъ животомъ— и работа, которую онъ презиралъ, не любилъ и которой не вѣрилъ... Но отвѣтъ этотъ былъ такъ страшенъ, такимъ неожиданнымъ холодомъ пахнуло отъ него на стараго, опустившагося доктора, такъ чуждъ онъ былъ всей сложности души его, что Ухмыловъ испугался и открылъ глаза.

Онъ стоялъ передъ елками, къ которымъ шелъ, чтобы полежать на скамейкѣ. Но скамейка была занята. Сѣрое платье свѣтлѣло на ней. Не глазами, не догадкой, а чѣмъ-то другимъ, болѣе сильнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ мысль или зрѣніе, онъ угадалъ, что тамъ сидитъ сестра Марія. Онъ понялъ это по сложному чувству жалости, печали, странной связанности, какую онъ чувствовалъ всегда въ ея присутствіи, какъ въ присутствіи того солдата, которому когда-то велѣлъ впрыскивать морфій, чтобы онъ умеръ, не чувствуя мученій.

Она сидѣла въ знакомой, привычной позѣ, отклонившись спиною и закинувъ голову назадъ, опираясь на шероховатый стволъ дерева. Глубоко ушедшіе въ темныя кольца глаза были закрыты. Похоже было, что она дремала, какъ дремала, сидя на табуретѣ въ палатѣ, когда кругомъ хрипѣли, стонали и бредили раненые. Но по застывшему въ легкой судорожной гримасѣ лицу, по крѣпко сжатымъ губамъ, по намѣтившейся у края этихъ губъ складкѣ, горькой и безнадежной, по всему яркому и такъ понятному выраженію огромной тоски и страданія, а главное, по тому ощущенію какого-то ореола, какъ будто окружавшаго ее тонкой дымкой, Ухмыловъ понялъ, что она не спитъ.

И, вглядываясь сильнѣе, боясь пошевельнуться, затаивъ дыханіе, онъ вдругъ затрясся отъ непередаваемаго темнаго ужаса, овѣявшаго все тѣло горячей, жаркой испариной: въ глубокихъ впадинахъ закрытыхъ глазъ сестры Маріи, чуть сверкая на солнцѣ, дрожали большія, свѣтлыя слезы.

И эти молчаливыя слезы на судорожно сжавшемся неподвижномъ лицѣ, застывшая неподвижность ея, самая тишина лѣтняго жаркаго полдня были такъ страшны, такъ таинственны и вмѣстѣ внятны, что Ухмыловъ подался назадъ, отступилъ на цыпочкахъ дальше и осторожно, какъ воръ, какъ внезапно заглянувшій туда, куда онъ не долженъ былъ заглядывать, пошелъ, почти побѣжалъ къ дому... И война—таинственная, великая, страшная и свѣтлая, какъ подвигъ, ея тяжесть и власть,—еще ближе надвинулась на него и обняла мягко и крѣпко, какъ давно ждавшая...

IX.

— Сестра Марія? Д-да, это исторія, докторъ, и исторія—какъ бы это сказать?—обыкновенная для войны, но вообще не совсѣмъ!..

Студентъ-фельдшеръ поправилъ вожжи, которыя онъ примоталъ прямо къ поручню козелъ санитарной двуколки, на которой они ѣхали, и закурилъ папиросу. Въ тотъ день изъ штаба дали знать, что ночью можно будетъ подобрать раненыхъ, лежавшихъ съ прошлой ночи въ томъ такъ называемомъ мертвомъ пространствѣ, между расположеніемъ русскихъ и нѣмцевъ, гдѣ были атаки, и гдѣ постоянный обстрѣлъ не позволялъ показаться ни одному человѣку. Воздушная развѣдка установила, что нѣмцы опять отодвинулись, и если положеніе до вечера не измѣнится,—а на это и надѣялись дивизіонный врачъ и начальникъ штаба,— раненыхъ можно будетъ вывезти.

Докторъ, студентъ и сестра Марія тронулись сразу же по полученіи этого извѣщенія. Какъ всегда выходило въ послѣднее время, доктору хотѣлось залѣзть куда-нибудь въ уголъ при одной мысли о возможномъ обстрѣлѣ, но онъ почему-то поѣхалъ и, сердясь и ворча на себя, пристроился рядомъ со студентомъ на козлахъ двуколки, пересадивъ конюха куда-то впередъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ уступилъ сестрамъ приготовленную для него комнату, какъ сталъ ухаживать за ранеными, вставать ночью, перевязывалъ санитара на дворѣ во время обстрѣла, похожая на монахиню сестра-хозяйка стала его первой защитницей. Обычно доктора, съ легкой руки студента, звали всѣ, не исключая и санитаровъ, чучеломъ, но она протестовала и, поджавъ губы, опустивъ глаза, съ видомъ строгой и суровой монахини, возмущалась этимъ и называла его не иначе, какъ по имени и отчеству.

Пѣвецъ Украйны — *художникъ Сергѣй Ивановичъ Васильковскій († 25-го сентября 1917 г.) за работой послѣдней картины у своего дома въ Харьковѣ.*

Ея отношеніе къ доктору свидѣтельствовали больше всего тѣ пирожки, бифштексы и бульоны, которые она какъ-то незамѣтно старалась подать ему гдѣ-нибудь отдѣльно, въ перевязочной или въ саду фольварка, и когда докторъ конфузливо отпирался, она строго настаивала:

— Вы работаете, и вамъ надо питаться!.. Каждый работающій долженъ питаться... Пожалуйста, кушайте, господинъ докторъ!

Теперь, зная, что впереди предстоитъ ночь работы, она сунула доктору завернутые въ бумагу пирожки, и онъ, кряхтя и жалуясь плачущимъ голосомъ на то, что ему надо ѣхать, что, въ сущности, слѣдовало бы бросить всю эту ерундистику къ чорту и уѣхать куда-нибудь въ тыловой госпиталь, спряталъ пирожки въ карманъ.

— О, Іезу, Іезу, куда я лѣзу!..—жаловался онъ студенту подслушанной у какого-то поляка-офицера фразой,— чуетъ мое сердце, пропоретъ мнѣ брюхо какая-нибудь шрапнель или что тамъ еще у нихъ есть, къ чему все это мнѣ? Ну, такъ что сестра Марія, вы говорите?

Въ утѣшеніе, должно-быть, онъ досталъ пирожки и медленно прожевывалъ одинъ за другимъ, держа замасленную бумагу на колѣняхъ. Студентъ курилъ папиросу и поглядывалъ на длинную извивающуюся цѣпь закрытыхъ брезентомъ двуколокъ, неторопливымъ шагомъ взбиравшихся на взгорокъ.

Да, сестра Марія... Что жъ—тутъ ничего особеннаго, въ сущности!.. Я говорилъ, что это обыкновенная исторія... Между прочимъ, вы знаете, что она награждена Георгіевской медалью? Какъ же, только она никогда не надѣваетъ ея почему-то... А исторія у нея простая: отецъ у нея полковникъ; погибъ въ Восточной Пруссіи — и никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ именно и какъ. Есть основанія думать, что погибъ гдѣ-то въ болотахъ вмѣстѣ съ двумя оставшимися отъ полка ротами, изъ которыхъ почти всѣ утонули въ болотѣ, отступая отъ насѣвшихъ нѣмцевъ. Братъ—прапорщикъ—былъ студентомъ, но черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны пошелъ въ училище и убитъ, тоже могила затеряна въ Галиціи. Другой братъ—добровольцъ-летчикъ, и этотъ умеръ, какъ полковые приказы говорятъ, смертью храбрыхъ. А сестра, молодая дѣвушка, едва кончившая гимназію, работала въ одномъ изъ госпиталей нашей организаціи и умерла отъ сыпного тифа. Объ этомъ еще въ газетахъ писали. И вотъ получается исторія: всѣ члены большой, тѣсной семьи двинулись на войну. И погибли всѣ, кромѣ сестры Маріи. Вы понимаете? Былъ домъ, семья, ячейка—и теперь ничего, одна молодая дѣвушка съ разбитой жизнью, безъ единаго близкаго человѣка.

Студентъ помолчалъ, тронулъ кнутовищемъ пристяжную лошадь, потянувшуюся за придорожной травой, и бросилъ докуренную папиросу.

— Когда я узналъ все это, я оторопѣлъ. Я не знаю, въ чемъ дѣло, но мнѣ показалось, что я вдругъ увидѣлъ всю войну!.. Всю, во всемъ ея объемѣ, во всей тяжести, боли, подвигѣ и экстазѣ!.. До тѣхъ поръ я видѣлъ сестру Марію, которая, какъ мнѣ казалось, изъ тщеславія, изъ-за того, чтобы о ней говорили, убиваетъ себя на работѣ... А когда узналъ — мнѣ стало съ ней трудно говорить, я не могу смотрѣть на нее, когда она въ комнатѣ, я чувствую, что меня облипаетъ какая-то паутина, хочется понизить голосъ, ходить на цыпочкахъ, какъ въ комнатѣ тяжело больного... Говорить! Ну о чемъ можно говорить съ человѣкомъ, у котораго въ душѣ черная пустота, сзади пустота, впереди пустота, и онъ стоитъ на голой, пустой землѣ, гдѣ никто никогда не отзовется радостнымъ чувствомъ на его угасшую радость?! Смотрѣть на нее тяжело, даже страшно—потому что это лицо, эти глаза... Вы понимаете, у нея безсонница, она не спитъ недѣлями, она сознательно убиваетъ себя на работѣ, она держитъ себя только страшнымъ, никогда не проходящимъ нервнымъ напряженіемъ, и когда оглядывается своими огромными сѣрыми, такими таинственными, свѣтлыми и мертвыми глазами, мнѣ кажется, что она удивляется, зачѣмъ она жива?! Все кончено, ничего нигдѣ нѣтъ, вѣдь нельзя же предположить, что послѣ всего этого она выйдетъ замужъ за какого-нибудь армейскаго прапора, народитъ кучу дѣтей и будетъ считать куски сахару, чтобъ прислуга не уворовала какъ-нибудь одного,—понимаете, ничего кругомъ, а есть молодость, есть силы, и жизнь, ужасная долгая жизнь вся впереди!.. Нѣтъ, я боюсь ея, боюсь суевѣрнымъ страхомъ! Мнѣ даже порой кажется, что, когда станешь около нея, то потеряешь всякое желаніе укрыться отъ летящаго на тебя снаряда, высунешься въ разгаръ перестрѣлки изъ окопа, когда торчишь тамъ на перевязкѣ, полѣзешь на явную смерть... Нѣтъ, я боюсь, ей-Богу, боюсь!..

— Боже мой, Боже мой!—качалъ головой докторъ, разсѣянно прожевывая пирожокъ.—Вы что-то дѣйствительно страшное говорите, какую-то ерундистику... Хотя...

Онъ задумался, покачалъ головой и завернулъ пирожки въ бумагу. Новое освѣтило вдругъ ему образъ молчаливой, увѣренной и какъ будто робкой дѣвушки, напоминающей чѣмъ-то бѣлую раненую птицу. Онъ подумалъ еще немного и опять покачалъ головой.

Весна. *С. Васильковскій.*

Въ ожиданіи парома. *У Святогорскаго монастыря въ Харьковской губ., на рѣкѣ Донцѣ.* *С. Васильковскій.*

Въ Галиціи. Къ вечернѣ. *С. Васильковскій.*

стрѣляютъ, и не можетъ ли залетѣть пуля сюда?

Гдѣ-то за темнымъ, ставшимъ почти чернымъ лѣскомъ, за болотной луговинкой шла перестрѣлка. Порою знакомыя бѣлыя крылья зарницъ вспыхивали въ томъ краю неба, и черезъ нѣсколько мгновеній доносился тяжелый ударъ, отъ котораго земля вздрагивала. Порою голубоватая, медлительная и такая красивая, что на нее хотѣлось смотрѣть и смотрѣть, взлетала ракета и тихо плыла внизъ въ задумчивомъ грустномъ полетѣ...

По краямъ дороги, потемнѣвшей, ставшей таинственной и загадочной, стали показываться темныя фигуры. Онѣ останавливали верхового начальника транспорта, о чемъ-то говорили съ нимъ, потомъ ползли дальше. И докторъ съ какимъ-то новымъ изумленіемъ увидѣлъ, что это идутъ раненые — бредутъ, останавливаются, опять идутъ, и тяжелые сапоги ихъ медлительно и устало шаркаютъ по пыльной дорогѣ.

— Да, да, это дѣйствительно!.. Ну, какъ ей откажешь?.. Хотя не въ томъ, и совсѣмъ это не то—это чепухистика и сугубая ерунда—что такое отказываться, соглашаться? Не то: а какъ, какъ не пойдешь, когда идетъ она, какъ залѣзешь въ темный уголъ, когда она впереди?.. О, я понимаю, я понимаю, что вы хотите сказать, я знаю это!

Докторъ забормоталъ такъ, что нельзя было разобрать, что онъ говоритъ, и кивалъ головою, какъ будто внезапно понялъ нѣчто, непонятное до сихъ поръ.

Онъ уже не обращалъ вниманія на трескотню винтовокъ, въ тихомъ и вечернемъ воздухѣ казавшуюся совсѣмъ близкою, хотя передъ этимъ безпокойно разспрашивалъ студента—далеко ли это стрѣляютъ, и не можетъ ли залетѣть пуля сюда?

Уже около лѣса сзади за транспортомъ послышался ревъ сирены, и два яркихъ бѣлыхъ луча побѣжали по дорогѣ. Обозъ подвинулся къ сторонѣ, и, хрипя и задыхаясь, на мгновеніе обдавъ горячимъ запахомъ бензина, мимо прошла большая сѣрая машина. Шоферъ задержалъ ходъ, и изъ автомобиля высунулась фигура человѣка и крикнула хриплымъ голосомъ:

— Чей транспортъ? Автомобильная колонна санитарная не обгоняла?—И, не дожидаясь отвѣта, человѣкъ опять спросилъ:— А гдѣ начальникъ транспорта? Почему такъ медленно идутъ? Рысью надо!

Потомъ шоферъ опять двинулъ автомобиль—тяжелый, зарывающійся колесами въ ухабы дороги, экипажъ пошелъ впередъ,

Храмовой праздникъ въ Восточной Галиціи. *С. Васильковскій.*

освѣщая передъ собою яркимъ бѣлымъ свѣтомъ фонарей пыльную дорогу, и сталъ нагонять верхового въ головѣ транспорта. Потомъ верховой повернулъ лошадь и рысью проѣхалъ вдоль всѣхъ двуколокъ, склоняясь съ сѣдла и крича во весь голосъ:

Рысью!.. Рысью маршъ!.. Равняйся по передовому, держи между двуколками на двуколку, ры-ы-ысью-у-у-у!..

И вся длинная цѣпь повозокъ, закрытыхъ сверху четырехугольными брезентовыми колпаками, качнулась, вытянулась длиннѣе и заколыхалась въ тактъ бѣга лошадей.

Въ лѣсу транспортъ остановился. Тамъ, за лѣсомъ, въ углу котораго пріютился медицинскій околотокъ съ молодымъ, растеряннымъ отъ обилія раненыхъ, съ которыми онъ ничего не могъ подѣлать, врачомъ и двумя солдатами-фельдшерами, не дальше, какъ за полверсты, шелъ бой. Это былъ, собственно, не бой, а перестрѣлка, какая бываетъ уже послѣ боя съ отходящимъ противникомъ. По лѣсу въ ту сторону проѣзжали, тяжело звякая по корнямъ старыхъ сосенъ, патронныя двуколки, двигались кухни, поспѣвая къ занятымъ въ бою частямъ, не ѣвшимъ съ прошлой ночи, новыя части, какъ будто рождавшіяся изъ сгустившихся сумерекъ сосноваго перелѣска.

Богатырь-камень. *Могила князя Святослава близъ Волничскаго порога на Днѣпрѣ.* *С. Васильковскій.*

Въ обратную сторону двигались тѣ же медлительныя фигуры въ шинеляхъ съ разстегнутымъ клапаномъ сзади,—трясущіеся, ковыляющіе, какъ птицы съ перебитымъ крыломъ, опирающіеся другъ на друга раненые. И изрѣдка, потому что въ околоткѣ было мало санитаровъ и часть ихъ къ тому же выбыла изъ строя, приносили на носилкахъ полостныхъ.

Начальникъ транспорта, молодой охрипшій человѣкъ, распорядился отдать лошадей коноводамъ, конюхи и пріѣхавшіе санитары вытащили откуда-то изъ-подъ осей двуколокъ носилки и стали нагружаться тѣми, что лежали тутъ возлѣ маленькой избушки-околотка, очевидно, служившей прежде сторожкой лѣснику.

Молодой военный врачъ подошелъ къ Ухмылову и, улыбаясь все той же растерянной улыбкой, сказалъ:

— Тутъ дивизіонный врачъ проѣзжалъ на автомобилѣ, онъ говоритъ, чтобы вы туда, въ поле, на первую помощь шли... Санитары пусть носятъ, а вамъ туда... Тамъ окопы, и вотъ между ними раненые... Говорятъ, что нѣмцы сюда не будутъ стрѣлять, у нихъ своихъ раненыхъ много тутъ, такъ что убрать можно... А то туда все не сунуться было—только наша атака сегодняшняя помогла...

Онъ улыбался, какъ будто просилъ извиненія за то, что такъ вышло, и крутилъ маленькую свѣтлую бородку на молодомъ, почти дѣтскомъ лицѣ.

— Я самъ бы пошелъ, да мнѣ здѣсь, вотъ видите... Цѣлыми рядами носятъ—что я съ ними буду дѣлать?

— Но позвольте, тамъ все-таки стрѣляютъ...—попробовалъ защититься Ухмыловъ, разстегивая воротникъ тужурки, какъ будто ему было жарко,—вѣдь я собственно не по этой части...

Высокій, ширококостый санитаръ, замѣнившій раненаго Красаву и служившій теперь доктору денщикомъ, вынырнулъ изъ темноты и низкимъ басомъ доложилъ:

— Тамъ фершалъ, который студентъ, и послѣ сестра ваше высокородіе кличутъ, чтобъ вы догоняли ихъ, какъ воны уже пошедши!..

Ухмыловъ махнулъ рукой военному врачу и пошелъ за санитаромъ,

— О, Iезу, Iезу, куда я лѣзу!..—бормоталъ онъ, нащупывая въ карманѣ пирожки и морщась, какъ будто у него болѣли зубы. И что за ерунда и чепухистика все это, и почему я здѣсь? Ну зачѣмъ, какъ я сюда попалъ, по какому поводу? Сугубая ерунда—изъ-за какого-то губернаторскаго племянника!

Но разсуждать уже было некогда.

Атака происходила на неширокомъ, убѣгавшемъ внизъ уклономъ, полѣ, перерытомъ оборонительными окопами, которые и надо было взять нашему полку. Передъ этимъ въ лѣсу, гдѣ теперь остановились двуколки, была первая линія, опутанная проволочными загражденіями, отъ которыхъ теперь осталась смѣшанная паутина поваленныхъ кольевъ, глубокихъ ямъ отъ разрывовъ снарядовъ и перепутанной колючей проволоки. Лѣсъ вблизи былъ исковерканъ, какъ будто по нему прошелъ страшный ураганъ. Были мѣста, гдѣ сосны казались срѣзанными какой-то сказочной косой, и поваленныя верхушки лежали тутъ же, распространяя свѣжій смолистый запахъ...

На полѣ послѣ этого исковерканнаго лѣса прежде всего бросалась въ глаза незамѣтность пролетѣвшаго тутъ нѣсколько часовъ тому назадъ урагана войны. Были ямы—воронки отъ разрывовъ, была та же проволока, частью уничтоженная орудійнымъ обстрѣломъ, частью порванная и лежавшая спутанными комками, какъ гигантскій неводъ. Было много странныхъ вещей, неизвѣстно какъ сюда попавшихъ, которыми всегда усѣяно поле сраженія послѣ боя: валялись какія-то бумажки, какія-то тряпки, брошенныя патронныя подсумки, винтовки, шапки; гдѣ-то далеко, не ближе какъ за полверсты, стрѣляли: вспыхивала и погасала, чтобы опять вспыхнуть, ружейная перестрѣлка, но мысль какъ-то не связывала эти торопливые безпорядочные звуки съ тѣмъ, что было здѣсь на полѣ.

Ухмыловъ шелъ, остро и пугливо вглядываясь кругомъ, и ему казалось, что онъ долженъ испытывать ужасъ, тоску и страхъ, а ничего не было, и чуждымъ и страннымъ, какимъ-то постороннимъ былъ трупъ, лежавшій на дорогѣ, кучка труповъ, опять одиночное пятно... Нельзя было разобрать въ сумракѣ, какъ и кто убитъ, но по неподвижности раскинутыхъ или подобранныхъ рукъ, по вытянувшейся или согнутой ногѣ понятно было, что лежитъ убитый... И съ тайнымъ удивленіемъ Ухмыловъ ловилъ себя на новомъ неизвѣданномъ любопытствѣ; какъ будто онъ ходилъ въ анатомическомъ театрѣ и вглядывался въ прекрасно сдѣланные манекены, а боли, страха—не было...

Санитары несли раненыхъ; другая команда—этапнаго коменданта—сносила трупы куда-то къ лѣсу; между тѣми и другими время отъ времени проходили новыя части войскъ, сосредоточенно, молчаливо, какъ будто сурово, и, направляясь туда, откуда слышалась перестрѣлка, они потрясали землю какимъ-то особенно грузнымъ, твердымъ и нетороплпвымъ шагомъ.

Пропуская ихъ, Ухмыловъ сторонился и смотрѣлъ на нихъ. Но въ темнотѣ не было отдѣльныхъ лицъ, даже фигуры путались между собою, и слышенъ былъ только этотъ тяжелый, грузный шагъ многихъ людей. Онъ хотѣлъ подумать, что черезъ часъ или два часа многіе изъ этихъ идущихъ будутъ такими же, какъ тѣ черныя пятна, къ которымъ тянуло его странное любопытство, но внутреннимъ усиліемъ остановилъ свою мысль и только покачалъ головой; и всѣ слова о дипломатическихъ нотахъ, о какомъ-то Иванѣ Ивановичѣ, не сумѣвшемъ написать эту ноту, о войнѣ—все, что онъ говорилъ и думалъ до сихъ поръ, теперь ему показалось такимъ маленькимъ, такимъ ничтожнымъ, что онъ почувствовалъ, какъ покраснѣлъ въ темнотѣ. И, бормоча про то, что „при чемъ же онъ, мирный, старый, опустившійся докторъ во всей этой исторіи“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ, большимъ, чѣмъ всѣ слова и мысли, теперь зналъ, что онъ такая же единица одной огромной суммы всѣхъ этихъ идущихъ, отбивая медлительный шагъ по землѣ, двигающихся тамъ съ носилками, лежащихъ неподвижно въ неестественно спокойной позѣ, стонущихъ въ глубокой воронкѣ отъ разрыва, куда два санитара полѣзли, оставивъ носилки у края...

Какъ и когда онъ набрелъ на своихъ, на студента и сестру

Марію, онъ не зналъ; кажется, онъ услышалъ голосъ студента, сердито и громко говорившаго санитару, замѣнившему Красаву:

— Да куда жъ это чучело, нашъ докторъ, дѣлся? Вѣдь вѣчно пропадетъ, поди, ищи его... Вотъ ужъ чучело настоящее!..

И докторъ пошелъ на этотъ голосъ, отзываясь громкимъ крикомъ:

— Я здѣсь, здѣсь, не сердитесь, коллега!..

Но когда это было, черезъ часъ послѣ того, какъ онъ попалъ на это странное поле, или черезъ двѣ минуты, этого онъ сказать не могъ. И случилось это потому, что гдѣ-то вверху вдругъ коротко щелкнуло, словно кто-то выстрѣлилъ изъ дѣтскаго револьвера, и цѣлый фейерверкъ голубоватыхъ искръ разсыпался въ ночномъ воздухѣ...

Докторъ остановился и, раскрывъ ротъ отъ изумленія, посмотрѣлъ наверхъ. Это было очень красиво и напоминало неожиданную иллюминацію. Онъ предположилъ, что это какой-нибудь военный сигналъ, которымы части обмѣниваются между собою, въ родѣ ракеты, но санитаръ, возившійся рядомъ возлѣ раненаго, вдругъ упалъ на землю и звонко крикнулъ:

— Ложись, шрапнель!..

— Гм!.. Шрапнель? — пробормоталъ докторъ и потянулся къ бородѣ. Онъ зналъ это слово, но теперь оно не возбудило въ немъ никакого ужаса. — Значитъ, начался обстрѣлъ... А вѣдь говорили...

Но онъ не додумалъ того, что говорили, потому что гдѣ-то рядомъ, въ густѣвшемъ около какой-то горки мракѣ, громко и тревожно крикнули:

— Санитары!.. Носилки!..

Докторъ направился туда и увидѣлъ при свѣтѣ маленькаго карманнаго фонарика сестру Марію, наклонившуюся надъ кѣмъ-то или чѣмъ-то, студента, торопливо выхватывавшаго изъ сумки коробочки съ бинтами, и еще двѣ или три фигуры...

Докторъ подошелъ, втискался между сестрой и солдатомъ и наклонился. Бородатое, изумленное и какъ будто собирающееся заплакать лицо солдата рѣзко и четко вылѣпилось въ бѣломъ лучѣ фонаря. И какъ-то безсознательно, словно дѣлалъ это не онъ, а кто-то другой, а онъ только смотрѣлъ со стороны, Ухмыловъ откинулъ полу шинели, запустилъ руку и сталъ дѣлать все то, что стало уже привычкой дѣлать надъ распростертымъ тѣломъ окровавленнаго человѣка.

Потомъ было еще и еще, и вся ночь вдругъ ожила и завертѣлась вокругъ него страннымъ кольцомъ. Послѣдовавшее затѣмъ сбило память и погасило отдѣльныя представленія, но онъ видѣлъ то выпачканныя черными пятнами крови носилки, то выхваченное фонаремъ лицо, руку, бокъ, то вдругъ надъ нимъ таинственно и такъ понятно, такъ близко и жутко вспыхивали большіе, сѣрые глаза сестры Маріи, узенькая каемочка бѣлой косынки надъ ними и выбившаяся изъ-подъ нея прядь волосъ...

А потомъ, когда уже случилось то, что должно было случиться, и чего онъ, въ сущности, какъ будто ждалъ съ самаго вступленія своего на это поле, ему уже стало казаться, что все время, преслѣдуя и благословляя, надъ нимъ свѣтились эти глаза, и, какъ бы ни былъ плотенъ мракъ, какъ бы далеко ни уходилъ онъ въ сторону, они были съ нимъ, надъ нимъ, заглядывали въ его новую, вспыхнувшую новымъ свѣтомъ, душу...

А случилось это просто, какъ случается все... Онъ не помнилъ, стрѣляли ли передъ этимъ нѣмцы, тѣ самые, которые, какъ кто-то говорилъ, должны были молчать, или онъ замѣтилъ только одинъ первый выстрѣлъ, показавшійся ему красивымъ фейерверкомъ, но вдругъ надъ его головою, чуть-чуть слѣва, что-то звякнуло, желтый, жадный огонь рванулъ землю и въ дымной вспышкѣ унесъ ее куда-то въ черное небо; и вслѣдъ затѣмъ докторъ Ухмыловъ почувствовалъ, что твердая, сухая земля пахнетъ повявшей, вытоптанной травой, какой-то горечью и холодной ночной пылью.

Онъ не зналъ, что онъ лежитъ, и что его горячая кровь, какъ кипяткомъ, обливаетъ его ноги, что о немъ кричитъ кто-то тонко и испуганно: — „А докторъ, докторъ!..“ — Онъ не слышалъ этого, потому что въ ушахъ ровно и неотступно, какъ нарастающій прибой, звенѣлъ и гудѣлъ новый шумъ, отъ котораго было легко и почти весело...

Новое великое спокойствіе простерлось надъ нимъ, смотрѣло съ чернаго, вспыхивавшаго разноцвѣтными искрами неба, вѣяло отъ сухой земли, отъ дальнихъ точекъ фонарей, двигавшихся, какъ свѣтлячки, въ травяной заросли...

И уже передъ тѣмъ, какъ почувствовать обжигающую, сверлящую боль, заставившую его впослѣдствіи кричать тонкимъ, животнымъ голосомъ, не узнавая окружающихъ, онъ вдругъ, какъ все время этой ночью, увидѣлъ надъ собою склонившуюся тонкую фигуру въ сѣромъ платьѣ и всепонимающіе, скорбные и увѣренные, какъ сама неизбѣжность, глаза...

— Сестра!.. — хотѣлъ сказать онъ, но внезапныя слезы сдавили горло, и губы едва шевельнулись. — Я хотѣлъ сказать вамъ, я хотѣлъ сказать...

Но она не слушала, стояла передъ нимъ, наклонившись, прощая и благословляя взглядомъ, и отъ этого доктору Ухмылову стало легко и тихо, и слезы теплыя и радостныя защекотали углы глазъ.

Онъ смотрѣлъ на нее и одновременно видѣлъ сквозь нее наклонившіеся, перепутанные извивающимися, какъ змѣи, проволоками, какіе-то колья, но это его не удивило, и онъ продолжалъ смотрѣть и улыбаться сквозь слезы. И также не удивился онъ, услышавъ легкій, какъ шелестъ умирающей травы, голосъ ея. Она говорила, и блѣдная, прозрачная рука двигалась въ тактъ словамъ, и онъ услышалъ то, что сдѣлало сразу понятнымъ все: и смерть, и раны, и страхъ, и боль, и все, въ чемъ тосковало до сихъ поръ его существо...

Обстрѣлъ уже гремѣлъ кругомъ, наша артиллерія отвѣчала изъ-за лѣса, напряженная трескотня впереди разгоралась, какъ веселый и жадный костеръ, а тонкій, слабый, какъ шелестъ травы, голосъ звучалъ надъ лежавшимъ возлѣ перепутанныхъ проволоками кольевъ человѣкомъ, и онъ его слышалъ, какъ будто бы кругомъ стояла ненарушимая тишина.

Сковородинскіе псалмы. *С. Васильковскій.*

Къ ночи. XLV Передвижная выставка 1917 г. *А. Шильдеръ.*

— Я война...— говорила сестра Марія, но не та Марія, которая металась сейчасъ по черному полю, хватая за руки санитаровъ и проходившихъ солдатъ и спрашивая про исчезнувшаго доктора, а другая, выше, свѣтлѣе и понятнѣе, но съ тѣми же глазами и той же горькой складкой у рта.— Я война, ты понимаешь? Я страданіе и плачъ тысячъ и тысячъ... И я благо, потому что я все отдаю для этого страданія. Я свѣтъ, ибо только во тьмѣ страданія горитъ и сверкаетъ свѣтъ любви и милосердія; я печаль и боль, ибо боль чужого тебѣ горше твоей боли, тоскливѣе ужаса твоего передъ растерзаннымъ тѣломъ твоимъ... Сердце мое сочится кровью, смотри, оно истекаетъ, ибо страданія тѣхъ, что умерли и лежатъ въ безвѣстныхъ могилахъ подъ покосившимся крестомъ, тѣхъ, что умираютъ теперь тамъ, гдѣ трещитъ разгорающійся костеръ войны, и тѣхъ, что умрутъ завтра и черезъ годъ—ранятъ его, и оно истекаетъ кровью... Видишь алый, начертанный кровью этого скорбнаго сердца, крестъ на груди моей?.. И кровью израненнаго сердца моего, брошеннаго въ огонь и скорбь войны, растоптаннаго тяжкой стопою ея, я приближаюсь къ тѣмъ, о комъ торопливыя буквы синяго карандаша на могильныхъ крестахъ говорятъ великую печаль и великую правду: изъ мрака рожденный уходитъ въ мракъ, и никто не знаетъ участи его, какъ не знаетъ имени!.. И, выдавливая послѣдній вздохъ, уходя въ вѣчность, слабый и безвѣстный, ты такъ же мой, какъ всѣ, что были передъ тобой и будутъ послѣ тебя, ибо я война!..

Она говорила, докторъ смотрѣлъ въ знакомые и таинственные глаза и уже не сознавалъ и не видѣлъ, какъ надъ нимъ сверкнулъ неожиданный лучъ фонаря, какъ кто-то кричалъ, кто-то звалъ кого-то, какъ склонились къ его головѣ... И только когда его тронули, чтобы поднять на носилки, онъ застоналъ и на моментъ пришелъ въ сознаніе.

Губы его зашевелились, въ глазахъ мелькнуло странное, не идущее такъ къ его положенію, выраженіе усмѣшки, и, наклонившись ближе, студентъ-фельдшеръ уловилъ:

— А чучело-то того... того!..

Подымавшій его санитаръ сдѣлалъ неосторожное движеніе: огненная боль вихремъ скрутила пробитыя шрапнельнымъ стаканомъ внутренности доктора, и онъ закричалъ тонкимъ, животнымъ крикомъ, отъ котораго санитаръ выпустилъ его тѣло и откинулся въ сторону.

И съ тѣхъ поръ, до самаго конца, всѣ девять часовъ,—когда его несли по полю, когда клали въ двуколку, по дорогѣ, потомъ у себя въ перевязочной, на томъ самомъ столѣ, гдѣ онъ копался въ ранахъ другихъ, и послѣ на койкѣ въ комнатѣ сестеръ,—онъ не переставалъ кричать этимъ жалобнымъ, тонкимъ голосомъ, до того момента, когда искра жизни въ послѣднемъ хрипломъ крикѣ не вылетѣла изъ него...

* * *

Замелькала въ листьяхъ золотая просѣдь,
Но деревьевъ пышныхъ густъ еще уборъ.
Не спѣшитъ съ нихъ кудри шумный вѣтеръ сбросить,
Наготой унылой опечалить взоръ.

Обождите, тучи, небо голубое
Темною завѣсой скорбно омрачать!
Не остыло сердце отъ любви и зноя.
Дайте имъ погаснуть! Дайте замолчать!

Ничего нѣтъ краше жизни и свободы
Съ незакатнымъ блескомъ лучезарныхъ дней!
Для чего же холодъ, мракъ и непогоды?
Для чего же рабство и позоръ цѣпей?

Леонидъ Афанасьевъ.

Награда лучшихъ.

Повѣсть **Марка Криницкаго.**

(Продолженіе).

IV.

На другой день она думала, что въ учительской опять будутъ говорить о Петрѣ Сергѣевичѣ. Но о немъ больше не заговаривали. Только батюшка замѣтилъ:

— Вотъ былъ Петръ Сергѣевичъ, и нѣтъ его.

На что Горшковъ въ успокоительномъ тонѣ ему возразилъ:

— Всѣ тамъ будемъ.

Неожиданно, какъ это бывало каждый день, всплыла новая тема. Говорили о дороговизнѣ и скупщикахъ. Учитель исторіи Южный, откинувъ пятернею сѣдую гриву волосъ, какъ будто безъ всякаго касательства сказалъ:

— А вотъ Сергѣй Сергѣевичъ Кукинъ пожертвовалъ въ Общество недостаточныхъ учениць сто рублей.

Катя покраснѣла и отвернулась къ окну.

— Да, скупилъ сто вагоновъ мяса,—расхохотался, дребезжа, Горшковъ.

Южный, сморщившись, поправлялъ подъ длинной патріархальной бородой свой галстукъ, похожій на веревочку. Онъ былъ хитрый дипломатъ и любилъ говорить намеками. Одинъ глазъ его чуть подмигивалъ, и нельзя было опредѣлить, смѣется онъ, или ужъ очень трудно у него завязывается галстукъ.

— Да вы думаете, онъ одинъ это сдѣлалъ?—говорилъ Горшковъ.—Тутъ цѣлая система-съ. Одинъ перекупаетъ у другого, болѣе крупный у болѣе мелкаго. И всѣ они только коммиссіонеры. Еще быки не пришли, а они ужъ двадцать разъ проданы и куплены. Крупный оптовикъ и радъ бы купить, да товару на рынкѣ нѣтъ. Приходится платить, сколько съ него самого заломятъ,—ну, а ужъ онъ, само собою, раскладываетъ на потребителя.

Эта комбинація казалась Горшкову очень остроумной, и онъ хохоталъ. Вообще, ко всему въ жизни онъ подходилъ съ точки зрѣнія анекдота. Когда у жены Дзюбинскаго родилась двойня, онъ комично представлялъ въ учительской сначала радость Дзюбинскаго, когда акушерка протянула ему перваго ребенка и сказала будто бы: „Бамъ-съ“, и потомъ ужасъ, когда она вдругъ прибавила: „Постойте радоваться, сейчасъ еще одинъ“. Дзюбинскій коп-

фузился и увѣрялъ, что ничего подобнаго не было, но Горшковъ грохоталъ:

—Ну, трудовикъ. Одно слово: трудовикъ.

И сейчасъ у него вышелъ споръ съ Дзюбинскимъ. Такъ какъ дѣло касалось цифръ и экономики, то послѣдній счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ разговоръ. Согнувшись и показывая бѣлые зубы, онъ съ приторной улыбкой говорилъ:

— Нельзя обвинять отдѣльныхъ лицъ. Таковъ ужъ самъ по себѣ экономическій процессъ. Торговля не есть филантропія. Деньги сами по себѣ представляютъ чисто-механическую силу. Единственнымъ регуляторомъ коммерціи является законъ. Строго говоря, съ точки зрѣнія чисто-этической, каждая коммерческая сдѣлка является актомъ недобросовѣстности, потому что въ этой сдѣлкѣ неизбѣжно одна сторона теряетъ, другая выигрываетъ.

— Теряемъ всѣ мы, потребители,—хохоталъ Горшковъ.

— Но въ этомъ ужъ вините капиталистическій строй.

Южный не выдержалъ. Онъ бросилъ завязывать свой галстукъ. Патріархальная борода его мелко тряслась. Правую ладонь онъ воздѣлъ къ потолку.

— Ахъ, оставьте! Капиталистическій строй капиталистическимъ строемъ, но зачѣмъ же быть мерзавцемъ? Зачѣмъ наживаться на народномъ горѣ, на затрудненіяхъ, испытываемыхъ родиной въ годину всенародныхъ бѣдствій? Это уже, простите, не коммерція, а спекуляція. А со спекулянтами надо поступать на основаніи законовъ военнаго времени.

Дзюбинскій покраснѣлъ, и оттого его зубы бѣлѣли еще больше. Споръ мужчинъ былъ похожъ на грызню. У Кати все дрожало внутри. Ея сочувствіе было на сторонѣ Дзюбинскаго, потому что онъ, по ея мнѣнію, говорилъ правду, хотя это было и неудобно для него. Вообще, всюду только обманъ, ложь и лицемѣріе. Ей хотѣлось закричать на Южнаго:

— Вы не спорите, а бранитесь.

Дзюбинскій сказалъ:

— Вы можете указать мнѣ границу между коммерціей и спекуляціей?

— А вы можете указать мнѣ границу между лысымъ и нелысымъ? Вотъ у васъ прекрасная шевелюра. Если я у васъ вырву одинъ волосъ, будете вы лысы или не лысы? А два волоса? А три? А четыре? На какомъ волосѣ вы сдѣлаетесь лысымъ? На тысячу первомъ или на тысячу второмъ?

— Господа, зачѣмъ же выражаться?—хохоталъ Горшковъ.

Дзюбинскій краснѣлъ все больше и больше. И Катя чувствовала къ нему жалость, смѣшанную съ негодованіемъ. Ей была противна сѣдая борода стараго хитреца. Дзюбинскій развелъ руками.

— Это вопросъ другого порядка,—забормоталъ онъ, собирая свои тетради.

— Это вопросъ порядка нравственнаго,—теперь уже кричалъ Южный.—Если бы жизнь человѣческая управлялась одними механическими законами, культурная жизнь была бы невозможна. Испоконъ вѣка человѣчество управлялось, кромѣ закона писаннаго, еще законами неписанными, установленіями обычая, требованіями неписанной морали. Кромѣ понятій о законности, есть еще понятіе о чести.

— Честь въ коммерціи ни при чемъ, — сказалъ Дзюбинскій, жалко улыбнувшись. — Честь торговать рыбой невелика, но вы все-таки, простите, посылаете кухарку за рыбой.

— И исправно ее кушаете, — хохоталъ Горшковъ.—А то еще недурно бы баранью котлетку... Какъ, Спиридонъ Петровичъ, насчетъ бараньей котлетки?

— Оставьте меня съ вашими глупостями!—крикнулъ Южный.—Есть вещи, надъ которыми смѣяться неудобно.

— Это почему же? Смѣяться, Спиридонъ Петровичъ, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.

— Я ничего не вижу въ нашемъ разговорѣ смѣшного.

Горшковъ засунулъ руки въ карманы и покачивалъ брюшкомъ. Голосъ его сдѣлался еще болѣе тоненькимъ.

— Честь-то честью, — сказалъ онъ,—а купца Лямкина вы же избрали почетнымъ попечителемъ гимназіи. А чѣмъ Лямкинъ лучше Кукина? Тѣмъ, что онъ спекулируетъ на крупѣ, а не на мясѣ?

— Конечно!—вскрикнулъ Дзюбинскій.—Во всякомъ случаѣ, это дѣло совѣсти каждаго, а совѣсть человѣка растяжима. Вы обращаете вниманіе на внѣшнее, на вагоны быковъ. Крупа, конечно, мельче, чѣмъ быки, и, кромѣ того, она не мычитъ.

Онъ сталъ истерически смѣяться, совсѣмъ ощеривъ передніе зубы.

— Молчите вы!—кричалъ Южный.— Стыдитесь, вѣдь вы интеллигентъ.

Катя смотрѣла на Дзюбинскаго, и ей тоже хотѣлось расхохотаться, но только не такъ, какъ Дзюбинскій, а злобно, унизительно и гадко, и хохотать, не переставая. Она крѣпко сжала пальцы, но смѣхъ подступалъ къ горлу. Она отвернулась къ окну. Плечи ея противъ воли задрожали.

— Какіе же мы послѣ этого наставники юношества? — услышала она, точно сквозь вату въ ушахъ, слова Южнаго.

Вдругъ звенящую пустоту комнаты, въ которую точно провалились всѣ остальные голоса и звуки, наполнилъ ея собственный тонкій и сверлящій хохотъ. Упавъ на старый клеенчатый диванъ, она корчилась и билась отъ смѣха, прижавшись мокрымъ лицомъ къ холодной ручкѣ дивана.

Когда она пришла въ себя, ей унизительно вспомнились встревоженныя лица сослуживцевъ, отталкивающій запахъ эѳирно-валерьяновыхъ капель и жуткій шумъ ученическихъ голосовъ за дверью учительской. Сейчасъ передъ нею сидѣла начальница. Въ коридорахъ было тихо. Какъ въ сонномъ бреду, звучали отдаленныя рулады фортепіано. Начальница говорила:

— Милая, ради Бога, не волнуйтесь. Развѣ можно придавать значеніе словамъ Дзюбинскаго? Увѣряю васъ, что онъ думаетъ совсѣмъ не то, что говоритъ. Ахъ, этотъ Михаилъ Матвѣевичъ!

Она снисходительно усмѣхалась. Развѣ можно придавать значеніе словамъ спорящихъ мужчинъ?

— Идите же, идите, моя дорогая, ученицы васъ ждутъ. Ахъ, все это такъ непріятно. Конечно, я раздѣляю ваше чувство. И зачѣмъ это только, зачѣмъ? Ахъ, ахъ!

Тяжелая желѣзная полоса давила на темя. Больше не было ни возмущенія ни злобы. Даже не было самоосужденія. Были только однообразные дни съ сѣрыми окнами. Съ высокаго стекляннаго шкапа глядѣли бюсты человѣческихъ расъ: черный негръ съ бѣлымъ кольцомъ въ носу, красный индѣецъ съ цвѣтными перьями изъ папье-маше. За стекломъ шкапа отвратительно разѣвали искусственно сдѣланные рты чучела куницъ и бѣлокъ. Въ учительской пахло, сквозь густой смрадъ табака, вѣчнымъ нафталиномъ и масляной краской.

— Вотъ и все, — сказала начальница. — И вы, я вижу, уже, милочка, успокоились.

Она нагнулась и дрожащими губами сухо поцѣловала ее въ лобъ.

— Вѣдь вы у меня прелесть, я знаю.

V.

По внѣшности Катина жизнь не измѣнилась ни въ чемъ, но внутри этой жизни произошелъ огромный переломъ. И переломъ этотъ не столько заключался въ томъ, что надежда на возвращеніе Петра Сергѣевича была потеряна, сколько въ новыхъ мысляхъ.

Катя любила думать подолгу и раньше. Но всѣ прежнія мысли казались ей теперь ребяческими. Это были мысли отъ чистой головы и книгъ. А новыя мысли были безпокойны и, разъ овладѣвъ ею, не оставляли ея вовсе

Боярыня. *К. Лебедевъ.*

XLV Передвижная выставка 1917 г.

Въ кругу семьи. *Автопортретъ.* Весенняя выставка 1917 г. *А. Бучкури.*

людямъ необходима похвала, что они „добрые“? Въ этомъ сказывается или ихъ хитрость или ихъ тщеславіе.

Но хитрить Катѣ было противно, а гордости она въ себѣ не чувствовала.

Теперь она завидовала Володѣ. Онъ никогда не заставлялъ себя лгать. Ему была чужда смѣшная напыщенность. Но для того, чтобы сдѣлаться такою, какъ Володя, нужна была смѣлость.

И Катя презирала себя за трусость.

Если она хотѣла думать о Петрѣ Сергѣевичѣ, она должна была сначала думать о Сербіи и вспоминать его прощальныя слова. Онъ хотѣлъ возстановить нарушенную политическую справедливость. Но что изъ того? Допустимъ даже, что справедливость наконецъ восторжествуетъ. Спрашивается: для кого? Тѣ, кто укрѣпляли справедливость, уже погибли или погибнутъ. А тѣ, для кого справедливость будетъ укрѣплена, создадутъ новую несправедливость, потому что злыхъ всегда больше, чѣмъ добрыхъ. Тогда опять придется погибать лучшимъ, благороднѣйшимъ, храбрѣйшимъ,—и такъ безъ конца. Положительно, не стоитъ хлопотать о человѣчествѣ.

И, наконецъ, что такое человѣчество? Развѣ она, Катя, знаетъ его, или оно, человѣчество, знаетъ Катю?

Да, сербовъ жалко, но жалко вообще всѣхъ несчастныхъ. Почему же она, Катя, должна пойти и отдать всю себя по каплѣ какимъ-то несчастнымъ? Это не болѣе, какъ лицемѣріе и гордость.

О Петрѣ Сергѣевичѣ она даже почти не вспоминала никогда. Между его образомъ и ею лежали уже другія и тоже новыя трудныя мысли. Только передумавъ ихъ, она могла отнестись къ факту его смерти такъ или иначе.

Онъ умеръ, но вѣдь это же, само по себѣ, не означало еще ничего. Умираютъ всѣ. Это разбило ея мечты о какомъ-то возможномъ счастьѣ. Однакоже, если бы Петръ Сергѣевичъ уцѣлѣлъ, то это все же была бы только чистая случайность. Конечно, она могла закрыть глаза на все окружающее. Но это была бы уже теорія чистаго эгоизма. И, если это не позволительно, то кто, собственно, не позволяетъ? Ея, Катина, совѣсть?

Катя въ этомъ сомнѣвалась. Ей казалось, что она жадно бы схватила свое личное, ей принадлежащее счастье и не подѣлилась бы имъ ни съ кѣмъ, не отдала бы другимъ изъ него ни крупицы. Она способна была бы прожить всю жизнь, закрывъ глаза на бѣдствія другихъ. Почему она должна была бы поступить иначе?

Нѣтъ, ссылка на совѣсть ея положительно не удовлетворяла. И, если бы это зависѣло отъ нея, то она, конечно, не отпустила бы Петра Сергѣевича на войну. Пожалѣла бы она сербовъ? Нѣтъ, и сербовъ рѣшительно бы не пожалѣла. Почему пожалѣть должна была непремѣнно она, а не кто-нибудь другой? Почему всѣ притязаютъ исключительно на ея совѣсть? Что за недобросовѣстная эксплуатація чужой доброты!

И наконецъ, вообще, почему надо быть „добрымъ“? Можетъ-быть, какъ разъ наоборотъ, нужно быть злымъ? И что такое значитъ слово „надо“? Въ этомъ словѣ есть какое-то подчиненіе. „Надо“ быть злымъ, „надо“ быть добрымъ. Все зависитъ оттого, какъ она хочетъ, а не отъ этого какого-то „надо“. Хочетъ быть злою—и будетъ злою. Захочетъ быть доброю—никто не можетъ ей въ этомъ ни препятствовать ни этого ей приказать. При чемъ здѣсь „надо“?

Она хочетъ или не хочетъ, и только это имѣетъ смыслъ.

Но зачѣмъ она будетъ хотѣть „быть доброю“? И, вообще, зачѣмъ или почему люди иногда „хотятъ“ быть или казаться добрыми? Часто приходится слышать:

— О, онъ добрый!

Но что это значитъ, и кто это говоритъ? Говорятъ тѣ, кому выгодно, чтобы другіе были добрыми. Но отнюдь невыгодно ему самому. Самому выгодно не быть, а только притворяться добрымъ, въ надеждѣ на то, что другіе примутъ это притворство за чистую монету и будутъ добрыми на самомъ дѣлѣ. И поэтому, вѣроятно, восхваляютъ доброту именно самые злые. Катѣ казалось, что это непремѣнно такъ.

Быть добрымъ, въ сущности, означаетъ быть глупымъ. Вѣдь если бы были на самомъ дѣлѣ добрыми всѣ, тогда, пожалуй, это еще имѣло бы какой-нибудь смыслъ. А то доброта сводится къ пожиранію добрыхъ злыми, при чемъ, если они на самомъ дѣлѣ добры, то ихъ очень жаль, потому что они ни за что ни про что лишаютъ себя своихъ жизненныхъ силъ и гибнутъ ради какихъ-то эгоистовъ, которые только пользуются ихъ глупостью и остаются жить, размножая на землѣ свое злое потомство. Поэтому Катѣ казалось, что, если бы даже она была, по своей природѣ, доброй (а сейчасъ она знала, что она злая), то не была бы ни за что доброй къ людямъ, потому что, вообще, всѣ люди злы и только живутъ насчетъ добрыхъ.

И пусть бы о ней говорили, что она зла. Зачѣмъ, вообще,

И совершенно правы и Горшковъ и Дзюбинскій. И даже больше: не только торговля, но и вся жизнь есть не болѣе, какъ спекуляція, спекуляція на добрыхъ чувствахъ чувствительныхъ сердецъ.

— Отдайте намъ то, что нужно одинаково и вамъ и намъ, но что есть у васъ и чего нѣтъ въ данный моментъ у насъ. Отдайте намъ вашъ хлѣбъ, потому что онъ у васъ есть, а у насъ его нѣтъ. Не подѣлитесь, а отдайте, потому что война, міровая война, это значитъ отсутствіе хлѣба вездѣ. Отдайте намъ вашу жизнь, потому что нашу жизнь у насъ кто-то отнимаетъ. Не подѣлитесь жизнью, а отдайте всю цѣликомъ, потому что жизнью подѣлиться нельзя.

И, если кажется на первый взглядъ, что хлѣбомъ они про-

Лѣнивое утро. Весенняя выставка 1917 г. *П. Бучкинъ.*

сать только подѣлиться, то ужъ, что касается жизни, то совершенно ясно, что она, Катя, или Петръ Сергѣевичъ какъ-то „подѣлиться" своею жизнью не могутъ, а могутъ лишь отдать ее всю, что и сдѣлалъ Петръ Сергѣевичъ со своею жизнью и вмѣстѣ съ ея жизнью, потому что для нея ея личная жизнь тоже кончена теперь совсѣмъ.

Катя возмущалась: что за расточительность по отношенію къ собственной жизни? Вѣдь это же въ концѣ концовъ поза нищаго, желающаго прослыть за богача и отдающаго все, что имѣетъ.

Нѣтъ, она, Катя, не такова. Ни ея умъ ни ея сердце не мирятся съ этой фальшью. Да, она хочетъ справедливости, но справедливости для всѣхъ, а не для нѣкоторыхъ. И разъ Петръ Сергѣевичъ убитъ, она не желаетъ справедливости вовсе. Пусть будетъ въ такомъ случаѣ несправедливость. Одна большая несправедливость для всѣхъ. Этого она желаетъ не только за себя, но и за Петра Сергѣевича, который самъ этого уже не можетъ желать, потому что онъ мертвъ, а при жизни не желалъ потому, что былъ черезчуръ благороденъ. О, черезчуръ!

И пусть!

И когда Катя почувствовала въ себѣ эти мысли, ей показалось, что она нашла какое-то дно. Она обычно проводила время, заперпись у себя въ комнатѣ. Ей не хотѣлось больше читать. Книги утратили свой смыслъ, потому что и онѣ были одна фальшь. Если бы она стала думать сейчасъ попрежнему, покнижному, то она сошла бы съ ума. Нахмурившись, она сидѣла у себя и ощущала совершенно особенную радость, радость, похожую на злобу, но такую прочную и увѣренную, какой никто не могъ отнять отъ нея.

Сегодня въ остальныхъ комнатахъ было суетливое движеніе. Отецъ поправился отъ сердечнаго припадка окончательно и даже, по случаю дня своего рожденія, ожидалъ къ себѣ вечеромъ гостей.

Катя рѣшила не выходить изъ своей комнаты. Въ особенности ей не хотѣлось встрѣтиться съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, котораго ждали тоже. Володя бѣгалъ и здѣсь. Онъ успѣвалъ примазаться ко всякому дѣлу, гдѣ пахло ѣдой, угощеніемъ или деньгами. Его нахальный голосъ доносился отовсюду. Онъ бѣгалъ въ лавку и спорилъ на кухнѣ, при этомъ онъ успѣлъ что-то съѣсть, чего не полагалось, и его ругали. Отецъ опять кричалъ:

— Пошелъ вонъ!

Слышно было, какъ Володя ушелъ къ Викентію Викентьевичу и на что-то громко жаловался. Катя чувствовала, какъ у нея опять дрожитъ грудь. Володя ей былъ противенъ попрежнему, но ей вдругъ захотѣлось выбѣжать и заступиться за него. Да, онъ хочетъ ѣсть. Она требуетъ, чтобы ему дали поѣсть столько, чтобы онъ наконецъ хоть одинъ разъ почувствовалъ, что онъ сытъ.

Стучало возмущенно сердце и отдавало въ вискахъ. Изъ кухни пахло жареной рыбой, которую берегли къ вечеру. За окнами шумѣлъ унылый, однообразный дождь, смѣнившій снѣгъ и превратившій городскія улицы въ пустынное кладбище.

Идиллія. Весенняя выставка 1917 г. *М. Диллонъ.*

Портретъ г-жи Демьяновой. *Н. Сергѣевъ.*
Весенняя выставка 1917 г.

Наконецъ Катя не выдержала и пошла въ кухню на голосъ матери. Та рѣзала вареную толстую колбасу и раскладывала ее половинками ломтиковъ на тарелку. Лицо у нея было до смѣшного озабоченное и жалкое въ этой тупой и ничтожной озабоченности.

— Мама,— сказала Катя, волнуясь и еще сама хорошо не зная, что собирается сказать. — Я не понимаю. Обѣда у насъ сегодня настоящаго не было, и Володя, конечно, голоденъ. Онъ правъ.

Мать подняла на нее удивленные глаза, въ которыхъ постепенно отразился свирѣпый, чисто,— какъ подумала Катя, собачій гнѣвъ. Она перестала рѣзать колбасу и закричала:

— Да уйдите вы отъ меня всѣ. Никому не дамъ. Придетъ время ужинать, и будете ужинать.

— Я у васъ и не прошу, мама. Я говорю о Володѣ. Ужинъ будетъ послѣ картъ, часу въ третьемъ ночи. Мальчикъ голоденъ. Это несправедливо.

Поймавъ себя на этомъ словѣ, она внутренно съежилась, но не хотѣлось уступить. Было просто гадко, и хотѣлось одного, чтобы накормили Володю. Хотѣлось тупо, наперекоръ всему.

— Будетъ ужинать тогда, когда и всѣ, — сказала мать уже спокойно.

Ея руки двигались равномѣрно. Казалось, что онѣ начали двигаться такимъ образомъ когда-то давно-давно, и никакая сила въ мірѣ не способна была остановить ихъ слѣпого, не разсуждающаго движенія.

— Что у васъ еще? -- спросилъ изъ двери строгій голосъ отца.

— Никому ничего не дамъ!—крикнула еще разъ мать и даже инстинктивно заслонила рукою нарѣзанную колбасу.

Катя оглядѣла столъ и плиту, заставленные ѣдой, предназначавшейся для ужина.

— Я прошу, папа, чтобы мама дала Володѣ чего-нибудь поѣсть. Мальчикъ голоденъ, и онъ вполнѣ правъ.

Ей было это пріятно говорить, потому что она видѣла, что отецъ раздраженъ и только сдерживается. Онъ надѣлъ новый пиджакъ и красный галстукъ, потому что былъ соціалъ-демократическихъ убѣжденій, но ему было жаль для сына жареной рыбы, приготовленной къ ужину. Кромѣ того, она ожидала, что онъ скажетъ именно такъ, какъ онъ и сказалъ, хотя для этого онъ долженъ былъ принести жертву.

— Володька!— крикнулъ онъ.—Иди на кухню.

Володя показался въ дверяхъ и вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Мать, дай ему ѣсть.

Володя повернулся лицомъ къ столу и матери. Онъ былъ

Петровскія времена. Осмѣяніе трупа Милославскаго (гробъ везутъ на свиньяхъ).

К. Горѣловъ.

Зимній дворецъ сто лѣтъ тому назадъ.

А. Ладюрнеръ.

Во Временномъ Совѣтѣ Россійской Республики (Предпарламентѣ). *Рѣчь военнаго министра генерала А. И. Верховскаго На предсѣдательскомъ мѣстѣ Н. Д. Авксентьевъ, по бокамъ его товарищи: справа—А. В. Пѣшехоновъ, слѣва—В. Н. Крохмаль. Въ ложѣ министровъ—верховный главнокомандующій и министръ-предсѣдатель А. Ф. Керенскій и начальникъ его штаба генералъ Н. Н. Духонинъ.* По фот. М. Антокольскаго.

всегда готовъ ѣсть. Вѣроятно, это очень большое страданіе. Но онъ былъ противенъ, и даже Катина жалость къ нему была противная, гадкая. Глаза его, не моргая, нагло смотрѣли на мать. Руки онъ засунулъ кулаками въ карманы, а локти откинулъ назадъ. Шея его была вытянута.

— Садись за столъ!—крикнулъ ему отецъ.

Ныряющей походкой онъ подошелъ къ столу и съ важнымъ видомъ усѣлся.

— Дай мнѣ рыбы,—сказалъ онъ матери, и носъ его, по обыкновенію, начальственно поднялся кверху.

— Такъ я и стану портить для тебя рыбу! закричала мать.—Нѣтъ на тебя пропасти. На!

Она бросила ему кусокъ колбасы.

— Дай ему рыбы,—сказалъ отецъ тонкимъ голосомъ.

Катя боялась прикоснуться къ нему: такъ онъ весь дрожалъ. Лицо его постепенно налилось кровью.

— Дайте же рыбы!—крикнула она въ страхѣ матери.

— Не получитъ онъ рыбы.

Она размахивала въ воздухѣ ножомъ.

— А я тебѣ приказываю дать!

Отецъ сорвался съ мѣста и шагнулъ въ кухню.

— Вы съ ума сходите, мама,—сказала Катя въ испугѣ.

Мать схватила блюдо съ рыбою и швырнула его на столъ:

— На, давись.

Володя взялъ руки въ боки и совершенно спокойно сказалъ:

— Тарелочку бы, ножикъ и вилку.

Мама вытирала глаза фартукомъ. Она взяла ножикъ и вилку и бросила ихъ Володѣ. Потомъ поставила передъ нимъ тарелку и сама отрѣзала ему рыбы. Володя началъ ѣсть, сильно двигая челюстями. Лицо его не отражало ничего, кромѣ удовольствія отъ ѣды.

— Пойдемте, папа,—сказала Катя.

Ей были гадки всѣ: отецъ, мать, Володя. Но больше всѣхъ Володя. Ей показалось, что, если бы онъ вдругъ умеръ, она бы только обрадовалась.

Отецъ не двигался, слѣдя за каждымъ Володинымъ движеніемъ. Лицо его попрежнему было налито кровью, и жилка пульсировала въ вискѣ. Володя ѣлъ торопливо, точно боялся, что у него отнимутъ пищу.

— Соли,—сказалъ онъ матери, недовольно посмотрѣвъ вокругъ себя на столѣ.

— „Соли“,—повторилъ отецъ и усмѣхнулся.— Мать, дай ему гуся.

Теперь волненіе успокоилось въ его лицѣ, и онъ началъ головою. Мама равнодушно сняла съ плиты гуся, который еще лежалъ на противнѣ, швырнула его на столъ передъ Володей и торопливо пошла изъ кухни.

— Пусти!—толкнула она мужа рукой въ дверяхъ.

Отецъ подошелъ къ столу самъ и съ хряскомъ отрѣзалъ Володѣ гуся.

— Достаточно? спросилъ онъ, сверкая ножомъ.

Но Володя не выказывалъ признаковъ страха.

— Достаточно,—сказалъ онъ, придвигая себѣ кусокъ.

Отецъ швырнулъ зазвенѣвшій ножъ, который упалъ со стола на полъ, и, повернувшись, медленно пошелъ изъ кухни. Лицо его смѣялось непріятно перекошенною усмѣшкою.

— Что, заступница, довольна?—спросилъ онъ Катю и взялъ ее за талію. Какъ это у васъ пишутъ въ книжкахъ? „Правильное и своевременное питаніе молодого организма“?

Онъ сжималъ ей талію, причиняя боль.

— Пустите, папа, мнѣ больно,—сказала она.

Она чувствовала, что и отецъ такъ же, какъ и она, тоже не любитъ никого. Онъ прогналъ бы отъ себя Володю, если бы могъ, но у него есть родительскій инстинктъ, который вовсе не есть любовь, а слѣпое, мучительное органическое чувство,—и этотъ родительскій инстинктъ заставляетъ его терпѣть при себѣ сына-неудачника. И ея онъ тоже не любитъ. Онъ равнодушенъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, но она освобождаетъ его родительское чувство отъ заботъ, и за это онъ не чувствуетъ къ ней такой вражды, какъ къ Володѣ. Къ мамѣ же онъ привыкъ, какъ къ безплатной судомойкѣ и кухаркѣ. Всѣ его личные интересы ограничиваются заводомъ, служебными интригами и отношеніями, ежедневнымъ отдыхомъ и скучными развлеченіями, въ родѣ сегодняшнихъ картъ.

Она непріязненно высвободилась отъ отца и ушла въ свою комнату. Она могла себѣ позволить рѣзкость въ обращеніи съ нимъ, потому что содержала себя сама, и даже излишекъ отъ ея содержанія доставался семьѣ.

Зажавъ обѣими руками уши, она рѣшила погрузиться въ ученическія тетради. Вдругъ осторожно отворилась дверь. Катя вздрогнула отъ неожиданности. Это былъ Викентій Викентьевичъ. Онъ улыбался хитрою усмѣшкой и моргалъ глазами. Она въ страхѣ смотрѣла на него, потому что онъ раньше никогда не заглядывалъ въ ея комнату. Сейчасъ онъ былъ въ бѣлой манишкѣ и черномъ сюртукѣ.

— Пѣкло,—сказалъ онъ и еще больше улыбнулся.

— То-есть?—удивилась она.

Ей припомнилась ея ночная исповѣдь въ его комнатѣ, и сдѣ-

лалось жутко-стыдно. Онъ протиснулся въ дверь, мягко ступая валенками, и притворилъ ее за собою.

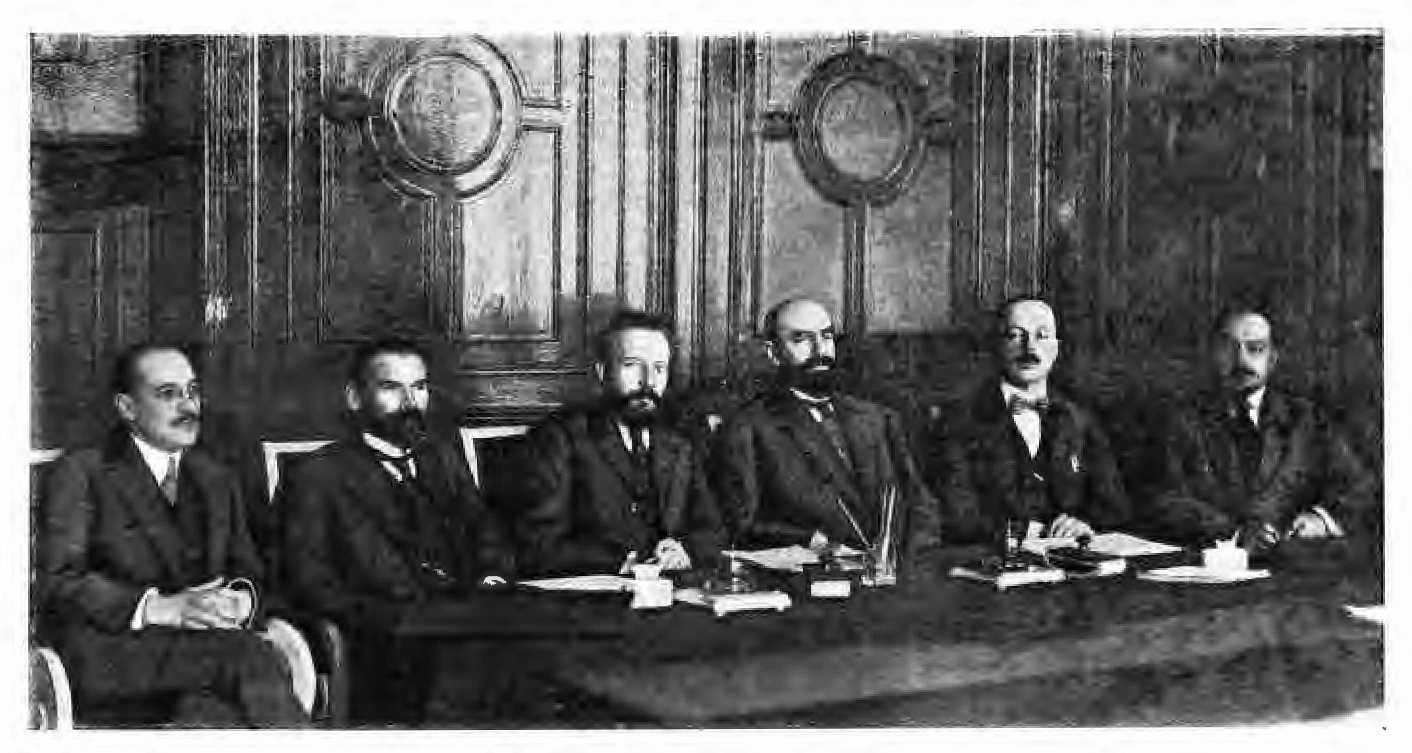
— Говорятъ: есть пѣкло,—сказалъ онъ.—Когда люди грѣшатъ въ этой жизни, то за грѣхи потомъ послѣ своей смерти будто бы попадаютъ въ пѣкло. Такъ я и думаю, что мы когда-то уже жили и, разумѣется, грѣшили, и за эти свои грѣхи попали въ пѣкло. И теперь мы уже въ пѣклѣ. Ужс.

Онъ показалъ Катѣ желтые зубы, поклонился, засмѣялся опять, задвигалъ красноватыми вѣками безъ рѣсницъ, попятился задомъ и вышелъ. И только, когда дверь за нимъ закрылась, Катя вдругъ услыхала, что онъ говорилъ съ нею громкимъ шопотомъ, и этотъ шопотъ все еще стоялъ въ ея ушахъ. Его слова показались ей откровеніемъ.

„Какой странный! — подумала она.—Онъ, вѣроятно, умный. Конечно, мы въ пѣклѣ“.

Въ стекла продолжалъ стучать дождь. Въ комнатѣ стояли проникшіе изъ коридора остатки кухоннаго чада, и болѣла голова. Предстояла ночь съ неумолкающимъ картежнымъ шумомъ.

Кто-то стукнулъ въ дверь.



Президіумъ Временнаго Совѣта Россійской Республики (Предпарламента). *Въ центрѣ предсѣдатель Н. Д. Авксентьевъ рядомъ съ нимъ товарищи предсѣдателя: справа—А. В. Пѣшехоновъ, слѣва—В. Н. Крохмаль и В. Д. Набоковъ; секретарь—М. В. Вишнякъ, старшій товарищъ секретаря В. П. Чефрановъ.* По фот. М. Антокольскаго.

Но по стуку она тотчасъ же угадала, что это Володя, и не отвѣтила. Онъ рванулъ дверь и, согнувшись, просунулся наполовину. Ее поразило странное выраженіе ласковости въ его глазахъ. Обдергивая курточку назади, онъ тѣмъ не менѣе насмѣшливо сказалъ и поклонился еще разъ:

Мерси-съ.

Потомъ опять съ шумомъ захлопнулъ дверь, и противная стриженная голова его исчезла.

„Да, это пѣкло, несомнѣнное пѣкло“,—подумала Катя.

VI.

Катѣ хорошо былъ знакомъ неумолчный шумъ ихъ вечеровъ. Тѣсная передняя вдругъ наполнялась сырой верхней одеждой, подъ ногами въ кучѣ валялись калоши, на которыя безпрестанно оступалась бѣгавшая изъ кухни и въ кухню Марья. Въ тѣсной столовой, гдѣ пахло селедкой и нарѣзаннымъ лукомъ отъ закусочнаго стола, были разложены зеленые карточные столики. Эти люди, которымъ всѣмъ предстояло завтра рано утромъ вставать на работу, съ угрюмымъ и раздраженнымъ видомъ сидѣли за картами. Многіе изъ нихъ уйдутъ, проигравъ послѣдніе рубли. Это дозволенный видъ причинять другъ другу зло, и они смотрятъ другъ на друга настоящими врагами. Нѣкоторые изъ нихъ пришли со своими женами, которыя сидятъ тутъ же въ углу на диванѣ и на креслахъ и говорятъ о провизіи и одеждѣ. Гулъ отъ ихъ голосовъ негромкій, но ползущій и мозжащій, точно зубная боль. И кажется, что, какъ и зубная боль, онъ не кончится никогда. И невозможно его не слышать или, забывъ о немъ, постараться заснуть. Когда ляжешь въ постель и потушишь лампу, онъ еще явственнѣе проникаетъ сквозь дверь и стоитъ въ ушахъ, точно больной лихорадочный кошмаръ. Иногда стучатъ ножи и вилки, раздается взрывъ деревяннаго хохота,—и опять размѣренные, сонные, заколдованные звуки, у которыхъ нѣтъ ни начала ни конца. И, чѣмъ глубже нависаетъ надъ головой свинцовый сонъ, тѣмъ явственнѣе и мучительнѣе звучатъ въ отдѣльные пролеты сознанія, и пугающій ночной смѣхъ и монотонная, неумолчная, заколдованная болтовня этихъ людей. И не находитъ тѣло покоя. Надо безъ конца переворачиваться съ боку на бокъ. Охватываетъ то дрожь, то испарина. И нельзя ни думать, ни спать, ни встать и чѣмъ-нибудь заняться. А по коридору шмыгаютъ и шмыгаютъ Марьины ноги, и съ бранью летятъ въ разныя стороны калоши.

Катя легла въ постель рано, въ одиннадцать часовъ. Сергѣй Сергѣевичъ до сихъ поръ не пришелъ, и уже думали, что онъ не придетъ вовсе. Рѣзкій звонокъ заставилъ Катю вздрогнуть. Всѣ повскакали съ мѣстъ. И это тоже раздражило Катю. Почему они угодничаютъ передъ толстосумомъ? Катя слышала въ коридорѣ мелодичное грудное покашливаніе чахоточнаго помощника мастера Стекольникова. Когда онъ покашливалъ, Катѣ казалось, что у него въ груди тонкія хрустальныя стѣнки, и вотъ-вотъ онъ кашлянетъ немного погромче, и что-то тамъ такое разобьется или сломается. Съ выдающимися страшными костями скулъ, длинноволосый и старательно причесанный, съ рѣденькой бородкой, въ черной суконной блузѣ, онъ былъ скорѣе похожъ на писателя, чѣмъ на помощника мастера. Въ особенности въ немъ привлекали его большіе, сѣрые, задумчивые глаза. И онъ тоже вмѣстѣ со всѣми стоялъ сейчасъ въ передней, и его хрустальный кашель вплетался въ общій шумъ.

Слышно было, какъ Сергѣй Сергѣевичъ, ввалившись, сказалъ: „Извините, что заставилъ ждать“, и началъ что-то громко объяснять. И почему-то вдругъ всѣ замолчали. Потомъ заахала мама, и вдругъ опять заговорили всѣ. Потомъ замолчали и опять такъ же внезапно, и опять продолжалъ что-то разсказывать голосъ Сергѣя Сергѣевича. Она различила отдѣльныя слова:

— Не иначе, какъ подобранный ключъ.

И опять тишина, похожая на молчаніе пропасти. Катѣ кажется, будто волосы стягиваются у нея на головѣ. Она еще не понимаетъ, что это такое, но уже ясно слышитъ одно слово. Это слово стучитъ у нея въ ушахъ. Ей кажется, что все пропало. Тошнота клубомъ подкатываетъ къ горлу. Она вскакиваетъ на постели и вытягиваетъ шею. Она ужасается, что услышитъ сейчасъ это слово. И это слово будетъ:

— Володя.

Она даже не понимаетъ ясно, почему и какъ. Потомъ ей странно на самоё себя. Съ какой стати? И дѣлается смѣшно. Мало ли что тамъ? Она опять нарочно зарывается въ одѣяло.

Но зіяющая тишина за дверью точно вбираетъ въ себя всѣ звуки. И говоритъ, говоритъ монотонный голосъ Сергѣя Сергѣевича. Она опять улавливаетъ конецъ фразы:

— На время, пока я вышелъ въ садъ...

— Это воръ домашній,—услышала Катя голосъ отца.

Голоса зашумѣли, и чаще закашлялъ Стекольниковъ. Сергѣй Сергѣевичъ все еще стоялъ, какъ пришелъ, въ шубѣ. Катя не могла болѣе терпѣть, отбросила жаркое одѣяло и, торопливо свѣсивъ ноги, нашарила въ темнотѣ аккуратно сложенные чулки. Ей казалось, что она сходитъ съ ума. При чемъ здѣсь Володя?

Но это съ нею часто бывало и раньше. Она угадывала вещи и событія чутьемъ Напримѣръ, Дзюбинскій еще не успѣлъ сказать, что Петръ Сергѣевичъ убитъ, а она знала уже, что его нѣтъ въ живыхъ. И сейчасъ она хорошо знала, что произошло какое-то большое несчастіе, и нити его идутъ въ ихъ домъ. Ей хотѣлось поскорѣе выйти самой и услышать все лицомъ къ лицу.

Вдругъ всѣ задвигались. Голоса безпорядочно разбились на группы. Громче всѣхъ судачатъ женщины. Отецъ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ проходятъ совсѣмъ близко мимо двери, и вопросъ отца звучитъ, совсѣмъ точно въ ея комнатѣ:

— Но вѣдь вы ваши ключи постоянно носите съ собой?

Катя не слушаетъ отвѣта Сергѣя Сергѣевича. Ей вспоминается только противный чадъ отъ растопленнаго свинца. Руки ея дрожатъ. И вдругъ хочется выбѣжать и заставить всѣхъ замолчать или же говорить о другомъ. Теперь ясно все. И вдругъ ей кажется, что всѣ уже догадались. Догадался отецъ, догадалась мама, и даже Марья. Догадался Викентій Викентьевичъ. Зачѣмъ ему нужно было прибѣгать изъ гостей домой и топить свинецъ? Ей хочется выйти и взглянуть Володѣ въ глаза. И еще хочется заслонить его собою отъ всѣхъ, куда-то его спрятать или увезти. Сердце бьется такъ, что она ясно ощущаетъ всѣ его сокращенія. Въ ушахъ что-то сжимается, и волосы опять стягиваются на головѣ.

Въ коридорѣ пахнетъ сыростью. У вѣшалки съ одеждой копошится кто-то въ сѣромъ. Она понимаетъ, что это Володя разыскиваетъ калоши, чтобы уйти.

Набрасывается на него и хватаетъ за руку. Онъ усмѣхается одной стороной рта. Глаза его смотрятъ дерзко. Онъ напрягаетъ мускулы руки, чтобы отшвырнуть ее... можетъ-быть, ударить. Она понимаетъ, что не можетъ его удержать. Онъ что-то задумалъ. Только губы его жалко трясутся. И весь онъ жалкій, „сибирный“, какъ говоритъ отецъ.

Она лепечетъ:

— Володя, Володенька..

Отпускаетъ руку. Ей хочется схватить его въ объятія, какъ это было давно, когда онъ былъ маленькій.

— Володенька, что это тамъ случилось? Какой ключъ?

Онъ на мгновеніе разгибается. Глазами точно спрашиваетъ о чемъ-то.

Она хочетъ ему крикнуть глазами же въ отвѣтъ:

— Да, да, не бойся. Я съ тобой. Я за тебя.

Но это одинъ моментъ. Онъ тяжело опускаетъ вѣки и говоритъ, какъ всегда, картавя, насмѣшливо-дерзко:

— Странно. Однако, чего тебѣ нужно отъ меня? У Сергѣя Сергѣевича кто-то взялъ деньги. Я очень радъ. Ну... и при чемъ же здѣсь я? Можетъ-быть, ты думаешь, что это я взялъ? Тогда я очень благодаренъ тебѣ за лестное мнѣніе обо мнѣ.

Онъ прячетъ глаза, съ усиліемъ застегивая пуговицы. Пальцы у него вялы и дрожатъ. Изъ открытой двери въ коридоръ ползетъ противное жужжаніе голосовъ. Она боится, что кто-нибудь войдетъ. Ей хочется спросить, куда онъ идетъ, но она знаетъ, что этого нельзя.

— Володенька, ты куда? Не ходи.

— Ну, это...

Онъ опять нагло взглядываетъ бѣлыми глазами.

— Володенька, лучше останься. Вотъ такъ.

Теперь она чувствуетъ, что такъ. Она даже протягиваетъ руку къ фуражкѣ.

— Ты, видно, съ ума сошла, — говоритъ онъ.—Что тебѣ нужно отъ меня?!

Онъ вырываетъ фуражку и отступаетъ назадъ. Потомъ осматривается. Онъ привыкъ никому не довѣрять.

— Ну, ладно,—говоритъ онъ.—Чего тамъ? Теперь все равно... кто бы что ни сдѣлалъ, а воръ буду я. Ну и прекрасно... Воръ и воръ. Очень радъ. Громила!

Онъ быстро повернулся и исчезъ въ черномъ провалѣ двери.

(Продолженіе въ № 46).

Савицкій *Станкевичъ.* *Гликбергъ.* *Войтинскій.* *Вяткинъ.* *Ковалевскій.*

Верховный комиссаръ В. Б. Станкевичъ, комиссаръ сѣвернаго фронта В. С. Войтинскій, помощникъ его Д. В. Савицкій, штабъ-офицеръ для порученій при верховномъ комиссарѣ полковникъ Б. Н. Ковалевскій, начальникъ отдѣла управленія комиссара сѣвернаго фронта писатель А. М. Гликбергъ (Саша Черный), дѣлопроизводитель—писатель Г. А. Вяткинъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книги 55 и 56 и ежемѣс. иллюстр. прил. ДЛЯ ДѢТЕЙ № 1.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

и опять размѣренные, сонные, заколдованные звуки, у которыхъ нѣтъ ни начала ни конца. И, чѣмъ глубже нависаетъ надъ головою, свѣсивъ ноги, нашарила въ темнотѣ аккуратно сложенные чулки. Ей казалось, что она сходитъ съ ума. При чемъ здѣсь Володя?

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 года.

Въ новыхъ, невиданныхъ условіяхъ вступаетъ „Нива“ въ канунъ своего полувѣкового существованія.

Политическій переворотъ, приведшій Россію къ новому строю, измѣнилъ всю тысячелѣтнюю жизнь страны. Народъ, самъ, однимъ свободнымъ порывомъ властно перевернувшій страницу своей исторіи, началъ строить новую жизнь въ грозу войны, истекая кровью въ борьбѣ съ врагомъ, вторгшимся въ родную землю. Изнемогая въ этой борьбѣ, обуреваемая разгорѣвшимися политическими страстями, страна дошла до полнаго развала и экономическаго обнищанія.

„Россіи грозитъ „гладъ и моръ“. Россія на краю пропасти,“— говорятъ практики жизни.

„Россія призвана показать міру новыя, невиданныя формы жизни, осуществить на землѣ идеалъ соціалистическаго равенства, стать страною высшаго народовластія“,—говорятъ политическіе теоретики.

Этотъ „споръ славянъ между собою“ ведется всюду: на фронтѣ, въ тылу и, особенно, въ глубокомъ тылу, „во глубинѣ Россіи“, гдѣ всколыхнулась наконецъ „вѣковая тишина“.

Великая, единая Россія разбилась на лагери, раздѣлилась на партіи, народъ отмежевался отъ интеллигенціи; матери, сестры и дочери наши отошли отъ угашаемыхъ вихремъ очаговъ семьи и пошли въ ударные батальоны, на кровавыхъ поляхъ войны являя примѣръ мужества.

Измѣнились навыки жизни, преобразилось природное предназначеніе. Подвижницы столкнулись со „шкурниками“. Высшія цѣли жизни гаснутъ во тьмѣ вражды и недовѣрія. Нѣтъ указующаго праведнаго свѣта—свѣта разума, свѣта знанія, культуры.

Все закономѣрно въ жизни: перевороты предуказаны законами міровой гармоніи. Въ великую книгу исторіи занесенъ уже разъ такой же великій переворотъ. То, что переживаетъ Россія, пришлось вынести Франціи на зарѣ минувшаго вѣка.

Великая Французская Революція, въ исторіи которой одни ищутъ „уроковъ“ для будущаго, другіе—образца для копированія революціонныхъ событій,—это великое политическое движеніе можетъ и должно дать указующія основы для уясненія охватившаго насъ настоящаго и, главное, оберечь отъ всѣхъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыя стали теперь ясны при свѣтѣ исторіи въ трудахъ лучшихъ государственныхъ умовъ за истекшее столѣтіе.

Исторія Великой Французской Революціи—та великая книга, которую долженъ познать каждый сознательный русскій гражданинъ, желающій быть свободнымъ строителемъ новой культурной жизни родины.

Въ сознаніи этого „Нива“, неизмѣнно исполняя свои просвѣтительныя задачи, считаетъ своимъ долгомъ дать своимъ читателямъ на будущій 1918 годъ **„Исторію Великой Французской Революціи“**. Желая сдѣлать Исторію доступной всѣмъ классамъ населенія и представить эту великую эпоху въ объективномъ освѣщеніи, мы не признали возможнымъ перевести на русскій языкъ какую-либо изъ многочисленныхъ Исторій Революціи, а задумали издать самостоятельный оригинальный, написанный спеціально для „Нивы“, трудъ и предложили его исполнить извѣстному русскому историку, спеціально изучившему „Исторію Западной Европы“,—**профессору Н. И. Карѣеву.**

Давая однимъ изъ приложеній къ „Нивѣ“ на будущій 1918 годъ „Исторію Великой Французской Революціи“, мы въ выборѣ всѣхъ остальныхъ приложеній строго послѣдовательно продолжали нашу культурную задачу—помогать народу, широкимъ массамъ, для которыхъ недоступны творенія великихъ нашихъ русскихъ и европейскихъ писателей, знакомиться съ ихъ произведеніями и черпать изъ нихъ примѣры и указанія истинной свободной, культурной жизни.

Десятки лѣтъ работаетъ „Нива“ для русской свободы, распространяя въ народѣ милліоны книгъ великихъ сѣятелей разумнаго, добраго, вѣчнаго. Они подняли умственный уровень широкихъ массъ и постепенно приблизили зарю свободы.

Теперь, когда все у насъ свободно: жизнь, слово, мысль,— первое зиждительное слово принадлежитъ тѣмъ великимъ зодчимъ свободы, которыхъ не могъ пока услышать народъ изъ-за цензурнаго запрета.

Первый крупнѣйшій среди нихъ — апостолъ русской свободы

ГЕРЦЕНЪ.

Имя это свято и дорого всѣмъ друзьямъ свободы, всѣмъ друзьямъ народа.

Олицетвореніе нашей народной совѣсти—Левъ Толстой незадолго до своей кончины призналъ несчастьемъ, что Герценъ оставался донынѣ сокрытымъ для Россіи.

И съ первыми лучами свободы „Нива“ сочла своимъ долгомъ, какъ логическое продолженіе своей общественно-просвѣтительной работы, дать своимъ читателямъ въ ближайшемъ же будущемъ

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА

(первая серія) подъ редакціей **М. К. Лемке.**

Это будетъ первое полное, безъ всякихъ цензурныхъ сокращеній, изданіе сочиненій Герцена (Искандера).

Чрезъ „Ниву“ вернется на родину, въ широкіе слои народа этотъ великій эмигрантъ и принесетъ свои несмѣтныя духовныя сокровища родной странѣ, для которой до самой кончины оставался политическимъ изгнанникомъ.

До сихъ поръ прахъ Герцена покоится на чужбинѣ, и на чужой землѣ, на кладбищѣ въ Ниццѣ, стоитъ надъ могилой ему памятникъ.

Прежде чѣмъ перенесутъ его прахъ на родину, мы перенесемъ въ родное лоно все то нетлѣнное, все то безсмертное, что составляетъ лучшій памятникъ ему,—его великія со иненія.

Высланный изъ столицы, а затѣмъ вынужденный покинуть Россію,—„смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества“, какъ аттестовало его тогдашнее правительство,—Герценъ всѣ свои выдающіеся труды создалъ въ Европѣ, гдѣ онъ былъ первымъ „депутатомъ Россіи“.

Въ основанныхъ имъ въ Лондонѣ журналахъ „Полярной Звѣздѣ“ (въ память первой „Полярной Звѣзды“ декабристовъ Рылѣева и Бестужева-Рюмина) и „Колоколѣ“ и въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ онъ одновременно служилъ Россіи, будя и призывая на родинѣ своимъ политическимъ набатомъ все, что только было въ ней живого и сознательнаго, и служилъ Европѣ, ознакомляя ее съ Россіей, которую до него европейская демократія считала варварской націей рабовъ.

Народный трибунъ, пылкій въ правдѣ и ошибкахъ, Герценъ, какъ политическій публицистъ, не имѣетъ себѣ у насъ равнаго. И не только въ Россіи: отецъ русской соціалъ-демократіи Г. В. Плехановъ считаетъ, что въ будущей критической исторіи международной соціалистической мысли Герценъ явится однимъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и блестящихъ представителей той переходной эпохи, когда соціализмъ стремился сдѣлаться „изъ утопіи наукой“.

Проницательная, скептическая мысль, сознаніе, ясное до пред-

видѣнія—исключительная особенность Герцена: еще задолго до битвы при Садовой онъ предсказалъ крушеніе европейскихъ надеждъ 1848 года. Его знаменитая фраза: „Теперь, графъ Бисмаркъ, ваше дѣло, пожалуйте!“ предсказала не только неизбѣжную войну Германіи съ Франціей, но и побѣду Германіи. Она знаменательна въ наши дни, когда событія такъ зловѣще грозятъ повториться. Пророческія слова Герцена были смертнымъ приговоромъ Второй Имперіи, которую свергъ съ трона прусскій народный учитель.

Герценъ не признаетъ ни тѣни предразсудковъ, ни капли самообольщенія: чисто-русскій умъ, не знающій предѣла своей скептической работѣ, онъ стоитъ на стражѣ противъ всякой иллюзіи, вдохновенно творя лишь при голосѣ совѣсти.

Какъ своевременен и великъ этимъ Герценъ въ наши смутные дни, сколько свѣта внесетъ онъ въ „тьму низкихъ истинъ“, которыми пронзаютъ душу народа.

Кто знаетъ,—будь слово Герцена свободнымъ, не закрѣпощеннымъ подъ семью печатями цензуры,—можетъ-быть, не переживала бы русская свобода тѣхъ тяжкихъ мукъ, которыя достались ей.

Свободному Герцену, впервые открываемому нынѣ всей Россіи, во всей полнотѣ, предстоитъ второй разъ пережить то властительство думъ народа, которое было создано ему одной лишь стороной его дѣятельности,—изданіемъ его „Колокола“ съ знаменитымъ отдѣломъ въ немъ „Подъ судъ!“

Чичеринъ, говоря о колоссальномъ успѣхѣ „Колокола“, писалъ Герцену: „Положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ... Вы — сила, вы — власть въ государствѣ“. Тургеневъ сообщаетъ яркій фактъ, подтверждающій вліятельное положеніе „Колокола“:—„актеровъ въ Москвѣ вздумали прижать, отнять у нихъ ихъ собственныя деньги... Ни у кого не могли они найти защиты, даже у министра. Тогда старикъ Щепкинъ пригрозилъ, что пожалуется „Колоколу“. И деньги были актерамъ возвращены. „Вотъ, братъ, какія штуки выкидываетъ твой „Колоколъ“,—пишетъ въ заключеніе Герцену Тургеневъ.

Благовѣстъ „Колокола“ раздался еще до зари крестьянскаго раскрѣпощенія, но, будя Россію, этотъ революціонеръ въ душѣ понималъ трагическую неторопливость исторіи, его перо не опережало рѣзца исторіи на скрижаляхъ судебъ народовъ.

По выраженію одного изъ критиковъ, Герценъ былъ „революціоннѣе революціи“, отвергалъ букву, плоть революціи и окрыленъ былъ ея духомъ, дышалъ ея сущностью.

Герценъ ищетъ путей свободы въ разумѣ и не вѣритъ въ насиліе: „Великіе перевороты, — говоритъ онъ, — не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей“.

Мы, русскіе люди, взыскующіе свободы, дѣлимся сейчасъ на рѣзкія партіи, и часто тщетны призывы тѣхъ, кто не видитъ спасенья внѣ единства. Но Герценъ,—это имя насъ соединяетъ.

„Онъ—нашъ“,—скажутъ съ полной искренностью соціалисты-народники всѣхъ оттѣнковъ, чтя въ Герценѣ источникъ народничества, обоснованія земельныхъ стремленій, культа общины, русскаго соціалистическаго мессіанизма.

Роднымъ по духу признаютъ Герцена и соціалъ-демократы за его страстное сочувствіе рабочему классу.

Близкимъ считаетъ Герцена и партія народной свободы... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея борцовъ Ф. И. Родичевъ говоритъ, что партія его „признаетъ методъ Герцена своимъ методомъ, указанные имъ пути свободы въ разумѣ своимъ путемъ“.

„Да здравствуетъ разумъ!“—эти слова поставилъ Герценъ во главу своей „Полярной Звѣзды“.

Разумомъ убѣждаетъ Герценъ, стилемъ увлекаетъ.

Стиль Герцена — единственный въ нашей литературѣ. Такъ не писалъ никто ни до него ни послѣ него.

Особенность его—сжатость, сжатость Тацита. Рядъ мыслей—въ одномъ словѣ; въ одномъ эпитетѣ—намекъ на цѣлую доктрину.

Этимъ сжатымъ „герценовскимъ“ стилемъ написаны цѣлые томы, начиная „**Съ того берега**“ и кончая послѣдней страницей „**Былого и Думъ**“.

На ряду съ этимъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ Герценъ увлекаетъ чарующимъ потокомъ самоцвѣтныхъ словъ, неистощимой игрой остроумія. Его остроуміе имѣетъ самодовлѣющее значеніе. Отъ ракетъ его каламбуровъ содрогалась реальная русская тьма.

Иронистъ въ душѣ, Герценъ былъ и сентиментальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—умиленно-трогательнымъ.

Тонко уловилъ это „совмѣстительство“ Герцена критикъ Айхенвальдъ, сказавшій, что Герценъ любитъ все любящее, понимаетъ всѣ возрасты, женскую скорбь, таинство смертнаго одра, болѣзнь дѣтей, трудъ жизни, нѣжную красоту семейственности; романтикъ дружбы, поэтъ кузины, онъ бережно касается деликатныхъ струнъ, ему не далека ничья затаенная боль, онъ неравнодушно входитъ въ другія души, роднитъ съ тѣми, о комъ разсказываетъ, и въ свои мемуары, какъ живыя нити, вплелъ онъ многія чужія жизни, въ памяти потомства навѣки соединивъ ихъ съ самимъ собою...

У Герцена былъ трагически-красивый жизненный путь. Его біографія во всѣхъ подробностяхъ неразрывна съ исторіей русскаго общества, русской мысли и литературы. Онъ пережилъ столько исключительныхъ впечатлѣній и сумѣлъ ихъ такъ виртуозно воплотить въ яркіе образы, сочетавъ личное съ общимъ въ одну эпопею, что заинтересовалъ своимъ чужихъ, и эти его вдохновенныя художественныя страницы входятъ не только въ исторію русскаго романа, но и въ исторію Россіи, ея общественныхъ движеній.

Бѣлинскій, говоря о беллетристическихъ созданіяхъ Герцена, восторгается его умомъ, „осердеченнымъ“ гуманистическимъ направленіемъ и его оригинальностью: „у тебя все оригинально, все свое, даже недостатки, но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства“, и онъ предсказываетъ ему „большое имя въ литературѣ“.

Любя кроткихъ и беззащитныхъ, Герценъ еще больше любилъ человѣческій героизмъ, преклонялся предъ нимъ.

Другъ и товарищъ дѣтства Герцена—Огаревъ упрекалъ его въ „эпикуреизмѣ горести“, въ томъ, что онъ красиво страдалъ, придавая своимъ печалямъ психологическую изысканность. Но объясняется это его происхожденіемъ и его постояннымъ пребываніемъ въ исключительно культурной средѣ на Западѣ.

Этотъ „европеецъ до Европы и больше Европы“, бездомный скиталецъ и подневольный эмигрантъ всю жизнь тянулся душой къ Россіи. Все написанное имъ пропитано внутренней, стихійной страстной любовью къ родинѣ. Подъ Парижемъ, въ Монморанси ему вспоминаются подмосковныя рощи. Въ предсмертной агоніи онъ бредитъ возвращеніемъ въ Россію. „Господствующей осью“, вокругъ которой вращалась его жизнь, было, по его же словамъ, „отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему... и желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбѣ“.

Это желаніе теперь исполнится. Весь онъ, въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, посмертно будетъ участвовать въ судьбахъ Россіи, на зарѣ ея Новой Исторіи.

Великая эпоха въ жизни народа застала „Ниву“ въ ея просвѣтительной работѣ—широкомъ распространеніи въ народѣ произведеній нашихъ писателей — за начатымъ уже трудомъ: отвѣчая широкому желанію своихъ читателей, мы начали печатать въ истекающемъ году въ „Сборникѣ Нивы“ полное собраніе сочиненій популярнѣйшаго и современнѣйшаго изъ современныхъ писателей — Максима Горькаго. Заканчивая нынѣ печатаніемъ первую серію его сочиненій, мы уже напередъ опредѣлили, что слѣдующимъ приложеніемъ на будущій 1918 годъ будетъ—**вторая серія**

II. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО.

Настоящій годъ—юбилейный годъ литературной дѣятельности Максима Горькаго. Только-что исполнилось 25-лѣтіе его литературной работы, начавшейся разсказомъ „Макаръ Чудра“, извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ. Лучшимъ увѣнчаніемъ художественнаго таланта „буревѣстника русской литературы“ было „возстановленіе“ его Академіей Наукъ въ правахъ почетнаго

академика по разряду изящной словесности. Избранный много лѣтъ тому назадъ избранниками русской литературы и науки и насильственно, административно отстраненный отъ Академіи по „политическимъ соображеніямъ", Горькій былъ однимъ изъ первыхъ, кому русская революція воздала должное, и Академія Наукъ украсила списокъ своихъ почетныхъ академиковъ именемъ знаменитаго писателя, завоевавшаго себѣ не только россійскую, но и міровую извѣстность.

Давъ уже въ прошломъ году характеристику могучаго таланта и указавъ первостепенное значеніе М. Горькаго въ ряду нашихъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ того, что въ наступающемъ году мы включимъ во вторую серію его художественныхъ произведеній:

Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.— Читатель.— Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.—Двадцать шесть и одна.—**Трое.**—Пѣсня о буревѣстникѣ.—Мѣщане.—На днѣ.—Дачники.—Дѣти солнца.—Варвары.—Враги.—Человѣкъ. — Тюрьма. — Букоемовъ Карпъ Ивановичъ. — Разсказъ Филиппа Васильевича. — Исповѣдь.— **Жизнь ненужнаго человѣка. — Городокъ Окуровъ — Матвѣй Кожемякинъ.** Повѣсть въ 4-хъ частяхъ.—**Лѣто.** Повѣсть—**Мать.**

Если Горькій—современнѣйшій изъ современныхъ писателей по своимъ героямъ, по изображаемой имъ средѣ, являющейся той огромной Россіей, которая открылась теперь сама себѣ и изумленному міру, если Горькій—пѣвецъ народа, его буйныхъ низовъ, его степной вольницы, то прямой его противоположностью по основной нотѣ писательства является Короленко, крупнѣйшій представитель русской интеллигенціи, полный жгучаго, святого безпокойства жизни.

„Нива" дала широкимъ читающимъ массамъ возможность познать Короленко и оцѣнить его творческій талантъ. Это было въ 1914 году, наканунѣ тяжкой войны. Давъ „Полное собраніе сочиненій" В. Г. Короленко, мы были тогда лишены возможности помѣстить въ немъ рядъ произведеній, находившихся подъ запретомъ военной цензуры. Теперь, когда рушились эти путы, мы спѣшимъ дать подписчикамъ „Нивы" на 1918 годъ въ дополненіе къ Полному Собранію Сочиненій эти

III. ЗАПРЕЩЕННЫЯ ЦЕНЗУРОЙ СОЧИНЕНІЯ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Въ вѣнецъ безсмертія писателя, какимъ является полное собраніе сочиненій, эти „запрещенныя" сочиненія В. Г. Короленко вплетутъ новые лавры.

Особенность этихъ сочиненій въ томъ, что ихъ запретила военная цензура, возглавлявшая въ 1914 году обычную гражданскую цензуру. Дѣйствительно заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ основанія къ тому: **„Черты военнаго правосудія"** и **„Еще къ Чертамъ военнаго правосудія".**

Это — художественные, до жути яркіе очерки „работы" военныхъ судовъ, съ легкостью и безпечнымъ формализмомъ составлявшихъ обвинительные акты и предававшихъ „политическихъ" военному суду.

Эти судилища отошли въ безвозвратное, дастъ Богъ, прошлое, но всѣ мы помнимъ тѣ страшные первые годы новаго вѣка, усѣявшіе глаголями висѣлицъ крѣпостные и тюремные застѣнки. Но это нужно помнить и не слѣдуетъ забывать, особенно сейчасъ, въ хаосѣ кровавой злобы. Въ тѣ страшные дни, длившіеся годы, отодвинувшіе Россію на цѣлыя столѣтія, въ Средніе Вѣка, сѣсть въ военномъ судѣ на скамью подсудимыхъ было уже почти вѣрнымъ осужденіемъ. По установленной В. Г. Короленко кровавой статистикѣ, число невинныхъ, приговариваемыхъ къ смертной казни, было не менѣе одной пятой числа осужденныхъ, а иногда поднималось до четверти и даже трети. Въ переводѣ на языкъ жизни это 200-300 на тысячу. Страшныя цифры: каждая единица изъ нихъ—человѣческая жизнь, а за ней—страданья отцовъ, горе матерей, гибель цѣлыхъ семей.

„Бытовое явленіе", которому Короленко придалъ скромное названіе: „Замѣтки публициста о смертной казни", — сильная, бьющая по уму и воображенію картина большого мастера, показавшаго, какъ живутъ „смертники", какъ проводятъ эти приговоренные къ казни оставшіеся короткіе дни передъ смертью.

„Будни смертниковъ", „Иллюзіи и самоубійства", „Послѣднія свиданія", „Письма смертниковъ"—таковы яркія главы этой страшной поэмы кровавой прозы.

„Бытовое явленіе" потрясло весь культурный міръ своей правдивостью. Въ немъ нѣтъ лишняго слова, паѳоса, возмущенія, — это собраніе человѣческихъ документовъ — дневниковъ „смертниковъ", непосредственныхъ ихъ разсказовъ, предсмертныхъ писемъ заключенныхъ, ждавшихъ конфирмаціи приговора, но все это въ рукахъ такого большого мастера художественнаго слова, какъ Короленко, пріобрѣло силу, властность призыва къ человѣчности, братству, уваженію къ врагу.

Въ прямой жизненной связи съ этимъ выдающимся трудомъ въ области мірового гуманизма находятся и остальныя произведенія Короленко, перечеркнутыя красными чернилами цензуры: **„О свободѣ печати"** (послѣ 17-го октября), **„Судебная рѣчь В. Г. Короленко"** и др.

Эти его статьи и рѣчи имѣютъ сейчасъ животрепещущій интересъ, и если бы ихъ не написалъ нашъ маститый писатель тогда, то онъ написалъ бы ихъ теперь, когда съ такимъ трудомъ прокладываетъ себѣ путь въ русской жизни эта наиболѣе уязвимая изъ пяти свободъ.

Въ дополнительныя книги сочиненій В. Г. Короленко мы включимъ и новѣйшія его произведенія, написанныя съ 1914 года.

Рѣшивъ дать нашимъ подписчикамъ на 1918 г. сочиненія трехъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей—Герцена, Горькаго, Короленко,—мы остановили свой выборъ для библіотеки иностранныхъ писателей-классиковъ на великомъ пѣвцѣ свободы — **Беранже.**

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ

БЕРАНЖЕ.

Беранже знаютъ всѣ, весь міръ. Это одно изъ популярнѣйшихъ писательскихъ именъ, но знаютъ лишь нѣсколько его стихотвореній и пѣсенъ, начиная съ знакомаго намъ еще со школьной скамьи стихотворенія „Урокъ":

Знанье—вольность, знанье—свѣтъ;
Рабство безъ него!
Дружно, дѣти! Всѣ за разъ!
Буки-азъ, буки-азъ!
Счастье—въ грамотѣ для васъ...

и кончая „Старымъ капраломъ":

Въ ногу, ребята, идите,
Полно! Не вѣшать ружья!

Величавая фигура Беранже, какъ поэта-демократа, какъ политика и гражданина, какъ одного изъ творцовъ іюльской революціи во Франціи, какъ автора цѣлаго ряда сборниковъ патріотическихъ и сатирическихъ стихотвореній и пѣсенъ, подымавшихъ духъ Франціи, выразителя мыслей и чувствъ своего народа, его печалей, надеждъ, радостей, его подчасъ незлобиваго, подчасъ саркастическаго юмора,—эта фигура крупнѣйшаго лирика

французской романтической школы еще мало извѣстна у насъ, въ новомъ „свободномъ“ поколѣніи, для котораго отзвучали уже первые всплески народныхъ ликованій во Франціи, свидѣтелями которыхъ были наши отцы и дѣды.

Пѣсни Беранже—настольная книга каждаго свободнаго гражданина, и пусть отнынѣ войдутъ онѣ съ „Нивой“ въ каждую русскую семью, во всѣ широкіе читающіе круги, которые обслуживаетъ „Нива“, которые призваны творить новую народную жизнь.

Не даромъ стихотворенія Беранже называются *пѣснями:* Беранже придалъ пѣснѣ особое значеніе, какъ наиболѣе распространенному поэтическому творенію, и поднялъ ее на такую высоту, какой не зналъ до него ни одинъ народъ, ни одна литература.

Благодаря Беранже поэзія перестала быть привилегированнымъ достояніемъ богатыхъ и знатныхъ: онъ ввелъ ее чрезъ свои „Пѣсни“ въ кругъ народа, приблизилъ къ сердцу тѣхъ „маленькихъ людей“, которые создали великую свободу.

„Народъ—моя муза“,—говоритъ Беранже. „Все мое счастье, чтобы утѣшить народъ, о которомъ наши поэты слишкомъ часто забывали:

... славы и надеждъ святыя грезы
Я пѣлъ, чтобъ утѣшать родной нашъ край“.

Пѣсни Беранже—эхо народнаго голоса, въ нихъ слышится и ужасъ борьбы, и восторги побѣды, и жгучее, клеймящее порицаніе притѣснителей свободы.

Свободу пѣлъ онъ и въ восторженныхъ гимнахъ и въ ѣдкихъ сатирическихъ стихахъ:

Ея дары едва ли
Намъ пользу принесли:
Мы скипетръ потеряли
И палку обрѣли...

Такъ саркастически обращался къ „свободѣ“ Беранже изъ тюрьмы Sainte Pelagie въ Парижѣ, куда онъ былъ посаженъ правительствомъ за сборникъ своихъ пѣсенъ свободы. Выходъ въ свѣтъ каждаго сборника пѣсенъ свободы Беранже искупалъ лишеніемъ свободы—заключеніемъ въ тюрьму и крупнымъ штрафомъ. За 4-й сборникъ „Chansons“ онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 10.000 франковъ. Сумму эту быстро собрали для него друзья и почитатели.

Но чѣмъ бо̀льшимъ преслѣдованіямъ и карамъ подвергали Беранже и его „Пѣсни“, тѣмъ сильнѣе росла къ нему любовь народа.

Пѣсни Беранже были въ глазахъ народа орудіемъ политической борьбы; его то ироническіе, то бравурные припѣвы, заканчивавшіе куплеты, красовались девизами на знаменахъ народныхъ партій. Его пѣсни народъ зналъ наизусть, ихъ печатали на летучихъ листкахъ, безъ указанія автора, и продавали и раздавали изъ-подъ полы. Эти листки залетали далеко за предѣлы Франціи.

Извѣстность и популярность Беранже, какъ „отца революціи“, доставила ему два почетнѣйшихъ для свободнаго гражданина и писателя предложенія: въ депутаты отъ департамента Сены и въ члены академіи—въ безсмертные. Но отъ всего этого онъ отказался и, какъ вѣрный сынъ и пѣвецъ народа, ушелъ на лоно природы, на покой, ограничившись скромной рентой въ 800 франковъ въ годъ, которую обязался ему выплачивать пожизненно издатель собранія его Пѣсенъ.

Беранже привлекалъ къ себѣ душу народа не только своими яркими пѣснями на „гражданскіе мотивы“, но и другими лирическими стихотвореніями, къ которымъ болѣе примѣнимо названіе: „пѣсенки“, и трудно рѣшить, въ чемъ Беранже выше: какъ пѣвецъ свободы, или какъ пѣвецъ любви, радости жизни, какъ авторъ великихъ народныхъ пѣсенъ, которыя распѣваютъ въ каждомъ селеніи, забывъ даже имя автора, растворившагося въ широкомъ понятіи народнаго эпоса.

Пусть пѣсни Беранже тѣсно связаны съ исторіей Франціи, съ ея бытомъ и особенностями народнаго характера,—главная ихъ сила и значеніе въ ихъ универсальности, въ томъ, что онѣ близки и понятны каждому. Всякій найдетъ въ немъ свое, родное.

Пѣсни Беранже переведены на всѣ языки и живы и свѣжи сегодня такъ же, какъ и при его жизни, потому что пѣснь любви и свободы не умираетъ, какъ безсмертна сама любовь, какъ вѣчна идея свободы.

Пятымъ приложеніемъ къ „Нивѣ“ на 1918 годъ будетъ, какъ мы сказали выше,

V. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

Профессора **Н. И. КАРѢЕВА,** съ иллюстраціями и портретами.

Таково литературное содержаніе книгъ „Сборника Нивы“, которыя, чередуясь, составятъ съ иллюстрированными нумерами журнала богатый и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Иллюстрированные нумера будутъ попрежнему отражать нашу родную и міровую жизнь во всѣхъ ея преломленіяхъ и попрежнему сосредоточивать свое вниманіе на томъ, куда направлено вниманіе всего народа, гдѣ вершатся жизненные интересы страны, какъ государственнаго цѣлаго.

Единственный въ Россіи по распространенности, старѣйшій изъ существующихъ иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, приближаясь къ 50-лѣтію своего существованія, „Нива“ приступаетъ къ осуществленію своей просвѣтительной задачи въ небывало трудныхъ условіяхъ не только политическихъ, но и матеріальныхъ: печатаніе періодическихъ изданій дорожаетъ съ каждымъ днемъ, и если непомѣрная дороговизна отразилась на всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, то въ средѣ печатнаго дѣла и графическихъ искусствъ повышеніе стоимости производства достигло совершенно необычайныхъ размѣровъ.

По самому характеру изданія, расходящагося по подпискѣ, „Нива“ не можетъ безубыточно для себя перекладывать все растущую дороговизну „себѣстоимости“ на читателя путемъ постепеннаго увеличенія стоимости отдѣльныхъ нумеровъ. Всѣ мы знаемъ, что даже розничная цѣна газетъ повысилась въ 5—10 разъ, нумера еженедѣльныхъ журналовъ возросли въ цѣнѣ до рубля, а ежемѣсячныхъ до 5 рублей за книжку. „Нива“ же, сверхъ стоимости книгъ Собраній Сочиненій писателей-классиковъ и нумеровъ иллюстрированнаго журнала, за одно авторское право уплатила сотни тысячъ рублей. Какова же должна быть подписная цѣна на „Ниву“ при этихъ условіяхъ?

Мы вынуждены назначить повышенную подписную цѣну на будущій годъ—36 рублей съ пересылкой, надѣясь на то, что нашъ читатель, комплектующійся главнымъ образомъ изъ трудовой среды, пойметъ необходимость повышенія подписной цѣны и справедливо оцѣнитъ ея умѣренность.

☛ По примѣру прошлыхъ лѣтъ, къ этому нумеру прилагается для гг. подписчиковъ **подписной бланкъ** (въ двухъ экземплярахъ) для **возобновленія подписки** на „Ниву“ 1918 года, при чемъ для удобства гг. подписчиковъ бланки отпечатаны на **почтовыхъ переводахъ** установленнаго образца, которыми можно воспользоваться для перевода подписныхъ денегъ. Второй экземпляръ подписного бланка, предназначенный для новыхъ подписчиковъ, можетъ быть переданъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы подписаться на „Ниву“ 1918 г. ☚

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22 Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

НИВА
№ 45. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ**.
Выданъ 11 ноября 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 2[illegible] к.

Звѣздный флагъ.

А. И. Куприна.

Я думаю, что никто не вѣрилъ и не вѣритъ въ искренность союзовъ, заключаемыхъ государствами въ мирное время съ политическими цѣлями. Попытки дружественнаго слiянiя различныхъ нацiй всегда выходили натянутыми и смѣшными и такими неестественными, какъ, напримѣръ, дружба опытнаго въ ловлѣ кота съ крысой. Еще въ началѣ царствованiя Александра III русскiе солдаты допѣвали нелѣпую военную пѣсню, сочиненную кѣмъ-то къ политическому случаю:

Русскiй царь собралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину
Въ гости къ добрымъ пруссакамъ.

А черезъ десять лѣтъ весь земной шаръ былъ свидѣтелемъ самаго комическаго изъ мiровыхъ зрѣлищъ. Двѣ эскадры—французская и русская — встрѣтясь на лазурныхъ водахъ Средиземнаго моря, привѣтствовали другъ друга союзными гимнами.

„A bas la tyrannie!"—

гремѣли русскiе оркестры на корабляхъ самодержавнѣйшаго изъ монарховъ

„Боже, Царя храни!"—

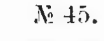
звенѣли фанфары великой Французской Республики.

Но попробовалъ бы въ то время какой-нибудь экспансивный молодой человѣкъ закричать на площади Зимняго дворца: „долой самодержавiе!" Ого!

Но есть одно волшебное, упоительное, одинаково радостное на всѣхъ языкахъ слово—*свобода*,—которое выше государственныхъ выгодъ, дипломатическихъ ухищренiй, нацiональнаго себялюбiя и торговыхъ расчетовъ. Оттого-то современная война, начатая противъ надменнаго нѣмецкаго милитаризма, вѣчно державшаго въ тревогѣ весь старый мiръ, приняла грандiозные размѣры невиданной по упорству Священной Войны. Оттого-то начало ея было встрѣчено въ Россiи съ небывалымъ патрiотическимъ всенароднымъ подъемомъ, въ которомъ, въ отличiе отъ всѣхъ прошлыхъ войнъ, впереди стояла Родина и гдѣ-то на заднемъ планѣ Царь. Оттого-то союзники и привѣтствовали прекрасное зарожденiе русской революцiи такъ дружественно, горячо и довѣрчиво. Оттого-то они даже и теперь заявляютъ передъ лицомъ мiра и исторiи, что не покинутъ Россiи ни при какихъ условiяхъ, а между тѣмъ, ведись эта война изъ интересовъ обогащенiя, то не только расчетъ, но и долгъ повелѣвалъ бы имъ прекратить бойню и заключить самый почетный, самый фантастически выгодный миръ съ Германiей за счетъ трусовъ, бѣглецовъ, убiйцъ отечества, подлыхъ подстрекателей и поджигателей, противъ рабовъ, недостойныхъ свободы.

Оттого-то и Америка, давно, еще задолго до войны, пристально изучавшая Россiю, такъ широко готова итти намъ на помощь золотомъ своей богатой страны и кровью своего свободнаго народа.

ПРИВѢТЪ БРАТУ-ДЕМОКРАТУ! Американскiй плакатъ.



Вы мнѣ нужны для арміи Соединенныхъ Штатовъ!
Вотъ ближайшій пунктъ для записи въ рекруты!
Американскій плакатъ.

Соединенные Штаты хорошо знаютъ, по своему историческому опыту, какое великое сокровище свобода, и какъ тяжело она достается. Первые законы для колонистовъ, созданные въ началѣ XVII столѣтія назначеннымъ отъ англійскаго правительства виргинскимъ губернаторомъ Дэлемъ, оставили за собою навѣки названіе „черныхъ законовъ" („black laws"). Тѣлесныя наказанія, жестокія пытки и смертная казнь были обыкновенными наказаніями. Колонистъ, замѣченный впервые въ непосѣщеніи церкви, подвергался розгамъ, на третій разъ его приговаривали къ каторжнымъ работамъ. Богохульство влекло за собой прокалываніе языка, а повтореніе его—смертную казнь.

Губернаторы при Стюартахъ строго слѣдили за незыблемостью престижа королевской власти. Свободная мысль, независимое мнѣніе безпощадно ими преслѣдовались. На печать и на школу они глядѣли совершенно такъ же, какъ и недавніе русскіе громовержцы. Въ серединѣ XVII столѣтія губернаторъ Беркли произнесъ поистинѣ нетлѣнныя слова:

„Я надѣюсь,—сказалъ онъ,—что наши колоніи никогда не будутъ нуждаться ни въ школахъ ни въ типографіяхъ; эти учрежденія суть средства дьявола въ его борьбѣ противъ Бога и Его помазанника Короля".

Сѣверъ Америки былъ всегда демократическимъ, но онъ испыталъ всю нетерпимость пуританскихъ проповѣдниковъ. Такъ, изъ Массачузетса подъ угрозой смертной казни были изгнаны католическіе священники. Та же участь постигла и „проклятое племя еретиковъ, именующихъ себя квакерами". Угроза оказалась не напрасной. Квакеры, вернувшіеся въ 1656 году обратно, подверглись пыткамъ и смертной казни.

Нелегка была для Америки борьба съ королевской властью, осуществляемой въ Лондонѣ „лордами торговли", а въ колоніяхъ губернаторами, которые, начиная съ 1675 года, постоянно жаловались на колонистовъ, какъ на мятежниковъ, попирающихъ законы и увлеченныхъ политическими бреднями. По этимъ жалобамъ лорды торговли распускали народное собраніе, ограничивали свободу печати, пріостанавливали Habeas Corpus, но побѣда всегда оказывалась не на сторонѣ метрополіи.

Колоніи одна за другой вырабатывали свои конституціи. На петиціи измѣнниковъ и бунтовщиковъ Король отвѣтилъ тѣмъ, что въ 1776 году прислалъ въ С. Америку наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ. Тогда-то, при общемъ взрывѣ патріотизма, и была принята Конгрессомъ великолѣпная по своей простотѣ и достоинству декларація Джефферсона:

„Мы утверждаемъ, — гласитъ ея начало, — слѣдующія истины: всѣ люди сотворены равными и надѣлены отъ Бога неотъемлемыми правами, въ числѣ которыхъ первыя суть жизнь, свобода и счастіе. Для обезпеченія этихъ правъ люди учреждаютъ правительства, передавая имъ свою власть. Если форма правительства становится вредной для этой цѣли, народъ можетъ ее исправить или вовсе уничтожить, замѣнивъ новой".

Конецъ же деклараціи таковъ:

„Въ силу сказаннаго мы, представители С. Ш. Америки, призывая Судію міра въ свидѣтели нашей правоты, объявляемъ по волѣ народа и отъ его имени, что эти колоніи отнынѣ и по праву суть свободные и независимые Штаты. Они съ сего времени освобождаются отъ британскаго подданства, и связь между ними и Британіей порвана навсегда".

Война за независимость была вначалѣ неудачна для американцевъ. Англичане взяли Нью-Іоркъ, овладѣли Филадельфіей и уже продвигались на югъ, гдѣ въ аристократическихъ колоніяхъ могли разсчитывать на вѣрную и крѣпкую помощь. Американская армія состояла, въ большинствѣ, изъ фермеровъ, плохо знакомыхъ съ воинской дисциплиной. Они вступали въ армію и *покидали ее, когда имъ хотѣлось. Командиры не пользовались полнотой власти.* Первыя пораженія влекли за собой уныніе и растерянность, вслѣдствіе чего *цѣлые полки разбредались по домамъ. Англичане стали вербовать для себя солдатъ въ самой Америкѣ.* Два извѣстныхъ генерала передались на сторону англичанъ. *Не хватало оружія и снарядовъ. Армія голодала, ходила оборванной и безъ сапогъ.* Лишь съ огромнымъ трудомъ удалось Вашингтону организовать постоянную, регулярную, дисциплинированную армію, *и то вопреки общественному мнѣнію.* Патріотическій духъ палъ въ колоніяхъ. *Въ Нью-Іоркѣ половина гражданъ привѣтствовала англичанъ, какъ вѣстниковъ мира и освободителей отъ революціонной тираніи. Среди членовъ Конгресса находились трусы, позволившіе себѣ изъявить покорность Королю,* чтобы воспользоваться амнистіей, объявленной въ прокламаціи англійскаго главнокомандующаго. Ни одно изъ иностранныхъ государствъ, даже враждебныхъ Англіи, не вѣрило въ побѣду Америки и не шло ей на помощь *).

И все-таки, при этихъ трагическихъ, почти безвыходныхъ условіяхъ, одержали верхъ американцы, благодаря неугасимому стремленію ихъ вождей къ народной свободѣ, благодаря мужественной помощи такихъ рыцарей духа, какъ Лафайетъ и Костюшко, благодаря стойкости континентальныхъ солдатъ, проникшихся наконецъ твердой воинской дисциплиной. Первая побѣда надъ англичанами осенью 1777 года при Сароточи склонила Францію признать независимость Штатовъ и вступить съ ними въ союзъ. Слѣдующее пораженіе англійскихъ войскъ при Іорктаунѣ рѣшило судьбу войны. 3-го сентября 1783 г. Англія подписала мирный договоръ, съ уступкой территоріи и съ признаніемъ независимости С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Эта великая освободительная война была, поистинѣ, началомъ раскрѣпощенія человѣчества. Отголоски ея донеслись черезъ океанъ до самаго сердца Франціи, подобно электрическимъ искрамъ, попавшимъ въ открытый пороховой погребъ, а Франція передала огонь всему міру.

Американцы правы, гордясь своей свободой. Америка всегда

*) Я нарочно подчеркнулъ нѣкоторыя фразы, взятыя мною изъ статьи И. М. Хераскова „Американская Республика". Пусть слабыя души знаютъ, что не одна Россія доходила до предѣльной черты, за которой пропасть и смерть.

была второй матерью для гонимыхъ за вѣру, убѣжденія и національность. И ея привѣтъ русской революціи, ея спокойная, великодушная вѣра въ то, что свободная армія не можетъ упасть до полнаго духовнаго разложенія, до позорной измѣны родинѣ, служитъ намъ живымъ утѣшеніемъ и нравственной поддержкой въ эти тяжелые дни смятенія и крови.

Покойный Чеховъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ, умныхъ и прозорливыхъ наблюдателей жизни, нерѣдко и съ особеннымъ удовольствіемъ возвращался памятью къ своей поѣздкѣ черезъ Сибирь. „Поѣзжайте, непремѣнно поѣзжайте въ Сибирь,—совѣтовалъ онъ иногда знакомымъ писателямъ.—Какой это чудесный край: интересный, красивый, богатый и своеобразный. У него громадное будущее. Увѣряю васъ, что лѣтъ черезъ двадцать Сибирь отложится отъ Россіи и образуетъ изъ себя Соединенные Штаты, въ родѣ Сѣверо-Американскихъ. Тамъ такой же народъ, какъ и въ Америкѣ,—крѣпкій и самоувѣренный. И съ головой“.

И въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи Сибири есть многія черты, общія съ образованіемъ С.-А. Штатовъ. Чрезвычайно пестро и разнообразно слагалось ея населеніе. Государственные крестьяне, казенные рабочіе, бѣглые крѣпостные, старообрядцы всѣхъ толковъ, гонимые церковью и государствомъ и осѣдавшіе въ недоступныхъ полиціи звѣриныхъ уголкахъ тайги, политическіе преступники, начиная отъ Радищева и декабристовъ, до нашихъ современниковъ, предпріимчивые люди, уходившіе пытать счастья въ „Сибирь — золотое дно“, прирожденные бродяги, вольные казаки, искатели приключеній, широкія души, непосѣды, которымъ было тѣсно въ рамкахъ закона и душно въ сѣренькой, тусклой, испуганной, грязненькой жизни молчаливыхъ городовъ, прихлопнутыхъ пятою самодержавія... Достоевскій утверждалъ, что, при условіяхъ стараго режима, въ Сибирь попадало, въ качествѣ ссыльныхъ и каторжныхъ, все самое живое, страстное, непокорное, талантливое и выдающееся изъ народа.

На нашихъ глазахъ Сибирь растетъ со сказочной быстротой въ своемъ умственномъ бытѣ. Объ этомъ живо свидѣтельствуетъ спросъ изъ Сибири на газеты и книги, о чемъ каждый можетъ справиться у любого издателя и книгопродавца. Нигдѣ научно-популярныя и литературныя лекціи, концерты и театральные спектакли не имѣютъ такихъ громадныхъ успѣховъ, какъ въ Сибири. Русское самодержавное правительство не напрасно тысячами ссылало въ Сибирь, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, всѣхъ, чьи смѣлые умы, горячія сердца и правдивый языкъ не мирились ни съ вынужденнымъ молчаливымъ рабствомъ ни съ добровольнымъ низкопоклонствомъ.

И человѣческіе характеры создаетъ Сибирь въ широкомъ масштабѣ. Необозримые земельные просторы, великія полноводныя рѣки, торжественное молчаніе тайги, дикая красота Урала и Забайкалья, дальніе сказочные пути на оленяхъ и собакахъ, борьба съ суровымъ климатомъ, а въ прежнемъ, и съ дикимъ звѣремъ, неисчислимыя, нетронутыя богатства края, привольная и сытая жизнь,—всѣ эти условія воспитывали и закаляли поколѣніе за поколѣніемъ въ духѣ свободы, самостоятельности, здоровья и силы. Вдали отъ безтолковыхъ попеченій метрополіи, отъ барскаго и чиновничьяго рукосуйства, Сибирь сохранила и рѣзко выявила, сквозь внѣшнюю суровость, истинную русскую душу—большую, спокойную, добрую и хозяйственную

Если Россіи суждено устроиться на началахъ федеративной республики, то несомнѣнно, что Сибирь будетъ—и по своему духу, и по интересамъ торговли и промышленности, и по географическому сосѣдству—тѣмъ естественнымъ звеномъ, которое соединитъ будущій свободный русскій флагъ съ многозвѣзднымъ флагомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Америка.

Америка, могучая страна
Возможностей необычайныхъ,
Ты расточительнѣе сна
О творческихъ вѣщаешь тайнахъ!
Законы воли и труда
Ты міру властно заявила.
Не оскудѣетъ никогда
Твоихъ машинъ благая сила.
Что было косно и мертво,
Гремитъ, живетъ и мечетъ пламя.
Твоихъ металловъ торжество
Озарено вѣками...
За небоскребъ аэропланъ
Скользнулъ, и въ небѣ снова
Чудовищный подъемлетъ кранъ
Пылинку—грузъ многопудовый.
Надъ-уличныхъ мостовъ небесный брецъ,
Летящіе по нимъ смерчи-экспрессы,
Газетчики подъ тяжестью газетъ
Рекламѣ служатъ мессы...
Америка, твой мозгъ тебя вознесъ
Превыше Божьяго закона!
Диковиннѣй цвѣтовъ, негаданнѣе грезъ
Завѣты чтили Райты-Эдиссоны.
Америка, мудрѣйшая изъ странъ,
Ты звѣзды жизни примѣчаешь зорко,
Ты первая привѣтишь марсіанъ
Изъ гордаго Нью-Іорка.

Александръ Рославлевъ.

Записывайтесь во флотъ! Къ оружію!
Американскій плакатъ.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки
Вудро Вильсонъ.

Петроградъ, 4-го октября 1917.

Г. Редактору „Нивы".

Съ удовольствіемъ препровождаю вамъ прилагаемыя письма отъ м-ра Иліи Рута и м-ра Самуэля Гомперса. М-ръ Рутъ занималъ ранѣе посты министра иностранныхъ дѣлъ и военнаго министра въ правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ и сенатора отъ Нью-Іорка въ Конгрессѣ. Онъ былъ также предсѣдателемъ особой дипломатической миссіи, командированной изъ Америки въ Россію, и прошлымъ лѣтомъ провелъ здѣсь около шести недѣль. М-ръ Гомперсъ— одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей рабочаго движенія, такъ какъ онъ— президентъ Федераціи Труда, насчитывающей среди рабочихъ до двухъ милліоновъ членовъ. Письма обоихъ отражаютъ настроенія и чувства, господствующія въ моей странѣ по отношенію къ освобожденной Россіи. Президентъ Вильсонъ, и въ силу положенія, которое онъ занимаетъ, и въ силу своего вліянія въ Америкѣ и повсемѣстно, имѣющій право говорить отъ имени всего народа Соединенныхъ Штатовъ, уже выразилъ свой интересъ къ Россіи въ своемъ посланіи къ Конгрессу, гдѣ онъ проситъ объ офиціальномъ объявленіи Америкой войны имперскому германскому правительству. Моя родина уже неоднократно и весьма ощутительно проявляла свое сочувствіе Россіи въ этой міровой борьбѣ.

Американскій посолъ въ Россіи Дэвидъ Р. Фрэнсисъ.

Отъ себя лично скажу, что, съ того момента, какъ я ходатайствовалъ передъ своимъ правительствомъ о полномочіяхъ признать Временное Правительство три дня спустя послѣ того, какъ оно образовалось, я ни на минуту не терялъ вѣры въ патріотизмъ, мужество и разумъ русскаго народа, которые должны помочь ему разрѣшить единственную по своей трудности задачу. Главной и непосредственной причиной революціи были опасенія или подозрѣнія русскаго народа, что низложенный нынѣ монархъ находится подъ вліяніемъ темныхъ силъ, руководимыхъ или вдохновляемыхъ германцами. Признано всѣми, что свобода, завоеванная русскимъ народомъ, будетъ утрачена въ случаѣ побѣды имперіалистической Германіи. Такой исходъ войны угрожалъ бы опасностью и свободамъ народовъ Америки. И я не только горячо надѣюсь, но и искренно убѣжденъ, что патріотически настроенные народы свободной Америки и освобожденной Россіи будутъ работать вмѣстѣ, бокъ о бокъ, и рука объ руку итти къ побѣдѣ, которая обезпечитъ существованіе въ мірѣ демократіи.

Искренно вашъ

Дэвидъ Фрэнсисъ.

За свободу тогда!—4-го іюля 1776-1917 — За свободу теперь!
Американскій плакатъ.

Привѣтствія.

Отъ сенатора Рута, предсѣдателя дипломатической миссіи, посланной въ Россію Соединенными Штатами:

„Я непоколебимо вѣрю въ успѣхъ русскаго народа на поприщѣ самоуправленія. Дай Богъ, чтобы для всѣхъ русскихъ стало ясно, что жертвы неизбѣжны, что каждый долженъ подчиняться дисциплинѣ, работать совмѣстно съ другими и бороться до послѣдней капли крови за охраненіе свободы отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ“.

Отъ м-ра Самуэля Гомперса, президента американской Федераціи Труда:

Сердца американскихъ рабочихъ и всей демократіи бьются въ унисонъ съ сердцемъ русскаго народа, ибо наши цѣли едины. Нашъ народъ и наша Демократическая Республика ясно понимаютъ, какія затрудненія долженъ преодолѣвать русскій народъ, конкретно осуществляя народныя стремленія и утверждая строй, въ которомъ власть зиждется на согласіи управляемыхъ.

„И я могу только горячо убѣждать русскихъ рабочихъ и весь русскій народъ, чтобы онъ, отстаивая свои права и интересы и заботясь объ упроченіи своего благополучія, былъ терпѣливымъ и снисходительнымъ въ своихъ теперешнихъ усиліяхъ окончательно установить въ Россіи постоянную демократическую власть.

„Демократіи всего міра объединились въ борьбѣ на жизнь и смерть, дабы раздавить самодержавіе, имперіализмъ и милитаризмъ и даровать человѣчеству, какъ его неотъемлемое благодатное достояніе, вселенскую справедливость и миръ!“

Россія и Америка

Очеркъ **Тана.**

I.

Когда Господь дѣлилъ землю разнымъ народамъ, онъ вырѣзалъ самый лучшій ломоть и сказалъ:

— Вотъ это я оставлю про запасъ. Когда ирландцы и нѣмцы, итальянцы, славяне и евреи передерутся изъ-за куска хлѣба, здѣсь будетъ мѣсто для всѣхъ, кому не хватило прибора по ту сторону „Пруда“...

„Прудомъ“ непочтительно американцы называютъ Атлантическій океанъ.

Я слышалъ это опредѣленіе на уличномъ митингѣ въ Нью-Іоркѣ, и до сихъ поръ оно кажется мнѣ самой удачной и выпуклой характеристикой Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Лучшій ломоть земного шара...

Широкій просторъ,—въ полтора раза шире Европейской Россіи со всѣми архангельскими тундрами. Сплетеніе чудеснѣйшихъ климатовъ; Украйны и Италіи, ставропольскихъ степей и Алжирской нагорной равнины. И въ видѣ привѣска, какая экстренная премія,—Канада — вторая Сибирь. Канада включена въ англійскую орбиту, но это не важно.

— Эта страна населится молодыми и сильными, — разсказывалъ тотъ же ораторъ.—Они найдутъ здѣсь просторъ и свободу и принесутъ свой трудъ и настроятъ такихъ дѣлъ, что всему міру въ носъ бросится... „Эта страна — Америка, — сказалъ Господь.—И я назначаю ее для американцевъ“.

Въ этихъ короткихъ словахъ — цѣлое политическое откровеніе: Самъ Богъ назначилъ Америку для американцевъ, — для того американскаго народа, котораго въ то время еще, разумѣется, не было.

Его не было, но его надлежало создать. И онъ былъ созданъ въ чудесно короткое время, въ теченіе пары столѣтій, — мало того, — созданъ по заранѣе начертанному плану. Планъ этотъ начертанъ Богомъ, судьбою, исторіей,—называйте, какъ хотите,—

но его основныя черты проникли въ народное сознаніе, осознаны людьми.

Соединенные Штаты — это огромная этническая лабораторія, грандіознѣйшій опытъ постройки государства и народа, какого не бывало на землѣ. И въ этой постройкѣ все говоритъ о планомѣрности: квадраты расчерченныхъ графствъ, чертежи разбиваемыхъ улицъ, построенныхъ внезапно городовъ, и самая столица на „ничьей" территоріи, какъ математическая точка скрещенія различныхъ вліяній, законы и даже обычаи, — все это новое, планомѣрно создаваемое, наполовину искусственное.

Для того, чтобы создать американскую націю, этотъ „ломоть земли" между двухъ океановъ сдѣлался чудовищнымъ котломъ для переварки живыхъ человѣческихъ потоковъ.

Милліоны людей прибывали ежегодно и падали въ котелъ. Безъ всякихъ запрещеній, безъ всякихъ принудительныхъ законовъ, они переваривались сами по собственной волѣ. Фабрика, улица, школа, газета... Довольно и этого...

Смѣшанные браки и смѣшанная жизнь...

Изъ радуги, изъ пестроты человѣческихъ племенъ, сбѣжавшихся со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта, до сихъ поръ вываривается свѣтлая ровная краска американской націи. Сперва прибывали англичане, за ними ирландцы и нѣмцы. Американцы хвастають, что у нихъ есть домашняя лабораторія для выработки собственной англо-саксонской расы. Ибо изъ смѣшенія тевтона-германца и кельта-ирландца рождается какъ разъ англо-саксъ.

Потомъ потянулись итальянцы и славяне, евреи и сирійцы и всяческіе азіаты... Посмотрите въ кинематографѣ американскую патріотическую ленту: „Гибель націи", и тамъ вамъ покажутъ въ видѣ составныхъ элементовъ эти знакомыя лица пасынковъ голодной Европы, — покажутъ бѣженцевъ изъ Польши и Литвы, итальянскаго шарманщика въ серьгахъ и съ обезьяной. Но изъ этихъ разнородныхъ человѣческихъ осколковъ тутъ же на вашихъ глазахъ сплетается крѣпкая ткань новаго отечества и новаго патріотизма.

— Эти люди оставили сзади въ Европѣ всѣ свои предразсудки и все свое начальство,—доказывалъ все тотъ же ораторъ.—Оставили герцоговъ, бароновъ и даже родную полицію... Здѣсь люди выбираютъ сами себѣ начальника. Богъ бережетъ ихъ землю, но и сами они берегутся, чтобы никто не сѣлъ имъ на голову...

Какое великое счастье: оставить предразсудки позади, попросту удрать отъ собственной исторіи, отъ наслѣдія отцовъ, показать этимъ самымъ отцамъ наидлиннѣйшій носъ и крикнуть непочтительно: „Desdichado! Наслѣдства я лишенъ!"—И наслѣдства не желаю!..

Конечно, предразсудки живучи. Корабли изъ Европы перевезли даже мухъ и воробьевъ, крысъ въ трюмѣ и заразу холеры и тифа въ крови эмигрантовъ.

Въ Америкѣ есть понемногу отъ всего европейскаго зла. Есть, между прочимъ, и полиція, даже огромная полиція. Въ нѣкоторыхъ нью-іоркскихъ кварталахъ на полицейскую службу принимаютъ молодцовъ отъ шести футовъ роста и выше.

Однако Нью-Іоркъ, вѣдь это — окно изъ Европы въ Америку. Отправляйтесь на Западъ, въ Калифорнію, въ глушь, въ Оклагому, — въ силу вступаетъ характерный американскій принципъ: „Каждый человѣкъ самъ себѣ полиція".

Это не анархія, какъ можетъ показаться поверхностному взгляду. Американская толпа выросла на волѣ, но въ самой крови у нея заложенъ микробъ дисциплины, микробъ организаціи. Пусть совершится убійство, разбой,—первые любые десять человѣкъ примутъ поспѣшно присягу, составятъ полицейскую ячейку, такъ называемое posse, догонятъ и схватятъ убійцу.

Въ одномъ изъ разсказовъ Джека Лондона, на далекой полярной окраинѣ, два человѣка судятъ и вѣшаютъ третьяго,—убійцу,— и въ этомъ начало дисциплины.

Возьмите, если угодно, тысячу американцевъ и бросьте ихъ въ пустыню. Они сорганизуются быстрѣй, чѣмъ всякая другая нація. Выстроятъ городъ и церковь и фабрику, откроютъ газету и школу, выберутъ шерифа и судью...

Американская жизнь похожа и не похожа на европейскую. Она элементарнѣе, свободнѣе, богаче. Правящіе классы въ Америкѣ другіе, чѣмъ въ Европѣ. И рабочіе —другіе. И другой — капитализмъ.

Давно ли президенты Республики выходили при случаѣ просто изъ дровосѣковъ!.. Карнеги, этотъ типичный милліардеръ, вышелъ изъ телеграфныхъ мальчишекъ... Такъ было, такъ есть и теперь, на счастье Америки.

Духомъ независимости, духомъ общественной и бытовой строптивости проникнута американская масса.

Формула американскаго равенства такова: „Каждый человѣкъ такъ же хорошъ, какъ и всякій другой, и даже еще лучше"...

Эта—цитата изъ письма эмигранта-ирландца на родину.

Формула американской свободы (тоже въ ирландской передачѣ) гласитъ: „Самоуправство, ограниченное закономъ".

Европейская свобода, особенно на континентѣ, это прежде всего—хартія. Она написана позолоченными буквами на пергаментѣ,—на кожѣ свиной,—и спрятана въ шкапъ для праздничнаго употребленія. Свобода — это парадный фасадъ. Будничной жизнью правитъ бюрократія, „красная тесьма", та самая тесьма, которою обвязываютъ казенныя деньги,—„червь неусыпающій", даже по англійскому опредѣленію.

Въ Америкѣ свобода существуетъ для будничнаго обихода. Она ограничена закономъ, но ограниченія вводились по мѣрѣ дѣйствительной надобности. И многихъ остатковъ былого произвола, осколковъ полуразрушеннаго полицейскаго государства вообще не существуетъ. Нѣтъ безконечныхъ прошеній, разрѣшеній, гер-

Записывайтесь во флотъ! Американскій плакатъ.

Главнокомандующій союзной американской арміей во Франціи генералъ Джоржъ Першингъ.

конецъ превратиться въ состязаніе Америки съ Германіей. Это будетъ состязаніе двухъ плановъ общественной организаціи, — демократическаго и бюрократическаго, — въ ихъ наиболѣе яркомъ выраженіи, какое существуетъ на землѣ. Исторія разсудитъ, который изъ нихъ лучше.

II.

Въ чемъ же сходство американской демократіи и другой демократіи—русской, которой и отъ роду лишь безъ году недѣля, которая не можетъ никакъ вылупиться изъ первичнаго хаоса?

До февраля текущаго года въ Америкѣ и въ Россіи все было какъ будто различное и даже противоположное. Обѣ эти страны не могли предъ войной сговориться насчетъ самаго простого прозаическаго торговаго договора.

Но сходство ощущалось и тогда въ основныхъ элементахъ пространства и народонаселенія.

Начнемъ съ географіи: Нью-Іоркъ и Чикаго,—вѣдь это вторые Петроградъ и Москва. Положимъ, Нью-Іоркъ не похожъ на Петроградъ, а Чикаго—на Москву...

Но когда сядешь на курьерскій поѣздъ и начнешь съ сумасшедшей быстротой перерѣзывать широкій американскій континентъ отъ одного океана къ другому, и мѣняются ландшафты и виды, большіе города съ небоскребами и трубами фабрикъ, безконечныя пшеничныя поля, лѣса и сады, озера и рѣки, и все это мѣняется, мелькаетъ безъ всякаго конца, сутки, другія и третьи, — тогда поневолѣ вспоминаешь о такой же безконечной Россіи.

Минувшей зимою я возвращался изъ Владивостока въ Петроградъ на „скоромъ сибирскомъ". Среди безпредѣльныхъ сибирскихъ степей нашъ поѣздъ былъ, какъ корабль въ океанѣ. Корабль этотъ былъ международный. Были тамъ британцы, японцы, шведы и голландцы и Богъ знаетъ, кто еще. И всѣ они, какъ полагается теперь, насмѣхались и журили и читали намъ нотаціи налѣво и направо. Такъ прошелъ день и другой и третій.

бовыхъ марокъ по каждому поводу, и прочей дребедени. Оттого обывательская жизнь тамъ пріятнѣе и легче, чѣмъ въ Европѣ.

Есть, разумѣется, въ Америкѣ соціальное „дно", ужасныя „джунгли" чикагскихъ мясныхъ боенъ, описанныя Оттономъ Синклеромъ, каторжныя тюрьмы, проклятыя Джекомъ Лондономъ, достойныя нашихъ Акатуевъ и всяческихъ „Мертвыхъ домовъ". Но все это кажется временнымъ, непрочнымъ, легко поддающимся новой передѣлкѣ,—опять-таки по плану.

Американская жизнь рано или поздно будетъ опять передѣлана по плану,—по плану демократіи...

Изъ этихъ огромныхъ природныхъ богатствъ и исключительной талантливости сотни милліоновъ населенія, изъ вольнаго размаха самой мѣщанской, обывательской, а проще—человѣческой жизни, въ Америкѣ возникъ и развился прогрессъ матеріальной культуры, не имѣющій равнаго въ мірѣ. Онъ выростаетъ, какъ чудо, и темпъ его роста ускоряется изъ года въ годъ на глазахъ того же поколѣнія. Матеріальныя цѣнности, уже накопленныя въ Америкѣ, огромны и какъ бы безмѣрны. Не только Европа, пожалуй, и Америка сама не знаетъ истинныхъ размѣровъ своего матеріальнаго богатства, не вѣдаетъ предѣла своей собственной энергіи.

Даже новѣйшая Германія, гдѣ все организовано тоже по строгому плану, — по плану, указному сверху, — не можетъ сравняться съ Америкой... Впрочемъ, современная война готова на-

— Что это, Россія?..—спросили взыскательные гости (разумѣя Европейскую Россію).

— Нѣтъ, это Сибирь!

Еще черезъ день, опять:

— Что это, Россія?..

— Нѣтъ, Сибирь!

— Еще черезъ два дня:

— Россія?..

— Нѣтъ, Сибирь!..

Американецъ не станетъ спрашивать, ибо онъ тоже привыкъ къ такимъ же широкимъ полямъ, безпредѣльнымъ, какъ море.

Народныя стихіи, возросшія на этомъ просторѣ, не могутъ не быть схожими. Помню, когда я впервые послѣ русскаго Дальняго Востока попалъ, опоясавъ землю, на американскій Дальній Западъ,—какъ поразило меня это очевидное сходство лицъ и фигуръ и осанки.

Колумбусъ, Омага. А люди попадаются, до странности похожіе на какихъ-нибудь сибиряковъ изъ-подъ Барнаула или Благовѣщенска. Тѣ же широкія спины, крутые затылки, и въ сѣрыхъ глазахъ одновременно лѣнь и необузданная смѣлость.

Почти доходило до иллюзіи: какой-нибудь Джимми Дероллъ („Готовый на все") казался мнѣ старымъ знакомымъ Иваномъ, и Джекъ Оакгедъ—казался Иннокентіемъ Пушныхъ или Ива-

номъ Сохатымъ. И я готовъ былъ заговорить съ ними по-русски, даже по-сибирски, по-чалдонски: „сказывай, паря“!..

Теперь, когда Россія неожиданнымъ ударомъ сама себя сдѣлала такой же демократіей, сходство проявляется рѣзче, даже въ основныхъ элементахъ.

Конечно, Россія создавалась иначе, чѣмъ Америка. Америка вынырнула сразу изъ пѣны океана, какъ юная богиня. Россію собирали еще со временъ Калиты, по кусочку, по зернышку: московская курочка по зернышку клюетъ.

Богъ не вырѣзывалъ для насъ лучшаго ломтя изъ самой грудинки земли. Мы брали безъ разбору все, что не нужно другимъ, что осталось за вычетомъ Западной Европы, за вычетомъ культуры. Тундра—такъ тундра, пески—такъ пески, болота—такъ болота. Взяли Ледовитый океанъ, взяли Сибирь.

Не можемъ похвастать климатическимъ богатствомъ, подобнымъ Америкѣ. Вмѣсто Калифорніи имѣемъ таврическую Яйлу. Вмѣсто цвѣтущей Флориды имѣемъ сухой Геленджикъ. Флорида заросла апельсинными рощами, а на „русской Ривьерѣ“ выспѣваютъ лишь кожистые мандарины, и то не каждый годъ.

А не угодно ли вамъ на Печору, въ Чухляндію, въ Мезень, на сибирскія рѣки, текущія, словно на зло, на сѣверъ, къ льдамъ?..

Мы брали неустанно, что плохо лежало, забрали Кавказъ, Туркестанъ, забрали Амуръ и Манчжурію, пока не уперлись въ японскія крѣпкія латы, въ чашуйчатую спину китайскаго дракона, поросшую тысячелѣтнимъ мохомъ. А дальше — остановка.

Гордому девизу: „Америка для американцевъ — вся Америка отъ мыса Барроу до Огненной Земли,— мы не можемъ пока противопоставить съ увѣренностью даже другой болѣе скромный девизъ: „Россія для россіянъ“.

Россійскій Монроэ еще не родился. А иные говорятъ по-иному: „Россія для германцевъ“.

Но все-таки мы знаемъ, мы чувствуемъ, что Россія задумана Господомъ тоже по особому плану, по широкому плану.

„Romanus civis sum“—„я римскій гражданинъ“.

„I am American citizen“—„я американскій гражданинъ“.

Это второе заявленіе не менѣе гордое и грозное, чѣмъ первое, римское.

Но и у насъ, россіянъ, прививается такое же неукротимое: „я русскій гражданинъ“, — слышите, россійскіе граждане, сыромолотные, новоиспеченные изъ пшеницы военнаго времени? Самое имя: „гражданинъ“ обязываетъ насъ, какъ обязываетъ римлянъ.

Иными не можемъ мы быть. Будемъ такими же гражданами Великой Россіи, или вовсе не будемъ.

Собрали огромную Россію, кое-какъ заселили... Но и тутъ мы не можемъ сравняться съ американской удачей. Вмѣсто радужнаго спектра лучшихъ племенъ Западной Европы, вмѣсто сложнаго пахучаго букета культурной энергіи, мы имѣли лишь собственный народъ, полудикій и бѣдный, и сѣрый и ржаной.

Изъ нашей собственной груди, изъ сока нашихъ собственныхъ нервовъ мы извлекали послѣднюю энергію и смѣлость и силу и бросали на новыя земли. И новое росло, а старое пустѣло. Запустѣніемъ Кіева выросли Суздаль и Владиміръ, оскудѣніемъ центра богатѣли окраины. Бѣглыми бродягами распахана вся Новороссія, арестантами—Сибирь.

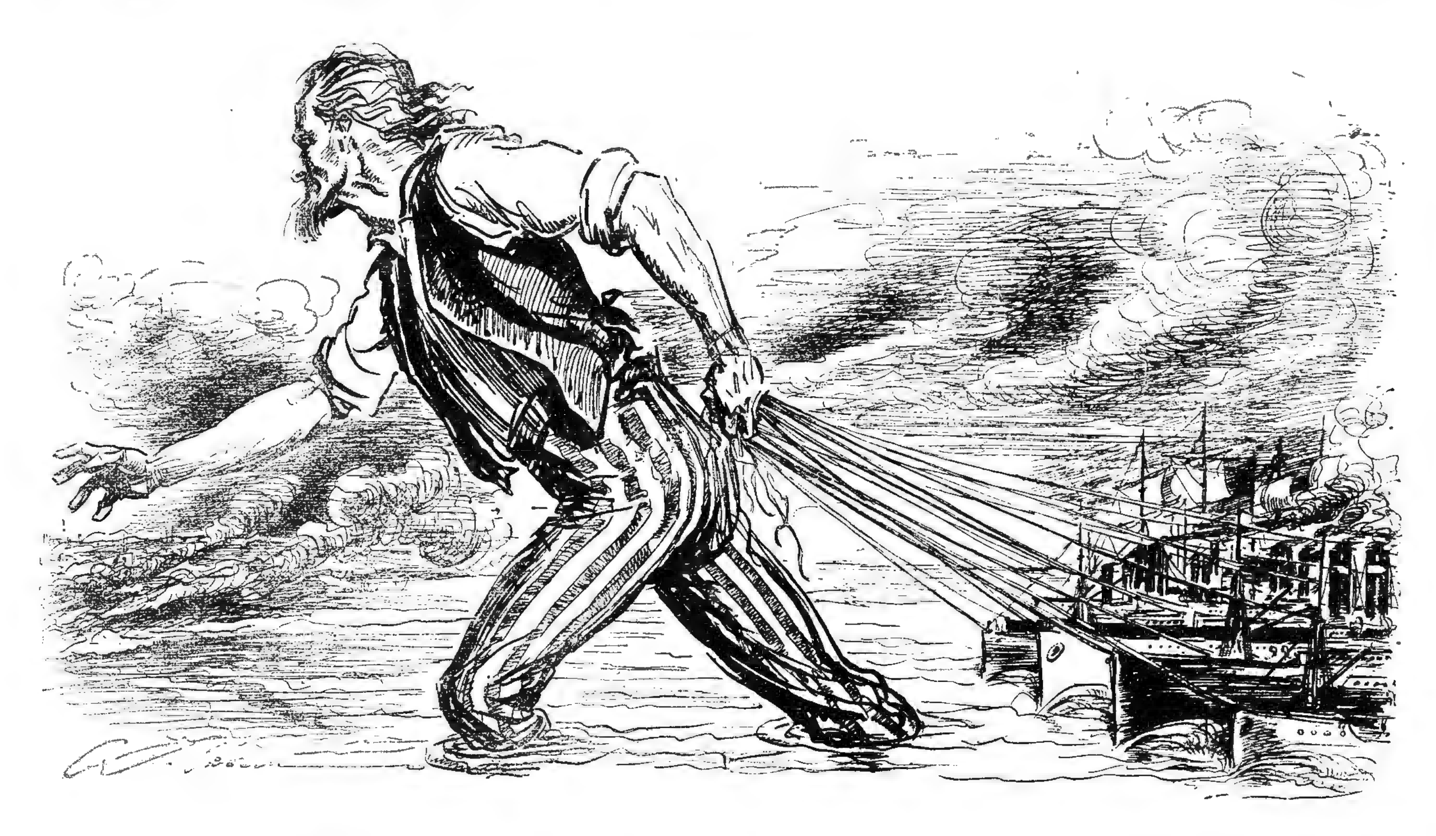
Въ Сибири, въ прикавказскихъ степяхъ города вырастаютъ не хуже, чѣмъ въ Америкѣ: Армавиръ и Майкопъ, Барнаулъ и Ново-Николаевскъ. А Кашинъ и Угличъ остались такими же пропащими, какъ были при отрокѣ Дмитріи.

И въ концѣ концовъ вышла Россія, какъ огромный сосудъ. Но это не „громокипящій кубокъ“ Сѣверной Америки. Это широкая и плоская, неровная лохань. Только теперь забурлила и вскипѣла на огнѣ войны.

Россію, какъ Америку, создали голодные, бѣдные, мелкіе люди, крестьянскія дѣти, бродяги, гулящіе, „голота“, голытьба. Но они не сумѣли избавиться отъ метрополіи, отъ центра, отъ насъ. Чортъ насъ веревочкой связалъ всѣхъ вмѣстѣ. Живыми канатами нервовъ всѣхъ переплелъ, какъ кучу сіамскихъ близнецовъ, близнецовъ поневолѣ.

Растекаясь по равнинѣ отъ моря до моря, русская народная стихія наплывала на многіе народы, и эти народы она не хотѣла истребить, не умѣла растворить въ себѣ и только окружала ихъ собственнымъ тѣломъ и включила ихъ въ свою государственную

Братаніе союзниковъ: Америка привѣтствуетъ Россію.



Помощь изъ-за океана. Рис. американскаго художника *Гибсона.*

массу. Оттого Соединенные Штаты—это монолитный кусокъ, Россія—это скипѣвшаяся масса, и русская народность была не растворителемъ, а только цементомъ.

Національные вопросы въ Америкѣ—это лишь отзвуки Европы, остатки ненужнаго прошлаго, на зло германскимъ агитаторамъ. Національные вопросы въ Россіи—это начальные концы новыхъ клубковъ и запутанныхъ узловъ и болѣзненныхъ сплетеній.

Чѣмъ хвастать намъ передъ Америкой?.. Молодая демократія Россіи, вѣдь это не новая, а старая страна. Она накопила за десять столѣтій гору историческаго хлама, историческаго зла. Она собрала его отовсюду, съ востока и съ запада, отъ татаръ и отъ грековъ и отъ нѣмцевъ и чортъ знаетъ еще отъ кого.

Столько его,—въ тысячу лопатъ не раскидаешь. И даже на удобреніе и то этотъ хламъ не годится.

Чѣмъ хвастать намъ передъ богатой, жирной, счастливой Америкой, передъ этимъ любимчикомъ-Веніаминомъ всемірной исторіи? Вѣдь намъ не до жиру, лишь быть бы живу.

Отъ нашей исторической карьеры остались у нашей Россіи только кости да кожа,—правда, широкія, крѣпкія кости и дубленая кожа, выдубленная палкой татарской и палкой петровской,—а больше ничего.

Одно можно сказать: подлинно, должно-быть, молода россійская народная стихія, если могла единымъ прыжкомъ вдругъ перескочить изъ самой крайней автократіи въ такую же крайнюю широкую демократію.

Перескочила и стала на томъ берегу. Стоитъ и чешется, чешетъ по старой привычкѣ закорузлый затылокъ. И падаютъ старыя парши, куски исторической коросты, сдираемые, какъ попало, корявыми, грубыми пальцами. И обнажаются изъ-подъ содранныхъ струпьевъ зіяющія язвы, все красныя, красныя язвы, красныя, какъ кровь.

Въ этотъ историческій часъ, вся въ язвахъ и струпьяхъ, стоитъ передъ міромъ демократія Россіи, голымъ-голешенька, даже безъ лохмотьевъ.

Старая одежда вся развѣялась по вѣтру. А новаго нѣтъ ничего. Ни ситцу ни шерсти. Ни городской мануфактуры ни даже родной дерюги. Подумаешь: не русская республика, а растерзанная баба Ѳедора.

Все-таки жить надо. Надо приспосабливаться. Надо обмываться, обшиваться, лѣчить свои язвы купросомъ и даже огнемъ.

Quod ignis non sanat, ferrum sanat.

Или по-русски: „не слушали отца-матери, послушаемъ барабанной шкуры",—послушаемъ войны.

Старая жизнь вся пущена по вѣтру. Новую придется создавать поневолѣ планомѣрно,—планомѣрнѣе, чѣмъ прежде,—по чертежу, по намѣченной линіи. И въ этомъ будетъ высшее сходство обѣихъ демократій, позолоченной крупичатой Америки и дерюжной мякинной Россіи.

Въ минуты великихъ потрясеній рождается жажда пророчествъ—хоть нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ—не только на злое, но также и на доброе.

Но все-таки мнѣ хочется сказать: среди всенароднаго вопля о страшномъ „двѣнадцатомъ часѣ", о гибели Россіи, подъ временнымъ налетомъ униженій и тяжелыхъ опасеній за текущую минуту, какъ-то непроизвольно рождается надежда. Какъ призракъ, возникаетъ грандіозное видѣніе Россійской Республики, не такой, какая она есть, а такой, какая она будетъ, и, можетъ-быть, скоро, скорѣе, чѣмъ думаютъ люди.

Сколько потрясеній претерпѣла Америка въ эпоху Вашингтона, до войны и послѣ войны! Но тогда она была новорожденная республика-крошка, а не этакая дылда, какъ русская республика Ѳедора. Этакой республикой Ѳедорой трудно разродиться даже всемірной исторіи въ какихъ-нибудь полгода...

Но все-таки окончится когда-нибудь и русская война, перегоритъ анархія. Тотъ самый мужикъ, который наводитъ „ограбную" реформу, „угарную" реформу, наведетъ и порядокъ.

Безъ порядка мужику не живется никакъ еще со времени Рюрика.

Русская Республика будетъ ржаная республика, мужицкая республика.

Америка и Россія.

Привѣтственное слово г-жи М. Фарвеллъ.

Мы, американцы, вѣримъ въ Россію. Даже вызванная революціей разруха въ странѣ и тяжелая поступь надвигающихся на Россію германскихъ полчищъ не пошатнули нашей вѣры.

Тѣ изъ насъ, кому Россія захотѣла открыться, кто сумѣлъ сердцемъ почувствовать ее, тѣ знаютъ, что всѣ эти тяготы временныя, что ихъ не могло не быть,—и все это ничуть не подрываетъ нашего восторга передъ революціоной Россіей. Но именно потому, что мы дружески понимаемъ Россію, мы, думая о предстоящей ей суровой зимѣ безъ топлива и пищи, о многихъ жертвахъ, которыя она уже принесла, и которыя ей еще предстоитъ принести, — мы жаждемъ быть ей полезными, не такъ, какъ богачъ-иностранецъ, который даетъ, не скупясь, но какъ человѣкъ, который, добравшись до тихой пристани, просто, какъ другъ, протягиваетъ руку брату, который еще только проходитъ первые трудные этапы Великаго Демократическаго Пути.

Мы не хотимъ, чтобы въ насъ видѣли только приносящихъ дары, ибо дороже и лучше даровъ та искренняя симпатія, которая руководитъ нами. Мы сами прошли черезъ революцію и мучительную фазу гражданской войны; было время, въ начальные годы нашей исторіи, когда американскіе солдаты, голодные и холодные, съ ногами, обмотанными тряпками, за отсутствіемъ сапогъ, въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ теперь русскіе солдаты, держались на своихъ позиціяхъ въ теченіе всей долгой сѣверной зимы. Мы помнимъ все это и потому не смотримъ пессимистически на будущее Россіи и не испытываемъ никакого нетерпѣнія, видя, что вначалѣ у вашей демократіи не все идетъ гладко. У насъ тоже бывали свои семейные раздоры и всегда будутъ — такова ужъ человѣческая природа, и насъ не удивляетъ, что, скажемъ, Финляндія и Украйна отстаиваютъ свои интересы, идущіе въ разрѣзъ съ интересами Великой Россіи, ибо, что хорошо для штата Мэнъ, то не хорошо для штата Миссисипи.

Мы не осуждаемъ и не критикуемъ никого, ибо каждый куетъ свою судьбу по-своему. Стоя поодаль, мы, со стороны, можетъ-быть, лучше можемъ судить, чѣмъ вы, и видимъ, что, если нынѣ Россія какъ будто и шатается, то лишь затѣмъ, чтобы укрѣпиться на прочномъ основаніи.

Какъ и вы, нашъ народъ являетъ собою смѣсь различныхъ расъ, и задачи у насъ однѣ и тѣ же: въ нашемъ плавильномъ горнѣ переплавляются всѣ націи и выходятъ оттуда—мы надѣемся—истинными американцами. Подобно вамъ, мы живемъ въ странѣ, гдѣ климатъ и характеръ мѣстности въ различныхъ мѣстахъ глубоко различны, и гдѣ, въ зависимости отъ этого, складываются различные типы людей, но основа и устои обѣихъ нашихъ странъ— народъ нашъ и вашъ одинаково незлобивъ и доброжелателенъ. И, думается, намъ легко быть друзьями и товарищами, ибо мы хотимъ дружбы не только между нашими правительствами,—это все-таки что-то далекое, холодное, — но дружбы человѣка съ человѣкомъ въ истинномъ пониманіи слова „братство“.

Я давно уже перестала чувствовать себя чужой въ Россіи,— такъ много общаго у простого народа здѣсь и у насъ, на моей родинѣ; тѣ же ясные, честные глаза глядятъ на меня съ лицъ рабочихъ на поляхъ Канзаса, и даже трудность изученія русскаго языка не кажется мнѣ непреоборимой; когда глаза чужого человѣка смотрятъ на тебя ласково и читаешь въ нихъ откликъ и пониманіе, тогда перегородки между людьми, какъ и между народами, рушатся.

Увы! Въ прошломъ американцы нерѣдко пріѣзжали въ Россію только съ цѣлью эксплуатаціи и, уѣзжая, оставляли послѣ себя воспоминаніе объ алчности къ деньгамъ. То были не лучшіе сыны Америки—при старомъ режимѣ Россія была черезчуръ далека отъ нашихъ идеаловъ, чтобы привлекать нашихъ лучшихъ людей; но нынѣ мы идемъ къ ней просто, какъ друзья въ часъ испытанія, не съ цѣлью покровительства,—Россія въ правѣ теперь требовать отъ иностранцевъ чего угодно, только не покровительства,—а лишь затѣмъ, чтобы помочь, если она позволитъ намъ.

Въ Америкѣ еще нѣтъ убитыхъ на войнѣ, но они будутъ, и многіе этой зимой облекутся въ трауръ, а такъ какъ горе легче переносить, чувствуя на плечѣ руку друга, попробуемъ же облегчить другъ другу горе, ибо вѣтеръ, гуляющій надъ просторами обѣихъ нашихъ странъ, принесъ намъ вѣсть, что мы другъ другу не чужіе, что мы сродни.

Два идеала: созиданіе и разрушеніе.

Врагъ всего міра.

Почему Америка воюетъ съ Германіей?

Рѣчь мистера Лэна, американскаго министра внутреннихъ дѣлъ

Въ океанѣ.

Американцы отразятъ нападеніе Германіи, — Германіи, которая не сдержала своего слова; Германіи, которая пыталась вызвать революцію въ нашей странѣ; Германіи, которая старалась натравить на насъ внѣшняго врага, хотя мы были съ ней въ мирныхъ отношеніяхъ: Германіи, которая сперва заняла у насъ деньги, а потомъ возмущалась, когда ея враги послѣдовали ея примѣру; Германіи, которая еще болѣе возмущалась тѣмъ, что мы снабжали ея враговъ снарядами, хотя мы дѣйствовали на основаніи законнаго права, которымъ и она сама часто пользовалась; Германіи, которая, нарушая данное слово, топила наши корабли съ провіантомъ для умирающихъ съ голода бельгійцевъ; Германіи, утверждавшей, что она боится Россіи, которая однако не имѣла даже и половины количества винтовокъ, необходимыхъ для своихъ войскъ, ни достаточнаго запаса снарядовъ хотя бы на одинъ мѣсяцъ, ни достаточнаго числа желѣзныхъ дорогъ для перевозки военныхъ снаряженій; Германіи, національная политика которой сводилась всегда къ тому, чтобы вызвать рознь между отдѣльными государствами, военная политика которой имѣла цѣлью терроръ, а морская политика — разграбленіе нейтральныхъ странъ; Германіи, считавшей, что всѣ другія страны могутъ существовать лишь съ ея разрѣшенія, и что всѣ народы должны быть подъ ея главенствомъ.

Мы противъ этой Германіи, такъ какъ мы не можемъ жить съ ней. Она нашъ врагъ, такъ какъ она врагъ всего міра. Мы воюемъ съ ней, такъ какъ мы не можемъ быть дружны съ ней. Она не знаетъ, что такое дружба. Она требуетъ, чтобы ея друзья обезчестили себя. Кто не за нее, тотъ противъ нея. Если существуетъ иная, лучшая Германія, и когда она это докажетъ, она можетъ опять быть принята въ семью всѣхъ народовъ. Но мы намѣрены воевать съ той Германіей, которая занимается шпіонствомъ, интригами и терроризаціей, пока лучшая Германія не заявитъ открыто:

„Мы хотимъ жить на тѣхъ же началахъ, какъ и другіе. Мы сознаемъ, что прошло время второй Римской Имперіи. Мы сознаемъ, что теперь никто не можетъ сыграть роль Наполеона. Мы желаемъ жить жизнью XX вѣка, соблюдая правила XX вѣка. Мы увѣрены, что, съ помощью нашего организаторскаго таланта и умѣнія работать, мы сумѣемъ занять мѣсто въ мірѣ, безъ шпіоновъ, интригъ и террора“.

Прошло 1900 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь разбилъ нѣмцевъ во Франціи. Когда они спросили его объ условіяхъ мира, онъ сказалъ: „Вернитесь туда, откуда вы пришли, исправьте то, что повредили, дайте заложниковъ и въ будущемъ не нарушайте мира“.

Настоящая война кончится, когда Германія пойметъ, что она должна дать заложниковъ для соблюденія мира въ будущемъ. Старинный варварскій обычай состоялъ въ томъ, что брали принцевъ и сановниковъ, какъ заложниковъ. Германія послѣдовала этому обычаю при вторженіи въ Бельгію. Но въ настоящее время міръ требуетъ не такихъ заложниковъ. Теперь предстоитъ міру рѣшить вопросъ о томъ, какихъ заложниковъ Германія сможетъ дать, когда она убѣдится въ томъ, что ея мечты о всемірной гегемоніи не оправдаются.

О. Генри.

Этюдъ о современной американской литературѣ.

Профессора Эмери.

Когда я впервые познакомился съ писателемъ К. И. Чуковскимъ, разговоръ у насъ сразу зашелъ объ Уотѣ Уитмэнѣ, и въ подтвержденіе одной изъ своихъ мыслей я привелъ мнѣніе О. Генри. Къ великому своему удовольствію и, признаюсь, къ немалому удивленію, я обнаружилъ, что Чуковскій является восторженнымъ поклонникомъ О. Генри и собирается даже перевести на русскій языкъ его повѣсти, подобно тому, какъ онъ уже перевелъ поэмы другого американца, Уитмэна. Сомнѣваюсь, чтобы имя О. Генри пользовалось широкой извѣстностью среди русской читающей публики. Даже во Франціи мало кто знакомъ съ его сочиненіями. И это неудивительно, такъ какъ въ самой Америкѣ ему пришлось слишкомъ долго ждать заслуженнаго признанія. Съ О. Генри произошло то, что, къ сожалѣнію, черезчуръ часто составляетъ удѣлъ писателя: онъ печатаетъ свои разсказы во второстепенныхъ журналахъ, не дающихъ ни средствъ къ жизни ни славы; спустя много лѣтъ начинаютъ цѣнить его, ему уже улыбается внѣшній успѣхъ; а затѣмъ... безвременная смерть, которая создаетъ ему исключительную популярность; его сочиненія въ двѣнадцати томахъ расходятся въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ. Но если въ жизни другого писателя такая несправедливость судьбы даетъ намъ право говорить о трагедіи, то по отношенію къ О. Генри это слово не совсѣмъ умѣстно: онъ никогда не роптал на свою участь, не чувствовалъ себя обиженнымъ. Обѣими руками поднимая чашу жизни, онъ съ радостью осушалъ ее до дна и съ полною искренностью думалъ, что судьба незаслуженно благосклонна къ нему. И только почитатели его таланта, чувствующіе себя его неоплатными должниками, сознаютъ теперь, что уже поздно, что въ жизни его произошла непоправимая трагедія, трагедія непонятаго генія.

Мнѣ безконечно совѣстно, когда я вспоминаю, что только восемь лѣтъ назадъ, въ 1909 г., одинъ пріятель впервые обратилъ мое вниманіе на двѣ его книжки. Я такъ сжился теперь съ его разска-

зами, его герои стали близкими мнѣ людьми, его взгляды на жизнь оказали такое сильное вліяніе на мое міровоззрѣніе, я такъ часто говорю его словами, что мнѣ не вѣрится, какъ это я могъ только подъ сорокъ лѣтъ познакомиться съ нимъ, и лишь для того, чтобы такъ скоро разстаться.

Жизнь О. Генри—это жизнь странствующаго писателя, полная приключеній, встрѣчъ и знакомствъ съ людьми, не всегда безупречной нравственности; а въ нѣсколько пуританскихъ литературныхъ кругахъ Соединенныхъ Штатовъ не любятъ слишкомъ неосторожно приподнимать завѣсу надъ нѣкоторыми сторонами жизни. Но для меня интересны всѣ факты біографіи О. Генри, меня привлекаетъ его жизнь среди бродягъ и преступниковъ, такъ какъ все, что касается его, проливаетъ новый свѣтъ на его всеобъемлющую любовь ко всему живому.

Вкратцѣ, біографическія данныя сводятся къ слѣдующему: Сидней Портеръ—настоящее имя О. Генри—родился въ горахъ Сѣверной Каролины около 1864 года. Лѣтъ 19—20-ти отъ роду онъ попалъ въ Техасъ, гдѣ пробовалъ свои силы въ журналистикѣ, издавалъ юмористическій листокъ, въ которомъ главнымъ сотрудникомъ—авторомъ рисунковъ и текста — былъ онъ самъ. Въ Техасѣ онъ велъ также жизнь ковбоя, среди тѣхъ „подозрительныхъ людей", которыхъ онъ такими яркими красками описалъ въ своихъ разсказахъ. До самой смерти онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Дженнингсомъ, который въ теченіе восьми лѣтъ наводилъ ужасъ на обитателей этой неспокойной провинціи, предводительствуя шайкой дерзкихъ желѣзнодорожныхъ разбойниковъ, провелъ затѣмъ восемь лѣтъ въ смирительномъ домѣ, „исправился" и сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ и политическихъ дѣятелей штата Оклагома. Дженнингсъ написалъ для О. Генри повѣсть „Грабежъ въ поѣздѣ", помѣщенную въ сборникѣ „Шестерки и Семерки", и для насъ сохранились любопытныя критическія замѣчанія, относительно „стиля и содержанія", сдѣланныя по этому поводу нашимъ писателемъ. На ряду съ приключеніями на „дикомъ западѣ", съ его юностью связаны воспоминанія о знакомствѣ съ послѣдними представителями стараго режима на югѣ, съ этими безупречно вѣжливыми и безалаберными, симпатичными и непослѣдовательными людьми, которые допустили его въ свою среду, потому что онъ зналъ, какъ подходить къ людямъ и завоевывать ихъ расположеніе. Затѣмъ онъ какимъ-то образомъ попалъ въ одну изъ маленькихъ южно-американскихъ республикъ, гдѣ велъ бродячую жизнь въ атмосферѣ бездѣлія и испорченности, авантюризма и полнаго упадка всѣхъ жизненныхъ силъ. Мы почти ничего не знаемъ объ его похожденіяхъ въ Южной Америкѣ, но плодомъ ихъ явилась повѣсть: „Капуста и Короли", блещущая неподдѣльнымъ юморомъ, поражающая глубиною психологическаго анализа.

Но его ждала работа болѣе сложная и болѣе захватывающая: объяснить духовную сущность того грандіознаго конгломерата классовъ, расъ, вѣрованій и нравственныхъ воззрѣній, находящагося въ постоянномъ броженіи, имя которому—„Нью-Іоркъ". Раньше онъ писалъ о „Сердцѣ Запада", теперь заглавія его книгъ измѣнились: „Четыре милліона жителей", „Голосъ города". И, конечно, никому такъ много не говорилъ голосъ Нью-Іорка, какъ О. Генри. И говорилъ такъ правдиво, что любой обитатель города находитъ своего двойника въ какомъ-либо изъ его разсказовъ. Но поразительнѣе всего то, что авторомъ ихъ является человѣкъ, дѣтство свое проведшій въ дикихъ горахъ юга, а юношескіе годы проблуждавшій въ самой неспокойной части Штатовъ, и только въ зрѣломъ возрастѣ появившійся на аренѣ своего будущаго успѣха. Это объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что слухъ его, привыкшій улавливать гармонію человѣческаго сердца въ горахъ Сѣверной Королины и на равнинахъ Техаса, различилъ ее и среди шума большого города; вѣдь тотъ, кто любитъ человѣка, пойметъ его всюду.

О. Генри прозвали „мастеромъ короткихъ повѣстей", и все же, съ точки зрѣнія строгой критики, у него нѣтъ почти ни одного произведенія, свободнаго отъ серьезныхъ недостатковъ. Пусть такъ, но одно въ немъ неотъемлемо: онъ—глубокій знатокъ человѣческой души. Не ищите у него законченности и безупречности Мопассана или Анатоля Франса. Но онъ и не относился къ своему искусству съ тѣмъ сознаніемъ его значительности, которымъ проникнуто творчество этихъ французскихъ писателей; едва ли въ его глазахъ оно было искусствомъ. Среди его повѣстей есть настоящія жемчужины, и все-таки едва ли О. Генри много потрудился надъ ихъ обработкой. Въ большинствѣ случаевъ онѣ написаны кое-какъ; это небрежный стиль писателя, не имѣющаго терпѣнія закончить одинъ разсказъ, прежде чѣмъ засѣсть за слѣдующій. Посреди какой-нибудь неудачной главы или послѣ какой-либо остроты дурного тона онъ вдругъ обращается къ читателю и объясняетъ, что издатель платитъ ему столько-то за строчку, и что онъ написалъ эту галиматью, такъ какъ ему нужны эти деньги.

И, несмотря на это, нельзя оторваться отъ его книжекъ, и постоянно возвращаешься къ нимъ съ все возрастающимъ удовольствіемъ и съ неизмѣнной любовью къ ихъ автору. И развѣ мы всѣ не предпочитаемъ тѣхъ людей, юморъ и краснорѣчіе которыхъ даетъ имъ право время отъ времени вставлять вульгарное слово въ бесѣду, которые не считаютъ себя обязанными быть всегда „на высотѣ", хотя они способны создавать вещи совершенныя? Въ разсказахъ О. Генри среди „дешеваго" юмора встрѣчаются истинныя блестки остроумія, и, на ряду съ вдумчивой характеристикой, божественная шутка, которая способна вызвать гомерическій хохотъ.

Писатель всегда на-сторожѣ: онъ никогда не складываетъ оружія, никогда не даетъ передышки читателю. Его плодовитый и жизнерадостный талантъ подарилъ насъ красочной галлереей типовъ, которыхъ онъ позволяетъ любить или осуждать, „какъ намъ заблагоразсудится". Про одного изъ своихъ героевъ О. Генри выразился такъ: „Когда онъ трезвъ — онъ наполовину пьянъ, а когда онъ въ подпитіи, онъ смотритъ свысока на аэропланы". И все же никто не зналъ лучше, чѣмъ онъ самъ, какая вещь ему удалась и какая нѣтъ. Но только, если съ нимъ случалась неудача, это забавляло, а не разстраивало его. Въ немъ сочеталось какое-то безстыдство съ крайней экстравагантностью.

Въ его гуманномъ проникновеніи въ поступки и побужденія слабовольныхъ неудачниковъ жизни — сходство О. Генри съ нѣкоторыми русскими писателями. Вѣдь русскому характеру свойственно сочувствіе униженнымъ и оскорбленнымъ, а отнюдь не преклоненіе передъ силой, передъ стремленіемъ впередъ, передъ громкимъ успѣхомъ. Но здѣсь и кончается это сходство, такъ какъ, если О. Генри душой былъ съ обиженными жизнью, то онъ одинаково сочувствовалъ и тѣмъ, кого сопровождаетъ удача. Кромѣ того, когда О. Генри сочувствуетъ неудачникамъ, онъ переживаетъ несчастія своихъ героевъ не какъ нѣчто трагическое. Отношеніе его къ нимъ всегда юмористическое, дружеское. Въ его взглядѣ на жизнь нѣтъ мѣста для безысходнаго отчаянія. Для него, какъ для истаго янки, „жизнь состоитъ изъ простого чередованія—чортъ бы ихъ побралъ!—событій".

Хотя ему чужды трагическія ноты, онъ по временамъ доходитъ до глубокаго паѳоса и вдругъ, среди беззаботнаго веселья, вызываетъ у насъ слезы, или же заканчиваетъ какую-нибудь грустную повѣсть веселой развязкой. Въ этомъ отношеніи онъ послѣдователь Диккенса, или, вѣрнѣе, Диккенсъ и О. Генри оба слѣдовали общему великому образцу—Жизни, какъ она есть въ дѣйствительности. Наконецъ, можно отмѣтить одно отличіе О. Генри отъ многихъ европейскихъ писателей. Онъ не критикуетъ общественнаго строя. Его неудачники—не жертвы соціальнаго строя, благопріятствующаго немногимъ за счетъ большинства. Конечно, нѣкоторые получаютъ слишкомъ много, другіе слишкомъ мало, но такая несправедливость судьбы одинаково легко можетъ выпасть на долю богача, живущаго въ роскошномъ дворцѣ, и на долю обитателя бѣдной лачуги. Счастье важнѣе богатства, а счастье—въ волѣ боговъ, хотя дерзающій можетъ овладѣть имъ, если захочетъ.

Вотъ все, что я могу сказать объ О. Генри.

Добавлю въ заключеніе, что, хотя едва ли повѣсти О. Генри когда-либо будутъ читаться въ школѣ, какъ образцы хорошаго англійскаго стиля, онъ все же останется однимъ изъ четырехъ англо-саксонскихъ писателей, которые съ одинаковой геніальностью поняли и объяснили многообразіе человѣческой природы со всѣми ея слабостями, благородными порывами, стойкостью и жизнерадостной смѣлостью: эти писатели — Шекспиръ, Диккенсъ, Киплингъ и О. Генри.

Американскіе художники.

Уистлеръ и Сарджентъ.

Очеркъ англійскаго критика **John Cournos**, написанный спеціально для „Нивы“.

Джемсъ Мак-Нейль Уистлеръ.

Русскій критикъ Михайловскій замѣтилъ гдѣ-то, что знаменитые люди обыкновенно приходятъ въ міръ парами. Среди такихъ паръ онъ отмѣтилъ Вольтера и Руссо, Гёте и Шиллера, Толстого и Достоевскаго, Горькаго и Чехова, и еще нѣсколькихъ, кого я сейчасъ не могу припомнить. Но при этомъ Михайловскій оговаривался, что этихъ людей сопоставляютъ не вслѣдствіе ихъ сходства, а наоборотъ: обыкновенно это совсѣмъ разнаго типа таланты, но не враждебные, а скорѣе дополняющіе другъ друга.

Въ области живописи лучшей иллюстраціей этой мысли являются Джонъ Сарджентъ и Джемсъ Мак-Нейль Уистлеръ: оба—американскіе художники, которые такъ много работали въ Англіи, что ихъ картины, вывѣшенныя въ Тэтовской галлереѣ въ Лондонѣ, отнесены къ „Британской Школѣ“. Американскія же галлереи съ не меньшей гордостью помѣщаютъ ихъ въ „Американскомъ Отдѣлѣ“. Вдобавокъ, Сарджентъ родился во Флоренціи, а Уистлеръ же въ Россіи, въ Петербургѣ.

Помимо этой разницы въ обстоятельствахъ личной жизни, объясняющей космополитизмъ обоихъ, такъ какъ оба принимали живое участіе въ художественномъ движеніи эпохи и страны, гдѣ они жили,—контрастъ между творчествомъ Уистлера и Сарджента бросается въ глаза. Картины Уистлера сдержанныя, спокойныя, даютъ отдыхъ глазу, полны вдумчивости и мечтательности. Живопись Сарджента болѣе громкая, болѣе вызывающая: его портреты отражаютъ актуальность условій жизни и среды тѣхъ, кто изображенъ на нихъ: они менѣе субъективны. Сардженту всего интереснѣе разобраться въ характерѣ изображаемаго; Уистлера же главнымъ образомъ интересуетъ сама картина.

Странный, но несомнѣнный фактъ: оба художника очень восхищались Веласкецомъ: можно даже сказать, что оба вышли изъ Веласкеца, но съ этой же исходной точки и начинается ихъ расхожденіе. И такъ какъ каждый геній являетъ собою комбинацію различныхъ свойствъ, каждый изъ нихъ взялъ отъ Веласкеца наиболѣе подходящее для себя, прибавивъ своихъ личныхъ знаній, опыта и, прежде всего, темперамента. Сарджентъ взялъ отъ испанца его натурализмъ и здоровую силу, Уистлеръ—выборъ сюжетовъ, декоративность и колоритъ. И каждый, найдя въ себѣ откликъ тому или другому свойству великаго мастера, усилилъ его до такой степени, что, въ концѣ-концовъ, Веласкецъ уже перестаетъ существовать, а получились двѣ различныхъ художественныхъ индивидуальности: Уистлеръ и Сарджентъ.

Джорджъ Муръ, комментируя тонкое изящество картинъ Уистлера, связываетъ его съ внѣшнимъ обликомъ художника, маленькаго, нервнаго и хрупкаго, говоря, что, будь онъ такъ же силенъ физически, какъ Веласкецъ, онъ могъ бы съ такой же легкостью переходить отъ одного большого полотна къ другому. Сарджентъ — тотъ можетъ дѣлать это, ибо онъ рослый, сильный человѣкъ, зато ему и недостаетъ тонкости и чуткости Уистлера.

Что можетъ быть различнѣе ихъ методовъ работы! Уистлеръ имѣлъ обыкновеніе замучивать свои модели несчетными сеансами. Разсказываютъ, будто Томасъ Карлейль, выходя однажды изъ мастерской Уистлера и встрѣтивъ въ дверяхъ маленькую дѣвочку, которая должна была позировать художнику послѣ него, погладилъ ее по головкѣ и сочувственно замѣтилъ: „Бѣдная дѣтка! Какъ мнѣ жаль тебя!“ Однакоже, несмотря на такое огромное количество сеансовъ, въ конечномъ счетѣ краски, при всей ихъ колоритности, оказывались наложенными почти прозрачнымъ слоемъ, и всѣ слѣды техники, работы художника исчезали. Какъ ухитрялся художникъ достигать такого результата, это остается загадкой, точно такъ же, какъ и изумительное сходство его портретовъ съ оригиналами. Сарджентъ, наоборотъ, могъ написать портретъ въ нѣсколько часовъ, за одинъ присѣстъ, и дѣлалъ это часто крупными мазками, такъ что его техника вся была на виду, и далеко не всегда къ выгодѣ оригинала. Его манера никакихъ загадокъ въ себѣ не заключаетъ. И если Уистлеру нельзя подражать, то почему трудно подражать Сардженту, чья техника ясна, какъ день? Мнѣ могли бы отвѣтить: потому же, почему каждый видитъ, какъ атлетъ поднимаетъ тяжести, и знаетъ, какъ это дѣлается, а самъ поднять не можетъ,—по той простой причинѣ, что онъ не атлетъ.

Эти различія въ манерѣ также вносятъ существенную разницу въ творчество обоихъ художниковъ. Уистлеръ—болѣе поэтъ, чѣмъ Сарджентъ: онъ сперва выбираетъ сюжетъ своей картины, будь это человѣкъ или ландшафтъ, опредѣляетъ, что писать, а затѣмъ уже начинаетъ обдумывать, какъ онъ напишетъ это. Въ результатѣ—полная декоративная гармонія, въ которой каждая часть картины по краскамъ и рисунку подогнана къ другой. Подъ такимъ угломъ зрѣнія картина становится самоцѣлью, а изображаемый предметъ получаетъ второстепенное значеніе. Вотъ почему художникъ назвалъ знаменитый портретъ своей матери, висящій въ Люксембургѣ, „Мотивомъ въ черныхъ и сѣрыхъ тонахъ“ и очень разсердился, когда кто-то осмѣлился назвать его „благородною данью сыновней любви“. Это, несомнѣнно, объясняется тогдашними условіями художественной жизни и работы, которыя, правду сказать, существуютъ и нынѣ. Живопись на сентиментальные сюжеты, и посейчасъ господствующая въ Королевской Академіи, тогда была въ полномъ расцвѣтѣ, и Уистлеръ видѣлъ, что искоренить это зло можно только радикальными мѣрами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ такихъ произведеніяхъ, какъ портретъ своей матери, художникъ умѣлъ блестяще слить воедино искусство съ выявленіемъ характера, не жертвуя ни тѣмъ ни другимъ. Но еще болѣе краснорѣчивымъ образчикомъ его искусства является его портретъ извѣстнаго скрипача Сарасате. Въ искусствѣ это — предѣлъ достиженія. Но гдѣ искусство и любовь — одно, тамъ, достигнувъ предѣла, искусство умираетъ, чтобы дать жизнь новому достиженію — выявленію человѣческой души. Въ портретѣ Сарасате это выявленіе души изумитель-

Портретъ англійскаго философа Томаса Карлейля. *Дж. Уистлеръ.*

но. Сарасате былъ великій скрипачъ, и особенностью его игры былъ его великолѣпный тонъ. И дивный тонъ портрета, то особенно любовное отношеніе къ своей работѣ, которое въ немъ чувствуется, та нѣжность, съ которой выписана скрипка въ рукахъ Сарасате, вся поза музыканта показываютъ, какъ глубоко художникъ понялъ Сарасате и почувствовалъ его душу. Тутъ и внѣшнее сходство и выраженіе душевной личности поразительны. Въ области выявленія характера дальше некуда итти.

Любопытно, что Сарджентъ и Уистлеръ выше всего въ тѣхъ своихъ портретахъ, гдѣ они приближаются другъ къ другу и вмѣстѣ приближаются къ Веласкецу. Для такого приближенія необходима большая влюбленность въ сюжетъ, придающая нѣжность кисти и деликатность мазку. Въ такихъ портретахъ, какъ портретъ лэди Гамильтонъ и Джозефа Пулицера — къ сожалѣнію, такихъ у Сарджента немного — чувствуется, что художникъ глубоко захваченъ сюжетомъ, потому онъ и достигаетъ предѣла своего искусства. Однако, хотя Сарджентъ въ наши дни и является самымъ популярнымъ портретистомъ въ Англіи и Америкѣ, онъ далеко не льститъ своимъ моделямъ. Жутко смотрѣть, какъ онъ изобразилъ поэта Ковентри Патмора: на портретѣ, висящемъ въ Національной Портретной Галлереѣ, онъ похожъ на старую лисицу. Собрата по искусству, Уильяма Чэса, Сарджентъ изобразилъ съ кистями и палитрою въ рукахъ, передъ начатою картиной, отступившимъ на шагъ, безъ сомнѣнія, любующимся собственнымъ произведеніемъ: тутъ схвачена характерная поза, — портретъ дивитъ и поразительнымъ сходствомъ и тонкой наблюдательностью.

Джонъ Сарджентъ.

Превосходенъ также портретъ финансиста Вертгейма, съ сигарою въ рукѣ. Какая характерная черточка современности, какой удачный штрихъ — эта сигара! Какую солидность и вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденность она придаетъ всей фигурѣ.

Если Уистлера можно назвать поэтомъ въ живописи, то Сарджентъ — романистъ или, вѣрнѣй, бытописатель, заносящій въ свой дневникъ впечатлѣнія бытія. Чувствуется, что онъ пишетъ людей, съ которыми случайно сталкивался, которые заинтересовывали его лишь на минуту, но, такъ какъ онъ — искусный чтецъ характера, онъ быстро составляетъ себѣ мнѣніе о человѣкѣ и съ той же быстротой переноситъ его на полотно. Красота женщинъ, которыхъ онъ изображаетъ, чаще всего не идетъ дальше кожи, да и кожа подчасъ напудрена и нарумянена.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сарджентъ объявилъ всѣмъ, что онъ перестаетъ писать портреты — первый случай такого самоотреченія со стороны крупнаго портретиста. Общество ли убило въ немъ интересъ къ портретамъ, какъ оно убиваетъ иногда вкусъ къ жизни, превращая человѣка въ blasé? Или же недостаетъ ему самонадѣянности, присущей большимъ художникамъ? Вы только вспомните Рембрандта, — „беззубаго стараго льва", какъ называлъ его Ванъ Гогъ, — на старости лѣтъ уже невѣрною рукой пишущаго автопортреты, за отсутствіемъ моделей. Сарджентъ, безъ сомнѣнія, очень скромный человѣкъ. Насколько мнѣ извѣстно, у него есть одинъ только автопортретъ, писанный по заказу Галлереи Уффици (во Флоренціи), и онъ не производитъ впечатлѣнія, чтобы художникъ былъ особенно пристрастенъ къ себѣ: портретъ одинъ изъ самыхъ скромныхъ во всей галлереѣ.

Сарджентъ пробовалъ свои силы также и въ области декоративнаго искусства: его панно въ бостонской Публичной Библіотекѣ многимъ очень нравятся. Я лично нахожу, что въ области декоративной живописи геніальность его сквозитъ только мѣстами. Гораздо крупнѣе его заслуги въ области ландшафта, гдѣ онъ нерѣдко умѣетъ сочетать силу съ красотой.

Уистлеръ, со своей стороны, проявилъ вполнѣ оригинальное дарованіе въ области ландшафта, въ особенности, въ своихъ „Ноктюрнахъ" и „Симфоніяхъ". Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, „открылъ" красоту Темзы и показалъ въ своихъ „Ноктюрнахъ", какъ взоръ мечтателя превращаетъ въ „ночныя кампаниллы" высокія трубы заводовъ, выстроенныхъ на ея берегахъ. Мрачныя, словно погребальныя, баржи, мосты изъ царства грезъ, какой-то нездѣшній волшебный свѣтъ, все это онъ сумѣлъ воплотить на полотнѣ, и его ночные пейзажи — настоящіе ноктюрны, приближающіеся къ музыкѣ, по словамъ Уолтера Пэтера, насколько это вообще доступно живописи.

Уистлеру не разъ случалось яростно полемизировать съ художественными критиками, которыхъ онъ вообще не долюбливалъ. Всѣмъ памятенъ его судебный процессъ съ Джономъ Рескиномъ, котораго Уистлеру удалось свергнуть съ его дотолѣ никѣмъ не оспариваемаго трона. Въ критическомъ отчетѣ о выставкѣ, на которой фигурировалъ одинъ изъ первыхъ „Ноктюрновъ" Уистлера, Рескинъ обвинилъ Уистлера въ томъ, что онъ „швырнулъ въ физіономію публикѣ горшокъ съ красками". Уистлеръ за это выраженіе привлекъ его къ суду и выигралъ процессъ, доказавъ, что не онъ швырнулъ горшокъ съ краской въ лицо публики, а критикъ швырнулъ ей въ лицо банку съ чернилами.

Портретъ извѣстной англійской артистки Элленъ Терри въ роли лэди Макбетъ. *Дж. Сарджентъ.*

Политическое обозрѣніе.

Америка въ міровой войнѣ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты вступили въ міровую войну на тридцать третьемъ мѣсяцѣ. До тѣхъ поръ великая заатлантическая республика соблюдала строгій нейтралитетъ, несмотря на то, что волны гигантской борьбы народовъ неоднократно достигали береговъ Америки.

Въ широкихъ кругахъ европейскаго общества утвердилось поэтому убѣжденіе, что Соединенные Штаты до конца останутся нейтральными, и что на долю ихъ президента выпадетъ почетная и отвѣтственная роль посредника между воюющими державами.

Дѣйствительно президентъ Вильсонъ былъ какъ будто не прочь заработать себѣ лавры миротворца, подобныя тѣмъ, которыми увѣнчали президента Рузвельта за его участіе въ ликвидаціи русско-японской войны.

Когда въ декабрѣ 1916 года центральные монархи выступили со своимъ первымъ заявленіемъ о готовности къ открытію мирныхъ переговоровъ, президентъ Вильсонъ обратился къ воюющимъ съ офиціальнымъ предложеніемъ формулировать ихъ мирныя условія. Многіе склонны были видѣть въ этомъ обращеніи первый шагъ къ миру.

Мирная кампанія оборвалась въ 1916 году на извѣстной нотѣ державъ Согласія, въ которой союзники опредѣлили свои „цѣли войны". Однако это обстоятельство, видимо, не обезкуражило президента Вильсона, и еще въ слѣдующемъ январѣ

онъ изложилъ передъ сѣверо-американскимъ сенатомъ свою программу мира,—мира, основаннаго на соглашеніи свободныхъ народовъ, мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ.

Менѣе чѣмъ три мѣсяца спустя, 25 марта 1917 года, президентъ Вильсонъ подписалъ резолюцію конгресса съ объявленіемъ войны Германіи.

Только поверхностный наблюдатель могъ бы усмотрѣть въ такомъ поведеніи сѣверо-американскаго правительства какую-либо непослѣдовательность. Попытка посредничества въ 1916 году и вмѣшательство въ войну въ 1917 году, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, представляются со стороны Соединенныхъ Штатовъ только разными формами участія въ улаженіи мірового конфликта. Въ 1916 году президентъ Вильсонъ исходилъ изъ предположенія, что Германія окончательно поняла невозможность раздавить союзниковъ и продиктовать имъ условія „германскаго мира“, и искренно стремится къ обоюдно-пріемлемому компромиссу. Отвѣтъ Германіи, которая отказалась выставить опредѣленныя условія мира, показалъ ему, что онъ ошибся. Убѣдившись въ фактической неосуществимости мира „безъ побѣды“, президентъ Вильсонъ рѣшилъ обезпечить приближеніе мира, основаннаго на побѣдѣ. Разъ оказалась тщетной идея участія въ ликвидаціи войны путемъ посредничества, оставалось принять участіе въ ликвидаціи войны на сторонѣ одной изъ воюющихъ коалицій. Насчетъ выбора между центрально-европейской группой и группой державъ Согласія у президента Вильсона не могло быть колебаній. Мотивы какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго характера побуждаютъ вольнолюбивую, дѣятельную и жизнерадостную націю Соединенныхъ Штатовъ желать прочнаго, свободнаго правового порядка международныхъ отношеній. Побѣда же Германіи означала бы установленіе въ Европѣ, а затѣмъ и во всемъ мірѣ гегемоніи германскаго милитаризма. Поэтому, съ того момента, какъ Америка была вынуждена воевать, она могла воевать только на сторонѣ державъ Согласія.

Милліардная ставка дяди Сама на карту міра.

Наивные и близорукіе люди, разсуждая о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ въ этой войнѣ отдѣльными странами, часто думаютъ опорочить внѣшнюю политику той или другой страны, говоря: такая-то страна воюетъ вовсе не только за интересы человѣчества, но и за свои эгоистическіе интересы. Это очень смѣшное разсужденіе. Никакое государство не могло бы воевать только во имя интересовъ человѣчества, и разумная внѣшняя политика въ томъ и заключается, чтобы въ ней отстаиваніе національныхъ эгоистическихъ интересовъ сочеталось со служеніемъ интересамъ человѣчества. Тупо ставить въ вину Англіи, что она воюетъ не только въ защиту попраннаго Германіей нейтралитета Бельгіи, и не укоромъ, а величайшимъ комплиментомъ англійской внѣшней политикѣ является признаніе, что, участвуя въ войнѣ, она одновременно служитъ эгоистическимъ интересамъ Англіи и дѣлу прочнаго международнаго порядка. Такъ же обстоитъ дѣло и съ участіемъ въ войнѣ Америки. Конечно, Америка преслѣдуетъ при этомъ свои „личныя“ выгоды. Но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что отъ побѣды союзниковъ надъ Германіей выгадаетъ и все человѣчество. Если германскій милитаризмъ будетъ сокрушенъ, если притязаніямъ германскаго имперіализма будетъ положенъ предѣлъ, если, по крайней мѣрѣ, сила Германіи будетъ уравновѣшена другими міровыми силами, то, скажемъ, на этомъ „заработаетъ“ Америка. Но развѣ не ясно, что на этомъ въ то же время „заработаетъ“ и все человѣчество? Въ международной борьбѣ за существованіе, которую ведутъ коллективныя личности—государства, наблюдается то же самое, что и въ борьбѣ за существованіе отдѣльныхъ индивидовъ. „Внѣшнюю политику“ отдѣльнаго человѣка мы называемъ здоровой и честной, когда онъ успѣшно борется за существованіе въ рамкахъ права и справедливости. Такъ и оцѣнка внѣшней политики всякаго государства зависитъ отъ того, въ какой степени, оберегая его эгоистическіе интересы, она отвѣчаетъ тѣмъ „простымъ началамъ нравственности и права“, которыя, по слову Маркса, должны господствовать въ международныхъ отношеніяхъ. Внѣшняя политика Соединенныхъ Штатовъ, приведшая ихъ къ участію въ міровой войнѣ на сторонѣ державъ Согласія, удовлетворяетъ обоимъ этимъ требованіямъ. Это сильная, національная, честная и справедливая политика.

Присоединеніе Америки къ союзникамъ значительно увеличило силы антигерманской коалиціи. За время войны Европа оскудѣла золотомъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ скопились огромные золотые запасы. Это позволяетъ Америкѣ непрерывно щедрой рукой ссужать союзныя государства деньгами. Финансовая помощь Америки особенно важна для такихъ государствъ, какъ Бельгія, Сербія, Румынія. Современная война есть не только вооруженная борьба, но и промышленное состязаніе. Чудовищно развившаяся американская военная промышленность обезпечиваетъ изобильное снабженіе союзныхъ армій всѣмъ необходимымъ. Работа германскихъ подводныхъ лодокъ ставитъ чрезвычайно остро вопросъ о тоннажѣ, то-есть о торговыхъ судахъ для перевозки продовольственныхъ и воинскихъ грузовъ. Американскій торговый флотъ вмѣстѣ съ реквизированными Америкой вражескими судами обогащаетъ союзниковъ новыми морскими перевозочными средствами. Большія планеты имѣютъ своихъ спутниковъ, подчиненныхъ ихъ движеніямъ. Вступленіе Соединенныхъ Штатовъ въ войну повліяло на политику многихъ подчиненныхъ ихъ вліянію странъ. Республики Южной Америки, Китай, Сіамъ, Либерія, слѣдуя за Соединенными Штатами, порываютъ дипломатическія сношенія съ Германіей, или объявляютъ ей войну. Процессъ „изоляціи“ Германіи дѣлаетъ все новые и новые успѣхи. Но и непосредственное участіе вооруженныхъ силъ Америки въ войнѣ не слѣдуетъ преуменьшать. Американскій флотъ уже находится въ европейскихъ водахъ. Къ веснѣ американцы обѣщаютъ Англіи и Франціи милліонную сухопутную армію. А не даромъ было сказано, что исходъ войны рѣшитъ послѣдній брошенный на поле битвы милліонъ свѣжихъ войскъ.

Участіе Соединенныхъ Штатовъ въ войнѣ пріобрѣло для союзниковъ особую цѣну съ момента выхода изъ войны Россіи. Было бы смѣшно отрицать этотъ трагическій фактъ—Россійская Республика больше не воюетъ, и ея дезорганизованная армія скоро будетъ совсѣмъ снята со счетовъ войны. Но у Россійской Республики есть замѣстительница въ лицѣ Сѣверо-Американской Республики, съ ея безграничными богатствами моральной и матеріальной силы. Напряженіе національной энергіи Америки восполнитъ убыль, причиненную нашимъ дезертирствомъ, и выгоды, и почести, на которыя могли бы разсчитывать мы, достанутся—увы!—другимъ.

Проф. К. Соколовъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается соч. Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ книга 10.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

XLIX г. изданія.

Открыта подписка на 1918 г.

XLIX г. изданія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ и СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ", ВЪ СОСТАВЪ КОТОРЫХЪ ВОЙДЕТЪ:

первая серія ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **А. И. ГЕРЦЕНА,**

ВТОРАЯ серія ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **М. ГОРЬКАГО,**

запрещенныя военною цензурою СОЧИНЕНІЯ **В. КОРОЛЕНКО,**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ **БЕРАНЖЕ,**

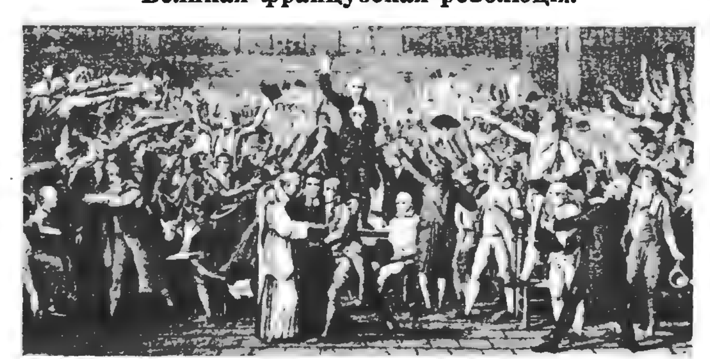
ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ (съ иллюстраціями) **Проф. Н. КАРѢЕВА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ со всѣми приложеніями съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи. . . **36 р.**

За границу—45 р.

Подписка принимается въ Петроградѣ въ Конторѣ „НИВЫ", УЛ. ГОГОЛЯ, 22.

Великая французская революція.



Присяга членовъ національнаго собранія не расходиться до установленія конституціи (17-го іюня 1789 г.).

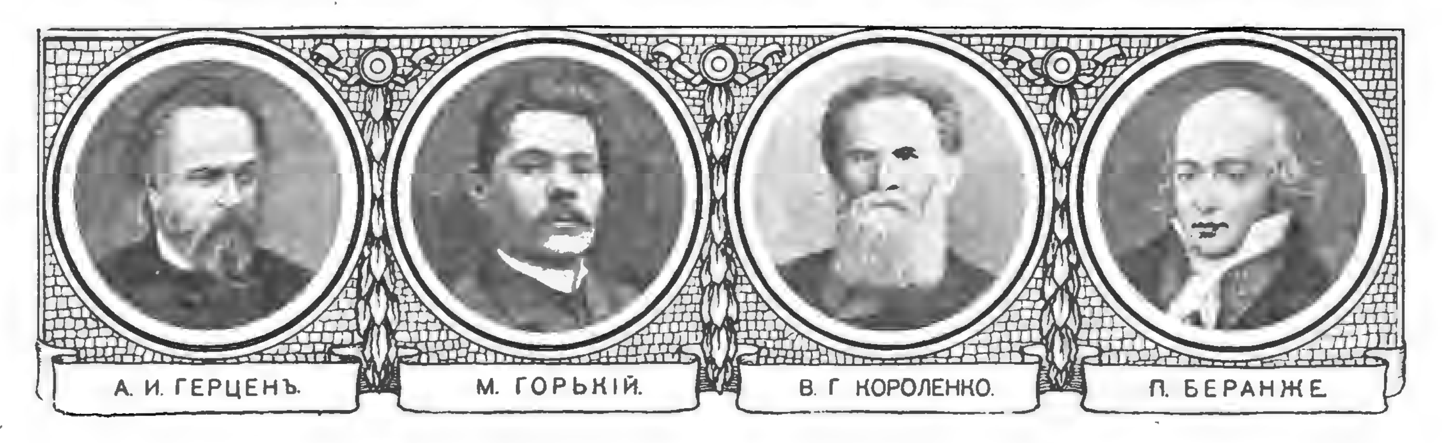
Допускается РАЗСРОЧКА платежа:

Въ 2 срока: (при подпискѣ 18 р. и 1 іюня 18 р.).

Въ 3 срока: (при подпискѣ 14 р., 1 апрѣля 12 р. и 1 августа 10 р.).

Въ 4 срока: (при подпискѣ 10 р., 1 марта 8 р., 1 іюня 10 р. и 1 августа 8 р.).

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается разсрочка платежа на еще болѣе льготныхъ условіяхъ.



(См. на оборотѣ).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 года.

Въ новыхъ, невиданныхъ условіяхъ вступаетъ „Нива“ въ канунъ своего полувѣкового существованія.

Великая, единая Россія разбилась на лагери, размежевалась на партіи. Высшія цѣли жизни гаснутъ во тьмѣ вражды и недовѣрія. Нѣтъ указующаго праведнаго свѣта—свѣта разума, свѣта знанія, культуры.

Только культура можетъ упрочить свободу, создать для нея въ массѣ крѣпкія основы, осуществленныя идеи разрушенія смѣнить идеями созиданія, государственнаго строительства.

Задачамъ народной культуры служитъ „Нива“ десятки лѣтъ, распространяя въ народѣ милліоны книгъ великихъ сѣятелей разумнаго, добраго, вѣчнаго. Они подняли умственный уровень народа и постепенно приблизили зарю свободы.

Теперь, когда все у насъ свободно: жизнь, слово, мысль,—первое зиждительное слово принадлежитъ тѣмъ великимъ зодчимъ свободы, которыхъ не могъ пока услышать народъ изъ-за цензурнаго запрета.

Первый крупнѣйшій среди нихъ — апостолъ русской свободы: **ГЕРЦЕНЪ.**

Имя это свято и дорого всѣмъ друзьямъ свободы, всѣмъ друзьямъ народа.

Олицетвореніе нашей народной совѣсти — Левъ Толстой незадолго до своей кончины призналъ несчастьемъ, что Герценъ остается сокрытымъ для Россіи.

И съ первыми лучами свободы „Нива“ сочла своимъ долгомъ, какъ логическое продолженіе своей общественно-просвѣтительной работы, дать своимъ читателямъ

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА

(первая серія), подъ редакціей **М. К. Лемке.**

Это будетъ первое полное, безъ всякихъ цензурныхъ сокращеній, изданіе сочиненій Герцена (Искандера).

Чрезъ „Ниву“ вернется на родину, въ широкіе слои народа этотъ великій эмигрантъ и принесетъ свои несмѣтныя духовныя сокровища родной странѣ, для которой до самой кончины оставался политическимъ изгнанникомъ.

Народный трибунъ, пылкій въ правдѣ и ошибкахъ, Герценъ, какъ политическій публицистъ, не имѣетъ себѣ у насъ равнаго. И не только въ Россіи: отецъ русской соціалъ-демократіи Г. В. Плехановъ считаетъ, что въ будущей критической исторіи международной соціалистической мысли Герценъ явится однимъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и блестящихъ представителей той переходной эпохи, когда соціализмъ стремился сдѣлаться „изъ утопіи наукой“.

Проницательная, скептическая мысль, сознаніе, ясное до предвидѣнія,—исключительная особенность Герцена: еще задолго до битвы при Садовой онъ предсказалъ крушеніе европейскихъ надеждъ 1848 года. Его знаменитая фраза: „Теперь, графъ Бисмаркъ, ваше дѣло, пожалуйте!“ предсказала не только неизбѣжную войну Германіи съ Франціей, но и побѣду Германіи. Она знаменательна въ наши дни, когда событія такъ зловѣще грозятъ повториться. Пророческія слова Герцена были смертнымъ приговоромъ Второй Имперіи, которую свергъ съ трона прусскій народный учитель.

Герценъ не признаетъ ни тѣни предразсудковъ, ни капли самообольщенія: чисто-русскій умъ, не знающій предѣла своей скептической работѣ, онъ стоитъ на стражѣ противъ всякой иллюзіи, вдохновенно творя лишь при голосѣ совѣсти.

Какъ своевремененъ и великъ этимъ Герценъ въ наши смутные дни, сколько свѣта внесетъ онъ въ „тьму низкихъ истинъ“, которыми пронзаютъ душу народа.

Кто знаетъ,—будь слово Герцена свободнымъ, не закрѣпощеннымъ подъ семью печатями цензуры,—можетъ-быть, не переживала бы русская свобода тѣхъ тяжкихъ мукъ, которыя достались ей.

Свободному Герцену, впервые открываемому нынѣ всей Россіи, во всей полнотѣ, предстоитъ второй разъ пережить то властительство думъ народа, которое было создано ему одной лишь стороной его дѣятельности,—изданіемъ его „Колокола“ съ знаменитымъ отдѣломъ въ немъ „Подъ судъ!“

Чичеринъ, говоря о колоссальномъ успѣхѣ „Колокола“, писалъ Герцену: „Положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ... Вы — сила, вы — власть въ государствѣ“.

Благовѣстъ „Колокола“ раздался еще до зари крестьянскаго раскрѣпощенія, но, будя Россію, этотъ революціонеръ въ душѣ понималъ трагическую нетороиливость исторіи, его перо не опережало рѣзца исторіи на скрижаляхъ судебъ народовъ.

По выраженію одного изъ критиковъ, Герценъ былъ „революціоннѣе революціи“, отвергалъ букву, плоть революціи и окрыленъ былъ ея духомъ, дышалъ ея сущностью.

Герценъ ищетъ путей свободы въ разумѣ и не вѣритъ въ насиліе: „Великіе перевороты, — говоритъ онъ, — не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей“.

Мы, русскіе люди, взыскующіе свободы, дѣлимся сейчасъ на рѣзкія партіи, и часто тщетны призывы тѣхъ, кто не видитъ спасенья внѣ единства. Но Герценъ, — это имя насъ соединяетъ.

„Онъ—нашъ“,—скажутъ съ полной искренностью соціалисты-народники всѣхъ оттѣнковъ, чтя въ Герценѣ источникъ народничества, обоснованія земельныхъ стремленій, культа общины, русскаго соціалистическаго мессіанизма.

Роднымъ по духу признаютъ Герцена и соціалъ-демократы за его страстное сочувствіе рабочему классу.

Близкимъ считаетъ Герцена и партія народной свободы... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея борцовъ—Ф. И. Родичевъ говоритъ, что партія его „признаетъ методъ Герцена своимъ методомъ, указанные имъ пути свободы въ разумѣ своимъ путемъ“.

„Да здравствуетъ разумъ!“—эти слова Пушкина поставилъ Герценъ на первой страницѣ своей „Полярной Звѣзды“.

Разумомъ убѣждаетъ Герценъ, стилемъ увлекаетъ.

Стиль Герцена — единственный въ нашей литературѣ. Такъ не писалъ никто ни до него ни послѣ него.

Особенность его—сжатость, сжатость Тацита. Рядъ мыслей—въ одномъ словѣ; въ одномъ эпитетѣ—намекъ на цѣлую доктрину.

На ряду съ этимъ Герценъ увлекаетъ чарующимъ потокомъ самоцвѣтныхъ словъ, неистощимой игрой остроумія. Его остроуміе имѣетъ самодовлѣющее значеніе. Отъ ракетъ его каламбуровъ содрогалась реальная русская тьма.

Ироникъ въ душѣ, Герценъ былъ и сентиментальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—умиленно-трогательнымъ.

Тонко уловилъ это „совмѣстительство“ Герцена критикъ Айхенвальдъ, сказавшій, что Герценъ любитъ все любящее, понимаетъ всѣ возрасты, женскую скорбь, таинство смертнаго одра, болѣзнь дѣтей, трудъ жизни, нѣжную красоту семейственности; романтикъ дружбы, поэтъ кузины, онъ бережно касается деликатныхъ струнъ, ему не далека ничья затаенная боль, онъ неравнодушно входитъ въ другія души, роднитъ съ тѣми, о комъ разсказываетъ, и въ свои мемуары, какъ живыя нити, вплелъ онъ многія чужія жизни, въ памяти потомства навѣки соединивъ ихъ съ самимъ собою...

У Герцена былъ трагически-красивый жизненный путь. Его біографія во всѣхъ подробностяхъ неразрывна съ исторіей русскаго общества, русской мысли и литературы. Онъ пережилъ

(См. слѣдующую страницу обложки).

столько исключительныхъ впечатлѣній и сумѣлъ ихъ такъ виртуозно воплотить въ яркіе образы, сочетавъ личное съ общимъ въ одну эпопею, что заинтересовалъ своимъ чужихъ, и эти его вдохновенныя художественныя страницы входятъ не только въ исторію русскаго романа, но и въ исторію Россіи, ея общественныхъ движеній.

Бѣлинскій, говоря о беллетристическихъ созданіяхъ Герцена, восторгается его умомъ, „осердеченнымъ“ гуманистическимъ направленіемъ и его оригинальностью.

Бездомный скиталецъ и подневольный эмигрантъ, Герценъ всю жизнь тянулся душой къ Россіи. Все написанное имъ пропитано внутренней, стихійной страстной любовью къ родинѣ. Подъ Парижемъ, въ Монморанси ему вспоминаются подмосковныя рощи. Въ предсмертной агоніи онъ бредитъ возвращеніемъ въ Россію. „Господствующей осью“, вокругъ которой вращалась его жизнь, было, по его же словамъ, „отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему... и желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбѣ“.

Это желаніе теперь исполнится. Весь онъ, въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, посмертно будетъ участвовать въ судьбахъ Россіи, на зарѣ ея Новой Исторіи

Великая эпоха въ жизни народа застала „Ниву“ въ ея просвѣтительной работѣ—широкомъ распространеніи въ народѣ произведеній нашихъ писателей — за начатымъ уже трудомъ: отвѣчая широкому желанію своихъ читателей, мы начали печатать въ истекающемъ году въ „Сборникѣ Нивы“ полное собраніе сочиненій популярнѣйшаго и современнѣйшаго изъ современныхъ писателей — Максима Горькаго. Заканчивая нынѣ печатаніемъ первую серію его сочиненій, мы уже напередъ опредѣлили, что слѣдующимъ приложеніемъ на будущій 1918 годъ будетъ—**вторая серія**

II. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО.

Настоящій годъ—юбилейный годъ литературной дѣятельности М. Горькаго. Только-что исполнилось 25-лѣтіе его литературной работы, начавшейся разсказомъ „Макаръ Чудра“, извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ. Лучшимъ увѣнчаніемъ художественнаго таланта „буревѣстника русской литературы“ было „возстановленіе“ его Академіей Наукъ въ правахъ почетнаго академика по разряду изящной словесности. Избранный много лѣтъ тому назадъ избранниками русской литературы и науки и насильственно, административно отстраненный отъ Академіи по „политическимъ соображеніямъ“, Горькій былъ однимъ изъ первыхъ, кому русская революція воздала должное, и Академія Наукъ украсила списокъ своихъ почетныхъ академиковъ именемъ знаменитаго писателя, завоевавшаго себѣ не только россійскую, но и міровую извѣстность.

Давъ уже въ прошломъ году характеристику могучаго таланта и указавъ первостепенное значеніе М. Горькаго въ ряду нашихъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ того, что въ наступающемъ году мы включимъ во вторую серію его художественныхъ произведеній:

Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.—Двадцать шесть и одна.—Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ.—Мѣщане.—На днѣ.—Дачники.—Дѣти солнца.—Варвары.—Враги.—Человѣкъ.—Тюрьма.—Букоемовъ Карпъ Ивановичъ.—Разсказъ Филиппа Васильевича.—Исповѣдь.—Жизнь ненужнаго человѣка.—Городокъ Окуровъ.—Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть въ 4-хъ частяхъ.—**Лѣто.** Повѣсть—**Мать.**

Если Горькій—современнѣйшій изъ современныхъ писателей по своимъ героямъ, по изображаемой имъ средѣ, являющейся той огромной Россіей, которая открылась теперь сама себѣ и изумленному міру, если Горькій—пѣвецъ народа, его буйныхъ низовъ, его степной вольницы, то прямой его противоположностью по основной нотѣ писательства является Короленко, крупнѣйшій представитель русской интеллигенціи, полный жгучаго, святого безпокойства жизни.

„Нива“ дала широкимъ читающимъ массамъ возможность познать Короленко и оцѣнить его творческій талантъ. Это было въ 1914 году, наканунѣ тяжкой войны. Давъ „Полное собраніе сочиненій“ В. Г. Короленко, мы были тогда лишены возможности помѣстить въ немъ рядъ произведеній, находившихся подъ запретомъ военной цензуры. Теперь, когда рушились эти путы, мы спѣшимъ дать подписчикамъ „Нивы“ на 1918 годъ въ дополненіе къ Полному Собранію Сочиненій эти

III. ЗАПРЕЩЕННЫЯ ЦЕНЗУРОЙ СОЧИНЕНІЯ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Въ вѣнецъ безсмертія писателя, какимъ является полное собраніе сочиненій, эти „запрещенныя“ сочиненія В. Г. Короленко вплетутъ новые лавры.

Особенность этихъ сочиненій въ томъ, что ихъ запретила военная цензура, возглавлявшая въ 1914 году обычную гражданскую цензуру. Дѣйствительно заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ основанія къ тому: **„Черты военнаго правосудія“** и **„Еще къ Чертамъ военнаго правосудія“.**

Это — художественные, до жути яркіе очерки „работы“ военныхъ судовъ, съ легкостью и безпечнымъ формализмомъ составлявшихъ обвинительные акты и предававшихъ „политическихъ“ военному суду.

Эти судилища отошли въ безвозвратное, дастъ Богъ, прошлое, не всѣ мы помнимъ тѣ страшные первые годы новаго вѣка, усѣявшіе глаголями висѣлицъ крѣпостные и тюремные застѣнки. Но это нужно помнить и не слѣдуетъ забывать, особенно сейчасъ, въ хаосѣ кровавой злобы.

„Бытовое явленіе“, которому Короленко придалъ скромное названіе: „Замѣтки публициста о смертной казни“, — сильная, бьющая по уму и воображенію картина большого мастера, показавшаго, какъ живутъ „смертники“, какъ проводятъ эти приговоренные къ казни оставшіеся короткіе дни передъ смертью.

„Будни смертниковъ“, „Иллюзіи и самоубійства“, „Послѣднія свиданія“, „Письма смертниковъ“—таковы яркія главы этой страшной поэмы кровавой прозы.

„Бытовое явленіе“ потрясло весь культурный міръ своей правдивостью. Въ немъ нѣтъ лишняго слова, паѳоса, возмущенія, — это собраніе человѣческихъ документовъ — дневниковъ „смертниковъ“, непосредственныхъ ихъ разсказовъ, предсмертныхъ писемъ заключенныхъ, ждавшихъ конфирмаціи приговора, но все это въ рукахъ такого большого мастера художественнаго слова, какъ Короленко, пріобрѣло силу, властность призыва къ человѣчности, братству, уваженію къ врагу.

Въ прямой жизненной связи съ этимъ выдающимся трудомъ въ области міроваго гуманизма находятся и остальныя произведенія Короленко, перечеркнутыя красными чернилами цензуры: **„Дѣло Глускера“**, **„О свободѣ печати“** (послѣ 17-го октября), **„Судебная рѣчь В. Г. Короленко“** и др.

Статья „О свободѣ печати“ имѣетъ сейчасъ животрепещущій интересъ, и если бы ея не написалъ нашъ маститый писатель тогда, то онъ написалъ бы ее теперь, когда съ такимъ трудомъ прокладываетъ себѣ путь въ русской жизни эта наиболѣе уязвимая изъ пяти свободъ.

Въ дополнительныя книги сочиненій В. Г. Короленко мы включимъ и **новѣйшія его произведенія, написанныя съ 1914 года.**

Рѣшивъ дать нашимъ подписчикамъ на 1918 г. сочиненія трехъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей—Герцена, Горькаго, Короленко,—мы остановили свой выборъ для библіотеки иностранныхъ писателей-классиковъ на великомъ пѣвцѣ свободы — **Беранже.**

(См. на оборотѣ).

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ

БЕРАНЖЕ.

Величавая фигура Беранже, какъ поэта-демократа, какъ политика и гражданина, какъ одного изъ творцовъ іюльской революціи во Франціи, какъ автора цѣлаго ряда сборниковъ патріотическихъ и сатирическихъ стихотвореній и пѣсенъ, подымавшихъ духъ Франціи, выразителя мыслей и чувствъ своего народа, его печалей, надеждъ, радостей, его подчасъ незлобиваго, подчасъ саркастическаго юмора,—эта фигура крупнѣйшаго лирика французской романтической школы еще мало извѣстна у насъ, въ новомъ „свободномъ" поколѣніи, для котораго отзвучали уже первые всплески народныхъ ликованій во Франціи, свидѣтелями которыхъ были наши отцы и дѣды.

Пѣсни Беранже—настольная книга каждаго свободнаго гражданина, и пусть отнынѣ войдутъ онѣ съ „Нивой" въ каждую русскую семью, во всѣ широкіе читающіе круги, которые обслуживаетъ „Нива", которые призваны творить новую народную жизнь.

Не даромъ стихотворенія Беранже называются *пѣснями:* Беранже придалъ пѣснѣ особое значеніе, какъ наиболѣе распространенному поэтическому творенію, и поднялъ ее на такую высоту, какой не зналъ до него ни одинъ народъ, ни одна литература.

Благодаря Беранже поэзія перестала быть привилегированнымъ достояніемъ богатыхъ и знатныхъ: онъ ввелъ ее чрезъ свои „Пѣсни" въ кругъ народа, приблизилъ къ сердцу тѣхъ „маленькихъ людей", которые создали великую свободу.

„Народъ—моя муза",—говоритъ Беранже.

Выходъ въ свѣтъ каждаго сборника пѣсенъ свободы Беранже искупалъ лишеніемъ свободы — заключеніемъ въ тюрьму и крупнымъ штрафомъ. За 4-й сборникъ „Chansons" онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 10.000 франковъ. Сумму эту быстро собрали для него друзья и почитатели.

Но чѣмъ большимъ преслѣдованіямъ и карамъ подвергали Беранже и его „Пѣсни", тѣмъ сильнѣе росла къ нему любовь народа.

Пѣсни Беранже были въ глазахъ народа орудіемъ политической борьбы; его то ироническіе, то бравурные припѣвы, заканчивавшіе куплеты, красовались девизами на знаменахъ народныхъ партій. Его пѣсни народъ зналъ наизусть, ихъ печатали на летучихъ листкахъ, безъ указанія автора, и продавали и раздавали изъ-подъ полы. Эти листки залетали далеко за предѣлы Франціи.

Беранже привлекаетъ къ себѣ душу народа не только своими яркими пѣснями на „гражданскіе мотивы", но и другими лирическими стихотвореніями, къ которымъ болѣе примѣнимо названіе: „пѣсенки", и трудно рѣшить, въ чемъ Беранже выше: какъ пѣвецъ свободы, или какъ пѣвецъ любви, радости жизни, какъ авторъ великихъ народныхъ пѣсенъ, которыя распѣваютъ въ каждомъ селеніи, забывъ даже имя автора, растворившагося въ широкомъ понятіи народнаго эпоса.

Пѣсни Беранже переведены на всѣ языки и живы и свѣжи сегодня такъ же, какъ и при его жизни, потому что пѣснь любви и свободы не умираетъ, какъ безсмертна сама любовь, какъ вѣчна идея свободы.

Пятымъ приложеніемъ къ „Нивѣ" на 1918 годъ будетъ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

V. Профессора **Н. И. КАРѢЕВА,** съ иллюстраціями и портретами.

Великая Французская Революція, въ исторіи которой одни ищутъ „уроковъ" для будущаго, другіе—образца для копированія революціонныхъ событій, — это великое политическое движеніе можетъ и должно дать указующія основы для уясненія охватившаго насъ настоящаго и, главное, оберечь отъ всѣхъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыя стали теперь ясны при свѣтѣ исторіи въ трудахъ лучшихъ государственныхъ умовъ за истекшее столѣтіе.

Исторія Великой Французской Революціи—та великая книга, которую долженъ познать каждый сознательный русскій гражданинъ, желающій быть свободнымъ строителемъ новой культурной жизни родины.

Въ сознаніи этого „Нива", неизмѣнно исполняя свои просвѣтительныя задачи, считаетъ своимъ долгомъ дать своимъ читателямъ на будущій 1918 годъ **„Исторію Великой Французской Революціи".** Желая сдѣлать Исторію доступной всѣмъ классамъ населенія и представить эту великую эпоху въ объективномъ освѣщеніи, мы не признали возможнымъ ограничиться переводомъ на русскій языкъ какой-либо изъ многочисленныхъ Исторій Революціи, а задумали издать самостоятельный оригинальный, написанный спеціально для „Нивы", трудъ и предложили его исполнить извѣстному русскому историку, спеціально изучившему „Исторію Западной Европы",—**профессору Н. И. Карѣеву.**

Таково литературное содержаніе книгъ „Сборника Нивы", которыя, чередуясь, составятъ съ иллюстрированными нумерами журнала богатый и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Иллюстрированные нумера будутъ попрежнему отражать нашу родную и міровую жизнь во всѣхъ ея преломленіяхъ и попрежнему сосредоточивать свое вниманіе на томъ, куда направлено вниманіе всего народа, гдѣ вершатся жизненные интересы страны, какъ государственнаго цѣлаго.

Единственный въ Россіи по распространенности, старѣйшій изъ существующихъ иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, приближаясь къ 50-лѣтію своего существованія, „Нива" приступаетъ къ осуществленію своей просвѣтительной задачи въ небывало трудныхъ условіяхъ не только политическихъ, но и матеріальныхъ: печатаніе періодическихъ изданій дорожаетъ съ каждымъ днемъ, и если непомѣрная дороговизна отразилась на всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, то въ печатномъ дѣлѣ и графическомъ искусствѣ повышеніе стоимости производства достигло совершенно необычайныхъ размѣровъ.

Печатный кризисъ пріостановилъ появленіе въ свѣтъ новыхъ книгъ. Народъ постепенно лишается свѣта. За отсутствіемъ притока новыхъ книгъ страшно возросъ спросъ на старыя книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ возросли цѣны на нихъ. Довольно сказать, что за Сборники „Нивы" прежнихъ лѣтъ, которые содержатъ полныя собранія сочиненій нашихъ писателей-классиковъ, платятъ удесятеренныя цѣны; напримѣръ, сочиненія Тургенева, Достоевскаго и др. (изданія „Нивы") стоятъ у букинистовъ по **100 рублей.**

Продолжая попрежнему давать своимъ подписчикамъ ежегодно десятки книгъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, „Нива" по самому характеру изданія, расходящагося по подпискѣ, не можетъ безубыточно для себя перекладывать все растущую дороговизну „себѣстоимости" на читателя путемъ постепеннаго увеличенія стоимости отдѣльныхъ нумеровъ. Всѣ мы знаемъ, что даже розничная цѣна газетъ повысилась въ 5—10 разъ, нумера еженедѣльныхъ журналовъ возросли въ цѣнѣ до рубля, а ежемѣсячныхъ до 5 рублей за книжку. „Нива" же, сверхъ стоимости книгъ Собраній Сочиненій писателей-классиковъ и нумеровъ иллюстрированнаго журнала, за одно авторское право уплатила сотни тысячъ рублей. Какова же должна быть подписная цѣна на „Ниву" при этихъ условіяхъ?

Мы вынуждены назначить повышенную подписную цѣну на будущій годъ—36 рублей съ пересылкой, надѣясь на то, что нашъ читатель, комплектующійся главнымъ образомъ изъ трудовой среды, пойметъ необходимость повышенія подписной цѣны и справедливо оцѣнитъ ея умѣренность.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

№ 46-47. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 18 ноября 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14** р., на 1/2 года—**7** р., на 1/4 года—**3** р. **50** к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Роща.

То въ лѣтніе одѣтая шелка,
То въ горностаевомъ зимы уборѣ,
Она шумѣла долгіе вѣка
На гордо-величавомъ косогорѣ.
Ей первой солнце теплые лучи
Весной струило съ голубой дороги,
И дальнихъ странъ привѣтъ несли грачи,
Минуя селъ смиренные пороги.
Еще, бывало, тихо по полямъ,
А въ ней уже грозы рокочетъ эхо...
Росли дубы... И много было тамъ
И ландышей, и пѣнія, и смѣха.
А въ пору тьмы и лютыхъ холодовъ,
Встрѣчая грудью вихри снѣговые,
Стояла крѣпко рать сѣдыхъ дубовъ,
Не гнулась рощи вѣковая выя.
У пятъ ея, какъ чахлый мухоморъ,
Казалось, смерть разинуть рта не смѣла...
... Но человѣкъ съ полей принесъ топоръ—
И роща, падая, прощально зашумѣла...
Года текли... Мѣняла жизнь укладъ...
Ареною для битвы благородной
Трибуна и скамей дубовыхъ рядъ
Воздвигнуты въ палатѣ всенародной.
Великій часъ... Избранника чело
Надъ темною трибуной засіяло,
Добро свой стягъ высоко подняло,
Святая истина сняла забрало,—
И мощный шумъ, шумъ рощи вѣковой,
Что отзвучалъ на гордомъ косогорѣ,
Будя сердца, вдругъ ожилъ надъ толпой,
На радость честному, лжецу на горе.
И словно ландыши вздохнули тамъ
Жемчужной свѣжестью лучамъ навстрѣчу,
И богъ сіяющій, богъ утра самъ
Съ тѣнями ночи поднялъ сѣчу.

О, вы, чей доблестью сіяетъ взоръ,
Чья грудь исполнена огня и мощи,
На стражѣ будьте, чтобъ опять топоръ
Не погубилъ великой нашей рощи!

Алексѣй Липецкій.

„Совѣтъ пяти". *Н. Ф. Петровъ.*

Награда лучшихъ.

Повѣсть **Марка Криницкаго.**

(Продолженіе).

VII.

Никогда еще такъ долго и медленно не играли въ карты. Катѣ было странно, что гдѣ-то ночь и люди спятъ. Она разговаривала съ женою Стекольникова. Эта женщина была когда-то хороша собою, и сейчасъ ея густыя, соболиныя брови надъ карими глазами съ большими загнутыми рѣсницами смотрѣли удивленно съ ея лица, заплывшаго и пожелтѣвшаго. Она сидѣла, обхвативъ толстыми руками грузный животъ, изъ котораго вышло цѣлое поколѣніе. Глаза ея отражали испугъ и усталость. Ея тѣло казалось больнымъ, но она тщательно, съ нищенскою роскошью нарядила его въ свѣтло-сѣрый поплинъ. Жалкія золотыя проволочныя кольца врѣзывались въ ея пухлые пальцы, и наивныя сережки съ поддѣльными изумрудами, прокалывавшія мочки ушей, дѣлали ея голову съ сильно выпуклымъ лбомъ похожею на голову большого ребенка.

Другія дамы играли въ карты. Такъ какъ въ этой комнатѣ было обыкновенно свѣжо, то онѣ запаслись дома вязаными платками. Свѣчи оплывали отъ человѣческаго дыханія, и лица у всѣхъ играющихъ казались старѣе обыкновеннаго. Викентій Викентьевичъ внесъ самоваръ. Катѣ показалось, что онъ дѣлаетъ ей таинственные знаки. За его спиной почудилась странная тишина.

Катя стремительно поднялась. Мелькнули изумленные каріе глаза. Но она уже не думала ни о чемъ.

Въ коридорѣ ударило холодомъ въ ноги.

— Заприте дверь! — крикнулъ сзади голосъ отца.

— Одѣньтесь, — тихо сказалъ Викентій Викентьевичъ, который шелъ слѣдомъ за ней.

Катю удивила полуотворенная входная дверь. Не спрашивая ни о чемъ Викентія Викентьевича, она сорвала съ гвоздя шаль и закутала голову и плечи. Оба безмолвно понимали другъ друга. Шагнувъ въ сѣнцы и тихо притворивъ за собою дверь, она сейчасъ же различила на ступенькахъ крыльца силуэтъ Володи. Онъ сидѣлъ понурившись, и задняя часть воротника его шинели пустымъ угломъ торчала кверху.

— Вотъ,—сказалъ еще разъ Викентій Викентьевичъ.

— Что съ нимъ?—дрожа, шепнула Катя.

Она поняла, что съ Володей что-то страшное.

— Ну, вы развѣ не видите?

Только сейчасъ Катя почувствовала, что Викентій Викентьевичъ тащитъ ее за руку насильно за собой. Катя вырвала руку, продолжая дрожать.

— Ради Бога, что съ нимъ?

— Ничего серьезнаго... Выпивши... Но это гораздо серьезнѣе...

А Володя продолжалъ сидѣть неподвижно, точно придавленный чѣмъ-то сверху.

— Я умоляю васъ... Что сдѣлать?—шептала Катя.

Ей казалось, что вотъ отворится дверь, и войдутъ всѣ.

„Я не должна терять самообладанія",—убѣждала она себя, но зубы выбивали частую дробь, и хотѣлось кричать и биться, какъ тогда, когда заболѣлъ отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду,—говорила она.—Я васъ только умоляю: спасите его, спасите. Скажите, что надо сдѣлать. Я понимаю все.

Викентій Викентьевичъ нагнулся надъ Володей и пошевелилъ его за плечо.

— Владиміръ Васильевичъ...

Володя мотнулъ головой и опять понурился.

— Что вы думаете дѣлать съ нимъ?

На своемъ лицѣ она почувствовала жаркое и тяжелое дыханіе Викентія Викентьевича. Ей показалось даже, что она увидѣла его расширенные глаза.

— Обыскать,—гулко вошелъ ей въ ухо его шопотъ.

Онъ чиркнулъ спичкой, и Катя увидѣла его дрожащую сморщенную руку, густую, рыжую, запутанную бороду и сейчасъ странный бѣлый воротничокъ глаженной манишки. Неподвижный стриженный затылокъ Володиной головы выступилъ и пропалъ.

— Зачѣмъ обыскать?—сказала она, и въ предложеніи Викентія Викентьевича ей почудилось что-то гнусное.—Я не позволю. Какъ вамъ не стыдно?

Но онъ опять нагнулся къ уху, и опять жаромъ обдало ей лицо.

— Пока, до полиціи.

И вдругъ сдѣлалось стыдно за себя. Вдругъ Викентій Викентьевичъ показался самымъ близкимъ. Она точно слышала подъ крахмальной манишкой его быстро бьющееся сердце, такое же горячее, какъ и его дыханіе.

— Простите меня,—сказала она.

— Ничего.

И, кряхтя, онъ снова нагнулся надъ Володей.

— Но какъ же? Разстегнуть ему пальто?

За дверью въ коридорѣ точно звучали шаги.

Викентій Викентьевичъ говорилъ, нагнувшись:

— Владиміръ Васильевичъ, она пришла.

Володина голова откинулась.

Въ пути изъ отпуска. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *М. Балунинъ.*

— Кто? Почему? Зачѣмъ она пришла?—спросилъ онъ пьянымъ голосомъ.

Викентій Викентьевичъ опять чиркнулъ спичкой, но вѣтеръ тотчасъ задулъ огонь.

— Сестра милосердія!—сказалъ Володя.—Отчего ты не сестра милосердія?

Подавляя брезгливость, Катя тоже пригнулась къ нему. Она не знала, что сказать, и сказала:

— Володенька, что съ тобой?

— Что со мной? Я пьянъ.

Онъ размѣялся икающимъ смѣхомъ, но въ голосѣ его была странная разсудительность.

— На краденыя деньги... Не угодно ли?

Онъ вдругъ поднялъ голову и правый локоть и толкнулъ Викентія Викентьевича.

— Оставь! Не тебѣ. Ты двухъ женъ заколотилъ. Правда? Отъ тебя пахнетъ, рыжій чортъ. Катька, возьми деньги. Онъ своихъ женъ заколотилъ.

Катя почувствовала на ладони смятую пачку мокрыхъ кредитокъ.

— Берите же,—шепнулъ Викентій Викентьевичъ.

Володя зажалъ кредитки въ кулакъ.

— А... Когда такъ...

И вдругъ Катя поняла, что это главное. Она вцѣпилась пальцами въ его мокрый рукавъ.

— Володенька, отдай.

— Ты мнѣ скажи сначала, отчего ты не сестра милосердія. Ты говоришь, ты добрая? А я злой. Зачѣмъ ты пришла? Ты скажи мнѣ: ты добрая?

Онъ вырвалъ свой кулакъ и швырнулъ деньги на грязную лѣстницу.

Тревожныя вѣсти. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *П. Владиміровъ.*

Онъ сначала отворилъ дверь и выглянулъ. Въ коридорѣ было пусто. Изъ столовой доносилось ровное гудѣніе голосовъ.

— Вотъ такъ!.. Тихо...

Володя остановился на порогѣ и сказалъ:

— Ловко!

Потомъ вырвался изъ рукъ, широко шагнулъ и, вдругъ наклонившись впередъ, упалъ и растянулся на порогѣ. Онъ хныкалъ, упираясь, и бормоталъ:

— Не пойду. Съ какой стати? Несите меня въ лодкѣ.

Викентій Викентьевичъ, пыхтя, старался схватить его подъ мышки...

И вдругъ Катя вздрогнула всѣмъ существомъ. Она даже не сразу поняла, что̀ это. Кто-то крикнулъ дико и страшно. Отчетливо выдѣляясь, мелькнуло сбоку отъ кухни сѣрое поплиновое платье. Толстыя мясистыя руки вскинулись кверху въ истерической дрожи. Стекольникова бѣжала по коридору, собравъ подолъ платья, и только бѣлѣли ея круглыя большія икры въ чулкахъ.

— Ну,—сказалъ нахмуренно Викентій Викентьевичъ,—о деньгахъ никому. Потомъ зайду къ вамъ.

Катя отвѣтила ему благодарнымъ кивкомъ головы, и вдругъ почему-то явилась опять та же увѣренность, что Викентій Викентьевичъ непремѣнно сдѣлаетъ все. Она не знала, какъ и почему, и только было странно, что вотъ жили вмѣстѣ бокъ-о-бокъ одинъ возлѣ другого нѣсколько лѣтъ и совершенно не знали другъ друга. А теперь она знала, и притомъ знала совершенно навѣрно, что Викентій Викентьевичъ просто хорошій человѣкъ, хотя и говорятъ, что онъ заколотилъ двухъ женъ. И глаза у него робкіе и круглые, а красныя вѣки глазъ непріятно гноятся.

Володя лежалъ неподвижно, какъ трупъ. Съ отвращеніемъ Катя почувствовала, что онъ спитъ. Но уже бѣжали по коридору, встревоженные крикомъ Стекольниковой. Кто-то, урезонивая и браня ее, хваталъ ее за руки, но она билась, вырывалась и пронзительно голосила:

— Охъ, уведите меня отсюда, голубчики, уведите меня. Глянула: лежитъ. Голубчики, уведите! Милые, уведите!

Отецъ подошелъ и строго спросилъ Викентія Викентьевича, точно это онъ во всемъ былъ виноватъ:

— Вотъ вамъ ваши деньги. Получайте.

Викентій Викентьевичъ, зажигая спички, шарилъ по лѣстницѣ и наконецъ сказалъ успокоительно:

— Нашелъ.

— Ты нашелъ?—разсмѣялся Володя, какъ смѣются всѣ пьяные.—Ты глупъ. Хочешь пощупать карманъ?

Онъ отвернулъ полу шинели и выставилъ ногу. Катя ощупала твердое содержимое кармана.

— Я же сказалъ: громила.

Онъ судорожно засмѣялся.

— Теперь меня повѣсьте. Гдѣ судебные слѣдователи? Позвать ихъ. Ихъ много надо мной. Господинъ Стекольниковъ, соціалъ-демократъ. Я ограбилъ и укралъ деньги. Собственность есть кража.

Катя ощупала отверстіе кармана. Теперь руки ея больше не дрожали. Она понимала, что у Викентія Викентьевича есть свой планъ, и вѣрила ему.

— Все?—спросила она, вынувъ нѣсколько туго-перевязанныхъ пачекъ.—Володенька, милый, скажи—это все?

Она не выдержала и заплакала, прижавшись лбомъ къ его мокрому, пахнущему потомъ, теплому виску. Повѣяло далекимъ прошлымъ. Онъ показался ей опять маленькимъ-маленькимъ, какого она няньчила когда-то.

— Сестра милосердія,—сказалъ Володя.—Ну, безъ нѣжностей. Я не желаю.

Вырываясь, онъ началъ приподниматься и чуть не упалъ. Катя не знала, куда дѣть эти грязныя пачки. Поколебалась и опустила ихъ за вырѣзъ ворота. Отвратительныя и холодныя, онѣ прилипли къ кожѣ. Викентій Викентьевичъ трясъ Володю за плечо.

— Владиміръ Васильевичъ, гдѣ у васъ еще?

Но Володя точно размякъ и шатался изъ стороны въ сторону. Разводя руками, онъ смѣялся хитрымъ пьянымъ смѣхомъ.

— Ищите и обрящете.

И было страшно видѣть, какъ Викентій Викентьевичъ сталъ поочередно выворачивать у него всѣ карманы. Подъ конецъ онъ сказалъ грубо:

— Идемъ спать, и... тихо. Сюда... Вотъ такъ... Тихо.

Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *Т. Катуркинъ.*

— Что это?

Викентій Викентьевичъ бормоталъ:

— Дурно стало. Выходилъ на крыльцо.

— Пустите...

Это проталкивалась мама. Метнулась ея худенькая согнутая спина.

Упавъ, она прильнула къ Володиной головѣ, похожая на большую сѣрую вздрагивающую куропатку.

— Кровь...

Она показала ладонь, которою провела по стриженной головѣ. Наступило молчаніе, и только ползала на колѣняхъ одна мама.

— Затворили бы дверь,—сказалъ кто-то.

Неожиданно Володя всхрапнулъ.

— Онъ пьянъ,—сказалъ рѣзко отецъ.

Тотъ, кто сказалъ, что надо затворить дверь, разсмѣялся. Точно во снѣ, Катя видѣла, какъ отецъ занесъ ногу, и какъ мама тотчасъ же вцѣпилась въ нее и повисла на ней.

Болѣе отчетливо Катя помнила, что стояла у вѣшалки и видѣла, какъ Стекольникова, которую одѣвалъ мужъ, всхлипывая, надѣвала черное пальто. Володю кто-то поставилъ на ноги, и всѣ разошлись. Сдѣлалось вдругъ страшно пусто. На порогѣ своей комнаты Володя мучительно перегнулся. Около него хлопотали мама и Викентій Викентьевичъ. Послышались звуки рвоты.

— Ради Бога!—кричала Стекольникова, торопясь къ двери.

Катя слышала еще, какъ мама обернулась къ ней:

— Что ужъ очень благородныхъ изъ себя разыгрываете? Обѣдаете изъ одного котла деревянными ложками.

— Хамка! — крикнула Стекольникова.

Мужъ ея, боявшійся простуды, кашлянулъ и поднялъ воротникъ пальто.

— Отъ хамовъ слышу! — успѣла еще крикнуть мама, и Стекольниковы скрылись.

VIII.

Остальное, что было въ этотъ вечеръ, вспоминалось съ болѣзненною дрожью и притомъ по частямъ. Закутанная въ шаль и не раздѣваясь, Катя лежала на постели съ тяжелою рѣжущею болью въ затылкѣ. Только когда ушелъ Викентій Викентьевичъ, который прокрался къ ней уже подъ утро и такъ же неслышно исчезъ, унеся деньги, вдругъ сдѣлалось пусто, и все хотѣлось что-то себѣ уяснить.

Она понимала, что это—„уголовное“, и за это тюрьма. Но попрежнему вѣрилось, что Викентій Викентьевичъ что-то сдѣлаетъ.

Вдругъ припомнилось, какъ Сергѣй Сергѣевичъ пожелалъ взглянуть на Володю:

— Однакоже, гдѣ онъ могъ раздобыть деньги? —спросилъ онъ при этомъ.

— Что, ужъ не ваши ли взялъ?—грубо спросила мама.—Нате, ищите... Вотъ его одежда.

И Катя поняла тогда, насколько мама была далека отъ подозрѣній.

— Зачѣмъ же искать?—отвѣтилъ онъ, но одежду взялъ и поочередно вывернулъ карманы, при этомъ сказалъ:—А карманы уже выворачивали. Трудно по нонѣшнему времени съ молодежью.

Онъ пронзительно и долго смотрѣлъ на Володю, который лежалъ на спинѣ съ блѣднымъ лицомъ и синяками подъ глазами, и вдругъ прибавилъ:

— А все-таки вы простите, я заявлю въ полицію. Четыреста восемьдесятъ рублей, это—деньги.

— Заявляй,—сказалъ отецъ отъ двери.

А ей все казалось, что теперь Сергѣй Сергѣевичъ непремѣнно взглянетъ на нее и притомъ именно ей на грудь, гдѣ у нея были запрятаны деньги, и тогда все сразу же станетъ ясно. Она вышла въ коридоръ, прислонилась спиной и затылкомъ къ стѣнѣ и не слышала, какъ вышелъ вслѣдъ за нею и онъ. Она поняла это, только увидѣвъ передъ собой его голубые глаза и коротко подстриженные усы.

— Катерина Васильевна,—говорилъ онъ,—вы же справедливая. Скажите сами: вѣдь ключи были у него въ рукахъ? Оставьте, Василій Өедоровичъ. Я разсуждаю по-домашнему, безъ постороннихъ свидѣтелевъ. Вамъ дорогъ, конечно, вашъ сынъ, а мнѣ, извините, дороги мои деньги. Въ своемъ я правѣ ай нѣтъ? Вотъ пусть скажутъ Катерина Васильевна.

И, чтобы не упасть въ обморокъ, она считала про себя до двадцати, потомъ опять сначала. Если она упадетъ въ обморокъ, тогда откроютъ деньги.

А онъ стоялъ и все говорилъ, и въ голубыхъ глазахъ, маленькихъ и насмѣшливыхъ, она читала гадкое расположеніе къ себѣ, но оторваться и уйти не могла. И ей хотѣлось, чтобы онъ смотрѣлъ и говорилъ еще. Но онъ покачалъ съ усмѣшкой головою, точно угадалъ все, вздохнулъ и пошелъ. И пока его круглой фигуры не проглотила дверь, она все стояла и чего-то ждала.

Ждала еще и сейчасъ и не находила мѣста. Принималась считать, доходила до двадцати и начинала опять сначала.

Уже разсвѣло, когда, точно отъ внезапнаго толчка, она пришла въ себя. Вспомнила обычное, утреннее, гимназическое и схватилась за часы. И было странно, что встанетъ, умоется и пойдетъ въ гимназію. Часы показывали половину седьмого, но уже не хотѣлось спать. Почудилось, что кто-то словно дышитъ или стоитъ за дверью. Слышно было, что въ домѣ еще никто не вставалъ, даже мама. И опять точно скрипнула половица, или кто-то коснулся рукой до скобки двери.

— Кто тамъ? — слабо спросила она.

И тотчасъ отворилась дверь. Проснулся Володя. И это опять было такъ, какъ будто она его ждала. Онъ былъ безъ куртки, На рубашкѣ темнѣли помочи. Онъ осторожно затворилъ за собою дверь и, тихо ступая, подошелъ. Лицо было сѣрое, опухшее, волосы взъерошенные. Ей показалось, что онъ еще пьянъ или въ странномъ бреду, и тревожно его окликнула:

— Отчего ты не спишь? Ты что?

Онъ остановился, спрятавъ руки кулаками въ карманы. Бѣлые его глаза смотрѣли пристально, не мигая. Оглянувшись быстро на дверь, онъ сказалъ, и голосъ у него былъ сиплый:

— Отдай мнѣ деньги.

Онъ ежился отъ утренняго холода и опять бѣгло взглянулъ на дверь. И Катя видѣла, что глаза его смотрѣли плохо, въ разныя стороны, и оттого казались косыми. И ее била дрожь не то отъ утренней слабости, не то отъ озноба. Онъ повторилъ еще разъ, все такъ же кося глазами. Стоялъ, чуть подавшись впередъ и вывернувъ локти.

— Отдай мнѣ мои деньги. Слышишь?

Нагнувъ лобъ, онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, точно собираясь внезапно броситься. Изо рта, чуть пріоткрытаго, вылетало сиплое неровное дыханіе. Ей показалось, что онъ все еще бредитъ со сна, и потому стало жутко. Володя, повернувшись къ ней бокомъ, взглянулъ торопливо на дверь.

— Отдай мнѣ мои деньги.

И вдругъ нагнулся и, точно кошка, бросился и схватилъ ее за руки, какъ клещами. Навалился и хотѣлъ придавить ее грудью.

— Отдай мнѣ мои деньги! — хрипѣлъ онъ, выворачивая ей руки.

Она вскрикнула. А онъ повторялъ, какъ въ бреду, одну фразу:

Академикъ скульптуры Артемій Лаврентьевичъ Оберъ (✝ 4-го октября с. г.).

Молодой лось. *А. Оберъ.*

— Слышишь? Отдай мои деньги.
— У меня нѣтъ ихъ, — сказала она, пробуя оттолкнуть его и чувствуя, что сейчасъ вскрикнетъ на весь домъ отъ боли, отъ страха и еще отъ чего-то, что хуже и больше, чѣмъ страхъ. — Пусти меня. Я закричу.
Но онъ хрипѣлъ ей прямо въ ротъ сквернымъ, зловоннымъ дыханіемъ:
— У кого? Говори.
Онъ вывернулъ ей лѣвую руку у кисти, и оттого она пронзительно крикнула. Но онъ схватилъ ее за горло и сталъ душить.
— Не скажешь? Не скажешь? Молись.
Больше испытывая отвращеніе, она отвѣтила:
— Я отдала ихъ. Ты все равно ихъ не получишь.
Передохнула и хотѣла крикнуть еще разъ, но онъ нажалъ на горловой хрящъ, и она закашлялась. Вдругъ поняла, что задушитъ, и сказала черезъ силу:
— У Викентія... Пусти.
Онъ отпустилъ руки, и ей показалось, что онъ вскочилъ и раздумываетъ. Вдругъ хлопнула дверь. Она въ страхѣ поднялась, думая, что это мама или отецъ, но въ комнатѣ никого не было. И все было похоже на сонъ. Но еще болѣла вывернутая въ кисти рука и саднило помятое горло.
Дрожа, она вскочила и заперла дверь на крючокъ: казалось, что онъ сейчасъ вернется, чтобы ее убить. И такъ и осталась у двери, нажимая пальцами крючокъ.
Слышно было, какъ онъ ходилъ. Должно-быть, пошелъ къ Викентію Викентьевичу.
Вдругъ подумала, что не заперты на окнѣ задвижки, и бросилась къ окну. Но задвижки были заперты.
— Мама! — позвала она слабо черезъ дверь.
Но горло не слушалось и саднило.
— Мама! — повторила еще разъ, жалобно, зная, что не сможетъ, не посмѣетъ ей всего сказать.
Дверь задергалась снаружи, сначала осторожно, потомъ съ силою.
— Отвори! — сказалъ тихій, но приказательный голосъ Володи. — Хуже будетъ.
Показалось, что комната вертится. Дверь покрылась большими желтыми пятнами и все дергалась.
— Мамочка! — закричала Катя пронзительно. — Папа!
И кричала долго, упавъ колѣнями на полъ и до неистовой боли вцѣпившись пальцами въ крючокъ.
А онъ что-то говорилъ въ дверь то громче, то тише. Наконецъ она поняла, что это голосъ отца.
— Я не понимаю. У нея дверь заперта.
Онъ рванулъ дверь, и крючокъ, звонко щелкнувъ, отлетѣлъ вмѣстѣ съ петлей. Катя упала впередъ отъ толчка.
— Что съ тобой?
Онъ оглядывался въ комнатѣ. За его спиной стояли испуганныя мама и Марья.
— Мнѣ показалось, что ко мнѣ кто-то ломится, — сказала Катя, трясясь.
— Господи Іисусе! — вскрикнула Марья. — Дверь-то у насъ и впрямь расперши.
Мама бросилась къ комнатѣ Володи.
— Ушелъ!
— Ушелъ? — переспросилъ отецъ. — А Викентій гдѣ?
— Онъ еще не вставалъ, — сказала Марья и заглянула къ нему въ дверь: — Господи Іисусе, да и онъ ушомши. И дверь оба расперли.
Отецъ внимательно осмотрѣлъ всѣ углы въ квартирѣ и, вернувшись, сказалъ:
— Нѣтъ нигдѣ разбойниковъ. А подлецовъ много.
Уже совсѣмъ разсвѣло.
— Дайте мнѣ горячаго чаю, — попросила Катя.
Дрожь еще продолжала бить, но она уже успокоилась. Ей хотѣлось вѣрить, что Викентій Викентьевичъ что-нибудь придумаетъ.

IX.

Въ гимназію она пришла подъ дождемъ, шлепая по лужамъ. Городъ былъ расположенъ въ низкой болотистой мѣстности и каждую осень дѣлался похожъ на Венецію. Не спасали и многочисленныя водосточныя канавки съ перекинутыми деревянными мостиками и дощатыми настилками тротуаровъ.
Звуки гимназіи показались ей сегодня особенно отчетливо-громкими. Въ головѣ было мутно, и дрожали руки. Торопливо раздѣвшись, она прошла въ учительскую и тотчасъ же, сгорбившись, усѣлась за тетради. То, что случилось вчера ночью и сегодня утромъ, продолжало ей казаться дурнымъ сномъ. Болѣло темя. При поворотахъ шеи и при глотаніи саднило горло. Пылало лицо. Она вздрагивала. Вспоминала съ болѣзненной отчетливостью то одно, то другое, зажмуривала на моментъ глаза и опять погружалась въ поправленіе тетрадей.
Иногда противъ воли мысль ея упрямо сосредоточивалась на деньгахъ, отнятыхъ у Володи. Не должна ли она была отдать ихъ тогда же Сергѣю Сергѣевичу? И куда внезапно исчезли Володя и Викентій Викентьевичъ?
— Что съ вами? — спросила изумленно сѣдая учительница Софья Григорьевна, выпуская изъ ноздрей густые клубы дыма.
Ея маленькіе глазки, внимательно прищуренные, остановились на Катиномъ лицѣ. Въ растопыренныхъ пальцахъ она держала окурокъ папиросы.
Катя почувствовала, какъ горячая кровь новою волною прилила ей къ лицу. Она подумала, что скоро о происшествіи въ ихъ домѣ узнаютъ всѣ, и вдругъ представилось, что всѣ слышали вопросъ Софьи Григорьевны и повернули къ ней головы. Болѣзненный стыдъ исказилъ и стянулъ ея горящее лицо. Она выпу-

Медвѣжата. *А. Оберъ.*

стила изъ рукъ тетрадь и съ отчаяніемъ посмотрѣла на старую учительницу.

Глаза Софьи Григорьевны испуганно забѣгали. Подавившись дымомъ, она закашлялась и, забормотавъ, отошла.

„Все равно, — подумала Катя, — завтра узнаютъ всё“.

И ей уже представилось, какъ къ нимъ въ домъ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, приходитъ полиція и уводитъ Володю. Она уже раскаивалась, что пришла сегодня въ гимназію. Уткнувшись горящимъ лицомъ въ тетрадь, она боялась повернуть голову.

Въ учительской собравшіеся вели оживленный разговоръ. Сегодняшнею темою былъ неожиданный по этому времени проливной дождь, который затопилъ всѣ улицы. И было мучительно завидно, что другіе люди могутъ разговаривать и даже весело смѣяться. Горшковъ былъ крайне недоволенъ устройствомъ водостока на Хлѣбной площади. Онъ говорилъ, притворно возмущаясь:

— Я просто заведу себѣ утокъ, и онѣ будутъ у меня плавать цѣлую осень по всей Хлѣбной площади. Ей-Богу.

— Уд-дивительно! — спорилъ съ нимъ его всегдашній партнеръ Южный, франтовато расчесывая маленькимъ гребешочкомъ длинную, шелковую, сѣдую бородку.—Вы бы, навѣрное, хотѣли, чтобы городская управа подняла площадь города на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря.

— Ужъ тамъ подняла бы или нѣтъ, дѣло неизвѣстное, — говорилъ Горшковъ,—а только противъ дома господина городского головы Охлобыстина всегда сухо, хоть въ бильярдъ играй.

— Онъ все сумѣетъ использовать,—сказалъ Дзюбинскій о Горшковѣ, раздвигая свои половинки усовъ и показывая зубы.

— Конечно, все,— соглашался съ вызовомъ Горшковъ. — У насъ на дачѣ стояло старое хозяйское фортепіано... краснаго дерева... такъ я на немъ въ жару спалъ. Ей-Богу. Широко, просторно, много воздуху, и... клоповъ въ немъ нѣту. Ночью повернешься, а внутри — дзинь! Играетъ...

Эскизъ памятника Бельгіи— королю Альберту. *А. Оберъ.*

Дзюбинскій визгливо хохоталъ. Почему-то разсказъ Горшкова показался ему особенно забавнымъ.

Вошелъ батюшка и неожиданно сказалъ осипшимъ, простуженнымъ голосомъ:

— Господа, прахъ прибудетъ послѣзавтра утромъ съ восьмичасовымъ поѣздомъ на пассажирскую станцію.

Всѣ замолчали, и отъ этого слышнѣе сдѣлалось гудѣніе дѣтскихъ голосовъ въ коридорѣ: тамъ совершалась своя безостановочная жизнь, которой не было ни до чего дѣла.

Ожидали, что скажетъ батюшка еще. И дѣйствительно, онъ первый прервалъ сдавленное молчаніе. Лицо и голосъ у него были въ мѣру серьезные, въ мѣру умиленные и въ мѣру торжественные. И пока онъ говорилъ, Катѣ вдругъ стало окончательно понятно, что Петръ Сергѣевичъ дѣйствительно умеръ. Раньше это было гдѣ-то далеко, и Петръ Сергѣевичъ рисовался больше живымъ, а теперь вдругъ сразу придвинулось. Батюшка медленно повѣствовалъ:

— Преданіе землѣ на Всѣхсвятскомъ... Говорятъ, сильно перегружена желѣзная дорога... Рѣшено, чтобы пѣлъ въ церкви и провожалъ на кладбище свой хоръ, гимназическій, мужской гимназіи...

И, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, ощущеніе этого новаго, кладбищенскаго входило въ душу Кати. Явственно представилось, какъ гдѣ-то въ товарномъ прицѣпномъ вагонѣ со станціи на станцію передаютъ мертвое полуразложившееся тѣло въ запаянномъ желѣзномъ ящикѣ. И не хотѣлось вѣрить и принять это, какъ фактъ. Поднималось опять чувство обиды и раздраженія. Хотѣлось бы зажать уши пальцами и ничего не слышать.

А въ уголку, у противоположнаго окна, Горшковъ продолжалъ вполголоса разсказывать Софьѣ Григорьевнѣ, вѣроятно, все о томъ же своемъ дачномъ житьѣ.

— Дзинь! — говорилъ онъ, и оба они потихоньку смѣялись.

Наконецъ Катя не выдержала и сказала, и голосъ ея прозвучалъ неестественно громко:

— Какъ это мило въ такую минуту смѣяться.

Она видѣла повернувшіяся къ ней внимательно-испуганныя лица. Горшковъ сказалъ:

— Кто же, собственно, смѣется? Я не понимаю. Это странно.

Но Катя собрала дрожащими руками тетради и вышла изъ учительской, громко хлопнувъ дверью. Ничего не видя и точно оглушенная, она протолкалась черезъ жужжащую толпу дѣвочекъ къ библіотекѣ, которая находилась въ ея завѣдываніи, затворилась тамъ на ключъ одна, въ тишинѣ, и долго плакала въ атмосферѣ, насыщенной пылью и запахомъ старыхъ, потрепанныхъ книгъ.

— Ахъ, теперь все равно, все равно, — шептала она въ экстазѣ отчаянія, стиснувъ зубами краешекъ сырого носового платка.

Вспомнила о Володѣ, о предстоящемъ обыскѣ, но ничего не было ни жалко ни страшно, и губы съ упоеніемъ продолжали шептать:

— Теперь абсолютно все равно. Пусть!

X.

Придя домой, она улеглась на постель и такъ лежала до вечера. Знала, что до сихъ поръ еще не вернулся Викентій Викентьевичъ, и пропалъ неизвѣстно куда Володя. Заходили мама и отецъ. Но она продолжала, ничего не отвѣчая, лежать. Отецъ потрогалъ ея голову, но она отвела его руку.

Уже совсѣмъ поздно вечеромъ, по осторожному шороху за спиной, она почувствовала, что это Володя, но не испугалась, только вяло повернула голову. При свѣтѣ привернутой до неполнаго огня лампочки она увидѣла, что онъ стоялъ въ шинели и съ вытянутой шеей.

— Викентій приходилъ? — спросилъ онъ грубо-начальственно, точно считалъ, что она должна ему теперь въ чемъ-то повиноваться.

Равнодушно отвернувшись опять къ стѣнѣ, она сказала:

— Оставь меня въ покоѣ.

Онъ тяжело опустился къ ней на кровать въ ногахъ и понурился.

— Если не приходилъ, значитъ, денежки слямзилъ,—продолжалъ онъ.- Зачѣмъ ты ему отдала? Понимаешь, ты меня подвела. Что ты со мной сдѣлала?

Онъ взялся руками за голову и глубже надвинулъ почти на уши фуражку.

— Теперь я совсѣмъ пропалъ.

Катя ничего не отвѣчала и не шевелилась.

— Ну, ладно же,—сказалъ онъ и всталъ.—Хотѣлъ, какъ порядочный человѣкъ, возвратить деньги, а если вы такъ, я знаю, что сдѣлаю.

Она слышала, какъ онъ весь дрожитъ, но это ея попрежнему не волновало. Собственное тѣло и, въ особенности, сердце были у нея сейчасъ точно изъ дерева. Даже не было злорадства, что Володя мучится. Пожалуй, только на моментъ мелькалъ страхъ. Но потомъ все опять опрокидывалось, точно въ бездну.

Она слышала, какъ Володя подошелъ къ двери и сказалъ:

— Пусть меня онъ только тронетъ пальцемъ, я подожгу домъ. Не вѣришь? Вотъ тебѣ крестъ.

Онъ набожно перекрестился, и она поняла, что онъ говоритъ объ отцѣ.

— Мнѣ теперь все равно пропадать. Я до конца пойду. Не вѣришь?

Онъ засмѣялся картавымъ гадкимъ смѣхомъ.

— Еще увидите.

На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, образовалась пустота, и Катя

поняла, что это онъ такъ тихо вышелъ за дверь. Катя невольно прислушалась.

Изъ столовой, тяжело наступая, прошли шаги отца. Гдѣ-то въ отдаленіи хлопнула дверь, потомъ послышалась будто молчаливая возня. Кто-то шарилъ руками по стѣнамъ или безпомощно упирался. Катя услышала тревожный стукъ собственнаго сердца, но продолжала не двигаться. Въ коридорѣ раздался сначала пискъ, похожій на мышиный, затѣмъ долгій, задержанный стонъ боли.

— Мм...

Голосъ мамы сказалъ оторванно:

— Побой-ся ты Бо-га...

И все точно провалилось въ отворенную наружную дверь, которая хлопнула такъ, что зазвенѣли стекла въ оконныхъ рамахъ. Потомъ снова прошли по коридору, но теперь уже въ обратномъ направленіи, шаги отца,—и на этотъ разъ водворилась окончательная тишина. И только продолжало тревожно биться сердце, а тѣло оставалось попрежнему деревянно-неподвижнымъ.

Прошло неопредѣленно-долгое время. По звуку отворенной двери она поняла, что вошла мама, но не повернулась и не взглянула. Мама присѣла на постель какъ разъ на то же мѣсто, гдѣ только-что сидѣлъ Володя. Она долго молчала, потомъ сказала кратко:

— Выгналъ Володеньку.

И, согнувшись, стала вытирать слезы, вѣроятно, какъ всегда, кончикомъ своего чернаго платка, наброшеннаго на плечи.

Но и ея не было жаль.

XI.

На слѣдующій день Катя не пошла въ гимназію. Кутаясь, она сидѣла у окна и смотрѣла на уличную слякоть. Мысль, что завтра утромъ прибудетъ тѣло Петра Сергѣевича, или, какъ теперь почему-то говорили, „прахъ", переполняла ее ощущеніемъ, похожимъ на близость свиданія.

Она пробовала думать, читать—и не могла. Въ обрывкахъ проходили мысли о Володѣ и Викентіи Викентьевичѣ, котораго все попрежнему не было.

„Значитъ, присвоилъ и скрылся..."

Но все это было совсѣмъ ничтожное..

Послѣ обѣда приходилъ начальникъ сыскной полиціи въ обыкновенной полицейской формѣ. Онъ развернулъ въ столовой на обѣденномъ столѣ портфель съ бумагами и производилъ опросъ. Когда позвали Катю, онъ что-то писалъ на большихъ листахъ плохой писчей бумаги, и у него расплывались буквы. Мелькомъ взглянувъ на Катю и замѣтивъ, что она интеллигентная, онъ слегка поклонился ей и задалъ нехотя нѣсколько вопросовъ. Онъ имѣлъ усталый видъ и куда-то торопился. Больше всего онъ интересовался почему-то, не показывалъ ли ей Володя странной серебряной цѣпочки, на концѣ которой было два брелока: золотое сердечко и серебряная свинка. Онъ говорилъ:

— Показывайте одну сущую правду. Ничего не скрывайте. Иначе имъ же будетъ худо.

Изъ его словъ она поняла, что Володя задержанъ и сейчасъ сидитъ въ полицейской части, но почему-то завтра утромъ его выпустятъ.

Отецъ говорилъ:

— Пожалуйста, не выпускайте.

Мама плакала.

Потомъ начальникъ сыскной полиціи ушелъ, и Катя убѣдилась, что „это" окончательно не страшно. Ей даже сдѣлалось немного смѣшно, когда она вспомнила про серебряную цѣпочку съ брелоками.

Жизнь представлялась ей проходящей точно на экранѣ кинематографа, и только, чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ судорожнѣе вздрагивало сердце. Легла она въ постель рано, съ намѣреніемъ подняться чѣмъ свѣтъ. Поснимала со стѣны кофточку и новую юбку и аккуратно развѣсила ихъ на стулѣ, чтобы все было заранѣе готово. Даже положила возлѣ лампы щипцы для волосъ, чтобы завтра не искать.

Памятникъ сраженія при Лѣсной. *А. Оберъ.*

Заснула поздно, пока сердце само не успокоилось отъ усталости. Но все равно спала тревожно, безпрестанно зажигая спички и взглядывая на часы.

Было половина шестого, когда поднялась окончательно. Вдругъ показалось, что опоздаетъ. Дрожащими пальцами застегивалась и, завиваясь, нѣсколько разъ обожгла голову щипцами.

Но одѣвалась тихо, стараясь не потревожить никого. Можетъ-быть, она была сейчасъ немножко сумасшедшая, но она бы уничтожилась отъ стыда, если бы кто-нибудь сейчасъ подглядѣлъ за ней.

Она знала, что Петръ Сергѣевичъ былъ бобыль, и въ его жизни не было никакой женщины, кромѣ его сестры. И сейчасъ она чувствовала себя къ нему по праву близкой. Она даже кофточку надѣла ту самую, кофейнаго цвѣта, въ которой была тогда вмѣстѣ съ нимъ на гимназическомъ вечерѣ. Помнила все, даже эту отдѣлку изъ чернаго бархата, и то, какъ одѣвалась тогда, передъ вечеромъ, и у нея тоже дрожали руки.

Одѣлась и подумала, что это будетъ неполный трауръ, и выйдетъ немного эксцентрично, но мысль только скользнула, и опять сердце сжалось страстной и мучительной спазмой. Но слезъ попрежнему не было.

Когда вышла черезъ черный ходъ на улицу, потихоньку разбудивъ Марью, только еще разсвѣтало, гудѣли заводскіе гудки, и въ гулкой пустотѣ улицы двигались, перепрыгивая лужи и грязь, группы запоздавшихъ рабочихъ.

До вокзала было три версты полемъ, но не было страшно. И не было больше раздраженія противъ Петра Сергѣевича, но была къ нему большая и жалящая сердце нѣжность.

Опять представляла его живымъ и точно разговаривала съ нимъ въ душѣ. И даже то, что онъ сдѣлалъ съ собой, не казалось больше страннымъ. Напротивъ, все пріобрѣло особенную и большую значительность: и издали, съ желѣзнодорожной линіи, паровозные свистки и могильная тишина вокзала, куда Катя пришла первою, и гдѣ тихо мерцали передъ большимъ золотымъ образомъ нѣсколько свѣчечекъ. Она купила у старика-сторожа свѣчку, поставила тоже и помолилась сладко и бездумно. Она не спрашивала себя, вѣритъ ли во что-нибудь или нѣтъ, но въ тишинѣ вокзала было хорошо. Между тѣмъ, что было сейчасъ, и тѣмъ, что называлось ея прошлою жизнью, упала глухая непроницаемая завѣса, даже между тѣмъ, что было еще только третьяго-дня. И то, что было сейчасъ, было единственно нужнымъ и дорогимъ.

Съ печалью она подумала, и то всего только одинъ или два раза:

„Да, видно, я его сильно любила".

Но и эту мысль сейчасъ же выбросила изъ сознанія. Было странно и дерзко подумать, что бываетъ, вообще, любовь.

Пыхтя, за окномъ проползали окутанные бѣлою мглою локомотивы, и однообразно мелькали нескончаемыми движущимися лентами красные товарные вагоны. Дѣловито-скучно трубилъ рожокъ. Ударяли электрическіе звонки, возвѣщавшіе о выходѣ поѣздовъ съ сосѣдней станціи,—и все въ этотъ часъ было такъ непонятно-значительно и важно.

И вдругъ плотная завѣса, раздѣлявшая ея прошлое и настоящее, медленно растаяла. То, что было, прошло передъ нею съ удесятеренною отчетливостью, и съ такою же отчетливостью она увидѣла себя сидящею здѣсь, въ пустой станціонной залѣ второго класса.

Еще одинъ внутренній толчокъ,—и прошлое выдвинулось въ настоящее. Катя встала и, глядя на сіяющій золотомъ образъ, подумала о Петрѣ Сергѣевичѣ:

„Онъ умеръ. Но развѣ это можетъ быть такъ, зря?"

И даже удивилась, какъ не понимала этого раньше.

А въ пустую залу уже входили начальница Зинаида Ѳедоровна въ сопровожденіи батюшки и дьякона.

— Вотъ какъ! Вы раньше всѣхъ,—сказалъ батюшка, кутая въ шарфъ простуженное горло.

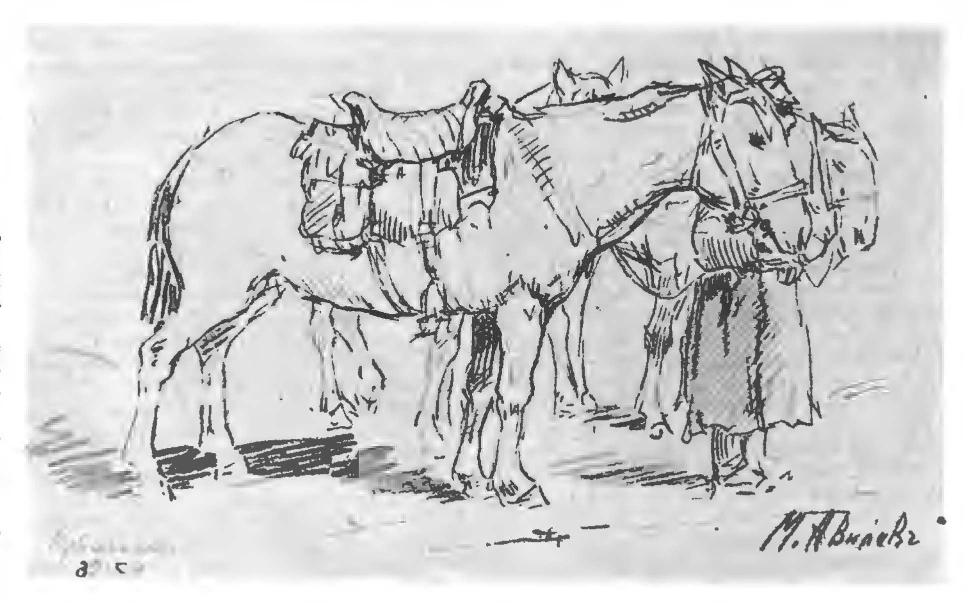
Вмѣстѣ съ ихъ голосами въ застоявшуюся пустоту залы вошло ежедневное, но Катя тихо и привѣтливо пожала руки всѣмъ троимъ вошедшимъ. Вся разница между ними и ею была въ томъ, что они не знали этого... главнаго.

Она вышла на платформу, гдѣ прогуливались группами и тотчасъ прятались при видѣ начальственнаго глаза пришедшіе самостоятельно гимназисты и гимназистки. Остальные должны были прибыть съ пунктовъ своего сбора въ обѣихъ гимназіяхъ.

Но было еще очень рано, и даже не было сигнала о выходѣ поѣзда со станціи Вишерской. Катя дошла по платформѣ до самаго ея края и, глядя мимо водокачки на туманный семафоръ, навстрѣчу идущему гдѣ-то въ безвѣстномъ отдаленіи поѣзду, подумала еще разъ, и въ груди ея дрожали слезы:

„Да, конечно, было бы величайшимъ преступленіемъ, и оказалось бы, что нельзя жить, если бы это, дѣйствительно, произошло такъ... зря...“

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ походнаго альбома. *Ординарецъ* М. Авиловъ.

Сигналъ.

Драма въ одномъ дѣйствіи. **Мигуэля Замакоиса.** Перевела **З. Журавская.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марта, молодая француженка.
Офицеръ, французскій летчикъ.
Первый германскій шпіонъ.
Второй германскій шпіонъ.
Третій германскій шпіонъ *(на сценѣ не появляется).*

Дѣйствіе происходитъ въ маленькой лотарингской деревушкѣ, занятой германскими войсками.

Сцена представляетъ собою внутренность дома зажиточнаго крестьянина или буржуа, такъ сказать, общую чистую комнату. Въ глубинѣ, посрединѣ, большое окно, затянутое рѣшеткой; средняя часть его открыта; окно выходитъ на деревенскую улицу; слѣва отъ окна дверь съ крылечкомъ въ нѣсколько ступенекъ, также выходящимъ на улицу.

Справа, ближе къ авансценѣ, деревянная лѣстница у самой стѣны, ведущая къ площадкѣ, на которую выходятъ верхнія спальни. Подъ лѣстницей нѣсколько пучковъ хвороста.

Слѣва у стѣны большой каминъ съ колпакомъ, внутри плита. Между каминомъ и рампой, на первомъ планѣ, посудный шкапчикъ и фонарь. Домашняя утварь, мѣдная посуда и проч.

Возлѣ камина тяжелый столъ; на немъ рабочая корзинка; вокругъ стола три стула; неподалеку отъ лѣстницы потертый коврикъ, на немъ старое кресло. При поднятіи занавѣса Марта хлопочетъ по хозяйству, лицо ея печально; видно, что она удручена горемъ.

Нѣкоторое время спустя, дверь внезапно распахивается, и вбѣгаетъ французскій летчикъ, офицеръ въ мундирѣ, перепачканномъ землей, безъ шапки, съ револьверомъ въ рукѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марта, офицеръ.

Марта *(страшно волнуясь).* Французъ... Какъ вы сюда попали? И зачѣмъ?

Офицеръ *(тоже волнуясь, торопливо).* Вы француженка?

Марта. Да, здѣшняя, изъ Лотарингіи.

Офицеръ. Закройте скорѣе окно... *(Марта закрываетъ окно).* Мнѣ поручено было развѣдать, занята ли эта деревня нѣмцами; но у меня испортился моторъ, пришлось спуститься въ трехъ километрахъ отсюда; я поджогъ свой аппаратъ и двинулся сюда, гдѣ бѣгомъ, гдѣ ползкомъ... По счастью, никого не встрѣтилъ... Говорите скорѣй: есть тутъ у васъ нѣмецкія войска? И сколько ихъ?

Марта *(тономъ, въ которомъ чувствуется страшная ненависть къ притѣснителямъ).* Большая часть войскъ ушла сегодня вечеромъ... я слышала, какъ они шли по мостовой... Осталось человѣкъ двадцать улановъ, въ мэріи... Да еще нѣсколько шпіоновъ. Эти бродятъ всюду, переодѣтые рабочими или крестьянами... и ужъ отъ нихъ вамъ не укрыться. Спасайтесь, пока можно.

Офицеръ. Вы за себя боитесь?..

Марта *(грустно, но спокойно).* Съ тѣхъ поръ, какъ мой мужъ убитъ въ Эльзасѣ, а братъ разстрѣлянъ вонъ у той стѣны, напротивъ, я ужъ ничего не боюсь. Если вы думаете, что я за себя боюсь, то оставайтесь.

Офицеръ. Хорошо. Тогда слушайте. Какимъ-то чудомъ меня не замѣтили. Если я выйду, меня, конечно, кто-нибудь увидитъ и убьетъ... А этого нельзя. Мнѣ необходимо сперва предупредить товарищей, — они спрятаны тутъ въ лѣсу, неподалеку, — что деревню почти не охра-

Изъ походнаго альбома. *У колодца.* М. Авиловъ.

няютъ. Отъ моего сигнала зависитъ многое... Наши могутъ взять деревню обратно...

Марта *(взволнованно).* Боже мой!.. Но какъ же вы хотите ихъ предупредить? Вамъ же нельзя отсюда выйти!

Офицеръ. Мы условились, что, если мнѣ нельзя будетъ вернуться къ нимъ и нельзя будетъ подать сигналъ со своей машины, я все равно, во что бы то ни стало, подамъ имъ условный сигналъ съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста—ну, съ колокольни, что ли, или съ крыши дома, который стоитъ на виду... Они, навѣрное, видѣли, какъ я снизился, и теперь ждутъ сигнала... Въ подзорную трубу они увидятъ... Мнѣ показалось, что вашъ домъ значительно выше другихъ...

Марта. Да... Но какъ же вы подадите сигналъ?

Офицеръ *(разстегивая куртку и вынимая свернутый красный флагъ).* Вотъ этимъ флагомъ... Только надо торопиться... Есть у васъ длинная палка или шестъ, къ которому бы я могъ привязать этотъ флагъ?

Марта. Шестъ?.. Да, пожалуй... Погодите... Возлѣ нашего дома много длинныхъ вѣтокъ; я поищу такую, какую вамъ нужно...

Офицеръ. Только скорѣй, пожалуйста.

Марта *(осторожно открываетъ дверь, выходитъ и быстро возвращается назадъ, испуганная).*

Марта. Сюда идутъ трое — навѣрное, проклятые нѣмецкіе шпіоны... Они, конечно, уже знаютъ о несчастьѣ съ вашимъ аэропланомъ... и ищутъ васъ... Шарятъ по всѣмъ домамъ... конечно, придутъ и сюда... Они убьютъ васъ.

Офицеръ. И васъ тоже. Они васъ разстрѣляютъ за укрывательство... Я не могу этого допустить. Есть здѣсь другая дверь? Я готовъ рискнуть...

Марта. Нѣтъ, дверь только одна.

Офицеръ *(рѣшительно направляясь къ двери).* Мнѣ остается выйти въ эту дверь.

Марта *(загораживая ему дорогу).* Куда вы?.. На вѣрную смерть. Нельзя... Но что же дѣлать?

Офицеръ. Остается одинъ шансъ спастись *(указывая на лѣстницу):* ждать ихъ тамъ... Ахъ, если бъ только флагъ былъ готовъ, быть-можетъ, я бы успѣлъ подать сигналъ: потомъ пусть меня и убьютъ, это не важно.

Марта. Мнѣ пришло въ голову... Можно выиграть время... Нѣтъ, наверхъ не ходите... Вы лучше спрячьтесь вотъ гдѣ... *(Быстро переставляетъ кресло и отворачиваетъ коверъ, лежащій передъ нимъ; обнаруживается опускная дверь).* Эта дверь ведетъ въ погребъ... Теперь ключъ. *(Бѣжитъ къ посудному шкапчику, выдвигаетъ одинъ изъ ящиковъ, беретъ ключъ, возвращается и отпираетъ погребъ).*

Офицеръ. Вы мужественная женщина... Вы — истинная дочь своего народа!

Марта *(злобно).* Не за что меня хвалить: они двоихъ убили у меня—я ненавижу ихъ. Скорѣе... Спрячьтесь хорошенько. *(Офицеръ начинаетъ спускаться по лѣстницѣ, ведущей въ погребъ).* Вы видите, тутъ засовъ... задвиньте его до конца... И не отодвигайте, пока я не дамъ вамъ знать, что опасности больше нѣтъ.

Офицеръ *(почти невидимый, въ то время, какъ Марта уже готовится опустить дверь погреба).* Какъ же вы мнѣ дадите знать?

Марта. Топну нѣсколько разъ ногой по двери.

Она захлопываетъ дверь. Слышно, какъ снизу офицеръ задвигаетъ засовъ. Марта прячетъ ключъ у себя на груди, торопливо кладетъ коверъ на мѣсто, ставитъ на него кресло и дѣлаетъ видъ, будто хлопочетъ по хозяйству. Нѣкоторое время спустя слышатся голоса на улицѣ; затѣмъ дверь въ глубинѣ сцены распахивается, и на порогѣ появляются два нѣмецкихъ шпіона, въ крестьянской одеждѣ, съ револьверами. Они подозрительно озираются кругомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Марта, первый шпіонъ, второй шпіонъ.

Первый шпіонъ *(подозрительно).* Сюда не заходилъ мужчина? Солдатъ?

Марта *(притворяясь удивленной).* Солдатъ?

Первый шпіонъ. Ну, да... Французскій авіаторъ... Тамъ, за околицей, горитъ аэропланъ, а трупа не нашли...

Марта. Не знаю, что вы такое говорите.

Первый шпіонъ. А, можетъ, онъ у васъ тутъ спрятанъ? Это весьма возможно.

Марта *(продолжая дѣлать свое дѣло).* Я въ такихъ вещахъ мало смыслю, но зачѣмъ же ему прятаться здѣсь? Скорѣй онъ пошелъ назадъ, къ своимъ, къ французамъ.

Первый шпіонъ. Мало ли зачѣмъ... *(Грубо)* Да и никто тебя объ этомъ не спрашиваетъ. Ты говори: былъ тутъ французскій солдатъ или не былъ?

Марта. Я никого не видѣла.

Первый шпіонъ *(подходя ближе).* Мы искали по всѣмъ домамъ... Остался одинъ твой... Имѣй въ виду, что, если его найдутъ здѣсь, тебя разстрѣляютъ. Говори лучше правду, тогда мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ.

Марта *(притворяясь спокойной).* Вы и такъ мнѣ ничего не сдѣлаете, потому что у меня никто не спрятанъ. Вы же видите, что я не боюсь.

Второй шпіонъ. Подумай хорошенько... Когда мы примемся за поиски, будетъ уже поздно.

Марта. Не могу же я вамъ сказать, что у меня спрятанъ человѣкъ, когда у меня никого нѣтъ.

Первый шпіонъ. Ладно... Помни же... *(Слѣдя за выраженіемъ лица Марты)* Эта лѣстница куда ведетъ?

Марта. Въ верхнія комнаты... и еще на чердакъ.

Оба шпіона идутъ къ лѣстницѣ.

Первый шпіонъ *(продолжая вглядываться въ лицо Марты и слѣдя за тѣмъ, какое впечатлѣніе на нее произведетъ его вопросъ).* А тамъ внизу что — погребъ?

Марта *(равнодушно).* Понятно, погребъ... Какъ во всякомъ домѣ.

Послѣ доставки обѣда на позицію. Изъ походнаго альбома. Рис. *М. Авилова.*

Первый шпіонъ. А какъ въ него попасть?

Марта. Тамъ, снаружи, есть дверь, низенькая, въ самомъ концѣ стѣны.

Первый шпіонъ, *чтобы провѣрить это, идетъ къ окну, открываетъ его и, обращаясь къ третьему товарищу, котораго не видно, говоритъ:*

— Эй! Фрицъ... Мы начнемъ сверху, съ чердака... А ты покарауль у маленькой двери, вотъ тамъ, пока мы не вернемся... И если кто выйдетъ въ ту дверь, или попробуетъ вылѣзть въ окно, расправься съ нимъ. *(Закрываетъ окно, запираетъ дверь на ключъ, кладетъ ключъ въ карманъ и, вернувшись ко второму шпіону, говоритъ):* Идемъ наверхъ.

Второй шпіонъ *поднимается по лѣстницѣ, за нимъ его товарищъ.*

Первый шпіонъ *(останавливаясь посреди лѣстницы и обращаясь къ Мартѣ).* Слушай. Еще есть время... Говори правду: французъ гдѣ спрятанъ — на чердакѣ или въ погребѣ?

Второй шпіонъ *(уже съ верхней площадки).* Подумай, говорятъ тебѣ. Потомъ ужъ поздно будетъ... будешь плакать, молить,—напрасно,—все равно поставятъ у стѣны и...

Марта. Чего же мнѣ бояться, когда у меня никого нѣтъ. *(Продолжаетъ возиться съ посудой).*

Второй шпіонъ *(вполголоса товарищу).* Очень ужъ она спокойна... Навѣрно, никого нѣтъ.

Первый шпіонъ *(также вполголоса).* Кто знаетъ... Бабы—хитрый народъ.

Первый исчезаетъ за дверью; его товарищъ слѣдуетъ за нимъ. Марта, съ самымъ невиннымъ видомъ, продолжаетъ убирать посуду, напѣвая.

Внезапно, въ дверяхъ наверху, появляется первый шпіонъ,

чтобы застать врасплохъ молодую женщину. Но, видя, что она спокойно хлопочетъ по хозяйству, напѣвая пѣсенку, онъ успокаивается и снова исчезаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марта одна; затѣмъ офицеръ, потомъ третій шпіонъ.

Марта замѣтила маневръ шпіона; какъ только онъ скрылся за дверью, выраженіе ея лица и жесты сразу мѣняются—теперь враги заняты своимъ дѣломъ, она можетъ дѣйствовать. Продолжая напѣвать, она чутко прислушивается. Сверху доносятся удаляющіеся голоса и шаги. Все напѣвая, она осторожно подбѣгаетъ къ окну, убѣждается, что третій шпіонъ на своемъ посту, возвращается на авансцену, отодвигаетъ кресло, отворачиваетъ коверъ и нѣсколько разъ топаетъ ногой по двери, слѣдя за лѣстницей. Немного погодя, снизу офицеръ отвѣчаетъ тихимъ стукомъ. Марта снова топаетъ ногой. Слышно, какъ внизу отодвигаютъ засовъ. Марта отпираетъ дверь погреба ключомъ, спрятаннымъ у нея подъ корсажемъ. Все это она продѣлываетъ торопливо, тревожно, боясь, какъ бы не вернулись шпіоны.

Дверь поднята; появляется офицеръ. Марта, прижимая палецъ къ губамъ, въ знакъ осторожности и молчанія, продолжая напѣвать, знаками показываетъ ему, что тамъ, наверху, ищутъ двое, и третій сторожитъ на улицѣ... Потомъ, видя, что кругомъ все тихо, говоритъ, перемежая фразы пѣсенкой.

Марта *(вполголоса).* Ихъ тамъ двое, наверху... они васъ ищутъ... На улицѣ только одинъ караулитъ... Сигнала, все равно, нельзя подать... надо спасаться... средство только одно: убить того, который тамъ внизу, и попытаться выбраться въ поле, вдоль стѣнъ и изгородей.

Офицеръ. Если я выстрѣлю, услышатъ другіе.

Марта. Да, правда... *(Соображая)* Надо это сдѣлать безъ шума... Вы спрячьтесь, а я позову его, и вы... ножомъ или топоромъ... можно даже полѣномъ...

Офицеръ. Можетъ, и можно... Но, если даже я какимъ-нибудь чудомъ спасусь, вамъ-то вѣдь не спастись... Они васъ разстрѣляютъ...

Марта *(сверкнувъ глазами).* Что за бѣда—разъ деревня вновь будетъ нашей.

Офицеръ. Да... Но только... гораздо больше шансовъ, что все откроется раньше, чѣмъ слѣдуетъ, и меня сцапаютъ уланы... Если ужъ погибать, то надо хоть попробовать подать сигналъ.

Марта *(убѣжденная).* Вы правы. *(Про себя)* Дѣйствительно, такъ, ни за что умереть—жалко... *(Соображая)* Если бъ выиграть время... можетъ-быть, случай и помогъ бы намъ... *(У нея, видимо, мелькнула мысль; про себя)* Не попробовать ли?.. *(Офицеру)* Не попробовать ли мнѣ напоить этихъ двухъ, когда они спустятся внизъ?.. *(Злобно)* Когда они напьются такъ, что еле на ногахъ будутъ держаться, тогда, быть-можетъ... *(Рѣшительно, глухимъ голосомъ)* Если надо будетъ, я помогу вамъ...

Офицеръ. Что жъ... Другого выбора, все равно, нѣтъ...

На итальянскомъ фронтѣ. *Наводка понтоннаго моста черезъ рѣку Изонцо. Спускъ лодокъ.*

Марта. Прячьтесь скорѣе.

Офицеръ. Но какъ же я узнаю, что тутъ происходитъ? Въ этомъ погребѣ, какъ въ могилѣ—ничего не слыхать... Только когда здѣсь ходятъ, слышно.

Марта *(насторожившись).* Тсс... *(Все спокойно; она продолжаетъ)* Давайте, условимся. Если я буду пѣть грустное, это будетъ значить, что они не поддаются, не вѣрятъ... если веселое—значитъ, они начинаютъ пьянѣть... А если я рѣшу, что вамъ пора выходить, я топну нѣсколько разъ ногой... Вотъ, возьмите этотъ топоръ и будьте готовы ко всему. *(Торопливо подаетъ ему топоръ).*

Офицеръ. Понялъ. *(Взволнованно)* Какая вы смѣлая!..

Марта. Ненависть даетъ силы... Мнѣ стоитъ поглядѣть вонъ на ту стѣну...

Въ это мгновеніе снаружи пробуютъ отворить дверь, которую первый шпіонъ заперъ на ключъ, и, такъ какъ дверь не открывается, стучатъ въ нее.

Марта *(вздрогнувъ отъ испуга, бѣжитъ къ двери).* Въ чемъ дѣло? Кто тамъ?

Третій шпіонъ *(за дверью).* Это я, Фрицъ...

Марта *(силится говорить естественнымъ тономъ).* Я не могу вамъ отворить: ваши товарищи заперли дверь на ключъ... Они на чердакѣ.

Третій шпіонъ *(за дверью).* Хорошо... Подожду...

Марта *(вполголоса, прислушиваясь, офицеру, который стоитъ на лѣстницѣ, въ позѣ готоваго къ защитѣ).* Уходитъ... Какъ будто шаги наверху. Прячьтесь скорѣе. *(Опуская дверь, вдругъ останавливается).* А какъ же флагъ? Скорѣй, давайте сюда флагъ.

Офицеръ *(колеблясь).* Послушайте... А если они начнутъ искать и найдутъ его?

Марта. Давайте, говорятъ вамъ! *(Схватила флагъ, опустила дверь погреба, заворотила коверъ на мѣсто, поставила кресло).*

На итальянскомъ фронтѣ. *Наводка понтоннаго моста черезъ р. Изонцо, протекающую въ горахъ Монте-Санто и Монте-Габріэле. Сборка лодокъ.*

На итальянскомъ фронтѣ. *Наводка понтонныхъ мостовъ чрезъ рѣку Изонцо, въ Гориціи, гдѣ происходило постепенное наступленіе итальянцевъ на австрійскія позиціи въ горахъ Монте-Санто и Монте-Габріэле, и откуда затѣмъ началось сокрушительное контръ-наступленіе огромныхъ австро-германскихъ силъ въ глубь Италіи, въ Венеціанскую область. Десятки такихъ понтонныхъ мостовъ были наведены итальянскими войсками въ одну ночь подъ свѣтомъ вражескихъ прожекторовъ и освѣтительныхъ ракетъ, пронизывавшихъ осеннюю тьму.*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марта одна.

Все въ порядкѣ. Мартѣ почудились шаги наверху—она поспѣшно прячетъ флагъ на дно рабочей корзинки; насторожилась... Фальшивая тревога... Однакоже молодая женщина колеблется: что дѣлать, если тѣ двое выйдутъ на лѣстницу?.. Въ нерѣшимости говоритъ сама съ собой.

Марта. Вѣдь надо же... Главное, надо, чтобъ флагъ былъ готовъ. Палка. Гдѣ же взять палку? На улицѣ есть сучья, но вѣдь они заперли дверь... Господи! Какъ же быть?.. *(Рѣшившись)* Ну, что жъ... тѣмъ хуже—иного средства нѣтъ... *(Открываетъ окно и ласково говоритъ третьему шпіону, невидимому, который сторожитъ у двери погреба)* Эй, сударь!.. *(Издали голосъ отвѣчаетъ:* „Чего вамъ?“)—Мнѣ бы дровецъ нужно, а дверь закрыта. Не будете ли вы такъ любезны передать мнѣ въ окно охапку сучьевъ?.. Тамъ ихъ много... Выберите два-три подлиннѣе... тамъ, на землѣ... Спасибо. *(Голосъ снаружи говоритъ:* „На, красотка, получай!“—*и въ окно просовываются кончики двухъ тонкихъ вѣтокъ). Марта хватаетъ ихъ, втаскиваетъ въ комнату, говоритъ:* „Благодарю васъ, сударь!“ *и тотчасъ же запираетъ окно; потомъ прислушивается, не идетъ ли кто по лѣстницѣ, и, такъ какъ никого нѣтъ, вынимаетъ изъ корзинки флагъ и, взявъ одну изъ вѣтокъ, подъ лѣстницею прикрѣпляетъ кусокъ матеріи къ импровизированному древку.*

Едва она успѣла кончить свое дѣло, какъ сверху доносятся шаги и голоса. Молодая женщина поспѣшно обвертываетъ флагъ вокругъ древка, бросаетъ его подъ лѣстницу и сверху набрасываетъ сучьевъ.

Въ рамкѣ двери наверху появляются два шпіона, оба съ револьверами; они подозрительно приглядываются, но Марта, какъ прежде, спокойна и занята своимъ дѣломъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марта, первый шпіонъ, второй шпіонъ.

Первый шпіонъ *(спускаясь съ лѣстницы).* Ну-съ, теперь пойдемъ пошаримъ въ погребѣ.

Второй шпіонъ. Хорошо бы выпить чего-нибудь.

Первый шпіонъ. И даже очень. Отъ этого лазанья по крышѣ, между трубъ, у меня такая жажда... *(Направляется къ входной двери, въ сопровожденіи товарища; обращаясь къ Мартѣ)* Надѣюсь, погребъ-то у тебя не пустой?

Марта. Погребъ вы, если хотите, можете осматривать, но насчетъ выпивки—на это не разсчитывайте. Ваши товарищи все выпили, до капли.

Второй шпіонъ *(разочарованно).* Да не можетъ быть... Неужто не осталось хоть бутылочки—хоть плохонькаго бы винца?

Марта. Ничего не осталось, кромѣ боченковъ съ высаженными днищами и разбитыхъ бутылокъ. Да вотъ, сами увидите, если пойдете.

Первый шпіонъ *(съ огорченіемъ).* Вотъ пьяницы!.. Бутылка добраго вина пришлась бы теперь очень кстати. *(Заискивающе)* Послушай, матушка... ужъ, навѣрно, у тебя гдѣ-нибудь припрятана бутылочка-другая про запасъ... Мы это заслужили... тамъ, наверху, все цѣло. Мы ничего не взяли — ни серебрянаго кубка, ни золотыхъ часовъ...

Марта *(мягче, чтобы добиться своего).* Это вы правду говорите?

Первый шпіонъ. Клянусь честью.

Марта. Это, дѣйствительно, стоитъ награды... Чего же вамъ дать выпить? Вина? Или, можетъ-быть, водочки? У меня есть чудесная старая водка.

Первый шпіонъ. Что за вопросъ? Конечно, водки.

Второй шпіонъ. Ну, разумѣется; вино найдется всюду.

Марта. Послѣдняя бутылка... Скажите, какъ она понравится вамъ — ей ужъ больше двадцати лѣтъ.

Первый шпіонъ. Чортъ возьми! *(Товарищу)* Мы что же — раньше пойдемъ въ погребъ или послѣ?

Марта *(показывая запыленную бутылку)* Поглядите... Понюхайте. *(Даетъ имъ понюхать откупоренную бутылку).*

Первый шпіонъ. Благоуханіе!

Второй шпіонъ *(понюхавъ въ свой черёдъ).* Вѣдь Фрицъ дежуритъ тамъ внизу... такъ ужъ лучше сначала выпьемъ.

Усаживаются за столъ, осушаютъ залпомъ два стаканчика водки, налитые Мартой, и прищелкиваютъ языками.

Второй шпіонъ. Добрая водка!

Первый шпіонъ. Отличная... *(Протягивая свой стаканчикъ)* Ты — молодчина, славная бабенка.

Марта *(наливая).* Да, говорятъ, ничего себѣ.

Первый шпіонъ. Если ты и дальше будешь такой же милой... *(прихлебывистъ изъ своего стакана)* мы на твоемъ домѣ наклеимъ билетикъ - что не надо, молъ, его ни жечь ни грабить.

Второй шпіонъ *(осушивъ второй стаканчикъ).* По всѣмъ жилочкамъ

На итальянскомъ фронтѣ. *Итальянскія горныя позиціи въ Доломитахъ. Развѣдчики въ траншеяхъ у подошвы горы Тофана.* По наброску съ натуры рис. *Джорджа Скотта.*

На австрійскомъ фронтѣ. *Въ траншеяхъ (снаружи).*

тепломъ пошла... А здѣсь живутъ не худо. Какъ ты находишь, Фридрихъ?

Первый шпіонъ *(смѣясь).* Еще бы!.. Получше, чѣмъ въ Эльзасѣ... *(Выпивъ и поглаживая себя по животу)* Здорово грѣетъ... только не такъ, какъ въ Кольмарѣ.

Оба грубо хохочутъ и снова пьютъ.

Марта *(вздрогнувъ при словѣ „Эльзасъ").* А... Вы, значитъ, были и... въ Эльзасѣ?

Первый шпіонъ *(начиная пьянѣть, смѣясь).* Было дѣло... Въ Кольмарѣ мы славно поработали... Помнишь, Вильгельмъ?

Второй шпіонъ *(тоже пьяный).* Еще бы мнѣ не помнить.

По выраженію лица Марты видно, какъ она ихъ ненавидитъ въ эту минуту.

Марта. Почему вы такъ хорошо говорите по-французски?

Первый шпіонъ. Ишь зелье-баба!—замѣтила... А потому, милая, что мы пятнадцать лѣтъ работали во Франціи—комми-вояжерами его величества короля прусскаго — еще до войны.

Марта. А... понимаю.

Второй шпіонъ *(поднимаясь, немного пошатывается).* Но мы еще не кончили... надо осмотрѣть погребъ...

Марта *(чтобъ удержать ихъ).* Ну, выпейте еще по стаканчику... Такой водки вы нигдѣ не найдете... Подумайте, двадцать лѣтъ вылеживалась въ погребѣ... *(Наливаетъ въ оба стакана).*

Первый шпіонъ. Ты права... Но тогда надо поднести стаканчикъ и Фрицу, чтобъ ему не скучно было ждать... *(Беретъ стаканъ, идетъ къ окну, открываетъ его и зоветъ).* Эй, Фрицъ!.. Бери, дружище... выпей... хорошая водка, двадцатилѣтняя... Погребъ, говорятъ, пусть — то-есть, что касается вина... на-счетъ дичи, за которой мы охотимся, это ужъ мы сами посмотримъ.

Нагнулся, передаетъ стаканъ человѣку, стоявшему подъ окномъ. Тотъ отвѣчаетъ: „Спасибо, Фридрихъ". Въ это время второй шпіонъ пьетъ мелкими глотками и подвигаетъ пустой стаканъ къ Мартѣ, которая наливаетъ ему еще водки.

Второй шпіонъ *(замѣтно пьяный).* Тебя, собственно, какъ звать-то, милашка?

Марта. Мартой.

Второй шпіонъ. Послушай-ка, Марточка... ты вотъ что... пока мы тутъ докончимъ бутылочку, ты бы намъ... спѣла что-нибудь.

Первый шпіонъ *(закрылъ окно и снова сѣлъ).* Вотъ это здорово придумано... Спой, Марточка.

Марта *(наполняя стаканы).* Спѣть?.. Что спѣть?

Первый шпіонъ *(грубовато).* Что хочешь, только пой.

Марта. Не въ голосѣ я что-то, но такъ и быть... чтобъ доставить вамъ удовольствіе...

Начинаетъ пѣть грустную пѣсенку. Послѣ перваго куплета:

Первый шпіонъ. Браво, Марта... Но только къ чему такія печальныя, пѣсни!.. Ты намъ спой что-нибудь повеселѣе.

Второй шпіонъ. Ну да, веселое спой.

Марта колеблется—веселая пѣсня можетъ быть истолкована сидящимъ внизу офицеромъ, какъ призывъ.

Марта. Право же, я не знаю ни одной веселой пѣсни.

Первый шпіонъ *(заигрывая).* Хочешь, я тебя научу?... Любовной пѣсенкѣ... Поди-ка сюда, Марточка. А вѣдь наша Марточка прехорошенькая.

Второй шпіонъ *(совсѣмъ пьянымъ голосомъ).* Ну да, красотка. Я же говорилъ...

Марта *(наливая).* Ну, допивайте послѣднее.

Первый шпіонъ *(гоняясь за Мартой).* Марточка, ты мнѣ нравишься... Поди же сюда, говорятъ тебѣ. *(Поймалъ ее и хочетъ поцѣловать).*

Марта *(испуганно, вырываясь).* Оставьте меня! Оставьте!.. *(Притворяясь веселой)* Ну, хорошо, я вамъ спою веселую... Кажется, вспомнила одну...

Вполголоса напѣваетъ веселую пѣсенку. Оба шпіона въ тактъ покачиваютъ головами и размахиваютъ руками. Послѣ перваго куплета:

Второй шпіонъ. Да громче же! Ты что—боишься, что ли, пѣть?

Марта *(съ тоской въ душѣ, поетъ второй куплетъ погромче).*

Первый шпіонъ. Ну, вотъ. Это другое дѣло... А теперь попляши.

Марта *(испуганно).* О, нѣтъ! Только не это.

Второй шпіонъ. Да, да. Пляши.

Первый шпіонъ. А не то иди ко мнѣ на колѣни. *(Цинично смѣясь)* Хочешь, я женюсь на тебѣ.

Всталъ и, спотыкаясь, силится поймать молодую женщину, которая испуганно увертывается отъ него.

Второй шпіонъ *(поймавъ ее въ это время, какъ она пробѣгала мимо).* Вотъ держи ее, Фридрихъ.

Марта *(вырываясь).* Оставьте меня... Я буду танцовать.

На австрійскомъ фронтѣ. *Въ траншеяхъ (внутри).*

Наготовѣ. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *И. Владиміровъ.*

Первый шпіонъ *(разваливаясь въ креслѣ).* Давно бы такъ. Танцуй. Устроимъ свадебный балъ.

Полумертвая отъ испуга Марта легко, едва касаясь пола, танцуетъ, напѣвая мотивъ танца; пьяные шпіоны оба подпѣваютъ, въ тактъ хлопая въ ладоши. Первый шпіонъ, не сходя съ кресла, топаетъ ногами по опускной двери, подтанцовывая,— къ ужасу Марты, которая, вся дрожа отъ волненія, продолжаетъ плясать, напѣвая громче, чтобъ заглушить стукъ снизу, если офицеръ отвѣтитъ. Немного погодя, слышенъ осторожный стукъ снизу. Оба шпіона, нѣсколько протрезвившись, переглядываются и подозрительно глядятъ на Марту, которая, напрягая всю свою волю и мужество, силится быть спокойной.

Первый шпіонъ *(товарищу, поднимаясь съ кресла).* Ты слышалъ? Какъ будто стукъ внизу.

Второй шпіонъ. Да, какъ будто... *(Переставляетъ кресло и отодвигаетъ ногой коверъ).* Что это? Опускная дверь?

Первый шпіонъ. И заперта на ключъ!.. *(Прицѣливаясь въ Марту изъ револьвера)* Ключъ! Подавай сюда ключъ. Или я выстрѣлю.

Марта. Никакого ключа у меня нѣтъ... Эта дверь всегда заперта. Я и не видала, чтобъ ее открывали... Ключъ давно потерянъ.

Первый шпіонъ *(подозрительно, съ угрозой).* Ты увѣрена? Припомни-ка.

Марта. Клянусь вамъ... Мы всегда ходили съ улицы...

Первый шпіонъ *(грубо).* Ладно... Тамъ видно будетъ. Идемъ скорѣе... Свѣту дай. Фонарь... И ключъ отъ наружной двери въ погребъ.

Марта. Ключъ тамъ, виситъ на двери.

Второй шпіонъ *(первому).* Не взять ли намъ ее съ собой?

Первый шпіонъ *(держа въ рукѣ зажженный фонарь).* Мысль недурна... Пусть идетъ впереди... *(Мартѣ грубо)* Пожалуйте... Ну, если онъ у тебя тамъ спрятанъ, не сдобровать тебѣ, моя красавица. *(Отпираетъ входную дверь ключомъ, который лежалъ у него въ карманѣ, хочетъ пропустить впередъ Марту, колеблется, обращаясь къ своему товарищу)* А впрочемъ... нѣтъ. Если тотъ... тамъ... забаррикадировался и будетъ защищаться, она только свяжетъ намъ руки... Не говоря уже о томъ, что эти бабы... чортъ ихъ знаетъ, на что онѣ способны... Я лучше запру ее здѣсь, а Фрицъ посторожитъ—она вѣдь отъ насъ не уйдетъ... Иди впередъ. *(Второй шпіонъ проходитъ. Первый, ехидно обращаясь къ Мартѣ)* Такъ это правда, что у тебя нѣтъ ключа?

Марта. И не было никогда. Я же вамъ говорю.

Первый шпіонъ. И правда то, что тамъ, внизу, никого нѣтъ? *(Угрожаетъ револьверомъ).*

Марта. Откуда же мнѣ знать, если я здѣсь сижу безвыходно.

Первый шпіонъ. Ну, хорошо же. *(Быстро выходитъ, закрываетъ за собой дверь; слышно, какъ щелкаетъ ключъ въ замкѣ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Марта одна; потомъ офицеръ.

Марта *выглянула въ окно; удостовѣрившись, что оба шпіона пошли къ погребу, бѣжитъ къ опускной двери, нѣсколько разъ стучитъ ногой, говоритъ:* „Засовъ! Засовъ скорѣй отодвигайте". *(Вынимаетъ ключъ изъ-подъ корсажа, отпираетъ дверь).*

Марта. Вылѣзайте скорѣй.

Офицеръ выскакиваетъ; въ одной рукѣ топоръ, въ другой револьверъ; онъ готовъ къ борьбѣ.

Марта *(вновь опустила дверь и заперла ее).* Они пошли пошарить въ погребѣ... *(Идетъ за флагомъ, спрятаннымъ подъ лѣстницей; на ходу, торопливо)* Это они топали ногами по двери, а вы имъ отвѣчали. *(Даетъ офицеру флагъ, навязанный на древко, и указываетъ ему на лѣстницу)* Скорѣе! Сигналъ!.. *(Въ то время, какъ офицеръ, отложившій топоръ, чтобы взять флагъ, поднимается по лѣстницѣ)* Лѣсенка на чердакъ въ концѣ коридора!

Офицеръ исчезаетъ за верхней дверью. Марта запираетъ на ключъ дверь погреба и снова прячетъ ключъ подъ корсажъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Марта, одна.

Марта *(безсильно опускаясь въ кресло).* Господи!.. Только бы онъ успѣлъ подать сигналъ... *(Встревожившись)* А что, если они его замѣтятъ и застрѣлятъ? *(Бѣжитъ къ окну и смотритъ на улицу, не открывая его).* Третій все караулитъ, но оттуда, гдѣ онъ стоитъ, крыши не видно. *(Возвращается на авансцену).* Хоть бы тѣ двое подольше не возвращались!.. *(Снизу изъ погреба колотятъ въ опускную дверь).* Они тамъ. Если бы найти способъ задержать ихъ тамъ... *(Снизу глухо доносятся голоса; шпіоны что-то кричатъ Мартѣ; она встала на колѣни, припала ухомъ къ двери и кричитъ въ отвѣтъ):* Я же вамъ говорю, что эта дверь не открывается... Придется вамъ опять итти кругомъ... Ага... Что я вамъ говорила... Вы видите, что въ погребѣ никого нѣтъ. *(Прислушивается).* Не слыхать... Навѣрное, скоро придутъ сюда.

Встаетъ и ждетъ, тревожно переводя взглядъ съ лѣстницы на дверь. Наконецъ входная дверь открывается.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Марта, первый шпіонъ, второй шпіонъ.

Первый шпіонъ *(прежде, чѣмъ войти, говоритъ третьему шпіону, которато не видно).* Слушай-ка, Фрицъ. Поди доложи лейтенанту въ ратушѣ, что мы никого не нашли. Мы сами сейчасъ туда придемъ, только сперва надо тутъ свести счеты... *(Вхо-*

дитъ, за нимъ второй шпіонъ; грубо, Мартѣ): Эй ты, послушай-ка. Ты что же это увѣряла, будто погребъ твой разграбленъ — а тамъ непочатый боченокъ вина.

Второй шпіонъ. И, по крайней мѣрѣ, сотъ и двѣ бутылокъ.

Марта. Ваши товарищи часами сидѣли тамъ, въ погребѣ, шумѣли, пѣсни пѣли и выходили оттуда мертвецки пьяными... Я думала, они все выпили.

Первый шпіонъ. Можно подумать, что ты потомъ туда и не заглядывала. Ты соврала намъ, чтобъ сберечь свое вино. Тѣмъ хуже для тебя, — мы никакого билетика не наклеимъ на твоемъ домѣ, и его сожгутъ... А мы заберемъ все, что намъ приглянется.

Марта, перепуганная, загораживаетъ имъ дорогу.

Марта *(умоляюще).* Прошу васъ, пощадите! Эти вещицы дороги мнѣ, какъ память.. Онѣ же ничего не стоятъ... Только золотые часы имѣютъ цѣнность... Я вамъ ихъ принесу... сейчасъ.

Первый шпіонъ. Не надо было врать, скряга ты этакая. Мы сами выберемъ, что намъ понравится.

Грубо отталкиваетъ Марту, загородившую ему дорогу. Въ борьбѣ выпадаетъ у нея изъ-за корсажа ключъ.

Второй шпіонъ *(наклоняясь).* Ключъ!..

Первый шпіонъ. Покажи-ка...

Марта *(равнодушно).* Это ключъ отъ моего бѣльевого шкапа.

Первый шпіонъ разглядываетъ ключъ, бѣжитъ къ опускной двери, вкладываетъ ключъ въ замочную скважину и отпираетъ дверь. Недоумѣло смотритъ на своего товарища, тоже ошеломленнаго, захлопнувъ опускную дверь, быстро выпрямляется.

Первый шпіонъ *(Мартѣ).* Ты и тутъ соврала. Зачѣмъ? *(Сообразивъ)* Эге... Да это значитъ, пока мы тамъ шарили, какъ дураки, ты выпустила человѣка, который давеча стучалъ... Куда же ты его дѣвала?.. Выйти отсюда онъ не могъ... Значитъ, спрятался наверху... Вотъ почему ты насъ не хотѣла пустить туда.

Марта *(напрягая послѣдніе остатки силъ).* Тамъ никого нѣтъ.

Второй шпіонъ. А вотъ увидимъ. Останься-ка ты здѣсь, Вильгельмъ, — на случай, если онъ ускользнетъ отъ меня. *(Поднимается по лѣстницѣ, съ револьверомъ въ рукѣ).*

Первый шпіонъ *(вынимая изъ кармана револьверъ).* Будь спокоенъ. Если ты дашь маху, я-то ужъ не промахнусь. *(Свирѣпо, Мартѣ)* А, ты насъ одурачила. Ты подпоила насъ. Ты насъ послала въ погребъ... А, ты укрываешь у себя французовъ. Ну, погоди же... Ты свое получишь... *(Не сводитъ глазъ съ верхней площадки лѣстницы).*

Марта. Вы убили моего мужа и моего брата—чего же мнѣ еще бояться?

Пауза. Наверху раздаются, одинъ за другимъ, три выстрѣла. Марта и первый шпіонъ вздрогнули. Тревожно прислушиваются.

Марта *(глухо, про себя).* Который уцѣлѣлъ?..

Слышны торопливые шаги; на площадку выскакиваетъ второй шпіонъ, блѣдный, смертельно раненый, съ револьверомъ въ рукѣ.

Второй шпіонъ. Пропало мое дѣло!.. Это онъ... французъ...

Первый шпіонъ *(тревожно).* Ты убилъ его?

Второй шпіонъ *(кое-какъ спускаясь съ лѣстницы).* Нѣтъ... промахнулся... Это онъ убилъ меня...

Марта радостно вздрагиваетъ.

Первый шпіонъ *(взвылъ отъ ярости, прицѣливаясь въ Марту).* Ты мнѣ поплатишься за это.

Второй шпіонъ *(уже внизу, съ живостью, товарищу).* Дуракъ! Не трать напрасно пуль. Побереги ихъ для француза... Онъ идетъ за мной. Смотри въ оба... *(Спотыкаясь, не выпуская револьвера, переходитъ черезъ комнату къ двери, слабѣющимъ голосомъ)* У него въ рукѣ былъ флагъ... Онъ, навѣрно, подалъ сигналъ... Смотри, не промахнись... Тамъ... наверху... идетъ...

Падаетъ мертвымъ къ ногамъ Марты, прижавшейся въ углу у двери. Одновременно съ этимъ издали слышны выстрѣлы. На площадкѣ лѣстницы появляется офицеръ, въ поднятой рукѣ револьверъ.

Офицеръ *(прикрываясь дверью, первому шпіону).* Сдавайся... Сюда идутъ французы... большой отрядъ...

Первый шпіонъ *(злобно, пробираясь вдоль перилъ лѣстницы).* Прежде, чѣмъ они придутъ сюда, я тебя пристрѣлю, какъ собаку.

Онъ не успѣваетъ осуществить своей угрозы. Раздается выстрѣлъ; шпіонъ падаетъ, какъ подкошенный. Это выстрѣлила Марта, поднявшая револьверъ, выпавшій изъ руки мертваго шпіона.

Офицеръ *(быстро сбѣжавъ съ лѣстницы, бѣжитъ къ окну).* Всѣмъ этимъ мы вамъ обязаны... Мы васъ вознаградимъ за это.

Марта *(глухо).* Моя награда—моя месть.

Слышны выстрѣлы; перестрѣлка приближается.

Офицеръ *(высунувшись въ окно, радостно).* Это они!.. Они!.. Они уже въ деревнѣ...

Марта *(внѣ себя отъ радостнаго волненія, молитвенно сложила руки).* Французы!.. Господи!.. Французы!..

Налетъ донцовъ. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *И. Владиміровъ.*

Усталость.

Какъ тихи ночныя дороги...
Какъ ласкова звѣздная даль!
О, Боже, дневныя тревоги
Въ полночную пристань причаль!

Простри свою свѣтлую жалость
Надъ дѣтской душою моей,
Какъ вечеромъ тонкую алость
Простеръ надъ безмолвьемъ полей.

Стою предъ Тобой, нелукавый,
Съ одною молитвой—услышь!—
Примите усталаго, травы!
Прими одинокаго, тишь!

Я гдѣ-то далеко томился,
Я гдѣ-то далеко блуждалъ.
Но день золотой закатился,
И на душу сумракъ упалъ.

Какъ тихо! Ни счастья, ни славы,
Ни страсти, ни грезъ, ни огня...
О, травы, глубокія травы,
Примите безслѣдно меня!

С. Астровъ.

Солдатъ въ деревнѣ. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *М. Балунинъ.*

Въ солдатскомъ лазаретѣ.

Очерки **С. Гусева (Слово Глаголь).**

I. Джафаръ Мухтаръ.

Рота отступала, и въ это-то время рядовой Джафаръ Мухтаръ былъ раненъ. Скверно раненъ: разрывной пулей въ голень.

Онъ упалъ ничкомъ и выронилъ ружье. Мимо него пробѣгали люди его роты. Нѣкоторые останавливались на минуту, оборачивались, стрѣляли въ наступающаго непріятеля и уходили. Мухтаръ попробовалъ подняться, но одной ноги точно не было. Онъ сдѣлалъ усиліе и всталъ на колѣни. Кто-то изъ мимо идущихъ поддержалъ его и всунулъ въ руки упавшую винтовку. Опираясь на нее, раненый медленно поплелся за уходившими солдатами. И опять упалъ. Тутъ двое подхватили его съ обоихъ боковъ; Мухтаръ обнялъ товарищей за шеи, и такъ они всѣ трое шли. Пули визжали, но никого не тронули.

Послѣ этого начались странствованія Мухтара по лазаретамъ. На перевязочномъ пунктѣ могли только кое-какъ перевязать его рану, страшно кровоточившую. Входя, пуля оставила почти незамѣтное пятнышко, но, разорвавшись при соприкосновеніи съ костью, она при выходѣ разворотила во всѣ стороны живое мясо. Въ госпиталѣ, куда Мухтаръ попалъ съ перевязочнаго пункта, вытащили изъ раны осколки костей и пули и отправили его дальше, какъ тяжело раненаго. Потомъ пришлось дѣлать еще нѣсколько операцій, потому что въ ранѣ все еще кое-что оставалось.

— Шесть операцій дѣлали Мухтару, — объяснялъ онъ своимъ сосѣдямъ въ послѣднемъ лазаретѣ.

Тутъ врачи смотрѣли на Мухтара, какъ на безнадежнаго. Онъ потерялъ слишкомъ много крови. Да и былъ уже не первой молодости. Между тѣмъ при послѣдней операціи изъ его раны извлекли еще шесть пулевыхъ осколковъ. Въ ранѣ продолжалъ накапливаться гной, и нужно было вставлять дренажныя трубки, причинявшія нестерпимую боль. Выдержитъ ли раненый эти страданія, стерпитъ ли его сердце, которое усиленно работаетъ эти долгіе мѣсяцы больничнаго лѣченія?..

Къ общему удивленію, Мухтару стало легче. Шестая операція, вѣроятно, избавила организмъ отъ послѣднихъ постороннихъ предметовъ, попавшихъ въ него. И, повидимому, наладилось и общее заживленіе раненой ноги. Пришлось ногу вытягивать, чтобы она не стала слишкомъ короткой отъ выбитыхъ изъ нея кусковъ кости, но и вытягиваніе Мухтаръ переносилъ покорно и терпѣливо. Вытягиваютъ,—значитъ, не отрѣжутъ, и онъ, Мухтаръ, останется съ ногой, хотя и короткой.

— Да, легче... Больно, но легче.

Врачъ, производившій Мухтару послѣднюю операцію, сталъ для него божествомъ. Когда онъ подходилъ къ койкѣ недвижимо лежащаго больного, Мухтаръ уставлялся глазами въ лицо врача и уже не отводилъ ихъ отъ него. Въ нихъ было благоговѣніе и восторгъ священнаго поклоненія.

— Ну, какъ дѣла, Мухтаръ? — спрашивалъ врачъ.

— Дѣла кароши, ваше благородіе, кароши дѣла...—И улыбка счастья разливалась по похудѣвшему, желтому, какъ воскъ, лицу Мухтара. — Спасибо тебѣ, ваше благородіе...

— Посмотримъ, — говорилъ врачъ.

Дренажныя трубки вытаскивались и смѣнялись новыми. И Мухтаръ выносилъ это стоически. Врачъ отходилъ, а Мухтаръ поворачивалъ голову и провожалъ его взглядомъ такой любви, которая только и можетъ зарождаться въ этихъ простыхъ и не исковерканныхъ сердцахъ.

Почувствовавъ облегченіе, Мухтаръ сталъ говорить. До этого онъ молча лежалъ на своей койкѣ, глядя на потолокъ или на стѣну противъ изголовья. Онъ сталъ прислушиваться къ разговорамъ своихъ товарищей по палатѣ. Они говорили о своихъ женахъ, отцахъ, дѣтяхъ. Говорили, какъ у нихъ дома живется, какъ и что въ обиходѣ. Мухтаръ остановилъ вольноопредѣляющагося Иванова, который только-что кончилъ партію въ шашки съ Василіемъ Соколовымъ, „чемпіономъ Одессы“, и говорилъ ему:

— Знаешь, Иванъ, у меня тоже есть жена. Карошій жена...

— Гдѣ же она?

— Она дома, въ Крыму. И, знаешь, Иванъ: у меня тоже есть дѣти. Карошія дѣти, Иванъ...

И, прислушиваясь къ интонаціямъ этихъ словъ, опять невольно думалось: сколько чувства любви можетъ таить въ себѣ человѣкъ... Какъ богато человѣческое сердце...

Къ тому времени, какъ Мухтаръ почувствовалъ облегченіе, приспѣла для него и еще радость: съ родины, изъ Крыма, прислали ему табаку — чуднаго южнаго табаку, такого волокнистаго и ароматнаго. Мухтаръ перебиралъ его руками и блаженно улыбался.

— Съ нашего Крыма табакъ—карошій табакъ. Мы этотъ табакъ въ Египетъ продаемъ, изъ него тамъ египетскій папиросъ дѣлаютъ — карошій папиросъ.

Но нѣтъ неомраченной радости.

Въ лазаретѣ каждое воскресенье показываются кинематографическія картины.

Это праздникъ для всѣхъ раненыхъ. Кто можетъ итти—идетъ, кто недвижимо лежитъ на своей койкѣ, того несутъ санитары. Кинематографъ помѣщается въ нижнемъ этажѣ, и вотъ по лѣстницѣ, со всѣхъ остальныхъ этажей, открывается процессія раненыхъ. Съ перевязанными руками, безъ рукъ, безъ ногъ, на костыляхъ, на носилкахъ двигается вереница коротко остриженныхъ головъ и халатовъ. А начинается кинематографическое представленіе—нѣтъ конца оживленію, критическимъ замѣчаніямъ, смѣху и одобрительнымъ выкрикамъ.

Мухтаръ, какъ тяжко больной, часто въ безпамятствѣ, конечно, не бывалъ въ кинематографѣ. Страданія были слишкомъ сильны, чтобы ихъ могло развлечь какое-либо представленіе, какъ ни будь оно интересно. Но полегчало ему,—въ первое же воскресенье онъ потребовалъ, чтобы его снесли внизъ смотрѣть картины. Санитары отнеслись къ этому неодобрительно.

— Лежи, Мухтаръ, куда тебѣ себя безпокоить!

Тотъ возражалъ:

— Мухтаръ здоровъ будетъ. Неси Мухтара.

За него вступились прочіе раненые.

— Несите, чего тутъ разговаривать. Человѣкъ понимаетъ, что онъ можетъ и чего нѣтъ.

Мухтара понесли.

Онъ въ первый разъ въ своей жизни видѣлъ кинематографъ и врядъ ли что понялъ въ немъ. Главное, что было ему непонятно,—это: зачѣмъ? Чтобы только посмотрѣть? Ну, а дальше?.. Мухтаръ сосредоточенно слѣдилъ за проходящими передъ нимъ фигурами, старался проникнуть въ смыслъ ихъ движеній, но не находилъ себѣ отвѣта: для чего? И кто они, эти люди, которые мелькаютъ на экранѣ?..

Сиротка. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *В. Насозовъ.*

Однако развлеченіе все-таки подѣйствовало на него. Оно его встряхнуло отъ утомительной повторяемости лазаретной жизни. Когда его принесли обратно въ палату, Мухтаръ долго лежалъ, не смыкая глазъ, но когда они наконецъ у него закрылись, онъ уснулъ спокойнѣе обыкновеннаго и рѣже, чѣмъ всегда, стоналъ во снѣ. Безъ сна онъ никогда не стоналъ.

Выздоровленіе тянулось медленно. Мухтаръ все еще пластомъ лежалъ на своей койкѣ. Но для него наступили болѣе спокойныя минуты. Онъ могъ разговаривать, и около него собирались раненые татары-солдаты изъ другихъ палатъ. Тихо бесѣдовали и медленно покачивали головами. Если къ этой компаніи присоединялся молодой татаринъ Оглы-Метиль, котораго за его юное миловидное лицо всѣ въ лазаретѣ звали Оленькой, то разговоры смѣнялись пѣніемъ. Много заунывныхъ напѣвовъ зналъ Оленька и пѣлъ жалобно и тоскливо. Вся палата внимательно слушала, хотя ни слова не понимала въ этихъ пѣсняхъ. Только Василій Соколовъ, всегда веселый и непосѣда, невзирая на то, что отъ отмороженныхъ ступней у него осталось только что-то похожее на копытца,—только онъ утомлялся тоскливымъ пѣніемъ Оленьки.

— Ты чего-нибудь позабористѣе бы спѣлъ...

Мухтаръ строго поводилъ глазами.

— Это божественное,—отвѣчалъ онъ за Оленьку.

— Оставь,—говорили, въ свою очередь, другіе раненые.

Однажды опять подманилъ къ себѣ Иванова Мухтаръ и опять, помолчавъ, сказалъ ему:

— У меня, Иванъ, жена есть. И дѣти есть. Карошія дѣти.

— Вотъ ты выздоравливай поскорѣй и поѣзжай къ нимъ, — старался подбодрить Мухтара Ивановъ.

Мухтаръ думалъ.

— Ты знаешь, Иванъ, сколько я лежу на койкѣ?

— Долго?

— Мѣсяцъ мартъ знаешь? Джемадулъ-Ахиръ?

— Ну, знаю Джемадулъ-Ахиръ.

— Да. Вотъ бери этотъ палецъ и загни его.

— Загнулъ.

— Теперь загибай еще: Раджабъ. И еще: Шаабанъ.

— Апрѣль и май?

— Да. И еще загибай, и еще, и еще.

Ивановъ загибалъ пальцы.

— Вотъ видишь, Иванъ,—сказалъ Мухтаръ, когда счетъ подошелъ къ мѣсяцу декабрю, — девять мѣсяцевъ я не вставалъ съ койки. Вотъ сколько.

Портретъ въ зеленомъ платьѣ. *Я. Рудницкій.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

Ивановъ, полный жизни, молодой, на-дняхъ покидающій лазареть, взялъ Мухтара за руку.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Мухтаръ?

— Не знаю, Иванъ, что ты станешь говорить.

— А вотъ что. Тебя почему ранили?

Мухтаръ въ недоумѣніи молчалъ. Почему ранили? Ранили, и все.

— Ты забоялся, повернулъ назадъ, а пуля-то тебя и догнала. Не надо ничего бояться. Ты вотъ теперь ноги своей боишься. А ты ся не бойся. Слава Богу, она у тебя подживать начала. Ты себѣ и скажи: буду здоровъ, встану на ноги... И попробуй встать. Смѣлѣй. Не обращай вниманія на то, что тебѣ больно. Наплевать.

Мухтаръ слушалъ напряженно.

— Такъ-то, другъ,—закончилъ Ивановъ.—Вотъ ты говоришь, что у тебя и жена есть и дѣти хорошія,—ты для нихъ и постарайся. Будетъ съ тебя и девяти мѣсяцевъ лежанья. И ѣшь больше.

На слѣдующій день, когда подали раненымъ обѣдъ, Мухтаръ спросилъ Иванова:

— Ты чего кушаешь, Иванъ?

— Бульонъ.

Мухтаръ энергично затрясъ головой.

— Не кушай, Иванъ, бульонъ. Некарошій бульонъ.

Ивановъ попробовалъ,—оказалось, прекрасный бульонъ. Но Мухтаръ питался имъ всѣ эти девять мѣсяцевъ и возненавидѣлъ его отъ всей души. По состоянію его здоровья ему больше ничего не давали, а послѣднее время, когда бульонъ ему окончательно опротивѣлъ, онъ питался только чаемъ съ хлѣбомъ.

— Ты не разобралъ, Мухтаръ,—сказалъ ему Ивановъ,—чудный бульонъ. Ты попробуй. Онъ силы даетъ.

— Чудный, говоришь?

Попробовалъ и сказалъ:

— Это другой бульонъ. Это карошій бульонъ.

— Вотъ то-то. А ты боялся его ѣсть.

— Да. Ты какъ вчера сказалъ, Иванъ: не надо бояться?

— Да, не надо бояться.

На утро, едва наступилъ поздній декабрьскій разсвѣтъ, вся палата съ волненіемъ слѣдила за Мухтаромъ.

Онъ осторожно спустилъ съ кровати одну ногу, потомъ другую.

— Сидитъ...—прошепталъ Василій Соколовъ, наклоняясь къ Иванову.

Въ этой позѣ еще никто не видѣлъ Мухтара.

Посидѣлъ немного и сталъ приподниматься. Одной рукой уцѣпился за спинку кровати, а другой—за столъ.

Стоитъ. Мухтаръ стоитъ... Раздробленной ногой не касается пола, держится на одной ногѣ, но стоитъ.

Двинулся. Да, оперся обѣими руками на столъ и переставилъ здоровую ногу на новое мѣсто.

Окно было у него за изголовьемъ кровати,—онъ повернулся лицомъ къ окну.

И еще передвинулся. Ему стала видна улица, покрытая снѣгомъ, бѣлыя крыши, замерзшій каналъ, черныя фигуры людей, двигавшіяся по уличному фону.

И въ тишинѣ палаты всѣ услышали, какъ Мухтаръ скорѣе вздохнулъ, чѣмъ сказалъ:

— Зи-ма...

Такъ могъ сказать только человѣкъ, который девять мѣсяцевъ не видалъ ничего, кромѣ лазаретной стѣны и потолка.

Онъ повторилъ:

— Зима...

И, не отрываясь, стоялъ у окна.

Сестра милосердія ахнула, увидавъ Мухтара не на кровати.

— Мухтаръ, что ты дѣлаешь?—воскликнула она.—Развѣ это можно?..

— Я не боюсь...—отвѣчалъ Мухтаръ и, повернувшись въ ту сторону, гдѣ лежалъ Ивановъ, прибавилъ:—Спасибо тебѣ, Иванъ, я не боюсь...

Экстренно былъ извѣщенъ врачъ. Онъ, не ожидая времени визитаціи, сейчасъ же пришелъ въ палату.

— Мухтаръ, ты всталъ? Но ты можешь повредить себѣ ногу.

Мухтаръ повторялъ одно:

— Нога карошо. Я не боюсь.

Однако его взяли подъ руки и уложили въ постель. Блаженно улыбаясь,—это была первая улыбка Мухтара,—онъ послушно легъ и все повертывался въ томъ направленіи, гдѣ былъ Ивановъ.

— Спасибо, Иванъ...

Весь день героемъ былъ Мухтаръ. Скоро весь лазаретъ зналъ, что Мухтаръ всталъ съ койки, на которой пролежалъ девять мѣсяцевъ. Ходилъ. Сталъ ходить...

И съ этого дня его выздоровленіе быстро пошло впередъ.

Гора череповъ.

(Человѣку).

Покрытый шкурою звѣриной,
Бродя, какъ звѣрь, среди звѣрей,
Тяжеловѣсною дубиной
Ты началъ лѣтопись скорбей.
Вражда владычицею стала,
Тебя, рожденнаго для нивъ,
Изъ непокорнаго металла
Оружье дѣлать научивъ.
О, сколько разъ клинокъ желѣзный
Пронзилъ трепещущую грудь,
И стонъ проклятья безполезный
Пресѣкъ цвѣтущей жизни путь!
И сколько разъ земля до срока
Въ свою утробу приняла,
Быть-можетъ, юнаго пророка,
Быть-можетъ, мудрости орла!
Взгляни,—не выше ли Синая,
Среди руинъ, среди крестовъ
Она воздвиглась, роковая
Гора кровавыхъ череповъ!
И тѣнь ея моря и сушу
Накрыла трауромъ сплошнымъ
И ужасомъ проникла въ душу
Тѣхъ, кто любилъ и былъ любимъ.
Но тамъ не свѣтъ ли на вершинѣ,
Тебѣ невидимый въ борьбѣ?
Тотъ свѣтъ отъ вѣка и донынѣ
Горитъ звѣздой твоей судьбѣ.
И чѣмъ ты выше гору сложишь,
Тѣмъ будетъ ярче онъ въ крови...
Все въ мірѣ истребить ты можешь,
Не въ силахъ одного—*любви!*
Но ты на свѣтъ не подымаешь
Своихъ озлобленныхъ очей...
О, человѣкъ, ты погибаешь,—
Взгляни же *вверхъ*, взгляни скорѣй!

Алексѣй Липецкій.

Благодѣтельница.

(Изъ серіи „Старыя гнѣзда“).

Разсказъ **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.**

Жарко, знойно... Иногда поднимается вѣтерокъ, погонитъ передъ собою по дорогѣ облако пыли—и опять уляжется, словно его лѣнь беретъ отъ этой дальней дороги. А дорога все бѣжитъ, на много верстъ: то почти затеряется, чуть намѣчаясь колеями по зеленой травѣ: то уйдетъ въ лѣсъ, гдѣ во влажной тѣни, какъ свѣчечки на алтарѣ Іюня, стоятъ высокія ночныя фіалки: то потонетъ между зеленоватыми, точно дно морское, волнами высокой ржи, въ которой синѣютъ безчисленные васильки; то перекинется по животрепещущему бревенчатому мосту черезъ заросшій незабудками ручей; и все бѣжитъ—мимо сѣрыхъ деревень, по рытвинамъ и застоявшимся лужамъ грязной деревенской улицы—опять на просторъ полей, въ тайну лѣсовъ,—пока наконецъ не свернетъ по крутому берегу рѣчки и не упрется въ ворота усадьбы; дальше ѣхать некуда, пріѣхали.

Жарко, знойно... Все въ усадьбѣ спитъ. Растянувшись на солнцѣ, спятъ лохматыя собаки и во снѣ бѣгутъ,—перебираютъ лапами... Спитъ въ тѣни телѣги у сарая старикъ-рабочій; спятъ въ людской; спятъ на кухнѣ: послѣобѣденное сонное царство. Въ окнахъ дома спущены темныя шторы; въ комнатѣ, напоенной запахомъ жасмина, пронизанной соннымъ жужжаньемъ мухъ и гудѣньемъ залетѣвшаго шмеля, отдыхаетъ хозяйка.

Не спятъ два человѣка въ домѣ: въ прохладной бывшей дѣвичьей сидитъ у окна съ работой Анна Ивановна, пожилая женщина, худая, съ черными испуганными глазами и совсѣмъ сѣдыми волосами, да въ тѣни, на балконѣ, примостился съ книгой длинный юноша въ сѣрой блузѣ. Но онъ не читаетъ, а безцѣльно смотритъ впередъ, туда, гдѣ за густой зарослью деревьевъ бѣжитъ вдоль рѣки дорога... Дорога, по которой можно уѣхать изъ усадьбы.

Анна Ивановна сидитъ, — зорко смотритъ, чутко слушаетъ, какъ бы не пропустить, когда Евдокія Лукьяновна проснется, какъ бы не помѣшалъ кто шумомъ, не потревожилъ бы отдыха... Ея худыя руки безостановочно перебираютъ спицы вязанья, а темные глаза не глядятъ на работу, а все словно во что-то всматриваются напряженно и испуганно.

Во дворѣ постепенно начинаетъ пробуждаться жизнь. Зѣвая, потягиваясь и крестясь, встаетъ старикъ изъ-подъ телѣги; старая кухарка ставитъ самоваръ: босая дѣвчонка пробѣгаетъ на ледникъ: только темныя шторы еще не поднимаются на окнахъ хозяйки усадьбы.

Вдругъ раздается оглушительный грохотъ: трескъ и звонъ—кто-то упустилъ подносъ съ посудой... Анна Ивановна блѣднѣетъ, вскакиваетъ и съ юношеской поспѣшностью бѣжитъ на кухню.

— Что случилось?.. Что разбили?..

— Ничего... Матрешка ножи грохнула, ничего и не разбили...—отзывается кухарка равнодушно и лѣниво.

— Какъ можно такъ шумѣть! Вотъ ужъ руки-то!—упрекаетъ Анна Ивановна растерянную Матрешку.—Будетъ теперь!..

Она идетъ назадъ къ дому и видитъ, что одна изъ темныхъ шторъ поднята. Сердце у нея падаетъ:

„Проснулась!..“

— Анна Ивановна!—зоветъ ее раздраженный женскій голосъ.— Анна Ивановна! Что васъ не дозовешься? Какой чортъ тамъ по бочкамъ ходитъ?

— Ножи уронили...—тихо отвѣчаетъ Анна Ивановна.

— Въ своемъ собственномъ домѣ не могу я покою имѣть!—продолжаетъ хозяйка.—Спрашивается, зачѣмъ же я васъ держу, коли вы даже не можете за этимъ услѣдить, чтобы мнѣ не мѣшали отдыхать?

— Виновата, Евдокія Лукьяновна...—беззвучно говоритъ та.

Евдокія Лукьяновна вышла изъ дверей спальни. Она еще щурится на свѣтъ. На ней темно-красный бумазейный халатъ, вылинявшій отъ стирки и засаленный. Голова встрепана отъ лежанья, волосы сбились на одинъ бокъ, и глаза опухли.

— Самоваръ!—кратко говоритъ она и поворачиваетъ спину.

— Сію минуту готовъ... Чай на балконѣ накрывать?

— А еще гдѣ?—и, покачиваясь на ходу грузнымъ тѣломъ, она идетъ на балконъ. Садится въ кресло и тупо смотритъ впередъ, взглядомъ, напоминающимъ тяжелый взглядъ жующей жвачку коровы, только безъ ея добродушія...

На юношу она не обращаетъ вниманія, будто его нѣтъ.

Онъ неловко подбираетъ свои книги и незамѣтно уходитъ съ другого крыльца въ домъ. На балконѣ появляется босоногая Матрешка съ самоваромъ: Анна Ивановна несетъ на подносѣ хлѣбъ, масло, варенье, кувшинъ со сливками и крынку со снятымъ молокомъ.

— Пожалуйте чай кушать!

Неторопливо Евдокія Лукьяновна садится къ столу и принимаетъ большую чашку изъ рукъ Анны Ивановны. Пододвигаетъ къ себѣ сливки, намазываетъ масломъ булку и дѣловито начинаетъ кушать. Утоливъ первый аппетитъ, она что-то вспоминаетъ:

— А гдѣ же вашъ лодырь?—говоритъ она.—Пословъ за нимъ посылать, что ли?..

Анна Ивановна краснѣетъ темнымъ румянцемъ и зоветъ:

— Юра! Юрій! Чай пить иди!

— Иду!—отзывается изъ дома Юрій.

— Не торопится!—замѣчаетъ хозяйка.—Ужъ вѣрно накормили его по угламъ всякими кусочками, вотъ и не спѣшитъ.

— Что вы, Евдокія Лукьяновна, что вы!—взволнованно оправдывается Анна Ивановна.—Развѣ я когда-нибудь это дѣлаю? Кажется, я...

— Ладно ужъ... вѣдь я и не смотрю, а все вижу. Кто его въ своей комнатѣ кофеемъ поилъ?

— Такъ вѣдь это у меня свой оставался, я ему и подогрѣла на керосинкѣ...

— Керосинъ-то теперь тоже, чай, даромъ не даютъ!—сухо отвѣчаетъ Евдокія Лукьяновна и протягиваетъ чашку.

Входитъ Юрій. Мать наливаетъ ему стаканъ жидкаго чаю и подливаетъ молока: глаза Евдокіи Лукьяновны съ выраженіемъ полнаго равнодушія, но внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что она дѣлаетъ. Сливки, варенье и сдобная булка стоятъ около хозяйки; къ нимъ никто, кромѣ нея, не притрагивается.

Юрій глотаетъ, опустивъ глаза въ стаканъ.

Тихо-тихо. Одуряюще пахнетъ жасминъ подъ балкономъ. По голубому небу плывутъ, точно снѣговыя горы, громоздясь одно на другое, бѣлыя облака. Въ кустахъ надъ рѣкой лѣниво чирикаетъ какая-то пичуга.

— Мухъ-то сколько! Надо послать за мушиной смертью въ аптеку,—нарушаетъ молчаніе хозяйка.—Вотъ Юрій бы сходилъ, чѣмъ такъ слоны слонять!

— Жарко очень... за семь верстъ вѣдь,—нерѣшительно вступается мать.

— Сахарный, подумаешь! Не растаетъ,—лѣниво протягиваетъ та.

Юрій краснѣетъ—не такъ, какъ мать, темнымъ румянцемъ, на его худыхъ щекахъ выступаютъ два малиновыхъ пятна, и онъ говоритъ:

— Я схожу... Благодарю васъ.—неловко кланяется и взглядываетъ исподлобья на Евдокію Лукьяновну.

Уѣздная барышня. *Д. Жудинъ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

„Вырвались мысли свободныя...“ Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *П. Карягинъ.*

Глаза у него не испуганные, какъ у матери, а какіе-то озлобленные и вмѣстѣ отчаянные такіе иногда бываютъ у дикихъ звѣрятъ, начиная съ котенка и кончая волченкомъ, когда они и намѣрены защищаться отъ врага и знаютъ, что имъ не убѣжать. Онъ, задѣвъ бокомъ за столъ, уходитъ въ домъ, а черезъ минуту слышно, какъ онъ долго, глухо и мучительно кашляетъ. Это онъ выкашливаетъ остатки своей двадцатилѣтней жизни. Анна Ивановна знаетъ это, и ея рука, держащая чашку, такъ дрожитъ, что блюдце выскальзываетъ изъ нея и со звономъ разбивается.

— Да что же это такое, Анна Ивановна?—разражается хозяйка.—Нѣтъ силъ никакихъ! Я васъ держи, я васъ корми, а вы у меня все въ домѣ сничтожить собираетесь? Сегодня чашку, завтра миску, а послѣзавтра — весь мой заграничный фарфоръ переколотите! Мнѣ за него 500 рублей Тагановъ даетъ, я и то еще не думаю. Это ни на что не похоже... Надо, мать моя, быть осторожнѣе: нажили бы свое добро да и колотили бы. Вотъ ужъ благодарю покойничка, царство ему небесное, навязалъ родственничковъ на шею! Тоже, дворянская кровь... Мы хоть и изъ мѣщанъ, а чужого хлѣба отродясь не ѣли... Ахъ!..—Вдругъ ея рѣчь прерывается, и она съ неожиданной быстротой вскакиваетъ со стула.—Вотъ всегда такъ съ вами: выведутъ изъ себя, а тутъ...—Она скрывается въ дверяхъ, а въ концѣ аллейки показывается плотный господинъ, съ сѣдоватой бородой, напоминающій изображенія Пугачева.

Автопортретъ. *П. Карягинъ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

— Мое почтеніе, Анна Ивановна!..

Привѣтствія и учтивости идутъ обычнымъ порядкомъ:

— Будьте добры, присядьте, Евдокія Лукьяновна сейчасъ выйдетъ...

Евдокія Лукьяновна скоро выходитъ въ новомъ капотѣ, яркolиловомъ, съ вырѣзомъ и полукороткими рукавами. Лицо и шея ея густо напудрены. Съ нею вмѣстѣ на балконъ входитъ сильный запахъ геліотропа—его приторная струя убиваетъ даже запахъ жасмина.

— Иванъ Степановичъ, гость дорогой! Какъ разъ къ чаю! Анна Ивановна, вотъ ключи... принесите-ка ромцу, да захватите лимончикъ—какъ Иванъ Степановичъ любитъ,—говоритъ она. Голосъ у нея совсѣмъ другой сталъ; и узенькіе безбровые глазащелочки изъ-подъ заплывшихъ вѣкъ смотрятъ сладко и ласково.

Иванъ Степановичъ тронутъ и выражаетъ это. Анна Ивановна приноситъ все, что нужно, и отдаетъ ключи.

— Идите, голубушка, отдыхайте!—ласково говоритъ хозяйка.

— Что вы, Евдокія Лукьяновна! Я налью...

— Идите!—уже строже звучитъ голосъ; сладкія щелочки дѣлаются холодными и острыми, какъ два ножичка.—Вы же любите объ эту пору отдыхать!

Понявъ наконецъ, что слѣдуетъ, Анна Ивановна безшумно уходитъ къ себѣ своею еще легкою поступью.

Хозяйка и гость остаются наединѣ. Евдокія Лукьяновна пухлыми руками разливаетъ чай, подливаетъ ромъ, пододвигаетъ варенье; гость жмурится отъ удовольствія.

— Райское житье у васъ, Анна Ивановна, какъ погляжу...—говоритъ онъ.—Такое вниманіе, такая ласка...

— Да, я до всѣхъ людей очень добра!—отвѣчаетъ она.—Зато же и пользуются моей добротой... Ахъ, трудно жить женщинѣ съ мягкимъ сердцемъ.

— Ну, ужъ я думаю, Анна-то Ивановна должна вамъ ручки цѣловать за ваше благодѣяніе...

— Не говорите, Иванъ Степановичъ, не думайте! Благодарности въ людяхъ не найти. Что вы думаете? Она хоть по дому иной разъ присмотритъ, а этотъ несчастный лежебока-то, хоть бы что! Намедни просила пустякъ сдѣлать—всего на всего лѣстницу къ погребицѣ приладить, Силантій на селѣ былъ: такъ и того не можетъ... И все волкомъ смотритъ, все волкомъ смотритъ!

— Такова ужъ вся нынѣшняя молодежь!—поддерживаетъ Иванъ Степановичъ.—Никакого пониманія, никакой благодарности, это вы правы: будто они—центръ вселенной, а мы имъ только все обязаны подавать! Меня вѣдь тоже Богъ племянничкомъ въ этомъ родѣ наградилъ; слава Богу—на войну взяли.

Базаръ. Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г. *И. Колесниковъ.*

сундучокъ Анны Ивановны, Юрій стоитъ передъ матерью и держитъ ее за руку, какъ маленькій мальчикъ.

— Мама, уѣдемъ, уѣдемъ отсюда! — молитъ онъ. — Ради Бога! Я не могу больше... Она мнѣ въ ротъ смотритъ, когда я ѣмъ, она меня унижаетъ при постороннихъ... Мама, уѣдемъ!

— Юра, куда же мы уѣдемъ? — шопотомъ, съ отчаяніемъ въ голосѣ говоритъ мать. — Вѣдь ты же знаешь — у меня ничего; а здѣсь — все-таки воздухъ, молоко... Зимой, Богъ дастъ, она уѣдетъ — мы опять будемъ одни. Ты же знаешь... Какъ теперь прожить въ городѣ?

— Мама, мама! А мой университетъ? — съ воплемъ вырывается у него.

Она зажимаетъ ему ротъ своей худой рукой и, глотая рыданія, говоритъ:

— Поправься, поправься сначала... Тогда ужъ какъ-нибудь...

Слезы текутъ по ея лицу: слезы брызгаютъ и изъ его, уже не озлобленныхъ, а безконечно несчастныхъ глазъ. Онъ утыкается головой, какъ въ дѣтствѣ, въ ея сѣрый передникъ, и оба плачутъ, стараясь, чтобы никто не услыхалъ ихъ.

—

Жарко, знойно... По проселочной дорогѣ ѣдетъ молодой художникъ на станцію, — дитя города, — съ папкой рисунковъ и ящи-

— Этого не возьмутъ! — презрительно машетъ рукой Евдокія Лукьяновна: — одного легкаго ужъ совсѣмъ нѣтъ. Еще чайку, Иванъ Степановичъ?

— Не откажусь. Нынѣшнее вареньице?

— Куда! Прошлогодняго запасено — не оберешься! Вѣдь тутъ, гдѣ покойникъ прежде все цвѣтники разводилъ, у меня все сплошь теперь клубника; и уродило же ея!

— Да, цвѣты — цвѣтами, а ягоды куда полезнѣе! И чудесная же вы хозяюшка, Евдокія Лукьяновна!

— Ахъ, ужъ куда мнѣ одинокой со всѣмъ этимъ возиться! — вздыхаетъ она. — Я ужъ и усадьбу продавать хочу.

— Да что вы?! — пугается Иванъ Степановичъ. Да не можетъ же быть!

— А что мнѣ тутъ одной дѣлать? — искоса томно поглядывая на гостя, говоритъ она. — Я вотъ поставлю покойнику памятникъ, все земное совершу да въ монастырь уйду.

— Что вы о монастырѣ толкуете? Такіе ли ваши годы? Можетъ-быть, какъ-нибудь и иначе ваша жизнь повернуться можетъ! — значительно возражаетъ Иванъ Степановичъ. А землицу-то упустите — пожалѣете! Я бы вамъ ее ой какъ совѣтовалъ попридержать: теперь землица-то дороже золота!

— На мой вѣкъ хватитъ! — скромно замѣчаетъ она.

Иванъ Степановичъ пыхтитъ отъ волненія.

— Да кому вы землю-то продавать хотите? Здѣшнимъ крестьянамъ? Да вѣдь здѣшніе крестьяне — первые бунтовщики! Народъ прямо Богомъ забытый! А знаете, кто этому много способствуетъ?.. — и вдругъ эта новая мысль отвлекаетъ его отъ вопроса о землѣ Евдокіи Лукьяновны. — Я давно вамъ хотѣлъ сказать!..

— Кто? — отъ любопытства прощая ему уклоненіе отъ многозначительной темы, спрашиваетъ она.

Онъ нагибается къ ней и понижаетъ голосъ:

— Попъ!

— Отецъ Василій?..

— Онъ самый. Книги имъ даетъ читать... газету выписываетъ, сами знаете какую; о вредѣ необразованія разглагольствуетъ, дѣтей учить велитъ, о человѣческомъ достоинствѣ съ ними толковать вздумалъ! — возмущается Иванъ Степановичъ.

— Да неужто же, Иванъ Степановичъ?

— Самъ слышалъ! Словомъ, человѣкъ направленія самаго вреднаго! Я давно смотрю...

— Да что вы говорите! А еще служитель церкви! Я, конечно, всегда въ немъ какую-то умственность замѣчала: но чтобы до этого дошло...

— А я вѣдь давно собирался съ вами объ этомъ потолковать. Надо бы объ этомъ кому слѣдуетъ написать... Да одному какъ-то неудобно. Вотъ если бы еще другія уважаемыя лица, — вы, напримѣръ, добрѣйшая Евдокія Лукьяновна, — могли бы мы благое дѣло сдѣлать.

— Что вы, Иванъ Степановичъ; я женщина, я въ этихъ дѣлахъ мало понимаю; но ежели вы говорите...

Двѣ головы близко наклоняются одна къ другой въ оживленномъ и таинственномъ шопотѣ; жасминъ задѣваетъ вѣткой высокую прическу Евдокіи Лукьяновны. Большая бѣлая бабочка вьется надъ лысиной гостя.

—

Въ полутемной комнатѣ, гдѣ за ширмами помѣщаются постель и

Портретъ. *Д. Жудинъ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

Ангелъ мира. *А. Вернеръ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

комъ съ красками вмѣсто багажа. Лѣниво бѣгутъ деревенскія лошадки; дорога длинная...

На поворотѣ рѣки мелькаетъ въ зелени усадьба: кусты жасминовъ, какъ молокомъ, облиты цвѣтомъ; на балконѣ яркимъ пятномъ блеститъ самоваръ.

„Какъ уютно и мирно живется, вѣрно, въ этой усадебкѣ!..“ — думаетъ художникъ. И на минуту его сердце сжимается завистью къ счастливымъ людямъ—тамъ, въ тихой усадьбѣ надъ рѣкой...

Изъ пророка Исаіи.

Сокрушитъ грозной силой Господь Саваоѳъ
Дерева по дубравамъ дремучимъ,
И повержена будетъ гордыня дубовъ,
Величавшихся ростомъ могучимъ.
И. поднимется новая вѣтвь отъ корней,
Возродится отъ древа Іессея,
Молодою листвой облачится пышнѣй,
Къ небесамъ возрастетъ, зеленѣя.
И подъ сѣнью ея будетъ миръ и покой,
Царство новое правды и свѣта,
И почіетъ Духъ Божій на отрасли той,
Духъ безсмертной Любви и совѣта.
Всюду счастье и радость тогда расцвѣтутъ,
Будетъ благъ Судія неподкупный:
Онъ вершить на землѣ будетъ праведный судъ,
Обольщеньямъ мірскимъ недоступный.
Онъ по истинѣ бѣдныхъ разсудитъ тогда,
И страдальцамъ онъ руку протянетъ,—
И въ сердцахъ навсегда прекратится вражда,
И насилія въ мірѣ не станетъ.
Ни медвѣдь ни волчица не тронутъ овецъ,
Барсъ играть будетъ мирно съ козленкомъ,
Будутъ рядомъ покоиться левъ и телецъ,
И змѣя подружится съ ребенкомъ.
Зла не будетъ никто никому причинять
Въ тѣ грядущіе свѣтлые годы,
И вездѣ разольется небесъ благодать,
Какъ морскія безбрежныя воды.

С. Головачевскій.

Бережливость.

Очеркъ инженера **В. В. Рюмина.**

Мы, русскіе, вообще не отличаемся разумной экономіей, мы или скупы или же, просто по небрежности, необдуманности, доходимъ до расточительности.

Необъятная ширь нашихъ полей, наши разстоянія нашли отраженіе и въ ширинѣ нашей натуры, намъ мало свойственна аккуратность, мы даже добродушно подсмѣиваемся надъ нею, называя ее нѣмецкой.

Но времена мѣняются, настали и для насъ, русскихъ, такія времена, въ которыя надо произвести переоцѣнку многому и въ томъ числѣ укоренившимся привычкамъ въ нашей домашней жизни.

Война, связанные съ нею недостатки въ тѣхъ и другихъ припасахъ и товарахъ, страшныя цѣны на все невольно заставляютъ задуматься и искать новыхъ пріемовъ, новыхъ путей; найти ихъ можно только въ наукѣ.

Переворотъ въ управленіи страной долженъ вызвать такой же переворотъ и въ нашемъ хозяйствѣ.

Какъ ни странно, но въ кухнѣ и вообще въ благоустроенномъ домашнемъ хозяйствѣ знаніе химіи, физики, гигіены и вообще естественныхъ наукъ не только не лишнее, но положительно необходимо.

Теплота примѣняется для приготовленія большей части кушаній, теплота эта получается почти исключительно отъ сжиганія того или другого топлива, но сколько надо этой теплоты для приготовленія пищи, и сколько ея теряется безполезно, для нагрѣванія кладки печей, стѣнъ и воздуха кухни—этого не подсчитываютъ. Сколько стоитъ одинаковое количество теплоты, получаемое отъ разныхъ сортовъ топлива, этого никто изъ нашихъ хозяекъ не только не знаетъ, но и не предполагаетъ возможности усчитать.

Между тѣмъ техники, имѣющіе дѣло съ тепловой энергіей, должны вести правильный учетъ ея, такъ какъ отъ этого зависитъ доходность предпріятія.

Попробуемъ подсчитать число калорій, нужныхъ для приготовленія горячаго, скажемъ: щей на 5 человѣкъ.

Мяса пойдетъ 2,5 фунта, воды 10 фунтовъ (около 21 стакана) и остальныхъ припасовъ 3,5 фунта, всего 16 фунтовъ или 6,5 килограммовъ.

Теплоемкость припасовъ примемъ равную водѣ, т.-е. единицѣ и температуру ихъ и воды въ 18° Цельзія; это обыкновенная комнатная температура. Щи, нагрѣвшись до 100°, начнутъ кипѣть, и температура ихъ не поднимается выше, но чтобы всѣ припасы хорошо упрѣли, надо ихъ продержать при этой температурѣ около 4-хъ часовъ.

Для нагрѣванія отъ 18° до 100° 6,5 килограммовъ надо придать 82×6,5, т.-е. 1.353 калоріи.

Если бы можно было,—а это, какъ увидимъ дальше, возможно,—поддержать температуру, не расходуя топлива, то всего мы затратили бы 1.353 или для ровнаго счета 1.400 калорій.

Но на практикѣ, даже соблюдая возможную осторожность, мы затратимъ больше, такъ какъ щи будутъ кипѣть, а вода, испаряясь, поглощаетъ 550 калорій. Если допустить, что испарится всего 0,5 литра, то израсходуется до 2.000 калорій.

При топкѣ плиты антрацитомъ, имѣющимъ до 7.000 калорій, съ пользою будетъ употреблено немного менѣе одной трети теплоты, выдѣляемой килограммомъ антрацита, т.-е. можно бы

сжечь всего 286 граммовъ антрацита, т.-е. около ¾ фунта антрацита, а на самомъ дѣлѣ приходится сжигать не меньше 20 фунтовъ.

Правда, избыткомъ тепла можно воспользоваться для нагрѣванія воды, приготовленія другихъ кушаній, отопленія кухни, но все это не всегда нужно, и такимъ образомъ приходится израсходовать антрацита почти въ 27 разъ больше, чѣмъ нужно.

Многіе начали теперь готовить кушанье на спиртовкахъ, на керосинкахъ: тамъ, гдѣ есть соотвѣтственное устройство въ квартирахъ, употребляють электричество и газъ, но эти два источника теплоты, какъ мало распространенные, оставимъ безъ разсмотрѣнія.

Сравнивая стоимость калорій, получаемыхъ отъ антрацита, спирта и керосина, найдемъ, что на 1 копейку, затраченную на покупку антрацита, получимъ 875 калорій, спирта 116 и керосина 334 калоріи.

Изъ этого перечня ясно, что все же самымъ выгоднымъ источникомъ тепла является антрацитъ, но зато и приборы, въ которыхъ онъ сгораетъ, не даютъ возможности использовать теплоту такъ хорошо, какъ это можно сдѣлать при керосиновыхъ и спиртовыхъ нагрѣвателяхъ. Только ради этого обстоятельства и возможно употреблять другіе источники тепла кромѣ угля.

Разсматривая процессъ варки горячаго, мы находимъ, что съ момента закипанія кушанья температура его перестаетъ подниматься и держится на ста градусахъ (теоретически, при тщательномъ измѣреніи, температура немного выше); испарять же воду нѣтъ надобности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда желаютъ сгустить кушанье, но для этого гораздо проще съ самаго начала взять меньше воды.

Практика показываетъ, что разные виды провизіи требуютъ разнаго времени пребыванія при высокой температурѣ: говядина должна вариться не меньше 4-хъ часовъ, солонина нѣсколько больше, а соленый языкъ еще больше, — до 6 часовъ, тогда какъ рыба можетъ быть готова всего въ полчаса, даже меньше.

Для овощей самое долгое время—2 часа (кислая капуста требуетъ и еще болѣе продолжительной варки), для варки артишокъ въ среднемъ достаточно около часа.

Для жаренія и печенія температура держится отъ 180° до 200°, но зато теплоемкость воздуха (въ духовыхъ и иныхъ печахъ) равна всего четверти теплоемкости воды, а стало-быть и калорій надо меньше, чѣмъ для нагрѣванія воды.

Самый процессъ жаренія короче. Такъ, кусокъ говядины въ 10 фунтовъ сжарится въ теченіе 2½ часовъ, это самый долгій срокъ, все остальное требуетъ значительно меньше времени, и мелкая дичь можетъ быть изжарена въ 10 минутъ.

Какъ сказано раньше, температура во время варки не превышаетъ 100 градусовъ, но чтобы мясо, овощи и проч. прогрѣлись во всю толщу до тѣхъ же 100 градусовъ, нужно время, а это прогрѣваніе идетъ съ такой постепенностью: мы сдѣлали

Портретъ скульптора Г. *М. Слѣпянъ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

Окно. *М. Слѣпянъ.*
Выставка Товарищества Художниковъ 1917 г.

опытъ,—кусокъ мяса около 4-хъ фунтовъ былъ положенъ въ холодную воду, черезъ 22 минуты вода закипѣла (нагрѣлась до 100°), а въ центрѣ куска мяса было всего 11°, черезъ часъ было всего 43°, а черезъ полтора часа 62°.

Изъ этого опыта видно, во-первыхъ, что говядина довольно дурно проводитъ тепло, а во-вторыхъ, что время, нужное на доведеніе говядины до готовности, зависитъ отъ величины кусковъ, и потому время приготовленія можетъ быть сокращаемо.

Въ городахъ Западной Европы, гдѣ недорога электрическая энергія, стали вводить особые дешевые тарифы на нее и приборы для варки кушанья, построенные такъ, что температура не можетъ повышаться за 100°: приборы эти позволяютъ рабочимъ и вообще людямъ, принужденнымъ утромъ уходить изъ дома, положить въ нихъ все нужное для варки супа, включить токъ и спокойно оставить свой обѣдъ безъ всякаго надзора.

То же самое можно сдѣлать и безъ примѣненія тока. Мясной супъ держатъ нѣкоторое время на огнѣ, не больше получаса, другія кушанья меньше, затѣмъ кастрюлю съ нимъ быстро переносятъ въ особый ящикъ, закрываютъ его и оставляютъ безъ надзора до того времени, когда надо будетъ обѣдать.

Ящикъ устроенъ очень просто: стѣнки деревяннаго, плотнаго, съ хорошо пригнанной крышкой, ящика оклеиваютъ или обиваютъ нѣсколькими слоями мягкой бумаги (старыхъ газетъ); въ серединѣ ящика ставятъ картонный или склеенный изъ многихъ слоевъ той же бумаги сосудъ, въ который должна плотно входить кастрюля. Между картоннымъ сосудомъ и стѣнками, дномъ и крышкой ящика остающееся пространство наполняется нарѣзанной на полоски бумагой.

Бумага — очень плохой проводникъ тепла, это замѣчено уже давно (въ нынѣшнюю войну предложены были одѣяла изъ бумаги). Кастрюля съ кушаньемъ, поставленная въ такой ящикъ, остается горячей столько времени, сколько нужно для того, чтобы кушанье упрѣло.

Устроить такой ящикъ можетъ каждый.

Разстояніе между стѣнками ящика и кастрюли должно быть не меньше радіуса самой кастрюли.

Размѣры эти зависятъ отъ разныхъ причинъ и во всякомъ случаѣ, чѣмъ они больше, тѣмъ дольше сохранится теплота.

Полезно ставить кастрюлю въ заранѣе помѣщенную въ ящикъ другую большую кастрюлю съ нагрѣтымъ до кипѣнія растворомъ поваренной соли или лучше глауберовой, такъ какъ соляные растворы вообще кипятъ при высшей температурѣ, а растворъ глауберовой соли (она не ядовита, а употребляется, какъ послабляющее средство) обладаетъ къ тому же большою теплоемкостью, и такихъ образомъ кушанье еще лучше будетъ сохранять свою температуру.

Вотъ нѣсколько указаній, при помощи которыхъ можно сократить расходъ на топливо.

Воздушная охота.

Очеркъ Б. А. Вѣнценосцева.

(Съ 4 рис. автора на стр. 714—716).

Два года тому назадъ, вылетая на развѣдку непріятельскаго расположенія и переходя позиціи на высотѣ двухъ тысячъ метровъ, я встрѣтилъ непріятельскій Альбатросъ. Долго всматривался я въ приближающійся, растущій изъ точки, красивый по очертаніямъ самолетъ.

Онъ прошелъ мимо, показавъ свои кресты. Мы разминулись, какъ два ястреба, идущіе за своей добычей; у насъ не было еще тогда крѣпкихъ остро-отточенныхъ когтей, все наше вооруженіе состояло изъ одного карабина.

Такъ было два года тому назадъ. Но теперь арміи прозрѣли глазами-самолетами и стараются „ослѣпить" другъ друга. Авіація совершила такой колоссальный скачокъ впередъ, что изъ подсобнаго рода оружія сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ и активнымъ. Она самостоятельно можетъ рѣшать боевыя задачи.

Летчики атакуютъ окопы противника, осыпая ихъ дождемъ свинца изъ пулеметовъ, и тяжелые бомбовозы разрушаютъ въ тылу узловые снабжающіе центры непріятеля, взрывая склады снарядовъ, отрѣзываютъ желѣзнодорожное сообщеніе и тѣмъ самымъ подготовляютъ гибель противнику. Развѣдывательные аппараты сообщаютъ перемѣщенія силъ противника, а артиллерійскіе—руководятъ огнемъ тяжелыхъ батарей. Словомъ, армія не можетъ существовать безъ своихъ глазъ-самолетовъ.

Естественно, что каждая борющаяся сторона должна обезвредить своего противника. И вотъ уничтожаютъ самолеты непріятеля артиллерійскимъ огнемъ и высылаютъ имъ навстрѣчу подвижныхъ, быстроходныхъ, хорошо вооруженныхъ пулеметами, истребителей.

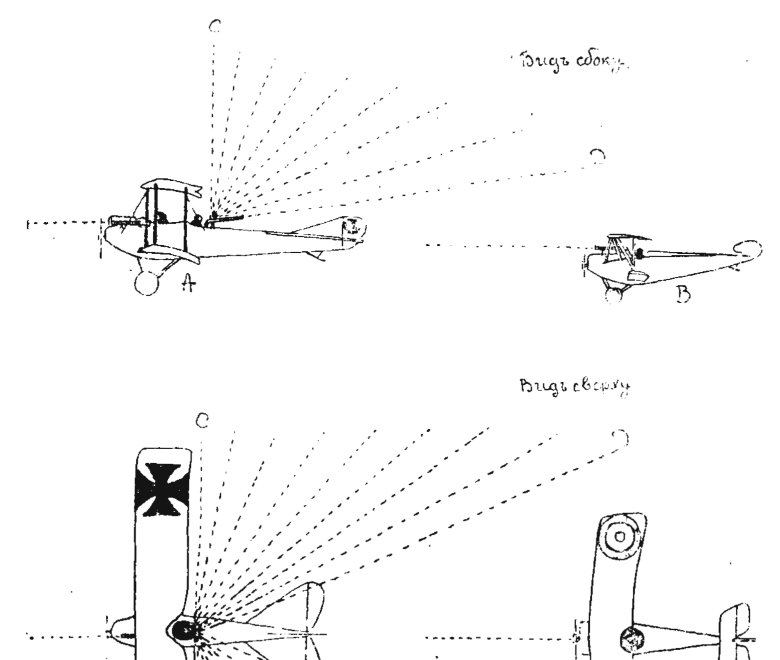


Рис. 1. Истребитель (В) становится въ „хвостъ" нѣмецкому двухмѣстному развѣдчику (А). Зона (С—Д) является опасной для истребителя (В), ибо она поражается огнемъ пулемета противника.

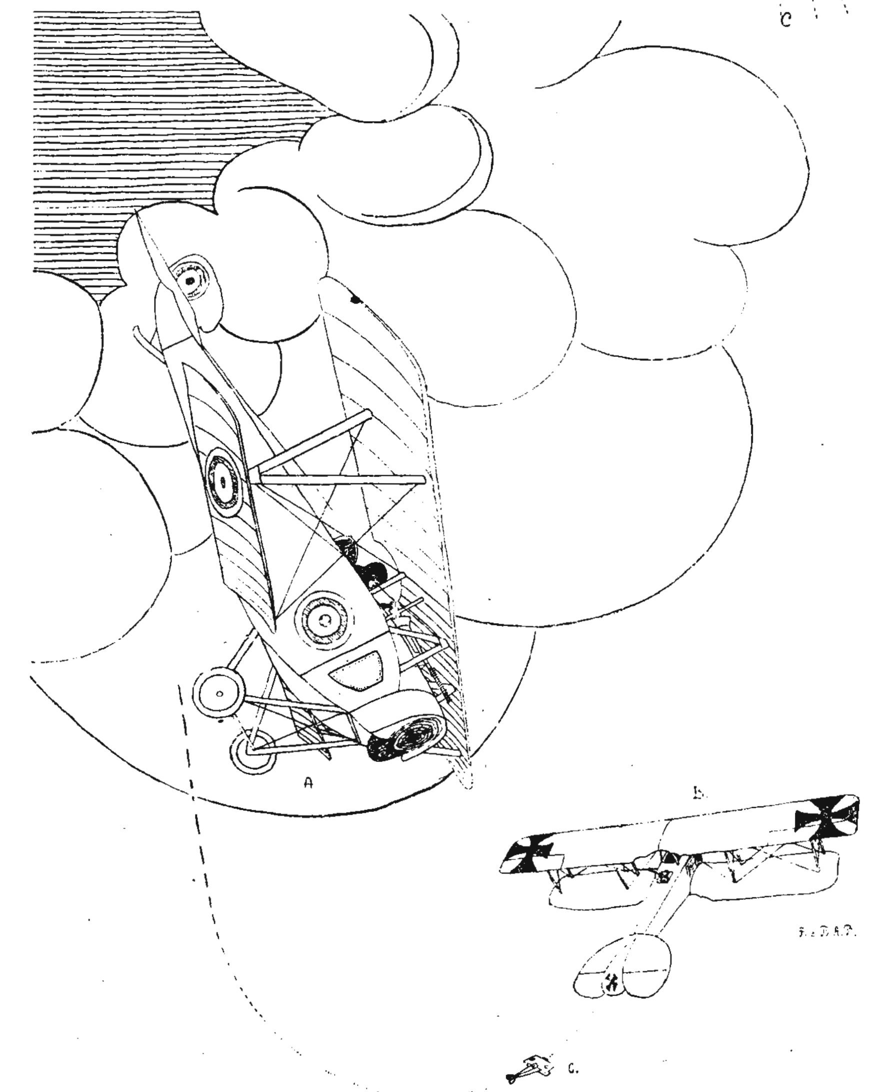


Рис. 2. Незамѣтно подкравшись къ нѣмецкому двухмѣстному развѣдчику (В), истребитель (А) камнемъ „пикируетъ" вслѣдъ уходящему противнику, чтобы встать ему въ „хвостъ" (С).

Эти истребители—воздушные охотники и являются самымъ надежнымъ и рѣшительнымъ оружіемъ противъ непріятельскихъ соглядатаевъ сверху. Цѣль истребителя—уничтожить самолетъ противника. Противникъ не долженъ проникнуть за позиціи, а если проникъ, то его необходимо уничтожить. Необходимо охранить отъ бомбометанія желѣзнодорожные узлы и города съ ихъ складами и заводами на оборону. Вотъ задачи истребителя. Само названіе „истребитель" уже показываетъ, что онъ долженъ обладать средствомъ истребленія противника, т.-е. скорострѣльнымъ автоматическимъ оружіемъ, какимъ является пулеметъ, а для того, чтобы настичь противника, долженъ обладать и большой скоростью. Въ настоящее время скорость истребителей достигаетъ 200—250 километровъ въ часъ. Для маневрированія въ воздухѣ истребитель долженъ отличаться большой поворотливостью. Все это и выработало особый типъ самолета, небольшого, поворотливаго, быстроходнаго и хорошо вооруженнаго пулеметомъ.

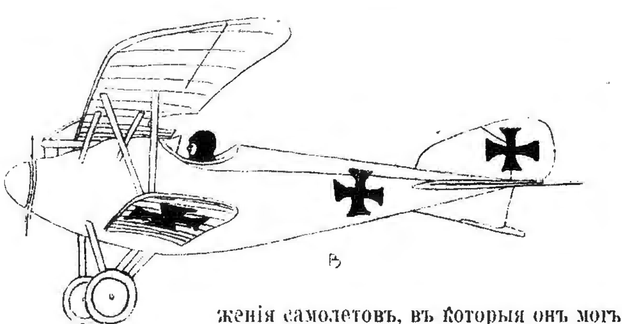
Какъ же охотятся другъ на друга летчики? Да по тому же принципу, который и у пернатыхъ. Хорошее вооруженіе, острый и быстрый взглядъ и неожиданное нападеніе сверху на беззащитную, не чующую опасности, жертву,— вотъ основной принципъ боя истребителей. Побѣдителемъ всегда будетъ зоркій соколъ.

Неожиданность нападенія осуществляется тѣмъ, что непріятеля нужно замѣтить первымъ и подойти къ нему незамѣченнымъ какъ можно ближе и уже отсюда бить его навѣрняка. Читателю, можетъ-быть, покажется страннымъ, что въ такомъ безбрежномъ океанѣ, какъ воздухъ, который весь — прозрачность и чистота, и въ которомъ нѣтъ привычныхъ для глаза предметовъ, кромѣ облаковъ,—летчику трудно замѣтить летящій самолетъ? Но это такъ! Конструктивная необходимость заставляетъ пилота сидѣть въ ка-

бинкѣ, гдѣ сосредоточено все управленіе самолетомъ. На кабинкѣ устанавливается козырекъ, который предохраняетъ пилота отъ воздушнаго вихря, тянущагося за пропеллеромъ и моторомъ. Кромѣ того, несущія плоскости находятся или впереди летчика или же непосредственно надъ нимъ. Всѣ эти предметы—кабинка, плоскости, стойки и тросы—сильно сокращаютъ кругозоръ летчика, а наличіе лишь двухъ глазъ лишаетъ его возможности смотрѣть назадъ.

Кромѣ того, летчикъ слитъ съ самолетомъ не только физически, т.-е. чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ каждое движеніе самолета, но онъ слитъ и механически. Всѣ пилоты-истребители привязаны поясомъ къ сидѣнью, а черезъ плечи и шею перекинуты ремни, которые прочно прикрѣпляютъ къ тому же сидѣнью, ибо истребитель въ буквальномъ смыслѣ долженъ кувыркаться въ воздухѣ, какъ голубь, пернатый товарищъ по воздушной стихіи.

Незамѣченный подходъ къ противнику, это—уже почти побѣда. Внезапность сильно дѣйствуетъ на психику противника, она ошеломляетъ его, и онъ упускаетъ тѣ немногія секунды сбли-



женія самолетовъ, въ которыя онъ могъ бы выпустить нѣсколько пуль по атакующему. Неожиданность нападенія не позволяетъ ему встрѣтить атаку контръ-маневромъ, и онъ будетъ пассивнымъ, т.-е. жертвой. Необходимость незамѣтнаго подхода заставляетъ использовать всѣ обстоятельства.

Если небо облачно, то, подходя къ противнику подъ защитой облаковъ, бросаются на него камнемъ сверху. Нельзя не упомянуть о томъ, что подходъ со стороны солнца къ непріятелю, т.-е. когда нападающій находится между солнцемъ и непріятельскимъ самолетомъ, является большой маскировкой для атакующаго, ибо лучи солнца, въ особенности низко стоящаго, бьютъ противнику въ глаза, ослѣпляя его. Это обстоятельство всегда учитываютъ истребители. Преобладаніе въ высотѣ относительно противника чрезвычайно важно, ибо только тогда можно съ наибольшимъ успѣхомъ осуществить внезапность нападенія, падая сверху камнемъ и примѣняя тотъ маневръ, который вызывается обстоятельствами. Кромѣ того, имѣя бо́льшую высоту, истребитель гарантируетъ себѣ въ случаѣ неудачной атаки, пораненія и порчи мотора болѣе или менѣе безопасный спускъ, ибо, чѣмъ выше, тѣмъ дольше можно спускаться безъ работающаго мотора, планировать и выбирать удобное мѣсто для посадки. Чрезвычайно важна и скорость самолета, ибо преобладаніе скорости даетъ иниціативу въ руки летчику,—онъ можетъ набрать большую высоту, догнать противника, а такъ какъ атака длится всего нѣсколько секундъ, по истеченіи которыхъ противникъ уже дѣлаетъ контръ-атаку и нападающій можетъ стать въ невыгодное положеніе, то скорость аппарата можетъ быстро выручить его, выводя самолетъ изъ-подъ обстрѣла.

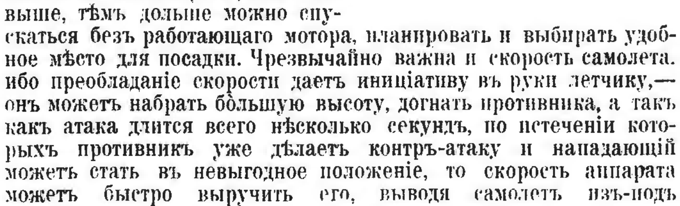


Рис. 3. (А) пикируетъ на „нѣмца" (В) сверху, чтобы, поднырнувъ подъ „брюхо", разстрѣлять его почти въ упоръ.

Для успѣшнаго исхода боя необходимо узнать противника, кто онъ: истребитель, развѣдчикъ, бомбовозъ двухмоторный? Это дается путемъ долгаго присматриванія начинающаго истребителя къ своимъ противникамъ. Французскій истребитель, только-что окончившій школу, сразу не вступаетъ въ бой, онъ проходитъ извѣстный стажъ „присматриванія" къ противнику, держась на боевой высотѣ почти надъ своими позиціями. Здѣсь онъ какъ бы примѣривается къ атакамъ, но не вступаетъ въ бой до тѣхъ поръ, пока не „набьетъ" глазъ на распознаваніи различныхъ самолетовъ по ихъ назначенію. Здѣсь неоперившійся птенецъ пробуетъ выпускать когти, и эта школа быстро воспитываетъ его, она даетъ ему подлинную боевую обстановку и возможность въ совершенствѣ развивать технику полета. Только пройдя этотъ искусъ, истребитель начинаетъ свою охоту, и сбитый пятый по счету непріятельскій самолетъ даетъ ему почетное право называться „as'омъ".

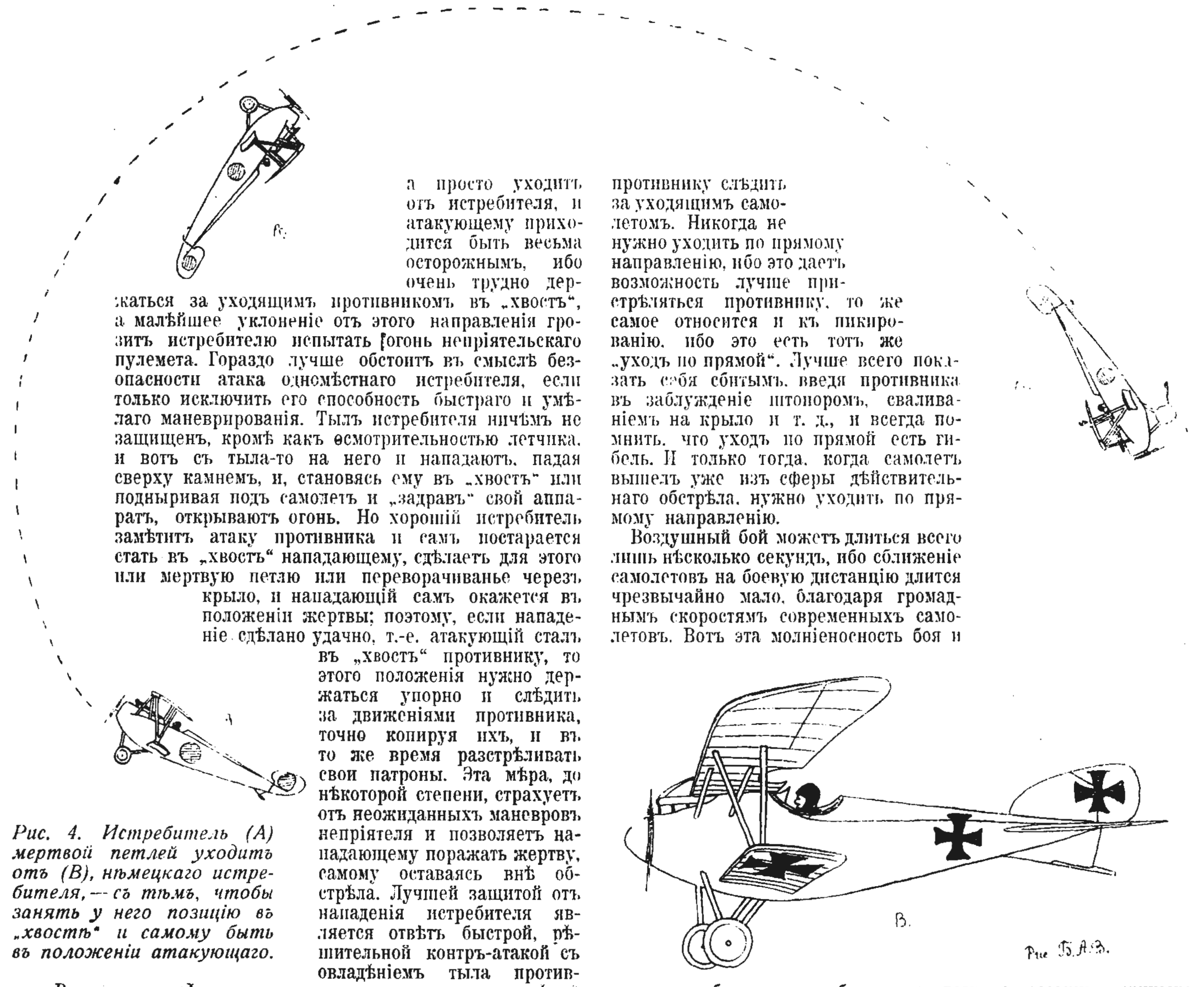
Я уже упомянулъ, что необходимо опредѣлить противника, ибо отъ назначенія самолета зависитъ его система и вооруженіе. Такъ, самолеты-истребители почти всегда одномѣстные и вооружены однимъ пулеметомъ, укрѣпленнымъ неподвижно по оси самолета и стрѣляющимъ только впередъ по движенію самолета; развѣдочные—почти всегда двухмѣстные и имѣютъ два пулемета, стрѣляющіе впередъ и назадъ; кромѣ того, у нѣмцевъ есть трехмѣстные бомбовозы, вооруженные тремя пулеметами съ обстрѣломъ почти во всѣ стороны. Летчику-истребителю необходимо знать, съ какой стороны броситься на самолетъ, подвергаясь наименьшему риску получить нѣсколько пуль противника, и какой маневръ примѣнить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Одномѣстный самолетъ-истребитель придется атаковать сверху, сбоку или сзади въ „хвостъ" или же подъ „брюхо" и ни въ коемъ случаѣ,—въ „лобъ", ибо стрѣляющій впередъ пулеметъ въ нѣсколько секундъ изрѣшетитъ нападающаго. Къ двухмѣстному развѣдчику придется подойти съ хвоста и упорно держаться того же направленія и той высоты непріятеля, пока атакующій не выпуститъ серію пуль. Держась этого направленія, нападающій защищенъ рулемъ направленій противника, который находится на продольной оси самолета и который не позволяетъ открыть огонь по этому направленію. Кромѣ того, безопасенъ подходъ спереди подъ угломъ приблизительно въ 45° къ продольной оси самолета: здѣсь непріятелю нельзя стрѣлять черезъ стойки и тросы самолета, и защита возможна лишь маневрированіемъ. Всѣ эти зоны подходовъ къ самолету противника являются безопасными для атакующаго, и ему приходится ихъ выбирать и умѣло къ нимъ подходить.

Когда воздушный охотникъ уже опредѣлилъ, кого представляетъ собою намѣченная жертва: подвижного ли и опаснаго этой подвижностью одномѣстнаго истребителя или же неповоротливаго, но значительно сильнѣе вооруженнаго развѣдчика, бомбовоза или фотографа,—тогда уже онъ, подойдя, по возможности, незамѣченнымъ, бросается на свою жертву, примѣняя удобный для него маневръ атаки.

Громадное значеніе имѣетъ и психическая подготовка противника,—если имъ уже замѣченъ атакующій самолетъ. Нападающій дѣлаетъ какъ бы ложныя атаки, продѣлываетъ рядъ воздушныхъ трюковъ: штопоръ, переворотъ черезъ крыло и т. д. И если атакуемый недостаточно облетанный пилотъ, то психическое воздѣйствіе на него этими маневрами громадно. Оно совершенно парализуетъ разумность его поведенія, что замѣтно по его метанію изъ стороны въ сторону, и онъ уже является совершенно пассивнымъ противникомъ, на котораго набрасывается истребитель, чтобы сбить его съ первой же атаки. Очень часто два „as'а", встрѣчаясь въ воздухѣ, начинаютъ такимъ путемъ подготовлять другъ друга и, убѣдившись въ равносильности и безплодности своихъ атакъ, расходятся каждый своею дорогой. Всегда нужно помнить, что съ тыла еще грозитъ опасность со стороны необнаруженныхъ товарищей противника или же отъ случайно проходящаго самолета непріятеля.

Я укажу лишь на два случая нападеній: на двухмѣстнаго развѣдчика и одномѣстнаго истребителя.

Самой опасной и трудной атакой нужно считать нападеніе на развѣдочный самолетъ, если тамъ сидитъ хорошій наблюдатель-пулеметчикъ. Здѣсь атакующій нарывается и сзади и спереди на пулеметы, а подойти незамѣченнымъ почти невозможно. Вотъ здѣсь-то и нужно использовать всю обстановку: свѣтящее въ „лобъ" противнику солнце и наличіе облаковъ, но даже и въ этомъ случаѣ напряженный взоръ наблюдателя откроетъ непріятеля, и нападающій долженъ выиграть время, чтобы подойти на близкое разстояніе (100—200 метровъ), и подойти такъ, чтобы огонь изъ непріятельскаго пулемета былъ менѣе дѣйствителенъ. Истребитель бросается сверху камнемъ, „пикируя" на жертву, и лучше всего фигурно, штопоромъ, ибо это сбиваетъ наводку пулемета, а затѣмъ, дойдя до высоты противника и уткнувшись ему почти въ „хвостъ", разстрѣливаетъ его почти въ упоръ подъ защитой непріятельскаго хвоста или же совсѣмъ ныряетъ подъ самолетъ противника и, задравъ свой аппаратъ кверху, открываетъ огонь изъ пулемета. Хорошо подойти спереди со стороны безопасной зоны самолета, ибо тогда истребитель подходитъ къ противнику безнаказанно и быстрымъ поворотомъ почти на мѣстѣ (переворотъ черезъ крыло) становится по ходу противника и старается помѣститься подъ него, для разстрѣла его снизу. Вообще же, атака двухмѣстнаго самолета трудна по своей сложности даже и въ томъ случаѣ, если противникъ не встрѣчаетъ контръ-атакой,



а просто уходитъ отъ истребителя, и атакующему приходится быть весьма осторожнымъ, ибо очень трудно держаться за уходящимъ противникомъ въ „хвостъ", а малѣйшее уклоненіе отъ этого направленія грозитъ истребителю испытать огонь непріятельскаго пулемета. Гораздо лучше обстоитъ въ смыслѣ безопасности атака одномѣстнаго истребителя, если только исключить его способность быстраго и умѣлаго маневрированія. Тылъ истребителя ничѣмъ не защищенъ, кромѣ какъ осмотрительностью летчика, и вотъ съ тыла-то на него и нападаютъ, падая сверху камнемъ, и, становясь ему въ „хвостъ" или подныривая подъ самолетъ и „задравъ" свой аппаратъ, открываютъ огонь. Но хорошій истребитель замѣтитъ атаку противника и самъ постарается стать въ „хвостъ" нападающему, сдѣлаетъ для этого или мертвую петлю или переворачиванье черезъ крыло, и нападающій самъ окажется въ положеніи жертвы; поэтому, если нападеніе сдѣлано удачно, т.-е. атакующій сталъ въ „хвостъ" противнику, то этого положенія нужно держаться упорно и слѣдить за движеніями противника, точно копируя ихъ, и въ то же время разстрѣливать свои патроны. Эта мѣра, до нѣкоторой степени, страхуетъ отъ неожиданныхъ маневровъ непріятеля и позволяетъ нападающему поражать жертву, самому оставаясь внѣ обстрѣла. Лучшей защитой отъ нападенія истребителя является отвѣтъ быстрой, рѣшительной контръ-атакой съ овладѣніемъ тыла противника. Въ томъ случаѣ, когда защита уже невозможна,—„заѣлъ" пулеметъ, испортился моторъ, — остается послѣднее средство: уходить! И въ этомъ случаѣ нужно использовать обстановку: или скрыться за облако или уходить противъ солнца, что мѣшаетъ противнику слѣдить за уходящимъ самолетомъ. Никогда не нужно уходить по прямому направленію, ибо это даетъ возможность лучше пристрѣляться противнику, то же самое относится и къ пикированію, ибо это есть тотъ же „уходъ по прямой". Лучше всего показать себя сбитымъ, введя противника въ заблужденіе штопоромъ, сваливаніемъ на крыло и т. д., и всегда помнить, что уходъ по прямой есть гибель. И только тогда, когда самолетъ вышелъ уже изъ сферы дѣйствительнаго обстрѣла, нужно уходить по прямому направленію.

Воздушный бой можетъ длиться всего лишь нѣсколько секундъ, ибо сближеніе самолетовъ на боевую дистанцію длится чрезвычайно мало, благодаря громаднымъ скоростямъ современныхъ самолетовъ. Вотъ эта молніеносность боя и трудность обстановки требуютъ отъ летчика высокихъ личныхъ качествъ при совершенствѣ полетной техники. Дерзкая отвага, рѣшимость и способность быстро, почти инстинктивно учитывать обстановку,—вотъ качества, необходимыя воздушному охотнику.

Рис. 4. Истребитель (А) мертвой петлей уходитъ отъ (В), нѣмецкаго истребителя, — съ тѣмъ, чтобы занять у него позицію въ „хвостъ" и самому быть въ положеніи атакующаго.

Ловля подводокъ.

Этюдъ **Пьера Милля**. Переводъ **Л. Вилькиной**.

„— Keep watcn, you, good old bird, Keep watch!"

Вы, люди, пребывающіе на землѣ, никогда не узнаете, какой кажется трагичной полная луна, когда на нее смотришь среди Средиземнаго моря, въ трепещущую звѣздами, до ужаса свѣтлую ночь,—такую благопріятную для подводныхъ лодокъ, которымъ при ея холодномъ и насмѣшливомъ свѣтѣ ясно видны на какомъ угодно разстояніи всѣ проходящія суда, между тѣмъ какъ ни одно судно не въ состояніи отличить перископа отъ милліарда маленькихъ блестокъ, производимыхъ этой жестокой луной на волнахъ. Въ такую-то томительную и вмѣстѣ поразительно прекрасную ночь шло по этому морю рыбачье судно, съ трудомъ дѣлая въ часъ по четыре тысячи ярдовъ, ибо отягощала его сѣть—единственное орудіе, съ которымъ рыбаки, подобно древнимъ гладіаторамъ-ретіаріямъ, терпѣливо и упрямо шли на бой. А два огромныхъ блока, поддерживавшіе сѣть, слегка трепетали въ лживомъ и чарующемъ свѣтѣ этой страшной луны и казались гигантскими руками, распростертыми не то для молитвы, не то для колдовства. Поразительно, до чего при такихъ обстоятельствахъ неодушевленные предметы принимаютъ видъ живыхъ существъ, во всякомъ случаѣ, болѣе живыхъ, чѣмъ эти люди на вахтѣ, у которыхъ двигаются одни глаза, возбужденные и больные отъ вѣчно напряженнаго созерцанія.

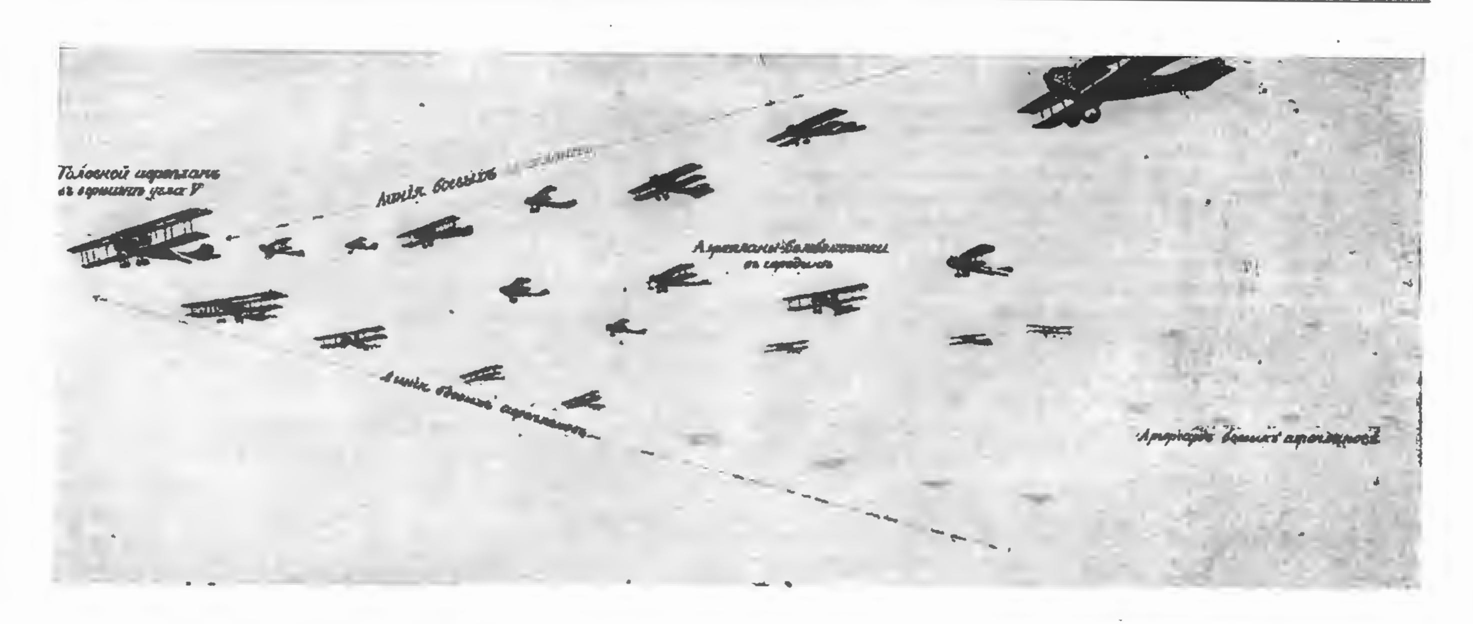
— Гляди! Слѣди! Присматривайся, птица милая, — говорилъ старый матросъ, обращаясь къ подобранной имъ послѣ трехдневной бури на одномъ изъ Цикладскихъ острововъ чайкѣ, тащившей по палубѣ свое сломанное крыло.

Матросъ казался старикомъ, несмотря на то, что ему могло быть не болѣе пятидесяти лѣтъ. Но на морѣ старятся скоро. Отъ глазъ шли безконечныя, невѣроятно глубокія морщины и соединялись съ концами рта, съ ушами и со лбомъ, на которомъ завивались волосы изъ-подъ „мыса Горна"—тяжелаго берета изъ рыжей кожи,—волосы, которые можно было бы счесть за дѣтскіе кудри, если бы они не были совсѣмъ бѣлые. Борода тоже была бы совсѣмъ бѣлой, если бы жевательный табакъ и морская соль не покрыли ее ржавчиной. Зубы рѣдкіе и черные.

— Только съ чайкой и разговариваетъ дядя Виггльсъ,—замѣтилъ вахтенный Билли, обращаясь къ своему брату Жафэ.

Но Жафэ не отвѣчалъ. Вотъ два года, какъ девять человѣкъ, составляющіе экипажъ этого судна, потеряли способность говорить, плутая по восточной части Средиземнаго моря, отдаваясь теченію, которое ихъ относило то вправо, то влѣво,—къ сѣверу, то къ югу, то къ востоку, то къ западу. Все время они тащили на буксирѣ сѣть, покуда все еще не примѣненную къ дѣлу, но предназначенную для того, чтобы поймать огромную рыбу, брюхо которой переполнено живыми людьми. Они одичали, стали почти бредить. Матросы отъ вѣчнаго усилія проникнуть взглядомъ въ волны дошли до того, что видѣли въ водѣ то, чего не могло быть. Они были увѣрены, что видѣли русалокъ, а набожный Жафэ увидѣлъ даже разъ идущаго по волнамъ Христа.

Было и еще нѣчто особенное на этомъ суднѣ, о чемъ чужіе не могли бы догадаться: не считая Жака, „самого по себѣ", не то морского разбойника, не то торговца неграми, пришедшаго къ нимъ съ Тихаго океана,—одинъ дядя Виггльсъ не былъ соединенъ со всѣмъ экипажемъ родственными узами. Другіе служащіе были: четверо сыновей хозяина Шпиллера и его два племянника. Такое родство экипажа часто наблюдается на старыхъ баркахъ, пришедшихъ съ сѣверо-западнаго побережья Англіи и занимающихся ловлей подводныхъ лодокъ съ такимъ же стоическимъ



Воздушныя атаки германцевъ на Англію. *Эскадрилья германскихъ аэроплановъ, приближающихся къ Лондону.*

Воздушныя атаки германцевъ на Англію. *Эскадрилья аэроплановъ передъ отправленіемъ въ экспедицію.*

Германскій генеральный штабъ создалъ цѣлыя летучія эскадрильи, управляемыя вооруженными пилотами. Эти хищныя стальныя птицы совершаютъ свои налеты цѣлыми стаями: болѣе сильныя поддерживаютъ и оберегаютъ болѣе слабыхъ; впереди, въ вершинѣ боевого треугольника, летитъ головной аэропланъ съ флагомъ.

остервенѣніемъ, съ какимъ нѣкогда онѣ занимались ловлей макрелей.

Но и тѣ двое чужихъ представляли собою остатки экипажа рыболовнаго судна, затонувшаго во время потопленія подводки, что случается нерѣдко, являясь какъ бы оборотной стороной успѣха. Сейчасъ мы увидимъ, какъ это происходитъ.

Билли сошелъ съ вахты. Заря на востокѣ стала только-что обозначаться узкой сѣрой полосой на горизонтѣ. Направляясь къ переднему люку, Билли прошелъ мимо дяди Вигтльса, дремавшаго теперь рядомъ со своей птицей, сломанное крыло которой вырисовывалось на палубѣ широкимъ, почти бѣлымъ пятномъ. Почувствовавъ присутствіе матроса, Вигтльсъ открылъ глаза.

— Это будетъ сегодня,—сказалъ онъ.

— Что будетъ сегодня?—спросилъ Билли.

— Подводка. Такъ сказала птица.

Его своеобразное суевѣріе заключалось въ томъ, что онъ вѣрилъ въ предсказанія морскихъ птицъ, въ особенности старыхъ птицъ. Онѣ обладаютъ предвидѣньемъ, ибо живутъ ловлей рыбы, а вѣдь подводка—та же рыба.

Вигтльсъ, державшій руки на канатѣ, почувствовалъ странныя дрожанія.

— Стараются разрѣзать сѣть ножницами.

Разрѣзать сѣть—единственное спасеніе этой кровожадной рыбы, трепетавшей тамъ подъ ними. Его она и пыталась испробовать... Новое напряженіе ворота приблизило судно къ добычѣ. Они стояли теперь, по всей вѣроятности, на разстояніи сорока метровъ отъ подводки.

— Не дадимъ имъ время,—процѣдилъ сквозь зубы Шпиллеръ. Потомъ вслухъ приказалъ:

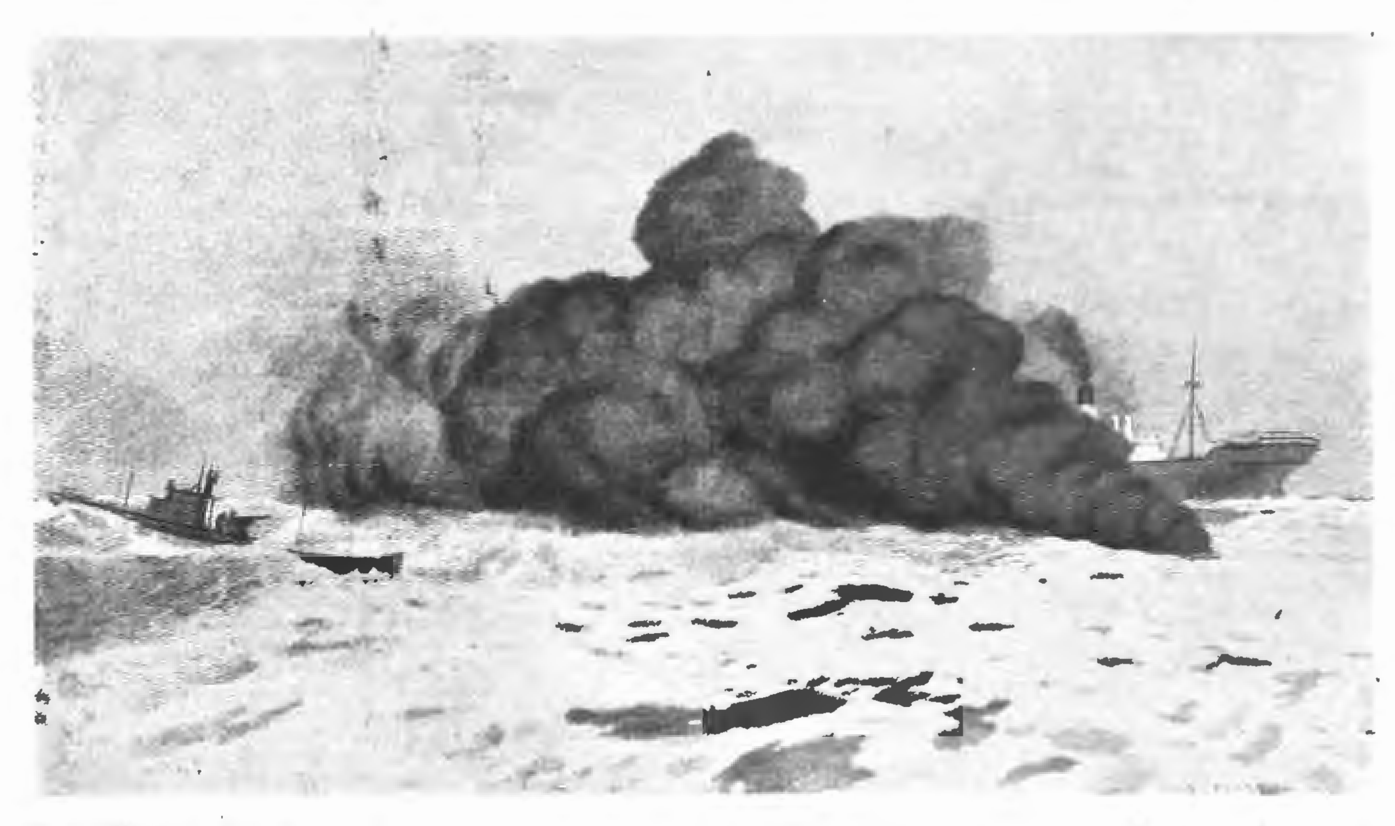
— Бомбу!

Матросы раскачали бомбу и по короткой односложной командѣ швырнули въ море...

— God help us!—закричалъ весь экипажъ.

Матросы взывали къ Богу, предвидя то, что должно было случиться. А случилось то, что судно сразу поднялось на вершину огромнаго водяного столба, частицу секунды продержалось тамъ и разломалось надвое, какъ спичка.

Такой конецъ ожидаетъ рыболовное судно, когда оно топитъ под-



На англійскомъ фронтѣ. **За дымовой завѣсой.**

Англійскія коммерческія суда („купцы“) изобрѣли для спасенія отъ подводныхъ лодокъ особые черные ящики, которые, будучи сброшены съ борта парохода на воду, развиваютъ громадные клубы густого дыма, застилающаго судно отъ зоркаго глаза—перископа подводной лодки на широкомъ морскомъ пространствѣ. Въ облакахъ этого дыма „купецъ“ можетъ круто мѣнять свое положеніе и незамѣтно приготовиться къ оборонѣ отъ подводнаго врага.

Но Билли пожалъ плечами. Въ такого рода пророчества онъ не вѣрилъ. Какъ и братъ его Жафэ, онъ вѣрилъ, что предсказывать будущее можетъ только первый стихъ Библіи, когда откроешь ее на случайной страницѣ.

И вотъ, около четырехъ часовъ, когда весь экипажъ собирался пить чай, канаты натянулись, и судно сразу остановилось, какъ лошадь, которую потянули за узду. Дядя Вигтльсъ положилъ руку на канатъ и произнесъ:

— Такъ я и сказалъ!

Тогда Шпиллеръ, хозяинъ, до того возбужденный, что у него дрожали ноги, отдалъ приказъ машинисту пустить въ ходъ воротъ и привести въ движеніе блокъ. Онъ не разсчитывалъ на то, что сможетъ потащить за собой подводку: все равно что маленькой лодкѣ на веслахъ взять на буксиръ огромнаго кита. Случилось какъ разъ противоположное, и Шпиллеръ это отлично понялъ: рыбачье судно потянулось за тѣмъ невидимымъ, за предметомъ, который они наконецъ поймали и чувствовали передъ собой.

Кто знаетъ, что въ эту минуту происходило въ томъ предметѣ? Бѣшенство, ужасъ этихъ двадцати девяти человѣкъ, похороненныхъ подъ стальнымъ сводомъ на глубинѣ пятнадцати метровъ подъ водой. Крики: „Смерть! смерть! смерть!“ тѣхъ, которые были причиной столькихъ человѣческихъ смертей. Или, можетъ-быть, они не произносили ни слова—на то дисциплина. Тѣ, которые находились во внутреннемъ помѣщеніи, быть-можетъ, слѣдили за командиромъ и ждали. А командиръ отдавалъ приказаніе: бороться до конца! Храбрые люди должны всегда дѣйствовать.

водку посредствомъ бомбы. Чаще всего оно гибнетъ вмѣстѣ съ подводкой, подобно пчелѣ, которая издыхаетъ послѣ того, какъ вонзила жало.

Жафэ отдѣлался переломомъ руки. Остальные нисколько не пострадали и вытащили его на плотъ, плававшій тутъ же, ибо онъ приготовлялся заранѣе. Прежде чѣмъ бросить бомбу, Шпиллеръ далъ сигналъ по безпроволочному телеграфу. Оставалось дожидаться предупрежденныхъ товарищей.

Почти въ одно время прибыли два судна. Мало заботясь о потерпѣвшихъ крушеніе, одинъ изъ судохозяевъ спросилъ:

— Взяли ее?—Онъ говорилъ о подводкѣ.

— Смотри,—гордясь, отвѣчалъ Шпиллеръ.

Среди широкихъ пятенъ масла плавали два страшно изуродованныхъ трупа. Головы были погружены въ волны, а задняя часть туловища возвышалась надъ водою: такъ всегда бываетъ съ утопленниками на морѣ.

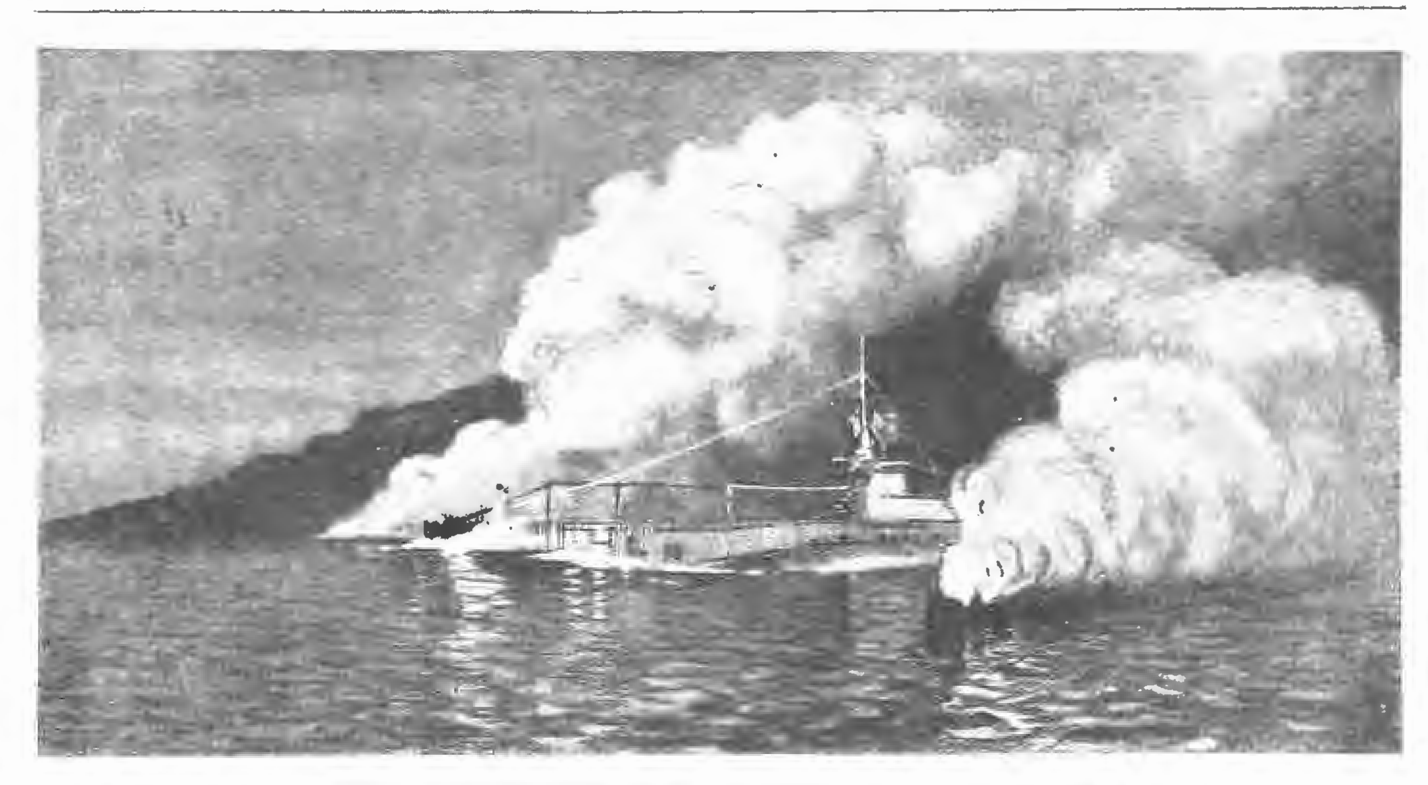
Побѣдители, потерпѣвшіе крушеніе, пересѣли на подошедшее судно. „Жакъ—самъ по себѣ“ отряхнулся весь, какъ мокрая собака, и вынулъ лоскутокъ, который хранилъ на груди.

— Можешь поднять его на мачту,—произнесъ онъ.

То былъ флагъ старыхъ разбойниковъ Тихаго океана. Кусокъ черной матеріи съ изображеніемъ черепа. Ибо таковъ обычай рыболововъ, охотящихся на подводки: если имъ удается поймать ее, они подымаютъ эту мрачную, страшную эмблему.

Съ этимъ флагомъ судно прибыло въ Отрантъ.

Все это произошло именно такъ, какъ я вамъ разсказываю. Этихъ людей я видѣлъ въ дѣлѣ.

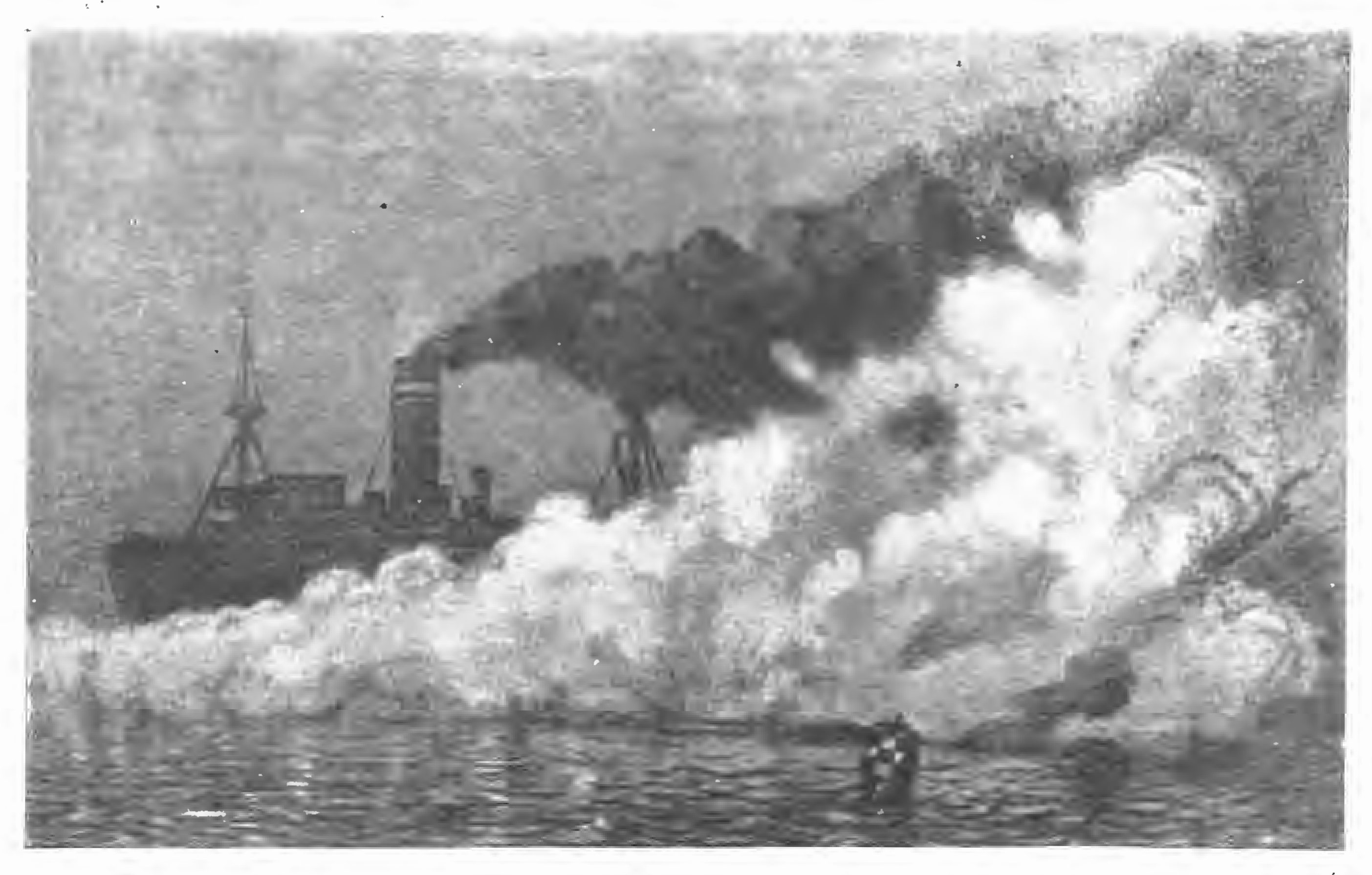


На англійскомъ фронтѣ. Дымовая завѣса—защита отъ подводныхъ лодокъ.

Политическое обозрѣніе.

Трагедія предпарламента.

Временный Совѣтъ Россійской Республики открылся 7 октября. Онъ сразу усвоилъ аллюры настоящаго парламента, избралъ множество комиссій, принялъ къ руководству думскій наказъ, образовалъ президіумъ и совѣтъ старѣйшинъ. Словомъ, нашъ предпарламентъ, видимо, намѣревался жить и работать, и лѣвая его половина не упускала случая демонстративно подчеркивать народно-представительный характеръ этого „высокаго собранія". Но уже въ среду 25-го октября высокое собраніе окончило свою недолгую карьеру. Въ Маріинскій дворецъ вошли вооруженные солдаты и матросы и „честью попросили" изъ него гг. членовъ



На англійскомъ фронтѣ. Дымовая завѣса.

Новое средство обороны, изобрѣтенное англичанами для борьбы съ германскими подводными лодками. Существуютъ два способа устройства дымовой завѣсы на морѣ: или пускаютъ съ судна струю густого дыма или бросаютъ на воду особый ящикъ, изъ котораго валитъ густой дымъ. Дымъ съ судна — черный, дымъ изъ ящика—бѣлый.

Революціонные дни въ Петроградѣ. Октябрьскій переворотъ. *„Красная гвардія“.* По фот. Петра Оцупа.

Революціонные дни въ Петроградѣ. Октябрьскій переворотъ. *Смольный институтъ. Обороняемый орудіями и пулеметами входъ въ Военно-Революціонный Комитетъ.* По фот. Петра Оцупа.

Революціонные дни въ Петроградѣ. Октябрьскій переворотъ. *Смольный институтъ, въ которомъ засѣдаютъ Военно-Революціонный Комитетъ, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.* По фот. Петра Оцупа.

Временнаго Совѣта. Никто даже не зналъ толкомъ, по чьему уполномочію дѣйствовала эта вооруженная сила. Такъ просто „караульный начальникъ" черезъ пристава предложилъ предсѣдателю Н. Д. Авксентьеву „разойтись" въ теченіе получаса, не ручаясь за послѣдствія промедленія. Ультиматумъ былъ принятъ. Подчиняясь насилію и заявивъ протестъ, гг. члены Временнаго Совѣта Россійской Республики покинули зданіе Государственнаго Совѣта Россійской Имперіи.

Хирургическая операція 25-го октября была совершена не на живомъ тѣлѣ. Къ моменту своего разгона Временный Совѣтъ Россійской Республики былъ уже политическимъ трупомъ. Еще раньше предпарламентъ умеръ отъ прирожденнаго худосочія. Весь смыслъ образованія и существованія Временнаго Совѣта заключался въ томъ, чтобы служить поддержкой коалиціонному правительству, сформировавшемуся 25-го сентября. „Расширеніе политическаго базиса" Временнаго Правительства путемъ включенія въ его составъ буржуазныхъ министровъ сопровождалось соотвѣтствующимъ расширеніемъ Демократическаго Совѣта, незадолго передъ тѣмъ выдѣленнаго изъ своей среды Демократическимъ Совѣщаніемъ. Въ третій разъ съ начала революціи предпринималась такимъ образомъ попытка воплотить въ жизнь идею коалиціи умѣренныхъ группъ революціонной демократіи и „пріявшихъ революцію" буржуазныхъ партій.

Всѣ предыдущіе опыты оказались неудачными. Въ центрѣ заключались соглашенія между партійными комитетами, распредѣлялись министерскіе портфели и наскоро компилировались широковѣщательныя деклараціи. Но за тѣсными предѣлами Маріинскаго, а потомъ Зимняго дворца все оставалось по-старому. Въ странѣ продолжалась ожесточенная партійная борьба, и все больше и больше ширилась пропасть между двумя крайними флангами нашего общественно-политическаго фронта. Создавая предпарламентъ, думали наконецъ подвести прочный фундаментъ подъ коалицію центральныхъ, соціалистическихъ и буржуазныхъ силъ революціи. Предпарламентъ былъ послѣдней ставкой республиканскаго центра.

Понадобилось немного дней, чтобы всѣмъ стало ясно, что и этотъ экспериментъ былъ обреченъ на полную неудачу. „Съ появленіемъ Временнаго Совѣта,—говорили энтузіасты коалиціи, — правительство наконецъ перейдетъ отъ словъ къ дѣлу". Открылся предпарламентъ, и сразу обнаружилось, что въ Маріинскомъ дворцѣ забили новые ключи революціонной словесности. Съ трибуны Временнаго Совѣта полились рѣчи, рѣчи безъ конца, повторявшія все однѣ и тѣ же давно извѣстныя и всѣмъ опостылѣвшія мысли. Лѣвые ораторы высказывали „лѣвыя" мысли, у правыхъ ораторовъ были мысли „правыя", и два эти словесныхъ потока текли параллельно и несліянно. Энтузіасты коалиціи не хотѣли сдаваться. „Ничего, — говорили они, — понемногу работа наладится. Въ преніяхъ неизбѣжна разноголосица. Какъ только дѣло дойдетъ до голосованій и резолюцій, образуется руководящее центральное большинство". Первымъ серьезнымъ испы-

Революціонные дни въ Петроградѣ. Октябрьскій переворотъ. *Въ Смольномъ институтѣ. Красногвардейцы на часахъ у кабинета Н. Ленина (Вл. Ульянова), предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, и Л. Троцкаго (Бронштейна), Народнаго Комиссара по иностраннымъ дѣламъ.* По фот. Петра Оцупа.

Революціонные дни въ Петроградѣ. *На центральной телефонной станціи послѣ занятія ея войсками Военно-Революціоннаго Комитета. Станцію обслуживаютъ солдаты-электротехники вмѣстѣ съ немногими оставшимися на службѣ телефонистками.*

таніемъ для предпарламента и явилось поэтому голосованіе резолюціи по вопросу объ оборонѣ страны. Ни одна изъ предложенныхъ формулъ не собрала большинства. По первѣйшему, простѣйшему и насущнѣйшему вопросу національной жизни у Совѣта Республики не оказалось никакого опредѣленнаго мнѣнія. 24 октября, накануне своего разгона, предпарламентъ вновь наглядно продемонстрировалъ свое политическое безсиліе. Въ Совѣтъ Республики явился министръ-предсѣдатель Временнаго Правительства, сообщилъ, что столица государства находится въ состояніи возстанія, и просилъ поддержки. Совѣтъ Республики вымучивалъ изъ себя этотъ вотумъ поддержки въ теченіе шести часовъ. Устраивались перерывы засѣданія, фракціи совѣщались по своимъ комнатамъ, велись междуфракціонные переговоры. Въ результатѣ къ вечеру Временный Совѣтъ раскололся на двѣ почти равныхъ части. Ничтожнымъ большинствомъ голосовъ прошла „лѣвая" формула, представлявшая собою цѣлую лекцію о „демократическихъ" способахъ борьбы съ вооруженнымъ мятежомъ. Когда предсѣдатель Совѣта привезъ эту резолюцію въ Зимній дворецъ, министръ-предсѣдатель съ полнымъ основаніемъ спросилъ, не равносильна ли она выраженію недовѣрія правительству, и не слѣдуетъ ли ему уйти въ отставку. Коалиціонный предпарламентъ не оказалъ поддержки коалиціонному правительству. Республиканскій центръ въ самую критическую для революціи минуту обанкрутился.

Въ первомъ же засѣданіи Временнаго Совѣта произошелъ инцидентъ, который заслуживалъ самаго пристальнаго вниманія членовъ этого „высокаго собранія". Представители крайняго лѣваго крыла революціонной демократіи, соціалъ-демократы—большевики покинули Маріинскій дворецъ, при чемъ ихъ лидеръ, Бронштейнъ-Троцкій мотивировалъ ихъ уходъ съ исчерпывающею ясностью и откровенностью. Отвергая коалицію съ буржуазіей во всѣхъ ея формахъ, большевики совершенно послѣдовательно отказывались имѣть что-либо общее какъ съ коалиціоннымъ правительствомъ, такъ и съ коалиціоннымъ предпарламентомъ. Они провозглашали свой неизмѣнный лозунгъ: „вся власть Совѣтамъ" и, предоставляя предпарламенту говорить, уходили, чтобы дѣйствовать среди пролетарскихъ массъ столицы. Такъ дальше и развивались событія. Коалиціонный предпарламентъ истекалъ потоками ненужныхъ словъ, а большевики дѣйствовали, организуя вокругъ своихъ центровъ столичный гарнизонъ и пролетаріатъ. Къ тому времени, когда правительство догадалось, что въ Петроградѣ бушуетъ возстаніе, а Совѣтъ Республики пролепеталъ что-то безпомощное о необходимости съ этимъ возстаніемъ бороться, большевики уже имѣли въ своемъ распоряженіи преданную имъ и подчиненную ихъ руководству вооруженную силу. 25 октября эта сила появилась въ Маріинскомъ дворцѣ. Отъ одного ея прикосновенія рухнуло хрупкое зданіе Временнаго Совѣта, и трагедія предпарламента закончилась.

Трагедія предпарламента—это трагедія республиканскаго центра. Республиканскій центръ въ обѣихъ своихъ половинахъ,—буржуазной и умѣренно-соціалистической,—сыгралъ свою роль. На политической сценѣ остаются только двѣ мощныхъ и дѣйственныхъ стихіи: стихія большевизма и стихія все грознѣе и грознѣе поднимающейся въ странѣ реакціи. Ихъ взаимодѣйствіемъ и будетъ опредѣляться въ ближайшемъ будущемъ ходъ событій въ Россіи.

Проф. **К. Соколовъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго" книги 7 и 8.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Къ этимъ №№ прилагаются: „Полн. собр. соч. Мамина-Сиб." кн. 57—58, „Полн. собр. соч. С. Я. Надсона", кн. 8 и „Для дѣтей" № 11.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ тѣсной неизбѣжной связи съ общимъ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы производства и рабочія руки, повышеніе расходовъ по издательству журнала «НИВА» достигло непосильныхъ размѣровъ: **отъ каждаго подписчика** (на каждый экземпляръ «НИВЫ») **намъ приходится терпѣть болѣе 1 рубля убытка въ мѣсяцъ,** такъ какъ со средины марта с. г. себѣстоимость каждыхъ четырехъ нумеровъ журнала и четырехъ книгъ приложеній составляетъ болѣе 2 рублей, а получаемъ мы за нихъ, за вычетомъ изъ подписной платы расходовъ по экспедиціи журнала, одинъ рубль.

Вѣрные завѣтамъ своей полувѣковой культурной работы, мы даемъ полностью нашимъ подписчикамъ все то, что мы обѣщали на 1917 г., но мы, назначая въ сентябрѣ 1916 г. подписную цѣну на годовой экземпляръ «НИВЫ» 1917 года, не могли предугадать и предусмотрѣть того, что произошло въ нашей странѣ въ этомъ году,—того, что вызвало общій экономическій кризисъ.

Тяжелое финансовое положеніе «НИВЫ», вызванное несоотвѣтствіемъ подписной цѣны на журналъ со стоимостью его изданія въ нынѣшнемъ году (положеніе, отъ котораго избавлены другія печатныя изданія, расходящіяся не по подпискѣ и повысившія розничную цѣну каждаго нумера въ четыре—пять разъ), побуждаетъ насъ просить нашихъ подписчиковъ раздѣлить обрушившееся на издательство бремя расходовъ и принять на себя каждому въ отдѣльности часть разницы расходовъ, падающихъ на каждый годовой экземпляръ журнала:—**дослать** намъ къ годовой подписной цѣнѣ еще **6 рублей.** Сумма эта опредѣляется изъ дѣленія цифры убытковъ во второмъ полугодіи—1.500.000 рублей на число нашихъ подписчиковъ въ 1917 г.—250.000.

Издательство А. Ф. Марксъ съ 1907 года, послѣ кончины своего основателя, А. Ф. Маркса, стало паевымъ Товариществомъ и за всѣ истекшія 10 лѣтъ по всему предпріятію, включая журналъ «Ниву», издательство книгъ, атласовъ и картъ, выдало пайщикамъ прибыли (дивиденда) въ общей сложности всего 880,000 рублей, а за четыре мѣсяца, мартъ—іюнь сего года, эти деньги полностью были истрачены на сверхсмѣтные расходы по изданію «Нивы».

Только истративъ всѣ эти суммы, издательство рѣшило, что наступилъ моментъ обратиться къ другу-читателю съ просьбой раздѣлить общее горе и помочь журналу.

Открыта подписка на „НИВУ" 1918 года.

Въ новыхъ, невиданныхъ условіяхъ вступаетъ „Нива" въ канунъ своего полувѣкового существованія.

Великая, единая Россія разбилась на лагери, размежевалась на партіи. Высшія цѣли жизни гаснутъ во тьмѣ вражды и недовѣрія. Нѣтъ указующаго праведнаго свѣта—свѣта разума, свѣта знанія, культуры.

Только культура можетъ упрочить свободу, создать для нея въ массѣ крѣпкія основы, осуществленныя идеи разрушенія смѣнить идеями созиданія, государственнаго строительства.

Задачамъ народной культуры служитъ „Нива" десятки лѣтъ, распространяя въ народѣ милліоны книгъ великихъ сѣятелей разумнаго, добраго, вѣчнаго. Они подняли умственный уровень народа и постепенно приблизили зарю свободы.

Теперь, когда все у насъ свободно: жизнь, слово, мысль,—первое зиждительное слово принадлежитъ тѣмъ великимъ зодчимъ свободы, которыхъ не могъ пока услышать народъ изъ-за цензурнаго запрета.

Первый крупнѣйшій среди нихъ—апостолъ русской свободы: **ГЕРЦЕНЪ.**

Имя это свято и дорого всѣмъ друзьямъ свободы, всѣмъ друзьямъ народа.

Олицетвореніе нашей народной совѣсти—Левъ Толстой незадолго до своей кончины призналъ несчастьемъ, что Герценъ остается сокрытымъ для Россіи.

И съ первыми лучами свободы „Нива" сочла своимъ долгомъ, какъ логическое продолженіе своей общественно-просвѣтительной работы, дать своимъ читателямъ

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА

(первая серія), подъ редакціей **М. К. Лемке.**

Это будетъ первое полное, безъ всякихъ цензурныхъ сокращеній, изданіе сочиненій Герцена (Искандера).

Чрезъ „Ниву" вернется на родину, въ широкіе слои народа этотъ великій эмигрантъ и принесетъ свои несмѣтныя духовныя сокровища родной странѣ, для которой до самой кончины оставался политическимъ изгнанникомъ.

Народный трибунъ, пылкій въ правдѣ и ошибкахъ, Герценъ, какъ политическій публицистъ, не имѣетъ себѣ у насъ равнаго. И не только въ Россіи: отецъ русской соціалъ-демократіи Г. В. Плехановъ считаетъ, что въ будущей критической исторіи международной соціалистической мысли Герценъ явится однимъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и блестящихъ представителей той переходной эпохи, когда соціализмъ стремился сдѣлаться „изъ утопіи наукой".

Проницательная, скептическая мысль, сознаніе, ясное до предвидѣнія,—исключительная особенность Герцена: еще задолго до битвы при Садовой онъ предсказалъ крушеніе европейскихъ надеждъ 1848 года. Его знаменитая фраза: „Теперь, графъ Бисмаркъ, ваше дѣло, пожалуйте!" предсказала не только неизбѣжную войну Германіи съ Франціей, но и побѣду Германіи. Она знаменательна въ наши дни, когда событія такъ зловѣще грозятъ повториться. Пророческія слова Герцена были смертнымъ приговоромъ Второй Имперіи, которую свергъ съ трона прусскій народный учитель.

Герценъ не признаетъ ни тѣни предразсудковъ, ни капли самообольщенія: чисто-русскій умъ, не знающій предѣла своей скептической работѣ, онъ стоитъ на стражѣ противъ всякой иллюзіи, вдохновенно творя лишь при голосѣ совѣсти.

Какъ своевременен и великъ этимъ Герценъ въ наши смутные дни, сколько свѣта внесетъ онъ въ „тьму низкихъ истинъ", которыми пронзаютъ душу народа.

Кто знаетъ,—будь слово Герцена свободнымъ, не закрѣпощеннымъ подъ семью печатями цензуры,—можетъ-быть, не переживала бы русская свобода тѣхъ тяжкихъ мукъ, которыя достались ей.

Свободному Герцену, впервые открываемому нынѣ всей Россіи, во всей полнотѣ, предстоитъ второй разъ пережить то властительство думъ народа, которое было создано ему одной лишь стороной его дѣятельности,—изданіемъ его „Колокола" съ знаменитымъ отдѣломъ въ немъ „Подъ судъ!"

Чичеринъ, говоря о колоссальномъ успѣхѣ „Колокола", писалъ Герцену: „Положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ... Вы—сила, вы—власть въ государствѣ".

Благовѣстъ „Колокола" раздался еще до зари крестьянскаго раскрѣпощенія, но, будя Россію, этотъ революціонеръ въ душѣ понималъ трагическую неторопливость исторіи, его перо не опережало рѣзца исторіи на скрижаляхъ судебъ народовъ.

По выраженію одного изъ критиковъ, Герценъ былъ „революціоннѣе революціи", отвергалъ букву, плоть революціи и окрыленъ былъ ея духомъ, дышалъ ея сущностью.

Герценъ ищетъ путей свободы въ разумѣ и не вѣритъ въ насиліе: „Великіе перевороты,—говоритъ онъ,—не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей".

Мы, русскіе люди, взыскующіе свободы, дѣлимся сейчасъ на рѣзкія партіи, и часто тщетны призывы тѣхъ, кто не видитъ спасенья внѣ единства. Но Герценъ,—это имя насъ соединяетъ.

„Онъ—нашъ",—скажутъ съ полной искренностью соціалисты-народники всѣхъ оттѣнковъ, чтя въ Герценѣ источникъ народничества, обоснованія земельныхъ стремленій, культа общины, русскаго соціалистическаго мессіанизма.

Роднымъ по духу признаютъ Герцена и соціалъ-демократы за его страстное сочувствіе рабочему классу.

Близкимъ считаетъ Герцена и партія народной свободы... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея борцовъ—Ф. И. Родичевъ говоритъ, что партія его „признаетъ методъ Герцена своимъ методомъ, указанные имъ пути свободы въ разумѣ своимъ путемъ".

„Да здравствуетъ разумъ!"—эти слова Пушкина поставилъ Герценъ на первой страницѣ своей „Полярной Звѣзды".

Разумомъ убѣждаетъ Герценъ, стилемъ увлекаетъ.

Стиль Герцена—единственный въ нашей литературѣ. Такъ не писалъ никто ни до него ни послѣ него.

Особенность его—сжатость, сжатость Тацита. Рядъ мыслей—въ одномъ словѣ; въ одномъ эпитетѣ—намекъ на цѣлую доктрину.

На ряду съ этимъ Герценъ увлекаетъ чарующимъ потокомъ самоцвѣтныхъ словъ, неистощимой игрой остроумія. Его остроуміе имѣетъ самодовлѣющее значеніе. Отъ ракетъ его каламбуровъ содрогалась реальная русская тьма.

Иронистъ въ душѣ, Герценъ былъ и сентиментальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—умиленно-трогательнымъ.

Тонко уловилъ это „совмѣстительство" Герцена критикъ Айхенвальдъ, сказавшій, что Герценъ любитъ все любящее, понимаетъ всѣ возрасты, женскую скорбь, таинство смертнаго одра, болѣзнь дѣтей, трудъ жизни, нѣжную красоту семейственности; романтикъ дружбы, поэтъ кузины, онъ бережно касается деликатныхъ струнъ, ему не далека ничья затаенная боль, онъ неравнодушно входитъ въ другія души, роднитъ съ тѣми, о комъ разсказываетъ, и въ свои мемуары, какъ живыя нити, вплелъ онъ многія чужія жизни, въ памяти потомства навѣки соединивъ ихъ съ самимъ собою...

У Герцена былъ трагически-красивый жизненный путь. Его біографія во всѣхъ подробностяхъ неразрывна съ исторіей русскаго общества, русской мысли и литературы. Онъ пережилъ

(См. слѣдующую страницу обложки).

столько исключительныхъ впечатлѣній и сумѣлъ ихъ такъ виртуозно воплотить въ яркіе образы, сочетавъ личное съ общимъ въ одну эпопею, что заинтересовалъ своимъ чужихъ, и эти его вдохновенныя художественныя страницы входятъ не только въ исторію русскаго романа, но и въ исторію Россіи, ея общественныхъ движеній.

Бѣлинскій, говоря о беллетристическихъ созданіяхъ Герцена, восторгается его умомъ, „осердеченнымъ" гуманистическимъ направленіемъ и его оригинальностью.

Бездомный скиталецъ и подневольный эмигрантъ, Герценъ всю жизнь тянулся душой къ Россіи. Все написанное имъ пропитано внутренней, стихійной страстной любовью къ родинѣ. Подъ Парижемъ, въ Монморанси ему вспоминаются подмосковныя рощи. Въ предсмертной агоніи онъ бредитъ возвращеніемъ въ Россію. „Господствующей осью", вокругъ которой вращалась его жизнь, было, по его же словамъ, „отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему... и желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбѣ".

Это желаніе теперь исполнится. Весь онъ, въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, посмертно будетъ участвовать въ судьбахъ Россіи, на зарѣ ея Новой Исторіи.

Великая эпоха въ жизни народа застала „Ниву" въ ея просвѣтительной работѣ—широкомъ распространеніи въ народѣ произведеній нашихъ писателей — за начатымъ уже трудомъ: отвѣчая широкому желанію своихъ читателей, мы начали печатать въ истекающемъ году въ „Сборникѣ Нивы" полное собраніе сочиненій популярнѣйшаго и современнѣйшаго изъ современныхъ писателей — Максима Горькаго. Заканчивая нынѣ печатаніемъ первую серію его сочиненій, мы уже напередъ опредѣлили, что слѣдующимъ приложеніемъ на будущій 1918 годъ будетъ—**вторая серія**

II. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
М. ГОРЬКАГО.

Настоящій годъ—юбилейный годъ литературной дѣятельности М. Горькаго. Только-что исполнилось 25-лѣтіе его литературной работы, начавшейся разсказомъ „Макаръ Чудра", извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ. Лучшимъ увѣнчаніемъ художественнаго таланта „буревѣстника русской литературы" было „возстановленіе" его Академіей Наукъ въ правахъ почетнаго академика по разряду изящной словесности. Избранный много лѣтъ тому назадъ избранниками русской литературы и науки и насильственно, административно отстраненный отъ Академіи по „политическимъ соображеніямъ", Горькій былъ однимъ изъ первыхъ, кому русская революція воздала должное, и Академія Наукъ украсила списокъ своихъ почетныхъ академиковъ именемъ знаменитаго писателя, завоевавшаго себѣ не только россійскую, но и міровую извѣстность.

Давъ уже въ прошломъ году характеристику могучаго таланта и указавъ первостепенное значеніе М. Горькаго въ ряду нашихъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ того, что въ наступающемъ году мы включимъ во вторую серію его художественныхъ произведеній:

Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.—Двадцать шесть и одна.—**Трое.**—Пѣсня о буревѣстникѣ.—Мѣщане.—На днѣ.—Дачники.—Дѣти солнца.—Варвары.—Враги.—Человѣкъ.—Тюрьма.—Букоемовъ Карпъ Ивановичъ.—Разсказъ Филиппа Васильевича.—Исповѣдь.—**Жизнь ненужнаго человѣка.—Городокъ Окуровъ.—Матвѣй Кожемякинъ.** Повѣсть въ 4-хъ частяхъ.—**Лѣто.** Повѣсть—**Мать.**

Если Горькій—современнѣйшій изъ современныхъ писателей по своимъ героямъ, по изображаемой имъ средѣ, являющейся той огромной Россіей, которая открылась теперь сама себѣ и изумленному міру, если Горькій—пѣвецъ народа, его буйныхъ низовъ, его степной вольницы, то прямой его противоположностью по основной нотѣ писательства является Короленко, крупнѣйшій представитель русской интеллигенціи, полный жгучаго, святого безпокойства жизни.

„Нива" дала широкимъ читающимъ массамъ возможность познать Короленко и оцѣнить его творческій талантъ. Это было въ 1914 году, наканунѣ тяжкой войны. Давъ „Полное собраніе сочиненій" В. Г. Короленко, мы были тогда лишены возможности помѣстить въ немъ рядъ произведеній, находившихся подъ запретомъ военной цензуры. Теперь, когда рушились эти путы, мы спѣшимъ дать подписчикамъ „Нивы" на 1918 годъ въ дополненіе къ Полному Собранію Сочиненій эти

III. ЗАПРЕЩЕННЫЯ ЦЕНЗУРОЙ СОЧИНЕНІЯ
В. Г. КОРОЛЕНКО.

Въ вѣнецъ безсмертія писателя, какимъ является полное собраніе сочиненій, эти „запрещенныя" сочиненія В. Г. Короленко вплетутъ новые лавры.

Особенность этихъ сочиненій въ томъ, что ихъ запретила военная цензура, возглавлявшая въ 1914 году обычную гражданскую цензуру. Дѣйствительно заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ основанія къ тому: „**Черты военнаго правосудія**" и „**Еще къ Чертамъ военнаго правосудія**"

Это — художественные, до жути яркіе очерки „работы" военныхъ судовъ, съ легкостью и безпечнымъ формализмомъ составлявшихъ обвинительные акты и предававшихъ „политическихъ" военному суду.

Эти судилища отошли въ безвозвратное, дастъ Богъ, прошлое, не всѣ мы помнимъ тѣ страшные первые годы новаго вѣка, усѣявшіе глаголями висѣлицъ крѣпостные и тюремные застѣнки. Но это нужно помнить и не слѣдуетъ забывать, особенно сейчасъ, въ хаосѣ кровавой злобы.

„**Бытовое явленіе**", которому Короленко придалъ скромное названіе: „Замѣтки публициста о смертной казни", — сильная, бьющая по уму и воображенію картина большого мастера, показавшаго, какъ живутъ „смертники", какъ проводятъ эти приговоренные къ казни оставшіеся короткіе дни передъ смертью.

„Будни смертниковъ", „Иллюзіи и самоубійства", „Послѣднія свиданія", „Письма смертниковъ"—таковы яркія главы этой страшной поэмы кровавой прозы.

„Бытовое явленіе" потрясло весь культурный міръ своей правдивостью. Въ немъ нѣтъ лишняго слова, паѳоса, возмущенія, — это собраніе человѣческихъ документовъ — дневниковъ „смертниковъ", непосредственныхъ ихъ разсказовъ, предсмертныхъ писемъ заключенныхъ, ждавшихъ конфирмаціи приговора, но все это въ рукахъ такого большого мастера художественнаго слова, какъ Короленко, пріобрѣло силу, властность призыва къ человѣчности, братству, уваженію къ врагу.

Въ прямой жизненной связи съ этимъ выдающимся трудомъ въ области міровою гуманизма находятся и остальныя произведенія Короленко, перечеркнутыя красными чернилами цензуры: „**Дѣло Глускера**", „**О свободѣ печати**" (послѣ 17-го октября), „**Судебная рѣчь В. Г. Короленко**" и др.

Статья „О свободѣ печати" имѣетъ сейчасъ животрепещущій интересъ, и если бы ея не написалъ нашъ маститый писатель тогда, то онъ написалъ бы ее теперь, когда съ такимъ трудомъ прокладываетъ себѣ путь въ русской жизни эта наиболѣе уязвимая изъ пяти свободъ.

Въ дополнительныя книги сочиненій В. Г. Короленко мы включимъ и новѣйшія его произведенія, написанныя съ **1914** года.

Рѣшивъ дать нашимъ подписчикамъ на 1918 г. сочиненія трехъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей—Герцена, Горькаго, Короленко,—мы остановили свой выборъ для библіотеки иностранныхъ писателей-классиковъ на великомъ пѣвцѣ свободы — **Беранже.**

(См. на оборотъ).

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ

БЕРАНЖЕ.

Величавая фигура Беранже, какъ поэта-демократа, какъ политика и гражданина, какъ одного изъ творцовъ іюльской революціи во Франціи, какъ автора цѣлаго ряда сборниковъ патріотическихъ и сатирическихъ стихотвореній и пѣсенъ, подымавшихъ духъ Франціи, выразителя мыслей и чувствъ своего народа, его печалей, надеждъ, радостей, его подчасъ незлобиваго, подчасъ саркастическаго юмора,—эта фигура крупнѣйшаго лирика французской романтической школы еще мало извѣстна у насъ, въ новомъ „свободномъ" поколѣніи, для котораго отзвучали уже первые всплески народныхъ ликованій во Франціи, свидѣтелями которыхъ были наши отцы и дѣды.

Пѣсни Беранже—настольная книга каждаго свободнаго гражданина, и пусть отнынѣ войдутъ онѣ съ „Нивой" въ каждую русскую семью, во всѣ широкіе читающіе круги, которые обслуживаетъ „Нива", которые призваны творить новую народную жизнь.

Не даромъ стихотворенія Беранже называются *пѣснями:* Беранже придалъ пѣснѣ особое значеніе, какъ наиболѣе распространенному поэтическому творенію, и поднялъ ее на такую высоту, какой не зналъ до него ни одинъ народъ, ни одна литература.

Благодаря Беранже поэзія перестала быть привилегированнымъ достояніемъ богатыхъ и знатныхъ: онъ ввелъ ее чрезъ свои „Пѣсни" въ кругъ народа, приблизилъ къ сердцу тѣхъ „маленькихъ людей", которые создали великую свободу.

„Народъ—моя муза",—говоритъ Беранже.

Выходъ въ свѣтъ каждаго сборника пѣсенъ свободы Беранже искупалъ лишеніемъ свободы—заключеніемъ въ тюрьму и крупнымъ штрафомъ. За 4-й сборникъ „Chansons" онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 10.000 франковъ. Сумму эту быстро собрали для него друзья и почитатели.

Но чѣмъ большимъ преслѣдованіямъ и карамъ подвергали Беранже и его „Пѣсни", тѣмъ сильнѣе росла къ нему любовь народа.

Пѣсни Беранже были въ глазахъ народа орудіемъ политической борьбы; его то ироническіе, то бравурные припѣвы, заканчивавшіе куплеты, красовались девизами на знаменахъ народныхъ партій. Его пѣсни народъ зналъ наизусть, ихъ печатали на летучихъ листкахъ, безъ указанія автора, и продавали и раздавали изъ-подъ полы. Эти листки залетали далеко за предѣлы Франціи.

Беранже привлекаетъ къ себѣ душу народа не только своими яркими пѣснями на „гражданскіе мотивы", но и другими лирическими стихотвореніями, къ которымъ болѣе примѣнимо названіе: „пѣсенки", и трудно рѣшить, въ чемъ Беранже выше: какъ пѣвецъ свободы, или какъ пѣвецъ любви, радости жизни, какъ авторъ великихъ народныхъ пѣсенъ, которыя распѣваютъ въ каждомъ селеніи, забывъ даже имя автора, растворившагося въ широкомъ понятіи народнаго эпоса.

Пѣсни Беранже переведены на всѣ языки и живы и свѣжи сегодня такъ же, какъ и при его жизни, потому что пѣснь любви и свободы не умираетъ, какъ безсмертна сама любовь, какъ вѣчна идея свободы.

Пятымъ приложеніемъ къ „Нивѣ" на 1918 годъ будетъ

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

V Профессора **Н. И. КАРѢЕВА,** съ иллюстраціями и портретами.

Великая Французская Революція, въ исторіи которой одни ищутъ „уроковъ" для будущаго, другіе—образца для копированія революціонныхъ событій,—это великое политическое движеніе можетъ и должно дать указующія основы для уясненія охватившаго насъ настоящаго и, главное, обречь отъ всѣхъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыя стали теперь ясны при свѣтѣ исторіи въ трудахъ лучшихъ государственныхъ умовъ за истекшее столѣтіе.

Исторія Великой Французской Революціи—та великая книга, которую долженъ познать каждый сознательный русскій гражданинъ, желающій быть свободнымъ строителемъ новой культурной жизни родины.

Въ сознаніи этого „Нива", неизмѣнно исполняя свои просвѣтительныя задачи, считаетъ своимъ долгомъ дать своимъ читателямъ на будущій 1918 годъ „Исторію Великой Французской Революціи". Желая сдѣлать Исторію доступной всѣмъ классамъ населенія и представить эту великую эпоху въ объективномъ освѣщеніи, мы не признали возможнымъ ограничиться переводомъ на русскій языкъ какой-либо изъ многочисленныхъ Исторій Революціи, а задумали издать самостоятельный оригинальный, написанный спеціально для „Нивы", трудъ и предложили его исполнить извѣстному русскому историку, спеціально изучившему „Исторію Западной Европы",—профессору Н. И. Карѣеву.

Таково литературное содержаніе книгъ „Сборника Нивы", которыя, чередуясь, составятъ съ иллюстрированными нумерами журнала богатый и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Иллюстрированные нумера будутъ попрежнему отражать нашу родную и міровую жизнь во всѣхъ ея преломленіяхъ и попрежнему сосредоточивать свое вниманіе на томъ, куда направлено вниманіе всего народа, гдѣ вершатся жизненные интересы страны, какъ государственнаго цѣлаго.

Единственный въ Россіи по распространенности, старѣйшій изъ существующихъ иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, приближаясь къ 50-лѣтію своего существованія, „Нива" приступаетъ къ осуществленію своей просвѣтительной задачи въ небывало трудныхъ условіяхъ не только политическихъ, но и матеріальныхъ: печатаніе періодическихъ изданій дорожаетъ съ каждымъ днемъ, и если непомѣрная дороговизна отразилась на всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, то въ печатномъ дѣлѣ и графическомъ искусствѣ повышеніе стоимости производства достигло совершенно необычайныхъ размѣровъ.

Печатный кризисъ пріостановилъ появленіе въ свѣтъ новыхъ книгъ. Народъ постепенно лишается свѣта. За отсутствіемъ притока новыхъ книгъ страшно возросъ спросъ на старыя книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ возросли цѣны на нихъ. Довольно сказать, что за Сборники „Нивы" прежнихъ лѣтъ, которые содержатъ полныя собранія сочиненій нашихъ писателей-классиковъ, платятъ удесятеренныя цѣны; напримѣръ, сочиненія Тургенева, Достоевскаго и др. (изданія „Нивы") стоятъ у букинистовъ по **100 рублей.**

Продолжая попрежнему давать своимъ подписчикамъ ежегодно десятки книгъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, „Нива" по самому характеру изданія, расходящагося по подпискѣ, не можетъ безубыточно для себя перекладывать все растущую дороговизну „себѣстоимости" на читателя путемъ постепеннаго увеличенія стоимости отдѣльныхъ нумеровъ. Всѣ мы знаемъ, что даже розничная цѣна газетъ повысилась въ 5—10 разъ, нумера еженедѣльныхъ журналовъ возросли въ цѣнѣ до рубля, а ежемѣсячныхъ до 5 рублей за книжку. „Нива" же, сверхъ стоимости книгъ Собраній Сочиненій писателей-классиковъ и нумеровъ иллюстрированнаго журнала, за одно авторское право уплатила сотни тысячъ рублей. Какова же должна быть подписная цѣна на „Ниву" при этихъ условіяхъ?

Мы вынуждены назначить повышенную подписную цѣну на будущій годъ—36 рублей съ пересылкой, надѣясь на то, что нашъ читатель, комплектующійся главнымъ образомъ изъ трудовой среды, пойметъ необходимость повышенія подписной цѣны и справедливо оцѣнитъ ея умѣренность.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22 Артистическое завед. Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. Просп., № 29

№ 48. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ**.

Выданъ 2 декабря 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.).—20 к., съ перес. 25 к.

Двѣ революціи.

Очеркъ профессора **Н. И. Карѣева**.

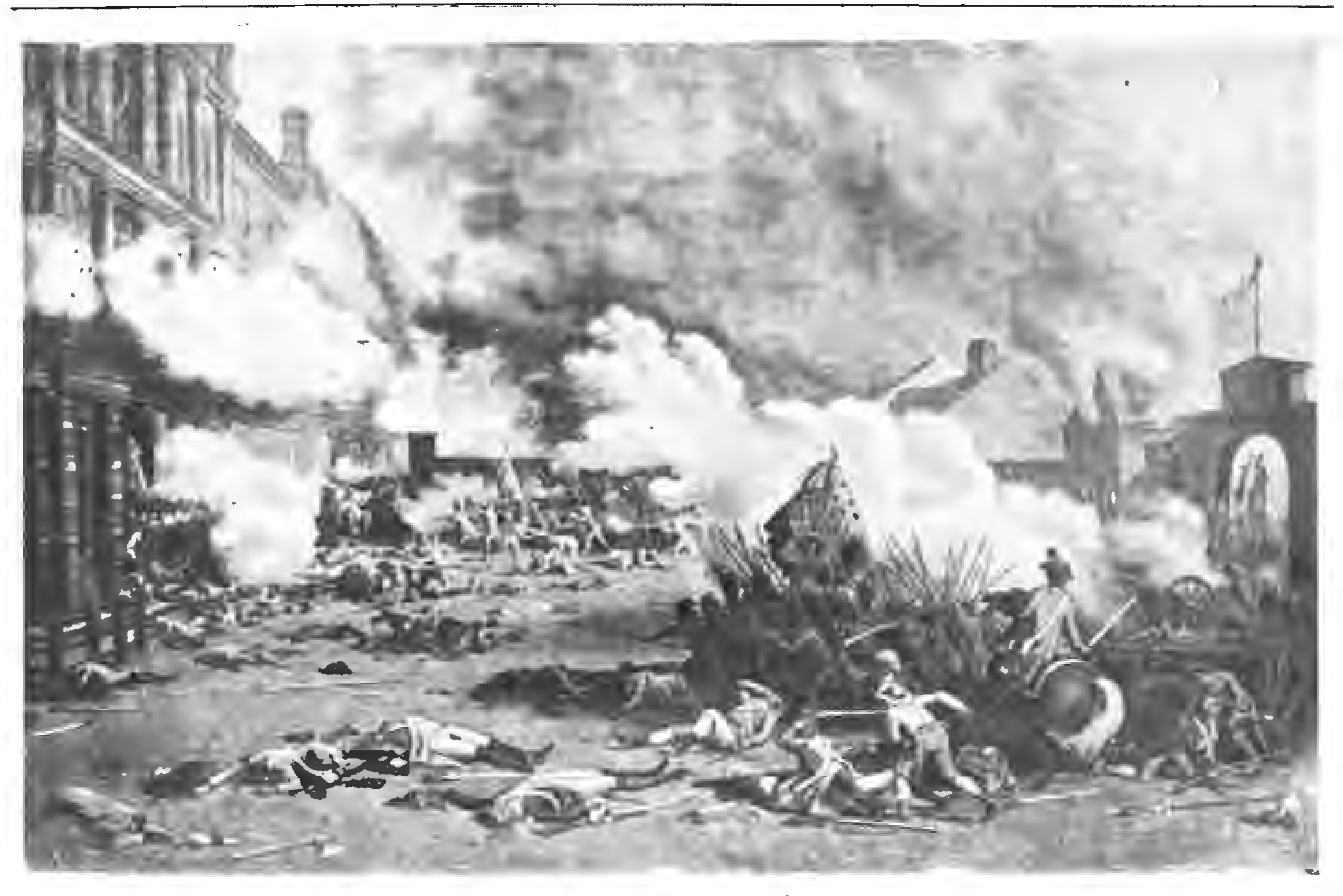
Двѣ революціи, о которыхъ идетъ рѣчь, это—революціи французская 1789 года и русская 1917 года. Первую называютъ „великою“, и послѣ нея было еще три сравнительно малыхъ: іюльская 1830 года, февральская 1848 и сентябрьская 1870, да и нашей большой революціи предшествовала относительно малая, бывшая въ 1905 году.

За сто двадцать восемь лѣтъ, протекшихъ съ 1789 по 1917 годъ, и въ другихъ странахъ былъ цѣлый рядъ революцій: въ Испаніи, въ королевствѣ Неаполитанскомъ, въ Португаліи въ 1820 году; затѣмъ послѣ „іюльской“ во Франціи въ 1830 году были революціи въ Бельгіи, въ кое-какихъ мелкихъ государствахъ Германіи и въ русской Польшѣ; въ 1848 году, кромѣ „февральской“ революціи, были еще „мартовскія“ во второстепенныхъ государствахъ Германіи, а также въ Австрійской имперіи и въ Пруссіи, равно какъ во всей Италіи и т. д. Послѣдующими изъ этого ряда революцій были, уже въ началѣ XX вѣка, революціи въ Португаліи и въ странахъ не европейской культуры: въ Турціи, въ Персіи, въ Китаѣ.

Французская революція 1789 года и русская 1917 года не стоятъ, значитъ, одиноко. Нужно еще прибавить, что французская революція сама вызвала въ концѣ XVIII вѣка рядъ болѣе мелкихъ революцій въ сосѣднихъ странахъ, гдѣ тоже, какъ и въ самой Франціи, на время устанавливались республики. Однимъ словомъ, исторія новѣйшаго времени знаетъ довольно длинный рядъ большихъ и малыхъ революцій, а когда у насъ есть для наблюденія большое количество однородныхъ явленій, мы можемъ ихъ сравнивать между собою, находить между ними черты сходства или черты различія и дѣлать относительно ихъ общіе выводы. Конечно, это—тема обширная, которую, какъ слѣдуетъ, можно было бы разработать только въ большой книгѣ. Въ настоящемъ

Изъ „Исторіи Великой Французской Революціи“.
Руже де-Лилль впервые исполняетъ сочиненную имъ Марсельезу.

Картина *Пильса.* (Лувръ).



Изъ „Исторіи Великой Французской Революціи". Картина *Дюплесси-Берто.*
Взятіе Тюильрійскаго дворца парижскимъ населеніемъ 10-го августа 1792 г. (Версальскій Музей).

очеркѣ мы ограничимся двумя Великими революціями,—французской 1789 г. и нашей нынѣшней.

Во Франціи до конца XVIII вѣка и въ Россіи до начала XX существовала неограниченная монархическая власть. Въ одномъ случаѣ мы ее называемъ абсолютной, въ другомъ—самодержавіемъ, но существо дѣла отъ этого не мѣняется. Абсолютная монархія была поднымъ устраненіемъ подданныхъ отъ участія, чрезъ своихъ представителей, въ государственныхъ дѣлахъ и въ управленіи государствомъ только при помощи бюрократіи, чиновничества. Правительство при этомъ, не желая поступиться своимъ всесиліемъ, ревниво оберегало все, что только прямо или косвенно было ему выгодно, и вообще охраняло установленныя от-

Изъ „Исторіи Великой Французской Революціи". Картина *Коноэ.*
Засѣданіе государственныхъ чиновъ въ Версальскомъ дворцѣ 5-го мая 1789 г. (Версальскій Музей).

ношенія. Если оно и предпринимало реформы, то боялось доводить ихъ до конца, брало назадъ сдѣланныя уступки, вступало на путь реакціи, находя сочувствіе и поддержку въ тѣхъ сословіяхъ, которыя пользовались всякими привилегіями. Это были главнымъ образомъ дворянство и духовенство.

Между тѣмъ общество, нація, перерастали тѣ рамки, какія на нихъ налагало самодержавіе, и наступалъ моментъ, когда эти оковы разрывались. Въ исторіи часто однѣ формы правленія переходили въ другія постепенно, путемъ эволюціи, но свойствомъ абсолютизма было вездѣ то, что конецъ ему полагала революція. Такъ было во Франціи, такъ началось и въ Россіи.

Въ обѣихъ странахъ сдѣлана была попытка сохраненія монархіи, но ограниченной народнымъ представительствомъ, конституціонной. Во Франціи она продолжалась три года, съ 1789 по 1792 г., въ Россіи тоже была введена конституція въ 1906 г., но также не была продолжительною. Въ обѣихъ странахъ главною причиною паденія конституціонной монархіи было неискреннее отношеніе государей къ новому порядку вещей. Имъ и окружающимъ ихъ не хотѣлось разставаться съ властью: они смотрѣли на свои обѣщанія, какъ на вынужденныя, а потому и необязательныя для себя; они продолжали оберегать изъ стараго строя все, что только готово было стать на ихъ сторону. Поэтому вмѣсто того, чтобы заботиться объ упроченіи новаго строя, они, въ сущности, его расшатывали и тѣмъ самымъ рыли подъ собою яму. Притомъ для нихъ не существовало уроковъ исторіи. Людовика XVI ничему не научилъ примѣръ Карла I англійскаго, и у насъ тоже изъ примѣра Людовика XVI не извлекли надлежащаго урока

Перевороты 10-го августа 1792 г. во Франціи и тотъ, который произошелъ у насъ въ началѣ марта 1917 года, сокрушили въ обѣихъ странахъ монархію, и обѣ превратились въ республику. Въ обоихъ случаяхъ на защиту стараго строя не выступилъ никто: сторонники его оказались безсильными и попрятались. Теперь власть должна была перейти къ народу, которому и надлежало создать новую власть. За организацію ея въ обѣихъ странахъ взялись тѣ, которые уже ранѣе были въ душѣ республиканцами или сдѣлались таковыми послѣ переворота. Во Франціи 1792—1793 годовъ повторилось то, что было въ Англіи сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Тамъ, именно въ борьбѣ съ Карломъ I, всѣ были единодушны, но потомъ раздѣлились на партіи приверженцевъ старой конституціи и желавшихъ внести въ нее радикальныя измѣненія, и когда послѣдняя побѣдила, то и въ ней произошелъ расколъ между конституціонными монархистами и республиканцами, да и среди послѣднихъ явились болѣе крайніе, которые были недовольны формою установившейся въ странѣ республики. Политическое развитіе шло отъ болѣе умѣренныхъ къ болѣе крайнимъ, и дѣло доходило до междоусобія. То же мы видимъ и во Франціи, гдѣ конституціоналистовъ смѣнили республиканцы, сами раздѣлившіеся (на жирондистовъ и монтаньяровъ или якобинцевъ) и вступившіе въ борьбу, въ которой побѣдили болѣе крайніе. Россія тоже не избѣжала этого пути.

И во Франціи и въ Россіи борьба шла не только за власть, но и за свободу, притомъ не только за свободу общественную, но и за личную. Абсолютная монархія не допускала ни полной религіозной свободы, ни свободы слова, печати, собраній, союзовъ и не признавала личной неприкосновенности, пользуясь произвольными арестами, чрезвычайными судами и т. п. для борьбы съ „крамолой". Французская революція провозгласила права человѣка и гражданина въ торжественной декларацій, существенное содержаніе которой входило потомъ во всѣ конституціи и самой Франціи и другихъ странъ, не исключая и Россіи, гдѣ мы находимъ это и въ манифестѣ 17-го октября 1905 года и въ основныхъ законахъ 1906 года.

Но одно дѣло провозгласить, обѣщать, другое—осуществить, исполнить. Во Франціи старое правительство было безсильно, чтобы самому нарушать свободу гражданъ, но у насъ обѣщанія манифеста оставались неисполнившимися почти двѣнадцать лѣтъ. Съ другой стороны, исполнялись ли они новою, революціонною властью? Если мы обратимся къ исторіи французской революціи, то увидимъ, что въ борьбѣ за власть здѣсь стали прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ и способамъ, которыми пользовалась и старая монархія.

Въ новомъ часто возрождается старое, ибо сильны привычки, слишкомъ устойчивы нравы. Ихъ тоже нужно имѣть въ виду. Свобода не дается народамъ сразу не только въ смыслѣ ея

Изъ „Исторіи Великой Французской Революціи" *Народный праздникъ—1-го мая 1793 г.* *Современный эстампъ.*

Профессоръ Николай Ивановичъ Карѣевъ, Портретъ работы *Н. Фешина.*
авторъ „Исторіи Великой Французской Революціи“, которая будетъ приложена къ „Нивѣ“ 1918 года.

лась осуществить и эту идею. Она провозгласила равенство всѣхъ передъ общими законами, отмѣнила всѣ привилегіи, упразднила дѣленіе націи на сословія, уничтожила всякіе титулы и званія, иначе говоря, демократизировала общество, признавъ только одно званіе „гражданъ“. Нужно сказать, что это было самое прочное пріобрѣтеніе революціи, которое и взялся оберегать новый владыка Франціи, Наполеонъ, лишившій ее свободы.

Развитіе русской революціи идетъ въ томъ же направленіи гражданскаго равноправія. Почва для него была расчищена въ эпоху „великихъ реформъ“ Александра II, но эти реформы остановились на полдорогѣ, и сословный строй сохранился въ Россіи до 1917 года, подобно тому, какъ онъ существовалъ и во Франціи передъ 1789 годомъ.

Отъ гражданскаго равноправія нужно отличать политическое. Французскіе государственные чины, созванные въ 1789 году и начавшіе революцію, когда превратились въ національное собраніе, были представительствомъ отдѣльныхъ сословій. Но и тогда, когда была принята мысль объ единой безсословной націи, въ конституціи 1791 года право выбирать народныхъ представителей дано было не всему населенію, а только одной его части, обладавшей нѣкоторымъ, хотя и очень незначительнымъ цензомъ, указывавшимъ на извѣстную матеріальную обезпеченность. Послѣ крушенія монархіи въ августѣ 1792 года во Франціи было введено всеобщее избирательное право, бывшее осуществленіемъ идеи и политическаго (не только гражданскаго) равенства. У насъ основные законы 1906 года съ дополнившимъ ихъ распоряженіемъ власти о новыхъ условіяхъ выборовъ въ 1907 году создали Государственную Думу на началахъ сословности и имущественнаго ценза, но революція 1917 года провозгласила всеобщее избирательное право, т.-е. политическое равноправіе, распространивъ его и на женщинъ. Всеобщее избирательное право просуществовало до конца революціи, но потомъ не возобновлялось до революціи 1848 года. Населеніе сначала еще не дорожило имъ такъ, какъ гражданскимъ равноправіемъ, и политическое равенство на долгое время постигла участь свободы.

Народныя массы во Франціи мало понимали въ чисто-политическихъ вопросахъ и больше дорожили улучшеніемъ своего экономическаго быта. Крестьянство стремилось освободиться отъ такъ называемыхъ феодальныхъ правъ, рабочіе — отъ цеховыхъ стѣсненій, но это были совсѣмъ другіе вопросы, не похожіе на тѣ аграрный и рабочій вопросы, которые были поставлены передъ русскою жизнью. Сходство между Франціей и Россіей здѣсь развѣ только въ томъ, что въ обѣихъ странахъ народныя массы охотно шли за тѣми, кто обѣщалъ удовлетворить ихъ соціальныя требованія. Сначала во Франціи шли за революціонерами, какъ пошли потомъ за Наполеономъ.

Въ обѣихъ революціяхъ важное значеніе получилъ вопросъ о войнѣ. Здѣсь мы видимъ разницу. Во-первыхъ, война Франціи съ тѣми же Австріей и Пруссіей, что и у Россіи, началась только черезъ три года послѣ начала революціи, а въ Россіи, наоборотъ, революція началась на третьемъ году войны. Во-вторыхъ, во Франціи населеніе проявило величайшую энергію, и чѣмъ партія была „лѣвѣе“, тѣмъ болѣе она стояла за войну до конца. Мы знаемъ, что у насъ наблюдается противоположное. Въ этомъ одно изъ главнѣйшихъ отличій русской революціи отъ французской. Равнымъ образомъ, главные представители революціонной идеи во Франціи были сторонниками „единой и нераздѣльной республики“ и страстно боролись съ тѣмъ, что называли „федерализмомъ“. Почему возникла такая разница, объ этомъ было бы долго распространяться, но для пониманія вообще различій, существующихъ между обѣими революціями, нужно имѣть въ виду, что, не будучи исключительно политическою, французская революція еще не знала того фактора, который обязанъ своимъ происхожденіемъ XIX вѣку и впервые проявился въ своемъ дѣйствіи только въ революцію 1848 года. Я имѣю въ виду здѣсь соціализмъ, какъ особое выработанное ученіе и какъ организацію особыхъ партій.

завоеванія, но и въ другомъ смыслѣ—умѣнія пользоваться ею. Абсолютная монархія, угнетавшая свободу, не могла воспитывать подданныхъ въ свободѣ и къ свободѣ. Свобода, какъ и царство Божіе, должна быть внутри насъ, въ нашихъ мысляхъ и чувствахъ, въ привычкахъ и въ нравахъ, и сопровождаться уваженіемъ къ чужой свободѣ. Свободный человѣкъ не своевольствуетъ, не насильничаетъ. Это многіе забывали или не знали во Франціи, какъ не хотятъ иные знать и у насъ. Фактическое подавленіе свободы у французовъ одной изъ республиканскихъ партій подготовило то событіе, которое въ 1799 году передало власть въ руки одного,—опасность, которой во что бы то ни стало нужно избѣжать Россіи, какъ этого въ серединѣ XVII вѣка избѣжала Англія послѣ кратковременнаго властвованія военнаго вождя Кромвеля.

Перейдемъ къ другой сторонѣ обѣихъ революцій.

Абсолютная монархія во Франціи, какъ и самодержавіе въ Россіи, одинаково охраняли сословный строй общества, который уже разрушался самою жизнью. Нація дѣлилась во Франціи на отдѣльныя сословія: духовенство, дворянство и такъ называемое третье сословіе, т.-е. всѣхъ остальныхъ. Первыя два сословія были привилегированными, т.-е. пользовались особыми правами и преимуществами по отношенію къ занятію должностей, по подсудности, по отношенію къ платежу налоговъ. Между тѣмъ во французской политической литературѣ XVIII вѣка была очень популярна идея „естественнаго права“, по которому всѣ люди рождаются свободными и равными въ правахъ. Революція взя-

Французская революція находилась въ своемъ восходящемъ развитіи пять лѣтъ, т.-е. до 1794 года, а съ этого года она пошла на убыль, пока не докатилась до военнаго переворота Наполеона Бонапарта, будущаго императора французовъ и ихъ неограниченнаго владыки. Въ природѣ, говорятъ, нѣтъ двухъ листьевъ одной и той же древесной породы, которые были бы во всемъ тожественны. Тѣмъ менѣе можно говорить, чтобы одна революція повторяла собою другую. Въ каждой все индивидуально, все идетъ по-своему, хотя бы отдѣльныя стороны и отдѣльные моменты напрашивались сами на сравненіе. Но сравненіе своего съ чужимъ даже по отношенію къ несходствамъ помогаетъ лучше понимать свое. Намъ не по одной исторической любознательности полезно и важно быть знакомыми съ исторіей европейскихъ революцій, начиная съ великой французской, ибо мы переживаемъ по-своему многое такое, что уже переживалось другими народами.

Историческій опытъ — дѣло важное. Ошибки монарховъ, свергавшихся съ престоловъ или вообще постигавшихся революціями, заключались въ томъ, что они не хотѣли учиться изъ историческаго опыта. Но ту же ошибку дѣлаютъ и народы и политическіе дѣятели революціи, когда не обращаются къ историческому опыту. Погибали монархи, но погибали и революціи. Такъ погибла великая французская революція, ослабившая себя междоусобіемъ и сдѣлавшаяся предметомъ насилія со стороны военнаго деспота. И вторая республика во Франціи, учрежденная въ 1848 году, была вскорѣ уничтожена другимъ Наполеономъ, племянникомъ перваго. Въ этомъ смыслѣ исторія Франціи со времени великой революціи очень поучительна.

На своей родинѣ эта революція тщательно изучается отдѣльными учеными, цѣлыми обществами ученыхъ. По ея исторіи существуетъ цѣлая литература, изъ которой много переведено по-русски. У насъ революція 1917 года также дѣлается предметомъ изученія, собиранія матеріаловъ, подведенія итоговъ, обсужденія событій, но современникамъ трудно изучать настоящее съ тѣмъ же безпристрастіемъ и безстрастіемъ, какого требуетъ отъ историка наука. И особенно трудно безошибочно предсказать событія, быть пророкомъ.

Исторія — зеркало, которое, хорошо ли, дурно ли, но все-таки отражаетъ прошлое, будучи же обращено къ будущему, затуманивается и перестаетъ быть зеркаломъ.

Но прошлое тѣмъ не менѣе можетъ служить будущему, научая того, кто хочетъ научиться, избѣгать ошибокъ и тѣмъ самымъ находить вѣрные пути къ осуществленію истины и справедливости.

Княжнецовы.

Разсказъ **Александра Амфитеатрова.**

Въ одномъ изъ среднерусскихъ уѣздныхъ городовъ, старозавѣтномъ, торговомъ и хлѣбномъ, существуетъ урочище Княжничи, — окраинная слободка, населенная почти сплошь, изъ дома въ домъ и отъ сосѣда къ сосѣду, мѣщанами — бывшими однодворцами — Княжнецовыми. Будетъ этихъ однофамильцевъ семей двадцать пять, а въ семьяхъ, съ женами и дѣтьми, наберется душъ триста съ залишкомъ. Несомнѣнно происходя отъ одного корня, они тѣмъ не менѣе давно утратили родство между собою. Настолько, что теперь уже свободно брачутся, хотя еще въ предшествующемъ поколѣніи предпочитали брать женъ со стороны.

— Попы-то вѣнчать соглашались, — объясняютъ старики, — потому что правила насчетъ поколѣннаго родства намъ вышли. Да своя совѣсть зазрила: а вдругъ обсчитались, и еще родня?

Поэтому большинство пожилыхъ женщинъ въ Княжничахъ чужачки. Но, такъ какъ слобода богата, по-своему культурна, выгодно отличается чуть ли не по всей губерніи трудолюбіемъ, смышленостью, трезвостью и мягкими нравами населенія, то чужачки входятъ въ Княжничи гораздо охотнѣе, чѣмъ свои дѣвушки изъ Княжничей уходятъ. Это обстоятельство, во-первыхъ, подняло и очень благоустроило въ Княжничахъ женскій монастырь — старинный, гораздо древнѣе и Княжничей и самого города, ему обязаннаго своимъ происхожденіемъ. Теперь онъ средней руки, ни людный, ни скудный, ни богатый, ни бѣдный, очень рабочій и съ добрыми нравами. Во-вторыхъ, развило въ княжницкомъ обществѣ примацкій бракъ, то-есть съ обязательствомъ зятя войти въ тестеву семью. Благодаря этому обычаю, на слободѣ, кромѣ Княжнецовыхъ, имѣются Ефимовы, Петровы, Кибиткины, Свилягины, два дома Маменькиныхъ и одинъ основанный перебѣжчикомъ изъ духовнаго званія, Мореходовыхъ. Но обыкновенно женщины въ Княжничахъ не мѣняютъ своего родового прозвища, а, наоборотъ, втягиваютъ въ него и пришлыхъ мужей своихъ. Ибо своимъ прозвищемъ Княжнецовыхъ онѣ такъ гордятся, какъ и въ высшемъ аристократическомъ обществѣ не всякая „урожденная“. И не однѣ онѣ, но и въ городѣ, и даже

Вѣсти съ родины. (Третьяковская Галлерея въ Москвѣ). *Л. Пастернакъ*

въ сосѣднихъ городахъ, если мѣщанинъ или мелкій купецъ женатъ на женщинѣ изъ Княжничей, то, говоря о женѣ, никогда не упустить похвалиться:

— Она у меня изъ Княжнецовыхъ! Не простая кровь!

Происхожденіе Княжнецовыхъ объясняется близостью къ городу имѣнія князей, ну, скажемъ, хоть Узбекъ-Батыевыхъ. Они и посейчасъ не бѣдны, а въ прошломъ вѣкѣ были милліонщиками, а въ запрошломъ, при матушкѣ Екатеринѣ, владѣли тысячами душъ, землями, какъ герцогства, и несмѣтными капиталами. Поэтому Княжнецовы легко могутъ происходить изъ вольноотпущенныхъ князей Узбекъ-Батыевыхъ, либо представляютъ собою расплодившееся потомство ихъ крѣпостныхъ наложницъ, получившихъ, въ вознагражденіе альковныхъ услугъ, волю, домъ и земельный надѣлъ. Тѣ, кто не любитъ Княжнецовыхъ,—а такихъ не мало, потому что, будучи зажиточны, они большіе гордецы и весьма не прочь отъ кулачества и ростовщичества, — такъ именно и утверждаютъ и кличутъ Княжнецовыхъ „подкрапивными князьками". Но сами Княжнецовы иного, гораздо болѣе высокаго мнѣнія о родѣ своемъ и разсказываютъ о немъ любопытную легенду, въ подтвержденіе которой ссылаются на старую могильную плиту въ Свято-Еленинскомъ, что на Княжничахъ, Дѣвичьемъ монастырѣ. Изъ полустертой на ней надписи коротко слѣдуетъ, что подъ плитою этою покоится тѣло инокини Ейкониды. По преданію, тутъ погребена родоначальница всѣхъ Княжнецовыхъ. Легенда же ея такова.

Наиболѣе блестящій изъ князей Узбекъ-Батыевыхъ, вельможа Елизаветина двора, въ царствованіе Екатерины почему-то впалъ въ немилость и былъ удаленъ изъ Петербурга въ свои деревни, близъ того города, гдѣ урочище Княжничи. Здѣсь онъ нашелъ давно забытую имъ семью: немолодую богомольную жену, двухъ сыновей-недорослей, которыхъ онъ немедленно отправилъ въ чужіе края учиться, и четырехъ дочерей-подростковъ, обѣщавшихъ быть одна другой краше. Княгиня вскорѣ по пріѣздѣ князя скончалась, а самъ онъ, захандривъ въ глуши отъ бездѣятельности и тоски по власти, началъ придумывать, какъ бы ему вернуть свой фаворъ и честолюбивыя возможности. Человѣкъ этотъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка: безнравственный, безжалостный азіатъ-петиметръ, безсовѣстный холодный авантюристъ, таившій подъ маскою Казановы старо-московское самодурство и злую мстительность татарскихъ предковъ своихъ. Видя красоту подрастающихъ дочерей, князь весьма хладнокровно рѣшилъ, что на этихъ „четырехъ дамахъ",—онъ такъ карточными мастями и опредѣлялъ ихъ,—онъ отыграетъ обратно всѣ свои придворные ремизы. Дѣйствительно, будучи отправлены въ Петербургъ къ теткѣ, двѣ старшія княжны — жлудевая и винновая — быстро нашли себѣ браки, не столько блестящіе по мужьямъ, сколько по покровительству Потемкина, которое мужьями было благовидно прикрыто. Князь отецъ мало что получилъ возможность возвратиться ко двору, но и пошелъ въ гору по дипломатическому вѣдомству, чему много способствовало впечатлѣніе, произведенное третьею княжною, трефовою, на всемогущаго Безбородку. Ей тоже дали подставного мужа съ титуломъ. Всѣ эти три княжны были родительскаго сердца и нрава, поэтому вошли въ цвѣтникъ куртизанокъ Екатеринина двора съ веселымъ духомъ и были, понятнѣ, утѣшеніемъ отцу своему, котораго онѣ тянули на верхи карьеры, какъ добрая тройка. Но въ четвертой своей дочери, младшей, червонной или, какъ тогда говорили, кёровой, бѣлокурой красавицѣ изъ красавицъ, Елизаветѣ, князь нашелъ камень преткновенія. Да такой, что, пытаясь его перепрыгнуть, подобно Васькѣ Буслаеву, сломилъ себѣ буйную голову.

Дѣвушка эта родилась не въ отца, а въ мать, хорошую женщину изъ стараго русскаго дворянскаго рода и съ крѣпкими религіозными правилами, которыя привились къ Елизаветѣ прочнѣе, чѣмъ къ старшимъ княжнамъ.

Потемкинъ увидалъ эту серьезную красавицу, когда ей только-что исполнилось семнадцать лѣтъ, и обомлѣлъ. Зная нравы отца и старшихъ сестеръ Елизаветы, онъ предположилъ, что стѣсняться нечего, и безъ дальнихъ церемоній сдѣлалъ княжнѣ, какъ впослѣдствіи стали говорить, „гнусное предложеніе".

Княжна его даже не отвергла,—она просто его не поняла. И эта ея наивная и безпритворная невинность такъ изумила Потемкина, что онъ увлекся Елизаветою уже не по развратной прихоти, а влюбясь не на шутку.

Княжна не поняла, но изъ разсказа ея все хорошо понялъ почтенный родитель. Разговоръ между нимъ и свѣтлѣйшимъ вышелъ короткій. Свѣтлѣйшій освѣдомился, что князь возьметъ за дочь. Князь скромно запросилъ одинъ изъ самыхъ важныхъ посольскихъ постовъ. Свѣтлѣйшій сперва протянулъ-было по направленію къ княжескому носу кулакъ съ тремя пальцами, сложенными фигой. Но сердце не камень. Тѣмъ же вечеромъ прислалъ онъ къ князю Узбекъ-Батыеву посланца своего:

— Согласенъ.

Но вотъ тутъ-то и сорвался счастливый торговецъ дочерьми. Оказалось, что онъ совсѣмъ не зналъ своего товара.

На родительскіе увѣты княжна Елизавета съ наивностью отвѣчала, что любовное объясненіе Потемкина она можетъ понять только, какъ брачное предложеніе, и, если на то есть родительская воля, то князь Григорій Александровичъ, хотя и кривой, однако ей не противенъ, и она охотно отдастъ ему свою руку.

Князь опѣшилъ. Потому что, конечно, князю Григорію Александровичу гораздо легче было бы сдѣлать Узбекъ-Батыева не то что посломъ, но даже посадить султаномъ на престолъ турецкій, чѣмъ жениться на его дочери, развѣнчавшись для этого съ императрицей, тайный бракъ которой съ Потемкинымъ былъ неизвѣстенъ только тѣмъ, кто самъ знать не хотѣлъ.

Мудрено было втолковать княжнѣ Елизаветѣ, чего добивается отъ нея свѣтлѣйшій. А когда втолковали, она плюнула и сказала, что это скаредное дѣло, и скорѣе она ляжетъ въ могилу, чѣмъ станетъ наложницею хотя бы и свѣтлѣйшаго.

Мольбы, уговоры, угрозы и даже побои отъ отца и сестеръ не произвели на твердую дѣвушку никакого впечатлѣнія. Она твердила, что въ животѣ и смерти ея родитель воленъ, а въ чести нѣтъ, и чести своей она никому не отдастъ, кромѣ законнаго богоданнаго мужа.

— Я могу выдать тебя за кого хочу! — грозитъ нареченный посолъ.

Княжна Елизавета отвѣтила полною готовностью повиноваться и безропотно выйти за кого родитель прикажетъ, но, внѣ брака, она никому принадлежать не желаетъ, а въ бракѣ будетъ принадлежать только супругу.

Трудненько было князю скрывать все это отъ нетерпѣливаго, влюбленнаго Потемкина. Конечно, онъ сейчасъ же схватился за привычное ему средство—бракъ съ подставнымъ женихомъ, вмѣсто котораго всѣ права молодого супруга получитъ свѣтлѣйшій. Но примѣръ первыхъ трехъ подобныхъ браковъ, уже слаженныхъ княземъ, мало вдохновлялъ на желаніе ему слѣдовать даже куртизановъ Екатеринина двора, честолюбиваго и безнравственнаго. Мужья старшихъ княженъ Узбекъ-Батыевыхъ дѣлали служебныя карьеры, но слыли притчею во языцѣхъ. Екатерина откровенно ими брезговала, и въ Эрмитажъ имъ не было хода.

Потемкинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно долго водить за носъ. Слухи о борьбѣ князя съ дочерью вскорѣ дошли до свѣтлѣйшаго и больно ущипнули его за сердце. Онъ былъ человѣкъ развратный, самодуръ, но не насильникъ женскій, не воръ дѣвичій, не понудитель. Приказалъ онъ вѣрнымъ своимъ слугамъ разслѣдовать подъ рукою, въ чемъ дѣло. И вѣрные слуги вскорѣ же донесли:

— Такъ точно. Князь Узбекъ-Батыевъ всячески терзаетъ и мучитъ княжну Елизавету, понуждая ее сдаться на любовь вашей свѣтлости, а она, по глупости, не понимая своего счастья, противится и грозитъ лучше наложить на себя руки.

Потемкинъ сдѣлался чернѣе тучи и, мигомъ превратившись изъ великолѣпнаго князя Тавриды въ Грицка Нечесу, три дня провалялся, гроза грозою, на знаменитой софѣ своего кабинета, въ угрюмомъ одиночествѣ, которое никто не дерзалъ нарушить. Переварилъ любовную неудачу, залѣчилъ рану оскорбленнаго самолюбія и ожилъ. Но на первомъ же своемъ пріемѣ, дойдя до раболѣпно преклонившагося князя Узбекъ-Батыева, даже не взглянулъ въ его сторону, а къ окружающимъ обратился съ громкимъ вопросомъ:

— А что, государи мои, какъ вы судите: справедлива ли пословица, будто яблочко отъ яблоньки недалеко катится?

Ему отвѣчали:

— Ваша свѣтлость! — таковъ гласъ мудрости предковъ нашихъ.

Но Потемкинъ, сверкнувъ единственнымъ глазомъ своимъ, возразилъ:

— А я вамъ скажу: бываетъ брехня и отъ предковъ. Я, вотъ, недавно зазналъ одного князишку. Подлецъ изъ подлецовъ, сводникъ мерзкій, собственными дочерьми торгуетъ, будто баба бубликами на базарѣ. И что же, государи мои? Трехъ дочерей онъ уродилъ въ себя, такихъ же мерзавокъ, какъ самъ, а четвертую Богъ послалъ ему — святую. Вотъ вамъ и мудрость предковъ, государи мои!

И прослѣдовалъ дальше, такъ и не взглянувъ на князя. Зато во всѣ глаза глядѣли на него всѣ, кто слышалъ и имѣлъ уши, чтобы слышать.

Послѣ такого уничтожающаго репримонда, князю Узбекъ-Батыеву не оставалось ничего иного, какъ стремительно убраться прочь съ очей свѣтлѣйшаго и изъ дворца его. А дома онъ нашелъ одного изъ довѣренныхъ секретарей Потемкина, вѣроятно, извѣстнаго Попова, съ приказомъ: выѣхать ему, князю Узбекъ-Батыеву, немедленно изъ стольнаго города Санктъ-Петербурга въ свои вотчины. И съ предупрежденіемъ: ежели онъ, въ отместку за неудачныя свои каверзы, вздумаетъ княжну Елизавету тиранить какимъ-либо способомъ, злоупотребляя родительскою властью, то пусть помнитъ, что глазъ свѣтлѣйшаго, хотя и одинъ, но смотритъ въ оба и будетъ слѣдить за нимъ неусыпно. Да еще и то пусть помнитъ, что есть на Руси такія укромныя мѣстечки, куда воронъ костей не носитъ, а ежели и носитъ, такъ только княжескія.

Убрался князь Узбекъ-Батыевъ изъ Петербурга, несолоно хлебавъ, безъ фортуны и карьеры, и непослушную дочь увезъ съ собою. Лютымъ врагомъ онъ ей сталъ, но, памятуя потемкинскій наказъ и чувствуя надъ собою занесенный потемкинскій кулакъ, не дерзалъ ничѣмъ тѣснить Елизавету. Но злоба кипѣла въ немъ — и не таковъ былъ человѣкъ, чтобы не избыть ее дикою местью.

Передъ экзаменомъ. (Люксембургскій Музей въ Парижѣ). *Л. Пастернакъ.*

И вотъ однажды призываетъ родитель Елизавету предъ свои княжія очи и говоритъ ей съ спокойною вѣжливостью:

— Вы, любезная дочь моя, выражали мнѣ въ Петербургѣ готовность вступить въ законный бракъ, по моему родительскому усмотрѣнію. А посему предупреждаю васъ, что я нашелъ вамъ жениха, достойнаго вашего прекраснаго характера, и требую отъ васъ, согласно вашему слову, безусловнаго повиновенія.

— Оно будетъ вамъ оказано,—отвѣчала княжна Елизавета.— Смѣю ли спросить васъ, папенька: кто онъ, избранный вами для меня спутникъ жизни?

— О семъ вы своевременно будете освѣдомлены,—сухо возразилъ князь Узбекъ-Батыевъ и отпустилъ дочь безъ отвѣта.

Но что же онъ, негодяй, тѣмъ временемъ смастерилъ?!

А вотъ что.

Пріѣхалъ онъ изъ вотчины въ городъ и—къ городничему. Тотъ передъ нимъ, вельможею, конечно, распластался, не знаетъ, гдѣ посадить знатнаго гостя. А князь ему:

— Слушай, воинъ. Дошли до меня вѣсти, будто держишь ты у себя подъ началомъ нѣкую приказную строку. Парень буйственный, многократно штрафованный, понеже есть пьяница, мздоимецъ и воръ...

Городничій отвѣчаетъ:

— Простите, ваше сіятельство, но невдомекъ мнѣ, о комъ изволите говорить. Не потому, чтобы у меня таковаго не было, но потому, что они, мерзавцы мои канцелярскіе, всѣ таковы.

— Да,—говоритъ князь,—это само собою разумѣется, гдѣ же они иными бываютъ. Но остальные у тебя—сбродня разночинная, вольноотпущенные да кутейники, а объ этомъ я слышалъ, будто онъ изъ дворянъ...

— А!—обрадовался городничій,—Есть такой! Есть! Только долженъ я, ваше сіятельство, предупредить: этотъ всѣхъ хуже, и на него даже собственные его товарищи изумляются, сколько онъ неумѣренъ въ безобразіи. Воистину вмѣстилище всякой скверны и бѣсовскихъ пороковъ.

— Это ничего,—одобрилъ князь.—Мнѣ именно такого и надо. А онъ женатъ или холостъ?

— Гдѣ ему женатымъ быть! Помилосердуйте! Какая сумасшедшая дура за него пойдетъ? Какіе свирѣпые родители за нимъ свое дитя утопятъ?

— А вотъ посмотримъ,- сказалъ князь и приказалъ привести канцелярскаго.

И, надо полагать, остался доволенъ, потому что посадилъ онъ этого самаго пропойцу и безобразника съ собою въ карэту и какимъ обрѣлъ его, такимъ и привезъ къ дочери.

— Вотъ вамъ женихъ, княжна. Прошу любить да жаловать. Угодно вамъ сдержать ваше слово?

Посмотрѣла княжна Елизавета: качается предъ нею чудище, еле на ногахъ держится, рожа красная, въ пятнахъ чернильныхъ, вся побитая, недѣлю небритая, кафтанишка заплатанный, рукавишки на локтяхъ дырявые, весь-то въ салѣ, весь-то въ грязи, весь-то въ пуху...

— Папенька,—говоритъ она,—если вы шутите, то позвольте вамъ сказать, что это непристойная шутка.

— Нѣтъ,—возражаетъ князь,—я нисколько не шучу, но совершенно серьезно требую отъ васъ исполненія даннаго вами честнаго слова. Вы обѣщали безпрекословно выйти замужъ за жениха, котораго я вамъ выберу. Ну, вотъ, я и выбралъ. Онъ, конечно, не такъ блестящъ, какъ князь Григорій Александровичъ, однако такой же дворянинъ и даже смоленскій. Слѣдовательно, вы не имѣете права упрекать меня, будто я понуждаю васъ выйти за неровню. Впрочемъ, если женихъ, мною представленный, вамъ неугоденъ, можете жаловаться на меня вашему высокому покровителю въ Петербургъ: противъ его тиранскаго произвола я безсиленъ. Но тогда я, во-первыхъ, буду знать цѣну вашему хваленому дочернему повиновенію и честному слову. А, во-вторыхъ, тогда уже я вамъ свое честное слово даю и приношу всѣми предками нашими клятву, что, покуда я живъ, не бывать вамъ женою другого мужа, кромѣ вотъ этого. И монастыремъ мнѣ грозить тоже не вздумайте: не пущу.

Княжна выслушала отца и отвѣчаетъ, гордая:

— Слово княжны Узбекъ-Батыевой не гнется и не ломится. Я повинуюсь вамъ.

Такъ и обвѣнчалъ старый негодяй прекрасную дочь свою съ пьянымъ приказнымъ проходимцемъ.

Ничего, даже самой мелкой бисеринки не взяла съ собою бывшая княжна, уходя изъ дома родительскаго въ новую жизнь. А когда, послѣ вѣнца, подскочилъ-было къ ней въ церкви князь-отецъ и, сатанѣ подобный, началъ ее поздравлять, ехидно паясничая и кривляясь, Елизавета обратилась къ богоданному супругу своему и сказала ему со спокойствіемъ:

— Вы теперь мужъ мой, должны меня защищать. Скажите же этому наглому человѣку, что я съ нимъ незнакома и не желаю знакомою быть.

Этюдъ. *Л. Пастернакъ.*

И что же? Проходимецъ-то, купленный и споенный, вдругъ,— отъ словъ ея гордыхъ,—человѣка въ себѣ нашелъ. Какъ приободрится, какъ пріосанится, да и рыкнулъ на князя:

— А слышь-ка, ваше сіятельство! Ты насъ оставь, не замай. Ты свое дѣло сдѣлалъ, я твое дѣло сдѣлалъ,—ну, и квиты, баста! А Елизавету я тебѣ въ обиду больше не дамъ.

Поселились новобрачные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ урочище Княжничи, и живутъ бѣдно-бѣдно. А князь-отецъ не устаетъ ихъ преслѣдовать. Всякія житейскія бѣды, непріятности, гоненія и нужды чрезъ него на молодыхъ дождемъ сыплются. И все-то онъ справляется о нихъ, точно бѣсъ — насчетъ праведнаго Іова:

— Ну, что? какъ? Круто приходится Елизаветѣ?

Но получаетъ отвѣты:

— А что—круто? Конечное дѣло, не въ золотѣ купается, а ничего,— обернулись кое-какъ, живутъ. Потому что чудотворица она у насъ, былая-то княжна Елизавета. Глядите-ка: пьяница-то ея, подъ ея рукою, пить перестаръ и въ человѣка выровнялся. Прежде былъ первый лѣнтяй и гулена, а сейчасъ нѣтъ лучше его на всякую работу, день-денской въ трудѣ, и прилеженъ, и уменъ, — не нахвалимся.

Повелѣлъ князь городничему:

— Непріятно мнѣ, что Лизаветинъ приказный у тебя служитъ. Приходятъ къ тебѣ разные люди, любопытствуютъ, кто таковъ. Какой ни есть, все-таки зять. Неловко. Выгони его, пожалуйста.

Лишилъ куска хлѣба и чрезъ нѣкоторое время опять справляется:

— Ну—что?!

И опять—отвѣтъ:

— А что? Извѣстно, не пиршествуютъ. Однако распахали вокругъ избенки своей клочокъ земли, огородишко разбили — хозяйничаютъ, кормятся...

Такъ-то, сколько ни лютовалъ старый князь на безвинную дочь свою, а никакъ не могъ доѣхать ее до такой бѣды, чтобы сломались ея твердость и гордость. И воевали они до самой смерти князя, добрыя двадцать пять лѣтъ, когда Елизавета уже не то, что дѣтей вырастила и на ноги поставила, но и внучатокъ дождалась. Мужъ былъ ей добрымъ помощникомъ въ трудахъ, но умеръ много раньше ея. По смерти его Елизавета, уже въ пожилыхъ годахъ, приняла монашество въ мѣстной Свято-Еленинской обители, съ именемъ Еликониды. Какъ звали ея мужа, забылось. Гордые происхожденіемъ отъ княжны, потомки хотѣли помнить только свою родоначальницу и пренебрегли родоначальникомъ. Вотъ почему и стало ихъ мѣсто Княжничи, а сами они Княжнецовы. Могильную плиту инокини Еликониды они чтутъ свято, хотя покрываетъ она, навѣрное, не ту покойницу, которую Княжнецовы подъ нею воображаютъ. Потому что плита эта старше времени, когда, предположительно, могла скончаться бывшая княжна Елизавета, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ.

Портретъ Манфреда К. *Л. Пастернакъ.*

Слова о крови.

Вы солнце убили,
И стало бездольно.
Довольно насилій,
Довольно!
Знамена, знамена...
Но сердце не радо,—
Предсмертнаго стона
Не надо.
Все такъ незнакомо,
Вездѣ запустѣнье,
У каждаго дома
Смятенье.
День смутенъ, безцѣленъ
И медленно-жутокъ,
А я безпредѣленъ
И чутокъ.
Но мыслю устало,
Рѣшеньями скуденъ,
Вопросъ небывалый
Мнѣ труденъ.
Вопросъ, углубившій
И страхъ и тревогу,—
И къ людямъ убившимъ
И къ Богу.
Какъ, въ самомъ началѣ,
Для радостной нови,
Такъ много печали
И крови?

Александръ Рославлевъ.

Л. О. Пастернакъ.

(Съ 9 рис. на стр. 727—734).

Л. О. Пастернакъ создалъ себѣ очень видное положеніе среди представителей художественнаго міра: уже минуло двадцать пять лѣтъ съ того времени, какъ первый разъ Л. О. Пастернакъ выступилъ на художественномъ поприщѣ: но въ томъ, что онъ сдѣлалъ, онъ не застылъ, не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Съ юношеской горячностью Л. О. Пастернакъ и теперь отдается исканію новыхъ формъ для своихъ художественныхъ переживаній.

Неизмѣнно оставаясь вѣрнымъ служенію красотѣ и художественной правдѣ, Л. О. Пастернакъ непрерывно эволюціонировалъ.

Начальная стадія пережита была Л. О. Пастернакомъ въ Одессѣ, гдѣ онъ гимназистомъ VII класса почувствовалъ влеченіе къ искусству и сталъ посѣщать мѣстную школу рисованія. Благодаря болѣе своему дарованію, чѣмъ руководству школы, онъ, почти самоучкой, сдѣлалъ значительные успѣхи. Затѣмъ, не порывая съ Новороссійскимъ университетомъ, онъ поступилъ въ Мюнхенскую академію.

Въ Мюнхенѣ Л. О. Пастернакъ прошелъ вторую стадію: къ выяснившемуся дарованію онъ присоединилъ художественное умѣніе.

Мюнхенская академія 80-хъ годовъ была крупнымъ художественнымъ центромъ. Въ ней изученіе натуры считалось базисомъ, культивировался строгій рисунокъ и вырабатывалась мастерская техника. Л. О. Пастернакъ впиталъ это въ себя. Онъ занимался у проф. Гертериха, который, ведя натурный классъ, задавалъ ученикамъ исполнять съ натурщиковъ головы *) то въ стилѣ Гольбейна, то въ стилѣ Рембрандта. Учащіеся должны были итти въ Пинакотеку или въ кабинетъ гравюръ изучать мастеровъ, чтобы усвоить и передать ихъ характеры. Рядомъ съ Гертерихомъ благотворно вліялъ и другой преподаватель — Лиценъ-Майеръ, создатель извѣстныхъ иллюстрацій къ „Фаусту“ Гёте. Въ своемъ классѣ композиціи Лиценъ-Майеръ не насиловалъ своеобразныхъ подходовъ учениковъ къ темамъ, берегъ ихъ оригинальность. Въ свободномъ руководствѣ не ослаблялась индивидуальность учащихся, наоборотъ—съ большимъ чутьемъ она направлялась и поддерживалась.

Изъ Мюнхена Л. О. Пастернакъ вернулся въ Россію въ полномъ обладаніи техникой рисунка и красокъ. Наступила третья стадія — дальнѣйшаго развитія дарованія и приложенія накопленнаго умѣнья къ самостоятельному творчеству.

Л. О. Пастернака влекло къ изображенію окружающей его дѣйствительности, но не внѣшней только ея обстановки, а и внутренней ея стороны. Его интересовала болѣе всего передача переживаній души. Сначала онъ писалъ небольшіе жанры: „Думы въ хатѣ“, „Письмо на родину“, „Опять къ роднымъ“. Въ 1889 г. онъ выставилъ большое полотно „Вѣсти съ родины“ (стр. 727). На этой картинѣ художникъ, только-что отбывшій военную службу въ качествѣ вольноопредѣляющагося, задушевно и съ большимъ чувствомъ изобразилъ группу молодыхъ солдатъ, захваченныхъ чтеніемъ нехитраго письма съ родины. Они недавно покинули родные очаги. Вѣсти съ родины будятъ въ нихъ рой воспоминаній и думъ. Психологическую задачу, безъ всякихъ подчеркиваній, Л. О. Пастернакъ выполнилъ очень удачно. Картина обратила на себя всеобщее вниманіе. М. П. Третьяковъ еще до выставки пріобрѣлъ ее въ свою картинную галлерею.

Разрѣшеніе психологической проблемы преслѣдовалъ Л. О. Пастернакъ и въ рядѣ дальнѣйшихъ картинъ, изображавшихъ то хоръ слѣпыхъ дѣтей на молитвѣ, то студентовъ-медиковъ, занятыхъ подготовкой къ экзаменамъ (пріобрѣтена французскимъ правительствомъ въ 1900 г. для Люксембургской галлереи — стр. 729), то „Муки творчества“. Послѣдняя картина отразила жизнь того круга, къ которому примкнулъ Л. О. Пастернакъ, поселившись съ 1889 г. въ Москвѣ. Здѣсь онъ сбли-

Л. Н. Толстой среди семьи, въ Ясной Полянѣ. *Л. Пастернакъ.*
Эскизъ картины, находящейся въ Музеѣ Императора Александра III.

За ужиномъ. *Л. Пастернакъ.*
Рисунокъ къ разсказу Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“.

*) Нѣсколько головъ углемъ изъ исполненныхъ Пастернакомъ въ Мюнхенѣ пріобрѣтены были П. М. Третьяковымъ для своей галлереи.

зился съ литературнымъ міромъ и принялъ участіе въ журналѣ „Артистъ“, завѣдуя художественнымъ отдѣломъ и давая рисунки изъ жизни кулисъ.

Л. О. Пастернакъ. *Автопортретъ.*

Въ послѣдующіе годы Л. О. Пастернакъ расширяетъ горизонтъ своего наблюденія. Не отходя отъ литературы, онъ ищетъ типовъ въ различныхъ слояхъ общества. Свой интересъ къ воплощенію внутренней жизни онъ выражаетъ въ иллюстраціи. Увлекаясь все болѣе и болѣе Л. Н. Толстымъ, какъ художникомъ-психологомъ, Л. О. Пастернакъ рисуетъ сцены изъ „Войны и мира“, изъ „Воскресенія“ и „Чѣмъ люди живы“ (стр. 731).

Чтобы создать иллюстраціи, онъ ѣдетъ въ Ясную Поляну, бесѣдуетъ съ авторомъ. Дѣлая эскизы, онъ ихъ посылаетъ на просмотръ. Иллюстраціи Л. О. Пастернака—не поверхностные наброски, а продуманное и прочувствованное талантливое претвореніе того, что далъ писатель, но претвореніе, преломившееся черезъ призму художника, зорко всматривающагося въ окружающую жизнь и черпающаго оттуда живые типы разнообразныхъ слоевъ русскаго общества. Иллюстраціи Л. О. Пастернака очень нравились Л. Н. Толстому. „Особенно мнѣ понравились,—пишетъ онъ въ ноябрѣ 1904 года,—два рисунка (изъ серіи „Чѣмъ люди живы“). „За ужиномъ“ и особенно лицо женщины—это 5+. Также 5+ за послѣдній рисунокъ женщины съ двумя дѣвочками“. Рисунки къ „Воскресенію“, также просмотрѣнные и оцѣненные авторомъ, были помѣщены въ „Нивѣ“, изданы въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Іоркѣ и создали художнику широкую извѣстность. Пренебреженное ранѣе искусство иллюстраціи Л. О. Пастернакъ поднялъ высоко и далъ его прекрасные современные образцы *).

Но, будучи близокъ къ литературѣ, Л. О. Пастернакъ не сталъ рабомъ литературнаго направленія въ живописи. Его сильно всегда интересуетъ и живописная сторона и разработка живописныхъ задачъ. Съ 90-хъ годовъ онъ отдается изученію и передачѣ оранжевой гаммы свѣта лампы, который обливаетъ все мягкимъ тепломъ и придаетъ особую интимность. Работая въ этомъ направленіи, Л. О. Пастернакъ создаетъ два портретныхъ шедевра: одинъ—Толстой въ семейномъ кругу въ Яснополянскомъ домѣ въ вечерніе часы (стр. 731), другой—группа художниковъ изъ В. А. Сѣрова, А. М. Васнецова, К. А. Коровина, С. Б. Иванова, А. Е. Архипова и самого Пастернака на вечернемъ засѣданіи Совѣта въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ (стр. 733) *).

Еще сильнѣе интимная нота звучитъ у Л. О. Пастернака въ рисункахъ, когда онъ беретъ для изображенія семейную жизнь. Онъ влюбленъ въ курчавыя головки дѣтей, въ степенныхъ нянь, въ заботливыхъ матерей, въ семейный уютъ, гдѣ царятъ тепло и миръ. Онъ съ любовью наблюдаетъ, какъ къ ребенку наклоняется мать, чтобы кормить его грудью (стр. 730), какъ мать, обнявъ дѣтей, съ ними вмѣстѣ читаетъ, какъ малышей купаютъ, кормятъ и поятъ въ дѣтской, какъ они тамъ играютъ. Улавливая общее, свободными штрихами онъ переноситъ на бумагу эти подвижныя модели, импрессіонистично схватывая характерное.

Въ тѣсной связи съ основнымъ интересомъ Л. О. Пастернака къ человѣку и его внутреннему міру стоитъ и его любовь къ портрету. Здѣсь его привлекаютъ разнообразіе и возможность углубленія при передачѣ типичнаго человѣческаго лица. Онъ пишетъ портреты Л. Н. Толстого за работой, проф. В. О. Ключевскаго на лекціи, Петра Великаго на ассамблеѣ (стр. 734). Онъ даетъ здѣсь не только сходство, онъ выявляетъ характерный обликъ и внутренній міръ.

Л. О. Пастернакъ — неутомимый работникъ. Съ 90-хъ годовъ онъ ведетъ преподаваніе въ московскомъ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества, насаждая художественную культуру въ своихъ питомцахъ. Онъ всегда изучаетъ природу, а въ ней особенно форму, рисунокъ, вдумчиво и любовно вглядывается въ старыхъ мастеровъ.

Во всемъ, что онъ рисуетъ, видны любовь и наблюдательность. Поэтому онъ не отступаетъ отъ правды. Но онъ не копируетъ правды. Онъ обобщаетъ ее и даетъ претворенною. Л. О. Пастернакъ — талантливый живописецъ; онъ владѣетъ краской, чувствуетъ цвѣтъ и свѣтъ. Но прежде всего онъ — превосходный графикъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ художниковъ, строго относящихся и культивирующихъ рисунокъ. Рисунокъ для Л. О. Пастернака—не эскизъ и не этюдъ, не подготовительная только работа для чего-то болѣе значительнаго. Онъ цѣнитъ его самого по себѣ, и его рисунки вдумчивы по содержанію, утонченны по техникѣ, богаты по изученію и разработкѣ. Его пастели, акварели, гравюры, рисунки карандашомъ, углемъ и перомъ отличаются огромнымъ техническимъ умѣньемъ и изысканной простотой.

*) Интересно сопоставить рисунки Л. О. Пастернака къ „Войнѣ и миру“ съ однородными рисунками извѣстнаго художника Христіансена къ датскому переводу этого произведенія Л. Н. Толстого. Въ противоположность Пастернаку, Христіансенъ отдается тщательной передачѣ костюмовъ.

*) Обѣ эти картины находятся въ Музеѣ Императора Александра III въ Петроградѣ.

Н. Тарасовъ.

Круговоротъ.

Изъ бездны паденія вышелъ на свѣтъ
Ожившій, прозрѣвшій боецъ,
Съ омытой душой для великихъ побѣдъ
За свѣтлый лучистый вѣнецъ.
Отъ звѣря—до Бога пустынной тропой...
Минута и вѣчность—предѣлъ.

Толпу небольшую ведетъ за собой
Для радостныхъ, блещущихъ дѣлъ.
Отъ звѣря—до Бога чрезъ скользкій порогъ,
Чрезъ сталью обитую дверь...
И гибнетъ въ душѣ обновившейся Богъ,
И вновь просыпается звѣрь!

Анатолій Леоненко.

Награда лучшихъ.

Повѣсть Марка Криницкаго.

(Продолженіе).

XII.

Поѣздъ врѣзался между обѣихъ платформъ съ обычнымъ будничнымъ шумомъ, и только красный товарный вагонъ сзади сказалъ, что необычайное совершилось. А дальше все пошло съ оскорбительной ненужностью: бѣготня кондукторовъ и вокзальныхъ сторожей, желтыя квитанціи. И когда Катя увидѣла наконецъ большой, бѣлый, плотно завинченный металлическій гробъ, то въ немъ было уже что-то чужое и слишкомъ заурядное. Батюшка отслужилъ кратко литію. Хоръ гимназическихъ пѣвчихъ, запинаясь и робѣя, провозгласилъ „вѣчную память". Нѣсколько преподавателей и гимназическихъ сторожей съ неуклюжестью штатскихъ выгрузили гробъ изъ темнаго и неопрятнаго пространства вагона и на бѣлыхъ кускахъ полотна, перекинутыхъ въ три ряда черезъ плечи, шатаясь, отнесли его на небогатыя открытыя дроги. Стройными рядами выровнялся взводъ солдатъ, прозвучали слова команды, и печальное шествіе тронулось. Когда вышли въ поле, оно растянулось на полверсты. Двигались быстро. Солдаты-музыканты съ мѣдными трубами за спиной шли молча. Отбрасывая комья грязи и погружаясь въ колеи, съ неровнымъ шумомъ вертѣлись колеса, и покачивался на дрогахъ гробъ, покрытый тремя металлическими вѣнками, и казалось, что провожающіе болѣе озабочены выборомъ менѣе грязныхъ мѣстъ на дорогѣ.

И уже было неловко за мысли, охватившія на вокзалѣ. Все такъ обыкновенно въ этомъ мірѣ. Даже смерть. И было ясно, что Петра Сергѣевича сейчасъ зароютъ, а завтра жизнь пойдетъ, не измѣняясь ни въ чемъ, тѣмъ же темпомъ, какъ шла и до сихъ поръ.

Началъ моросить дождь, и нѣкоторые изъ провожающихъ открыли зонтики. Дзюбинскій, идя въ сторонѣ, сначала только прикрываетъ стриженную голову форменною фуражкою, повернутою противъ вѣтра, а потомъ, предварительно оглянувшись, надѣваетъ ее и совсѣмъ. Его примѣру слѣдуютъ остальные. Всѣ эти люди будутъ жить завтра, какъ вчера. И какою ложью звучатъ призывы газетъ! Есть тѣ, кто умираютъ. Ихъ больше не будетъ никогда. И есть тѣ, которые живутъ долго, долго. Какъ Южный. Они изживаютъ нѣсколько поколѣній и умираютъ такъ рѣдко, что кажется поневолѣ, что они живутъ вѣчно.

Катѣ хотѣлось бы собрать остатки свѣтло-умиленнаго настроенія, которое охватило ее на вокзалѣ, но она не можетъ. Дроги быстро, быстро катятъ гробъ, и батюшка въ черной траурной ризѣ, съѣхавшей на одно плечо, озабоченно шагаетъ черезъ грязь. Чмокаютъ колеса дрогъ, и звенятъ, подпрыгивая, металлическіе вѣнки. О, ничего не ждетъ насъ за гробомъ, кромѣ полнаго забвенія легкомысленной и ничего не знающей человѣческой толпы! Прокляты заранѣе всѣ наши жертвы. Безсмысленны наши порывы. Тупыя, уравновѣшенныя и уклончивыя созданія населяютъ этотъ міръ. И ни громы пушекъ ни рѣки торжественно льющейся крови не въ силахъ измѣнить этого порядка вещей, который страшнѣе самой смерти!

— Катерина Васильевна, вы этакъ промочите себѣ ноги,—говоритъ подло-участливо Горшковъ.

У него постоянно такое выраженіе лица, какъ будто онъ знаетъ что-то гораздо большее, и слова его, соотвѣтственно съ этимъ, имѣютъ свой другой скрытый смыслъ.

— Пожалуйста, не заботьтесь обо мнѣ.

— Все же...—продолжаетъ онъ, и нѣкоторое время они идутъ молча.

Потомъ онъ внезапно мѣняетъ тонъ на задумчиво-серьезный:

— Да, сегодня нашъ городъ хоронитъ своего героя. Кстати о вѣнкахъ. Вы не находите, что обычай возлагать вѣнки на гроба умершихъ у насъ черезчуръ опошленъ. Умретъ какой-нибудь Пирогъ Степановичъ,—и ему сейчасъ вѣнокъ. А весь его героизмъ только въ томъ и состоялъ, что онъ пропускалъ каждый день передъ обѣдомъ по маленькой и закусывалъ водку груздями.

Онъ дѣлаетъ притворно-возмущенное лицо. Ему бы хотѣлось, чтобы Катя согласилась съ нимъ. Но она рѣзко его спрашиваетъ:

— А что такое герои?

— Герои? Но позвольте-съ...

Онъ снисходительно усмѣхнулся.

— Да, я хочу знать, кого и за что вы считаете героями, и кто, слѣдовательно, по-вашему (она подчеркиваетъ это слово) заслуживаетъ вѣнка.

Подумавъ, онъ говоритъ:

— Герои... ну, это тѣ, которые полагаютъ свою душу за... и такъ далѣе.

Онъ смѣется, вопросительно глядя на Катю.

— За кого или за что?

Совѣтъ художниковъ въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ. *Л. Пастернакъ.*

Музей Императора Александра III.

Катя чувствуетъ ненависть къ его лоснящемуся, мясисто-красному лицу и скверной, рѣдкой, „педагогической“ бороденкѣ. Но онъ улыбается еще снисходительнѣе. Въ глазахъ его, узенькихъ и вѣчно насмѣшливыхъ, насторожившійся блескъ.

— Какъ „за кого“? Будто не знаете? За людей вообще. За всѣхъ насъ. А что?

И голосъ у него тоже подлый, подтавливающій. Такимъ голосомъ онъ задаетъ на экзаменѣ ученицамъ свои знаменитые казусные вопросы.

— То-есть за обывателей? За всѣхъ этихъ Пироговъ Степановичей? Не стоитъ, Клавдій Петровичъ.

Онъ на моментъ даже отстраняется. Въ лицѣ его обида.

— Позвольте-съ... Какія мысли! — говоритъ онъ. — Почему не стоитъ? Герои для того и существуютъ, чтобы вести за собой толпу. И, согласитесь, что вѣдь тогда, какъ говоритъ Достоевскій, „все позволено“, то-есть, я говорю, если нѣтъ героизма или онъ обезцѣненъ... Вы это хотите сказать?

Но она только наклоняетъ голову и молчитъ.

— Это странно, говоритъ онъ.—Съ такими мыслями, знаете.. Но вѣдь не всѣмъ же, согласитесь, быть героями?

Широкимъ шагомъ онъ преодолѣваетъ лужу и поворачиваетъ къ Катѣ лицо, означающее, что вѣдь они оба, то-есть онъ и она, тоже не герои.

— Согласитесь, моя дорогая, что же тогда дѣлать съ остальными? Напримѣръ, даже такими, какъ мы съ вами?

Она бросаетъ ему, сжавъ зубы:

— Тогда это—провокація.

— То-есть, почему же это? Это, знаете ли, забавно. Я въ первый разъ слышу.

А все, что онъ въ первый разъ слышитъ, для него уже несомнѣнная глупость. Онъ думаетъ, что слышалъ уже все, и больше ничего никогда не услышитъ.

— Почему же это провокація? И кто здѣсь и кого провоцируетъ?

Точно оступаясь и падая въ бездну, Катя говоритъ:

— Всѣ злые всѣхъ добрыхъ. Никто не имѣетъ права говорить, чтобы другіе были героями. Героями можно быть, но о геройствѣ нельзя говорить.

— Но вѣдь вы же говорите сейчасъ, моя прелесть.

— Но я вовсе не приглашаю никого къ геройству.

— А сами?

— А сама я такъ же ничтожна, какъ другіе. И потому я не проповѣдую героизмъ. По-моему, если уже проповѣдывать героизмъ, то необходимо, чтобы всѣ были героями, а такъ...

— Что же „такъ“?

— Такъ происходитъ одна эксплуатація.

— Помилуй Богъ, какія страшныя слова: провокація, эксплуатація. Во всякомъ случаѣ это ново.

Онъ мгновенно перестаетъ смѣяться и, круто повернувшись, отходитъ.

Ей бросается вся кровь въ лицо, и руки дрожатъ, но злоба перевѣшиваетъ остальное. И Катя жалѣетъ только объ одномъ,— что говорила съ нимъ слишкомъ мягко.

XIII.

При самомъ входѣ въ городъ вдругъ что-то оглушительно-звонкое ударяетъ разомъ въ голову, въ грудь, въ плечи. Горячими струйками кровь разбѣгается отъ сердца.

Музыка! И долго еще отъ неожиданности все внутри горитъ и дрожитъ. Между тѣмъ замолкаетъ грохотъ экипажей, и ноги сами собой маршируютъ въ тактъ. И кажется, точно эти звуки распространяются прямо отъ бѣлаго металлическаго гроба, плавно покачивающагося впереди на дрогахъ.

Музыка! Что такое музыка? Почему всѣ идущіе мимо останавливаются и поворачиваютъ головы, какъ будто случилось какое-то внезапное чудо? И все точно получило новый смыслъ. Дома и люди кажутся не прежними. И выраженіе человѣческихъ лицъ сконфуженно-застѣнчивое и вмѣстѣ торжественное. Смѣшно какъ будто и странно итти въ ногу, но всѣ идутъ: и тѣ, которые этого не хотятъ, и тѣ, которые хотятъ. Въ музыкѣ есть убѣдительность и власть. И даже, если бы надо было умереть, то она могла бы приказать это сдѣлать. А сейчасъ она хочетъ, чтобы люди посмотрѣли въ глаза ужасному, которое есть смерть. И она не говоритъ, что это естественно, просто или легко. Но она говоритъ. Она можетъ и смѣетъ говорить объ этомъ громко одна. Ахъ, что такое музыка? Слезы въ сладкой истомѣ подступаютъ къ горлу, и уже нѣтъ злобы, а только свѣтлая серьезность и печаль. И тотъ, кто лежитъ въ гробу, большой, тяжелый, длинный и строгій, уже не кажется больше Петромъ Сергѣевичемъ. Значитъ, онъ былъ дѣйствительно почему-то правъ.

На ассамблеѣ. Изъ изданія Думнова „Исторія русской культуры“. *Л. Пастернакъ.*

Но такъ же внезапно музыка обрывается, и только воспоминаніе о печально-свѣтлой мелодіи еще нѣсколько мгновеній сладостно волнуетъ сердце. Потомъ въ сознаніе врывается безпорядочный стукъ извозчичьихъ пролетокъ и дробный шумъ шаговъ.

На Сѣнной площади пахло сѣномъ и навозомъ. Стояли еще не проданные воза и возлѣ нихъ распряженныя лошади. Сегодня еще продолжалась конская ярмарка. Люди хлопотали о своемъ. Жизнь тутъ кипѣла, далекая отъ мыслей о войнѣ и уничтоженіи. Здѣсь властвовали коротенькіе интересы дня. Правда, при видѣ гроба и, въ особенности, длинной вереницы солдатъ и учащихся. всѣ поснимали шапки. На лицахъ проступало мгновенное и спокойное любопытство. Лишь только печальная процессія повернетъ за уголъ, они тотчасъ бросятся къ своимъ дѣламъ. И хотѣлось скорѣе дойти до кладбища. А глазѣвшіе торговцы и мужики одинъ за другимъ надѣвали шапки и отворачивались.

Тогда внутри начинала опять дрожать злоба. Горшковъ шелъ теперь рядомъ съ начальницей. Съ прямымъ проборомъ волосъ. коренастый, коротконогій, онъ шелъ мелкими шажками, тѣми самыми, которыми пойдетъ завтра на урокъ. И видъ у него былъ такой, который означалъ: „Вотъ я все понимаю, какъ жить, и какъ итти за гробомъ и всякую штуку“.

Москворѣцкая набережная. *В. Бялыницкій-Бируля.*

Но раздалась музыка, и опять вѣрилось въ то, что правы не они, а Петръ Сергѣевичъ.

Да, музыка... Что такое музыка? Кто знаетъ, что такое музыка? Упорно хотѣлось рѣшить этотъ вопросъ. И Катя понимала, что дѣло не въ музыкѣ. Разъ есть музыка, то есть что-то и еще. Или ничего нѣтъ? И все это только истерія и обманъ чувствъ?

Но если ничего нѣтъ, тогда...

Противно и мелко шагалъ впереди Горшковъ, ступая носками внутрь. Тогда „все позволено“,—говорилъ онъ. И охватывалъ мгновенный страхъ. Можетъ-быть, это только она одна такая, а всѣ другіе знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. И одни должны умирать, а другіе жить. И первые умирать, чтобы жили другіе, а эти другіе жить для того. чтобы умирали тѣ, первые? Какой ужасъ, какая безсмыслица и невыразимая пошлость!

Съ праваго бока подходитъ Дзюбинскій. У него въ усахъ все та же серебряная нить. Онъ прозябъ въ своемъ короткомъ драповомъ пальто, сочувственно улыбается, потираетъ красныя руки безъ перчатокъ, спрашиваетъ:

— Не устали?

Что ему нужно? Зачѣмъ онъ? И что, вообще, значитъ, что есть и живетъ онъ. И будетъ жить долго-долго, пока наконецъ когда-нибудь не умретъ. Умретъ на своей постели, и его такъ же будутъ хоронить, только безъ музыки. Зачѣмъ это?

Оба они удивленно смотрятъ другъ на друга: она, удивляясь ему, а онъ, удивляясь тому, что у нея странный, удивленный взглядъ и необъяснимый ничѣмъ страхъ въ расширенныхъ черныхъ глазахъ.

XIV.

Люди съ красными и вспотѣвшими отъ натуги лицами, покачиваясь, неровно поставили гробъ сначала у самаго края могилы на обмятомъ высокомъ бугрѣ сырой глины. Потомъ начали осторожно сдвигать на деревянную настилку поперекъ ямы. Въ этомъ было что-то коварное. У нихъ ловкія и привычныя движенія, и видно. что они въ совершенствѣ изучили свое ремесло. Отчего людей, которые умерли и которые больше уже никому не нужны, не бросаютъ въ эти ужасныя ямы прямо, безъ всякихъ лицемѣрныхъ приготовленій? Это было бы честнѣй.

Наконецъ гробъ утвердили на доскахъ надъ зіяющей черной ямой, и священникъ что-то сказалъ нараспѣвъ, а прозябшіе голоса пѣвчихъ заторопились въ отвѣтъ.

Катѣ врѣзалось въ память лицо одного изъ нихъ, маленькаго гимназистика, коренастаго, краснолицаго, съ обвѣтреннымъ лицомъ, посинѣвшія губы и шмыгающій носикъ пуговкой и сѣрые, дѣловито-безсмысленно останавливающіеся глаза.

— Вѣчная, вѣчная память...

И уже съ тою же послѣднею торопливостью продергиваютъ подъ гробъ толстыя и безобразныя веревки.

— Р-р-р...

Что-то звѣрское и ожесточенно-хладнокровное въ привычной работѣ этихъ людей. Среди замолчавшаго хора и притаившейся толпы людей они знаютъ теперь одни, что надо дѣлать.

— Подайся маленько... Заходи справа.

Потревоженныя птицы гдѣ-то перелетаютъ въ прозрачной пустотѣ обезлиствѣвшихъ верхушекъ кривыхъ и перепуганныхъ березъ. Толпа даетъ дорогу для выдернутыхъ и съ хрипѣніемъ летящихъ въ стороны досокъ. И гробъ, точно ожившій въ послѣдній разъ. поднимается верхнимъ концомъ. Сейчасъ все. Что-то запомнилось большое и красивое изъ того, что играла музыка. Если бы вспомнить сейчасъ. Но узкій конецъ медленно съ осторожнымъ и зловѣщимъ шуршаніемъ сползаетъ внизъ. Хочется крикнуть:

— Подождите же!

Катя понимаетъ, что это ея крикъ, пронзительный, точно остріе, встаетъ надъ моремъ памятниковъ и крестовъ и вонзается высоко въ пустой и низкій небосводъ. Они замедляютъ свою страшную работу и оглядываются, ожидая распоряженій. Но она уже возлѣ гроба. Вѣроятно, ее принимаютъ за сестру. Впрочемъ, какое ей дѣло? Кто-нибудь подумаетъ плохо? Ахъ, не все ли равно, когда она ни разу не прикоснулась къ полированной металлической крышкѣ?

И сейчасъ конецъ, и больше уже никогда-никогда!

Гробъ перестаютъ опускать, кто-то распоряжается, и онъ, покачиваясь, повисаетъ въ пространствѣ. Холодный, влажный, металлическій сплавъ касается ея лица и рукъ, силящихся обхватить угловатое пространство, вмѣстившее въ себя то, что могло бы быть счастьемъ, пришедшимъ только одинъ разъ. Что подумаютъ они? О, они подумаютъ больше. Но развѣ знаетъ она сама весь объемъ того, что теряетъ сегодня, сейчасъ, сію минуту? Почему же тогда не нашлось никого другого, кто бы сейчасъ здѣсь, рядомъ съ ней, рыдалъ и бился? Но гробъ тихо колеблется, и чьи-то сильныя руки въ послѣдній разъ удерживаютъ его надъ бездной. Кто-то наклоняется надъ ней и участливо шепчетъ:

— Милочка, довольно! Мы понимаемъ, но уже довольно...

— Ахъ, сейчасъ!

И слезы, какъ изъ свѣтлой пропасти, вырываются наружу. И уже много лицъ склоняется надъ нею, и кто-то говоритъ:

— Бѣдная!

Кто это сказалъ? Она потомъ его найдетъ и будетъ цѣловать ему руки. Но сейчасъ—только еще одно мгновеніе.

— Милочка, имъ трудно такимъ образомъ держать на вѣсу.

— Ахъ. трудно? Тогда пусть...

Она киваетъ имъ головой, и въ глазахъ все свѣтится и застилаетъ отъ слезъ.

— Тогда пусть!

Ласково креститъ гробъ. Кто-то съ рыданіемъ сжимаетъ ее въ объятіяхъ. И она знаетъ, что это—его сестра. Распухшее отъ слезъ лицо, улыбающееся нездѣшней улыбкой.

— Вы любили его?

Наклоняетъ голову безъ словъ. И обѣ онѣ видятъ, какъ металлическая крышка опускается ниже и ниже. Вырываются и скатываются внизъ комки глины. Гимназистикъ съ посинѣвшимъ носикомъ-пуговкой, съ испуганнымъ, животнымъ любопытствомъ смотритъ, нагибаясь, выпуклыми сѣрыми глазами въ образовавшійся узкій и страшный колодецъ съ гробомъ на днѣ. Священникъ въ высокой лиловой скуфьѣ протягиваетъ зачѣмъ-то руку смущенно-торопливымъ движеніемъ къ куску сырой глины на остромъ и блестящемъ желѣзѣ заступа и первый бросаетъ землю внизъ. Потомъ заступъ протягивается къ нимъ. И обѣ онѣ, обнявшись, берутъ въ пальцы, содрогаясь, по куску чего-то отвратительнаго и безвиднаго. Надо бросить внизъ. Послѣднее прикосновеніе къ тому, кто уходитъ навсегда. И, погружая руки,—одну въ перчаткѣ, другую такъ,—въ холодную и твердую глину, она хотѣла бы одна, безъ чужой помощи, смѣшивая ее со слезами, заполнить ею все пространство до края ямы.

Но звякаютъ острые заступы, широкіе и блестящіе отъ постоянной работы. Два мужика дѣловито поплевываютъ на руки. Съ гуломъ сыплется земля. Кто-то наклоняется надъ Катей, чтобы

поднять ее. Это — Зинаида Өедоровна. Ея глаза строги и непріятно остры.

— Встаньте же, — говоритъ она.

Да, теперь уже все равно. Мелькаютъ и мелькаютъ локти могильщиковъ, и среди общаго молчанія раздается только ихъ торопливое и надрывное „га“, съ которымъ они рѣжутъ отваливающимися ровными кусками сырую глину. Сверкнулъ въ послѣдній разъ кусочекъ металлической полированной крышки. Все.

Катя поднимается съ колѣнъ и осматривается. Тихо освобождаетъ руку. Дѣвушка въ траурѣ съ распухшимъ отъ слезъ носомъ съ удивленіемъ взглядываетъ на нее. У нея голубые глаза, какъ и у Петра Сергѣевича. Наклонивъ голову, Катя поворачивается, чтобы уйти. Люди съ усмѣшкой разступаются. Завтра изъ этого сплетутъ отвратительную сплетню. Но пусть! Надвинувъ край шляпы на глаза, она помѣщается гдѣ-то позади всѣхъ, у чужой рѣшетки. Опять хочетъ съ усиліемъ вспомнить то, о чемъ играла музыка. И кажется неземнымъ, неповторимымъ счастьемъ то время, когда она шла за гробомъ.

Старая Москва. Церковь Василія Блаженнаго. *К. Робусъ.*

Да, вспомнила:

„Мы, остающіеся здѣсь, должны что-то сдѣлать, чтобы была оправдана ихъ смерть“.

Сжимаетъ пальцы, причиняя боль. Сдѣлать! Сдѣлать!

— Кажется, уже все кончено, — говоритъ сбоку голосъ Дзюбинскаго. — Разрѣшите, Екатерина Васильевна, васъ проводить.

Въ его глазахъ растерянная жалость. Онъ мнется и краснѣетъ.

— Да? Вы можете?

Вѣдь онъ первый принесъ ей это извѣстіе, перевернувшее всю жизнь. Она схватываетъ его за руку, безсильная сдержать новыя слезы, слезы дѣтской безпомощности и безсилія, послѣднія слезы, бѣгущія изъ ея глазъ.

— Спасибо вамъ. Я не забуду этого никогда.

XV.

Уже въ передней она узнаетъ знакомые голоса. Сначала Сергѣя Сергѣевича:

— Однакоже письмо...

По глазамъ Марьи понимаетъ, что здѣсь что-то ужасное.

— Барышня... Викентій-то Викентьевичъ... Милая ты моя!..

— Что? Что? Бога ради!

Но потомъ вспоминаетъ:

„Мы, оставшіеся здѣсь“...

И улыбается. Еще звучатъ свѣтлые погребальные звуки. Радостно одергиваетъ рукава.

— Онъ арестованъ?

Марья говоритъ грубо и странно-неожиданно:

— Порѣшилъ себя. Вотъ вамъ и весь сказъ.

— Что значитъ: „порѣшилъ“? — спрашиваетъ Катя.

Но та отходитъ на одинъ шагъ, всплескиваетъ руками и качаетъ головой.

— Милая, а?

Потомъ вытираетъ глаза фартукомъ и слезливо сморкается.

— Петлю затянулъ себѣ. Въ деревянномъ сараѣ лежитъ. Только ноги виднѣютъ. Вотъ страсти Господни, милая моя. Изъ петли выймали. По письму. Письмо, окаянный, прописалъ: тамотка, молъ, ищите деньги. По письму, милая моя. Другого-то мѣста себѣ не нашелъ.

Но Катя уже не слушала. Почему-то вспомнились эти странно-смѣшныя слова: „Есть серьезность“.

И отъ нихъ поползла противная тошнота вдоль груди черезъ плечи и по рукамъ. Почернѣло въ глазахъ.

— Барышня, что съ вами?

Но она овладѣла собой. Голосъ Сергѣя Сергѣевича явственно сказалъ въ столовой:

— Но какимъ образомъ? Я васъ спрошу. На это нѣтъ никакихъ предуказаній. Онъ пишетъ: „Я себя казню“. А господину

Старая Москва. Кремль сто лѣтъ тому назадъ. *М. Воробьевъ.*

Старая Москва. Красная площадь. *Ф. Алексѣевъ.*

начальнику сыскного отдѣленія надобны предуказанія. Такъ я говорю? Гм...

Слышно было, какъ онъ довольно и хвастливо усмѣхнулся. Въ отвѣтъ ему закричало разомъ нѣсколько голосовъ. Катя выдѣлила голосъ мамы и ея странныя слова:

— Что жъ ему зря-то перекручивать руки? Успѣете вшами накормить.

— Молчи! — крикнулъ отецъ.

Въ столовой за столомъ и около стола, съ котораго была сдернута скатерть, стояло и сидѣло нѣсколько человѣкъ. Кромѣ отца и Сергѣя Сергѣевича, которые стояли, сидѣло двое. Начальникъ сыскного отдѣленія, знакомый и такой же усталый, и еще господинъ, стриженный бобрикомъ, съ аккуратной бородкой и длинными усами. Оба даже не взглянули на вошедшую Катю.

Мама плакала у окна. Тутъ же стояло двое мужчинъ, похожихъ на обыкновенныхъ мужиковъ съ базара.

— Папочка, что это? — крикнула Катя.

Сидѣвшіе повернули головы, но не сказали ничего. За нихъ отвѣтила мама, и голосъ у нея былъ такъ же грубъ, какъ и у Марьи:

— Отблагодарилъ, старый песъ, нечего сказать.

Она дернула плечами и гнѣвно отвернулась къ окну.

Начальникъ сыскной полиціи (теперь Катя разсмотрѣла, что онъ былъ почти рыжій и сильно некрасивый, съ непріятно наморщеннымъ длиннымъ носомъ) вопросительно наклоняется къ господину, стриженному подъ бобрикъ, и что-то шепчетъ, указывая глазами на Катю.

— Екатерина Васильевна? — спрашиваетъ тотъ вѣжливо.

— Да, это я.

— Моя дочь, — подтверждаетъ отецъ.

Надо думать о Володѣ. Это допросъ. Начальникъ сыскной полиціи неопредѣленно усмѣхается. Они всѣ здѣсь знаютъ больше ея.

— Что случилось? Бога ради!..

Но теперь усмѣхаются уже они оба.

— Катерина, — говоритъ отецъ, и она видитъ, какъ у него пульсируетъ въ вискѣ жилка; глаза его горятъ гнѣвомъ, — показывай всю правду.

— Да какую правду? — вскрикнулъ маминъ голосъ отъ окна.— Сознался... Что ужъ... Вамъ бы только вшами кормить.

— Ну, это, госпожа, я васъ прошу, — поворачивается къ ней голова сыскного.—Здѣсь законъ. Отвѣчайте!—строго обращается онъ къ Катѣ.

Она встрѣчается съ упорнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ Сергѣя Сергѣевича. Понимаетъ одно, что должна его сейчасъ почему-то ненавидѣть. Скупщикъ! Скупилъ быковъ! Она гордо отворачивается и чувствуетъ на своемъ лицѣ его гадкую усмѣшку.

Старая Москва. Николаевскій дворецъ въ Кремлѣ. *М. Воробьевъ.*

— Вы насчетъ свинца-то, свинца, — говорилъ онъ сипло. — Зачѣмъ свинецъ топилъ?

Катя чувствуетъ слабость въ ногахъ. Ей кажется, что все пропало.

— Позвольте присѣсть: Я съ похоронъ.

— Пожалуйста.

Кто-то подаетъ ей стулъ. „Казню себя". Это, значитъ, изъ письма Викентія. Какой ужасъ!

— Почему онъ это сдѣлалъ съ собой? Бога ради...

Стриженный господинъ говоритъ, раздражаясь:

— Я васъ прошу оставить не идущіе къ дѣлу вопросы и отвѣчать. Вы спрашивали прислугу Марью, вернувшись съ именинъ, почему въ квартирѣ стоитъ чадъ?

На другой день по возвращеніи изъ гимназіи, — поправляетъ начальникъ сыскного отдѣленія.

— Ну, да. Такъ вотъ?

Теперь Катѣ кажется, что она уже нащупала свою линію, и она отвѣчаетъ твердо:

— Да, конечно, я спрашивала.

Оба они переглядываются, и стриженный господинъ говоритъ съ кривой и скучающей усмѣшкой:

— Я болѣе не имѣю ничего. Можете итти.

Сергѣй Сергѣевичъ срывается съ мѣста.

— Я же говорю, что въ письмѣ нѣтъ предуказаній.

— Позвольте мнѣ прочитать его письмо, — твердо говоритъ Катя.

Оба сидящіе совѣтуются. Начальникъ сыскного отдѣленія соглашается.

— А дайте.

Онъ передаетъ ей листокъ почтовой бумаги, предварительно вынутый изъ конверта, и смотритъ наглымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Катя узнаетъ каракули, которыми Викентій Викентьевичъ обыкновенно писалъ хозяйственные счета. Она прочла:

„Во имя Господа! Кто ищетъ, тотъ найдетъ, а кто потерялъ себя, тому больше нечего искать. Казню себя самъ по заслугамъ. Да святится имя Твое! Пойметъ, кто разумѣетъ. А вы простите, всѣ мои уважаемые и любимые. И еще прошу васъ, кто останется жить, не ходите по дорогѣ зла, какъ я ходилъ весь мой вѣкъ. И, видя мой трупъ, еще никто не былъ счастливъ въ этой жизни черезъ худое. Особенно молодые, которымъ предстоитъ жизнь. Безъ Бога ни до порога!.. Деньги и ваши, Сергѣй Сергѣевичъ, зарылъ позади сарая на нашемъ дворѣ отъ старой собачьей конуры два шага упередъ навалена грудка кирпичей. Простите великодушно. Ничтожный рабъ Викентій".

Катя прочла письмо нѣсколько разъ. „Пойметъ, кто разумѣетъ". Это къ ней. Двѣ крупныя слезы сползли по щекамъ. Вдругъ сдѣлалось страшно и гадко, что вчера весь день и третьяго-дня и даже сегодня думала дурно про Викентія.

— Нѣтъ никакихъ предуказаній, — опять повторилъ Сергѣй Сергѣевичъ и безпокойно завозился.

Катя положила письмо на столъ.

— О какихъ предуказаніяхъ вы говорите? — спросила она.

— А собственно на предметъ, что деньги взялъ онъ. Деньги, молъ, зарываю, а тамъ кто взялъ — ни слова.

— Ну, и собака ты, прости Господи, — сказалъ отецъ.

— Я прошу, господинъ слѣдователь, это ихъ выраженіе занести въ вашъ протоколъ.

Всѣ громко опять заговорили, и опять поверхъ другихъ голосовъ отчетливо выдѣлялся голосъ мамы. Она кричала:

— Свинчатки наливалъ. А ну, поглядите. Подъ кроватью полно свинчатокъ. При себѣ ему не позволяю. Онъ потихоньку наливаетъ. Что же въ этомъ? Ключъ вашъ станетъ выливать. Мало вы, видно, крови нашей рабочей выпили?

— Замолчите же! — крикнулъ на нее начальникъ сыскного отдѣленія, повернувшись къ ней съ кривой улыбкой. — А то мы, ей-Богу, занесемъ васъ въ протоколъ.

— И заносите. Испугалась я вашего протокола. Я въ своемъ домѣ.

— Кш! — крикнулъ на нее опять начальникъ.

Отецъ подошелъ къ ней и ласково повелъ ее за плечи изъ комнаты. Всхлипывая, она продолжала кричать:

— Кормить вшами... Какъ же... И на васъ, небось, управы найдется. О законѣ лучше бы помолчали. Небось, кто больше дастъ...

Слышно было, какъ отецъ зажалъ ей насильно ротъ.

Сидѣвшіе за столомъ сдѣлали видъ, что ничего не слышали.

— Вы свободны, — обратился къ Катѣ слѣдователь съ тою же противною вѣжливостью, съ которой обращались къ ней всѣ нестарые мужчины.

Она встала. Вдругъ онъ неожиданно остановилъ на ней свой болѣе внимательный взглядъ.

— Вашъ допросъ конченъ, и я васъ теперь спрашиваю, такъ сказать, частнымъ образомъ. Вы, я видѣлъ, очень внимательно прочитали письмо... Вы дѣйствительно вѣрите, что покойный Викентій Викентьевичъ — воръ?

— Не можетъ этого быть! — вскрикнулъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Обязательно покрываетъ.

Онъ подошелъ къ Катѣ вплотную, и въ его выпуклыхъ голубыхъ глазахъ была пошлая насмѣшка и вмѣстѣ его всегдашнее грубое восхищеніе передъ нею, какъ передъ особеннымъ душевночистымъ существомъ.

— Вы же, Екатерина Васильевна, справедливая.

— Я васъ прошу не перебивать, — рѣзко обратился къ нему слѣдователь.

— Вы ужъ, пожалуйста, не вмѣшивайтесь, — досадливо попросилъ и начальникъ сыскного отдѣленія, и даже шея его внезапно покраснѣла.

Оба они пронзительно смотрѣли ей въ лицо, и Катя поняла, что это — игра на психологіи и вмѣстѣ самый важный моментъ допроса. Именно потому слѣдователь нарочно употребилъ слово: воръ.

Катя поняла, что больше ждать нельзя. И вѣдь онъ, Викентій Викентьевичъ, самъ этого хотѣлъ. Онъ былъ теперь святой и великодушный. И отъ мысли объ этомъ стало вдругъ особенно отчетливо свѣтло и пусто за окнами. Точно жизнь отошла и провалилась куда-то.

Твердо поднявъ голову, Катя произнесла громко и явственно:

— Да, это сдѣлалъ онъ.

Слѣдователь пересталъ улыбаться. Онъ, недоумѣвая, передернулъ плечами и поглядѣлъ на начальника сыскного отдѣленія. Тотъ молчалъ, непріязненно осклабившись.

— Екатерина Васильевна! — кричалъ Сергѣй Сергѣевичъ. — Вы ли это?

— Да, это сдѣлалъ, конечно, онъ. Это совершенно ясно, — повторила Катя. — Я могу итти?

— Можете, — сердито сказалъ слѣдователь.

Въ окнахъ, попрежнему, былъ этотъ большой и радостный свѣтъ. И Катя вдругъ поняла, какъ и тогда, на кладбищѣ, что это слезы. Она повернулась и медленно пошла. Теперь нужно было сдѣлать только что-то самое главное.

Она вспомнила слова изъ письма Викентія Викентьевича:

„Да святится имя Твое. Пойметъ, кто разумѣетъ".

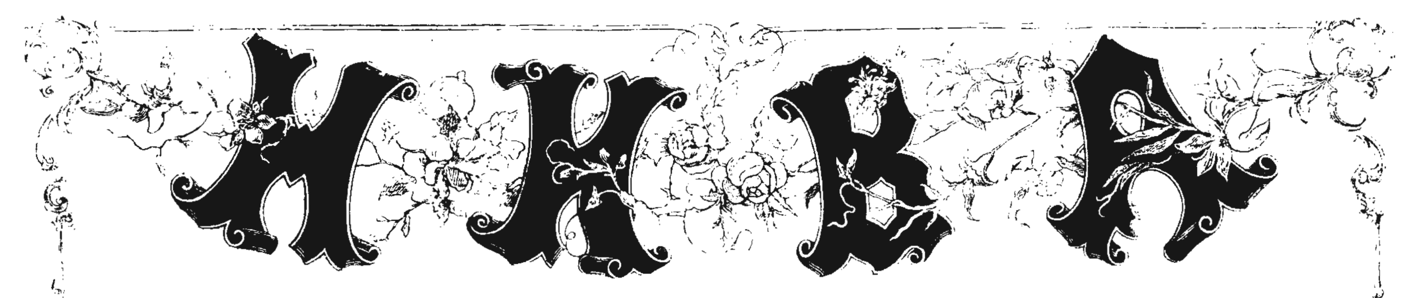
(Окончаніе слѣдуетъ).

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книги 57—58

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.



№ 49-50. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданы 16 декабря 1917 г. **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на ½ года—7 р., на ¼ года—3 р. 50 к.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

А. И. Герценъ.

Офортъ работы *Н. Панова*, изданія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

А. И. Герценъ.

Очеркъ А. В. Амфитеатрова.

(Съ 17 портр. и рис.).

Имя Александра Ивановича Герцена (род. 25-го марта 1812 - ум. 21-го января 1870 г.) принадлежитъ къ числу немногихъ безспорныхъ именъ русской исторіи. То-есть такихъ, предъ которыми нынѣ, въ безспорномъ благоговѣніи, обнажаются всѣ русскія головы, едва ли съ какими-либо исключеніями изъ правила. Потому что судъ потомства призналъ за этими немногими именами не только достоинство исключительно могущественной одаренности, вознесшей ихъ высоко надъ уровнемъ своей эпохи, но и несравненно большее и значительное величіе. А именно: превращеніе этой дивной одаренности въ такую же дивную дѣятельность, сдѣлавшуюся основоположной для той или другой отрасли русской культуры, опредѣлившую, чрезъ русло своей эпохи, направленіе данной отрасли на много лѣтъ будущаго и тѣмъ превратившуюся въ ея безсмертный символъ и вѣчный двигатель. Собственно говоря, если не считать Петра Великаго и Ломоносова, отдаленныхъ отъ насъ уже въ нѣкоторую предкультурность, туда, гдѣ, по слову поэта, „первообразы кипятъ“, то подобныхъ великотворческихъ именъ мы не можемъ насчитать и десятка: Пушкинъ, Гоголь, Глинка, Бѣлинскій, Достоевскій, Левъ Толстой и Герценъ. Это тѣ, безъ кого нѣтъ русской культуры. Кто—для того, чтобы русская культура существовала, долженъ былъ въ ней быть именно такимъ, какъ онъ былъ, чья субъективная сила сдѣлалась ея объективнымъ выразителемъ и мѣриломъ. Были другіе, не уступавшіе имъ ни въ силѣ талантовъ, ни въ плодовитой дѣятельности, ни во вліяніи на современниковъ, ни въ прижизненной или посмертной славѣ: Лермонтовъ, Некрасовъ, Грибоѣдовъ, Бородинъ, Мусоргскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Чеховъ, Владиміръ Соловьевъ. Но, при всемъ ихъ величіи и заслугахъ, нельзя не признать, что они могли быть, могли и не быть, или могли быть не такими, какъ были,—и культура русская отъ этого не распалась бы, а развѣ лишь нѣсколько медленнѣе двигала бы свой ходъ. Безъ тѣхъ же, первыхъ, она немыслима: они для нея то „Слово“, которое „бѣ въ началѣ“. Это все Колумбы, открыватели русскаго генія на новыхъ путяхъ. Послѣ того, какъ Колумбъ открылъ Америку, конквистадоры Бальбоа, Кортесъ, Пизарро и др. сдѣлали на новомъ Колумбовомъ материкѣ завоеванія, совершенно затмившія ограниченный кругъ первооткрытій вдохновеннаго генуэзца. Но безъ Колумба не было бы и конквистадоровъ, тогда какъ Колумбъ и безъ конквистадоровъ — Колумбъ. И дѣло тутъ не только въ томъ, что Колумбы на своихъ поприщахъ — первые, а въ томъ, что они — вѣчны. Вносятъ идеи и формы, сущность которыхъ, какъ бы времена ни мѣнялись, почти не преходяща и, вѣчно живя въ памяти потомства, не позволяетъ ему отойти отъ наслѣдія великихъ именъ. Скажу больше: эти имена сильнѣе своихъ носителей, потому что даже сами послѣдніе оказываются иногда не въ состояніи повернуть свой авторитетъ въ иную сторону, чѣмъ онъ сложился. Примѣры: поздній Гоголь, старый Толстой. Словомъ, это имена, отъ которыхъ русскій культурный человѣкъ не можетъ уйти, будь онъ хоть семи пядей во лбу. И, если бы онъ даже притворился, будто ушелъ отъ нихъ, это лишь безполезная бравада: рано или поздно они нагонятъ его, потребуютъ вниманія къ себѣ и покорятъ себѣ. Не можетъ русскій человѣкъ считать себя культурнымъ, не „впивъ“ въ себя поэзіи Пушкина, „Шинели“ Гоголя, со всѣмъ ея литературнымъ потомствомъ, „Преступленія и наказанія“, музыки „Руслана и Людмилы“, этической мудрости Толстого, свободной соціальной мысли и революціоннаго политическаго вопля Герцена. Ибо, если Герцена нельзя назвать отцомъ русской публицистики вообще, потому что въ ея исторіи найдется десятокъ или дюжина болѣе или менѣе значительныхъ именъ, ему предшествовавшихъ, то, конечно, онъ и только онъ является отцомъ и основателемъ русской художественной публицистики. И — какъ Пушкинъ въ стихѣ и Глинка въ мелодіи—онъ остается до сихъ поръ не только не превзойденнымъ, но и ни разу не достигнутымъ образцомъ вдохновеннаго риторства перомъ по бумагѣ, „чернымъ по бѣлому“, къ которому вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ стремятся и русская передовая статья и русскій фельетонъ. И, хотя за сорокъ семь лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ смерти Александра Ивановича, „подъ Герцена“ рядились многіе,—Герценъ не повторился.

Наталья Александровна Герценъ, жена А. И. Герцена.
Портретъ списанъ карандашомъ съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго въ Италіи въ 1848 году.

Родившись въ знаменательную эпоху Отечественной войны, когда военно-дворянское правительство оказалось не въ состояніи справиться со своими внѣшне-политическими затрудненіями и вынуждено было поклониться обществу и народу о помощи, безъ которой государство и династія оказывались на краю гибели,—Герценъ, въ полномъ смыслѣ слова, дитя времени, опредѣляемаго народнымъ терминомъ „послѣ француза“. „Французъ“ въ исторіи русской культуры—великая перегородка, не только хронологическая, но и идейная. Между поколѣніями, отбывавшими свое дѣтство „до француза“ и „послѣ француза“, лежитъ глубокая пропасть, непроходимая даже для величайшихъ дофранцузскихъ умовъ. Изъ нихъ едва ли не одинъ Пушкинъ умѣлъ шагать черезъ эту пропасть, да и тотъ лишь въ грустной мечтѣ, ликвидируя собственное поколѣніе признаніемъ своего практическаго безсилія:

Здравствуй, племя
Молодое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго...

Дѣти „до француза“ — Вяземскій, Грибоѣдовъ, Чаадаевъ, декабристы. Дѣти „послѣ француза“ — Герценъ, Лермонтовъ, Бакунинъ, Гончаровъ, Катковъ, Тургеневъ, „люди сороковыхъ годовъ“. „Французъ“ приходилъ къ намъ въ Россію какъ бы для того, чтобы по-

И. А. Яковлевъ, († 1846 г.), отецъ А. И. Герцена.
Литографія 1815 года.

Луиза Ивановна Гаагъ, мать А. И. Герцена, съ дочерью (1847 г.). *Налѣво— М. К. Эрнъ (Рейхель); у нея на рукахъ сынъ Герцена, Коля, утонувшій вмѣстѣ съ бабушкой въ 1851 г.*

А. И. Герценъ во Владимірѣ (1838 г.).

хоронить остатки русскаго XVIII вѣка, французами же порожденнаго и воспитаннаго. И могила вѣка осталась раздѣльною чертою между двумя поколѣніями. По ту сторону остались ученики философствующихъ эмигрантовъ, лукавыхъ фривольныхъ аббатовъ, веселыхъ дворянъ-атеистовъ, съ религіей изъ Энциклопедіи и Пьера Бейля. По сю — ученики участниковъ великой демократической революціи, Наполеоновыхъ солдатъ, разнесшихъ по Европѣ три цвѣта свободы. Это дѣленіе тогдашнихъ поколѣній французскимъ вторженіемъ наблюдается не въ одной Россіи. Возьмите „молодую Германію“. Генрихъ Гейне годами ровесникъ Пушкину. Однако, если бы намъ надо было примѣрять его идейный возрастъ на русскій уровень, то онъ оказался бы товарищемъ не Пушкину, но Лермонтову, Герцену, Бѣлинскому, много его младшимъ. Въ это жгучее время годъ значилъ много, и страна, въ которую раньше приходила вооруженная революція, подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и Наполеоновыми орлами, раньше и вырастала идейно и политически. Фактъ, что европейское первое поколѣніе начала XIX вѣка и русское поколѣніе второго десятилѣтія оказались впослѣдствіи людьми единой мысли и единаго духа, — налицо и не подлежитъ сомнѣнію.

Много блестящихъ и глубокомысленныхъ умовъ легло мостами между русскою и европейскою культурою въ теченіе XIX вѣка. Но изъ нихъ мостъ Герцена — этого удивительнаго сына старозавѣтнаго русскаго барина и нѣмки-служанки — несомнѣнно самый значительный, послѣдовательный и стойкій. Значеніе Герцена, въ этомъ отношеніи, для русскаго человѣка настолько огромно, что имя его, какъ выразителя русской культуры, приходится поставить непосредственно слѣдомъ опять-таки за Пушкинымъ и Петромъ Великимъ. Если послѣдній прорубилъ окно въ Европу, то Герцену суждено было выломать изъ окна этого рѣшетку, прибитую къ нему преемниками Петра Великаго. Выломалъ — и самъ ушелъ, и русское общество увелъ вонъ изъ мрачной николаевской тюрьмы, въ которой обречены были задохнуться въ лапахъ фельдфебелей, цензоровъ и синодскихъ оберъ-прокуроровъ остатки вольнаго французскаго духа и начала пробуждающагося духа славянскаго. Въ Герценѣ оба эти начала были смѣшаны въ необыкновенно счастливой пропорціи, давшей ему впослѣдствіи возможность быть западникомъ безъ раболѣпства предъ Западомъ и русскимъ безъ заносчивости и самовлюбленности славянофиловъ. Третій элементъ, вошедшій въ его существо вмѣстѣ съ материнской кровью, элементъ германскій, подарилъ ему ту логическую основательность, ту способность къ философской мысли, тотъ талантъ системы, которыми осерьезился его громадный умъ и насквозь осмыслилось его блестящее дарованіе. Въ такой мѣрѣ, что даже легковѣснѣйшія, казалось бы на первый взглядъ, шутки Герцена — и тѣ, если вдуматься въ нихъ, никогда не „красное словцо“. Онѣ входятъ въ систему Герценовой мысли, какъ соль въ кушанье, онѣ — необходимый острый привкусъ процесса его доказательствъ и не связаны съ нимъ механически, не прилѣплены къ нимъ, словоизвитія ради, а составляютъ органически одно и нераздѣльное цѣлое. Другое германское начало въ натурѣ Герцена, романтизмъ, къ великому счастью Россіи, проявился въ немъ наилучшею и полезнѣйшею своею стороною. Если бы Герценъ обладалъ поэтическимъ даромъ, и вообще художественное начало господствовало въ его натурѣ надъ политическимъ, онъ былъ бы русскимъ Шиллеромъ. Не даромъ же послѣдній былъ и на всю жизнь Герцена остался его любимымъ поэтомъ. Замѣчательно, что, выростая въ эпоху русскаго байронизма, Герценъ остался совершенно внѣ вліянія Байрона: его соціальный темпераментъ не ужился съ проповѣдью демоническаго особнячества, онъ слишкомъ любилъ „скверную привычку къ жизни“ и „скверную тварь, называемую человѣкомъ“. Болѣе того: даже русскіе байронисты говорили душѣ его сравнительно мало. Въ такомъ „человѣческомъ документѣ“, какъ переписка Герцена съ Н. А. Захарьиной, въ періодъ 1830—1839 гг., ни разу не упоминается имя даже Пушкина, тогда какъ безъ конца сыплются цитаты изъ Шиллера и Виктора Гюго. Пушкинъ пришелъ къ Герцену и овладѣлъ его душою много позже — и уже не какъ байронистъ, а самостоятельнымъ русскимъ геніемъ. Въ молодости же Герцену гораздо ближе былъ, въ качествѣ поэта-философа, взрощеннаго германской мыслью и „ресигнаціей“, В. А. Жуковскій. Пристрастія къ нему Герценъ не лишенъ еще даже въ сороковыхъ годахъ. Оно и понятно: кто же изъ русскихъ романтиковъ подходилъ ближе къ Шиллеру — хотя бы лишь съ одной мечтательной и сентиментальной стороны германскаго поэта?

А. И. Герценъ въ Вяткѣ (1836 г.).

Когда вы изучаете переписку, дневники и автобіографію Герцена (знаменитое „Былое и Думы“), его сліяніе съ Шиллеромъ, какъ съ родной стихіей, тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, чѣмъ интимнѣе разсказъ Герцена, его признанія и отношенія, чѣмъ ближе и острѣе касаются лично его затрагиваемыя темы. Наиболѣе характерна въ этомъ смыслѣ только-что упомянутая многолѣтняя переписка съ Натальей Александровной Захарьиной: послѣдовательно — кузиной, другомъ, идеально любимой дѣвой, невѣстой, женой Герцена, матерью его дѣтей, отступницей отъ брака съ нимъ и, въ быстромъ затѣмъ примиреніи, опять ближайшимъ другомъ — до смерти, въ смерти и по смерти. Оба они въ перепискѣ являются чисто-шиллеровскими фигурами: съ чувствами, мыслями, духовною чистотою, съ высочайшею нравственною требовательностью къ самимъ себѣ и неизмѣримо глубокою любовью къ человѣчеству, — словомъ, со всѣмъ энтузіазмомъ идеализма, опредѣляющимъ великаго германскаго поэта.

„Шиллеръ! Благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности. Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты — по превосходству поэтъ юношества! Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее — „туда, туда!“, тѣ же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его, и теперь въ грустныя минуты его чистая пѣснь врачуетъ меня. Долго ставилъ я Гёте ниже его: у Гёте въ груди

А. И. Герценъ. Портретъ работы *Горбунова*.
Румянцевскій Музей въ Москвѣ.

не билось такъ человѣчески нѣжное сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ со своимъ Максомъ. Донъ-Карлосомъ жилъ въ одной сферѣ со мною, — какъ же мнѣ было не понимать его?.. Суха душа того человѣка, который въ юности не любилъ Шиллера, завяла у того, кто любилъ да пересталъ".

Такъ писалъ Герценъ, когда ему было 28 лѣтъ. Ни зрѣлые годы ни старость не увели его отъ этой любви. „Поэзія Шиллера, — говоритъ онъ въ „Быломъ и Думахъ", — не утратила на меня своего вліянія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я читалъ моему сыну „Валленштейна", это гигантское произведеніе. Тотъ, кто теряетъ вкусъ къ Шиллеру, тотъ или старъ или педантъ, очерствѣлъ или забылъ себя. Что же сказать о тѣхъ скороспѣлыхъ altkluge Burschen, которые такъ хорошо знаютъ недостатки его въ семнадцать лѣтъ?.."

И—надо правду сказать: все, что истинно прекрасно и обаятельно въ личной жизни Герцена, все, безъ исключенія, отмѣчено яркимъ отпечаткомъ Шиллерова вліянія. Отъ Шиллера — его любовь къ Н. А. Захарьиной, отъ Шиллера — его дружба съ Н. П. Огаревымъ: два чувства, которыми опредѣляется весь духовный міръ Герцена, какъ человѣка, а въ связи со вторымъ именемъ, — и въ очень значительной степени, — и какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Споръ о томъ, кто подъ чьимъ вліяніемъ больше находился, Герценъ ли подъ огаревскимъ или Огаревъ подъ герценовымъ, не разрѣшенъ даже ближайшими къ нимъ лицами, въ родѣ Н. А. Тучковой, жены Огарева ставшей затѣмъ женою Герцена. Да! Поэтическій элементъ, сколько есть его въ Герценѣ, Шиллеровъ элементъ. Но жизнь русская, когда юношею вступилъ въ нее Герценъ, требовала уже не поэтовъ, а гражданъ, — и, отдавъ недолгую дань художественнымъ попыткамъ, Герценъ, чутьемъ генія, находитъ для себя изъ множества возможныхъ для него путей единственный вѣрный: онъ остался русскимъ Шиллеромъ, но Шиллеромъ-публицистомъ. А для того, чтобы эта публицистическая Шиллеровщина пріобрѣла плоть и кровь, переодѣлась изъ поэтическаго мечтанія въ дѣятельную гражданственность, понадобились уже новыя вліянія, не только политическаго и философскаго, но и соціально-политическаго порядка.

Такими благодѣтелями въ молодой жизни Герцена и Огарева, съ кружкомъ ихъ (Сазоновъ, Сатинъ, Кетчеръ и др.), да и со всѣми лучшими людьми изъ поколѣнія ихъ, оказались: французская революція 1830 года и сенъ-симонисты, а изъ нихъ въ особенности отецъ Анфантэнъ. Освободители женщины, оправдатели плоти, создатели религіи, перебросившей мостъ отъ деизма къ матеріализму, провозвѣстники соціализма, хотя ограниченнаго, смутнаго, неопредѣленнаго, запутаннаго въ наслѣдіяхъ аристократическихъ традицій, сенъ-симонисты захватили русскихъ молодыхъ людей и потребовали всѣ ихъ силы и энергію на дѣятельное служеніе человѣчеству. „Сенъ-симонизмъ, — говоритъ автобіографически самъ Герценъ, — легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ". А остальное додѣлалъ естественный юный протестъ благородныхъ душъ предъ возмутительными зрѣлищами крѣпостной Россіи, бюрократическаго произвола и царскаго деспотизма, вскорѣ уславшаго обоихъ друзей въ ссылку. Здѣсь они наглядѣлись достаточно новыхъ предметовъ для негодованія, новыхъ поводовъ къ развитію гражданскихъ чувствъ и къ революціонному подъему мысли и воли. Особенно Герценъ въ вятскомъ и владимірскомъ своемъ изгнаніи, по должности губернаторскаго чиновника, насмотрѣлся рабской Россіи и, какъ многихъ, ссылка его выковала въ революціонера и дала ему въ этомъ направленіи окончательно крѣпкій закалъ.

А. И. Герценъ въ 1850—1851 гг. (Ницца).
Рис. съ дагерротипа.

Твердая опредѣленность его общественно-политической программы, — вспыхнувшей шиллеровскимъ огнемъ еще въ пятнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ, рука въ руку съ такимъ же шиллеровскимъ отрокомъ Огаревымъ, далъ подъ открытымъ небомъ „Аннибалову клятву" посвятить жизнь освобожденію русскаго народа отъ произволовъ обветшалаго военно-полицейскаго, крѣпостного государства, облеклась теперь въ красоту несравненной ясности и силы слова, въ ослѣпительный блескъ сатирическаго огня, въ глубокую и трогательную музыку тяжело выстраданнаго паѳоса. Герцену принадлежитъ честь не только преобразованія русской публицистики — постановки ея на политическій фундаментъ въ содержаніи, но и изобрѣтенія для нея новаго, удобнаго и общедоступнаго, могучаго и внятнаго языка. Въ этомъ отношеніи Герценъ сдѣлалъ для „статьи" столько же, сколько Пушкинъ для стиха и художественной прозы. Онъ снялъ съ русской политической мысли толстую шелуху облекавшей ее карамзинщины, семинарщины и банальной вульгарности. До Герцена подъ одну изъ этихъ рубрикъ непремѣнно подходила каждая русская попытка политическаго слова, если оно произносилось по-русски, а не по-французски. До Герцена-эмигранта русское политическое разсужденіе въ серьезъ — точно ломовая усталая кляча силится вывезти въ гору тяжелый возъ (Надеждинъ, Чаадаевъ, Кирѣевскій), а русская политическая шутка — словно отворила дверь въ лакейскую, и пахнуло оттуда потнымъ смрадомъ (Сенковскій, Воейковъ). Потребность въ новомъ журнальномъ языкѣ — гибкомъ, непринужденномъ, естественно, безъ элемента нарочности, яономъ, мѣткомъ и въ то же время не распущенномъ — была насущная. Десятки писателей пытались удовлетворить ей и найти этотъ новый языкъ, но онъ не дался ни Карамзину, ни Шишкову, ни Каразину, ни Марлинскому, ни Полевому, ни Булгарину, ни Сенковскому, ни Гоголю (несносно напыщенному, какъ скоро онъ переходитъ въ теоретическое — воистину ужъ — вѣщаніе), ни Хомякову, ни К. Аксакову. Одинъ Пушкинъ зналъ и этотъ секретъ, но онъ не былъ публицистомъ по натурѣ и привычкѣ и оставилъ этотъ даръ свой въ забросѣ, лишь нѣсколькими блестящими отрывками показавъ, что и въ этой области литературнаго языка онъ могъ бы явиться такимъ же рѣшительнымъ реформаторомъ, какъ въ другихъ. Въ офиціальныхъ же своихъ выступленіяхъ и онъ рабъ прошлаго. Обычай писательской нарочности, карамзинскаго дѣланнаго тона, и на немъ висѣлъ свинцовымъ грузомъ. И его яркое слово тянулъ къ землѣ и затуманивалъ неискренностью выраженій, придуманностью оборотовъ мутный языкъ-тяжеловозъ, который иногда, видимо, такъ надоѣдалъ Пушкину, что онъ предпочиталъ быть сухимъ, какъ рапортъ, лишь бы уклониться отъ нестерпимой условности и скованности прозаической рѣчи тогдашняго „хорошаго слога".

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. И. Герценъ (1854 г.).

Огюстъ Родэнъ.

(Съ 11 рис. и 2 портр.).

Очеркъ С. М. Дудина.

4-го ноября с. г. на 77 году жизни въ Парижѣ скончался скульпторъ Огюстъ Родэнъ.

Скорбь этой утраты раздѣляютъ вмѣстѣ съ Франціей всѣ культурныя страны Стараго и Новаго Свѣта, такъ какъ Родэнъ былъ не только французскимъ, но и міровымъ художникомъ. Мнѣ кажется, что я лишь не много преувеличу его значеніе, если скажу, что объемомъ и глубиной таланта и степенью значенія въ исторіи развитія скульптуры Родэнъ мало чѣмъ уступалъ своему предшественнику и учителю, жившему за 400 лѣтъ до него, колоссу-ваятелю эпохи Возрожденія— Микель Анджело. Что же касается самой роли въ исторіи скульптуры, то уже безусловно можно утверждать, что со времени Микель Анджело только Родэну удалось пойти нѣсколько дальше своего геніальнаго предшественника, до сихъ поръ остававшагося совершенно одинокимъ, несмотря на всю массу искреннихъ и неискреннихъ послѣдователей. Чтобы согласиться съ этимъ, необходимо вспомнить, что то, что было найдено художниками примитивистами и что легло въ основу достиженій у художниковъ эпохи Возрожденія, шло не непосредственно отъ лучшихъ мастеровъ греческой скульптуры, а отъ мастеровъ ея упадка, распустившагося пышнымъ цвѣтомъ (въ смыслѣ количества) на римской почвѣ. Это было подкрашиваніе натуры и связанная съ канономъ схематизація формъ и движеній. И только такіе геніи, какъ Донателло и Микель Анджело, умѣли провидѣть истинную красоту въ хаосѣ стараго наслѣдія и пойти далѣе по пути, намѣченному великими греческими ваятелями. Особенно велика была разница съ тѣмъ, что дѣлалось до него, у Микель Анджело. Ему удалось почти совершенно разрѣшить задачу передачи красоты и мощи человѣческаго тѣла въ покоѣ и въ движеніи: ему удалось ввести въ скульптуру тотъ элементъ живописи, который такъ цѣнился греческими скульпторами и заставлялъ ихъ, имѣя въ виду игру свѣтотѣни, жертвовать даже внѣшней или, вѣрнѣе, протокольной правдой для правды художественной. Шагъ, сдѣланный Микель Анджело, былъ слишкомъ великъ, чтобы за нимъ могли угнаться не только его ближайшіе, но и болѣе отдаленные послѣдователи. Они пошли за нимъ, не понявъ духа его творчества, самой сути того, что было добыто его геніемъ. Они увлеклись болѣе легкой (болѣе замѣтной) чисто-внѣшней стороной его твореній—правильностью анатомической конструкціи, законченностью и т. под., и, поддерживаемые все тѣми же „античными“ образцами, которые наполняли „Вѣчный Городъ“, ставшій къ этому времени міровымъ центромъ искусства, дали ту зализанную, „законченную“ и благополучную скульптуру, которая представляетъ нѣчто промежуточное между античными образцами и отливками съ натуры. Рѣдкія попытки борьбы противъ этого направленія, навѣянныя знакомствомъ съ средневѣковой скульптурой сѣвера, вспыхивавшія время отъ времени, душились приверженцами „классическихъ традицій“, и скульптура терпѣливо повторяла почти до нашихъ дней тѣ зады, на которыхъ она стала чуть ли не 400 лѣтъ тому назадъ. И ничего, разумѣется, нѣтъ мудренаго въ томъ, что творчество Родэна не было признано сразу. Продолжая завѣты Микель Анджело, оно слишкомъ шло въ разрѣзъ съ общепринятымъ направленіемъ. И, конечно, оно было бы и совершенно задушено и забыто, если бы Родэнъ былъ менѣе талантливъ и силенъ.

При всей красотѣ, мощи, монументальности и въ то же время жизненной правдивости формъ, тѣла Микель Анджело представляются какъ бы замершими, застывшими въ вѣчномъ покоѣ, словно остановленными какой-то нечеловѣческой силой въ томъ или иномъ моментѣ движенія. Ихъ духовная, внутренняя жизнь не видна во внѣшности, или, вѣрнѣе, она кажется скрытой или выражена слишкомъ обще. Внѣшне, наконецъ, статуи Микель Анджело

Геній войны. *Огюстъ Родэнъ.*

„сдѣланы изъ камня“ и ни на мигъ не позволяютъ позабыть объ этомъ. Это не люди, сдѣланные изъ камня, а сверхчеловѣческія существа, которыя не могутъ быть ни изъ чего другого, какъ только изъ камня или изъ бронзы.

И Микель Анджело не зналъ другихъ статуй, онъ никогда не спускался до обыкновеннаго человѣка. Титанъ—лѣпилъ только титановъ.

Родэнъ не титанъ. Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы, и поэтому онъ ближе къ намъ. Но онъ могъ мощью своего таланта давать и титаническія фигуры,—фигуры, полныя нечеловѣческой мощи, блестящимъ примѣромъ чего служитъ, между прочимъ, его статуя для памятника Бальзаку (стр. 754).

Въ свое время (въ 1898 г.) эта работа вызвала самыя ожесточенныя нападки на Родэна съ одной стороны и самыя неумѣренныя похвалы съ другой. И въ тѣхъ и въ другихъ было много увлеченія и потому неправды. Но самая страстность спора доказывала недюжинность, значительную важность самого предмета спора.

Вопросъ именно заключался въ томъ, какъ трактовать памятники? Такъ ли, какъ то дѣлалось до сихъ поръ, или такъ, какъ то попытался сдѣлать и сдѣлалъ Родэнъ. Въ пылу спора забыли, что въ попыткѣ Родэна не было ничего новаго, что то, что сдѣлано имъ въ Бальзакѣ, уже было сдѣлано Микель Анджело въ его Моисеѣ. Если стать на точку зрѣнія, что памятникъ долженъ представить не портретъ матеріальнаго облика человѣка, а всего человѣка, то, конечно, и не можетъ быть иного рѣшенія задачи, чѣмъ то, какъ она рѣшена въ Моисеѣ и Бальзакѣ. И тотъ и другой не портретныя статуи, а статуи-символы, статуи-идолы.

Изображая не титановъ, а обыкновенныхъ людей, Родэнъ для нихъ сохранилъ всѣ достиженія своего предшественника-учителя. Въ этомъ помогала ему кромѣ таланта такая же страстная любовь къ формамъ человѣческаго тѣла, обратившаяся почти въ культъ и у него, какъ и у Микель Анджело. Но онъ пошелъ и дальше. Онъ сумѣлъ добиться передачи движеній какъ бы продолжающихся, отчего его статуи потеряли застылость, а какъ бы живутъ. Живя въ движеніи, онѣ живутъ и внутренне, благодаря совершенной передачѣ ощущеній, внутренней жизни человѣка.

Фигуры Родэна любятъ, ненавидятъ, страдаютъ не условной экспрессіей, а какъ бы живой любовью, живой ненавистью, живымъ страданіемъ, т.-е. онѣ дѣлаютъ это „всѣмъ тѣломъ“, всѣмъ существомъ, а не частью его.

Изъ статуй, прекрасно подтверждающихъ это положеніе, укажемъ на „Еву“ (стр. 754), гдѣ мука раскаянія о содѣянномъ грѣхѣ выражена съ геніальной простотой при всей ужасающей правдивости экспрессіи. Вся фигура ея сбита въ комокъ, все усиліе тѣла направлено къ тому, чтобы утишить, задушить щемящую муку сердца, терпѣть которую нѣтъ мочи. И вы видите, вы чувствуете, что это такъ,—лучше: вы чувствуете, что это не можетъ быть выражено иначе.

Въ „Бронзовомъ вѣкѣ“ (стр. 755) еще болѣе сложное душевное движеніе,—пробужденіе въ звѣрѣ-человѣкѣ сознанія своей разницы отъ звѣря, своей человѣчности,—выражено съ неменьшей убѣдительностью его правды. И здѣсь, какъ и въ „Евѣ“, не лицо только выражаетъ охватившій человѣка порывъ, а все въ человѣкѣ; и правда скоординированности всѣхъ движеній тѣла говоритъ и тамъ и здѣсь сама за себя.

Огюстъ Родэнъ.

Какъ и Микель Анджело, Родэнъ не заботится о красотѣ контура своихъ фигуръ, онъ не „сочиняетъ“ ихъ, но онѣ у него все-таки красивы; но красивы красотой правды движенія, потому что красота, по выраженію самого Родэна, „въ характерности“, въ „художественной правдѣ“, а не въ условномъ канонѣ, отъ котораго всегда отдаетъ самымъ страшнымъ въ искусствѣ — пошлостью.

Всѣ эти достиженія добыты Родэномъ, помимо таланта, остроты наблюденія и глубокаго пониманія человѣческой природы, неустаннымъ изученіемъ натуры. Родэнъ не только много лѣпилъ, онъ много рисовалъ и еще больше наблюдалъ. Его альбомы исчерчены набросками и рисунками отъ еле намѣченныхъ нѣсколькими штрихами до детально законченныхъ. И въ этомъ отношеніи онъ также сходится съ Микель Анджело, который одинаково хорошо владѣлъ и стекой и карандашомъ.

Наконецъ необходимо упомянуть и еще объ одномъ достиженіи Родэна. Если Микель Анджело былъ пѣвцомъ мужского тѣла и его мощи, то Родэнъ прибавилъ къ этой темѣ еще одну—женское тѣло. Онъ сталъ пѣвцомъ тѣла женщины нашего времени, такимъ же великимъ, какъ невѣдомый пѣвецъ-скульпторъ, создавшій Венеру Милосскую. Никто изъ скульпторовъ до Родэна не умѣлъ такъ передать то, что характерно для женщины нашего времени, — одухотворенность тѣла, его нервность и повышенную чувствительность, — и никто, какъ онъ, не умѣлъ передавать разницы тѣлъ дѣвушки и женщины, никто не умѣлъ такъ живо и вѣрно закрѣплять въ глинѣ всю безконечную грацію ихъ движеній. Какъ на примѣры я могъ бы указать на цѣлый рядъ такихъ произведеній, какъ „Поцѣлуй“ „Вѣчная весна“, „Подруги“, „Данаида“, „Женскій бюстъ“ въ Люксембургскомъ Музеѣ и т. д., но и тѣ работы, которыя находятся сейчасъ у меня подъ рукой, достаточно ярко иллюстрируютъ мои положенія. Я говорю о „Портретѣ г-жи Симпсонъ“ (Нью-Іоркъ) и о „Мысли“ (стр. 736).

Долгое время непризнанный офиціальными знатоками искусства, онъ сумѣлъ своими работами заставить признать себя. Мало того,—онъ сдѣ-

Граждане города Калэ. *Огюстъ Родэнъ.*

лался центромъ новаго направленія въ скульптурѣ, его вожакомъ и учителемъ молодежи всего міра. Его произведенія въ настоящее время имѣются во всѣхъ почти музеяхъ Европы и Америки. Подъ его вліяніемъ стали работать сотни скульпторовъ, среди которыхъ, къ нашей гордости, далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ и его русскіе послѣдователи: гг. Трубецкой, Андреевъ, Голубкина и Коненковъ.

Біографія Родэна не богата „событіями". Вся его жизнь — борьба за дорогіе ему идеалы искусства и неустанная работа для послѣдняго.

Онъ родился 17-го ноября 1840 г. въ Парижѣ. Первоначальное образованіе и воспитаніе получилъ въ пансіонѣ городка Бовэ, куда былъ отданъ родителями. 14-ти лѣтъ былъ ими взятъ оттуда въ Парижъ и отданъ въ школу рисованія. Здѣсь, въ часы свободные отъ занятій, онъ усердно посѣщалъ античныя залы Лувра и Ботаническій садъ. Въ Луврѣ онъ дѣлалъ рисунки съ антиковъ, а въ Ботаническомъ саду — наброски съ животныхъ. На семнадцатомъ году онъ поступилъ въ мастерскую скульптора Л. Бари, указаніями котораго пользовался и раньше, познакомившись съ нимъ во время своихъ посѣщеній Ботаническаго сада. Посвящая все время рисованію и лѣпкѣ, Родэнъ не забывалъ и общаго образованія, читая и перечитывая классиковъ и лучшихъ современныхъ авторовъ.

Въ 1864 г. онъ послалъ въ Салонъ бюстъ „человѣка съ разбитымъ носомъ", но жюри не приняло этой вещи. Эта неудача не обезкуражила Родэна. Онъ продолжалъ учиться и работать, перемѣнивъ только мастерскую Бари на мастерскую Карръеръ-Беллюзъ при Севрской мануфактурѣ. Послѣ франко-прусской войны онъ поселился въ Брюсселѣ, гдѣ и пробылъ около восьми лѣтъ, работая при украшеніи Биржи и другихъ зданій.

Въ 1875 г. онъ побывалъ въ Испаніи, гдѣ основательно ознакомился съ работами Микель Анджело и съ произведеніями античной скульптуры, изучать и любить которую онъ никогда не оставлялъ.

Въ 1877 г. онъ снова попытался выставить въ Салонѣ, пославъ туда на этотъ разъ скульптуру „Бронзовый вѣкъ", и снова потерпѣлъ неудачу. Ему отказали въ пріемѣ на томъ основаніи, что она будто бы представляетъ механическій отливокъ съ живой модели. Однако протестъ, поданный по этому поводу и подписанный такими именами, какъ Карръеръ-Беллюзъ, Шапленъ, Фальгьеръ, Поль Дюбуа и др., сдѣлалъ не только то, что вещь была принята, но и спустя нѣкоторое время (въ 1880 г.) пріобрѣтена государствомъ. Затѣмъ идетъ рядъ годовъ, отмѣченныхъ неустанной и самой плодотворной дѣятельностью. Вслѣдъ за „Бронзовымъ вѣкомъ" Родэнъ лѣпитъ „Іоанна Крестителя" (бронза, Люксембурскій Музей), создаетъ рядъ портретовъ мужскихъ и женскихъ, поразительныхъ по яркости характеристики и красотѣ лѣпки (Далу, Пюви де-Шаваннъ, Рошфоръ, Викторъ Гюго) и рядъ другихъ работъ (Дананда, Каріатида и т. п.), среди которыхъ необходимо отмѣтить группу: „Граждане Калэ". Обстоятельства, послужившія причиной появленія этой группы, чрезвычайно характерны для Родэна. Ротшильдъ заказалъ ему статую для памятника Эсташъ де-Сенъ-Пьерръ, герою осады Калэ англичанами въ 1347 г. Ознакомившись съ эпизодомъ, Родэнъ отказался лѣпить Эсташъ иначе, какъ въ группѣ съ его пятью товарищами, при чемъ цѣну заказа оставлялъ безъ измѣненій. Получивъ согласіе заказчика, Родэнъ и вылѣпилъ группу. Но городъ отказался помѣстить ее такъ, какъ хотѣлъ Родэнъ. Почти такая же судьба постигла и другой памятникъ Родэна — памятникъ Виктору Гюго, которымъ воспользовались не цѣликомъ, а лишь отчасти.

Въ 1895 г. Родэну Обществомъ литераторовъ былъ заказанъ памятникъ Бальзаку.

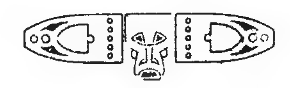
Ева. *Огюстъ Родэнъ.*

Выставленный въ Салонѣ въ 1898 г., онъ также не былъ принятъ заказчиками. Но къ этому времени у Родэна уже былъ налицо тѣсный и сильный кругъ почитателей его таланта. Скандалъ съ отказомъ приняль размѣры мірового событія, и слава Родэна съ этого момента стала быстро расти и упрочилась окончательно, хотя споры о его значеніи никогда не прекращались и продолжали быть все такими же горячими. Его заваливаютъ заказами. Музеи и частные коллекціонеры добиваются чести имѣть его вещи въ своихъ собраніяхъ. Его мастерская переполняется учениками со всѣхъ концовъ міра.

Съ этого времени его дѣятельность не прекращается, и онъ создаетъ длинный рядъ произведеній, между которыми трудно остановиться на чемъ-нибудь, какъ на лучшемъ. Не имѣя возможности за недостаткомъ мѣста дать перечень всѣхъ его работъ, я ограничусь указаніемъ только небольшой части ихъ, которую можно видѣть въ нѣкоторыхъ Европейскихъ музеяхъ, и части тѣхъ, которыя теперь находятся въ Отелѣ Биронъ въ Парижѣ: *Бронзовый вѣкъ, Іоаннъ Креститель, Поцѣлуй* (группа), *Голова женщины, Данаиды, Мысль.* Бюсты: *Фальера, Пюви де-Шаванна, Ж. П. Лоранса* и др. *Уголино* (группа) и др.—въ Люксембургскомъ Музеѣ въ Парижѣ. *Искушеніе св. Антонія*—въ Ліонскомъ Музеѣ. Бюстъ *Далу, Мыслитель* и др.—въ Національной Галлереѣ въ Берлинѣ. *Ева, Граждане Калэ* (группа), фрагментъ памятника *Виктору Гюго, Подруги* (группа)—въ Альбертинумѣ въ Дрезденѣ. *Вѣчная весна*—въ Національномъ Музеѣ въ Будапештѣ. *Внутренній голосъ*—въ Стокгольмѣ. *Бронзовый вѣкъ*—въ скульптурномъ отдѣлѣ Академіи Художествъ въ Петроградѣ. Рядъ произведеній, частью уже упомянутыхъ, собранъ въ Глиптотекѣ Карлсберга въ Копенгагенѣ и т. д. Изъ произведеній позднѣйшаго времени назову группы: *Любовь и дитя, Первыя похороны, Красота, Сатиръ и нимфа, Нереиды, Поцѣлуй ангела, Братъ и сестра.* Статуи: *Земля, Купальщица, Пробужденіе, Старуха* и т. д.

Колоссальный успѣхъ однако ни на мигъ не остановилъ дѣятельности Родэна, ни на іоту не заставилъ отступить отъ излюбленныхъ принциповъ искусства и задачъ. Средства, данныя ему его успѣхомъ, онъ тратилъ на пріобрѣтеніе предметовъ искусства, и собранія эти, пополняемыя изъ года въ годъ, къ концу его жизни образовали богатѣйшій музей скульптуры, главнымъ образомъ античной, живописи и предметовъ прикладного искусства, которыми наполнены его мастерскія въ Парижѣ въ Отелѣ Биронъ и у Модена.

Всѣ эти собранія съ цѣлымъ рядомъ своихъ произведеній Родэнъ, словно предчувствуя свою близкую кончину, года два-три тому назадъ завѣщалъ городу Парижу,—тому самому Парижу, который болѣе 30 лѣтъ не хотѣлъ признать его генія.



Бальзакъ. *Огюстъ Родэнъ.*

„Фрина".

Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

I.

Одинъ изъ выстрѣловъ что-то попортилъ въ нашей машинѣ. Что,—я сказать не сумѣю. Я задавалъ нѣсколько разъ вопросы объ этомъ командѣ судна, но получалъ какіе-то странные, неопредѣленные отвѣты. Сами ли матросы не знали навѣрно, въ чемъ было дѣло, или не хотѣли они отвѣчать прямо,—только я ничего путнаго отъ нихъ не могъ добиться. Впрочемъ, одинъ развязный помощникъ боцмана, съ начесомъ на лбу густой пряди сѣрыхъ, какъ пакля, волосъ, дѣлавшихъ его похожимъ на уличную дѣвицу послѣдняго разбора, отвѣтилъ мнѣ сейчасъ же, залихватски сдвинувъ на затылокъ свою безкозырку:

— Маленько продырявили. Ловко молодцы натрафили: въ самый центръ. А только плевое дѣло,—мы ползти можемъ по курсу.

Это „плевое дѣло" сказывалось въ томъ, что мы „ползли", наклонившись слегка на одинъ бокъ, именно „ползли", точно осторожно нащупывали, нѣтъ ли гдѣ мины. Мы крались по морю, тихонько пошипывая и урча. Изъ-за тучекъ—сѣро-золотистыхъ—иногда проглядывала бирюза осенняго неба, иногда проглядывало солнце, и его жидкіе, негрѣющіе лучи тянулись безвредными стрѣлами накось къ намъ, заставляли краснѣть какое-то тряпье, наваленное на бакѣ, и приводили въ оживленное состояніе куръ, набитыхъ въ клѣткѣ возлѣ топки и день-ото-дня рѣдѣвшихъ, такъ какъ поваренокъ уносилъ ихъ за крылья подъ утро на кухню и ощипывалъ еще теплыхъ, съ перерѣзаннымъ горломъ.

Иногда мнѣ казалось, что мы вышли на какую-то увеселительную прогулку, что мы плывемъ по широкой огромной рѣкѣ, гдѣ не шелохнетъ, не плеснетъ волна, только вода журчитъ у кормы парохода. Цѣлый день никого мы не встрѣчали. Всѣ суда куда-то разбѣжались, попрятались. Точно мы были одни въ цѣломъ мірѣ и плыли по какому-то заколдованному океану. Безпроволочный телеграфъ, которымъ мы были снабжены, и которымъ такъ гордился нашъ капитанъ, не то бездѣйствовалъ, не то на него никто не хотѣлъ откликнуться. Мы были предоставлены своей судьбѣ, брошены всѣми,—и покорно, какъ раненый звѣрь, истекая кровью, добирались до своего логовища.

Бронзовый вѣкъ. *Огюстъ Роденъ*

Думы. *Огюстъ Роденъ.*

Дневная встрѣча съ подводной лодкой, разумѣется, могла кончиться еще хуже. Оптимисты,—въ томъ числѣ нашъ капитанъ,—находили, что мы отдѣлались вполнѣ благополучно. Но тѣ десять минутъ, пока у насъ шла съ ней перестрѣлка, я думаю, останутся кошмарнымъ воспоминаніемъ у всѣхъ пассажировъ.

II.

Случилось это около трехъ часовъ дня. Солнца тогда уже не было. Было сѣро, но тепло. По морю шли маленькія волны, и насъ совсѣмъ не укачивало. Мы шли полнымъ ходомъ. Черный густой дымъ вырывался изъ бѣлыхъ трубъ парохода и на много верстъ повисалъ въ воздухѣ сказочнымъ зигзагомъ,—точно туча саранчи летѣла надъ водою. На палубѣ было холодно и непривѣтно. Я спустился внизъ, въ каютъ-компанію, и легъ на широкій диванъ, что тянулся кругомъ стѣнъ. Каютъ-компанія освѣщалась сверху большимъ окномъ, напоминавшимъ рамы у парниковъ. Онѣ спускались, когда вѣтеръ разводилъ волненіе, и волны, перекатываясь черезъ палубу, шумнымъ пѣннымъ потокомъ сыпались на пестрый линолеумъ каюты. Этотъ мягкій свѣтъ, лившійся сверху, придавалъ залѣ сходство съ мастерской моднаго художника. Еще болѣе увеличивалось это сходство тѣмъ, что на стѣнахъ висѣли картины, изображающія обнаженныхъ женщинъ съ кистями винограда, дымчатыхъ леопардовъ, толстопузенькихъ дѣтей, игравшихъ подъ кущами коричневыхъ деревьевъ и темно-синихъ облаковъ. Даже лѣстница, широкая лѣстница, что вела наверхъ, напоминала такія „ателье": тамъ всегда зачѣмъ-то бываетъ подобное сооруженіе.

Мое прибытіе въ каютъ-компанію смутило одну парочку, которой я сразу не замѣтилъ: она помѣщалась въ углу и была прикрыта однимъ полосатымъ пледомъ. И онъ и она сидѣли, прижавшись другъ къ другу,—она положила голову на его плечо, спрятала подъ пледъ ноги и закрыла глаза: спала ли она, или вѣки ея были опущены отъ истомы, — трудно было сказать. Но онъ смотрѣлъ черезъ пенснэ строго и важно. Его жилистая шея высоко выходила изъ широкихъ воротничковъ рубашки. Головка у него была маленькая, гладко прилизанная, брови рѣдкія, точно поѣденныя молью. Но онъ хмурилъ ихъ сурово, какъ будто предостерегалъ каждаго, кто легкомысленно отнесся бы къ ихъ позамъ,—его и его подруги: „вотъ мы именно таковы, и другими быть не хотимъ: пусть весь свѣтъ смотритъ на насъ и преклоняется передъ нашимъ прекраснымъ чувствомъ".

Именно это сквозило въ выраженіи его лица, въ оскалѣ бѣлыхъ твердыхъ зубовъ, въ томъ, какъ онъ о[illegible]дилъ выпуклыми

Портретъ г-жи Симпсонъ. *Огюстъ Роденъ.*

сѣро-голубыми глазами, въ томъ презрѣніи, которое онъ обнаруживалъ къ пассажирамъ, и въ той трогательной заботливости, что онъ проявлялъ по отношенію своей спутницы, которую звалъ Ниной, Ниночкой, Нинусей, Нинулей.

III.

Когда раздался первый пушечный выстрѣлъ... Впрочемъ, нѣтъ, ранѣе этого. Когда безпорядочная бѣготня и торопливый топотъ раздались наверху и рама верхняго окна какъ-то нервно захлопнулась, онъ удивленно повелъ глазами, точно спрашивалъ:

— Почему? Кто осмѣливается тревожить насъ?

Онъ строго посмотрѣлъ вокругъ. Какія-то неопредѣленныя тѣни замелькали наверху. Она открыла глаза, повела ими вокругъ, улыбнулась, и опять закрыла вѣки.

Онъ погладилъ ея волосы, поправилъ прядь, выбившуюся на лобъ. Онъ весь насторожился, какъ сторожевой песъ, почувствовавшій, что не все кругомъ благополучно. Мнѣ показалось, что у него заходили даже уши. Въ глазахъ его зажглось что-то новое, незнакомое: засвѣтилось предчувствіе опасности.

Вдругъ вдали раздался какой-то взрывъ. Точно лопнулъ какой-то пузырь. Не то чтобъ это было очень громко, но все же въ каютѣ что-то отозвалось, звякнуло, какъ эхо, привѣтствуя этотъ звукъ. Она быстро спустила ноги.

— Что это?—спросила она, оправляя свое измятое платье. Женщина въ самыя рѣшительныя минуты никогда не забываетъ это сдѣлать. — Что это, Стэфенъ? Это выстрѣлъ?

Она посмотрѣла на меня вопросительно. Онъ тоже смотрѣлъ на меня, точно требуя объясненія. Но я такъ же смотрѣлъ на нихъ и молчалъ.

— Что это? — повторила она, уже прямо обращаясь ко мнѣ. Я пожалъ плечами.

Въ это время на лѣстницѣ показались чьи-то ноги. Онѣ быстро перебирали ступеньки. За ними показался животъ и блѣдное круглое лицо. Я не знаю до сихъ поръ, кто это былъ. Потомъ я провѣрялъ себя, кто подходилъ къ такой фигурѣ, но такихъ пассажировъ не было. Это не былъ призракъ, посланникъ изъ невѣдомаго міра. Но это было нѣчто ужасное, неизбѣжное, роковое. Хриплымъ испуганнымъ голосомъ, ухватившись за балюстраду и вытягивая голову впередъ, фигура закричала:

— Подводная лодка!

Этотъ трескучій отчаянный вопль я точно слышу до сихъ поръ. Онъ прокатился по всей каютѣ и точно повисъ въ воздухѣ.

Здѣсь было всего десятка полтора пассажировъ. Никто изъ нихъ не крикнулъ, ниоткуда не послышалось возгласовъ отчаянія. Но всѣ вскочили и замерли, точно оцѣпенѣли, и потомъ всѣ кинулись наверхъ, какъ-то стадно, порывисто. Вѣроятно, кто-нибудь бросился первый, а за нимъ и остальные. Вѣроятно, полагали, что тамъ лучше — быть наверху, а не здѣсь, въ каютѣ, гдѣ пьяныя вакханки улыбались и протягивали виноградъ козлоногимъ старикамъ, тоже пьянымъ.

И всѣ гурьбой, давя и толкая другъ друга, подымались наверхъ и чувствовали, какъ у нихъ подгибаются колѣни и трясутся руки.

IV.

Я поднимался вслѣдъ за рыжей худенькой Ниной. Стэфенъ шелъ рядомъ съ ней, почти впереди. Лѣстница была широкая. Она тонкой цѣпкой рукой хваталась какъ-то безпомощно за перила и все твердила:

— Я говорила, что не надо было садиться на эту проклятую „Фрину“! Я говорила.

Онъ молчалъ, крѣпко стиснувъ зубы, блѣдный, съ большими, сдѣлавшимися еще круглѣе глазами. Любовь и заботливость, что онъ выражалъ своей спутницѣ еще нѣсколько минутъ назадъ, вдругъ пропали,—точно ихъ смыла волна. Онъ сталъ холоденъ, прямъ и безразличенъ. Я видѣлъ задки ихъ желтыхъ башмаковъ, что торопливо поднимались по ступенямъ, ея—стиснутыя узкія пятки, его—болѣе широкія. Я плотнѣе застегнулся, хотя дѣлать этого не надо было, и было безполезно.

Палуба была полна людьми: всѣ сновали, что-то говорили, матросы бѣгали. Всѣ смотрѣли на море, показывали куда-то пальцами, биноклями, трубами. Мы круто повернули въ сторону. У кормового орудія суетились артиллеристы.

— Господа, надѣньте сейчасъ пробковые пояса! — кричалъ чей-то голосъ. Можетъ-быть, это былъ капитанъ, можетъ-быть, его помощникъ.—Не толпиться у лодокъ! Онѣ будутъ наготовѣ, если надо будетъ спускать. Надѣвайте пояса.

И всѣ опять хлынули внизъ, въ каюты, гдѣ, прикрѣпленные къ стѣнамъ лентами накрестъ, висѣли нагрудники и круги. И опять началась толкотня и визгъ и крики. И я видѣлъ рыжіе волосы худенькой женщины, какъ они вырывались по вѣтру изъ-подъ бѣлаго платка, и видѣлъ, какъ плотнѣе надвигалъ котелокъ Стэфенъ, оттертый толпой куда-то въ сторону отъ нея и вертѣвшій во всѣ стороны головой на длинной шеѣ.

Мысль. *Огюстъ Роденъ.*

Когда я входилъ къ себѣ, мнѣ навстрѣчу уже выходилъ мой сосѣдъ по каютѣ,—тонкій, молодой, не то англичанинъ, не то норвежецъ, въ высокихъ шерстяныхъ чулкахъ, маленькой суконной шапочкѣ и въ темномъ клѣтчатомъ пиджакѣ. Онъ уже надѣлъ нагрудникъ и былъ похожъ на солдата, отправляющагося на маневры.

— Я помогу вамъ,—вдругъ сказалъ онъ и вернулся въ каюту. Онъ быстро и ловко отвязалъ со стѣны поясъ и началъ укрѣплять его на мнѣ.

— При васъ револьверъ?—спросилъ онъ.—Это нужно. Вы умѣете плавать? Надо бросать кругъ и держаться за него. Во всякомъ случаѣ, надо соблюдать спокойствіе и не торопиться.

Когда мы выходили на палубу, раздался снова выстрѣлъ. Это стрѣляла пушка нашего парохода. Оглушительный, звенящій ударъ точно раскололъ воздухъ. Бѣлымъ дымомъ все было заволочено вокругъ, и онъ перекатывался густыми клубами черезъ скамьи, пустые стулья и рубки, цѣпляясь за снасти, окутывая и обнимая ихъ.

V.

И опять на водѣ ничего не было видно. А англичанинъ показалъ на ровную поверхность и проговорилъ:

— Она тамъ. Не надо къ ней поворачиваться бокомъ, а мы почему-то поворачиваемся.

Онъ съ любопытствомъ сталъ искать въ бинокль то, что его интересовало. Нашелъ и впился въ одну точку. Потомъ онъ передалъ бинокль мнѣ и сказалъ:

— Видите перископъ?

Буря. *Огюстъ Родэнъ.*

Но я ничего не видѣлъ. Синія съ свинцовымъ отливомъ волны воздымались и пучились однообразно, хмуро, точно хранили какую-то тайну. Точно водяное чудовище, что рыскало вокругъ насъ, было заодно съ зловѣщей жидкостью, и точно подстерегало, чтобъ нанести намъ ударъ въ самое сердце.

И онъ раздался, этотъ ударъ. Взрывъ былъ у самаго борта „Фрины". Мина ли, выпущенная подводной лодкой, ударилась о стѣну парохода, пробила ее подъ водой и разорвалась, или произошло какъ-нибудь иначе,—да это, наконецъ, все равно. Но помню, что былъ толчокъ,—толчокъ, отъ котораго многіе потеряли равновѣсіе. Тѣ, кто успѣлъ ухватиться за ручки, скамьи, стѣны—удержались на ногахъ. На мгновенье все замолкло,—или всѣхъ такъ оглушило, что мы не различали уже никакихъ звуковъ.

— Ну, что же?—спросилъ англичанинъ.

Въ отвѣтъ послышалась команда того же властнаго голоса, и еще скорѣе забѣгали матросы, и какія-то цѣпи, шурша, задвигались подъ лавками, а артиллеристъ опять наводилъ на что-то нашу пушку, и куры испуганно трепыхались въ клѣткѣ, возлѣ которой мы стояли, и какой-то съ пробритыми усами господинъ тащилъ свой огромный, тяжелый чемоданъ,—точно ему позволили бы его взять съ собой въ шлюпку.

— Машина работаетъ,—говорилъ англичанинъ, прислушиваясь къ равномѣрному шуму стальныхъ шатуновъ, къ шипѣнію пара, къ колыханію огромныхъ блестящихъ цилиндровъ. Онъ вынулъ свои дорожные часы изъ верхняго жилетнаго кармана и посмотрѣлъ на нихъ.—Если произойдетъ катастрофа, то сейчасъ.

„Фрина" то становилась поперекъ, то вдоль. Потомъ вдругъ она понеслась по прямому направленію, и цилиндры закачались все чаще и чаще. Пѣнные брызги стали перелетать черезъ бортъ. У шлюпокъ скучивались пассажиры. Кто-то что-то хотѣлъ развязать, снять съ петель. Матросъ на него кричалъ, говорилъ, что онъ его сброситъ въ воду. Три какихъ-то старыхъ дѣвы, шотландки, или шведки, прижались другъ къ другу и тянули какой-то псаломъ. Время отбивало секунды молотомъ, и эти удары точно били по темени и точно отдавались въ мозгу во всѣхъ его извилинахъ.

Чувствовалась смерть. Она приближалась, шла подъ сѣрымъ небомъ, по пустынному океану, шла безстрастно, спокойно. И бѣдные жалкіе люди пугливо ждали ея удара. Всѣ эти люди когда-то родились, сосали грудь матерей. Ихъ укутывали въ пеленки, ухаживали за ними, заботились объ ихъ здоровьѣ, объ ихъ жизни. Они учились, ихъ наказывали за лѣность, за лживость. И все это привело вотъ къ чему...

Анри Рошфоръ. *Огюстъ Родэнъ.*

VI.

На океанномъ просторѣ они должны погибнуть отъ встрѣчи съ подводной лодкой, на изобрѣтеніе которой потратили столько безсонныхъ ночей талантливые люди. Эти люди вычисляли, взвѣшивали; цифры то сходились, то расходились съ ихъ ожиданіями... Рабочіе такъ трудились, такъ обливались потомъ, сперва чтобы достать изъ земли потребные матеріалы для этой лодки, затѣмъ, чтобы придать этимъ матеріаламъ ту форму, которая нужна для смерти и потопленія нѣсколькихъ сотенъ людей, случайно, по дѣламъ, плывшихъ по морю. Каждый ударъ парового молота по стальному рычагу обезпечивалъ успѣхъ такого предпріятія. Когда лодку эту спускали съ верфей—былъ праздникъ: она была тысячнымъ сооруженіемъ завода. Три нуля, стоявшіе на концѣ цифры, сдѣлали то, что ученому, руководившему работами, дали крестъ, и этотъ крестъ онъ повѣсилъ себѣ на шею, и ему такъ завидовали его товарищи по службѣ. Они говорили:

— Онъ случайно подвернулся. Вѣдь не онъ построилъ прежнія 999 судовъ? Почему же онъ, построившій всего шесть такихъ лодокъ, получилъ награду, а его предшественникъ, построившій двадцать девять судовъ разнаго типа, живетъ гдѣ-то въ сторонѣ, на покоѣ, и не удостоился никакой благодарности? О немъ забыли!

А потомъ этотъ роскошный пароходъ, эта „Фрина", на которой мы плывемъ, — сколько сотенъ тысячъ стоилъ онъ? Начиная отъ этихъ мѣдныхъ скобокъ, такихъ гладкихъ, отполированныхъ, и кончая этими картинами съ голыми ребятами, пестрыми леопардами и розовыми деревьями,—вѣдь это все плоды человѣческаго генія. Въ каютъ-компаніи стоитъ піанино чудеснаго тона. Оно сдѣлано изъ палисандроваго дерева, и любой піанистъ считалъ бы за счастіе, если бъ у него на дачѣ былъ такой инструментъ. А теперь онъ будетъ лежать на днѣ океана, и въ зеленой водѣ, вокругъ него, будутъ, пошевеливая плавниками и хвостомъ, плавать рыбы, и къ стѣнкамъ его присасываться раковины.

— Двѣнадцать минутъ прошло уже, а выстрѣла все нѣтъ, — говоритъ мой товарищъ, смотря на часы.

Да, онъ мой товарищъ. Эти крѣпкія икры въ сѣрыхъ чулкахъ точно ждутъ того мига, когда океанская волна охватитъ ихъ, и онъ поплыветъ, держась за веревку круга, и будетъ носиться, выжидая, пока подберетъ его какая-нибудь лодка.

VII.

Шли минуты, часы, повторенія взрыва не было. Мы неслись куда-то въ сѣрую даль, всю заволоченную туманомъ. Паника, охватившая всѣхъ, стала исчезать. Она осклабила свои острые зубы и разсѣялась. Отвратительный животный страхъ какъ будто показался и спрятался, — втянулся опять куда-то, въ нѣдра жизни, — и все опять начало принимать обычныя формы. Даже какъ будто какая-то радость оживленія стала обозначаться то тамъ, то здѣсь. На лицахъ вмѣсто усталости замѣчалась надежда. И рыжая женщина опять начала ходить со своимъ спутникомъ, прижавшись къ нему. Она не заглядывала ему въ глаза, не кокетничала, какъ прежде, и онъ точно застылъ весь и не могъ еще оттаять. Та отчужденность, что обнаруживали они еще часъ назадъ, — пропала. Они сами заговаривали съ пассажирами. Какъ будто они спустились съ высотъ, гдѣ жили, какъ боги, и смѣшались съ остальнымъ человѣчествомъ. Старичокъ въ очкахъ, съ круглой подстриженной сѣдой бородкой, особенно былъ ими облюбованъ какъ собесѣдникъ. Нина улыбалась ему, разговаривала съ нимъ.

Не знаю, кто онъ былъ такой. Такіе бываютъ и торговцы на Волгѣ и милліонеры, вышедшіе изъ тѣхъ тряпичниковъ, которые мальчишками кричатъ „костей тряпокъ" по захудалымъ дворамъ столицы. Знаю, что звали его Никитой Ильичомъ, что носилъ онъ золотые очки и самодовольно улыбался. Онъ ходилъ по „Фринѣ", не торопясь, опираясь на палку, и такъ складывалъ губы, точно хотѣлъ свистнуть.

Съ чего завязался разговоръ между нимъ и рыжей — не могу сказать. Я видѣлъ только, что она разговаривала съ нимъ охотно. Стэфенъ сидѣлъ, забившись въ уголъ, и мрачно поводилъ глазами. Онъ былъ какъ будто доволенъ, что она занялась старикомъ и оставила его въ покоѣ.

Я сидѣлъ съ книгой въ раскидномъ креслѣ. Англичанинъ сидѣлъ тоже въ креслѣ и, откинувъ голову, спалъ, отвернувъ отъ свѣта свое бритое лицо. Пароходъ шелъ неслышно. Такъ неслышно дышитъ больной, заснувшій послѣ тяжелаго припадка. Мы точно скользили по водѣ. Нина весь прошлый вечеръ играла. Она сидѣла у піанино, и Стэфенъ подавалъ ей ноты. Она играла бойко, смѣло,— видно, что ей такъ хорошо была знакома техника клавіатуры. Но въ ней одного не было — души. Ея игра была холодна, кристально-прозрачна и скучна. Имъ обоимъ казалось, что они имѣютъ право истязать слухъ пассажировъ. И они истязали. Сегодня она не рѣшалась подойти къ инструменту. Точно въ домѣ былъ покойникъ. Все пережитое три часа назадъ еще

Викторъ Гюго. *(Рисунокъ).* *Огюстъ Родэнъ.*

Огюстъ Родэнъ. *Послѣдній снимокъ.*

Пантеонъ войны. *Грандіозное зданіе, сооружаемое подъ Парижемъ, на плацу Военной Школы. Въ Пантеонѣ войны будетъ помѣщена панорама всего союзнаго фронта отъ Бельфора до Калэ съ Реймсомъ, его разрушеннымъ соборомъ, и безсмертнымъ Верденомъ. Вверху изображена золотая фигура Побѣды, а на переднемъ планѣ—на безконечныхъ уходящихъ въ даль ступеняхъ—всѣ знаменитые дѣятели войны на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, и не только французы, но и союзники; многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и маршалъ Франціи Жоффръ, спеціально позировали передъ художникомъ. Надъ панорамой работаютъ лучшіе художники Франціи, изъ которыхъ большинство тоже герои войны, раненые въ бояхъ и удостоенные воинскихъ отличій. На нашемъ рисункѣ изображены два художника— А. Горгэ и А. Фурье, за работой, на особыхъ высокихъ платформахъ-лѣсахъ.*

не изгладилось изъ памяти, и играть ноктюрнъ было бы несвоевременно.

VIII.

— Скажите, Никита Ильичъ, — спрашивала она, — что, по-вашему, женщина имѣетъ одинаковыя права съ мужчиной?

Онъ щурился, какъ котъ на солнцѣ. Онъ поигрывалъ палкой, которой никогда не выпускалъ изъ рукъ.

— Права, можетъ, у женщинъ и общія съ нами, а только взять она ихъ не можетъ. — проговорилъ онъ послѣ молчанія.

— Почему же не можетъ?—удивилась Нина.

— Да ужъ такъ положено. Вѣдь вотъ помереть попадья—попъ въ игумны. А умреть попъ — попадья по гумнамъ. И выходитъ какъ бы разница. Вотъ и Степанъ Дмитріевичъ улыбается въ соглашеніи со мной.

— Да, — вдругъ заговорилъ Стэфенъ, заблестѣвъ своими зубами.—Да, я всегда говорю и утверждаю: — да, женщина не похожа на мужчину, какъ курица не похожа на пѣтуха. А Нина Викторовна этого не признаетъ. И мы всегда объ этомъ споримъ.

Онъ картавилъ, и у него буква р выходила какой-то странной, какъ у дѣтей, не научившихся еще правильно говорить.

Никита Ильичъ опять усмѣхнулся.

— Да что жъ, ежели не спорить, — оно скучно. Чего въ молчанку-то играть? Вотъ мертвые молчатъ, а что съ того проку? А милые подерутся — погрызутся, чайку попьютъ, да на печурку.

Нина Викторовна перебила:

— Нѣтъ, я не люблю спорить. Да, да, не люблю. Стэфенъ утверждаетъ, что я спорщица, а онъ самъ споритъ цѣлые дни. Ему все не такъ. Онъ всѣхъ осуждаетъ.

— И это бываетъ: людямъ не вѣритъ, а самъ мелетъ, — согласился Никита Ильичъ.—У насъ бабка была такая: весь день на печи сидитъ съ утра до вечера, все говоритъ, а послушать нечего. Всѣхъ осуждала. И то плохо, и это худо. А сама видитъ на полъ-аршина. Не осуди въ лаптяхъ, — сапоги въ саняхъ. До саней-то ей далеко. Она по избѣ и судитъ.

Степанъ Дмитріевичъ какъ-то скривилъ щеку.

— Что же, по-вашему, я, какъ и бабка: вижу на полъ-аршина? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это я только къ примѣру, — возразилъ Никита Ильичъ.

— Ты вотъ насколько видишь, — показала Нина, — и вышло вершка два, не больше.

— Не длиннозорки,— подтвердилъ Никита Ильичъ, покрякивая, что у него замѣняло смѣхъ.

IX.

— А вы, Никита Ильичъ, очень испугались? — спросила она, переводя разговоръ на другую тему. — Я говорю про нашу сегодняшнюю встрѣчу?

Онъ поправилъ очки на носу и заговорилъ пѣвуче:

— Не то, чтобъ такъ ужъ очень, а испуга была. Кому же пріятно,—такъ, безъ христіанскаго погребенія—трескѣ на завтракъ пітить? Въ общемъ-то я не страшливый, а сегодня понялъ, что старики наши не даромъ говорили: „страхъ на тараканьихъ ножкахъ ходитъ“. Такое у меня въ поджилкахъ трясеніе произошло.

— Скажите, — вдругъ перебилъ Стэфенъ, — если бы намъ по шлюпкамъ пришлось размѣщаться, и если бы сзади васъ лѣзла бы баба и отъ шлюпки васъ отпихивала,—вы дали бы ей мѣсто? Нѣтъ, вы. скажите, вотъ какъ передъ Богомъ, дали бы?

Никита Ильичъ посмотрѣлъ на него поверхъ очковъ.

— Да вѣдь въ лодки насъ не сажаютъ,—медленно растягивая слова, сказалъ онъ.

— А если бы?

Никита Ильичъ пошевелилъ губами.

— Ну, почемъ знать, что было бы. Обалдѣваютъ люди. Звѣрѣютъ. Что хорошаго? Ежели понятія въ человѣкѣ никакого нѣтъ, и онъ лѣзетъ на проломъ, и все забылъ? Растерялъ все, и за все хватается. Судить по такому положенію человѣка нѣшто можно...

— Ага! Ага! — заговорилъ Стэфенъ, точно поймалъ на удочку давно жданнаго карася. — Когда человѣкъ въ эмоціи, онъ не сознаетъ самъ, что дѣлаетъ. Когда въ немъ говоритъ инстинктъ — онъ всецѣло подчиненъ этому инстинкту.

— Твой инстинктъ — атавизмъ,—брезгливо вытянувъ нижнюю губу, возразила Нина.—Эта дикость, что сидитъ въ тебѣ, есть въ каждомъ современномъ культурномъ человѣкѣ. Поскоблить эту культуру, она свалится, и останется тотъ же готтентотъ, который будетъ ѣсть своего ближняго, и еще похваливать, какъ онъ вкусенъ.

Она съ омерзѣніемъ посмотрѣла на него. Онъ отвернулся.

— Мнѣ кажется,— закончила она, — ты бы съ удовольствіемъ съѣлъ изъ меня отбивную котлетку. Нечего дѣлать мнѣ страшные глаза! Да, ты — антропофагъ, людоѣдъ, прикрывшійся рыцарскимъ щитомъ.

— Не хочешь ли содовой воды? — спросилъ онъ и всталъ съ своего мѣста.— Не хочешь? Тогда я пойду въ столовую одинъ.

X.

Было темно, и мы не знали, что „Фрина“ „даетъ кренъ“, и онъ съ каждымъ часомъ дѣлается все больше. Капитанъ говорилъ, что, конечно, опасности мы избѣжали, и едва ли намъ предстоитъ новая встрѣча. Но что все-таки лучше, на случай возможной встрѣчи, не раздѣваться совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, все держать настолько поблизости, чтобы въ нѣсколько минутъ быть готовымъ и въ спасительныхъ нагрудникахъ подходить къ борту.

Въ отвѣтъ послышались истерическіе выклики пассажирокъ. Но капитанъ успокоилъ.

— Я только говорилъ о томъ, на что указывало благоразуміе,— пояснялъ онъ. — Ручаюсь вамъ головой, что болѣе никакой встрѣчи съ враждебнымъ намъ судномъ не предвидится. Мы вышли изъ зоны, гдѣ шныряютъ наши враги. Мы въ полнѣйшей безопасности.

Но въ голосѣ его чувствовалась нотка, гдѣ-то тамъ въ глубинѣ, которая заставляла думать, что онъ чего-то опасается, а предложенье его не раздѣваться на ночь имѣло серьезное основаніе.

Небо было звѣздное, воздухъ теплый, насыщенный озономъ. Я не торопясь прошелъ къ себѣ. Жизнь на „Фринѣ“ замирала, потухала. Кровать Джемса Брауна,—такъ звали моего сосѣда (я это узналъ,—такъ какъ въ минуту опасности люди незнакомые вдругъ дѣлаются друзьями),—была пуста. Но и на палубѣ, и въ каютъ-компаніи, и въ столовой его не было. Это мнѣ показалось подозрительнымъ. Я, не раздѣваясь, прилегъ. Вчера слегка качало, сегодня не было ни малѣйшей зыби, и порою казалось, что мы стоимъ на мѣстѣ. Электрическая лампочка горѣла такъ ровно, и я не задергивалъ голубой фаты на фонарѣ, ожидая моего спутника. Все было тихо; только вдали гдѣ-то вращался винтъ, мягко, бархатно, масленисто.

Было около часу, когда вошелъ Браунъ; онъ пріостановился на порогѣ: узнать, сплю ли я. Я сказалъ, что я его жду.

— Я былъ увѣренъ, что вы меня ждете, — отвѣтилъ онъ и остановился передъ моей кроватью. — Вы не раздѣвались? Лучше и не раздѣвайтесь, только снимите башмаки. Я былъ у капитана. Я сказалъ ему, что знаю причины, почему онъ предупредилъ пассажировъ быть наготовѣ. Онъ сознался въ нихъ, — когда я сказалъ, что проходилъ мореходные классы и сдѣлалъ двѣ кампаніи.

— А почему? — спросилъ я.

— Кренъ. „Фрина“ кренится на правый бортъ. Теперь тихо. Ничто не предвѣщаетъ волны,—это наше спасеніе. Но барометръ шевелится. Если подуетъ вѣтеръ и разведетъ зыбь,—конецъ.

— Насъ зальетъ?

— Да. Помпы не спасутъ. Радіотелеграфъ дѣйствуетъ плохо. Если получены наши депеши кѣмъ-нибудь, — тогда, можетъ-быть, намъ дадутъ помощь завтра. Если нѣтъ, — придется до заката сѣсть на шлюпки.

— Но мы должны завтра въ три часа быть на мѣстѣ?—напомнилъ я.

— Должны? Если бы мы шли обыкновеннымъ ходомъ — да. Но мы плетемся черепашьимъ шагомъ. И то благодаря штилю мы идемъ такъ.

— Вы что же думаете? Придется намъ пересаживаться на лодки?

Онъ помолчалъ, посмотрѣлъ на потолокъ каюты, и потомъ сказалъ:

— Да.

XI.

Онъ спалъ, или прикидывался спящимъ. Я не спалъ долго. Потомъ заснулъ, какъ-то мертвенно, глубоко. Не знаю, долго ли я былъ въ этомъ состояніи, но меня вернулъ къ дѣйствительной жизни голосъ Джемса:

— Лучше встать.

Я увидѣлъ, что онъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и вчера. Лампіонъ попрежнему свѣтится. Въ иллюминаторѣ струились синеватые отблески разсвѣта.

— Ну, что? — спросилъ я.

— Лучше вставать, — повторилъ онъ. — Умывайтесь и приходите наверхъ. Мы поговоримъ.

Онъ пошелъ изъ каюты. Онъ бы не разбудилъ меня попустому. Я понялъ, что дѣло серьезно. Нѣтъ ничего хуже, когда будятъ человѣка въ пути, среди ночи, и говорятъ ему, что необходимо вставать. Я помню, какъ нѣсколько дней назадъ вагоновожатый, вѣжливо постучавъ въ дверь, просунулъ голову въ мое купэ и предложилъ:

— Monsieur, одѣньтесь поскорѣе, необходимо перемѣнить вагонъ.

Онъ не прибавилъ, что вагонъ загорѣлся, — я узналъ это, когда уже вышелъ въ коридорчикъ, и за мной потащили мои вещи. Сонъ пропалъ сразу, и тогда глядѣлъ въ четырехугольныя стекла такой же голубой разсвѣтъ, и низкія черныя деревья дремали въ зябкомъ утренникѣ. И тогда и теперь какъ-то машинально я переставлялъ ноги и шелъ, куда мнѣ указывали. Но тогда сразу „инцидентъ становился исчерпаннымъ“, какъ говорятъ присяжные повѣренные, — а теперь только начиналось что-то роковое и неизбѣжное.

„Фрина“ совсѣмъ погнулась набокъ. Ея мачты и трубы замѣтно наклонились вправо. Она точно постарѣла за ночь на много лѣтъ и изъ прямой, гордой красавицы сдѣлалась развалиной, которую подъѣдалъ какой-то скрытый недугъ и заставлялъ все болѣе и болѣе сгибаться на одну сторону.

Браунъ пытливо оглядывалъ туманную даль въ бинокль.

— Пусто, — нигдѣ ни паруса ни дыма. Видите, уже готовятъ шлюпки.

Команда возилась что-то у одной изъ бѣлыхъ большихъ лодокъ, которая могла вмѣстить до полусотни народа. Брезенты съ нея были сняты. Лица у всѣхъ были сосредоточены, веселыхъ шутокъ, улыбокъ какъ будто не было замѣтно.

Джемсъ пошелъ по направленію капитанской каюты. Онъ шелъ, какъ всегда—увѣренно и неторопливо. Что же: близка катастрофа или нѣтъ? Послѣднія минуты доживаетъ „Фрина“?

XII.

Послѣднія. Я понялъ это по походкѣ Брауна. Онъ шелъ назадъ скорѣе и дѣловитѣе.

— Черезъ пять минутъ разбудятъ весь экипажъ, и будетъ отдано распоряженіе спускать шлюпки, — сказалъ онъ. — Надо вынести на палубу багажъ.

Со стѣнъ смотрѣли въ сѣромъ разсвѣтѣ утра улыбающіяся вакханки и все протягивали виноградъ. Піанино стояло открытымъ, чего никогда прежде не было. Но пока все еще было тихо, какъ въ склепѣ, и матовый свѣтъ уже расползался по залѣ.

Но едва мы вышли со всѣми нашими вещами наверхъ, какъ внизу уже поднялась суматоха. Такъ обезпокоенныя пчелы жужжатъ въ ульѣ. Темныя фигуры полусонныхъ людей стали сновать по лѣстницамъ и переходамъ.

— Не торопитесь, не торопитесь! Есть время, — говорилъ капитанъ.—Кто хочетъ, пусть пожалуетъ въ столовую. Тамъ готовъ уже кофе...

Но самъ однако онъ не шелъ въ столовую. Медъ и ячменный хлѣбъ, булочки въ видѣ полумѣсяцевъ, масло, лимонъ и сливки дожидались желающихъ отправить все это съ чаемъ или кофе въ желудки, но желающихъ что-то не находилось. Буфетчикъ растерянно приглядывался къ пассажирамъ и заносилъ крючки въ свою записную книжку: онъ, должно-быть, считалъ неудобнымъ, въ виду предстоящей катастрофы, предъявлять счеты, но замѣчалъ лица, чтобы потомъ, при случаѣ, напомнить должникамъ объ ихъ кредитѣ.

Нина стояла тутъ же, у борта, съ зеленой вуалью, блѣдная, съ крупнымъ жемчугомъ на шеѣ. Возлѣ стоялъ Стэфенъ и держалъ въ рукѣ желтый сафьянный мѣшокъ, нервно перебирая пальцами. Нѣсколько поодаль былъ Никита Ильичъ. Онъ нахлобучилъ на лобъ шляпу и, совсѣмъ по-стариковски сжавъ губы, смотрѣлъ тупо вокругъ. Иногда его губы раздвигались, онъ что-то шепталъ; потомъ губы опять смыкались, и крючковатая палка еще быстрѣе вертѣлась направо и налѣво.

— Дайте сюда,—сказала она и протянула руку къ маленькому саквояжу.

Стэфенъ крѣпче сжалъ пальцами каменную руку.

— Вы слышите? Я вамъ говорю.

— Мнѣ не тяжело,—проговорилъ онъ.

Она, не торопясь, разжала ему пальцы, вынула изъ нихъ сакъ и, косо усмѣхаясь, сказала:

— Вы можете его потерять, Степанъ Дмитріевичъ.

— Вы потеряете скорѣе,—сквозь зубы проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я не потеряю,—отвѣтила она.

XIII.

Я вспомнилъ ужасный конецъ благотворительнаго базара, которому былъ свидѣтелемъ лѣтъ двадцать назадъ въ Парижѣ. Онъ былъ устроенъ въ узкой и тѣсной улицѣ Гужонъ, по сосѣдству съ Трокадеро. Базаръ это былъ такой аристократическій. Дамы были такъ разодѣты, мужчины были такъ чисто выбриты, такъ гладко причесаны, такъ блестѣли ихъ цилиндры, такъ пестрѣли цвѣточные бутоньерки на отворотахъ ихъ пальто. Былъ такой чудесный майскій день. Такъ великолѣпны были лошади колясокъ и ландо, такъ важно сидѣли на козлахъ ливрейные кучера съ бичами. И вдругъ этотъ картонный баракъ базара запылалъ. Его крыша была просмолена, и кипящая смола стала сверху капать на сбившуюся въ стадо толпу и зажигать шляпы и платья молодыхъ и элегантныхъ благотворительницъ. И вдругъ эти блестящіе прилизанные мужчины съ бутоньерками превратились въ звѣрей, и когда за нихъ цѣплялись руки испуганныхъ кричавшихъ женщинъ, они отрывали ихъ отъ себя, били ихъ въ грудь кулаками, и шли по ихъ лицамъ своими лакированными башмаками, выдавливая каблуками глаза и зубы, расплющивая носы, и стараясь вырваться на свѣжій воздухъ изъ дымнаго ада, гдѣ краснымъ пламенемъ горѣли живые несчастные смоляные факелы—обезумѣвшіе люди...

— Смотрите,—дымъ!—вдругъ крикнулъ кто-то и показалъ впередъ, куда направленъ былъ носъ парохода.

Всѣ взгляды обратились туда. Далеко-далеко въ волнующейся золотистой пеленѣ утренняго тумана болѣе чувствовался, чѣмъ проступалъ какой-то неясный обликъ, и темное облако, нависая надъ нимъ, стояло лиловымъ пятномъ.

Игра не на жизнь, а на смерть. *Англійскіе солдаты, во время газовой атаки укрывшись въ траншеяхъ и надѣвъ противогазы, „мирно“ играютъ въ карты. Пять снарядовъ уже разорвалось поблизости, у прикрытія траншеи, но „томми“ продолжали играть, пока отъ газовъ не потухла свѣча.*

Затаивъ дыханіе, вытянувъ шеи, съ глазами, полными надежды, смотрѣли туда сотни человѣческихъ глазъ. И „Фрина“ вздрогнула: точно прибавила хода. А можетъ-быть, это такъ только казалось, и шла она попрежнему крадучись.

— А что, если это?..—началъ Стэфенъ,—и не кончилъ.

Никита Ильичъ прищурился, долго смотрѣлъ впередъ и потомъ сказалъ:

— Никто, какъ Богъ!

XIV.

Не знаю, прошло сколько времени. Можетъ-быть, четверть часа, можетъ-быть, часъ. Всѣ продолжали смотрѣть, и разстояніе между далекимъ дымомъ и нами будто не уменьшалось.

— Онъ отъ насъ уходитъ!—раздавались разочарованные голоса.

— На насъ идетъ,—успокаивали матросы.—Можетъ, во-время поспѣетъ...

Капитанъ глядѣлъ не на приближающееся судно, а куда-то совсѣмъ въ другую сторону, на сѣроватое пятно, что росло на сѣверѣ и шло къ „Фринѣ“, распухая и ширясь. Онъ взглядывалъ то на мачты и трубы, то уходилъ къ себѣ, то возвращался.

— Женщины и дѣти пусть готовятся къ посадкѣ!—раздалась команда.—Мужчины, дайте дорогу женщинамъ!

„Фрина“ замедлила ходъ. Ея винтъ все медленнѣе поворачивался. Потомъ она застыла, какъ сонная рыба.

На паровой шлюпкѣ, которую первой собирались спускать матросы, сидѣлъ Стэфенъ. Онъ скорчился и обхватилъ руками канатъ. Какъ онъ попалъ туда, когда успѣлъ перелѣзть,—не знаю.

— Долой! Подите вонъ!—кричалъ помощникъ капитана.

А онъ все сидѣлъ, только какъ-то виновно улыбался.

— Снять его!—раздался приказъ. И матросъ съ начесомъ на лбу подхватилъ Стэфена въ охабку и перебросилъ другому матросу, а тотъ отшвырнулъ его на палубу. Шлюпка поползла внизъ, стала на воду, и ее подтянули къ открытому трапу.

— Не толпиться, не толкаться, успѣете!—предупреждалъ капитанъ.

Стэфенъ поднялся съ пола. Шляпа куда-то закатилась, и онъ не замѣчалъ, что его волосы растрепались и стали коломъ съ одного бока. Онъ хотѣлъ ринуться къ трапу. Но Браунъ вдругъ поднялъ на высоту его переносицы револьверъ.

— Если вы сдѣлаете шагъ, я васъ убью,—сказалъ онъ.—Сядьте и ждите очереди.

Стэфенъ опустился, оперся руками въ подушку кожанаго тюфяка и такъ и замеръ.

XV.

Шлюпка наполнилась и отошла. Визга, криковъ было немного. Подошла другая и стала забирать вторую партію. Сюда попалъ и полуслѣпой старикъ, котораго водила по палубѣ внучка. Онъ кутался дрожащими руками въ крылатку и о чемъ-то просилъ внучку. И вторая полная шлюпка отошла вслѣдъ за первой, направляясь къ далекому дыму.

— Если даже не поспѣетъ намъ помощь, всѣ пассажиры будутъ сняты съ борта, и всѣ ихъ вещи будутъ свезены,—говорилъ успокоительно помощникъ капитана.—Чисто работаемъ.

Стэфенъ порывался встать, но Джемсъ положилъ ему руки на плечи.

— Еще рано,—сказалъ онъ.—Вы поѣдете съ нами.

Мнѣ показалось, что Джемсъ издѣвается надъ несчастнымъ. Былъ ли Стэфенъ трусъ, или онъ былъ такъ подавленъ окружающимъ, но онъ покорялся и сидѣлъ неподвижно. Иногда онъ поворачивалъ голову и смотрѣлъ на шлюпки, которыя бѣлѣли на сѣрой водѣ, съ густой прозеленью подъ кормою и съ длиннымъ слѣдомъ, что бѣжалъ за ними по гладкой водной поверхности.

Вдругъ онъ поднялся и оттолкнулъ Джемса. Онъ отошелъ шага три, повернулся и задергался. Его руки, плечи, голова стали судорожно скручиваться, онъ началъ какъ-то подпрыгивать и приплясывать. Онъ улыбался, смотрѣлъ то на насъ, то на тучи и весело не то пѣлъ, не то говорилъ:

— Алло... Алло... Алло...

Никита Ильичъ посмотрѣлъ на него и сжалъ губы.

— До чего человѣкъ себя довелъ!—сказалъ онъ.

— Оставьте, сядьте,—предлагалъ Стэфену Джемсъ.

Но Стэфенъ все подпрыгивалъ и все улыбался.

Наконецъ и мы пошли въ шлюпку. Стэфена повелъ матросъ; онъ шелъ покорно, тихо. Одна перчатка у него лопнула, и пальцы ея, пустые, сморщенные, болтались безпомощно. Шляпа была сдвинута набокъ. Онъ имѣлъ видъ пьянаго. Его усадили на скамью. Онъ сползъ на дно, на брезентъ. Онъ поводилъ глазами и все улыбался. Никита Ильичъ широко перекрестился, пощупалъ карманъ,—тамъ, должно-быть, у него былъ бумажникъ,—и проговорилъ:

— Давай Богъ, чтобъ во всемъ благополучіи...

Матросы выровняли весла, ударили по водѣ, и мы отошли къ западу. Уже пароходъ огромный, океанскій, виденъ былъ миляхъ въ двухъ и шелъ прямо на насъ. А „Фрина“ печально наклонилась, точно застыла въ своей агоніи. У трапа стояла уже новая шлюпка, и синіе люди бѣгали то вверхъ, то внизъ. Крупная фигура капитана виднѣлась у борта.

Стэфенъ все улыбался и, показывая рукой вдаль, говорилъ:

— А Нина тамъ... И саквояжъ увезла... Саквояжъ, саквояжъ...

Весла ударяли по водѣ дружно. Пока еще все было тихо. Силуэтъ „Фрины“ все уменьшался и уменьшался. Жизнь точно опять входила въ свою колею, вливалась толчками, какъ вода черезъ нагнетательный насосъ,—и съ каждымъ ударомъ веселъ смерть отходила дальше и дальше.

А мужчина все показывалъ свои бѣлые крѣпкіе зубы, улыбаясь блаженной, безмятежной улыбкой...

Награда лучшихъ.

Повѣсть Марка Криницкаго.

(Окончаніе).

XVI.

Выйдя на крыльцо, Катя робко ступила внизъ. Можетъ-быть, это было ужасно, что ей хотѣлось улыбаться. Но вѣдь теперь жизнь окончательно позади.

Гдѣ-то за заборомъ, на сосѣднемъ дворѣ, не переставая, протяжно выла собака. Мокрый вѣтеръ трепалъ концы накинутаго на голову платка. Она вспомнила, какъ сидѣлъ здѣсь ночью на ступенькахъ Володя, а Викентій Викентьевичъ, въ бѣломъ воротничкѣ, шарилъ повсюду руками, подбирая деньги.

И хотѣлось проникнуть сейчасъ къ его тѣлу и плакать надъ нимъ тѣми новыми слезами, которыя рождались высоко, высоко въ груди. Но этого было нельзя.

Она осторожно сошла со ступенекъ и обогнула уголъ дома, гдѣ однообразной, звонкой струйкой бѣжала въ черную криво поставленную кадку дождевая вода. И кадка и кирпичикъ, подложенный нарочно подъ нее снизу (вѣроятно, Викентіемъ Викентьевичемъ), были сейчасъ такъ живы и отчетливо-явственны, но и въ нихъ, какъ и во всемъ, было уже другое и значительное. И если бы этого другого и значительнаго сейчасъ не было въ ея жизни, она бы сошла съ ума. Улыбнувшись, она глуше закутала лицо въ платокъ, чтобы кто-нибудь не подумалъ, отчего она такая.

У дверей раствореннаго сарая она увидѣла такую же, по-новому отчетливую фигуру городового. И вдругъ забилось сердце. Схватившись за холодный и скользкій жолобъ, она перемогалась. Руки и ноги налились тяжестью и истомой. Хотѣла вглядѣться въ глубину сарая и не могла. Закрывались вѣки, и все путалось и дрожало въ глазахъ.

— Вамъ кого, барышня?—окликнулъ ее полицейскій.

И тогда она сдѣлала послѣднее усиліе и поглядѣла туда, откуда точно наползало темное и дымное облако. Это мелькала густая сѣтка дождя, и тотчасъ же она почувствовала холодныя струйки воды на плечахъ и на головѣ. Полицейскій прятался отъ дождя въ дверяхъ сарая, и около его ногъ лежало что-то сейчасъ неподвижное, прикрытое сверху сѣрымъ намокшимъ мѣшкомъ. Вырисовывались круглые, обитые кожею, носки валеныхъ сапогъ и подбитые гвоздиками широкіе каблуки.

И чѣмъ больше она всматривалась, тѣмъ опредѣленнѣе вырисовывались неподвижные и огромные контуры вытянувшагося подъ мѣшкомъ тѣла... Сложенныя высоко на груди руки.

Сердце продолжало толкаться болѣзненно и неровно, и воздухъ точно застывалъ круглымъ холоднымъ комкомъ въ горлѣ.

„Есть серьезность“,—выстукивало сердце странныя, безсмысленныя слова, и, напрягшись всею памятью, она вспомнила и поняла: да, это тѣ самыя слова, которыя сказалъ когда-то онъ! И она еще смѣялась надъ нимъ.

Пошатываясь, она стояла и мокла возлѣ водосточной трубы. Звонко бѣжала и булькала вода. Она бѣжала сегодня, какъ вчера, и будетъ бѣжать завтра. Бѣжать для того, чтобы въ жизни была серьезность. И страшно было не того, что жизнь оказалась не тѣмъ, за что она ее принимала, а того, что это налагаетъ отвѣтственность. Петръ Сергѣевичъ и Викентій Викентьевичъ знали объ этомъ и поступили, какъ знали. И теперь очередь за ней. Но она стоитъ и знаетъ только одно, что никогда уже не вернется назадъ и не будетъ жить попрежнему.

„Я должна только запомнить,—говорила она себѣ,—какъ изъ жолоба бѣжала вода... и еще вотъ это небо и синюю сѣтку дождя, и какъ лежитъ сейчасъ Викентій Викентьевичъ“...

— Барышня, вамъ что, собственно, угодно? Здѣсь не полагается вамъ стоять,—окликнули ее.

— Я сейчасъ.

И она только старалась всмотрѣться и вслушаться. Если бы она могла опуститься на колѣни прямо здѣсь, гдѣ стоитъ, и такъ подползти къ его тѣлу, чтобы прикоснуться къ нему и напитать свою душу тѣмъ огромнымъ, что исходитъ отъ него... Но этого нельзя. И она молилась:

— Ты, который... Ты, ушедшій... Ты, узнавшій...—Потому что вѣдь онъ больше не Викентій Викентьевичъ.—О, укрѣпи меня и поддержи... Я теперь осталась одна... И научи.

Охраняющій тѣло подходитъ къ ней и трогаетъ ее за плечо.

— Нельзя, барышня, нельзя. Идите въ домъ. Можете спросить господина слѣдователя, а сейчасъ никого не приказано допущать.

— Хорошо, я сейчасъ уйду... Я только перекрещусь.

„Вотъ такъ... Свѣтло, свѣтло. Прости, если я... Здѣсь, на этомъ мѣстѣ я обѣщаюсь... И помнить всегда, всегда... Вотъ такъ... Эта черная кадочка и кирпичикъ внизу“...

— Я уже ухожу. Не безпокойтесь.

И, кивнувъ ему головой, она такъ же осторожно уходитъ въ домъ, какъ и вышла.

XVII.

Вечеромъ трупъ Викентія Викентьевича увезли, а передъ ночью пришелъ Володя вмѣстѣ съ мамой, которая сама ходила взять его изъ-подъ ареста.

Лицо у него похудѣло, и глаза ввалились, но онъ держалъ себя независимо. Увидя Марью, онъ сказалъ кратко:

— Что? Донесла?

Марья заплакала.

— Нечего, нечего,—говорила ей крикливо мама.— Кто дергалъ тебя за языкъ.

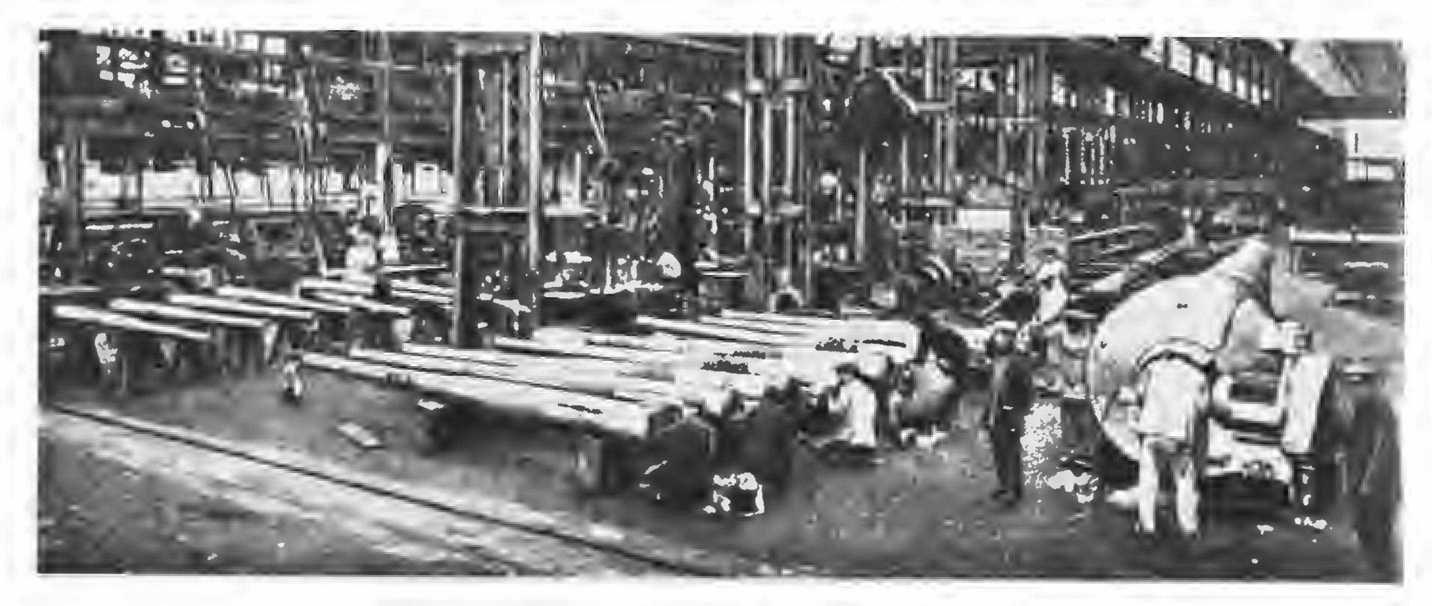
— Спаси Христосъ... Матушка... Да кабы знамо-тка...

Катѣ онъ поклонился иронически.

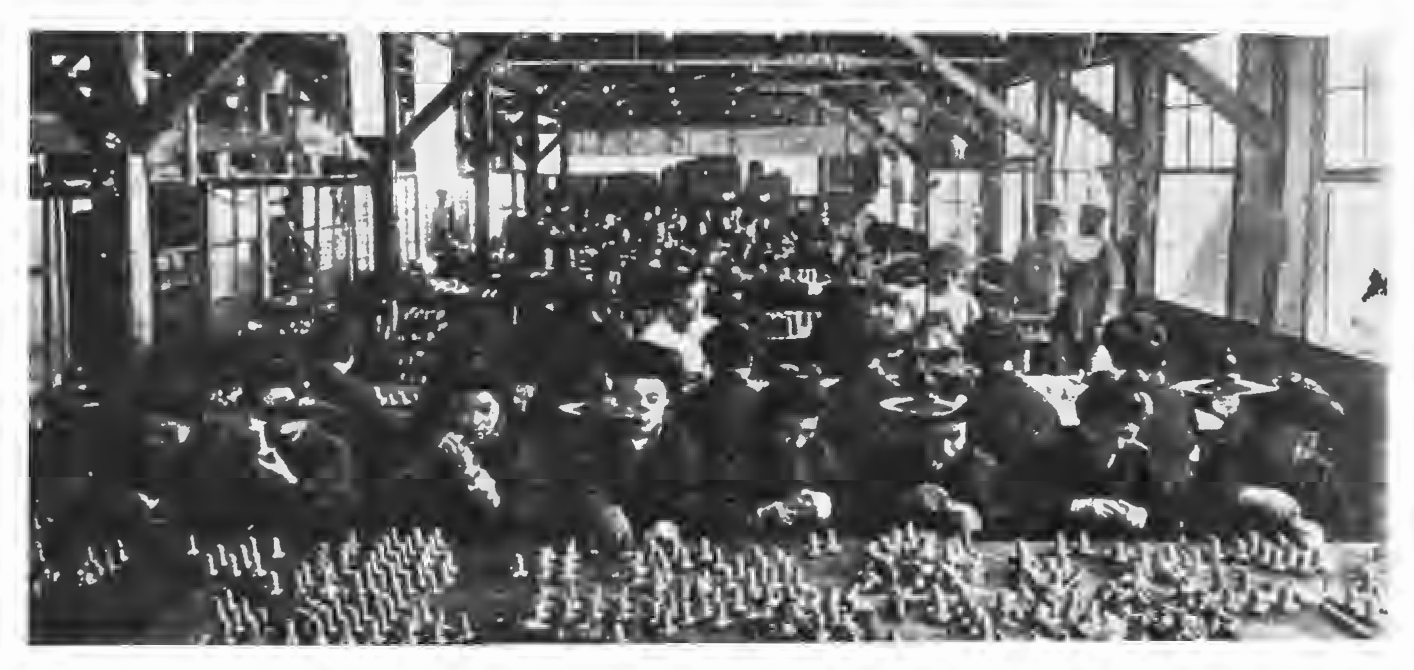
— Честь имѣемъ-съ. Тѣ же и онѣ. Бысть сопричтенъ къ лику злодѣевъ

Онъ дѣланно разсмѣялся, но глаза его, окруженные тѣнью, смотрѣли не прямо, и Катя почувствовала внезапный страхъ уже не за себя, а за него. Онъ былъ

Фабрикація сапогъ на фабрикѣ Свайиро въ Оцукѣ.



Изготовленіе орудій на сталелитейныхъ заводахъ въ Муроранѣ.



Изготовленіе патроновъ въ оружейныхъ мастерскихъ города Аичи.

Союзная Японія, помогающая Россіи. Японскіе заводы, изготовляющіе военное снаряженіе и обувь для русской арміи.

точно въ полуснѣ, какъ тогда, когда приходилъ, не проснувшись, ее душить.

— Эй!—громко крикнулъ онъ на кухню.—Ворона въ павлиньихъ перьяхъ, накрывай ужинать.

— Тише, тише,—просила его мама.

— А что?—Онъ усмѣхнулся и сказалъ:—Мм...

Катя поняла, что онъ тоже пришелъ къ какому-то твердому рѣшенію. Именно поэтому онъ спросилъ громко:

— Папахенъ дома?

Отецъ кашлянулъ въ столовой. Мама сдѣлала круглые глаза.

— Значитъ, пойдемъ представиться.

Онъ кашлянулъ и немного побасилъ, потомъ обтянулъ назади курточку и нохлопалъ себя по боковымъ карманамъ.

— Алло. Есть.

Проходя мимо Кати, онъ сдѣлалъ ей гримасу и прикусилъ кончикъ языка.

— Здравствуйте, папаша.

Катя слышала, какъ отецъ негромко сказалъ:

— Что же, здравствуй. Небось, невкусно пришлось?

Володя отрывисто заржалъ.

— Да, не очень.

— Что же, и впредь будешь баклуши бить да по ночамъ таскаться?

Володя спросилъ удивленнымъ голосомъ:

— Позвольте, а при чемъ же здѣсь мои баклуши? Невинно пострадать можетъ всякій. Не одинъ я. Вотъ и Дрейфусъ тоже...

— Ты Дрейфуса, пожалуйста, оставь. Садись. Сейчасъ тебѣ дадутъ ужинать.

— Я противъ ужина, разумѣется, ничего не имѣю,—отвѣтилъ Володя, и слышно было, какъ онъ сѣлъ.

Катя ушла къ себѣ и затворилась. И тотчасъ же страхъ за Володю выросъ еще больше. Впрочемъ, не только за Володю, но и за отца и за маму. Точно въ домѣ все сошло со своихъ мѣстъ.

И она мучилась.

Въ гимназію она рѣшила завтра не итти. И, вообще, прежде всего оглядѣться и обдумать заново предстоящую неизвѣстную жизнь.

Не спѣша, въ спокойномъ и тихомъ раздумьѣ, она собрала тетради и книжки, теперь ей больше ненужныя, привела въ порядокъ комнату, свой маленькій письменный столикъ, посняла съ гвоздиковъ платье, вытряхнула, аккуратно повѣсила и задернула коленкоровымъ пологомъ. Завтра съ вечернимъ поѣздомъ она рѣшила уѣхать въ Москву и выдержать экзаменъ на сестру милосердія.

И отъ этого было такое чувство, точно что-то еще продолжается. То самое, что началось въ тотъ моментъ, когда Дзюбинскій сказалъ ей о Петрѣ Сергѣевичѣ, и чего она тогда не поняла и подумала, напротивъ, что это означаетъ конецъ.

Она тогда испугалась и озлобилась. Ей показалось, что на нее рухнулъ весь міръ, чтобы ее раздавить. Это потому, что она не знала, что жизнь значительна.

И, удивляясь сейчасъ сама на себя, она ужасалась за тѣхъ, кто этого еще не понимаетъ.

Краснѣя на мигъ, она прекращала уборку и стояла, закрывъ лицо руками. Больше всего вспоминалась послѣдняя встрѣча съ Петромъ Сергѣевичемъ... живымъ... одна звѣздочка на его погонѣ, и то, какъ онъ ей тогда сказалъ, точно извиняясь:

— Такъ-то такъ... Что-то за Сербію заступиться хочется... Больно ужъ того... свинство.

И улыбнулся сухимъ и блѣднымъ лицомъ, такимъ застѣнчивымъ и невоеннымъ...

Вдругъ показалось, что не успѣетъ наверстать потерянныхъ понапрасну дней. Но вспомнила, что „завтра“—и только дрожали мелкой дрожью руки и холодило сердце отъ раскрывшихся, но невидимыхъ просторовъ.

Завтра скажетъ и мамѣ и отцу. И только двойнымъ ужасомъ сжималось сердце за Володю.

Но не знала еще, ни что сдѣлать ни что сказать. Подумала, не принесетъ ли утро счастливыя мысли, и стала медленно раздѣваться ко сну. И только тогда почувствовала, что гудятъ ноги, и страшною усталостью слипаются глаза. Неужели это только сегодня утромъ было, что она вставала и на пустой станціи поставила передъ образомъ тоненькую и липкую восковую свѣчку? И, вообще, неужели все это было, или только пригрезилось въ волнующемъ, мучительно сладостномъ снѣ?

Было чувство, что она прожила годы и сидѣла сейчасъ разбитая и постарѣвшая, но полная новыхъ силъ для неизвѣстнаго и единственно нужнаго.

Скрипнула дверь, и вошла мама.

— Ты что? Уже ложишься?

Она чего то не договаривала. Катя удивленно взглянула на нее.

— Да, мамочка. А что?

— Хочешь, я лягу съ тобой? Мнѣ-то вѣдь все равно, гдѣ лечь. Не спится.

Катя вспомнила темноту раствореннаго сарая и протянутыя изъ-подъ мѣшка ноги въ подбитыхъ кожею валенкахъ. Но отъ этого только чуть посвѣтлѣло въ груди.

— Нѣтъ, мамочка, я не боюсь.

— А то Марья ляжетъ.

— Я не боюсь, мамочка.

— Ну, смотри.

Она перекрестила Катю.

— Я знаю, что ты умница.

Присѣла на минутку на кровать.

— Ноги съ самаго утра подламываются... Съ самаго, какъ пришелъ Кукинъ съ этимъ письмомъ. Вступило въ ноги — шабашъ.

Она внимательно осмотрѣла Катю.

— Ну, я пойду. И въ кого вы только такія неиугливыя? А я боюсь. Будь онъ проклятъ, старый песъ, не тѣмъ будь, Господи, къ ночи помянуть. Что сдѣлалъ-то надъ собой, песъ, къ старости лѣтъ! Теперь домъ, гляди, отецъ хочетъ продавать, да и кто купитъ-то? Охотника развѣ найдешь?

Она заковыляла къ двери. И было и страшно и жалко ея, и больно. Страшнѣе и больнѣе всего, что не могла разсказать ей ни о боли своей душевной ни о радости новой и вѣчной.

XVIII.

Ночью разбудилъ скрипъ. Кто-то всталъ, притаившись, въ дверяхъ.

Приподнялась и позвала:

— Кто тамъ?

Но страха не было. Только поняла толчкомъ сердца, что это что-то неизбѣжное, такое, чего точно ждала. И потомъ уже сообразила:

— Володя...

Онъ отвѣтилъ, пошевелившись:

— Я. Ты тише.

И въ голосѣ его было странное.

Протянула къ нему руки и удивилась, какъ быстро соскочилъ сонъ. Отъ фонаря падалъ въ окно косой свѣтъ, и отраженный переплетъ окна рисовался во всю противоположную стѣну. Володя стоялъ въ дверяхъ въ одномъ бѣльѣ.

— Ты ничего не слышала?—сказалъ онъ.—Собака воетъ. Такъ бы и застрѣлилъ проклятую.

Балансируя на цыпочкахъ, онъ подошелъ. Она подвинулась на постели.

— Можно съ тобой посидѣть?

Въ пальцахъ у него тлѣла искорка горѣвшей папироски.

— На тебѣ платокъ. Покройся.

Она сорвала со спинки кровати теплую шаль. Онъ присѣлъ, поеживаясь, но шаль небрежно отстранилъ рукой.

— Муки совѣсти.

И засмѣялся долго, беззвучно, потомъ помолчалъ, глядя въ окно.

— Хотя кто просилъ? Кто, такъ сказать, уполномочивалъ?

Онъ пожалъ плечами. Въ голосѣ послышались сдержанныя ѣдкія слезы.

Согнувшись вдвое и вывернувъ локти, онъ старался превозмочь рыданіе. Но спина его затряслась, и онъ со злобой сказалъ:

— Ахъ, чортъ... Ненавижу я... Самопожертвованіе... Тоже... Очень нужно мнѣ ихъ самопожертвованіе.

Онъ шумно вздохнулъ и распрямился опять, какъ человѣкъ, который не находитъ себѣ мѣста.

— Пришла охота давиться,—и давись. Пожалуйста. Я никому не мѣшаю. Я прошу меня... меня...

Давясь слезами и взвизгивая, онъ заплакалъ. Потомъ такъ же внезапно перестал и повернулся къ ней.

— Понимаешь, я сошелъ съ ума.

Онъ конфузливо, сквозь слезы, усмѣхнулся. Катя тревожно взяла его за руку. Онъ не сопротивлялся. Рука была мягкая, безсильная.

— Понимаешь, сидѣлъ, потомъ раздѣлся... и вдругъ...

Онъ раскрылъ ротъ и опять часто задышалъ, не въ силахъ чего-то объяснить. Привскочивъ, она обняла его за плечи и только сейчасъ, въ первый разъ, замѣтила, какія они худыя. Онъ дрожалъ, и сердце явственно стучало подъ рубашкой.

— Страшно,—сказалъ онъ.

— Чего, Володенька?

— Всего.

И опять онъ усмѣхнулся жалобно и конфузливо. Вмѣсто утѣшенія она прижалась головой къ его плечу.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ другимъ голосомъ, тѣмъ самымъ, которымъ говорилъ съ отцомъ,—я уйду. Чортъ со мной. Если бы только прямо подъ пули. Не доѣду... съ площадки вагона выброшусь.

Онъ дрожалъ судорожными порывами, а Катя тѣснѣе и тѣснѣе обнимала его, грѣя дыханіемъ его плечи, и молча цѣловала стриженный затылокъ, сейчасъ безпомощный и все же упрямый. И ей казалось, что они сейчасъ одно существо, одинъ духъ. И тѣло его, шершавое и долго не мывшееся, тоже казалось ей самымъ лучшимъ и милымъ.

Отбивая челюстями дробь, онъ лепеталъ:

— Ты думаешь, я вѣрю? Просто нервы.

Онъ старался усмѣхнуться, но вмѣсто этого смотрѣлъ на нее испуганными, удивленными глазами.

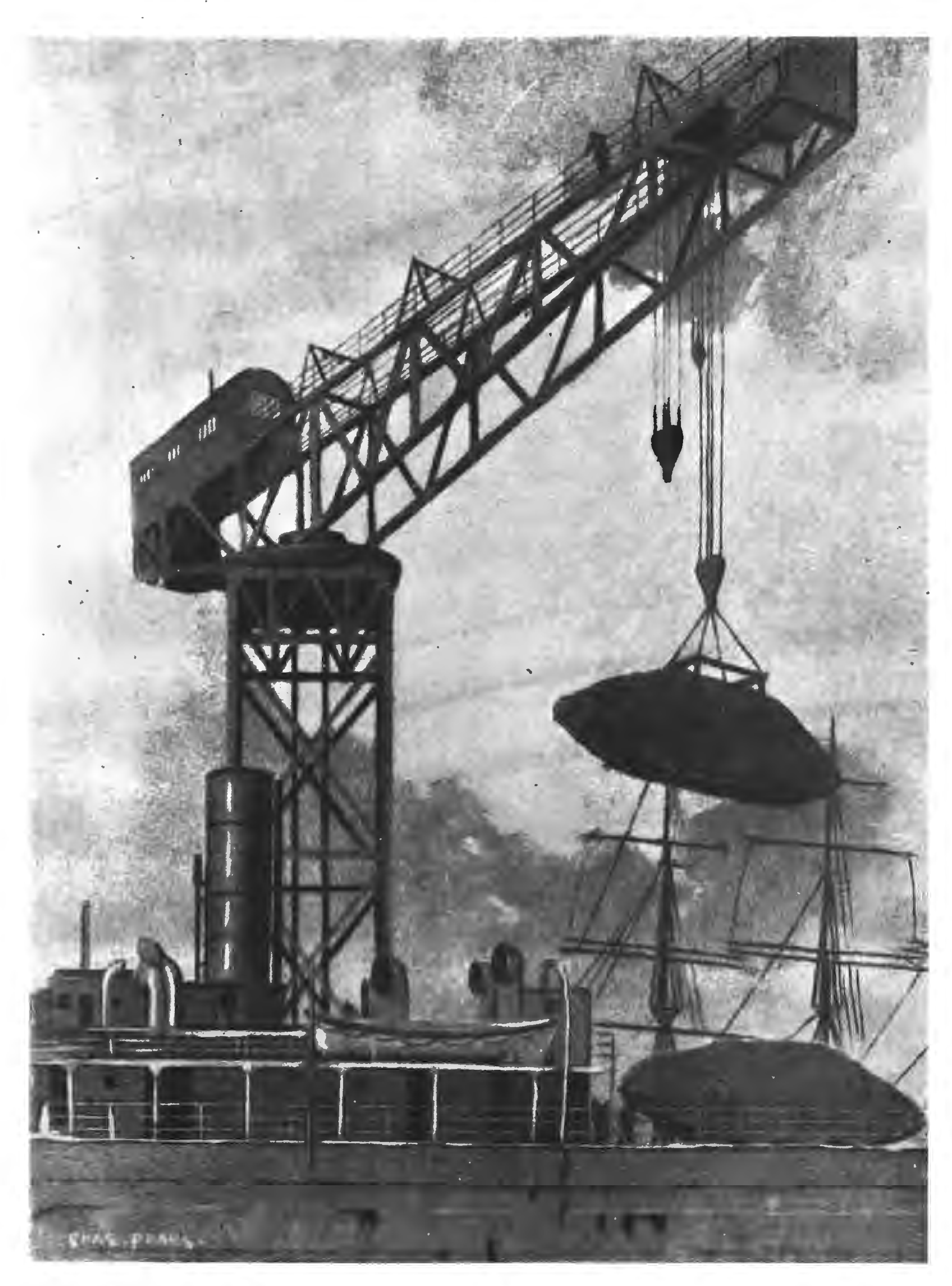
— Ты, пожалуйста, прости. Такъ глупо.

И глаза застилались внутренней страдальческой пленкой. Онъ началъ опять глухо выть, ляская зубами:

— Не хочу-у...

Потомъ проглатывалъ слезы и хотѣлъ ее въ чемъ-то убѣдить. Она отвѣтила ему:

Контрасты войны. На англо-турецкомъ фронтѣ. *Сокрушительные „танки" и мирныя пальмы. Англійскіе „сухопутные броненосцы" атакуютъ черезъ пески и скалы турецкія траншеи, защищенныя проволочными загражденіями и замаскированныя пальмами. Уничтожая все на своемъ пути, скашивая пальмы, какъ стебли, „танки" превращали все вокругъ въ безлюдную пустыню. Непріятельскія войска въ паникѣ бѣжали отъ этихъ чудовищъ.*



„Сухопутный броненосецъ“ въ воздухѣ. *Погрузка „танка“ на англійскій транспортъ для отправки на французскій фронтъ. Эту колоссальную по силѣ грузоподъема работу исполняетъ особо устроенный гигантскій кранъ „Hammerhead“ представляющій послѣднее слово англійской техники.* Рис. съ натуры *П. Робинсона.*

— Да, да, я понимаю тебя.
— Понимаешь? Благодарю. Ты меня прости, что я всегда...
— Молчи! — упрекнула она его, стискивая ему плечи.
И оба они, въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ, смотрѣли другъ другу въ глаза. Довѣряясь ей, онъ безсвязно исповѣдывался:
— Понимаешь, я не хочу, вообще, быть въ долгу. Ты понимаешь?—добивался онъ, и страхъ усиливался въ его глазахъ.
Она старалась не выпускать его рукъ изъ своихъ.
— Конечно, понимаю.
— Почему ты понимаешь? Ты говоришь неправду. Ты не можешь этого понять.
Онъ мучительно напрягался и вытягивалъ шею, точно ему хотѣлось выскочить изъ самого себя.
— Я просто не хочу. Пусть они идутъ всѣ къ ч-чорту! Вообще всѣ. Всѣ люди, весь, какъ говорится, міръ. Вселенная эта тамъ и многоуважаемое человѣчество. Мнѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Я знаю, ты этого не раздѣляешь...
Примиренно-иронически онъ усмѣхался. Она крѣпко сжимала ему руки, понимая, что онъ говоритъ объ одномъ и томъ же, но только другими словами.
— Убьютъ и квиты. Прости. Размякъ.
Онъ высвободился изъ ея рукъ
— Ну, чего тамъ?
Сжимая голову руками, онъ стискивалъ зубы такъ, что они скрипѣли.
— Скорѣе бы свѣтало... Ты не говори никому. Не скажешь?
— Давай, я одѣнусь, — вмѣсто отвѣта сказала она.
Чиркнула спичкой. Часы показывали половину шестого. Скоро будетъ свѣтать
— Я пойду.
Онъ нерѣшительно поднялся. Но она знала, что онъ уйдетъ. И отъ этого она будетъ въ мірѣ уже не одна. Было радостно и вмѣстѣ жутко, что она радуется тому, что Володя уйдетъ. Притаившійся домъ казался заранѣе опустѣвшимъ. Только на одно мгновеніе мелькнула мысль объ отцѣ и мамѣ. Но вѣдь все равно, не итти нельзя.
Володя медлилъ. При свѣтѣ фонаря, въ одномъ бѣльѣ, онъ казался тоненькимъ, почти мальчикомъ. Но плечи его были сгорблены, точно онъ впервые почувствовалъ на нихъ свалившуюся новую тяжесть.
— Дай на сапоги,—сказалъ онъ робко
Катя осторожно скрипнула ящикомъ комода. Пахнуло глицериновымъ мыломъ и запахомъ кипариса отъ шкатулочки съ Аѳона.
Она вынула завѣтные восемьдесятъ рублей и раздѣлила ихъ поровну.
Володя жадно взялъ протянутыя деньги.
— Спасибо.
Онъ помолчалъ, потому что было трудно выговорить.
— Ты прости. Ну, понимаешь?
Зажавъ деньги въ рукѣ, онъ взглянулъ на сестру, высоко, по обыкновенію, задравши голову.
— Сегодня вечеромъ я буду далеко... Я съ эшелономъ.
Онъ протянулъ руку для пожатія.
— Прощай.
Она не помнила, какъ почувствовала на своемъ лицѣ его соленыя вздрагивающія губы. Потомъ осторожный абрисъ его сгорбленныхъ плечъ у двери,—и все кончилось.
Они условились, что она не пойдетъ его провожать. Постепенно замерли послѣдніе шорохи. Скрипнула наружная дверь. Въ окнахъ замѣтно поголубѣло.
Но не хотѣлось спать. Казалось, что это въ окна льется не первый трепетный разсвѣтъ, а ея новая радость, которой она не отдастъ никому. И эту радость, не похожую ни на что раньше извѣстное, она можетъ почти ощупать руками. Прижавшись къ косяку окна, она долго смотрѣла на улицу. Потомъ, когда окончательно разсвѣло, отворила форточку. Со стороны площади потянуло медленнымъ грохотомъ колесъ. Сегодня былъ базарный день. Сколько разъ она слышала по утрамъ эти свѣжіе, точно омытые, утренніе звуки. Въ нихъ вплетались короткіе, озабоченные выкрики людей.
Катя прислушивалась къ нимъ, и въ промежутки, когда движеніе замолкало, ей слышались точно отдаленные звуки траурнаго марша. Это была иллюзія, а быть-можетъ, онъ остался незримо навсегда въ стѣнахъ, крышахъ и душахъ людей, какъ новая и неуловимая душа города. Постепенно, то тамъ, то сямъ возникая, въ невидимую мелодію вступали заунывные фабричные гудки.
Пробуждалась жизнь, изъ которой она уходила, жизнь безсмысленная, жестокая и еще ждущая своего искупленія...

Дубъ Тараса Григорьевича Шевченко. *М. Печаткинъ.*

Этотъ феноменальный экземпляръ растительнаго царства, связанный съ жизнью пѣвца Украйны Т. Г. Шевченко, находится въ имѣніи г. Харитоненко „Каченовка", Полтавской губ., ранѣе принадлежавшемъ г. Тарновскому, извѣстному собирателю гетманщины, основателю музея, пожертвованнаго имъ г. Чернигову. У этого почитателя талантовъ гащивали знаменитые артисты, художники, поэты, писатели... И вотъ, въ память Т. Г. Шевченко, любившаго сидѣть подъ сѣнью этого дуба, дубъ названъ именемъ поэта, и на цѣпи повѣшенъ бронзовый медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ Т. Г. Шевченко. Связанный такимъ образомъ съ біографіей поэта, этотъ дубъ поражаетъ своей мощностью: почти у корня стволъ дерева дѣлится на четыре какъ бы отдѣльныхъ дуба, имѣя у основанія въ діаметрѣ болѣе сажени. Художникъ М. В. Печаткинъ, посѣтивъ это мѣсто Украйны, увѣковѣчилъ этотъ дубъ въ своемъ этюдѣ, бывшемъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ въ 1917 г.

Пѣвецъ свободы и любви.

Очеркъ П. В. Быкова.

Это было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Стояло теплое, благодатное лѣто. День выдался ясный, тихій. Въ воздухѣ какъ будто вѣяло грустной торжественностью. Вдоль улицъ шумныхъ Парижа медленно двигались густыя толпы народа. Весь городъ былъ тутъ налицо. Сверкавшіе золотомъ мундиры воиновъ и ризы духовенства смѣшивались съ блузами рабочихъ, преобладавшихъ въ многотысячной толпѣ. Благоговѣйнымъ настроеніемъ осѣнялись лица блузниковъ. И можетъ-быть, ему мѣшала медленная пальба изъ орудій, порой заглушавшая протяжный звонъ колоколовъ. Но, очевидно, она вызывалась событіемъ чрезвычайной важности, благодаря которому само наполеоновское правительство, считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ и, разумѣется, преслѣдуя свои цѣли, встало во главѣ народной манифестаціи. Въ живомъ откликѣ на это событіе русскій поэтъ спрашивалъ:

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?
На площадяхъ и улицахъ солдаты,
Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять.
Кому спѣшатъ послѣдній долгъ отдать?
Чей это гробъ и катафалкъ богатый?

Кого же могла хоронить съ такой невиданной торжественностью и съ такимъ благоговѣніемъ прекрасная страна, многострадальная Франція, какъ не Беранже? За чьимъ гробомъ съ такой острой болью могъ итти весь народъ, какъ не за гробомъ своего пѣвца-учителя, который былъ душою пролетаріата, его другомъ, искреннимъ, честнымъ, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ? Народъ чувствовалъ послѣ родного ему пѣвца свое сиротство, ибо зналъ, что воспитался и нравственно и политически на его несравненныхъ пѣсняхъ, гдѣ пѣвецъ „несчастнымъ льстилъ, а съ сильными былъ смѣлъ". Народъ прекрасно чувствовалъ на себѣ вліяніе пѣвца-пролетарія, никогда въ жизни не гонявшагося ни за почестями, ни за славой, ни за богатствомъ, ни за какими жизненными благами, полнаго чарующей простоты и сознанія своего призванія.

У французскаго рабочаго, у французскаго пролетарія нѣтъ звѣринаго озлобленія противъ имущихъ, въ основѣ его характера лежитъ много добродушія, много душевности, беззавѣтной любви къ родинѣ, ему не чуждо сознаніе долга. При такихъ качествахъ онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что проповѣдывалъ въ своихъ пѣсняхъ Беранже. А родной его пѣвецъ радѣлъ о благѣ народа, любя его всѣмъ сердцемъ, отстаивая его права, основы свободы, равенства, братства, горячо проповѣдывалъ добро, уваженіе къ личности, терпимость, сладость труда и разумнаго наслажденія. Народъ французскій сочувствовалъ своему пѣвцу, понималъ его мысли, нерѣдко скрытыя подъ веселой шуткой, и чуткой душой оцѣнилъ его значеніе. Вотъ отчего онъ обожалъ Беранже при жизни и такъ искренно скорбѣлъ о своей невознаградимой потерѣ, провожая его прахъ, собравшись дружно такою массой.

Вѣсть о кончинѣ Беранже облетѣла всю столицу Франціи мгновенно. Въ тотъ памятный день, когда это горе—смерть народнаго пѣвца „нависла тяжелою тучей надъ столицей веселья и слезъ" и скромный мудрецъ нашелъ въ могилѣ вѣчное успокоеніе, надъ городомъ,—разсказываетъ Лоранъ Пиша̀, авторъ книги „Les poëtes de combat"—рѣяли таинственныя богини народнаго траура. Въ благоговѣйной тишинѣ неоглядныя скопища народа шли за гробомъ, который словно поднятъ былъ однимъ общимъ біеніемъ сердца. Блузы рабочихъ были украшены цвѣтами безсмертника, этимъ стариннымъ символомъ вѣчности: въ тотъ день онъ являлся выразителемъ всей силы и юности идеи. Обычно народъ придаетъ всему, что̀ онъ творитъ массой, свою мощную торжественность. Онъ заполняетъ душу могучими чувствами: онъ какъ будто и самому факту смерти передаетъ частицу своего лихорадочнаго бытія, и тихія, мѣрныя движенія народа подъ открытымъ небомъ съ большей торжественностью, чѣмъ какіе бы то ни было церемоніалы, свидѣтельствуютъ святую и вѣковѣчную истину, что, „гласъ народа—гласъ Божій". Погребеніе Беранже во Франціи являло собою новое всенародное откровеніе этой истины." Наполеоновское правительство устроило похороны народному поэту на государственный счетъ и придало имъ такой блескъ, столько торжества, точно это были похороны французскаго маршала. Глядя на нихъ, на офиціальную торжественность погребенія, народъ могъ сказать вмѣстѣ съ нашимъ русскимъ поэтомъ, блестящимъ переводчикомъ пѣсенъ Беранже:

Зачѣмъ пѣвцу напрасный опміамъ,
Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ —
Дымъ, дорогой тщеславнымъ богачамъ —
Зачѣмъ ему? Когда „Богъ добрыхъ" самъ,
Благословивъ младенца на соломѣ,
Не быть ничѣмъ поэту повелѣлъ?!..

То-есть ничѣмъ другимъ,—только творцомъ пѣсенъ. И въ этихъ пѣсняхъ, чуть ли не съ первыхъ шаговъ поэта на его скромномъ поприщѣ выразился его геній, проявились мудрость, на рѣдкость здравый смыслъ и кристальная чистота души, ревностно, со всей полнотой отдавшейся служенію отчизнѣ, служенію народу въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія. Изъ-за него, изъ-за пѣсенъ, простыхъ, близкихъ пониманію народныхъ массъ, пѣсенъ, на которыхъ, смѣло можно сказать, воспитывались эти массы, поддавались ихъ вліянію, Беранже претерпѣлъ много бѣдъ, непріятностей отъ сильныхъ міра. Но не таковъ былъ народный пѣвецъ, чтобы сойти со своего поприща, измѣнить себѣ, своимъ задачамъ, легшимъ въ основу всей его безукоризненно честной жизни, въ основу его таланта. Немного пѣсенъ успѣлъ еще сложить молодой Беранже, которому было тогда тридцать лѣтъ съ небольшимъ, а ужъ онѣ облетѣли всю страну. „Le sénateur", „Le petit homme gris", „Les Gueux, „Roi d'Yvetot" имѣли успѣхъ до того времени неслыханный. Знаменитый Ламартинъ,—довольно отрицательно относившійся къ тому роду поэзіи, который составилъ національную славу Беранже, сдѣлался національной гордостью во Франціи,—послѣ появленія этихъ пѣсенъ увѣровалъ въ талантъ творца ихъ.

Самъ Наполеонъ добродушно смѣялся, читая „Le roi d'Yveto" („Царь Додонъ" въ переводѣ Курочкина), восхищался этой пѣсенкой, представлявшей легкую сатиру на него же, самодержца, и отнесся къ пѣвцу несравненно добросовѣстнѣе, чѣмъ французскіе сенаторы того времени. Лоранъ Пиша̀, поэтъ и критикъ, свидѣтельствуетъ, что успѣхъ пѣсенъ Беранже окрылилъ геній поэта, способствовалъ быстрому росту его популярности. Припѣвы пѣсенъ поэта находили живой откликъ во французскомъ обществѣ, во всѣхъ сферахъ. Слава поэта была прочно заложена, но для полноты ея не хватало одного — преслѣдованій. И, разумѣется, они не замедлили обрушиться на его голову. Едва появился въ свѣтъ первый сборникъ пѣсенъ Беранже, служившаго тогда въ университетѣ, какъ начальство замѣтило поэту, что служба и писаніе пѣсенъ — вещи несовмѣстимыя; а когда вышелъ и второй сборникъ пѣсенъ, творцу ихъ предложили подать въ отставку. И независимо отъ этого судъ приговорилъ Беранже, за нѣкоторыя пѣсни того же сборника, касавшіяся непопулярныхъ Бурбоновъ, къ штрафу и къ трехмѣсячному тюремному заключенію. И этого было достаточно, чтобы слава народнаго пѣвца распространилась еще больше.

Пѣсни проникли въ народную среду, въ чердаки и подвалы, распѣвались на улицахъ, въ кабачкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдованія поэта наложили яркій отпечатокъ на его геніальный талантъ. Послѣ „эротико-вольтеріанскихъ мотивовъ", какъ назвали нѣкоторые критики рядъ пѣсенъ Беранже, стали появляться его политическія сатиры. Но не хлесткій бичъ виденъ въ нихъ, не озлобленіе, не желчь. Пѣвецъ и въ нихъ не измѣнилъ своей обычной изящной формы, которую геніальный пѣсенникъ довелъ до полнаго совершенства. Имя Беранже въ короткое время пріобрѣло такую популярность въ обществѣ, среди народа, что, когда послѣ выхода третьяго сборника его пѣсенъ, поэтъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа въ десять тысячъ франковъ, либеральная партія собрала въ одинъ день эту сумму и внесла за поэта, который всегда былъ бѣденъ, потому что у него не существовало даже намека на любостяжаніе. Онъ довольствовался очень малымъ. Деньги нужны были ему лишь на то, что̀ крайне необходимо, остальное онъ считалъ излишествомъ, прихотью. Справедливо было гдѣ-то сказано, что поэтъ сумѣлъ и среди богатства остаться пролетаріемъ во всѣхъ отношеніяхъ; и франка лишняго у него никогда не было, и душа его чуждалась всякихъ соблазновъ, сулившихъ обезпеченное состояніе, офиціальный почетъ, офиціальное признаніе его заслугъ.

Когда друзья настаивали, чтобы Беранже согласился баллотироваться во Французскую Академію, онъ энергично протестовалъ противъ этого и, между прочимъ, писалъ Лебрену: „Я знаю, вы скажете мнѣ то, что̀ уже не разъ говорили: узы, налагаемыя Академіей, не тяжелы, и вы приведете въ примѣръ Лафонтена. Что̀ вамъ отвѣтить на это? Лафонтенъ былъ дворяниномъ, а я только добрый гражданинъ. Бѣдность и опытъ научили мою скромную голову кое-какому разуму"... И далѣе поэтъ защищается своей нелюбовью къ толпѣ, тѣмъ, что для него невыносимо большое общество, и что, подобно Ларошфуко, онъ совершенно не умѣетъ говорить публично. И таковъ онъ былъ всегда. Поэтъ нѣсколько разъ упрямо отказывался отъ власти и богатства, которыя, что̀ называется, плыли ему навстрѣчу. Онъ бѣжалъ отъ политической дѣятельности, невзирая на упреки друзей, знавшихъ, какое сильное вліяніе имѣетъ онъ на народныя массы, бѣжалъ отъ „свѣтской каторги и давки", ненавидя какія-бы то ни было оковы, обожая свободу, и на уговоры войти въ свѣтъ, чтобы вліять своимъ талантомъ, своимъ обаяніемъ, громадной популярностью, говорилъ:

Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ...

Отъ чего Беранже не отказывался никогда, это—отъ своего призванія, отъ службы народу своей пѣсней, то пророческой, то нравоучительной, то философской, отъ которой родной ему народъ научился очень многому и въ которой вдохновенный простакъ-пѣвецъ воспѣлъ народъ, его бѣдствія, его подвиги и выразилъ горячо, искренно и ярко свою беззавѣтную любовь къ народному благу. И самъ заботясь объ этомъ благѣ, Беранже высоко цѣнилъ всякаго, кто работалъ во имя этого блага или только желалъ, обѣщалъ сдѣлать что-либо для народа, кто пріобрѣталъ любовь, симпатію народа. Поэта нельзя было причислить ни къ республиканцамъ, ни къ либераламъ, ни къ наполеоновцамъ. Онъ стоялъ выше всѣхъ партій, онъ стоялъ на высотѣ своей чистой, безкорыстной, поэтической любви къ народу. Въ этой любви, въ этомъ тяготѣніи къ простолюдину и кроется необычайная популярность поэта. Въ этомъ самомъ и отличіе его отъ тѣхъ легковѣсныхъ риомоплетовъ, которые слагаютъ, вызванные моментомъ или партійнымъ расчетомъ, стихи зажигательнаго характера. Проходитъ время, и такія произведенія бросаются и забываются, тогда какъ пѣсни Беранже читаются, выучиваются наизусть даже тѣми, которые безразлично относятся къ событіямъ, къ извѣстнымъ стремленіямъ, убѣжденіямъ, вызвавшимъ ту или другую изъ пѣсенъ поэта. И вотъ почему: каждый, сколько-нибудь здравомыслящій, порядочный человѣкъ, не можетъ не сойтись съ Беранже въ одномъ, красной нитью проходящемъ черезъ всѣ творенья поэта, мотивѣ — въ любви къ народному благу.

Безконечная любовь къ народу окрыляла его. Она руководила имъ во всѣ періоды его прекрасной жизни, во всѣхъ взглядахъ на политическія событія и знаменитыя личности. Ясно выразилъ онъ это въ одномъ изъ писемъ къ другу своему Ламартину, когда въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка говорилъ другому поэту, Шатобріану: „Не служи никому, кромѣ народа, этого благороднаго, полнаго великихъ дарованій народа". Онъ говорилъ въ своей пѣснѣ, умоляя Шатобріана не бѣжать изъ края ему родного и служить не тѣмъ, которые питаютъ замыслы коварные, гасятъ его славу:

Служи не имъ, служи тому народу,
Который честь воздать таланту радъ;
Вѣдь онъ тебя, сражаясь за свободу,
Несъ, какъ трофей, въ объятьяхъ съ баррикадъ.
Служи ему—вотъ жребій самый лучшій,
Народъ грустить о томъ, что ты исчезъ;
Страдаетъ онъ... Поэтъ съ душой могучей,
Вернись къ нему посланникомъ небесъ!

Беранже (1847 г.).

„Народъ—вотъ моя муза!"— восклицалъ вдохновенно поэтъ, и всѣ пѣсни его наполнены этимъ его любимцемъ, къ которому онъ питалъ высоко-гуманное чувство самой чистой и справедливой привязанности, чувство ко благу дѣйствительному, а не воображаемому.

Въ послѣднемъ сборникѣ пѣсенъ, изданномъ еще при жизни поэта, эротическія пѣсни уже почти совсѣмъ отсутствуютъ. Да и сатиры съ политическимъ оттѣнкомъ смѣняются стремленіями болѣе общаго характера, объятыми философіей, зачастую глубокой. Тутъ первое мѣсто отведено народу, его страданіямъ, бѣдствіямъ. Вотъ отчего съ появленіемъ этого сборника Беранже окончательно сталъ всенароднымъ поэтомъ, интереснымъ для гражданъ всего міра. Здѣсь его поэзія принимаетъ космополитическій отпечатокъ, понятный и родственный всѣмъ народностямъ. Здѣсь сильнѣе чувствуется поэтъ, какъ предтеча новаго міра, какъ пламенный проповѣдникъ свободы гражданской и въ области человѣческихъ отношеній,—свободы разрѣшающей узы условностей въ чувствахъ и во всемъ, что пахнетъ ложью, фальшью и тиранитъ душу человѣка. Предтеча новой жизни, Беранже дѣйствуетъ въ этомъ направленіи не бичомъ сатиры, не какъ разрушитель стараго, громящій его, а какъ прозорливый, полный нѣжныхъ чувствъ поэтъ-художникъ, рисующій намъ новое во всей его красотѣ и силѣ.

При этомъ поэтъ-народникъ разъяснялъ всегда и устно и письменно, что, предположивъ установленнымъ какой-либо правительственный или соціальный принципъ, онъ подразумѣвалъ въ умѣ потребность примѣненія такихъ принциповъ ко благу если не всего человѣчества, то возможно большаго числа людей. „Душою всего моего существованія было это благо, и, конечно, этимъ я обязанъ состоянію, въ которомъ я рожденъ и которому обязанъ своимъ практическимъ воспитаніемъ. И, разумѣется, не простому пѣсеннику надлежитъ рѣшать вопросы соціальныхъ реформъ. Тѣмъ не менѣе нашлось не мало смѣлыхъ, пылкихъ, просвѣщенныхъ людей среди молодежи, которые настолько уяснили эти вопросы, сдѣлали ихъ удобопонятными, что они стали доступными людямъ самыхъ простыхъ взглядовъ. И мнѣ было отрадно видѣть, что нѣкоторыя изъ моихъ пѣсенъ сумѣли доказать мою симпатію къ благороднымъ предпріятіямъ этихъ лицъ, проводившихъ въ народѣ мои идеи". Этими словами Беранже показываетъ, что свою поэзію онъ считалъ дѣломъ служенія на пользу народа. Это служеніе онъ понималъ такъ: „Любовь къ родинѣ,—поясняетъ поэтъ,—и любовь къ независимости—вотъ два главныхъ предмета моихъ пѣсенъ. И я пытался говорить о нихъ языкомъ понятнымъ народу. Вѣдь предметы эти не столь важныя особы, чтобы не смогли спуститься до народа. Напротивъ, съ той поры, какъ народъ—съ прошлаго вѣка—началъ сознательно принимать участіе въ политической жизни страны, его понятія стали возвышаться и облагораживаться. И нынѣ ему уже въ пѣснѣ недостаточно одного только вина, разгула, глупой, неразумной веселости. Это можетъ служить лишь рамкой, въ которую должна быть вставлена картина, озаренная какой-нибудь серьезной идеей. Насмѣхаясь только надъ мужьями-рогоносцами, надъ корыстными чиновниками, уже нельзя разсчитывать на полный успѣхъ и у простого рабочаго класса. Народъ требуетъ уже гораздо большаго. Вотъ почему и назначеніе народной пѣсни должно стоять выше и чище. И этого мало, чтобы пѣсня только нравилась простолюдину, она должна еще пробудить въ немъ участіе къ горестямъ и страданіямъ народа".

Такъ характеризуетъ Беранже содержаніе, направленіе, пріемы своей поэзіи. Въ пѣсняхъ своихъ онъ выяснилъ ея высокое и святое назначеніе. Это надо помнить этимъ легкомысленнымъ и мало свѣдущимъ людямъ, которые видятъ въ „Пѣсняхъ Беранже" одни гривуазные, развеселые мотивы, нѣчто угождающее низменнымъ вкусамъ, а не творчество, посвященное народу, черпавшее изъ него свое вдохновеніе, творчество, имѣющее историческое, политическое и соціальное значеніе. Да и фривольныхъ пѣсенъ у истиннаго народнаго поэта совсѣмъ немного. Поэтъ справедливо замѣчаетъ, что подобныя пѣсни не предназначались для руководства при воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ. „И притомъ, — чистосердечно говоритъ поэтъ, — такія пѣсни, результатъ безумныхъ порывовъ молодости, служили мнѣ прекраснымъ подспорьемъ для иныхъ пѣсенъ, гдѣ развивались болѣе серьезныя мысли, болѣе важныя идеи. Безъ легкой и суетной веселости и пѣсни серьезнаго содержанія не пошли бы такъ далеко, не очутились бы столь близко къ народу и даже не поднялись бы такъ высоко: пусть это не оскорбляетъ деликатность свѣтскихъ салоновъ". Необходимо прибавить къ этому напрасному оправданію поэта, что женщины и любовные мотивы его пѣсенъ, это—скорѣе очерки современныхъ поэту нравовъ, чѣмъ эротическія нарочитыя понолзновенія. Вспомнимъ, что при первыхъ его пѣсняхъ, на ряду съ „Вакханкой", „Слѣпой матерью", „Доброй дѣвицей", „Какъ яблочко румянъ" и проч., уже были такія, какъ „Король Иветò", „Академія и погребокъ", „Рожеръ-Бонтанъ", „Быть по сему", „Бѣдняки", гдѣ святошъ-лицемѣровъ можетъ смущать развѣ только одна форма...

Прекрасно зная народъ, служа пролетаріату, поэтъ гордился тѣмъ, что онъ самъ выходецъ изъ народа. Громогласно, въ пѣснѣ

онъ повѣствуетъ свое происхожденіе, когда онъ уже былъ на высотѣ своей славы:

Въ Парижѣ нищетой и роскошью богатомъ,
Жилъ нѣкогда портной, мой бѣдный старый дѣдъ;
У дѣда, въ тысячу семьсотъ восьмидесятомъ
Году, впервые я увидѣлъ бѣлый свѣтъ...

Взаимно и народъ гордился тѣмъ, что его поэтъ ему сродни. Русскому туристу, очутившемуся лѣтомъ 1857 года въ Парижѣ, пришлось присутствовать на величественныхъ похоронахъ всемірно-извѣстнаго пѣсенника. И вотъ что онъ разсказалъ. Его соотечественница, горничная какихъ-то баръ, улизнувшая изъ квартиры въ отсутствіе господъ, чтобы поглазѣть на невиданное зрѣлище, протискалась сквозь толпу и, подойдя къ какой-то благообразной старушкѣ, на французско-нижегородскомъ нарѣчіи спросила ее, „какого министра хоронятъ“. „Да не министра,— досадливо отвѣтила старушка, — а внука портного... твоего родственника!“ И послѣ недоумѣннаго вопроса горничной, прибавила: „Нашъ обожаемый поэтъ вѣдь происходилъ, понимаешь ли, любезная, не изъ знатнаго рода, а изъ тѣхъ, слышишь, отъ которыхъ происходишь и ты, откуда происхожу и я... изъ народа, изъ народа“. „И надо было видѣть, — добавилъ разсказчикъ-туристъ, — съ какой гордостью произносила эти слова старушка, какъ горѣли ея глаза, и какъ мгновенно выпрямился ея сгорбленный станъ“.

Уже старикомъ разсказавъ о своемъ происхожденіи всему міру въ пѣснѣ „Портной и волшебница“, поэтъ гораздо ранѣе, въ другой пѣснѣ оповѣщаетъ, что онъ простолюдинъ, и проситъ „героевъ ленточки цвѣтной“, готовыхъ пресмыкаться передъ каждой новой звѣздой, кадящихъ и льстящихъ власти, — оставить ему, поэту, его прозванье:

Въ моей частичкѣ de знакъ чванства,
Я знаю, видятъ,—вотъ бѣда!
„Такъ вы изъ древняго дворянства?“
Я?—нѣтъ, куда мнѣ, господа!
Я старыхъ грамотъ не имѣю,
Какъ каждый истый дворянинъ,
Лишь родину любить умѣю.
Простолюдинъ я: да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Беранже. Портретъ работы *Шарлэ* *(1834 г.)*.

Сколько интересныхъ типовъ,—цѣлую пеструю галлерею ихъ, — включилъ поэтъ въ свои незамысловатыя пѣсни, добродушныя и революціонно-сатирическія. Здѣсь и вельможи, и гастрономы-обжоры, и чванные маркизы, привилегированная знать, властолюбивая, выжимающая подати изъ народа, и свѣтоненавистники, и іезуиты, ханжи, лицемѣры. А на ряду жертвы эксплуатаціи сильныхъ міра, бѣднякъ съ разбитой скрипкой, браконьеръ, паяцъ, маркитантка, изгнанникъ, цвѣточница, могильщикъ, слѣпой нищій, старый капралъ, школьный учитель, старый бродяга, двое гренадеръ, узникъ, дѣти-самоубійцы, нищая — ослѣпшая актриса и проч. Съ какой беззавѣтной любовью и нѣжностью, но чуждой сентиментализма и миндальничанья, рисуетъ онъ намъ эти типы бѣдняковъ, обездоленныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ,—типы, живьемъ взятые изъ народной жизни. Часто въ маленькой пѣснѣ заключается цѣлая драма, цѣлая повѣсть, скорбная исторія, поэтическій очаровательный разсказъ. И все это согрѣто красотой правды, высокаго чувства любви къ сѣрому люду. Вотъ „Разбитая скрипка“. Былъ пиръ, и кто-то сказалъ надменно старому скрипачу: „Играй, старикъ!“ Тотъ отказался. Человѣкъ, оскорбившійся отказомъ, сломалъ скрипку деревенскаго музыканта. Разочарованный, онъ скорбитъ и, дѣлясь послѣднимъ кускомъ пирога со своимъ вѣрнымъ псомъ, говоритъ:

Какъ въ сказкахъ палочка простая,
Въ рукахъ у феи—мой смычокъ
Былъ силенъ, бѣдныхъ утѣшая
Вездѣ, гдѣ только могъ.
Носился смѣхъ, блистали взоры,
Когда по струнамъ онъ порхалъ —
И холодъ, подати, наборы
Бѣднякъ позабывалъ...

Или вотъ пѣсенка о нищей, бывшей красавицѣ-артисткѣ, „чей голосъ міръ весь волновалъ, чье имя прогремѣло въ цѣломъ свѣтѣ“. Она была добра и отдавала друзьямъ послѣднее. Но ее постигъ, во цвѣтѣ лѣтъ, нежданный недугъ: она лишилась внезапно голоса и зрѣнья, и вынуждена пойти съ сумой... Никто въ живомъ скелетѣ не узнавалъ красавицы.

Гудитъ метель. На паперти собора
Слѣпая жарко молится въ слезахъ,
Нѣтъ на устахъ ни жалобъ, ни укора—
Она предъ Богомъ кается въ грѣхахъ.
Зимой и лѣтомъ, въ вёдро и въ ненастье,
Она здѣсь молитъ хлѣба у людей...
О, братья, окажите ей участье
И Христа ради дайте милостыню ей!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій С. Я. Надсона книга 8-я и ежемѣс. иллюстрир. приложеніе ДЛЯ ДѢТЕЙ № 11.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 года.

Въ новыхъ, невиданныхъ условіяхъ вступаетъ „Нива“ въ канунъ своего полувѣкового существованія.

Политическій переворотъ, приведшій Россію къ новому строю, измѣнилъ всю тысячелѣтнюю жизнь страны. Народъ, самъ, однимъ свободнымъ порывомъ властно перевернувшій страницу своей исторіи, началъ строить новую жизнь въ грозу войны, истекая кровью въ борьбѣ съ врагомъ, вторгшимся въ родную землю. Изнемогая въ этой борьбѣ, обуреваемая разгорѣвшимися политическими страстями, страна дошла до полнаго развала и экономическаго обнищанія.

„Россіи грозитъ „гладъ и моръ“. Россія на краю пропасти,“— говорятъ практики жизни.

„Россія призвана показать міру новыя, невиданныя формы жизни, осуществить на землѣ идеалъ соціалистическаго равенства, стать страною высшаго народовластія“,—говорятъ политическіе теоретики.

Этотъ „споръ славянъ между собою“ ведется всюду: на фронтѣ, въ тылу и, особенно, въ глубокомъ тылу, „во глубинѣ Россіи“, гдѣ всколыхнулась „вѣковая тишина“.

Великая, единая Россія разбилась на лагери, раздѣлилась на партіи, народъ отмежевался отъ интеллигенціи; матери, сестры и дочери наши отошли отъ угашаемыхъ вихремъ очаговъ семьи и пошли въ ударные батальоны, на кровавыхъ поляхъ войны являя примѣръ мужества.

Измѣнились навыки жизни, преобразилось природное предназначеніе. Подвижницы столкнулись со „шкурниками“. Высшія цѣли жизни гаснутъ во тьмѣ вражды и недовѣрія. Нѣтъ указующаго праведнаго свѣта—свѣта разума, свѣта знанія, культуры.

Все закономѣрно въ жизни: перевороты предуказаны законами міровой гармоніи. Въ великую книгу исторіи занесенъ уже разъ такой же великій переворотъ. То, что переживаетъ Россія, пришлось вынести Франціи на зарѣ минувшаго вѣка.

Великая Французская Революція, въ исторіи которой одни ищутъ „уроковъ“ для будущаго, другіе—образца для копированія революціонныхъ событій,—это великое политическое движеніе можетъ и должно дать указующія основы для уясненія охватившаго насъ настоящаго и, главное, оберечь отъ всѣхъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыя стали теперь ясны при свѣтѣ исторіи въ трудахъ лучшихъ государственныхъ умовъ за истекшее столѣтіе.

Исторія Великой Французской Революціи—та великая книга, которую долженъ познать каждый сознательный русскій гражданинъ, желающій быть свободнымъ строителемъ новой культурной жизни родины.

Въ сознаніи этого „Нива“, неизмѣнно исполняя свои просвѣтительныя задачи, считаетъ своимъ долгомъ дать своимъ читателямъ на будущій 1918 годъ **„Исторію Великой Французской Революціи“**. Желая сдѣлать Исторію доступной всѣмъ классамъ населенія и представить эту великую эпоху въ объективномъ освѣщеніи, мы не признали возможнымъ ограничиться переводомъ на русскій языкъ какой-либо изъ многочисленныхъ Исторій Революціи, а задумали издать самостоятельный оригинальный, написанный спеціально для „Нивы“, трудъ и предложили его исполнить извѣстному русскому историку, спеціально изучившему „Исторію Западной Европы“,—**профессору Н. И. Карѣеву.**

Давая однимъ изъ приложеній къ „Нивѣ“ на будущій 1918 годъ „Исторію Великой Французской Революціи“, мы въ выборѣ всѣхъ остальныхъ приложеній строго послѣдовательно продолжали нашу культурную задачу—помогать народу, широкимъ массамъ, для которыхъ недоступны творенія великихъ нашихъ русскихъ и европейскихъ писателей, знакомиться съ ихъ произведеніями и черпать изъ нихъ примѣры и указанія истинной свободной, культурной жизни.

Десятки лѣтъ работаетъ „Нива“ для русской свободы, распространяя въ народѣ милліоны книгъ великихъ свѣтелей разумнаго, добраго, вѣчнаго. Онѣ подняли умственный уровень широкихъ массъ и постепенно приблизили зарю свободы.

Теперь, когда все у насъ свободно: жизнь, слово, мысль,— первое зиждительное слово принадлежитъ тѣмъ великимъ зодчимъ свободы, которыхъ не могъ пока услышать народъ изъ-за цензурнаго запрета.

Первый крупнѣйшій среди нихъ — апостолъ русской свободы:

ГЕРЦЕНЪ.

Имя это свято и дорого всѣмъ друзьямъ свободы, всѣмъ друзьямъ народа.

Олицетвореніе нашей народной совѣсти — Левъ Толстой незадолго до своей кончины призналъ несчастьемъ, что Герценъ остается сокрытымъ для Россіи.

И съ первыми лучами свободы „Нива“ сочла своимъ долгомъ, какъ логическое продолженіе своей общественно-просвѣтительной работы, дать своимъ читателямъ

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА

(первая серія), подъ редакціей **М. К. Лемке.**

Это будетъ первое полное, безъ всякихъ цензурныхъ сокращеній, изданіе сочиненій Герцена (Искандера).

Чрезъ „Ниву“ вернется на родину, въ широкіе слои народа этотъ великій эмигрантъ и принесетъ свои несмѣтныя духовныя сокровища родной странѣ, для которой до самой кончины оставался политическимъ изгнанникомъ.

До сихъ поръ прахъ Герцена покоится на чужбинѣ, и на чужой землѣ, на кладбищѣ въ Ниццѣ, стоитъ надъ могилой ему памятникъ.

Прежде чѣмъ перенесутъ его прахъ на родину, мы перенесемъ въ родное лоно все то нетлѣнное, все то безсмертное, что составляетъ лучшій памятникъ ему,—его великія сочиненія.

Высланный изъ столицы, а затѣмъ вынужденный покинуть Россію,—„смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества“, какъ аттестовало его тогдашнее правительство,—Герценъ всѣ свои выдающіеся труды создалъ въ Европѣ, гдѣ онъ былъ первымъ „депутатомъ Россіи“.

Въ основанныхъ имъ въ Лондонѣ журналахъ „Полярной Звѣздѣ“ (въ память первой „Полярной Звѣзды“ декабристовъ Рылѣева и Бестужева-Рюмина) и „Колоколѣ“ и въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ онъ одновременно служилъ Россіи, будя и призывая на родинѣ своимъ политическимъ набатомъ все, что только было въ ней живого и сознательнаго, и служилъ Европѣ, ознакомляя ее съ Россіей, которую до него европейская демократія считала варварской націей рабовъ.

Народный трибунъ, пылкій въ правдѣ и ошибкахъ, Герценъ, какъ политическій публицистъ, не имѣетъ себѣ у насъ равнаго. И не только въ Россіи: отецъ русской соціалъ-демократіи—Г. В. Плехановъ считаетъ, что въ будущей критической исторіи международной соціалистической мысли Герценъ явится однимъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ и блестящихъ представителей той переходной эпохи, когда соціализмъ стремился сдѣлаться „изъ утопіи наукой“.

Проницательная, скептическая мысль, сознаніе, ясное до предвидѣнія,—исключительная особенность Герцена: еще задолго до

битвы при Садовой онъ предсказалъ крушеніе европейскихъ надеждъ 1848 года. Его знаменитая фраза: „Теперь, графъ Бисмаркъ, ваше дѣло, пожалуйте!“ предсказала не только неизбѣжную войну Германіи съ Франціей, но и побѣду Германіи. Она знаменательна въ наши дни, когда событія такъ зловѣще грозятъ повториться. Пророческія слова Герцена были смертнымъ приговоромъ Второй Имперіи, которую свергъ съ трона прусскій народный учитель.

Герценъ не признаетъ ни тѣни предразсудковъ, ни капли самообольщенія: чисто-русскій умъ, не знающій предѣла своей скептической работѣ, онъ стоитъ на стражѣ противъ всякой иллюзіи, вдохновенно творя лишь при голосѣ совѣсти.

Какъ своевременень и великъ этимъ Герценъ въ наши смутные дни, сколько свѣта внесетъ онъ въ „тьму низкихъ истинъ“, которыми пронзаютъ душу народа.

Кто знаетъ,—будь слово Герцена свободнымъ, не закрѣпощеннымъ подъ семью печатями цензуры,—можетъ-быть, не переживала бы русская свобода тѣхъ тяжкихъ мукъ, которыя достались ей.

Свободному Герцену, впервые открываемому нынѣ всей Россіи, во всей полнотѣ, предстоитъ второй разъ пережить то властительство думъ народа, которое было создано ему одной лишь стороной его дѣятельности,—изданіемъ его „Колокола“ съ знаменитымъ отдѣломъ въ немъ „Подъ судъ!“

Чичеринъ, говоря о колоссальномъ успѣхѣ „Колокола“, писалъ Герцену: „Положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ... Вы — сила, вы — власть въ государствѣ“. Тургеневъ сообщаетъ яркій фактъ, подтверждающій вліятельное положеніе „Колокола“:—„актеровъ въ Москвѣ вздумали прижать, отнять у нихъ ихъ собственныя деньги... Ни у кого не могли они найти защиты, даже у министра. Тогда старикъ Щепкинъ пригрозилъ, что пожалуется „Колоколу“. И деньги были актерамъ возвращены. „Вотъ, братъ, какія штуки выкидываетъ твой „Колоколъ“,—пишетъ въ заключеніе Герцену Тургеневъ.

Благовѣстъ „Колокола“ раздался еще до зари крестьянскаго раскрѣпощенія, но, будя Россію, этотъ революціонеръ въ душѣ понималъ трагическую неторопливость исторіи, его перо не опережало рѣзца исторіи на скрижаляхъ судебъ народовъ.

По выраженію одного изъ критиковъ, Герценъ былъ „революціоннѣе революціи“, отвергалъ букву, плоть революціи и окрыленъ былъ ея духомъ, дышалъ ея сущностью.

Герценъ ищетъ путей свободы въ разумѣ и не вѣритъ въ насиліе: „Великіе перевороты, — говоритъ онъ, — не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей“.

Мы, русскіе люди, взыскующіе свободы, дѣлимся сейчасъ на рѣзкія партіи, и часто тщетны призывы тѣхъ, кто не видитъ спасенья внѣ единства. Но Герценъ,—это имя насъ соединяетъ.

„Онъ—нашъ“,—скажутъ съ полной искренностью соціалисты-народники всѣхъ оттѣнковъ, чтя въ Герценѣ источникъ народничества, обоснованія земельныхъ стремленій, культа общины, русскаго соціалистическаго мессіанизма.

Роднымъ по духу признаютъ Герцена и соціалъ-демократы за его страстное сочувствіе рабочему классу.

Близкимъ считаетъ Герцена и партія народной свободы... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея борцовъ—Ф. И. Родичевъ говоритъ, что партія его „признаетъ методъ Герцена своимъ методомъ, указанные имъ пути свободы въ разумѣ своимъ путемъ“.

„Да здравствуетъ разумъ!“—эти слова Пушкина поставилъ Герценъ на первой страницѣ своей „Полярной Звѣзды“.

Разумомъ убѣждаетъ Герценъ, стилемъ увлекаетъ.

Стиль Герцена — единственный въ нашей литературѣ. Такъ не писалъ никто ни до него ни послѣ него.

Особенность его—сжатость, сжатость Тацита. Рядъ мыслей—въ одномъ словѣ; въ одномъ эпитетѣ—намекъ на цѣлую доктрину.

На ряду съ этимъ Герценъ увлекаетъ чарующимъ потокомъ самоцвѣтныхъ словъ, неистощимой игрой остроумія. Его остроуміе имѣетъ самодовлѣющее значеніе. Отъ ракетъ его каламбуровъ содрогалась реальная русская тьма.

Иронистъ въ душѣ, Герценъ былъ и сентиментальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—умиленно-трогательнымъ.

Тонко уловилъ это „совмѣстительство“ Герцена критикъ Айхенвальдъ, сказавшій, что Герценъ любитъ все любящее, понимаетъ всѣ возрасты, женскую скорбь, таинство смертнаго одра, болѣзнь дѣтей, трудъ жизни, нѣжную красоту семейственности; романтикъ дружбы, поэтъ кузины, онъ бережно касается деликатныхъ струнъ, ему не далека ничья затаенная боль, онъ неравнодушно входитъ въ другія души, роднитъ съ тѣми, о комъ разсказываетъ, и въ свои мемуары, какъ живыя нити, вплелъ онъ многія чужія жизни, въ памяти потомства навѣки соединивъ ихъ съ самимъ собою...

У Герцена былъ трагически-красивый жизненный путь. Его біографія во всѣхъ подробностяхъ неразрывна съ исторіей русскаго общества, русской мысли и литературы. Онъ пережилъ столько исключительныхъ впечатлѣній и сумѣлъ ихъ такъ виртуозно воплотить въ яркіе образы, сочетавъ личное съ общимъ въ одну эпопею, что заинтересовалъ своимъ чужихъ, и эти его вдохновенныя художественныя страницы входятъ не только въ исторію русскаго романа, но и въ исторію Россіи, ея общественныхъ движеній.

Бѣлинскій, говоря о беллетристическихъ созданіяхъ Герцена, восторгается его умомъ, „осердеченнымъ“ гуманистическимъ направленіемъ и его оригинальностью: „у тебя все оригинально, все свое, даже недостатки, но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства“, и онъ предсказываетъ ему „большое имя въ литературѣ“.

Любя кроткихъ и беззащитныхъ, Герценъ еще больше любилъ человѣческій героизмъ, преклонялся предъ нимъ.

Другъ и товарищъ дѣтства Герцена—Огаревъ упрекалъ его въ „эпикуреизмѣ горести“, въ томъ, что онъ красиво страдалъ, придавая своимъ печалямъ психологическую изысканность. Но объясняется это его происхожденіемъ и его постояннымъ пребываніемъ въ исключительно культурной средѣ на Западѣ.

Этотъ „европеецъ до Европы и больше Европы“, бездомный скиталецъ и подневольный эмигрантъ, всю жизнь тянулся душой къ Россіи. Все написанное имъ пропитано внутренней, стихійной страстной любовью къ родинѣ. Подъ Парижемъ, въ Монморанси ему вспоминаются подмосковныя рощи. Въ предсмертной агоніи онъ бредитъ возвращеніемъ въ Россію. „Господствующей осью“, вокругъ которой вращалась его жизнь, было, по его же словамъ, „отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему... и желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбѣ“.

Это желаніе теперь исполнится. Весь онъ, въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, посмертно будетъ участвовать въ судьбахъ Россіи, на зарѣ ея Новой Исторіи.

выхъ, кому русская революція воздала должное, и Академія Наукъ украсила списокъ своихъ почетныхъ академиковъ именемъ знаменитаго писателя, завоевавшаго себѣ не только россійскую, но и міровую извѣстность.

Давъ уже въ прошломъ году характеристику могучаго таланта и указавъ первостепенное значеніе М. Горькаго въ ряду нашихъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей, мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ того, что въ наступающемъ году мы включимъ во вторую серію его художественныхъ произведеній:

Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.—Двадцать шесть и одна.—Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ.—Мѣщане.—На днѣ.—Дачники.—Дѣти солнца.—Варвары.—Враги.—Человѣкъ.—Тюрьма.—Букоемовъ Карпъ Ивановичъ.—Разсказъ Филиппа Васильевича.—Исповѣдь.—Жизнь ненужнаго человѣка.—Городокъ Окуровъ.—Матвѣй Кожемякинъ.—Лѣто.—Мать.

Если Горькій—современнѣйшій изъ современныхъ писателей по своимъ героямъ, по изображаемой имъ средѣ, являющейся той огромной Россіей, которая открылась теперь сама себѣ и изумленному міру, если Горькій—пѣвецъ народа, его буйныхъ низовъ, его степной вольницы, то прямой его противоположностью по основной нотѣ писательства является Короленко, крупнѣйшій представитель русской интеллигенціи, полный жгучаго, святого безпокойства жизни.

„Нива" дала широкимъ читающимъ массамъ возможность познать Короленко и оцѣнить его творческій талантъ. Это было въ 1914 году, наканунѣ тяжкой войны. Давъ „Полное собраніе сочиненій" В. Г. Короленко, мы были тогда лишены возможности помѣстить въ немъ рядъ произведеній, находившихся подъ запретомъ военной цензуры. Теперь, когда рушились эти путы, мы спѣшимъ дать подписчикамъ „Нивы" на 1918 годъ въ дополненіе къ Полному Собранію Сочиненій эти

III. ЗАПРЕЩЕННЫЯ ЦЕНЗУРОЙ СОЧИНЕНІЯ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Въ вѣнецъ безсмертія писателя, какимъ является полное собраніе сочиненій, эти „запрещенныя" сочиненія В. Г. Короленко вплетутъ новые лавры.

Особенность этихъ сочиненій въ томъ, что ихъ запретила военная цензура, возглавлявшая въ 1914 году обычную гражданскую цензуру. Дѣйствительно заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ основанія къ тому: **„Черты военнаго правосудія"** и **„Еще къ Чертамъ военнаго правосудія"**.

Это — художественные, до жути яркіе очерки „работы" военныхъ судовъ, съ легкостью и безпечнымъ формализмомъ составлявшихъ обвинительные акты и предававшихъ „политическихъ" военному суду.

Эти судилища отошли въ безвозвратное, дастъ Богъ, прошлое, не всѣ мы помнимъ тѣ страшные первые годы новаго вѣка, усѣявшіе глаголями висѣлицъ крѣпостные и тюремные застѣнки. Это нужно помнить и не слѣдуетъ забывать, особенно сейчасъ, въ хаосѣ кровавой злобы. Въ тѣ страшные дни, длившіеся годы, отодвинувшіе Россію на цѣлыя столѣтія, въ Средніе Вѣка, сѣсть въ военномъ судѣ на скамью подсудимыхъ было уже почти вѣрнымъ осужденіемъ. По установленной В. Г. Короленко кровавой статистикѣ, число невинныхъ, приговариваемыхъ къ смертной казни, было не менѣе одной пятой числа осужденныхъ, а иногда поднималось до четверти и даже трети. Въ переводѣ на языкъ жизни это 200-300 на тысячу. Страшныя цифры: каждая единица изъ нихъ—человѣческая жизнь, а за ней—страданья отцовъ, горе матерей, гибель цѣлыхъ семей.

„Бытовое явленіе", которому Короленко придалъ скромное названіе: „Замѣтки публициста о смертной казни", — сильная, бьющая по уму и воображенію картина большого мастера, показавшаго, какъ живутъ „смертники", какъ проводятъ эти приговоренные къ казни оставшіеся короткіе дни передъ смертью.

„Будни смертниковъ", „Иллюзіи и самоубійства", „Послѣднія свиданія", „Письма смертниковъ"—таковы яркія главы этой страшной поэмы кровавой прозы.

„Бытовое явленіе" потрясло весь культурный міръ своей правдивостью. Въ немъ нѣтъ лишняго слова, паѳоса, возмущенія, — это собраніе человѣческихъ документовъ — дневниковъ „смертниковъ", непосредственныхъ ихъ разсказовъ, предсмертныхъ писемъ заключенныхъ, ждавшихъ конфирмаціи приговора, но все это въ рукахъ такого большого мастера художественнаго слова, какъ Короленко, пріобрѣло силу, властность призыва къ человѣчности, братству, уваженію къ врагу.

Въ прямой жизненной связи съ этимъ выдающимся трудомъ въ области міроваго гуманизма находятся и остальныя произведенія Короленко, перечеркнутыя красными чернилами цензуры: **„Дѣло Глускера"**, **„О свободѣ печати"** (послѣ 17-го октября), **„Судебная рѣчь В. Г. Короленко"** и др.

Статья „О свободѣ печати" имѣетъ сейчасъ животрепещущій интересъ, и если бы ея не написалъ нашъ маститый писатель тогда, то онъ написалъ бы ее теперь, когда съ такимъ трудомъ прокладываетъ себѣ путь въ русской жизни эта наиболѣе уязвимая изъ пяти свободъ.

Въ дополнительныя книги сочиненій В. Г. Короленко мы включимъ и **новѣйшія его произведенія, написанныя съ 1914 года.**

Рѣшивъ дать нашимъ подписчикамъ на 1918 г. сочиненія трехъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей—Герцена, Горькаго, Короленко,—мы остановили свой выборъ для библіотеки иностранныхъ писателей-классиковъ на великомъ пѣвцѣ свободы — **Беранже.**

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ

БЕРАНЖЕ.

Беранже знаютъ всѣ, весь міръ. Это одно изъ популярнѣйшихъ писательскихъ именъ, но знаютъ лишь нѣсколько его стихотвореній и пѣсенъ, начиная съ знакомаго намъ еще со школьной скамьи стихотворенія „Урокъ":

Знанье—вольность, знанье—свѣтъ;
Рабство безъ него!
Дружно, дѣти! Всѣ за разъ!
Буки-азъ, буки-азъ!
Счастье—въ грамотѣ для васъ...

кончая „Старымъ капраломъ":

Въ ногу, ребята, идите,
Полно! Не вѣшать ружья!

Величавая фигура Беранже, какъ поэта-демократа, какъ политика и гражданина, какъ одного изъ творцовъ іюльской революціи во Франціи, какъ автора цѣлаго ряда сборниковъ патріотическихъ и сатирическихъ стихотвореній и пѣсенъ, подымавшихъ духъ Франціи, выразителя мыслей и чувствъ своего народа, его печалей, надеждъ, радостей, его подчасъ незлобиваго, подчасъ саркастическаго юмора,—эта фигура крупнѣйшаго лирика французской романтической школы еще мало извѣстна у насъ, въ новомъ „свободномъ" поколѣніи, для котораго отзвучали уже первые всплески народныхъ ликованій во Франціи, свидѣтелями которыхъ были наши отцы и дѣды.

Пѣсни Беранже—настольная книга каждаго свободнаго гражданина, и пусть отнынѣ войдутъ онѣ съ „Нивой" въ каждую рус-

скую семью, во всѣ широкіе читающіе круги, которые обслуживаетъ „Нива“, которые призваны творить новую народную жизнь.

Не даромъ стихотворенія Беранже называются *пѣснями:* Беранже придалъ пѣснѣ особое значеніе, какъ наиболѣе распространенному поэтическому творенію, и поднялъ ее на такую высоту, какой не зналъ до него ни одинъ народъ, ни одна литература.

Благодаря Беранже поэзія перестала быть привилегированнымъ достояніемъ богатыхъ и знатныхъ: онъ ввелъ ее чрезъ свои „Пѣсни“ въ кругъ народа, приблизилъ къ сердцу тѣхъ „маленькихъ людей“, которые создали великую свободу.

„Народъ—моя муза“,—говоритъ Беранже. „Все мое счастье, чтобы утѣшить народъ, о которомъ наши поэты слишкомъ часто забывали:

... славы и надеждъ святыя грезы
Я пѣлъ, чтобъ утѣшать родной нашъ край“.

Пѣсни Беранже—эхо народнаго голоса, въ нихъ слышится и ужасъ борьбы, и восторги побѣды, и жгучее, клеймящее порицаніе притѣснителей свободы.

Свободу пѣлъ онъ и въ восторженныхъ гимнахъ и въ ѣдкихъ сатирическихъ стихахъ:

Ея дары едва ли
Намъ пользу принесли:
Мы скипетръ потеряли
И палку обрѣли...

Такъ саркастически обращался къ „свободѣ“ Беранже изъ тюрьмы Sainte Pélagie въ Парижѣ, куда онъ былъ посаженъ правительствомъ за сборникъ своихъ пѣсенъ свободы. Выходъ въ свѣтъ каждаго сборника пѣсенъ свободы Беранже искупалъ лишеніемъ свободы — заключеніемъ въ тюрьму и крупнымъ штрафомъ. За 4-й сборникъ „Chansons“ онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 10.000 франковъ. Сумму эту быстро собрали для него друзья и почитатели.

Но чѣмъ большимъ преслѣдованіямъ и карамъ подвергали Беранже и его „Пѣсни“, тѣмъ сильнѣе росла къ нему любовь народа.

Пѣсни Беранже были въ глазахъ народа орудіемъ политической борьбы; его то ироническіе, то бравурные припѣвы, заканчивавшіе куплеты, красовались девизами на знаменахъ народныхъ партій. Его пѣсни народъ зналъ наизусть, ихъ печатали на летучихъ листкахъ, безъ указанія автора, и продавали и раздавали изъ-подъ полы. Эти листки залетали далеко за предѣлы Франціи.

Извѣстность и популярность Беранже, какъ „отца революціи“, доставила ему два почетнѣйшихъ для свободнаго гражданина и писателя предложенія: въ депутаты отъ департамента Сены и въ члены академіи—въ безсмертные. Но отъ всего этого онъ отказался и, какъ вѣрный сынъ и пѣвецъ народа, ушелъ на лоно природы, на покой, ограничившись скромной рентой въ 800 франковъ въ годъ, которую обязался ему выплачивать пожизненно издатель собранія его Пѣсенъ.

Беранже привлекаетъ къ себѣ душу народа не только своими яркими пѣснями на „гражданскіе мотивы“, но и другими лирическими стихотвореніями, къ которымъ болѣе примѣнимо названіе: „пѣсенки“, и трудно рѣшить, въ чемъ Беранже выше: какъ пѣвецъ свободы, или какъ пѣвецъ любви, радости жизни, какъ авторъ великихъ народныхъ пѣсенъ, которыя распѣваютъ въ каждомъ селеніи, забывъ даже имя автора, растворившагося въ широкомъ понятіи народнаго эпоса.

Пусть пѣсни Беранже тѣсно связаны съ исторіей Франціи, съ ея бытомъ и особенностями народнаго характера,—главная ихъ сила и значеніе въ ихъ универсальности, въ томъ, что онѣ близки и понятны каждому. Всякій найдетъ въ немъ свое, родное.

Пѣсни Беранже переведены на всѣ языки и живы и свѣжи сегодня такъ же, какъ и при его жизни, потому что пѣснь любви и свободы не умираетъ, какъ безсмертна сама любовь, какъ вѣчна идея свободы.

Пятымъ приложеніемъ къ „Нивѣ“ на 1918 годъ будетъ, какъ мы сказали выше,

V. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

Профессора **Н. И. КАРѢЕВА,** съ иллюстраціями и портретами.

Таково литературное содержаніе книгъ „Сборника Нивы“, которыя, чередуясь, составятъ съ иллюстрированными нумерами журнала богатый и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Иллюстрированные нумера будутъ попрежнему отражать нашу родную и міровую жизнь во всѣхъ ея преломленіяхъ и попрежнему сосредоточивать свое вниманіе на томъ, куда направлено вниманіе всего народа, гдѣ вершаются жизненные интересы страны, какъ государственнаго цѣлаго.

Единственный въ Россіи по распространенности, старѣйшій изъ существующихъ иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, приближаясь къ 50-лѣтію своего существованія, „Нива“ приступаетъ къ осуществленію своей просвѣтительной задачи въ небывало трудныхъ условіяхъ не только политическихъ, но и матеріальныхъ: печатаніе періодическихъ изданій дорожаетъ съ каждымъ днемъ, и если непомѣрная дороговизна отразилась на всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, то въ печатномъ дѣлѣ и графическомъ искусствѣ повышеніе стоимости производства достигло совершенно необычайныхъ размѣровъ.

Печатный кризисъ пріостановилъ появленіе въ свѣтъ новыхъ книгъ. Народъ постепенно лишается свѣта. За отсутствіемъ притока новыхъ книгъ страшно возросъ спросъ на старыя книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ возросли цѣны на нихъ. Довольно сказать, что за Сборники „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, которые содержатъ полныя собранія сочиненій нашихъ писателей-классиковъ, платятъ удесятеренныя цѣны; напримѣръ, сочиненія Тургенева, Достоевскаго и др. (приложенія „Нивы“) стоятъ у букинистовъ по **100** рублей.

Продолжая попрежнему давать своимъ подписчикамъ ежегодно десятки книгъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, „Нива“ по самому характеру изданія, расходящагося по подпискѣ, не можетъ безубыточно для себя перекладывать все растущую дороговизну „себѣстоимости“ на читателя путемъ постепеннаго увеличенія стоимости отдѣльныхъ нумеровъ. Всѣ мы знаемъ, что даже розничная цѣна газетъ повысилась въ 5—10 разъ, нумера еженедѣльныхъ журналовъ возросли въ цѣнѣ до рубля, а ежемѣсячныхъ до 5 рублей за книжку. „Нива“ же, сверхъ стоимости книгъ Собраній Сочиненій писателей-классиковъ и нумеровъ иллюстрированнаго журнала, за одно авторское право уплатила сотни тысячъ рублей. Какова же должна быть подписная цѣна на „Ниву“ при этихъ условіяхъ?

Мы вынуждены назначить повышенную подписную цѣну на будущій годъ—36 рублей съ пересылкой, надѣясь на то, что нашъ читатель, комплектующійся главнымъ образомъ изъ трудовой среды, пойметъ необходимость повышенія подписной цѣны и справедливо оцѣнитъ ея умѣренность.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 2.

№ 51-52. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА** и **СЕРВАНТЕСА** и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія **ДЛЯ ДѢТЕЙ.**

Выданъ 23 декабря 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**14** р., на ½ года—**7** р., на ¼ года—**3** р. **50** к. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

О Пѣтухѣ и о его дѣтяхъ.

Геральдическій казусъ.

Н. С. Лѣскова.

(Посмертный очеркъ, впервые появляющійся въ печати*).

Бригадиръ Александръ Петровичъ былъ не великой природы корпуса, но пузастъ, всегда заботился, чтобы имѣть хорошихъ для изготовленія столовъ кухарей и для того каждые три года отдавалъ въ Москву въ клубъ двухъ парней для обученія поварскому мастерству и разнымъ кондитерскимъ пріемамъ разныхъ украшеній. Черезъ такое хозяйское предусмотрѣніе у бригадира никогда въ поварахъ недостатка не было, а, напротивъ, было изобиліе, и всѣ знатные господа къ его столамъ охотились. Но онъ, безъ перестачи своему правилу слѣдуя, въ одно время отослалъ въ Москву еще двухъ хлопцевъ, изъ коихъ одинъ, будучи на видъ самаго свѣжаго и здороваго лица, не перенесъ у плиты огненнаго пыла и истекъ теченіемъ черезъ носъ крови, а другой, Петруша—собою хотя видомъ слабый и пакостоватый, все трудное ученіе отмѣнно вынесъ: и вышелъ поваръ столь искусный, что въ клубѣ лучшіе гости и самъ графъ Гурьевъ ни за что его отпустить не позволяли и велѣли давать за него бригадиру на ихъ счетъ очень большой выкупъ. Бригадиръ же, самъ тѣхъ радостей ожидая, и слушать не хотѣлъ о выкупѣ Петра, но, не дождавъ ни раза

*) На рукописи, имѣющей еще заголовокъ: „Замѣтки Неизвѣстнаго", написано рукою автора: „Остались не напечатанными въ „Газетѣ Гатцука" по настоянію Өеоктистова, угрожавшаго закрытіемъ изданія". Өеоктистовъ былъ въ 90-хъ годахъ начальникомъ цензурнаго вѣдомства, и только нынѣ явилась возможность у насъ, обладающихъ правомъ собственности на все литературное наслѣдіе Н. С. Лѣскова, напечатать этотъ очеркъ вслѣдъ за „Заячьимъ Ремизомъ". (См. №№ 37—40 „Нивы").

День Рождества. Въ монастырѣ. *Н. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

покушать его приготовленія кушаньевъ, неожиданно померъ, а вдова его бригадирша, Марья Моревна, любила держать посты и, соблюдая всѣ субботы и новомѣсячія, ѣла просто, и, оставшись опекуншею дѣтей своихъ—сына Луки Александровича и дочерей Анны и Клеопатры—тонкихъ вкусовъ не имѣла, а попрежнему въ посты ѣла тюрьку, а въ мясоядные дни что-нибудь въ національномъ родѣ, чтобы жирно, сладко и побольше съ пѣночками утоплено. А потому она даже и всѣхъ бывшихъ поваровъ пустила по оброку и Петрушу въ клубѣ оставила, побирая съ него въ годъ по семисотъ рублей на ассигнаціи. Петруша же самъ получалъ на ассигнаціи больше, какъ двѣ тысячи, и уже давно назывался не Петруша, а Петръ Михайловичъ, и столь сдѣлался въ независимости своей увѣренъ, что женился на племянницѣ старшаго повара-француза, которая въ него по женскому своему легкомыслію влюбилась, а въ законахъ имперіи Россійской была несвѣдуща и не постигала, что черезъ такой бракъ съ человѣкомъ русскаго невольнаго положенія она сама лишалась свободы, и дѣти ея дѣлались крѣпостными

Бригадирша же Марья Моревна, прослыша о томъ, что Петруша безъ вѣдома ея обвѣнчался на французской подданной, по началу хотѣла поступить съ нимъ грубо, но, имѣя обычай о всемъ совѣтовать съ своимъ духовнымъ отцомъ, разсудила иначе,—что отъ этого ей и дѣтямъ никакого убытку нѣтъ, и наложила только на Петра оброкъ противъ прежняго вдвое, такъ какъ, по разсужденію священника, Петръ, породнясь съ первымъ французомъ-поваромъ, могъ самъ теперь просить о прибавкѣ жалованья и статьи доходовъ. Требованіе это Петръ Терентьевъ, черезъ многіе годы, исполнялъ, и оно его не изнуряло, а напротивъ того, онъ еще себѣ не мало добра нажилъ и, когда у него родилась дочь отъ француженки, то водилъ ее, какъ барышню, въ коротенькихъ платьицахъ, въ полсапожкахъ и штанцахъ съ кружевами, и училъ ее грамотѣ и манерамъ у иностранной мадамы въ пансіонѣ. Такъ онъ былъ увѣренъ, что получитъ выкупомъ вольность, и отъ всѣхъ женинныхъ родныхъ и знакомыхъ тщатливо крылъ свое крѣпостное сословіе, оброкъ аккуратно высылалъ и паспорты получалъ самъ съ почты. По поелику нѣсть ничто тайно, еже не объявится, то пришла къ нему въ Москву сестра его, смазливая дѣвка, бѣжавшая отъ взысканій управителя, который будто бы доискивался ея и для того ее притѣснялъ. Родственный голосъ крови возопилъ въ Петрѣ и побудилъ его на иное безразсудство: ту сестру у себя скрыть, хотя съ сильнымъ наказомъ, чтобы она о бѣдѣ своей, отъ которой бѣжала, никому бы не открывала и черезъ то ихъ крѣпостного званія не обнаружила. Однако, по возникшему о ней подозрѣнію, что ей некуда иначе бѣжать, какъ въ Москву къ брату, она тамъ была открыта и взята по пересылкѣ къ наказанію при вратахъ полиціи и къ водворенію въ имѣніе. А какъ это сталось въ то время, когда дочери бригадира Анна и Клеопатра уже кончили ученіе и пришли въ возрастъ, то въ наказаніе Петру и самъ онъ былъ потребованъ въ деревню къ наказанію за укрывательство сестры, а потомъ оставаться тамъ и готовить для стола помѣщиковъ.

Тогда весь секретъ Петра, столь долго имъ отъ жены скрываемый, во всемъ видѣ передъ всѣми обнаружился и столь сильное имѣлъ на заносчивую французскую гордость жены пораженіе, что она, забывъ законъ брака и всѣ обязанности супружества, рѣшила мужа оставить и бѣжать съ дочерью въ свою природную страну. Другіе же доносили такъ, что будто даже и самъ Петръ на это ей помогалъ, и самъ былъ согласенъ навсегда ихъ не видѣть, только чтобы не быть имъ въ господской крѣпости. Но управитель прибылъ въ Москву для ихъ препровожденія, все это во-время открылъ и сдалъ ихъ этапу для доставки, и тутъ жена Петра во пути слѣдованія въ маломъ городкѣ, въ больницѣ, на этапѣ умерла, а Петръ съ дочерью доставлены въ имѣніе, и Петръ за своё непослушаніе и за сестру наказанъ при конторѣ розгами, а дочь его, Поленька, по четырнадцатому году, оставлена безъ всякаго наказанія, а даже прощена и приставлена къ барышнямъ, изъ коихъ младшая, Клеопатра Александровна, ее весьма жалѣла и спать у себя клала. А Петръ сталъ готовить на кухнѣ и началъ сильно болѣть грудью и кашлять, да потомъ скоро и умеръ.

Бригадирша о смерти сего искусника печь и варить истинно скорбѣла; ибо смерть его постигла какъ бы нарочито какъ разъ при помолвкѣ старшей барышни Анны за именитаго жениха, при чемъ въ домъ бригадирши съѣзжалися веселиться многіе гости, и надо было для своей славы блеснуть образованнымъ хлѣбосольствомъ и показать достатки и деликатность. При этомъ же пріѣхалъ и братъ невѣсты, бригадировъ сынъ Лука Александровичъ, и привезъ съ собою двухъ товарищей-офицеровъ для танцевъ.

Изъ этихъ одинъ, тоже именитаго рода, скоро влюбился во вторую барышню Клеопатру; узнавъ о ея хорошемъ приданомъ, похотѣлъ жениться. Такъ вслѣдъ за первою свадьбою старшей сестры ожидалась и вторая, а въ приданое за нею, кромѣ всего, что она по раздѣлу получила, она брала еще себѣ Петрову дочь Поленьку, которой тогда было уже шестнадцать лѣтъ, но Лука Александровичъ этому началъ сильно противиться и, придя къ матери, повинился, что мимо воли своей чувствуетъ къ этой крѣпостной неодолимую пассію.

Бригадирша приняла это за обыкновенное въ молодомъ возрастѣ бываемое и, бывъ разсудительна на это, не только сына не обидѣла, но, напротивъ, желаніе его исполнила и дѣвку ей не отдала. Лука же Александровичъ послѣ свадьбы второй сестры цѣлый годъ въ деревнѣ въ отпускѣ проводилъ дома и веселился, часто посѣщаемый двумя своими полковыми товарищами, которые также вблизи ихъ села оставались, наслаждаясь домашнимъ воздухомъ и удовольствіями. А Поленька черезъ это время явилась непраздною и, имѣя, какъ видно, отъ матери врожденную французскую кокетерію, столь Луку Александровича чрезъ свою ласковость и милоту плѣнила, что онъ дошелъ до неожиданнаго безумства и, находя въ ней будто всѣ прелести ума и кроткаго сердца, опять признался матери, что пассія его черезъ годовое преступное соотношеніе съ тою полуфранцуженкою не только не угасла и не устыдилась, но что онъ, напротивъ, того не можетъ перенести, чтобы оставить ее въ такомъ положеніи, а проситъ у матери дозволенія на неравный бракъ съ нею. Мать ему стала представлять опытные резоны, чтобы его воздержать отъ пагубы, ибо и начальство военное ему на бракъ съ крѣпостной никогда бы не соизволило; но онъ обнаружилъ самую упрямую непокорность и, имѣя тогда отъ роду двадцать пятый годъ, сталъ говорить, что уже не малолѣтній и готовъ для своей любви, чтобы и службу бросить, а на Поленькѣ обвѣнчаться тихо, безъ дворянскаго общества, какъ простые крестьяне, среди дня послѣ обѣдни. Такъ онъ почиталъ загладить грѣхъ своей совѣсти бракомъ и жить въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ.

Бригадирша, видя такую непреклонность и любя сына и сожалѣя о его безразсудствѣ, все испытавъ, что могла, въ тонѣ строгости, обратилась по давнему своему обычаю за послѣднимъ совѣтомъ къ своему духовному отцу и просила его итти съ просфорой отъ обѣдни офицера увѣщевать и угрожать ему страхомъ религіи за непослушаніе волѣ родительской. Тотъ ихъ церкви священникъ послушался ея приказанія и, придя къ офицеру, говоритъ ему указанное, но напрасно, и послѣ того еще и разъ, и два, и наконецъ втретіе пришелъ, но получилъ отъ него такой отказъ, чтобы въ четвертый разъ и приходить не отваживался, ибо мимо сему

заблужденному, яко бы онъ самъ слово Божіе знаетъ и почитаетъ и грѣхъ свой предъ беззащитною сиротою имѣетъ выну предъ собою, и за долгъ совѣсти своей почитаетъ его исправить. „А вы,—говоритъ,—меня отъ честнаго намѣренія отклоняете и на безчестное наводите. Хочу быть болѣе Богу покорнѣе, нежели прочему“.

Священникъ, видѣвъ, яко ничто же успѣваетъ, но наипаче молва бываетъ, оставилъ сварливца и, придя къ его матери, сказалъ, что по упорству обнаруженному онъ ничего отъ мѣръ рѣзкости не ожидаетъ, а, напротивъ, бывъ въ жизни опытенъ, опасается предвидѣть нѣчто непоправимое въ томъ родѣ, что непокорный сынъ можетъ снестись съ близко проживающими полковыми офицерами и умчитъ какъ-нибудь темною ночью возлюбленную имъ дѣвицу на тройкѣ борзыхъ лошадей въ какое-нибудь отдаленное село и тамъ съ нею обвѣнчается, и будетъ тогда послѣдняя вещь горше первыя.

Этими неожиданными словами благоразумный священникъ такъ бригадиршу запугнулъ, что она замоталася передъ нимъ, какъ ясырь, и, изрыгая на сына хулы свѣта, хотѣла исключить материнскую любовь изъ сердца,—снять отцовскую икону Всемилостиваго Спаса и изречь сыну проклятіе; но священникъ ее отъ такого противнаго безумія воздержалъ, а подалъ ей совѣтъ такой политики. Нравоученіе его было, дабы испробовать совсѣмъ иное,—какъ бы измѣнить будто свое недозволеніе и мнимо на тотъ неравный бракъ согласиться, но съ тѣмъ, чтобы упредить это—написавъ для дѣвицы отпускную и занести ее въ первой гильдіи купчихи, а тогда на ней, какъ на купчихѣ, обвѣнчаться.

Между же тѣмъ, какъ бригадирша не могла этого скоро понять, она еще больше даже на самого священника рассердилась, а священникъ сказалъ ей:

— Пожалуйста, повремените на меня съ гнѣвомъ вашимъ, а болѣе того вникните,—ибо видѣли вы уже не мало, что гнѣвъ вашъ ничего къ облегченію не содѣлаетъ, а лучше прослушайте далѣе мою пропозицію и обсудите; ибо сказанное не спроста мною предложено. Вы пошлите сына вашего въ городъ самого хлопотать о ея вольности и купеческомъ званіи,—и онъ на все то охотно согласится и въ радости своей поспѣшитъ, а мы въ тотъ самый часъ, какъ онъ изъ деревни за околицу отлучится, нимало не медля, сію дѣвку по вашему приказанію, съ какимъ укажете, съ крѣпостнымъ невѣжею обвѣнчаемъ, и тогда будетъ всѣмъ этимъ безпокойствамъ естественное окончаніе. Но только одно у нея оговорилъ, чтобы ему самому была за то отъ бригадирши всякая защита отъ его мщенія.

Бригадирша, понявъ этотъ планъ, ликовала и его приняла и сказала:

— Только обстроить бы мнѣ это дѣло, какъ это тобою умно разсуждено, а потомъ я тебя скрою: я тебя въ свой комнатный погребъ посажу и къ себѣ ключъ спрячу, пока онъ уѣдетъ, буду сама ѣсть приносить, а послѣ я тебѣ къ новой пашнѣ на упадлое мѣсто лошадь подарю.

Попъ пришелъ домой радостный и, не умѣя скрыть себя, говоритъ попадьѣ:

— Ну, мать, радуйся,—полно мнѣ по старой сивухѣ вздыхать, которая пала, да и ранѣе того въ сохѣ останавливалась. Будетъ у насъ съ тобою къ новой пашнѣ добрая лошадь съ господскаго ворка,—тогда ты, когда похочешь, и къ дѣтямъ въ семинарію навѣстить съѣз-

На праздникахъ въ старину. Въ гости пріѣхали. *А. Васнецовъ.*

дишь, посмотрѣть, съ кѣмъ Мишка водится, и отчего Гриша харчемъ недоволенъ.

А попадья была нетерпячая и стала спрашивать:

— Чѣмъ угодилъ барынѣ и за что лошадь получаешь?

Попъ говоритъ:

— Не приставай и лучше не спрашивай—не скажу: тайна сія велика есть и большой секретъ между насъ.

А попадья была еще ловчѣе попа, да вмѣсто того, чтобы прямо добиваться, стала лебезить:

— Лягь-ка, ну ты усталъ,—лягь на коверчикъ на полу, отдохни, а я у тебя въ головахъ сяду да въ волосахъ поищу.

А попъ былъ охочъ поискаться и легъ на полъ, подъ ея обаяніе, а она сѣла да положила его голову себѣ въ колѣни и стала его нѣжно, слегка, пряльною гребенкою въ косахъ поковыривать да подъ бородкой ему тихо и ласково вѣнчальнымъ кольцомъ катать, а какъ на него отъ копошенья сонный стихъ къ очамъ прилъетъ—она и говоритъ:

— Аль еще и теперь мнѣ не скажешь, за что намъ лошадь дадутъ?

Попъ говоритъ:

— То и есть, что не скажу.

А она пождетъ, опять въ головѣ поковыряетъ, да опять подъ бородкой ему кольцомъ поводитъ и говоритъ:

— Аль еще и теперь опять не скажешь?

Да такъ, много разъ къ нему докучно приставаючи, привела его къ тому, что сказалъ:

— Ахъ оставь меня, пожалуйста, спать,—и все дѣло ей высказалъ.

Она же, оставивъ его спать, прикрыла ему лицо платкомъ, а надъ носомъ кибиточку вздернула, а сама вышла, дверь за собою заперла и, взявъ ключъ съ собою, пошла къ бригадиршѣ и, бывъ умнѣе мужа, испросила себѣ ту обѣщанную лошадь теперь же, сказавъ, что „мой попъ вамъ все отслужитъ, а мнѣ къ дѣтямъ съѣздить надо, посмотрѣть, чѣмъ харчами недовольны“. И сама привела коня съ ворка за поводъ къ себѣ на задворокъ и поставила къ рѣзкѣ.

Попъ, какъ всталъ да увидѣлъ коня, и удивился, говоритъ:

— Зачѣмъ не за свое дѣло бралася и не въ порѣ докучала?

А она отвѣчала:

— Молчи, попъ, не ворчи: что взято, то свято, а ты хоть въ семинаріи ученъ и лозой толченъ—да малосмысленъ.

— Чѣмъ такъ?

— А тѣмъ, что, или ты не видишь, что бригадирша старѣетъ и со свѣта сходитъ, а ея сынъ къ самой сильной порѣ приходитъ. Что же ты, какъ если противъ него неугодное сдѣлаешь, то вѣдь ты въ погребу весь свой вѣкъ не отсидишься, а какъ вылѣзешь, то тогда и тебѣ и намъ всѣмъ за тебя худо будетъ. Неужли ты не знаешь, что день встрѣчать надо, становясь лицомъ къ восходящему солнцу, а не къ уходящему западу.

Попъ, ея загадки прослушавъ, и началъ стужаться и спрашивать:

— Вижу, говоритъ, свою промашку, да что жъ теперь сдѣлаю?

А она отвѣчаетъ:

— Ты не сдѣлаешь, а я сдѣлаю.

Попъ еще больше испугался.

— Ты, говоритъ, гляди,—что еще не задумала ли?

А она отвѣчаетъ:

— Не твое дѣло,—ты свое, за что взялся, то и совершай, а я сдѣлаю, что надо полезное сдѣлать.

Попъ, было, серьезно занялся, какъ узнать,—что его жена думаетъ, да никакихъ средствъ не умѣлъ и ничего не узналъ.

— Вотъ нѣтъ, говоритъ, во мнѣ твоей Евиной хитрости, чтобы узнать у тебя такимъ манеромъ, какъ ты у меня все выпытала, подъ бородкой шевеливши, но однако сдѣлай милость, помни, что Евинымъ безуміемъ Адамъ погубленный.

Но попадья ничего не внимала, а сказала такой сказъ, что, если попъ ее заранѣе освѣдомитъ—когда бригадиршинъ сынъ съѣдетъ въ городъ, а Поленьку съ мужикомъ свѣнчаютъ, то она никакого мѣшанья не сдѣлаетъ, но если онъ отъ нея это скроетъ, то ее любопытство мучить станетъ, и тогда она за себя не поручится, что отъ нетерпѣнія вредъ сдѣлаетъ.

Попъ уступилъ.

— Ну ладно, говоритъ, я тебѣ лучше все скажу, только ужъ ты знай да никому здѣсь не сказывай. Лука Александровичъ себя отъ радости не помнитъ: съ матерью помирился и послалъ за товарищами-офицерами. Они завтра всѣ вмѣстѣ въ городъ поѣдутъ, а какъ они выѣдутъ, такъ сейчасъ честолюбію Поленьки будетъ положенъ предѣлъ, и не успѣетъ тотъ до города доѣхать, а мы ее здѣсь окрутимъ съ Пѣтухомъ.

Былъ же Пѣтухъ безтягольный мужикъ на господскомъ птичномъ дворѣ,—нечистый и полоумный, съ краснымъ носомъ, и говоръ имѣлъ дробостливый съ выкрикомъ по-пѣтушьему, а лѣтъ уже сорока и и болѣе.

Это услыхавъ, попадья руками всплеснула и говоритъ:

— Ахъ, вы, помору на васъ нѣтъ на обоихъ съ бригадиршею! Старые вы злодѣи и грѣховодники—какое вы зло совершить задумали! Нѣтъ, я этого ни за что видѣть не могу и ни за что здѣсь не останусь, а какъ теперь есть у меня свой собственный конь, мною выпрошенный, то дѣлай ты, что ты взялся, а мнѣ пусть батракъ завтра рано на зарѣ сани заложитъ,—я возьму лукошко яицъ да кадочку творожку и поѣду одна въ городъ къ семинарію, тамъ посмотрѣть, хорошо ли ихъ хозяйка на харчахъ держитъ, и только черезъ три дня назадъ пріѣду.

Попъ и очень радъ.

— Ступай, говоритъ, мати, только мнѣ пакоды не дѣлай. Навѣсти Гришу и Мишу и скажи имъ мое родительское благословеніе, и чтобы со всякими безразборно не водились, а помнили, что они дѣти іерейскія, а не дьячковскія.

Мать взяла у попа ключи, сбѣгала на колокольню за лукошкомъ, поставила въ сани лукошко и кадочку и поѣхала. Да какъ выѣхала за околицу, такъ и пошла коня по бедрамъ хлестать хворостиною. Шибко она доѣхала до первой станціи и остановилась.

— Мнѣ, говоритъ, надо изъ другого села попутчиковъ дождаться, чтобы парой коней спрячь.

И какъ по нѣкоемъ часѣ ея ожиданія къ станціи подкатили сани подъ свѣтлымъ ковромъ, гдѣ сидѣли Лука Александровичъ и его два товарища,—она взяла Луку въ сторону и говоритъ:

— Никуда дальше не поѣзжайте и ни одной минуты не медлите,—а скорѣе назадъ возвращайтесь. Такъ и такъ,—вотъ вамъ тайна, которая противъ васъ умышлена, и покуда вы сюда ѣхали и здѣсь остаетесь—тамъ все дѣлаютъ.

Лука Александровичъ схватилъ себя за виски руками и завопилъ:

— Горе мое, лютое горе! Если это вѣрно, то теперь все поздно,—они уже успѣли ее обвѣнчать!

Но попадья его скорбь утишила.

— То, что я вамъ открыла, говоритъ, это все истинная правда, но опозданія еще нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!—воскликнулъ Лука,—мы ѣхали сюда часъ времени и болѣе, да назадъ должны скакать, а долго ли время надо вѣнецъ надѣть!

А попадья усмѣхается.

— Не робѣйте, говоритъ, не надѣнутъ! Садитесь скорѣе въ свои сани и скачите назадъ и стучитесь

Рождественскія колядки.

Н. Пимоненко.

прямо въ церковь, а въ ноги возьмите съ собою мое лукошечко, да дорогой посмотрите. Оно вамъ хорошо сдѣластъ.

Тѣ и поскакали. Порятъ, хлещутъ коней, какъ будто задушить ихъ хотятъ на одной упряжкѣ, а между тѣмъ и въ лукошко глянули, а тамъ вмѣсто яицъ пересыпаны мякиной вѣнцы вѣнчальные...

Офицеры видятъ, что ихъ дѣло хорошо справлено, потому что вѣнцы здѣсь, а другихъ въ церкви нѣтъ, и вѣнчать нечѣмъ.

Подскакали къ церкви; выскочили изъ саней—лукошко съ собою, и прямо толкнули въ двери, но обрѣли ихъ не позабытыми, а плотно затворенными и изнутри запертыми, а тамъ за дверью слышны бѣготня и смятеніе, и слабый плачъ и стонъ, и священниковы крики...

Услыхавъ все это, Лука Александровичъ и его два товарища дали порывъ гнѣва и, сильно заколотивъ въ двери, закричали:

— Сейчасъ намъ отпереть! Ибо знаемъ, что въ храмѣ насильный бракъ совершается, и мы не допустимъ и сейчасъ двери вонъ выбьемъ...

А какъ въ храмѣ ничего не отвѣчали, то они стали бить съ денщикомъ въ двери и двери высадили, и вскочили въ церковь всѣ—и попадьино лукошко съ собою.

Вина же смятенія въ храмѣ была та, что вѣнцовъ, которые попадья съ умысломъ выкрала, не могли найти и въ прѣ о томъ дѣлали шумные крики. Попъ корилъ дьячковъ, что, можетъ-быть, унесли и заложили, а дьячки на него спирались, говоря: „мы вѣнцовъ изъ ставца не брали“. Но дьяконъ никого не поносилъ, а молча писалъ въ книгу по женихѣ и невѣстѣ обыскъ: „повѣнчаны первымъ бракомъ крѣпостные Пелагея Петрова да Аѳонасій Пѣтухъ, писанные по ревизіи за ихъ господами“, а обыскныхъ по нихъ свидѣтелей всего два человѣка стоятъ безъ грамоты и Поленьку за локти держать, а Пѣтухъ въ завсегдашнемъ своемъ скаредствѣ, только волосы масломъ сглажены, поставленъ, какъ самъ не радъ, но безотвѣтенъ.

А тутъ въ двери заколотили Лука Александровичъ съ сотоварищи,—все войственники отважнаго нрава, да при нихъ бомбардиръ изъ черкесовъ, превеликій усилокъ, въ такомъ возбужденіи, какъ бы опившись схирскаго напитка, яко непотребные отъ разсужденія правоты отчужденные безумцы.

Тогда всѣ, кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, заметалися,—особенно какъ Луки Александровича голосъ услыхали, и, забывъ о вѣнцахъ, кинулись совершать, что скорѣе къ исполненію: обыскъ подписали и стали къ аналою, имя Божіе призвали и пѣть уже зачали, сами не зная, чѣмъ по пропажѣ вѣнцовъ кончится, а дьяконъ по неудовольствію на попа думаетъ, что не тому бы одному надлежало взять отъ бригадирши лошадь, а и его священнодіаконству тоже не мѣшало бы привести хотя неѣзжалаго стригуночка, — да въ такихъ-то мысляхъ понесъ онъ мимо дверей книгу со вписаннымъ обыскомъ, а самъ, проходя, размахнулъ пятою да нижній крюкъ у дверей и сбилъ. Тогда дверь не удержалась и размахнулась, и вошли всѣ тѣ осаждавшіе, имѣя пылкій видъ и самовольные обороты. Два офицера, у коихъ въ рукахъ вѣнцы, начали всѣхъ толкать и похватывать, а Лука Александровичъ взялъ предстоявшаго жениха Пѣтуха за подзагривокъ и оттолкнулъ его и сталъ на его мѣсто, а бомбардиръ ихъ, превеликій усилокъ, по ихъ слову, сталъ давить попа перстами подъ жаберныя кости, отъ чего тоя боль коснулась во всѣ части, что попъ завизжалъ не своимъ голосомъ, и офицеры, обозливъ тѣмъ же дьячковъ по косицамъ, кричали „пойте, учитайте“, и тѣ всѣ отъ страха загугнѣша, еже и не различити самимъ имъ, каковая дѣйствуютъ. Но дьяконъ, уцѣлѣвъ отъ сего трепанія и судя, что обыскъ брака Пелагеи имъ уже съ Пѣтухомъ записанъ, а сіи набѣглые непорядочники, какъ военнаго званія, объявляются въ духѣ законовъ непостижимыя невѣжды и только своего безстуднаго хотѣнія домогаются, а межъ тѣмъ всѣ сами смѣлаго характера, а при нихъ бомбардиръ превеликій усилокъ,—порѣшилъ: „Э, да что имъ до того! Во свѣтѣ надо всѣмъ угодно жить,—тогда и хорошо“. И, надѣвъ стихарь, возгласилъ: „положивъ еси на главахъ ихъ вѣнцы“, а за нимъ и всѣ, ободрясь, какъ овцы за козломъ, пошли скорохватомъ и кончили.

И какъ только вѣнцы сняли, такъ офицеры уворотили Пелагею въ запасную шубу и покатили опять въ тѣхъ же саняхъ къ городу, и скоро на чистой дорожкѣ мать попадью обогнали и ее даже не поблагодарили и не узнали, а, зацѣпивъ ее ненарокомъ подъ отводину, сани ея съ нею вмѣстѣ избочили и въ снѣгъ опрокинули, и творогъ, который она везла недовольнымъ семинаристамъ, притоптали и въ одно съ снѣгомъ сдѣлали.

Мать же попадья, прозорливъ и здравъ умъ имѣя, и за то даже не осердилась, а только вослѣдъ имъ съ усмѣшкой сказала:

— Ничего, ты мнѣ со временемъ за вся воздаси отразу.

А оные безумцы, проскакавъ городъ, взяли новыхъ незаморенныхъ коней и опять поскакали, и такъ неизвѣстно куда совсѣмъ умчалися. Попадья же, удостовѣривъ для себя, черезъ что у семинаристовъ на харчи неудовольствіе, возвратилась назадъ, то застала всеобщее перелыганство: всѣ прелыгались кійжде на когождe, кто всѣхъ виноватѣе, и отъ бригадирши все таили, ибо страха гнѣва ея опасались, и сказали ей: „свадьба повѣнчана“, а что подробнѣе было, той неожиданности не открыли.

Бригадирша весь причетъ одарила: дьякона синею, а дьячковъ по рублю и успокоилась, и какъ она на Пелагею гнѣвалась, то и на глаза ее къ себѣ не требовала, а только на другое утро спросила, какъ она теперь съ своимъ мужемъ послѣ прежняго обхожденія. Но покоевыя дѣвки ей тоже правды открыть не смѣли и отвѣчали, что Пелагея очень плачетъ.

Бригадирша была тѣмъ довольна и говоритъ:

— Она и повинна теперь всегда плакать за свою нескромность, ибо Хамова кровь къ Іафетовой не простирается.

И никто не зналъ — какъ и когда все такое столь великое лганье прекратить, потому что всѣ правые и виноватые злого и недобраго на себя опасались во время гнѣва. Но дьяконъ, бывъ во всемъ этомъ не мало причиненъ, но отъ природы механикъ хитрѣйшій отъ попа и попадьи, взялся помочь и сказалъ:

— Если мнѣ принесутъ изъ господскаго погреба фалернскаго вина и горшокъ моченыхъ въ постѣ сладкихъ, большихъ яблоковъ, то я возьмусь и помогу.

Тогда попадья побѣжала къ ключнику и къ ларешнику и, добывъ у нихъ того вина и моченыхъ въ постѣ сладкихъ яблоковъ, подала ихъ дьякону, ибо знала, что онъ былъ преискусный выдумщикъ и часто позываемъ въ домъ для завода и исправленія неидущихъ по волѣ своей аглицкихъ футлярныхъ часовъ, коихъ ходъ умѣлъ умѣрять чрезъ облегченіе гирь или отпусканіе маятника, или очистку пыли и смазку колесъ. Онъ и пошелъ въ домъ и положилъ всему такое красграненіе, что, развертывая гирную струну на барабашкѣ, вдругъ самоотважно составилъ небывалую повѣсть, будто Пѣтухова жена Пелагея еще въ первой ночи послѣ ихъ обвѣнчанія сбѣжала отъ него босая и тяжелая изъ холодной купи, и побрела въ лѣсъ, и тамъ ей встрѣтился медвѣдь и ее съѣлъ совсѣмъ съ утробою и съ плодомъ чрева ея.

Бригадирша тому ужаснулась и спросила:

— Неужели это правда?

А дьяконъ отвѣчаетъ:

— Я священнослужитель и присяги принимать не могу, но мнѣ такъ просто должно вѣрить, и вотъ тебѣ крестъ святой, что говорю истину. — И перекрестился.

— Такъ, что же мнѣ совсѣмъ не то говорили?

А дьяконъ отвѣчаетъ:

— Это, матушка, все со страху передъ твоей милостью.

— Для чего же, говоритъ, такъ? Мнѣ этого не нужно, чтобъ лгали. Я наказать велю.

А дьяконъ ей сталъ доводить:

— Эхъ, матушка! Не спѣши опалятися гнѣвомъ твоимъ, ибо и ложь лжи рознь есть, — заве есть ложь оголтѣлая во обманъ и есть ложь во спасеніе. Того бо вси повинни есьми, и такъ было и во вся дни.

И нача ей заговаривать исторіи отъ Писанія, какъ было, что передъ цари лгали всѣ царедворцы въ землѣ фараонской, и лгаша фараону вси и о всякой вещи, во еже отвратити его очеса отъ бывшаго въ людѣхъ бѣдствія. И то есть лютость, и въ темъ кійждо поревноваша коемужде, даже аще мнилось быть и благочестивіи, и боголюбивіи, и невозглагола правды даже и той же бѣ первый по фараонѣ, а одинъ токмо связень Пентифаровъ, оклеветанникъ изъ темницы, не зная дворецкихъ порядковъ, открыто сказалъ правду фараону, что скоро голодъ будетъ.—И потомъ перешелъ дьяконъ къ ея дѣлу и сказалъ:

— Ты же, о, госпоже, сама властвуеши душами живыхъ подъ державой твоей, иже есть отблескъ высшаго права, и вольна ты во всемъ счастьѣ и въ животѣ вѣрныхъ твоихъ, а того ради всѣ, тебя бояся, многія правды тебѣ не сказываютъ, но я худой человѣчишка и маломѣрный, что часишки твои разбираю да смазываю, столь сея нощи думалъ о часахъ быстротечныя жизни нашея, скоро переходящихъ и минающихъ, и дерзнулъ поговорить истину. И ты не опали за то ни меня ни другихъ яростію гнѣва твоего, но, обычнымъ твоимъ милосердіемъ всѣхъ насъ покрывъ, разсуди тихо и благосердно, сколь душевредное изъ всего того можетъ выйти послѣдствіе, ибо отъ угнетенныхъ насъ тобою можетъ быть доношенье властямъ въ губернскую канцелярію, что свадьба та по твоему приказу пѣта бяху, насиломъ надъ Пелагеею, и тогда всѣ мы, смиренные и покорные, пострадаемъ за тебя, а тебѣ,—какъ ты думаешь,—каково будетъ отвѣчать Богу за весь причетъ церковный?

Бригадирша стала ужасаться, а дьяконъ ей еще подбавлялъ, говоря:

— Да еще и въ семъ вѣцѣ тебѣ самой прейдетъ нѣкоторый мечъ въ душу, и избудешь ты не мало добра на судейскихъ и приказныхъ людей, да еще они въ полнотѣ священной власти твоей надъ рабами твоими могутъ сдѣлать тебѣ умаленіе. Всего сего ради смилуйся, ни съ кого не взыскивай, чтобы и тебѣ самой худа не было, а лучше подумай, а я изойду на вольное повѣтріе твои часы по примѣточкамъ на солнце повѣрять.

И бригадирша, подумавъ, увидала, что дьяконъ дѣйствительно говорилъ ей съ хорошимъ и добрымъ для нея разсужденіемъ, и, когда онъ съ солнца вернулся, подала ему вмѣсто отвѣта цѣлковый рубль, чтобы всѣмъ причтомъ за упокой Пелагеи обѣдню отслужили и потомъ же за ту плату и панихиду, и на панихиду сама обѣщала пріити съ кутьею. Но дьяконъ, видя ее умягчившуюся, рубль у себя спряталъ и ей сказалъ такъ:

— Нѣтъ, заупокойному пѣнію и рыданію быть не должно, ибо я теперь разскажу уже всю настоящую правду, которая есть гораздо того веселѣе и счастливѣе, ибо Пелагея жива и обвѣнчана, но съ такою хитрою механикою, что не скоро и понять можно.

Дѣдушка и внучка. *Проф. В. Е. Маковскій.*

И въ ту пору изложенныя превратности бригадиршѣ открылъ, но тоже не совсѣмъ безъ умолчанія. Сказалъ онъ ей, что непокорный сынъ ея Лука Александровичъ подъ вѣнцомъ съ Пелагеею ходилъ, а черкесъ держалъ Пѣтуха въ сторонѣ за локти, и когда бригадирша стала со страха обмирать, онъ ее успокоилъ заблаговремя, что все это вѣнчаніе сыну ея не въ порокъ, ибо писанъ бракъ въ книгѣ, какъ надобно — на Пѣтуха съ Пелагеею. Бригадирша вздохнула и перекрестилася, а того, что за превеликимъ смятеніемъ вмѣсто вѣнчанія не вѣсть что нѣто бяху, дьяконъ не сказалъ, а принесъ ей изъ церкви книгу, гдѣ бракъ писанъ на Пелагею съ Пѣтухомъ, и говоритъ: „вотъ крѣпко, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ“. А сынъ твой, хотя и смѣлый удалецъ, но блазенъ, и закона не понимаетъ. Пусть куда онъ ее умчалъ, тамъ съ нею и блазнуетъ, и ему то и въ мысль не придетъ, что она ему не жена.

Бригадиршѣ даже весело стало, и она даже жалѣла, для чего не съ нимъ, а съ попомъ первый совѣтъ совѣтывала, и за то, чтобы ему не быть передъ попомъ въ обидѣ, самого на ворокъ посылала, чтобы самъ взялъ себѣ тамъ любого коня, на котораго только глазъ его взглянетъ.

Но дьяконъ умнѣе себя показалъ и похвалами не обольстился, и коня выбирать, борзяся, не кинулся, да не будетъ у старшаго зависти.

— А желаю, говоритъ, я себѣ что скромнѣйшее — получить съ твоего скотнаго двора молочную коровку новотелу и съ теленочкомъ, да пусть будетъ промежъ насъ двоихъ такое въ секретѣ условіе, что получать мнѣ отъ тебя изъ рукъ въ руки къ Успенью и къ Рождеству по двадцати рублей на сына въ училище, чтобы ему лучше жить было, и онъ бы, подобно всѣмъ, на харчи не жаловался. А я это стану брать и весь нашъ секретъ соблюду во всей тайности.

То слыша, бригадирша отвѣчала:

— Однакоже ты, вижу я, себѣ не врагъ, и хитрости твоей даже опасаться можно.

Но дьяконъ ей:

— Себѣ никто не врагъ, но моей хитрости тебѣ бояться нечего: я тебѣ уготовился яко же конь добръ въ день брани, и самъ черезъ тебя отъ Господа помощь пріемлю.

Она же хотѣнія его совершила, но чрезъ всѣ остальные дни свои имѣла къ нему большую престрашку, а о сочетавшихся Лукѣ и Пелагеѣ—ниже сего предлагается.

Простое средство.

Какъ отъ совокупленія сливающихся ручьевъ плывутъ далѣе рѣки, и въ концѣ стаетъ великое море, бреговъ коего окомъ не окинуть, такъ и въ хитростяхъ человѣческихъ, когда накопятся, образуется нѣчто неуяснимое. Такъ было и съ симъ бракомъ.

Межъ тѣмъ, какъ бригадирша прикрыла хитростями удальство своего сына, тотъ удалецъ съ мнимою своею женою, о коей нельзя и сказать, кому она опредѣлена, прибылъ въ столицу и открылся въ происшедшей тайнѣ сестрѣ своей и нашелъ у нея для Поленьки довольное вниманіе, такъ что и родившееся вскорѣ дитя ихъ было воспринято отъ купели благородными ихъ знакомцами и записано законнымъ сыномъ Луки Александровича и Поленьки и въ томъ дана выпись *). Потомъ же рождались у нихъ и другія дѣти и тоже такъ писаны, а потомъ на третьемъ году послѣ того бригадирша отошла отъ сея жизни въ вѣчную, и Лука съ сестрами стали наслѣдниками всего имѣнія, и Лука Александровичъ съ Поленькою пріѣхали въ имѣніе и духовенству построили новые дома и жили бластишно, доколѣ пришелъ часъ отдавать ихъ сына въ корпусъ и дочь въ императорскій институтъ. Тогда стали нужны метрики, и въ консисторіи ихъ дать не могли, потому что бракъ писанъ по книгамъ не на помѣщика Луку Александровича, а на крѣпостного Пѣтуха. И тогда, въ безмѣрномъ огорченіи отъ такой черезъ многіе годы непредвидѣнной неожиданности, Лука Александровичъ поѣхалъ хлопотать въ столицу и былъ у важныхъ лицъ и всѣмъ объяснялъ свое происшествіе, но между всѣхъ особъ не обрѣлося ни одной, кто бы ему помогъ, ибо что писано въ обыскной книгѣ о бракѣ Поленьки съ крѣпостнымъ Пѣтухомъ, то было по законнымъ правиламъ несомнѣнно. И онъ, по многихъ тратахъ и хлопотахъ, возвратился въ свой городъ и сталъ размышлять, что учинить,—ибо, если онъ отпуститъ Пѣтуха на волю, то Пѣтухъ можетъ чрезъ чье-либо наученіе требовать жену и дѣтей, а иначе крѣпостныхъ дѣтей въ благородное званіе вывесть нельзя. И былъ онъ опять въ смущеніи, потому что никто ему въ его горѣ совѣта не подалъ.

Но когда совсѣмъ исчезаетъ одна надежда, часто восходитъ другая: ввечеру, когда Лука сидѣлъ одинъ въ грустной безнадежности, пришелъ къ нему одинъ консисторскій приказный, весьма гнуснаго и скареднаго вида и пахнущій водкою, и сказалъ ему:

— Слушай, бояринъ: я знаю твою скорбь и стараніе и вижу, что изъ всѣхъ, кого ты просилъ, никто тебѣ помочь не искусенъ, а я помогу.

Лука Александровичъ говоритъ:

— Мое дѣло такое, что помочь нельзя.

А приказный отвѣчаетъ:

— Пустое, бояринъ. Зачѣмъ отчаиваться, — отчаяніе есть смертный грѣхъ, а на святой Руси нѣтъ невозможности.

Но Лука Александровичъ, какъ уже много отъ настоящихъ лицъ просилъ совѣтовъ и отъ тѣхъ ничего полезнаго не получалъ, то уже и не хотѣлъ того гнусника слушать и сказалъ ему:

— Уйди въ свое мѣсто! — Гдѣ ты можешь мнѣ помочь, когда большаго чина люди средствъ не находили.

А приказный отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, ты, бояринъ, моимъ совѣтомъ не пренебрегай, большіе доктора простыхъ средствъ не знаютъ, а простые люди знаютъ, и я знаю простое средство помочь твоему горю.

Тотъ разсмѣялся, но думаетъ: „попробую, что такое есть?“ и спросилъ:

— Сколько твое средство стоитъ?

Приказный отвѣчаетъ:

— Всего два червонца.

Лука Александровичъ подумалъ:

„Много уже мною потрачено, а это уже не великая вещь“,—и далъ ему два червонца.

А на другой день приходитъ къ нему тотъ подьячій и говоритъ:

— Ну, бояринъ, я все справилъ: подавай теперь просьбу, чтобы не письменную справку читали, а самую бы подлинную книгу потребовали.

Лука Александровичъ говоритъ:

— Неужели ты, безстрашный этакій, подлогомъ меня тамъ записалъ! Что ты это сдѣлалъ? И я черезъ тебя въ подозрѣнье пойду!

*) Маловѣроятный случай этотъ представляется совершенно возможнымъ. По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ 12-й параграфъ «Инструкціи Благочинному», изд. 1857 года, гдѣ говорится объ «осторожности въ показываніи супругами такихъ лицъ, кои не здѣсь вѣнчаны» и въ доказательство супружества своего никакихъ доказательствъ не представляютъ. Очевидно, что предостереженіе это было чѣмъ-нибудь вызвано. *Н. Л.*

А гольячій отвѣчаетъ:

— И, бояринъ, бояринъ! Какъ тебѣ это могло въ голову прійти! Умъ-то не въ однѣхъ большихъ головахъ, а и въ малыхъ. Не пытай, что̀ я сдѣлалъ, а проси книгу, и правъ будешь.

Лука Александровичъ подумалъ, что много уже онъ средствъ пробовалъ — отчего еще одно не попробовать, и подалъ, чтобы вытребовали изъ архива подлинную книгу и посмотрѣли: какъ писано? А какъ была она вытребована, то объявилось, что писано имя „крестьянинъ Пѣтухъ“, но другимъ черниломъ по выскобленному мѣсту... А когда и кто это написалъ, и что̀ на этомъ мѣстѣ прежде было, — неизвѣстно.

Тогда сдѣлали слѣдствіе и стали всѣхъ, кто живые остались, спрашивать: съ кѣмъ Пелагея вѣнчана, и всѣ показали, что съ Лукою Александровичемъ, а Пѣтухъ стоялъ въ сторонѣ, — и браку было утвержденіе, и доселѣ мнимыя Пѣтуховы дѣти получили дворянскія права своего рода, а приказный никакой фальши не сдѣлалъ, а только подписалъ въ книгѣ то самое, что̀ въ ней и вычистилъ. То было его „простое средство“.

А. И. Герценъ.

Очеркъ **А. В. Амфитеатрова.**

(Съ 17 портр. и рис.).

(Окончаніе).

Прямымъ предтечею Герцена въ желаніи развязать языкъ русской публицистической мысли, конечно, является Бѣлинскій. Но, сдавленный тисками цензурныхъ условій, онъ не могъ довести свою творческую рѣчь до той прозрачности, которую впослѣдствіи нашелъ Герценъ. Публицистическія тирады Бѣлинскаго часто затемнены необходимостью, предпочитающею сказать нѣчто для немногихъ, посвященныхъ въ секретъ условнаго языка и способныхъ объяснить его сосѣдямъ, чѣмъ промолчать совсѣмъ нѣмо. Бѣлинскій зналъ, какъ надо говорить съ массою, ищущею серьезной общественной мысли, и, поскольку могъ, старался такъ говорить. Но возможно-то было немного, и успѣвалъ онъ въ томъ, обыкновенно, лишь по такимъ поводамъ, которые, въ свою очередь, своею незначительностью тоже скрывали большую идею, какъ ребусъ къ отгадкѣ. Не угадывалъ цензоръ ребуса,—ну, и торжествуйте, критикъ и читатель! Угадывалъ,—хорошо, если только не пропадала статья и редактора не звали къ собесѣдованію съ „отцомъ командиромъ“ Л. В. Дуббельтомъ. Богатства русскаго публицистическаго языка въ то время прятались въ кружковой бесѣдѣ да въ частной перепискѣ.

Но говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ!
Оно и хорошо—писать не время было:
Почти что ничего тогда не проходило.
Бывали случаи: весь вѣкъ
Считался умнымъ человѣкъ,
А въ книгѣ глупымъ очутился:
Пропалъ и умъ, и слогъ, и жаръ,
Какъ будто съ бѣднымъ приключился
Апоплексическій ударъ.
Когда же въ книгахъ будемъ мы блистать
Всей русской мыслью, рѣчью, даромъ,
А не заиками хромыми выступать
Съ апоплексическимъ ударомъ?

Эта тирада изъ некрасовской „Медвѣжьей охоты“ имѣетъ въ виду судьбу историка Грановскаго — вдохновеннаго человѣка, котораго мы имѣемъ полное право назвать „приглушеннымъ геніемъ“, свѣточемъ, спрятаннымъ подъ глиняный горшокъ, ораторомъ съ урѣзаннымъ языкомъ. Человѣкомъ съ урѣзаннымъ языкомъ весьма долго чувствовалъ себя и Герценъ. Характеристика: „говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ“ — относится и къ Герцену въ томъ подготовительномъ періодѣ дѣятельности, который онъ скитальчески отбывалъ въ Вяткѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Петербургѣ и подмосковномъ Соколовѣ то ссыльнымъ, то поднадзорнымъ литераторомъ-западникомъ съ завязаннымъ ртомъ. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ его языкъ то и дѣло ищетъ помощи въ французскомъ и нѣмецкомъ, усыпанъ чудовищными галлицизмами и германизмами, — „онъ сдѣлалъ на меня ужасное вліяніе“, „человѣкъ экстремы“, „импрессіонабельныя натуры“, „импосибельность ума“, „абнормальное состояніе“, „даръ логической фасцинаціи“, „сюсцентибельность“, „гетерогенные элементы“, „мускулезный ви ъ“, „истинные талан ы не теряютъ ничего отъ крика фамы“, „юкстапозиція“, „городъ, гдѣ на четыре мужчины падаетъ одна женщина“, „благороднѣйшая часть населенія фурнируетъ полицейскихъ чиновниковъ“, „емусируется“, „вышелъ фродюлезно на дуэль“, „каудинскія фуркулы чувствъ“, „сгнетеніе“, „одійтворять“ и т. п. Таковъ воистину чудовищный словарь Герцена въ первомъ десятилѣтіи его литературной дѣятельности. Злобный врагъ, Шевыревъ, напечаталъ весьма ехидный лексиконъ Герценовыхъ барбаризмовъ и неологизмовъ. Говорятъ,—и довольно справедливо,—что чрезмѣрное употребленіе иностранныхъ словъ свидѣтельствуетъ о лѣности мысли. Но откуда же лѣность мысли могла взяться въ такой дѣятельной головѣ? Герценъ даетъ намъ на это неоднократные отвѣты въ своемъ дневникѣ отъ 1842 г. Лѣность мысли является отъ непроизводительности мысли, по отсутствію общенія съ другими, отъ ея запретности, отъ вынужденной необходимости замкнуть ее въ самомъ себѣ. Въ себѣ, которому не надо ее переводить на родной языкъ, чтобы понимать и развивать дальше, потому что самъ-то про себя ее во всякомъ звукѣ одинаково чувствуешь и опредѣляешь. Но Герценъ, всегда самоотчетный, не обманывалъ себя: онъ знаетъ, что мутность языка — его существенный недостатокъ, и смѣло говоритъ какъ о ней, такъ и объ ея основной причинѣ.

„Боже праведный!—восклицаетъ онъ.—Въ образованныхъ государствахъ каждый, чувствующій призваніе писать, старается раскрыть свою мысль, употребляя на то талантъ свой, у насъ весь талантъ долженъ быть употребленъ на то, чтобы закрыть свою мысль подъ рабски вымышленными условными словами и оборотами. И какую мысль! Пусть бы революціонную, возмутительную! Нѣтъ, мысль теоретическую, которая до пошлости повторялась въ Пруссіи и въ другихъ монархіяхъ. Можетъ, правительство и промолчало бы, патріоты укажутъ, растолкуютъ, перетолкуютъ. Ужасное, безвыходное состояніе!“

Въ концѣ 1844 года Герценъ возвращается къ этой мучительной для публициста, ножомъ рѣжущей, темѣ:

„Хитрить, искажать мысли, заставить догадываться... конечно, „это иронія der brutalen Macht“, но громкая, открытая рѣчь одна можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Упрекаютъ мои статьи въ темнотѣ несправедливо, онѣ намѣренно затемнены. Грустно!“

Вотъ почему, въ 35 лѣтъ, будучи уже авторомъ „Кто виноватъ“, „Доктора Крупова“, „Дилетантизма въ наукѣ“ и проч. и проч., знаменитый и центральный въ своемъ западническомъ кругу „Искандеръ“ былъ еще весь впереди, какъ художникъ образнаго слова. Истинный литературный дебютъ, который долженъ былъ навсегда опредѣлить, что такое Герценъ, и какъ онъ умѣетъ говорить, только ожидался, и, хотя чаяли его большимъ, но мало кто воображалъ всю будущую его громадность въ полную величину.

Но вотъ Герценъ на свободѣ, за границею, во главѣ „Вольнаго русскаго книгопечатанія въ Лондонѣ“. Герценъ—авторъ „Съ того берега“, Герценъ принесъ все на жертву

Человѣческому достоинству,
Свободной рѣчи!

Потому что: „Гдѣ не погибло слово, тамъ и дѣло еще не погибло. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ (друзей) отдаю за нее, часть своего достоянія, а можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства „гонимыхъ, но не низлагаемыхъ“.

И силы, которымъ Герценъ принесъ свою жертву, отблагодарили его сторицею, развернувшись подъ новымъ перомъ его съ такою красотою и мощью, которыхъ ни прежде ни послѣ не слыхано и не читано на Руси. Прямо поразительны колоссальный ростъ и быстрое даже не развитіе, а бурное стремленіе впередъ Герценова таланта, какъ скоро онъ очутился въ

А. И. Герценъ (1861 г.).

Европѣ, въ условіяхъ свободнаго слова и свободной прессы. Между Герценомъ въ русскомъ періодѣ творчества и Герценомъ заграничнымъ, Герценомъ „Съ того берега“, „Былого и Думъ“, „Полярной Звѣзды“ и „Колокола“—такая широкая пропасть, что, не зная біографіи Александра Ивановича, можно было бы подумать, будто она создавалась десятками лѣтъ. Публицистическое русское слово постигла та же судьба, что испытала музыка, изящная словесность. То — нѣтъ никого, хаосъ предтворческій, въ которомъ бродятъ первообразы, могучіе, но не слыхавшіе еще: „да будетъ свѣтъ!“ И вдругъ сразу—Пушкинъ, Гоголь съ „Ревизоромъ“ и первою частью „Мертвыхъ душъ“, Глинка съ „Русланомъ“. Взвиваются въ поднебесье и остаются тамъ, какъ недвижныя точки, опредѣляющія крайнюю границу, которой можетъ достигнуть національный геній, и затѣмъ — вотъ—проходитъ цѣлый вѣкъ въ разнообразномъ приближеніи къ этой громадной высотѣ, никѣмъ уже однако не достигнутой. Такъ и съ Герценомъ. Въ его лицѣ русская публицистика раскрыла все благородство мысли, всю силу, ясность, логическую красоту, изящество доказательствъ, блескъ слова, образность, остроуміе, находчивость, глубину чувства и заманчивость кокетства, на какія только она способна. Опять была поставлена точка, до которой—будущее, достигай! Превосходныхъ публицистовъ Россія и рядомъ съ Герценомъ и послѣ Герцена имѣла много. Но Герценъ не повторился. И не повторится.

Не повторится не потому, чтобы не могъ явиться талантъ, равный Герцену, умъ, столько же ясный и острый, слово, столь же блестящее и боевое, чувство, такое же яркое и честное. Перенесите въ обстановку Герцена М. Е. Салтыкова или Н. К. Михайловскаго. Первый, какъ сатирическій талантъ, сильнѣе Герцена. Второй равенъ Герцену образованіемъ, способностью къ философскому обобщенію, и вооруженъ, если не Герценовымъ то, во всякомъ случаѣ, весьма острымъ блескомъ мысли и слова. Не повторится Герценъ просто потому, что нѣтъ той спеціальной культуры, которая выдѣлила перваго Герцена, какъ плоть отъ плоти и кость отъ костей своихъ, и отправила его, великаго „кающагося дворянина“, въ эмиграцію, на великій и страшный подвигъ: разрушить вольными таранами „Полярной Звѣзды“ и „Колокола“ крѣпостную военно-дворянскую Россію. Герценъ сдѣлалъ то, чего ждало отъ него отечество. Ждало, но не поручало ему. Герценъ самъ взялся за руль общественнаго мнѣнія своей эпохи: это очень важная черта, основная и рѣшительная въ „герценствѣ“. Онъ начальникъ публицистической гверильи, партизанъ и атаманъ партизановъ, у котораго своя голова и въ дѣлѣ и въ отвѣтѣ. Онъ самъ откуда-то взялся, выросъ, какъ изъ-подъ земли, на голосъ общественной потребности. Никто его въ „Герцены“ (позвольте мнѣ на время сдѣлать изъ собственнаго имени нарицательное: оно будетъ такъ понятно и выразительно въ своей краткости) не назначалъ. И десятки опытовъ потомъ показали, что Герценомъ „по назначенію“ сдѣлаться нельзя. Между тѣмъ въ той новой, всесословной, демократической Россіи, которая смѣнила старую, сломленную Герценомъ, всякій новый кандидатъ въ Герцены имѣлъ бы значеніе, вліяніе, силу и полезный результатъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ явился Герценомъ, именно и дѣйствительно, по назначенію. То-есть, говорилъ бы съ Россіей не отъ своего лица, или, въ лучшемъ случаѣ, своего кружка, какъ еще имѣлъ возможность и право Герценъ, но—какъ уполномоченный избранникъ большой и вліятельной классовой группы. Время партизанскихъ войнъ за свободу прошло. На театрѣ освободительныхъ дѣйствій движутся великія классовыя арміи. Воспламеняющій пѣвецъ Тиртей въ нихъ—великая сила и потребность, но уже не вождь. Онъ долженъ войти въ ихъ дисциплину, какъ и всякій другой солдатъ—рядовой ли, офицеръ ли, генералъ ли арміи. Если онъ остается самъ по себѣ, со своей волей, со своей мыслью, со своимъ планомъ, со своимъ дѣйствіемъ, онъ—не солдатъ свободы, а только ея сочувственникъ, въ рѣшительнѣйшемъ случаѣ—вольный стрѣлокъ. Но въ солдатство, хотя бы и солдатство свободы, яркая творческая индивидуальность трудно укладывается. А особнячество вольнаго стрѣлка въ наше время гораздо труднѣе, чѣмъ въ эпоху Герцена. Во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ того, что это колоссальная претензія, предъ требованіями которой оказался практически неудовлетворительнымъ, блѣднымъ и безсильнымъ даже Левъ Толстой, и кончая препятствіями экономическими.

Будучи внѣбрачнымъ, но признаннымъ и узаконеннымъ сыномъ и наслѣдникомъ богатаго русскаго барина-вельможи, И. А. Яковлева, Герценъ прожилъ вѣкъ, не зная матеріальныхъ лишеній и обезпеченный на широкую свободу дѣйствій. Въ качествѣ политическаго эмигранта и заочно осужденнаго государственнаго преступника, онъ много потерялъ чрезъ конфискацію имущества. Но старанія русскаго правительства при Николаѣ I совершенно лишить Александра Ивановича причитающихся ему фамильныхъ доходовъ не имѣли успѣха, по энергичному противодѣйствію, оказанному парижскимъ Ротшильдомъ. Герценъ очень смѣшно разсказываетъ эпизодъ этотъ въ „Быломъ и Думахъ“. Зато сколько же разъ человѣкъ этотъ былъ ограбленъ нравственно! Жизнь Герцена слагалась такъ бурно, страстно, мучительно-безпокойно, что, вникая въ страницы „Былого и Думъ“, читатель бываетъ сперва изумленъ, а потомъ, неизбѣжно, глубоко умиленъ и тронутъ неисчерпаемою бездною добродушія, какою пропитаны всѣ личныя воспоминанія этой грандіозной книги—„царицы автобіографій“. Все свое негодованіе, всю муку горькихъ словъ, все пламя слезъ и проклятій Герценъ, какъ великодушный богачъ,—безъ остатка для себя, — тратитъ на общественно-политической аренѣ. Въ домашнемъ обиходѣ онъ обращается къ этимъ оружіямъ лишь тогда, если его личная бѣда или горе являются роковымъ результатомъ политическаго строя, который онъ расшатываетъ. Таковъ, напримѣръ, потрясающій эпизодъ болѣзни Натальи Александровны въ Петербургѣ. Она недавно родила и кормила, когда Александръ Ивановичъ, внезапно и совершенно безпричинно, получилъ вызовъ къ грозному Дуббельту. Вызовъ былъ сдѣланъ въ самой грубой и шумной формѣ,—молодая женщина перепугалась до полусмерти, и результатомъ были тяжелый недугъ ея самой и кончина ребенка. Но вообще-то трудно вообразить характеръ болѣе счастливаго устройства, болѣе бодрой, выносливой и жизнерадостной философіи, чѣмъ природа послала Герцену. Онъ въ литературѣ нашей—самый типическій представитель того личнаго оптимизма, что лежитъ, какъ благодѣтельная закваска, въ глубинѣ нашей великорусской натуры, помогая русскимъ людямъ улыбаться и шутить даже на дыбѣ, какъ Кикину, и въ мукѣ смертной, какъ Стенькѣ Разину. Герценъ вошелъ въ жизнь съ шиллеровской одою „Къ радости“ на устахъ и пронесъ этотъ восторженный гимнъ о достоинствѣ человѣка и прелести человѣческаго существованія до могилы, сквозь десятки лѣтъ испытаній и разочарованій, семейныхъ драмъ и бѣдъ, разрывовъ, потерь. Даже самыя тяжкія личныя драмы, оставлявшія въ душѣ Герцена раны, неизгладимыя до гробовой доски: трагическая гибель матери его и сына въ волнахъ Средиземнаго моря; странный романъ Натальи Александровны съ германскимъ поэтомъ Георгомъ Гервегомъ и замѣчательно подлое поведеніе послѣдняго въ этомъ романѣ, — даже и такія трагедіи не застывали въ солнечномъ сердцѣ Герцена глыбами нерастопимаго льда. „Онъ въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце“ и разгонять тучи, которыя мѣшаютъ солнцу свѣтить для человѣчества. Тучи, сгущавшіяся вокругъ него самого, онъ принималъ съ веселымъ и гибкимъ стоицизмомъ „испанскаго дворянина“, оправляясь отъ личныхъ несчастій, — извините за вульгарное сравненіе! — съ быстротою и устойчивостью хорошо уравновѣшеннаго Ваньки-встаньки.

— Я, ваше высокоблагородіе, человѣкъ легкій, а то бы мнѣ и не жить!—говоритъ Гришка-портной въ очеркѣ Щедрина. Природа милосердна: исторія создала русскому человѣку столь несносныя условія существованія, что понадобился психологическій коррективъ—и выработалась столѣтіями та упругая русская „легкость“, что одинаково помогаетъ жить и геніальному, блестящему

Герцену и захудалому Гришкѣ-портному. И, когда изъ характера русскаго человѣка безпощадная жизнь успѣваетъ вытянуть насосомъ своимъ эту спасительную „легкость“, Гришка-портной прыгаетъ съ колокольни, Александръ Пушкинъ идетъ умирать отъ пули Дантеса, Глинка спивается, Гоголь заключается въ мрачный, самоужасающій мистицизмъ.

Герцена спасло отъ трагедіи русскаго таланта съ истощенною „легкостью“ огромное поле политической борьбы, наполнившей завидною цѣлесообразностью всѣ дни его пестрой жизни. Наблюдая Герцена, какъ частнаго человѣка, и Герцена въ дѣятельности, вы убѣждаетесь, что онъ, въ своемъ родѣ, Янусъ двуликій. Всю свою мягкую „безхарактерность“ онъ оставлялъ дома, а на общественную арену выносилъ характеръ — боевой, несокрушимый, упругій, какъ толедскій клинокъ. Быть-можетъ, тутъ имѣла значеніе примѣсь германской крови, унаслѣдованной Герценомъ отъ матери. Въ частномъ быту Герцена проскальзывали атавистическія черточки стараго барскаго рода Яковлевыхъ, которыхъ послѣднее вельможное поколѣніе — своего отца, дядю „сенатора“ и дядю-„химика“ — Александръ Ивановичъ увѣковѣчилъ въ первыхъ частяхъ „Былого и Думъ“. Въ политикѣ — онъ тотъ живой, практическій, свѣтлоголовый и, какъ по рельсамъ, прямо и смѣло катящійся Штольцъ, котораго Гончаровъ ставилъ въ урокъ и укоръ русскимъ Обломовымъ. Но Штольцъ, исправленный гуманизмомъ самой высокой, тонкой, теплой и изящной красоты, Штольцъ, весь сотканный изъ любви къ свободѣ, правдѣ и благу человѣчества. Штольцъ, устремившійся служить народу не „культуртрегерствомъ“, въ формѣ построенія фабрикъ, учрежденія акціонерныхъ обществъ и умноженія собственныхъ капиталовъ, но — „душу свою полагаяй за други своя“. И даже больше. Потому что, какъ однажды остроумно выразился самъ Герценъ, „хорошо умереть за отечество, но жить ради его жизни еще лучше“.

Любопытно будетъ отмѣтить здѣсь кстати, что, будучи исправленнымъ и одухотвореннымъ Штольцемъ изъ „Обломова“, Герценъ, обыкновенно очень внимательный и снисходительный къ новымъ явленіямъ русской литературы, чрезвычайно холодно встрѣтилъ „Обломова“ и неоднократно аттестовалъ его, какъ произведеніе „скучное“ и „безполезное“. Такого же строгаго приговора дождалась отъ него извѣстная комедія Островскаго „Не въ свои сани не садись“. Вообще критическіе взгляды Герцена иногда удивляютъ современнаго читателя и, для уразумѣнія ихъ, слишкомъ расходящихся съ позднѣйшими оцѣнками, надо принимать во вниманіе историческую перспективу. Это необходимо и при чтеніи художественныхъ произведеній самого Герцена. Ихъ высоко ставилъ Бѣлинскій, но, по преимуществу, за идейное содержаніе, гуманную проповѣдь, силу обличительнаго протеста, умную, сердечную иронію. Сейчасъ мы ушли слишкомъ далеко впередъ отъ сенъ-симонизма и идей Жоржъ-Зандъ, чтобы воспринять полностью обаяніе „Кто виноватъ?“ — романа, такъ глубоко волновавшаго нашихъ дѣдовъ и даже отцовъ. Здѣсь устарѣло все: языкъ, типы, ситуаціи, литературные пріемы. Это беллетристика до Тургенева, что для насъ почти равносильно — до потопа. До сихъ поръ въ повѣстяхъ Герцена хороши и значительны только тѣ страницы, гдѣ онъ, отбрасывая въ сторону условныя требованія старинной художественности и традицій „хорошаго литературнаго вкуса“, даетъ полную свободу могучей силѣ своего публицистическаго ума и покоряетъ читателя неотразимой логикѣ своихъ блестящихъ силлогизмовъ. Образцомъ можетъ служить знаменитая сатира „Записокъ доктора Крупова“: соціально-психологическій этюдъ, совершенно исключительной силы. Онъ не только не „остался въ литературѣ“, но и оказалъ на нее громадное вліяніе, которое можно, пожалуй, дотянуть даже до нашихъ дней: такъ, докторъ Круповъ отразился въ извѣстной „Мысли“ Леонида Андреева. Въ общемъ же, для беллетристики Герцена, позволительно заключить такую формулу: умная, разсудочная, убѣжденно тенденціозная, она прекрасна всюду, гдѣ Герценъ — соціальный учитель, и слаба всюду, гдѣ онъ пробуетъ быть художникомъ. Его острый и трезвый умъ былъ лишенъ элемента выдумки, — онъ не любилъ, не умѣлъ, скучалъ возводить въ перлъ творенія отвлеченные художественные замыслы. Въ одномъ своемъ предисловіи онъ самъ говоритъ: „Этой повѣсти суждено остаться неконченною, потому что я утратилъ простодушіе, необходимое, чтобы ее написать“. Зато никто въ русской литературѣ не умѣлъ ярче Герцена описать, разсказать и заставить прочувствовать дѣйствительность, никто не далъ столько художественныхъ историческихъ картинъ, полныхъ одновременно психологической правды Веласкеза и романтической красоты Делакруа. Никогда не прекрасенъ такъ Герценъ, какъ преклоняясь предъ героемъ свободы и создавая ему пламенный апоѳеозъ. Его Гарибальди, Мадзини, Ворцель, Орсини, семья Фохтовъ, Прудонъ — бронзы, отлитыя для вѣчности, и принадлежатъ не одной русской, но всемірной литературѣ. Изъ всего, что мнѣ случалось читать о Гарибальди, Герценово описаніе его лондонскихъ дней несомнѣнно остается на первомъ мѣстѣ по огню, искренности, благородству, смѣю выразиться: по святости энтузіазма. Таковы же и русскіе портреты Герценовой кисти: Бѣлинскій, Вадимъ Пассекъ, Станкевичъ, Кирѣевскіе, Константинъ Аксаковъ, Грановскій. Герценъ — одинъ изъ немногихъ мемуаристовъ, умѣвшихъ разсказать свою жизнь не въ личной, себялюбивой исповѣди, но въ живыхъ лицахъ. „Былое и Думы“ — непрерывное дѣйствіе, съ кинематографическою смѣною новыхъ и новыхъ актеровъ, изъ которыхъ каждый — цѣльно и мастерски воплощенный типъ. Отъ Бенкендорфа до сторожа на прусской таможнѣ, отъ Бакунина до трактирщика въ вольномъ Фрибургѣ — всѣ вылѣплены съ одинаковымъ искусствомъ, съ силою правдоподобія и экспрессіи, поразительными въ такомъ быстромъ и размашистомъ творчествѣ.

Въ особенности прекрасенъ и симпатиченъ Герценъ въ своихъ характеристикахъ-панегирикахъ людей, которыхъ онъ уважаетъ и любитъ. Ихъ было много, и для каждаго Герценъ готовъ былъ, какъ говорится, распяться. Однако нельзя сказать, чтобы ему всегда платили добромъ за добро. Напротивъ, въ большинствѣ своихъ житейскихъ отношеній, Герценъ былъ очень несчастенъ. Надо имѣть счастливый, олимпійски-свѣтлый, эллинскій характеръ Герцена, чтобы переносить измѣны и утраты друзей, разочарованія, интриги, предательства съ его красивымъ спокойствіемъ, съ его проникновенною снисходительностью. Однимъ изъ памятниковъ этихъ драгоцѣнныхъ свойствъ Герценовой натуры остались воспоминанія А. И. о супругахъ Энгельсонахъ. При всемъ своемъ добродушіи, Герценъ былъ далеко не слѣпъ по отношенію къ средѣ, его окружавшей, и не только либеральными декламаціями, но даже и поверхностнымъ либерализмомъ дѣйствія купить его симпатіи въ крѣпостную зависимость было нельзя. О томъ наглядно свидѣтельствуютъ его характеристики Николая Сазонова (полная грустнаго юмора повѣсть о томъ, какъ одинъ богатый Рудинъ выродился въ нищаго и пьянаго Обломова), русскаго іезуита Владиміра Печерина, лондонскихъ рефюжье (эмигрантовъ) и фанфароновъ французской эмиграціи. Строгая святость конституціоннаго уклада Англіи приводила Герцена въ восторгъ. Въ высшей степени поучительны, въ этомъ направленіи, его статьи о политическихъ дѣлахъ въ англійскомъ судѣ. Но восторгъ никогда не ослѣплялъ Герцена до паралича критики. Этотъ человѣкъ былъ врагомъ непогрѣшимыхъ авторитетовъ, все равно, въ идеяхъ ли, въ учрежденіяхъ ли, въ дѣятеляхъ ли, въ ближайшихъ ли друзьяхъ. Онъ нѣжно любилъ Грановскаго, Огарева, Бакунина, но — дружба дружбою, служба службою. И, когда звалъ голосъ политическаго убѣжденія, онъ выступалъ противъ друзей своихъ, какъ строгій обличитель и безпощадный полемистъ. Трудно найти дружбу, болѣе глубокую и трогательную, чѣмъ между Герценомъ и Грановскимъ, — однако уже въ концѣ сороковыхъ годовъ они жили въ очень остромъ идейномъ разрывѣ, возникшемъ изъ вопроса о „личномъ безсмертіи“. Грановскій, хотя и западникъ, шелъ впередъ, покуда не уперся въ рубежъ идеалистическаго міросозерцанія и оста-

А. И. Герценъ (1866 г.).

новился стоять на немъ, какъ человѣкъ, не смѣющій переступить порога. А Герценъ съ Огаревымъ порогъ нетерпѣливо перешагнули и пошли къ новымъ матеріалистическимъ свѣтамъ—впередъ и впередъ, слѣдуя за неудержимымъ ростомъ западной позитивной науки. Эта сцена — идейной ссоры и нравственнаго разрыва съ Грановскимъ — одна изъ самыхъ сильныхъ и глубокихъ въ „Быломъ и Думахъ“: она потрясаетъ вдумчиваго читателя трагизмомъ страстной отвлеченности, которая была такъ свойственна нашимъ дѣдамъ и которой такъ мало у внуковъ. Это столкновеніе не житейскихъ людей, но цѣлыхъ міровоззрѣній, поглотившихъ въ себя живыя индивидуальности: это — катастрофа въ Платоновомъ мірѣ идей.

Когда Герценъ споритъ съ противникомъ, который пользуется его уваженіемъ (К. С. Аксаковъ, Жюль Мишле, временами даже, пожалуй, Александръ II), онъ очень сдержанъ въ выраженіяхъ и въ тонѣ и почти не пользуется самымъ могучимъ своимъ орудіемъ—смѣхомъ. Этимъ орудіемъ Герценъ уничтожалъ политическихъ враговъ своихъ тѣмъ вѣрнѣе, что смѣхъ его—свѣтлый смѣхъ. Въ этомъ отношеніи Герценъ—совершенный антиподъ другого гиганта русской общественной сатиры, М. Е. Салтыкова-Щедрина, съ его мрачнымъ смѣхомъ-стономъ, смѣхомъ-судорогою, который сверкаетъ, какъ зловѣщая молнія, и гремитъ, какъ громъ въ нависшей грозовой тучѣ. Сатирическіе удары Герцена — презрительныя улыбки солнца, которое, замѣтивъ скверное земное явленіе, спѣшитъ освѣтить его и обезвредить, наскоро клеймя и припекая обжигающимъ лучомъ. Истязательный щедринскій „правежъ“—совсѣмъ не въ духѣ и не въ средствахъ Герцена. Его любимый сатирическій пріемъ—короткая шутка, быстрая стрѣла, злая острота, мѣткая, убійственная кличка. Такъ раздѣлывался онъ съ людьми и явленіями, вызывавшими его презрѣніе. Онъ двумя-тремя словами рядилъ человѣка въ шуты и оставлялъ гулять шутомъ на всю жизнь. Такъ, напримѣръ, распорядился Герценъ съ министромъ Панинымъ: длинный ростъ и ограниченныя способности этого сановника дали ему мишень для самыхъ язвительныхъ противоположеній. Эта боевая манера Герцена сражаться смѣхомъ не разъ вызывала недовольство не только среди враговъ, которыхъ она терзала, но и среди друзей, которымъ иногда хотѣлось, чтобы Герценъ шелъ на литературно-политическія дуэли свои не какъ на веселый балъ, но серьезно принахмурясь. Но Герценъ умѣлъ отстоять достоинство и силу своего любимаго меча. „Смѣхъ,—писалъ онъ,—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило и еще держится, Богъ знаетъ на чемъ, важной развалиной, мѣшая расти свѣжей жизни и пугая слабыхъ. Предметъ, о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнуться, не впадая въ кощунство, не боясь угрызеній совѣсти,—фетишъ, и человѣкъ подавленъ имъ, онъ боится его смѣшать съ рядовыми предметами. Смѣхъ вовсе дѣло не шуточное, и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ, слушая Аристофана и его комедіи, хохотали до самаго Лукіана. Съ IV столѣтія человѣчество перестало смѣяться—оно все плакало, и тяжелыя цѣпи пали на умъ среди стенаній и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства стала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха было бы чрезвычайно интересно. Въ церкви, во дворцѣ, во фронтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частнымъ приставомъ, передъ нѣмцемъ-управляющимъ никто не смѣется. Крѣпостные слуги лишены права улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собой. Если низшимъ позволить смѣяться при высшихъ, или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чинопочитаніе. Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ значитъ разстричь его изъ священнаго сана въ простые быки. Снимите рясу съ монаха, мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста, и они не будутъ страшны ни для малыхъ ни для большихъ. Смѣхъ нивелируетъ, а этого-то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ“.

Но тамъ, гдѣ Герценъ не только презиралъ, но и ненавидѣлъ, ему становилось не до остротъ и шутокъ. Онъ забывалъ тогда свой богатый сатирическій арсеналъ и, давъ волю лирическимъ порывамъ, исходилъ огненными слезами и гнѣвными криками гражданскаго паѳоса, въ которомъ у него нѣтъ соперниковъ въ литературѣ, ни въ русской ни въ европейской. Такъ пишетъ онъ о крѣпостномъ правѣ, о страдѣ декабристовъ, о мракѣ николаевской Россіи, о Муравьевѣ Виленскомъ...

Въ этихъ грозныхъ выпадахъ Герценъ—этотъ свѣтлый, кроткій, жизнерадостный человѣкъ—становится страшенъ. Онъ если не убиваетъ на смерть, то клеймитъ до гроба и за гробомъ—на вѣки вѣчные, покуда жива исторія, и человѣчество слышитъ ея голосъ. Гоголь, въ крикахъ и хохотѣ отчаянія, написалъ ужасный общій фонъ—пустыню „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“, гдѣ, какъ Агарь, задыхалась дореформенная Россія. Герценъ докончилъ картину Гоголя, написавъ на его фонѣ историческія фигуры эпохи. Когда Герценъ говоритъ о царствованіи императора Николая I, вы чувствуете въ немъ фантастическій ужасъ вздохновеннаго Гойа,—онъ окруженъ воспоминаніями, какъ отвратительнымъ хороводомъ вампировъ, вѣдьмъ, кривляющихся привидѣній, и, чтобы разогнать ночное дикое сонмище, гнѣвно и страстно бьетъ въ „Колоколъ“,—да сгинетъ шабашъ мрака и да возсіяетъ свѣтлый день! Vivos voco,—этотъ девизъ средневѣкового колокола (заимствовавъ его опять-таки изъ эпиграфа къ Шиллеровой „Пѣснѣ о Колоколѣ“) примѣнялъ Герценъ къ своему знаменитому журналу. Онъ могъ бы договорить девизъ до конца: „mortuos plango, fulgura frango“—„зову живыхъ, оплакиваю мертвыхъ и сокрушаю молніи“. Потому что—кто же сокрушилъ больше молній и разсѣялъ больше черныхъ грозовыхъ тучъ надъ головою русскаго общества, чѣмъ Герценъ въ „Полярной Звѣздѣ“ и „Колоколѣ“? И одною изъ этихъ разсѣянныхъ тучъ была великая, всѣ четыре стороны русскаго міра омрачавшая, туча крѣпостного права. Не мало добрыхъ топоровъ рубило по стволу этого заклятаго многовѣкового дуба, но топоръ Герцена былъ самый острый и рубилъ всѣхъ глубже въ корень. Конечно, Герценъ — главнѣйшій виновникъ освобожденія крестьянъ съ землею. „Колоколъ“ былъ настольнымъ у Я. И. Ростовцева, въ немъ искалъ справокъ по крестьянскому вопросу императоръ Александръ Николаевичъ—государь, къ которому въ 1858 году соціалистъ Герценъ обратился — нѣсколько преждевременно!—съ знаменитымъ воплемъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Отношенія Герцена къ личности императора Александра II, рѣзко колебавшіяся въ соотвѣтствіи барометрическимъ скачкамъ неустойчиваго „царствованія полуреформъ“, болѣе чѣмъ любопытны и достойны самаго тщательнаго изученія.

Изъ-за рубежа, опальный, воспрещенный даже къ упоминанію имени, изгой умѣлъ стать и быть государственною силою. Со звономъ „Колокола“ почтительно считались рѣшительно всѣ русскія правительственныя и общественныя учрежденія и пружины пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Извѣстно, какъ императоръ Александръ Николаевичъ опредѣлилъ разницу между Герценомъ и Долгорукимъ, издателемъ другой заграничной газеты „Будущность“: „Долгорукій только ругается, а Герценъ часто даетъ намъ дѣльныя мысли“.

Великій человѣкъ, въ ѳиміамѣ долгаго культа, часто превращается въ бога на пьедесталѣ, въ свой собственный монументъ, воздвигнутый по общественной подпискѣ. Онъ такъ облекается репутаціей идейнаго совершенства, что за нею совершенно исчезаетъ человѣкъ. Такъ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, мы имѣли монументальнаго Пушкина, монументальнаго Бѣлинскаго, монументальныхъ Гоголя съ Лермонтовымъ, и лишь въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія начались попытки возвратить ихъ изъ условнаго состоянія „бронзовыхъ мужей славы“ въ живую плоть и кровь. Вотъ состояніе, совершенно невозможное для Герцена: его нельзя поставить въ статуарную позу неподвижнаго бога не отъ міра сего, — онъ слишкомъ человѣкъ, всегда, во всемъ земной, близкій, теплый, осязаемый и живой человѣкъ. Когда его портретъ виситъ на стѣнѣ, съ нимъ можно разговаривать мысленно цѣлыми часами, какъ съ любимымъ собесѣдникомъ, какъ съ дорогимъ другомъ, но не приходитъ желанія запереть его въ божницу. Нѣтъ въ русскомъ Пантеонѣ великаго человѣка, который менѣе Герцена требовалъ бы разглядыванія снизу вверхъ и годился бы для этого подобострастнаго процесса. Герценъ — писатель-другъ: онъ ждетъ, чтобы другъ-читатель подходилъ къ нему вровень. И именно это отсутствіе божественной позы, это простодушное равенство генія въ человѣчествѣ со всякимъ, ему внемлющимъ, сыномъ земли и дѣлаетъ Герцена такимъ близкимъ и дорогимъ для его читателя. Въ Герценѣ совсѣмъ нѣтъ той снѣговой безупречности, что дѣлаетъ альпійскія вершины такими сверкающими и такими холодными. Герценъ никогда не былъ гордымъ и самодовольнымъ фарисеемъ; онъ спотыкался, онъ падалъ, какъ мытарь, и, какъ мытарь, умѣлъ сознавать свои паденія и искренно въ нихъ каяться. Я люблю его въ грѣхахъ его, потому что нѣтъ ничего трогательнѣе чувства глубокой, почтительно скорбной, любящей виноватости, которою онъ окружилъ и обезсмертилъ нѣжный образъ своей Натальи Александровны. Я люблю его въ легкомысленныхъ переходахъ отъ тяжелаго горя къ рѣзвому веселью, въ его широкой и мало разборчивой фамильярности. Въ его шампанскомъ, которымъ столько попрекали Герцена пуристы демократіи. Въ его неловкихъ и щекотливыхъ дружбахъ, въ его, какъ сказалъ бы Л. Н. Толстой, „постыдныхъ „ты“, которыхъ у Александра Ивановича было врядъ ли меньше, чѣмъ у Стивы Облонскаго. Въ его легкомысленныхъ романчикахъ, въ которые онъ ухитрялся „падать“ съ высоты своей великой любви къ Натальѣ Александровнѣ, въ самые пылкіе дни ея, и потомъ каялся такъ сокрушенно и отчаянно, что Натальѣ же Александровнѣ приходилось утѣшать его доказательствами, что онъ еще не совсѣмъ пропащій грѣшникъ, бываютъ и хуже. Я люблю его маленькія тщеславія, самодовольство собственнымъ остроуміемъ, чрезмѣрное щегольство большимъ образованіемъ, странные заголовки и эпиграфы на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ, которыхъ не понимало девять десятыхъ даже его образованной публики. Да едва ли и онъ-то самъ всегда отчетливо понималъ. „Ну, зачѣмъ ты опять набросалъ греческихъ словъ?—строго отчитывалъ его Огаревъ,—вѣдь ни гу-гу не знаешь по-гречески!“ Уже въ самыхъ раннихъ письмахъ и произведеніяхъ Герценъ „шикарно“ щеголяетъ итальянскими и англійскими цитатами, а между тѣмъ по собственному указанію, по-итальянски онъ выучился только въ Римѣ, а по-англійски въ Лондонѣ, то-есть въ возрастѣ за тридцать лѣтъ. Люблю его спѣшныя характеристики и великодушныя ошибки въ людяхъ, ревнивые капризы и властность дружбъ, комическую слабость мѣшаться „не въ свое дѣло“ и вѣчно

стекающіе отсюда пороки. Люблю въ немъ, словомъ, цѣльность человѣческой натуры, со всѣми ея красотами и слабостями:

Не называй его небеснымъ
И у земли не отнимай!

Да, онъ былъ земля и глубоко понималъ землю. Подобно Фаусту, онъ отрекся вызывать страшнаго, отвлеченнаго Макрокосма, неохватимаго мыслью человѣческою, духа міровой системы, и предался Микрокосму, могучему и практическому духу земли, въ звѣздной ризѣ, еженощно трепещущей живыми надеждами надъ головами усталаго человѣчества. Но Герценъ не испугался живого огня, которымъ дышитъ великій духъ: онъ ринулся въ этотъ священный пожаръ, какъ страстный любовникъ пламени, и самъ сталъ—весь пламя. Поразительны энергія, темпераментъ и строгая цѣлесообразность дѣйствій этого человѣка въ слабомъ ноющемъ вѣкѣ „лишнихъ людей“, которому онъ принадлежалъ, какъ современникъ. Поразительны чутье и сила, съ какими Герценъ, при огромной философской начитанности, умѣлъ однако не заблудиться въ гегеліанскихъ туманахъ, окутавшихъ русское интеллигентное поколѣніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, отъ кружка Станкевича до „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ включительно. Гдѣ другіе благоговѣли—audite verba magistri!—Герценъ критиковалъ; въ томъ, что другіе принимали за цѣль, Герценъ искалъ только средствъ и ключей къ самостоятельнымъ путямъ и выводамъ. Такъ—гегеліанство его разрѣшается откровеннымъ заявленіемъ въ „Дневникѣ“, что онъ любитъ Гегеля лишь въ періодѣ, когда тотъ писалъ „разсужденіе о смертной казни“.

А. И. Герценъ. Портретъ работы *Н. Н. Ге.*

Земля, и даже, пожалуй, надо взять еще уже: земля русская. Пушкина принято звать „лучшимъ русскимъ человѣкомъ“. Герценъ имѣетъ полное право раздѣлить съ нимъ честь этого прозвища. Раннее европейское воспитаніе, заграничный навыкъ, громадная начитанность и эрудиція позволяли ему чувствовать себя совершенно своимъ, равно въ интеллигенціи Германіи, Италіи, Франціи, Польши, Англіи. Но, даже спустя тридцать лѣтъ по своей эмиграціи, онъ изумилъ доктора Бѣлоголоваго тѣмъ, до какой степени онъ „остался русскимъ человѣкомъ и москвичомъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Говорилъ онъ бойко по-французски, но думалъ по-русски, и было замѣтно, какъ старикъ Литтре часто затруднялся сразу схватить то или иное выраженіе Герцена: его слова были французскія, а обороты—русскіе. Онъ остался по манерѣ держать себя, по тону, разговору, по интонаціямъ голоса опять-таки типичнѣйшимъ русскимъ интеллигентомъ и москвичомъ“. Въ противоположность Бакунину, который, отколовшись отъ Россіи, мало-по-малу обратился въ революціонера интернаціональнаго, Герценъ, какъ въ жизни, такъ и въ революціи, хотѣлъ и умѣлъ быть только русскимъ и не позволялъ переставить себя на интернаціональный пьедесталъ, какъ о томъ ни старались многіе, даже ближайшіе къ нему, люди. Извѣстенъ его отказъ отъ участія въ женевскомъ соціалистическомъ конгрессѣ „мира и свободы“ (1867), съ мотивировкою во французскомъ „Колоколѣ“: „Если меня приглашали, то не въ качествѣ русскаго, но въ глубокомъ убѣжденіи, что я—русскій въ наименьшей по возможности мѣрѣ, а этого-то я и не могъ, не хотѣлъ, не долженъ былъ принять. Всѣми фибрами сердца я принадлежу къ русскому народу; я работаю для него, онъ работаетъ во мнѣ; это не есть историческое воспоминаніе, слѣпой инстинктъ, связь крови, но слѣдствіе того, что я вижу въ русскомъ народѣ, сквозь кровь и зарево пожаровъ, сквозь народное невѣжество и царскую цивилизацію. А вижу я великую силу, великій элементъ, который входитъ въ исторію прямо съ соціальною революціею, къ которой старый міръ пойдетъ volens-nolens, если не хочетъ погибнуть или окостенѣть“. Именно въ это время Герценъ мечтаетъ и пишетъ о великомъ земскомъ соборѣ, и вообще мысль его принимаетъ настолько ярко-русскую окраску, что, въ настоящее время, критическіе споры о Герценѣ едва ли не склонились къ рѣшительному выводу, что въ этомъ типическомъ, по наружности, западникѣ скрывался, по существу, не менѣе типическій славянофилъ. Разумѣется, не въ духѣ московскаго славянофильства, съ которымъ Герценъ заклято враждовалъ въ сороковыхъ годахъ.

„Славяне“ московскаго толка, выродившіеся впослѣдствіи просто въ „квасныхъ патріотовъ“ и даже не безъ полицейскаго оттѣнка, остались противны и враждебны Герцену до конца дней. Но даже имъ, слѣпо ненавидящимъ и враждующимъ, подсказывало нѣкое смутное чутье, что изъ враговъ ихъ, западниковъ, Герценъ болѣе всѣхъ русскій, богаче всѣхъ національнымъ чувствомъ, а, слѣдовательно, и не безнадеженъ для руссизма. Онъ очень долго оставался въ близкой дружбѣ съ идейно честными вождями славянофильства: К. С. Аксаковымъ, братьями Кирѣевскими, хорошъ былъ съ Хомяковымъ, за каковыя пріязни получалъ жестокіе выговоры отъ нетерпимаго Бѣлинскаго. На обѣдѣ въ честь историка-западника Т. Н. Грановскаго, при едва ли не послѣдней попыткѣ московскихъ славянофиловъ и западниковъ побрататься, славянофилы выказали западнику Герцену особое вниманіе и расположеніе, Иванъ Кирѣевскій даже умолялъ Герцена перемѣнить свою неподходящую къ его русскости нѣмецкую фамилію и писать ее на русскій манеръ черезъ „ы“: „Герцынъ“. А Шевыревъ, обнимая Герцена, восклицалъ:

— Ничего, онъ и съ „е“ хорошъ, онъ и съ „е“ русскій.

Съ исконнымъ врагомъ своимъ, историкомъ-публицистомъ М. П. Погодинымъ, пятидесятилѣтній Герценъ дружески встрѣтился въ Эмсѣ и, не найдя, конечно, никакихъ точекъ сочувствія со старымъ славянофиломъ въ области политической, нашелъ не одну въ области національнаго чувства. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни неотступная жажда Россіи волновала Герцена мучительно. Онъ былъ достаточно силенъ волею, чтобы не проиграть своей исторической роли неосторожнымъ возвращеніемъ на родину, въ порядкѣ частнаго помилованія. Но было бы глубокою ошибкою причислять его къ слѣпому сонму самодовольныхъ эмигрантовъ, которые держатся за свое изгойство, какъ за возвышающій ихъ мученическій пьедесталъ. Отрицательное отношеніе Герцена къ эмиграціи, какъ чужой, такъ и собственной, высказано имъ множество разъ, а всего рѣзче въ бесѣдѣ, сохраненной Бѣлоголовымъ:

— Бога ради, уговорите вашего пріятеля не дѣлать этого; эмиграція для русскаго человѣка вещь ужасная; говорю по собственному опыту; это не жизнь и не смерть, а это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Мнѣ не разъ приходится раздумывать на эту тему, и,—вѣрьте, не вѣрьте,—но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта.

Уже воспоминанія Герцена о старыхъ эмигрантахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (Печеринъ, Сазоновъ, Энгельсоны, Кельсіевъ и др.) полны скептицизма, а иногда звучатъ и презрѣніемъ. Тѣмъ острѣе должно было выявиться его отношеніе къ эмиграціи новой, хлынувшей главнымъ образомъ въ Швейцарію во

ВОЛЬНОЕ РУСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ

ВЪ ЛОНДОНѢ.—

Отчего мы молчимъ?

Неужели намъ нечего сказать?

Или неужели мы молчимъ, оттого что мы не смѣемъ говорить?

Дома нѣтъ мѣста свободной Руской рѣчи, она можетъ раздоваться индѣ если только ее время пришло. —

Я знаю какъ вамъ тяжко молчать, чего вамъ стоитъ скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякой порывъ.

Открытая вольная рѣчь — великое дѣло, безъ вольной рѣчи — нѣтъ вольнаго человѣка. — Не даромъ, за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояние. — Скрывается только слабое, боящееся, не зрѣлое. — "Молчание знакъ согласия", — оно явно выражаетъ отрѣчение, безнадежность, склонение головы, сознанную безвыходность —

Открытое слово, — торжественное признание, переходъ въ дѣйствие.

Заглавная страница перваго обращенія А. И. Герцена (Искандера) къ Братьямъ на Руси, напечатаннаго 21 февраля 1853 г.

второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ученики Добролюбова и Чернышевскаго, участники „Молодой Россіи" и „Земли и Воли", товарищи Михайлова, Серно-Соловьевичъ, Утинъ и др. не годились въ компанію Герцену, онъ — въ компанію имъ. Нечаевъ приводилъ его въ ужасъ, „нечаевщина" внушала ему отвращеніе. Онъ былъ въ восторгѣ отъ нигилиста Базарова въ тургеневскихъ „Отцахъ и дѣтяхъ", но выродившіеся Базаровы живой яви были ему глубоко противны, и онъ говорилъ о нихъ не лучше, чѣмъ въ романѣ Павелъ Петровичъ Кирсановъ о самомъ Базаровѣ. „Базаровъ—Богъ передъ этими свиньями!"—пишетъ Герценъ Огареву въ 1868 году, взбѣшенный безобразнымъ отношеніемъ къ нему Серно-Соловьевича и другихъ „Собакевичей и Ноздревыхъ нигилизма". А они громогласно проповѣдовали, что Герценъ — „московскій баринъ", который еще годится, пожалуй, лишь на то, „чтобы умереть на баррикадѣ, да на баррикаду-то онъ не пойдетъ". Конечно, не всѣ молодые эмигранты относились къ Герцену такъ оскорбительно. Мы имѣемъ тому живого свидѣтеля, знаменитаго шлиссельбуржца Германа Александровича Лопатина, полнаго восторгомъ къ памяти великаго писателя, котораго онъ успѣлъ знать лично въ Ниццѣ и Женевѣ. Но большинство было несомнѣнно противъ Герцена — до ненависти, даже посмертной.

Когда Герценъ разсуждалъ спокойно, онъ правильно и точно опредѣлялъ первоисточникъ этой плачевной вражды: „Общее между нами было слишкомъ обще. Вмѣстѣ итти служить, по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать — мы могли; но вмѣстѣ стоять и жить, сложа руки, было трудно". Разложеніе людей въ вынужденной бездѣятельности эмиграціи до состоянія живыхъ труповъ, поддерживаемыхъ въ существованіи единственно злостью на себѣ подобныхъ, въ состояніи вполнѣ оцѣнить только тотъ, кто лично изведалъ несчастный и жалкій бытъ русскихъ колоній въ Швейцаріи и Парижѣ, съ ихъ самоубійственнымъ „вареніемъ въ собственномъ соку". Говорить объ этомъ подробно не стоитъ. Достаточно сказать, что не было грязной клеветы, которая не была бы взведена на Герцена его заграничными соотечественниками. Включительно до „денежной нечестности", выразившейся въ томъ, что онъ отказался дать на расхищеніе чужія, ввѣренныя ему деньги.

Примѣшивалось однако къ этому и многое другое, въ чемъ Герценъ боялся самому себѣ признаться, чтобы не похоронить себя заживо собственными руками. На немъ сказались время, поколѣніе и долгое отчужденіе отъ Россіи. Уже въ статьяхъ „Very dangerous!" (1858) и „Лишніе люди и желчевики" (1860) Герценъ явилъ себя человѣкомъ сороковыхъ годовъ, который не въ состояніи былъ ни принять Чернышевскаго съ Добролюбовымъ, ни выставить въ противовѣсъ имъ, для новаго поколѣнія, собственное положительное ученіе, съ программою не только обличеній или политическихъ реформъ ad hoc, но и глубокаго соціальнаго перестроя, къ которому устремилась молодая, сплошь матеріалистическая Русь. Герценъ понималъ пропасть, открывшуюся между нимъ и революціонною молодежью, но переродиться не могъ и не хотѣлъ, а иныхъ средствъ къ искреннему сближенію не было. Притворяться же, въ угоду современности, и бѣжать покладистымъ льстецомъ за колесницею какихъ бы то ни было тріумфаторовъ было внѣ натуры Герцена, до дна искренней и прежде всего критической. Разочарованный, съ горечью въ разбитомъ сердцѣ, но со стоическою выдержкою, похоронилъ онъ—еще недавно столь славный и необходимый, а теперь ненужнымъ ставшій—„Колоколъ". А вскорѣ и самъ легъ въ могилу на кладбищѣ Cimiez въ Ниццѣ, гдѣ теперь высится его бронзовая статуя, отлитая Забѣлло и воспѣтая Надсономъ (см. стр. 750).

Молодежи Герценъ не догналъ, а отъ своихъ сверстниковъ и ровесниковъ ушелъ слишкомъ далеко впередъ. Поэтому пожилые годы столь общительнаго человѣка свелись чуть не къ круглому одиночеству, по крайней мѣрѣ, со стороны Россіи. Свое вліяніе на русскую публику Герценъ проигралъ покровительствомъ польскому возстанію 1863 года. Онъ предчувствовалъ морально-политическую опасность этого риска и шелъ на него съ величайшею неохотою, понукаемый Огаревымъ и Бакунинымъ. Они же, дозрѣвъ сами до отрицанія всѣхъ, исторически выношенныхъ, искусственныхъ граней человѣчества, во имя всемірнаго гражданскаго союза расъ, племенъ и народовъ, не разсчитали, что Россія еще

Медаль, выбитая по поводу 10-лѣтія типографіи А. И. Герцена въ Лондонѣ.
На лицевой ея сторонѣ—голова А. И. Герцена; на оборотной—колоколъ съ надписью. ***земля и воля vivos voco;*** *кругомъ: „first decenium of the free russian press in london" 1853-1863.*

КОЛОКОЛЪ

"Vivos voco!"

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА выходитъ слишкомъ рѣдко, — мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этаго мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать одинъ листъ, иногда два, подъ заглавіемъ КОЛОКОЛЪ.

Успѣхъ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ, далеко превзошедшій наши ожиданія, позволяетъ намъ надѣяться на хорошій пріемъ ея сопутника.

О направленіи говорить нечего; оно тоже которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже которое проходитъ неизмѣнно черезо всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда быть со стороны воли—противъ насилія, со стороны разума —противъ предразсудковъ, со стороны науки — противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ—противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, чтобъ съ нея спали наконецъ ненужные старые свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этаго мы теперь, какъ въ 1855 г. (*) считаемъ первымъ необходимымъ, неминуемымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЛОВА ОТЪ ЦЕНСУРЫ,
ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ПОМѢЩИКОВЪ,
ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОДАТНАГО СОСТОЯНІЯ ОТЪ ПОБОЕВЪ.

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, КОЛОКОЛЪ посвященный исключительно Русскимъ Вопросамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни былъ затронутъ, нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное, все идетъ подъ КОЛОКОЛЪ.

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него.

Первый листъ выйдетъ около 1 Іюня.

ИСКАНДЕРЪ.

Лондонъ 13 Апрѣля 1857.

(*) Программа Полярной Звѣзды.

Будетъ продаваться у TRUBNER'A & Co., 60, Paternoster Row, London, (Price Sixpence.)

ЛОНДОНЪ, ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
2, Judd Street, Brunswick Square.

Первое объявленіе о выходѣ въ свѣтъ „Колокола" А. И. Герцена (Искандера).

не доразвилась до той же космополитической точки зрѣнія, и нашли камень преткновенія въ національномъ фанатизмѣ, искусно пробужденномъ въ тогдашнемъ обществѣ усиліями и талантомъ другого знаменитаго русскаго публициста, М. Н. Каткова. Послѣдній въ то время только-что свернулъ съ пути прогрессивно-обличительнаго на путь реакціи и усердствовалъ въ ней со всѣмъ рвеніемъ фанатическаго неофита. Все это дословно было предсказано Герцену еще тогда же, въ 1863 году, эмигрантомъ-крестьяниномъ Мартьяновымъ, впослѣдствіи ушедшимъ въ Сибирь за письмо къ Александру II о необходимости „мужицкаго земскаго царя":

— Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ,—такъ ли, иначе ли, а „Колоколъ"-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ, и правы, но ихъ дѣло шляхетское, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ.

Агонія „Колокола" была агоніей Герцена, смерть „Колокола" была смертью Герцена. Умереть въ пятьдесятъ восемь лѣтъ было рано по его могучимъ жизненнымъ силамъ. Неправда и то, будто онъ пережилъ свой талантъ, какъ увѣряли его разнообразные враги, даже въ некрологахъ. Достаточно перечитать его предсмертныя статьи и „Aphorismata", чтобы видѣть прежняго Герцена и даже болѣе зрѣлаго и сильнаго, чѣмъ прежде. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что къ году смерти своей Герценъ доигралъ на сценѣ исторіи роль свою до конца. И въ Европѣ, гдѣ смерть избавила его отъ зрѣлища ликованій ненавистной ему бисмарковщины и прусской солдатчины, восторжествовавшихъ надъ его любимою Франціей и надолго смявшихъ подъ ноги демократическія надежды народовъ. И особенно въ Россіи. Великій разрушитель дворянства умеръ на могилѣ, которую онъ вырылъ своему сословію, разрушивъ его кормильца и поильца, — крѣпостное право. Съ гибелью главной дворянской привилегіи потеряло смыслъ также и бытіе „кающагося дворянина". А вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянская оппозиція, революція богатыхъ собственниковъ, быстро перелилась въ революцію всесословную, разночинную и придвинулась къ порогу революціи пролетарской. Въ революціи же пролетарской, въ революціи четвертаго сословія, Герцену уже не предвидѣлось мѣста. Грандіозный публицистическій талантъ—большая часть Герцена, его матеріальная состоятельность и обезпеченность—часть меньшая, но столько же необходимая, чтобы былъ Герценъ. Герценъ былъ состоятельно независимъ самъ и говорилъ предъ состоятельною и однородною аудиторіей, съ единствомъ которой ему было легко взаимопониманіе. Все это условія чрезвычайно важныя и уже неповторимыя. Революціонеръ-публицистъ, по преимуществу политическій, на Герценовъ ладъ, въ одиночку упрочившійся, блистательный фразеологъ-разрушитель на капиталистическомъ фундаментѣ, кончилъ свою историческую роль. Фразеологія требуетъ много времени и у оратора и у слушателей, а время обусловливается матеріальной обезпеченностью. Пролетарская революція, сжатая въ короткій досугъ немногихъ часовъ между работой ради хлѣба насущнаго и сномъ, должна была поневолѣ принять за правило экономію слова и, въ суровой дисциплинѣ фактическихъ доказательствъ и повелѣвающихъ формулъ, почти совершенно упразднила фразеологію. Голая, твердо усвоенная схема-программа побѣдила красоту бѣгучихъ, чеканныхъ силлогизмовъ. Вообразите же себѣ Герцена безъ силлогизма, Герцена безъ фразеологіи! Это — Пушкинъ безъ стиха, это—Рѣпинъ безъ красокъ!

Мы видѣли, что рознь породы, класса и пріемовъ сказалась враждебно уже въ первыхъ встрѣчахъ стараго Герцена съ предтечами и начинателями русской пролетарской революціи. Уже Чернышевскій и Добролюбовъ казались Герцену very dangerous (очень опасными), а Герценъ уже Чернышевскому и Добролюбову—либеральнымъ бариномъ, спѣвшимъ свою пѣсню. Не даромъ же подъ конецъ жизни Герценъ разошелся и съ Бакунинымъ, смущенный страшною прямолинейною послѣдовательностью, съ которой тотъ вышелъ за кругъ революціи русской, чтобы очертиться еще болѣе широкимъ и грознымъ кругомъ революціи міровой.

И, тѣмъ не менѣе, великое имя Герцена, помимо его литературной громадности, безсмертно и остается любимѣйшимъ преданіемъ русской революціи и святѣйшимъ образомъ въ иконостасѣ русской свободы. Русскій міръ широко шагнулъ впередъ... Но, въ могучемъ маршѣ его, звучитъ еще, да и вѣчно звучать будетъ Герценова запѣвка: чудный голосъ и пламенная искренность пѣвца, посланнаго сто лѣтъ тому назадъ родиться на Руси, чтобы научить ее пѣснѣ о свободѣ. Жизнь, нарастая, обгоняетъ Герценовы планы и мечты, но она никогда не въ состояніи обогнать Герценова доброжелательства, Герценовой любви, Герценовой вѣры въ народъ и будущую Россію.

На могилѣ А. И. Герцена.

Стихотвореніе **С. Я. Надсона.**

1.

На полдень отъ нашего скуднаго края,
Подъ небомъ цвѣтущей страны,
Гдѣ въ желтыя скалы стучитъ, не смолкая,
Прибой средиземной волны,
Гдѣ лѣсъ апельсиновъ изломы и склоны
Зубчатыхъ холмовъ осѣнилъ
И Ницца на солнцѣ купаетъ балконы
Своихъ бѣломраморныхъ виллъ,—
Есть хмурый утесъ: словно чуткая стая
На отдыхъ слетѣвшихся птицъ,
Бѣлѣетъ на немъ, въ цвѣтникахъ утопая,
Семья молчаливыхъ гробницъ.

2.

Едва на востокѣ заря просіяетъ
За синею цѣпью холмовъ,

Памятникъ А. И. Герцену на его могилѣ въ Ниццѣ. Работы *Забѣлло.*

Туда она первый свой отблескъ роняетъ,—
На мраморъ могильныхъ крестовъ.
А ночью тамъ дремлютъ туманы и тучи,
Волнами клубящейся мглы,
Какъ флеромъ, окутавъ изрытыя кручи
Косматой и мрачной скалы.
И видно оттуда, какъ даль горизонта
Сливается съ зыбью морской,
И какъ серебрится на Альпахъ Пьемонта
Въ лазури покровъ снѣговой.
И городъ оттуда видать: подъ ногами
Онъ весь, какъ игрушка, лежитъ,
Тѣснится къ волнамъ, зеленѣетъ садами,
И дышитъ, и жизнью кипитъ!..

3.

Шумна многолюдная Ницца зимою:
Движенья и блеска полна,
Вдоль стройныхъ бульваровъ нарядной толпою
За полночь пестрѣетъ она.
Гремятъ экипажи, снуютъ пѣшеходы,
Звенятъ мандолины пѣвцовъ,
Взметаютъ фонтаны жемчужныя воды
Въ таинственномъ мракѣ садовъ.
И только скалистый утесъ, наклоненный
Надъ буйнымъ прибоемъ волны,
Какъ сказочный витязь, стоитъ, погруженный
Въ свои одинокіе сны...
Стоитъ онъ— и мрачныя тѣни бросаетъ
На радостно-свѣтлый заливъ,
И знойный мистраль шелеститъ и вздыхаетъ
Въ листвѣ ея пышныхъ оливъ.

4.

Грустилъ я на югѣ... Душа тосковала
О вьюгахъ и буряхъ родныхъ.
Какъ злая насмѣшка, ее раздражала
Улыбка небесъ голубыхъ.
Пришлецъ, сѣверянинъ,—еще съ колыбели
Привыкнувъ въ отчизнѣ моей
Къ тоскливымъ напѣвамъ декабрьской мятели
И шуму осеннихъ дождей,—
На роскошь изнѣженной южной природы
Глядѣлъ я съ холодной тоской,
И городъ богатства, тщеславья и моды
Казался мнѣ душной тюрьмой...
Но былъ уголокъ въ немъ, гдѣ я забывался:
Безсильно смолкая у ногъ,
Докучливымъ шумомъ туда не врывался
Веселья и жизни потокъ.
То былъ уголокъ на утесѣ угрюмомъ:
Подъ сѣнь его мирныхъ могилъ
Я часто, отдавшись излюбленнымъ думамъ,
Отъ праздной толпы уходилъ.

5.

Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ,
Среди обветшалыхъ крестовъ
И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ
Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ,—
Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я, одинокій,
Какъ я, на чужихъ берегахъ
Страдальческій образъ отчизны далекой
Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою
На мраморный цоколь ступивъ,
Какъ будто живой онъ вставалъ предо мною
Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
Въ чертахъ—величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
Прижаты широкимъ крестомъ...

6.

Такъ вотъ гдѣ, боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!
Сюда не нагрянетъ жестокой грозою
Душившій тебя произволъ.
Изъ скорбной отчизны къ тебѣ не домчится
Бряцанье позорныхъ цѣпей.
Скажи жъ мнѣ: легко ли, спокойно ли спится
Тебѣ межъ свободныхъ людей?
Тебя я узналъ... Ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы,
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.
Онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
Онъ звалъ насъ сплотить я тѣснѣй,
И былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ твоихъ смѣлыхъ рѣчей!..

Разсказъ **Владиміра Келера**. Иллюстраціи **Сергѣя Лодыгина**.

I.

— Вы что это у меня давно не были, Алексѣй Петровичъ, а еще родственникъ,—обратился съ укоромъ полковникъ, здороваясь съ молодымъ поручикомъ, попавшимся ему на улицѣ въ Пекинѣ.— Заходите, пожалуйста,—продолжалъ онъ,—я покажу вамъ замѣчательную вазу, которую пріобрѣлъ совершенно случайно. На ней изображенъ пятиглавый драконъ, а сама она изъ золоченой бронзы.

— Ну это—не рѣдкость! У китайцевъ драконы вездѣ.

— Пятиглавый почти не встрѣчается. Къ тому же вмѣсто глазъ у дракона вставлены драгоцѣнные камни. Положимъ, это не важно, но одна изъ головъ такъ выразительна, что на нее жутко смотрѣть.

— Зачѣмъ же вы такую вазу купили?

— Зачѣмъ!? Хмъ! А вы приходите!

Побывать, однако, у полковника поручику не удалось, и они черезъ нѣсколько дней снова встрѣтились на улицѣ.

— Что жъ это васъ не видно?

— Некогда, полковникъ. Нѣтъ ни одной свободной минуты. Вы ужъ меня простите. А что ваша ваза—еще не надоѣла?

— Какой тамъ надоѣла. Благодаря ей я достаю здѣсь все, что хочу.

— Какъ такъ?

— Это цѣлая исторія. Представьте себѣ: черезъ нѣсколько дней послѣ нашей встрѣчи ко мнѣ явился китаецъ и сталъ настоятельно просить, чтобы я продалъ ему вазу съ дракономъ. Онъ предлагалъ за нее большія деньги. Конечно, китайцу я отказалъ, а онъ вдругъ ни съ того ни съ сего изъявилъ желаніе поступить ко мнѣ на службу. Это меня удивило, и я отправилъ его ко всѣмъ чертямъ, сославшись на то, что людей безъ рекомендаціи къ себѣ не беру. Онъ ушелъ, но на другой день явился съ письмомъ отъ командующаго англійскимъ отрядомъ. Капитанъ Джаннеръ ручался за Юнъ-хо-Сана и совѣтовалъ взять его, какъ вполнѣ надежнаго человѣка. Дѣлать было нечего, и мнѣ пришлось нанять этого Юнъ-хо-Сана въ помощь денщику. Пока я имъ очень доволенъ: онъ знаетъ Пекинъ, какъ свои пять пальцевъ, и достаетъ все, чего я ни потребую.

— Это удобно! Но странно, что человѣкъ съ деньгами поступилъ къ вамъ на службу.

— Почему странно, вѣдь это китаецъ?

— Допустимъ, но я совѣтовалъ бы вамъ быть поосторожнѣе. Китайцы—наши враги.

— Мы не деремся съ мирными жителями, а старику гораздо безопаснѣе жить у меня, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Это онъ хорошо понимаетъ.

— Ему-то у васъ спокойнѣе, а вотъ какъ будетъ вамъ—это дѣло другое.

— Судя по началу, будетъ не дурно и мнѣ.

Надежды полковника, повидимому, оправдались, такъ какъ до Алексѣя Петровича, ушедшаго со своей ротой изъ Пекина, доходили свѣдѣнія, что Юнъ-хо-Санъ все время служитъ у его дальняго родственника.

II.

Послѣ усмиренія боксерскаго движенія война съ Китаемъ закончилась. Часть русскихъ войскъ, стоявшихъ обыкновенно во Владивостокѣ, вернулась обратно въ городъ.

Поручикъ Князевъ былъ такъ занятъ съ утра до ночи, что никакъ не могъ выбраться къ полковнику,

Закончивъ какъ-то дѣла раньше обыкновеннаго, онъ рѣшилъ его навѣстить и, накинувъ шинель, собрался выйти на улицу. Въ это время дверь отворилась, и въ комнату влетѣлъ его родственникъ.

— Я всегда говорилъ, что съ китайцами надо быть осторожнымъ. Помните, въ Пекинѣ? Я еще не хотѣлъ брать этого мерзавца, а вы мнѣ его рекомендовали, какъ человѣка надежнаго,— сказалъ, тяжело дыша, вошедшій, здороваясь съ Алексѣемъ Петровичемъ.

— Кажется, я говорилъ совершенно другое, ваше превосходительство? Поздравляю васъ съ производствомъ. Въ новомъ чинѣ я васъ еще не видѣлъ.

— Какое тамъ превосходительство? Зовите меня просто генераломъ. Да не въ чинѣ дѣло, а въ томъ, что у меня въ домѣ вмѣстѣ съ этими красными отворотами завелась какая-то мерзость.

— Не понимаю, генералъ.

— Еще бы вы поняли, когда я самъ ничего не понимаю. Завелась мерзость и дьявольщина, вотъ что! — А у кого завелась? У меня, у генерала русской службы. Каково!

— Да вы бы сѣли.

— Чего тамъ садиться. Я летѣлъ къ вамъ, чтобы посовѣтоваться, какъ съ роднымъ. Я человѣкъ рѣшительный, времени терять не люблю. А вы—садитесь...

— Снимите пальто, генералъ, и отдохните. Пока подадутъ чай, вы разскажете мнѣ, что васъ такъ встревожило.

— Насчетъ тревоги не безпокойтесь, хотя тутъ и замѣшана нечистая сила. Этакая гадость, подумаешь! А все вы, съ вашими китайцами!

— Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло?

— Не дѣло, а чортъ знаетъ что. Слушайте-ка!.. Только-что мы вернулись сюда въ городъ, я немедленно принялся распаковывать купленныя въ Китаѣ вещи. Юнъ-хо-Санъ, конечно, при этомъ присутствовалъ. Когда мы добрались до вазы съ дракономъ, онъ такъ и просіялъ. Взявъ ее бережно въ руки, китаецъ отправился въ свою комнату и черезъ нѣкоторое время вернулся съ вазой, которую я едва призналъ за свою. Она вся такъ и сверкала камнями, а позолота играла на ней, какъ чистое червонное золото.

„— Вотъ какой она должна быть, такой она и стояла въ нашей пагодѣ,—съ гордостью сказалъ, обращаясь ко мнѣ, китаецъ.

„— Да развѣ она была въ пагодѣ?—спросилъ я.

„— Кто же другой могъ владѣть священной курильницей дракона?

„— А ты поставь-ка ее лучше на мѣсто, да поосторожнѣе, а то, пожалуй, уронишь,—сказалъ я, видя, что Юнъ-хо-Санъ сталъ вертѣть вазу въ рукахъ.

„Китаецъ нехотя исполнилъ мое приказанье.

„Когда разборка вещей была окончена, я отпустилъ прислугу, полюбовался немного курильницей и пошелъ къ себѣ въ спальню.

„Неожиданно мнѣ послышались тяжелые вздохи изъ комнаты, гдѣ стояла драгоцѣнная ваза.

„Я подошелъ къ полуоткрытымъ дверямъ и увидѣлъ Юнъ-хо-Сана на колѣняхъ предъ колонной, на которой я помѣстилъ курильницу. Онъ, повидимому, молился.

„Въ вазу были положены китайцемъ раскаленные угли, и драгоцѣнные камни въ ней такъ и сверкали.

„Мнѣ показалось, что драконъ, изображенный на вазѣ, шевелился.

„Глаза его искрились, а изъ открытой пасти временами валилъ дымъ и пламя.

„При появленіи огня, Юнъ-хо-Санъ жалобно стоналъ и кланялся дракону въ землю.

„Все видѣнное меня такъ ошеломило, что я, прикрывъ плотно двери, вернулся въ спальню и провелъ ночь безъ сна.

„Утромъ я ничего не сказалъ китайцу, рѣшивъ ждать, что будетъ вечеромъ.

„Вечеромъ Юнъ-хо-Санъ такъ же усердно молился предъ вазой, какъ и наканунѣ.

„Такъ какъ въ молитвѣ китайца я не видѣлъ ничего дурного, да и курильница отъ сжигаемыхъ въ ней углей не пострадала, я рѣшилъ не обращать вниманія на поведеніе Юнъ-хо Сана. Мало ли кто, какъ и чему молится.

„За свою снисходительность я былъ наказанъ.

„Слушайте внимательнѣе. Тутъ-то и начинается чертовщина.

„Утромъ портной принесъ мнѣ генеральскія брюки съ лампасами и пальто.

„Я сталъ ихъ примѣрять и остался очень доволенъ работой. Надо признаться, что меня не такъ удовлетворила работа, какъ ярко-красный цвѣтъ лампасовъ и отворотовъ. Наконецъ-то я генералъ, и всѣ это будутъ знать. Вы не можете понять этого чувства, не испытавъ его сами. Желаніе показать себя кому-нибудь въ новомъ нарядѣ заставило меня позвать Юнъ-хо-Сана...

„Онъ вошелъ въ комнату и, увидѣвъ меня въ пальто, улыбнулся.

„— Ты понимаешь, кто теперь предъ тобою?—спросилъ я китайца.

„— Какъ же, какъ же—я видѣлъ такихъ много.

„— Какъ много? Вѣдь я—генералъ, а ты знаешь, что̀ это такое?

„— Судьба!

„— Судьба!? Нѣтъ, не судьба, а заслуга—вотъ что̀! отвѣтилъ я сердито.

„— Воля дракона. Одному ходить въ красныхъ штанахъ, а другому въ одномъ халатѣ.

„— Ступай ко всѣмъ дьяволамъ, вмѣстѣ съ твоимъ дракономъ, дуракъ,—выругался я.

„Тутъ съ китайцемъ сдѣлалось небывалое. Его узкіе, косые глаза загорѣлись дикой ненавистью, лицо приняло землистый оттѣнокъ и стало похожимъ на морду дракона. Уставившись на меня, онъ вдругъ такъ захохоталъ, что я не выдержалъ и, схвативъ его за шиворотъ, выкинулъ изъ комнаты.

„Весь день Юнъ-хо-Санъ не показывался, и я, забывъ про случившееся, легъ спать въ самомъ благодушномъ настроеніи.

„— Вы знаете, я сплю очень чутко. Малѣйшій шумъ заставляетъ меня открывать глаза. И вотъ ночью я неожиданно проснулся. Мнѣ послышалось, что рядомъ въ столовой ходитъ, хлопая по полу когтями, не то курица, не то собака.

„Вставъ осторожно съ постели и вооружившись палкой, я отворилъ двери и отшатнулся.

„Прямо предо мною стоялъ огненный драконъ, но не маленькій, какъ на вазѣ, а громадный, величиною почти съ быка.

„Увидѣвъ меня, чудовище оскалило зубы и протянуло ко мнѣ когтистую лапу.

„Надо признаться, я здо̀рово струсилъ. Схвативъ машинально стоявшій у дверей стулъ, я со всего размаху бросилъ его въ дракона. Хотя я попалъ не въ него, а въ буфетъ, но чудовище сразу исчезло.

„Стукъ и звонъ разбитой посуды всполошили весь домъ, и черезъ мгновенье въ комнату вбѣжалъ денщикъ, а за нимъ со свѣчкой появился и Юнъ-хо-Санъ.

„Оба спросили меня, что̀ случилось.

„— Мнѣ показалось, что къ намъ забрались воры,—сказалъ я, не находя нужнымъ сообщать имъ, что̀ видѣлъ.

„Денщикъ бросился осматривать домъ, а китаецъ принялся собирать осколки всего мной уничтоженнаго.

„Когда столовая была приведена въ порядокъ, они ушли, а я, оставшись одинъ и немного успокоившись, пошелъ въ кабинетъ и съ нѣкоторой опаской приблизился къ вазѣ съ дракономъ.

„Взглянувъ на нее, я отъ удивленья чуть не вскрикнулъ.

„Дракона на вазѣ не было.

„Вы, конечно, думаете, что все это я видѣлъ во снѣ. Увѣряю васъ, другъ мой, что я не спалъ и былъ въ полномъ сознаніи. Заподозрѣвъ китайца въ подмѣнѣ вазы, я взялъ ее въ руки и сталъ тщательно разсматривать. Ваза была несомнѣнно та же, тотъ же рисунокъ и тѣ же драгоцѣнные камни, только пятиглаваго дракона на ней не было.

„Ну, если ты, чортовъ сынъ, можешь исчезать—я тебя выслѣжу",—рѣшилъ я, и, поставивъ вазу на колонну, я вокругъ нея насыпалъ песку изъ плевательницы. Песокъ я насыпалъ тонкимъ слоемъ по довольно большому пространству.

„Если ты къ утру вернешься на мѣсто, то слѣды твои, несомнѣнно, останутся. А, можетъ-быть, и слѣды китайца",—улыбнулся я своей сообразительности.

„Послѣ пережитыхъ волненій мнѣ было не до сна. Я забрался въ спальню, заставилъ, на всякій случай, двери комодомъ и просидѣлъ на постели до утра. Чуть только блеснули первые лучи солнца, я снова вошелъ въ кабинетъ.

„Драконъ былъ на мѣстѣ.

„Нагнувшись къ полу, я замѣтилъ на пескѣ слѣды его лапъ. Около колонны они были совсѣмъ маленькими, такой же величины, какъ лапы дракона на вазѣ, но дальше они постепенно увеличивались и достигали длины въ одну четверть. Лапы дракона были о четырехъ пальцахъ съ острыми и кривыми когтями.

„Я смелъ въ кучу песокъ и, не зная, что̀ дѣлать и чѣмъ объяснить происшедшее, кинулся къ вамъ. Вы человѣкъ ученый, кончили университетъ, и вамъ все понятнѣе и виднѣе. Какой факультетъ вы окончили?"

— Естественный. Я - химикъ.

— Жалко! Химія тутъ ни при чемъ.

— Вы правы, но, чтобы избавить васъ отъ безпокойства, помощь науки не требуется. Прогоните китайца, а вазу продайте. Вся чертовщина пропадетъ сразу.

— Что̀!? Продать вазу!? Да лучше пусть меня драконъ сожретъ, а съ такой рѣдкостью я не разстанусь.

— Тогда запрячьте ее подальше.

— Это вотъ дѣло! Что̀ же касается китайца, то онъ самъ исчезъ съ ранняго утра. Ну, прощайте! Чаю я не хочу, пойду домой и велю заколотить вазу въ ящикъ, да и гвоздей не пожалѣю. Вы однако у меня еще не были. Идемте-ка вмѣстѣ, а то вы, не знаю, когда соберетесь.

Подходя къ дому, въ которомъ жилъ генералъ, Князевъ невдалекѣ отъ воротъ увидѣлъ кучку китайцевъ.

Замѣтивъ среди нихъ своего знакомаго китайца-прачку, Алексѣй Петровичъ шутя погрозилъ ему пальцемъ.

III.

— Что̀ ты тогда у воротъ дѣлалъ, Му-ши? — спросилъ Князевъ, когда его прачка-китаецъ принесъ бѣлье.

— Нехорошее дѣло, ой, нехорошее! Намъ разсказывалъ про него Юнъ-хо-Санъ: драконъ въ домѣ полковника, ай-ай!

„Слуга дракона“. *Бой дракона со злымъ духомъ.* (См. стр. 782). *С. Лодыгинъ.*

— А гдѣ Юнъ-хо-Санъ?

— Поѣхалъ въ Пекинъ совѣтоваться съ бонзой.

— Не задумалъ ли онъ чего-нибудь противъ моего генерала?

— Безъ воли дракона людямъ ничего не сдѣлать.

— Ужъ не ему ли и ты поклоняешься?

— Драконъ управляетъ людьми. Это сама Судьба. А отъ нея куда дѣнешься?

— У насъ тоже говорятъ, что отъ судьбы не уйдешь, а поклоняются не судьбѣ, а Богу.

— Мы люди простые и вѣримъ во все, во что вѣрили отцы наши. Драконъ побѣдилъ шайтана, ему мы и служимъ,—нехотя отвѣтилъ китаецъ.—А я вотъ принесъ бѣлье и больше стирать не могу. Завтра я уѣзжаю. Ты давай пока работу моей сестрѣ, она будетъ къ тебѣ заходить. У меня дома хромой братъ есть. Они вдвоемъ все тебѣ сдѣлаютъ.

— Да какъ я узнаю твою сестру?

— Она здѣсь на дворѣ. Я тебѣ ее покажу.

Черезъ минуту китаецъ ввелъ въ комнату молоденькую дѣвушку.

— Вотъ Лянъ-ди, смотри! Ей можно вѣрить, она не обманетъ.

Алексѣй Петровичъ взглянулъ на китаянку.

Она, какъ всѣ жители Небесной Имперіи, была брюнетка, но глаза у нея были не каріе, какъ обыкновенно, а зеленые.

Взглянувъ на нее второй разъ, Князевъ слегка улыбнулся.

Дѣвушка напомнила ему одну изъ головъ дракона, которая была изображена на китайской вазѣ. Глаза были такіе же, и, когда Лянъ-ди улыбалась, они сверкали такимъ же зеленымъ блескомъ.

Получивъ за бѣлье деньги, китайцы ушли.

Черезъ нѣсколько дней дѣвушка пришла одна, но такъ какъ мыть было нечего, она попросила другой работы. По-русски она говорила плохо, но Алексѣй Петровичъ, съ помощью знаковъ и нѣсколькихъ знакомыхъ ему китайскихъ словъ, объяснялся съ ней довольно свободно. Отъ дѣвушки онъ узналъ, что Юнъ-хо-Санъ—ея родной дядя, и что братъ уѣхалъ въ горы на праздникъ. Въ горахъ есть мало извѣстная пагода, куда собираются разъ въ годъ поклонники дракона и приносятъ ему жертвы.

Полученныя отъ Лянъ-ди свѣдѣнія Князевъ не замедлилъ передать генералу.

— Давно знаю про это, другъ мой,—тяжело вздохнувъ, отвѣтилъ тотъ.—Поклонники дракона, это—незначительная, мало извѣстная въ Китаѣ секта, и къ ней принадлежитъ Юнъ-хо-Санъ. Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Но странно одно, что съ тѣхъ поръ, какъ отъ меня ушелъ этотъ китаецъ, я потерялъ спокойствіе. Предчувствіе несчастья и непонятная тоска одолѣваютъ меня. Вы знаете, я не—трусъ, но по временамъ на меня нападаетъ такой безотчетный страхъ, что я не знаю, куда отъ него дѣваться. Вы бы почаще ко мнѣ приходили. Давно я живу одинъ и привыкъ къ одиночеству, но теперь оно наводитъ меня на грустныя размышленія. На кого чорта, съ позволенья сказать, копчу я небо. Кому я нуженъ? Отечеству, казалось мнѣ иногда, но это только казалось. Личное мое „я"—не нужно. Умру, меня сейчасъ же замѣнятъ другимъ, а черезъ мѣсяцъ совершенно забудутъ. Помните застольную пѣсню: „...умрешь,—похоронятъ, какъ не жилъ на свѣтѣ"... Сколько въ этомъ правды!

— Вы что-то сегодня въ меланхоліи?

— Не сегодня только, а все послѣднее время. Кстати о дѣлѣ. Я написалъ завѣщанье, по которому всѣ мои вещи оставляю вамъ. Вы хотя китайщины не любите, но, по крайней мѣрѣ, понимаете, что она представляетъ собою цѣнность. Деньги я оставилъ племянницамъ. Вотъ-то обрадуются!

— Да вы что? Раньше времени умирать собираетесь?

— Пока еще не собираюсь, но военный всегда долженъ быть готовъ къ послѣднему бою.

Бесѣда съ генераломъ произвела тяжелое впечатлѣніе на Алексѣя Петровича, и онъ рѣшилъ навѣщать его чаще.

Разсмотрѣвъ, во время своихъ посѣщеній, китайскую вазу, Алексѣй Петровичъ понялъ всю ея художественную цѣнность и нерѣдко, стоя предъ колонной, любовался древней курильницей.

— Не знаю, сколько ей лѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, художникъ, составившій рисунокъ для вазы, былъ человѣкомъ культурнымъ,—обратился къ Князеву генералъ, заставъ его какъ-то предъ колонной.

— Несомнѣнно, но меня въ особенности поражаетъ человѣческое выраженіе глазъ у драконовъ и большое сходство между всѣми пятью головами.

— Вы что жъ хотѣли, чтобъ одинъ драконъ былъ похожъ на быка, а другой—на лягушку?

— Выдумаете тоже! По-моему, художникъ добивался сходства нарочно. Вѣроятно, онъ преслѣдовалъ какую-нибудь особую цѣль.

— Все можетъ быть. А что ваша китаянка?—вдругъ спросилъ генералъ.—Часто вы съ ней видитесь? Смотрите, не влопайтесь.

— Удивительно милое существо!

— Существо!?—Говорите прямо—хорошенькая дѣвушка.

— Съ этой точки зрѣнія Лянъ-ди меня совершенно не интересуетъ.

— Такъ я и повѣрилъ. Нашли дурака. Чего жъ она у васъ постоянно торчитъ?

— Я учусь говорить по-китайски.

— Знаю я это. Въ молодости мнѣ тоже пришлось брать уроки французскаго языка у одной иностранки, но кончилось тѣмъ что я едва отъ нея отвязался.

— Со мной этого не случится. А я слышалъ, что вы получили командировку,—перемѣнилъ разговоръ Алексѣй Петровичъ.

— Не командировку, а ѣду съ докладомъ.

— Это вотъ хорошо! Вамъ нужно провѣтриться. Я съ удовольствіемъ прокатился бы.

— А меня эта поѣздка страшитъ. Какъ вспомню, что надо ѣхать, такъ сердце и заноетъ.

— Вы, кажется, съ начальствомъ въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Дѣло не въ начальствѣ. Тутъ совсѣмъ другое... Ну, да все равно.

IV.

— Ты знаешь,—случилось несчастье!—взволнованно сказала Лянъ-ди, входя въ комнату.

— Съ кѣмъ, гдѣ?..—вскрикнулъ встревоженно Алексѣй Петровичъ.

— Генералъ погибъ въ пламени дракона.

— Какія глупости!

— Про это до сихъ поръ еще никому неизвѣстно.

— А ты-то откуда знаешь?

— Отъ него,—дѣвушка быстро вытащила изъ-за ворота висѣвшаго у нея на шеѣ серебрянаго дракона.—Видишь—онъ почернѣлъ. А это не къ добру.

— При чемъ же тутъ генералъ?

— Я слышала, онъ оскорбилъ дракона.

— Пустяки!.. Скажи-ка лучше, гдѣ теперь Юнъ-хо-Санъ?

— Онъ изъ Пекина еще не вернулся. А ты пойди и узнай—вѣрно сказала я или нѣтъ.

— Да тебѣ-то не все ли равно, живъ мой родственникъ или умеръ?

— Его я никогда не видѣла, а къ тебѣ я привыкла и хочу, чтобы драконъ былъ къ тебѣ милостивъ.

— Я и такъ вполнѣ счастливъ.

— Пока молодость не прошла, всѣ люди довольны, но надо, говорятъ, думать о будущемъ, а оно зависитъ отъ воли того, кому мы поклоняемся.

— Какая ты умная! Ай да Лянъ-ди! Говоритъ, совсѣмъ какъ ученый бонза.

Дѣвушка покраснѣла.

— Ты надо мною не смѣйся. Не сегодня такъ завтра узнаешь, что ваза съ дракономъ со вчерашняго дня—твоя.

— Ты и это знаешь!?

— Мы—слуги дракона, и намъ все извѣстно.

Увѣренный тонъ китаянки, которымъ она произнесла послѣднія слова, невольно подѣйствовалъ на Князева. Онъ серьезно взглянулъ на дѣвушку и, молча взявъ въ руки фуражку, отправился въ штабъ. Тамъ никакихъ свѣдѣній о возвращеніи генерала не было. На вокзалѣ, куда Алексѣй Петровичъ вслѣдъ за этимъ отправился, ему сказали, что въ скоромъ поѣздѣ сгорѣлъ одинъ изъ вагоновъ.

По наведеннымъ далѣе справкамъ оказалось, что родственникъ его погибъ во время пожара въ вагонѣ: онъ задохся отъ дыма.

Изъ протокола о смерти, полученнаго черезъ нѣсколько дней, Алексѣй Петровичъ, вмѣстѣ съ другими подробностями, узналъ, что, при осмотрѣ тѣла покойнаго, врачъ обнаружилъ на груди генерала страннаго вида ожоги. Всѣ они были одной формы и походили на отпечатокъ лапы неизвѣстнаго врачу животнаго.

Лапа была о четырехъ пальцахъ, съ острыми и кривыми когтями.

V.

Прослуживъ, послѣ загадочной смерти своего родственника, еще около полугода, Алексѣй Петровичъ рѣшилъ бросить военную службу на Дальнемъ Востокѣ и перебраться въ столицу.

Безпокоясь о дальнѣйшей судьбѣ дѣвушки, Князевъ какъ-то попросилъ ее привести къ нему Юнъ-хо-Сана.

— Онъ у тебя будетъ, ты былъ ко мнѣ всегда ласковъ,—отвѣтила она.—Другой поступилъ бы не такъ. Вѣдь я только бѣдная дѣвушка, которой очень нужны деньги. А ты мнѣ, какъ отецъ. Юнъ-хо-Санъ это знаетъ.

— Скажи ему, что я вечеромъ дома.

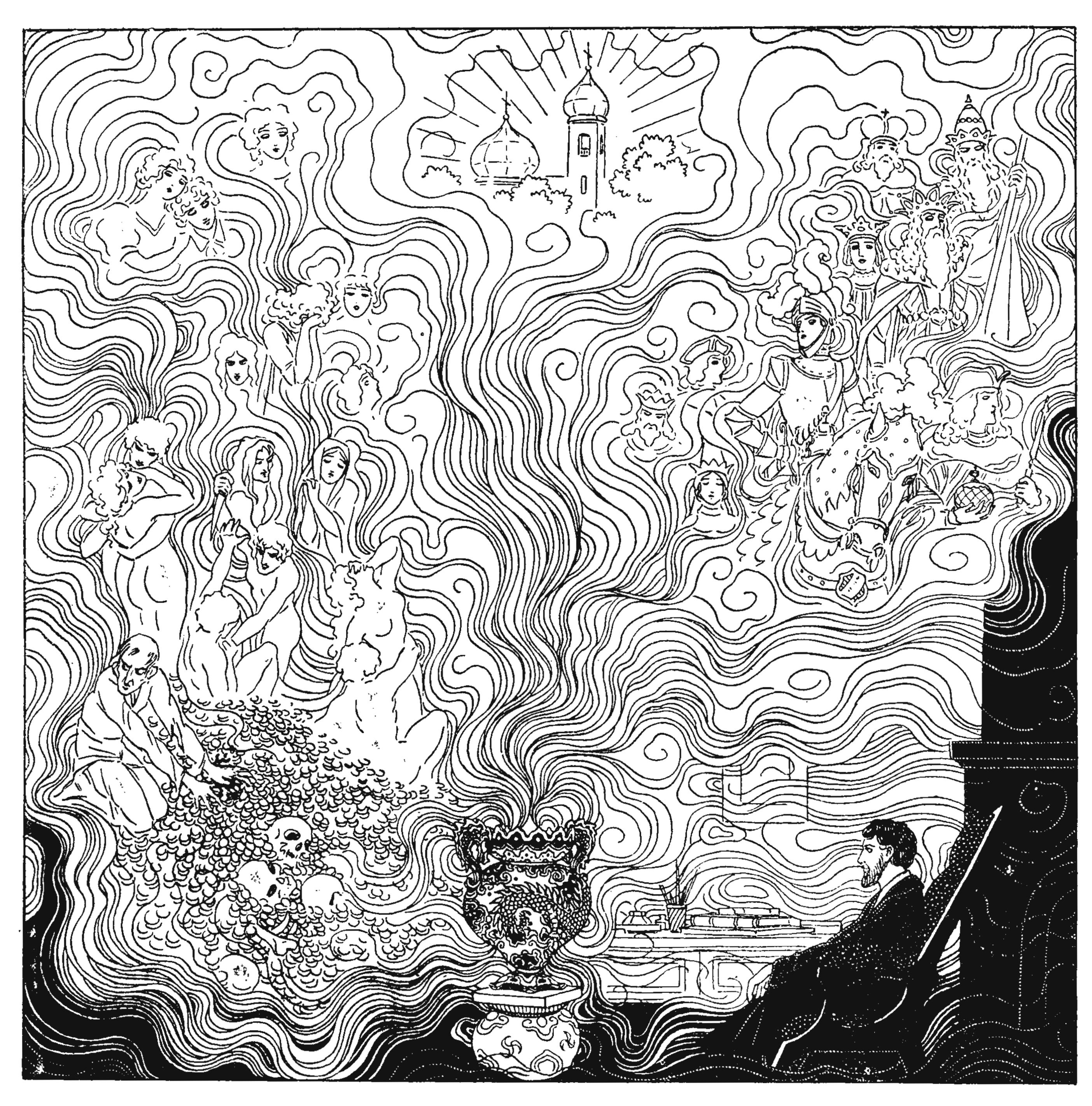
— Я тоже приду, можно?

Получивъ разрѣшеніе, въ которомъ она не нуждалась, такъ какъ обыкновенно по нѣскольку разъ въ день забѣгала къ поручику, китаянка ушла и вечеромъ, какъ только стемнѣло, пришла вмѣстѣ съ дядей.

— Она къ тебѣ очень привязана,—сказалъ Князеву Юнъ-хо-Санъ,—и ей безъ тебя будетъ трудно. Но Лянъ-ди умѣетъ работать. Она не пропадетъ. Спасибо, что ты не оставлялъ ея, пока меня не было. Она—дочь моей младшей сестры. Чѣмъ могу я тебѣ отслужить?

— Даже и благодарить не за что, но если ты хочешь доставить мнѣ удовольствіе, скажи: почему ты поклоняешься дракону?

— Какъ не поклоняться ему, когда онъ всѣмъ управляетъ,—отвѣтилъ китаецъ.—Если бы Ши-хуанъ-ди, нашъ богдыханъ, соорудившій Великую Стѣну, не приказалъ сжечь всѣ писанныя книги, то ты могъ бы провѣрить все, что услышишь. Но писанное сгорѣло, а то, что я разскажу, переходитъ у насъ изъ рода въ родъ.



„Слуга дракона“. *Видѣніе.* (См. стр. 783). *С. Лодыгинъ.*

„Когда изъ хаоса явился Духъ Жизни, Великій Тай-Цзи, все мужское—разумное отдѣлилось отъ женскаго—чувственнаго. Разумное поднялось наверхъ—образовалось небо. Женское опустилось внизъ—создалась земля.

„Отъ неба и земли возникъ Паньгу—первый небесный императоръ. Затѣмъ ужъ отъ него пошли властители. Прежде небесные, потомъ земные, а далѣе царемъ сталъ человѣкъ. Онъ и его потомки не обладали силой, и царство захватила семья драконовъ. Ихъ было пять—всѣ братья.

„Мужское снова было во главѣ, то-есть небесное, и вся страна, Тьянь-Чао, стала „Страной Небесной“.

„Драконы управляли мудро, но злому духу не того хотѣлось, и вотъ что̀ онъ задумалъ.

„Въ трехъ царствахъ младшихъ братьевъ онъ убѣдилъ народъ отбросить разумъ и подчиниться чувству. Вмѣсто драконовъ онъ посовѣтовалъ служить царицамъ.

„Его послушались.

„Каждый народъ избралъ по женщинѣ, ей подчинялся и съ нею предавался радостямъ.

„Царицы были всемогущи.

„Дѣтей своихъ онѣ давали женщинамъ народа, и женщинъ всей страны едва хватало, чтобъ ихъ кормить.

„Роптали дѣвушки, роптали жены.

„Въ четвертомъ царствѣ, когда мужчины вздумали избрать себѣ владычицу, всѣ женщины ушли въ лѣса, и выбрать было некого. Мужчины кинулись за ними, и царство опустѣло. Въ лѣсахъ пришлось скитальцамъ голодать, и стали люди злы, какъ звѣри.

„Когда такимъ путемъ въ странѣ порядокъ былъ нарушенъ, злой духъ торжествовалъ.

„Драконы, видя, что гибнетъ родъ людской, собрались, и старшій предложилъ изгнать шайтана. Но отъ борьбы съ злымъ духомъ братья отказались, и старшему изъ нихъ пришлось вступить съ шайтаномъ въ бой.

„Бой длился долго и былъ страшенъ.

„Отъ рева бьющихся дрожало небо, стонала жалобно земля.

„Вдругъ злобный духъ, сожженный пламенемъ дракона, упалъ на землю.

„Крикъ гордой радости пронесся надъ землей,—власть разума осилила.

„Для пользы родины драконъ рѣшилъ одинъ страною управлять. При немъ остались братья, но въ нихъ онъ уничтожилъ волю. Духъ Жизни требовалъ, чтобы они были наказаны и мучились въ сознаніи, что согрѣшили передъ нимъ, позволивъ слабымъ людямъ развить въ себѣ одни земныя чувства.

„Исполнивъ повелѣнье Тай-Цзи, владыка покарать людей за то, что слушались шайтана и позабыли разумъ. Царицъ и ихъ народы онъ превратилъ однихъ въ злыхъ пчелъ, другихъ же въ

муравьевъ и обезьянъ. А тѣхъ, кто по лѣсамъ скитался съ женами,—въ свирѣпыхъ тигровъ.

„Судьба и жизнь оставшихся непревращенными зависѣла лишь отъ дракона.

„Чтобы шайтанъ не могъ ихъ снова совратить, онъ назначалъ рождавшимся весь путь ихъ жизни.

„Кто недоволенъ былъ начертаннымъ путемъ и пробовалъ сойти съ него, тотъ погибалъ.

„Судьбой опредѣлялось все, предначертанья же ея были невѣдомы. Кто вѣрилъ искренно въ Судьбу и не роптал на всѣ ея удары, къ тому драконъ благоволилъ. Бѣднякъ вмигъ становился богачомъ, а погибающій спасался.

„Драконъ всѣмъ міромъ правитъ. Онъ—одинъ...

„Когда тебѣ въ смятеньи духа придется вопрошать Судьбу, зажги въ курильницѣ вотъ эти угли. Я ихъ принесъ изъ пагоды отъ бонзы. И явится тебѣ одинъ изъ слугъ дракона".

Вручивъ Алексѣю Петровичу плетеную изъ соломы коробочку Юнъ-хо-Санъ съ племянницей удалился.

VI.

Переселившись въ столицу, Князевъ отдался своему любимому занятію—химіи. Весь день онъ проводилъ обыкновенно въ лабораторіи, а по вечерамъ сидѣлъ дома и читалъ.

Неожиданно вспыхнувшая въ Россіи революція выбила Алексѣя Петровича изъ колеи, и ходъ жизни его былъ нарушенъ.

Онъ тревожно думалъ о переживаемомъ родиной времени и не могъ найти въ занятіяхъ успокоенья.

Неоднократно друзья уговаривали Князева бросить химію и принять участіе въ общественномъ движеніи. Они предлагали ему выступить представителемъ большой политической партіи и сулили блестящую будущность, но любовь къ чистой наукѣ постоянно удерживала его, и онъ не давалъ имъ положительнаго отвѣта.—„Подумаю",—обыкновенно говорилъ онъ товарищамъ и дѣйствительно мучительно думалъ и всей душой искалъ пути, на которомъ могъ бы принести родинѣ наибольшую пользу.

Какъ-то вечеромъ, во время долгихъ и тягостныхъ размышленій, Алексѣй Петровичъ неожиданно вспомнилъ разсказъ Юнъ-хо-Сана. Взглянувъ на стоявшую въ углу кабинета вазу, онъ принялся лихорадочно искать въ столѣ коробочку, которую много лѣтъ назадъ получилъ отъ китайца. Найдя ее, Князевъ разжегъ угольки и, недовѣрчиво улыбаясь, бросилъ ихъ въ курильницу. Сѣвъ затѣмъ поудобнѣе въ кресло, онъ съ нетерпѣніемъ сталъ наблюдать надъ изображеннымъ на вазѣ дракономъ. Но угли горѣли плохо, и драгоцѣнные камни, вставленные въ глаза чудовища, не оживлялись. Отъ долгаго и безплоднаго ожиданія вѣки Алексѣя Петровича сомкнулись, и онъ, утомленный долгой безсонницей, задремалъ.

Тонкій запахъ, свойственный только загадочнымъ странамъ востока, заставилъ его очнуться.

Предъ нимъ стояла женщина.

По искрящимся зеленымъ глазамъ онъ узналъ въ ней Лянъ-ди. Радостно протянулъ онъ къ ней руки, но въ это время по груди дѣвушки скользнулъ языкъ пламени, и она вспыхнула.

Огонь быстро распространился по комнатѣ, и черезъ мгновенье не стало потолка.

Надъ головой Князева висѣло темное небо, но знаменья Судьбы на немъ не было. На небѣ сверкала, объятая пламенемъ, китаянка.

— Я прислана дракономъ,—послышался ея голосъ.

Раздавшаяся за Алексѣемъ Петровичемъ странная музыка заставила его оглянуться.

Весело звенѣли гдѣ-то китайскіе колокольчики.

Какъ только онъ шевельнулся, небо и Лянъ-ди пропали, все приняло прежній видъ, и только музыка колокольчиковъ не прекратилась, а измѣнилась. Она проникала со всѣхъ сторонъ печальными серебристыми звуками и становилась яснѣе и громче. Мелодіи, конечно, не было, были лишь звуки, напоминавшіе собою журчанье ручья горькихъ слезъ, пролитыхъ въ минуты смятенья.

Князеву показалось, что слезы лились въ его комнатѣ.

Дѣйствительно, онѣ ее наполняли и поднимались все выше и выше.

Алексѣй Петровичъ думалъ, что въ нихъ захлебнется, но слезы дальше жизни не шли и, какъ море сомнѣній, заволновались.

— Что же мнѣ дѣлать? — вскрикнулъ онъ, судорожно всхлипывая.

— Гляди!—отвѣтилъ голосъ дѣвушки.

Море слезъ душевныхъ томленій покрылось густой бѣлой пѣной, такой же бѣлой, какъ погребальный саванъ. Неожиданно пѣна вздулась и окутала хлопьями голову Князева. Дышать было трудно—воздуха не хватало.

Тутъ море жизненныхъ переживаній немного спустилось, и въ хлопьяхъ, летѣвшихъ съ его головы, Алексѣю Петровичу показались тѣни властителей, когда-то гордыхъ и сильныхъ.

Таяли хлопья, падая въ пѣну, и таяли въ ней же владыки.

Въ морѣ надгробныхъ рыданій давно потонула ихъ мнимая сила, а то, что осталось отъ нихъ—ихъ истлѣвшія кости, море времени сравняло съ землей.

— Власть смерти—это власть, а всякая другая—заблужденье,—раздался голосъ.

Море слезъ красной жизни поднялось и подступило къ самому горлу Князева.

Онъ съ отвращеніемъ откинулъ голову.

Алой струей текла между пѣною кровь, а въ пятнахъ пѣны виднѣлись картины сомнительной радости и веселья. Онѣ были куплены золотомъ. Изъ-за него гибли люди, продавалась любовь, измѣняли друзья, шли грабежи и убійства.

Море страстей бушевало, и по нему катились волны изъ золота. Подъ ними бурлила кровь.

— Вотъ золото—оплата преступленій, — продолжала Лянъ-ди.

Тутъ изъ-за моря мыслей выплыли блѣдныя лица. Великіе люди мутнымъ туманомъ наполнили воздухъ. Ихъ туманъ покрылъ все. Многихъ дѣтей народа онъ сбилъ съ пути и заставилъ итти дорогою честолюбія. За туманомъ ихъ неудачныя жизни не были видны. Черезъ мгновенье туманъ разсѣялся и пропалъ. Съ нимъ исчезли блѣдныя лица, желавшія вѣчности.

— Вотъ слава человѣка,—вѣтромъ пронесся голосъ китаянки.— Чего ты хочешь: славы, золота или власти? О чемъ мечтаешь?..

— О родинѣ,—мысленно отвѣтилъ ей Князевъ.

Язвительный смѣхъ дѣвушки острой болью отозвался въ ушахъ Алексѣя Петровича, точно зазвонили въ нихъ колокольчики всѣхъ пагодъ въ Пекинѣ.

Долго и презрительно смѣялись они, пока въ углу комнаты не сверкнула маковка колокольни и не загудѣлъ съ нея тяжелый вздохъ русскаго колокола. Грузно ухнулъ онъ, и въ отвѣтъ на этотъ, родной Князеву, звукъ, въ сердцѣ его что-то поднялось, оборвалось, и душа его успокоилась.

Онъ радостно вздохнулъ и проснулся.

Предъ нимъ стояла китайская ваза.

Дракона на вазѣ не было.

Бросившись къ столу, на которомъ помѣщалась курильница, Князевъ увидѣлъ на немъ кипарисовый крестъ.

Имъ благословила его мать, когда онъ отправлялся въ Китай на усмиренье боксеровъ.

Родинѣ.

О, Русь моя! Родимая страна!
Люблю я нивъ твоихъ живое море,
Гдѣ острова—терпѣніе и горе,
А пристани—печаль и тишина.
Какъ будто не тебѣ вся ширь дана
Добытая въ бояхъ, въ орлиномъ спорѣ,—
Ты схимницѣ подобна на просторѣ,
Къ смиренію судьбой пріучена.
Какое счастье алчущую душу
Отдать тебѣ, спаять съ душой твоей!..
Бойца и пахаря, слѣпца, кликушу—
Пригрѣла всѣхъ ты на груди своей,
И только тѣмъ нѣтъ материнской ласки,
Кто правду ранъ твоихъ принялъ за сказки.

Алексѣй Липецкій.

Галльскіе рабы.

Стихотвореніе **Беранже** въ переводѣ **Василія Князева**

Посвящается Манюэлю *).

Однажды въ ночь, когда кругомъ все спало
Подъ низкій сводъ господскаго подвала
Прокрались галлы, бѣдные рабы,
Приниженные пасынки судьбы.
„Вино! Вино!"—толпа возликовала.
„Прочь зависть, братья!—закричалъ одинъ,—
„Рабъ—царь, когда не слышитъ господинъ.
Пей до отвала!
„Товарищи, вотъ бочки господина,
Но не смущайтесь, въ нихъ—родныя вина,
У насъ же силой взятыя въ тотъ часъ,
Когда въ неволю угоняли насъ.
Намъ на оковахъ время отмѣчало
Года ихъ сна;—созрѣлъ пьянящій ядъ!
Бездольные, бери свое назадъ.
Пей до отвала!
„Вы знаете ль, гдѣ скромныя могилы
Отдавшихъ родинѣ и жизнь и силы?
Ищи ихъ тамъ, героевъ славныхъ битвъ,
Гдѣ ни цвѣтовъ, ни вздоховъ, ни молитвъ...
Ихъ имена, звучавшія, бывало,
Какъ вешній громъ, отринули пѣвцы.
Пусть гибнутъ за отечество глупцы.
Пей до отвала!
„Еще устроитъ заговоръ свобода
Съ остаткомъ чести падшаго народа.
Она зоветъ: „Смотри, горитъ восходъ!
Заря надеждъ! Проснись и встань, народъ!"
Но не отыщетъ среди насъ вассала
Для подвига геройскаго она,
Насъ не подкупишь: слава намъ страшна!
Пей до отвала!
„Погибло все! Какія тамъ надежды!
Влачи покорно рабскія одежды!
Пусть тираніи молотъ закуетъ
На алтаряхъ низвергнутыхъ народъ!
„Богъ всемогущъ",—твердили намъ, бывало,
Его жрецы у храмовыхъ дверей:
„Впрягайтесь въ дышла колесницъ царей!"
Пей до отвала!
„Долой боговъ! Довольно быть барановъ!
Освищемъ мудрость, будемъ льстить тиранамъ,
Дадимъ въ заложники имъ сыновей:
Коль жизнь позорна, смерть... гдѣ ужасъ въ ней?
Пусть наслажденье отомститъ за галла,
Оно смягчаетъ тяжкій гнетъ судьбы.
Влачите весело ярмо, рабы!
Пей до отвала!"
Но господинъ, заслышавъ это пѣнье,
Другимъ холопамъ отдалъ повелѣнье
Разсѣять плетью опьянѣлый сбродъ:
„Въ бичи трусливыхъ и заткнуть имъ ротъ!"
Тиранъ грозитъ, а тотъ, кто встарь, бывало,
Міръ заставлялъ дрожать передъ собой—
Цѣлуетъ плеть... Рабы, не спорь съ судьбой—
Пей до отвала!
Другъ Манюэль, когда бъ ни вѣкъ нашъ черный,
Я не посмѣлъ бы пѣснею позорной
Смущать твой пламенный и честный пылъ,
Что насъ рабами жалкими накрылъ.
Но для страны растерзаннаго галла
Опасенъ онъ и гибелью грозитъ.
Рыдаетъ рабъ и все-таки твердитъ:
Пей до отвала!

Пѣвецъ свободы и любви.

Очеркъ П. В. Быкова.

(Окончаніе).

Глубокимъ трагизмомъ вѣетъ отъ пѣсни „Старый бродяга", котораго уходили горе, старость, злоба и шатанье впроголодь до гроба. „Думалъ и онъ прокормиться трудомъ и просилъ работы со слезами, но получалъ отказъ; изъ окошекъ ему, какъ псу, бросали кости. Воровать и грабить приходилось, да на сердцѣ совѣсть шевелилась". Попадалъ онъ за бродяжничество въ тюрьму. Думалъ попасть въ больницу не разъ. Но мѣста ему тамъ не было. И, разбитый жизнью, въ отчаяніи, онъ восклицаетъ:

Червь зловредный— я васъ безпокою?
Раздавите гадину ногою,
Что жалѣть — приплюсните скорѣй!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силѣ,
Вышелъ бы изъ червя муравей.
Я бы умеръ, братьевъ обнимая...
А бродягой старымъ умирая,
Призываю мщенье на людей!

А „Старый капралъ"? Нельзя безъ волненья читать этой пѣсни, гдѣ изображенъ старый, заслуженный солдатъ, бывшій въ походахъ, уже сѣдой. Молодой офицеръ оскорбилъ стараго, испытаннаго служаку, и тотъ ударилъ обидчика. Стараго капрала

*) Манюэль—извѣстный политическій дѣятель во времена Реставраціи, блестящій ораторъ. Въ стихотвореніи „Галльскіе рабы", написанномъ въ 1824 г., Беранже съ тонкой ироніей рисуетъ современную ему жизнь Франціи.

„Пѣвецъ свободы и любви". Молодежь Латинскаго квартала въ Парижѣ увѣнчиваетъ Беранже цвѣтами.

„Пѣвецъ свободы и любви“. Беранже среди героевъ его „Пѣсенъ“. Заглавный листъ его „Oeuvres Complètes“.

приговорили „для примѣра“ къ разстрѣлу, и онъ самъ ведетъ роту, которая должна его разстрѣлять... Вспоминаетъ, что былъ отцомъ для своей роты, вспоминаетъ походы, „время великой борьбы“ и, командуя, проситъ не плакать, итти ровно. Трогательныя слова этой пѣсни, въ превосходномъ переложенiи В. С. Курочкина, положены на музыку. И когда ихъ исполняетъ талантливый пѣвецъ, многiе не могутъ удержаться отъ слезъ.

Изобилiемъ мотивовъ, ихъ чрезвычайнымъ разнообразiемъ богатствомъ картинъ, историческихъ силуэтовъ, народныхъ сценъ, характеровъ, типовъ, въ связи съ легкой формой, благодаря которой такъ легко удерживается въ памяти почти каждое произведенiе французскаго поэта, пѣсни Беранже даютъ настоящее эстетическое наслажденiе и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно заставляютъ работать мысль. Кромѣ того, перечитывая длинный рядъ этихъ пѣсенъ, испытываешь цѣлую гамму всевозможныхъ переживанiй, и радостныхъ и печальныхъ, ощущаешь чувства, свойственныя не одной только нацiи, а всему человѣчеству, и живо сознаешь огромную силу, вѣющую отъ поэзiи народнаго пѣвца, призывавшаго къ миру, правдѣ, къ святому труду, стремившагося облагородить душу, разбудить дремлющую совѣсть.

Беранже—поэтъ всемiрный. Бартелеми де-Сентъ-Илеръ, французскiй критикъ, справедливо называетъ его великимъ. „Беранже,—замѣчаетъ онъ въ своей прекрасной характеристикѣ народнаго пѣвца,—владѣлъ въ совершенствѣ роднымъ языкомъ; онъ „какъ будто прибавлялъ новыя струны къ этому вѣчно улучшающемуся инструменту“. Узкую рамку пѣсни онъ расширилъ значительно, включивъ въ нее неисчислимое разнообразiе ритма, тона, манеры. При сохраненiи строгой точности и правильности склада стихотворной рѣчи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранилъ полную оригинальность, и его можно причислить къ числу классиковъ. Его нельзя отнести къ той или другой группѣ французскихъ поэтовъ, но если бы классификацiя явилась тутъ крайне необходимой, то Беранже слѣдуетъ поставить рядомъ съ Лафонтеномъ, съ которымъ онъ можетъ соперничать во многихъ отношенiяхъ, будучи равенъ съ нимъ своей мягкостью, независимостью, философскими воззрѣнiями и превосходя его искренней веселостью. Многими штрихами въ своихъ творенiяхъ онъ напоминаетъ Мольера, ибо нерѣдко однимъ ударомъ поражаетъ порокъ или безобразiе, имъ намѣченные, создавая жизненные типы, трудно забываемые. И еще въ Беранже виденъ лирикъ, котораго лиризмъ составляетъ главную силу его поэтическаго дарованiя и стоитъ на одномъ уровнѣ съ лиризмомъ древне-классическимъ. Классическаго образованiя поэтъ не получилъ и, несмотря на такой пробѣлъ, угадалъ красоты древнегреческой поэзiи и воспроизвелъ ихъ съ присущей имъ полной чистотою, являясь такимъ образомъ перевоплощенiемъ Тиртея, Анакреона, Горацiя.

Въ избранный имъ далеко не высокiй родъ поэзiи—въ пѣсню онъ внесъ столько своего, что сумѣлъ возвысить ее до степени величайшихъ творенiй. Благодаря избранной имъ поэтической формѣ, нѣсколько чистѣйшихъ лучей поэзiи озарило такiе низменные, темные слои общества, которые казалось, чуть не навсегда лишены были пониманiя сущности поэзiи.

Въ средѣ французскихъ писателей Беранже стоитъ какъ бы особнякомъ, какъ генiй, обогатившiй народную рѣчь, расширившiй границы своей родной литературы и обладавшiй всѣми прекрасными чертами чисто-французскаго ума, будучи лишенъ его недостатковъ.

Беранже, наконецъ, былъ не поэтомъ только, но и великимъ гражданиномъ и политикомъ. При этомъ для него поэзiя и политика не были сестрами, идущими рука объ руку, хотя и къ различнымъ цѣлямъ. Въ немъ политикъ и поэтъ—одно нераздѣльное цѣлое. Его пѣсни—орудiе борьбы, въ нихъ его краснорѣчiе—трибуна. Каждое событiе въ его родной странѣ заставляло биться сердце пѣвца одновременно съ сердцемъ всего народа. И радость народа и его горести, его негодованiе, даже предразсудки,—все находило въ немъ откликъ.

„Пѣвецъ свободы и любви“.—Иллюстрацiя къ стихотворенiю Беранже „Прости“.

Беранже воспѣвалъ все, что близко касалось народа, и пѣсни его, будучи эхомъ народнаго голоса, съ особенной силой звучали въ защиту общаго дѣла. Всю жизнь Беранже оставался вѣрнымъ показателемъ мыслей всего народа и выразителемъ его скорбей, его надеждъ въ извѣстные историческіе моменты. Исключительно въ себѣ самомъ находилъ Беранже опору своему гражданскому мужеству.

Патріотизмъ и безкорыстіе, безупречная жизнь, которую слѣдуетъ поставить въ образецъ новымъ поколѣніямъ, составляютъ вѣковѣчную заслугу Беранже. Онъ ярко отразилъ свои высокосимпатичныя черты гражданина и душевнаго человѣка въ своихъ пѣсняхъ, которыя потому и должны быть такъ цѣнны для каждаго мыслящаго человѣка, жаждущаго свободы и обновленія обветшалаго строя жизни, для каждаго, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Беранже, со своими пѣснями, долженъ быть дорогъ и намъ, русскимъ, потому что у насъ съ нимъ много общаго; особенно въ переживаемые нынѣ моменты нашей политической жизни. Его пѣсни, хорошо знакомыя намъ, благодаря блестящимъ переводамъ Курочкина, М. Л. Михайлова, Мея и другихъ, намъ не могутъ быть чужды. Читая ихъ, наше общество найдетъ много поучительныхъ для себя примѣровъ, пріучится къ гражданственности, отвыкнетъ отъ равнодушія къ событіямъ государственной важности. Придетъ время, нашъ пролетаріатъ дорастетъ до пониманія французскаго трудящагося люда, и тогда пѣсни Беранже проникнутъ и въ его среду.

Молитва.

Останови, Господь, движенье вражьей битвы!
Кровавый бой, Господь, останови!..
Услышь горячій вопль моей молитвы
И слабымъ намъ всесильный перстъ яви!
Рыданья матери... Ты слышишь эти слезы
И крикъ жены, оставшейся вдовой...
А сколькихъ ждутъ еще слѣпой судьбы угрозы...
Останови, Господь, кровавый смертный бой!..
Ты знаешь все, что для людей сокрыто...
Въ Твоихъ рукахъ и духъ и наша плоть...
Слезами скорбными земля уже полита
Кровавый бой, останови, Господь!..

Зинаида Ц.

Молитва. *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

Желающіе получать «Ниву» съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1918 годъ,** такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться разосланными** при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ **почтовыхъ переводовъ.**

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1918 г. см. на обложкѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина Сибиряка“ книги 59—60 и ежемѣс. иллюстр. прил. ДЛЯ ДѢТЕЙ № 12.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.